Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Часть 2 Шкафъ 19
Полка 5 № 6.

315 (1907
219.5
Б.

Изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ Шкафъ 19
Полка 5 № Б.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ
ВЪ
ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

СОСТАВЛЕНО

Г. Е. Грумъ-Гржимайло,

Дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,
Почетнымъ членомъ Королевскаго Нидерландскаго Географическаго Общества.

22779.

Томъ III

Вокругъ Куку-нора, черезъ Нань-шань, Бэй-шань и вдоль Восточнаго Тянь-шан'я обратно на родину

Съ картою на трехъ листахъ, 25 фототипіями и 29 цинкографіями въ текстѣ.

104
3 тома

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума.
1907.

Томъ III

ВОКРУГЪ КУКУ-НОРА, ЧЕРЕЗЪ НАНЬ-ШАНЬ, БЭЙ-ШАНЬ И ВДОЛЬ ВОСТОЧНАГО ТЯНЬ-ШАН'Я ОБРАТНО НА РОДИНУ.

Предисловіе къ третьему тому.

Съ выходомъ въ свѣтъ настоящаго тома я считаю свою задачу—дать очеркъ посѣщенныхъ экспедиціей частей Западнаго Китая—оконченной.

Читателю судить, на сколько она выполнена успѣшно, я же съ своей стороны могу лишь сказать — fecimus, quod potuimus — faciant meliora potentes.

Не слѣдуетъ однако упускать изъ вида тѣхъ неблагопріятныхъ условій, при которыхъ намъ приходилось работать: ничтожность имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи средствъ, недостаточное снабженіе экспедиціи инструментами, несвоевременное полученіе нами китайскаго паспорта, породившее множество недоразумѣній съ туземными властями, которыхъ, въ противномъ случаѣ, легко было-бы избѣжать, и т. д. Разработка собранныхъ матеріаловъ протекала также въ обстановкѣ, весьма невыгодно отражавшейся на успѣшномъ ходѣ этой работы: государственная служба и журнальныя занятія позволяли мнѣ удѣлять ей лишь рѣдкія минуты досуга. Независимо отъ сего, она прерывалась иногда на многіе мѣсяцы по причинамъ исключительнаго характера: такъ, 1893 годъ и первые мѣсяцы 1894 года ушли на порученное мнѣ министромъ финансовъ составленіе книги „Описаніе Амурской области“, большая часть 1903 года на предпринятую мною, по предложенію того же министра, поѣздку въ Западную Монголію и т. д. Все это въ совокупности затормозило появленіе настоящаго отчета на столько, что только теперь, шестнадцать лѣтъ спустя послѣ нашего возвращенія изъ Китая, я могу наконецъ поставить на немъ заключительную точку.

Я обращаю вниманіе читателя на приложеніе IV къ настоящему тому, въ которомъ исправляются вкравшіяся въ первые два тома погрѣшности и вносятся нѣкоторыя существенныя къ тексту ихъ дополненія.

Д. М. Позднѣевъ требуетъ отъ каждаго пишущаго о Китаѣ общепринятаго въ литературѣ начертанія китайскихъ словъ[1]). Не могу не признать этого требованія вполнѣ основательнымъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы никогда не выберемся изъ лабиринта искаженныхъ географическихъ именъ, въ коихъ иногда трудно отгадать настоящее наименованіе. Къ сожалѣнію, это вовсе не такъ легко выполнить путешественнику, незнакомому съ китайскимъ письмомъ, ибо уловить ихъ произношеніе далеко не всегда возможно; къ тому же съ китайскими наименованіями населенныхъ пунктовъ и урочищъ приходится зачастую знакомиться въ искаженной уже туземцами передачѣ. Да и мѣстные китайцы, въ особенности уроженцы провинціи Ху-бэй, какихъ не мало въ Синь-цзян'ѣ, передаютъ китайскія слова съ частой замѣной однихъ звуковъ другими; такъ, наичаще звуки *ч* и *с* передаются звукомъ *ш*, звукъ *ц* звукомъ *ч*, *цз—дж*, *х—с* и наоборотъ; дунгане явственно произносятъ *нянъ* вмѣсто *нань*, *лянъ* вмѣсто *лань*, *ы* вмѣсто *и*, а о тюркахъ и монголахъ и говорить уже нечего [2]). Насколько искажены были нами, по всѣмъ этимъ причинамъ, эти названія, показываетъ списокъ абсолютныхъ высотъ, приложенный къ I тому и опубликованный въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ." вскорѣ послѣ нашего возвращенія въ Петербургъ. Только постепенное ознакомленіе мое съ литературой о Китаѣ дало мнѣ возможность возстановить общепринятую транскрипцію большинства записанныхъ нами географическихъ именъ, и въ этомъ отношеніи второй томъ имѣетъ преимущество передъ первымъ, а третій передъ вторымъ, прилагаемые же при семъ три листа карты представляютъ сводку всѣхъ такихъ исправленій.

Согласно требованію устава Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, рукописный текстъ этого тома былъ мною представленъ на предварительный просмотръ г. вице-предсѣдателю Общества П. П. Семенову-Тяньшаньскому.

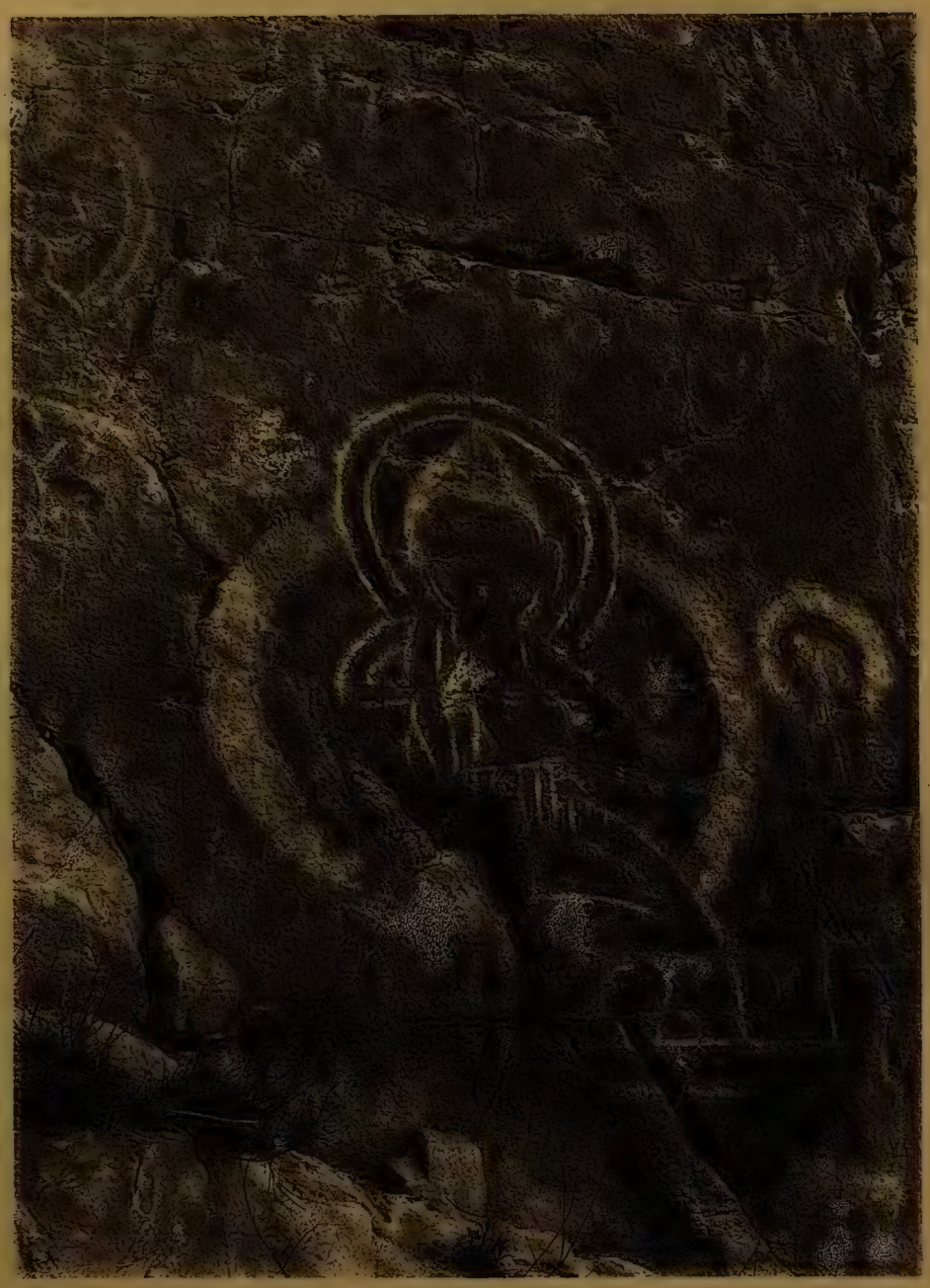
---

[1]) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1895 г., VI.

[2]) Примѣрами такого искаженія, вошедшими въ географическую литературу, могутъ служить: Пекинъ, Ала-шань (кит. Хэ-лань-шань), и мног. др.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.



Скала въ ущельи Ча-чжи съ изображеніемъ Будды, исполненнымъ красками. (Т. II. стр. 342.)

Фототипія В. Клавенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресвит. Н. Каминскій.

ГЛАВА I.

Изъ долины Желтой рѣки къ озеру Куку-нору и вдоль его южнаго берега.

Въ укрѣпленіе Чанъ-ху мы вернулись тою же дорогой, которой шли въ передній путь [1]). Переправившись черезъ Желтую рѣку [2])

---

[1]) Въ дополненіе къ тому, что сообщалось во второмъ томѣ настоящаго труда (стр. 374—379) о долинѣ Си-хэ (Муджика) я здѣсь замѣчу, что крайнимъ пунктомъ осѣдлости въ этой долинѣ служитъ пикетъ и при немъ селеніе Чанъ-хо-пу, и что высоты, опоясывающія съ юга циркообразную долину Гуй-дэ, носятъ названіе Ю-санъ-танъ. Что же касается города Гуй-дэ, то мнѣ остается сказать, что онъ основанъ былъ въ XIII столѣтіи и тогда же сдѣланъ былъ окружнымъ (Іакинфъ—„Статистическое описаніе Китайской имперіи“, II, стр. 316).

[2]) Верхнее теченіе Желтой рѣки извѣстно у монголовъ подъ именемъ Солома, у тибетцевъ—Ма-чу (пишется Рма-чу); монголы называютъ его также Алтынъ-голъ, но наименованіе это не прилагается, по свидѣтельству Рокхиля („Въ страну ламъ“, стр. 115), къ истоку. За послѣдній принимается рѣчка, берущая начало на плоскогоріи Тибета, въ пустынной, холмистой странѣ, лежащей къ югу отъ хребта Бурханъ-бода (Бурханъ-будда у Пржевальскаго). Пробѣгая по болотистой, испещренной небольшими водоемами долинѣ, именуемой китайцами—Синъ-су-хай, монголами—Одонъ-тола и тибетцами—Гарматанъ, что на всѣхъ трехъ языкахъ значитъ—„звѣздная долина“, она значительно обогащается водой и впадаетъ въ озеро Царинъ-норъ плёсомъ, имѣющимъ семь саженъ ширины. Озера Царинъ-норъ (Дзаринъ-норъ, Цака и Дзага-норъ) и Норинъ-норъ (Оринъ-норъ, Норанъ-норъ), лежащія на пути рѣки Хуанъ-хэ, представляютъ соединенные между собой протокой обширные резервуары прѣсной, прозрачной воды, расположенные на абсолютной высотѣ равной 13,500 фт. Кромѣ рѣки Соломы, они принимаютъ въ себя множество другихъ рѣчекъ, изъ коихъ рѣка Джагынъ-голъ, впадающая въ помянутую выше протоку съ юга и собирающая свои воды въ болотахъ До-жунъ и Дзульметанъ, является наиболѣе значительной. Изъ озера Норинъ-нора (согласно „Шуй-дао-ти-канъ“, въ XIII вѣкѣ бывшаго извѣстнымъ подъ именемъ Ала-нора; см. Рокхиль, ibid.), которое, повидимому, глубже Царинъ-нора и уже вблизи береговъ достигаетъ 15 саженъ глубины, Хуанъ-хэ изливается потокомъ въ 30—40 саженъ ширины при глубинѣ на бродахъ 3—4 фт. Только на протяженіи немногихъ верстъ она течетъ затѣмъ въ широкой долинѣ; далѣе же ее стѣсняютъ скалы, въ особенности хребетъ Амнэ-мачинъ, который и отбрасываетъ ее къ югу (эта часть теченія Хуанъ-хэ извѣстна у монголовъ подъ именемъ Катунь-голъ, у китайцевъ въ древности подъ именемъ Си-чжи-шуй). Обогнувъ помянутый хребетъ, рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ на сѣверъ и течетъ здѣсь въ узкой, глубокой долинѣ, поперекъ цѣлаго ряда кряжей широтнаго простиранія. Въ урочищѣ Балекунъ-гоми она поворачиваетъ на востокъ и, продолжая оставаться трудно доступной почти до г. Гуй-дэ-тин'а, къ этому послѣднему, какъ уже извѣстно читателю (см. т. II, стр. 369 и слѣд.), добѣгаетъ огромнымъ, быстро несущимъ свои воды потокомъ.

на этотъ разъ безъ всякихъ приключеній [1]), мы въ тотъ же день достигли устья рѣчки Карынъ, на берегу которой и заночевали. На слѣдующій день, т. е. 12 іюля, мы снялись съ бивуака

---

[1]) Того же не могу сказать про переѣздъ брата. Я уже выше (т. II, стр. 371) имѣлъ случай замѣтить, что на обратномъ пути ему пришлось переправляться черезъ Хуанъ-хэ на плоту изъ турсуковъ, и вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ событіи:

Отъ того мѣста, гдѣ мы вышли на Желтую рѣку, мы прошли вверхъ по теченію версты двѣ и стали приготовлять плотъ. Изъ тонкихъ, пальца въ два, жердочекъ была связана рама, въ видѣ рѣшетки; затѣмъ тибетецъ взялъ турсуки, сдѣланные изъ крупныхъ бараньихъ шкуръ, вывернутыхъ шерстью внутрь, причемъ я замѣтилъ, что шея и ноги у этихъ шкуръ были перевязаны; въ отверстіе одной изъ ногъ онъ сталъ надувать каждый изъ турсуковъ воздухомъ и кончилъ работу не прежде, какъ оба турсука были туго надуты. Шкуры были выдѣланы въ сыромять и сильно пропитаны жиромъ. Надутый турсукъ подводился подъ раму и привязывался за ноги къ перекладинамъ. Когда плотъ былъ готовъ, лошадей разсѣдлали и сѣдла и брезентные мѣшки размѣстили на немъ. Въ этотъ моментъ тибетецъ обратился ко мнѣ съ просьбою разрѣшить ему взять съ собой какого-то путника. Конечно, я согласился, хотя и не зналъ, какимъ образомъ мы будемъ переправляться. Наконецъ, настала и моя очередь садиться на плотъ. На всякій случай я снялъ сапоги, разстегнулъ тужурку, воротъ и рукава рубахи. Плотъ оказался страшно гибкимъ, но держался устойчиво. Я сѣлъ на сѣдло, а ноги поставилъ на деревянный переплетъ, такъ какъ турсуки ушли въ воду. Комаровъ такимъ же образомъ сѣлъ рядомъ со мной.

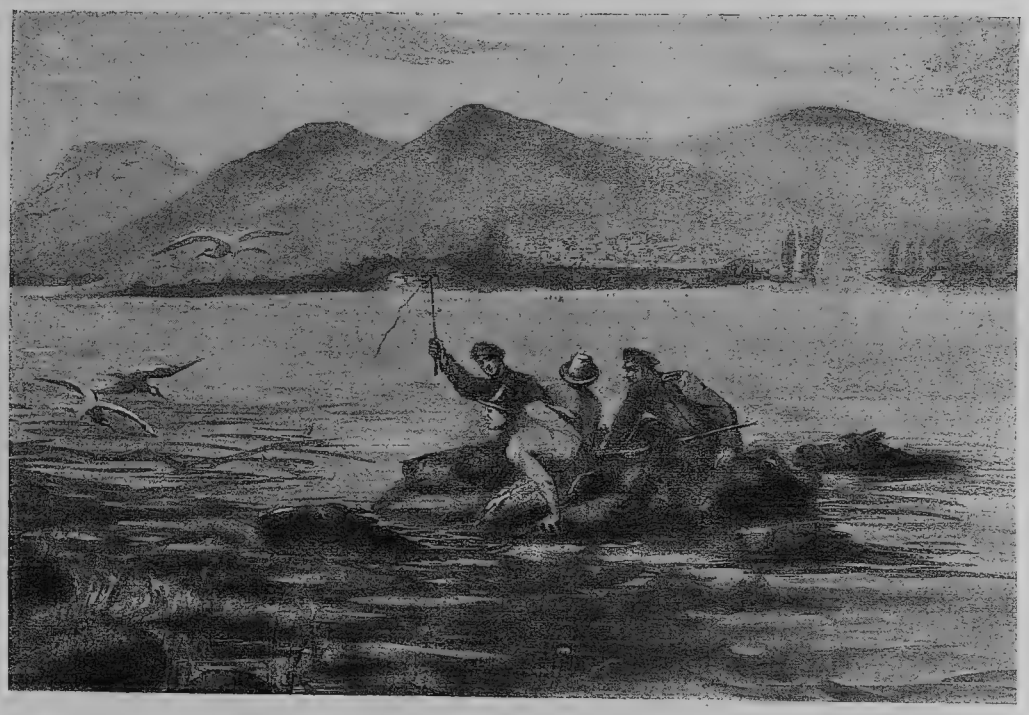
Нашъ плотикъ стоялъ въ заводи. Когда мы усѣлись, тибетецъ свелъ одну за другой всѣхъ лошадей въ воду и далъ поводья одной изъ нихъ Комарову, другой—спутнику, а третью взялъ себѣ и сталъ тихонько отводить плотъ отъ берега. Лошади пошли охотно въ воду. Вся задача состояла теперь въ томъ, чтобы вести ихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не подхватитъ теченіемъ, и тутъ повернуть ихъ головами въ сторону противуположнаго берега. Изъ трехъ лошадей только моя верховая, дойдя до соотвѣтственной глубины, выполнила заданную ей задачу; она рьяно принялась работать, и ея поводъ живо перехватилъ у Комарова тибетецъ-паромщикъ, который сидѣлъ на краю плота, спустивъ ноги въ воду; точно такъ же сидѣлъ и нашъ случайный товарищъ на углу по діагонали. Одна изъ лошадей все порывалась вылѣзть на плотъ, третья же плыла какъ-то совершенно безучастно.

Мы понеслись съ головокружительной быстротой. Вдругъ паромщикъ сталъ энергично стегать воду хворостиной, понукая лошадь. Я взглянулъ вправо и такъ и обомлѣлъ отъ испуга: мы стремительно неслись на камни, вокругъ которыхъ вода точно кипѣла... Лошадь—вожатый, сбитая быстриной, оказалась подъ плотомъ, и ея голова касалась турсуковъ, такъ какъ тибетецъ хотѣлъ первоначально направить ее отъ камней. Скажу откровенно—я струсилъ. „Сейчасъ опрокинемся!“ мелькнуло у меня въ головѣ, я живо скинулъ съ шеи ружейный ремень, а затѣмъ ухватился за одну изъ ногъ ближайшаго къ краю турсука. Вдругъ насъ точно подбросило кверху, еще моментъ—и я очутился по колѣно въ водѣ... Тибетецъ нырнулъ почти до плечъ... Еще толчекъ, и холодная волна окатила меня сзади... Плотъ повернуло какъ на оси... Паромщикъ что-то крикнулъ товарищу, и тотъ спрыгнулъ въ воду, ухватился за край плота и поплылъ. Видимо, лошадь не могла справиться съ теченіемъ и ей помогали выбраться. Еще два раза качнуло нашу утлую посудину, окативъ ее водой, и плотъ пошелъ плавно. Насъ, однако, теченіемъ отнесло какъ будто назадъ, къ серединѣ рѣки. Замѣтивъ это, паромщикъ бросилъ мнѣ поводъ лошади, а самъ сползъ въ воду и поплылъ, энергично работая одною рукой. Наконецъ, его усилія увѣнчались успѣхомъ—мы попали въ тихую струю—и оба туземца вылѣзли на плотъ. Здѣсь лошадь пошла, какъ слѣдуетъ. Черезъ минуту она нащупала дно, и поводья были брошены.

Такимъ-то образомъ совершилъ я свою переправу и, откровенно говоря, не стремлюсь повторить ее еще разъ. Тибетцы путешествуютъ, однако, по рѣкѣ еще проще. Они снимаютъ верхнее платье, обвязываютъ его вокругъ головы въ видѣ тюрбана, засимъ берутъ въ руки турсукъ и, поддерживая его въ водѣ при помощи лѣвой ноги и лѣвой руки вертикально, такимъ образомъ переплываютъ рѣку. Такихъ пловцовъ я видѣлъ человѣкъ пять, и всѣ они быстро и ловко справились съ стремнинами Хуанъ-хэ.

до восхода солнца въ томъ расчетѣ, чтобы пройти безплодное ущелье р. Карына, сложенное изъ кремнистыхъ пестрыхъ глинъ, раннимъ утромъ, и въ этомъ успѣли вполнѣ, такъ какъ солнце только что выкатилось изъ-за горъ, когда мы поравнялись съ первыми, принадлежащими неачжа'скимъ туфанямъ, полями уже на половину сжатой пшеницы.

Въ Чанъ-ху мы прибыли всего за четверть часа до пріѣзда туда же съ перевала Лянжа-сань брата, подтвердившаго, что состояніе здоровья казака Колотовкина замѣтно ухудшилось: появи-



Переправа на турсукахъ черезъ Желтую рѣку.

лись пролежни, больной потерялъ аппетитъ и часто впадалъ въ забытье. Когда я увидѣлъ его на слѣдующій день, то я понялъ, что настало начало конца.

Въ Чанъ-ху, ради Колотовкина, котораго мы осторожно снесли на носилкахъ съ вершины помянутаго перевала, мы простояли три дня; но за это время, не смотря на самый тщательный уходъ, онъ ослабѣлъ еще больше; начался бредъ. Мало по малу у всѣхъ членовъ экспедиціи сложилось убѣжденіе, что далѣе мы повеземъ съ собой лишь живой трупъ.

Наконецъ, 16 іюля, въ сѣрое ненастное утро, съ большой

тяжестью на сердцѣ и больнымъ на носилкахъ мы покинули Чанъ-ху и выступили по направленію къ озеру Куку-нору.

Нѣкоторое время мы шли вверхъ по рѣчкѣ Карыну, которая текла здѣсь въ крутыхъ глинистыхъ берегахъ, затѣмъ уклонились въ сторону и пологимъ логомъ взобрались на плоскій увалъ, съ котораго вновь спустились къ Карыну. Этотъ увалъ сложенъ былъ изъ красныхъ песчанистыхъ глинъ, мало отличавшихся по цвѣту отъ скалъ Сининскихъ Альпъ; послѣднія представляли, однако, обнаженія уже другой породы, а именно—краснаго аркозоваго песчаника. Слѣва, на правомъ берегу Карына, также высились красновато-сизыя горы—юго-восточный конецъ Жи-юе-шан'я, образованный главнымъ образомъ кристаллическими породами.

Дальнѣйшій нашъ путь пролегалъ вдоль р. Карына по мѣстности, изрытой оврагами. По дну нѣкоторыхъ изъ нихъ струились небольшіе ключи, стекавшіе въ Карынъ; такихъ ключевыхъ овраговъ мы насчитали три. Растительность здѣсь, какъ и на покатостяхъ горъ, была однообразной и скудной. Преобладалъ кипецъ (Festuca sp.), изъ-подъ котораго всюду просвѣчивала красная почва, и только въ углубленіяхъ почвы, на фонѣ мелкой сизо-зеленой травы, виднѣлись Saxifraga atrata, Primula gemmifera и какой-то Allium съ желтыми цвѣтами.

На 15-ой верстѣ отъ Чанъ-ху-пу мы пересѣкли дорогу, которой прошла въ г. Гуй-дуй экспедиція графа Сечени. Это—обычный караванный путь изъ-за Хуанъ-хэ въ Гумбумъ и Сининъ-фу. Здѣсь мы встрѣтились именно съ однимъ изъ такихъ каравановъ, везшимъ на якахъ шерсть изъ Гуй-дэ въ Лань-чжоу-фу [1]).

Онъ растянулся чуть не на цѣлую версту и состоялъ по крайней мѣрѣ изъ сотни животныхъ.

Въ караванѣ яки идутъ совершенно свободно, притомъ или разбредаются по сторонамъ дороги, часто останавливаясь для кормежки, или толпятся кучами, которыя въ большихъ караванахъ слѣдуютъ обыкновенно одна за другой съ значительными интер-

---

[1]) Вся шерсть изъ сѣверо-восточнаго Тибета (включая сюда и Амдо) распредѣляется между Сининомъ и Сунъ-пан'емъ. Количество шерсти, поступающее изъ Тибета въ Сининъ вмѣстѣ съ тѣмъ количествомъ ея, которое доставляетъ туда же населеніе какъ этой области, такъ и сосѣднихъ Куку-нора и Цайдама, достигаетъ 1½ милл. пудовъ въ годъ. Изъ этого количества на долю тонкорунной овечьей шерсти приходится свыше милліона пудовъ, а затѣмъ слѣдуютъ: волосъ яковъ и лошадей и шерсть верблюжья (Цайдамъ). Вся эта масса шерсти закупается въ Сининѣ агентами шести фирмъ: четырехъ англійскихъ, одной германской и одной русской. Всѣ эти агенты — китайцы (см. Ладыгинъ. „Нѣкоторыя данныя о положеніи торговли въ Ганьсу, Тибетѣ и Монголіи“ въ „Извѣстіяхъ Импер. Русск. Геогр. Общ.“, XXXVIII, стр. 463—464).

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Продавецъ хвороста.

Амдоскій пони.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Преемн. Н. Каминскій.

валами. Отъ такого безпорядочнаго движенія страдаетъ, конечно, прежде всего амбалажъ вьюковъ, въ особенности, если эти вьюки состоятъ изъ громоздкихъ твердыхъ предметовъ, а затѣмъ и содержимое ихъ; поэтому якъ, какъ караванное животное, служитъ главнымъ образомъ для перевозки лишь громоздкихъ малоцѣнныхъ товаровъ, не могущихъ пострадать отъ безпрестанныхъ ударовъ одинъ вьюкъ о другой. У Рокхиля, впрочемъ, имѣется указаніе, что въ бассейнѣ верхняго Янъ-цзы-цзяна на якахъ перевозятся огромныя партіи кирпичнаго чая, тщательно упакованнаго въ плетенки [1]). Легко себѣ представить, въ какомъ видѣ чай этотъ долженъ доходить до мѣстъ своего назначенія, если только яковый караванъ распускается тамъ такъ же, какъ и къ сѣверу отъ Желтой рѣки.

Отъ помянутой караванной дороги изъ Синина въ Гуй-дэ начался постепенный подъемъ на водораздѣлъ Хунъ-ё-цзы, подъ которымъ, на краю болотистой лужайки, дающей начало Карыну, мы и остановились [2]).

Спустившись на слѣдующій день съ водораздѣла, абсолютная высота коего превышаетъ 12,500 футовъ, мы вышли въ долину небольшой рѣчки Ашхань-фи [3]), стекавшей съ хребта Жи-юе-шань, который казался отсюда и выше и массивнѣе отступившаго къ сѣверу Си-нинъ-шан'я; нѣкоторыя вершины его были даже покрыты снѣгомъ, можетъ быть, впрочемъ, выпавшимъ лишь наканунѣ.

Перевалъ Хунъ-ё-цзы сложенъ изъ красныхъ песчанистыхъ глинъ, содержащихъ крупную гальку; ниже же по р. Ашхань-фи почва получила болѣе темную окраску, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней стало попадаться все болѣе и болѣе валуновъ, которые, скатившись на дно многочисленныхъ рытвинъ и логовъ, пересѣкавшихъ дорогу, служили не малой помѣхой для ишаковъ, несшихъ носилки съ больнымъ Колотовкинымъ. Чтобы не задерживать движенія, я остался при этихъ носилкахъ и прибылъ на бивуакъ часа на полтора позднѣе главнаго каравана.

Долина рѣчки Ашхань-фи вскорѣ получила характеръ ущелья, а вмѣстѣ съ этимъ появился кое-гдѣ и кустарникъ: Spiraea, Salix,

---

[1]) „Въ страну ламъ". Перев. съ англ. подъ ред. В. К. Агафонова, съ предисл. и примѣч. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Прилож. къ журн. „Міръ Божій" за 1901 г., стр. 149.

[2]) Здѣсь, между прочимъ, были пойманы слѣдующіе новые виды чешуекрылыхъ: Grumia flora, Alph., Omorphina aurantiaca, Alph., Arctia sieversi, Gr.-Gr., и Dasorgyia alpherakii, Gr.-Gr.

[3]) Рѣчка эта упоминается въ китайскомъ дорожникѣ отъ Сининъ-фу до Лхассы („Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи", стр. 85).

Potentilla и другіе виды. Здѣсь же попался намъ первый полуэкзотическій видъ бабочки—Papilio paris, L. [1]).

Рѣчка Ашхань-фи первыя 18 верстъ до пикета Шала-хото течетъ прямо на западъ, но здѣсь круто поворачиваетъ на сѣверъ, затѣмъ на сѣверо-востокъ и, пробѣжавъ въ этихъ направленіяхъ около пяти верстъ, впадаетъ въ р. Дань-гэръ-хэ. Пикетъ Шала-хото расположенъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ долины среди циркообразнаго ея расширенія, изборожденнаго многочисленными рытвинами — руслами весеннихъ потоковъ [2]).

Въ Шала-хото стоитъ небольшой гарнизонъ — человѣкъ около 50 мѣстныхъ войскъ (луиновъ) подъ командой ю-цзи—офицера, имѣвшаго бѣлый хрустальный шарикъ на форменной шляпѣ. Онъ оказался человѣкомъ несообщительнаго характера и весьма скоро далъ намъ понять, что расчитывать на его помощь по пріисканію проводниковъ и переводчика съ китайскаго или монгольскаго языковъ на тибетскій мы не должны. Онъ ограничился лишь совѣтомъ ѣхать въ Дань-гэръ, гдѣ, какъ онъ доподлинно знаетъ, проживаетъ не мало людей, хорошо знакомыхъ съ областью Куку-норъ. Въ этомъ мы были и сами увѣрены, а потому рѣшено было, что братъ, проводивъ насъ до Ара-гола, на слѣдующій же день отправится въ Дань-гэръ-чэнъ.

Раннимъ утромъ 18 іюля мы тронулись въ дальнѣйшій путь тѣмъ же порядкомъ, какъ и наканунѣ—братъ при вьюкахъ, я же въ арьергардѣ съ больнымъ Колотовкинымъ. Близь пикета мы вышли на торную дорогу, ведущую изъ Дань-гэръ-чэн'а на южный берегъ оз. Куку-нора и извѣстную подъ именемъ Нань-коу—«южнаго прохода» черезъ хребетъ Жи-юе-шань [3]).

Подъемъ на этотъ хребетъ оказался очень пологимъ, а водораздѣлъ, при абсолютной высотѣ 11,650 футовъ [4]), относительно весьма невысокимъ. Почва его — песчанистая глина краснаго цвѣта, смѣнилась далѣе грунтомъ, весьма напоминающимъ лёссъ, но съ ясно кое-гдѣ выраженною слоистостью.

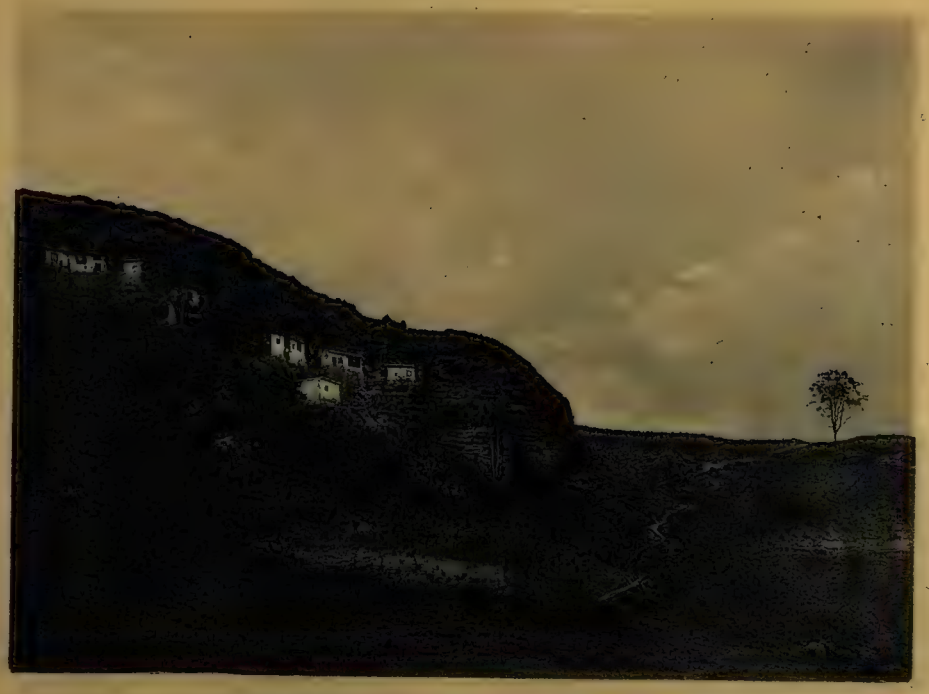
---

[1]) Не смотря на ненастье, на этомъ пути намъ попались и другіе интересные виды чешуекрылыхъ, въ томъ числѣ Colias eogene arida, Alph.

[2]) Абсолютная высота пикета—10,595 фт. (Futterer—„Durch Asien", III, III, стр. 108). Ниже пикета по рѣчкѣ Ашханъ-фи лежалъ нѣкогда городокъ Ши-пу-чэнъ. Китайцы нѣсколько разъ мѣняли его названіе. Основанный подъ именемъ Чжэнь-ву-цзюнь (при Танахъ), онъ затѣмъ былъ переименованъ въ Шэнь-ву-цзюнь, далѣе въ Тянъ-вэй-цзюнь и, наконецъ, въ Ши-пу-чэнъ.

[3]) Подробнѣе объ этомъ хребтѣ см. II т., стр. 338, 355—357.

[4]) Согласно Futterer'у („Durch Asien", I, стр. 279), абсолютная высота водораздѣла равняется 11,800 фт.



Келья монаховъ близъ Гумбума.

Водяная мельница.

Фототипія В. Киссинъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.
Правил К. Крминскій.

Съ перевала передъ нами открылась широкая, уходившая на сѣверъ за край горизонта, степная долина, залегающая между сравнительно невысокими и пологими горами на западѣ и болѣе круто приподнятымъ, на второмъ планѣ даже скалистымъ массивомъ хребта Жи-юе-шань на востокѣ.

Рѣчка Дао-танъ-хо [1]), орошающая эту долину, имѣетъ два истока; правый, болѣе значительный, беретъ начало въ восточныхъ горахъ [2]), изъ коихъ вырывается верстахъ въ девяти къ сѣверу отъ перевала потокомъ, имѣющимъ, при глубинѣ свыше одного фута, аршинъ 5 ширины, лѣвый въ горахъ къ западу отъ перевала [3]). Ниже рѣчка быстро мелѣетъ и мѣстами еле прокладываетъ себѣ русло среди ею же затопленныхъ береговъ.

Когда-то долина р. Дао-танъ-хо была довольно густо заселена; по крайней мѣрѣ, здѣсь мы встрѣтили остатки стѣнъ нѣсколькихъ не то импаней, не то туземныхъ байнаковъ или ханъсаровъ [4]).

Въ китайской лѣтописи мы находимъ слѣдующее указаніе, имѣющее, можетъ быть, отношеніе къ означеннымъ развалинамъ: «(Въ 1822 г.) въ лагерѣ Чжень-хай-инъ, какъ недалеко лежащемъ отъ кумирни Дангаръ [5]), мѣста торговаго и сборнаго, поставлено 900 солдатъ, въ Кара-кутэрѣ, какъ находящемся на большой дорогѣ—240 человѣкъ, и, наконецъ, въ Чаганъ-тологой, лежащемъ въ 70 ли къ юго-западу отъ Кара-кутэра, поставлено 1,000 человѣкъ» [6]). Къ сожалѣнію, окрестности Дань-гэр'а не настолько въ настоящее время изучены, чтобы можно было безошибочно опредѣлить мѣстоположеніе названныхъ пунктовъ. Что, однако, китайскія войска дѣйствительно не такъ давно стояли гарнизономъ въ долинѣ Дао-танъ-хо, это видно изъ слѣдующаго мѣста китайскаго дорожника: «Отъ Синина до лагеря Хара-куто (Шала-хото?)

---

[1]) У Пржевальскаго („Третье путешествіе въ Центральной Азіи", стр. 322)—р. Ара-голъ; согласно „Минъ-ши" (Отдѣлъ о Ва-ли и Да-дань)—р. Хоръ-хэ или Хоръ-бира (Успенскій—„Страна Кукэ-норъ или Цинъ-Хай" въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этн.", VI, 2, стр. 67; Поповъ—„Мэнъ-гу-ю-му-цзи" въ „Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этн.," XXIV, стр. 422, 437). Futterer, op. cit., I, стр. 279, называетъ ее также Дао-танъ-хо (Taotan-ho).

[2]) Горы эти сложены изъ сѣрыхъ гнейсовъ и метаморфическихъ сѣрыхъ сланцевъ.

[3]) Объ этомъ истокѣ Futterer (ibid.) пишетъ: „Ein mächtiges Bergmassiv liegt da, wo der Ursprung des Flusses zu suchen ist, zwischen den Bergen des Passes und jenen südlichen Bergen, die als östliche Ausläufer des Süd-Küke-nur-Gebirges anzusehen sind".

[4]) У Пржевальскаго такого рода сооруженія названы хырмами.

[5]) Кумирня, точнѣе—небольшой монастырь Дань-гэръ находится верстахъ въ шести отъ Шала-хото и расположенъ по склону горы, близъ сліянія р. Ашхань-фи съ р. Дань-гэръ-хэ. Къ нему примыкаетъ небольшое селеніе съ тѣмъ же названіемъ.

[6]) Успенскій, op. cit., стр. 195.

150 ли. По пути монастырь Дань-гэръ служитъ станціей. Отъ Хара-куто 20 ли до р. Хашиха, называемой также Ашихань-шуй (это несомнѣнно Дао-танъ-хо[1]). На этой рѣкѣ стоитъ гарнизонъ въ 800 человѣкъ»[2]). Современныя названія этихъ развалинъ, лежащихъ у подножія хр. Жи-юе-шань, слѣдующія: Цаганъ-чэнъ, Цзянь-цзюнь-тэ и Ху-тинъ-цзы. Какихъ либо осѣдлыхъ пунктовъ въ долинѣ Дао-танъ-хо въ настоящее время не имѣется; но стойбищъ кочевниковъ-тибетцевъ, хотя и небольшихъ (въ 3—5 дымовъ), мы встрѣтили здѣсь нѣсколько.

Могила казака Колотовкина.

Въ ожиданіи возвращенія брата изъ Дань-гэръ-чэн'а мы простояли на р. Дао-танъ-хо трое сутокъ. Впрочемъ, и помимо этой причины насъ приковалъ къ мѣсту Колотовкинъ, который тихо угасалъ на нашихъ глазахъ; его не стало въ 9 часовъ утра 19 іюля.

Я не буду останавливаться на послѣдующихъ минутахъ. Читателю и такъ должно быть понятно, что мы испытывали, роя на чужбинѣ могилу своему дорогому товарищу! Высокій крестъ высился уже надъ могильнымъ бугромъ, когда братъ вернулся изъ своей поѣздки въ Дань-гэръ. Онъ креста не замѣтилъ, но дога-

---

[1]) Какъ мы уже знаемъ, подъ именемъ Ашихань, Ашхань, извѣстенъ нынѣ притокъ р. Дань-гэръ-хэ, на которомъ расположенъ пикетъ Шала-хото.

[2]) Успенскій, op. cit., стр. 100.

дался о событіи по отсутствію на бивуакѣ палатки, выставлявшейся обыкновенно для Колотовкина.

— И такъ все кончено?

— Да, другъ мой, кончено...

Поѣздку брата въ городъ Дань-гэръ нельзя было назвать особенно удачной. Городскія власти, такъ радушно встрѣчавшія экспедицію два мѣсяца тому назадъ, на этотъ разъ, можетъ быть, вслѣдствіе внушеній изъ Синина, отнеслись къ ней не только сдержанно, но и враждебно. Впрочемъ, все, что требовалось, закуплено было братомъ безъ особой помѣхи, переводчика же онъ подрядилъ на обратномъ пути въ Шала-хото. Это былъ среднихъ лѣтъ весьма невзрачный дунганинъ, всю свою молодость проведшій среди тибетцевъ. Впослѣдствіи онъ оказался, однако, человѣкомъ неуживчиваго характера, и мы почувствовали большое облегченіе, когда надобность въ услугахъ его миновала, и намъ можно было, наконецъ, съ нимъ разсчитаться.

22 іюля мы покинули нашу стоянку на р. Дао-танъ-хо, оставивъ за собой свѣжую могилу и бѣлѣющій крестъ.

Нашъ путь лежалъ внизъ по названной рѣчкѣ, однако, въ сторонѣ отъ нея, ближе къ предгорьямъ Жи-юе-шаня, бѣдно поросшимъ степными злаками, среди коихъ особенно выдѣлялся чій (Lasiagrostis splendens). Чіевыя поросли одѣвали и почву долины Дао-танъ-хо, притомъ особенно густо на рубежѣ обычнаго рѣчного разлива. Въ предѣлахъ послѣдняго растительность носила уже иной характеръ и состояла почти исключительно изъ поемныхъ травъ.

Къ рѣчкѣ мы вновь подошли на 16-ой верстѣ; здѣсь дорога ее пересѣкла и далѣе шла уже вдоль лѣваго ея берега по топкому зеленому лугу.

Мы остановились при устьѣ Дао-танъ-хо, которая, не добѣгая до озера Куку-нора, образуетъ небольшое, заросшее водорослями прѣсное озеро [1]). Здѣсь мы добыли для орнитологической коллекціи Bubo ignavus, Ferst., Otocorys elwesi, Blanf., Melanocorypha maxima, Gould, Alauda arvensis liopus, Hodgs., Cotile riparia, L. и Podiceps cristatus, L.

На слѣдующій день мы вышли къ озеру Куку-нору.

---

[1]) Озерковъ въ устьѣ Дао-танъ-хо два: сѣверное имѣетъ около 4 верстъ длины и не болѣе одной версты ширины, южное значительно меньше. Обручевъ („Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань", II, стр. 106) говоритъ, что озера эти сообщаются съ Куку-норомъ протокой, но намъ видѣть ее не довелось.

Озеро это въ древности извѣстно было китайцамъ подъ именемъ Сянь-хай и Си-хай—Западнаго озера [1]). При Бэй-Вэйской династіи (съ 386 по 532 г.) наименованіе это было утрачено и замѣнилось точнымъ переводомъ съ монгольскаго—Цинъ-хай, что значитъ «голубое озеро»—Куку-норъ [2]). Въ Вэйской исторіи имѣется описаніе этого озера, причемъ приводимыя ею для двухъ скалистыхъ острововъ Куку-нора названія — Хуй-сунъ-тологой и Чаганъ-хада (Цаганъ-хада)—монгольскія, а не китайскія,—обстоятельство, вполнѣ подтверждающее вышесказанное предположеніе и служащее новымъ доводомъ въ пользу излагаемой мною далѣе гипотезы о монгольскомъ происхожденіи сянь-бійцевъ. Хуй-сунъ-тологой извѣстенъ у китайцевъ подъ именемъ «Лунъ-цюй-дао», т. е. острова драконовыхъ жеребятъ. Названіе это связано съ легендой, повѣствующей, что тугухуньцы разводили на немъ особую породу лошадей, отличавшуюся необыкновенно быстрымъ бѣгомъ. Весьма вѣроятно, что это и въ дѣйствительности было такъ, и что тугухуньцы пользовались этимъ уединеннымъ островомъ въ цѣляхъ сохраненія чистоты породы [3]). У ти-

---

[1]) Іакинфъ приводитъ въ „Статистическомъ описаніи Китайской имперіи“ (II, стр. 47) еще одно древнее названіе этого озера—„Би-хэ“, но мнѣ оно ни разу не попадалось.

[2]) Успенскій, ib., стр. 63, замѣчаетъ: „Названіе озера—Кукэ-номъ, нынѣ общепринятое въ Европѣ, есть несомнѣнно самое позднее и представляетъ дословный монгольскій переводъ китайскаго имени Цинъ-хай—„голубое озеро“, даннаго ему въ первый разъ при сѣверной Вэйской династіи“. Мнѣ кажется, что дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ, и что историки сѣверной Вэйской династіи заимствовали послѣднее наименованіе отъ тугухуньцевъ, властвовавшихъ надъ областью Куку-норъ съ 312 по 663 г.

[3]) Считаю не лишнимъ привести слѣдующую выдержку изъ китайской лѣтописи въ переводѣ Pfizmaier'a, дающую реальную основу вышеприведенной легендѣ: „Thu-ko-hoen erchielt einst ein p e r s i s c h e s Pflanzenpferd. Er trieb es in das Meer und es brachte dann ein hurtiges Füllen zur Welt. Dasselbe konnte in einem Tage tausend Li weit laufen. Deswegen nannte man es um die Zeit das hurtige Pferd der grünen Meeres“ („Die fremdländishen Reiche zu den Zeiten der Sui“ въ „Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, philos-hist. Classe“, B. 97, 1881, S. 445). См. также: Успенскій, op. cit., стр. 64; „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 420.

При условіяхъ степного хозяйства сохранить чистоту крови конской породы очень трудно. Уберегая свои табуны отъ примѣси вредной крови, хамійскіе князья держатъ ихъ въ уединенныхъ долинахъ; такъ же нѣкогда поступали и въ Турфанскомъ княжествѣ. Въ Кореѣ, по словамъ Oppert'a („A Forbidden Land: Voyages to the Corea“, стр. 153), особая порода сильныхъ и выносливыхъ лошадей разводится на островѣ Квельпартъ. Другой островъ Гринто (пров. Хоанъ-хэ-до) служитъ пастбищемъ для императорскаго табуна (газета „The Independent“ за 1897 годъ, № 50; цит. по сочиненію „Описаніе Кореи“, составленному въ общей канцеляріи министра финансовъ).

Но если тугухуньцы держали свой табунъ персидской породы лошадей на островѣ Цорнинъ, то это наводитъ на мысль, что по площади онъ былъ тогда больше теперешняго—выводъ, противорѣчащій гипотезѣ объ усыханіи среднеазіятскихъ озеръ, въ частности—Куку-нора.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Маньчжуръ.

Солонъ.

Сининскій китаецъ.

Фототипія В. Класонъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Преемн. Н. Каминскій.

бетцевъ островъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Цорнинъ; островъ же Чагань-хада подъ именемъ Цервареръ[1]).

Оз. Куку-норъ во всемъ его объемѣ я увидѣлъ лишь на слѣдующій день, поднявшись на высокій отрогъ Южно-Кукунорскихъ горъ, извѣстныхъ у тибетцевъ подъ именемъ Танегма. Огромная площадь темносиней воды рѣзко выдѣлялась на золотисто-зеленомъ фонѣ степи, которая на сѣверо-востокѣ круто, на сѣверо-западѣ отложе взбѣгала на горы, служащія естественной гранью обширной озерной котловинѣ. Горы на сѣверѣ рисовались весьма отчетливо и на переднемъ планѣ казались массивнымъ и высокимъ золотисто-зеленымъ валомъ, на второмъ — темной грядой, надъ которой одинокимъ конусомъ высилась бѣлая вершина Баинъ-ула [2]). За этой грядой виднѣлись еще горы, но онѣ уже едва выдѣлялись изъ общаго сизоголубоватаго тона дали, да и то благодаря лишь ярко-бѣлой полоскѣ вѣнчавшаго ихъ вѣчнаго снѣга. Въ общемъ—величественная картина, которая много выигрывала отъ необыкновенно прозрачнаго воздуха и совершенно яснаго неба, съ котораго потоками лился свѣтъ даже въ самые отдаленные уголки горизонта.

Широкая, хорошо наѣзженная дорога, идущая вдоль южнаго берега озера Куку-нора, слѣдуетъ почти параллельно гребню Южно-Кукунорскаго хребта, въ зависимости же отъ береговыхъ извилинъ то приближается къ урѣзу воды, то отклоняется отъ него, никогда, однако, на столько, чтобы урѣзъ этотъ исчезалъ совершенно изъ виду; этому способствуетъ, впрочемъ, то обстоятельство, что въ такихъ мѣстахъ дорога проходитъ на высотѣ 50—100 футовъ надъ поверхностью озера.

Уровень Куку-нора, опредѣленный нами при устьѣ рѣчки Хара-мори, нѣсколько десятковъ шаговъ не доходя до урѣза воды, выразился цифрой—11,207 фт. надъ уровнемъ океана. Тотъ же уровень опредѣленъ былъ экспедиціей графа Сечени въ 10,981 фт. [3]),

---

[1]) Какъ называютъ они озеро, осталось намъ неизвѣстнымъ, Крейтнеръ же („Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien“, I, стр. 182) и Рокхиль (ib., стр. 83) даютъ ему не вполнѣ одинаково звучащія тибетскія наименованія — „Zongchom-bo“ и „Цо-онь-бо“. Изъ нихъ точнѣе послѣднее (см. „Географія Тибета“ Миньчжулъ Хутукты, перев. съ тибетскаго Васильева, гдѣ Куку-норъ именуется „Цо-Нгонь-бо“). Пржевальскій называетъ его „Цокъ-Гумбумъ“.

[2]) Не эту ли гору китайская лѣтопись называетъ Амуни Тянь-цинъ-чагань (цаганъ)? О ней говорится, что она имѣетъ чрезвычайно высокій пикъ, безснѣжный, но бѣлый, какъ снѣгъ (Успенскій, op. cit., стр. 65).

[3]) „Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien“, I, S. 70.

Рокхилемъ въ 10,900 фт., Футтереромъ въ 10,680 фт. [1]), но при условіяхъ, близкихъ къ нашимъ, въ 10,925 фт., Пржевальскимъ въ 10,800, 10,700 и 10,600 фт. и Потанинымъ въ 10,522 фт. Такая значительная разница въ опредѣленіяхъ абсолютной высоты уровня Куку-нора должна быть отнесена къ ошибкамъ наблюденія и несовершенству инструментовъ; однако, не безъ нѣкотораго значенія для результатовъ такихъ опредѣленій остается и то обстоятельство, что Пржевальскій и Потанинъ производили ихъ ранней весной, на льду озера, т. е. во время самаго низкаго уровня его водъ, Крейтнеръ въ началѣ іюля, мы же въ концѣ этого мѣсяца, когда всѣ рѣки и рѣчки бассейна оз. Куку-нора несли въ него наибольшее количество воды [2]).

Сѣверное заложеніе Южно-Кукунорскаго хребта противъ восточнаго конца оз. Куку-нора не превосходитъ пяти верстъ, далѣе же къ западу оно постепенно увеличивается, достигая между рѣчками Чедиръ (у Пржевальскаго — Цайцза-голъ) и Хара-мори 15 верстъ; здѣсь хребетъ получаетъ весьма массивныя формы, хотя относительная высота его надъ уровнемъ озера и остается прежней— отъ 3,000 до 4,000 фт. Снѣговыхъ вершинъ въ немъ нѣтъ вовсе, но гольцы виднѣются на всемъ его протяженіи; издали они имѣютъ лиловато-сѣрый цвѣтъ и, какъ кажется, сложены цѣликомъ изъ известняковъ [3]). Ниже гольцовъ очень рѣдко можно видѣть типичный альпійскій лугъ; въ большинствѣ же случаевъ подошва ихъ упирается въ луговыя покатости, поросшія довольно разнообразнымъ кустарникомъ, среди коего преобладаютъ сперва Salix и Potentilla, а затѣмъ ниже — Spiraea и Caragana. Степныя травы появляются еще ниже; ихъ поясъ узкій и притомъ далеко не сплошной. Среди растеній этой полосы болѣе значительное распространеніе имѣетъ полынь и Acrocome janthina, Maxim., растущая большими колоніями преимущественно на тучныхъ почвахъ; засимъ, въ предгоріяхъ Южно-Кукунорскаго хребта мы застали еще въ цвѣту Aconitum gymnandrum, Maxim., Gentiana straminea, Maxim., Senecio campestris, DC., Oxytropis kansuensis, Bge., Tanacetum tenui-

---

[1]) Futterer „Durch Asien", III, III, стр. 156 и 110.

[2]) Однако, по даннымъ Роборовскаго („Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи", I, стр. 311), уровень оз. Куку-нора не превышаетъ 10,500 фт. даже лѣтомъ. Обручевъ („Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань", II, стр. 111) даетъ для этого уровня цифру, мало отличающуюся отъ цифры Потанина.

[3]) Впрочемъ, судя по матеріалу валуновъ, въ строеніи сѣверныхъ склоновъ Южно-Кукунорскаго хребта принимаютъ также участіе граниты (сѣрый и красный) и метаморфическіе песчаники и сланцы.

folium microcephala, Winkl., Sisymbrium humile, C. A. May., Allium tanguticum, Reg. (?), и нѣкоторыя другія травы. Въ порослякъ A. janthina держались во множествѣ Hypsophila grumi, Alph.; изъ другихъ встрѣченныхъ нами здѣсь видовъ чешуекрылыхъ заслуживаютъ упоминанія: Parnassius nomion nomius Gr.-Gr., Colias arida wanda Gr.-Gr., Argynnis eugenia rhea Gr.-Gr., Agrotis dulcis, Alph., A. islandica rossica, Stgr., Heliophobus grumi, Alph., H. anachoretoides, Alph., Trigonophora grumi, Alph., Monostola pectinata, Alph. и Cidaria phasma, Butl.

Первыя палатки тибетцевъ-панака встрѣтили мы лишь на третьемъ переходѣ вдоль южнаго берега оз. Куку-нора, за рѣчкой Хара-мори. У нихъ мы расчитывали купить барановъ, а при удачѣ найти среди нихъ и проводника въ область верховій р. Бухаинъ-гола; но надеждѣ этой не суждено было осуществиться, такъ какъ панака, пообѣщавъ доставить намъ барановъ на слѣдующій день, до свѣта откочевали неизвѣстно куда.

На ручьѣ Хара-мори мы дневали. Воспользовавшись этимъ, я совершилъ экскурсію въ горы и долиной помянутаго ручья поднялся до гольцовъ Танегма. Всѣ пастбища по пути оказались нетронутыми, да и съ высокой горы, на которую я взобрался, и откуда открылась необъятная панорама горъ и долинъ, я нигдѣ не обнаружилъ человѣческаго жилья. Тогда, помню, обстоятельство это несказанно меня удивило, впослѣдствіи же намъ довелось въ области Нань-шан'я и Куку-нора весьма часто пересѣкать обширные раіоны пустующихъ пастбищъ, при чемъ намъ каждый разъ говорили, что эти мѣста остаются незаселенными вслѣдствіе приказа изъ Пекина, гдѣ, будто-бы, вотъ уже нѣсколько лѣтъ разбирается о нихъ споръ между панака и монголами[1]).

27 іюля мы достигли западной оконечности озера Куку-нора, гдѣ и остановились на ключахъ въ урочищѣ Лянци-карла. Огибая сѣверный отрогъ хребта Танегма[2]), который отклоняетъ дорогу почти подъ прямымъ угломъ къ озеру, мы совершенно неожиданно столкнулись съ шедшимъ намъ на встрѣчу косякомъ дикихъословъ-кіанговъ (Equus kiang, Moorcr.), которые, завидѣвъ насъ, на мгновеніе остановились, какъ вкопанные, а затѣмъ, круто повернувъ обратно, бросились на утёкъ. Но было ужь поздно. Ка-

---

[1]) Самую интересную находку этой экскурсіи составляла ящерица—Phrynocephalus vlangalii, Strauch; ранѣе она попалась намъ только однажды, а именно, на р. Дао-танъ-хо.

[2]) Въ обнаженіяхъ этого отрога выступалъ красный гранитъ.

заки успѣли спѣшиться и дать залпъ; въ результатѣ же—убитый жеребецъ, великолѣпная шкура котораго и поступила въ нашу маммалогическую коллекцію.

Въ урочищѣ Лянци-карла мы не нашли тибетцевъ-панака; ихъ стойбище, какъ оказалось впослѣдствіи, находилось нѣсколько дальше, въ урочищѣ Карла-нангъ-чу, куда мы и перекочевали на слѣдующій день, пройдя всего лишь 15 верстъ.

Мѣстность между этими двумя урочищами изобилуетъ ключами и, за исключеніемъ двухъ глинисто-песчаныхъ гривокъ, пересѣкавшихъ дорогу одна въ 4-хъ верстахъ отъ урочища Лянци-карла, другая въ 11, поросла густыми, сочными луговыми травами; грунтъ кое-гдѣ былъ топкій, кое-гдѣ виднѣлся даже обросшій осокой кочкарникъ среди лужъ стоячей воды, но настоящихъ болотъ мы здѣсь не встрѣтили. Этотъ великолѣпный лугъ уходилъ къ сѣверу и западу за край горизонта, на востокъ же сбѣгалъ къ оз. Кукунору, и на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ не было видно даже признаковъ присутствія человѣка. Впрочемъ, поднявшись на вторую грядку холмовъ, протянувшихся къ озеру отъ Южно-Кукунорскаго хребта, мы замѣтили впереди, верстахъ въ четырехъ, дымокъ, а вскорѣ засимъ и три черныя палатки тибетцевъ. Къ нимъ-то мы и направились, рѣшивъ остановиться по сосѣдству съ этимъ стойбищемъ. Урочище, въ которомъ мы остановились, какъ упомянуто уже выше, называлось Карла-нангъ-чу.

Здѣсь мы узнали, что палатки тибетскихъ старшинъ (хонбу) Анярэ и Гулы остались у насъ позади, къ западу отъ дороги, и что безъ ихъ разрѣшенія никто не отважится идти къ намъ въ проводники или войти съ нами въ какую-либо торговую сдѣлку. Мы стали уже раздумывать, какъ намъ быть, когда замѣтили, что къ нашему бивуаку ѣдетъ нѣсколько человѣкъ тибетцевъ. Это и былъ старшина Анярэ съ своей свитой.

Онъ оказался сговорчивымъ малымъ и обѣщалъ доставить намъ всѣ необходимые намъ припасы, а равно барановъ и лошадь взамѣнъ павшей у насъ на р. Хара-мори. Убѣдить его дать намъ проводника было однако дѣломъ болѣе труднымъ, но и тутъ онъ въ концѣ концовъ не только согласился на это, но и самъ вызвался вывести насъ долиной Бухаинъ-гола на торную дорогу въ г. Су-чжоу.

Вечеромъ къ намъ явился посланный хонбу Гулы, передавшій намъ приглашеніе послѣдняго почтить его своимъ посѣщеніемъ. Мы обѣщали; но поѣхалъ лишь братъ, я же, по нездоровью, принужденъ былъ остаться.

Хонбу Гулы оказался радушнымъ хозяиномъ и отпустилъ брата лишь въ сумерки; а на слѣдующій день онъ посѣтилъ насъ, и такимъ путемъ между членами экспедиціи и тибетцами-панака установились отношенія, не оставлявшія желать ничего лучшаго.

Rockhill считаетъ панака—тибетцами, наиболѣе полно сохранившими свои первобытныя типическія особенности [1]). Такъ ли это—видно будетъ изъ данныхъ, излагаемыхъ въ слѣдующей главѣ, здѣсь же у мѣста будетъ остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ ихъ характера, быта и обстановки.

Жилищемъ панака, какъ и прочимъ тибетцамъ, ведущимъ кочевой образъ жизни, служитъ четыреугольная, съ почти плоской крышей, палатка, видъ которой издали миссіонеръ Гюкъ очень удачно сравнилъ съ громаднымъ чернымъ паукомъ, который прижался къ землѣ своимъ тѣломъ, выставивъ по сторонамъ длинныя и тонкія ноги. Эти ноги—толстыя волосяныя веревки, перекинутыя черезъ жерди и привязанныя затѣмъ на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи къ кольямъ; онѣ служатъ для натяженія плоской крыши, которая изнутри поддерживается тремя брусьями, по высотѣ лишь немногимъ превосходящими наружныя жерди. Веревокъ этихъ восемь: онѣ протянуты отъ четырехъ верхнихъ угловъ палатки и отъ середины каждой изъ четырехъ ея сторонъ. Въ центрѣ такой палатки сбивается изъ глины и камней очагъ, надъ которымъ въ крышѣ имѣется четыреугольное отверстіе, затягиваемое полостью на ночь и въ непогоду. Очагъ этотъ, длинный и узкій, состоитъ изъ топки и длиннаго дымохода, дающаго тягу, вполнѣ достаточную для того, чтобы безъ помощи мѣха разжечь даже сыроватый аргалъ. Вокругъ очага полъ обыкновенно устланъ шкурами и тюфячками изъ китайской дабы и овечьей шерсти. Предметы обихода и оружіе сложены вдоль стѣнъ; здѣсь же хранится и сухой аргалъ, обыкновенно прикрытый кускомъ шерстяной ткани. Я не видѣлъ большихъ запасовъ аргала въ палаткахъ, но Пржевальскій свидѣтельствуетъ, что въ холодное время года, въ видахъ защиты отъ вѣтра и снѣга (нижнія полы палатки хотя и притягиваются плотно къ землѣ, но не на столько, чтобы оградить ея внутренность отъ непогоды), изъ него складывается вдоль стѣнъ внутренній валъ. Такой же валъ дѣлается и снаружи, причемъ на плоскогоріи Тибета матеріаломъ для наружной защитной

---

[1]) „The Land of the Lamas"; „Notes on the Ethnology of Tibet" въ „Report of the U. S. National Museum", 1895.

стѣны служитъ камень и глина [1]). Большія палатки иногда перегораживаются вплотную пологомъ, но за этотъ пологъ мы не проникали и не знаемъ, что онъ за собой скрываетъ.

Утварь у тибетцевъ-панака, за немногими исключеніями, почти такая же, какъ у другихъ кочевниковъ; только котлы, въ Монголіи и у киргизъ обыкновенно чугунные, здѣсь чаще бываютъ мѣдные; сверхъ того, во всякой палаткѣ найдется ручная мельница для размола поджареннаго ячменя, и мѣха, которые представляютъ поддувальный снарядъ, сдѣланный изъ снятой дудкой шкуры барана или козла; ноги у такой шкуры почти вплотную отрѣзаются, въ отрѣзы заднихъ вставляются деревянныя рукоятки, въ отрѣзъ одной изъ переднихъ закрѣпляется коническая трубка, засимъ всѣ остальныя отверстія плотно зашиваются и поддувало готово; раздвигая рукоятки, въ мѣхъ вгоняютъ воздухъ, сводя ихъ и одновременно прижимая мѣхъ къ землѣ—гонятъ воздухъ въ сопло, притомъ на столько сильной струей, что съ ея помощью возможно разжечь даже сыроватый аргалъ.

Главною пищею тибетцевъ плоскогорія, пишетъ Пржевальскій [2]), служатъ бараны или, рѣже, яковое мясо, которое они довольно часто ѣдятъ сырымъ. Каждому члену семьи, а также и гостямъ, если они есть, хозяинъ бросаетъ, словно собакамъ или звѣрямъ, по куску, тутъ же отрѣзанному, сырой говядины; получившій же свою порцію вынимаетъ ножъ и начинаетъ съ жадностью ѣсть окровавленное мясо.

Такой отталкивающей картины намъ не довелось видѣть; наоборотъ, у тибетцевъ-панака намъ всегда подавали превосходно сваренное мясо и крѣпкій бульонъ. Равнымъ образомъ я не могу подтвердить замѣчанія Пржевальскаго объ отвратительной нечистотѣ, съ какой изготовляется у нихъ пища [3]). Конечно, посуда у тибетцевъ, какъ и у другихъ кочевниковъ, не блеститъ особой чистотой, руки стряпающихъ также могли бы быть много чище, однако, особой неряшливости именно при изготовленіи пищи я у нихъ не замѣтилъ. Скажу даже болѣе. Мнѣ довелось однажды присутствовать при варкѣ обѣда, и изъ того факта, что и посуда предварительно ополаскивалась и руки мылъ тотъ, на чью долю приходилось разрѣзать мясо барана, я вывелъ заключеніе, что па-

---

[1]) „Въ страну ламъ“, стр. 55.
[2]) „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки“, стр. 255.
[3]) „Монголія и страна Тангутовъ“, I, стр. 266.

нака присуще стремленіе къ чистотѣ, которому при кочевомъ образѣ жизни, конечно, далеко не всегда можно удовлетворить.

Я не скажу также, чтобы ихъ можно было упрекнуть въ «жадности». За обѣдомъ они держали себя съ достоинствомъ; да и вообще въ обращеніи съ нами проявили столько такта, что наше предвзятое представленіе о нихъ, какъ о дикаряхъ съ весьма неуравновѣшеннымъ характеромъ, очень скоро должно было разсѣяться.

Панака ѣдятъ часто, но понемногу. Обыкновенная ихъ пища состоитъ изъ кирпичнаго чая, приправленнаго солью и масломъ, ячменной поджаренной муки (дзамбы)[1]), кислаго молока (чжо) и сушенаго творога (чуры)[2]). Послѣдній растираютъ въ порошокъ и ѣдятъ съ масломъ и дзамбой. Чай кипятятъ недолго. Когда онъ готовъ, въ него подмѣшиваютъ соли, масло же кладется каждымъ въ свою чашку особо; когда оно достаточно распустится, его отгоняютъ къ борту чашки, всыпаютъ сюда же соотвѣтствующее количество дзамбы и, сдѣлавъ мѣсиво изъ муки, масла и чая, посылаютъ комокъ послѣдняго въ ротъ и запиваютъ его чаемъ. Мясо тибетцы-панака, какъ, впрочемъ, и другіе кочевники, ѣдятъ рѣдко, да и то лишь наиболѣе состоятельные изъ нихъ; они, однако, повидимому, очень гостепріимны и гостю, если онъ не заурядный посѣтитель, даже бѣдные подводятъ барана, котораго тутъ же, на его глазахъ, и закалываютъ.

Дать сколько нибудь вѣрную характеристику нравственнаго облика какой-либо народности на основаніи мимолетнаго съ нимъ знакомства, конечно, невозможно; тѣмъ не менѣе, я считаю не лишнимъ подѣлиться съ читателемъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвели на меня панака.

Они показались мнѣ грубыми въ обращеніи, рѣзкими въ движеніяхъ, но сдержанными въ выраженіи своихъ мыслей; ихъ готовность служить никогда не переходила въ искательство, и ни одного изъ нихъ я не могу обвинить въ лести, въ попрошайничествѣ или назойливости; радушіе, съ какимъ они насъ принимали, было, повидимому, вполнѣ искреннимъ, а не подсказывалось желаніемъ такимъ путемъ вызвать насъ на подарки. За все время нашего пребыванія среди нихъ у насъ не было случая какой-либо пропажи, изъ чего я вывожу заключеніе, что за панака утверди-

---

[1]) Кажется, правильнѣе было-бы писать „цзаньба“. См. „Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи“, перев. съ кит. (Іакинфъ), 1828, стр. 203.

[2]) У Futterer'a (op. cit., стр. 284) читаемъ—„Tschur-ma“.

22779.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

лась несправедливо репутація воровского народа; правда, они охотно предпринимаютъ грабительскіе набѣги на сосѣднія монгольскія стойбища, но въ организаціи такихъ экспедицій едва-ли не главную роль играетъ стремленіе молодежи проявить свою удаль; по крайней мѣрѣ, какъ намъ говорили, пожилые панака никогда не принимаютъ участія въ барантѣ [1]). Пржевальскій называетъ хара-тангутовъ верховій Хуанъ-хэ угрюмыми. Столь строгое опредѣленіе, пожалуй, и не подходитъ къ панака Куку-нора; однако, они, дѣйствительно, малообщительны и не отличаются особой живостью характера; я также ни разу не слышалъ панака что-либо напѣвающимъ или громко чему-либо смѣющимся. На сколько они храбры, энергичны въ преодолѣніи препятствій и рѣшительны—судить не берусь, такъ какъ случаевъ проявленія ими означенныхъ качествъ видѣть мнѣ не пришлось; общее, оставленное ими у меня впечатлѣніе, однако, за то, что всѣмъ этимъ они надѣлены въ достаточной мѣрѣ.

Хотя женщина у панака не занимаетъ такого приниженнаго положенія, какъ у монголовъ, все же оно не завидно; такъ ее, напримѣръ, не допускаютъ къ трапезѣ съ мужчинами при пріемѣ гостя и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ; рѣшающій голосъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся семьи и дома, принадлежитъ мужу и т. д. Послѣднему не возбраняется также обычаемъ ввести въ свой домъ наложницу—обстоятельство, яснѣе всякихъ словъ рисующее подчиненное положеніе женщины у панака. Поліандріи, на сколько мнѣ извѣстно, у панака не существуетъ.

Объ одеждѣ панака писали Пржевальскій, Рокхиль, Потанинъ, Футтереръ и другіе путешественники, и къ тому, что уже сказано ими по этому предмету, мнѣ нечего добавить [2]). Я упомяну лишь объ обычаѣ женщинъ панака закрывать въ присутствіи постороннихъ лицо волосами, заплетенными во множество мелкихъ косичекъ,—обычаѣ, извѣстномъ со временъ глубокой древности, но нынѣ, какъ будто, уже исчезающемъ. О немъ я буду имѣть еще случай говорить ниже.

---

[1]) Баранта—установившійся на Кавказѣ и въ Средней Азіи терминъ для обозначенія набѣга съ цѣлью угона скота, преимущественно барановъ.

[2]) Самое обстоятельное описаніе утвари и одежды тибетцевъ читатель найдетъ у Рокхиля въ „Notes on the Ethnology of Tibet“ въ „Report of the U. S. National Museum under the direction of the Smithsonian Institution“, 1895.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Панака (Кукунорскія тангутки.)

Фототипія В. Клясовъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресвит. Н. Каминскій.

ГЛАВА II.

Къ этнологіи Амдо и области Куку-Нора [1]).

Излагаемое ниже составляетъ продолженіе моихъ работъ по этнологіи Центральной Азіи и, въ качествѣ такового, должно читаться въ связи съ VIII главой второго тома настоящаго труда. Только усвоивъ себѣ, что нѣкогда Гань-су и Сы-чуань въ большей своей части населены были бѣлокурой расой—«ди» или «динлинами», станетъ яснымъ происхожденіе того типа тибетца, который нынѣ встрѣчается повсемѣстно въ восточномъ Тибетѣ за исключеніемъ области Намцо, куда друпа выселились уже въ позднѣйшую эпоху изъ окрестностей озера Тэнгри-нора.

Я нисколько не льщу себя надеждой, что всѣ выводы, къ коимъ я приходилъ раньше и прихожу въ представляемомъ нынѣ на судъ читателя новомъ трудѣ — безспорны; но я увѣренъ, что они будутъ имѣть значеніе для освѣщенія темныхъ сторонъ исторіи Востока.

Народъ, извѣстный у насъ подъ именемъ тангутовъ, составляетъ главную массу населенія западной Гань-су, сѣверной Сычуан'и и Куку-нора, въ предѣлахъ между 39° и 32° сѣв. шир., между кривой — Гао-тай—верховья Хуанъ-хэ — Сунъ-панъ и 104° вост. долг. отъ Гринвича [2]).

---

[1]) Содержаніе какъ этой, такъ и послѣдующей главы уже знакомо читателю по статьѣ, напечатанной мною въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, XXXIX, 1903, стр. 441—483, подъ заглавіемъ—„Матеріалы по этнологіи Амдо и области Куку-нора“. Статья эта перепечатывается здѣсь въ значительно дополненномъ видѣ.

[2]) Ср. Бретшнейдеръ—„Добавочныя замѣтки къ очерку путешествія Г. Н. Потанина“ („Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, XXXV, IV, стр. 423—424).

На зарѣ китайской исторіи на всей этой территоріи жили различныя поколѣнія жуновъ, цяновъ и ди.

Мы уже знаемъ[1]), что подъ общимъ именемъ «ди» на югѣ, «динлиновъ» на сѣверѣ отъ великой Гоби извѣстны были у китайцевъ различныя бѣлокурыя (рыжеволосыя) племена бѣлой расы. Впрочемъ, южные ди у тибетцевъ были также извѣстны подъ именемъ «динлиновъ»; такъ, у Іакинфа читаемъ: байланскихъ цяновъ тибетцы называютъ динлинами[2]).

Что касается жуновъ, то ихъ принято относить къ расѣ переходнаго типа между монгольской и малайской.

Жуны не только жили бокъ о бокъ съ динлинами въ провинціяхъ Гань-су и Сы-чуан'и, но и заселяли огромныя территоріи къ востоку отсюда; такъ, за много вѣковъ до начала нашей эры мы находимъ ихъ въ провинціяхъ Шэнь-си, Шань-си, Чжи-ли, Шань-дунъ, Ху-бэй, Хэ-нань, и Ань-хой[3]). Можетъ быть даже, что и на западъ, въ Гань-су, Куку-норъ и Тибетъ, они явились съ востока; по крайней мѣрѣ китайцы передаютъ намъ легенду о переселеніи въ 2282 г. до Р. Хр. си-жуновъ, обитавшихъ прежде въ провинціи Ху-нань, на западъ, въ мѣстность Сань-вэй[4]), откуда во времена уже историческія, а именно за четыре вѣка до Р. Хр., часть ихъ ушла еще далѣе на юго-западъ и осѣла на плоскогоріи Тибета, положивъ основаніе тибетскому народу и государству.

Кажется, только этому западному отдѣлу китайцы присваивали наименованіе «цянъ»[5]). Дѣйствительно, хотя они и называли въ древности жителей Амдо и Куку-нора си-жунами (западными жунами) и цянами безразлично, но послѣднее прозваніе не распространялось на поколѣнія жуновъ, жившія къ востоку отъ меридіана Лань-чжоу. Среди восьми инородческихъ племенъ, въ союзѣ съ коими У-ванъ разбилъ войска Чжоу-син'я и основалъ на развалинахъ Иньскаго Чжоуское царство (1122 г. до Р. Хр.),

---

[1]) См. томъ II, глава VIII, а также мое изслѣдованіе: „Почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми?“ („Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.“, 1899, іюнь).

[2]) „Исторія Тибета и Хуху-нора“, I, стр. 242.

[3]) Георгіевскій—„Первый періодъ Китайской исторіи“, стр. 236—238, а также стр. 57, 75, 78, 106, 124—125.

[4]) Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хуху-нора“, I, стр. 2. О мѣстности Сань-вэй см. томъ II, стр. 3. Къ этой легендѣ мы будемъ имѣть еще случай вернуться.

[5]) Іакинфъ („Статистическое описаніе Китайской имперіи“, I, стр. 53) пишетъ: „Цянъ“ есть древнее, но болѣе книжное китайское названіе нѣкоторымъ тангутскимъ родамъ, обитающимъ въ округахъ Сѣ-чжоу въ губерніи Гань-су и въ Мэу-чжоу въ губерніи Сы-чуань“. „Книжнымъ“ оно стало, конечно, лишь въ послѣднее время.

значатся и цяны, жившіе къ сѣверу и западу отъ Шу [1]). Цяны не знали земледѣлія. Это былъ дикій и пастушескій народъ, тогда какъ жуны уже за шесть столѣтій до Р. Хр. являлись носителями культуры. Они не только обрабатывали землю [2]), но и имѣли города [3]) — обстоятельство, въ значительной мѣрѣ способствовавшее ранней асимиляціи этого народа народомъ китайскимъ и исчезновенію его имени со страницъ китайской исторіи [4]).

Различая цяновъ и жуновъ, я полагаю, однако, что оба народа принадлежали къ одному племени, но только первые сохранили большую чистоту крови, тогда какъ послѣдніе уже въ чжоускую эпоху были народомъ смѣшаннаго происхожденія. Эта гипотеза, между прочимъ, подтверждается и тѣмъ фактомъ, что у современныхъ тангутокъ сохранился обычай, существовавшій и у жунскихъ женщинъ въ Гань-су—заплетать волосы во множество тонкихъ косичекъ, спускающихся на лицо [5]).

Нѣсколько иначе освѣщаетъ этотъ вопросъ Terrien de Lacouperie. Онъ также различаетъ цяновъ и жуновъ, но проводитъ это различіе еще глубже, утверждая, что оба народа уже въ глубокой древности говорили на разныхъ нарѣчіяхъ [6]), причемъ заключеніе это онъ основываетъ на тождественности родовыхъ прозваній у древнихъ жуновъ и современныхъ бирманцевъ нага [7]). Нага

[1]) Георгіевскій, op. cit, стр. 45.

[2]) Георгіевскій, op. cit, стр. 119; Legge—„The Chinese classics", V, стр. 464.

[3]) Георгіевскій, op. cit., гдѣ, напримѣръ, на стр. 105, сказано: „Князь Му напалъ на жуновъ, отнялъ у нихъ двѣнадцать значительныхъ городовъ и распространилъ свой удѣлъ болѣе чѣмъ на 1000 ли". У Іакинфа („Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена", I, стр. 8) также читаемъ: „Послѣ сего Икюйскіе жуны, для огражденія себя, построили города, которые удѣлъ Цинь исподволь покорилъ себѣ. Впослѣдствіи Хой Ванъ, великій князь удѣла Цинь, взялъ у Икюйцевъ 25 городовъ".

[4]) Возможно однако, что часть ихъ оттѣснена была къ югу. Ср. Terrien de Lacouperie—„Les langues de la Chine avant les chinois" въ „Le Museon", 1888, VII, стр. 28—29; Plath („Die fremden barbarischen Stämme in alten China" въ „Sitzungsber. der philos.-philolog. Classe der Akadem. d. Wiss.", 1874, I, S. 497) также не отождествляетъ жуновъ съ цянами. Вотъ что онъ пишетъ: „Allem nach scheinen die Yung aus verschiedenen Völkerstämmen Siän-pi auch Thibetanern (Kiang), wie wir früher sahen, und Hiung-nu bestanden zu haben". Въ „Цянь-хань-шу" имѣется намекъ на племенное сродство горныхъ жуновъ (шань-жунъ) съ хуннами (Ср. Wylie—„History of the Heung-noo in their relations with China" въ „The Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain and Ireland", 1874, № 9, jannuary, стр. 401, и Іакинфъ „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи", I, стр. 1). Однако, Шы-гу поясняетъ (Іакинфъ, ib., стр. 7), что поколѣнія дунъ-ху и шань-жунъ были предками ухуаньцевъ впослѣдствіи сдѣлавшихся извѣстными подъ именемъ сяньбійцевъ, а не хунновъ. Изъ сопоставленія этихъ извѣстій явствуетъ лишь то, что горные жуны были такимъ же смѣшаннымъ народомъ, какъ и прочіе жуны, жившіе южнѣе.

[5]) Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хуху-нора", I, стр. 14—15.

[6]) Op. cit., см., напримѣръ, „Le Museon", 1888, VII, стр. 335.

[7]) Loc. cit., стр. 28—29. Нага населяютъ нынѣ верхнюю Бирму, къ востоку отъ Ассама, между р. Брамапутрой и р. Иравади.

говорятъ на тибетскомъ языкѣ, подвергшемся болѣе или менѣе значительнымъ вліяніямъ языковъ китайскаго, монъ-тай, индонезійскаго и другихъ, что могло имѣть мѣсто лишь на сѣверѣ, въ предѣлахъ нынѣшняго Китая, гдѣ тибетскія племена жили бокъ о бокъ съ дисцами, тагалами, хмерами, лао, китайцами и другими народами. А такъ какъ глубокія измѣненія въ языкѣ не могли не сопровождаться метисаціей этническихъ элементовъ, то тѣмъ самымъ подтверждается и высказанное выше предположеніе о смѣшанномъ происхожденіи жуновъ. Обстоятельство это до нѣкоторой степени объясняетъ и часто встрѣчающееся въ китайскихъ лѣтописяхъ отождествленіе жуновъ съ ди и цянами, а равно и этихъ послѣднихъ между собою. Такъ, напримѣръ, у Іакинфа мы читаемъ, что оттѣсненные на югъ цяны разбились на роды, изъ коихъ сильнѣйшими были «родъ мао-ню или цяны въ Юѣ-цзянь и родъ бо-ма или цяны въ Ву-ду [1])», между тѣмъ какъ мы уже знаемъ, что это были не цянскіе, а дискіе роды [2]). Не останавливаясь на подобныхъ примѣрахъ, я замѣчу лишь, что въ тѣхъ же

---

[1]) Іакинфъ, op. cit., стр. 16.

[2]) Томъ II, гл. VIII. У Pfizmaier'a („Die Unternehmungen der früheren Han gegen die südwestlichen Fremdgebiete" въ „Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philos.-histor. Classe", B. 45, S. 297). читаемъ: „Westlich von dem Lande Scho und nordöstlich von Mang befanden sich die Gebiete von zehn anderen Landesfürsten, unter welchen der Beherscher von Pe-ma (Бо-ма) der bedeutendste. Die Bewohner dieser Gegenden gehörten zu dem Volkstamme Ti, zu welchem letzteren wieder die jenseits der Marken der Länder Pa und Scho lebenden Fremdländer gehörten". И далѣе: „Im zweiten Jahre nach diesen Begebenheiten (80 vor uns. Zeitr.) empörten sich die zu dem Volkstamme Ti gehörenden Bewohner der Landschaft Wu-tu" (ib., S. 306).

Эти выписки вмѣстѣ съ указаніемъ Pfizmaier'a, что китайцамъ были извѣстны двѣ страны Бо-ма: одна—лежавшая на сѣверѣ, другая—на западѣ (иначе страна Ву-ду)—служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ тому, что мною говорилось въ помянутой VIII главѣ второго тома (см. также „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1899, VI) о распространеніи дискихъ родовъ и въ частности—рода бо-ма.

Что касается рода „маоню", то къ тому, что уже о немъ извѣстно читателю, я могу присовокупить указаніе, что въ 982 г. китайскій посолъ Ванъ-Янь-дэ встрѣтилъ въ Хэ-си, на своемъ пути изъ Китая въ Уйгурію, какой-то родъ „мао-ню" (St. Julien „Relation d'un voyage dans le pays des ouïgours" въ „Journal Asiatique", IV série, IX, 1847, стр. 52). Засимъ, у Потанина („Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія", I, стр. 262), говорится о живущемъ въ сѣверной Сы-чуан'и тангутскомъ племени „ма-мано", а въ другомъ мѣстѣ („Очеркъ путешествія въ Сы-чуань и на восточную окраину Тибета" въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.", XXXV, 1899, IV, стр. 396, 400) о сычуаньской долинѣ Мао-ню-коу, удержавшей свое названіе со временъ глубочайшей древности. Подъ 123 годомъ въ китайской исторіи говорится, что населявшіе ее маонюскіе ди возстали и осадили городъ Линъ-гуань (Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хуху-нора", II, стр. 212). Наконецъ, говоритъ о какихъ-то дикаряхъ моунъ, живущихъ въ горныхъ дебряхъ юго-восточнаго Тибета, и Klaproth („Mémoire sur le cours du Jarou dsangbo tchou" въ „Magasin Asiatique", I, стр. 310—313, 318).

Въ провинціи Гуанъ-си и до сихъ поръ еще встрѣчаются инородцы племени „нао". Это названіе, можетъ быть, было бы правильно сопоставить съ „ма-нао" (см. т. II, стр. 257).

лѣтописяхъ встрѣчаются, повидимому, и прямыя указанія на смѣшанное происхожденіе нѣкоторыхъ родовъ, каковы гунь-чжу, гуань-жунъ, ди-вань и жунъ-мань; китайцы изображаютъ даже послѣднее наименованіе двумя іероглифами—«жунъ» и «мань», что указываетъ, что въ жунъ-маняхъ они видѣли метисовъ двухъ сосѣднихъ народностей.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ знакомства нашего съ исторіей восточной части Гань-су и сѣверной Сы-чуан'и мы находимъ ихъ заселенными метисами, и только еще далѣе на западъ, въ области Куку-нора и верховій Желтой рѣки, встрѣчаемъ племена цяновъ болѣе чистой крови. Но и ихъ вскорѣ постигла участь ихъ восточныхъ сосѣдей.

За три вѣка до начала нашей эры сѣверными сосѣдями цяновъ были усуни, юэчжи и хунны.

Янь-Шы-гу о наружности усуньцевъ пишетъ: Усуньцы обликомъ весьма отличны отъ другихъ жителей западнаго края. Нынѣ тюрки съ голубыми глазами и рыжими бородами, похожіе на обезьянъ, суть потомки ихъ[1]).

---

[1]) Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи", III, стр. 65; Wylie „Notes on the Western Regions" въ „The Journal of the Anthropological Institute", 1881, Aug.—Nov., стр. 83.

Kingsmill („The Intercourse of China with Eastern Turkestan and the Adjacent Countries in the Second Century B. C." въ „the Journal of the Royal Asiatic Society of Gr. Britain and Ireland", New Series, XIV, стр. 79) высказываетъ предположеніе о тождествѣ усуней съ асіями или асіанами Страбона. Вотъ это мѣсто: „Усуни, повидимому, тождественны съ асіями или асіанами, которые, согласно указанію Страбона, занимали бассейнъ верховій Яксарта (Сыръ-дарьи) и была такими же кочевниками, какъ тохары и сакараулы. Это указаніе вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что разсказываетъ Сы-ма-цянь объ обычаяхъ и мѣстахъ кочевій усуней".

Kingsmill упустилъ, однако, изъ вида, что согласно Трогу Помпею, асіаны не только покорили Бактрію, но и въ ней обосновались, что къ усунямъ относиться не можетъ (См. Григорьевъ—дополненія къ „Кабулистану и Кафиристану" Риттера, стр. 779).

Съ своей стороны китайцы считали усуней однимъ изъ отдѣловъ народа сэ, т. е. саковъ (Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи", геор. указ., стр. 71). Этихъ саковъ Аристовъ считаетъ тюрками. Вотъ, что онъ пишетъ. „Что саки были тюрки, это, между прочимъ, удостовѣряется именами городовъ Сакастана, приводимыми Исидоромъ Харакскимъ—Минъ (не Минъ, а, согласно Григорьеву, l. c., стр. 780,—Миннагара), Палакенти, Барда, несомнѣнно принадлежащими тюркскому языку. Китайскія извѣстія соотвѣтствующаго времени даютъ возможность выяснить, что эти тюрки принадлежали къ племени канглы (у китайцевъ—кангюй), которое въ то время кочевало на Сыръ-дарьѣ и отняло у грековъ Согдіану" („Англо-индійскій Кавказъ", стр. 28.)

Я не могу согласиться съ тѣмъ, что китайскія извѣстія даютъ возможность считать саковъ кангюйцами. Вытѣснивъ саковъ изъ нынѣшней Семирѣченской области за Сыръ-дарью, юэчжи послѣдовали за ними туда же. Засимъ, „когда юэчжи заняли государство Дахя (Бактрію), Сэскій владѣтель занялъ къ югу государство Гибинь" (Іакинфъ, op. cit., III, стр. 48). Наоборотъ, кангюйцы, при овладѣніи Согдіаной, явились наслѣдниками юэчжисцевъ (а не грековъ) въ этой странѣ, что и понятно, такъ какъ китайцы застали ихъ кочевья къ сѣверо-западу отъ юэчжійскихъ земель: „Кангюй смеженъ съ Даванью и по малосилію своему признаетъ надъ собою на югѣ

Янь-Шы-гу, жившій около половины VII вѣка, издалъ только поясненія къ Цянь-хань-шу, т. е. къ исторіи старшей династіи Хань. Источники, которыми онъ пользовался, до насъ не дошли, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе многочисленныя указанія, свидѣтельствующія о широкомъ нѣкогда распространеніи племенъ бѣлокурой расы въ Средней Азіи, мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ вѣрности вышеприведеннаго указанія [1]).

Иначе думаетъ проф. Хиртъ, который въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи о волжскихъ хуннахъ и хіунъ-ну [2]) проводитъ ту мысль, что для объясненія встрѣчавшагося въ VII вѣкѣ среди притяньшанскихъ тюрковъ бѣлокураго элемента незачѣмъ прибѣгать къ сенсаціонной гипотезѣ Klaproth'a [3]). Хунны, говоритъ онъ, откочевавъ на западъ и покоривъ земли бѣлокурыхъ алановъ, продолжали, однако, по словамъ Вэй-шу, поддерживать сношенія со своими сородичами на востокѣ. Торговые караваны, въ составъ коихъ, вѣроятно, входили и купцы аланской національности, должны были несомнѣнно подолгу останавливаться въ землѣ Юебань, прежде усуньской; результатомъ же этихъ остановокъ и были тѣ «рыжія бороды и синіе глаза», о которыхъ упоминаетъ Шы-гу.

Одинаковымъ образомъ проф. Хиртъ разрѣшаетъ вопросъ и о рыжеволосыхъ и голубоглазыхъ хагасахъ [4]).

Послѣ всего того, что мною уже писалось о бѣлокурыхъ племенахъ Азіи [5]), я считаю излишнимъ подробно останавливаться

власть юэчжысцевъ, на востокѣ власть хунновъ" (Іакинфъ, op. cit., стр. 6). Что китайцы не смѣшивали саковъ съ кангюйцами, это видно также изъ слѣдующаго. „Сэскія племена, говоритъ китайская лѣтопись, разсѣянно живутъ и болѣе подъ зависимостью другихъ. Отъ Кашгара на сѣверо-западѣ Хюсюнь и Гюаньду суть потомки древнихъ сэсцевъ" (Іакинфъ, ibid., стр. 48). Говоря о тюркскомъ происхожденіи саковъ, Аристовъ остается лишь вѣренъ своей ранѣе высказанной гипотезѣ объ усуняхъ, какъ предкахъ современныхъ кара-киргизъ (См. „Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей", стр. 121, а также „Живая Старина", 1894, вып. III и IV, стр. 459 и слѣд.).

[1]) Эти указанія читатель найдетъ въ VIII гл. второго тома.

[2]) Hirth—„Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu" (въ „Sitzungsberichte der philos.-philol. und der histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss"., 1899, B. II, Heft II).

[3]) Гипотеза эта изложена въ „Tableaux historiques de l'Asie", стр. 161 и слѣд.

[4]) Op. cit., стр. 277.

[5]) Въ дополненіе къ тѣмъ матеріаламъ о распространеніи бѣлокурой расы въ Средней Азіи, которые собраны были мною въ VIII главѣ II т., считаю нелишнимъ привести нижеслѣдующія строки изъ послѣдняго отчета Потанина („Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ.", 1899, IV, стр. 390). „Лама Джамь-янъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ изъ Лассы ходилъ на поклоненіе субургану Чжирунъ Кашюръ; онъ увѣрялъ меня, что это монголы зовутъ его такъ, мѣстные же жители (бёбё) зовутъ его Богдода, а тибетцы—Чо'тенъ-рембучи. Отъ Лассы до Чжирунъ-Кашюра онъ шелъ два мѣсяца. Страна, по которой онъ проходилъ, жаркая; у жителей типъ другой, чѣмъ у тибетцевъ; есть русые или рыжіе; обликъ походитъ на китайскій, одѣваютъ-

на вышеизложенномъ предположеніи Хирта [1]). Я замѣчу только, что о хагасахъ, вошедшихъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ китай-

---

ся въ узкое платье... Женщины носятъ кольца въ носу... На языкѣ этихъ бѣбѣ огонь называется агу". Затѣмъ, у Кастрена („Kleinere Schriften" въ „Nordische Reisen und Forschungen", V, стр. 107 — 122) встрѣчается указаніе, что алтайскіе и саянскіе татары разсказывали ему о своихъ предшественникахъ въ этой горной мѣстности — свѣтлоглазомъ племени аккаракъ, которому они и приписывали такъ называемыя чудскія могилы. Эти же могилы съ сохранившимися въ нихъ костями, принадлежавшими народу длинноголоваго типа, атлетическаго сложенія, буряты, по свидѣтельству Талько-Грынцевича (I. Talko-Hryncewicz—„Materyały do paleoetnologii mogił Azyi Wschodniej" въ „Materiały antrop-archeol. i etnograf. Akad. Umiejętnosci w Krakowie", III, Dz. 1) приписываютъ киргизамъ (chirkisy—chur), а киргизы—киреи, скажемъ мы отъ себя, народу „мыкъ", жившему не въ войлочныхъ юртахъ, а въ деревянныхъ и каменныхъ зданіяхъ (легенды объ этомъ народѣ „мыкъ" слыхалъ и Потанинъ; см. „Очерки сѣверо-зап. Монголіи", II, прим., стр. 59). Преданіе о народѣ „мукъ" или „мыкъ" перенесено было киргизами и на югъ-западъ, въ западный Тянь-шань и на Памиры; такъ, въ горахъ между Ангреномъ и Сыръ-дарьей и въ Алайскихъ горахъ ему приписываются встрѣчающіеся здѣсь остатки древнихъ оросительныхъ канавъ, кучи камней и проч. (см. „Замѣтки о древнихъ урочищахъ Туркестанскаго края" въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ" за 1879 г., № 12). Замѣчательно, что и на далекомъ сѣверо-востокѣ существуетъ преданіе о жившемъ нѣкогда въ долинѣ р. Колымы многочисленномъ осѣдломъ племени „омукъ" (ф. Врангель—„Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю", 1841, I, стр. 234, II, стр. 331). Наконецъ, у Рокхиля мы встрѣчаемъ слѣдующія указанія на физическія особенности нѣкоторыхъ восточно-тибетскихъ племенъ: „Черты лица этого человѣка и прическа поразили меня: тонкій орлиный носъ, большіе глаза и масса спутанныхъ курчавыхъ волосъ, которые спускались на плечи, скрывая на половину его лицо—все это дѣлало его болѣе похожимъ на переодѣтаго европейца, нежели на настоящаго обитателя Азіи. Впослѣдствіи я убѣдился, что этотъ типъ очень распространенъ среди жителей восточнаго Тибета, въ особенности среди мужчинъ"... „Народъ Хорба красивѣе, чѣмъ гдѣ либо въ остальномъ Тибетѣ. Они сравнительно ниже ростомъ, чѣмъ жители сѣвернаго и центральнаго Тибета, но у нихъ менѣе рѣзкія и грубыя черты лица: здѣсь часто можно встрѣтить орлиный носъ, прекрасные, кроткіе, какъ у антилопы, глаза, курчавые или волнистые волосы. Особенно же красивы здѣсь женщины, а природная ихъ миловидность еще болѣе выигрываетъ, благодаря яркимъ нарядамъ и украшеніямъ" („Въ страну ламъ", прил. къ журналу „Міръ Божій" за 1901 г., стр. 120 и 159).

[1]) Это предположеніе опровергается, между прочимъ, и результатами произведенныхъ за послѣднее время въ южной Сибири раскопокъ древнихъ могилъ. Такъ, Талько-Грынцевичъ въ цитированномъ выше сочиненіи пишетъ: судя по числу найденныхъ костяковъ, длинноголовый типъ, соотвѣтствующій курганному типу Европы, долженъ былъ быть нѣкогда многочисленнымъ въ Сибири. Въ „Матеріалахъ по палеоэтнологіи Забайкалья", VII („Труды Троицкосавско-кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ.", VI, 2, 1903, стр. 19) тотъ же авторъ приходитъ къ нижеслѣдующему интересному заключенію. Въ древности, притомъ одновременно, западное Забайкалье населяли двѣ расы одной культуры, изъ коихъ одна отличалась крайней длинноголовостью (головной указатель—68, 4—77, 9), другая, наоборотъ, крайней короткоголовостью (88,55—93,60). Въ могилахъ позднѣйшихъ эпохъ такіе крайніе типы уже отсутствуютъ и преобладаніе получаютъ среднеголовые съ довольно частымъ отступленіемъ къ длинноголовости и рѣже короткоголовости, гдѣ въ значительной степени замѣчается метизація типовъ.

Засимъ, о длинноголовомъ типѣ Забайкалья см. изслѣдованія того же автора: „Суджинское доисторическое кладбище въ Ильмовой пади," „Матеріалы по палеоэтнологіи Забайкалья," II, III, IV и V въ Протоколахъ и Трудахъ того же Общества. (Прилож. 2 къ Протоколу № 7, 1897 г., стр. 63, Протоколъ № 8 того же года, стр. 78—79, „Труды", I, 3, 1898, стр. 60, 63, 67, III, 1, 1900, стр. 49, III, 2 и 3, 1900, стр. 25, 26 и 28).

О могилахъ длинноголовыхъ въ долинѣ р. Енисея см. замѣтку Адріанова—„Доисторическія могилы въ окрестностяхъ Минусинска." („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.", XIX, 1883. стр. 246—251).

цами лишь въ половинѣ VII вѣка, современники ихъ писали: «Они вообще рослы, съ рыжими волосами, съ румянымъ лицомъ и голубыми глазами. Черные волосы считались у нихъ нехорошимъ признакомъ и съ карими глазами почитались потомками (китайца) Лилинъ» [1]). Здѣсь, стало быть, идетъ рѣчь о цѣломъ народѣ, общая численность коего „простиралась до нѣсколькихъ сотъ тысячъ (семействъ)[2]). Вѣроятно, проф. Хиртъ упустилъ изъ виду это свидѣтельство, когда писалъ о метисахъ алановъ, торговыя сношенія коихъ съ алтайскими и притяньшанскими племенами къ тому же болѣе чѣмъ сомнительны[3]).

Неправъ проф. Хиртъ еще и въ томъ, что отождествляетъ хунновъ съ юебаньцами, а земли послѣднихъ пріурачиваетъ къ Усуни. Китайскія извѣстія говорятъ намъ совершенно опредѣленно, что Юебань лежала къ сѣверо-западу отъ Усуни, а народъ отличался отъ своихъ кочевыхъ сосѣдей большей опрятностью и нѣкоторыми обычаями, заимствованными, можетъ быть, у осѣдлаго населенія Восточнаго Туркестана: передъ ѣдой они всегда умывались, голову коротко обстригали, а брови подравнивали, придавая имъ особый блескъ съ помощью какой-то мази[4]). Если, однако, юебаньцы не были хуннами и къ тому же жили не на прежнихъ усуньскихъ земляхъ, то и вся гипотеза Хирта теряетъ подъ собой почву.

О первоначальномъ мѣстопребываніи усуней мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

«Въ Шы-цзи, говоритъ Успенскій[5]), замѣчено весьма коротко

Не слѣдуетъ также забывать, что о существованіи бѣлокурыхъ въ Средней Азіи говорятъ намъ и другіе, не китайскіе источники; такъ Плиній, со словъ посла Rachias, пишетъ, что въ Индіи хорошо знаютъ серовъ, живущихъ къ сѣверу отъ хребта Емодусъ (Гималайскаго); они высоки ростомъ, голубоглазы и бѣлокуры. Изъ ихъ страны вывозились кожи, желѣзо и шелкъ. (Richthofen—„China“, I, стр. 501). Это могли быть однако и древніе иранцы, вѣроятные посредники въ индійско-китайской торговлѣ.

[1]) Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ Средн. Азіи“, I, 2, стр. 443. Schott „Ueber die ächten Kirgisen“ (въ „Abhandlungen der königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin“, 1864, стр. 432). О Ли-линѣ см. Pfizmaier—„Die Heerführer Li-khuang und Li-ling“ въ „Sitzungsberichte d. philos.-histor. Classe der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften“, 1863.

[2]) Іакинфъ, ibid; Schott, ibid. Согласно Jigs-med nam mk'a (Huth „Geschichte des Buddhismus in der Mongolei,“ II, стр. 33), народъ этотъ у тибетцевъ извѣстенъ былъ подъ именемъ K'inc'a, у монголовъ—подъ именемъ K'emk'emc'e (Кэмъ-Кэмчикъ). K'inc'a имѣли голубые глаза, рыжіе волоса, отвратительную внѣшность и не разставались съ оружіемъ, котораго имѣли при себѣ множество; вмѣстѣ съ тѣмъ они отличались богатствомъ, и многіе изъ нихъ насчитывали въ своихъ прекрасныхъ табунахъ до десяти тысячъ головъ лошадей.

[3]) По крайней мѣрѣ намъ не извѣстно ни одного факта, который подтверждалъ бы такое предположеніе.

[4]) Іакинфъ, op. cit., III, стр. 163.

[5]) „Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай“ въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн.“, VI, стр. 107.

и осторожно, что въ области Гуа-чжоу, въ періодъ Циньской и Ханьской династій, обиталъ народъ усунь, потомъ юэчжи и, наконецъ, прогнавшіе ихъ хунны». Это мѣсто Шы-цзи, повидимому, основано на показаніи Чжанъ-Цянъ'я, утверждавшаго, что «усуньскій владѣтель въ одно время съ большимъ юэчжи кочевалъ около Дунь-хуанъ" [1]). Но тотъ же Чжанъ-Цянь показывалъ далѣе слѣдующее: „Отецъ усуньскаго гуньмо имѣлъ небольшое владѣніе на западныхъ хуннускихъ предѣлахъ" [2]), въ каковые предѣлы въ то время, т. е. до эпохи Модэ, еще не входили Приианьшаньскія земли. Поэтому, вѣроятно, стоитъ ближе къ истинѣ Лю-ю, авторъ Си-ши-цзи, помѣщающій древнія усуньскія земли къ западу отъ Кара-Корума, т. е. въ южномъ Алтаѣ [3]). Замѣчаемое здѣсь противорѣчіе могло бы найти себѣ объясненіе въ послѣдующемъ разсказѣ того же Чжанъ-Цяня, изъ котораго видно, что Модэ поручилъ молодому гунь-мо покоренныхъ усуньцевъ охранять государственную границу „при западной стѣнѣ" [4]). Здѣсь усуньцы успѣли вновь собраться съ силами и овладѣли даже нѣсколькими приграничными городами, но оставались только до смерти Модэ, послѣ чего отдѣлились отъ хунновъ и откочевали на западъ по слѣдамъ юэчжи [5]).

Но если пребываніе усуней на периферіи земель, занятыхъ кочевьями цяновъ, было столь кратковременнымъ, то нельзя и ожидать, чтобы вліяніе ихъ на измѣненіе типа этихъ послѣднихъ было значительнымъ.

Въ большемъ, чѣмъ усуни, общеніи съ цянами были юэчжи.

Юэчжамъ приписывали то монгольское [6]), то тюркское [7]), то, наконецъ, тибетское происхожденіе [8]). Послѣд-

---

[1]) Іакинфъ—„Собр. свѣд. о нар. Средн. Аз.", III, стр. 65.

[2]) Іакинфъ,—ib., стр. 12.

[3]) Bretschneider—„Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources", I, стр. 123.

[4]) Іакинфъ, ib., стр. 13.

[5]) Іакинфъ, ib., стр. 13.

[6]) Visdelou „Histoire de la Tartarie" въ „Supplément de la Bibliothèque orientale".

[7]) Cunningham въ „Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal", XXXII; Іакинфъ—„Статистическое описаніе Китайской имперіи", II, стр. 71.

[8]) Klaproth—„Tableaux historiques de l'Asie", стр. 132; въ дополнительной замѣткѣ къ тому же сочиненію, на стр. 287, онъ однако отказался отъ этого предположенія, причисливъ и ихъ къ народамъ бѣлокурой расы. Вопросу о національности юэчжи Vivien de Saint-Martin посвятилъ цѣлую книгу—„Les Huns blancs ou Ephthalites des historiens byzantins (1849)", въ которой, взвѣсивъ критически относящіяся къ этому народу историческія свидѣтельства, высказался за его тибетское происхожденіе. См. его же „Mémoire analytique sur la carte de l'Asie Centrale et de l'Inde", стр. 35. Yule („Notes on Hwen Thsang's Account of the Pricipalities of Tokharistan in which some Previous Geographical Identifications are Reconsidered",

няя гипотеза наиболѣе обоснована, а потому и наиболѣе вѣроятна [1]).

Юэчжи, вытѣсненные хуннами изъ земель бассейна рѣкъ Эцзинъ-гола и Булунгира [2]), удалились отсюда на западъ и, осѣдая по пути сперва въ западной Джунгаріи, затѣмъ въ долинѣ Сыра, перешли, наконецъ, Аму-Дарью, гдѣ и овладѣли Тохарестаномъ (въ 128 г. до Р. Хр.) [3]). Впрочемъ, далеко не всѣ юэчжи покинули нынѣшнюю провинцію Ганьсу; нѣкоторая ихъ часть осталась на сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня [4]), другая откочевала на югъ и поселилась въ горахъ къ югу отъ Сининской рѣки [5]), гдѣ юэчжи упоми-

---

въ „The Journal of the Royal Asiatic Society of Gr. Britain and Ireland", new series, 1873, VI, стр. 95) держится того же взгляда. Подробнѣе объ юэчжи изложено во второмъ томѣ, гл. I. См. также Beal „Buddhist record of the Western World" („Si-yu-ki").

[1]) Китайскія извѣстія объ этнографическихъ и этнологическихъ особенностяхъ этого народа сводятся къ слѣдующему:

Юэчжи имѣли одѣяніе, сходное съ тибетскимъ (цянскимъ); у нихъ господствовала поліандрія, причемъ дѣти, рождавшіяся при такой формѣ брака, считались принадлежащими старшему изъ мужей (братьевъ); они брили голову, ихъ языкъ отличался отъ языковъ жеу-жан'ей, гаочанцевъ и другихъ инородцевъ; ихъ характеръ былъ жестокій, но они отличались мужествомъ и воинственностью. (Abel Rémusat—„Sur quelques peuples du Tibet et de la Boukharie" въ „Nouveaux melanges asiatiques", 1829, I, стр. 224, 240—242; Іакинфъ, „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обит. въ Ср. Аз. въ древнія времена", III, стр. 178).

Вэйская исторія говоритъ объ „ѣда", впослѣдствіи „идань", одноплеменныхъ съ юэчжи, какъ о народѣ, имѣющемъ общее происхожденіе съ гао-гюй'цами, что невѣроятно (см. Д. Позднѣевъ—„Историческій очеркъ Уйгуровъ", стр. 36—37).

[2]) У Іакинфа („Собраніе свѣдѣній о народахъ, обит. въ Ср. Азіи въ древн. времена", III, географ. указатель, стр. 85) читаемъ: „За четыре вѣка передъ Р. Хр. вся страна Хэ-си находилась подъ народомъ юэчжи".

[3]) На стр. 5 тома II я ошибочно приписалъ Viv. de Saint-Martin гипотезу о тождествѣ юэчжи и тухоло Сюань-цзана. Это мнѣніе высказывали другіе коментаторы китайскихъ извѣстій, всего же рѣшительнѣе Yule—„Notes on Hwen Thsang's Account of the Principalities of Tokharistan in which some Previous Geographical Idenifications are Reconsidered", стр. 95, и Richthofen („China", I, стр. 439—440).

De Vasconcellos-Abreu посвятилъ этнологіи тахаровъ очень интересное изслѣдованіе, озаглавленное „De l'origine probable des Toukhares et de leurs migrations à travers l'Asie" („Le Museon", II, 1883, стр. 165—188); онъ пришелъ къ заключенію, что народъ этотъ не могъ имѣть ничего общаго съ юэчжійцами и всего вѣроятнѣе принадлежалъ къ группѣ арійскихъ племенъ. Ср. то, что писалось мною о тохарахъ въ II т., стр. 5—6.

[4]) Іакинфъ „Исторія Тибета и Хуху-нора", I, стр. 66.

Этихъ юэчжи китайцы называли „и-цунъ-ху", т. е. добровольно покорившимися; ихъ насчитывалось въ Чжанъ-ѣ (въ Гань-чжоу) нѣсколько сотъ семействъ.

[5]) Въ мѣстности Хуанъ-чжунъ, подъ именемъ которой была извѣстна страна между рѣками Сининской и Желтой. Заключаю это изъ сопоставленія нижеслѣдующихъ мѣстъ китайской лѣтописи: „И такъ они бѣжали въ страну между тремя рѣками, т. е. Желтою, Си-чжи (это верховье Желтой рѣки) и Хуанъ-шуй (Сининъ-хэ)"... (Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хуху-нора", I, стр. 15) и—„Жинь съ младшимъ братомъ Ву остался въ Хуанъ-чжунъ", т. е. въ той странѣ, гдѣ предки его поселились (op. cit., стр. 16). См. также Успенскій—„Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай", стр. 85, гдѣ говорится, что тучныя пастбища по берегамъ р. Хуанъ-шуй въ древности были извѣстны подъ именемъ Хуанъ-чжунъ, и Biot—„Dictionnaire des noms anciens et modernes des villes, etc., dans l'empire Chinois," стр. 172, гдѣ читаемъ: „Si-ning-fou... autrefois pays des Si-khiang avec le nom de Hoang—tchoung".

наются еще въ серединѣ II вѣка по Р. Хр., когда у нихъ оставалось до десяти тысячъ войска, т. е. людей, способныхъ носить оружіе [1]). Объ этихъ юэчжи китайцы пишутъ, что они были близки къ цянамъ по языку и обычаямъ и что они часто вступали съ послѣдними въ брачные союзы [2]) — указаніе крайне важное и вполнѣ разъясняющее намъ, какимъ путемъ постепенно исчезалъ этотъ народъ [3]).

Хунны стали извѣстны китайцамъ уже за XXIII столѣтія до начала нашей эры [4]), но точнаго указанія на мѣста, которыя они занимали въ то время своими кочевьями, мы не имѣемъ [5]). Только уже сравнительно въ позднѣйшую эпоху, а именно въ 214 г. до Р. Хр., мы застаемъ ихъ въ Ордосѣ, т. е. въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ди и жунами [6]). Это сосѣдство стало еще тѣснѣе въ эпоху хана Модэ, когда хунны утвердились на сѣверныхъ склонахъ Нань-шаня [7]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ началу нашей эры населеніе западной части Гань-су, сѣверной — Сы-чуан'и и области Куку-нора было чрезвычайно смѣшаннымъ, въ особенности на сѣверѣ, гдѣ съ этого времени получилъ преобладаніе тюркскій элементъ, и на востокѣ и юго-востокѣ, гдѣ все еще жили сплошными массами дисцы.

Дисцы, какъ уже извѣстно [8]), не только мѣстами удерживали

---

[1]) Іакинфъ, ib, стр. 66.

[2]) Іакинфъ, ib., стр. 66.

[3]) Въ реляціи Гао-цюй-хуй'я, одного изъ участниковъ китайскаго посольства въ Хотанъ (въ 938 году), содержится указаніе, что къ западу отъ Са-чжоу, въ пустынѣ Ху-лю, кочуетъ племя чжунъ-юнь, ведущее, какъ говорятъ, свое происхожденіе отъ юэчжи. (Abel Rémusat — „Histoire de la ville de Khotan", стр. 78). О дальнѣйшей судьбѣ этого племени намъ ничего не извѣстно; можно лишь предполагать, что впослѣдствіи оно слилось съ поселившимися здѣсь сары-уйгурами (см. т. II, стр. 62—63).

[4]) Впервые же китайцы столкнулись съ хуннами, кажется, въ IX вѣкѣ до Р. Хр. (Георгіевскій—„Первый періодъ китайской исторіи", ст. 79).

[5]) Говорится только, что они населяли степи къ сѣверу отъ Китая. О „Heun-yuh" („хуньюй") Wylie („History of the Heung-noo in their relations with China" въ „The Journal of the Anthrop. Inst.", 1874, January, № 9, стр. 401) замѣчаетъ однако: „These occupied the site of the present cities of Peking, Ke-chow (Гэ-чжоу) and Meih-yun (Мэй-юнь)".

[6]) Георгіевскій, op. cit., стр. 183.

[7]) Очень интересное указаніе на внѣшность хунновъ находимъ мы у о. Іакинфа, который, со словъ китайскаго лѣтописца, пишетъ: „Ши-минь издалъ повелѣніе предать смерти до единаго хунна въ государствѣ, и при семъ убійствѣ погибло множество китайцевъ съ возвышенными носами" („Статистическое описаніе Китайской имперіи", II, стр. 74—75) „Возвышенные носы" указываютъ на то, что въ жилахъ хунновъ и китайцевъ того времени (въ IV вѣкѣ по Р. Хр.) текло не мало дикой крови.

[8]) О дисцахъ подробнѣе см. т. II, гл. VIII.

свою независимость до начала V [1]) и даже VI вѣка, но временами достигали даже чрезвычайнаго могущества; таковы, напримѣръ, царства Ву-ду (322—506 гг.) и Цинь (334—394 гг.); упоминаются они также подъ 296 годомъ и въ долинѣ р. Вэй-шуй (Цинь-чжеу) [2]).

Въ началѣ II вѣка по Р. Хр. на сѣверныхъ окраинахъ провинціи Гань-су появился новый этническій элементъ—сяньбійцы. Въ 93 г. они овладѣли Монголіей, позднѣе же (при Таньшихаѣ) проникли и въ область Хэ-си [3]).

Сяньби, по словамъ китайской лѣтописи, составляли отрасль дунъ-ху [4]). Дунъ-ху Георгіевскій принимаетъ за остатки тѣхъ дисцевъ, которые въ V вѣкѣ до Р. Хр. были вытѣснены изъ Китая на сѣверъ [5]). Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что и динлиновъ китайцы причисляли къ дунъ-ху [6]). Несомнѣнно, однако, что какъ дунъ-ху, такъ и жившіе отъ нихъ къ сѣверу сяньбійцы были племенами смѣшаннаго происхожденія; среди послѣднихъ, какъ мы ниже увидимъ, долженъ былъ даже преобладать, и притомъ въ значительной степени, монгольскій элементъ.

Современникъ сяньбійцевъ, сановникъ Цай-Юнъ, охарактеризовалъ ихъ въ нижеслѣдующихъ словахъ: «Они извѣстны крѣпостью тѣлесныхъ силъ; у нихъ оружіе остръе, а лошади быстрѣе, чѣмъ у хунновъ» (т. е., что они болѣе отважные и сильные воины, чѣмъ хунны) [7]). Мы знаемъ также, что среди нихъ были рослые люди [8]), но это и все, что говоритъ намъ исторія о физическихъ особенностяхъ этого народа.

Позднѣе, а именно въ періодъ времени съ 312 г. по 663 г., народы, населявшіе Гань-су и Куку-норъ, вступили въ еще большее общеніе съ сяньбійцами. Сюда прикочевала изъ Ляо-дуна [9]) часть сяньбійскаго рода муюнъ, которая, объединивъ подъ своею властью разрозненныя поколѣнія цяновъ, юэчжи, жуновъ и ди,

---

[1]) Ачай, девятый царь сяньбійской династіи Тогонъ (417—427 гг.), „мало по малу покорилъ окрестныя малыя владѣнія, принадлежавшія цянамъ и дисцамъ“. (Іакинфъ—„Ист. Тиб. и Хухун.“ I, стр. 78).

[2]) Іакинфъ, ib., стр. 72.

[3]) Іакинфъ,—„Собр. свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древн. времена“, I, ч. I, стр. 170 и 175.

[4]) Іакинфъ, ib., стр. 161.

[5]) „О корневомъ составѣ китайскаго языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ“, стр. 79.

[6]) Klaproth—„Mémoires relatifs à l'Asie“, I, стр. 111.

[7]) Іакинфъ, ib., I, I, стр. 173.

[8]) Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хуху-нора“, I, стр. 76.

[9]) Іакинфъ, ib., стр. 74.

образовала въ Амдо и въ области Куку-нора царство, извѣстное подъ именемъ тугухуньскаго или тогонскаго [1]).

Эпоха владычества муюновъ должна была имѣть крупное значеніе для этнологіи края, такъ какъ если, до ихъ появленія въ Амдо, населявшія ее племена и не чуждались другъ друга, то все же, составляя самоуправляющіяся общины, они должны были держаться особнякомъ; теперь же эти преграды были устранены, и ничто уже болѣе не препятствовало полному сліянію ихъ между собой. По крайней мѣрѣ, съ водвореніемъ муюновъ въ долинѣ Сининской рѣки, на Куку-норѣ и въ верховьяхъ Желтой рѣки, мы уже перестаемъ встрѣчаться на страницахъ китайской исторіи съ наименованіями жунъ, юэчжи, а впослѣдствіи и ди. Всѣ эти народности перестали существовать для китайцевъ, стало быть, и въ дѣйствительности онѣ должны были потерять политическое значеніе, постепенно исчезнуть, слиться съ господствующей расой и между собой, образовавъ одинъ тогонскій народъ, который въ 663 году былъ частью порабощенъ тибетцами, частью же удалился на сѣверъ, за Нань-шань, въ нынѣшній Лянъ-чжоу'скій округъ.

Судьбу тогоновъ должны были раздѣлить и танчаны, населявшіе южную часть Амдо и жившіе въ смежности съ двумя другими народцами — дынчжи и байланъ. О нихъ мы, впрочемъ, ничего почти не знаемъ. Китайцы считаютъ ихъ потомками миѳическихъ сань-міао и сопричисляютъ къ цянамъ; но, вѣроятно, это были динлины, смѣшанные съ тибетцами [2]). Танчаны жили осѣдло, имѣли дома, разводили свиней, овецъ и крупный рогатый скотъ и занимались ремеслами.

Въ то время, какъ въ Амдо и на Куку-норѣ сначала сяньбійцы-муюны, а затѣмъ тибетцы объединяли подъ своею властью разрозненныя дискія и цянскія поколѣнія, къ сѣверу отъ Нань-шаня происходили слѣдующія событія.

Въ началѣ IV столѣтія Цзиньская династія потеряла сѣверный и сѣверо-западный Китай, который, по мѣткому выраженію о. Іа-

---

[1]) Въ виду вышеизложеннаго, совершенно непонятно, почему китайцы приписываютъ народу тугухунь тибетское происхожденіе (см. Д. Позднѣевъ, „Историческій очеркъ Уйгуровъ", стр. 31). Государство это имѣло наибольшіе размѣры въ періодъ времени съ 420 по 608 г.; въ семидесятыхъ же годахъ IV вѣка большая часть современной провинціи Гань-су и даже отчасти область Куку-нора входила еще въ составъ основаннаго дисцами Цинь'скаго государства (эпоха Фу-цзяня II, см. Іакинфъ, ib., стр. 117—118).

[2]) Байланскіе цяны были динлинами (Іакинфъ—„Ист. Тиб. и Хуху-нора", I, стр. 242; о нихъ см. ниже); а такъ какъ дынчжи и танчаны имѣли сходные съ ними обычаи, то заключеніе

кинфа, «сталъ съ этого времени поприщемъ для кочевыхъ героевъ» [1]). Онъ распался на шестнадцать владѣній, правителями коихъ явились сяньбійскіе и хуннскіе родовичи. Въ эту эпоху, извѣстную въ китайской исторіи подъ именемъ «ши-лю-го», къ западу отъ Хуанъ-хэ образовалось три княжества: Бэй-Лянъ со столицей въ Гань-чжоу-фу, Си-Лянъ со столицей въ Су-чжоу и Хоу-Лянъ въ Алашани. Всѣ эти княжества объединены были въ 421 году Мэнъ-сун'емъ цзюй-цюй'емъ, княземъ Бэй-Ляна, который и провозгласилъ себя ваномъ Хэ-си. Но уже въ 440 году это царство пало въ борьбѣ съ могущественнымъ императоромъ Тоба-Дао.

Такимъ образомъ въ то время, какъ въ области Куку-нора и верховій Хуанъ-хэ сяньбійцы-муюны достигли наивысшаго могущества, и владѣнія ихъ получили наибольшее распространеніе, къ сѣверу отсюда утвердились сяньбійцы-тоба, первоначальной родиной коихъ была, какъ кажется (ср. мнѣнія Іакинфа, Hirth'a и др.), долина р. Онона [2]).

Тоба властвовали надъ сѣвернымъ Китаемъ до 558 г., но нѣсколько раньше, а именно въ 521 г., они открыли свои границы жеу-жан'ямъ [3]), которыхъ и поселили въ Хэ-си и на свободныхъ земляхъ къ сѣверу отъ Инь-шан'я. Впрочемъ, пребываніе здѣсь жеу-жан'ей, которыхъ, безъ особенныхъ, какъ кажется, къ тому основаній [4]), принято относить къ народамъ тунгузской расы,

---

это вполнѣ допустимо. По словамъ Ма-дуань-лин'я (Klaproth „Explication", etc., въ „Mémoires relatifs à l'Asie", II, стр. 366), танчаны (Thang tchang) и байланы (Pelang) были сородичами дансяновъ (Tanghiang) и, какъ и эти послѣдніе, вели свое происхожденіе отъ большой обезьяны (См. также Pfizmaier—„Die fremdländischen Reiche zu den Zeiten der Sui" въ „Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften", philos.-hist. Classe, 1881, стр. 452).

[1]) Іакинфъ — „Записки о Монголіи", стр. 56. Подробнѣе объ этомъ событіи см. т. II, стр. 31.

[2]) Достойно вниманія, что только къ сяньбійцамъ-тоба пріурачивалось китайцами наименованіе „со-тоу"—„плетущіе косу"; о сяньбійцахъ же муюнахъ этого не говорится. Различіе головныхъ уборовъ у пастушескихъ народовъ весьма важный этнографическій признакъ; въ данномъ случаѣ онъ даетъ намъ право заключить о глубокой этнографической розни, существовавшей между обѣими главнѣйшими отраслями сяньбійскаго племени.

Сяньбійцы и родственные имъ ухуаньцы брили голову (Іакинфъ—„Собр. свѣд. о нар., обитавшихъ въ Средн. Азіи въ древн. времена", I, I, стр. 153 и 161); восточный отдѣлъ сяньбійцевъ—племя юй-вынь также брило голову, оставляя однако пукъ волосъ на темени (Klaproth—„Tableaux historiques de l'Asie", стр. 96. См. однако Іакинфъ, op. cit., I, 2, стр. 246, гдѣ сказано: „языкъ юй-вынь нарочито разнился отъ сяньбійскаго"), но какъ обращались съ волосами муюны—неизвѣстно.

[3]) Васильевъ („Приведеніе монголовъ въ покорность при началѣ Дайцинской династіи", прилож. къ III т. книги Потанина „Очерки сѣверо-западной Монголіи", стр. 306) полагаетъ, что жеу-жань можно читать и ю-жань.

[4]) Въ „сѣверной исторіи" (Бэй-шы) не содержится указаній на какую-либо родственную связь жеужаней съ другими народами Средней Азіи. О наружности ихъ мы можемъ составить

было кратковременнымъ и не могло оставить прочныхъ слѣдовъ въ этническомъ составѣ населенія современной Гань-су и области Куку-нора.

Въ 556 г. въ Хэ-си проникаютъ тукіэ (тюрки) въ качествѣ побѣдителей тугухуновъ [1]); полвѣка спустя (въ 608 г.) они вторично вторгаются въ означенную страну, причемъ пораженіе, нанесенное ими хану Фуюню, имѣло послѣдствіемъ присоединеніе Тогонскаго царства къ Срединной имперіи. Впрочемъ, это царство было вновь возстановлено, какъ кажется—даже въ своихъ прежнихъ предѣлахъ, въ 615 году.

Въ 635 г. выступили на сцену тибетцы. Ихъ лѣтописи не содержатъ сколько нибудь цѣнныхъ указаній на ихъ происхожденіе [2]), китайскіе же историки видятъ въ нихъ потомковъ фа-цяней и танъ-мао, задолго до нашей эры отдѣлившихся отъ другихъ цянскихъ поколѣній и поселившихся на Тибетскомъ плоскогоріи къ западу отъ Си-чжи-шуй, т. е. области истоковъ Желтой рѣки [3]). Впрочемъ, нѣкоторые китайскіе источники отно-

---

себѣ смутное представленіе по нижеслѣдующимъ отрывкамъ: У Магулюя „волосы были наравнѣ съ бровями"... „Жеу-жани были глупы и походили на ползающихъ насѣкомыхъ (?)"... Сопоставляя эти скудныя данныя, слѣдуетъ, можетъ быть, придти къ заключенію, что жеужани принадлежали по типу къ низшей расѣ, одновременно съ длинноголовыми динлинами населявшей бассейнъ р. Селенги и отличавшейся узкимъ и низкимъ, уходящимъ назадъ, какъ бы совсѣмъ не существующимъ лбомъ, замѣтно выдающимися надбровными дугами и лобными буграми, низкимъ и плоскимъ теменемъ и широкимъ затылкомъ (Talko-Hryncewicz—„Materyały do paleoetnologii mogił Azyi Wschodniej"). Всѣ эти признаки сближаютъ прежнихъ засельниковъ долины р. Селенги съ самоѣдами, отатарившіеся роды коихъ (койбалы, сагайцы, карагассы, моторы и друг.) продолжаютъ и понынѣ жить въ области Саянскаго нагорья. Такимъ образомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что жеужани были однимъ изъ самоѣдскихъ племенъ, весьма рано (въ первой половинѣ III вѣка по Р. Хр.) оттѣсненнымъ на югъ, въ Да-цзи, т. е. въ Бэй-шань (Гань-му, подъ 521 г.). Впрочемъ, повидимому, сюда они прикочевывали только зимой, на лѣто же снова уходили на сѣверъ, въ Хангайскія горы (Іакинфъ—„Собр. свѣд. о нар. Средн. Азіи", I, стр. 206). Ср. Klaproth („Tableaux historiques de l'Asie", стр. 99), который, указывая на пограничную съ Сибирью часть Халхи, какъ на родину жеужаней, говоритъ далѣе, что во главѣ этого племени, родственнаго сяньбійцамъ-тоба, находились князья, принадлежавшіе къ одному роду съ ханами, впослѣдствіи императорами династіи Юань-вей. Согласно однако „Бэй-шы", родоначальникомъ жеужаньскихъ государей былъ рабъ Тоба, по имени Югулюй. Тотъ же авторъ высказываетъ далѣе (стр. 116) предположеніе, что жеу-жан'и могли быть и аварами, но не подкрѣпляетъ эту гипотезу сколько нибудь вѣскими доказательствами.

[1]) Іакинфъ — „Ист. Тиб. и Хуху-нора", I, стр. 85. При этомъ они достигли Санинской долины и озера Куку-нора, гдѣ взяли столицу тугухуновъ — городокъ Шу-дунь („Статистическое описаніе Китайской имперіи", II, стр. 317).

[2]) Rockhill — „Notes on the ethnology of Tibet" въ „Report of the U. S. National Museum under the direction of the Smithsonian Institution", 1895, стр. 670.

[3]) Іакинфъ, op. cit., I, стр. 124; II, стр. 221. „Си-чжи" отождествляютъ также съ современной р. Чжи-чу, на которой расположена Лхасса, что, можетъ быть, и болѣе вѣрно. О Лхассѣ, какъ столицѣ Тибетскаго царства, упоминается уже въ Танъ-шу (Іакинфъ „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена", I, I, стр. XIX).

сятъ сказанное переселеніе къ позднѣйшему времени, а именно къ половинѣ V вѣка по Р. Хр. [1]).

До VII вѣка тибетцы не имѣли сношеній съ Китаемъ, и только въ первой половинѣ этого вѣка, когда въ народѣ стало проявляться стремленіе къ концентраціи, а во главѣ его явились талантливые вожди, государственная необходимость заставила ихъ отправить пословъ въ Чанъ-ань, ко двору китайскаго императора. Но это же посольство и было причиной перваго непріязненнаго столкновенія тогонцевъ съ тибетцами (въ 634 г.) и послѣдовавшей засимъ войны, закончившейся 30 лѣтъ спустя (въ 663 г.) паденіемъ Тогонскаго государства и бѣгствомъ нѣкоторой части народа сперва въ Хэ-си (Лянъ-чжоу'скій округъ), а затѣмъ, въ 672 г., еще далѣе на востокъ, въ Линъ-чжоу [2]).

Въ 662 г. западные тукіэсцы стали въ вассальныя отношенія къ Тибету, а въ 670 г. въ составъ территоріи Тибетскаго государства вошли и отторгнутыя отъ Китая земли Восточнаго Туркестана, что вызвало войну съ Серединной имперіей, въ свою очередь послужившую лишь прологомъ къ ряду такихъ же войнъ, закончившихся прочнымъ миромъ лишь въ 822 году. Въ 866 же году Тибетское государство, успѣвшее тѣмъ временемъ распространить свою власть и на земли, входящія нынѣ въ составъ Гань-су, пало отъ внутреннихъ неурядицъ.

Тибетцы окончательно овладѣли Хэ-си въ 764 г. Но уже столѣтіемъ раньше въ эту область стали проникать съ сѣвера различныя тюркскія племена; такъ, напримѣръ, тукіэсцы дважды, въ 682 и 720 годахъ, опустошали округъ Лянъ-чжоу. Эти вторженія едва ли, однако, оставили какіе нибудь слѣды въ этнологіи края; гораздо бо́льшее для него значеніе должны были имѣть нашествіе уйгуровъ, въ началѣ VIII вѣка перекочевавшихъ изъ Халхи въ долину р. Эцзинъ-гола и оставшихся тамъ до 744 года, т. е. до паденія восточно-тукіэскаго ханства, и насильное переселеніе въ 790 г. въ окрестности г. Гань-чжоу тюрковъ-шато; эти шато покинули, впрочемъ, Хэ-си уже въ 808 г., когда всей массой, преслѣдуемые по пятамъ тибетцами, двинулись на востокъ, за Желтую рѣку.

---

[1]) Іакинфъ, ib., стр. 125.

[2]) В. Успенскій („Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай", въ „Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ. по отдѣл. этногр." 1880, VI, 2, стр. 122—123) утверждаетъ, что на сѣверные склоны Нань-шан'я, а засимъ и далѣе на востокъ выселился почти весь тогонскій народъ. Такъ ли это было— мы это ниже увидимъ.

Въ 844 г. образовавшееся на развалинахъ тукіэской державы уйгурское ханство пало; но вслѣдъ за симъ нѣкоторые изъ составлявшихъ его родовъ успѣли сплотиться и образовать два государства, изъ коихъ восточное, основанное въ Хэ-си и имѣвшее своей столицей г. Гань-чжоу, просуществовало лишь до 1028 г., когда и было завоевано тангутами.

Самое раннее упоминаніе о тангутахъ находимъ мы въ надписи на памятникѣ въ Кошо-Цайдамѣ, поставленномъ въ 734 г. тюркскому кагану Могиляну [1]); а такъ какъ на томъ же памятникѣ говорится не только о тангутахъ, но и тибетцахъ [2]), то очевидно, что въ то время тюрки видѣли въ тангутахъ отличный отъ тибетцевъ народъ. «Исторія монголовъ» Рашидъ-эд-Дина (глава о племени тангутъ) [3]) убѣждаетъ насъ въ томъ, что наименованіе это пріурачивалось къ народу смѣшаннаго происхожденія, но главнымъ элементомъ коего были дансяны [4]).

Дансяны, говоритъ китайская лѣтопись, уже во времена Хань'ской династіи составляли отдѣльное поколѣніе западныхъ цяновъ, жившее къ югу отъ оз. Куку-нора, на правомъ берегу Желтой рѣки [5]). Въ началѣ VI вѣка, съ паденіемъ могущества танчанскихъ цяновъ [6]), они быстро усилились и вскорѣ заняли часть принад-

---

[1]) Радловъ и Меліоранскій — „Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи", IV, 1897, стр. 24.

[2]) Ib., стр. 17.

[3]) „Записки Императ. Археол. Общ.", XIV, стр. 119—123.

[4]) См. Klaproth—„Description de la Chine sous le règne de la dynastie mongole" въ „Nouv. Journ. Asiat.", XI, 1833, стр. 461; Pauthier—„Le livre de Marco Polo", I, стр. 152 и 162; Howorth—„The Northern Frontagers of China", VI, „Hia or Tangut" въ „Jour. of the R. As. Soc. of. Gr. Brit. a. Ir.", XV, 1883, стр. 439.

Въ цитированномъ выше сочиненіи Клапротъ высказываетъ предположеніе, что слово „тангутъ" произошло отъ слова „данъ-сянъ", съ чѣмъ соглашается и Howorth. Такъ, повидимому, думаетъ и Д. Позднѣевъ („Историческій очеркъ Уйгуровъ", стр. 70), ссылающійся на „Китайско-русскій словарь" арх. Палладія, I, стр. 154. Въ „Си-цанъ-фу" приводится, однако, слѣдующее преданіе: „Танъ-гу-де потомки танъ-гу-гюѣ. Происхожденіе слова „гу-гюѣ" слѣдующее: въ древности этотъ народъ жилъ въ западной странѣ, въ Алтайскихъ горахъ. Они были превосходные кузнецы и ковали изъ желѣза шлемы, бывшіе извѣстными подъ именемъ „гу-гюѣ", перенесеннымъ впослѣдствіи и на мѣстность ихъ производства. Современные тангуты и кукунорскіе фань-цзы носятъ шляпы, напоминающія желѣзные горшки, высокія и съ узкими краями, обшитыми красной бахрамой. Это ихъ сходство со шлемомъ и доказываетъ правильность вышесказаннаго" (Рокхиль—„Въ страну ламъ", стр. 53). Это, хотя и темное, указаніе свидѣтельствуетъ, однако, что наименованіе „тангу" принадлежало первоначально народу, пришлому съ сѣвера, всего вѣроятнѣе сяньбійцамъ „тоба", успѣвшимъ объединить подъ своей властью многія цянскія поколѣнія. Если это такъ, то вышеприведенное предположеніе Клапрота слѣдуетъ считать ошибочнымъ. Впрочемъ, въ другомъ сочиненіи („Explication", etc., въ „Mémoires relatifs à l'Asie", II, стр. 367) онъ цитируетъ Ма-дуань-лин'я, который пишетъ: „Ce pays reçut alors le nom de Tangou, d'une de leurs (Tang hiang) hordes principales, appelée (par les Chinois) Thang gou".

[5]) Іакинфъ, ib., стр. 237.

[6]) О нихъ см. выше, стр. 31.

*

лежавшихъ этимъ послѣднимъ земель въ области правыхъ притоковъ верхней Хуанъ-хэ. Этому усиленію дансяновъ, надо думать, въ значительной мѣрѣ способствовали сяньбійцы-тоба, которые, покоривъ ихъ въ 448 году, дали имъ энергичныхъ правителей, происходившихъ изъ боковой линіи тобаскаго императорскаго дома Юань-вэй.

Хотя дансяны и причисляются китайскими историками къ западнымъ цянамъ, но у тѣхъ же историковъ мы находимъ указаніе, что такъ называемые «черные дансяны», жившіе въ горахъ, служащихъ водораздѣломъ Тао-хэ и Вэй-шуй'я, составляли одно изъ дискихъ поколѣній [1]), и далѣе, что къ западу отъ этихъ дансяновъ жили «байланскіе цяны», извѣстные у тибетцевъ подъ именемъ динлиновъ [2]) и распадавшіеся на два отдѣла, изъ коихъ западный входилъ также въ составъ дансянскихъ родовъ. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что дансяны были народомъ смѣшаннаго происхожденія, въ которомъ преобладали три элемента—тибетскій, сяньбійскій и дискій [3]).

Въ 640-хъ годахъ старшина (князекъ) Тоба-Чицы призналъ себя вассаломъ Китая, за что и удостоенъ былъ высшаго отличія—причисленія къ императорской фамиліи Ли [4]); одновременно всѣ дансянскія земли на востокъ отъ верховій Желтой рѣки и хребта Цзи-ши-шань (Амнэ-мачинъ) вошли въ составъ Китайской импе-

---

[1]) Іакинфъ,—„Исторія Тибета и Хуху-нора", стр. 241.

[2]) Іакинфъ, ib., стр. 242.

[3]) У Pfizmaier'a („Die fremdländischen Reiche zu den Zeiten der Sui" въ „Sitzungsberichte der Kais. Akadem. der Wiss., philos.-histor. Classe", B. 97, 1881, S. 452) находимъ указаніе, что сами себя дансяны называли „ми-хоу". Тибетцы же именовали ихъ „минягъ" (Schmidt—„Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses verfasst von Ssenang Ssetsen Chungtaidschi", стр. 388; Васильевъ — „Исторія и древности восточной части Средней Азіи съ X по XIII в." въ „Трудахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества", IV, 1859, стр. 86). Даже царство Тангутское (Ся-го) называли они минягскимъ (см. Huth—„Geschichte des Buddhismus in der Mongolei", II, стр. 27). О минягахъ въ „Географіи Тибета" Миньчжулъ хутукты, стр. 46, находимъ: „На востокъ, по переправѣ изъ Литана черезъ р. Нагъ-чу, находится царство Минягъ... Жители этой страны не суть настоящіе тибетцы"; отличаясь наружностью отъ этихъ послѣднихъ („жители страны Ньягронъ похожи на минягцевъ"), они имѣютъ и свой особый языкъ („жители Мар-Хамс'а свирѣпы и грубы и говорятъ какъ минягцы"). Эти указанія очень важны, такъ какъ даютъ намъ возможность съ точностью опредѣлить ту не-тибетскую народность, къ которой принадлежали древніе дансяны. Монголамъ наименованіе минягъ было также извѣстно; такъ, у Санань Сэцена читаемъ: „Den tangutischen Tschingssang-Nojan liess er hinrichten und brachte das Volk Minak zur Ruhe und Ordnung". Schmidt, op. cit., стр. 121; см. также стр. 103 и 287).

Страна Минягъ называется иначе Чжала, по китайски Чжань-туй. У Hodgson'a („Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet", II, стр. 65—82) приведенъ небольшой словарь миняг'скаго (онъ пишетъ—маніакъ) языка.

[4]) Танская династія принадлежала къ фамиліи Ли,

ріи. Въ эпоху тугухуньско-тибетскихъ распрей дансяны, будучи не въ силахъ противиться напору тибетцевъ, покинули свою родину (въ 660 г.) и, съ разрѣшенія китайскихъ властей, имѣя во главѣ сяньбійцевъ-тоба, переселились въ округа Цинъ-чжоу [1]), Линъ-чжоу [2]) и Ся-чжоу [3]), гдѣ и смѣшались съ китайцами и остатками хунновъ, шатосцевъ, тюрковъ и тугухуньцевъ [4]). Изъ этого то конгломерата различныхъ народностей къ концу X вѣка сложился народъ, положившій начало тангутскому государству Ся-го, достигшему наибольшаго могущества въ 30-хъ годахъ XI вѣка и покоренному Чингисъ-ханомъ въ 1226 году [5]).

Далеко, однако, не всѣ дансяны увлечены были тоба'скими старшинами на сѣверъ; нѣкоторые роды ихъ, и въ томъ числѣ байланскіе динлины, остались въ Амдо, гдѣ и были три года спустя (т. е. въ 663 г.) покорены тибетцами [6]). Засимъ, съ момента распаденія въ 866 г. Тибетскаго государства до эпохи Чингисъ-хана ни о какихъ дальнѣйшихъ передвиженіяхъ народныхъ массъ въ предѣлахъ Куку-нора, Гань-су и сѣверной Сы-чуан'и, если не считать вторженія въ область верхняго теченія Желтой рѣки чжурчженей, принадлежавшихъ къ тунгузской народности, въ исторіи не упоминается.

XIII и начало XIV вѣка ознаменовались проникновеніемъ на сѣверныя окраины Тибета монгольскаго элемента. Къ 1370 г. китайцы застали уже всю страну къ сѣверу отъ Нань-шань'скихъ

---

[1]) Нынѣ Цинъ-янъ-фу въ пров. Гань-су.

[2]) Округъ этотъ въ 1724 г. присоединенъ былъ къ Нинъ-ся-фу; городъ Линъ-чжоу, бывшій съ 1003 г. столицей государства Ся-го, лежалъ на правомъ берегу р. Хуанъ-хэ, въ 40 верстахъ къ юго-востоку отъ г. Нинъ-ся. См. Іакинфъ, ib., стр. 242.

[3]) Нынѣ Нинъ-ся-фу.

[4]) Devéria—„L'écriture du royaume de Si-hia ou Tangout“ („Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et belles-lettres“, I, 1 série, I part., p. 28).

[5]) О физическихъ особенностяхъ этого народа намъ почти ничего неизвѣстно. Только о Тоба Юань-хао говорится, что онъ имѣлъ средній ростъ, лицо круглое, носъ возвышенный. Марко Поло описываетъ тангутовъ въ такихъ выраженіяхъ: „Les genz sont grasses genz et ont petiz nes et les cheveus noirs; et n'ont nulles barbes fors (excepté) aucuns peles (poil) au guernon (monstache)... Les fames sont moult belles et blanches de toutes façons“... (Pauthier, op. cit., I, стр. 205). Слѣдуетъ имѣть, однако, въ виду, что во времена Марко Поло этническій составъ бывшаго государства тангутовъ долженъ былъ измѣниться вслѣдствіе значительнаго притока тюрко-монгольскаго элемента, явившагося на смѣну тангутскому (дансянскому), весьма сильно порѣдѣвшему во время войнъ съ Чингисъ-ханомъ (см. т. II, стр. 63). Такъ какъ при взятіи населенныхъ пунктовъ монголами избивались преимущественно мужчины, то восхищеніе Марко Поло красотой тангутскихъ женщинъ, долженствовавшихъ сохранить кавказскія черты лица, совершенно понятно.

[6]) Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хуху-Нора“, I, стр. 242. См. также стр. 137, прим., 144, 146, 177, 185 и 186.

горъ и къ западу отъ оз. Куку-нора занятой монголами и омонголенными тюрками [1]), которые образовали здѣсь семь княжествъ— Ха-мѣй-ли, Чи-гинь-мэнъ-гу, Хань-дунъ восточное, Хань-дунъ западное, Ша-чжоу, Ань-динъ, А-дуань и Цюй-сянь [2]). Что, однако, въ эту эпоху и даже позднѣе тибетскія племена еще удерживали въ своей власти Куку-норъ и долину Бухаинъ-гола, а можетъ быть даже и долину верховій р. Данъ-хэ, это явствуетъ изъ всеподданнѣйшаго ходатайства ша-чжоу'скаго князя Кунъцзи-лай'я, который, ссылаясь на невозможность собственными силами оградить Ша-чжоу отъ набѣговъ тангутовъ, просилъ разрѣшенія со всѣмъ своимъ народомъ переселиться въ предѣлы Китая [3]).

Въ область оз. Куку-нора монголы стали проникать лишь съ начала XVI вѣка, притомъ первоначально не съ сѣвера, а съ востока, изъ Ордоса. Именно, въ десятыхъ годахъ сказаннаго столѣтія сюда бѣжалъ съ ордосцами Ибура-тайши, который въ очень короткій срокъ (къ 1512 году) овладѣлъ всей страной между г. Гань-чжоу-фу и Сунъ-пан'омъ, между долиной р. Хуанъ-хэ и ур. Гасъ; но, повидимому, завоеваніе это оказалось непрочнымъ, такъ какъ уже въ 1530 г. мы застаемъ Ибуру вновь на его родовыхъ кочевьяхъ, въ горахъ Ала-шань. Тѣмъ не менѣе, съ этого времени Куку-норъ сталъ пользоваться завидной славой у восточныхъ монголовъ, и съ легкой руки Ибуры-тайши сюда стали стекаться монголы, недовольные общимъ положеніемъ дѣлъ у себя, на родинѣ [4]). Въ 1559 г. этой страной, а равно и сопредѣльнымъ Амдо, овладѣлъ ордосскій князь Алтанъ-ханъ, который и посадилъ одного изъ своихъ сыновей княжить на Куку-норѣ, а другого въ Сунъ-пан'ѣ, къ югу отъ р. Хуанъ-хэ. Одновременно съ Алтанъханомъ откочевали на западъ и другіе роды восточныхъ монголовъ (Чэчень-тайши), занявшіе подъ свои кочевья Юй-гу, т. е. «Ильмовыя долины» [5]).

---

[1]) Заключаю это изъ того, напримѣръ, факта, что одинъ изъ хошуновъ аньдинскихъ монголовъ удержалъ древнее племенное названіе уйгуровъ-тэлэ (См. томъ II, стр. 70). Parker („A thousand years of the Tartars") полагаетъ, что это племенное названіе слѣдуетъ читать не тэлэ (тѣлэ) или чилэ, а терекъ или черекъ (cherek), причемъ слово „терекъ" явилось бы простымъ измѣненіемъ слова динлинъ. Съ этимъ согласиться, конечно, нельзя, такъ какъ динлины не были тэлэ, т. е. уйгурами, хотя въ жилахъ этихъ послѣднихъ и текла динлинская кровь.

[2]) Томъ II, стр. 67—70.

[3]) Въ 1434 году (ib., стр. 69).

[4]) Томъ II, стр. 80—81.

[5]) Такъ называлась въ прежнее время мѣстность въ области правыхъ притоковъ верхней Хуанъ-хэ.

Въ 1588 г. впервые [1]) въ окрестностяхъ Синина появились ойраты, но, будучи отброшены китайцами къ сѣверу, основались въ Нань-шань'скихъ горахъ. Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1638 году, въ область Куку-нора проникли хошоуты и торгоуты [2]). Къ 1644 г. политическія обстоятельства сложились настолько благопріятно для кукунорскихъ монголовъ, что ханъ ихъ безъ особыхъ усилій овладѣлъ всѣмъ Тибетомъ, наложивъ одновременно свою тяжелую руку какъ на провинцію Камъ, такъ и на земли, лежащія на западъ отъ г. Гань-чжоу. Къ этому именно времени относится фактическое [3]) вытѣсненіе тибетскихъ родовъ за Хуанъхэ. Въ 1678 г. бѣжали за Нань-шань и присоединились къ хошоутамъ подъ фамиліей Чоросъ нѣкоторые джунгарскіе родовичи; за ними вскорѣ послѣдовали многіе выходцы изъ Халхи и, наконецъ, нѣкоторыя отдѣленія ойратскаго рода Хойтъ. Этимъ послѣднимъ переселеніемъ закончились всѣ миграціи монголовъ на сѣверныя окраины Тибета съ сѣвера, послѣ чего Куку-норъ и Цайдамъ оказались подѣленными между хошоутами, торгоутами, чоросами, хойтами и халхасцами [4]).

Не касаясь засимъ послѣдующихъ историческихъ событій, ареной коихъ были Тибетъ и Куку-норъ, я замѣчу лишь, что маньчжурамъ рядомъ систематически проведенныхъ мѣропріятій удалось къ 1723 году подчинить своей власти обѣ эти страны и добиться въ ней вполнѣ устойчиваго положенія дѣлъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ сего была утрата монголами ихъ прежней воинственности, а засимъ быстрая деморализація, сонъ и апатія, которые мало по малу довели ихъ до состоянія, которое даже китайцами признано было жалкимъ. Такъ, ганьсуйскій генералъ-губернаторъ На-янь-чэнъ въ 1822 г. доносилъ: «Монголы большею частью разбѣжались и кочуютъ вблизи китайскихъ лагерей и пикетовъ; другіе поселились вблизи городовъ, ища защиты. Особенно много ихъ бродитъ безъ занятій и безъ средствъ къ жизни по области Синингъ, въ мѣстности Даньгаръ и уѣздѣ Датунъ, и по округамъ Гань-чжоу, Лянъ-чжоу и Су-чжоу, прося

---

[1]) Въ Хэси они появлялись однако и раньше; см. т. II, стр. 92.

[2]) Успенскій — „Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай“ („Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, VI, 1880, стр. 166); Іакинфъ—„Историческое обозрѣніе ойратовъ“, стр. 46.

[3]) Успенскій, op. cit., стр. 167.

[4]) Turner („An account of an Embassy to the court of the Teshoo Lama in Tibet, 1800“, стр. 196) упоминаетъ о монголахъ „дукба“, живущихъ въ сѣверномъ Бутанѣ. Рѣчь идетъ очевидно о тибетцахъ „друкпа“ или „докпа“ (См. Рокхиль—„Въ страну ламъ“, стр. 126; Гренаръ—„Mission scientifique dans la Haute Asie“, II, стр. 323).

милостыню. Бѣдность между ними невообразимая и возбуждающая крайнее состраданіе; собрать ихъ и водворить среди нихъ какой либо порядокъ нѣтъ никакой возможности. Земли къ сѣверу отъ Хуанъ-хэ на нѣсколько тысячъ ли совершенно опустѣли, и по нимъ всюду и свободно разгуливаютъ ѣ-фани (степные фани), переселившіеся съ южнаго берега Желтой рѣки, собираясь толпами и производя грабежи» [1]).

Желтая рѣка была положена сѣверной границей кочевій тибетскихъ родовъ въ 1726 году; только тангутамъ рода Арикъ отведены были земли къ сѣверу отъ нея, въ долинѣ озера Тосунъ-норъ [2]), но съ обязательствомъ нести воинскую повинность наравнѣ съ монголами и съ зачисленіемъ ихъ въ монгольскія роты [3]). На лѣвый берегъ Хуанъ-хэ си-фани [4]) перешли въ 1796 году; съ этихъ же поръ стремленіе ихъ къ Куку-нору не прекращалось [5]), и въ настоящее время, не смотря на принимавшіяся противъ нихъ китайскимъ правительствомъ репрессивныя мѣры, они вытѣснили монголовъ даже изъ ближайшихъ окрестностей озера, при чемъ помянутый выше родъ Арикъ выдвинулся далеко на сѣверъ и занялъ долины средняго теченія р. Да-туна и р. Бабо-хэ [6]).

---

[1]) Успенскій, op. cit., стр. 185. Въ „Шэнъ-у-цзи“ мы читаемъ: „Съ этого времени (т. е. съ 1723 г.) Кукэ-норъ сталъ мало по малу ослабѣвать, а дикіе тибетцы усиливаться. Нынѣшніе монголы такъ же боятся дикихъ тибетцевъ, какъ нѣкогда туркестанцы боялись элютовъ. Отъ этого произошелъ большой переворотъ въ пограничныхъ дѣлахъ и мѣрахъ предосторожности въ Тибетѣ“ (Васильевъ — „Приведеніе въ покорность монголовъ при началѣ Дайцинской династіи“, стр. 333).

[2]) W. W. Rockhill—„Diary of a Journey through Mongolia and Tibet, 1891 — 1892“, стр. 112.

[3]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, въ переводѣ Попова. („Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, XXIV, стр. 437).

[4]) Рокхиль въ цитированномъ выше сочиненіи о тангутахъ области Куку-нора замѣчаетъ между прочимъ: „Всѣ роды кукунорскихъ тибетцевъ принадлежали къ восьми поколѣніямъ съ названіемъ На (Нагъ), вслѣдствіе чего они стали извѣстны подъ смѣшаннымъ именемъ Па-на-ка или Па-на-ка-сумъ, т. е. восьми семействъ На или трехъ (отдѣленій) восьми семействъ На; послѣднее названіе, какъ кажется, сравнительно недавнее, указываетъ, какъ мнѣ говорили, на три части страны, въ настоящее время занятыя панака: къ сѣверу отъ оз. Куку-нора, къ югу отъ него и къ югу отъ Желтой рѣки—Ма-хари панака. Это наименованіе „панака“ или „панака-сумъ“ они нынѣ усвоили въ качествѣ племенного названія и говорятъ о себѣ: мы панака-сумъ“. А. Позднѣевъ („Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну мало-дөрбөтскаго База бакши“, стр. 169—170) находитъ такое разъясненіе значенія племенного прозванія панака-сумъ неестественнымъ и рядомъ умозаключеній приходитъ къ выводу, что „панака-сумъ“ означаетъ „три черноюртные, что вполнѣ согласуется и съ духомъ восточныхъ племенныхъ именъ“.

[5]) По свидѣтельству Рокхиля, переселеніе панака на сѣверъ особенно усилилось въ шестидесятыхъ годахъ, когда китайское правительство, занятое борьбой съ возставшими дунганами, было не въ силахъ его сдержать.

[6]) Потанинъ—„Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія“, I, стр. 419.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Сининскій китаецъ.

Дунгане.

Фототипія В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Правит. И. Каминскій.

Кромѣ монголовъ, въ юань'скую эпоху въ провинцію Ганьсу проникъ народный элементъ, до той поры остававшійся чуждымъ этой странѣ—уроженцы Персіи, Хивы, Самарканда и другихъ мѣстностей иранской Азіи, которые, будучи уведены на востокъ Чингисъ-ханомъ, сплотились здѣсь, благодаря единству религіи, въ единый народъ—современныхъ дунганъ [1]).

---

[1]) Независимо отъ дунганъ должны быть упомянуты такъ называемые „саларскіе мусульмане", населяющіе окрестности Сюнь-хуа-тин'а и долину Баянъ-ронъ; ихъ считаютъ тюрками, и дѣйствительно, живущіе въ окрестностяхъ Сюнь-хуя-тин'а салары сохранили въ полной мѣрѣ знаніе тюркскаго языка. Архимандритъ Палладій видитъ въ нихъ потомковъ хамійскихъ уйгуровъ („О магометанахъ въ Китаѣ" въ „Трудахъ членовъ Росс. духовн. миссіи въ Пекинѣ", IV, стр. 442—443); того же мнѣнія держится и Гренаръ (Dutreuil de Rhins—„Mission scientifique dans la Haute Asie", II, стр. 464.).

Въ письмѣ къ А. Е. Влангали, опубликованномъ въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.", 1873, IX, стр. 304—306, арх. Палладій пишетъ: „Когда хамильцы были тѣснимы отъ турфанскихъ султановъ, минское правительство построило для нихъ особый городъ въ 400 ли отъ Су-чжоу на пути въ Хами, гдѣ и поселило ихъ. Этотъ городъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Ку-юй-чэна. Черезъ нѣкоторое время турфаньцы двинулись на Ку-юй и поселенцы его бѣжали въ Ганьсу". См. также Покотиловъ—„Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ", стр. 94, de Mailla—„Histoire générale de la Chine", X, стр. 305, и „Histoire de la dynastie des Ming", composée par l'Empereur Khian-Loung (Цянь-лунъ), trad. par M. l'abbé Delamarre, I, стр. 361. Кромѣ хамійцевъ селились въ Принаньшаньѣ и выходцы изъ другихъ мѣстностей Восточнаго Туркестана; такъ, въ „Синь-цзянъ-чжи-лё" мы читаемъ, что въ 1726 году императоръ Юнъчжэнъ рѣшилъ перевести лобнорскихъ мусульманъ и жителей, живущихъ на водѣ, вмѣстѣ съ турфанскими мусульманами въ города Булунгуй, Ша-чжоу и Гуа-чжоу (St. Julien—„Hydrographie de la nouvelle frontière" въ „Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques", nouv. série, 1846, III, стр. 39); позднѣе, а именно въ 1732 году, въ Гуа-чжоу поселены были и другіе турфанцы, которые явились сюда съ княземъ Эминъ-ходжей во главѣ (Григорьевъ—„Восточный или Китайскій Туркестанъ", II, стр. 368). Какая же изъ этихъ группъ туркестанцевъ эмигрировала затѣмъ въ долину Желтой рѣки, свѣдѣній не имѣется, но сами себя салары выдаютъ за потомковъ самаркандскихъ выходцевъ, бѣжавшихъ въ 1370-хъ годахъ, вслѣдствіе неурядицъ, въ Китай, что подтверждается и „Исторіей династіи Минъ". См. Rockhill—„Diary of a Journey through Mongolia and Tibet"; его же—„Въ страну ламъ", стр. 32; Потанинъ—„Танг.-тиб. окраина Китая и Центр. Монголія", I).

ГЛАВА III.

Къ этнологіи Амдо и области Куку-нора.

(Продолженіе).

Изложенная въ предшедшей главѣ исторія народныхъ передвиженій въ намѣченныхъ выше предѣлахъ Средней Азіи объясняетъ намъ нѣкоторыя особенности того сложнаго типа, который представляетъ въ настоящее время тангутская народность.

Ядромъ ея послужили древніе цяны, отъ которыхъ тангуты, какъ и остальные тибетцы, преемственно заимствовали языкъ, принадлежащій къ семьѣ индокитайскихъ или односложныхъ языковъ, на коихъ объясняется нынѣ группа народовъ, относящихся, по своимъ физическимъ особенностямъ, главнымъ образомъ къ переходнымъ типамъ между монгольскимъ и малайскимъ, т. е. къ типамъ, удержавшимъ наиболѣе характерныя черты монгольской расы. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ считать и первобытныхъ цяновъ народомъ монгольской расы, характеризующейся: ростомъ ниже средняго (отъ 1,65 до 1,60 метра включительно), короткой шеей, приземистыми конечностями, сравнительно большой головой, соединяющей въ себѣ общіе признаки, свойственные крайнему короткоголовому типу, и плоскимъ, съ мало выраженною прогнатичностью, лицомъ, особенно широкимъ на уровнѣ выдающихся наружу скулъ; очень слабо развитыми надбровными дугами и надпереносьемъ, очень широкимъ, какъ бы сплющеннымъ, межглазничнымъ промежуткомъ и приплюснутымъ, у корня даже вогнутымъ, небольшимъ носомъ; косо поставленными и, вслѣдствіе особаго устройства вѣкъ, кажущимися маленькими, всегда черными глазами; смуглой, желтовато-бѣлой, безъ примѣси розоваго или коричневаго оттѣнковъ, кожей; прямыми, жесткими, довольно

длинными черными волосами на головѣ; длинными черными усами въ видѣ тонкихъ кистей; рѣдкой черной же бородой и отсутствіемъ бакенбардъ.

Современный тангутъ, какъ земледѣлецъ, такъ и номадъ, далеко уклонился, однако, отъ этого основного монгольскаго типа.

Ганьсуйскихъ тангутовъ Пржевальскій описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ [1]): «Своимъ типомъ тангуты отчасти напоминаютъ цыганъ [2])». Общій ростъ ихъ средній, частью даже большой, сложеніе коренастое, плечи широкія; волосы, брови, усы и борода у всѣхъ, безъ исключенія, черные; глаза черные, обыкновенно большіе или средней величины, но не узко прорѣзанные, какъ у монголовъ; носъ прямой, иногда (не особенно рѣдко) орлиный или вздернутый къ верху; губы большія и довольно часто отвороченныя; скулы хотя и выдаются, но не столь сильно, какъ у монголовъ; лицо вообще продолговатое, но не плоское; черепъ круглый; зубы отличные, бѣлые; общій цвѣтъ кожи смуглый, у женщинъ иногда матовый; кромѣ того, женщины, вообще, меньше ростомъ, нежели мужчины. «Въ противоположность монголамъ и китайцамъ, у тангутовъ сильно растутъ усы и борода, но они всегда ихъ брѣютъ». О хара-тангутахъ Куку-нора онъ замѣчаетъ, что они отличаются отъ своихъ собратій въ Гань-су сравнительно большимъ ростомъ и болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи [3]). У тибетцевъ-камъ изъ долины р. Ды-чю онъ подмѣтилъ другую особенность—черепъ скорѣе продолговатый, чѣмъ округлый [4]); у тангутовъ же съ верховій Хуанъ-хэ — уклоненіе въ сторону основного монгольскаго типа [5]), что находитъ себѣ объясненіе въ фактѣ переселенія сюда въ 1559 году ордосскихъ монголовъ [6]). Въ г. Гуй-дэтинѣ мы встрѣтили субъектовъ, которые, будучи не отличимы по одеждѣ и физическимъ особенностямъ отъ мѣстныхъ тангутовъ, тѣмъ не менѣе выдавали себя за монголовъ, что и доказывали знаніемъ монгольскаго языка. Наконецъ, о тибетцахъ, кочующихъ въ горахъ Танъ-ла, тотъ же путешественникъ пишетъ: ростъ ихъ

---

[1]) „Монголія и страна тангутовъ", I, стр. 256.

[2]) Въ подобныхъ же выраженіяхъ характеризуетъ ганьсуйскихъ тангутовъ и Бель („The Great Central Asian Trade Route from Peking to Kashgaria", стр. 68).

[3]) Ib., стр. 257.

[4]) „Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима" (Четвертое путешествіе), стр. 183.

[5]) „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки" (Третье путешествіе), стр. 343.

[6]) См. выше, стр. 38. Объ отибетившихся монголахъ въ долинѣ Sche-tsche (Шэ-чжэ, не Рчи-цзюй ли?), въ Амдо, см. Futterer—„Durch Asien", стр. 355—356.

*

средній, рѣдко высокій; грудь впалая; сложеніе, вообще, не сильное: черепъ продолговатый, сжатый съ боковъ, лицо вытянутое, скулы мало выдающіяся, лобъ плоскій, переносица вдавленная, носъ всего чаще прямой и тонкій; глаза большіе, черные, не косые и не глубоко посаженные; уши не оттопыренныя и средней величины; губы иногда толстыя; подбородокъ выдающійся; передніе зубы рѣдкіе и широкіе, безобразно выдающіеся впередъ; волосы на головѣ черные, длинные, сбивающіеся клочковатыми прядями; цвѣтъ кожи очень смуглый, точнѣе—свѣтло-кофейный; женщины малорослы и обыкновенно некрасивы, но цвѣтъ лица у нихъ свѣтлѣе, чѣмъ у мужчинъ, а передніе зубы болѣе правильно поставлены (т. е., что онѣ менѣе прогнатичны, чѣмъ мужчины?) [1]).

Гренаръ описываетъ средній типъ тибетца въ такихъ выраженіяхъ [2]):

Лобъ высокій и узкій, иногда лишь уходящій назадъ, уши большія и оттопыренныя; носъ выдающійся, нерѣдко орлиный, но иногда широкій и приплюснутый; ноздри почти всегда широкія; глаза менѣе на выкатѣ, а разрѣзъ ихъ не столь узокъ какъ у монголовъ; нерѣдко же этой послѣдней особенности монгольскаго типа нѣтъ и слѣда; скуловыя дуги большія и выдающіяся; лицо продолговатое, рѣзко очерченное, иногда почти четвероугольное, но никогда не круглое, какъ у монголовъ; ротъ большой; зубы крѣпкіе, но легко подвергающіеся порчѣ и часто неправильно поставленные; губы тонкія, рѣже толстыя; руки и ноги большія и грубыя; волоса густые и жесткіе, съ болѣе или менѣе ясно выраженной тенденціей виться; борода рѣдкая; однако это не общее правило: среди восточныхъ тибетцевъ встрѣчаются субъекты съ бородой, какъ у патріарховъ. Ростъ выше средняго (1,65 метра), болѣе высокій въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ, чѣмъ въ западномъ (1,60 метра); кости массивныя; мускулы мало развитые, но общая комплекція сильная; полнота — явленіе исключительное даже у женщинъ; черепъ менѣе короткоголовый, чѣмъ у монголовъ; цвѣтъ глазъ—карій, волосъ—черный, кожи—бронзово-смуглый [3]). Это—характеристика средняго типа; вообще, однако, надлежитъ имѣть въ виду, что среди тибетцевъ, объединенныхъ однимъ языкомъ, можно различить не менѣе пяти первичныхъ

---

[1]) Ib., стр. 252.

[2]) Dutreuil de Rhins—„Mission scientifique dans la Haute Asie“, II, стр. 322—323.

[3]) Въ собраніи легендъ Падма Самбава Тибетъ называется страной краснолицыхъ—„донгъ-маръ Бодъ-юлъ“.

Примѣч. Grenard'a.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Хонбу Гулы.

Хонбу Анярэ.

Фототипія В. Класонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Преемн. Н. Каминскій.

типовъ, возстановить которые могъ бы теперь только спеціалистъ, да и то послѣ тщательныхъ изслѣдованій.

Рокхиль, утверждая, что всѣ роды тибетцевъ-кочевниковъ, населяющихъ восточный Тибетъ, носятъ одно общее имъ всѣмъ наименованіе—друпа или друкпа [1]), даетъ такую характеристику физическихъ особенностей этихъ послѣднихъ [2]):

Они очень стройнаго тѣлосложенія и широки въ плечахъ, мускулы ихъ тѣла, за исключеніемъ, впрочемъ, грудныхъ, развиты довольно слабо; замѣчаніе это касается также ногъ, въ особенности же икръ; ступни ногъ и кисти рукъ непропорціонально велики. По формѣ головы они принадлежатъ къ короткоголовому типу; лобъ у нихъ высокій, но узкій; носъ толстый, иногда вдавленный при основаніи, иногда же выдающійся и даже орлиный; ноздри при острой спинкѣ носа часто широкія; глаза, расположенные горизонтально, въ большинствѣ случаевъ большіе, каріе и даже нерѣдко свѣтло-каріе (hazel); скулы выдающіяся, однако, далеко не столь сильно, какъ у монголовъ; уши болѣе прижаты къ головѣ, чѣмъ у этихъ послѣднихъ, но въ то же время большаго, чѣмъ у нихъ, размѣра; ротъ большой; губы не особенно толстыя, у жителей долинъ даже тонкія; зубы крѣпкіе, но неправильные; волосы на головѣ почти безъ исключенія—волнистые; борода очень рѣдкая; только въ княжествахъ Драйя и Чамдо встрѣчаются субъекты съ пышной бородой и тѣломъ, поросшимъ волосами; вообще, однако, тибетцы не имѣютъ волосъ на груди и конечностяхъ. Ростъ ихъ средній (1,65 метра); женщины лишь немногимъ ниже [3]). Дородныхъ мужчинъ среди друпа вообще не встрѣчается, но полныя женщины не рѣдки; онѣ и въ лицѣ полнѣе мужчинъ. Груди у нихъ небольшія и не отвислыя; плодовитостью онѣ не отличаются и бездѣтныхъ среди нихъ не мало. Мускулы тѣла развиты у нихъ сравнительно сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ, что объясняется тяжелой физической работой, выпадающей на ихъ долю [4]). Волосы у нихъ длинные, жесткіе, но не

---

[1]) „Въ страну ламъ“, стр. 126. Montgomerie („Narrative of an Exploration of the Namcho, or Tengri Nur Lake, in Great Tibet, made by a Native Explorer, during 1871—1872“ въ „The Journal of the Royal Geographical Society“, 1875, XLV, стр. 317) пишетъ „додра“.

[2]) „Notes on the Ethnology of Tibet“ (въ „Report of the U. S. National museum“, 1895, стр. 673 и слѣд.); „Въ страну ламъ“, стр. 54.

[3]) Въ „Diary of a Journey through Mongolia and Tibet“ онъ опредѣляетъ предѣльный ростъ въ 1,73 метра и говоритъ, что женщины не ниже мужчинъ.

[4]) „Въ Описаніи Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи“ (переведено съ китайскаго Іакинфомъ), стр. 157, говорится также: „Женщины въ Тибетѣ сильнѣе, а мужчины напротивъ слабѣе сложеніемъ“,

грубые, сѣдѣющіе, да и то невполнѣ, въ самой глубокой старости—замѣчаніе, которое слѣдуетъ отнести и къ мужчинамъ, среди которыхъ въ зрѣломъ возрастѣ плѣшивые, однако, вовсе не рѣдки. Кожа, имѣющая у друпа лишь слабый специфическій запахъ, на ощупъ—грубая и жирная; цвѣтъ ея свѣтло-коричневый, но нерѣдко также—почти бѣлый; румяныя щеки у дѣвушекъ—явленіе заурядное.

Наибольшее отклоненіе отъ этого типа представляетъ населеніе княжества Хоръ-ба, отличающееся отъ друпа менѣе рѣзкими и грубыми чертами лица, прекрасными большими глазами, почти всегда орлинымъ носомъ и нерѣдко вьющимися волосами; особенной же миловидностью и даже красотой выдѣляются въ Хоръ-ба женщины [1]). Индивидуумы съ вьющимися волосами, тонкимъ орлинымъ носомъ и большими глазами встрѣчаются впрочемъ довольно часто и въ остальномъ восточномъ Тибетѣ, въ области же, занятой друпа, этотъ типъ рѣдокъ; по крайней мѣрѣ Рокхиль встрѣтилъ тамъ всего лишь одного туземца, похожаго на переодѣтаго европейца, а именно, на территоріи, такъ называемыхъ, Намцо-камба [2]).

Саратъ Чандра Дасъ, говоря о далай-ламѣ, описываетъ его наружность въ слѣдующихъ словахъ: «Великій лама—ребенокъ восьми лѣтъ, съ красивымъ тѣлосложеніемъ и розовыми щечками. Глаза у него большіе и проницательные, обликъ лица почти арійскій, хотя нѣсколько обезображенный косымъ направленіемъ глазъ» [3]). Лицо другого далай-ламы, по имени Лозанъ лунъ-тогъ

---

[1]) „Въ страну ламъ“, стр. 159, Hodgson въ „Essays of the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“, II, стр. 78, даетъ намъ детальное описаніе уроженца страны Хоръ-ба. Находя, что чертами лица и всей своей изящной фигурой означенный субъектъ напоминалъ арійца, онъ въ то же время очерчиваетъ его внѣшность въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ростъ высокій (1,71), но сложеніе далеко не сильное; руки нѣсколько длиннѣе, а ноги короче, чѣмъ у европейца; голова небольшая (54 сант. въ окружности); форма черепа продолговатая (изъ приводимыхъ Hodgson'омъ цифровыхъ данныхъ я вычислилъ головной указатель равнымъ 79,9, что составляетъ предѣльную цифру для среднеголоваго типа); лицо довольно длинное, овальной формы; лобъ узкій и довольно низкій, но не покатый назадъ; лобные бугры и надбровныя дуги мало замѣтные; скулы также не выступающія впередъ; глаза довольно большіе, каріе, съ вѣками, прикрывающими слезные бугорки (такая форма вѣкъ—отличительный признакъ монгольской расы); носъ прямой, не слишкомъ выдающійся, ноздри продолговатыя, овальныя; надпереносица широкая; ротъ красивой формы, губы полныя, но не вывороченныя; зубы ортогнатичны, хорошо поставленные, но не прочные, челюсти небольшія; подбородокъ округлый, не уходящій назадъ Цвѣтъ кожи очень смуглый, безъ румянца на щекахъ. Волосы на головѣ черные, густые, длинные, прямые и довольно жесткіе. Усы небольшіе; бакенбарды густыя; бороды, а равно волосъ на груди и конечностяхъ, не имѣется.

[2]) Ib., стр. 120.

[3]) „Путешествіе въ Тибетъ“, стр. 218.

чжяцо, англичанинъ Маннингъ нашелъ также чрезвычайно красивымъ и поэтическимъ [1]).

Къ этимъ характеристикамъ физическихъ особенностей современныхъ тибетцевъ я, съ своей стороны, могу добавить лишь весьма немногое.

Не смотря на слегка сжатую съ боковъ форму черепа, головной указатель тибетца Гань-су и Куку-нора поставитъ его, какъ я думаю, въ ряду короткоголовыхъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ подъ-короткоголовыхъ (по классификаціи Брока), что объясняется какъ его плоскимъ затылкомъ [2]), такъ и слабо выступающимъ надъ-переносьемъ. Тибетецъ изъ указанныхъ выше районовъ безусловно ортогнатиченъ; субъектовъ, подобныхъ встрѣченнымъ Пржевальскимъ въ горахъ Танъ-ла, мнѣ вовсе не попадалось; со стороны фаса лицо у него хотя и не такъ сильно выступаетъ по средней линіи, какъ у европейца, но все же далеко уклонилось и отъ характерной для монгола формы—сплющенной по серединѣ и выступающей впередъ своими широкими боковыми частями. Лобъ у него прямой (почти вертикальный) и плоскій, т. е. съ слабо выраженными лобными буграми и надбровными дугами (исключенія весьма рѣдки); межглазничное пространство не шире, чѣмъ у европейца; глаза выступающіе и придающіе, въ особенности благодаря длиннымъ и толстымъ вѣкамъ, складками опускающимся кнаружи, многимъ тибетскимъ лицамъ особый своеобразный отпечатокъ; ротъ рѣдко большой; губы—чаще тонкія (толстыхъ и вывороченныхъ мнѣ видѣть не доводилось); подбородокъ выдающійся.

Суммируя всѣ эти данныя, мы не можемъ не придти къ заключенію, что современный тибетецъ имѣетъ значительную примѣсь крови бѣлой расы.

Нѣкоторые антропологи объясняютъ темный цвѣтъ кожи тибетцевъ, ихъ большіе черные глаза, выдающійся носъ и курчавые волосы ранней метисаціей съ дравидійскими племенами. Не установлено однако, что римскій носъ и красивые большіе глаза составляли расовыя отличія первобытныхъ дравидійцевъ, а не явились результатомъ метисаціи этихъ послѣднихъ съ арійцами, вторгшимися въ Индію за 2000 лѣтъ до Р. Хр. Съ другой стороны почти

---

[1]) Markham—„Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet and of the Journey of Thomas Manning to Lhasa", стр. 265—266.

[2]) Малое развитіе затылочной части головы у нѣкоторыхъ субъектовъ прямо-таки поразительно: затылокъ у нихъ какъ-бы срѣзанъ, затылочные бугры отсутствуютъ.

не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что автохтонами южнаго Китая и южнаго Тибета были коларійскія племена, характеризующіяся малымъ ростомъ, темнымъ, почти чернымъ, цвѣтомъ кожи, долихоцефаліей, убѣгающимъ назадъ лбомъ, широкимъ плоскимъ лицомъ, выдающимися скулами, маленькими глазами, вдавленной переносицей, большимъ приплюснутымъ носомъ, толстыми губами, прогнатичными челюстями и зубами и блестящими прямыми волосами. Не результатомъ ли метисаціи съ этими автохтонами долины Цзамбо явились физическія особенности танла'скихъ тибетцевъ, выражающіяся въ челюстномъ и зубномъ прогнатизмѣ, вдавленной переносицѣ и весьма темномъ (свѣтло-кофейномъ) цвѣтѣ кожи?

Рокхиль, какъ это выше указывалось, подмѣтилъ, что европейскій типъ попадается всего чаще въ восточномъ Тибетѣ, Desgodins же добавляетъ, что у мѣстныхъ тибетцевъ цвѣтъ волосъ въ дѣтствѣ почти всегда свѣтло-каштановый [1]), совокупность каковыхъ фактовъ приводитъ насъ къ заключенію, что кавказскія черты лица у современнаго населенія восточнаго Тибета явились результатомъ происшедшаго здѣсь смѣшенія цяновъ съ бѣлокурой расой, т. е. динлинами.

Изъ сопоставленія вышеизложенныхъ данныхъ вытекаетъ слѣдующій ходъ этнологическаго развитія тибетскаго племени.

Уже въ глубочайшей древности, пишетъ Маньчжулъ-хутукта [2]), встрѣчаемъ мы среди тибетскихъ царей, вельможъ и лоцзавъ (переводчиковъ) лицъ, носящихъ фамиліи китайскія и хорскія (монгольскія), изъ чего явствуетъ, что нельзя говорить съ увѣренностью объ единствѣ происхожденія народа тибетскаго. Это указаніе подтверждаетъ китайское извѣстіе о заселеніи Тибета сицянами—выходцами изъ внутренняго Китая [3]), такъ какъ только

---

[1]) „Le Thibet d'après la correspondance des missionaires", 2 édit., стр. 255. Далѣе Desgodins пишетъ: „Quelques-uns conservent la couleur châtain foncé toute leur vie".

[2]) „Географія Тибета", перев. В. Васильевымъ, стр. 56.

[3]) У Іакинфа („Исторія Тибета и Хухунора", I, стр. 1—2) читаемъ: „Западные цяны ведутъ происхожденіе отъ князя Сань-міао, который составлялъ особливую линію дома Цзянъ и котораго купно съ его народомъ государь Яо еще въ 2282 г. до Р. Хр. вывелъ въ Сань-вэй". Въ примѣчаніи же къ сему говорится: „Сань-міао со своимъ народомъ выведенъ изъ провинціи Ху-нань. Іо-чжоу-фу есть первобытное жилище сего народа, коего потомки, существующіе въ помянутой области и донынѣ, различествуютъ отъ китайцевъ и языкомъ, и образомъ лица". Это послѣднее указаніе, согласно имѣющимся въ литературѣ даннымъ, не вѣрно. Въ области Іо-чжоу-фу нѣтъ инородцевъ; послѣдніе, правда, удержались еще въ области Юнъ-чжоу-фу, но такъ какъ они принадлежатъ къ маньскому племени Яо, то къ нимъ и не можетъ относиться вышесказанное. Да и неправдоподобно, чтобы государь Яо могъ вывести цяновъ изъ-за р. Янъцзы-цзяна, куда, къ слову сказать, его власть даже не распространялась, съ тѣмъ, чтобы посе-

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Панака. (Кукунорскій тангутъ.)

Маньчжуръ.

Панака. (Кукунорскіе тангуты.)

Phototypie W. Clasen, St. Petersburg, Kadetten Linie № 7–2.

A. Kaminsky Nachfolger.

этимъ послѣднимъ фактомъ и можно объяснить столь раннюю примѣсь къ цянскому—китайскаго[1]) и монгольскаго[2]) элементовъ. Гораздо значительнѣе однако должна была быть примѣсь къ цянамъ третьяго элемента, именно—дискаго, на который тибетскій географъ уже потому не могъ указать, что ни дискаго языка, ни дискаго племени въ настоящее время не существуетъ. Оно исчезло и въ юго-западной Гань-су, въ Сы-чуани и въ восточномъ Тибетѣ поглощено было тибетскимъ настолько полно, что извѣстнѣйшія родовыя его прозванія стали считаться тибетскими; таковы, напримѣръ, поколѣніе янъ, населяющее нынѣ долину рѣки Даохэ выше Минъ-чжоу[3]), и гѣ или цзѣ-цяны—потомки дискаго рода бо-ма[4]).

О времени переселенія си-цяновъ въ Тибетъ говорятъ лишь,

лить ихъ затѣмъ на крайнемъ западѣ Хэ-си. Жуны, какъ выше было замѣчено, заселяли на зарѣ китайской исторіи огромныя пространства внутри Китая, цяновъ же Санъ-міао китайцы, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ жунскихъ поколѣній, называли си-жунами, т. е. западными жунами, изъ чего явствуетъ, что первоначальное мѣстопребываніе ихъ мы должны искать гдѣ либо въ Шэнь-си или Гань-су, откуда государь Яо и потѣснилъ ихъ еще далѣе къ западу, въ мѣстность Сань-вэй. Дѣйствительно, изъ сопоставленія историческихъ данныхъ о различныхъ поколѣніяхъ цяновъ оказывается, что уже во времена царствованія Ди-ку, т. е. за 150 лѣтъ до помянутаго переселенія, область Фынъ-сянъ-фу, провинціи Шэнь-си, заселяли цюань-жуны; эти же послѣдніе, отождествляемые въ исторіи Гань-му съ цюань-и, и стали прозываться со временъ государя Сѣ (1996 г.) си-цян'ами. (Георгіевскій — „Первый періодъ китайской исторіи", стр. 17; Іакинфъ, ib., стр. 4). „Шань-хай-цзинъ" еще опредѣленнѣе указываетъ на сѣверо-западный Китай, какъ на родину цюань-жуновъ.

Интересно, что именно этихъ цюань-жуновъ китайскіе лѣтописцы какимъ-то образомъ связываютъ съ дисцами. Такъ у Д. Позднѣева („Историческій очеркъ Уйгуровъ", стр. 2) мы читаемъ: „Происхожденіе цюань-жуновъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Императоръ Хуанъ-ди (2697 — 2597) произвелъ Мяо-луна; Мяо-лунъ произвелъ Жунъ-у; Жунъ-у произвелъ Бяо-мина; Бяо-минъ произвелъ Бай-цюаня, т. е. бѣлую собаку; собакъ было двѣ, и онѣ-то произвели цюань-жуновъ, т. е. собакъ-жуновъ; они питались мясомъ и были красными четвероногими". Что означаетъ вся эта цитата, объяснить очень трудно, но здѣсь очевидно кроется первоначальный смыслъ имени чи-ди, т. е. красныхъ ди, потому что китайскіе ученые сопоставляютъ эту фразу съ цитатою въ „Шо-вэнь", древнѣйшемъ китайскомъ лексиконѣ, гдѣ слово „чи-ди" объясняется такъ: „Чи-ди" суть древнѣйшіе потомки собакъ, отсюда и іероглифъ „ди" имѣетъ ключъ, означающій собаку".

[1]) Китайскія лѣтописи содержатъ не мало указаній на случаи бѣгства именитыхъ китайцевъ въ степи, къ кочевникамъ, среди коихъ они основывали даже владѣтельные дома; такъ, напримѣръ, про китайскаго сановника Гунъ-лю сказано, что, будучи лишенъ званія главнаго попечителя земледѣлія, онъ бѣжалъ къ цянамъ и принялъ ихъ кочевой образъ жизни; нѣкто Шунь-вэй, сынъ послѣдняго изъ государей китайской династіи Ся, также бѣжалъ въ степи со всѣмъ своимъ родомъ въ 1764 г. до Р. Хр. и т. д. Китайская лѣтопись передаетъ намъ также весьма интересное преданіе, гласящее, что Сань-міао, князь си-цян'овъ, происходилъ изъ рода Шэнь-нун'а, царствовавшаго съ 2838 г. въ Китаѣ подъ именемъ Янь-ди.

[2]) Что монголы сосѣдили съ жунами (цянами) и динлинами въ отдаленнѣйшія времена китайской исторіи, это слѣдуетъ изъ дальнѣйшаго.

[3]) Потанинъ — „Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія", I, стр. 243. Къ этому поколѣнію принадлежала династія государей царства Ву-ду.

[4]) Ивановскій—„Матеріалы для исторіи инородцевъ юго-западнаго Китая", I, стр. 158.

что оно произошло задолго до начала нашей эры. Надо полагать, что оно было вызвано вторженіемъ китайскаго государя Сянъ, упорно преслѣдовавшаго си-цяновъ въ теченіе семи лѣтъ и только въ 2140 г. до Р. Хр. принудившаго ихъ покориться Китаю. Если предположеніе это оказалось бы вѣрнымъ, то переселеніе части си-цяновъ въ область, занятую коларійскими племенами, совпадало бы съ вторженіемъ въ ту-же область и индусовъ. Явные слѣды смѣшенія въ большей степени съ арійцами [1]), въ меньшей—съ коларіями обнаруживаютъ жители Ладака и западнаго Тибета; но какъ далеко на востокъ простерлось облагораживающее вліяніе примѣси арійской крови—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ въ области верхняго теченія Желтой рѣки и Янъ-цзы-цзян'а современный тибетскій типъ слагался уже подъ вліяніемъ примѣси крови бѣлокурыхъ дисцевъ (динлиновъ), а не арійской.

О судьбѣ цяновъ, поселившихся въ долинѣ р. Цзамбо, намъ ничего неизвѣстно вплоть до VII вѣка по Р. Хр., когда на арену всемірной исторіи они выступили въ качествѣ уже сплотившагося въ могущественное государство народа. Въ 663 году они овладѣли всей территоріей Тогонскаго царства, отличавшагося, какъ мы уже знаемъ, крайне разноплеменнымъ составомъ своего населенія; наименѣе однако извѣстными въ этнологическомъ отношеніи элементами являются среди него юэчжи и сами тогонцы. Объ юэчжахъ мнѣ нечего добавить къ тому, что уже сообщалось выше; что же касается тогонцевъ, то принадлежность ихъ къ монголамъ доказывается нижеслѣдующимъ.

Въ «Географіи Тибета» Миньчжулъ-хутукты мы находимъ такое указаніе: «Отъ монастыря Го-ман-гонь (Го-мань-сы) на востокъ, перейдя одну гору, находится монастырь Чувзанъ (Чейбсенъ); отсюда на юго-востокъ въ полдня слишкомъ пути находится монастырь Гонь-лунъ... Къ сѣверу отъ этого послѣдняго удѣлъ Амдо-Бал-ри... Ниже этого удѣла—удѣлъ Хоръ или Долдо... (Живущіе здѣсь) гья-хоры (чжа-хоры) владѣли прежде восточной и сѣверной частью Амдо'скихъ земель, но при Танахъ китайскія войска, соединившись съ тибетскими, вторгнулись въ ихъ земли, и они подпали подъ китайское владычество, но земли ихъ по большей части достались тибетцамъ, и говорятъ, что это есть начало поселенія тибетцевъ въ До-мад'ѣ. Исторія о бывшихъ

---

[1]) У тибетцевъ сохранилась легенда, что первый царь ихъ былъ выходцемъ изъ Индіи Klaproth—„Tableaux historiques de l'Asie", стр. 148).

въ древнее время у этихъ чжахоровъ царяхъ Хоръ-тоба, владѣвшихъ половиной Китая, находится въ лѣтописяхъ Китая»[1]).

Хотя указаніе это и грѣшитъ нѣсколько противъ исторіи, тѣмъ не менѣе изъ него явствуетъ 1) что Дол-до—наименованіе географическое, а не этническое[2]), и 2) что амдоскіе монголы суть потомки сяньбійцевъ, выселившихся сюда изъ восточной Монголіи въ началѣ IV вѣка нашей эры. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и сдѣланное Ивановскимъ замѣчаніе, что въ фонетическомъ отношеніи языкъ этихъ монголовъ «очень напоминаетъ дахурскій, причемъ нѣкоторыя слова, сохранившіяся только въ дахурскомъ языкѣ, существуютъ и въ немъ»[3]).

Вопросъ о принадлежности сяньбійцевъ къ той или иной этнической группѣ имѣетъ на столько важное значеніе для исторіи и этнологіи Средней Азіи, что разрѣшеніе его требуетъ большой осмотрительности; вотъ почему я нахожу необходимымъ освѣтить его возможно полнѣе.

Откуда почерпнулъ Миньчжулъ-хутукта вышеприведенное извѣстіе, мнѣ, конечно, неизвѣстно; однако, чрезвычайная точность сообщаемыхъ имъ данныхъ по географіи Тибета и обнаруживаемая имъ при этомъ значительная эрудиція заставляютъ относиться къ его сообщеніямъ съ особымъ довѣріемъ; къ тому же самый фактъ принадлежности чжахуровъ къ потомкамъ сяньбійцевъ не представляетъ ничего невѣроятнаго и уже возбуждался въ печати[4]).

По словамъ Потанина, амдоскіе монголы «называютъ себя просто монголами»[5]); между тѣмъ слуга Гюка—Сантанъ джимба, сопровождавшій и Потанина въ его путешествіе, какъ видно изъ «воспоминаній» помянутаго миссіонера, именовалъ себя «чжахоромъ». Впрочемъ, послѣднее прозваніе осталось небезъизвѣстнымъ и Потанину, но онъ полагаетъ, что такъ зовутъ амдоскихъ мон-

---

[1]) Стр. 53—55.

[2]) Это не исключаетъ однако возможности существованія въ прежнее время среди хоровъ особаго поколѣнія „далда“; увлеченнаго тогонцами въ Сининскую область съ далекаго сѣверо-востока, гдѣ еще въ началѣ XIII вѣка продолжали существовать роды — бо-далда и шуй-далда (т. е. рѣчные далда, въ Маньчжуріи). См. Васильевъ — „Исторія и древности восточной части Средней Азіи“, стр. 139.

[3]) Потанинъ.—„Тангутско-тибетская окраина Китая и центр. Монголія“, II, стр. 412. Дахуры ближе къ маньчжурамъ, чѣмъ къ монголамъ; языкъ ихъ представляетъ однако нѣчто среднее между монгольскимъ и маньчжурскимъ (Васильевъ—„Исторія и древности восточной части Средней Азіи“, стр. 30 и 130).

[4]) Потанинъ, op. cit., I, стр. 347.

[5]) Op. cit., стр. 342.

головъ тангуты, причемъ повторяетъ замѣчаніе Рокхилля, что слово «чжахоръ» происходитъ отъ сочетанія двухъ словъ: rgya (произносится jya)—Китай и hor—хоръ (тибетское племенное прозваніе) [1]); такимъ образомъ, по Рокхиллю, чжахоръ значитъ—тибето-китаецъ, а по Потанину, подозрѣвающему, что хоръ «имя какого-то кочевого племени, населяющаго сѣверный Тибетъ, не тибетскаго происхожденія, а можетъ быть монгольскаго» [2]) монголо-китаецъ [3]).

Неестественность этого словопроизводства совершенно очевидна. Правда, у китайскихъ историковъ мы часто встрѣчаемъ подобныя сочетанія для обозначенія народностей смѣшаннаго происхожденія, какъ, напримѣръ, жунъ-мани, ди-жуны и т. д., соотвѣтствующія европейскимъ—англо-саксы и угро-финны, но то вѣдь историки, а не народъ, которому, конечно, будетъ всегда чуждо сочинительство подобныхъ комбинированныхъ этническихъ наименованій. Къ тому же происхожденіе слова чжахоръ можетъ быть объяснено гораздо проще. «Чжа», по свидѣтельству китайцевъ, на мѣстномъ (тибетскомъ?) языкѣ означаетъ «бѣлый» [4]); такимъ образомъ «чжахоръ» будетъ соотвѣтствовать «цаганъ-монголъ», подъ каковымъ именемъ въ дѣйствительности чжахоры и извѣстны у прочихъ монголовъ [5]).

---

[1]) „Въ страну ламъ", стр. 34. „Rgya" или „gya" Котвичъ переводитъ черезъ „чжя", а не „чжа" (Саратъ Чандра Дасъ—„Путешествіе въ Тибетъ", стр. 69 и 103, гдѣ Gyarong переведено Чжяронъ).

[2]) Op. cit., стр. 343.

[3]) Grenard (op. cit., стр. 455) полагаетъ, что наименованіе чжахоръ (rgya-hor), означающее „китайскіе хоры", дано было одному изъ живущихъ въ Сининской области осѣдлыхъ тибетскихъ племенъ ихъ соплеменниками въ отличіе отъ хоровъ Нагъ-чу и лишь впослѣдствіи перешло на далдовъ. Пржевальскій („Третье путешествіе", стр. 343) джахорами называетъ осѣдлыхъ тангутовъ Амдо.

[4]) Успенскій — „Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай", стр. 83; „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 429.

Слово „чжа" можетъ имѣть однако и другія значенія. На чжурчженьскомъ языкѣ оно означаетъ „поколѣніе"; такимъ образомъ писалось чжа-сянгунь, чжа-широй, чжа-мэнгу и т. д. Возможно, что и у древнихъ хоровъ слово это имѣло тоже значеніе (Ср. Васильевъ—„Исторія и древности восточной части Средней Азіи", стр. 111, 116, 135, примѣч., и 160); наконецъ, „rgya" на тибетскомъ языкѣ имѣетъ значеніе болѣе широкое, чѣмъ то, которое ему даетъ Рокхиль, такъ какъ означаетъ „иноземецъ" (Hodgson—„Essays on the languages literature and religion of Nepal and Tibet", II, стр. 67), и „страна" (см. объясненіе Васильева къ слову „Джахань-бо" въ „Примѣчаніяхъ" Березина къ „Исторіи монголовъ" Рашидъ-эд-Дина, стр. 261 („Записки Имп. Археол. Общ.", XIV).

[5]) Пржевальскій—„Третье путешествіе въ Центральной Азіи", стр. 330; Потанинъ, op. cit., стр. 342.

Значеніе опредѣлительнаго „бѣлый", прилагаемаго къ родовымъ названіямъ, въ точности не выяснено; однако оно встрѣчается у кочевыхъ племенъ уже съ древнѣйшихъ временъ; у сяньби также существовало поколѣніе, которое именовалось „бѣлымъ" (Іакинфъ—„Собр. свѣдѣній о народ. Средн. Аз.", I, стр. 190).

Хоръ — этническое наименованіе едва-ли тибетскаго происхожденія. Миньчжулъ-хутукта пишетъ [1]), что это слово исковеркано китайцами въ ху, что подтверждаетъ и проф. Васильевъ [2]). Съ ху или хорами китайцы познакомились задолго до Р. Хр. Въ III вѣкѣ до начала нашей эры они должны были противъ нихъ оградиться даже стѣной и построить укрѣпленные пункты Шанъ-гу, Юй-янъ, Ю-бэй-пинъ, Ляо-си и Ляо-дунъ, отъ Ордоса до побережья Великаго океана [3]). Послѣ разгрома восточныхъ хоровъ (дунъ-ху) [4]) хуннами, народъ этотъ утрачиваетъ свое племенное названіе, которое замѣняется въ предѣлахъ юго-восточной Маньчжуріи—ухуань, къ западу же отсюда—сяньби—терминами географическими, перенесенными на народъ, а не этническими, какъ объ этомъ говорится, впрочемъ, и въ китайской исторіи [5]). Засимъ въ послѣдующую эпоху и эти наименованія сходятъ со страницъ китайской исторіи, уступивъ мѣсто наименованіямъ особо усилившихся сяньбійскихъ родовъ — мужунь и тоба. Всѣ эти перемѣны едва-ли, однако, могли заставить хоровъ позабыть свое древнее племенное названіе, и мнѣ кажется несомнѣннымъ, что тогонцы вступили на территорію Тибета носителями этого прозванія. Они заняли всю сѣверную его часть и весьма естественно, что у тибетцевъ, сложившихся въ государственный организмъ въ долинѣ Цзамбо, именно эта часть Тибета получила названіе страны хоровъ-Хоръ-ба. Нынѣ хоровъ въ означенной странѣ уже нѣтъ [6]), но разъ

---

[1]) „Географія Тибета“, стр. 32.

[2]) „Географія Тибета“, стр. 5 (примѣчаніе).

[3]) „Собр. свѣд. о нар. Средн. Аз.“, I, стр. 9.

[4]) У Schott'a („Zur Uigurenfrage“ въ „Abhandlungen der königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin“, philos.—hist. Klasse, 1875, стр. 35) читаемъ: „Unter Hu verstand man in alter Zeit gewisse nomadenstämme nördlich von China, genauer — Tung-hu und Lin-hu (Hu in Wäldern), angebliche verwandte der Hjung-nu, und öfter die Hjung-nu selbst“. Послѣднее—едва-ли вѣрно.

[5]) Іакинфъ, op. cit., I, стр. 151 и 161; Klaproth—„Tableaux historiques de l'Asie“, стр. 95. Наименованіе „Сянь-би-шань“ пріурачивается къ горамъ, лежащимъ къ востоку отъ г. Долонъ-норъ.

[6]) Orazio della Penna въ одномъ изъ своихъ писемъ, помѣченныхъ 1730 годомъ, пишетъ о хорахъ слѣдующее: „Между Татаріей и провинціями Чангъ и Нгари проживаетъ народъ хоръ, умственно мало развитой, заплетающій волосы въ косу и носящій платье татарскаго покроя; они сохранили свой родной языкъ, но говорятъ и по-тибетски“ (Markham—„Narratives of the Mission of G. Bogle to Tibet“, стр. 313). Нынѣ эти хоры утратили свою народность и слились съ тибетцами, что доказывается существованіемъ среди кукунорскихъ тангутовъ поколѣній чжахоръ (Rjyăkor) и тоба (Topa) (Rockhill—„Diary of a Journey through Mongolia and Tibet“, стр. 114). Поколѣніе тоба (ванчи-тоба) имѣется и среди голыковъ (Потанинъ—„Распросныя свѣдѣнія о восточномъ Тибетѣ“ въ „Извѣстіяхъ Импер. Русск. Геогр. Общ.“, 1887, стр. 515). Что хоровъ нѣтъ болѣе въ центральномъ Тибетѣ, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что никто изъ современныхъ путешественниковъ (Найнъ-Сингъ, Бонвало, Рокхиль, Бауэръ (Bower), Литльдель, Дютрейль де-Ренсъ и С. Гединъ) ихъ тамъ не встрѣтилъ.

данное ей названіе не только продолжаетъ жить въ народной памяти, но и перенесено на кочующія здѣсь[1]) тибетскія поколѣнія—наг-цанъ, нам-ру, наг-чу и янба-чжань[2]), каковое обстоятельство вполнѣ разъясняетъ ошибку Рокхилля, утверждавшаго, что чжахоры—тибетцы, а не монголы[3]).

Что наименованіе Хоръ-ба связано съ появленіемъ сяньбійцевъ въ сѣверномъ Тибетѣ, а не монголовъ, овладѣвшихъ имъ въ XVII вѣкѣ, явствуетъ изъ того, что осѣвшіе тутъ остатки этихъ послѣднихъ носятъ у тибетцевъ наименованіе сокъ, а не хоръ, занятая же ими территорія, включая область Куку-нора, Сокъ-іёлъ, т. е. страны, занятой кочевьями народа сокъ[4]).

---

[1]) Т. е. къ сѣверу отъ Вуй (Уй) и Цзана.

[2]) Про эти поколѣнія у Миньчжулъ-хутукты, на стр. 32, говорится: „поколѣнія Наг-цанъ, Нам-ру, Наг-чу и Янба-чжань хотя и называютъ хорами, но они суть тибетцы".

[3]) „Въ страну ламъ", стр. 34. По словамъ Гренара (op. cit., стр. 322), наименованіе „хоръба" получило у современныхъ тибетцевъ значеніе, равнозначущее словамъ „иноземецъ", „варваръ".

[4]) Hodgson, op. cit.; Markham—„Narratives of the Mission of G. Bogle to Tibet", стр. XXIV; Montgomerie—„ Narrative of an Exploration of the Namcho, or Tengri Nur Lake, in Great Tibet, made by a Native Explorer (Кишэнъ-Сингъ), during 1871—1872" (въ The Journal of the Royal Geographical Society", 1875, XLV, стр. 323); Grenard, op. cit., II, стр. 322; Рокхиль („Въ страну ламъ", стр. 97) говоритъ, что тибетцы восточныхъ монголовъ называютъ — „маръсокъ"; Jigs-med nam-mk'a (Huth—„Geschichte des Buddhismus in der Mongolei", II, стр. 33) называетъ ихъ однако „сокъ".

О монголахъ сокахъ, или, какъ онъ ихъ называетъ — дамсукъ-монголахъ, упоминаетъ и Пржевальскій („Монголія и страна тангутовъ", I, стр. 287), причемъ передаетъ легенду о томъ, что эти монголы—осѣвшая въ Тибетѣ часть войскъ Гуши-хана хошоутскаго. Рокхиль въ „Diary of a Journey through Mongolia and Tibet", стр. 157, говоритъ объ этихъ монголахъ подробнѣе; по его словамъ, старики этого племени говорятъ еще по-монгольски, но по одеждѣ и обычаямъ совершенно напоминаютъ тибетцевъ. Вѣроятно о тѣхъ-же монголахъ пишетъ и Гюкъ („Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ къ столицѣ Тале-ламы", стр. 228—229). Въ замѣткѣ о путешествіи дурбэтскаго хамболамы Монкочжеева отъ Напчу до Сачжацзуна въ 1892 году („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ." 1895, стр. 570) мы находимъ объясненіе слова „дамсукъ", означающаго монголовъ (соковъ), кочующихъ на р. Дамъ. Вотъ это мѣсто: миновавъ монастырь Даглынъ-гунба, шли по становищамъ Цайдамскихъ монголовъ, кочующихъ по рѣкѣ Дамъ. О дамъ-монголахъ упоминаетъ и Gutzlaff („Tibet and Sefan" въ „The Journal of the Royal Geographical Society of London", 1851, XX, стр. 209 и 221).

Moorcroft называетъ ойратовъ, вторгшихся въ Тибетъ, сокъ-ба (см. Ab. Rèmusat—„Nouveaux mélanges asiatiques", II, 1829, стр. 342).

Давность наименованія хоръ для центральнаго Тибета подтверждается также и передаваемой Найнъ-Сингомъ (Trotter — „Account of the Pundit's Journey in Great Tibet from Leh in Ladak to Lhasa" въ „Journ. Royal Geographic. Societ", 1877, v. XLVII, стр. 107) легендой, связывающей это наименованіе съ именемъ нѣкоего царя Лимура, правившаго, будто-бы, этой страной 2.000 лѣтъ назадъ. Засимъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто Бодимура (соч. конца XV вѣка): Сронцзанъ-Гамбо поручилъ управленіе государствомъ 16 министрамъ; изъ нихъ шесть, называвшіеся важнѣйшими, завѣдывали сношеніями съ китайцами и минаками на востокѣ, съ хорами сѣверѣ, съ Индустаномъ на югѣ и съ бальбо (непальцами) на западѣ (Schmidt—„Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses", стр. 328). Какъ извѣстно, къ сѣверу отъ Тибета никакихъ монголовъ, кромѣ тогоновъ, въ эпоху образованія Тибетскаго государства не жило.

Венгерскій ученый А. Чома де Кöрöсъ (Csoma de Körös), а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе оріенталисты, причисляли хоровъ къ народамъ тюркскаго племени и языка; но факты, на которыхъ базируется эта гипотеза, не кажутся мнѣ достаточно убѣдительными.

Howorth въ «History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century»[1]) пишетъ, что послѣ изслѣдованій Hodgson'a не остается сомнѣній въ томъ, что подъ именемъ «хоръ» тибетцы всегда разумѣли уйгуровъ, монголовъ же называли «сокъ». Очевидно, Howorth имѣетъ въ виду статью «On the tribes of Northern Tibet»[2]), въ коей Hodgson, дѣйствительно, говоритъ, что хоры—уйгуры. При этомъ, однако, онъ причисляетъ къ хорамъ и магометанъ (кашмирскихъ выходцевъ), извѣстныхъ въ Лхассѣ подъ именемъ хачи. Въ хачи (Khachhen) онъ видитъ китайское Kao-tse, а Kao-tse это—уйгуры! Въ уровень съ этимъ заключеніемъ я могу поставить лишь не менѣе удивительное и принадлежащее равнымъ образомъ Hodgson'y сопоставленіе именъ Сокъ и Согдіана!

Но въ книгѣ Hodgson'a мы находимъ и нѣчто положительное—изслѣдованіе нарѣчія жителей области въ восточномъ Тибетѣ, носящей также названіе Хоръ-ба. Hodgson приходитъ къ заключенію, что quasi—арійская внѣшность (sic!) субъекта, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, и который, конечно, и далъ ему матеріалъ для словаря, а равно особенности языка свидѣтельствуютъ о тюркскомъ происхожденіи народа, населяющаго названную страну.

Кромѣ пундита Кишенъ-Синга (А-К) область Нья-ронъ или Хоръ-ба посѣтилъ лишь американецъ Рокхиль, но ни тотъ, ни другой не говорятъ ничего объ особенностяхъ тибетскаго языка, на которомъ, судя по изслѣдованію Hodgson'a, изъясняются нынѣ уроженцы этой страны. Проходитъ обстоятельство это молчаніемъ и Миньчжулъ-хутукта, который страну Хоръ-ба называетъ Хоръ-хогъ—областью Хоръ.

Миньчжулъ-хутукта и Рокхиль согласно показываютъ, что владѣніе это распадается на пять удѣловъ (родовъ): Ханъ-саръ (Кангзаръ или Ганзе у Рокхиля), Мази (Мазуръ), Враг-го (Чан-го), Бери (Бэримъ) и Дрео (Дра-монъ или Чуво), но и эти наименова-

---

[1]) Т. I, стр. 695.

[2]) Статья эта помѣщена въ сборникѣ „Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet".

нія не даютъ основаній для какихъ либо сближеній съ тюркскими родовыми прозваніями.

Какъ бы то ни было, филологическія изысканія Hodgson'a не могутъ не имѣть серьезнаго значенія для этнологіи и исторіи земель, входящихъ нынѣ въ составъ западной Сы-чуан'и, такъ какъ ими затрогивается весьма интересный, но пока, при современномъ уровнѣ нашихъ знаній историческихъ судебъ этой страны, неразрѣшимый вопросъ—какъ и въ какую эпоху проникли тюрки такъ далеко на югъ. Во всякомъ случаѣ не имъ страна Хоръ-хогъ обязана своимъ названіемъ.

Тогонскія владѣнія граничили на югѣ съ территоріей дансяновъ, занимавшихъ въ началѣ VII вѣка нынѣшнія земли голоковъ. Тибетцы, овладѣвшіе въ 663 году царствомъ Тогонъ, вызвали значительное передвиженіе народныхъ массъ въ области верхняго теченія Желтой рѣки, въ которомъ главное участіе приняли дансяны и тогонцы. Часть этихъ племенъ выселилась, какъ намъ уже извѣстно, на сѣверо-востокъ, въ Ордосскія степи, часть осталась на мѣстѣ[1]), а часть была вытѣснена на югъ, гдѣ мы въ дѣйствительности и находимъ въ настоящее время миняговъ. Что тогонцы также и въ этомъ отношеніи раздѣлили участь дансяновъ, видно изъ того факта, что Шанъ-Сыло, противникъ узурпатора Шанъ-Кунжо, собралъ въ 843 году въ Сунъ-пан'ѣ корпусъ въ 80 тысячъ человѣкъ, состоявшій исключительно изъ тогонскихъ и яншунскихъ ополченцевъ[2]). Сунъ-панъ былъ, конечно, лишь мѣстомъ сбора тогонскихъ силъ, поэтому весьма вѣроятно, что уже въ то время хоры заселяли долину Ніаронъ. Въ 861 году Тибетское государство распалось на отдѣльныя владѣнія, а при такихъ условіяхъ Хоръ-хогъ могла получить нѣкоторую самостоятельность, которую и удержала до нашихъ дней. Я замѣчу еще, что населеніе этой страны заплетаетъ волосы въ косы, тогда какъ жители сосѣднихъ владѣній косъ не носятъ[3])— фактъ, говорящій во всякомъ случаѣ за ихъ хорское (сяньбійское), а не тюркское происхожденіе.

---

[1]) Одинъ изъ голокскихъ родовъ носитъ названіе Ванчи, созвучное съ упоминаемымъ въ китайской исторіи (Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора", I, стр. 238) дансянскимъ родомъ Ванли. Въ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 433, родъ этотъ названъ Ванъ-ши. Среди кукунорскихъ панака-сумъ Рокхиль также называетъ поколѣніе Wangsht'ah'a (op. cit., стр. 114).

Гренаръ (op. cit., II стр. 330) высказываетъ предположеніе, что голоки прямые потомки дансяновъ, но, къ сожалѣнію, не подкрѣпляетъ его фактами.

[2]) Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора", I, стр. 227.

[3]) Потанинъ.—„Распросныя свѣдѣнія о вост. Тибетѣ", въ „Извѣстіяхъ Имп. Р. Г. О.", 1887, стр. 510.

За принадлежность хоровъ къ монголамъ высказался и Клапротъ, но при этомъ впалъ въ другую ошибку. Тибетцы, говоритъ онъ, хорами называютъ лишь тѣхъ монголовъ, которые кочуютъ между Тибетомъ и Малой Бухаріей (Восточнымъ Туркестаномъ) и сами себя именуютъ сирайголами или шарайголами [1]). Такимъ образомъ Потанинъ, вводя для амдоскихъ монголовъ наименованіе «широнголъ», только повторяетъ Клапрота.

Отождествленіе чжахоровъ съ широнголами едва-ли можно считать правильнымъ и вотъ по какимъ основаніямъ.

Пржевальскій передаетъ легенду, что нѣкогда всей страной къ сѣверу отъ оз. Куку-нора владѣли ёгуры, которые были частью истреблены, частью вытѣснены въ сѣверо-западную часть провинціи Гань-су Гуши-ханомъ ойратскимъ [2]). Этихъ-то ёгуровъ за 80 лѣтъ передъ симъ, т. е. въ 1559 году, поразилъ Аньда или Алтанъ-ханъ, о которомъ въ монгольской хроникѣ «Алтанъ-тобчи» говорится, что онъ «покорилъ шарэголыцевъ-амдосцевъ, обитавшихъ между Тибетомъ и Тангутомъ» [3]). Что здѣсь идетъ рѣчь именно о шира-ёгурахъ (сары-уйгурахъ) [4]), а не о чжахорахъ, явствуетъ изъ того, что западная Гань-су оставалась въ то время во власти китайцевъ. Именно, Алтанъ-ханъ нѣсколько лѣтъ спустя объяснилъ китайскому правительству, что грабежи китайскихъ областей, которые позволяютъ себѣ кукунорскіе подданные его сына Бинъ-ту, вызываются крайней необходимостью и отсутствіемъ средствъ къ жизни, такъ какъ вблизи, въ Гань-су, для нихъ нѣтъ открытыхъ рынковъ, ходить же въ г. Нинъ-ся—и далеко, и неудобно. И хотя, снисходя къ сему, кукунорцамъ и разрѣшенъ былъ торгъ въ Гань-су, но этимъ все же безпокойства на границѣ устранены не были; чаще же всего отъ хищническихъ набѣговъ кочевниковъ страдала

---

[1]) „Asia polyglotta“, стр. 269.

[2]) „Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 287.

[3]) „Записки Имп. Археол. Общ.“, 1858, XIV, стр. 80 (перев. съ монг. ламы Галсанъ-Гамбоева).

[4]) Свѣдѣнія о сары-уйгурахъ читатель найдетъ во II томѣ, стр. 62—63 и 279—280. Въ дополненіе къ сказанному я замѣчу: 1) что указаніе „Минъ-ши“ на то, что первоначально Цайдамъ назывался „страной сары-уйгуровъ“ („le nom primitif de ce pays était Sary ouigour“, см. Klaproth—„Fragmens historiques sur les Ouigour“ въ „Mémoires relatifs à l'Asie“, II, стр. 345) я не могу признать заслуживающимъ довѣрія, такъ какъ у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ въ пользу ранняго переселенія сары-уйгуровъ въ эту страну; и 2) что и de Plano Carpini помѣщаетъ сары-уйгуровъ въ списокъ племенъ, воевавшихъ съ Чингисъ-ханомъ и имъ побѣжденныхъ; вотъ это мѣсто: „Inde procedens contra terram Sari-Huiur, et contra terram Karanitarum, et contra terram Voyrat, et contra terram Comana, quas terras omnes bello devicit, inde est in terram suam reversus.“ („Historia Mongalorum quos nos Tartaros apellamus“, cap. V, § I, 5; см. также cap. VII § II, въ „Recueil de voyages et de mémoires publié par la Société de Géographie“, 1839, IV, стр. 651 и 708).

Сининская область [1]), т. е. именно тотъ районъ, въ которомъ расположены самыя западныя изъ селеній амдоскихъ монголовъ. Впрочемъ, Сананъ-Сэценъ совершенно опредѣленно указываетъ на то, что Алтанъ-ханъ поразилъ шира-уйгуровъ [2]).

Въ одномъ изъ приложеній къ Сананъ-Сэцену академикъ Шмидтъ приводитъ нижеслѣдующую выдержку изъ Бодимура: «Сронцзанъ-Гамбо (Лунцзань и Нунцзань китайскихъ авторовъ) отправилъ къ китайскому императору пословъ, поручивъ имъ высватать ему дочь императора; послѣдній вернулъ однако пословъ съ отказомъ, послѣ чего послы донесли королю, что императоръ съ охотой отдалъ бы за него свою дочь, если бы не помѣшали шара-шарайголъ-тулухуньцы (несомнѣнно—тугухуньцы), возстановившіе его противъ тибетцевъ и побудившіе его отвѣчать отказомъ. Взбѣшенный король собралъ тогда огромное войско и лично повелъ его въ страну Dsongdschio (?); полководца же Jatong'a послалъ противъ тулухуньцевъ, чтобы опустошить ихъ царство. Этотъ полководецъ поразилъ тулухуньцевъ и преслѣдовалъ ихъ далеко по ту сторону Куку-нора, послѣдствіемъ чего былъ захватъ тибетцами тулухуньскихъ земель съ оставшимся тамъ населеніемъ» [3]). Эта выдержка составляетъ почти дословную передачу китайскихъ извѣстій о тѣхъ же событіяхъ, что явствуетъ изъ сопоставленія ея съ нижеслѣдующимъ мѣстомъ китайской лѣтописи: «Лунцзанъ отправилъ въ Китай посла съ дарами и съ предложеніемъ о бракѣ. Императоръ отказалъ; но посланный по возвращеніи ложно донесъ княньбѣ, что онъ принятъ былъ императоромъ благосклонно и скоро получилъ бы царевну; но только что пріѣхалъ тогонскій король, то китайскій дворъ уменьшилъ вѣжливость и отказалъ въ бракѣ, чему причиною полагалъ онъ непріязненныя внушенія тогонскаго короля. Лунцзанъ разсердился и съ яншунскими цянами совершилъ нападеніе. Тогоны не могли устоять и уклонились на сѣверную сторону Куку-нора, а Лунцзанъ забралъ все имущество и скотъ ихъ» [4]).

Отождествляя тугухуньцевъ съ шара-шарайголами, тибетскій текстъ впадаетъ однако, какъ мнѣ кажется, въ ошибку.

---

[1]) Успенскій, op. cit., стр. 162.

[2]) Привожу это мѣсто: „Im 1573 zog Altan-Chaghan gegen die Chara Tübet zu Felde, unterwarf sich die beiden Abtheilungen der obern und untern Schira-Uigur und nahm die drei Fürsten der untern Abtheilung nebst vielen des Volkes gefangen". Schmidt, op. cit., стр. 211.

[3]) „Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses", стр. 359.

[4]) Іакинфъ—„Исторія Тиб. и Хухун.", I, стр. 131.

Тогонъ, а равно тугухунь, что, вѣроятно, означало «тогонскіе люди»—«того(нъ)-хунь», имя династіи, а не народа; въ качествѣ же такового оно едва ли могло удержаться въ народной памяти въ теченіе восьми слишкомъ вѣковъ; и вотъ, мнѣ думается, что составитель Бодимура, найдя въ китайской лѣтописи имя неизвѣстнаго ему народа тугухунь, властвовавшаго когда-то въ области Куку-нора, гдѣ въ его время (въ концѣ XV вѣка) преобладающую, чуждую тибетцамъ, народность составляли сары-уйгуры, слилъ обѣ эти народности въ одну, давъ ей фантастическое названіе—шара-шарайголъ-тулухунь.

Такая ошибка со стороны составителя Бодимура тѣмъ извинительнѣе, что уйгуры были, дѣйствительно, давніе насельники области Куку-нора, куда они явились въ 1028 году, послѣ захвата Гань-чжоу тангутскимъ королемъ Юань-хао [1]). Уйгуры не имѣли письменности, а для изустныхъ преданій пять вѣковъ — огромный періодъ. А такъ какъ и они нѣкогда были могущественны, и ихъ царство пало, благодаря тангутамъ, то такихъ данныхъ было, конечно, вполнѣ достаточно для отождествленія обоихъ прозваній.

Потанинъ полагаетъ, что подъ именемъ широнголовъ могли быть извѣстны оба народа — чжахоры и шира-ёгуры [2]), но такъ какъ это предположеніе онъ не подкрѣпляетъ никакими фактами, то я ограничусь указаніемъ, что оно находится въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что китайцы и тангуты присваиваютъ обоимъ народамъ различныя наименованія: чжахоровъ китайцы называютъ ту-жень [3]), а шира-ёгуровъ—хуанъ-фань. Въ «Географіи Тибета» Миньчжулъ-хутукты мы также читаемъ: «На сѣверъ отъ Цо-нгонь-бо (озера Куку-норъ) въ смежности съ Бари

---

[1]) Moyriac de Mailla—„Histoire générale de la Chine“, VIII, стр. 203.

[2]) Op. cit., стр. 345.

[3]) Въ „Иллюстрированномъ отчетѣ о данникахъ Имперіи“ („Хуанъ-цинъ-чжи-гунъ-ту“), изданномъ въ концѣ XVIII столѣтія, говорится, между прочимъ, что въ округѣ Нянь-бэй (Нянь-бо) живетъ монгольское племя дунъ-гоу (tung-kou), управляемое родовыми старшинами, носящими фамилію Ли и ведущими свое происхожденіе отъ Ли-ко-юн'а, тюрка-шато, знаменитаго полководца Танской эпохи (Рокхиль „Въ страну ламъ“, стр. 34). Потанинъ, говоря объ амдо'скихъ монголахъ, также пишетъ, что старшины ихъ или князья носятъ фамилію Ли и ведутъ свое происхожденіе отъ сановника танской эпохи Ли-чжина. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что Ли-ко-юнъ и Ли-чжинъ—одно и то же лицо. А тогда приходится заключить, что еще въ XVIII вѣкѣ китайцы называли чжахоровъ—дунъ-гоу, что, можетъ быть, слѣдовало бы поставить въ связь съ древнимъ ихъ прозвищемъ—дунъ-ху. Вопросъ о происхожденіи Ли-ко-юн'а не играетъ въ данномъ случаѣ существенной роли, такъ какъ исторія Средней Азіи знаетъ не мало примѣровъ призванія на княженіе лицъ чуждой національности, и ниже мы приводимъ сему доказательство; къ тому же преданіе говоритъ, что Ли-ко-юнъ женился на монголкѣ, очевидно, правившей династіи (см. Потанинъ—„Танг.-тиб. окраина Китая и центр. Монголія“, стр. 199 и 348).

*

находится удѣлъ Шара-ю-гу, жители коего составляютъ отрасль уйгуровъ; большая часть ихъ старшинъ происходитъ отъ чжурченьскихъ царей, изъ рода Ваньянь».

Мнѣ кажется, что всѣ вышеприведенные факты устанавливаютъ съ несомнѣнностью, что къ амдоскимъ монголамъ не можетъ быть пріурочено наименованіе широнголъ и что за ними должно быть оставлено ихъ древнее племенное названіе хоръ или чжа-хоръ, которое, вопреки заявленію Потанина, ими еще не забыто. Объ этомъ свидѣтельствуетъ миссіонеръ Гюкъ, это видно и изъ книги Потанина, гдѣ читаемъ, что сами себя амдоскіе монголы называютъ иногда чахарами [1]), въ каковомъ названіи слѣдуетъ, конечно, видѣть лишь испорченное (можетъ быть не совсѣмъ точною записью?) «чжахоръ».

Въ заключеніе приведу еще одинъ фактъ, подтверждающій принадлежность сяньби къ монгольскому племени. До насъ дошло одно ихъ слово—«аха» для обозначенія старшаго брата [2]); оно—монгольское. Имена ихъ государей также большею частью монгольскія: Мужунъ (Мучжанъ), Тогонъ (Тогонъ), Туянъ (Таянъ), Циянъ (Кыянъ), Биси (Бису? Бики?), Угэти (Угэчи, Угэдэй), Дахай (Даха, кит., Дарханъ), Ачай (Ахай) [3]), Мугуй (Магуй, Макуй), Нохэбо (Найхэ, Нохай?) [4]).

На основаніи изложеннаго я считаю тогоновъ народомъ монгольскаго племени съ значительной однако примѣсью тунгузской и диской крови.

Возвращаюсь снова къ тибетцамъ.

Вдоль южной границы Тогонскаго царства лежали земли дансяновъ (миняговъ), байланскихъ динлиновъ и танчановъ, къ югу отъ коихъ жили дынчжи. Всѣ эти народы были по происхожденію дисцы.

Примѣсь ихъ крови значительно измѣнила типъ тибетцевъ

---

[1]) Op. cit., стр. 342; въ томъ же сочиненіи говорится о широнгольскомъ племени хуари, что, можетъ быть, также лишь испорченное хоръ.

[2]) Іакинфъ—„Исторія Тибета и Хухунора“, стр. 75.

[3]) Это имя болѣе другихъ интересно, такъ какъ указываетъ на одну особенность языка тогоновъ, которая всецѣло удержалась и въ языкѣ амдоскихъ монголовъ, а именно, свойство замѣнять звукъ х звукомъ ч. Примѣры: хутуга—читого (ножъ), уху—учы (пить) и т. д.

Другая особенность, свойственная, впрочемъ, языку однихъ лишь уроженцевъ окрестностей г. У-янъ-бу, заключается въ частой замѣнѣ звука х звукомъ ф: ой, хой—фый (лѣсъ), одонъ, ходунъ—фоту (звѣзда), унесунъ, хунисы—фунисы (зола) и т. д.; согласно съ симъ, имя государя Фуюнъ могло бы соотвѣтствовать монгольскому Хурюнъ.

[4]) См. также то, что писалось мною выше (стр. 10) о происхожденіи современнаго китайскаго названія оз. Куку-нор'а.

долины Цзамбо, начавшихъ осѣдать среди нихъ уже съ половины VII столѣтія, чему явныя доказательства мы видимъ въ свидѣтельствахъ современныхъ путешественниковъ. Вліяніе этой крови было даже настолько сильно, что не могло быть парализовано приливомъ въ восточный Тибетъ монгольскаго элемента—хоровъ въ VII и монголовъ въ XVI — XVIII столѣтіяхъ. Зато къ сѣверу и западу этотъ послѣдній элементъ значительно, повидимому, повліялъ на тотъ типъ тибетца, который успѣлъ выработаться частью на сѣверѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ цяны жили въ перемѣшку съ дисцами [1]), частью на югѣ, въ долинѣ Цзамбо; онъ вернулъ ему многія особенности монгольскаго типа, сказывающіяся особенно сильно среди нынѣшнихъ обитателей сѣвернаго Тибета и Куку-нора, включившихъ въ свои ряды даже цѣлые роды хоровъ [2]) и ойратовъ. Нѣкоторымъ противовѣсомъ здѣсь монгольскому элементу должны были явиться съ одной стороны минягскій [3]), съ другой—уйгурскій.

Я уже имѣлъ случай высказать, что уйгуры должны были имѣть значительную примѣсь диской крови [4]). Китайскіе лѣтописцы это вполнѣ подтверждаютъ, считая уйгуровъ даже прямыми потомками динлиновъ [5]). Эта примѣсь сказывалась даже у уйгуровъ VII—X вѣковъ, судя по весьма интересному рисунку хой-хэ, даваемому «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ» [6]). Были-ли уйгуры въ большей

---

[1]) См. выше, стр. 48—49.

[2]) Гренаръ (op. cit., II, стр. 330) считаетъ панака даже прямыми потомками тугухуней, но не подкрѣпляетъ своей гипотезы ссылками на строго провѣренные факты.

[3]) Что нѣкогда миняги проникли также и въ Нянь-шань, это видно изъ того обстоятельства, что среди ёгуровъ имѣется поколѣніе мнягъ (Потанинъ, op. cit., стр. 441).

[4]) Томъ II, глава VIII.

[5]) Д. Позднѣевъ—„Историческій очеркъ Уйгуровъ“, стр. 8; Іакинфъ—„Собр. свѣд. о нар. обит. въ Средн. Азіи въ древнія времена“, III, геогр. указ., стр. 101.

[6]) Д. Позднѣевъ, op. cit. Динлиновъ китайцы описывали волосатымъ народомъ (Deguignes—„Histoire générale des Huns, etc“., I, 2, стр. LXII, LXXVI, LXXVII). Эта особенность, судя по рисунку, передалась и уйгурамъ. Въ „Тай-пинъ хуань-жу-цзи“ („Thai-phing huan-ju-ki“), т. е. въ „Землеописаніи періода Тай-пинъ“ (976—984 г.) говорится, что тяньшаньскіе уйгуры лицомъ походятъ на корейцевъ (Schott—„Zur Uigurenfrage“ въ „Abhandlungen der königl. Akad. der Wissensch. zu Berlin“, phil.-hist. Klasse, 1875, стр. 48; St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers“ въ „Journal Asiatique“, 4 série, IX, 1847, стр. 199). Эти же послѣдніе, если вѣрить Петровскому („Чаосянь“. Очерки Кореи), въ общей массѣ очень походятъ на европейцевъ фигурой, лицомъ, въ особенности же свѣтло-русыми волосами и голубыми глазами. Петровскій, очевидно, видѣлъ только сѣверныхъ корейцевъ; на югѣ же типъ этотъ довольно рѣдокъ. Тѣмъ не менѣе, какъ здѣсь, такъ и въ центральной Кореѣ, de Rosny („Les Coréens“. Aperçu ethnographique et historique) видѣлъ людей, отличавшихся овальнымъ, продолговатымъ лицомъ, выпуклымъ носомъ, карими, иногда же голубыми или зелеными глазами, небольшими ушами, густой бородой, почти бѣлой кожей, черными, рѣже рыжими волосами (цитир. по Калнину—„Краткій очеркъ Кореи“ въ „Сборникѣ геогр., топогр. и статист. матеріаловъ по Азіи“, XXVI, стр. 51—52). Что типъ этотъ, утонувшій въ монгольскомъ морѣ, постепенно вымираетъ,

своей массѣ бѣлокурыми или черноволосыми, когда вступили въ Хэ-си, свѣдѣній не имѣется; однако одно изъ ихъ отдѣловъ—сары-уйгуры [1]) было, повидимому, бѣлокурымъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ какъ ихъ прозвище [2]), такъ и свидѣтельство исторіи, упоминающей

это не подлежитъ сомнѣнію, но, конечно, только его и могъ имѣть въ виду авторъ „Тай-пинъ хуань-жу-цзи“, говоря о сходствѣ уйгуровъ съ корейцами, такъ какъ иначе ему не зачѣмъ было бы искать столь дальнія сравненія. О разнообразіи народныхъ типовъ въ Кореѣ говорятъ и всѣ другіе изслѣдователи этой страны.

Знаменитый орьенталистъ Джонсъ (W. Jones) въ замѣткѣ о татарахъ, помѣщенной въ „Asiatic Researches“, 1788 (я пользовался русскимъ переводомъ, напечатаннымъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ за 1824 годъ, т. III и IV) между прочимъ пишетъ:

Въ концѣ X вѣка китайскій императоръ отправилъ посла къ князю Арслану, жившему близъ Золотой горы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ приняты были римляне въ половинѣ VI вѣка. Китайскій посолъ, по возвращеніи своемъ, разсказывалъ, что уйгуры были народомъ *крѣпкимъ и великорослымъ*, имѣли у себя ремесленниковъ и искусныхъ художниковъ, римляне же описали великолѣпный пріемъ, оказанный имъ въ богатомъ дворцѣ, украшенномъ китайскими издѣліями.

Къ этому другой извѣстный орьенталистъ Langlés добавляетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о посольствѣ, отправленномъ въ 981 году въ страну Бо-хай.

Но мнѣ кажется, что оба орьенталиста впали въ ошибку, и что здѣсь идетъ рѣчь о посольствѣ Ванъ-Янь-дэ, въ реляціи коего не содержится однако указаній на физическія особенности уйгуровъ. Дѣйствительно, едва-ли можно допустить, чтобы китайцами въ одномъ и томъ же году были снаряжены два посольства къ уйгурскимъ князьямъ съ именемъ Арсланъ, изъ коихъ одинъ правилъ бы въ Алтаѣ, а другой въ восточномъ Тянь-шан'ѣ. У Абульгази (Казем-бекъ—„Изслѣдованія объ Уйгурахъ“ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1841, XXXI, стр. 71) содержится указаніе, что послѣ паденія Уйгурскаго ханства, часть народа обосновалась въ Бишбалыкѣ, а часть удалилась въ верховья рѣки Иртыша, но извѣстіе это не подтверждается другими источниками, такъ что мы съ увѣренностью можемъ сказать, что на Алтай въ исходѣ X вѣка власть уйгуровъ уже не распространялась, да если и распространялась, то дорога въ государство Бо-хай, находившееся въ Маньчжуріи, не могла пролегать черезъ это владѣніе. Что же касается римлянъ, то, упоминая о нихъ, W. Jones имѣлъ, конечно, въ виду посольство византійца Зимарха къ тюркскому хану Дизавулу (Менандръ въ переводѣ Дестуниса—„Византійскіе историки“; см. также Klaprotte—„Tableaux historiques de l'Asie“, стр. 116), ставка котораго находилась въ горахъ Эктагъ, тождество коихъ съ Алтаемъ далеко еще не установлено.

[1]) Казем-бекъ („Изслѣдованія объ Уйгурахъ“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1841, XXXI, стр. 84) полагаетъ, что Σαράγουροι византійскихъ писателей не что иное, какъ Сары-уйгуры.

[2]) Среди киргизскихъ костей кость „сару“ является самой распространенной, а стало быть и самой главной. Терминъ этотъ прилагался, вѣроятно, къ коренной помѣси тюрковъ съ динлинами вслѣдствіе унаслѣдованной ею отъ динлиновъ свѣтлой окраски волосъ („сары“—значитъ—желтый, рыжій); таково и было именованіе древнѣйшей кости киргизовъ, ибо у енисейскихъ киргизовъ два главные ихъ рода носили имена джеты-сары и алты-сары, т. е. семи рыжихъ и шести рыжихъ (Аристовъ—„Опытъ выясненія этнологическаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кара-киргизовъ“ въ „Живой старинѣ“, 1894 вып. III и IV, стр. 451). Одинъ изъ абакъ-киреевскихъ родовъ носитъ названіе „сарбасъ“ (см. ниже, гл. XI), по имени родоначальника, имѣвшаго рыжую голову (Потанинъ „Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи“, II, стр. 5). Среди киргизовъ Большой орды, по словамъ Валиханова („Очерки Джунгаріи“ въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1861, I, стр. 195), имѣется поколѣніе рыжихъ уйсуновъ—„сары уйсунъ“, считающихъ себя остатками большого и сильнаго народа. Бѣлокурые сойоты, по свидѣтельству Радлова („Reise durch Altai“ въ „Erman's Archiv. f. wiss. Kunde v. Russland“, XXIII, стр. 297), извѣстны подъ именемъ „желтыхъ“ (sarыg). Нѣтъ поэтому основаній считать, чтобы въ отдѣлѣ сары-уйгуръ „сары“ имѣло другое значеніе. Не знаю, на какомъ основаніи Vivien de Saint-Martin пишетъ: „Les cheveux noirs ne sont pas un caractère qui appartienne aux races finnoises, non plus qu'aux races turques primitives“ („Sur les Khazars“, стр. 36).

о странѣ желтоголовыхъ хой-ху [1]), жившихъ приблизительно въ той же мѣстности, гдѣ нынѣ мы застаемъ бѣлокурыхъ мачинцевъ [2]).

Что уйгурскій элементъ игралъ нѣкоторую роль при сложеніи типа современнаго панака-сумъ, явствуетъ изъ слѣдующей, передаваемой Пржевальскимъ, легенды [3]): «Изъ числа истребленныхъ олютами ёгуровъ спаслась одна старуха съ тремя беременными дочерьми и ушла съ ними на правую сторону верхней Хуанъ-хэ. Здѣсь ея дочери родили трехъ сыновей, отъ которыхъ и произошли хара-тангуты». Я даже думаю, что родъ арикъ, самый многочисленный изъ родовъ панака-сумъ, а также, вѣроятно, и родъ тубъ-цзя, правда, вполнѣ отангутившіеся, но тѣмъ не менѣе все же уйгурскіе роды [4]).

Хуй-хэ (уйгуръ)
(изъ Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ).

Я закончу настоящую главу замѣчаніемъ о наименованіи «тангутъ».

Уже Рокхиль поднялъ вопросъ о цѣлесообразности дальнѣйшаго сохраненія въ научной литературѣ этого имени, совершенно неправильно распространяемаго на тибетское населеніе области Куку-нора и страны Амдо [5]). Всецѣло раздѣляя это мнѣніе, я нахожу однако необходимымъ сохранить этотъ терминъ за живущимъ къ сѣверу отъ Нань-шан'я и къ востоку отъ

---

[1]) „Hoeï-he à tête jaune“ (Ab. Rémusat—„Histoire de la ville de Khotan“, стр. 95). Подобнымъ же образомъ китайцы называли нѣкогда и рыжеволосыхъ голландцевъ (его же—„Ching-tsou, empereur de la dynastie des Mandchous“ въ „Nouveaux mèlanges asiatiques“, II, 1829, стр. 31).

[2]) Пржевальскій—„Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи“, стр. 420.

[3]) „Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 287.

[4]) Кость арыкъ имѣется у киргизовъ; вѣроятно, это тюркизованное „аринъ“ (Аристовъ, op. cit., стр. 452). Среди трехъ уйгурскихъ князей, плѣненныхъ Алтанъ-ханомъ, одинъ, прозывавшійся Сагарджайба, принадлежалъ къ роду (?) арикъ (Schmidt, op. cit., стр. 211). Туба (въ тубъ-цзя—„цзя“—приставка) наименованіе племени такъ называемыхъ у насъ „черневыхъ татаръ“, живущаго между Телецкимъ озеромъ и р. Катунь; поколѣніе „туба“ могло входить въ составъ уйгурскаго племени подобно тому, какъ нынѣ въ составъ его входятъ кости кырхысъ, уйратъ, мнягъ и др. Верхне-енисейскіе урянхайцы (сойоты) сами себя также называютъ туба.

Значительная примѣсь тюркскаго элемента къ тибетскому свидѣтельствуется также и особенностями языка тибетцевъ-панака, подвергшагося тюркскому вліянію (Rockhill—„The Land of the Lamas“, прилож. VII).

[5]) „Въ страну ламъ“, стр. 53.

г. Су-чжоу осѣдлымъ населеніемъ, говорящимъ на одномъ изъ тибетскихъ нарѣчій, такъ какъ населеніе это—несомнѣнные потомки тангутовъ, т. е. народа, сложившагося изъ минягскаго, тибетскаго, хорскаго (сяньбійскаго) и тюркскаго (шато, уйгурскаго и хунскаго) элементовъ.

Заключая второй томъ, я обѣщалъ читателю посвятить одну изъ послѣдующихъ главъ своего отчета—исторіи осѣдлыхъ тангутовъ (амдо-ва), ихъ происхожденію и современному положенію въ Китаѣ [1]). Къ сожалѣнію, я не могъ въ полной мѣрѣ осуществить эту задачу, такъ какъ въ имѣющихся печатныхъ матеріалахъ я не нашелъ достаточныхъ для сего данныхъ.

---

[1]) Т. II, стр. 376.

ГЛАВА IV.

Изъ бассейна озера Куку-нора въ бассейнъ Эцзинъ-гола.

Обязанности нашихъ проводниковъ приняли на себя оба хонбу—Анярэ и Гулы. Они выговорили себѣ въ видѣ посуточной платы по 4 аршина синей и оранжевой бязи [1])—вознагражденіе, по мѣстнымъ цѣнамъ, очень высокое, но мы не особенно спорили объ его размѣрѣ, лишь бы добраться съ ихъ помощью до высочайшей горной группы Нань-шан'я—хребта Ноху, по словамъ туземцевъ, дающаго начало значительнѣйшимъ рѣкамъ этой части Центральной Азіи—Бухаинъ-голу, Сулай-хэ, Таолай-хэ, Эцзинъ-голу [2]) и Да-тунъ-хэ [3]).

---

[1]) Весь запасъ нашихъ цвѣтныхъ бязей очень быстро разошелся на Куку-норѣ, гдѣ требованіе на одноцвѣтныя (преимущественно фіолетоваго, вишневаго, краснаго, оранжеваго, зеленаго, а въ мѣстностяхъ съ монгольскимъ населеніемъ и синяго цвѣтовъ) хлопчатобумажныя и шерстяныя русскія ткани могло бы быть очень большимъ. Всего лучше должны бы здѣсь, какъ мнѣ кажется, расходиться: бязь цвѣтная С. Шибаева и Вик. Морозова (аршина 4, много 5, за барана), полумолескинъ цвѣтной Зах. Морозова (2½—3 арш. за барана), молескинъ С. Симанина, Зимина, С. В. и З. Морозовыхъ (2 арш. за барана, молескинъ Морозовыхъ 3 арш. на ланъ серебра), киргизинъ бр. Разореновыхъ, Симанина и Шибаева (аршинъ 5 за барана), далемба Шибаева и З. Морозова (4 барана за кусокъ), а также дамасэ всѣхъ цвѣтовъ, мерсеризація, шведская матерія, оттоманъ и плисъ. Изъ шерстяныхъ матерій хорошій сбытъ могъ бы имѣть драдедамъ и солдатское сукно цвѣтное (преимущественно краснаго цвѣта).

[2]) Очевидно, значительнѣйшимъ изъ притоковъ Хый-хо (Бардуна)—рѣкамъ Ихуръ и Эръ-чжу-сы.

[3]) Со словъ туземцевъ (какой національности?), Козловъ („Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи", II, стр. 182) называетъ этотъ хребетъ Шаголинъ-Намдзилъ. Обручевъ даетъ ему названіе хребта Зюсса. Но это уже позднѣйшій варіантъ, а первоначально именемъ ученаго геолога Обручевъ окрестилъ какой-то другой горный массивъ, какъ мнѣ казалось (см. „Описаніе путешествія въ Западный Китай", II, стр. 307)—западную часть Южно-Тэтунгскаго хребта (къ западу отъ верховій Ихэ-Улана). Дѣйствительно, вотъ, что писалъ онъ до появленія въ 1899 г. отчета Козлова, коему принадлежитъ честь открытія сказанной горной группы: „Хребтомъ Зюсса я назвалъ продолженіе хребта Риттера (sic!), отдѣленное отъ него широкимъ (отъ 40 до 50 верстъ) и низкимъ перерывомъ" („Из-

30 іюля, по указанію присланнаго старшинами подростка, мы двинулись съ мѣста нашей стоянки въ урочищѣ Карла-нангъ-чу прямо на сѣверо-востокъ и, пройдя въ этомъ направленіи 6 верстъ, достигли рѣчки Чедиръ (Цай-цза-гола), которую и перешли близъ развалинъ байнака [1]). Ширина въ этомъ мѣстѣ Чедира, при глубинѣ около фута, не превосходила 3 саженъ.

За Чедиромъ мы продолжали держаться разъ принятаго сѣверо-восточнаго направленія и вскорѣ, оставивъ за собою лугъ, вышли на степь, одѣвающую плоскій водораздѣлъ между Чедиромъ и Бухаинъ-голомъ. Здѣсь мы встрѣтили одновременно косякъ кіанговъ (Equus kiang, Moorcr.) и стадо антилопъ (Gazella picticaudata, Hodgs.), которые отнеслись весьма довѣрчиво къ каравану и обнаружили замѣтное безпокойство лишь послѣ того, какъ отъ него отдѣлились спѣшившіеся охотники.

Слѣдить за ходомъ этой охоты, однако, мнѣ не пришлось, такъ какъ догонявшіе отрядъ старшины уже издали махали руками, указывая, повидимому, на то, что мы взяли ложное направленіе. Когда же они подъѣхали наконецъ, то прошла еще добрая четверть часа прежде, чѣмъ выяснилось окончательно, что вести условленной дорогой они насъ не берутся.

— Да почему же?

Но по опыту зная, что отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ будетъ надолго задержать движеніе каравана, я рѣшилъ отложить

вѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ.", XXX, стр. 719), что прямо указываетъ на хребетъ, ограничивающій съ юга котловину оз. Хара-норъ. Въ слѣдующемъ, однако, году имя „высокоталантливаго автора «Лика земли»" перемѣщено было Обручевымъ уже на горы, лежащія дальше къ востоку (примѣрно верстъ на 200 отъ восточнаго конца хр. Риттера), что видно изъ слѣдующаго мѣста его отчета: „Въ верховьяхъ р. Тэтунгъ-хэ (Да-тунъ-хэ) Южно-Тэтунгскій хребетъ образуетъ высокую вѣчно-снѣговую группу, названную мною хребтомъ Зюсса, затѣмъ на нѣкоторомъ протяженіи, превращается въ ровный, высокій увалъ, далѣе же опять значительно повышается, образуя хр. Су-лей-нань-шань" („Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ.", XXXI, стр. 328). Наконецъ, въ послѣднемъ своемъ трудѣ—„Центральная Азія, Сѣв. Китай и Нань-шань", II, стр. 190, Обручевъ, повидимому, уже окончательно утвердился въ мысли увѣковѣчить имя Зюсса, посвятивъ ему открытый Козловымъ хребетъ Шаголинъ-Намдзилъ. Тутъ же, однако, онъ указываетъ, что у китайцевъ для этого хребта существуетъ особое названіе Су-лей-нань-шань, но оно неудобно (?!). Не по этой ли причинѣ онъ и замѣнилъ его болѣе удобнымъ—„хребтомъ Зюсса"? Во всякомъ случаѣ, неосновательность такой замѣны настолько очевидна (ибо чѣмъ Су-лей-нань-шань хуже принятыхъ у насъ обозначеній—Терскій Ала-тау, Заилійскій Ала-тау, Джунгарскій Ала-тау и т. д.), что мнѣ вновь приходится высказать сожалѣніе, что имя почтеннаго автора „Das Antlitz der Erde" такъ неудачно попало на географическую карту.

[1]) Другихъ какихъ либо развалинъ мы на западномъ берегу озера Куку-нора не встрѣтили. Между тѣмъ, здѣсь, по словамъ китайскихъ историковъ, находилась когда-то столица Тогонскаго царства—городъ Фу-сы-чэнъ. См. Pfizmaier—„Die fremdländischen Reiche zu den Zeiten der Sui", стр. 445; Успенскій—„Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай", стр. 117.

разспросы до болѣе благопріятной минуты, теперь же приказалъ отряду слѣдовать въ томъ направленіи, которое будетъ указано старшинами. Они тотчасъ же круто свернули на востокъ и вскорѣ вывели насъ къ Бухаинъ-голу. Здѣсь мы остановились. А пока люди устанавливали юрты и разбирались въ багажѣ, мы съ братомъ отошли въ сторону и, пригласивъ старшинъ и переводчиковъ, занялись переговорами, изъ коихъ, наконецъ, удалось установить слѣдующее.

Десять мѣсяцевъ въ году долина Бухаинъ-гола[1]) остается безъ жителей. Панака прикочевываютъ сюда не ранѣе половины іюня, уходятъ же въ августѣ; но въ нынѣшнемъ году они почему-то покинули свои становища ранѣе обычнаго времени и, по только что полученному старшинами извѣстію, всей массой перешли въ горы къ востоку; при такихъ же условіяхъ, безъ помощи мѣстныхъ жителей, нечего было и думать о переходѣ встающихъ на пути огромныхъ горъ Ноху.

Рѣшеніе старшинъ было твердое, и никакіе наши посулы и просьбы не поколебали его. Въ концѣ концовъ мы должны были сдаться и идти туда, куда соглашались вести насъ хонбу. Впрочемъ, предложенный намъ маршрутъ нельзя было назвать малоинтереснымъ. Они хотѣли вывести насъ на Да-тунъ выше Юнъ-ань-чэн'а, а отсюда мы могли добраться до того же Су-чжоу, слѣдуя неизслѣдованной еще долиной верховій Эцзинъ-гола; мы вѣдь еще не знали тогда, что на этомъ пути намъ придется мѣстами повторить дорогу Потанина.

Пока же велись эти переговоры, казаки, насмотрѣвъ въ Бухаинъ-голѣ изрядное количество рыбы, занесли и повели противъ теченія бредень; заносили они его нѣсколько разъ и въ результатѣ добыли не менѣе 2 пудовъ рыбы, оказавшейся трехъ видовъ—одного уже извѣстнаго—Nemachilus dorsonotatus, Kessl., и двухъ новыхъ—Gymnocypris leptocephalus, Herz., и G. przewalskii, Herz.

Ночью разразилась гроза. Молніи сверкали ежеминутно. Дождь лилъ съ такой силой, что пробивалъ слабыя мѣста нашихъ юртъ; пришлось даже на скорую руку окопаться, такъ какъ вода, сбѣгая

---

[1]) Рокхиль пишетъ, что Бухаинъ-голъ или Буха-голъ въ переводѣ съ монгольскаго означаетъ „рѣка дикаго яка“ („Въ страну ламъ“; стр. 85); но не правильнѣе-ли производить это наименованіе отъ рыбы „буха“, въ изобиліи водящейся въ оз. Куку-норѣ? (См. Тимковскій—„Путешествіе въ Китай“, III, стр. 279, гдѣ читаемъ: „Буха—безчешуйная рыба, водящаяся въ Куку-норѣ. Рыба болѣе крупная носитъ названіе нуху“). Древнее китайское названіе этой рѣки—Да-фэй-чуань.

*

съ сосѣдней возвышенности, подтекала подъ войлоки, служившіе намъ постелью. На утро Бухаинъ вздулся. Наканунѣ главный его протокъ имѣлъ 15 саженъ ширины при наибольшей глубинѣ 4 фута, теперь же, даже на перекатахъ, вода достигала 3 футовъ, что дѣлало переправу черезъ протокъ весьма затруднительной; къ тому же вода шла быстро на прибыль.

Времени терять было нечего. Чай былъ брошенъ, вьюки быстро собраны, и, спѣшно завьюченный, первый эшелонъ лошадей спустился съ береговой кручи на перекатъ. Вода оказалась здѣсь уже выше брюха и сильнымъ напоромъ грозила сбить съ ногъ наиболѣе слабосильныхъ. Пришлось ихъ поддерживать, обходя справа, причемъ забираться на такія глубины, гдѣ вода была выше сѣдельнаго потника. Первую протоку, тѣмъ не менѣе, мы прошли благополучно. Зато вторую и слѣдующую, по коимъ почему-то вдругъ пошла большая вода, мы одолѣли съ большимъ трудомъ и рискомъ, подмочивъ большую часть багажа.

Обратный путь верховыхъ за слѣдующимъ эшелономъ вьючныхъ животныхъ показалъ, что вода и въ первой протокѣ въ какія нибудь двадцать минутъ прибыла по крайней мѣрѣ вершка на два. Тогда старшины, которые, сидя на корточкахъ на берегу, молча наблюдали эту картину, вдругъ поднялись и заявили, что дальнѣйшая переправа представляется очень опасной, такъ какъ по прибыли воды въ рѣкѣ можно думать, что не пройдетъ и получаса, какъ островъ между протоками будетъ залитъ водой, а тогда легко будетъ сбиться съ брода и погубить багажъ и животныхъ. Но пока наши переводчики справлялись со своей задачей передать намъ столь сложную мысль, дѣло шло своимъ порядкомъ. Хассанъ успѣлъ прогнать вплавь черезъ первый рукавъ своихъ ишаковъ, а казаки и Сарымсакъ, рѣшивъ использовать высокій ростъ и силу нашего верблюда для перевозки наиболѣе громоздкихъ вещей, уже сводили его въ рѣку.

— Раза въ три онъ намъ все и перетащитъ, а что останется— разберемъ по сѣдламъ, доложилъ намъ Комаровъ въ отвѣтъ на переданное ему предостереженіе старшинъ.

Особыхъ хлопотъ мы ожидали съ баранами, но и тутъ насъ выручилъ нашъ славный джаркентецъ, смѣло бросившійся въ воду и тѣмъ увлекшій за собой всѣхъ остальныхъ. Ихъ помотало немного въ стремнинахъ, а затѣмъ они благополучно выбрались на отмель, послѣ чего также легко переплыли и черезъ слѣдующіе протоки.

Когда послѣдніе люди вышли на лѣвый берегъ Бухаинъ-гола, я поспѣшилъ взобраться на сосѣдній бугоръ, съ котораго вся долина этой рѣки была какъ на ладони.

Предсказаніе старшинъ сбылось: отмели, въ обычное время разбивающія въ этомъ мѣстѣ русло Бухаинъ-гола на три главные рукава, исчезли подъ водой, и вся рѣка представляла теперь огромный потокъ, по ширинѣ, пожалуй, нисколько не уступавшій Желтой рѣкѣ у Гуй-дэ. Шоколаднаго цвѣта вода неслась въ немъ довольно плавно, пѣнясь только у береговъ, кое-гдѣ въ водоворотахъ, да среди кустовъ Myricaria, растущихъ по отмелямъ [1])— картина величественная и нѣсколько неожиданная послѣ всего того, что писалось Пржевальскимъ объ этой рѣкѣ [2]).

Вода прибывала въ рѣкѣ до вечера, когда стала постепенно спадать, однако и на слѣдующее утро отмели обнажились едва лишь на половину. Максимумъ подъема воды отмѣченъ былъ мною въ 6 часовъ вечера и составлялъ 3 фута выше уровня, бывшаго въ рѣкѣ наканунѣ. Старшины намъ передавали, что хотя Бухаинъ-голъ и очень капризная рѣка, но что столь большой подъемъ воды имъ приходилось наблюдать не часто [3]).

Послѣ безпокойно проведенной ночи и трудной переправы мы дальше не пошли и стали бивуакомъ у самаго брода. Къ тому же небо вновь заволокли тучи, и около 2 часовъ пополудни полилъ дождь, который съ интервалами шелъ до поздней ночи.

Утромъ 1 августа сырость въ воздухѣ была пронизывающей, небо оставалось хмурымъ, а термометръ показывалъ не болѣе 10^0 Ц.

Поднявшись съ бивуака, мы въ теченіе часа шли долиной Бухаинъ-гола, густо поросшей злаками, среди коихъ виднѣлись кое-гдѣ кусты Myricaria, и на этомъ участкѣ пути пересѣкли три не то протока, не то ручья, впадающіе въ Бухаинъ-голъ—Джюр-

---

[1]) Кромѣ Myricaria я, кажется, видѣлъ на отмеляхъ и Hippophäe rhamnoides. Всѣ кусты были густо обвиты Clematis atragenoides, Batal. Пржевальскій („Монголія и страна тангутовъ“, I, стр. 341) упоминаетъ и о тамарисковыхъ кустахъ, найденныхъ, будто-бы, имъ въ низовьяхъ Бухаинъ-гола. Думаю, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ опиской.

[2]) „Монголія и страна тангутовъ“, т. I, стр. 290—291. Ср. Henri-Ph. d'Orléans—„Le père Huc et ses critiques“, стр. 12—14.

[3]) Въ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“ (примѣч.), на стр. 434, читаемъ: „Р. Буха принимаетъ въ себя 6 большихъ рѣкъ, имѣетъ широкіе берега и глубокое теченіе, такъ что въ лѣтнее время для переправы недоступна. Это самая большая рѣка въ окрестностяхъ Куку-нора“. Литльдель („The Geographical Journal, June, 1894) также съ большими затрудненіями переправился черезъ нее въ бродъ.

митъ, Джюнрэ и Чунуцзэ. На седьмой верстѣ мы поднялись на невысокій увалъ, который къ югу отъ дороги развивался въ невысокій кряжъ Джюрмитъ, верстъ на десять вдающійся въ озеро.

Куку-норъ мы вновь увидали съ увала, и къ нему же по слегка всхолмленной степи повела насъ тропа, избранная хонбу. Впрочемъ, на этотъ разъ мы уже не слѣдовали вдоль его берега, а едва коснувшись послѣдняго, вновь отклонились къ сѣверо-востоку, къ горамъ. Но на первый ночлегъ на ключѣ Асса-ханъ, въ 25 верстахъ отъ Бухаинъ-гола, мы все еще расположились внѣ этихъ горъ, въ котловинѣ оз. Куку-нора. Вверхъ по этому ключу шла торная дорога къ озеру Курлыкъ-нору.

День 2 августа былъ довольно теплый, но такой же облачный, какъ и предъидущіе два; временами накрапывалъ даже дождь.

Съ мѣста нашей стоянки мы поднялись на плоскій водораздѣлъ, пройдя который, вышли въ долину рѣчки Бага-Уланъ-голъ, протекавшей среди невысокихъ холмовъ, лишь изрѣдка обнажавшихъ основную породу—красный песчаникъ.

Растительность утратила здѣсь свой преимущественно степной характеръ, и хотя горные склоны описываемой долины все еще сплошь одѣвалъ кипецъ (Festuca sp.) и другіе злаки (Poa sp., Triticum sp.), но на этомъ фонѣ стали попадаться уже и луговыя травы: Ranunculus tricuspis, Maxim., Acrocome janthina, Maxim., Gentiana straminea, Maxim., Saussurea hieracioides spathulata, Winkl., Allium polyphyllum, Kar. et Kir., A. herderianum, Rgl., Pedicularis cheilanthifolia isochila, Maxim., Anaphalis nubigena intermedia, Hook. f., Tanacetum tenuifolium microcephala, Winkl., Senecio campestris, D. C., Oxytropis kanssuensis, Bge., Aconitum gymnandrum, Maxim., Gallium sp. и другія.

Пройдя вверхъ по р. Бага-Уланъ-голу 5 верстъ, мы перешли эту небольшую рѣчку и, слѣдуя далѣе глубокой падью въ горахъ ея лѣваго берега, взобрались на водораздѣлъ, съ котораго и спустились въ узкую долину р. Дэгэ-чу [1]) въ томъ мѣстѣ, которое, судя по многочисленнымъ отбросамъ и одѣвающей почву сорной растительности (Chenopodium sp., Urtica sp.), служитъ зимовьемъ кочевникамъ.

Хотя мы прошли всего лишь 21 версту, но зачастившій дождь

---

[1]) На нашихъ картахъ р. Дэль. Рокхиль, какъ кажется, эту рѣчку называетъ Дрэ-чу („Въ страну ламъ", стр. 84).

заставилъ насъ сдѣлать остановку на р. Дэгэ-чу. Однако, непогода продолжалась недолго; едва мы напились чаю, какъ уже снова выглянуло солнце, и тучи стали быстро сбѣгать съ небосклона. Жаркое солнце выманило меня даже на экскурсію, но послѣдняя не дала ни одного новаго вида насѣкомыхъ.

На слѣдующій день мы выступили подъ дождемъ. Пройдя версты четыре вверхъ по р. Дэгэ-чу, протекавшей мѣстами въ узкихъ щекахъ, гдѣ обнажался плотный красный песчаникъ, мы свернули на востокъ и неглубокимъ, но крутымъ логомъ взобрались на водораздѣлъ, восточную подошву котораго омывала рѣчка Ертеръ, системы Ихэ-Уланъ-гола. Пройдя ее и слѣдуя все въ томъ же сѣверо-восточномъ направленіи, мы вновь поднялись на гору, затѣмъ спустились съ нея и вышли въ долину рѣчки Дзамаръ, по ту сторону которой подымалась высокая скалистая гряда горъ, сложенная изъ темныхъ плотныхъ песчаниковъ. Дальнѣйшій путь нашъ шелъ вдоль этой гряды, внизъ по теченію помянутой рѣчки, пять верстъ дальше впадающей въ Ихэ-Уланъ-голъ.

Ихэ-Уланъ-голъ, послѣ Бухаинъ-гола, первый по величинѣ притокъ озера Куку-нора. Онъ беретъ начало съ горнаго массива Баинъ-ула, быстро обогащается водой изъ ключевыхъ падей у подошвы послѣдняго и въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на него вышли, т. е. нѣсколько выше устья р. Дзамаръ, протекаетъ уже мощнымъ потокомъ въ двухъ рукавахъ, шириной до семи саженъ каждый, при глубинѣ брода около 2-хъ футовъ. Пройдя западный рукавъ, мы разбили свой бивуакъ на островкѣ, густо поросшемъ кустами Potentilla fruticosa tenuifolia, Lehm., такъ какъ только здѣсь нашли достаточно сухую площадку.

На сегодня мы прошли лишь 16 верстъ; такая короткая станція сдѣлана была въ угоду старшинамъ, которые подъ всякими предлогами настаивали на остановкѣ на берегу Ихэ-Уланъ-гола, въ урочищѣ Шала. Впослѣдствіи причина ихъ упорства объяснилась: отсюда они разсчитывали вернуться обратно, сдавъ насъ другому старшинѣ, кочевавшему по сосѣдству.

Этотъ старшина, высокій и сухой старикъ, явился къ намъ передъ сумерками. Онъ соглашался вести насъ въ долину Датунъ-хэ, но просилъ отложить выступленіе туда на день: ему хотѣлось почтить насъ обѣдомъ. Конечно, пришлось ему уступить и принять его радушное приглашеніе.

День 4 августа не обѣщалъ ничего хорошаго. Какъ и наканунѣ, дождь зарядилъ съ утра. Облака низко повисли хлопьями

надъ долиной, и только въ рѣдкіе промежутки видно было, что они скрываютъ за собой темныя массы горъ. Около полудня послѣднія стали, однако, обрисовываться яснѣе, а вскорѣ затѣмъ облака поползли наверхъ, гдѣ и растаяли. Съ неба брызнули снопы лучей и, сверкнувъ безчисленными огнями въ капляхъ дождя на листьяхъ кустарниковъ, мгновеніе спустя уже залили свѣтомъ всю долину. Разведрило. Этимъ моментомъ я и рѣшилъ воспользоваться для поѣздки въ стойбище старшины. Братъ не поѣхалъ—у него нашлась какая-то работа, по его словамъ—неотложная.

Старшина стоялъ въ томъ же урочищѣ Шала, верстахъ въ двухъ выше. Онъ меня встрѣтилъ у своей палатки, которая поразила меня своей высотой и значительными размѣрами. Взявши мою лошадь подъ уздцы, онъ подвелъ ее къ порогу, помогъ мнѣ сойти съ нея и, отступивъ на шагъ, жестомъ пригласилъ идти впередъ. Въ палаткѣ я засталъ нѣсколько женщинъ. Онѣ столпились у очага позади старухи, которая тотчасъ же раскинула съ правой стороны послѣдняго стеганное новое одѣяло, на которое и пригласила меня садиться. Справа отъ меня на второмъ коврикѣ помѣстилась моя свита, слѣва—старшина и старшій изъ двухъ его сыновей. Женщины отошли въ сторону и усѣлись у входа въ палатку, старуха же осталась у очага, уставленнаго всевозможной посудой.

Послѣ первыхъ привѣтствій передо мною былъ поставленъ невысокій красный лакированный столикъ, на которомъ тотчасъ же появились въ фаянсовыхъ китайскихъ чашкахъ масло, дзамба, чай и кислое молоко; сюда же попытались было поставить и деревянный лотокъ съ жаренными въ маслѣ кусками пшеничнаго тѣста, но онъ не помѣстился и его поставили рядомъ, на коврикѣ; засимъ, тутъ-же помѣстили и жбанъ съ молокомъ, а равно мой столовый приборъ, по просьбѣ старшины, предусмотрительно захваченный Николаемъ. Когда я съѣлъ чашку тюри изъ дзамбы, масла и основательно посоленнаго и забѣленнаго молокомъ чая (кирпичнаго), на сцену появились новыя блюда—большая фаянсовая миска съ бараньимъ супомъ и большой деревянный лотокъ съ горой наваленнымъ мясомъ. Все это подано было вполнѣ опрятно, и хотя въ супѣ плавало порядочное количество волосъ и сору, но безъ этого въ степномъ быту обойтись вѣдь нельзя!

За ѣдой разговаривали мало, но когда остатки мяса были переданы сидѣвшимъ въ сторонѣ женщинамъ, то началась утоми-

тельная бесѣда черезъ двухъ переводчиковъ. Собственно говоря, толковали между собой только эти два переводчика, очевидно не вполнѣ понимая другъ друга, мы же съ старшиной хлопали глазами и довольно таки глупо улыбались другъ другу [1]). Наконецъ, испытаніе наше кончилось. Поблагодаривъ радушнаго хозяина, я поднялся. Старшина проводилъ насъ до нашего бивуака. Здѣсь онъ былъ приглашенъ въ юрту и выпилъ съ нами чашку чая съ сахаромъ и печеньемъ. На прощанье я далъ ему нѣсколько бездѣлушекъ для передачи женѣ и невѣсткамъ, чѣмъ онъ, повидимому, остался очень доволенъ.

На слѣдующій день мы тронулись далѣе. Утро было ясное, и горы въ верховьяхъ р. Ихэ-Уланъ были явственно видны [2]). Онѣ были покрыты свѣжимъ снѣгомъ и посылали высоко въ небо свои островерхія вершины. Одна изъ нихъ, выше и массивнѣе другихъ, носила монгольское названіе Баинъ-ула; ее-то мы и видѣли съ южнаго берега Куку-нора [3]).

Пройдя въ бродъ второй рукавъ Ихэ-Уланъ-гола, мы направились вверхъ по лѣвому его притоку Шала-голу. Въ своемъ низовьѣ долина этой рѣчки носила тотъ же характеръ, какъ и оставшаяся у насъ позади долина Ихэ-Уланъ-гола; это былъ лугъ, переходившій лишь мѣстами въ кочкарникъ; но выше мочажины стали попадаться чаще, и здѣсь дорога, обходя ихъ, должна была то и дѣло взбѣгать на поросшіе кипцомъ горные склоны. На 15-ой верстѣ мы обошли большое болото, въ которомъ собираетъ свои воды одинъ изъ двухъ истоковъ р. Шала-гола, и послѣдующіе 18 верстъ шли суходолами, орошенными лишь двумя или тремя ключиками. Послѣдній изъ этихъ суходоловъ вывелъ насъ на сѣдловину, съ которой открылся видъ на небольшой участокъ долины р. Харгэ-чу и на противулежащій хребетъ Намчинъ-сурва, отвѣтвляющійся отъ Южно-Тэтунгскихъ горъ къ югу отъ перевала Мали-мори.

Рѣку Харгэ-чу (у Потанина—Харьги или Харгынъ-голъ), на

---

[1]) Разспрашивая о сосѣднихъ горахъ, я узналъ, между прочимъ, что съ верховьевъ Ихэ-Уланъ-гола имѣется тропа на вершину Да-тунъ-хэ. Вести насъ этой дорогой старшина, однако, отказался, ссылаясь опять-таки на безлюдье въ долинахъ Да-тунъ-хэ и Су-лай-хэ.

[2]) Благодаря снѣгу, гребень хребта, ограничивающаго долину Да-тунъ-хэ съ юга, виденъ былъ съ одной изъ сопокъ на лѣвомъ берегу Ихэ-Уланъ-гола на очень далекое разстояніе къ западу. Верстъ на пятьдесятъ онъ казался довольно ровнымъ, безъ особо выдающихся вершинъ, но далѣе возвышалась огромная гора, покрытая сплошнымъ снѣгомъ. Повидимому, это самая высокая точка въ Южно-Тэтунгскомъ хребтѣ.

[3]) См. выше, стр. 11.

которой мы остановились для ночлега, Пржевальскій, а за нимъ и Рокхиль [1]),—называютъ Болема-голомъ. Это крупная рѣчка бассейна оз. Куку-нора, уступающая по величинѣ лишь Бухаинъ-голу и Ихэ-Улану. Ея широкою долиною отъ устья вверхъ прошелъ въ 1886 г. Потанинъ [2]); что же касается Пржевальскаго, то, повидимому, онъ свернулъ съ р. Харгэ-чу въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли [3]).

На слѣдующій день мы выступили вверхъ по р. Харгэ-чу; дорога идетъ здѣсь лѣвымъ берегомъ рѣчки, по мѣстности, поросшей кипцомъ и другими злаками; въ ущельяхъ лѣвобережныхъ горъ кое-гдѣ выступаютъ скалы пестрыхъ песчаниковъ, но среди щебня, составляющаго выносъ изъ этихъ ущелій, попадается также кварцъ и зеленоватый сланецъ. Долина, мѣстами же ущелье, Харгэ оказалась пустынной—ни человѣческаго жилья, ни дикихъ животныхъ нигдѣ не было видно. Впрочемъ, на 14-ой верстѣ мы поравнялись съ глинобитной оградой байнака Давату, но и эта обширная монгольская постройка стояла, повидимому, давно уже необитаемой, такъ какъ весь дворъ ея густо заросъ сорными травами.

Противъ Давату оказалось устье ущелья, выводящаго на перевалъ Мали-мори.

Потанинъ замѣчаетъ, что изъ долины Харгэ-чу имѣется три перевала въ долину Да-тунъ-хэ: черезъ восточный изъ нихъ Цэртэнъ (Цетеръ) вышелъ на Куку-норъ Пржевальскій, западный—Берэ-хада былъ пройденъ имъ, средній же остался ему неизвѣстнымъ даже по имени. Этимъ-то среднимъ переваломъ и вышла на Да-тунъ-хэ наша экспедиція [4]).

Перевалъ Мали-мори двойной: путь, ведущій черезъ главную сѣдловину болѣе короткій и удобный; но нашъ проводникъ почему-то избралъ круговую дорогу и повелъ насъ по крутизнамъ, едва доступнымъ для верблюда. Высота перевала оказалась равной 13,790 фт. надъ ур. океана; порода, слагающая окрестныя скалы—

---

[1]) Ib. стр. 84.

[2]) „Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія“, I, стр. 407—409.

[3]) Нѣсколько противорѣчитъ этому предположенію то обстоятельство, что онъ подымался на водораздѣлъ между Ихэ-Уланъ-голомъ и Харгэ-чу вдоль притока послѣдней. Существованіе такого притока подтверждается и Потанинымъ, который по этому поводу пишетъ: „Спустившись въ долину Харги, онъ (Пржевальскій), повидимому, пошелъ по притоку этой рѣки, долину котораго мы видѣли и имя котораго осталось намъ неизвѣстнымъ“ (op. cit., стр. 410). Между тѣмъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, мы спустились въ долину р. Харгэ-чу суходоломъ.

[4]) На картѣ, приложенной ко II тому „Опис. пут. въ Зап. Кит.“, линія нашего маршрута ошибочно проведена черезъ пер. Цетеръ.

желтымъ песчаникомъ. Горизонтъ съ гребня перевала былъ довольно ограниченъ, но, поднявшись на одну изъ ближайшихъ скалъ, можно было легче разобраться въ горныхъ массахъ, слагающихъ водораздѣлъ бассейновъ Куку-нора и Желтой рѣки. Кажется, я видѣлъ даже отсюда пикъ Баинъ-ула.

Съ перевала мы спускались суходоломъ, пока не выбрались въ ущелье, ведущее съ главной сѣдловины. Здѣсь бѣжалъ ручей, росли луговыя травы, Potentilla fruticosa, Caragana jubata. Нѣсколько ниже—горы, сжимавшія русло ручья, раздвинулись, стали пологими; наконецъ, на десятой верстѣ отъ спуска съ Мали-мори передъ нами развернулась широкая долина р. Да-тунъ-хэ, окаймленная на сѣверѣ высокой стѣной скалистыхъ горъ, а часъ спустя мы уже стояли на правомъ берегу могучей рѣки, противъ кочующаго монастыря Арикъ-гомба.

Здѣсь къ намъ возвратился уѣхавшій было впередъ старшина. Побывавъ въ монастырѣ, онъ теперь былъ не въ духѣ. Видимо, онъ поджидалъ лишь нѣсколько поотставшаго Николая, чтобы заявить намъ свое требованіе немедленнаго разсчета. Хотя старшина и ранѣе производилъ на насъ впечатлѣніе порядочнаго нелюдима и рѣзкаго въ обращеніи человѣка, но такое требованіе все же несказанно насъ удивило. Былъ ли онъ обиженъ нашимъ замѣчаніемъ по поводу избраннаго имъ тяжелаго пути въ обходъ перевала Мали-мори или на его рѣшеніе насъ покинуть повліяло его свиданіе съ ламами?

Какъ бы то ни было, онъ твердо стоялъ на своемъ и на нашу просьбу помочь намъ въ пріисканіи проводника въ бассейнъ Эцзинъ-гола отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

Мы переправились черезъ р. Да-тунъ-хэ, по мѣстному—Моричу, на слѣдующій день. Послѣ выпавшихъ за послѣднее время дождей рѣка эта несла высокую воду. Пробный рейсъ показалъ, что въ главномъ руслѣ, шириной около 15 саженъ, даже на перекатахъ вода была выше брюха лошади, что, въ связи съ необыкновенной стремительностью ея теченія и крупными валунами, устилавшими дно рѣки, дѣлало переправу обычнымъ порядкомъ завьюченныхъ лошадей невозможной. Пришлось, какъ и на Бухаинъ-голѣ, переформировать вьюки, боящіеся подмочки предметы перевезти на верблюдѣ, лошадей перевести съ высоко завьюченнымъ половиннымъ грузомъ, ишаковъ же и вовсе простыми. Такая хлопотная переправа отняла у насъ не менѣе двухъ часовъ времени, такъ что въ тотъ же день нечего было и думать двигаться

*

дальше. Къ тому же мы должны были озаботиться пріисканіемъ проводника хотя бы до р. Бабо-хо.

Въ этихъ видахъ въ монастырь отправленъ былъ Николай, но монахи встрѣтили его очень сурово. На первыхъ порахъ хамба-лама (настоятель) не захотѣлъ его даже принять, но засимъ, узнавъ, что мы имѣемъ паспортъ изъ Пекина, смягчился и, послѣ минутнаго совѣщанія со своими приближенными, высказалъ готовность дать намъ проводника до пикета Убо. Его любезность простерлась при этомъ до того, что онъ прислалъ къ намъ монастырскаго эконома (нерба-ламу) привѣтствовать насъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ долину Да-тунъ. Почтенный лама оказался хорошимъ дипломатомъ и, покидая насъ послѣ часовой бесѣды, удалился несомнѣннымъ побѣдителемъ, такъ какъ, отвѣчая съ полною готовностью на всѣ наши вопросы, онъ могъ похвалиться тѣмъ, что рѣшительно ничего намъ не сказалъ, на нашу же просьбу — облегчить намъ проходъ горами до Су-чжоу — любезно отвѣтилъ: «Служить вамъ — нашъ пріятный долгъ; но такъ какъ забота о вашихъ удобствахъ должна всецѣло лежать на чинахъ мѣстной китайской администраціи, а не на частныхъ лицахъ, коими въ сущности являемся мы, монахи, то хамба-лама и приказалъ довести васъ до пикета Убо, гдѣ вы встрѣтите китайскаго офицера, очевидно уже предупрежденнаго о вашемъ прибытіи, а потому и сдѣлавшаго всѣ необходимыя распоряженія для безпрепятственнаго вашего слѣдованія въ желаемомъ вами направленіи».

О монастырѣ Арикъ-гомба мы узнали немногое. Въ немъ насчитывалось не болѣе 60 монаховъ, изъ коихъ добрую половину составляли монголы; большинство же административныхъ лицъ принадлежало къ уроженцамъ Амдо. Проживавшій при монастырѣ гыгенъ былъ также родомъ тангутъ; онъ мѣстился въ большой бѣлой съ желтой каймой палаткѣ, рѣзко выдѣлявшейся среди темныхъ и грязныхъ юртъ и палатокъ прочихъ монаховъ и монастырскихъ слугъ. Такихъ переносныхъ жилищъ въ монастырѣ насчитывалось не болѣе пятидесяти. Когда-то монастырь былъ богаче, но съ обѣднѣніемъ монголовъ и онъ обѣднѣлъ. Палатокъ-капищъ при монастырѣ было три; онѣ отличались своими размѣрами и расположены были покоемъ въ центрѣ стойбища. Монастырь въ теченіе лѣта раза два мѣняетъ послѣднее, на зиму же перекочевываетъ къ Юнъ-ань-чэн'у.

Ширина долины Да-тунъ у монастыря Арикъ-гомба не превосходитъ трехъ верстъ. Поверхность ея довольно неровная; мѣстами

она представляетъ кочкарникъ, мѣстами изрыта старицами и руслами періодическихъ стоковъ. Гдѣ кочкарникъ — тамъ преобладаетъ осока; въ прочихъ мѣстахъ виднѣются исключительно почти луговыя травы, среди коихъ мы застали цвѣтущими: Allium cyaneum macrostemon, Rgl., Gentiana straminea, Maxim., G. tenella imberbia, Herd., Anaphalis cuneifolia, Hook. f., Leontopodium alpinum, L., Tanacetum tenuifolium microcephala, Winkl. и др. Птицъ видѣли здѣсь мало; въ коллекцію же взятъ былъ всего лишь одинъ экземпляръ гуся (Anser indicus, Lath.). Зато рыбная ловля оказалась болѣе удачной, причемъ добыто было три вида: Nemachilus stoliczkae, Steind., N. dorsonotatus, Kessl., и Schizopygopsis kozlowi, Herz.

8 августа съ мѣста нашей стоянки мы выступили поздно, задержанные проводникомъ. Сначала мы прошли около версты вверхъ по р. Да-тунъ-хэ и только затѣмъ уже свернули къ горамъ вдоль рѣки Лото, берущей начало въ Сѣверо-Тэтунгскомъ хребтѣ, съ высокаго скалистаго массива Лото [1]). Долина Лото оказалась узкой, ложе рѣки глубоко врѣзаннымъ. Горы на протяженіи первыхъ пяти верстъ имѣли мягкія очертанія и были одѣты кипцомъ, но далѣе ихъ смѣнили скалы сначала плотнаго песчаника, а затѣмъ сѣраго слюдистаго песчаника. Въ этомъ послѣднемъ скалистомъ участкѣ дорога получила значительную крутизну и нѣсколькими смѣлыми зигзагами вывела насъ на гребень перевала Черикъ. Абсолютная высота этого послѣдняго оказалась равной безъ малаго 14,000 фт., относительная—2,300 фт. На эту высоту уже не доходитъ растительность; на сѣверномъ склонѣ хребта она начинаетъ попадаться футовъ на 300 ниже, въ нижнемъ поясѣ осыпей, гдѣ мною были собраны слѣдующія цвѣтушія формы: Werneria nana, Benth., Saxifraga atrata, Engl., S. hirculus vestita, Engl., Coluria longifolia, Maxim., Trollius pumilus, Don., Meconopsis racemosa, Maxim., Pleurospermum stellatum, Benth., Taraxacum officinale parvula, Hook. f., Gentiana falcata, Turcz., Trisetum subspicatum, Trin., Pleurogyne carinthiaca, Griseb., Allium chrysanthum, Rgl., Avena subspicata, Clairv., Saussurea tangutica, Maxim., и нѣсколько ниже другихъ: Delphinium grandiflorum gmelini, Rgl., Gentiana siphonantha, Maxim., G. algida przewalskii, Maxim., Adenophora gmelini, Fisch., Allium kansuense, Rgl., Oxytropis pilosa, D. C., и Pleurogyne rotata, Griseb.

---

[1]) Потанинъ, op. cit., стр. 410, называетъ эту вершину Сѣверо Тэтунгскаго хребта—Лёто. Повидимому, абсолютная высота ея не превышаетъ 15,000 фт. На крутыхъ ея склонахъ, обращенныхъ къ югу, мы видѣли только свѣжій снѣгъ.

Съ перевала открылся величественный видъ на горную страну къ сѣверу. Эта наименѣе высокая часть Нань-шан'я казалась отсюда, съ перевала, благодаря особому атмосферному явленію, приподнятой на недосягаемую высоту. На голубомъ фонѣ неба отчетливо рисовались только вершины цѣпи съ блестѣвшими на нихъ кое-гдѣ пятнами снѣга, горные же склоны точно расплывались въ мглѣ тумана, поглотившаго и широкую долину р. Бабо-хо. Зато тѣмъ рельефнѣе изъ его волнъ выступали красныя сопки Вэнь-ли-коу Нань-шан'я, подымавшіяся непосредственно впереди насъ. И вотъ эта то полоса тумана точно отодвигала далеко къ сѣверу передовую цѣпь Нань-шан'я и въ то же время подымала ея гребень на огромную высоту.

Спускъ съ перевала Черикъ былъ круче подъема, однако лишь въ предѣлахъ пояса крупныхъ отторженцевъ, широкими потоками сползавшихъ съ сосѣднихъ гольцовъ; съ выходомъ же на рѣчку Черикъ и дорога пошла подъ значительно меньшимъ уклономъ.

Пройдя съ полверсты вдоль помянутой рѣчки, мы вышли къ устью глубокой щели, по дну которой струился кирпично-красный ручей. Щель эта отдѣляла темносѣрыя скалы горы Лото отъ ярко-красныхъ глинистыхъ песчаниковъ Вэнь-ли-коу Нань-шан'я и, насколько я могъ прослѣдить ее вверхъ, представляла узкій и мрачный корридоръ, почти лишенный растительности. Ниже этой щели рѣчка Черикъ вступала въ узкую долину съ отлогими склонами, густо поросшими кипцомъ. Здѣсь, въ распадкахъ холмовъ, мы всюду видѣли черныя палатки панака и слѣды золотопоисковыхъ работъ; кое-гдѣ работы эти носили еще недавній характеръ, а на восьмой верстѣ мы поровнялись и съ шалашами золотоискателей дунганъ и китайцевъ, мывшихъ золото способомъ, уже описаннымъ выше [1]).

Въ надеждѣ отыскать среди нихъ людей, знакомыхъ съ горами въ верховьяхъ Эцзинъ-гола и Тао-лай-хэ, мы приказали разбить бивуакъ по сосѣдству; но надеждѣ этой не суждено было осуществиться, такъ какъ всѣ золотоискатели оказались выходцами изъ селеній Сининской долины и дальше пикета Убо [2]) не ходили; они знали однако, что къ низовью р. Бабо-хо ведетъ хорошо наѣзженный путь. Съ насъ пока и этого было достаточно. Мы позвали проводника, присланнаго намъ изъ монастыря Арикъ-

---

[1]) Томъ II, стр. 303—304.

[2]) Потанину этотъ пикетъ называли Обо-чэнъ или Фа-обо (op. cit., стр. 417).

гомба, и предложили ему вести насъ внизъ по р. Бабо-хо; когда же онъ отказался, то объявили ему, что въ дальнѣйшихъ услугахъ его не нуждаемся. Мы разсудили идти безъ проводника, такъ какъ разочли, что торный, мѣстами даже колесный путь не можетъ же идти по мѣстности совершенно безлюдной и что такимъ образомъ дорогой мы не особенно рискуемъ остаться безъ нужныхъ намъ указаній.

Съ мѣста нашей стоянки на р. Черикъ мы очень скоро вышли въ широкую долину р. Бабо-хо, а версты двѣ дальше добрались и до помянутой выше колесной дороги, долженствовавшей служить намъ въ дальнѣйшемъ путеводителемъ.

Долину Бабо [1]) Потанинъ называетъ Ѣ-ма-чуань, т. е. долиной дикихъ лошадей, точнѣе — кіанговъ. Это китайское названіе сообщилъ путешественнику тангутъ Тарно. Не оспаривая его правильности [2]), я долженъ однако замѣтить, что оно мало подходяще къ этой долинѣ, такъ какъ въ ней, насколько знаю, кіанговъ не водится. Да и условія для существованія ихъ тамъ мало пригодны: во-первыхъ, долина не велика — всего около 60 верстъ въ длину отъ устья р. Бага-Тонсукъ до пикета Чжи-нань-линъ [3]) при наибольшей ширинѣ въ 5—6 верстъ, во-вторыхъ, восточная ея половина, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, проходитъ большая дорога изъ Синина въ Гань-чжоу, служитъ ареной большого людского движенія. Столь же мало подходитъ къ р. Бабо-хо и другое,

---

[1]) Въ мѣстномъ произношеніи. Правильнѣе однако писать Па-бао-хэ, какъ это и дѣлаетъ Потанинъ (op. cit., стр. 414), по словамъ коего наименованіе Па-бао-шань китайцы пріурочиваютъ къ горамъ праваго берега р. Бабо-хэ; намъ же такъ, но съ приставкой „да“, что значитъ „большой“, „высокій“, называли хр. Сѣверо-Тэтунгскій (см. II т., стр. 303). Впрочемъ, можетъ быть, въ этомъ нѣтъ противорѣчія, и горы къ сѣверу отъ долины Бабо дѣйствительно носятъ названіе Па-бао-шань, а горы къ югу отъ нея, болѣе высокія,—Да-Па-бао-шань. Объ отдѣльной горѣ, носящей это названіе, см. ниже.

Въ древности эти горы носили названія Янь-чжи-шань и Шань-дань-шань. Хунны, вытѣсненные изъ нихъ, говорили, что оставшіяся у нихъ земли стали похожи на женщину, лишившуюся своей красоты (Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“, III, Географ. Указатель, стр. 115).

[2]) Наименованіе Ѣ-ма-чуань встрѣчается и у китайскихъ географовъ, но оно пріурочивается ко всей долинѣ верховій Эцзинъ-гола, а не только къ долинѣ его восточнаго истока, что видно изъ слѣдующаго: Степь Ѣ-ма-чуань, пишетъ въ своемъ докладѣ ганьсуйскій генералъ-губернаторъ, обыкновенно служащая пастбищемъ для лошадей ганьчжоускаго и сучжоускаго гарнизоновъ, граничитъ съ областями Лянъ-чжоу, Гань-чжоу и Су-чжоу и, соприкасаясь на югѣ съ Да-туномъ, окружена горами и тянется съ востока на западъ на 4.000—5.000 (?ли). („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 423). См. также „Опис. пут. въ Зап. Китай“, II, стр. 198, гдѣ говорится, что подъ именемъ Ѣ-ма-чуань слѣдуетъ понимать долину Хый-хо.

[3]) Потанинъ (op. cit., стр. 417) пишетъ иначе—Чжинь-янъ-линъ; что вѣрнѣе—судить не берусь.

приводимое также Потанинымъ [1]), китайское ея названіе — Ѣ-нью (ню)-хо [2]), что значитъ «рѣка дикихъ быковъ». Скасси на своей съемкѣ обозначаетъ ее именемъ Хэй-хо; у Потанина однако читаемъ, что это послѣднее названіе китайцы пріурочиваютъ къ р. Бардуну, западному истоку р. Эцзинъ-гола [3]). Въ дѣйствительности однако и эта поправка не вполнѣ вѣрна, такъ какъ Бардунъ китайцы называютъ Хый-хо [4]) — «грязной рѣкой», наименованіе же Хэй-хо — «черной рѣки» даютъ Эцзинъ-голу ниже слія-нія обоихъ его истоковъ [5]).

Изъ двухъ рѣкъ — Хый-хо и Бабо-хо — первая по всей справедливости должна считаться вершиной р. Хэй-хо или Эцзинъ-гола: она длиннѣе, многоводнѣе, ея бассейнъ обширнѣе и ограниченъ горами, на значительномъ протяженіи переходящими своими вершинами за линію вѣчнаго снѣга.

Но и Бабо-хо рѣчка не малая.

Зарождаясь на перевалѣ Чжи-нань-линъ [6]), она очень быстро обогащается водой ключей и многочисленныхъ ручейковъ, сбѣгающихъ съ водораздѣла рѣкъ Чагрынъ-гола и Хэй-хо, и уже противъ пикета Убо выростаетъ до размѣровъ крупнаго горнаго потока. Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи она принимаетъ воду многихъ ручьевъ, изъ коихъ наиболѣе значительнымъ является стремительный Ихэ-Тонсукъ, впадающій въ нее верстахъ въ четырехъ выше устья. Длина ея, не считая излучинъ, сто верстъ. Общее паденіе около 35 фт. на версту (0,01), но распредѣлено оно неравномѣрно. Въ своемъ верховьѣ, въ области степныхъ горъ, рѣка течетъ довольно спокойно, но, вступивъ въ лѣсную тѣснину, ниже устья р. Бага-Тонсукъ, она пріобрѣтаетъ такую стремительность, которая дѣлаетъ переправу черезъ нее въ этомъ районѣ небезопасной. Да и бродовъ черезъ нее здѣсь немного. Самый

---

[1]) Ibid.

[2]) Обручеву называли такъ верхнее теченіе р. Хый-хэ („Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань“, II, стр. 170), рѣку же Бабо-хэ онъ называетъ У-ни-хэ.

[3]) Op. cit., стр. 414.

[4]) Записывая это названіе, я долгое время не улавливалъ звука—нѣчто среднее между Хый и Хоу, которое выговаривалось иногда и какъ гоу. Въ переводѣ это слово должно обозначать—мутный, грязный.

[5]) Въ древности Эцзинъ-голъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Жо-шуй. „Тоба-Дао, пишетъ Deguignes („Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares Occidentaux, etc.“ II, стр. 3), шелъ внизъ по рѣкѣ Жо-шуй, впадающей въ оз. Собо-норъ“. (Ср. Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“, Геогр. Указ., стр. 107—108).

[6]) См. „Опис. пут. въ Зап. Китай“, II, стр. 302—303.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Долина р. Бабо-хо.

Р. Хуанъ-хэ у Гуй-дэ.

Фототипія В. Клесенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 1-2.

Пресмн. Н. Каминскій.

извѣстный, становящійся однако въ разгаръ половодья непроходимымъ, находятся ниже устья Ихэ-Тонсука, гдѣ Бабо-хо, при сравнительно большей ширинѣ, имѣетъ твердый грунтъ дна. Вода въ ней очень грязная, того же буро-краснаго цвѣта, какъ и тѣ песчаники, среди коихъ она нарождается и течетъ.

Колесная дорога, по которой мы направились на западъ, пролегала въ одной-двухъ верстахъ отъ русла рѣки. Проложена она была черезъ перевалъ Убо въ лѣсныя дачи по р. Бабо-хо, какъ намъ говорили, въ два пріема: по ущелью Пянь-дао-коу въ шестидесятыхъ годахъ [1]), по долинѣ р. Бабо-хо въ серединѣ восьмидесятыхъ, когда китайскимъ правительствомъ рѣшено было строить телеграфную линію въ Кашгаръ, и попытка ганьчжоускихъ властей заготовить для нея лѣсъ путемъ сплава его по р. Хэй-хо потерпѣла полную неудачу. Въ наше время дорога эта была однако вновь, повидимому, оставлена; по крайней мѣрѣ на всемъ ея протяженіи намъ не удалось замѣтить свѣжихъ слѣдовъ китайской телѣги.

Пройдя этой дорогой верстъ тридцать, мы остановились у подошвы обросшаго лѣсомъ холма. Здѣсь проходила граница лиственнаго лѣса, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялся и самый характеръ долины Бабо: она замѣтно сужалась, падала круче, становилась живописнѣе; луговая растительность на лѣвомъ берегу рѣки и степная на правомъ уступала далѣе мѣсто лѣсу, весьма разнообразному по составу и съ такимъ густымъ подлѣскомъ, что продраться черезъ него далеко не вездѣ было возможно; кусты Myricaria и Hippophaë rhamnoides, попадавшіеся и ранѣе по руслу рѣки, сливались здѣсь также въ густыя заросли, изъ коихъ одна, близъ нашей стоянки, особенно поразила меня своимъ страннымъ видомъ: у кустовъ облѣпихи, по толщинѣ стволовъ почти деревьевъ (до 3½ вершковъ въ діаметрѣ), широкія и густыя кроны были срѣзаны точно по одной мѣркѣ на высотѣ 2—3 аршинъ [2])! Русло рѣки отсюда также сужалось, становилось болѣе извилистымъ и глубокимъ, и рѣка уже не разбивалась въ немъ болѣе, какъ прежде, на рукава, а неслась однимъ стремительнымъ, мощнымъ потокомъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 298.

[2]) Я не нашелъ удовлетворительнаго объясненія этому явленію. Слюнинъ („Охотско-камчатскій край", стр. 266), встрѣтившій нѣчто подобное на Охотскомъ побережьѣ Восточной Сибири (см. табл. V), приписываетъ это дѣйствію сильныхъ вѣтровъ и бурь; къ нашему случаю подобное объясненіе однако не примѣнимо, такъ какъ рядомъ съ обезображенными облѣпихами высился лѣсъ стройныхъ деревьевъ.

Ради охоты въ ельникахъ и лиственномъ лѣсу (Populus, Salix, Sorbus, Betula) мы остались на помянутомъ бивуакѣ дневать. Охота въ общемъ была удачна, и наша орнитологическая коллекція обогатилась нижеслѣдующими видами: Bucanetes mongolicus, Swinh., Carpodacus rubicilloides, Przew., Loxia curvirostra himalayana, Hodgs., Emberiza godlevskii, Tacz., Certhia familiaris, L., Poecile affinis, Przew., Crossoptilon auritum, Pall., Ithaginis sinensis michaëlis, Bianchi, Perdix sifanica, Przew., и Tetrastes sewerzowi, Przew. Изъ нихъ особый интересъ имѣютъ: новая разновидность франколина (Ith. sinensis michaëlis) [1]), новый для фауны Центральной Азіи гима-

Франколинъ (Ithaginis sinensis, David.).

лайскій клестъ (L. curvirostra himalayana) и ушастый фазанъ (Cr. auritum), столь далекое распространеніе коего на сѣверъ и западъ установлено было нами впервые [2]).

О своей встрѣчѣ съ выводкомъ ушастыхъ фазановъ братъ разсказываетъ слѣдующее.

О фазаньемъ выводкѣ я узналъ отъ Жиляева, который ука-

---

[1]) Названъ Біанки въ честь моего брата и описанъ въ „Ежегодникѣ Зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ“, VIII, 1903, стр. 1—13.

[2]) Впрочемъ, какъ уже извѣстно читателю (см. т. II, стр. 293), намъ удалось открыть мѣстопребываніе этой птицы и на сѣверномъ склонѣ Нань-шан'я.

залъ мнѣ и направленіе, въ которомъ скрылись эти красивыя птицы. Не прошелъ я вверхъ по ручью и десяти саженъ, какъ собака, находившаяся со мной, дѣйствительно потянула впередъ, на гору. Пришлось карабкаться вслѣдъ за нею по скаламъ и густому кустарнику. Фазаны, очевидно, были недалеко; я даже явственно слышалъ ихъ глухое клохтанье, а временами до меня доносился и шумъ, производившійся ими при перебѣжкахъ. За всѣмъ тѣмъ изъ-за высокой поросли я все еще ихъ не видѣлъ. Между тѣмъ я терялъ уже силы, почти задыхался. Огромная абсолютная высота давала таки тутъ себя чувствовать. Слѣдуя за собакой, я пять

Ушастый фазанъ (Crossoptilon auritum, Pall.).

разъ то спускался, то вновь подымался по одному и тому же откосу, напрягая всѣ усилія къ тому, чтобы прижать птицъ къ оврагу и тѣмъ побудить ихъ взлетѣть, но это не удавалось. Наконецъ, на выручку явился Жиляевъ. Вдвоемъ дѣло пошло успѣшнѣе, и, наконецъ, собака сдѣлала стойку саженяхъ въ пяти отъ обрыва. Но покрытыя мхомъ каменныя глыбы и росшій среди нихъ кустарникъ представляли здѣсь такую чащу, что я просто не зналъ, какъ приняться за дѣло. Стоять за собакой не стоило, такъ какъ при взлётѣ фазановъ я съ своего мѣста едва ли бы ихъ увидалъ, и вотъ, сообразивъ наконецъ, что птица — тяжелая

и что молодые экземпляры не должны еще летать особенно хорошо, я рѣшилъ стать въ нѣсколькихъ саженяхъ ниже собаки, Жиляеву же приказалъ при окрикѣ: «пиль!» произвести возможно бо́льшій шумъ наверху. Эта стратагема вполнѣ удалась. Едва собака ринулась впередъ, какъ послышалось хлопанье крыльевъ, и два молодыхъ фазана вынырнули изъ-за груды камней почти у моихъ ногъ. Разъ за разомъ два выстрѣла прокатились эхомъ по горамъ, и оба, взлетѣвшіе было, фазана кувыркнулись въ воздухѣ и тяжело опустились на землю въ какихъ нибудь 200 шагахъ ниже.

Отыскать ихъ оказалось однако далеко не легко. Хотя я хорошо запримѣтилъ мѣсто, но, сбѣжавъ съ горы, уже не нашелъ на немъ никакихъ слѣдовъ подбитыхъ птицъ: очевидно, онѣ успѣли удрать или такъ плотно завалиться среди камней, что отыскать ихъ можно было только собакой. Послѣдняя, впрочемъ, уже дѣлала свое дѣло, но, повидимому, обѣ птицы разбѣжались и перепутали слѣды, а, можетъ быть, сюда же спустились и остальныя изъ выводка, такъ какъ собака бросалась изъ стороны въ сторону и никакъ не могла напасть на раненыхъ птицъ. Я сталъ было уже приходить въ уныніе, когда пойнтеръ вдругъ сдѣлалъ стойку. Черезъ мгновеніе птица — молодой самецъ — уже была у него въ зубахъ, но, къ сожалѣнію, въ такомъ видѣ, что не годилась въ коллекцію, такъ какъ правое крыло было у него сильно повреждено, а въ хвостѣ не хватало среднихъ перьевъ.

Всетаки охотничье тщеславіе было удовлетворено. Оставалось лишь найти вторую птицу, несомнѣнно также тяжело раненую. И вотъ мы снова стали ходить за собакой, но, къ счастью, на сей разъ не долго. Она была найдена далеко отъ того мѣста, куда опустилась, но уже безъ признаковъ жизни.

Далѣе изъ своихъ охотничьихъ воспоминаній, относящихся къ тому же времени, братъ разсказываетъ слѣдующій случай. Проходя опушкой еловаго лѣса, я вдругъ увидѣлъ, что собака сдѣлала стойку передъ вывороченнымъ съ корнемъ деревомъ. Отойдя нѣсколько въ сторону, я послалъ собаку впередъ. Она ринулась прямо подъ корни, но безъ результата; тогда она обѣжала дерево съ другой стороны, но, ткнувшись въ кучу торчавшихъ вѣтвей, опять вернулась ко мнѣ. «Что за притча», подумалось мнѣ, «ужь не балуетъ ли песъ, наведя на ежа вмѣсто фазана?» Но въ то время какъ я наклонялся, чтобы заглянуть подъ корни, справа, почти изъ-подъ моихъ ногъ, съ шумомъ сорвался ушастый фазанъ

и со всѣхъ ногъ бросился улепетывать въ гору. Онъ былъ убитъ наповалъ и оказался взрослой самкой.

А вотъ и еще одинъ эпизодъ изъ охоты на ту же птицу.

Солнце стало склоняться къ горизонту... «Ка-ррр... ка-ррр...» донеслось ко мнѣ вдругъ откуда-то издалека и заставило быстро вскочить на ноги, такъ какъ въ этомъ крикѣ я узналъ голосъ ушастаго фазана. Схвативъ ружье и кликнувъ собаку, я почти бѣгомъ бросился на него внизъ по ущелью, но вскорѣ попалъ въ такую густую кустарную поросль, продраться черезъ которую рѣшительно не было никакой возможности. Между тѣмъ собака, очевидно почуявъ дичь, уже потянула впередъ и скрылась въ чащѣ, обойти которую оказалось не такъ-то легко. Когда же, наконецъ, я выбрался на просторъ, то отъ собаки, какъ говорится, и слѣдъ простылъ. Позвать ее я побоялся и рѣшилъ идти впередъ на авось. Но не сдѣлалъ я въ избранномъ направленіи, подъ сводомъ лѣса, и ста шаговъ, какъ чуть не опрокинулся, инстинктивно отстраняясь отъ налетѣвшей на меня огромной птицы. Въ первое мгновеніе я растерялся, когда же, наконецъ, вспомнилъ о своемъ ружьѣ, то было ужь поздно, такъ какъ фазанъ успѣлъ отлетѣть на мѣру ружейнаго выстрѣла, и хотя, подъ вліяніемъ досады, я и послалъ ему въ догонку зарядъ, но выстрѣлъ этотъ посбилъ съ него лишь нѣсколько перьевъ, существенно-же повредить ему, конечно, не могъ.

Я замѣтилъ, что ушастый фазанъ, даже будучи спугнутъ, никогда не отлетаетъ особенно далеко, а потому и рѣшилъ преслѣдовать птицу, не смотря на наступавшія уже сумерки. Собака сперва побѣжала рысцей, затѣмъ пошла тише, принюхиваясь. Молодой лѣсъ, въ который мы должны были вступить, вскорѣ сгустился на столько, что пришлось согнуться, чтобы идти подъ его сводами, и я сталъ было уже подумывать, что при такихъ условіяхъ, пожалуй, снова упустишь птицу, какъ вдругъ собака остановилась и какъ-то странно вытянулась въ лѣвую сторону. Я присѣлъ на колѣно и сталъ напряженно всматриваться въ густой сумракъ, который царилъ теперь подъ деревьями, но рѣшительно ничего подозрительнаго разсмотрѣть въ немъ не могъ. Тогда я сталъ медленно подаваться впередъ, понукая къ тому же собаку. И вдругъ позади раздался столь мнѣ знакомый шумъ крыльевъ. Я рѣзко обернулся назадъ, но было ужь поздно: фазанъ исчезъ, и только вѣтка, качавшаяся аршинахъ въ двухъ надо мною, показала мнѣ, какъ близко подпустила насъ къ себѣ птица.

Воспользовавшись дневкой, я лично предпринялъ экскурсію къ далекимъ гольцамъ, но сколько нибудь интересныхъ формъ насѣкомыхъ я здѣсь не встрѣтилъ [1]).

11 августа мы сдѣлали небольшой переходъ по густо поросшей лѣсомъ долинѣ р. Бабо-хо и остановились на ночлегъ въ безподобной по красотѣ тополевой рощѣ, немного не доходя до мѣста сліянія обоихъ истоковъ р. Эцзинъ-гола.

Съ первыхъ же шаговъ тропинка, смѣнившая отсюда колесную дорогу, повела насъ на гору, которая оказалась роковой для одного изъ нашихъ ишаковъ: поскользнувшись на влажномъ глинистомъ грунтѣ, онъ сломалъ себѣ ногу и былъ по необходимости нами брошенъ. Сказанная гора вдавалась низкимъ и узкимъ мысомъ въ долину р. Бабо-хо и отбрасывала русло этой послѣдней далеко къ сѣверу. Версты четыре дальше, при устьѣ рѣчки Бага-Тонсукъ, мы однако вновь поравнялись съ рѣкой, которая, такимъ образомъ, лишь обошла гору, сдѣлавъ порядочную излучину.

При устьѣ р. Бага-Тонсука мы вышли на дорогу, до насъ пройденную Потанинымъ. Впрочемъ, проходя долиной Бабо въ началѣ мая, когда вода въ рѣкѣ стояла еще на низкомъ уровнѣ, онъ нѣсколько разъ переходилъ ее въ бродъ и большую часть станціи сдѣлалъ, слѣдуя правымъ ея берегомъ; мы же должны были идти по тропинкѣ, часто прижимавшейся вплотную къ невысокому обрыву ея лѣваго берега, съ трудомъ при этомъ пробираясь сквозь чащу лиственнаго лѣса. Впрочемъ, съ нашимъ караваномъ, сформированнымъ изъ лошадей, всѣ такого рода трудности проходились безъ особыхъ помѣхъ.

Уже изъ сказаннаго видно, что долина Бабо въ этомъ участкѣ значительно измѣнила свой первоначальный характеръ. Дѣйствительно, она значительно съузилась, мѣстами свелась почти что на нѣтъ,—до ширины въ нѣсколько десятковъ саженъ, такъ что рѣка въ такихъ мѣстахъ должна была жаться къ горамъ, подмывая подошву послѣднихъ. Степь и лугъ смѣнили теперь лѣсъ и густая кустарная поросль, добѣгавшая по долинѣ мѣстами до

---

[1]) Изъ чешуекрылыхъ мнѣ тутъ попались слѣдующіе виды: Parnassius mercurius, Gr.-Gr., Pieris callidice orientalis, Alph., Colias poliographus, Motsch., C. montium, Oberth., C. eogene arida, Alph., C. fieldii, Mén., Vanessa urticae, L., V. ladakensis, Moore, Pyrameis cardui, L., Argynnis pales sifanica, Gr.-Gr., A. eugenia rhea, Gr.-Gr., A. clara, Blanch., Satyrus pumilus palaearcticus, Stgr. (=Oeneis lama, Alph.), Agrotis degeniata confinis, Alph., и A. difficilis, Ersch. Colias arida съ Бабо-хо отличается отъ кукунорской arida; однако я не рѣшился выдѣлить ее въ отдѣльную форму, такъ какъ не располагалъ достаточнымъ для сего матеріаломъ.

Изъ Coleoptera мною собраны были здѣсь однѣ лишь мелкія карабиды.

урѣза воды. Послѣдняя неслась уже не столь плавно, какъ прежде, а съ бурной стремительностью, то и дѣло перебрасываясь черезъ стволы ею же снесенныхъ деревьевъ и пѣнясь у береговъ. Такой характеръ лѣсного ущелья удерживался однако не на всемъ протяженіи нижняго теченія р. Бабо-хо; кое гдѣ лѣсъ разступался и давалъ мѣсто лужайкамъ удивительной красоты. Проходя ихъ, казалось страннымъ видѣть всю эту мѣстность совершенно безлюдной, а между тѣмъ это было такъ, и каждый шагъ впередъ подрывалъ въ насъ увѣренность въ встрѣчѣ съ людьми, которые могли бы взяться вывести насъ въ Су-чжоу'скій культурный районъ.

Впрочемъ ниже устья р. Бага-Тонсукъ мы разминовались съ нѣсколькими монголами, которые, очевидно, торопились, такъ какъ задержались лишь на столько, чтобы разспросить Николая—кто мы, откуда идемъ и куда направляемся. Но и Николаю, въ свою очередь, удалось узнать, что вопрошавшій былъ кукунорскій ванъ съ своей свитой и что возвращался онъ изъ своей поѣздки въ долину Бардуна, куда онъ намѣревался съ будущаго года переселить часть своихъ подданныхъ. Монголы его вѣдомства и ранѣе владѣли этой долиной [1]), но въ шестидесятыхъ годахъ были вытѣснены оттуда кукунорскими тибетцами. Не рискнувъ вернуться въ бассейнъ Эцзинъ-гола силой, они завели съ тибетцами тяжбу, которая тянулась лѣтъ двадцать и закончилась въ ихъ пользу лишь въ 1889 году. А пока шелъ судъ да дѣло, вся эта мѣстность, по распоряженію китайскихъ властей, пустовала, и единственными посѣтителями ея въ это время были охотники на мараловъ да артели золотоискателей. «Такъ что», заключилъ свой докладъ Николай, «и намъ разсчитывать нечего найти тамъ проводниковъ».

Заключеніе, конечно, неутѣшительное; но вѣдь и выбора у насъ не было никакого: не возвращаться же намъ въ самомъ дѣлѣ въ Су-чжоу пройденной уже дорогой черезъ ущелье Пянь-дао-коу?

---

[1]) Послѣ Гуши-хана вся мѣстность къ сѣверу отъ р. Да-тунъ-хэ отведена была, повидимому, хошоутамъ передняго знамени западнаго праваго крыла („Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 125). Существуетъ ли однако какая либо преемственная связь между этими хошоутами и монголами вѣдомства кукунорскаго вана—остается пока невыясненнымъ.

Въ частности въ примѣчаніи 523 къ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи" (стр. 435) мы находимъ слѣдующее указаніе на бывшее нѣкогда разселеніе монголовъ въ долинѣ Бабо: На 13-ти листовой картѣ (временъ Канъ-си?) между проходомъ Бянь-ду (Пянь-дао-гоу) и сѣвернымъ берегомъ Датун'а находилось кочевье Лубсанъ-цагана, а далѣе на западъ кочевье Бейлэ Балчжуръ-рабдана.

На восьмой верстѣ отъ устья р. Бага-Тонсука долина Бабо вдругъ раздалась. Рѣка отошла къ подошвѣ сѣверныхъ горъ, оставивъ на лѣвомъ берегу хорошо выровненную площадку, длиной около пяти верстъ, шириной около трехсотъ саженъ, поросшую огромными тополями (Populus przewalskii, Maxim.?). Эта тополевая роща въ рамкѣ горъ, увѣнчанныхъ высокими, покрытыми снѣгомъ гольцами и одѣтыхъ изумрудными лугами [1]) и синевато-зелеными ельниками, представляла столь поразительную по красотѣ картину, такъ манила подъ свою сѣнь, что я не въ силахъ былъ отказать себѣ въ удовольствіи расположиться въ тѣни ея бивуакомъ. А на слѣдующій день мы уже съ сожалѣніемъ снимались съ этой безподобной стоянки для того, чтобы углубиться въ непривѣтливыя, безплодныя горы, сопровождающія справа низовье Хый-хо.

---

[1]) На этихъ лугахъ мы застали въ цвѣту: Gentiana frigida przewalskii, Kusn., Werneria nana Benth., Saussurea tangutica, Maxim., Aconitum rotundifolium tanguticum, Maxim., Trollius pumilus, Don., Taraxacum officinale parvula, Hook., Adenophora gmelini, Fisch., и нѣкоторыя другія травы.

Тополевая роща въ долинѣ р. Бабо-хо.

Фототипія В. Киасовъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. №7-2.

Printed in Russia

ГЛАВА V.

Вверхъ по долинѣ р. Хый-хо.

Раннимъ утромъ 12 августа чувствовалась еще нѣкоторая свѣжесть, но едва солнце выкатилось изъ за горъ, какъ уже повѣяло тепломъ, и термометръ сталъ быстро подниматься къ 20°. Въ воздухѣ было тихо, на небѣ ни облачка, предугадывался особенно жаркій день.

Первыя семь верстъ, до рѣчки Ихэ-Тонсукъ, мы шли частью опушкой тополевой рощи, частью лугомъ, вдоль подошвы одѣтой еловымъ лѣсомъ горы; но за помянутой рѣчкой, которая бурно несла свои прозрачныя воды среди большихъ валуновъ [1]), тропинка повела насъ на высокую гору, сложенную изъ конгломератовъ и грубыхъ песчаниковъ. Подъемъ былъ крутъ и въ зигзагахъ имѣлъ не менѣе трехъ верстъ протяженія; зато, когда, наконецъ, мы взобрались на ея гребень, то передъ нами открылся обширный горизонтъ и совершенно неожиданная картина: мы впервые увидали отсюда Хый-хо, мѣсто сліянія его съ Бабо-хо, глубокую тѣснину, въ которую устремлялись ихъ соединенныя воды, и какія-то зданія на берегу. Какъ оказалось впослѣдствіи, это и былъ монастырь Да-ба-бо-сы [2]), о которомъ мы кое-что слышали еще въ передній путь черезъ Нань-шань.

Ущелье Хэй-хо (Эцзинъ-гола) хорошо было видно лишь версты на три на сѣверъ, далѣе же его замыкала гора, у подошвы которой помянутая рѣка, повидимому, уже сворачиваетъ на за-

---

[1]) Очевидно, что мы перешли р. Ихэ-Тонсукъ выше Потанина, который описываетъ эту рѣчку неглубокой и текущей тремя рукавами по широкому галечнику (op. cit., стр. 416). Я и теперь еще отчетливо ее помню, при чемъ она представляется мнѣ горнымъ потокомъ, съ шумомъ несущимся среди зарослей ветловаго ёрника и ивняка (S. caesia minutiflora, Turcz?).

[2]) Потанинъ (ib.) называетъ его Па-бао-сы, Па-баоръ-сы, Па-баоръ-та-сы.

падъ; оно казалось узкимъ, сжатымъ скалами краснаго цвѣта, съ бѣдной растительностью, которая успѣла мѣстами замѣтно поблекнуть. Лѣсъ виднѣлся только по берегу рѣки Хэй-хо да изъ-за гребней обрывающихся въ ущелье горныхъ откосовъ.

Горы праваго берега рѣки Бабо-хо видны были на далекое разстояніе. Передовая ихъ цѣпь, сложенная, повидимому, исключительно изъ красныхъ глинистыхъ песчаниковъ и конгломератовъ, нигдѣ не переступала своими вершинами за снѣговую линію, но далѣе къ сѣверу снѣгъ виднѣлся во многихъ мѣстахъ. Вѣроятно, онъ вѣнчалъ пики хребта, общее направленіе коего выяснили засѣчки, произведенныя братомъ еще въ передній путь вдоль сѣверныхъ склоновъ Нань-шан'я. Только одна гора съ пятнами снѣга возвышалась ближе къ долинѣ Бабо и несомнѣнно внѣ помянутаго хребта; мы видѣли ее уже съ мѣста нашей стоянки въ тополевой рощѣ, а впослѣдствіи и изъ долины Хый-хо, благодаря чему явилась возможность съ достаточной точностью опредѣлить ея мѣстоположеніе въ томъ хаосѣ горъ, который представляетъ изъ себя сѣверная цѣпь Нань-шан'я: она подымается въ 12 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ мѣста сліянія рѣкъ Бабо-хо и Хый-хо и имѣетъ два пика, оба почти одинаковой высоты [1]). Горы къ западу не имѣли снѣга; впрочемъ, въ эту сторону горизонтъ заслоненъ былъ тучами, которыя на безоблачномъ до того небѣ появились какъ-то вдругъ и теперь медленно сползали въ долину Хый-хо. Зато въ тылу ясное небо позволяло прослѣдить цѣпь бѣлковъ въ необъятную даль, гдѣ снѣговыя поля были уже неотличимы отъ облаковъ.

Спускъ съ горы, круто обрывавшейся въ русло Хый-хо, былъ нѣсколько положе подъема и вывелъ насъ на высокую береговую террасу, скудно поросшую злаками и полынью. Пройдя ею версты три, мы вновь очутились передъ горой, которая, какъ и первая, высокимъ валомъ перегораживала долину Хый-хо. На ея вершинѣ караванъ вдругъ остановился и былъ свидѣтелемъ рѣдкой по удачѣ охоты на ушастыхъ фазановъ.

---

[1]) Потанинъ (ib., стр. 424) приводитъ какъ китайское, такъ и монгольское названіе этой горы—Па-бао-сань и Найманъ-эрдени-ула, что въ обоихъ, будто-бы, случаяхъ значитъ—„Гора восьми драгоцѣнностей".

О горѣ Па-бао-шань упоминается и въ китайскихъ географіяхъ; такъ, въ „Сань-чжоу-цзи-лё" мы читаемъ: Па-бао-шань имѣетъ форму ненюфара, чтится наравнѣ съ священными пиками и служитъ оплотомъ для областей Си-нин'ской, Лянъ-чжоу'ской, Гань-чжоу'ской и Су-чжоу'ской („Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 455). Въ докладѣ генералъ-губернатора На-янь-чэн'а также говорится о горѣ Па-бао-шань, при чемъ указывается, что нѣдры ея содержатъ золото. („Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 424).

Экспедиціонныя собаки, Кальта́ и Койсеръ, до того понуро шагавшія впереди, вдругъ встрепенулись и съ громкимъ лаемъ бросились внизъ по крутому разлогу, къ одиноко росшему на голомъ глинисто-песчаномъ откосѣ кусту караганы, изъ подъ котораго въ тотъ же моментъ выскочилъ цѣлый выводокъ ушастыхъ фазановъ. Нечего и говорить, какой вызвало это переполохъ въ нашемъ отрядѣ. Схватились, конечно, прежде всего за ружья, но, увы! имѣвшіе при себѣ дробовики, какъ нарочно, на этотъ разъ поотстали. Когда же, наконецъ, братъ подскакалъ къ разлогу, то засталъ въ немъ слѣдующую картину: всѣ три наши собаки съ неистовымъ лаемъ носились за птицами, которыя, очевидно, позабывъ о своихъ крыльяхъ, какъ безумныя кружились на одномъ мѣстѣ; сюда же сбѣжались и оставшіеся безъ надзора бараны и своими отчаянными прыжками довершали невѣроятную сутолоку, царившую въ оврагѣ на пространствѣ какихъ нибудь десяти квадратныхъ саженъ. Боясь поранить собакъ, братъ долгое время не могъ улучить минуты, но вотъ онъ спустилъ курокъ, и одинъ изъ фазановъ кубаремъ слетѣлъ внизъ. Это обстоятельство послужило точно сигналомъ остальнымъ. Распустивъ хвосты и крылья, они ринулись книзу и въ одинъ мигъ исчезли за уступомъ скалы; все-же однако брату удалось сдѣлать въ догонку нѣсколько выстрѣловъ и уложить еще трехъ птенцовъ, которые и дополнили прекрасную коллекцію этихъ птицъ, собранную нами въ центральномъ Нань-шан'ѣ.

По спускѣ съ горы, дальнѣйшій нашъ путь до мѣста ночлега, т. е. на протяженіи еще девяти верстъ, пролегалъ по мѣстности, носившей тотъ же, что и раньше, характеръ: мы шли или по очень круто обрывавшейся въ рѣку береговой террасѣ или вновь взбирались на почти лишенные растительности горные отроги, сложенные изъ грубыхъ конгломератовъ съ замѣтно нарушеннымъ напластованіемъ. На ночлегъ мы расположились у самой рѣки, въ рощѣ ивъ, тополей и облѣпихъ (Hippophaê rhamnoides), достигавшихъ здѣсь размѣровъ порядочнаго деревца.

Въ этомъ мѣстѣ рѣка имѣла въ ширину около 12 саженъ и несла свои мутныя, сѣрыя воды съ глухимъ шумомъ и чрезвычайной стремительностью. Въ началѣ мая Потанинъ, хотя и съ трудомъ, нѣсколько разъ переходилъ ее въ бродъ; но въ іюлѣ и августѣ вода въ рѣкѣ стоитъ выше, и тогда уже переправа черезъ нее становится невозможной, притомъ на всемъ ея протяженіи отъ устья Ихура. Послѣдній не только важнѣйшій изъ притоковъ Хый-

хо, но и главнѣйшій ея загрязнитель, такъ какъ только отсюда дотолѣ совершенно чистыя воды Хый-хо получаютъ ту грязно-сѣрую окраску, которая вполнѣ оправдываетъ китайское наименованіе этой рѣки. Потанинъ приводитъ также и туземное ея названіе—Бардунъ, но намъ не довелось его слышать [1]).

Ѣдва мы уставили юрты, какъ къ намъ на рысяхъ подъѣхали два китайскихъ солдата, возвращавшихся съ верховьевъ Бардуна на пикетъ У-бо. Они были изъ числа тѣхъ, которые въ послѣднихъ числахъ апрѣля провожали насъ на перевалъ Чжи-нань-линь, и теперь не мало удивились, встрѣтивъ насъ безъ конвоя и проводниковъ. Они пробыли у насъ около часу и дали намъ не мало полезныхъ указаній относительно предстоявшаго намъ пути. Они также увѣрили насъ, что среди золотоискателей, работающихъ повсемѣстно выше И-ху-лу-гола, мы безъ затрудненій найдемъ проводника черезъ горы въ г. Су-чжоу.

Мѣстность, по которой мы шли на слѣдующій день, принадлежала къ числу живописнѣйшихъ въ Нань-шан'ѣ.

Горные отроги, встававшіе на нашемъ пути, уже не представляли, какъ прежде, голыхъ утесовъ, но были одѣты лѣсомъ, который мѣстами спускался даже въ побочныя луговыя долины и пади, по дну коихъ съ грохотомъ и пѣной низвергались потоки прозрачной воды. Эти отроги казались здѣсь короче и круче, а гольцы, которымъ они служили подножіемъ, массивнѣе и выше поднимавшихся въ области бассейна р. Бабо-хо. Снѣга на нихъ было также больше, и лежалъ онъ уже на всемъ гребнѣ, а не только на сопкахъ.

Первыя три версты мы шли террасой, которая была послѣдней на правомъ берегу Хый-хо, такъ какъ далѣе горы еще болѣе стѣснили рѣку, и пади уже спускались непосредственно къ ея руслу. Террасу на западѣ обрывалъ оврагъ съ бѣгущей по дну его рѣчкой, а далѣе намъ пришлось въ полугорѣ огибать поросшій еловымъ лѣсомъ горный отрогъ, круто сбѣгавшій къ Хый-хо. На одномъ изъ поворотовъ дороги джигитъ Ташбалта, ѣхавшій впереди каравана, вдругъ осадилъ лошадь, затѣмъ соскочилъ съ нея,

---

[1]) Въ китайской географической литературѣ, относящейся къ Нань-шан'ю, мы хотя и встрѣчаемся съ наименованіемъ Бардунъ (Ба-дунъ-бира), но оно пріурочено къ одной изъ трехъ вершинъ р. Толай-гола, а не къ западному истоку р. Хэй-хо („Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 478). Что же касается этого послѣдняго, то я не нашелъ у китайскихъ авторовъ какихъ либо свѣдѣній, непосредственно къ нему относящихся.

бросилъ на бѣгу мнѣ поводья и скрылся въ лѣсной чащѣ, откуда тотчасъ же раздались выстрѣлы.

— Ну, зачастилъ!

И казаки стали ужь было перекидываться между собой обычными въ такихъ случаяхъ замѣчаніями по адресу незадачливаго охотника, когда вновь раздались выстрѣлы, но на этотъ разъ уже далеко позади и, какъ намъ казалось, у самой рѣки.

— А вѣдь это, поди, ужь Комаровъ палитъ... а не то—его благородіе...

И всѣ какъ-то сразу прониклись убѣжденіемъ, что наши стрѣлки увязались за крупнымъ, цѣннымъ звѣремъ.

Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности.

Ташбалта замѣтилъ въ лѣсной чащѣ крупныхъ звѣрей, въ которыхъ не замедлилъ признать мараловъ, но, погнавшись за ними, погорячился и смазалъ. Маралы бросились на утекъ, но, перебѣгая просвѣтомъ въ лѣсу, были вновь усмотрѣны братомъ и Комаровымъ. Послѣдній погнался за ними, и вотъ его-то выстрѣлы мы и слышали раздававшимися какъ будто съ рѣки. Онъ догналъ насъ часа черезъ два и на предложенные ему вопросы разсказалъ, что ранилъ крупнаго самца, но тутъ же и потерялъ его изъ виду. «Не успѣлъ перенять на полянѣ, а въ лѣсу въ эту пору гдѣ же его сыщешь? Къ тому же и дебрь пошла тамъ такая, что не выберешься».

Такъ ли было въ дѣйствительности или же раненый звѣрь существовалъ лишь въ разгоряченномъ воображеніи Комарова, но только одно не подлежало уже никакому сомнѣнію, это—встрѣча съ маралами, очевидно принадлежавшими къ виду, сравнительно лишь недавно описанному Пржевальскимъ (Cervus albirostris) [1]). И заполученіе хотя бы одного экземпляра такого марала представлялось намъ дѣломъ настолько важнымъ и въ то же время заманчивымъ, что мы безъ колебаній рѣшили посвятить охотѣ на него весь слѣдующій день, хотя къ дневкамъ мы могли прибѣгать теперь уже только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ взятые въ Даньгэрѣ запасы муки и соли приходили къ концу, а разсчитывать на возобновленіе ихъ гдѣ либо по пути въ г. Су-чжоу конечно не было основанія. Такъ какъ и впереди виднѣлись поросшія лѣсомъ горы, и такъ какъ не было никакихъ основаній

[1]) „Третье путешествіе въ Центральную Азію“, стр. 124.

Мараловъ мы встрѣчали и въ долинѣ р. Бабо-хо. Такихъ случаевъ было два, но оба показались мнѣ сомнительными.

считать ихъ менѣе подходящими для рѣшенной охоты, то я далъ приказаніе каравану идти впередъ до тѣхъ поръ, пока долина Хый-хо будетъ хранить лѣсистый характеръ.

Обогнувъ помянутую выше гору, мы вышли въ долину довольно крупной рѣчки и по широкой и живописной долинѣ ея лѣваго притока стали подниматься на гору, поросшую мѣщаннымъ лѣсомъ. Почву этого лѣса мѣстами устилалъ мохъ (Hypnum sp?), въ которомъ во множествѣ росли рыжики (Agaricus deliciosus var?) невиданныхъ мною дотолѣ размѣровъ. Далѣе дорога пошла сплошнымъ ельникомъ, съ горы на гору, пока не вывела насъ, наконецъ, къ рѣчкѣ Го-дабанъ, служащей рѣзкой гранью между лѣсистой и степной частями долины Хый-хо. Здѣсь мы остановились на дневку.

Я затрудняюсь отождествить рѣчку Го-дабанъ съ однимъ изъ перечисленныхъ Потанинымъ притоковъ Хый-хо. Такое же затрудненіе испытываю я и по отношенію къ р. Ихуръ, какъ замѣчено выше, самому многоводному изъ ея притоковъ. Если, однако, отождествить Ихуръ съ значительной, по словамъ Потанина [1]), рѣчкой Югрукъ, то пришлось бы допустить, что Го-дабанъ есть рѣчка Соломо; между тѣмъ о послѣдней въ цитированномъ сочиненіи говорится, что она течетъ среди сухихъ и безлѣсныхъ поперечныхъ гривъ [2]), что противорѣчитъ сказанному выше о р. Го-дабанъ. Можетъ быть однако это несоотвѣтствіе только кажущееся и вполнѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Потанинъ шелъ нижней дорогой, я же верхней, мѣстами—въ двухъ, мѣстами даже въ четырехъ верстахъ отъ русла Хый-хо, да и р. Го-дабанъ перешелъ не ближе семисотъ саженъ отъ устья?

Не могу также подтвердить наблюденія этого путешественника, относящагося къ періодической окраскѣ въ красный цвѣтъ рѣчекъ, впадающихъ справа въ Хый-хо [3]). Въ августѣ такой пе-

---

[1]) Op. cit., стр. 426.

[2]) Op. cit., стр. 424.

[3]) Вотъ, что читаемъ мы по этому поводу у Потанина (ib.),

„Побочныя рѣчки, текущія съ юга, замѣчательны тѣмъ, что ежедневно въ опредѣленный часъ, мѣняютъ цвѣтъ своей воды. Ночью и раннимъ утромъ вода въ нихъ прозрачная, темнаго цвѣта; къ 10 час. утра она мутнѣетъ и принимаетъ яркій красный цвѣтъ. Это окрашиваніе воды идетъ отъ верхнихъ частей рѣчки къ ея устью и распространяется на Бардунъ, но вся вода въ Бардунѣ не окрашивается, а только узкая полоса его вдоль праваго берега внизъ отъ впаденія приносящей муть рѣчки. Распространеніе этого окрашиванія на воды самого Бардуна наступаетъ только въ 2 часа пополудни. Наблюденіе надъ цвѣтомъ воды можетъ здѣсь замѣнить часы. Это окрашиваніе происходитъ отъ размыванія глинистыхъ отложеній, окрашенныхъ окисью желѣза и залегающихъ при подошвѣ южныхъ гольцовъ Всѣ эти отложенія находятся южнѣе

ріодичности уже не наблюдалось; весной же, какъ мнѣ кажется, ее могъ вызвать процессъ схода снѣга въ области залеганія красныхъ глинисто-песчаныхъ отложеній, таявшаго днемъ и вновь смерзавшагося къ ночи.

Дневка обманула наши ожиданія. Въ теченіе всего почти дня моросило, и охотники вернулись на бивуакъ измокшими и усталыми; они даже не видѣли мараловъ, и только брату на обратномъ уже пути удалось подстрѣлить парочку франколиновъ (Ithaginis sinensis michaëlis) и нѣсколько экземпляровъ Carpodacus dubius, Przew.

Гора, возвышавшаяся на лѣвомъ берегу р. Го-дабана, поросла превосходными луговыми травами, среди коихъ особенно обильно росъ Allium chrysanthum, Rgl.; онъ, вѣроятно, пришелся по вкусу нашимъ баранамъ и лошадямъ, такъ какъ отъ нихъ еще и на слѣдующій день разило чеснокомъ. Переваливъ 15 августа черезъ эту гору, мы вновь приблизились къ р. Хый-хо, которая протекала уже здѣсь нѣсколькими рукавами въ широкомъ галечномъ ложѣ, двѣ же версты дальше мы вышли на рѣку Ихуръ.

Рѣка эта выносила свои грязныя воды въ долину Хый-хо изъ мрачнаго ущелья, при устьѣ котораго возвышались два увѣнчанныхъ снѣгомъ гольца—Ду-ню-шань и Да-бо-шань [1]); за ними же, на заднемъ планѣ ущелья, виднѣлись еще болѣе высокія горы—хребетъ Ихуръ, И-ху-лу-сянь—въ мѣстномъ китайскомъ произношеніи, въ снѣгахъ и льдахъ котораго и беретъ начало двумя истоками р. Ихуръ.

Западный изъ этихъ истоковъ длиннѣе восточнаго, и до вершины его цѣлый день ходу; онъ, по словамъ мѣстныхъ золотоискателей, вытекаетъ изъ подъ ледника, первыя 70 ли пробѣгаетъ въ щекахъ, ниже же вступаетъ въ широкое, каменистое ущелье, гдѣ и течетъ по галечному ложу, разбиваясь то и дѣло на рукава.

дороги, то есть выше тѣхъ пунктовъ, при которыхъ дорога пересѣкаетъ поперечныя рѣчки. Только въ одномъ мѣстѣ дорога приблизилась къ подобному отложенію на столько, что я могъ подойти и осмотрѣть его. Размытая и обнаженная отъ растительности поверхность отложенія представляетъ въ этомъ мѣстѣ причудливую картину; части отложенія, уцѣлѣвшія отъ размыванія, имѣютъ очертанія башенъ, пирамидъ, столбовъ, кеглей и тому под., окрашенныхъ въ разнообразные оттѣнки краснаго цвѣта".

Такимъ образомъ, Потанинъ смотритъ на размываніе красныхъ глинистыхъ отложеній, производимое текущими среди нихъ рѣчками, какъ на явленіе постоянное лишь въ извѣстные часы дня, но не даетъ этому факту соотвѣтствующаго объясненія, а между тѣмъ оно было бы необходимо, такъ какъ нѣкоторый подъемъ уровня воды въ рѣчкахъ въ полдень очевидно его вызвать не можетъ.

[1]) Я думаю, что абсолютная высота этихъ пиковъ превосходитъ 17,000 фт.

Ущелье р. Ихуръ посѣщается только охотниками и золотоискателями, моющими драгоцѣнный металлъ главнымъ образомъ лишь въ низовьяхъ этой рѣки. Изъ долины Ихура имѣется очень высокій и трудно переходимый перевалъ въ долину Да-тунъ-хо.

Рѣка Ихуръ, при глубинѣ около 2½ футовъ, имѣла до 8 саженъ ширины и несла свои воды бурно и стремительно въ ложѣ, заваленномъ крупными голышами кварца, кремнистаго сланца и плотнаго песчаника. Переправа черезъ нее задержала насъ не надолго, такъ что мы въ тотъ же день успѣли пройти еще верстъ 17 вверхъ по Хый-хо.

На этомъ участкѣ пути какъ долина, такъ и рѣка Хый-хо, имѣвшая теперь совершенно прозрачную воду, уже существенно измѣнили свой прежній характеръ. Вслѣдствіе болѣе длиннаго заложенія хребтовъ, сопровождающихъ рѣку съ юга и сѣвера, и мягкаго очертанія ихъ отроговъ, долина казалась болѣе широкой и плоской; ея паденіе было меньшимъ, русло рѣки менѣе сдавленнымъ горами и едва врѣзаннымъ въ почву, теченіе же рѣки болѣе плавнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла послѣдняя кустарная поросль, и горы и долы всецѣло заполонила кипцовая степь, сохранявшая еще, несмотря на позднюю пору, свой яркозеленый колоритъ.

Мы остановились на ночлегъ на правомъ берегу Хый-хо, нѣсколько выше устья небольшого его притока, пятаго по счету отъ р. Ихуръ.

Вечеромъ термометръ показывалъ при ясномъ небѣ 2^0 ниже 0^0. Это былъ первый морозъ въ долинѣ верховій Эцзинъ-гола. Удивительнаго въ этомъ, впрочемъ, ничего не было, такъ какъ мы поднялись уже до абсолютной высоты, превышавшей 10,500 футовъ.

16 августа мы прошли около 22 верстъ. Долина продолжала хранить вышеописанный характеръ, и такъ какъ горы мѣстами все еще тѣснили ее, то дорога, уклоняясь отъ подъемовъ на нихъ, держалась русла рѣки, слѣпо слѣдуя за всѣми извилинами послѣдней. На 21 верстѣ мы прошли въ бродъ Эрчжюсъ-голъ—первый по величинѣ послѣ Ихура притокъ Хый-хо. Потанинъ называетъ эту рѣку Шунчжа [1]). При глубинѣ около 2-хъ футовъ, она имѣла около 6 саженъ, спокойное, хотя и быстрое, теченіе. Ущелье, изъ котораго она вытекаетъ, кажется съ дороги очень глубокимъ, но

---

[1]) Op. cit., стр. 427.

какъ далеко вдается оно въ горы, имѣется ли въ немъ дорога и если да, то куда выводитъ, осталось намъ неизвѣстнымъ.

Нѣсколько выше устья Эрчжюсъ-гола дорога привела насъ къ броду черезъ рѣку Хый-хо.

Переправа черезъ нее не представляла здѣсь никакихъ затрудненій, такъ какъ при плавномъ теченіи и твердомъ грунтѣ (мелкая галька) глубина рѣки не превосходила 2½ футовъ.

Мы раскинули свой бивуакъ на лѣвомъ ея берегу сейчасъ за бродомъ, въ томъ мѣстѣ долины, гдѣ послѣдняя начинаетъ развертываться въ широкую степь.

Ландшафтъ продолжаетъ и далѣе измѣняться и получаетъ все болѣе чертъ, сближающихъ долину верховій Хый-хо съ нагорными долинами области Куку-нора. Дѣйствительно, хребты хотя и приподнятые на огромную абсолютную высоту (18,000—20,000 фт.), уже не подавляютъ здѣсь зрителя своей массой, такъ какъ, далеко разойдясь въ обѣ стороны и выславъ впередъ малорасчлененныя предгорія, они выглядываютъ изъ за нихъ лишь своими сплошь заваленными снѣгомъ вершинами; предгорія получаютъ еще болѣе мягкія очертанія и, спускаясь постепенно, большею частью совсѣмъ непримѣтно переходятъ въ долину; ручьи и рѣчки текутъ плавно въ едва обозначенныхъ руслахъ; среди кипцовой степи начинаютъ попадаться обширныя плѣшины съ рѣдко разбросанными на нихъ насажденіями полыни, Aster altaicus, Willd., микроскопическихъ Sedum algidum altaicum, Maxim. и Tanacetum tenuifolium microcephala, Winkl.; даже животный міръ здѣсь иной, и изъ крупныхъ млекопитающихъ вновь начинаютъ встрѣчаться: антилопы, яки, кіанги и медвѣди (Ursus pruinosus, Blyth). Нѣсколько антилопъ (Gazella picticaudata, Hodgs.) убили мы уже на слѣдующій день, едва покинули свой бивуакъ, медвѣдь былъ застрѣленъ 18 августа, табуны же кіанговъ и стада дикихъ яковъ попадались намъ неоднократно на пространствѣ послѣднихъ трехъ переходовъ по долинѣ Хый-хо.

Утромъ 17 августа мы проснулись отъ донимавшаго насъ холода. Справились съ термометромъ и удивились: онъ показывалъ 10° ниже 0°! Съ восходомъ солнца морозъ пошелъ, конечно, на убыль; однако въ моментъ выступленія каравана, т. е. примѣрно въ 6 час. утра, термометръ все еще стоялъ на—6° Цельсія. День, впрочемъ, былъ тихій и ясный, и мы смѣло могли разсчитывать на тепло. Дѣйствительно, въ полдень ртуть въ термометрѣ поднялась въ тѣни до 15°, а на солнцѣ даже до 24°.

Въ этотъ день мы прошли 27 верстъ. Дорога въ этомъ участкѣ

долины бѣжитъ степью, придерживаясь русла рѣки, которая почти не дѣлаетъ здѣсь изгибовъ. Грунтъ дороги мягкій; валуны встрѣчаются рѣдко, выходовъ же коренныхъ породъ не замѣчается вовсе; только нѣсколько выше Эрчжюсъ-гола въ лѣвомъ борту русла Хый-хо обнажился однажды гранитъ.

Первая Gazella picticaudata попалась намъ, какъ сказано выше, едва мы выступили съ мѣста нашей стоянки; дальше же антилопа эта небольшими стадами стала встрѣчаться часто, подпуская нерѣдко охотниковъ чуть не на мѣру прямого выстрѣла. Конечно, казаки не замедлили этимъ воспользоваться, и вечеромъ я отмѣтилъ поступленіе пяти шкуръ и череповъ этого красиваго животнаго въ нашу маммалогическую коллекцію. Изъ бабочекъ здѣсь еще въ обиліи летали Vanessa urticae, V. ladakensis, Pyrameis cardui и Pieris callidice orientalis; что же касается птицъ, то на этомъ переходѣ брату удалось подстрѣлить лишь пару куропатокъ (Perdix sifanica, Przew.) и самца Cerchneis tinnunculus, L.

Съ 18 августа погода испортилась. Наступили холода, дожди со снѣгомъ и такіе густые туманы, что уже въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Столь рѣзкое измѣненіе погоды послѣдовало вслѣдъ за разразившейся въ этотъ день бурей со снѣгомъ и градомъ. Температура при этомъ сразу упала градусовъ на пятнадцать и въ послѣдующіе два дня не поднималась выше 3^0, держась большую часть дня на нулѣ, ночью же опускаясь до -7^0. Такая низкая температура въ соединеніи съ пронизывающею сыростью и вѣтрами, съ непривычки, переносилась нами съ большимъ трудомъ; въ особенности же насъ донималъ густой туманъ, изъ котораго мы не выходили часами и который вызвалъ два инцидента, о коихъ будетъ разсказано ниже.

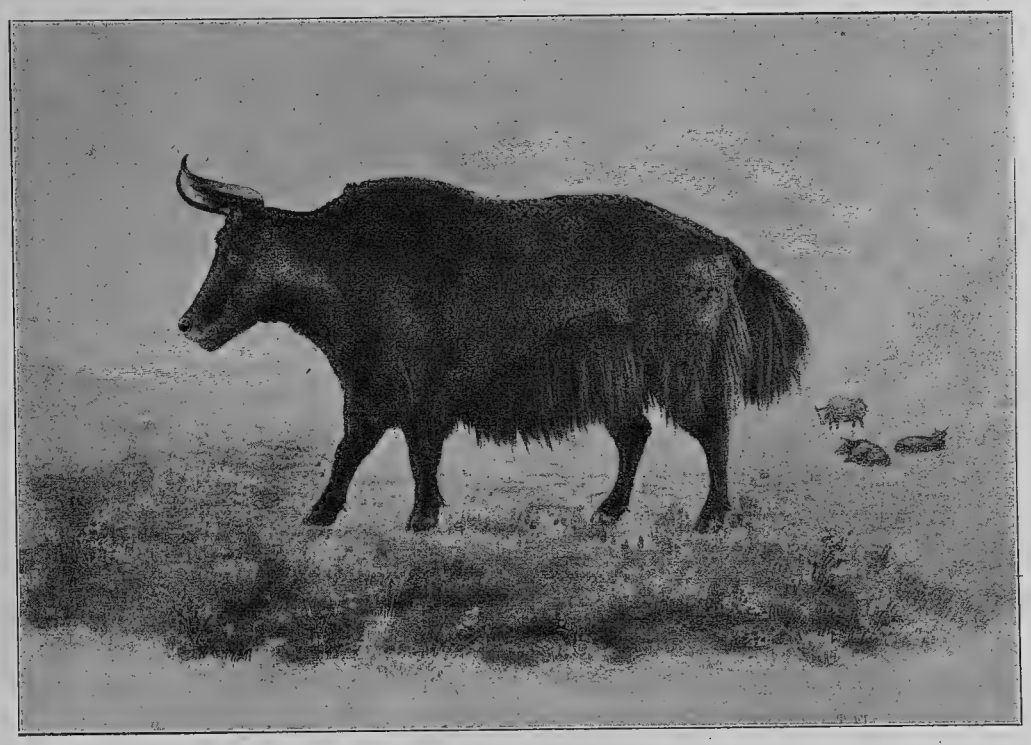
Противъ мѣста нашего ночлега съ 17 на 18 августа долина Хый-хо имѣла не менѣе 15 верстъ ширины, а далѣе на западъ она еще болѣе расширялась. Сгустившіяся послѣ полудня облака скрыли горы, а рѣка перестала служить намъ путеводною нитью, такъ какъ дорога въ самомъ началѣ станціи отошла отъ нея вправо на разстояніе отъ двухъ до трехъ верстъ. Такимъ образомъ, чтобы не сбиться съ пути, намъ оставалось строго держаться тропинки. Однако вскорѣ мы замѣтили и вправо, и влѣво отъ себя другія тропинки, которыя сходились, расходились и пересѣкали нашу. Пока не разыгрался буранъ, это обстоятельство насъ мало смущало; но когда выпалъ снѣгъ, положеніе наше измѣнилось, и при дальнѣйшемъ слѣдованіи впередъ мы должны были

уже руководствоваться исключительно показаніями бусоли и ранѣе сдѣланными засѣчками.

Такъ прошли мы верстъ восемь, а всего отъ послѣдней стоянки 25, когда ѣхавшій впереди Ташбалта вдругъ остановилъ караванъ и молча указалъ на какія-то темныя массы, медленно передвигавшіяся на сѣверъ.

«Ужь не яки-ли?»

И братъ, замѣтивъ время и условившись со мной стать бивуакомъ у ближайшей воды, съ казакомъ Фатеевымъ и Таш-



Дикій якъ (Bos grunniens, L.).

балтой рысью двинулся къ загадочнымъ звѣрямъ, мы же продолжали свой путь и версты черезъ четыре, обогнувъ невысокій бугоръ, остановились на берегу извилистаго ручья, причемъ лишь съ большимъ трудомъ отыскали мѣсто посуше.

Наши охотники добрались до бивуака, когда совсѣмъ уже стемнѣло.

Безпокоясь ихъ долгимъ отсутствіемъ и подозрѣвая, что, въ виду все усиливавшагося тумана и продолжавшейся непогоды, съ ними могло случиться что-либо недоброе, мы нѣсколько разъ давали залпы. Въ отвѣтъ на одинъ изъ нихъ послышались было

*

голоса, но затѣмъ все опять стихло. Тогда я велѣлъ Глаголеву и Комарову осѣдлать лошадей и ѣхать на розыски. Этотъ-то разъѣздъ и столкнулся съ охотниками.

О своихъ блужданіяхъ братъ разсказалъ лишь за ужиномъ слѣдующее.

Убѣдившись, что передъ нами дѣйствительно дикіе яки, я послалъ Фатеева ближе къ горамъ, самъ же съ Ташбалтой сталъ обходить ихъ съ равнины. Когда разстояніе между нами сократилось до 400 шаговъ, я передалъ лошадь джигиту и пѣшкомъ увязался за стадомъ, которое въ числѣ семи штукъ лѣниво взбиралось на невысокій пригорокъ. Пока я шелъ ложбиной, каждый шагъ приближалъ меня къ стаду, но ложбина вскорѣ кончилась, я долженъ былъ выбраться на открытое мѣсто, и вотъ тутъ-то, вѣроятно, меня увидѣли яки. Такъ или иначе, но они бросились на утёкъ. Бѣжали они однако вяло и вскорѣ вновь перешли на шагъ. Это дало мнѣ возможность къ нимъ снова приблизиться. Далѣе же я пошелъ въ одномъ съ ними направленіи, стараясь лишь постепенно къ нимъ подойти. Но черезъ полчаса я уже отказался отъ этой задачи: яки, очевидно, слѣдили за мной и ближе какъ на 400 шаговъ не подпускали. Улучивъ минуту, я еще сократилъ это разстояніе и разъ за разъ пустилъ четыре пули въ ближайшаго звѣря. Я думаю, что я его ранилъ, но разсчетъ мой этимъ путемъ заставить его остановиться—не удался: якъ рысью побѣжалъ въ горы. Я хотѣлъ было ужь преслѣдовать его верхомъ, но въ тотъ моментъ, когда джигитъ подводилъ мнѣ лошадь, сильный порывъ вѣтра чуть не сорвалъ съ меня шапки. Еще моментъ и градъ забарабанилъ по землѣ. Начинался буранъ...

— Ташбалта, надо ѣхать на бивуакъ... Смотри, какія надвигаются тучи!—хотѣлъ было я крикнуть джигиту, но едва открылъ ротъ, какъ чуть не захлебнулся отъ налетѣвшаго на меня новаго порыва вѣтра. Впрочемъ, мое намѣреніе и такъ было ясно.

Мы рысью двинулись по тому направленію, которое казалось мнѣ ближайшимъ, но и послѣ получасовой ѣзды не обнаружили признаковъ бивуака. А между тѣмъ непогода усиливалась, и градъ крутило какъ въ вѣялкѣ.

Мы пытливо осматривались по сторонамъ: не найдется ли гдѣ свѣжихъ слѣдовъ... Но какіе ужъ тутъ слѣды, когда даже наши заметались мгновенно! И вотъ, увѣренность въ вѣрно взятомъ направленіи насъ какъ-то вдругъ оставила. Мы стали часто мѣ-

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Бѣлый якъ.

Сань-чжу-чун скія дунганки. (Т. II, стр. 322.)

Фототипія В. Класонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правил. Н. Каминскій.

нять румбы и такъ пробродили еще около часа. Тѣмъ временемъ вѣтеръ стихъ, градъ смѣнился снѣгомъ, снѣгъ—моросью и густѣйшимъ туманомъ. Мы окончательно смокли и стали коченѣть. Не зная, на что рѣшиться, мы нѣсколько разъ стрѣляли залпами, но звуки этихъ залповъ замирали точно въ подушкѣ; пробовали кричать—тотъ же эффектъ! Чтобы согрѣться, сошли съ лошадей. Но хотя пѣшкомъ идти было и теплѣе, зато подвигаться впередъ мы могли лишь черепашьимъ шагомъ, такъ какъ очутились среди кочкарника и пропитанныхъ водою песковъ, въ которыхъ нога вязла по щиколотку. Между тѣмъ, хотя положеніе наше было и не изъ отчаянныхъ, но перспектива провести морозную ночь въ мокрой одеждѣ и безъ пищи казалась намъ настолько ужасной, что мы рѣшили напречь всѣ силы къ тому, чтобы, исколесивъ площадь побольше, хотя бы этимъ путемъ пріобрѣсти лишній шансъ къ встрѣчѣ со своими.

И вотъ, наконецъ, намъ послышались выстрѣлы... Это—свои!.. насъ ищутъ... наконецъ-то!

Но это былъ только окоченѣвшій Фатеевъ, который изъ боязни замерзнуть тратилъ послѣдніе патроны на то, чтобы дать знать о себѣ если не намъ, то товарищамъ, которые и по его соображеніямъ не могли быть отъ насъ особенно далеко. Какъ странно однако, что мы не хватились Фатеева раньше. А, казалось бы, именно о немъ намъ прежде всего слѣдовало подумать. Какъ бы то ни было, теперь мы были искренне рады, что судьбѣ угодно было насъ снова свести.

Что же дѣлать однако? Куда идти?

Въ этотъ моментъ я вдругъ вспомнилъ, что при мнѣ въ кобурѣ имѣлась бусоль. Я ухватился было за эту соломенку, но тутъ же сообразилъ, что, даже опредѣливъ направленіе, въ какомъ шелъ караванъ, я не получу еще разрѣшенія вопроса — гдѣ, впереди или позади, искать намъ экспедиціонный отрядъ; да, наконецъ, допустивъ даже, что намъ и удалось бы взять вѣрное направленіе, въ чемъ же порука, что мы не разминуемся съ бивуакомъ, пройдя отъ него всего въ какомъ нибудь десяткѣ саженъ?

Но тутъ меня точно осѣнила мысль, которую я и поспѣшилъ сообщить своимъ спутникамъ: вѣдь караванъ долженъ былъ стать на первой водѣ, а какую-то воду мы прошли около часа назадъ; стало быть тамъ, позади, и должны мы искать теперь бивуакъ.

И ободренные этой надеждой, мы повернули на юго-востокъ и рысью погнали впередъ лошадей. Но едва мы сдѣлали въ этомъ

направленіи саженъ тридцать, какъ передъ нами выросъ призракъ: нѣчто огромное, темное, быстро надвигавшееся на насъ. Только шагахъ въ шестидесяти различили мы наконецъ, что это былъ дикій якъ, который тутъ же круто повернулъ въ сторону и черезъ мгновеніе скрылся въ мглѣ сумерекъ и тумана.

Послѣ этой встрѣчи мы проѣхали еще добрыхъ полчаса, которые показались намъ вѣчностью, такъ велико было нетерпѣніе наше добраться поскорѣй до своихъ. Мы жадно всматривались въ сѣрую мглу, разсчитывая каждую минуту добраться до бивуака, но, увы! его нигдѣ не было видно. Наконецъ, я не выдержалъ....

— Ребята, давай еще залпъ!

Залпъ былъ данъ, но снова прозвучалъ удивительно глухо, точно шлепокъ по подушкѣ. Съ досады я только выбранился, и въ моемъ воображеніи уже вновь стала вырисовываться ужасная перспектива заночевать среди неприглядной мокреди, когда вдругъ я какъ-то невольно осадилъ коня: передо мною вновь выросъ призракъ, но на этотъ разъ это былъ уже не дикій якъ, а человѣкъ верхомъ на лошади... Это былъ случайно на насъ наткнувшійся Андрей Глаголевъ, который тотчасъ же и вывелъ насъ къ бивуаку.

Злая шутка, которую сыгралъ съ братомъ туманъ, къ сожалѣнію, была не единственной. На слѣдующій же день его жертвой сдѣлался кашгарецъ Гассанъ со всѣмъ своимъ караваномъ на ишакахъ.

Утромъ 19 августа при градусѣ тепла снѣгъ сталъ быстро сходить, и хотя небо все еще оставалось пасмурнымъ, но горизонтъ казался много обширнѣе, чѣмъ наканунѣ. Долина продолжала еще, повидимому, удерживать свою прежнюю ширину, но теперь мы должны были слѣдовать уже не серединой ея, а сѣверной ея окраиной, при чемъ тропа, уклонившись отъ рѣки верстъ на 7, сразу же приблизила насъ къ горамъ и повела по мѣстности, всхолмленной послѣдними уступами южнаго склона Ци-лянь-шан'я [1]).

Пологіе увалы, которые мы пересѣкали, одѣты были кипцомъ, среди коего виднѣлись цвѣтущія травы: полевая астра (Aster altaicus, Willd.), Saussurea tangutica, Maxim., и Delphinium tanguticum, Huth. Впрочемъ мнѣ было не до сбора растеній, такъ какъ на моемъ попеченіи оказался эшелонъ завьюченныхъ лошадей.

---

[1]) Обручевъ называетъ сѣверную горную цѣпь Нань-шан'я—хребтомъ Рихтгофена. Къ обоимъ этимъ наименованіямъ ниже я буду имѣть еще случай вернуться (стр. 109—111).

Случилось же это по милости дикихъ яковъ, которые стали попадаться намъ тутъ чуть не на каждой верстѣ. Соблазнъ былъ очень великъ, и всѣ наши охотники одинъ за другимъ отдѣлились отъ каравана, передавъ свои эшелоны менѣе искуснымъ стрѣлкамъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался, конечно, и я.

Между тѣмъ къ восьми часамъ небо стало заволакиваться свинцовыми тучами, а вскорѣ затѣмъ въ долину спустился и вчерашній туманъ, затянувшій густой завѣсой сосѣднія горы. Счастье еще, что братъ успѣлъ засѣчь верстахъ въ 15 впереди выдающійся

Ursus pruinosus, Blyth.

своей формой гребень увала; на него-то мы и шли по бусоли въ теченіе трехъ послѣдующихъ часовъ, причемъ то и дѣло мѣняли тропинки, которыя, повидимому, протянулись здѣсь широкимъ поясомъ вдоль долины. Подойдя къ помянутому увалу, мы обогнули его и стали бивуакомъ въ широкомъ логу, на берегу небольшого ручья.

Дорогой мы слышали учащенную пальбу, вскорѣ, впрочемъ, стихшую; затѣмъ прошло добрыхъ два часа, и мы стали уже подумывать, не случилась ли съ нашими охотниками исторія, подобная вчерашней, когда вдругъ на гребнѣ холма стали вырисо-

ваться конныя фигуры казаковъ. Они привезли съ собою трофей—шкуру медвѣдя (Ursus pruinosus, Blyth.), котораго въ туманѣ они приняли было за дикаго яка и разстрѣливали затѣмъ, очевидно уже мертваго, въ теченіе чуть не десяти минутъ.

— Должно, первая же пуля угодила ему въ сердце, и какъ былъ онъ на кочкѣ, такъ и сѣлъ на нее. Съ кочкой-то вмѣстѣ въ туманѣ онъ и казался намъ невѣсть какой махиной. Стрѣляемъ въ него, какъ въ мишень, шаговъ съ пятидесяти, а онъ хоть-бы что—не двигается. Что за оказія? Подошли еще ближе и тутъ только разобрали, что не якъ это, а мишка: сидитъ, а голова уже свѣсилась на бокъ. Ну, тутъ мы уже понабрались храбрости, да всей гурьбой къ нему. Смотримъ, а онъ уже мертвый, и изъ пасти у него кровь сочится...

Какъ то само собой сдѣлалось, что, не смотря на туманъ и снѣжный буранъ, охотники разомъ выбрались къ бивуаку; но не столь счастливъ былъ Гассанъ съ ишаками. Благодаря размякшей почвѣ, ишаки съ самаго утра пошли плохо. Гассанъ отсталъ отъ каравана, во время снѣжной метели потерялъ слѣдъ и пошелъ впередъ на авось. Сперва все же дѣло у него спорилось, но когда буранъ усилился, онъ не смогъ заставить ишаковъ идти противъ вѣтра и рѣшилъ переждать непогоду. Потомъ онъ тронулся было впередъ, но, дойдя подъ густымъ снѣгомъ до какой-то балки, не рѣшился продолжать путь дальше и, снявъ вьюки, расположился въ ней на ночлегъ. Между тѣмъ, проискавъ его безуспѣшно до сумерекъ, мы провели тревожную ночь, и чуть только забрезжилось, уже снова послали казаковъ на розыски. Къ счастью, на этотъ разъ послѣдніе не были особенно продолжительными, Гассанъ отыскался, и мы получили возможность въ тотъ же день двинуться дальше. Но станція эта оказалась еще болѣе трудной, чѣмъ предшедшія двѣ. Уже съ ранняго утра небо было хмурымъ, перепадалъ снѣгъ, дулъ порывистый вѣтеръ; къ десяти же часамъ этотъ вѣтеръ перешелъ въ бурю съ юга, притомъ настолько сильную, что временами казалось, что задыхаешься, и это — сидя на лошади! Буря росла въ силѣ около получаса, затѣмъ стала постепенно стихать и, наконецъ, черезъ новые полчаса перешла въ средней напряженности вѣтеръ, въ которомъ продолжала еще нѣкоторое время крутиться крупа вмѣсто снѣга.

Мѣстность, по которой мы въ этотъ день шли, измѣнила свой прежній характеръ слегка волнистой степи: увалы стали круче, пади глубже, кипецъ уже не одѣвалъ сплошнымъ ковромъ

горные склоны. И чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ пустыннѣе становились горы, тѣмъ чаще попадались пространства, лишенныя вовсе растительности или прикрытыя лишь спорадически порослью изъ мелкихъ красныхъ Sedum. Для каравана эти оголенныя площади представляли истинное мученіе, такъ какъ въ ихъ напоенной водой вязкой глинисто-песчаной почвѣ животныя вязли буквально на каждомъ шагу. Будь станція длиннѣе, наши лошади выбились бы, конечно, изъ силъ, но на ихъ и наше счастье на седьмой верстѣ отъ ночлега у праваго борта оврага, на днѣ котораго струился ручей, мы обнаружили первые признаки поисковыхъ работъ— небольшой арыкъ, ямы, штольни, кучи отвала. Мы догадались, что достигли, наконецъ, того золотопромышленнаго района, который охватываетъ рѣчки, слагающія Хый-хо и Тао-лай-хо, и теперь намъ оставалось отыскать лишь самихъ золотоискателей, дабы склонить ихъ вывести насъ на сѣверный склонъ Ци-лянь-шан'я; въ крайнемъ же случаѣ мы рѣшились обратиться за помощью къ китайскому надсмотрщику, который, какъ намъ говорили, жилъ въ центрѣ этого района и имѣлъ въ своемъ распоряженіи человѣкъ тридцать китайскихъ солдатъ.

Мы отправились вверхъ по помянутому оврагу, такъ какъ сюда вела тропа со свѣжими слѣдами лошади и человѣка.

Мы угадали направленіе и, дѣйствительно, менѣе, чѣмъ въ полчаса, достигли убогой закоптѣлой мазанки, въ которой и застали всю артель золотоискателей — человѣкъ десять дунганъ и китайцевъ.

Оказалось, что они были уже предупреждены о нашемъ предстоявшемъ прибытіи въ ихъ районъ, кѣмъ и когда—осталось намъ неизвѣстнымъ, и съ первыхъ же словъ согласились дать намъ проводника до Су-чжоу.

На ночлегъ мы остановились верстахъ въ четырехъ къ западу отъ пріиска, въ рѣчной долинѣ, обильно поросшей кипцомъ. Вечеромъ на фонарь прилетѣли двѣ бабочки—Agrotis xanthographa, F., и Dasypolia sp.?—фактъ тѣмъ болѣе удивительный, что при вѣтрѣ термометръ показывалъ 3° ниже 0 [1]).

На слѣдующій день намъ обѣщанъ былъ переходъ на сѣверный склонъ Ци-лянь-шан'я. Непогода въ долинѣ верховьевъ Хый-

---

[1]) Впрочемъ, при столь же низкой температурѣ попадались намъ бабочки и раньше; такъ, не далѣе, какъ наканунѣ, намъ попались ночницы: Pseudohadena pexa, Stgr., и Dyschorista suspecta, Hb.

хо до такой степени насъ измучила, что обѣщаніе это было принято въ отрядѣ съ особенной радостью. И этому радостному настроенію вполнѣ отвѣчало утро 21 августа—морозное, но ясное.

Проводникъ повелъ насъ ломанной линіей прямо на сѣверъ. Онъ увѣрялъ при этомъ, что ведетъ насъ кратчайшей дорогой на перевалъ Лао-ху-ши, чему приходилось повѣрить, такъ какъ мы дѣйствительно шли безъ тропинки, то поперекъ горныхъ увалoвъ, то вверхъ по ихъ гребню. Подъемъ на перевалъ оказался пологимъ, но тѣмъ не менѣе животныя одолѣвали его съ трудомъ, благодаря напитанному водой, рыхлому, глинисто-песчаному грунту дороги. Только тамъ, гдѣ густо росъ Sedum, почва оказывалась немного плотнѣе. Но этотъ Sedum росъ спорадически, подушками, промежутки же между ними заполняла потянутая тонкой ледяной коркой, липкая буро-красная грязь, въ которой и вязли то и дѣло вьючныя лошади.

Сплошныхъ насажденій кипца здѣсь уже не встрѣчалось; онъ сопровождалъ лишь узкой лентой сбѣгавшіе къ югу ручьи да виднѣлся кое-гдѣ по ложбинкамъ; зато всюду, куда хваталъ глазъ, на буро-красномъ фонѣ голой земли торчали красными кочками густыя насажденія Sedum algidum altaicum, Maxim. Sedum, впрочемъ, не единственное растеніе, встрѣтившееся намъ въ этой мѣстности; я видѣлъ здѣсь также синіе Tanacetum, Delphinium, Gentiana, Aster, но, попадаясь отдѣльными экземплярами, не эти травы даютъ главный тонъ растительности горныхъ покатостей подъ переваломъ Лао-ху-ши, а именно помянутыя колоніи Sedum algidum.

Перевалъ Лао-ху-ши, абсолютная высота коего опредѣлилась въ 14,183 фута, представляетъ неглубокую, плоскую сѣдловину среди буро-красныхъ глинисто-песчаныхъ холмовъ, которые далѣе къ западу быстро крупнѣютъ, уходятъ подъ вѣчный снѣгъ и образуютъ водораздѣлъ [1]) между бассейнами Хый-хэ, Ма-суй (шуй)-хэ и Линь-шуй-хэ [2]).

---

[1]) Обручевъ („Очеркъ Средняго Нань-шан'я“ въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“; XXX, стр. 713) опредѣляетъ абсолютную высоту куполообразныхъ вершинъ въ верховьяхъ Хый-хо цифрой 18.000—19.000 фт. Полагаю, что эта цифра не грѣшитъ преувеличеніемъ.

Вотъ это мѣсто „Очерковъ“.

„Округлыя формы вѣчно - снѣговыхъ вершинъ къ востоку отъ моего маршрута, представляющихъ плоскіе купола и ровные увалы, не оставляютъ во мнѣ сомнѣнія, что эти вершины, находящіяся уже въ верховьяхъ Хый-хэ, состоятъ изъ отложеній Ханъ-хая (т. е. гобійскихъ), которыя такимъ образомъ подняты до высоты 18—19 тысячъ футовъ и образуютъ южную гряду хребта Рихтгофена къ востоку отъ моего маршрута; изъ тѣхъ же отложеній Ханъ-хая состоитъ и высокій, но плоскій водораздѣлъ между верховьями рѣкъ—Линъ-шуй и Хый-хэ“.

[2]) Обручевъ пишетъ Линъ-шуй. Не знаю, чья транскрипція правильнѣе.

Такимъ образомъ въ области обоихъ истоковъ Эцзинъ-гола водораздѣлъ слагаютъ сходныя породы — золотоносные красные конгломераты и красные же и желтые глинистые песчаники, относимые однако Обручевымъ къ разнымъ возрастамъ: на востокѣ къ надкаменноугольному [1]), на западѣ же къ гобійскому (третичному) [2]). Нельзя при этомъ не имѣть въ виду, что между тѣми и другими существуетъ непрерывная связь въ видѣ образованныхъ тождественнымъ матеріаломъ горъ, особенно развитыхъ, какъ это и указывалось въ своемъ мѣстѣ, вдоль праваго берега Бабо-хэ и въ низовьяхъ Хый-хэ,

Орографическія и геогностическія особенности мѣстности, лежащей въ верховьяхъ р. Бабо-хэ, названный изслѣдователь описываетъ слѣдующимъ образомъ.

Ши-шань, т. е. Сѣверо-Тэтунгскій хребетъ, представляется ему тройнымъ: южная гряда этого хребта, сложенная изъ осадочныхъ породъ каменноугольной формаціи, выше, сѣверная же, образованная надкаменноугольными песчаниками, главнымъ же образомъ желтой и бѣлой, обильно содержащей гальку песчанистой глиной, площе другихъ. На этой-то послѣдней находится высшая точка перевала и съ нея-то стекаетъ на западо-сѣверо-западъ рѣчка У-ни-хэ (Бабо-хэ), широкая долина которой отдѣляетъ хребетъ Рихтгофена отъ части хребта Ши-шань, находящейся къ западу отъ перевала Ма-линъ (Чжи-нань-линъ) и носящей названіе Ма-линъ-шань (Вэнь-ли-коу Нань-шань); послѣдняя представляетъ цѣпь высокихъ мелко-расчлененныхъ вершинъ, не достигающихъ вѣчно снѣговой линіи, но обилующихъ пестрыми (красными и бѣлыми) осыпями, прямо указывающими, что онѣ состоятъ изъ той же свиты рыхлыхъ надкаменноугольныхъ песчаниковъ и глинъ, которая встрѣчается и при подъемѣ съ юга на перевалъ. Ма-линъ-шань на западѣ понижается и постепенно сливается со второй грядой Ши-шан'я, а на востокѣ его пересѣкаютъ двѣ рѣчки, Лунъ-ту-хэ и Эръ-ду-хэ, берущія начало съ хр. Рихтгофена и текущія къ югу, въ Да-тунъ-хэ. Отъ верховій долины У-ни-хэ эти рѣчки отдѣлены плоскими, невысокими увалами, которые замыкаютъ долину У-ни-хэ на востокѣ, образуя связь между хр. Рихтгофена на сѣверѣ и хр. Ма-линъ-шань на югѣ. Съ перевала дорога спускается въ широкую и плоскую долину одной изъ

---

[1]) „Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань“, II, стр. 139—141.
[2]) Ibid., стр. 169—170.

вершинъ У-ни-хэ и по ней выходитъ въ продольную долину этой рѣчки, образуемой нѣсколькими ручьями, стекающими какъ съ сѣвернаго склона хребта Ма-линъ-шань, такъ и съ южнаго склона хребта Рихтгофена, который также сложенъ изъ пестрыхъ и рыхлыхъ надкаменноугольныхъ песчаниковъ и представляетъ гряду, отдѣленную долиной отъ высокой скалистой цѣпи, составляющей главную массу названнаго хребта.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что южная гряда хребта Ци-лянь-шань (Рихтгофена) и сѣверная Сѣверо-Тэтунгскаго хребта (Ши-шан'я) сложены изъ одного и того же матеріала—надкаменноугольныхъ песчаниковъ, среди коихъ и вырыла свое ложе р. Бабо-хэ (Уни-хэ), и что та и другая гряда служатъ водораздѣлами, причемъ абсолютная высота ихъ, несмотря на мягкость слагающихъ ихъ породъ, лишь немногимъ ниже абсолютной высоты главной массы обоихъ хребтовъ.

Эти данныя вполнѣ совпадаютъ съ опубликованнымъ мною ранѣе матеріаломъ [1]), но изъ него я дѣлаю выводъ, правильность коего, какъ извѣстно, оспаривается Обручевымъ.

Какъ бы то ни было, изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, какъ кажется, заключить, что третичное море не покрывало долины Бабо; но оно покрывало долину Хый-хо и притомъ столь продолжительное время, что успѣло отложить приподнятыя нынѣ до абсолютной высоты 18—19 тысячъ футовъ наносныя толщи мощностью свыше 6,000 футовъ.

Гдѣ же въ продольной долинѣ верховій Эцзинъ-гола искать берегъ этого моря и какъ объяснить значительное сходство петрографическаго состава въ отложеніяхъ обѣихъ эпохъ и аналогичную гидро- и орографическую роль, которую сложенныя изъ нихъ высоты играютъ въ пластикѣ Средняго Нань-шан'я?

Въ самомъ дѣлѣ, красныя отложенія, по даннымъ Обручева, покрываютъ сѣверные склоны Толай-шан'я и южные хребты Рихтгофена до абсолютной высоты 14,750—15,000 фт. [2]); если однако принять во вниманіе, что изъ тѣхъ же мягкихъ отложеній сложены и горы въ верховьяхъ Хый-хо, достигающія 18—19 тысячъ футовъ, т. е. такой высоты, до которой едва-ли даже подни-

---

[1]) Т. II, стр. 298—299 и 302—303.

[2]) Ibid., стр. 175. Въ „Очеркѣ Средняго Нань-шан'я", на стр. 713, говорится даже, что отложенія Ханъ-хая (гобійскія) „заполняютъ всю продольную долину, достигая на склонахъ обоихъ хребтовъ предѣловъ вѣчнаго снѣга".

маются пики помянутыхъ выше хребтовъ [1]), то становится очевиднымъ, что водораздѣлъ рѣкъ Линь-шуй-хэ и Хый-хо выдвинутъ былъ до современной высоты процессомъ, сблизившимъ оба Нань-шань'скихъ хребта, и что здѣсь мы должны видѣть явленіе аналогичное, а можетъ быть, и современное тому, которое подняло красныя же отложенія въ верховьяхъ Бабо-хо, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что Вэнь-ли-коу Нань-шань и южная гряда Ци-лянь-шан'я, топографически принадлежащіе теперь различнымъ хребтамъ, составляли нѣкогда части одного горнаго массива, который расчленила рѣка Бабо-хэ, иными словами, что долина верховій Эцзинъ-гола обязана своимъ происхожденіемъ размыву горной складки, отъ которой сохранились теперь лишь жалкіе остатки.

Я заключаю настоящую главу поясненіемъ, почему я принялъ для сѣверной цѣпи Нань-шан'я наименованіе Ци-лянь-шань.

Въ «Сань-чжоу-цзи-лё» говорится: на востокъ отъ Ша-чжоу (Са-чжоу) за Цзя-юй-гуан'емъ горы вдругъ выдвигаются и идутъ на востокъ подъ именемъ Ци-лянь-шань; это такъ называемый южный Тянь-шань, который доходитъ до горы Па-бао-шань [2]), а затѣмъ и до хребта Цзинъ-янъ-линъ [3]).

Въ «Географическомъ указателѣ», приложенномъ къ третьему тому «Собранія свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи», о. Іакинфа, мы находимъ слѣдующія, заимствованныя изъ китайскихъ источниковъ данныя о хребтѣ Ци-лянь-шань: горы эти лежатъ въ Гань-су, въ 100 ли отъ г. Гань-чжоу-фу на юго-западъ [4]); изобилуютъ хвойнымъ и разнымъ другимъ лѣсомъ и травами; хунны послѣ потери ихъ пѣли въ пѣсняхъ: «отняли у насъ Ци-лянь-шань, отняли средства къ размноженію скота».

Въ другомъ указателѣ, приложенномъ ко второму тому «Исторіи Тибета и Хухунора», тотъ же авторъ пишетъ: Нань-шань подъ именемъ Ци-лянь-шань уходитъ черезъ Гань-чжоу за границу (т. е. на западъ); онъ покрытъ здѣсь вѣчными снѣгами.

По объясненію «Минъ-и-тунъ-чжи», р. Чжанъ-ѣ (Хэй-хэ)

---

[1]) Это вполнѣ вѣрно для хребта Толай-шань; что же касается хребта Рихтгофена, то я не вполнѣ убѣжденъ, что на меридіанѣ верховій Хый-хо въ немъ нѣтъ пиковъ выше 19.000 фт. Ср. Обручева „Центр. Азія, С. Китай и Нань-шань", II, стр. 164 (чертежъ) и 170, и „Очеркъ Средняго Нань-шаня", стр. 174.

[2]) Объ этой горѣ см. выше, стр. 90.

[3]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 455. Въ древности восточная часть Ци-лянь-шан'я носила названія—Янь-чжи-шань и Шань-дань-шань.

[4]) Въ „Описаніи Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана", на стр. 30, тотъ же авторъ говоритъ: „къ юго-западу отъ Лянъ-чжоу-фу".

прорывается черезъ горы Ци-лянь-шан'я, отъ тающихъ снѣговъ которыхъ становится болѣе полноводною [1]).

Мнѣ кажется, что эти выдержки устанавливаютъ тотъ фактъ, что подъ именемъ Ци-лянь-шань китайскіе географы [2]) разумѣли сѣверную цѣпь Нань-шан'я и что у насъ нѣтъ причинъ игнорировать это названіе. Klaproth такъ и поступаетъ; его примѣру слѣдуетъ и Pauthier, помѣщая монастырь Ма-ти-сы у сѣверной подошвы хр. Ци-лянь-шань [3]). Менѣе положительно высказывается въ этомъ вопросѣ Рихтгофенъ [4]), котораго, видимо, смущаетъ тотъ фактъ, что въ китайскомъ сочиненіи «Цзинь-динъ-синь-цзянъ-чжи-лё», изданномъ при императорѣ Цянь-лун'ѣ, говорится, что наименованіе Ци-лянь-шань въ древности пріурочивалось къ Хамійскимъ горамъ [5]). Но это кажущееся противорѣчіе станетъ вполнѣ объяснимымъ, если мы припомнимъ, что въ представленіи китайцевъ Тянь-шань и Нань-шань составляютъ звенья одной и той-же горной цѣпи. «Сѣверо-Тянь-шань'скія горы», пишетъ авторъ Сань-чжоу-цзи-лё, «скрываясь въ землѣ на протяженіи болѣе 1000 ли, вдругъ выдвигаются за Ша-чжоу и Цзя-юй-гуан'емъ и идутъ на востокъ подъ именемъ Ци-лянь-шань; это такъ называемый Южный Тянь-шань» [6]).

Обручеву наименованіе Ци-лянь-шань было извѣстно [7]), но, ссылаясь на китайскія карты, онъ пріурочилъ его ко второй цѣпи Нань-шан'я—хребту Сѣверо-Тэтунгскому.

Я не знаю, на какія китайскія карты ссылается Обручевъ, но долженъ замѣтить, что изданныя въ Китаѣ въ XVIII столѣтіи, крайне несовершенно передавая оро-гидрографическія особенности области верховій Эцзинъ-гола, дѣйствительно даютъ поводъ думать, что подъ именемъ Ци-лянь-шан'я китайцамъ извѣстенъ

---

[1]) „Мэнъ-гу-ю-гу-цзи", стр. 476.

[2]) Примѣчаніе 10 къ гл. I „Foe-koue-ki" ou „Relation des royaumes bouddhiques", traduit du chinois par A. Rémusat.

[3]) „Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise", I, стр. 168.

[4]) „China", I, стр. 447. Вотъ это мѣсто: „Die Annahme ist nicht unwahrscheinlich, wenn man unter Ki-liĕn-shan das südlich von allen diesen Orten (Liang-tshou, Kan-tshou, Su-tshou, Yen-ngan-fu und Sha-tshou) gelegene Gebirge versteht, welches noch heute diesen Namen führt und auch Nan-shan genannt wird".

[5]) Stan. Julien „Notices sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographes et des historiens chinois" въ „Journal Asiatique", 4 série, t. VIII, p.p. 239 et 252. См. также Richthofen, op. cit., I, S. 492, Brosset „Relation du pays de Ta-ouan" въ „Nouveau Journal Asiatique", 1828, II, p. 424, и т. II, стр. 4, настоящаго сочиненія.

[6]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 455.

[7]) „Орографія Центральной Азіи и ея юго-восточной окраины", стр. 325. Онъ неправильно транскрибируетъ это названіе съ нѣмецкаго—Ки-ліенъ-шань.

былъ хребетъ, ограничивающій съ сѣвера долину Да-тунъ-хэ. Я имѣлъ однако уже случай замѣтить, что въ китайской географической литературѣ не содержится другихъ свѣдѣній о долинѣ рѣкъ Бабо-хэ и Хый-хэ, кромѣ попавшаго въ нее не прежде начала XIX столѣтія довольно смутнаго указанія на существованіе гдѣ-то въ предѣлахъ Нань-шан'я обширной долины Ѣ-ма-чуань [1]); въ эпоху же составленія помянутыхъ картъ долина эта, повидимому, даже по слухамъ не была еще извѣстна китайскимъ географамъ, которые поэтому и сливали оба хребта въ одну горную цѣпь Ци-лянь-шань, водораздѣльную между Да-тунъ-хэ и Эцзинъ-го-ломъ [2]). Richthofen утверждаетъ, что наименованіе Ци-лянь-шань сохранено за Нань-шан'емъ и нынѣ [3]).

---

[1]) Если не считать вышеприведеннаго указанія на прорывъ рѣкою Чжанъ-ѣ хребта Ци-лянь-шань.

[2]) ...„Dieser (6 Kette Tshetri-shan) folgt die siebente und letzte Kette des Kwen-lun-Systems, der Ki-liën-shan, welcher südlich nach dem Thal des Ta-tung-Flusses abfällt, und nach Norden in die Senkung, in welcher die Yü-mönn-Passage liegt, mit den Städten Liang-tshou-fu, Kan-tshou-fu und Su-tshou". Richthofen, op. cit., I, стр. 267.

[3]) Op. cit., стр. 447. У Обручева („Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань", I, стр. 416, 437 и слѣд.) также читаемъ, что передовая цѣпь Нань-шан'я противъ Лянъ-чжоу-фу называется Си-лянь-шан'емъ.

ГЛАВА VI.

Поперекъ Ци-лянь-шан'я.

Спускъ съ перевала Лао-ху-ши оказался лишь немногимъ круче подъема. Изборожденная рытвинами, по которымъ изъ-подъ грязнаго снѣга едва сочилась вода, красная глинисто-песчаная почва была здѣсь плотнѣе, суше и содержала въ большемъ количествѣ гальку, чѣмъ на южномъ склонѣ гряды, вмѣстѣ же съ тѣмъ она была здѣсь и безплоднѣе, такъ какъ даже непритязательные Aster altaicus и невзрачные Sedum виднѣлись далеко не вездѣ.

Двѣ версты ниже изъ подъ красной почвы выступили сѣрыя скалы глинистаго сланца, въ которыхъ стекающій съ сѣдловины Ляо-ху-ши правый истокъ р. Ма-суй-хэ [1]) вырылъ себѣ узкое ложе. Сланцевыя скалы образовали здѣсь точно ворота, черезъ которыя мы и вступили въ сквозное скалистое ущелье, выводящее воды Ма-су-хэ на сѣверные склоны Ци-лянь-шан'я, къ селенію Шанъ-хо-чэнъ [2]).

На первыхъ порахъ ущелье это было узко и мелко, но полторы версты дальше оно вывело насъ къ горамъ, гребень коихъ засыпанъ былъ снѣгомъ. Здѣсь мы вышли изъ бокового ущелья въ главное, болѣе широкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе величественное. Особенно высоки были горы, сопровождающія ущелье рѣки Май-су-хэ съ сѣвера. Относительная ихъ высота едва ли была менѣе 5,000 футовъ, и эта огромная масса голаго камня крутыми темносѣрыми уступами уходила подъ облака. Горы съ юга были

---

[1]) Въ мѣстномъ произношеніи; правильнѣе же, можетъ быть, писать Ма-шуй-хэ, какъ это и дѣлаетъ Обручевъ („Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань", II, стр. 163).

[2]) См. „Опис. пут. въ Зап. Китай", II, стр. 218. Обручевъ (op. cit., карта № 9) выводитъ эту рѣку изъ горъ Ци-лянь-шань много восточнѣе, но чѣмъ онъ при этомъ руководствуется, мнѣ неизвѣстно.

ниже, скалисты только мѣстами, мѣстами же густо одѣты травой. Дно ущелья усыпано было галькой, изъ подъ которой лишь въ немногихъ мѣстахъ выступала темносѣрая песчаная почва, поросшая жесткими пучками кипца. Рѣчка, шириной уже около двухъ саженъ, текла по этому дну въ капризныхъ извилинахъ, но замѣтно прижималась къ лѣвому борту ущелья, подмывая здѣсь террасу изъ рыхлаго конгломерата, сцементированнаго желтосѣрой глиной.

Выйдя въ главное ущелье, по которому проходила торная дорога къ золотымъ пріискамъ Кака-боланъ, мы круто повернули сначала на сѣверъ, затѣмъ на востоко-сѣверо-востокъ и, пройдя въ этомъ направленіи одиннадцать верстъ, остановились на ночлегъ на небольшой лужайкѣ, при новомъ поворотѣ ущелья къ сѣверо-востоку. На всемъ этомъ протяженіи горы въ сѣверномъ борту ущелья продолжали хранить скалистый и совершенно безплодный характеръ, слагаясь преимущественно изъ сѣрыхъ и темносѣрыхъ глинистыхъ сланцевъ и тѣхъ же цвѣтовъ известняковъ и плотныхъ песчаниковъ, лишь казавшихся мѣстами свѣтлобурыми отъ покрывавшей ихъ глинистой корки; справа же непрерывная стѣна каменныхъ утесовъ появилась лишь въ концѣ перехода, на пространствѣ же первыхъ четырехъ верстъ, какъ замѣчено было выше, скалы то и дѣло смѣнялись осыпями и луговыми покатостями съ очень темной глинистой почвой.

На этихъ покатостяхъ мы застали дикихъ яковъ. Они насъ, конечно, замѣтили раньше, едва мы показались въ главномъ ущельѣ, но не трогались съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не отдѣлились въ ихъ сторону наши охотники; а затѣмъ они рысью побѣжали вверхъ, къ гребню, и вскорѣ скрылись за нимъ. Казаки ихъ не преслѣдовали. Братъ же увлекся другой охотой. Онъ замѣтилъ здѣсь летающихъ стайками горихвостокъ (Ruticilla erythrogastra sewerzowi, Lor. et Menzb.) и дубоносовъ (Carpodacus rubicilloides, Przew.) [1]) и далъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ. Къ сожалѣнію, разыскать въ щебнѣ можно было лишь очень немногихъ.

Несмотря на солнечный день, термометръ не поднялся выше

---

[1]) Объ одномъ экземплярѣ самки этого вида Плеске замѣчаетъ слѣдующее: „Das Weibchen vom 21 August 1890 aus Ma-sui-che, nach der Bestimmung der Herrn Grum-Grzimailo ein junger Vogel, unterscheidet sich vom Frühlingskleide der übrigen Exemplare durch das Vorhandensein eines schwachen fahlen Anfluges auf dem ganzen Körper, so wie durch sehr schwache Andeutung der dunklen Schaftflecken, die bei den alten Weibchen im Frühlingskleide äusserst stark ausgeprägt sind“. („Die ornithologische Ausbeute der Expedition der Gebrüder G. und M. Grum-Grzimailo nach Central Asien въ „Mélanges biologiques“, XIII, стр. 282).

6° Ц. (въ тѣни), ночью же упалъ до—4°, при чемъ на р. Ма-суй-хэ образовались забереги во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчка текла не особенно бурно.

Едва забрезжилось утро, какъ на сосѣднемъ утесѣ появилось стадо куку-ямановъ (Ovis nahura, Hodgs.) головъ въ двѣсти, медленно спускавшееся въ ущелье. Казаки повскакали, въ чемъ были, и подъ защитой яра террасы попытались приблизиться къ нимъ на мѣру прямого выстрѣла. Но это не удалось, благодаря преждевременному выстрѣлу Ивана Комарова, который, опередивъ товарищей и прикрываясь рытвиной, успѣлъ подняться горой въ уровень со стадомъ. Куку-яманы бросились на утекъ, провожаемые безпорядочной стрѣльбой нашихъ охотниковъ, и вскорѣ скрылись въ камняхъ, гдѣ, послѣ долгихъ поисковъ, и было подобрано нами два экземпляра этихъ животныхъ. Несомнѣнно, что, стрѣляя по столпившемуся на скалѣ стаду, казаки должны были ранить многихъ, но преслѣдовать ихъ далеко по крутогорью не представлялось на сей разъ возможнымъ, такъ какъ солнце успѣло уже выкатиться изъ-за горъ, становилось поздно, а путь на сегодня, по словамъ проводника, предстоялъ намъ тяжелый и долгій.

Пять верстъ шли мы еще внизъ по ущелью р. Ма-суй-хэ, и съ каждымъ шагомъ впередъ оно становилось уже, скалистѣе и мрачнѣе, при чемъ на протяженіи первой версты слѣва выступали утесы бураго песчаника, а справа болѣе мягкая порода — круто падающая, плотная, почти черная сланцеватая глина, переслаивавшаяся съ темносѣрымъ известнякомъ [1]), но далѣе ее также смѣнили песчаники, сначала, какъ и на лѣвомъ берегу рѣки, бурые, а затѣмъ темносѣрые и сѣрофіолетовые. На четвертой верстѣ песчаники уступили мѣсто сланцамъ, сначала темносѣрымъ кремнистымъ, а далѣе болѣе свѣтлымъ глинистымъ съ прожилками кварца. Въ этомъ мѣстѣ ущелье переходитъ въ тѣснину и рѣчка Ма-суй-хэ, дотолѣ бѣжавшая хотя и быстро, но спокойно, получаетъ бурное, стремительное теченіе. Прослѣдить ее въ тѣснинѣ мы могли не далѣе какъ на одну версту. Дороги тутъ уже нѣтъ, и путнику волей-неволей приходится пробираться вдоль Ма-суй-хэ по навороченному рѣкою крупному острореброму щебню съ еже-

---

[1]) Обручевъ (op. cit., II, стр. 167) считаетъ эту свиту угленосной, т. е. продуктивной, и относитъ ее къ верхнему или среднему карбону. Выходовъ угля я однако здѣсь нигдѣ не замѣтилъ.

минутнымъ рискомъ свалиться вмѣстѣ съ лошадью и сломать себѣ при этомъ паденіи шею.

Не доходя до тѣснины, дорога свернула влѣво, въ узкое боковое ущелье, по дну котораго струился ничтожный ручей.

Ущелье было узко, пока мы обходили скалы бураго глинистаго сланца, но далѣе оно замѣтно раздвинулось, причемъ тропа, оставивъ ручей, круто взвилась на осыпи праваго откоса, образованнаго песчаниками (частью слюдистыми) и сланцами преимущественно сѣрыхъ и зеленыхъ тоновъ. И тѣ и другіе имѣютъ тонкослоистое сложеніе и торчатъ щетками поперекъ дороги, что дѣлаетъ ее особенно опасной для верблюдовъ, которые и безъ того еле умѣщаютъ свою ступню на узкомъ полотнѣ тропинки. Я, впрочемъ, не знаю, ходятъ ли здѣсь съ верблюдами, мы же, хотя и благополучно, но съ превеликимъ трудомъ провели своего по этому опасному мѣсту. За то лошади и ишаки прошли его, не задержавшись ни на минуту.

На шестой верстѣ отъ устья описываемаго ущелья мы вновь спустились на его дно, послѣ чего начался подъемъ зигзагами на перевалъ Сюе-дабанъ [1]), что значитъ «снѣжный». Снѣга на южномъ его склонѣ впрочемъ не оказалось, на сѣверномъ же хотя онъ и лежалъ пятнами, но не слежавшимися и не большими, къ тому же и абсолютная высота перевала—13,850 футовъ [2])—ниже вѣчноснѣговой линіи.

Обручевъ пишетъ, что перевалъ этотъ находится выше пояса альпійскаго луга и что единственную его растительность составляетъ мохъ [3]). Отсутствіе травяной растительности на Сюе-дабанѣ отнюдь, однако, не можетъ служить доказательствомъ, что верхній предѣлъ ея не достигаетъ въ этой части Нань-шан'я 13,500 футовъ. Несомнѣнно, что она переходитъ за эту высоту тамъ, гдѣ условія для развитія цвѣтковыхъ растеній достаточно для того благопріятны, и, чтобы не ходить за примѣромъ далеко, вспомнимъ, что кипцовый лугъ подымался вдоль ложбинъ чуть не на самую сѣдловину Ляо-ху-ши (14.185 фт.), и тамъ только смѣнялся рѣдкими, но густыми насажденіями Sedum и другими растеніями, притомъ не только на южномъ, но и на сѣверномъ

---

[1]) Нашъ проводникъ произносилъ Шюе и Шюа-дабанъ. Аналогичные случаи произношенія собственныхъ именъ, начинающихся на „с", указывались мною и раньше—Су-лай-хэ—Шулэй-хэ, Са-чжоу—Ша-чжоу, Синъ-синъ-ся—Шинъ-шинъ-ся и т. д.

[2]) По опредѣленію Обручева даже и того менѣе—13,350 фт.

[3]) Op. cit., II, стр. 163.

ея склонѣ [1]). Что же касается даннаго случая, то вѣдь не только перевалъ, но и все остальное ущелье въ сторону р. Ма-суй-хэ было безплоднымъ [2]).

Перевалъ Сюе-дабанъ представляетъ глубокую, врѣзанную не менѣе какъ на 2,000 футовъ сѣдловину въ главномъ хребтѣ Ци-лянь-шан'я. Особенно высокъ этотъ хребетъ къ западу отъ перевала [3]). Его зубчатый гребень тутъ сразу уходитъ подъ вѣчный снѣгъ, изъ-подъ котораго широкими потоками сползаютъ во всѣ стороны осыпи мелкаго сѣраго сланцеваго щебня. Мѣстами и на этихъ осыпяхъ лежалъ также снѣгъ, но это былъ уже свѣжій снѣгъ, очевидно, выпавшій лишь наканунѣ.

---

[1]) Пржевальскій („Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки", стр. 116) опредѣляетъ верхній предѣлъ растительности въ западномъ Нань-шан'ѣ цифрой 13,700 фт. (а для Thylacospermum sp. и выше) на сѣверномъ склонѣ и 15,000 фт. на южномъ. Потанинъ („Танг.-Тиб. окраина Китая и центр. Монголія", I, стр. 431) также нашелъ травяной покровъ на высотѣ, большей 13,500 фт. При этомъ однако онъ высказываетъ соображенія, которыя заслуживаютъ быть отмѣченными. Вотъ это мѣсто:

„Спускъ пологій и мягкій; камнями не усыпанъ и покрытъ рыхлымъ наносомъ изъ песку и мелкихъ камней, въ который нога пѣшехода вдавливается. Этотъ наносъ нѣкогда былъ покрытъ плотнымъ дерномъ, но дернъ сорванъ, разрушенъ и смытъ; видны только лоскутья его въ видѣ пятенъ въ аршинъ или два въ поперечникѣ, разбросанные на десятки саженъ одинъ отъ другого. Дернъ представляетъ очень плотный слой дюйма въ два толщины; онъ состоитъ изъ однихъ только переплетающихся корней; отъ стеблей или верхнихъ частей растеній остались только едва замѣтные слѣды. Было несомнѣнно для насъ, что въ прошломъ году на этомъ дернѣ не было никакой растительности; сколько годовъ тому назадъ какъ онъ помертвѣлъ, угадать едва ли возможно. Единственный слѣдъ прошлогодней жизни растительности на этой высотѣ представляли сухіе листья и уже налившіеся сокомъ корни ревеня, которые были разсѣяны на рыхломъ обнаженномъ наносѣ. Это разрушеніе дернового слоя, можетъ быть, произошло отъ временной невзгоды; былъ рядъ худыхъ годовъ, который убилъ здѣсь растительность до появленія вновь благопріятныхъ условій. Но можетъ быть такое представленіе оптимистично и въ исчезновеніи альпійскаго дерна слѣдуетъ видѣть общее явленіе, обусловленное измѣненіемъ климата Центральной Азіи, на которое уже указывали путешественники по высокимъ горамъ южной Сибири, видѣвшіе признаки его въ посохшихъ древесныхъ стволахъ, находимыхъ далеко за предѣлами верхней предѣльной линіи лѣсовъ".

Мнѣ кажется, что Потанинъ совершенно напрасно задалъ себѣ такой головоломный вопросъ, такъ какъ нарисованная имъ картина перевала съ яко-бы исчезающимъ на немъ альпійскимъ лугомъ прекрасно знакома каждому, кто ранней весной, сейчасъ послѣ схода снѣга, посѣщалъ альпійскіе луга, на которыхъ періодически застаивается вода; они всегда выглядятъ разорванными на клочки, разобщенными болѣе или менѣе значительными интервалами, въ которыхъ обнажается почва, то песчаная, какъ въ данномъ случаѣ, то глинистая, то, наконецъ черноземная, какъ это зачастую имѣетъ мѣсто въ Алтаѣ. Что касается омертвѣлости дерна, то не была ли она лишь кажущейся? Вѣдь не погибъ же на этомъ перевалѣ ревень?

Нѣкоторыя данныя о верхнемъ предѣлѣ растительности въ Тибетѣ читатель можетъ найти у Hemsley—„The Flora of Tibet or High Asia" (въ „Journal of the Proceedings of the Linnean Society", XXXV, 1902, стр. 124—265).

[2]) Я замѣтилъ растительность, притомъ очень сочную, лишь вдоль ключа и недалеко отъ устья ущелья.

[3]) Къ востоку отъ него виднѣются также снѣговыя вершины, но самая западная изъ нихъ поднимается не ближе какъ въ 7 верстахъ отъ перевала.

Спускаться съ перевала приходится также по осыпи, притомъ довольно крутыми зигзагами; но ихъ немного, такъ какъ саженъ 150 ниже дорога выходитъ на рѣчку, вдоль которой уклонъ дороги уже не столь великъ.

Эта рѣчка вывела насъ въ небольшую котловину, обставленную высокими горами: съ юга—хребтомъ Ци-лянь-шань, съ сѣвера—его высокимъ отрогомъ, на который намъ теперь и предстояло взбираться.

На нашъ вопросъ, имѣется ли дорога внизъ по помянутой рѣчкѣ, которая, какъ мы видѣли, соединившись съ другой, вступала ниже въ тѣснину, проводникъ сказалъ сначала, что нѣтъ, но затѣмъ, когда мы уже перевалили черезъ гору Шанъ-цзао, онъ сознался, что сказалъ раньше неправду: дорога тамъ есть, но настолько плохая, что ею рѣдко кто пользуется, а намъ съ нашимъ громоздкимъ караваномъ и совсѣмъ было бы не пройти.

Перевалъ Шанъ-цзао оказался крутымъ и высокимъ, но подъемъ на него по тропинкѣ съ мягкимъ грунтомъ, по лугу и кустарниковымъ зарослямъ, совершенъ былъ нами безъ особеннаго труда. Подобно Сюе-дабану, онъ представляетъ глубоко-врѣзанную сѣдловину въ хребтѣ, который, однако, менѣе высокъ на западѣ, чѣмъ на востокѣ, гдѣ подымается изжелта-сѣрый съ сильно зазубренною вершиной огромный голецъ, сложенный, судя по осыпямъ, главнымъ образомъ изъ известняковъ.

Этотъ голецъ изборожденъ глубокими рытвинами и ущельями на своей юго-западной сторонѣ и съ самой вершины до высоты, равной, примѣрно, 13,000 фут., покрытъ осыпями, сползающими, впрочемъ, мѣстами и ниже, до полотна дороги, которая пробирается здѣсь надъ падями на абсолютной высотѣ едва ли гдѣ меньшей 11,000 футовъ. Путь по описываемому склону гольца оказался не легкимъ; особенно же тяжелы и даже опасны были мѣста, гдѣ еле намѣчавшаяся тропа, обходя рытвины, шла по круто падающимъ, покрытымъ глинистою коркою, горнымъ покатостямъ. Засимъ, не мало также измучили нашихъ караванныхъ животныхъ и безпрестанные крутые подъемы и спуски, которые привели насъ сначала къ перевалу Лю-бэнъ-дабану, а затѣмъ и къ перевалу Чунъ-шуй-шань [1]). На послѣдній мы едва поднялись и тутъ же рѣшили, что далѣе не пойдемъ, такъ какъ караванныя наши животныя выбились совершенно изъ силъ. Дѣйствительно, послѣдній

[1]) Абсолютная высота этого перевала опредѣлилась въ 11,820 фт.

разъ мы дневали на р. Го-дабанъ дней восемь назадъ, пройдя за это время верстъ двѣсти, и этотъ значительный переходъ безъ отдыха по горамъ не могъ, конечно, не отозваться крайней усталостью на ихъ силахъ. Слѣдовало поэтому не только остановиться, но и дневать. Къ сожалѣнію, на томъ крутогорьѣ, по которому шли, мы не могли отыскать подъ бивуакъ подходящаго мѣста и должны были удовольствоваться небольшимъ выступомъ скалы надъ глубокою падью.

День 23 августа былъ ясный, но свѣжій, что-то не болѣе 8° тепла въ среднемъ. Это, впрочемъ, было и кстати, такъ какъ въ видахъ пополненія нашихъ коллекцій мы рѣшили возможно полнѣе использовать послѣднюю дневку въ Нань-шань'скихъ горахъ, а бродить по крутоярамъ въ жаркій день, конечно, дѣло не легкое. Къ нашему величайшему прискорбію добыча этого дня не оправдала нашихъ надеждъ. Правда, казакамъ удалось убить трехъ куку-ямановъ (Ovis nahura), но это и все, чѣмъ въ этотъ день могли мы похвастать. Брату попались однѣ лишь куропатки (Perdix sifanica, Przew.), моя же экскурсія не дала ни одного интереснаго вида насѣкомыхъ.

24 августа мы выступили далѣе. Первыя шесть верстъ мы спускались съ гольца по отрогу его между двумя глубокими падями, по которымъ стекали ручьи, впадающіе далѣе въ рѣчку На-дао-гоу, при чемъ тропинка продолжала хранить тотъ же характеръ, что и наканунѣ, лѣпясь узкой, едва проторенной лентой по крутоярамъ. Впрочемъ наши привычныя лошади шли здѣсь легко и бодро, и только боязнь за верблюда заставляла меня иногда оборачиваться назадъ на Сарымсака, заботливо спускавшаго неуклюжее животное по затвердѣвшей поверхности глинистыхъ откосовъ.

Ущелье р. На-дао-гоу, куда мы, наконецъ, вышли, выглядѣло очень мрачно. Его замыкали на югѣ исполинскія темносѣрыя скалы магистральнаго Ци-лянь-шан'я, ярко блестѣвшаго на солнцѣ своими снѣговыми полями, а справа и слѣва тѣснили высокія, мѣстами чуть не отвѣсныя стѣны такого же дикаго сѣраго камня, на которыхъ не было замѣтно ни клочка зелени. Безспорно—оно живописно; но красота эта какая-то дикая и жуткая. На зрителя оно производитъ настолько подавляющее впечатлѣніе массой громоздящагося кругомъ камня, что онъ забываетъ любоваться причудливыми линіями подымающихся отовсюду скалъ и, отдаваясь какому то безотчетному чувству, стремится вонъ изъ него, туда, гдѣ

неба больше, гдѣ, какъ будто, дышется легче. Стѣны его кажутся на первый взглядъ недоступными, но мы уже знали, вступая въ него, что путь нашъ лежитъ именно черезъ нихъ, а не внизъ по ущелью р. На-дао-гоу, которое чуть не на нашихъ глазахъ превращалось въ недоступную даже для пѣшихъ тѣснину.

Перейдя черезъ рѣчку На-дао-гоу [1]), берущую начало въ снѣгахъ магистральнаго Ци-лянь-шан'я и текущую въ этомъ мѣстѣ потокомъ шириной около трехъ саженъ и глубиной до двухъ футовъ, мы тутъ же вступили въ горы ея лѣваго берега по узкой, хорошо замаскированной со стороны ущелья тѣснины, вымытой небольшимъ ручьемъ въ сланцевой толщѣ.

Пока мы шли вдоль ручья, тропинка, забросанная щебнемъ, не отличалась особенной крутизной, но выше начался тяжелый подъемъ на перевалъ Шу-ба-чо, замыкавшій тѣснину высокой, почти отвѣсной стѣной, сложенной изъ пестрыхъ мелкозернистыхъ слюдистыхъ песчаниковъ. Мы одолѣли эту стѣну съ большимъ трудомъ, причемъ потребовалось не менѣе получаса времени для того, чтобы собрать на сѣдлѣ перевала, имѣвшаго 12,285 футовъ абсолютнаго [2]) и не менѣе 2,000 футовъ относительнаго поднятія, только лошадей каравана, расползшагося чуть не по всѣмъ девятнадцати колѣнамъ подъема.

Съ перевала открылся величественный видъ на обширную котловину, длиной до шести верстъ, шириной до полуторы, обставленную съ трехъ сторонъ—востока, юга и запада, скалистыми горами, мѣстами переходящими своимъ зубчатымъ гребнемъ за линію вѣчнаго снѣга. Только спустившись въ эту котловину, я убѣдился, что передъ нами дно не такъ давно высохшаго моренаго озера, которое и у китайцевъ носитъ соотвѣтствующее названіе—Хай-цзи, что, повидимому, значитъ озерное мѣсто, урочище.

Спускъ съ пер. Шу-ба-чо былъ и положе и короче подъема. Вершина его была лишена растительности, но далѣе стали попадаться площадки, поросшія кипцомъ и, какъ мнѣ теперь помнится, Potentilla fruticosa. Сойдя къ грубо, въ видѣ пирамиды, сложенному памятнику на днѣ бывшаго озера, мы круто повернули на сѣверо-сѣверо-востокъ и, пройдя въ этомъ направленіи пять верстъ, достигли высокаго вала изъ огромныхъ валуновъ—послѣдней изъ

---

[1]) Обручевъ, op. cit, II, стр. 156, называетъ ее Да-хэ.

[2]) Обручевъ, ib., пишетъ, что перевалъ этотъ достигаетъ 3,800 метровъ (цифра приблизительная?), что составитъ 12,465 фт.

ряда моренъ, оставленныхъ ледникомъ при его постепенномъ отступленіи къ югу. Абсолютная высота этой морены выразилась цифрой 11,650 фт. [1]).

На всемъ пройденномъ пространствѣ дно озера представляло совершенно выровненную поверхность мелкаго желтовато-сѣраго песка, мѣстами влажнаго и поросшаго мелкой осокой [2]), мѣстами же сухого безплоднаго, изъ подъ котораго кое-гдѣ торчали огромные валуны плотнаго сѣраго известняка. По серединѣ лѣниво струила свои воды, широко разлившись на рукава, небольшая рѣчка, которая сбѣгаетъ сюда съ снѣговой горы на югѣ по ущелью, повидимому, нѣкогда также служившему ложемъ для ледника. Часть ея водъ поглощается пескомъ котловины, часть уходитъ подъ камни первой морены, послѣ чего вновь вырывается наружу изъ подъ широкаго вала послѣдующей морены, образуя правую вершину р. Вань-сао-хо [3]).

Подъемъ на первую, а по времени образованія—послѣднюю морену, сложенную изъ огромныхъ валуновъ известняка, сѣраго сланца и плотнаго зеленовато-сѣраго песчаника, находится въ ея западномъ краю, въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ нею сходится валъ изъ камней, принятый мною за остатки боковой морены. Здѣсь, т. е. на абсолютной высотѣ 11,650 фт., появляется первая древесная и кустарная растительность, сопровождающая засимъ рѣчку Вань-сао-хо на всемъ ея протяженіи до входа въ гранитныя щеки. Поверхность морены крайне неровная, такъ какъ рыхлыя отложенія не успѣли еще заполнить промежутковъ между каменными глыбами, которыя и торчатъ здѣсь отовсюду своими вывѣтрившимися фіолетовыми боками, рѣзко выдѣляющимися на яркозеленомъ фонѣ сочной травы. Спускъ съ нея крутъ, но коротокъ, послѣ чего дорога идетъ по забросанному щебнемъ и валунами лугу вдоль берега небольшого, но глубокаго резервуара, отличающагося необыкновенно красивымъ темно-голубымъ цвѣтомъ воды [4]). Сѣвернымъ берегомъ этому озерку служитъ вторая морена, столь же значительная, какъ и первая; затѣмъ слѣдуютъ еще двѣ морены, изъ

---

[1]) Ледниковъ въ Нань-шанѣ найдено было немного; ближайшій изъ нихъ спускается нынѣ до высоты 14,860 фт. (Обручевъ, op. cit., II, стр. 230). Припомнимъ кстати, что въ восточномъ Тянь-шанѣ, въ горахъ Богдо-ола, такая же древняя морена найдена нами на высотѣ 6,516 фт. (см. „Опис. пут. въ зап. Китай", I, стр. 168).

[2]) Кромѣ этой осоки я видѣлъ здѣсь только Hippuris vulgaris.

[3]) У Обручева—Цзинь-фо-хэ.

[4]) Обручевъ объ этомъ озеркѣ вовсе не упоминаетъ. Странно, какъ могъ онъ его просмотрѣть!

коихъ третья возвышается надъ четвертой, т. е. сѣверной, самой древней, по крайней мѣрѣ футовъ на 300, и наконецъ тропинка уже сбѣгаетъ въ ущелье помянутой р. Вань-сао-хо, откуда пройденный рядъ каменныхъ баррьеровъ, послужившихъ нѣкогда плотиной для озера Хай-цзи, выглядитъ глубокой сѣдловиной высокаго хребта широтнаго простиранія.

Ущелье Вань-сао-хо, вымытое въ зеленоватыхъ и сѣровато-лиловыхъ песчаникахъ и сланцахъ, остается весьма узкимъ на протяженіи первыхъ 3½ верстъ, гдѣ рѣчка бурливо несется среди крупнаго щебня и валуновъ, которыми, впрочемъ, усыпано также и все дно ущелья, при томъ до того густо, что мѣстами тропинка совершенно исчезаетъ подъ камнемъ. Травы оказались здѣсь дочиста вытравленными, равно пострадалъ и кустарникъ (Rosa, Rhododendron, Cotoneaster, Lonicera, Salix, Rubus, Potentilla), отъ котораго остались кое-гдѣ одни лишь голые прутья. Мы догадались, кто здѣсь хозяйничалъ, когда вышли въ циркообразное расширеніе ущелья, въ которомъ застали до сорока яковъ, пасшихся подъ присмотромъ тангута. Въ этомъ пунктѣ проводникъ предложилъ намъ остановиться, но лугъ былъ тутъ до такой уже степени загаженъ скотомъ, что мы рѣшили искать лучшаго мѣста для бивуака.

Впереди намъ предстояло вновь втянуться въ ущелье, на этотъ разъ въ горахъ, сложенныхъ исключительно изъ гранитовъ.

Эти горы представляютъ до такой степени рѣзкій контрастъ съ только что пройденной частью Нань-шан'я, что невольно напрашивается мысль, что онѣ являются вполнѣ чуждымъ ему элементомъ.

Простираніе этой гряды, отдѣленной отъ весьма здѣсь пониженной части Ци-лянь-шан'я глубокимъ логомъ, въ которомъ струится небольшой притокъ Вань-сао-хо,—NW-SO; какъ далеко тянется она на западъ—мнѣ неизвѣстно, но думаю, что видѣлъ крутой конецъ ея къ востоку отъ р. Линь-шуй; къ западу же отъ этой послѣдней, хотя и отступя нѣсколько къ сѣверу, вновь поднимается гора Вань-сы-шань (у Лочи—Uon-szu-shan) [1]), уста-

---

[1]) Обручевъ объ этой грядѣ пишетъ лишь слѣдующее: „На западномъ концѣ Су-чжоу'ской гряды, противъ оконечности Великой стѣны обнаженій коренныхъ породъ видно мало, склоны довольно заросшіе и имѣютъ красноватый оттѣнокъ". (Op. cit., I, стр. 571) Лочи (Loczy—„Geologie" въ „Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien, 1877—1880", I, стр. 549—550) проѣхалъ вдоль ея восточнаго конца, образованнаго конгломератами, мергелистыми глинами и рыхлыми песчаниками, относимыми имъ къ

навливающая, можетъ быть, орографическую связь между описываемой гранитной грядой и горами Хэй-шань, относимыми мною, какъ уже извѣстно читателю [1]), къ горамъ Бэй-шань'ской системы.

При этомъ здѣсь обнаружилось бы явленіе, аналогичное тому, которое наблюдается и на крайнемъ восточномъ концѣ Су-чжоу—Гань-чжоу'ской мульды [2]), гдѣ къ передовой цѣпи Нань-шан'я (т. е. къ хребту Ци-лянь-шан'ю) примыкаютъ разрозненные, въ сильной степени разрушенные и расчлененные хребты Бэй-шан'я, сложенные преимущественно изъ разнообразныхъ гранитовъ и гнейсовъ и въ меньшей степени изъ древнихъ, въ большинствѣ случаевъ метаморфическихъ, сланцевъ и песчаниковъ [3]).

Правда, эти хребты, какъ и горы Хэй-шань, Обручевъ относитъ къ Нань-шан'ю, а не къ Бэй-шан'ю; однако, въ своемъ послѣднемъ трудѣ—«Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань» онъ уже не отрицаетъ топографической связи между горами обѣихъ системъ [4]).

Прежде чѣмъ вступить въ гранитное ущелье мы съ праваго берега рѣчки должны были перейти на лѣвый и, пройдя имъ подъ нависшими скалами желтовато-розоваго крупнозернистаго гранита

отложеніямъ надкаменноугольной эпохи (тріасу). Возможно, однако, что въ сложеніи этой гряды принимаютъ участіе и массивныя породы, такъ какъ среди грубаго и остроребраго щебня, устилающаго почву пустыни, къ югу отъ нея онъ нашелъ также гранитъ.

[1]) „Опис. пут. въ Зап. Китай", II, стр. 166 и слѣд.

[2]) „Опис. пут. въ Зап. Китай", II, стр. 176.

[3]) Самыя молодыя отложенія этихъ горъ составляютъ надкаменноугольные песчаники (Обручевъ „Орографія Центральной Азіи" въ „Изв. Имп. Русс. Геогр. Общ.", XXXI, стр. 325. Значительнѣйшій изъ этихъ хребтовъ—Тоу-хуанъ-шань (Theou-hoang-chan), а не Тхей-хуанъ-шань, какъ неправильно транскрибируетъ это названіе Обручевъ.

[4]) I, стр. 596. Ср. „Орографія Центральной Азіи", стр. 281, 278 и 323.

Когда я писалъ съ дороги о существованіи орографической связи между горами названныхъ системъ, я именно разумѣлъ топографическую ихъ связь, а не тектоническую, такъ какъ подъ орографіей я разумѣю науку, изучающую (и описывающую) внѣшнюю форму и группировку горъ и долинъ. Поэтому съ орографической точки зрѣнія не можетъ имѣть существеннаго значенія относительная высота перемычки, лишь бы горы, ее слагающія, были продуктомъ дислокаціи, а не размыва. Дѣйствительно, какое реальное значеніе въ данномъ случаѣ можетъ имѣть относительная высота горъ, когда мы знаемъ, что многіе изъ хребтовъ уничтожены уже на половину, если не болѣе, и отъ первоначальной физіономіи ихъ не осталось даже и слѣда?

Къ числу такихъ перемычекъ—руинъ относится и гряда Сань-сянь-цзы, разбитая на три рукава скалистыхъ пригорковъ (см. II томъ, стр. 162—176).

Кстати замѣчу, что эта гряда, пролегающая п о п е р е к ъ Принаньшанской впадины Обручева, судя по описанію Лочи („Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien, 1877—1880", I, стр. 557—559), прослѣдившаго ее на всемъ ея протяженіи отъ Булунгира до меридіана Са-чжоу, представляетъ по своему внѣшнему характеру, а можетъ быть и происхожденію, полную аналогію съ хребтомъ Аргый (см. Богдановичъ—„Труды Тибетской экспедиціи", II, стр. 84; Пѣвцовъ—„Труды Тибетской экспедиціи", I, стр. 346 и слѣд.), въ коемъ нельзя не признать связующее звено между высокимъ Тянь-шан'емъ и сравнительно низкимъ Бей-шан'емъ.

нѣсколько десятковъ саженъ, вновь перешли на правый ея берегъ противъ того мѣста, гдѣ розовый гранитъ смѣнился сѣроватымъ, мелкозернистымъ; но далѣе онъ вновь сталъ красноваторозовымъ и крупнозернистымъ.

На всемъ этомъ протяженіи (около трехъ верстъ) дорога оказалась каменистой, тѣсное ущелье и русло рѣчки засыпаннымъ щебнемъ и крупными отторженцами, растительность—очень скудной, степной, частью уже выгорѣвшей и поблекшей, въ особенности на лишенныхъ тѣни террасахъ, гдѣ, сверхъ кипца и Avena sp., я замѣтилъ полынь, Statice, Zygophyllum, Aster, Oxytropis и Caragana; еще ниже стали встрѣчаться чій (Lasiagrostis splendens) и Eurotia ceratoides.

Для остановки мы выбрали площадку, поросшую еще достаточно свѣжей травой, близь небольшой постройки, служившей когда-то пикетомъ. Здѣсь мы впервые почувствовали, что выходимъ изъ горъ: было не только тепло, но и жарко; въ воздухѣ тишь, на небѣ ни облачка, тѣни—нигдѣ. Но мы ея и не искали. Мы радовались теплу и съ особымъ наслажденіемъ подставляли свои спины подъ горячіе лучи нестерпимо блестѣвшаго солнца. Слава Богу! холодъ и другія невзгоды пути—достояніе уже прошлаго, впереди же—по крайней мѣрѣ дней десять отдыха и жизни хотя и въ китайскомъ, но все же городѣ... И мы принялись энергично готовиться къ вступленію въ этотъ городъ, ради чего наши люди затѣяли и бритье и стрижку и даже стирку бѣлья.

На слѣдующій день мы продолжали нашъ путь по ущелью, которое до самаго устья оставалось узкимъ, скалистымъ, безплоднымъ. Дорога разъ двадцать перебѣгала здѣсь съ одного берега на другой и то шла русломъ рѣки, то взбиралась на скалы и усыпанныя щебнемъ террасы. Вездѣ она была одинаково скверна, такъ какъ и тамъ и тутъ приходилось идти по крупному щебню съ той лишь разницей, что въ одномъ мѣстѣ онъ былъ закрѣпленъ въ грунтѣ, а въ другомъ свободно ходилъ подъ ногами.

На 12-ой верстѣ отъ ночлега [1]) ущелье, сложенное здѣсь изъ розоваго крупнозернистаго гранита, вдругъ раздвинулось, и мы вновь передъ собой увидали давно уже, какъ будто, забытую

---

[1]) Согласно даннымъ съемки моего брата, ширина гранитной гряды по ущелью Вань-саохо имѣетъ 15 верстъ. Обручевъ, какъ видно изъ текста („Центральная Азія, Сѣв. Китай и Наньшань“, II, стр. 149) и фиг. 127 (на стр. 151 того же сочиненія), даетъ этой грядѣ нѣсколько большую ширину, а именно 20 верстъ; однако на картѣ № 9 (прилож. къ тому же сочиненію) онъ сокращаетъ ее до 10 верстъ.

*

картину: уходящую въ волшебную синь дали—плоскую, усыпанную черной галькой, сѣрую, непривѣтливую пустыню, по которой изумрудно-зелеными пятнами разбросаны были крошечные оазисы.

И душно въ ней и жарко; послѣ недавно испытанныхъ холодовъ даже черезчуръ жарко! Въ воздухѣ—тишина; только далеко, далеко впереди пробѣжитъ пыльный вихрь и упадетъ такъ же вдругъ, неожиданно, какъ поднялся. Солнце блещетъ ярко и своимъ отраженнымъ свѣтомъ рѣжетъ глаза. На небѣ тихо плывутъ рѣдкія облака, за которыми начинаешь уже слѣдить жаднымъ взоромъ: не набѣжитъ ли которое нибудь изъ нихъ на солнце хоть на минуту, хоть на мгновеніе, такъ какъ только лѣтомъ въ каменистой пустынѣ человѣкъ научается познавать, какимъ врагомъ всего живущаго можетъ стать подчасъ это міровое свѣтило. Не даромъ же богъ солнца—Ваалъ-Шамаимъ (Мелькартъ, Молохъ) у хананейскихъ племенъ былъ богомъ жестокимъ, карающимъ, требующимъ заживо сжигаемыхъ человѣческихъ жертвъ; въ ихъ представленіи онъ даже самъ сжигалъ себя въ теченіе знойнаго лѣта, возрождаясь вновь только весной—вотъ до чего выродился поэтическій солнечный миѳъ въ распаленной зноемъ каменистой пустынѣ! Въ ней все мертво... все высохло... нѣтъ жизни! Впрочемъ, впечатлѣніе это обманчиво. Она тутъ, эта жизнь, но притаилась, замерла подъ жгучими лучами солнца, и на мгновеніе ее будитъ шумное движеніе каравана: прыскаютъ въ стороны кузнечики, срывается быстрая ящерица и важно и медленно уходитъ съ дороги черный неповоротливый жукъ...

Караванъ, стой!

Мигомъ все лишнее изъ одежды снимается, свертывается, приторачивается къ сѣдлу, и мы остаемся въ однѣхъ лѣтнихъ рубашкахъ.

Сперва какъ будто и облегченіе, но вскорѣ и эта одежда становится въ тягость... А солнце жжетъ все сильнѣй и сильнѣй. Лошади идутъ уже въ мылѣ, собаки бѣгутъ, высуня языки, тщетно ища защиты отъ зноя въ короткой тѣни, бросаемой лошадьми... И вотъ наступаетъ, наконецъ, тотъ періодъ въ движеніи каравана, который можно назвать томленіемъ по станціи, ибо иныхъ уже вопросовъ, кромѣ—«скоро-ли станція?» изъ каравана не раздается. А гдѣ же скоро, когда мы, оставивъ вправо отъ себя р. Вань-сао-хо съ расположенными вдоль нея мельницами и рѣдкими фанзами, свернули прямо въ пустыню и бредемъ въ направленіи, гдѣ рѣшительно ничего на горизонтѣ не видно. На пер-

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Калганскій китаецъ.

Фототипія В. Клавенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Преемн. Н. Каминскій.

выхъ порахъ еще попадались намъ сухіе арыки, развалины фанзъ, но и эти остатки культуры остались у насъ теперь позади, и передъ нами раскинулась ровная, какъ ладонь, безотрадная, сѣрая степь, гдѣ глазъ отдыхаетъ лишь на изрѣдка кое-гдѣ растущихъ сизо-зеленыхъ кустахъ бӧръ-текена (Nitraria schoberi, L.).

Наконецъ, передъ нами какъ-то вдругъ развернулся оазисъ Цюнъ-цзы. Мы вышли здѣсь на дорогу въ Су-чжоу и стали бивуакомъ на полѣ, близъ гумна порядочной на видъ фанзы. Ея хозяинъ встрѣтилъ насъ съ распростертыми объятіями. Еще бы! Хлѣбъ былъ уже убранъ, потравы быть не могло, а между тѣмъ послѣ насъ ему долженъ былъ остаться пометъ шестидесяти караванныхъ животныхъ, что при весьма ограниченномъ количествѣ содержимаго въ мѣстныхъ китайскихъ хозяйствахъ скота [1]) представляло цѣнность не малую [2]).

На слѣдующій день мы поднялись съ разсвѣтомъ и, живо собравшись, тронулись къ Су-чжоу, до котораго намъ оставалось еще безъ малаго верстъ шестнадцать.

Первыя семь верстъ дорога шла по оазису, затѣмъ пересѣкла небольшой участокъ глинисто-песчаной пустыни, поросшей кустами Reaumuria soongorica, гребенщика и бӧръ-текена, и, наконецъ, вышла на широкій сай р. Линь-шуй, среди коего, на отмели, виднѣлись какія-то постройки. По ту сторону этого сая мы уже вступили въ предѣлы Су-чжоу'скаго оазиса и, пройдя имъ около четырехъ верстъ, свернули вправо, обогнули развалины дунганскаго города [3]) и вышли на болотистый лугъ, на которомъ, въ виду городскихъ стѣнъ, и остановились.

Увидѣлъ ли насъ самъ Сплингардъ, далъ ли ему кто-нибудь знать о нашемъ прибытіи—теперь не помню, но только не прошло и десяти минутъ, какъ его посланный явился звать насъ на завтракъ.

---

[1]) Ладыгинъ („Нѣкоторыя данныя о положеніи торговли въ Ганьсу, Тибетѣ и Монголіи" въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.", XXXVIII, стр. 381) утверждаетъ, что земледѣльцы Су-чжоу, Гань-чжоу и Лянъ-чжоу, благодаря достаточному обилію пастбищъ, занимаются, въ небольшихъ, впрочемъ, размѣрахъ, и скотоводствомъ, но я не могу подтвердить того же, такъ какъ ни одного китайца скотовода не видѣлъ, какъ не видѣлъ и пастбищъ, да притомъ еще „обильныхъ", вдоль большой Су-чжоу—Лянъ-чжоу'ской дороги.

[2]) Цѣнность эта возрастала еще и оттого, что нашъ караванъ состоялъ изъ лошадей иословъ, выкидъ коихъ особенно цѣнится какъ элементъ, необходимый для изготовленія навозной жижи, въ которой зерно вымачивается передъ посѣвомъ (см. „Опис. пут. въ Зап. Кит.", II стр. 236—238).

[3]) См. „Опис. пут. въ Зап. Китай", II, стр. 213.

И вотъ мы снова среди его милой семьи, которая встрѣтила насъ горячими рукопожатіями и привѣтливыми улыбками.

Какой это былъ для насъ радостный день! Да и для насъ ли однихъ? Я искренно убѣжденъ, что радость встрѣчи была обоюдной. Однако, и въ домѣ Сплингарда нашелся человѣкъ, на котораго наши оживленныя лица видимо произвели непріятное впечатлѣніе. При нашемъ появленіи онъ неохотно приподнялся и, обмѣнявшись поклономъ, немедленно покинулъ дворъ, въ которомъ мы всѣ столпились.

— Кто это?

— Французскій путешественникъ Joseph Martin.

Тотъ Joseph Martin, который мѣсяцевъ пятнадцать спустя такъ печально окончилъ дни свои въ военномъ госпиталѣ г. Новаго-Маргелана.

Онъ заболѣлъ еще въ Лянъ-чжоу-фу, больнымъ пріѣхалъ въ Су-чжоу и теперь переживалъ здѣсь настолько мучительные для своего самолюбія дни, что намѣренно искалъ полнаго одиночества. Вотъ, что разсказалъ онъ намъ впослѣдствіи, когда мы ближе сошлись, о своихъ злоключеніяхъ.

Вернувшись во Францію изъ своего путешествія по Восточной Сибири, гдѣ онъ посѣтилъ мало-изслѣдованный районъ Якутской области (сѣверо-западные склоны Станового хребта), онъ задумалъ совершить новое путешествіе, на этотъ разъ по Китаю. Убаюканный обѣщаніемъ, что средства, достаточныя для осуществленія этого предпріятія, будутъ ему впослѣдствіи высланы, онъ пріѣхалъ въ Россію, гдѣ въ судьбѣ его принялъ горячее участіе генералъ-лейтенантъ Стебницкій, не замедлившій снабдить его инструментами и рекомендательными письмами; сверхъ того онъ же выхлопоталъ ему и небольшое денежное пособіе. Съ этими ничтожными средствами и надеждой, что обѣщанная сумма будетъ ему своевременно выслана, онъ и началъ свое путешествіе. Засимъ въ парижское географическое общество онъ писалъ неоднократно и теперь въ Су-чжоу выжидалъ результата этихъ напоминаній.

— Вы знаете, говорилъ онъ намъ, что подчасъ я впадаю въ отчаяніе. Мнѣ кажется, что я и боленъ потому только, что меня мучаетъ сознаніе, что я поступилъ какъ мальчишка, бросившись въ авантюру съ такимъ легковѣснымъ багажемъ, какъ обѣщаніе... Я исчерпалъ всѣ рессурсы, обращался ко всѣмъ тѣмъ, кто могъ мнѣ помочь, и теперь у меня осталась одна лишь надежда на помощь герцога Шартрскаго.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Сучжоускій китаецъ.

Дочери Сплингарда отъ жены китаянки.

Клара. Марія. Роза.

Фототипія В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Преемн. Н. Каминскій.

Наканунѣ нашего отъѣзда изъ Су-чжоу онъ отдалъ намъ визитъ. На этотъ разъ, противъ обыкновенія, онъ былъ разговорчивъ и сообщилъ намъ много интереснаго о пройденномъ имъ пути по Китаю, черезъ города Пекинъ, Юй-чжоу, Инъ-чжоу, Шань-инь-сянь, Со-чжоу, Шэнь-чи-сянь, Кэ-лань-чжоу, Синъ-сянь, Юй-линь-фу, Ми-чжи-сянь, Суй-дэ-чжоу, Ань-динъ-сянь, Ань-сай-сянь, Бао-ань-сянь и далѣе вдоль предгорій Лу-гуань-лин'а до города Бинъ-янъ-сян'я и черезъ города Янь-ча-тинъ и Лань-чжоу-фу въ Лянъ-чжоу-фу.

— Ну, а теперь куда же вы намѣреваетесь идти?

— Будь у меня достаточныя для сего средства, я попытался бы черезъ Куку-норъ, Цайдамъ и Камъ проникнуть въ восточную часть Сы-чуан'и [1]), ну, а теперь приходится выбираться кратчайшимъ путемъ изъ Китая.

Мы рѣшились ему помочь.

— Въ такомъ случаѣ вамъ представляется прекрасный случай добраться до границы, присоединившись къ нашему каравану.

— Нѣтъ, друзья мои, съ вами я не пойду, такъ какъ это значило бы свести на нѣтъ все мое путешествіе. У меня иной планъ: идти черезъ Са-чжоу и Лобъ-норъ на Хотанъ, дабы повторить путь Марко-Поло.

И онъ дѣйствительно тронулся въ этотъ путь и, какъ извѣстно, благополучно прибылъ въ Хотанъ, гдѣ въ іюнѣ 1891 г. встрѣтился съ другимъ французскимъ путешественникомъ Гренаромъ. Его организмъ не выдержалъ однако всѣхъ трудностей исполненнаго лишеній пути. Совершенно больнымъ добрался онъ до г. Новаго Маргелана, гдѣ и скончался въ военномъ госпиталѣ въ началѣ зимы 1891 г. О судьбѣ его дневниковъ и коллекцій, кромѣ ботанической [2]), мнѣ ничего неизвѣстно.

Я привелъ свои воспоминанія о J. Martin въ видахъ пополненія того немногаго, что извѣстно о послѣднихъ дняхъ этого отважнаго путешественника.

Въ Су-чжоу мы застали письма съ родины [3]) и 600 рублей (270 лановъ на китайское серебро по тогдашнему курсу), переве-

---

[1]) Bretschneider (History of European botanical discoveries in China", II, стр. 918) ошибается, утверждая, что J. Martin посѣтилъ Сы-чуань.

[2]) Небольшая ботаническая коллекція его была выслана въ Петербургъ, гдѣ и хранится въ Ботаническомъ саду.

[3]) Среди нихъ письмо А. В. Григорьева съ извѣщеніемъ о постановленіи совѣта Имп. Русс. Геогр. Общ. выслать намъ въ Кульчжу изъ суммъ общества 1,500 руб.

денныхъ намъ зоологическимъ музеемъ императорской академіи наукъ черезъ кульчжинскаго дао-тая [1]). Эти деньги значительно облегчили намъ нашу задачу довести экспедиціонный отрядъ до Джаркента безъ особыхъ лишеній; тѣмъ не менѣе, мы все же не избѣгли необходимости продать въ Су-чжоу запасныя ружья и револьверы, нѣкоторые инструменты и утварь, безъ которой мы такъ или иначе могли обойтись. Все это въ совокупности дало намъ еще около 50 ланъ серебра. Засимъ было рѣшено переформировать караванъ и продать одну изъ нашихъ лошадей, силы которой были подорваны предшедшей тяжелой работой.

Какъ уже извѣстно читателю, въ г. Хами мы оставили часть нашихъ коллекцій [2]), а въ Су-чжоу, сверхъ коллекцій, и нѣкоторые предметы экспедиціоннаго снаряженія. Собранное вмѣстѣ, все это должно было составить съ амбалажемъ не менѣе шестидесяти пудовъ или грузъ по крайней мѣрѣ 12 лошадей. Завести этихъ послѣднихъ было рѣшительно не на что. И вотъ, по совѣту Сплингарда, мы подрядили двѣ китайскія арбы [3]), сложили на нихъ все громоздкое, все ненужное и подъ присмотромъ старика Николая и джигита Ташбалты отправили большой дорогой въ Хами, а сами двинулись туда же на-легкѣ верблюжьей тропой; но о подробностяхъ нашего выступленія изъ г. Су-чжоу—до слѣдующей главы, а теперь я перехожу къ краткой характеристикѣ климата пройденной нами горной страны за вторую половину лѣта, съ 16 іюля по 26 августа.

Общая длина пути отъ укрѣпленія Чанъ-ху до устья ущелья Вань-сао-хо равняется 720 верстамъ, изъ коихъ первыя 235 верстъ пролегали вдоль южныхъ склоновъ Сининскихъ альпъ и озера Куку-нора, а остальныя 485 верстъ среди параллельныхъ цѣпей Нань-шан'я. На всемъ этомъ пространствѣ путь держался на средней абсолютной высотѣ 11,000 фут., причемъ только однажды, въ устьѣ ущелья Вань-сао-хо, спустился до абсолютной высоты 6,100 фут. и также всего лишь однажды поднялся выше 14,000 фут. (на перевалѣ Лао-ху-ши). Всего больше дней наблюденія пришлось на котловину оз. Куку-нора (16 дней) и продольную долину между хребтами Ци-лянь-шань и Сѣверо-Тэтунгскимъ (14 дней). Средняя абсолютная высота первой совпадаетъ съ вышеприведенной общей

---

[1]) См. „Опис. пут. въ Зап. Китай", I, стр. VIII.
[2]) См. „Опис. пут. въ Зап. Китай", I, стр. 477.
[3]) Онѣ сговорены были до Кульчжи за 130 ланъ или 286 руб. по тогдашнему курсу.

средней 11,000 фут., средняя же абсолютная высота второй превосходитъ ее на 450 футовъ, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Перевалъ Черикъ	13,930 фт.	средняя	11,400 фт.
Мѣсто сіянія рѣкъ Хый-хо и Ба-бо-хо .	8,900 »		
Перевалъ Лао-ху-ши	14,183 »	»	11,500 »

Рисунокъ художника Чао-шуй, уроженца г. Тянь-шуй (нынѣ Цзинь-чжоу, въ пров. Гань-су), жившаго въ XVI вѣкѣ (см. т. II, стр. 214).

Общее число дней наблюденія равнялось 41, изъ нихъ дней ясныхъ (совершенно безоблачныхъ вовсе не наблюдалось), т. е. такихъ, когда небо было подернуто перистыми (cirrus), перисто-слоистыми (cirro-stratus) и перисто-кучевыми (cirro-cumulus) облаками, было 12, облачныхъ, т. е. такихъ, когда небосклонъ былъ частью покрытъ слоистыми (stratus) или кучевыми (cumulus) облаками въ теченіе всего дня,—7 и пасмурныхъ, когда небо было сплошь или большею частью затянуто дождевыми или слоистыми облаками—5; въ остальные же 17 дней наблюдалось перемѣнное состояніе неба; изъ нихъ 5 дней были на половину ясными, на половину облачными, 10 дней на половину облачными, на половину пасмурными, и два дня, съ утра ясные, къ вечеру стали пасмурными. Этими данными подтверждается произведенное мною и ранѣе наблюденіе, что «ясное

состояніе небосклона даже въ горахъ является для пройденной экспедиціей части Гань-су преобладающимъ [1]).

Дождь перепадалъ всего 16 разъ; въ томъ числѣ четыре раза сопровождался градомъ, всякій разъ при западныхъ вѣтрахъ (2 раза при юго-западномъ и 2 раза при западномъ). Сильный дождь выпадалъ всего лишь дважды, а именно: 30 іюля на р. Бухаинъ-голѣ и 13 августа въ долинѣ Хый-хо; ситникъ же шелъ три раза въ іюлѣ и два раза въ первыхъ числахъ августа. Густой, при очень низкой температурѣ, туманъ окутывалъ насъ въ теченіе двухъ дней—18 и 19 августа, въ долинѣ р. Хый-хо (12,000 фт.). Тогда же выпалъ и первый снѣгъ съ крупой, шедшій съ большими интервалами въ теченіе 3-хъ послѣдующихъ дней при сильныхъ вѣтрахъ съ запада и юго-запада; снѣгъ этотъ, выпавшій, напримѣръ, въ ночь съ 20 на 21 августа, на глубину около фута, держался однако недолго и уже къ 10 часамъ утра слѣдующаго дня оставался лишь кое-гдѣ по логамъ. Этому снѣгу предшествовало, при ясномъ небѣ и полномъ затишьѣ, весьма значительное для этого времени года пониженіе температуры (до — 10°). Гроза наблюдалась четыре раза съ W, SW, SO и NO, всѣ четыре—въ іюлѣ. Такимъ образомъ, дней съ осадками, большею частью ничтожными, за весь разсматриваемый періодъ времени оказалось 19, въ процентахъ—46 съ небольшимъ, т. е. на 20 процентовъ болѣе, чѣмъ въ первую половину лѣта [2]). Вообще, однако, лѣто 1890 года оказалось далеко не столь обильнымъ осадками, какъ это слѣдовало ожидать, судя по даннымъ Пржевальскаго, характеризовавшаго климатъ этого времени года въ западной части Гань-су чрезвычайно дождливымъ [3]). Росы и инеи были уже не столь часты, какъ въ первую половину лѣта.

Вѣтреныхъ дней было 19, что составитъ менѣе 50 процентовъ общаго числа дней наблюденія. Сильный вѣтеръ наблюдался всего

---

[1]) Т. II, стр. 380.

[2]) Ibid.

[3]) „Въ гористой области Гань-су лѣто отличается обиліемъ дождей, особенно въ іюлѣ и августѣ: въ первомъ изъ названныхъ мѣсяцевъ мы наблюдали 22 дождливыхъ сутокъ, во второмъ—26. („Монголія и страна тангутовъ“, II, стр. 13).

„Климатъ Куку-нора, т. е. самаго озера и окружающихъ его степей, значительно разнится отъ климата окраинныхъ горъ. Тамъ — обиліе лѣтней влаги и черезъ то — сырость; здѣсь хотя лѣтомъ дожди падаютъ нерѣдко, но далеко въ меньшемъ количествѣ, и самый періодъ ихъ не такъ продолжителенъ“. („Третье путешествіе въ Центральной Азіи“, стр. 318).

„Въ 1872 году въ продолженіе лѣта, проведеннаго нами въ восточномъ Нань-шанѣ, шли также непрерывные дожди, замѣнившіеся осенью частымъ снѣгомъ... Нынѣ для восточнаго Нань-шаня подтвердилось то же самое“ (ibid., стр. 378).

лишь три раза, каждый разъ съ юго-запада или запада; онъ поднимался послѣ полудня, къ 2-мъ часамъ достигалъ наибольшаго напряженія и затѣмъ стихалъ, переходя очень быстро отъ болѣе сильныхъ порывовъ къ слабѣйшимъ. Въ общемъ, однако, въ котловинѣ оз. Куку-нора и въ Нань-шань'скихъ горахъ господствовало затишье; и всѣ остальные зарегистрированные мною случаи относятся къ вѣтрамъ умѣреннымъ или слабымъ, въ возникновеніи и прекращеніи коихъ нельзя было наблюсти никакой правильности; впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, какъ общее правило, что по ночамъ наблюдалось обыкновенно полное безвѣтріе. Что касается преобладающаго направленія вѣтровъ, то оно по прежнему [1]) оставалось западнымъ, какъ это показываетъ нижеслѣдующая таблица.

	Число дней.			Ясно.	Облачно.	Перемѣнно.	Пасмурно.
C	22	изъ	нихъ	9	3	8	2
N	3	»	»	1	—	1	1
NW	2	»	»	—	1	1	—
W	6	»	»	—	1	2	3
SW	3	»	»	—	1	2	—
S	1	»	»	1	—	—	—
SO	1	»	»	—	—	1	—
O	2	»	»	1	—	1	—
NO	3	»	»	—	1	1	1

Особенно сильные дожди выпадали, какъ сказано выше, два раза: въ ночь съ 30 на 31 іюля при вѣтрѣ съ N и 13 августа при полномъ затишьѣ; глубокій снѣгъ 20 августа при вѣтрѣ съ SW; засимъ въ остальныхъ случаяхъ выпаденія осадковъ затишье наблюдалось 9 разъ, сѣверный вѣтеръ—1, западный—4, юго-западный—1 и юго-восточный—1.

Эти данныя въ связи съ данными за первую половину лѣта, уже опубликованными во второмъ томѣ настоящаго труда, находятся въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ наблюденіями Пржевальскаго, давшими возможность Воейкову ввести западную часть провинціи Гань-су въ сферу *сильнаго вліянія* китайскаго муссона, что я заключаю изъ слѣдующихъ его словъ: «Господство лѣтняго южнаго муссона начинается уже съ мая, и въ этомъ мѣсяцѣ выпадаетъ чрезвычайно много дождя и снѣга, но не рѣдки и ясные, сухіе дни. Отъ іюня до половины октября почти каждый день

[1]) См. т. II, стр. 381.

идетъ дождь или снѣгъ, осадки несравненно обильнѣе, чѣмъ въ Монголіи, господствующій вѣтеръ SO, вообще однако слабый» [1]).

Если данныя Пржевальскаго признать нормальными для западной Гань-су, то проведенное нами тамъ лѣто 1890 года слѣдуетъ считать аномаліей, объясняемой слабо проявившимся тамъ въ этомъ году южнымъ лѣтнимъ муссономъ [2]). Отсюда сравнительная бѣдность въ осадкахъ, рѣдкость юго-восточныхъ вѣтровъ, мéньшая облачность и т. д. Однако, съ такимъ выводомъ трудно согласовать слѣдующіе факты. Прежде всего уровень мѣстныхъ рѣкъ, который, повидимому, былъ не ниже обычнаго [3]). Засимъ, какъ объяснить, при обиліи въ западной Гань-су лѣтнихъ осадковъ, повсемѣстное преобладаніе степи надъ лугомъ, притомъ не только въ широкихъ горныхъ долинахъ, но и въ ущельяхъ, и необходимость для мѣстнаго земледѣльца искусственнаго орошенія полей даже въ такихъ глубокихъ, открытыхъ на юго-востокъ, долинахъ, какъ Да-тун'ская? Наконецъ, какъ могла, при наличности постоянныхъ дождей, возникнуть въ Гань-су та безотрадная, совершенно почти безплодная пустыня, которую мы встрѣтили на лѣвомъ берегу Хуанъ-хэ выше и ниже Гуй-дэ?

Но это не все. Я укажу еще на одинъ фактъ, а именно, на распредѣленіе лѣсовъ въ горахъ Нань-шань'ской системы, которое еще менѣе поддается объясненію съ вышеуказанной точки зрѣнія.

«Растительность въ горахъ Гань-су вообще очень роскошна [4]), пишетъ Воейковъ, но, однако, обширные лѣса встрѣчаются лишь въ южномъ хребтѣ и то на сѣверномъ его склонѣ» [5]), иными словами въ защищенной отъ вліянія сѣверо-восточныхъ хо-

---

[1]) „Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи. Отдѣлъ метеорологическій", стр. 248.

[2]) Его вліяніе сказалось рѣзче всего весной. Ср. т. II, стр. 330 и 333.

[3]) Воейковъ (ibid) полагаетъ, что условія для обильнаго орошенія страны при помощи многоводныхъ рѣчекъ и рѣкъ создаютъ въ западной Гань-су главнымъ образомъ огромное количество выпадающихъ тамъ лѣтнихъ осадковъ.

Не говоря уже о томъ, что большинство рѣчекъ и рѣкъ горной части Гань-су беретъ начало въ снѣговыхъ поляхъ Нань-шань'скихъ хребтовъ, я позволю себѣ поставить вопросъ, такъ ли въ дѣйствительности эта горная страна богата текучей водой, какъ объ этомъ принято думать? Для сравненія возьмемъ хотя бы р. Или при устьѣ Текеса и Да-тунъ-хэ въ мѣстѣ впаденія ея въ Желтую рѣку; обѣ при почти равныхъ бассейнахъ (бассейнъ Или лишь немногимъ превосходитъ бассейнъ Да-тунъ-хэ) несутъ и приблизительно одинаковое количество воды; р. Или вѣроятно даже нѣсколько больше, чѣмъ Да-тунъ-хэ, а между тѣмъ кульчжинскій раіонъ не можетъ похвалиться ни обиліемъ дождя въ лѣтнее время, ни массой снѣга на окружающихъ его горныхъ высотахъ.

[4]) Далеко не вездѣ, однако, замѣчу я отъ себя.

[5]) Ibid. Ср. Пржевальскій „Монголія и страна тангутовъ", I, стр. 232.

лодныхъ вѣтровъ двумя цѣпями горъ, обращенной на юго-востокъ, глубокой и влажной Да-тун'ской долинѣ, притомъ на наиболѣе влажномъ изъ ея склоновъ [1]). Между тѣмъ еще болѣе значительные лѣса встрѣчены были нами, какъ уже извѣстно читателю, на сѣверныхъ склонахъ хребтовъ Сѣверо-Тэтунгскаго [2]) и Ци-лянь-шан'я [3]), при томъ въ той ихъ части, которая обращена прямо на сѣверъ, въ сторону Гобійской пустыни, и заслонена отъ юго-восточныхъ вѣтровъ высокими массами горъ. Если допустить, что влага доставляется Нань-шань'скимъ горамъ однимъ лишь китайскимъ муссономъ, то какъ объяснить себѣ этотъ фактъ? И вотъ— какъ-то невольно начинаешь подумывать о влажныхъ сѣверо-западныхъ вѣтрахъ, которые достигаютъ же Карлыкъ-тага? Что же препятствуетъ имъ достигать и передовыхъ цѣпей Нань-шан'я [4]), которымъ и отдавать весь запасъ своей влаги, неизрасходованный въ жгучей Чжунгарской пустынѣ и въ знойномъ Бэй-шанѣ? [5]).

Какъ бы то ни было, все вышеизложенное возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ непреложности выводовъ Воейкова и самого Пржевальскаго относительно климата Нань-шан'я и заставляетъ склониться къ мысли, что не 1890 годъ былъ аномаліей, а наоборотъ, необыкновенно дождливый 1872 годъ, на данныхъ коего главнымъ образомъ и построены выводы обоихъ помянутыхъ авторовъ [6]).

---

[1]) См. мое замѣчаніе на даваемое Воейковымъ объясненіе причинъ, препятствующихъ росту лѣса на южныхъ склонахъ Нань-шань'скихъ хребтовъ, во II томѣ настоящаго „Описанія", стр. 323—324.

[2]) См. выше, глава IV и V.

[3]) II, стр. 292.

[4]) Весной осадки выпадали на сѣверныхъ склонахъ Нань-шан'я при затишьѣ или при вѣтрахъ, дувшихъ съ сѣвера или сѣверо-востока, крайне притомъ слабыхъ. См. II т., стр. 330.

[5]) Подтвержденіе этой гипотезы мы находимъ и въ сообщеніи Пржевальскаго, что въ Ала-шанѣ лѣсъ обильнѣе растетъ на западномъ склонѣ хребта, притомъ преимущественно на обращенныхъ къ сѣверу откосахъ ущелій („Монголія и страна тангутовъ", I, стр. 364, а также 172). Странно, что фактъ этотъ не получилъ еще должнаго освѣщенія.

Не менѣе также интересно сообщеніе того же изслѣдователя, что, на ряду съ лѣсомъ, одѣвающимъ верхній горизонтъ сѣвернаго склона окрайняго къ пустынѣ хребта (т. е. восточной оконечности Ци-лянь-шан'я), долина Чагрынъ-гола, параллельная Да-тун'ской и, стало быть, также обращенная на юго-востокъ, совершенно безлѣсна и имѣетъ, какъ и окаймляющія ее горы, степной характеръ. („Монг. и стран. танг.", а также „Третье путешествіе въ Центральной Азіи", стр. 421).

По наблюденіямъ китайца Фань-шао-куй'я въ Центральной Монголіи, на пути между Куку-хото и Кобдо, дождь и снѣгъ часто приносятся сѣверо-западными вѣтрами („Дневникъ Фань-шао-куй'я", перев. съ кит. П. Попова, въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по общей географіи", 1875, V).

[6]) Считаю вполнѣ умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующія выдержки изъ соч. Futterer'a— „Durch Asien", III, III, „Meteorologie", въ обработкѣ v. Elsner'a, относящіяся къ затронутому вопросу.

Первый разъ въ разсматриваемый періодъ термометръ опустился ниже 0° въ 3 часа утра 5 августа на р. Ихо-Уланъ при едва ощущавшемся сѣверномъ вѣтрѣ; засимъ морозъ наблюдался впервые въ долинѣ Хый-хо, выше устья р. Ихуръ, причемъ термометръ послѣдовательно показывалъ: вечеромъ 15 августа (на абсолютной высотѣ—10,600 фт.)—2°, утромъ 16-го—4° и въ 4 часа утра 17-го, при совершенно ясномъ небѣ и едва ощутимомъ западномъ вѣтрѣ,—10°—предѣльную цифру, до которой спускалась ртуть въ августѣ

„Nach Woeikof herrschen in Alaschan und im östlichen Nan-schan im Sommer die SE-Winde vor. Ein Ueberwiegen der SE-Winde fand im vorliegenden Falle nur während der Tage vom 10 bis 22 Juni statt, zumal wenn man auch die sonst noch ausserhalb der Termine angestellten Windbeobachtungen mit in Betracht zieht, in der übrigen Zeit aber nicht. Uebrigens hat Przewalsky im Juni des Jahres 1872 in Alaschan vorwiegend SW-Winde, im nächsten Jahre aber SE-Winde beobachtet. Im Juni scheinen also die SE-Winde noch nicht regelmässig dort vorzuherrschen".

„Die oberen und unteren Wolken kamen wieder, soweit Beobachtungen darüber vorliegen, stets aus westlichen Richtungen, meist direkt aus W, vereinzelt auch aus SW oder NW. Nur einmal bei einem Gewitter zogen die Wolken aus Nz E".

„Niederschläge fielen wesentich häufiger als vorher (bis 4 Juni), nämlich an 13 von 30 Tagen, doch waren sie sehr wenig ergiebig. Nur am 10 Juni fiel ein zweistündiger, feiner, dichter Regen. Der regenbringende Wind kam am häufigsten aus W, vereinzelt auch aus NW und SW, in einem Falle, bei dem schon erwähnten Gewitter, auch aus Nz E. An drei Tagen zogen Gewitter auf und zwar aus den Himmelsgegenden Nz E, NW und W, machten sich jedoch nur durch fernen Donner bemerkbar".

„Warum die Niederschläge hauptsächlich bei westlichen Winden fielen, ist nicht leicht zu sagen. Das der von ihnen herbeigeführte Wasserdampf noch einen maritimen Ursprung haben sollte, ist schwer denkbar; vermutlich stammt er aus der Verdunstung auf dem Lande selbst. Da nun die W-Winde nach dem Alaschanplateau zu wehen und ein gezwungenes Aufsteigen derselben an grösseren Bodenerhebungen nicht stattfindet, so muss dass Aufsteigen der Luft, ohne das man sich ein Entstehen der Niederschläge hier wohl nicht denken kann, ein freiwilliges sein. Vermutlich bilden sich infolge der starken Erwärmung des Bodens und der darüber liegenden Luftschichten flache Bezirke niedrigeren Luftdrucks, die ihr Centrum in den nordöstlichen Wüstengebieten haben und in dem hier besprochenen Landstrich Westwinde mit aufsteigender Tendenz hervorrufen. Dass der Luftdruckgradient nur klein sein kann, dafür spricht die geringe Windstärke". (стр. 41—42).

„In der Zeit vom 6 Juli bis 9 August fielen an 22 Tagen z. T. sehr erhebliche Niederschläge, die nicht selten, in acht Fällen, von Gewittern begleitet waren. In der ersten Zeit, etwa bis zum 14, kamen die Regen wohl meist aus W oder WNW, in der späteren Zeit aus E, zuletzt auch aus SE, die Gewitter aber und die sie begleitenden Regen während der ganzen Zeit aus W, WNW oder NW. Besonders heftig war der von einem Gewitter aus NW begleitete Regenfall in der Nacht vom 19 zum 20 Juli während des Aufenthaltes in Tan-k'ar-thing (г. Дань-гэръ), der einen am vorhergehenden Nachmittag noch kein Wasser führenden Bergbach derartig anschwellen liess, dass viele Häuser weggerissen wurden und sieben Menschen ertranken". (стр. 45—46).

„10—30 VIII... An 12 von 20 Tagen fiel Regen von meist erheblicher Stärke. Die Regen kamen vorwiegend aus nordwestlicher und südöstlicher Richtung, aus ersterer aber etwas häufiger, aus andern Richtungen nur ganz vereinzelt". (стр. 47).

„An fünf Tagen fanden Gewitter statt, die meist aus NW zogen" (ib).

„Soweit nun die Küke-nur-Gegend in Frage kommt, stehen die Beobachtungen des Prof. Futterer mit denen Przewalsky's in Widerspruch". (стр. 48).

мѣсяцѣ. Во всѣ послѣдующіе дни термометръ хотя и показывалъ по ночамъ ниже 0°, но морозы уже не переходили за — 4° и лишь въ одномъ случаѣ ртуть стояла на — 5,5° (23 августа); всего же дней съ показаніями термометра ниже 0° было въ августѣ 10.

Максимумъ температуры (26°) выпалъ на 10 августа; въ этотъ день мы спустились въ зону лиственнаго лѣса р. Баба-хо и находились на примѣрной высотѣ 9,300 фт. Въ іюлѣ ртуть термометра не опускалась ниже 3°, но и не подымалась въ тѣни выше 25°; въ августѣ же колебанія температуры были болѣе значительны и предѣльныя цифры составляли + 26° и — 10°, одна послѣ другой на пространствѣ недѣли и при разности абсолютныхъ высотъ 1,300 фт. Вслѣдствіе прозрачности и сухости атмосферы въ ясную погоду паденіе температуры послѣ захода солнца ощущалось всегда очень замѣтно; въ дѣйствительности однако суточныя амплитуды не отличались большой величиной и лишь въ единичныхъ случаяхъ достигали 22° въ іюлѣ (на р. Дао-танъ-хо, 20 іюля) и 25° въ августѣ (на р. Ба-бо-хо, 10 августа); случались также и очень теплыя ночи, когда термометръ не опускался ниже 10° (на р. Бухаинъ-гола, съ 31 іюля на 1 августа, при затишьѣ и пасмурномъ небѣ).

Нѣкоторыя особенности температуръ за вторую половину іюля и августъ видны изъ слѣдующаго:

	Іюль.	Минимумъ.	Максимумъ.	Суточная средняя.	Число наблюденій.		
Р. Дао-танъ-хо .	19	4 ч. утра	7°	12 ч. дня	25°	15°,5	15	Ясно	слабый O.
„ .	20	4 „ „	3°	12 „ „	25°	14°,7	19	Облачно	W. Въ 1 ч. поп. гроза.
Оз. Куку-норъ .	23	4 „ „	7°	12 „ „	18°	13°,2	13	Облачно	C.
„ .	26	4 „ „	6°	12 „ „	22°	15°	17	Ясно	C.
„ .	28	4 „ „	8°	12 „ „	24°	16°	12	Ясно	C.
„ .	30	3 „ „	6°	12 „ „	24°	16°,7	11	Ясно	C. Передъ грозой.
„ .	31	3 „ „	8°	11 „ „	22°	14°	12	Облачно	C. Передъ дождемъ.
	Августъ.								
„ .	1	4 „ „	10°	12 „ „	16°	12°,5	14	Перемѣнно, временами мелкій дождь.	C.
„ .	2	3 „ „	9°	12 „ „	22°	14°,7	13	Облачно	C.
Р. Ихэ-Уланъ. .	5	3 „ „	— 1°	12 „ „	13°	5°,3	9	Перемѣнно.	слабый N.
Р. Да-тунъ-хэ. .	6	4 „ „	1°	12 „ „	12°	7°	10	Перемѣнно.	C.

	Августъ.	Минимумъ.		Максимумъ.		Суточная средняя.	Число наблюденій.		
Р. Ба-бо-хэ . . .	9	3 ч. утра	3°	1 ч. дня	21°	12°,7	12	Ясно	С.
„ . . .	10	4 „ „	1°	12 „ „	26°	13°,3	12	Ясно	Послѣ полудня NO, быстро понизившій температуру.
Р. Ба-бо-хэ . . .	11	4 „ „	9°	1 „ „	25°	17°		Ясно	С.
„ . . .	12	5 „ „	8°	1 „ „	24°,5	14°,8	10	Перемѣнно.	С.
Р. Хый-хо . . .	16	1 „ „ —4° 4 „ „ —1°		12 „ „	14°	2°,5	12	Облачно	W. Послѣ полудня снѣгъ.
„ . . .	17	4 „ „	—10°	1 „ „	15°	1°,3	12	Ясно	W.
„ . . .	19	12 „ „ —1° 4 „ „ 0°		1 „ „	2°	0°,5	11	Пасмурно, туманъ	SW и NO порывами съ большими интервалами.
„ . . .	20	1 „ „ —3° 4 „ „ 0°		1 „ „	3°	—1°	9	Пасмурно	сильный SW снѣгъ.
Голецъ Чунъшуй-шань . .	22	4 „ „	—4°	2 „ „	4°	—1°,25	11	Облачно	С.
Голецъ Чунъшуй-шань . .	23	4 „ „	—5°,5	12 „ „ 9° 3 „ „ 13°		2°,25	12	Облачно	С.
Ущелье Ваньсао-хо	25	4 „ „	8°	12 „ „	26°	15°,8	10	Ясно	С.

Такимъ образомъ за весь разсматриваемый періодъ самый холодный день выпалъ на 22 августа, когда суточная средняя изъ 11 наблюденій выразилась—1,25°, самый теплый день въ іюлѣ—на 30 число, когда та же средняя изъ 11 наблюденій составила 16,7°, и въ августѣ—на 11 число, когда та же величина опредѣлилась въ 17°.

Наконецъ, еще нѣсколько данныхъ:

Наибольшая средняя темп. дня составляла (съ 6 ч. у. до 6 ч. веч.) 21°,75 (11 августа).

Наименьшая средняя темп. дня составляла (съ 6 ч. у. до 6 ч. веч.) 0°,5 (20 августа).

Наибольшая средняя температура ночи составляла (съ 6 ч. веч. до 6 ч. у.) 11° (съ 31 іюля на 1 августа).

Наименьшая средняя температура ночи составляла (съ 6 ч. веч. до 6 ч. у.) — 7° (съ 16 на 17 августа).

Число ночей, средняя температура коихъ была ниже 0° (въ августѣ), — 9.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ противуположность іюлю, въ особенности же іюню, августъ отличался болѣе рѣзкими скачками температуры, что, впрочемъ, видно и изъ сравненія ихъ амплитудъ, равнявшихся въ іюнѣ 19°, въ іюлѣ 29° и въ августѣ 36°.

Среднія за три лѣтніе мѣсяца составляли: для іюня 12°, іюля 16,6° и августа 7,6° [1]). Значеніе этихъ среднихъ должно быть однако учтено въ соотвѣтствіи съ частой перемѣной пунктовъ наблюденія. Среднія мѣсячныя, полученныя Пржевальскимъ для горъ Гань-су, выражались цифрами: іюльская+14,1°, августовская+10,1° [2]).

[1]) Если однако присоединить и послѣдніе дни этого мѣсяца, то средняя подымется до 9°,26.
[2]) „Монголія и страна тангутовъ", II, стр. 14.

ГЛАВА VII.

По оазисамъ Принаньшанья.

Въ г. Су-чжоу [1]) мы оставались девять дней, посвященныхъ переформированію вьючнаго каравана, закупкѣ провіанта на долгій путь черезъ Бэй-шань [2]) и пріисканію проводника. Послѣдній нашелся не скоро. Это былъ довольно мрачнаго вида китаецъ, который, какъ впослѣдствіи оказалось, нѣсколько разъ ходилъ изъ Су-чжоу въ Хами во главѣ верблюжьяго каравана и въ общемъ зналъ дорогу удовлетворительно; но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ пер-

---

[1]) Абсолютная высота Су-чжоу по опубликованному въ 1903 г. опредѣленію Futterer'a (op. cit., III, III, стр. 94) равна 5,051 фт. Эта величина всего ближе стоитъ къ нашей средней—4,985 фт. (Ср. т. II, стр. 194). Bell опредѣляетъ ее въ 4,800 фт. („Proceedings of the Royal Geograph. Soc.", 1890, February).

Въ дополненіе къ тѣмъ немногимъ и отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія мы имѣемъ о сѣверномъ Принаньшанѣ XVI в. (см. т. II, стр. 212), считаю не лишнимъ привести слѣдующія выдержки изъ „Voyage d'Anthoine Jenkinson pour découvrir le chemin du Cattay par la Tartarie, écrit par luy-mesme aux marchands Anglois de la compagnie de Moscovv, qui l'auoient obligé de faire ce voyage" (Thevenot — „Relations de divers voyages curieux qui n'ont point esté publiés", 1663, I, стр. 19—27).

„Cascar (Кашгаръ) est la ville principale d'un royaume qui est entre Boghar (Бухара) et le Catay dont le prince se nomme Reshit-can (Абд-эр-Рашидъ умеръ въ 1566 г.; см. т. II, стр. 93). De Cascar a Sowchick (Су-чжоу) 30 journées de chemin. Sowchick est la première place de la frontière du Catay. De Sowchick a Camchick (Гань-чжоу) 5 journées de chemin". Изъ-за волненій въ Принаньшанѣ торговля Бухары съ Китаемъ прерывалась въ XVI в. очень часто; предметами же вывоза изъ послѣдняго служили: шелковыя ткани, ревень и мускусъ.

[2]) Цѣны на жизненные припасы въ это время въ Су-чжоу были слѣдующія:

1 джинъ (правильнѣе—цзинъ) или 1½ фунта печенаго хлѣба 1¾ коп. (по тогдашнему курсу—1 ланъ серебра=2 р. 20 коп.).

1 джинъ (правильнѣе—цзинъ) или 1½ фунта лучшей пшеничной муки 1½ коп.

1 „ „ „ „ 1½ „ мяса бараньяго 7⅔ коп.

1 доу (по объему приблизительно 0,1 четверти) гороха, скармливаемаго муламъ и лошадямъ, 26 коп.

1 доу (по объему приблизительно 0,1 четверти) риса 92¼ коп.

1 „ „ „ „ „ „ соли 12¼ коп.

100 сноповъ свѣже-сжатой люцерны (25 сноповъ на лошадь въ сутки) 46 коп.

выхъ же шаговъ по пустынѣ выяснилось, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ объ окрестной странѣ. Эти свѣдѣнія мы почерпнули изъ бесѣдъ съ встрѣчными монголами, сопутствовавшими намъ по Бэй-шан'ю до бывшаго пикета Мынъ-шуй.

Мы выступили 5 сентября, въ теплый солнечный день. Рѣка Тао-лай (Бэй-да-хэ) пройдена была на этотъ разъ безъ всякихъ затрудненій даже нашими осликами, которые, отдохнувъ въ Сучжоу, бодро бѣжали теперь подъ своимъ громоздкимъ вьюкомъ. А мы сомнѣвались еще въ ихъ выносливости и думали, что выпавшая на ихъ долю задача—нести сорокъ пудовъ фуража кромѣ всякой неудобозавьючиваемой шарабары—будетъ имъ не по силамъ!

За рѣкой Тао-лай вновь развернулся передъ нами участокъ каменистой пустыни, клиномъ вдавшійся среди зеленыхъ полосъ недалекихъ оазисовъ, но въ веселой болтовнѣ съ Сплингардомъ, который захотѣлъ проводить насъ до Юй-гуан'я [1]), мы прошли ее незамѣтно. Да къ тому же уже съ полдороги крѣпость стала видна какъ на ладони—вотъ-вотъ и мы очутимся подъ ея стѣнами.

Кажущаяся близость предмета—явленіе, въ Средней Азіи довольно обычное. Въ данномъ же случаѣ оно объяснялось не только сухостью и прозрачностью воздуха, но и удачнымъ расположеніемъ Цзя-юй-гуан'я надъ окрестной пустыней [2]). Дѣйствительно, уже отъ русла Тао-лай-хэ дорога пошла въ гору, подымаясь едва-ли гдѣ меньше пятидесяти футовъ на версту, а затѣмъ и самая крѣпость оказалась выстроенной точно на пьедесталѣ на краю плоскаго холма, точнѣе—обрыва каменистой пустыни, залегающей между Хэй-шан'емъ и передовой цѣпью Нань-шан'я.

За версту отъ крѣпости насъ встрѣтилъ китайскій чиновникъ со свитой изъ четырехъ человѣкъ. Сплингардъ поспѣшилъ надѣть свою форменную шляпу, послѣ чего всѣ сошли съ лошадей. При этомъ тотчасъ же обнаружилось, что Сплингардъ выше чиномъ и положеніемъ выѣхавшаго ему навстрѣчу китайца, такъ какъ на его обычное привѣтствіе «гунъ-чао», заключающееся въ прижатіи къ груди сложенныхъ вмѣстѣ рукъ, тотъ отвѣчалъ на двѣ степени болѣе почтительнымъ «да-цзян'емъ», при которомъ присѣдающій дѣлаетъ видъ, что намѣренъ пасть на колѣни [3]).

---

[1]) Такъ называется мѣстность, лежащая къ западу отъ Цзя-юй-гуан'я и къ сѣверу отъ Нань-шан'я.

[2]) Крѣпость Цзя-юй-гуань основана при Минахъ, въ концѣ XIV в. (Іакинфъ — „Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи", III, Географич. указатель, стр. 98).

[3]) „Ли-бу", т. е. китайскимъ министерствомъ обычаевъ и церемоній, установлено восемь степеней привѣтствія. Надо, однако, замѣтить, что при привѣтствіи обыкновенныхъ смертныхъ

На заявленное нами желаніе стать бивуакомъ въ степи, при водѣ, чиновникъ одобрительно кивнулъ головой и, перемолвившись съ Сплингардомъ, повелъ насъ къ южному углу крѣпости, гдѣ, въ логу, мы нашли и воду и вполнѣ удовлетворительный кормъ.

На слѣдующій день Сплингардъ проводилъ насъ за великую стѣну. Здѣсь мы еще разъ горячо обнялись и разъѣхались въ разныя стороны. Передъ нами лежала теперь почти не изслѣдованная часть Гобійской пустыни [1]), о которой путемъ-дорогой намъ разсказывали не мало чудеснаго. Между прочимъ, намъ передавали, и притомъ неоднократно, что по пути мы встрѣтимъ горныхъ козловъ; такъ какъ козлы—обитатели очень высокихъ скалистыхъ хребтовъ, то вполнѣ естественъ былъ и тотъ интересъ, съ какимъ мы внимали каждому такому разсказу; но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались на сѣверъ, туда же отодвигались и мѣста возможной ихъ встрѣчи, пока отъ халхасцевъ-охотниковъ мы, наконецъ, не узнали, что горныя козы въ Бэй-шан'ѣ—едва-ли не миѳъ. Зато съ полной увѣренностью тѣ же охотники говорили намъ о маралахъ (бугу) и аркарахъ (аргали) въ горахъ Ихэ-Ма-цзунъ-шань. Аркаровъ, какъ уже извѣстно читателю [2]), мы встрѣтили и въ другихъ пунктахъ Бэй-шан'я, маралы же остались у насъ подъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ высокомъ хребтѣ Ихэ-Ма-цзунъ-шань [3]) и до сихъ поръ еще удержались олени, какъ удержались они въ Ала-шань'скомъ хребтѣ [4]), въ тугаяхъ Аму-дарьи и въ тограковыхъ лѣсахъ по Тариму. Какъ бы то ни было, всѣ эти разсказы, не исключая и явныхъ сказокъ, напримѣръ, о волосатыхъ нѣмыхъ дикаряхъ [5]), лишь способствовали возбужденію въ насъ интереса къ

три послѣднія степени не въ употребленіи (онѣ подобаютъ лишь богамъ и императору, ихъ намѣстнику на землѣ), и самое большее, на что можетъ претендовать высшій сановникъ государства это—„гао-дао", когда привѣтствующій падаетъ на колѣни и всего одинъ разъ прикасается лбомъ къ землѣ.

[1]) До насъ верблюжьей тропой черезъ Бэй-шань, на сколько знаю, прошли только два русскихъ купца: Ерзовскій (см. Потанинъ „Разспросныя свѣдѣнія о странѣ между Нань-шан'емъ, Хангаемъ, Хами и Утай-шанемъ" въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.", XXIII, стр. 523) и Васеневъ (см. Евтюгинъ — „Маршрутъ отъ г. Кобдо до Су-чжоу" въ „Сборникѣ геогр., топогр. и статист. матеріаловъ по Азіи", XXX).

[2]) См. т. I, стр. 398, 489, т. II, стр. 143.

[3]) Объ этомъ хребтѣ см. ниже.

[4]) Пржевальскій „Монголія и страна тангутовъ", I, стр. 174.

[5]) Несомнѣнно, пишетъ Рокхиль („Въ страну ламъ", стр. 102), что медвѣдь, котораго монголы и тибетцы считаютъ царемъ звѣрей и вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ-то вродѣ „недостающаго звена" въ цѣпи живыхъ существъ, стоящаго между человѣкомъ и звѣремъ, и является тѣмъ

Бэй-шан'ю, казавшемуся намъ и такъ страной обѣтованной для всякихъ открытій.

Отъ Цзя-юй-гуан'я почти до селенія Хуй-хуй-пу мы шли большою дорогой по мѣстности, которая представлялась теперь, въ сентябрѣ, столь же безотрадной, какъ и ранней весной, когда на сѣромъ фонѣ песка и гальки, иногда на протяженіи десятковъ саженъ не попадалось ни кустика, ни былинки [1]). За укрѣпленіемъ Хунъ-шань-цзя ландшафтъ сталъ нѣсколько веселѣе: то тамъ, то сямъ стали мелькать пучки чія (Lasiagrostis splendens, Kunth.), кустики терескена (Eurotia ceratoides, C. A. M.), нѣкоторыя солянки (Horaninovia sp.?, Salsola sp.?), Hedysarum multijugum, Maxim., и Halogeton arachnoideum, Mog.-Tand.; присматриваясь же ближе, можно было сверхъ того замѣтить среди гальки и болѣе мелкія травы: Tanacetum multijugum, Maxim., приземистую Artemisia fragrans subglabra, Winkl., и остатки давно уже засохшаго ковыля (Stipa sp.?).

Версты четыре не доходя до селенія Хуй-хуй-пу мы оставили большую дорогу и, свернувъ съ нея вправо, безъ тропинки направились къ ясно виднѣвшемуся въ горахъ устью ущелья. На этомъ участкѣ пути среди галечника стали часто попадаться глинистыя площадки, поросшія чахлымъ гребенщикомъ (Tamarix laxa, Willd.?); въ то же время поверхность степи приняла неровный характеръ и казалась изборожденной множествомъ узкихъ и неглубокихъ руслъ, которыя, образуя сѣть, имѣли общее направленіе къ сѣверо-востоку. Въ томъ же направленіи уходило и настоящее рѣчное русло, пройденное нами на пятой верстѣ отъ поворота съ большой дороги, плоское и безводное, хотя и съ ясными слѣдами бѣжавшей въ немъ недавно воды. Я думаю, что это русло рѣчки Чанъ-шуй, текущей къ западу отъ селенія Хуй-хуй-пу; Обручевъ, который пересѣкъ гряду Хэй-шань (Цзя-юй-гуань-шань), слѣдуя вдоль ея русла, называетъ ее по имени помянутаго селенія [2]).

Въ верстѣ отсюда крутымъ уступомъ начинались горы. Въ

дикимъ волосатымъ человѣкомъ — „гэрэсунъ бамбурчи", о которомъ въ Китаѣ мнѣ привелось выслушать столько разсказовъ.

Возможно, что и такъ; но не менѣе вѣроятно и другое предположеніе, а именно, что, наслышавшись разсказовъ о „волосатыхъ дикаряхъ", трусливый путникъ, едва вступивъ въ пустыню, принималъ за одного изъ нихъ каждаго случайно повстрѣчавшагося ему медвѣдя.

[1]) Въ восьми верстахъ отъ Цзя-юй-гуан'я, къ сѣверу отъ дороги, у подошвы Хэй-шан'я, Обручевъ нашелъ порядочную лужайку, орошенную нѣсколькими ключами (op. cit., I, стр. 585), но намъ съ дороги ея не было видно.

[2]) Op. cit., I, стр. 589.

нихъ мы вступили неглубокимъ ущельемъ, проложеннымъ среди пестрыхъ песчанистыхъ глинъ и глинистыхъ песчаниковъ и конгломератовъ [1]). Объ этихъ горныхъ породахъ я писалъ уже выше [2]), относя ихъ къ гобійскимъ (ханхайскимъ) отложеніямъ разныхъ ярусовъ. Оказывается однако, что я былъ не правъ и что возрастъ ихъ еще болѣе древній, а именно—надкаменноугольный. Впрочемъ, опредѣленіе это не окончательное [3]).

Подходя къ горамъ, я не видѣлъ слѣдовъ какого-либо русла, но въ глубинѣ ущелья оно вдругъ обозначилось; а далѣе я нашелъ даже кое-гдѣ и влажный песокъ. Что это за русло? Дождевой ли стокъ или продолженіе неусмотрѣннаго мною ранѣе ложа временнаго ручья, берущаго начало гдѣ-нибудь въ предгоріяхъ Нань-шан'я южнѣе дороги—вопросъ этотъ такъ и остался невыясненнымъ.

По руслу, со второй половины ущелья, сталъ попадаться камышъ, выше же росли гребенщикъ (Tamarix laxa, Willd.?), терескенъ (Eurotia ceratoides, C. A. M.), Atraphaxis lanceolata divaricata, Ledb., Apocynum venetum, L., Peganum harmala, L., и травы—Statice aurea, L., St. otolepis, Schrenk, Zygophyllum potanini, Maxim., Artemisia dracunculus, L., Astragalus sp.? и нѣкоторыя другія.

Ущелье—длиной около шести верстъ—вывело насъ къ селенію Ша-гу, раскинувшемуся вдоль р. Ма-гэ-чэнъ, которая, при глубинѣ свыше фута и быстромъ теченіи, имѣла не менѣе двухъ саженъ ширины. Послѣ Чи-ю-хэ это самая значительная изъ рѣчекъ, сбѣгающихъ съ Нань-шан'я въ участкѣ между Су-лай-хэ и Таолай-хэ [4]), и, мнѣ кажется, что это ея истоки, а не ничтожной

---

[1]) Преобладали блѣдно-красный и голубовато-сѣрый цвѣта.

[2]) Т. II, стр. 171.

[3]) Вотъ, что читаемъ мы у Обручева (op. cit., I, стр. 592) объ этихъ отложеніяхъ:

„Свита пестрыхъ конгломератовъ, песчаниковъ и глинъ, мѣстами съ признаками угля, встрѣченная въ грядахъ, соединяющихъ Цзя-юй-гуань-шань и Па-линь-шань, повидимому, должна быть отнесена къ надкаменноугольнымъ отложеніямъ, и, вѣроятно, къ самой верхней части этой громадной формаціи; нельзя также не упомянуть о сходствѣ ярусовъ A и B съ гобійскими отложеніями сосѣднихъ мѣстностей—холмовъ и плато сѣвернаго подножія Цзя-юй-гуань-шаня, плато къ югу отъ Цзя-юй-гуани и предгорій Нань-шаня у сел. Да-хунъ-чуань; возможно, что и въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, мы имѣемъ постепенный переходъ отъ отложеній надкаменноугольныхъ къ гобійскимъ, такъ что провести границу между концомъ первыхъ и началомъ вторыхъ является затруднительнымъ".

[4]) Какъ передовая цѣпь Нань-шан'я въ указанныхъ предѣлахъ называется нынѣ, я не знаю; но въ прежнія времена она имѣла два имени: монгольское—Хухэ-тологой, что значитъ—„синяя вершина", и китайское—Цзинъ-тоу-гай. См. St. Julien —„Notices sur les pays et les peuples étrangers" въ „Journal Asiatique", quatrième série, VIII, 1846, p. 247.

Черезъ нее пролегала древняя дорога на Куку-норъ.

Чанъ-шуй (Хуй-хуй-пу), находятся на перевалѣ Тѣ-дабанъ черезъ Тао-лай-шань [1]). Впрочемъ, въ дневникѣ у меня отмѣчено, что рѣчка эта беретъ начало въ ключахъ и болотахъ Чи-цзинь-ху.

Группа фанзъ селенія Ша-гу, пріютившаяся въ тѣни высокихъ тополей и развѣсистыхъ ивъ, выглядитъ очень нарядно. Запашки здѣсь велики и, судя по нимъ, можно думать, что мѣстное населеніе благоденствуетъ. Въ дѣйствительности, однако, тощая и сухая песчанистая почва вдоль рѣчки Ма-гэ-чэнъ родитъ плохо. Удобрить ее, какъ слѣдуетъ, нечѣмъ, напоить досыта невозможно. А что почва Ша-гу дѣйствительно очень суха, видно хотя бы уже изъ того, что пустыня начинается въ немъ, такъ сказать, сейчасъ за порогомъ фанзы: гдѣ нѣтъ тѣни, тамъ нѣтъ иной растительности, кромѣ хвойника (Ephedra sp.?), гребенщика или чія; даже по межамъ и по краямъ оросительныхъ канавъ ютится поросль, характеризующая пустыню: джантакъ (Alhagi kirghisorum, Schrenk), акъ-тегене (Lycium sp.?) [2]), Zygophyllum potanini, Maxim., полынь... и нигдѣ при этомъ ни кусочка настоящаго луга!

Не смотря на усиленные хлопоты проводника, мы съ трудомъ могли собрать здѣсь достаточное количество фуража, да и то по цѣнѣ, значительно превышавшей сучжоускую.

Въ селеніи Ша-гу мы только ночевали и раннимъ утромъ тронулись дальше.

Долиной Ма-гэ-чэн'а мы шли верстъ пять, имѣя вправо отроги Хэй-шан'я, а влѣво гору То-хо-тай-цзы, представляющую одну изъ самыхъ высокихъ точекъ Чи-цзинь-шан'я, иначе Чао-цзянь-шан'я. Но уже къ концу этого участка дороги горы замѣтно раздвинулись, и рѣка выбѣжала въ обширную котловину, которую намъ и предстояло теперь перейти. Рѣка Ма-гэ-чэнъ уходила здѣсь вправо, но русло ея, зарывшееся въ песчано-глинистую почву котловины, мы могли прослѣдить самое бо́льшее что на версту; несомнѣнно, однако, что оно протягивается далеко къ сѣверо-востоку, можетъ быть достигая населеннаго монголами урочища, въ центрѣ котораго, какъ намъ говорили, имѣется небольшой водоемъ. Крейт-

---

[1]) См. маршрутныя съемки Обручева № 8 (прил. къ I т.) и № 9 (прил. ко II т.). Крейтнеръ („Die wissenschaftlichen Ergebnisse der Reise des Grafen Béla Széchenyi in Ostasien, 1877—1880", стр. 190) называетъ эту рѣчку Rh-dan-ho (Эръ-дань-хо) и даетъ ей слѣдующіе размѣры: шаговъ 20—25 въ ширину и немного менѣе фута (¼ метра) въ глубину.

[2]) Оба эти названія—тюркскія; акъ-тегене или акъ-тегенекъ турфанлыковъ, очевидно тоже, что и цаганъ-теджгене монголовъ; но, если вѣрить Потанину („Очерки Сѣверо-Западной Монголіи", II, стр. 133), у монголовъ подъ этимъ названіемъ извѣстна не Lycium, а Nitraria.

неръ называетъ его Па-линъ-хай [1]). Таково-ли дѣйствительно современное его названіе, я не знаю, такъ какъ, къ сожалѣнію, утратилъ относящуюся до него запись; древнее же названіе урочища, какъ кажется, было Хоу-лю-вань [2]).

Котловину мы пересѣкли въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи и, только подойдя уже къ бугристымъ пескамъ, съ юга окаймляющимъ оазисъ Инь-пань-фу-цзы, иначе Хо-хой-цзы [3]), свернули на сѣверъ. Въ общемъ отъ устья Ма-гэ-чэн'скаго ущелья до оазиса мы насчитали тридцать верстъ, изъ коихъ на долю песковъ пришлось не болѣе четырехъ верстъ, все же остальное пространство занимала глинисто-песчано-галечная пустыня, ровная, да и голая, какъ ладонь [4]).

На первыхъ порахъ намъ еще попадались сухія русла временныхъ потоковъ, выносящихъ воду съ массива То-хо-тай-цзы на сѣверо-востокъ, къ котловинѣ Па-линъ-хай [5]), но далѣе даже и эти вымоины перестали разнообразить монотонный характеръ пустыни, широкой, ровной скатертью уходившей на сѣверъ [6]).

Туда, палимые солнцемъ, погоняли мы своихъ лошадей, но прошло добрыхъ четыре часа времени прежде, чѣмъ мы завидѣли впереди узкую полосу зелени. Наконецъ-то!

Но нѣтъ, это былъ еще не оазисъ, а заросли Lycium и Nitraria на песчаныхъ буграхъ, опоясывающихъ съ юга оазисъ. Сперва мы встрѣтили летучіе пески, рѣдкими холмиками набросанные на глинистой почвѣ пустыни, а затѣмъ дорога вступила въ бугристые пески, уже закрѣпленные густою растительностью. Подвижные пески имѣли въ высоту не болѣе двухъ аршинъ, закрѣпленные и того меньше. Простираніе ихъ весьма короткихъ гребней (наиболь-

---

[1]) Op. cit., стр. 190.

[2]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 481. На одной изъ картъ Китайской имперіи, изданныхъ во Франціи въ 1737 году подъ редакціей d'Anville („Nouvel Atlas de la Chine", № 33), въ 30 верстахъ къ востоко-юго-востоку отъ оз. Алакъ-нора показано озерное урочище Чи-гэ-чинъ (Tchi-ke-tching).

Тоже уроч. воспроизведено и на русской картѣ, изданной въ Петербургѣ въ 1793 г.

[3]) Обручевъ (op. cit., стр. 595) пишетъ Хоръ-хый-цзе.

[4]) Хвойникъ (Ephedra sp.?) почти единственное растеніе, встрѣчавшееся намъ въ этой пустынѣ.

[5]) Одно изъ этихъ руслъ хранило ясные слѣды недавней воды.

[6]) Обручевъ опредѣляетъ абсолютную высоту уроч. Ся-коу, на южной границѣ котловины, въ 4,825 фт. (op. cit., I, стр. 591), абсолютную же высоту оазиса Инь-пань-фу-цзы въ 4,160 фт. (согласно нашему опредѣленію—4,255 фт.); получающаяся отсюда разница—665 фт.—даетъ величину паденія котловины на сѣверо-западъ на все разстояніе или на версту около 23 фт. На сѣверо-востокъ паденіе это должно быть бо́льшимъ, судя по той стремительности, съ какой бѣгутъ туда воды р. Ма-гэ-чэнъ и арыковъ, орошающихъ Инь-пань-фу-цзы.

шій изъ песчаныхъ валовъ не имѣлъ и пяти саженъ въ длину) было сѣверо-сѣверо-восточнымъ, завѣтренный ихъ склонъ, т. е. болѣе крутой, обращенъ былъ на западъ. О тѣхъ же пескахъ, хотя и лежавшихъ дальше къ востоку, Обручевъ пишетъ слѣдующее: «Простираніе гребней бархановъ и барханныхъ валовъ NO 30°, крутые склоны обращены къ OSO, но формы сглажены вчерашнимъ дождемъ и послѣдними SO вѣтрами, насыпавшими пологіе откосы у крутыхъ склоновъ и срѣзавшими острые гребни» [1]). Сопоставленіе этихъ наблюденій указываетъ на весьма интересную климатическую особенность котловины Инь-пань-фу-цзы, а именно, что господствующіе въ ней лѣтомъ сѣверо-западные вѣтры къ осени смѣняются юго-восточными.

Оазисъ Инь-пань-фу-цзы занимаетъ площадь, равную приблизительно 30 кв. верстамъ. Въ его центрѣ выстроенъ обнесенный глинобитной стѣной городокъ, который собственно и носитъ приведенное выше названіе Инь-пань-фу. Въ прежнее однако время онъ, повидимому, носилъ иное названіе: въ китайской географической литературѣ мы находимъ указаніе, что на сѣверо-западъ отъ крѣпости Хуй-хуй-пу, за горой Куань-тай, находится городокъ Шань-ма, черезъ который проходитъ большая дорога на Хундулэнъ [2]). Это, надо думать, и есть нашъ городокъ [3]).

Добиться, при помощи Сарымсака, яснаго указанія на источникъ снабженія оазиса водой я не могъ; но у меня составилось

---

[1]) Op. cit., I, стр. 593.

[2]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 481.

Въ „Шуй-дао-ти-ганъ" мы находимъ указаніе, что р. Хундулэнъ впадаетъ въ Эцзинъ-голъ съ сѣверо-востока, недалеко отъ двухъ озеръ („Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 478). Это извѣстіе находится однако въ противорѣчіи съ тѣмъ, что говоритъ намъ другой китайскій источникъ „Хуй-дянь-ту-шо", гдѣ читаемъ: „Р. Хундулэнъ, протекая отъ Су-чжоу на сѣверъ, проходитъ по эцзинейскому знамени и развѣтвляется на два рукава, изъ коихъ каждый образуетъ озеро" (ib., стр. 477). На картѣ, приложенной Іакинфомъ къ III т. „Собр. свѣд. о нар. Средн. Аз.", р. Эцзинъ-голъ названа Хондулынъ. На картѣ, изданной въ Петербургѣ въ 1793 году, нанесенъ протокъ, упоминаемый въ „Шуй-дао-ти-ган'ѣ", но какъ одно изъ устьевъ р. Эцзинъ-гола. Близъ него, къ югу, показано ур. Кондоленъ. На картѣ № 32 атласа д'Анвилля протокъ названъ Koutoulé (Гудулэ), наименованіе же Koundoulen (Гундулэнъ) пріурочено къ нижнему теченію р. Эцзинъ-голъ. Имя это сохранилось и понынѣ за однимъ изъ протоковъ (самымъ восточнымъ) р. Эцзинъ-гола (Потанинъ — „Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія", I, стр. 464, 477). „Въ одномъ днѣ ѣзды къ востоку отъ Кунделенъ-гола, пишетъ Потанинъ, находятся развалины города Эрге-хара-бурюкъ„ (ib., стр. 464). Это вѣроятно Цзюй-янь времени старшихъ Ханей, возстановленный въ Юаньскую эпоху. („Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 477). Сюда-то, повидимому, и вела помянутая выше дорога.

[3]) Ср. Bretschneider „Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources", II, стр. 211, гдѣ сказано, что городокъ Шань-ма (Shen ma ch'eng) лежалъ *къ западу* отъ Хуй-хуй-пу (Hui-hui-mu).

убѣжденіе, что Инь-пань-фу-цзы живетъ главнымъ образомъ водою ключей и въ мéньшей степени водой р. Чи-ю-хэ. Во всякомъ случаѣ воды должно потребляться здѣсь больше, чѣмъ можетъ дать одна Чи-ю-хэ, и бѣжитъ она по оазису съ такою стремительностью, которая ясно указываетъ на крутой уклонъ котловины къ востоку. Русла р. Чи-ю-хэ я не встрѣтилъ; имѣя однако въ виду, что Обручевъ говоритъ о руслѣ, даже о нѣсколькихъ руслахъ на южной окраинѣ песковъ [1]), вполнѣ допускаю, что я его проглядѣлъ или, что также возможно, что на моемъ пути его затянуло пескомъ. Какъ бы то ни было, большое число колодцевъ въ Инь-пань-фу-цзы съ затхлой, солоноватой водой свидѣтельствуетъ о временами случающемся здѣсь недостаткѣ въ проточной водѣ. Этотъ недостатокъ, въ свою очередь, вполнѣ объясняетъ и незначительность мѣстныхъ полей и очень малую ихъ урожайность.

Бивуакомъ мы встали близъ городскихъ стѣнъ, у арыка, осѣненнаго огромными тополями. Вечеромъ насъ посѣтили здѣсь два субъекта, національность коихъ мы, конечно, не отгадали бы, не назовись они монголами съ сѣверныхъ склоновъ Нань-шан'я. Монгольскаго въ нихъ однако ничего не было ни въ костюмѣ, полукитайскомъ, полу-тангутскомъ, ни въ типѣ лица, овальнаго, съ скрытыми скуловыми дугами, прямымъ носомъ и выдающимся подбородкомъ; говорили они, впрочемъ, по монгольски на столько хорошо, что Сарымсакъ понималъ ихъ безъ затрудненія [2]). Въ Инь-пань-фу ихъ завелъ случай: потеря однимъ изъ нихъ трубки; ѣхали же они въ Номъ, стало быть по одному пути съ нами. Сарымсакъ объяснилъ намъ, что они были бы рады примкнуть къ нашему каравану. Это и намъ было на руку, такъ какъ мы убѣдились, что имѣемъ дѣло съ людьми, хорошо знающими пустыню. И такъ, съ этого же вечера они поступили на наше иждивенье, а взамѣнъ должны были посвящать насъ въ тайны окрестной страны.

Съ мѣста же они разсказали намъ слѣдующее о дорогѣ, пересѣкающей оазисъ и соединяющей Мо-чэнъ съ Юй-мын'емъ [3]). Отъ

---

[1]) Op. cit., I, стр. 593 и 595.

[2]) Монголовъ на сѣверныхъ склонахъ Нань-шан'я встрѣтилъ Козловъ („Труды экспедиціи Импер. Русск. Геогр. Общ. по Центральной Азіи", II, стр. 127), но то, что онъ о нихъ пишетъ, не вполнѣ вяжется съ тѣмъ представленіямъ, которое сложилось у меня объ этихъ монголахъ по тѣмъ двумъ представителямъ ихъ, которые выше описаны. По словамъ Козлова, наньшаньскіе монголы—выходцы изъ Халхи, столь мало утратившіе связь съ этой послѣдней, что и до сихъ поръ продолжаютъ выплачивать туда подати.

[3]) Это очевидно та самая дорога, о которой говорится въ вышеприведенномъ китайскомъ извѣстіи.

Инь-пань-фу до Мо-чэн'а (Мо-мин'а) считается 310 ли. Первый разъ ночуютъ на ключахъ у монголовъ [1]), второй—близъ пикета Туланъ-ортэнъ, отъ котораго уже не болѣе 30 ли до города. До монголовъ путь идетъ сначала песками, а затѣмъ гоби, т. е. каменистой пустыней; отсюда же—нѣкоторое время пригорками, потомъ опять песками и, наконецъ, глинисто-песчаною степью, поросшею хармыкомъ (Nitraria), сухаемъ (Tamarix), бурульчжиномъ (Calligonum) и ближе къ Эцзинъ-голу—тора (Populus euphratica) [2]).

Западная часть оазиса Инь-пань-фу-цзы, которой мы слѣдовали 8 сентября, выглядѣла не менѣе уныло, чѣмъ восточная; фанзы попадались рѣдко, и ихъ наружное убожество не скрашивалось даже деревьями, которыя росли въ одиночку и притомъ чаще всего вдоль арыковъ; желтая глинисто-песчаная почва, только мѣстами прикрытая порослями джантака и лебеды (Chenopodium album, L). или затянутая пескомъ, смотрѣла также мертво, какъ и въ пустынѣ; плоскія ямы съ остатками застоявшейся въ нихъ воды и потрескавшейся по краямъ глиной тоже не представляли ничего привлекательнаго, и только любопытнымъ взоромъ провожавшіе караванъ верблюды вносили нѣкоторое оживленіе въ эту картину.

Оазисомъ мы шли четыре версты, а затѣмъ вновь вступили въ полосу бугристыхъ песковъ, густо поросшихъ гребенщикомъ, Nitraria Schoberi, Lycium ruthenicum, Calligonum sp. и Cynanchum sp., къ которымъ на солонцахъ, составляющихъ почву впадинъ между буграми, примѣшивался джантакъ, Salsola sp., Karelinia caspia, Less., и полынь (Artemisia inodora?). Сѣверная граница этихъ песковъ намѣчена была не столь рѣзко, какъ южная, къ югу отъ Инь-пань-фу, такъ какъ хотя бугры исчезли уже на восьмой верстѣ отъ послѣдняго, но песокъ еще на протяженіи двухъ верстъ устилалъ болѣе или менѣе тонкимъ слоемъ почву каменистой пустыни; онъ подернутъ былъ рябью и казался совершенно без-

---

[1]) Извѣстіе объ этихъ монголахъ, которыхъ я считаю потомками чигиньцевъ (см. т. II, стр. 175, а также 69, 90—91), записано было мною равнымъ образомъ со словъ нашихъ новыхъ спутниковъ, объяснившихъ, что въ настоящее время, послѣ разгрома земель Юй-мынь'скаго округа дунганскимъ вождемъ Баянъ-ху (согласно Ладыгину—Бэй-янь-ху), ихъ уцѣлѣло не болѣе 30 семействъ, управляемыхъ китайскимъ чиновникомъ, живущимъ въ Мо-чэн'ѣ (Мо-мин'ѣ). Впрочемъ, уже по переписи 1528 г. ихъ насчитывалось не болѣе тысячи душъ (см. Bretschneider, op. cit., II, стр. 214).

Приводя это извѣстіе, я не могу однако умолчать, что мѣстные китайцы, запрошенные мною объ этихъ монголахъ, категорически отрицали существованіе какихъ-либо жителей, не говоря уже о монголахъ, на пути между Инь-пань-фу и Мо-чэн'омъ.

[2]) Всѣ эти названія—монгольскія.

плоднымъ [1]); его оживляли только ящерицы (Eremias multiocellata, Gntr., и Phrynocephalus versicolor doriai, Bedr.), вообще очень многочисленныя въ окрестностяхъ Инь-пань-фу.

Вскорѣ по выходѣ изъ этихъ песковъ мы увидѣли впереди какую-то постройку; это были развалины сторожевой башни—«янь-дая»; другой такой же янь-дай, и тоже въ разрушенномъ состояніи, попался намъ въ одной верстѣ далѣе; оба были выстроены на плоскихъ возвышенныхъ участкахъ каменистой пустыни, которая далеко не на всемъ своемъ протяженіи заслуживала это названіе. Именно, чѣмъ дальше мы подвигались къ западу, тѣмъ мельче становилась галька, тѣмъ чаще обнажалась глинистая поверхность степи, изборожденная плоскими руслообразными впадинами. Наконецъ, на двадцатой верстѣ отъ ночлега мы и въ дѣйсвительности пересѣкли сухой руслообразный логъ, шириной около ста саженъ и глубиной около двухъ. Далеко не вездѣ однако онъ имѣетъ такіе размѣры, отъ Булунгира же отвѣтвляется узкимъ каналомъ, который развивается въ неглубокій, но широкій оврагъ только тамъ, гдѣ конгломератныя толщи смѣняетъ рыхлая глинисто-песчаная почва. Нѣкогда, въ монгольскія, а можетъ быть еще и въ уйгурскія времена, каналомъ этимъ выпускалась вода Булунгира въ восточную часть котловины Инь-пань-фу-цзы [2]), но теперь онъ заброшенъ и постепенно выработался въ сухой логъ—солонецъ, мѣстами занесенный песками, мѣстами густо поросшій камышомъ, осокой и другими солонцовыми травами и кустами.

Пройдя логъ, мы очутились въ виду невысокихъ, вытянутыхъ въ гривки холмовъ, сложенныхъ изъ чернаго глинистаго сланца и темно-сѣраго роговика и составляющихъ южные отпрыски хребта Бо-сянь-цзы. Подъ однимъ изъ такихъ холмовъ, въ 3½ верстахъ отъ лога, у колодца Сы-дунь, мы и раскинули свой бивуакъ.

Холмъ представлялъ хорошій обсерваціонный пунктъ, чѣмъ я и воспользовался для того, чтобы окинуть взоромъ окрестности.

Отсюда онѣ выглядѣли еще болѣе безжизненными, чѣмъ были въ дѣйствительности, и даже небольшое зеленое пятно оазиса Инь-пань-фу-цзы, окруженное поясомъ сыпучихъ песковъ, не нарушало тоскливаго впечатлѣнія, производимаго этой мертвой страной. Я искалъ на востокѣ такое же второе пятно—пастбищъ чигинцевъ, но его тамъ не оказалось: его скрылъ за собой одинъ

---

[1]) Изъ подъ песка только кое-гдѣ выбивались, точно шилья, острые листья какой-то осоки.

[2]) Записано со словъ мѣстныхъ жителей.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Привалъ верблюжьяго каравана въ пустынѣ у колодца Сы-дунь.

Сѣверное предмѣстье Хами.

Развалины башни близъ Ортама.

Фототипія В. Клавенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Приемн. Н. Каминскій.

изъ отроговъ хребта Бо-сянь-цзы, изъ-за котораго далеко-далеко позади въ неясныхъ очертаніяхъ выступали невысокія, плоскія горы: онѣ сливались съ скалистымъ Хэй-шан'емъ и служили, безъ сомнѣнія, восточной гранью пройденной котловины. На югѣ Хэй-шань, То-хо-тай-цзы и Чи-цзинь-шань рисовались отчетливо, но на западѣ, противъ лучей заходящаго солнца, неровности почвы выступали безъ должной рельефности, и я не могъ себѣ выяснить, что находится передо мною—размытое-ли плато или гряда низкихъ плоскихъ холмовъ. Какъ бы то ни было, тутъ ясно намѣчалась западная граница разстилавшейся у моихъ ногъ котловины.

Описывая высоты, ограничивающія съ востока котловину Инь-пань-фу-цзы, Обручевъ говоритъ, что онѣ значительно ниже не только Хэй-шан'я (Цзя-юй-гуань-шан'я), но и Бэй-шан'я, которые соединяютъ [1]). Что Хэй-шань выше перемычки, это—такъ; но я рѣшительно не могъ уловить, гдѣ кончается эта послѣдняя и гдѣ начинается Бэй-шань, изъ чего явствуетъ, что какой-либо значительной разницы въ ихъ относительной высотѣ не существуетъ. Да и какъ было бы разглядѣть такую перемычку съ разстоянія въ 50—60 верстъ, въ какомъ мы отъ нея находились, когда даже болѣе высокій («значительно болѣе высокій»), по словамъ Обручева, Бэй-шань въ своихъ окраинныхъ холмахъ подымается едва-ли гдѣ больше чѣмъ на 400—500 фт. надъ уровнемъ котловины! Наконецъ, какъ я уже имѣлъ случай высказаться [2]), въ вопросѣ о связи двухъ горныхъ массивовъ относительная высота перемычки не можетъ играть существенной роли. И что это именно такъ, лучше всего доказывается тѣмъ, что мы сейчасъ видимъ на западѣ, гдѣ котловина Инь-пань-фу-цзы ограничена плоскими высотами, почти смытыми третичнымъ моремъ, но тѣмъ не менѣе указывающими на непосредственную внутреннюю связь, существующую между Чи-цзинь-шан'емъ и передовыми холмами Бэй-шан'я [3]).

Колодецъ Сы-дунь находится на краю обширнаго солонца, мѣстами переходящаго въ каменистую степь, мѣстами въ баптакъ, т. е. въ соленыя грязи, обязанныя своимъ происхожденіемъ не столько атмосфернымъ осадкамъ, сколько влагѣ, проникающей въ лессовидную почву снизу, изъ запасовъ, скопляющихся на водонепроницаемомъ слоѣ подпочвы. Послѣдній долженъ залегать здѣсь

---

[1]) Op. cit., I, стр. 596.

[2]) См. выше, стр. 122.

[3]) Ср. „Опис. пут. въ Зап. Кит.“, II, стр. 188, съ тѣмъ, что пишетъ Обручевъ въ 1 т. цит. соч., на стр. 598.

дѣйствительно не далеко отъ поверхности, если судить по уровню воды въ колодцахъ, солоноватой, но очень обильной [1]).

Кое-гдѣ на этомъ солонцѣ видны были слѣды пашень, указывающихъ на то, что содержаніе растворимыхъ солей въ его почвѣ не велико и мѣстами не превосходитъ 2,5 процентовъ [2]). Впрочемъ, не будь пашень, тоже подсказала бы и одѣвающая его растительность, среди коей, кромѣ обычныхъ Salsola, Salicornia, Karelinia, Sophora, Nitraria, Lycium, Alhagi, даже, пожалуй, камыша, выдерживающихъ довольно значительный процентъ (до 4%) содержанія въ почвѣ растворимыхъ солей (главнымъ образомъ сульфатовъ), я нашелъ и такіе виды, какъ осока (Carex soongorica Kar. Kir.?), Mulgedium tataricum, DC., Statice otolepis, Schrenk, St. aurea, L., Hedysarum scoparium, Fisch. Mey, Glaux maritima, L., Artemisia fragrans subglabra, Winkl., и Tanacetum fruticulosum, Led., которые могутъ существовать лишь при пониженномъ количествѣ помянутыхъ солей въ почвѣ и доказываютъ, что при непродолжительномъ выщелачиваніи можно довести Сы-дунь'скій солонецъ до высокой урожайности, что, впрочемъ, уже и имѣетъ мѣсто на его западномъ концѣ, въ окрестностяхъ селенія Ши-дунь.

Солонецъ этотъ не далѣе, какъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, служилъ зимнимъ пастбищемъ казеннымъ табунамъ. Сюда напускалась выщелачивавшая его вода, почва удобрялась пасшимися лошадьми и скотомъ и, какъ говорятъ, обильно поростала травой (осокой?). Теперь конныхъ лянзъ въ сучжоускомъ военномъ округѣ болѣе не содержатъ, монголы покинули эти мѣста, и, предоставленный самому себѣ, солонецъ этотъ глохнетъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе насыщаясь солями, проникающими въ него вмѣстѣ съ водой изъ-подъ почвы.

Несомнѣнно, что китайцы утилизировали Сы-дунь'скій солонецъ, слѣдуя примѣру монголовъ; отъ времени послѣднихъ здѣсь сохранились слѣды байнаковъ; китайцы же оставили послѣ себя казармы и многочисленные яньдаи.

Въ уроч. Сы-дунь мы обогатили свой орнитологическій сборъ экземпляромъ новой для Центральной Азіи птицы—Accipiter virgatus, Temm.; сверхъ же сего въ наши коллекціи поступили: изъ птицъ—Passer stoliczkae, Hume, Sylvia minuscula, Hume, и Merula ruficollis, Pall.; изъ млекопитающихся—Gerbillus meridianus, Pall., и

---

[1]) Глубина этихъ колодцевъ не превышаетъ 3½ фт.

[2]) См. Миддендорфъ—„Очерки Ферганской долины“, стр. 138.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Маньчжурка.

Ганьчжоуские китайцы.

Гэгэнъ Лабранскаго монастыря
Лобсанъ Лундокъ Джамсо.

Фототипія В. Классенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2
Прѣмн. Н. Каминскій

Mus vagneri, Eversm.; изъ пресмыкающихся—Eremias multiocellata, Gntr., Er. przewalskii, Strauch, Phrynocephalus axillaris, Blanf и Phr. versicolor doriai, Bedr.

9 сентября мы шли Сы-дунь'скимъ солончакомъ.

На третьей верстѣ отъ колодца мы пересѣкли заброшенный колесный путь, ведущій изъ Юй-мынь-сян'я въ Бэй-шань, къ каменно-угольнымъ копямъ у подошвы горы Нурусунь-ола [1]), на восьмой—поровнялись съ развалинами китайской казармы. Начиная отсюда, среди рыхлаго кочковатаго «сора» ровныя глинистыя площадки [2]) стали попадаться чаще, камышъ получилъ рѣшительное преобладаніе, появился чій, появились слѣды пашень, участки, поросшіе лебедой (Chenopodium album, L.), ведшіе куда-то арыки... Намъ казалось, что мы уже вступили въ культурный районъ и подходимъ къ поселку Ши-дунь... И вдругъ вмѣсто того дорога снова выбросила насъ на участокъ каменистой пустыни, тупымъ и плоскимъ мысомъ вдавшійся въ солончакъ. Какое разочарованіе! Къ счастью, оно продолжалось не долго. Мысъ былъ не широкъ, и, пройдя его, мы увидѣли впереди, верстахъ въ трехъ, группу деревьевъ, очевидно—конечную цѣль сегодняшняго пути.

Мы разбили свой бивуакъ въ тѣни тополей и джигды (Eleagnus hortensis) и, разсчитавъ, что караванъ нашъ прошелъ, по выходѣ изъ Су-чжоу, никакъ не менѣе полутораста верстъ и нуждался въ хорошемъ отдыхѣ, рѣшили сдѣлать здѣсь дневку; къ тому же едва-ли въ другомъ мѣстѣ мы могли встрѣтить столь же благопріятныя условія для остановки, какъ въ Ши-дунь'скомъ поселкѣ, гдѣ мы нашли все, въ чемъ нуждались: тѣнь, проточную воду, хорошій подножный кормъ, фуражъ, свѣжій хлѣбъ и что въ особенности важно—обиліе фазановъ (Phasianus satscheuensis, Przew.), давшее намъ возможность пополнить нашу орнитологическую коллекцію птенцами этой птицы въ переходномъ нарядѣ [3]).

---

[1]) Къ этимъ каменноугольнымъ копямъ мы будемъ имѣть еще случай вернуться.

[2]) Обручевъ (op. cit., I, стр. 599) называетъ такія площадки „такыромъ". Но если это и такыръ, то не типичный. Въ Туркестанѣ подъ этимъ названіемъ извѣстны солонцы, состоящіе изъ мало или вовсе не пропускающей воду плотной сѣрой глины, въ сухомъ состояніи представляющіе гладкій, ровный и въ такой мѣрѣ твердый токъ, что на немъ не оставляетъ слѣдовъ даже подкованная лошадь. Такыры совершенно безплодны, между тѣмъ, согласно замѣчанію того же изслѣдователя, на Сы-дунь'скихъ такырахъ видны слѣды пашенъ. (О природѣ такыровъ см. Миддендорфъ, op. cit., стр. 28, Мушкетовъ—„Туркестанъ", I, стр. 662 и слѣд., Богдановъ—„Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизылъ-кумъ", стр. 22, Бродовскій—„Сельско-хозяйственныя письма", IV, въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ", 1895, № 1,405).

[3]) Абсолютная высота селенія опредѣлена была нами гипсотермометромъ и анероидомъ Готтингера въ 4,718 фт.; Обручевъ же даетъ для этого селенія высоту меньшую, а именно всего лишь 4,363 фт. (ib.).

10 и 11 сентября мы наблюдали валовой пролетъ гусей (Anser cinereus, Meyer), утокъ (Dafila acuta, L.) и журавлей, которые, не останавливаясь на Ши-дунь'скомъ тростниковомъ займищѣ, неслись дальше на югъ.

Нашъ дальнѣйшій путь отъ поселка Ши-дунь шелъ вдоль сѣверной окраины солонца, который тутъ часто перемежался съ вдававшимися въ него участками щебневой пустыни. Почва послѣдней была рыхлой, темно-желтой, прикрывавшій ее щебень—мелкій, часто на значительномъ протяженіи однородный по составу (кварцъ, гранитъ), поверхность—волнистая, а къ сѣверу отъ дороги даже холмистая.

Съ одного изъ этихъ холмовъ мы ясно увидѣли густой лѣсъ на лѣвомъ берегу Булунгира; мы даже направились было прямо къ нему, но версты двѣ не доходя до поселка Хунъ-хуа-энь-цзи дорога вдругъ свернула къ сѣверу и стала обходить обширное камышевое займище. Въ этомъ новомъ направленіи мы шли четыре версты до поселка Мо-гу-тунъ-цзи Адыкъ [1]), за которымъ подымались уже предгорья хребта Бо-сянь-цзы, сложенныя изъ блѣдно-сѣрыхъ гранитовъ и кристаллическихъ сланцевъ съ многочисленными выходами цвѣтного и бѣлаго кварца.

Пересѣкая сказанныя предгорья въ томъ мѣстѣ, гдѣ они переходятъ въ плоскій и очень низкій увалъ, тупымъ мысомъ кончающійся въ долинѣ р. Булунгира, дорога дѣлаетъ крутой поворотъ на западъ и, слѣдуя въ этомъ направленіи на протяженіи 9½ верстъ частью среди низкихъ холмовъ [2]), частью по солонцу, постепенно подходитъ къ руслу рѣки. Уже въ виду этой послѣдней она еще разъ сворачиваетъ на сѣверо-западъ и, наконецъ, черезъ слѣдующія 4½ версты достигаетъ брода, надъ которымъ высятся развалины какой-то постройки. Здѣсь мы остановились, спустившись къ водѣ съ крутого обрыва, подъ которымъ въ этомъ мѣстѣ струится рѣка—сѣверный изъ двухъ протоковъ р. Булунгира, отвѣтвляющійся отъ главнаго русла на высотѣ Юй-мынь-сян'я [3]).

---

[1]) Воду это селеніе получаетъ изъ ключей, выбивающихся изъ-подъ скалъ въ 4-хъ верстахъ къ сѣверу отъ дороги.

[2]) Въ холмахъ этихъ обнажаются коренныя породы—большею частью гнейсъ и гранитъ, и только въ одномъ случаѣ (№ 397) оказался кремнистый сланецъ.

[3]) Абсолютная высота этого мѣста опредѣлилась въ 4,754 фт., у Обручева въ 4,494 фт. (ib., стр. 603).

Ерзовскій (см. Потанинъ—„Разспросныя свѣдѣнія о странѣ между Нань-шанемъ, Хангаемъ, Хами и Утай-шанемъ“ въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, XXIII, 1887, стр. 524),

Завтра, наконецъ, мы должны будемъ вступить въ горы Бэйшан'я, но прежде, чѣмъ окончательно проститься съ Принаньшаньскимъ культурнымъ райономъ, я считаю необходимымъ еще разъ вернуться къ той фразѣ моего письма изъ Кульчжи объ озерахъ [1]), которая дала поводъ Обручеву возбудить, къ сожалѣнію, обострившуюся полемику; долженъ же буду потому, что Обручевъ заканчиваетъ свои разсужденія объ озерахъ слѣдующими словами:

«Теперь, кажется, ясно, кто изъ насъ былъ правъ, и я спрошу г. Грумъ-Гржимайло къ чему было продолжать полемику? Не проще ли было привести историческія и картографическія справки, подтверждающія прежнее существованіе озеръ, и при этомъ отказаться отъ необдуманной фразы, попавшей въ путевое письмо, что эти озера существовать не могли. Но г. Грумъ-Гржимайло въ началѣ приведенной мною цитаты повторяетъ ту же фразу, хотя и въ смягченной формѣ, а затѣмъ излагаетъ невѣрно мое первое возраженіе и старается доказать его несправедливость—очень неудачно, такъ какъ изъ его собственныхъ словъ оказывается, что одно изъ озеръ образовалось искусственно въ историческое время (было лишь возстановлено искусственно, какъ я указалъ выше) [2]), а другое существуетъ и теперь, и топографическія условія ни тому, ни другому не препятствуютъ» [3]).

На поставленный во главѣ этой фразы вопросъ я могу дать слѣдующій отвѣтъ.

Я не нашелъ озеръ тамъ, гдѣ изображали ихъ наши карты, и, обративъ вниманіе на современныя топографическія особен-

---

а за нимъ и Обручевъ называютъ этотъ протокъ Могутунъ-гол'омъ, Васеневъ (см. Евтюгинъ—„Маршрутъ отъ г. Кобдо до Су-чжоу", въ „Сборникѣ геогр., топогр. и статист. матеріаловъ по Азіи", вып. XXX, стр. 123)—рѣкой Ши-хэй-хэ.

Воды въ Могутунъ-голѣ было немного. Въ передній путь мы также застали малую воду въ р. Су-лай-хэ (см. т. II, стр. 156—157). Между тѣмъ въ XII вѣкѣ рѣка эта должна была имѣть на столько крупные размѣры, что переправа черезъ нее далеко не вездѣ была возможна. Вотъ, что мы читаемъ у Сюань-цзан'а: „Bientôt il parvint à Koua-tcheou. A cinquante li d'ici, en marchant vers le nord, on rencontre la rivière Hou-lou (Ху-лоу, т. е. Су-лай-хэ) dont le cours inférieur est large et le cours supérieur très-resserré. Ses flots tournaient constamment et roulent avec une telle impétuosité qu'on ne peut la passer en bateau. C'est près de la partie la plus large qu'on a établi la barrière Yu-men-kouan (Юй-мынь-гуань), par laquelle on est obligé de passer, et qui est la clef des frontières de l'ouest". (St. Julien—„Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde", стр. 17).

[1]) Вотъ это мѣсто: „Показанныя у насъ на картахъ значительныя озера (Алакъ-чій, Хуахай-цзы и Чинъ-шенъ-хо) вовсе не существуютъ, да никогда и существовать не могли, ибо тому препятствуютъ топографическія условія мѣстности („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.", XXVII, стр. 64).

[2]) Слова въ скобкахъ принадлежатъ Обручеву.

[3]) Op. cit., I, стр. 609.

ности страны, которыя, по моему мнѣнію, исключаютъ всякую возможность существованія ихъ въ историческое время, писалъ, что озера Алакъ-чій, Хуа-хай-цзы и Чинъ-шенъ-хо не только не существуютъ, но никогда и существовать не могли.

Очевидно, что это «никогда» могло относиться только къ историческому прошлому, къ тому времени, когда создавались китайскія карты этой страны, а не къ геологическому ея прошлому. Впрочемъ, Обручевъ объ этомъ прошломъ сталъ говорить только впослѣдствіи, въ своемъ же предварительномъ отчетѣ [1]) онъ все еще опирался на китайскій авторитетъ.

Итакъ обращаюсь къ выясненію современныхъ топографическихъ условій страны, давшихъ мнѣ основаніе категорически отрицать существованіе въ историческое время названныхъ выше озеръ.

Начну съ востока.

Судя по имѣвшимся въ моемъ распоряженіи картамъ, оз. Алакъ-чій, если бы оно дѣйствительно существовало, должно было покрывать оазисъ Инь-пань-фу-цзы. Но тамъ не оказалось никакихъ слѣдовъ былого озера; мало того, оно не могло бы тамъ и образоваться, такъ какъ оазисъ лежитъ на склонѣ котловины, падающей къ востоку; по крайней мѣрѣ туда, на востокъ, стремительно несли свои воды арыки оазиса Инь-пань-фу-цзы, рѣка Магэ-чэнъ и временные потоки съ массива То-хо-тай-цзы.

Объ этомъ обстоятельствѣ совершенно умалчиваетъ Обручевъ, но онъ же разсказываетъ, что пересѣкалъ влажныя еще русла къ востоку отъ Инь-пань-фу.

Но какъ далеко на востокъ могли сбѣгать всѣ эти воды?

Судя по разсказамъ, очень далеко—въ богатую ключами и пастбищами котловину, лежащую верстахъ въ сорока на востокъ отъ Инь-пань-фу и, очевидно, глубоко вдавшуюся въ Бэй-шань, такъ какъ путь туда пересѣкаетъ гряду холмовъ. Имѣется ли тамъ озеро? Крейтнеръ утверждаетъ, что да, и даетъ ему даже названіе—Па-линъ-хай [2]). Съ своей стороны могу лишь замѣтить, что, по слухамъ, озеро дѣйствительно тамъ существуетъ, но крайне незначительно по своимъ размѣрамъ.

---

[1]) „Орографія Центральной Азіи и ея юго-восточной окраины“ („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.“, XXXI).

[2]) Op. cit., стр. 190.

Что же изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что Алакъ-нора въ историческое время не существовало, но что имѣлся и, повидимому, имѣется до сихъ поръ дальше къ востоку другой водный резервуаръ, обозначенный, какъ кажется, и на нашей стоверстной картѣ (см. группу мелкихъ озеръ Цзай-гэ-цзинъ [1]).

Почти все это уже сообщалось мной во второмъ томѣ (стр. 175), но, очевидно, настолько невразумительно, что Обручевъ, не разобравъ написаннаго, обвинилъ меня въ противорѣчіи.

Чтобы покончить съ Алакъ-чіемъ, еще одно замѣчаніе.

Напрасно стали бы мы искать въ китайской историко-географической литературѣ какихъ либо указаній, касающихся этого озера, или хотя-бы намековъ на его былое существованіе; зато она даетъ намъ свѣдѣніе о городкѣ Шэнъ-ма-чэн'ѣ, въ монгольскую эпоху находившемся на его мѣстѣ.

Засимъ перехожу къ озерамъ Чинъ-шэнъ-хэ и Хуа-хай-цзы.

Обручевъ отыскалъ для нихъ мѣсто, причемъ по его разсчету водная площадь этихъ озеръ въ совокупности могла имѣть 80 верстъ въ длину и отъ 3-хъ до 20 верстъ въ ширину [2]).

Хотя размѣръ озеръ и не играетъ существенной роли въ нашей полемикѣ, тѣмъ не менѣе я думаю, что будетъ не лишнее указать на ошибочность этого разсчета, основаннаго на данныхъ карточки № 8 [3]). Послѣдняя на участкѣ въ 120 верстъ между Сучжоу и Юй-мынь-сян'емъ вытянута на 30 верстъ, при чемъ почти $^2/_3$ этой ошибки падаетъ на разстояніе между Могутунъ-голомъ и Сы-дун'емъ, т. е. на предполагаемую площадь озеръ. Засимъ, опираясь на съемку моего брата, Обручевъ высказываетъ предположеніе, что озеро Чинъ-шэнъ-хэ могло простираться на западъ верстъ на 25 отъ его стоянки на Могутунъ-голѣ (Булунгирѣ); очевидно, что при этомъ онъ имѣетъ въ виду карту, приложенную ко второму тому настоящаго труда съ нанесеннымъ на нее нашимъ маршрутомъ. Къ сожалѣнію, не смотря на заглавіе этой карты, составляющей лишь оттискъ 40-верстной карты главнаго штаба, она имѣетъ не много общаго съ подлинной съемкой моего брата и полна ошибокъ, къ числу коихъ относится и та, которая дала поводъ Обручеву вытянуть озерную площадь такъ далеко на западъ; сокращая же послѣднюю и въ этомъ направленіи, притомъ

---

[1]) Не Чи-гэ-чинъ ли это карты д'Анвилля? См. выше, стр. 143.

[2]) Op. cit., I, стр. 605.

[3]) Приложена къ первому тому и воспроизводитъ веденную Обручевымъ маршрутную съемку пути вдоль сѣвернаго подножія Нань-шан'я.

*

по меньшей мѣрѣ верстъ на 15, получимъ, что вся площадь озеръ могла имѣть максимумъ верстъ 50 въ длину и отъ 2—3 до 15, а не 20 верстъ [1]), въ ширину.

Но эти цифры сами по себѣ еще не освѣщаютъ вопроса. Наибольшая ширина этой предполагаемой водной поверхности — 15 верстъ, приходится противъ наибольшаго пониженія хребта Босянь-цзы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ его предгорія образуютъ обращенный на югъ полуциркъ, полъ котораго имѣетъ замѣтный даже для глаза наклонъ къ Булунгиру, выражающійся 11,7 фт. на версту [2]). Такимъ образомъ изъ этого протяженія и половины нельзя взять въ разсчетъ, если одновременно мы не захотимъ затопить не только могутунъ-одыкскихъ и ши-дунскихъ холмовъ, которые подъ водой озера и по мнѣнію Обручева [3]) никогда не бывали, но и всего лѣваго берега Булунгира. Но тогда что же останется отъ

---

[1]) Объ основаніяхъ этого разсчета см. ниже.

[2]) Обручевъ даетъ слѣдующія цифры абсолютныхъ высотъ: для Булунгира — 4,494 фт. (I, стр. 603), для ночлега въ пустынѣ 4,658 фт. (ib., стр. 612); разстояніе между этими пунктами онъ опредѣляетъ въ 23 версты, а разстояніе отъ стоянки на Могутунъ-голѣ (Булунгирѣ) до предгорій Бэй-шан'я въ 25 верстъ. Это—явная ошибка или неумѣніе опредѣлить пройденное пространство по ходу лошади. Послѣднее разстояніе, согласно весьма надежной съемкѣ брата, опирающейся на многочисленныя астрономическія опредѣленія, составляетъ всего лишь 16 верстъ или 14 верстъ до ночлега; дѣля 164 фт. на 14 верстъ, получимъ 11,7 фт.

Вообще считаю необходимымъ замѣтить, что разстоянія, приводимыя Обручевымъ, не сходятся съ данными съемки моего брата; а на сколько не сходятся—видно изъ слѣдующаго:

Р. Булунгиръ.	Обручевъ.		Грумъ-Гржимайло.
Ночлегъ въ пустынѣ	23 в.		
Кол. Улунъ-чуань	20 „		33,61 в.
Ур. Долонъ-модо	23 „		
Кол. Лу-чжа-дунь (Инъ-ва-ся)	20 „		30,64 „
„ Ши-пинъ-коу	13 „		
„ Лу-цо-гу (Лу-цо-ку)	20 „		22,52 „
„ Та-хо-ло	23 „		
Кл. Лю-цзинъ-цза (Нью-чуань-цзе) . . .	20 „		34,1 „
„ Ло-ба-чэнъ	30 „		24,92 „
Кол. Мынь-шуй	40 „		28,47 „
„ Да-дзе-динъ	28 „		
Кл. Отунъ-да-цзэ-чанъ (Утунъ-да-чуань).	13 „		34,34 „
„ Я-цзу-чанъ (Я-цзы-чуань)	35 „		33,67 „
„ Отунъ-го-цзы (Утунъ-оузы)	38 „		25,92 „
Ночлегъ въ пустынѣ	36 „		
Р. Хая	16 „		
Сань-сунь-коу	12 „	Моръ-голъ.	54,75 „
Всего . .	410 в.		322,94 в.

Прокладывая оба маршрута на карту, увидимъ, что ошибка брата составитъ—8 верстъ, ошибка же Обручева + 79 верстъ.

[3]) Op. cit., I, стр. 605.

предполагаемой водной площади?—Узкая полоса вдоль рѣки, нигдѣ не превышающая въ ширину 6 верстъ, мѣстами же сужающаяся до двухъ, гдѣ нѣтъ мѣста озерамъ [1]), но гдѣ возможно образованіе поймъ, что мы въ дѣйствительности и по сейчасъ кое-гдѣ видимъ [2]).

На мое замѣчаніе объ искусственно затоплявшихся монголами участкахъ Сы-дунь'скаго солонца Обручевъ пишетъ: «Допустимъ, что это дѣйствительно такъ было, но развѣ въ сущности не безразлично, какъ произошло озеро—искусственно или естественно? Оно существовало и, значитъ, топографическія условія не препятствовали его образованію» [3]).

По поводу этой цитаты надлежитъ прежде всего замѣтить, что я говорилъ не объ искусственно созданномъ монголами озерѣ, а только о періодическихъ обводненіяхъ Сы-дунь'скаго солонца на манеръ того, какъ обводняются повсемѣстно въ Азіи ну, хотя бы, рисовыя поля [4]), что, конечно, далеко не одно и то же.

Засимъ, не могу согласиться и съ мнѣніемъ Обручева, что для образованія естественныхъ и искусственныхъ водныхъ бассейновъ нужны одни и тѣ же топографическія условія мѣстности. Для поясненія своей мысли приведу, какъ примѣръ, образованіе Мередова озера въ Среднемъ Египтѣ. Естественнымъ путемъ образоваться оно не могло, но когда египтяне прорыли каналъ поперекъ Ливійской горной цѣпи, воспользовавшись для этого сквозной Лахунской долиной, то воды Нила устремились въ нижележавшую впадину Фаюмъ и образовали въ ней озеро. А сколько однородныхъ примѣровъ даетъ намъ Средняя Азія, гдѣ зачастую оросительные каналы проводятся по склонамъ горъ на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ рѣчнымъ уровнемъ [5]).

Возвращаясь къ Сы-дунь'скому солонцу, рѣшаюсь высказать предположеніе, что монголы для его обводненія поступили также, какъ египтяне, прорывъ каналъ черезъ водораздѣльное плато, отдѣляющее котловину Инь-пань-фу и Сы-дунь'скій солонецъ отъ вышележащаго русла р. Булунгира, но тогда какъ египтянамъ ну-

---

[1]) Озерная площадь Чинъ-шенъ-хэ — Хуа-хай-цзы наносилась до 1891 г. на карты верстахъ въ 20 къ сѣверу отъ Булунгира, т. е. уже въ предѣлахъ Бэй-шан'я.

[2]) Къ югу отъ селеній Ши-дунь и Могутунъ-цзы Адыкъ.

[3]) Op. cit., I, стр. 608.

[4]) См. т. II, стр. 174.

[5]) См. также т. II, стр. 240, гдѣ указанъ случай спуска водъ на поля, лежавшія по крайней мѣрѣ футовъ на 300 выше русла рѣки.

женъ былъ постоянный резервуаръ, при помощи коего можно было бы регулировать разлитіе Нила, монголы преслѣдовали болѣе скромную цѣль и выводили воду въ Сы-дунь въ количествѣ, достаточномъ лишь для его орошенія. Попытка же образовать здѣсь озеро могла бы повести, какъ теперь оказывается, лишь къ одному результату—къ отклоненію водъ Булунгира въ котловину Инь-пань-фу-цзы, которая, будучи ниже уровня р. Булунгира у селенія Шуанъ-та-пу почти на 250 фт. [1]), въ то же время лишена естественныхъ преградъ, которыя отдѣляли бы ее отъ вышележащаго Сы-дун'я [2]).

Каналъ, которымъ пользовались монголы для орошенія Сы-дунь'скаго солонца, могъ отдѣляться отъ той магистрали, которую я пересѣкъ на пути между Инь-пань-фу и сказаннымъ солонцомъ. Его я не видѣлъ, но на картѣ Обручева № 8 онъ показанъ пунктиромъ [3]).

Впрочемъ, объ этихъ озерахъ (Чинъ-шень-хэ и Хуа-хай-цзы) говорить многаго не приходится, ибо, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить [4]), на старыхъ картахъ [5]) они не показаны и впервые появляются лишь на китайской картѣ Дай-цинъ-и-тунъ-юй-ту, изданной въ 1864 году.

При этомъ однако я не могу оставить безъ протеста попытку Обручева набросить тѣнь на мою добросовѣстность при разрѣшеніи спорнаго вопроса объ озерахъ. Говоря о картахъ Іакинфа Бичурина, я, между прочимъ, упомянулъ, что на этихъ послѣд-

---

[1]) Согласно нашимъ опредѣленіямъ, сел. Шуанъ-та-пу, расположенное на берегу р. Булунгира въ одной верстѣ отъ мѣста прорыва этой послѣдней горной гряды Сань-сянь-цзы, лежитъ на абсолютной высотѣ 4,501 фт., городокъ же Инь-пань-фу на абсолютной высотѣ 4,255 фт.

[2]) По опредѣленію Обручева, абсолютная высота Сы-дунь'скаго солонца равняется 4,494 ф. (I, стр. 599), абсолютная же высота оазиса Хоръ-хый-цзе (Инь-пань-фу-цзы) — 4,363 фт. (ib., стр. 595).

[3]) Обручевъ (ibid., стр. 609) почему-то полагаетъ, что „въ настоящее время возможно было бы затопленіе только восточной части впадины, близъ колодца Сы-дунь, такъ какъ въ западной русла (Булунгира) слишкомъ глубоко врѣзались въ прежнее дно озера".

Я уже выше говорилъ, что затопленіе Сы-дунь'скаго солонца въ видахъ образованія тамъ озера невозможно безъ одновременнаго измѣненія всего теченія Булунгира; но затопленіе его въ оросительныхъ цѣляхъ и сейчасъ не могло бы встрѣтить особыхъ препятствій; стоитъ лишь соотвѣтственно выше перенести голову магистральнаго канала.

[4]) См. т. II, стр. 174—175.

[5]) Самой интересной картой для мѣстности, лежащей къ западу отъ Эцзинъ-гола, слѣдуетъ считать листъ № 33 атласа д'Анвилля („Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie chinoise et du Thibet", redig. par d'Anville, 1737).

Замѣчу, что на одной изъ картъ Китайской имперіи, изданной въ Петербургѣ въ 1797 г., озера Алакъ-норъ не имѣется, а р. Чи-ю-хэ показана теряющейся въ пустынѣ.

нихъ (на двухъ изъ нихъ) я нахожу при устьѣ одного изъ протоковъ Булунгира значительную безымянную водную поверхность, и поставилъ вопросъ, ужь не имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ Хуа-хай-цзы китайскаго атласа Дай-цинъ-и-тунъ-юй-ту? Вопросъ тѣмъ болѣе умѣстный, что отождествить обѣ водныя поверхности рѣшительно невозможно: согласно Дай-цинъ-и-тунъ-юй-ту,—озеро Хуа-хай-цзы должно лежать непосредственно къ сѣверу отъ поворота р. Булунгира на западъ, согласно же картамъ о. Іакинфа почти на градусъ восточнѣе. Вотъ по поводу этого-то вопроса я и читаю у Обручева слѣдующую фразу:

«Если такъ, то озеро Хуа-хай-цзы существовало на картахъ Іакинфа ранѣе изданія китайскаго атласа 1864 г., такъ что «фабрикація» этого озера принадлежитъ Іакинфу (?), трудъ котораго напечатанъ въ 1851 г., т. е. ранѣе китайскаго атласа на 13 лѣтъ; въ выноскахъ у г. Грумъ-Гржимайло годъ изданія картъ Іакинфа *почему-то не указанъ*» (курсивъ мой) [1]).

Не указанъ потому, что я считалъ это совершенно излишнимъ въ виду общеизвѣстности трудовъ нашего знаменитаго синолога, скончавшагося въ 1853 году. Въ частности же замѣчу, что значительная водная поверхность въ устьѣ одного изъ протоковъ р. Булунгира показана на картѣ, изданной въ 1833 г. [2]); на картѣ же 1851 г. [3]) эта водная поверхность сведена до ничтожнаго по своимъ размѣрамъ озера Дабсунъ-норъ [4]).

---

[1]) Op. cit., I, стр. 607.

[2]) Приложена ко второму тому „Ист. Тиб. и Хуху-нора".

[3]) Приложена къ третьему тому „Собр. свѣд. о нар. Ср. Азіи".

[4]) На картѣ № 33 атласа д'Анвиля это названіе (Tapsonor) также имѣется, но имъ обозначено одно изъ населенныхъ урочищъ къ западу отъ оз. Алакъ-норъ (Alac-omo).

Чтобы исчерпать вполнѣ вопросъ объ озерахъ, я привожу нижеслѣдующую выписку изъ „Синь-цзянъ-чжи-лё"— китайскаго сочиненія, написаннаго по матеріаламъ, собраннымъ при императорахъ Кань-си и Цянь-лун'ѣ.

„Къ югу отъ Юй-мынь-сян'я рѣка Су-лэ дѣлится на два рукава. Одинъ изъ нихъ проходитъ къ востоку отъ Юй-мынь-сян'я, поворачиваетъ здѣсь на сѣверо-востокъ и, дойдя до границъ Ка-ша-ду (?), образуетъ озеро Дабсунъ-норъ, называемое также „маленькимъ озеромъ цвѣтовъ"—Хуа-хай-цзы. Здѣсь воды этого рукава останавливаются и не текутъ дальше". (St. Julien—„Hydrographie de la nouvelle frontière", въ „Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques", nouv. série, 1846, стр. 41).

Эта замѣтка согласуется съ начертаніемъ китайскихъ картъ середины XIX ст., но также не выясняетъ вопроса о мѣстоположеніи „маленькаго озера цвѣтовъ": оно могло быть и въ непосредственной близости отъ Юй-мынь-сян'я и на восточной окраинѣ котловины Инь-пань-фу-цзы. Эту котловину намъ называли Хо-хой-цзы, Обручеву—Хоръ-хый-цзе, но, можетъ быть, мы оба ошиблись въ записи и названіе слѣдуетъ писать Хуа-хай-цзы? А если такъ, то „малое озеро цвѣтовъ" придется отождествить съ Па-линъ-хаемъ Крейтнера и Цзай-гэ-цзин'омъ стоверстной карты Главнаго Штаба.

Сказаннымъ исчерпывается то, что я имѣлъ сказать по вопросу о спорныхъ озерахъ; но этого достаточно, чтобы возбудить сомнѣнія въ умѣстности тона, съ какимъ Обручевъ началъ и кончилъ свою полемику.

Какъ бы то ни было, на данныя „Синь-цзянъ-чжи-лё“ полагаться вполнѣ невозможно; такъ, напримѣръ, о другомъ рукавѣ той же Су-лай-хэ мы тамъ читаемъ:

„Другой рукавъ направляется на сѣверо-западъ отъ Юй-мынь-сян'я, окружаетъ съ сѣвера древній инь-пань Лю-гоу („ивовый арыкъ“) и получаетъ отсюда названіе рѣки Су-лэ. Далѣе рѣка эта течетъ на юго-западъ и принимаетъ съ сѣвера рѣку Гэ-лунъ(?)“. Какъ извѣстно, р. Су-лай-хэ течетъ прямо на западъ и никакихъ притоковъ съ сѣвера, изъ Бэй-шан'я не принимаетъ. Далѣе (стр. 42) впрочемъ оказывается, что р. Гэ-лунъ и есть Булунгиръ! Между тѣмъ, согласно „И-тунъ-чжи“, Булунгиръ есть только второе названіе Су-лай-хэ. „И-тунъ-чжи“, давая весьма обстоятельное ея описаніе, ничего однако не говоритъ объ образуемыхъ ею къ востоку отъ Юй-мын'я озерахъ (Успенскій „Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай“ въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.“, VI, 2, стр. 87).

ГЛАВА VIII.

Въ Бэй-шань'скихъ горахъ.

Въ солнечное, но прохладное, утро, 12 сентября, мы, наконецъ, выступили прямо на сѣверъ, къ горамъ, сѣроватый силуэтъ коихъ неясно рисовался на краю горизонта. Первыя семь верстъ мы шли по глинисто-песчаной степи, мѣстами густо поросшей камышомъ, мѣстами представлявшей голый солонецъ съ буграми сѣро-желтаго песка, закрѣпленнаго Lucium, Nitraria и чахлымъ гребенщикомъ. Границей этой степи на сѣверъ служитъ глубокая канава, выведенная сюда съ юго-востока. Мы пересѣкли ее у одинокой, развалившейся фанзы, послѣ чего вступили въ безплодную щебневую пустыню, полого подымавшуюся къ горамъ и кое-гдѣ представлявшую картину самаго удивительнаго раздуванія: поверхность ея въ этихъ участкахъ была разбита извилистыми, узкими, неглубокими, но крутостѣнными ровиками на множество отдѣльностей — столообразныхъ площадей, неодинаковыхъ по размѣру и самыхъ прихотливыхъ по очертанію. Въ стѣнахъ ровиковъ обнажался глинистый красножелтый песокъ, который цементировалъ мелкій сѣрый щебень — осколки сланцевъ, гранита и кварца. Такой пустыней мы шли 9½ верстъ, послѣ чего вступили въ безплодныя предгорія хребта Бо-сянь-цзы.

Они начинались невысокими буграми, скрывавшими подъ слоемъ щебня коренную породу въ настолько разрушенномъ состояніи, что глыбы ея разсыпались въ песокъ при самомъ легкомъ ударѣ; большею частью эти совершенно безплодные бугры представляли выходы кремня, кварца и гранита, всего чаще — послѣдняго. Поясъ такихъ бугровъ былъ, однако, не широкъ, и уже нѣсколько десятковъ саженъ дальше на дневную поверхность выступили отдѣльными горками блѣдно-розовый гранитъ и сѣровато-зе-

леный мелкозернистый діоритъ [1]); послѣдній имѣлъ здѣсь особенно большое распространеніе и пересѣкалъ дорогу неоднократно на протяженіи цѣлой версты. Эта первая серія холмовъ заканчивалась гривой широтнаго простиранія, сложенной изъ сѣраго сіенита (№ 408).

Къ сѣверу отъ этой гривы дорога вступила въ узкую продольную долину, въ которой только вдоль южной ея окраины я нашелъ кое-какую растительность—низкую полынь и Halogeton arachnoides, Mog. Tand. Почву ея составлялъ слежавшійся гравій, изъ подъ котораго мѣстами выступала сглаженная поверхность кремнистаго сланца.

Здѣсь я принужденъ былъ отстать отъ каравана и всѣ послѣдующія 10½ верстъ до колодца Улунъ-чуань сдѣлать пѣшкомъ: горныя породы стали смѣняться такъ часто, сборъ ихъ, при трудности правильно оріентироваться среди пестрыхъ холмовъ, представлявшихъ лишь жалкіе остатки прежнихъ горныхъ цѣпей, требовалъ такого напряженнаго вниманія, такой подробной записи ихъ взаимнаго положенія, что исполнить все это, сидя на лошади,

---

[1]) Первоначально мнѣ казалось, что послѣ опубликованнаго Обручевымъ маршрута черезъ Бэй-шань съ весьма подробнымъ перечнемъ встрѣченныхъ имъ по пути горныхъ породъ („Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань“, II, глава XXVI) данныя моей коллекціи, какъ запоздавшія, должны будутъ утратить значеніе. Однако, ближайшее сравненіе этихъ послѣднихъ съ матеріаломъ, собраннымъ помянутымъ изслѣдователемъ, показало, что мой сборъ можетъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ сбору Обручева; такъ, напримѣръ, въ коллекціяхъ Обручева, собранныхъ въ извѣстныхъ, строго ограниченныхъ участкахъ Бэй-шан'я, отсутствуютъ породы, представленныя въ моемъ сборѣ нѣсколькими образцами съ разныхъ мѣстъ тѣхъ же участковъ; таковы — фельзиты и фельзитовые порфиры съ участка Шибэнъ-гоу — Я-мынь-шоу въ горахъ Кукэ-сана-ола, слюдяные и глинисто-слюдяные сланцы съ участковъ пути къ сѣверу и къ югу отъ колодца Лу-цо-гу и т. д. Засимъ, въ моей коллекціи оказался образецъ тешенита, очень рѣдкой и не найденной Обручевымъ въ Бэй-шан'ѣ, интрузивной породы. Это обстоятельство побудило меня не игнорировать своихъ записей, относящихся къ слагающимъ Бэй-шань горнымъ породамъ, а опубликовать ихъ съ надлежащей полнотой, въ особо же сомнительныхъ случаяхъ привести номера моей коллекціи, поступившей въ геологическій музей Горнаго Института.

На этомъ обратномъ пути черезъ Бэй-шань мною собрано 258 образцовъ горныхъ породъ, которые распадаются на 8 серій:

до колодца	Улунь-чуань	съ	№	401	по	№	436.
„ „	Лу-чжа-дунь	„	„	437	„	„	483.
„ „	Лу-цо-гу	„	„	484	„	„	515.
„ ключа	Лю-цзинъ-цза	„	„	516	„	„	566. (включая сюда и образцы, взятые во время боковой экскурсіи къ Нюръ-шань'скимъ каменноугольнымъ копямъ).
„ „	Ло-ба-чэнъ	„	„	567	„	„	608.
„ „	Чжи-чжэ-гу	„	„	609	„	„	629.
„ „	Отунъ да-цзы-чанъ	„	„	630	„	„	646.
„ „	Я-цзу-чанъ	„	„	647	„	„	659.

положительно не представлялось возможнымъ. Да и въ дальнѣйшемъ я большую часть станцій принужденъ былъ дѣлать пѣшкомъ, причемъ чаще всего моимъ спутникомъ становился кашгарецъ Гассанъ, который, оставаясь теперь одинъ со своими двѣнадцатью ослами, рѣдко когда могъ угнаться за лошадьми.

Сѣверную окраину помянутой долины составляла невысокая гривка, сложенная цѣликомъ изъ розовыхъ и зеленоватыхъ гранитовъ, а далѣе дорога вступила въ плоскую, почти безплодную котловину (циркъ), обставленную холмами, повидимому, изъ тѣхъ же гранитовъ. Въ почвѣ ея опять выступалъ столь распространенный въ Бэй-шан'ѣ темно-сѣрый кремнистый сланецъ, затѣмъ красно-бурый фельзитъ и еще разъ кремнистый сланецъ, прожилкованный кварцемъ [1]). Этотъ же сланецъ всползалъ и на слѣдующій гранитный массивъ, пройдя который, я вновь очутился въ циркообразной котловинѣ, пересѣченной отъ запада къ востоку невысокой гривкой плотнаго песчаника; тотъ же, мѣняющійся въ окраскѣ, песчаникъ выступалъ кое-гдѣ и изъ-подъ дресвяной почвы котловины и сплошной массой обнажался въ ея сѣверномъ крылѣ, гдѣ я замѣтилъ пересѣченіе его жилой темнозеленаго кварцеваго діорита (№ 417). Еще далѣе я вступилъ въ новую, третью по счету котловину, замыкающуюся на сѣверѣ крупнозернистымъ, съ темнозеленой слюдой, бѣлымъ гранитомъ, образующимъ невысокій массивъ широтнаго простиранія.

Съ него открывался видъ на главную цѣпь хребта Бо-сянь-цзы, подымавшуюся футовъ на 800 надъ уровнемъ раздѣлявшей насъ теперь поперечной долины. И печаленъ былъ этотъ видъ! Бѣдна пустыня органической жизнью, но эти горы казались еще бѣднѣе, еще мертвеннѣе ея. Что-то безнадежно унылое сказывалось въ этомъ огромномъ массивѣ, и даже мѣстами кричащія краски камней, красныя, зеленыя, черныя, не веселили глазъ, напоминая свѣжія заплаты на давно выцвѣтшемъ рубищѣ нищаго...

Далеко-далеко на юго-западъ [2]), за край горизонта, уходилъ этотъ массивъ, то быстро понижаясь, то снова возстановляя свою прежнюю высоту, но иначе выглядѣлъ онъ на востокѣ: постепенно утрачивая здѣсь свои размѣры, онъ точно расплывался въ окружающемъ его мелкосопочникѣ и только уже верстахъ въ двадцати

---

[1]) Фельзитовый порфиръ составлялъ очевидно жилу въ кремнистомъ сланцѣ.

[2]) Точнѣе — сперва на западъ, а затѣмъ уже на юго-западъ.

отъ дороги въ направленіи его вѣроятнаго простиранія вновь вставали значительныя вершины.

Почва долины, въ которую я спустился съ гранитной гряды, была глинисто-хрящеватой, мѣстами сильно песчаной, мѣстами — солонцеватой, поросшей мелкой осокой, полынью, Inula ammophyla Bge, Halogeton arachnoides, Mog. Tand., Arnebia fimbriata, Maxim., Statice aurea, L., и другими травами; но всѣ онѣ росли невѣроятно рѣдко, и нуженъ былъ именно глазъ коллектора для того, чтобы замѣтить ихъ среди неровностей почвы, мѣстами значительныхъ и обязанныхъ выходамъ коренныхъ породъ — сперва свѣтло-сѣрыхъ гнейсовъ, а затѣмъ кремнистыхъ сланцевъ съ кварцемъ, почти черныхъ филлитовъ (№ 425) и зеленоватыхъ песчаниковъ, образующихъ мощную свиту породъ съ общимъ имъ всѣмъ крутымъ, почти отвѣснымъ паденіемъ на юго-западъ.

То, что казалось мнѣ издали сплошной массой хребта Бо-сяньцзы, представляло въ дѣйствительности такую же картину расщепленнаго, распавшагося на части массива, какую мы наблюдали и раньше; только здѣсь цѣпи холмовъ были выше, раздѣляющіе ихъ продольные лога уже, а поперечное ущелье, которымъ пользуется дорога, не столь глубоко въѣвшимся въ основную массу хребта.

Хребетъ начинался грядой, сложенной изъ сѣраго мелкозернистаго гнейса; далѣе слѣдовала вторая гряда изъ того же гнейса и кварцеваго сланца, служащая высшей точкой дороги, а затѣмъ я вступилъ въ довольно узкую долину — русло, по сторонамъ которой громоздились центральныя массы хребта, въ строеніи коихъ принимаютъ преимущественное участіе — покрытый буровато-желтой коркой сѣрый кристаллическій известнякъ и сѣровато-зеленый глинисто-слюдяной сланецъ (№ 435—439).

Долина эта версты черезъ четыре вывела меня къ роднику Улунъ-чуань, гдѣ я засталъ уже весь нашъ караванъ въ сборѣ, юрты поставленными, а брата за съемкой.

— А что же чай?

— Какой тутъ чай, когда на днѣ ямы мы нашли одну только вонючую грязную жижу! Ступай, полюбуйся!

Я пошелъ къ колодцу, который теперь чистили наши казаки, и засталъ тамъ такую омерзительную картину.

Среди взбитаго, съ торчащими кое-гдѣ комлями невѣдомыхъ травъ, загаженнаго скотомъ солонца ширилось очень плоское воронкообразное углубленіе, еще болѣе загаженное скотомъ. Въ правомъ его борту виднѣлась яма, изъ которой Чуркинъ выгребалъ

теперь вонючую черную грязь — наслѣдіе, оставшееся намъ послѣ большого верблюжьяго каравана, покидавшаго Улунъ-чуань въ тотъ моментъ, когда мы къ нему подходили.

И это — колодецъ!

Тѣмъ не менѣе, часа черезъ три передъ нами стоялъ уже чайникъ съ «духовитой», какъ аттестовалъ ее Жиляевъ, но почти прозрачной водой [1]).

Абсолютная высота родника Улунъ-чуань—5,666 фт., по опредѣленію же Обручева—5,264 фт. [2]).

На слѣдующій день мы встали раньше обыкновеннаго и покинули бивуакъ еще въ то время, когда долина погружена была въ утренній сумракъ.

Проѣхавъ солонецъ рысью, я сразу же осадилъ коня, когда вступилъ на болѣе твердую, песчаную почву ясно здѣсь обозначившагося русла временнаго потока. Въ правомъ борту послѣдняго я замѣтилъ выходъ сѣровато-зеленаго глинисто-слюдяного сланца, круто падающіе слои котораго виднѣлись и въ горахъ лѣваго склона долины. Далѣе горныя породы обнажались уже непрерывной чередой на всемъ протяженіи послѣдней, причемъ за сланцами слѣдовалъ сначала богатый слюдой кварцъ, затѣмъ разные граниты и гнейсы, въ особенности послѣдніе, бѣлаго, сѣраго и зеленоватаго цвѣтовъ и, наконецъ, сіенитъ (№ 451).

Въ области обнаженій гранитовъ и гнейсовъ долина расширилась, горы потеряли свой прежній скалистый характеръ и снова разбились на отдѣльныя гряды холмовъ. На восьмой верстѣ отъ колодца Улунъ-чуань мы вышли, наконецъ, за предѣлы хребта Босянь-цзы, и передъ нами открылась огромная поперечная долина, замкнутая на сѣверѣ хребтомъ Лу-чжа-цзинъ [3]).

Эта долина — одна изъ самыхъ обширныхъ въ Бэй-шан'ѣ — въ центральной своей части, въ урочищѣ Долонъ-модонъ, очень напоминаетъ описанную мною выше [4]) мѣстность къ сѣверу и къ югу отъ хребта Ло-я-гу; какъ тамъ, такъ и здѣсь, подымаются гривы холмовъ, сложенныхъ изъ горизонтально-напластованной,

---

[1]) Вода непріятно отдавала, и при томъ очень сильно, тухлыми яйцами, т. е. содержала въ растворѣ сѣроводородъ а, можетъ быть, и сѣрнистый аммоній, указывающіе на то, что грязь колодца насыщена разлагающимися органическими элементами. Засореніе этого колодца, повидимому, явленіе хроническое; упоминая о немъ подъ именемъ Урумчи, Ерзовскій („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.", XXIII, стр. 524) говоритъ, что вода его воняетъ порохомъ.

[2]) Op. cit., II, стр. 486.

[3]) Въ произношеніи монголовъ Лу-чжа-чжинъ.

[4]) Томъ II, стр. 143.

бурой, очень песчанистой глины, содержащей въ обиліи неокатанный щебень, и какъ тамъ, такъ и здѣсь, площадь этихъ отложеній заключена въ рамки, будучи отовсюду окружена горными высотами иного образованія. Подтвержденіемъ сказанному служитъ тотъ фактъ, что Futterer, который пересѣкъ Бэй-шань какъ разъ между обоими моими маршрутами [1]), уже не встрѣтилъ на своемъ пути буро-красныхъ глинистыхъ отложеній [2]), изъ чего явствуетъ, что песчанистыя глины урочища Долонъ-модонъ столь же мало простираются на западъ, сколь глины Ло-я-гу на востокъ.

Обручевъ считаетъ эти отложенія гобійскими [3]). Но на какомъ основаніи? И какъ могло третичное море проникнуть такъ далеко въ глубь Бэй-шань'скаго материка, не оставивъ никакихъ слѣдовъ на периферіи послѣдняго [4])? Этотъ вопросъ помянутый изслѣдователь освѣтитъ намъ, вѣроятно, уже въ недалекомъ будущемъ, а пока я все же не вижу основаній къ отказу отъ ранѣе высказаннаго мною предположенія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отложеніями внутреннихъ бассейновъ, а не морскими [5]).

---

[1]) Отъ колодца Otun-dasu-tschan Futterer, повидимому, свернулъ прямо на югъ и вышелъ на р. Булунгиръ (Могутунъ) западнѣе нашей дороги.

[2]) „Durch Asien", стр. 179—192. Онъ обобщаетъ свои наблюденія въ нижеслѣдующихъ строкахъ: „In den Depressionen im Norden und Süden des Gebirgssockels des P'e-schan sind die Ablagerungen der tertiären Seen des Han-hai vorhanden; in den hochgelegenen Thalböden aber zwischen der nördlichen Kette des P'e-schan und der als 4 bezeichneten (Бо-сянь-цзы?), also über den Meereshöhen von etwa 1750 m. und 1700 m. (5576—5740 фт.), waren sie nirgends nachzuweisen und es scheint somit wahrscheinlich, dass der zentrale Teil der Gobi keine grösseren Seebecken in jüngerer geologischer Zeit trug" (стр. 210).

[3]) Op. cit., II, стр. 489.

[4]) Сказать, что тамъ они снесены, конечно, недостаточно; надо еще объяснить, почему они снесены тамъ безъ остатка, не смотря на обиліе циркообразныхъ долинъ, затруднявшихъ такое снесеніе, почему почва какъ этихъ, такъ и продольныхъ долинъ покрыта не галькой, а щебнемъ, получившимся отъ поверхностнаго разрушенія мѣстныхъ коренныхъ породъ, почему красныя отложенія, имѣя всюду горизонтальное напластованіе, залегаютъ на абсолютной высотѣ, превышающей абсолютную высоту хребтовъ, не сохранившихъ никакихъ слѣдовъ покрытія ихъ водой (родникъ Лю-цзинъ-цза—6,791 фт., гребень хребта Бо-сянь-цзы не свыше 6,500 фт.), и почему, наконецъ, въ этихъ отложеніяхъ мы находимъ рядомъ съ слабо окатанной галькой вовсе почти неокатанный щебень.

[5]) Томъ II, стр. 149.

На вопросъ, когда могли существовать въ Бэй-шан'ѣ столь обширные водоемы, я отвѣчу: въ постиліоценовый періодъ, когда это нагорье должно было представлять совершенно иную, чѣмъ нынѣ, картину.

Мушкетовъ, хотя и отрицаетъ существованіе въ области Тянь-шан'я ледниковаго періода въ той формѣ, въ какой онъ былъ въ западной Европѣ, но допускаетъ значительно большее, чѣмъ нынѣ, развитіе въ немъ ледниковъ, спускавшихся въ названный періодъ на 4,000 фт. и даже на 5,000 фт. ниже современныхъ.

Въ верховьяхъ Кебина, Кой-су и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ Заилійскаго Ала-тау и хребта Кунгей, пишетъ Красновъ („Опытъ развитія флоры южной части восточнаго Тянь-шаня",

Отъ устья долины Улунъ-чуань до первыхъ глинъ дорога на протяженіи пяти верстъ шла по мѣстности, изобилующей выходами коренныхъ породъ то въ видѣ невысокихъ гривокъ, то въ видѣ холмовъ. Въ особенности часто обнажались бѣлые граниты и сѣроватые гнейсы, но затѣмъ попадались также возвышенности и изъ другихъ горныхъ породъ — кварца и яшмъ.

стр. 42), несомнѣнно были ледники тамъ, гдѣ теперь лишь скопленія снѣга или песка. Здѣсь не мало также громадныхъ конечныхъ моренъ, которыя, въ видѣ поперечныхъ валовъ, совершенно перегораживаютъ долины, напримѣръ, Алматинскую, Кой-су и др.

Нижній предѣлъ древнихъ, заросшихъ уже сосновымъ (?) лѣсомъ, моренъ Мушкетовъ нашелъ на высотѣ 5,500 фт. надъ ур. океана, валуны же еще ниже, на высотѣ до 4,000 фт.

Поднятіе Тянь-шан'я, бывшее какъ разъ въ періодъ сильнаго охлажденія сѣвернаго полушарія—въ періодъ послѣ-третичный, когда по сѣверную и южную сторону горъ существовали еще обширные водоемы, должно было создать условія крайне благопріятныя для накопленія снѣга на его вершинахъ, и дѣйствительно, скопленія эти, какъ показало сопоставленіе собранныхъ Красновымъ данныхъ съ данными Игнатьева и другихъ изслѣдователей, были въ области между Терскей-тау и Кокъ-шаалъ-тау громадны. Здѣсь, на такъ называемыхъ „сыртахъ", въ группахъ горъ Ханъ-тэнгри, Акъ-шійрякъ, Кюйли и кое-гдѣ по Терскей-тау и Кокъ-шаалъ-тау до сихъ поръ еще разбросаны иногда громадной величины ледники; такъ, напримѣръ, ледникъ Петрова имѣетъ 20 верстъ длины, Семенова 10 верстъ длины, Музартскій 14 верстъ и т. д. Многочисленные dômes arrondis, roches moutonnées и другіе ледниковые слѣды, виднѣющіеся на сыртахъ повсемѣстно, доказываютъ, однако, что современные ледники, не смотря на свою величину, все же не болѣе, какъ жалкіе остатки притоковъ ледяныхъ рѣкъ, когда-то сбѣгавшихъ съ гребней Тянь-шан'я.

Ледяное море, пишетъ далѣе Красновъ, которое представляетъ изъ себя теперь Ханъ-тэнгри, распространялось гораздо дальше по странѣ; почти все пространство между Терскей-тау и Кокъ-шааломъ было сплошнымъ моремъ вѣчнаго снѣга и льда, одѣвавшимъ цѣпи Кюйли, Сары-джазъ, Акъ-шійрякъ, Джиттымъ-тау, Терскей-тау и Кокъ-шаалъ-тау, и между ними, быть можетъ, въ двухъ, трехъ лишь мѣстахъ виднѣлись клочки свободной земли. Ледники свѣшивались съ превращенныхъ въ ледяныя моря сыртовъ во всѣхъ ущельяхъ и спускались до абсолютной высоты 5,000 фт., а мѣстами и ниже.

Очевидно, что соотвѣтствующимъ снѣговымъ покровомъ должны были быть одѣты и прочіе высокіе хребты Тянь-шан'я. Дѣйствительно, какъ читатель помнитъ, въ горахъ Богдо-ола мы нашли древнюю морену на абсолютной высотѣ 6,500 фт., а въ горахъ Карлыкъ-тагъ валуны, почти утесы, сѣраго гранита на абсолютной высотѣ, меньшей 4,000 фт. (см. т. I, стр. 170 и 480).

Уже эти данныя показываютъ, что въ постиліоценовый періодъ рѣки должны были получать гораздо болѣе воды, чѣмъ въ настоящее время, таяніе же такихъ огромныхъ массъ снѣга, какія должны были выпадать тогда въ Тянь-шан'ѣ,—затоплять долины, теперь имѣющія видъ степей.

Еще въ 1857 году Семеновъ, а затѣмъ въ 1875 году Мушкетовъ, указывали на тотъ интересный фактъ, что всѣ продольныя долины Тянь-шан'я въ среднемъ теченіи большихъ рѣкъ наполнены осадками чисто озерного характера. Валунные конгломераты, заполняющіе эти долины, по мѣрѣ приближенія къ поверхности смѣняются суглинками, напоминающими лёссъ. Они лежатъ совершенно горизонтально; окружающія ихъ горы круто спускаются на такія плато—и стоитъ только ихъ поверхность мысленно покрыть водой, чтобы получить озеро чисто альпійскаго характера. Въ то время, какъ сырты были одѣты льдами, стекающія съ Тянь-шан'я рѣки: Чу, Или, Кегенъ, Чарынъ, Чиликъ, Копа, Чалкодю-су, подобно Рейну, Тичино, Аддѣ, Ронѣ и другимъ альпійскимъ рѣкамъ, протекали черезъ большія окаймленныя лѣсами озера, изъ которыхъ низвергались, надо думать, въ видѣ бурныхъ потоковъ или водопадовъ въ лежащую ниже долину Или или Балхашскую котловину (Красновъ, ib., стр. 44).

Растительность на этомъ участкѣ была поистинѣ жалкая. Futterer на своемъ пути черезъ Бэй-шань встрѣчалъ очень часто долины, густо поросшія кустарниками и сочными травами [1]). Но онъ шелъ въ маѣ; осенью же такихъ травъ нигдѣ уже не было видно. Отъ ковыля, напримѣръ, который, безъ сомнѣнія, обильно покрывалъ весною дресвовую и щебневую почву долинъ, теперь сохра-

---

Такова была картина Тянь-шан'я въ постиліоценовый періодъ. Но что же препятствуетъ намъ допустить, что нѣчто подобное существовало одновременно и въ Бэй-шан'скомъ нагорьѣ?

Такое допущеніе тѣмъ возможнѣе, что и въ Нань-шан'ѣ нами встрѣчены были древнія морены на абсолютной высотѣ 11,150—11,650 фт. и относительной около 6,000 фт. (см. выше, стр. 120; Обручевъ, op. cit., II, стр. 154).

У Богдановича („Труды тибетской экспедиціи 1889—1900 гг.", II) мы находимъ нѣкоторыя указанія на особенности климата Кашгаріи въ постиліоценовый періодъ и на одновременное существованіе тамъ обширныхъ прѣсноводныхъ бассейновъ.

Такъ, напримѣръ, на стр. 89 мы читаемъ: „Можно думать, что кыровыя („кырами" туземцы называютъ низкіе гряды и увалы, которые вдоль подножія Кунь-лун'я представляютъ собой типичныя горы размыва (Erosionsgebirge), преимущественно, если не исключительно сложенныя изъ детритуса близъ-лежащихъ горъ) и параллельныя имъ щебнево-конгломератовыя отложенія относятся къ эпохѣ болѣе влажнаго климата, соотвѣтствующей для Кунь-лун'я по времени ледниковой эпохѣ". И далѣе (стр. 112): „Мощныя прѣсноводныя щебнево-конгломератовыя и кыровыя отложенія несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ эпохѣ бо́льшаго обилія воды въ рѣкахъ Кашгаріи, т. е. большаго количества осадковъ въ Кунь-лун'ѣ; эта эпоха, можно думать, была не позднѣе постиліоценовой".

Прѣсноводные озерно-рѣчные осадки найдены были Богдановичемъ вдоль подножія Астынъ-тага, по подножію Тянь-шан'я возлѣ Курли и отъ Баграшъ-куля до Токсуна (стр. 112).

Очень интересны нижеслѣдующія его строки:

„Физико-географическія условія Кашгаріи въ эпоху намъ современную отличаются особенной напряженностью эоловыхъ агентовъ. Эта эпоха геологически наступила еще недавно; дѣйствительно, лёссовыя отложенія, которыя характеризуютъ лучше всего эту эпоху, такъ что Кашгарію можно бы назвать лёссовой лабораторіей въ дѣйствіи, въ отличіе отъ сѣвернаго Китая, который былъ, но не есть такой лабораторіей,—представляются мощности незначительной. Геологически недавно существовалъ и внутренній прѣсноводный бассейнъ Кашгаріи; промежутокъ времени, соотвѣтствовавшій его существованію, характеризуется другими осадками, именно щебнево-конгломератовыми и кыровыми отложеніями, которыя раскрыты уже теперь до тысячи футовъ и, повидимому, далеко продолжаются еще въ глубину. Мощность этихъ отложеній сравнительно съ лёссовыми показываетъ во всякомъ случаѣ, что этотъ промежутокъ времени былъ для Кашгаріи во много разъ продолжительнѣе, чѣмъ современная текущая эоловая эпоха. Нельзя сомнѣваться, что этотъ промежутокъ времени совпадаетъ съ постиліоценовой эпохой, но не соотвѣтствуетъ-ли онъ и части третичнаго періода; не представляютъ ли щебнево-конгломератовыя и кыровыя отложенія сѣвернаго склона Кунь-лун'я аналога части субъ-гималайскихъ пліоценовыхъ отложеній, которыя въ прѣсноводныхъ конгломератахъ только холмовъ Сивалика обнаруживаютъ мощность больше 4 тыс. футовъ?" (стр. 117; сиваликскія отложенія, еще надавно относившіяся цѣликомъ къ міоцену, оказались въ дѣйствительности принадлежащими въ верхнемъ горизонтѣ къ понтійскому ярусу, т. е. нижнему пліоцену; см. v. Zittel—„Die geologische Entwickelung, Herkunft und Verbreitung der Säugethiere" въ „Sitzungsber. der mathem.—physik. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss.", 1893, XXIII, 2, стр. 174; Lydekker—„A geographical history of Mammals", 1896, стр. 201—210).

[1]) Ibid. См., напримѣръ, стр. 187 и 188.

нились одни лишь жалкіе, еле примѣтные, желтые комли; кипецъ (Festuca sp.) уныло желтѣлъ по сѣвернымъ склонамъ глубокихъ горныхъ падей, а одѣвающіе солончакъ камыши, чій и осока только издали ласкали глазъ, уподобляясь вызрѣвшей нивѣ.

Мы уже знаемъ, какіе глубокіе снѣга выпадаютъ иногда весной и зимою въ Бэй-шан'ѣ [1]), о значительности образуемыхъ ими и лѣтними дождями потоковъ свидѣтельствуютъ многочисленныя русла и пригнутые къ землѣ, придавленные камнями и глиной кусты терескена и караганы. Вода эта скатывается въ низины, но попутно напояетъ и горные склоны, гдѣ прежде всего весной начинаютъ зеленѣть ковыль и кипцы. За ними пробуждаются къ новой жизни и солонцы, гдѣ покраснѣвшая за зиму осока какъ-то вдругъ замѣняется свѣжей зеленью; молодой мягкій камышъ подымается быстро и окончательно смѣняетъ блеклую ихъ окраску на ярко-зеленую; дольше другихъ держится чій (Lasiagrostis splendens), но и онъ, наконецъ, оживаетъ подъ вліяніемъ теплыхъ лучей апрѣльскаго солнца... Весна идетъ, и съ каждымъ днемъ появляются все новые и новые типы растеній: начинаетъ подыматься цѣпляясь за камышъ Cynanchum acutum, L., и, точно подражая ему, обвиваютъ кусты и лѣзутъ вверхъ или же стелются по землѣ ломоносъ (Clematis) и повелика (Convolvulus), выползаютъ трубочки ревеня (Rheum leucorhysum, Pall.) и касатиковъ (Iris ensata, Thunb.), вылистываетъ свои вѣтви Zygophyllum potanini, Maxim., распускаются одуваньчики; а дальше подъ прикрытіемъ камней и кустовъ, по краямъ рытвинъ и овраговъ, на миньятюрныхъ лужайкахъ, притулившихся кое-гдѣ въ разсѣлинахъ горъ, разрастается цѣлый міръ другихъ травъ и нѣжныхъ цвѣтовъ: Viola sylvatica rupestris, Rgl., горечавки (Gentiana sp.), лютики (Ranunculus sp.), камнеломки (Saxifraga sp.), Sisymbrium [2]), Cistanche salsa, C. A. May [3]), различные астрагалы, полыни, злаки (Triticum sp.), Allium, Arnebia, Malcolmia, Sedum, и, вѣроятно, не малое число иныхъ формъ, быстро усту-

---

[1]) Томъ I, стр. 490. См. также Роборовскій „Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи", I, 1, стр. 141—146, 150, 159; Козловъ, тамъ-же, т. II, стр. 108—110.

О глубокихъ снѣгахъ, выпадавшихъ въ Гобійской пустынѣ, китайскіе историки упоминаютъ довольно часто. См., напримѣръ, Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи", I, 2, стр. 304, 419 и 429, Moyriac de Mailla—„Histoire générale de la Chine", VIII, стр. 301; „Дневникъ Фаньшао-куй'я" въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по Общей Географіи", 1875, V, стр. 172, 179—183, 186, 187, 194, 196, 197, 206—208.

[2]) Хорошо сохранившіеся остатки этихъ видовъ найдены были мною въ горахъ Лу-чжацзинъ и Бага-Ма-цзунъ-шань.

[3]) Cistanche salsa—единственное растеніе, упоминаемое Futterer'омъ (ib., стр. 178).

пающихъ засухѣ. Уже въ апрѣлѣ начинаетъ цвѣсти Atraphaxis (A. lanceolata divaricata, Ledb.) и выпускать свои оригинальные, мелкіе и сухіе, какъ у иммортели, цвѣтки Calligonum, а за ними въ нѣкоторой постепенности слѣдуютъ и другія кустарныя породы Бэй-шан'я; въ серединѣ мая зацвѣтаетъ карагана (Caragana pygmaea arenaria, Fisch.), въ концѣ этого мѣсяца чингиль (Halimodendron argenteum, Fisch.); вообще, въ маѣ, несмотря даже на частые утренники [1]), флора Бэй-шан'я должна представляться во всей красѣ своего полнаго развитія.

Вѣроятно, уже въ серединѣ лѣта засуха кладетъ предѣлъ производительной силѣ многихъ растеній. Одно за другимъ отцвѣтаютъ они, желтѣютъ и превращаются въ трупы. Въ концѣ августа все уже желто, и вѣтеръ ломаетъ и сноситъ остатки растеній. Въ сентябрѣ жизненные соки сохраняютъ только немногіе экземпляры, да и тѣ ютятся въ тѣневыхъ, хорошо защищенныхъ мѣстахъ. Изъ нихъ могли быть опредѣлены нижеслѣдующіе виды: Zygophyllum potanini, Maxim., Tribulus terrestris, L., Peganum harmala var.?, Libanotis eriocarpa, Schrenk, Inula ammophylla, Bge, Aster alyssoides, Turcz., Gypsophila acutifolia gmelini, Rgl., Astragalus sp., Anaphalis nubigena intermedia, Hook. f., Sophora alopecuroides, L., Artemisia fasciculata, M. B., Art. dracunculus, L., Art. commutata, Bess., Art. fragrans subglabra, Winkl., Saussurea japonica intermedia, Maxim., Scorzonera mongolica, Maxim., Pleurogyne carinthiaca, Gris., Arnebia tibetana, Kurz., Arn. fimbriata, Maxim., Arn. cornuta grandiflora, Trautv., Statice aurea, L., Anabasis brevifolia, C. A. M., An. aphylla, L., Halogeton arachnoideum, Mog.-Tand., Hal. glomeratus, C. A. M., Sympegma regeli, Bge., Kochia mollis, Bge., и Rheum leucorhysum, Pall.

Послѣ этой небольшой экскурсіи въ область флоры Бэй-шан'я возвращаюсь къ прерванному описанію пути 13 сентября.

За яшмовой грядой потянулись песчанистыя глины урочища Долонъ-модонъ. Послѣднее характеризуется семью тограками (Populus euphratica, D C.), коимъ и обязано своимъ монгольскимъ названіемъ—«семь деревьевъ», у китайцевъ же оно извѣстно подъ именемъ Гинъ-ванъ-ча [2]).

Отсюда хребетъ Лу-чжа-цзинъ уже ясно виденъ [3]). Онъ ка-

---

[1]) Futterer, op. cit., стр. 183—184.

[2]) Для урочища Долонъ-модонъ Обручевъ даетъ высоту—1,840 м. или 5,995 фт.; эта цифра несомнѣнно выше дѣйствительной, такъ какъ вершина сбѣгающаго сюда русла находится, по опредѣленію того же Обручева (op. cit., II, стр. 485), на абсолютной высотѣ 5,350 фт. (перевалъ черезъ хр. Бо-сянь-цзы).

[3]) Обручевъ (ib., стр. 489) называетъ этотъ хребетъ Инъ-ва-шан'емъ.

жется темно-зеленымъ, какимъ въ дѣйствительности и оказывается, будучи сложенъ на своихъ южныхъ склонахъ исключительно изъ ярко-зеленыхъ породъ — порфировъ и кварцеваго и глинисто-кремнистаго сланцевъ, покрытыхъ отъ времени темной, мѣстами буро-фіолетовой коркой. По яркости красокъ и богатству оттѣнковъ это, несомнѣнно, самый красивый изъ хребтовъ Бэй-шан'я.

Добираясь, однако, до этого зеленаго массива, составляющаго, какъ мнѣ кажется, лишь отрогъ болѣе высокаго темно-фіолетоваго Кукэ-сана-ола, о которомъ ниже, я встрѣтилъ цѣлый рядъ обнаженій, начавшихся гранитомъ и закончившихся кварцитомъ (№ 475), непосредственно предшествующимъ хребту.

Вступивъ въ послѣдній широкимъ логомъ, мы вскорѣ достигли циркообразнаго его расширенія, а затѣмъ полѣзли на замыкавшій его съ сѣвера утесъ, который обращаетъ на себя вниманіе своими глубокими впадинами выдуванія. Порода, слагающая утесъ,—крупнозернистый, роговообманково-хлоритовый гранитъ, почти зеленый въ сторону цирка и красный въ ущельѣ, въ которое мы спустились съ невысокаго перевала. Это ущелье очень узко и, разсѣкая главную массу хребта, выводитъ въ новое циркообразное расширеніе, въ центрѣ котораго вырытъ колодецъ Лу-чжа-дунь [1]).

Въ ущельѣ, очень живописномъ, вправо отъ дороги переходящемъ въ лощину, я нашелъ очень богатую, для Бэй-шан'я, конечно, флору. Господствовалъ кипецъ, но среди него я собралъ въ экземплярахъ, годившихся для гербарія, слѣдующіе виды растеній: Aster alyssoides, Anaphalis nubigena intermedia, Saussurea japonica intermedia, Libanotis eriocarpa, Inula ammophylla, Pleurogyne carinthiaca, Gypsophila acutifolia gmelini, Arnebia tibetana, Artemisia fasciculata, Art. commutata и множество другихъ, какъ Allium, Astragalus, Sedum, Sisymbrium, не считая мелкихъ злаковъ (Triticum). По песчаному дну ущелья, вдоль плоскаго русла съ еще влажнымъ пескомъ, а затѣмъ у колодца попадались, кромѣ караганы (Caragana pygmaea arenaria), солянокъ и чія, Artemisia dracunculus, Kochia mollis, Halogeton glomeratus, Hal. arachnoideum, Scorzonera mongolica и Sympegma regeli.

Колодецъ вырытъ среди помянутаго русла, имѣетъ около сажени глубины и содержитъ прѣсную, какъ кристаллъ чистую воду. Почва кругомъ песчаная и обилуетъ щебнемъ и крупными отторженцами краснаго и зеленовато-краснаго гранита, зеле-

---

[1]) У Обручева—Инъ-ва-ся.

ныхъ порфировъ и діорита. Абсолютная его высота 6,660 фт., по опредѣленію же Обручева — 6,298 фт. [1]). Исходя изъ этой цифры, думаю, что гребень центральной массы хребта Лу-чжа-цзинъ имѣетъ не менѣе 7,500 фт. абсолютной высоты.

Здѣсь, въ ночь съ 13 на 14 сентября, мы испытали первый морозъ; въ дальнѣйшемъ же, пока мы оставались въ Бэй-шан'ѣ, не проходило дня безъ утреннихъ заморозковъ.

Утро 14 сентября было пасмурное; дулъ порывистый вѣтеръ съ юго-запада, заставившій насъ вспомнить о полушубкахъ. Впрочемъ, непогода продолжалась не долго, и уже къ полудню вѣтеръ стихъ и небо очистилось.

Отъ колодца Лу-чжа-дун'я къ сѣверу дорога пошла широкой долиной среди пониженной части хребта, разбившагося здѣсь на отдѣльные холмы и гряды; послѣднія состояли цѣликомъ изъ роговообманковыхъ красныхъ и зеленыхъ гранитовъ, прорѣзанныхъ жилами зеленокаменныхъ породъ. На четвертой верстѣ хребетъ кончился и впереди обозначился новый хребетъ Кукэ-сана-ола, невысокій въ томъ мѣстѣ, гдѣ его переступаетъ дорога, но грандіозный на западѣ, гдѣ къ нему примыкаетъ массивъ Лу-чжа-цзинъ.

Въ его предгоріяхъ прежде всего обнажился сѣрый глинисто-кварцевый сланецъ, прорванный во многихъ мѣстахъ жилами діорита, а затѣмъ блѣдно-красный гранитъ. Того же цвѣта гранитъ (роговообманковый) слагаетъ какъ неглубокую сѣдловину хребта, такъ и всю массу его сѣверныхъ склоновъ.

На всемъ этомъ протяженіи растительность была довольно обильная. Преобладалъ чій, но попадалось не мало и кустарныхъ формъ — Ephedra, Caragana, Reaumuria, Calligonum, Kallidium, Eurotia ceratoides; мѣстами выдавались глинистыя площадки, поросшія полынью, среди коей виднѣлись Aster, Arnebia, Kochia; кое-гдѣ мелькали своими метлами Calamagrostis; по щебню стлалъ свои пурпуровые, уже ветхіе и истрепанные листья Rheum leucorhysum и по водостокамъ, служа имъ бордюромъ, взбирался на крутобокія скалы кипецъ.

Такой же характеръ растительности встрѣтилъ насъ и на сѣверномъ склонѣ хребта Кукэ-сана-ола, гдѣ мы прошли мимо двухъ колодцевъ — въ одной (Шибэнъ-гоу, у Обручева — Ши-пынъ-коу) и шести (Я-мынь-шоу) верстахъ отъ перевала. Зато животный

---

[1]) Op. cit., II, стр. 492.

міръ какъ здѣсь, такъ и во всей пройденной части Бэй-шан'я, поражалъ своей бѣдностью. Необыкновенно мало попадалось намъ птицъ какъ по числу видовъ, такъ и особей, такъ что, кромѣ обычныхъ жителей пустыни—Corvus corax, L., Podoces hendersoni, Hume, Saxicola isabellina, Cretzschm., Passer montanus, L., Passer stoliczkae, Hume, и Syrrhaptes paradoxus, Pall.,—почти что и назвать нечего. Мы видѣли однажды Gypaëtus barbatus, L., неоднократно—соколовъ, стрижей и горлицъ; былъ случай, что я натолкнулся на стайку вьюрковъ (Montifringilla sp.), но это, кажется, и все. Засимъ, уже позднѣе, мы добыли для коллекціи: Pyrrhulorhyncha pyrrhuloides, Pall., Otocoris elwesi, Blanf., и Columba fusca, Pall. Изъ млекопитающихся были обыкновенны только зайцы. Видѣли мы также, и притомъ неоднократно, джерановъ (Gazella subgutturosa) и хулановъ [1]), но ни тѣ, ни другіе не подпускали насъ близко. Въ горахъ Бага-Ма-цзунъ-шань мы стрѣляли по аркарамъ (Ovis sp.) и дикой кошкѣ (Felis manul), но неудачно, и только у колодца Лу-цо-гу дежурному казаку удалось убить волка, подбиравшагося къ баранамъ. Изъ ящерицъ чаще другихъ попадались виды: Phrynocephalus versicolor, Str., и Eremias multiocellata, Günth.

За хребтомъ Кукэ-сана-ола потянулась мѣстность, сильно всхолмленная выходами зеленыхъ и прожилкованныхъ кварцемъ темносѣрыхъ сланцеватыхъ песчаниковъ, смѣняющихся далѣе къ сѣверу высокими грядами сѣро-фіолетоваго фельзита и фельзитоваго порфира (№ 494—500) [2]). Дорога идетъ здѣсь въ гору и вскорѣ, послѣ крутого поворота, взбирается на гряду, образованную кремнистымъ сланцемъ (№ 502); еще далѣе она вступаетъ въ поросшую чіемъ долину Я-мынь-шоу, гдѣ многочисленныя обнаженія, въ видѣ щетокъ и гривъ, состоятъ почти исключительно изъ сланцевъ — черныхъ глинистыхъ и зеленовато-сѣрыхъ, слюдисто-глинистыхъ; среди послѣднихъ обильно выступаетъ кварцъ, попадавшійся часто и раньше въ видѣ жилъ, гнѣздъ и розсыпей. Эта обширная свита сланцевъ, только въ четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ колодца Я-мынь-шоу нарушенная выходомъ хлоритоваго гранита, заканчивалась мощнымъ обнаженіемъ зеленовато-

---

[1]) Я не знаю, какому виду принадлежитъ бэйшаньскій дикій оселъ. Роборовскій относитъ его къ Equus kiang; но попавшіеся намъ экземпляры болѣе напоминали Equus hemionus.

[2]) Повидимому, это тѣ же гряды, которыя Обручевъ нашелъ сложенными изъ порфироваго туфа.

сѣраго гнейса, за которымъ уже ширилась обширная долина Лу-цо-гу, гдѣ мы должны были остановиться.

Гребень гнейсовой гряды, составляющей одинъ изъ восточныхъ отроговъ хребта Ба-бо-шань, былъ увѣнчанъ десяткомъ небольшихъ пирамидъ, сложенныхъ изъ камней. Мои монголы поторопились съ своей стороны положить каждый по камню и на мой вопросъ, къ чему они это дѣлаютъ?—отвѣтили: «Таковъ ужь обычай! Лу-цо-гу—зимой опасное мѣсто: снѣга много, бураны сильные... И путники складываютъ тутъ камни въ знакъ благодарности за благополучный проѣздъ [1])».

— Да, но вѣдь теперь не зима, и Лу-цо-гу у насъ еще впереди.

— Это не мѣняетъ дѣла — таковъ ужъ обычай!

Серьезнѣе другихъ отнесся къ этому обычаю Сарымсакъ. Сотворивъ передъ заходомъ солнца обычный намазъ, онъ вернулся на гору и провозился тамъ съ полчаса, складывая отдѣльную пирамиду. Зато Гассанъ ограничился тѣмъ, что подкинулъ къ ближайшей пирамидѣ первый попавшійся камень.

— Что такъ скупо, Гассанъ?

— Будетъ... потому — не къ чему. Вѣдь если въ степи застигнетъ буранъ, то хоть гору изъ камней складывай—толку не выйдетъ!

Впрочемъ, Гассанъ былъ уже извѣстенъ намъ своимъ скептицизмомъ.

Колодецъ Лу-цо-гу оказался въ полуверстѣ къ сѣверу отъ перевала. Его абсолютная высота, опредѣленная гипсотермометромъ и анероидомъ, выразилась цифрой 6,775 фт. [2]).

Здѣсь рѣшили дневать. Я хотѣлъ предпринять боковую экскурсію къ горамъ Ихэ-Ма-цзунъ-шань, братъ же надѣялся хоть что нибудь добыть для нашихъ коллекцій, давно уже не получавшихъ существенныхъ приращеній.

Передъ нами, ограничивая долину Лу-цо-гу съ сѣвера, высился хребетъ Бага-Ма-цзунъ-шань, а такъ какъ дальнѣйшій нашъ путь будетъ лежать вдоль этого хребта, то я считаю умѣстнымъ сказать о немъ тутъ же нѣсколько словъ.

Общее его простираніе—широтное, переходящее лишь въ западной части въ сѣверо-западное, общая длина между крутымъ восточнымъ концомъ и сѣдловиной на западѣ, отдѣляющей его

---

[1]) Ср. Риттеръ—„Землевѣдѣніе Азіи“, II, стр. 69.

[2]) Абсолютную высоту того-же колодца Обручевъ опредѣляетъ въ 5,740 фт.

отъ хребта Борю-булакъ, около сорока верстъ, относительная высота восточной, наиболѣе высокой его части, около 1,500 фт., западной около 1,000 фт., а абсолютная всего гребня 7,700—8,200 фт. Глухимъ, очень глубокимъ и узкимъ ущельемъ юго-восточнаго простиранія онъ дѣлится на двѣ неравныя части: западную—короткую, значительно пониженную и очень расчлененную, и восточную — вытянутую въ одинъ высокій, совершенно недоступный кряжъ. Эту послѣднюю Обручевъ называетъ Да-ма-цзунъ-шань, а западную — Хунъ-шань [1]). Изъ дальнѣйшаго будетъ, однако, вполнѣ очевидно, что хребта Ихэ-Ма-цзунъ-шань или Да-Ма-цзунъ-шань, какъ хотите [2]), подымающагося въ верстахъ въ 40—45 къ востоко-сѣверо-востоку отъ колодца Лу-цо-гу и заслоненнаго отъ него высокой частью Бага-Ма-цзунъ-шан'я, помянутый изслѣдователь видѣть не могъ; поэтому и все то, что мы читаемъ у него о хребтѣ Да-Ма-цзунъ-шань, слѣдуетъ отнести къ хребту Бага-Ма-цзунъ-шань.

Совершенно вѣрно, что на южномъ склонѣ этого послѣдняго имѣется заброшенный серебряно-свинцовый рудникъ [3]), а на его сѣверномъ склонѣ, точнѣе — къ сѣверу отъ него, каменноугольная копь [4]), что гребень его мелкозубчатый, паденіе южнаго склона (а также и сѣвернаго, добавлю я отъ себя) очень крутое, цвѣтъ основной породы — желтый. Обручевъ полагаетъ, что это — гранитъ; я же вполнѣ убѣжденъ, что это метаморфическій кремнистый известнякъ, потянутый желтой коркой, но въ свѣжемъ изломѣ имѣющій всѣ оттѣнки отъ чисто бѣлаго до темно-сѣраго и сѣро-фіолетоваго. Темныя полосы въ этомъ хребтѣ—вѣроятно, жилы темносѣраго мелкозернистаго гранита [5]); къ нимъ я добраться не могъ, но среди щебня, вынесеннаго дождевыми потоками, я нашелъ изъ изверженныхъ породъ только эту. Среди того же щебня попадался мнѣ еще и черный глинистый сланецъ, но коренныхъ его обнаженій я нигдѣ не видѣлъ.

Чтобы не забѣгать слишкомъ впередъ, я ограничусь пока сказаннымъ о хребтѣ Бага-Ма-цзунъ-шань и перехожу къ изложенію

---

[1]) Op. cit., II, стр. 497—499.

[2]) „Ихэ" по монгольски, „да" по китайски значитъ—„большой"; „бага", „сяо" — малый.

[3]) Онъ разрабатывался китайскимъ правительствомъ; былъ брошенъ во время мусульманской инсуррекціи, и съ тѣхъ поръ работы въ немъ не возобновлялись.

[4]) Объ этомъ мѣсторожденіи каменнаго угля будетъ сказано ниже.

[5]) Такъ у меня сказано въ дневникѣ; взятый же мной образецъ почему-то не былъ опредѣленъ профессоромъ Мушкетовымъ (онъ обозначенъ: „къ № 536").

какъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ мою боковую экскурсію, такъ и главнѣйшихъ ея результатовъ.

Мнѣ предложено было ѣхать двумя путями: вдоль сѣверной или вдоль южной подошвы хребта Бага-Ма-цзунъ-шан'я; а такъ какъ по расчету монголовъ, впослѣдствіи оказавшемуся, впрочемъ, ошибочнымъ, оба пути разнились мало въ длинѣ, то рѣшено было использовать тотъ и другой, начавъ съ сѣвернаго, пролегавшаго мимо каменноугольныхъ копей, какъ болѣе интереснаго.

Меня сопровождали въ эту экскурсію, которая должна была продолжиться самое большее — двое сутокъ, Глаголевъ, монголъ Хомбо и Сарымсакъ. Вьючной лошади мы не брали — спать предполагалось безъ палатки, а теплое платье, фуражъ, съѣстные припасы и чайникъ мы могли разобрать и на верховыхъ лошадей.

Я выѣхалъ въ приподнятомъ настроеніи духа: давно уже намъ говорили, что Ихэ-Ма-цзунъ-шань богатъ всѣмъ тѣмъ, чего такъ не достаетъ остальному Бэй-шан'ю: дикими животными, проточной водой, лѣсомъ и пастбищами. И вотъ, теперь мнѣ предстояло, наконецъ, убѣдиться: сколько правды во всѣхъ этихъ разсказахъ. Къ сожалѣнію, радость моя оказалась преждевременной — мнѣ не удалось достичь этихъ горъ.

Но — къ дѣлу.

Долина Лу-цо-гу, уходя на востокъ за край горизонта, къ западу отъ колодца круто измѣняетъ свое широтное простираніе на сѣверо-западное, суживается здѣсь холмистой страной, надвигающейся съ запада, и замыкается невысокимъ увaломъ, служащимъ связью между хребтами Бага-Ма-цзунъ-шань и Борю-булакъ. Она поросла чіемъ, Calamagrostis, осокой, полынью и другими травами и кустарниками и служитъ однимъ изъ любимыхъ пристанищъ хулановъ и кара-куйрюковъ (Gazella subgutturosa).

Съ первыхъ же шаговъ по этой долинѣ намъ стали попадаться выходы блѣдно-желтыхъ крупнозернистыхъ гранитовъ и почти черныхъ діоритовъ, послѣ чего, у поворота дороги къ сѣверо-западу, обнажились желтовато-сѣрые глинисто-слюдяные сланцы, сопровождавшіе дорогу справа верстъ на семь. Впрочемъ, мы ѣхали здѣсь уже серединой долины, и съемка, которую я велъ, мѣшала мнѣ дѣлать подробныя наблюденія надъ смѣной горныхъ породъ въ ея крыльяхъ; по пути же, кромѣ зеленокаменныхъ породъ, я встрѣтилъ выходы блѣднокраснаго гранита, блѣдножелтаго роговообманковаго гранита, кремнистаго сланца, въ области

залеганія коего я подобралъ нѣсколько кусковъ сердолика, слюдяного сланца, мрамора, чернаго глинистаго сланца, розоваго турмалиноваго гранита и, наконецъ, метаморфическаго кремнистаго известняка, слагающаго главную массу хребта Бага-Ма-цзунъ-шань. Выяснить взаимнаго отношенія всѣхъ этихъ породъ, выступающихъ на дневную поверхность въ большинствѣ случаевъ въ видѣ сглаженныхъ проточной водой [1]) плоскостей или сильно разрушенныхъ куполовъ, горбовъ и щетокъ, я, конечно, не могъ.

Относительная высота глубокаго сѣдла черезъ хребетъ Бага-Ма-цзунъ-шань, которымъ пользуется дорога для того, чтобы обогнуть его съ запада, ничтожна, абсолютная же равна 6,890 фт.

По спускѣ съ сѣдла, дорога раздваивается: лѣвая вѣтка отходитъ прямо на сѣверъ, пересѣкаетъ широкую въ этомъ мѣстѣ Нюръ-гол'скую долину и скрывается въ складкахъ слѣдующей за ней невысокой гряды Нюръ; это — дорога въ г. Уляссутай; наша же дорога уклоняется сначала на сѣверо-сѣверо-востокъ, потомъ на сѣверо-востокъ и, немного не дойдя до помянутой гряды Нюръ, дѣлаетъ крутой поворотъ на востоко-юго-востокъ.

На всемъ этомъ протяженіи Нюръ-гол'ская долина не имѣетъ ни одного обнаженія; ея почва почти безплодна и покрыта мелкимъ щебнемъ, среди коего преобладаетъ кристаллическій известнякъ, розовый и сѣрый гранитъ и кремнистый сланецъ. Въ общемъ это — типичный уголокъ щебневой пустыни, самой безотрадной изъ существующихъ въ мірѣ пустынь.

Едва мы спустились съ сѣдловины, какъ увидали впереди верблюда и на немъ фигуру монгола. Его тотчасъ же остановили. Онъ оказался торгоутскимъ ламой, возвращающимся къ себѣ, въ урочище Нюръ, изъ аула халхасцевъ въ горахъ Ба-бо-шань. Узнавъ, что мы направляемся внутрь Ма-цзунъ-шань'скихъ горъ, къ еловому лѣсу, онъ пригласилъ насъ заѣхать къ нему ночевать.

— Это будетъ вамъ почти по пути...

— Спасибо, но мы разсчитываемъ сегодня же добраться до горъ.

— О, нѣтъ! Если вы поѣдете такъ, какъ теперь ѣдете, то доберетесь къ закату только до колодца Да-чанъ, а тамъ до еловаго лѣса останется еще по меньшей мѣрѣ столько же, сколько отъ Нюръ-шан'я до Лу-цо-гу.

---

[1]) Сбѣгающее къ колодцу Лу-цо-гу русло и теперь существуетъ; къ востоку отъ послѣдняго оно соединяется съ двумя-тремя другими и уходитъ въ ур. Коменъ-уксюмъ-булакъ, о коемъ говорится ниже.

— Какъ такъ?

Своимъ замѣчаніемъ торгоутъ произвелъ, конечно, сенсацію. Хомбо сталъ что-то объяснять Сарымсаку, на что тотъ горячо возражалъ. Оба повысили голосъ и, вѣроятно, долго бы еще пререкались, если бы я не потребовалъ прекращенія этой сцены. Тогда разъяснилось, что нашъ проводникъ-доброволецъ ѣхалъ въ первый разъ той дорогой, которой взялся насъ проводить. Въ горахъ Ихэ-Ма-цзунъ-шань онъ бывалъ неоднократно, но каждый разъ попадалъ туда съ юга, изъ города Мо-чэн'а. Теперь онъ винился: «Что дѣлать — ошибся... не угадалъ разстоянія!»

— Ну, а къ каменноугольной копи ты знаешь дорогу?

— Найду!

И видя мое недоумѣніе, онъ вдругъ разсмѣялся.

— Ты, господинъ, сейчасъ самъ убѣдишься, что я ничего худого не сдѣлалъ, взявшись вести тебя дорогой, по которой самъ никогда не ѣздилъ. Ма-цзунь-шань высокъ, и теперь съ любой горы его можно видѣть. Что же касается каменноугольной копи, то и ее разыскать вовсе не трудно, разъ знаешь, что она находится на пути и въ близкомъ разстояніи отъ вершины Нюръгола.

И онъ опять засмѣялся.

Но мнѣ было совсѣмъ не до смѣха. Я взглянулъ на нашихъ истощенныхъ лошадей, вспомнилъ, что имъ предстоитъ еще далекій путь до Кульчжи, что замѣнить ихъ свѣжими не изъ чего и, скрѣпя сердце, рѣшилъ отказаться отъ заманчивой поѣздки къ далекимъ горамъ.

— А что, Глаголевъ, вѣдь не обернуться намъ и въ три дня, если ѣхать какъ было хотѣли?...

— А кто его знаетъ! На орду полагаться тоже не слѣдуетъ. А вотъ доберемся до горбовъ, съ которыхъ, сказываютъ, эту гору видать, ну, тамъ и прикинемъ.

На томъ и порѣшили. А пока велись эти разговоры, долина была пройдена, и мы очутились въ виду невысокой гряды Нюръшань [1]). Здѣсь торгоутъ съ нами простился и поѣхалъ своей дорогой, мы же круто свернули на востокъ и вскорѣ достигли каменноугольной копи.

Каменный уголь, блестящій, плотный, съ раковистымъ изло-

---

[1]) Относительная ея высота не превышала 250—300 фт., и только дальше къ югу виднѣлась вершина болѣе значительной относительной высоты.

момъ, обнажается среди свиты простирающихся на юго-востокъ (115°), отвѣснопадающихъ желтоватыхъ и сѣрыхъ (отъ примѣси частицъ каменнаго угля), очень мелкозернистыхъ песчаниковъ, которые подымаются высокой щеткой надъ поверхностью почвы и тянутся саженъ на сто вдоль южной подошвы Нюръ-шань'ской гряды, образованной темнобурымъ кремнистымъ сланцемъ (№ 542, 543). Колодцевъ я насчиталъ пять, самый глубокій изъ нихъ имѣлъ едва-ли болѣе трехъ саженъ, тѣмъ не менѣе, спуститься хотя бы въ одинъ изъ нихъ я не рискнулъ, такъ какъ деревянныя крѣпленія были уже частью расхищены, частью пришли въ ветхость, а кое-гдѣ даже обрушились внизъ вмѣстѣ съ грязью, нанесенной дождевой водой. Какихъ либо слѣдовъ жилыхъ построекъ я здѣсь не нашелъ.

Верстахъ въ двухъ далѣе къ востоку мы увидѣли небольшую водную поверхность, занимавшую центръ плоской впадины съ глинистымъ дномъ. Я подумалъ сначала, что имѣю передъ собой то, что киргизы называютъ «какъ», т. е. лужу застоявшейся на такырѣ дождевой воды, но Хомбо разубѣдилъ меня въ этомъ. Эта лужа, обязанная своимъ происхожденіемъ ключамъ, и есть та вершина Нюръ-гола, о которой выше упоминалось. Дѣйствительно, обогнувъ впадину, я нашелъ и русло, уходившее въ даль, въ тотъ широкій просвѣтъ, который отдѣлялъ Бага-Ма-цзунъ-шань'скій массивъ отъ Ихэ-Ма-цзунъ-шан'я.

Наконецъ-то я увидѣлъ этотъ хребетъ!

Я приказалъ Сарымсаку остановиться у лужи [1]) и заняться приготовленіемъ чая, а самъ съ казакомъ Глаголевымъ и монголомъ Хомбо полѣзъ на ближайшіе утесы Нюръ-шан'я.

Съ одного изъ нихъ Ма-цзунъ-шань дѣйствительно предсталъ предъ нами какъ на ладони.

Монголъ присѣлъ здѣсь на корточки, а мы съ Глаголевымъ съ минуту молча созерцали его, мысленно измѣряя раздѣлявшее насъ разстояніе.

— Сколько по твоему?

— Далеко, ваше благородіе... И взаправду сегодня на нашихъ одрахъ не доѣдешь...

— Верстъ сорокъ, а?

— Да, пожалуй, что будетъ.

---

[1]) Въ лужѣ вода оказалась солоноватой, но ниже мы нашли родникъ съ очень хорошей водой. Абсолютная ея высота оказалась равной 7,038 фт.

*

Дѣлать нечего, приходилось возвращаться къ своимъ, не сдѣлавши главнаго. Все же, однако, моя поѣздка не оказалась вовсе безрезультатной и прежде всего потому, что я видѣлъ и нанесъ на карту хребетъ, имя коего, сохранившееся безъ измѣненія на протяженіи двухъ тысячелѣтій, служитъ опорнымъ пунктомъ для возстановленія тѣхъ путей, по коимъ совершались главнѣйшія передвиженія народныхъ массъ въ древнѣйшія времена. Такъ, подъ утесами этого хребта мы застаемъ знаменитаго китайскаго полководца Ли-лин'а, увѣковѣчившаго свои подвиги надписью на скалѣ въ ущельѣ Ванъ-сянь-линъ [1]), и тутъ же разыгралась одна изъ

---

[1]) „The mountain Ma tsung shan lies at the south-eastern frontier of Hami. In the vicinity is the defile Wang hiang ling. On the summit, in a niche in the rock, is an inscription referring to Li-Ling" („Ming-shi", отдѣлъ „Si-Yü"). Къ этому Bretschneider, у котораго я заимствую эту выписку, добавляетъ: „The mountain Ma tsung shan and the inscription of Li-ling are mentioned in Wang-Yen-te's narrative" („Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources", II, стр. 178). Однако, въ реляціи о путешествіи Ванъ-Янь-дэ, извлеченной St. Julien изъ энциклопедіи Ма-дуань-лин'я, читаемъ: „Ensuite, il traversa la tribu de A-tun (А-дунь) et passa la montagne Fong-tsong-chan (Фанъ (?)-цзунъ (?)-шань); au haut du passage de cette montagne il vit devant lui une chapelle taillée dans le roc, et l'endroit où Li-ling fit graver une inscription". („Relation d'un voyage dans le pays des ouïgours" въ „Journal Asiatique", IV Serie, t. IX, 1847, p. 54). Очевидно, что въ китайскій текстъ, коимъ пользовался St. Julien, вкралась ошибка.

О дальнѣйшемъ пути Ванъ-Янь-дэ по Бэй-шан'ю повѣствуется слѣдующее:

„Ensuite, il traversa le Ke-lo-meï-youen (Гэ-ло-мѣй-юань), litt. la source de Khe-lo-meï (Кэ-ло-мѣй; что же вѣрнѣе—„khe" или „ke"?), qui est le confluent de cent (c'est-à-dire d'un grand nombre de) rivières des contrées occidentales. Leurs eaux réunies forment une nappe immense et sans bornes. Ont y voit voler une multitude infine d'oiseaux, des mouettes, des cormorans, des canards et des oies sauvages. Ensuite, il arriva à la ville de Tho-pien (То-бянь) qu'on appelle aussi Li-po-ché-tch'ing (la ville de Li, qui avait le titre de Po-ché). Ensuite, il traversa les arrondissements appelés Siao-che-tcheou (Сяо-шэ-чжоу; у Бретшнейдера, op. cit., стр. 21,—Siao Shi chou, Сяо-ши-чжоу, or „Little Stone City") et I-tcheou".

Многое въ маршрутѣ Ванъ-Янь-дэ представляется неяснымъ; но едва-ли не самая загадочная изъ пройденныхъ имъ мѣстностей—это вышеупомянутая Кэ или Гэ-ло-мѣй-юань. Впрочемъ, такъ какъ Ванъ-Янь-дэ проѣзжалъ Бэй-шань ранней весной, то открывается возможность отождествить ее съ нижеописываемымъ урочищемъ Коменъ-уксюмъ-булакъ.

Изъ недавняго прошлаго я припоминаю картину, въ значительной степени сходную съ той, которую рисуетъ китайскій посолъ. Я тоже видѣлъ необъятную водную поверхность тамъ, гдѣ въ обычное время тоскливо ширится убогій солонецъ. Это было на почтовой дорогѣ между Кара-уткулемъ и Чорга, въ Зайсанскомъ уѣздѣ. Рѣчки Базарка, Нарынъ, Тебесгэ и другія снесли огромную снѣговую воду съ Тарбагатая и залили степь на сотни квадратныхъ верстъ. Я проѣхалъ благополучно, хотя и не по дорогѣ, а путемъ, извѣстнымъ однимъ лишь мѣстнымъ киргизамъ, но потому только, что годъ этотъ былъ исключительно холодный, и дружнаго таянія снѣговъ въ Тарбагатаѣ не наблюдалось; въ противномъ же случаѣ весь указанный раіонъ обращается недѣли на три въ одно огромное озеро.

Урочище Коменъ-уксюмъ-булакъ представляетъ огромное тростниковое займище; нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ томъ, что весной, послѣ многоснѣжной зимы (а такія зимы въ Бэй-шан'ѣ бываютъ), оно можетъ представить и теперь еще (Ванъ-Янь-дэ же проѣзжалъ его въ 982 году, когда климатическія условія могли быть и нѣсколько иными) картину въ родѣ наблюдавшейся мною въ Иртышской долинѣ. А что Ванъ-Янь-дэ ѣхалъ весной, въ этомъ убѣждаетъ меня какъ множество видѣнной имъ, очевидно—на пролетѣ, водяной птицы, такъ и расчетъ

самыхъ замѣчательныхъ битвъ, какія знавала исторія, когда, въ 628 г., старшина уйгурскій Пуса, во главѣ пятитысячнаго отряда, на голову разбилъ стотысячную армію тукіэскаго (турскаго) хана Цзѣли (Хѣли), преслѣдовалъ ее до Небесныхъ горъ (Тянь-шан'я) и «великое множество людей полонилъ» [1]).

Высокимъ ровнымъ валомъ рисовался передъ нами этотъ хребетъ, и тогда, какъ его западный конецъ падалъ круто и выдѣлялся совершенно отчетливо, восточный сходилъ на нѣтъ, расплываясь въ мглистой дали горизонта. Долго искалъ я на его гребнѣ вторую точку для требующейся засѣчки, но, и отыскавъ, потерялъ, когда взобрался затѣмъ на вершину одного изъ бага-мацзуншаньскихъ отроговъ. Такимъ образомъ сѣверо-восточное простираніе хребту Ихэ-Ма-цзунъ-шань пришлось придать, руководствуясь однимъ впечатлѣніемъ.

Надъ долиной онъ подымается по меньшей мѣрѣ тысячи на три футовъ, такъ что абсолютная высота его гребня вѣроятно значительно превосходитъ 9,000 фт. На такую высоту указываетъ и одѣвающая его древесная и кустарная растительность, среди коей ель, береза, рябина и крушина (яшелъ-агачъ, Rhamnus erytroxylon?) занимаютъ высшій горизонтъ самыхъ глухихъ ущелій, а ива, тополь и цѣлая свита кустарниковъ: Cotoneaster (ргай), шиповникъ,

---

времени: въ 982 году первое число китайскаго новаго года падало на 6 февраля нов. ст. (Fritsche—„On chronology and the construction of the Calendar with special regard to the Chinese compatation of time compared with the European"), а такъ какъ Ванъ-Янь-дэ прибылъ въ Гао-чанъ въ четвертую луну, т. е. между 5 мая и 4 іюня, то ясно, что Бэй-шань онъ могъ проѣзжать или въ концѣ апрѣля, или даже въ началѣ мая.

Что касается засимъ городовъ, посѣщенныхъ китайскимъ посломъ на пути въ Хами (И-чжоу), то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что они находились уже внѣ предѣловъ Бэй-шан'я, у подножія Карлыкъ-тага.

Описаніе похода Ли-лин'а можно найти у Pfizmaier'a („Die Heerführer Li-khuang und Li-ling" въ „Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften", B. 44, 1863, S. 511—544).

Между прочимъ мы тамъ читаемъ: „Indem das Herr jetzt seinen Zug nach Süden fortsetzte, gelangte es an den Fuss eines Berges. Der Schenyü befand sich aber schon auf der Höhe dieses südlichen Berges und gab seinem Sohne Befehl an der Spitze der Reiter Li-ling anzugreifen. Das Herr Li-ling's kämpfte zu Fusse zwischen den Bäumen des Bergabhanges und tödtete wieder mehrere tausend Feinde" (стр. 534—535).

Эти строки указываютъ намъ, что 2,000 лѣтъ тому назадъ въ Бэй-шан'ѣ росли лѣса (конечно, это не были лѣса Populus euphratica, такъ какъ здѣсь говорится о деревьяхъ, росшихъ на горномъ склонѣ) даже на открытыхъ горныхъ склонахъ.

[1]) Іакинфъ „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи", I, стр. 374. Долженъ, однако, замѣтить, что Chavannes („Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux" въ „Сборникѣ трудовъ Орхонской экспедиціи" VI, стр. 89) называетъ гору, при которой сражался Пуса, нѣсколько иначе, а именно—Ма-лѣ (Ma-lie).

таволга, карагана и лоза—долину верхняго теченія Ма-цзунъ-шань-гол'а.

По словамъ монголовъ, Ма-цзунь-шань, что значитъ — «хребетъ конской гривы» [1]), двурядовой хребетъ. Сѣверная цѣпь выше южной, зато послѣдняя шире первой; обѣ же смыкаются на востокѣ, гдѣ одиноко подымается высокій голецъ (его я не видѣлъ). Тутъ горы очень круты, ущелья узки и поросли еловымъ лѣсомъ, воды много; она собирается въ одно русло и течетъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, послѣ чего вдругъ исчезаетъ въ камняхъ; но русло, занимая все дно межгорной долины, тянется и дальше. Это очень трудный участокъ дороги, и такъ какъ горы здѣсь круты, покрыты крупною осыпью и не имѣютъ луговъ, то сюда заходятъ развѣ только охотники на мараловъ. Межгорная падь кончается барьеромъ изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ (мореной?), изъ-подъ которыхъ выбивается высокимъ водопадомъ ручей, образующій ниже болото, поросшее высокимъ камышомъ. Урочище это носитъ названіе Кунъ-ухусенъ-булакъ [2]), что, будто бы, значитъ—«ручей убившагося человѣка»; названо же оно такъ потому, что въ давнопрошедшія времена какой-то человѣкъ захотѣлъ взобраться по каменному барьеру до того мѣста, откуда выбивается водяная струя, но сорвался и разбился. Въ это урочище собираются русла: Нюръ-голъ, Лу-цо-гу и другія, а далѣе изъ него вытекаетъ Ма-цзунъ-шань-голъ, вдоль русла котораго идетъ дорога на Мо-чэнъ (Мо-минъ). Несомнѣнно, что именно эту рѣчку называли Потанину Шулюстенъ-булакъ, что значитъ — «открыто протекающая вода» [3]). Она не добѣгаетъ до р. Эцзинъ-гола, но ея русло обильно поросло тополемъ (Populus euphratica).

Въ урочищѣ Кунъ-ухусенъ-булакъ живутъ нынѣ халхасцы; но до дунганскаго возстанія здѣсь стояли солдаты и пасся императорскій табунъ; развалины импаня и до сихъ поръ еще уцѣлѣли. Свое содержаніе стража получала черезъ начальника Мо-чэн'скаго гарнизона.

До г. Мо-чэн'а отъ ур. Коменъ-уксюмъ-булакъ считается 450 ли, при чемъ дорога очень часто отходитъ отъ русла Ма-цзунъ-шань-гола и идетъ по колодцамъ Хунъ-лю-цзинъ (100 ли), Нань-чэнъ (80 ли), Да-хунъ-шань (100 ли), Чжинтай (90 ли), Мо-чэнъ

---

[1]) Бретшнейдеръ, ib., стр. 178.

[2]) Называли намъ это урочище также „Коменъ-уксюмъ-булакъ". Какое изъ этихъ двухъ названій вѣрнѣе—не знаю.

[3]) „Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества", 1887, стр. 527.

(80 ли). Отъ колодца Чжинтай отходитъ дорога къ каменноугольнымъ копямъ, лежащимъ къ югу отъ Нурусунь-ола—довольно высокой горной гряды, отдѣленной лишь узкой долиной отъ Ихэ-Ма-цзунъ-шан'я; сюда же, какъ мы уже знаемъ [1]), проложенъ и колесный путь, пересѣкающій Сы-дунь'скій солонецъ.

Продолженіемъ Ма-цзунъ-шань-гол'скаго пути служитъ Нюръ-гол'скій черезъ колодецъ Да-чанъ (50 ли), родники Нюръ-голъ (80 ли) и Ло-ба-чэнъ (120 ли), гдѣ онъ и сливается съ тѣмъ, которымъ мы будемъ слѣдовать въ Хами. Варьянтомъ этой дороги служитъ тропа, обходящая гряду Нюръ-шань съ сѣвера и отвѣтвляющаяся отъ главнаго пути у колодца Да-чанъ. Она проходитъ черезъ урочище Нюръ и колодецъ Хоримту (90 ли), который примѣтенъ издали по огромной пирамидѣ, подымающейся среди солонца. Хомбо утверждалъ, что это только груда камней, сложенная по приказанію Цзо-гумбоу (Цзо-цзунъ-тан'а) [2]), пожелавшаго такимъ наглядным путемъ показать громадную численность своей арміи, но, во первыхъ, издали она мнѣ вовсе не казалась грудой камней, а довольно стройнымъ монументомъ [3]), во вторыхъ, на сколько извѣстно, Цзо-цзунъ-танъ, отправивъ этимъ путемъ главную массу своихъ войскъ, самъ предпочелъ остаться въ Гань-су, въ третьихъ, трудно допустить, чтобы кто-либо изъ китайскихъ полководцевъ могъ остановиться на такой дѣтской затѣѣ, какъ складываніе холмовъ изъ камней въ дикой пустынѣ. Кстати замѣчу, что въ Хамійскомъ оазисѣ аналогичныя дѣйствія приписывались дунганскому вождю Баянъ-ху [4]), причемъ мнѣ указывали даже такія груды камней, давнее происхожденіе коихъ не подлежало сомнѣнію [5]).

---

[1]) См. выше, стр. 151.

[2]) Генералъ-губернаторъ провинцій Гань-су и Шэнь-си (шэнь-гань-цзунъ-ду), руководившій операціями противъ возставшихъ китайскихъ магометанъ. „Цзо"—его имя, „гумбоу"—титулъ, полученный имъ за отличія при подавленіи возстанія тай-пин'овъ.

[3]) Согласно китайской географіи „Хуанъ-юй-цзи", въ древности, въ 400 ли къ сѣверу отъ города Су-чжоу, поперекъ Бэй-шан'я, отъ горъ Ланъ-синъ-шань (?) до Хами была выстроена стѣна Чжэ-лу-чжанъ (что значитъ—„долгая стѣна"), развалины коей мѣстами и до сей поры уцѣлѣли. Въ другомъ китайскомъ источникѣ говорится, однако, что укрѣпленіе Чжэ-лу-чжанъ находится всего лишь въ 250 ли отъ Су-чжоу къ сѣверу и что это мѣсто ознаменовано было битвой китайскаго полководца Ли-лина съ хуннами въ 99 году до Р. Хр. Если довѣриться первому источнику, то стѣна должна была бы идти вдоль долины Ѣ-ма-чуань, гдѣ теперь возвышается помянутая пирамида (см. Іакинфъ „Собр. свѣдѣній о народ. Средн. Азіи", III, Географич. указатель, стр. 97).

[4]) Т. I, стр. 481.

[5]) Подобныя же кучи камней въ западномъ Тянь-шан'ѣ народное преданіе приписываетъ Тимуру. Такъ, о происхожденіи груды камней на перевалѣ Сантасъ, въ Заилійскомъ Ала-тау, Семеновъ, со словъ мѣстныхъ кара-киргизовъ, передаетъ слѣдующее:

Поперекъ хребта Ма-цзунъ-шань имѣется одна, да и то въ настоящее время почти заброшенная, тропа. Она выводитъ въ долину Ѣ-ма-чуань и ведетъ къ бывшему пикету Мынъ-шуй черезъ колодцы — Хунъ-лу-чэнъ (отъ уроч. Кунъ-ухусенъ-булакъ 90 ли) Цаганъ-чулу (120 ли) и Ѣ-ма-чуань (100 ли).

Сказаннымъ исчерпываются мои свѣдѣнія о хребтѣ Ихэ-Ма-цзунъ-шань.

Когда я спустился съ горы Нюръ-шань, чай уже закипалъ. Отдохнувъ съ полчаса, я велѣлъ подать себѣ лошадь и направился къ высившемуся на югѣ хребту Бага-Ма-цзунъ-шань. Глаголевъ съ лошадьми остался внизу, я же полѣзъ на ближайшій утесъ, откуда передо мною развернулся тотъ же ландшафтъ — голая каменистая пустыня, а за ней точно флёромъ затянутая темная масса хребта, мелкозубчатый гребень котораго не давалъ возможности отличить засѣченную мною вершину. Досадуя на неудачу, я сталъ было уже спускаться обратно, когда вдругъ увидалъ впереди тропинку, ведшую вверхъ по ущелью, глубоко врѣзывавшемуся въ массу хребта.

— Куда ведетъ эта тропинка?

Хомбо, которому я задалъ этотъ вопросъ по возвращеніи на бивуакъ, не замедлилъ отвѣтомъ:

— Въ Лу-цо-гу.

— Но развѣ ты ѣздилъ этой дорогой?

— Нѣтъ. Да идти-то ей больше некуда.

Съ этимъ нельзя было не согласиться, и мы порѣшили на слѣдующій день пересѣчь Бага-Ма-цзунъ-шань по этой тропѣ.

Ночь я провелъ очень скверно, и не столько виной тому былъ морозъ, достигшій къ утру 5°, сколько моя непривычка къ твердому изголовью. Какъ бы то ни было, я поднялъ всѣхъ до свѣта и лучи восходящаго солнца застали насъ уже въѣзжающими въ ущелье Бага-Ма-цзунъ-шан'я.

Впереди ѣхалъ монголъ.

Вдругъ онъ круто осадилъ лошадь и на что-то указалъ казаку. Въ одинъ мигъ Глаголевъ былъ уже на землѣ и, добѣжавъ до камня, припалъ за послѣднимъ. Не видя ничего, я выхватилъ было бинокль, но въ это время грянулъ уже выстрѣлъ.

При проходѣ впередъ Тимуръ приказалъ солдатамъ сложить въ кучу камни по одному на каждаго, а, возвращаясь, велѣлъ уцѣлѣвшимъ унести по камню, такъ что оставшіеся въ кучѣ соотвѣтствовали числу убитыхъ и умершихъ въ походѣ. („Forschungsreisen in Inner-Asien im Jahre 1857, etc., bis zu der Gletschern des Thian-Schan Gebirges“ въ Petermann's „Geograph. Mittheilungen“, 1858).

— По комъ ты, Глаголевъ?

— Не знаю, что и за звѣрь!.. Будто лисица, да хвостъ не похожъ...

— Мануль! мануль! бросилъ мнѣ по пути Сарымсакъ и, какъ сумасшедшій, понесся вслѣдъ за Хомбо.

Но, увы! несомнѣнно раненая, дикая кошка (Felis manul) успѣла все же куда-то укрыться.

Не прошло послѣ того и пяти минутъ, какъ мы увидѣли въ шагахъ въ восьмистахъ впереди съ десятокъ аркаровъ, которые легко взбѣгали на крутѣйшій откосъ. Очевидно, они шли къ водѣ, но выстрѣлъ Глаголева ихъ испугалъ и обратилъ въ бѣгство. Опять неудача!

Въ это время мы проѣзжали по участку ущелья, мѣстами густо поросшему полынью, Arnebia и другими травами, среди коихъ нашелся вполнѣ свѣжій экземпляръ Zygophyllum potanini, Maxim., который и поступилъ въ нашъ гербарій на смѣну имѣвшихся тамъ сухихъ и отжившихъ.

Еще нѣсколько шаговъ далѣе, и тропинка, круто свернувъ влѣво, повела насъ зигзагами на высокій отрогъ, но тамъ на его гребнѣ, вдругъ бросила.

Что за притча? А дальше куда же?

Пока Хомбо верхомъ, Сарымсакъ пѣшій отправились на розыски пропавшей тропы, я пріостановился для записи наблюденій, причемъ оказалось, что мы стоимъ на абсолютной высотѣ, равной 7,553 футамъ, и поднялись надъ Нюръ-гол'ской долиной свыше, чѣмъ на 500 футовъ, надъ Лу-цо-гу же на 775 футовъ. Но подножіе наше — не болѣе, какъ гребень отрога, отвѣтвляющагося отъ главной массы хребта; гребень послѣдняго много выше; еще выше вѣнчающіе его скалистые пики. Одинъ изъ такихъ гольцовъ, верстахъ въ двухъ впереди, первый въ ряду другихъ, слѣдующихъ за нимъ непрерывной чередой на юго-востокъ, обрывается круто въ глубокую падь, и мнѣ кажется, что и падь эта спускается туда же, на юго-востокъ. Ихэ-Ма-цзунъ-шань не виденъ; его заслоняетъ скала, изъ-за которой выступаютъ только желтыя массы сѣвернаго склона хребта Бага-Ма-цзунъ-шань. Зато на сѣверѣ горизонтъ открытъ и обширенъ. Я ясно различаю параллельныя гряды Нюръ-шань, Ѣ-ма-шань, Ци-гэ-цзинъ-цзы. На западѣ вижу высокую горную группу Баинъ-ула, пониженную сѣверо-западную часть Бабо-шан'я и невысокую, узкую гряду Борю-Булакъ. За ними встаютъ еще другія высоты; онѣ сливаются между собой и неясными силуэтами отходятъ въ волшебную синь дали.

Въ то время, когда я кончалъ свой набросокъ взаимнаго расположенія горныхъ массъ къ сѣверу и западу отъ Бага-Ма-цзунъ-шан'я, я вдругъ услыхалъ приближающіеся голоса Хомбо и Сарымсака.

Они изслѣдовали порядочный горный районъ, но не нашли ни малѣйшихъ слѣдовъ тропинки; подходили они и къ краю ущелья, но горы обрывались въ него такъ круто, что нечего было и думать сойти туда съ лошадьми. Такимъ образомъ намъ оставалось только вернуться обратно; мы, однако, сдѣлали еще одну попытку выйти иной дорогой изъ горъ.

Прямо передъ нами на западѣ послѣднія нѣсколько разступались. Сюда-то мы и направили своихъ лошадей, и, дѣйствительно, вскорѣ добрались до мѣста, представлявшаго полную возможность спуститься въ долину. Правда, на первыхъ порахъ откосъ былъ крутъ и каменистъ и требовалъ и отъ сѣдока и отъ лошади большого вниманія, но затѣмъ мы выбрались на осыпь, гдѣ лошади пошли уже увѣреннымъ шагомъ. Всего горами Бага-Ма-цзунъ-шань мы проѣхали 5½ верстъ, и на всемъ этомъ протяженіи иной породы, кромѣ метаморфическаго кремнистаго известняка, я не встрѣтилъ.

Изъ Нюръ-гол'ской долины въ долину Лу-цо-гу мы возвратились прежней дорогой и на бивуакъ прибыли безъ дальнѣйшихъ приключеній, если не считать за таковое неудачную стрѣльбу по хуланамъ, подпустившимъ насъ на шестьсотъ шаговъ.

Похожденія брата были тоже не изъ удачливыхъ; онъ наткнулся только на куропатокъ (Perdix barbata Verr. des Murs.) [1]), изъ коихъ и убилъ двухъ.

---

[1]) Въ приложеніи II къ тому I видъ этотъ ошибочно не показанъ среди птицъ, встрѣченныхъ нами въ Бэй-шан'ѣ.

ГЛАВА IX.

Въ Бэй-шань'скихъ горахъ.

(Продолженіе).

Колодецъ Лу-цо-гу мы покинули 17 сентября. На протяженіи первыхъ 14 верстъ мы шли уже описаннымъ выше путемъ и, только подойдя къ возвышенностямъ, смыкающимъ хребетъ Бага-Ма-цзунъ-шань съ грядой Борю-Булакъ, уклонились нѣсколько къ западу. Здѣсь дорога стала обходить невысокіе бугры сильно разрушеннаго съ поверхности сѣраго мелкозернистаго біотитоваго гранита, а затѣмъ мы вступили въ область залеганія мрамора и кремнистаго известняка, непрерывность коего нарушалась выходами чернаго глинистаго сланца и сѣраго плотнаго песчаника.

Кристаллическіе известняки слагали всю центральную массу сѣдла, далѣе же къ сѣверу, влѣво отъ дороги, стали попадаться исключительно плотные мелкозернистые песчаники сѣраго и зеленаго цвѣтовъ.

Пройдя обнаженія песчаниковъ, дорога вступила въ западную часть Нюръ-гол'ской долины, которая, съузившись здѣсь до двухъ верстъ, подъ именемъ Борю-булак'ской уходитъ на юго-западъ, отдѣляя гряду Борю-булакъ отъ невысокаго, но широкаго хребта Хуланъ-шань. Ея серединой сбѣгаетъ на западъ очень плоское, едва замѣтное русло, въ которомъ вырытъ колодецъ Борю-булакъ или Хуланъ-чанъ [1]).

Оставивъ этотъ колодецъ вправо, дорога огибаетъ восточный конецъ хребта Хуланъ-шань, сложенный изъ кристаллическаго известняка, и вступаетъ въ узкую долину, гдѣ на дневную по-

---

[1]) Обручеву называли этотъ колодецъ Та-хо-ло (op. cit., II, стр. 500).

верхность, въ видѣ гривъ и бугровъ, вновь выступаютъ сильно разрушенные кристаллическіе сланцы (среди нихъ глинистый, № 562) и зеленоватые хлоритовые и красные біотитовые граниты (№559—561).

Растительность всюду здѣсь скудная [1]) да такой остается она и на всемъ переходѣ. Впрочемъ, я не собиралъ на этомъ участкѣ растеній. Съ утра хмурая, вѣтренная погода къ полудню окончательно испортилась. Пошелъ дождь — холодный, мелкій, совершенно осенній. Какъ-то сразу все смокло, и я съ большой неохотой оставлялъ сѣдло для сбора коллекцій. Къ моему живѣйшему удовольствію, въ этомъ вскорѣ миновала и надобность, такъ какъ мы вступили въ почти безплодную котловину сѣверо-западнаго простиранія, замкнутую на сѣверѣ и востокѣ хребтомъ Лю-цзинъ-шань [2]) и заполненную рыхлыми отложеніями, среди коихъ выходы коренныхъ породъ — темносѣрыхъ и черныхъ глинистыхъ сланцевъ и зеленоватыхъ песчаниковъ, встрѣчались въ очень немногихъ мѣстахъ. Отложенія эти, которыя Обручевъ считаетъ гобійскими [3]), напоминаютъ отложенія въ урочищахъ Ло-я-гу и Долонъ-модонъ [4]) и, подобно этимъ послѣднимъ, занимаютъ лишь небольшую площадь съ выходомъ на юго-востокъ, въ Нюръ-гол'скую долину.

Котловиной, среди буро-красныхъ песчанистыхъ глинъ, которыя то выступали наружу въ видѣ короткихъ гривъ и бугровъ, то скрывались подъ толщу щебня, осадившагося изъ тѣхъ же глинъ [5]), благодаря выдуванію мелкозема, мы шли верстъ семь до густо-поросшаго камышомъ и осокой ключевого болота, тутъ круто свернули на юго-западъ и остановились у родника Лю-цзинъ-цза на абсолютной высотѣ, равной 6,791 фут. [6]). Въ окрестностяхъ этого родника, а именно, къ югу отъ него, среди темносѣрыхъ слюдяныхъ и сѣрыхъ глинистыхъ сланцевъ попалось мнѣ неболь-

---

[1]) Къ сѣверу отъ колодца Борю-булакъ чаще другихъ растеній намъ попадались: Sympegma regeli, Reaumuria soongorica, Atraphaxis lanceolata divaricata, Arnebia sp. и Artemisia sp.

[2]) Обручевъ (ib., стр. 504) называетъ этотъ хребетъ Нью-тоу-шань.

[3]) Ibid., стр. 502.

[4]) См. выше, стр. 166.

[5]) Обручевъ (ib., стр. 502) также говоритъ о щебневой, а не галечной пустынѣ. Правда, онъ нашелъ кое-гдѣ и гальку и даже усиленно подчеркиваетъ это обстоятельство; но я не знаю, что хотѣлъ сказать онъ фразой: „они очевидно представляютъ гобійскія отложенія, объясняющія и присутствіе округленной гальки на этихъ холмахъ“—какъ будто озерныя отложенія не могутъ одинаковымъ образомъ объяснить присутствіе этой гальки! Зато обилie въ красныхъ отложеніяхъ Бэй-шан'я щебня совершенно не вяжется съ гипотезой о ихъ морскомъ происхожденіи.

[6]) Обручевъ опредѣляетъ абсолютную высоту родника въ 6,298 фт. (ib., стр. 504).

шое обнаженіе тешенита—кристаллической породы, до сихъ поръ, какъ кажется, еще не найденной въ Средней Азіи [1]).

Дождь еще шелъ, когда мы прибыли къ роднику; но къ четыремъ часамъ усилившійся сѣверо-западный вѣтеръ разогналъ тучи, выглянуло солнце и въ воздухѣ потеплѣло; не надолго однако, такъ какъ уже къ 9 часамъ вечера термометръ показывалъ градусъ мороза.

18 сентября погода не улучшилась; дождя, правда, не было, но за то холодный сѣверо-западный вѣтеръ дулъ съ большой напряженностью, переходя часто въ бурю, подымавшую въ воздухѣ не только песокъ, но и гравій.

Выступили рано, часовъ въ 6 утра, при температурѣ —3°. Дорога повела насъ въ обходъ болота [2]), окруженнаго широкимъ поясомъ соляныхъ выцвѣтовъ, къ горамъ Лю-цзинъ-шань, подымавшимся футовъ на 300 — 400 надъ уровнемъ котловины. Первыя встрѣченныя нами здѣсь обнаженія состояли изъ хлоритовыхъ сланцевъ, испещренныхъ прожилками кварца; далѣе слѣдовали зеленовато-сѣрые гранитъ-порфиры и зеленоватые глинисто-кварцевые сланцы, налегавшіе на блѣдно-красный гранитъ, пересѣченный во многихъ мѣстахъ жилами кварца и въ одномъ мѣстѣ, у подошвы хребта, темнозеленымъ протеробазомъ (№ 576). Въ области простиранія этого гранита, образующаго главную массу хребта, на пятой верстѣ отъ родника, находится и перевалъ черезъ Лю-цзинъ-шань, поднимающійся на 230 фт. надъ уровнемъ котловины [3]).

На сѣверномъ склонѣ вновь обнажаются зеленые сланцы — слюдяно-хлоритовые и кварцевые, которые образуютъ здѣсь такъ же, какъ и на югѣ, отдѣльные гривы и холмы. Хребетъ Лю-цзинъ-шань не дѣлаетъ исключенія среди остальныхъ горъ Бэй-шан'я, представляя лишь жалкіе остатки былого величія, разрозненныя массы, далеко не всегда дающія даже возможность установить взаимное соотношеніе слагающихъ ихъ породъ; впрочемъ, какъ кажется, въ данномъ случаѣ, судя по характеру паденія сланцевыхъ толщъ, мы имѣемъ дѣло съ наклонною къ югу антиклинальною складкою.

По спускѣ съ хребта, наблюдается нѣкоторый перерывъ въ

---

[1]) Этого образца въ моей коллекціи нѣтъ. Проф. Мушкетовъ заказалъ изъ него шлифъ, который помѣтилъ № 993 вмѣсто 566; исправлена ли была засимъ эта ошибка—не знаю.

[2]) На одной изъ лужицъ этого болота братъ подстрѣлилъ кряковую утку—Anas boscas, L.; ихъ было здѣсь нѣсколько.

[3]) Абсолютная его высота оказалась равной 7,021 фт.

обнаженіяхъ: дорога идетъ по крупному, плотно слежавшемуся гравію съ скудной растительностью и слабо намѣченными руслами дождевыхъ потоковъ. Горизонтъ здѣсь свободенъ, въ особенности къ востоку, гдѣ разбросанные тамъ и сямъ холмы и гривы имѣютъ ничтожную высоту. Оставшаяся у насъ теперь позади гряда Лю-цзинъ-шань, выклинивающаяся на юго-востокѣ въ Нюръгол'скую долину, при взглядѣ на нее съ сѣвера производитъ впечатлѣніе низкаго барьера, переходящаго на западѣ въ обширное вздутіе съ весьма неровной поверхностью, выдѣляющее въ стороны невысокіе отпрыски, сложенные преимущественно изъ роговообманковаго гнейса.

На 12 верстѣ мы миновали колодецъ Ванъ-хуланъ или Пошуй [1]), вырытый въ плоской котловинѣ, скудно поросшей осокой, чіемъ, полынью, Sympegma regeli и другими травами. Мы бы его не замѣтили, если бы не монголы, которые по прежнему не упускали случая дѣлиться съ нами своими знаніями пустыни.

Къ сѣверу отъ колодца мы шли дресвой безъ обнаженій еще около двухъ верстъ, имѣя вправо и влѣво небольшія возвышенности, сложенныя изъ гранитовъ и кристаллическихъ сланцевъ. Эти же породы, сѣрый роговообманковый гнейсъ и бѣловатый крупно-зернистый гранитъ слагали и невысокій горный отрогъ, замыкавшій съ сѣвера впадину Ванъ-хуланъ. Съ гребня этого отрога мѣстность впереди казалась столь же плоской, какъ и на югѣ; дорога шла по неясно выраженной меридіанальной долинѣ, а вправо и влѣво отъ этой послѣдней отходилъ мелкосопочникъ, который можно было прослѣдить очень далеко въ обѣ стороны.

Въ долинѣ обнаженій я не замѣтилъ, но версты черезъ двѣ, уже въ виду новой горной гряды, перегораживавшей дорогу, влѣво отъ послѣдней стали попадаться зеленые гнейсы. Тѣ же гнейсы слагали и помянутую выше гряду, подымавшуюся барьеромъ футовъ въ сто высоты [2]). Съ него былъ хорошо виденъ плоскій конецъ Ѣ-ма-шан'я и широкая долина, ведущая къ колодцу Хоримту и подножію Ихэ-Ма-цзунъ-шан'я, другія же стороны горизонта не представляли ничего интереснаго: тутъ разстилался все тотъ же, успѣвшій уже намозолить глаза мелкосопочникъ, не дававшій возможности возстановить былаго простиранія исчезнувшихъ нынѣ горныхъ массивовъ.

---

[1]) Обручевъ называетъ его Ванъ-хо-ло.

[2]) Абсолютная его высота оказалась равной 6,900 фт.

Спускъ съ барьера очень пологъ и длиненъ и выводитъ въ продольную долину съ пробѣгающимъ по ней на востокъ, вѣроятно — въ долину Ѣ-ма-чуань, сухимъ русломъ. Хрящеватая почва этой долины почти безплодна, но вдоль русла виднѣются заросли чія и какихъ-то кустарниковъ. Проѣхавъ ее, мы вступили въ область распространенія кремнисто-глинистыхъ сланцевъ и фельзитовъ (№ 590—592), образующихъ къ востоку отъ дороги разорванную гряду чернаго цвѣта. Фельзиты обнажаются кое-гдѣ и у дороги, а затѣмъ попадаются къ западу отъ нея среди гнейсовъ, слагающихъ главную массу хребта Ло-ба-чэнъ и выступающихъ здѣсь въ цѣломъ рядѣ разновидностей, начиная съ палеваго мусковитоваго и кончая ярко-зеленымъ хлоритовымъ. Кромѣ гнейсовъ, въ строеніи помянутаго хребта видное участіе принимаютъ гнейсо-граниты, кварцъ, сланцы хлоритовые и хлоритово-слюдистые и темнозеленый мелко-зернистый діабазъ, пересѣкающій многими жилами какъ гнейсы, такъ и граниты. Послѣдніе, будучи бѣлаго цвѣта, очень контрастно выступаютъ на темномъ фонѣ зеленыхъ кристаллическихъ сланцевъ.

Слѣдуя поперекъ этого хребта по расчленившей его широкой долинѣ, мы на пятой верстѣ свернули влѣво, въ боковое ущелье, гдѣ и остановились у родника Ло-ба-чэнъ, на лужайкѣ, густо поросшей осокой, среди которой были замѣчены, кромѣ нѣкоторыхъ злаковъ и полыни, слѣдующіе виды растеній: Anabasis aphylla, L., Arnebia cornuta grandiflora, Trautv., Inula ammophylla, Bge, Aster alyssoides, DC., Sympegma regeli, Maxim., Atraphaxis lanceolata divaricata, Ledb., и Reaumuria soongarica, Maxim.; склоны окрестныхъ высотъ покрывалъ рѣдкими пучками кипецъ (Festuca sp.).

Абсолютная высота лужайки у родника оказалась равной 6,900 фт., согласно же опредѣленію Обручева—6,626 фт. [1]).

Къ вечеру вѣтеръ стихъ, и небо стали затягивать низкія облака; ночью термометръ стоялъ на нулѣ и только передъ восходомъ солнца спустился до —0°,5, но держался на этомъ дѣленіи весьма недолго, такъ какъ уже полчаса спустя я отмѣтилъ въ дневникѣ 2° тепла. Солнце стало просвѣчивать около 9 час. утра; поднявшійся вѣтеръ еще болѣе разрѣдилъ облака, но все же день оставался до конца пасмурнымъ и холоднымъ: термометръ только на мгновеніе поднялся до 11° тепла и вечеромъ упалъ до 2° мороза.

---

[1]) Ibid., стр. 508.

Едва мы проснулись, какъ въ дверь нашей юрты заглянулъ Сарымсакъ и объявилъ непріятную новость: верблюдъ, который такъ хорошо служилъ намъ въ теченіе 13 мѣсяцевъ и еще вчера шелъ такъ бодро, вдругъ заболѣлъ; у него распухли лапы переднихъ ногъ. Эта болѣзнь зовется у монголовъ «хаса»; она не представляетъ чего либо опаснаго для жизни животнаго и проходитъ сама собой, но требуетъ абсолютнаго покоя по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ недѣль; для насъ же она была равносильна потери животнаго. Мы было уже и рѣшили покинуть его у родника, когда Хомбо объявилъ, что даетъ за него въ обмѣнъ свою лошадь, маленькую, но крѣпкую, съ хорошимъ шагомъ и удивительно шуструю.

— Ну, а самъ-то ты какъ?

— Тутъ по близости, въ горахъ Ши-фынъ-ша-хо-цзы, кочуетъ мой пріятель; онъ и лошадью меня снабдитъ и за верблюдомъ присмотритъ, пока не вернусь.

Верблюдъ везъ нашу кухню и прочій громоздкій скарбъ; теперь все это пришлось переложить на ишаковъ. Переформированіе вьюковъ дѣло въ общемъ довольно копотное, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы выступили 19 сентября позднѣе обыкновеннаго.

Первыя полторы версты мы шли, придерживаясь не лишеннаго растительности западнаго края поперечной долины, гдѣ въ обнаженіяхъ встрѣчались почти исключительно зеленые кристаллическіе сланцы и діабазы, затѣмъ горы отошли въ сторону, и мы вышли въ циркообразное расширеніе той же долины, замкнутое на сѣверѣ цѣпью невысокихъ холмовъ, сложенныхъ изъ зеленыхъ песчаниковъ и съ поверхности сильно разрушенныхъ хлоритовыхъ сланцевъ. На этомъ зеленомъ фонѣ валялся въ изобиліи фіолетовый щебень мелафироваго туфа, но коренного выхода этой породы я не нашелъ.

За этой цѣпью холмовъ слѣдовало обширное вздутіе, сложенное изъ гнейсовъ; послѣдніе очевидно составляли тотъ фундаментъ, на которомъ нѣкогда покоились сѣрые мелкозернистые кварциты, нынѣ уцѣлѣвшіе лишь въ немногихъ мѣстахъ. Другихъ обнаженій я здѣсъ не видѣлъ, хотя попадавшійся на пути щебень и былъ довольно разнообразенъ, а вся мѣстность пестрѣла красновато-желтыми, сѣро-зелеными, въ особенности же бѣлыми бугорками.

Изъ этого мелкосопочника дорога вывела насъ сначала къ

уходившему на востокъ сухому руслу, а затѣмъ и къ обильному водою ключу Ѣ-ма-чуань, окруженному болотцемъ и зарослью чія, камыша и осоки.

Впереди передъ нами вставали здѣсь горы, вправо же виднѣлась долина, уходившая за край горизонта. Она расширялась тамъ до семи верстъ, за предѣлами же восточнаго звена Ло-ба-чэнъшан'я, судя по даннымъ съемки, даже до 12 верстъ. Ограничивающіе ее съ сѣвера и юга хребты — Ци-гэ-цзинъ-цзы [1]) и Ѣ-машань казались раздѣленными на нѣсколько параллельныхъ грядъ, въ общемъ же плоскими и широкими, съ весьма немногими выдающимися вершинами; несомнѣнно, что оба они принадлежали къ числу горныхъ массивовъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ времени и атмосферныхъ вліяній; да и самая долина, теперь широкая, нѣкогда имѣла другіе размѣры, судя по выступающимъ въ бокахъ ея щеткамъ и мелкосопочнику. Почва ея, плотная, хрящеватая, у горъ же щебневая или глинисто-солонцовая, очень скудно поросла травами; тѣмъ не менѣе, благодаря множеству укромныхъ бухточекъ въ обѣихъ горныхъ цѣпяхъ, она служитъ любимымъ пристанищемъ для джерановъ (Gaz. subgutturosa) и дикихъословъ, откуда и ея китайское названіе Ѣ-ма-чуань—долина дикихъ лошадей. Много-ли водныхъ источниковъ въ этой долинѣ, я не знаю. Монголы назвали мнѣ лишь два родника: Цаганъ-чулу въ 100 ли отъ колодца Ѣ-ма-чуань и Хунъ-лу-чэнъ въ 120 ли отъ Цаганъ-чулу; сверхъ того, между обоими имѣется, по ихъ словамъ, еще одинъ колодецъ, на которомъ караваны обыкновенно не останавливаются, и нѣсколько лужъ, подобныхъ Нюръ-гол'ской. Послѣднія несомнѣнно и служатъ водопойнями для дикихъ животныхъ.

Къ сѣверу отъ колодца Ѣ-ма-чуань на протяженіи четырехъ верстъ дорога пролегаетъ по мѣстности, представляющей перемежающіеся участки щебневой пустыни и солонцовъ, одѣтыхъ соотвѣтствующей растительностью, среди которой преобладаютъ чій, осока, Kochia mollis, Bge, Sympegma regeli, Bge, Sophora alopecuroides, L., Anabasis brevifolia, C. A. M., Pleurogyne carinthiaca, Gris., Halogeton glomeratus, C. A. M., и изъ кустарниковъ Atraphaxis lanceolata divaricata, Ledb. и Reaumuria soongarica, Maxim.; затѣмъ она втягивается въ горы.

Эти послѣднія относительно не высоки и состоятъ изъ двухъ кряжей, представляющихъ лишь расходящіеся между собою отроги

---

[1]) По мѣстному произношенію—Чи-гэ-чинза.

обширнаго вздутія, смыкающаго хребты Фо-чэнъ-цзы и Ло-бачэнъ-шань. Сѣверный изъ этихъ кряжей, болѣе высокій, носитъ названіе Ши-фынъ-ша-хо-цзы, южный — то же названіе, что и хребетъ, ограничивающій съ сѣверо-востока долину Ѣ-ма-чуань, т. е. Ци-гэ-цзинъ-цзы. Взаимное отношеніе обоихъ Ци-гэ-цзинъ-цзы осталось для меня не вполнѣ яснымъ, топографически же оба хребта различаются между собой и внѣшнимъ своимъ habitus'омъ и простираніемъ, изъ коихъ одно широтное съ тенденціей отклоняться на сѣверъ, другое же—юго-восточное. Барьеръ, образуемый грядой Ци-гэ-цзинъ-цзы, какъ я уже выше замѣтилъ, относительно невысокъ и въ сѣдлѣ подымается всего лишь футовъ на триста надъ уровнемъ долины Ѣ-ма-чуань. Онъ сложенъ изъ сѣрыхъ гнейсовъ, содержащихъ гнѣзда кварца и пересѣченныхъ жилами порфирита.

Дорога пересѣкаетъ наискось узкую долину между грядами Ци-гэ-цзинъ-цзы и Ши-фынъ-ша-хо-цзы и, дѣлая здѣсь крутой поворотъ къ западу, на протяженіи трехъ верстъ бѣжитъ мѣстами по щебню, мѣстами по хрящу, поросшему лишь кое-гдѣ и притомъ очень скудно злаками и мелкимъ кустарникомъ; къ востоку отъ дороги виднѣются, однако, довольно значительныя заросли чія, сопровождающія оврагъ, теперь сухой, но въ которомъ послѣ обильныхъ дождей обыкновенно на долго задерживается вода. Оврагъ тянется очень далеко на востокъ, и тамъ, какъ кажется, проходитъ по мѣстности, обильной пастбищами и ключевой водой.

Хребетъ Ши-фынъ-ша-хо-цзы шире, выше и массивнѣе хребта Ци-гэ-цзинъ-цзы. Въ сложеніи его главное участіе принимаетъ кристаллическій известнякъ, мощныя сѣровато-бѣлыя толщи котораго чередуются съ сѣрымъ кварцитомъ и сланцами — слюдяно-хлоритовымъ и чернымъ кремнистымъ. Эта свита горныхъ породъ заканчивается высокой грядой зеленаго мелкозернистаго песчаника, достигающей въ сѣдлѣ 7,418 фт. абсолютной высоты [1]) и образующей высшую точку всей дороги черезъ Бэй-шань и ту грань, за которой всѣ водостоки устремляются уже на сѣверъ, къ Янь-дунь'скому протоку, тогда какъ до сихъ поръ они направлялись либо въ сторону Су-лай-хэ, либо къ Эцзинъ-голу. Надъ этимъ сѣдломъ отдѣльныя скалы подымаются футовъ на 500 или даже 600,

---

[1]) По опредѣленію Обручева (ib., стр. 513), высота этого перевала равняется 7,511 фт.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Гуй-дэ-тин'скій монголъ.

Халхасцы Бэй-шань'скихъ горъ.

Фототипія В. Клясанъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Преемн. Н. Каминскій.

такъ что гребень хребта Ши-фынъ-ша-хо-цзы долженъ достигать, а можетъ быть и превосходить въ отдѣльныхъ точкахъ 8,000 фт. абсолютнаго поднятія.

Открывающійся съ перевала видъ не обширенъ: впереди, за невысокой грядой, синѣется котловина Чжи-чжэ-гу, замкнутая высокимъ, ровнымъ валомъ хребта Фо-чэнъ-цзы, по сторонамъ высятся холмистыя вздутія, уходящія за край горизонта. Общій тонъ далекихъ горъ красновато-сизый, на переднемъ же планѣ преобладаютъ сѣрые и зеленые тона, по цвѣту выступающихъ здѣсь на дневную поверхность песчаниковъ, гранитовъ и гнейсовъ.

Среди обнаженій этихъ породъ дорога бѣжитъ на протяженіи восьми верстъ, послѣ чего вступаетъ на мягкую лессовидную почву котловины Чжи-чжэ-гу, представляющую на значительную глубину очень тонкій илистый желто-сѣрый субстратъ, вѣроятно отложившійся на днѣ бывшаго здѣсь нѣкогда озера. Горизонтальныя наслоенія этого ила, перемежающагося то съ мелкимъ пескомъ, то съ гравіемъ, заключающаго мѣстами даже гальку, хорошо видны въ обрывахъ оврага, который сопровождаетъ здѣсь справа дорогу. Въ оврагѣ мы нашли значительныя скопленія совершенно прѣсной, прозрачной воды, и на краю одной изъ такихъ ямъ, длиной въ десять, шириной въ двѣ сажени, мы и остановились, спугнувъ парочку чирковъ (Anas querquedula), которые тутъ же были убиты.

Вечеромъ насъ посѣтили монголы-халхасцы, пріѣхавшіе изъ долины Ци-гэ-цзинъ-цзы вмѣстѣ съ Хомбо и Дарба. Послѣдніе нѣкоторое время разсчитывали прогостить у халхасцевъ, а затѣмъ отъ пикета Мынъ-шуй предполагали направиться прямой дорогой черезъ Ѣ-шуй (90 ли), Ма-дунь (70 ли), Тола (75 ли), Джигда (85 ли), Сань-коу-чжэнь (60 ли), Казганъ (70 ли), Могай (60 ли), Бай или Шаманэ (70 ли) и Адакъ (120 ли) въ селеніе Номъ (90 ли).

Объ этомъ пути они разсказали намъ сдѣдующее:

Дорога сворачиваетъ вправо въ десяткѣ ли отъ колодца Мынъ-шуй и до колодца Ѣ-шуй бѣжитъ среди горъ прямо на сѣверъ. Сперва ущелье довольно узко, но затѣмъ горы отходятъ въ обѣ стороны, и тропинка пересѣкаетъ долину, по которой можно выйти къ ключу Отунъ-да-цзу-чанъ. За долиной подымаются опять горы, которыя не высоки, но скалисты. Колодецъ лежитъ по сѣверную ихъ сторону, вблизи сухого русла Ѣ-шуй, которое, сойдясь съ Мынъ-шуй'скимъ русломъ, впадаетъ къ за-

паду отъ ключей Я-цзу-чанъ въ Янь-дунь'скій протокъ. Отъ колодца Ѣ-шуй дорога идетъ мелкосопочникомъ около 30 ли, послѣ чего вступаетъ въ горы Ма-дунь-шань, съ сѣвернаго склона коихъ сбѣгаетъ главное русло Янь-дунь'скаго протока. Ма-дунь-шань — очень длинный, скалистый хребетъ и къ востоку отъ дороги достигаетъ значительной относительной высоты. Колодецъ находится по сѣверную его сторону, близъ протока, которымъ дорога и слѣдуетъ, направляясь къ урочищу Тола. Какъ это урочище, такъ и слѣдующее — Джигда находятся въ каменистой пустынѣ, у подошвы черной скалистой гряды, составляющей одинъ изъ южныхъ отроговъ хребта Карлыкъ-тагъ. Ее проходятъ по сквозному ущелью, а далѣе мѣстность получаетъ уже вполнѣ горный характеръ. Урочище Сань-коу-чжень лежитъ въ горахъ и въ переводѣ значитъ—«мѣсто схода трехъ ущелій».

На е прощанье съ монголами носило очень сердечный характеръ; мы даже надѣлили ихъ небольшими подарками. Да и было за что. Оба, въ особенности же Хомбо, изъ всѣхъ силъ старались быть намъ полезными и, какъ уже знаетъ читатель, значительно обогатили наши свѣдѣнія о Бэй-шан'ѣ [1]). Бесѣды велись нами, при посредствѣ Сарымсака и Чуркина, обыкновенно по вечерамъ, причемъ часто описаніе мѣстности сопровождалось демонстраціей ея особенностей съ помощью камней и песка; иногда же Хомбо брался за карандашъ, и надо было видѣть его радость,

---

[1]) Изъ сообщенныхъ намъ маршрутовъ черезъ Бэй-шань отмѣтимъ здѣсь еще одинъ, ведущій изъ г. Мо-чэн'а къ хребту Ноинь-хара, лежащему на параллели Тянь-шан'я.

Первыя четыре станціи—Хара-могты (90 ли), Галоту (110 ли), Цаганъ-тохой (100 ли) и Ноинъ-богдо (110 ли)—лежатъ въ долинѣ Эцзинъ-гола, слѣдующія же пять—колодецъ Баръ-бурху (100 ли), колодецъ Уланъ-энгэрту (90 ли), колодецъ Дзагэнъ-кудукъ (90 ли), рѣчка Одонъ-куръ (80 ли) и монастырь Баинъ-танда (100 ли)—въ пустынѣ. Урочище Хара-могты находится близъ вершины заброшеннаго нынѣ арыка, который ведетъ къ обширнымъ развалинамъ Харчечжи-хана-хото; близъ послѣднихъ и понынѣ сохранились еще остатки древесныхъ насажденій—ивы, тополя и карагача. Колодецъ Дзагенъ-кудукъ лежитъ среди саксауловыхъ (дзакъ) зарослей. Рѣчку Одонъ-куръ дорога пересѣкаетъ въ низовьѣ, куда вода добѣгаетъ не во всякое время года; но въ ея руслѣ можно даже въ лѣтніе мѣсяцы найти достаточно воды въ ямахъ. Монастырь Баинъ-танда расположенъ на южномъ склонѣ хребта Ноинь-хара при ключѣ, впадающемъ въ р. Одонъ-куръ. Ноинь-хара, можетъ быть, слѣдуетъ отождествить съ Цаганъ-богдо, а рѣку Одонъ-куръ съ рѣкой Уланъ-дзакчуръ. Ноинь-хара хотя и не упоминается Потанинымъ, но нанесенъ Рафаиловымъ на карту, приложенную къ его «Очеркамъ Сѣверо-Западной Монголіи», вып. I. См. также карту, приложенную къ сочиненію Пѣвцова—„Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ Китая". Въ обоихъ случаяхъ хребетъ названъ Нойонъ-хара. Судя по китайской гидрографіи „Шуй-дао-ти-ганъ", хребетъ Ноинь-хара или Но-янь-кара лежитъ нѣсколько къ югу отъ магистрали восточнаго Алтая, который „переглядывается съ нимъ черезъ пески". (Васильевъ—„Описаніе рѣкъ Сѣверо-западной Монголіи", прилож. къ книгѣ Потанина „Очерки Сѣверо-западной Монголіи", III).

когда его неумѣлымъ рукамъ удавалось начертить нѣчто, долженствовавшее, по его мнѣнію, съ полной наглядностью изобразить рельефъ описываемой страны! Не смотря на ихъ примитивность, чертежи эти, за неимѣніемъ болѣе достовѣрнаго матеріала, были нами использованы при составленіи карты участка Бэй-шан'я вдоль Ѣ-шуй'ской дороги.

Хребетъ Фо-чэнъ-цзы очень богатъ какъ розсыпнымъ, такъ и кореннымъ золотомъ. Послѣднее добывалось только съ поверхности, гдѣ порода, его заключающая, подверглась уже въ значительной степени разрушенію. Породу эту дробили и просѣвали сквозь грохотъ, послѣ чего подвергали дальнѣйшей обработкѣ путемъ провѣиванія, подбрасывая дресву на значительную высоту надъ разостланной тканью до тѣхъ поръ, пока вѣтромъ не относило въ сторону наиболѣе мелкихъ частицъ породы. Оставшееся на ткани затѣмъ по частямъ выравнивалось и продувалось струей воздуха изъ ручного мѣха. Въ концѣ концовъ золото, конечно, лишь въ крупныхъ зернахъ или чешуйкахъ, отбиралось пальцами. Такой же сухой обработкѣ, за отсутствіемъ проточной воды, подвергалось и розсыпное золото [1]).

Не смотря на столь несовершенный способъ добычи золота, въ окрестностяхъ Чжи-чжэ-гу работало до магометанскаго возстанія не менѣе двухъ тысячъ дунганъ и китайцевъ подъ присмотромъ китайскаго чиновника, жившаго въ Мынъ-шуй'скомъ укрѣпленіи. Развалины послѣдняго, а равно постоялыхъ дворовъ и другихъ построекъ и до сихъ поръ еще виднѣются у южной подошвы хребта Фо-чэнъ-цзы и въ продольной долинѣ Мынъ-шуй. Жизненные припасы доставлялись сюда изъ Хами, Ань-си и Юй-мын'я. Изъ Хами ѣздили или черезъ Куфи и Ша-цюань-цзы (Са-чанза) [2]) или черезъ Отунъ-го-цзы, изъ Ань-си же черезъ Бай-дунь-цзы и Бай-танъ-цзы [3]), гдѣ вѣтвь на Мынъ-шуй, нынѣ, по словамъ монголовъ, совершенно заброшенная, уклонялась вправо и шла на урочище Чжи-чжэ-гу мимо гольца Баинъ-ола.

Ночью, при совершенно ясномъ небѣ, морозъ достигъ 11°; съ восходомъ, однако, солнца температура стала быстро подниматься

---

[1]) О подобномъ же способѣ добычи золота въ Кунь-лун'ѣ разсказываетъ и Богдановичъ („Труды Тибетской экспедиціи", II, стр. 135).

[2]) См. т. II, стр. 139.

[3]) Часть этого пути была пройдена экспедиціей Сосновскаго (Пясецкій—„Путешествіе по Китаю", II, стр. 907 и слѣд., Сосновскій—„Русская учено-торговая экспедиція въ Китай въ 1874—1875 годахъ", стр. 90).

и къ полудню остановилась на 12°. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ.

Въ урочищѣ Чжи-чжэ-гу мы дневали, такъ какъ прежде, чѣмъ идти дальше, необходимо было привести въ порядокъ съемку и дневники и астрономически опредѣлить такой важный пунктъ Бэй-шан'я, какъ Мынъ-шуй. Сверхъ того на очереди была и генеральная ковка лошадей, которая вотъ уже два дня какъ откладывалась за недосугомъ.

Хребетъ Фо-чэнъ-цзы, замыкающій съ сѣвера котловину Чжи-чжэ-гу, принадлежитъ къ числу значительнѣйшихъ въ Бэй-шан'ѣ. Мы прослѣдили его на западъ верстъ на сорокъ и, судя по юго-западному его простиранію, я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ составляетъ одно цѣлое съ ранѣе описаннымъ хребтомъ Да-бэнь-мяо [1]); на востокѣ онъ также уходитъ за край горизонта и едвали не сходится тамъ съ горами, образующими восточный конецъ Карлыкъ-таг'а. Его длинѣ соотвѣтствуетъ и его высота. Въ мѣстѣ прорыва его Мынъ-шуй'скимъ русломъ онъ представляетъ невысокій барьеръ, но въ обѣ стороны отъ этого пониженія быстро крупнѣетъ, пріобрѣтаетъ массивность и выбрасываетъ пики, переходящіе за 2,500 фт. относительной высоты. Исходя изъ послѣдней цифры, можно установить, что средняя абсолютная высота его мелкозубчатаго гребня составляетъ величину, очень близкую къ 8,500 фт.

На нашемъ пути всю массу этого хребта слагалъ блѣдно-красный крупнозернистый гнейсо-гранитъ, переслаивающійся съ сѣрымъ, сѣро-зеленымъ и темно-зеленымъ (хлоритовымъ) мелкозернистыми гнейсами и пересѣченный во многихъ мѣстахъ, главнымъ же образомъ въ осевой части и на сѣверномъ склонѣ, розовымъ мелкозернистымъ жильнымъ гранитомъ (аплитомъ); тамъ же обнаружена была и жила зеленаго ортоклазо-эпидотоваго гранитъ-порфира (№ 636) незначительной мощности.

Для прохода черезъ Фо-чэнъ-цзы дорога воспользовалась широкою брешью, промытой въ немъ нѣкогда Мынъ-шуй'ской рѣкой, далѣе же вступила въ узкую, вытянутую въ западо-сѣверо-западномъ направленіи котловину, которой и слѣдовала на протяженіи десяти верстъ.

Почва этой котловины состояла изъ гравія съ значительной примѣсью щебня и отличалась крайнимъ безплодіемъ; кое-какая

---

[1]) Т. II, стр. 141.

растительность виднѣлась только вдоль росточей да къ сѣверу отъ дороги, въ направленіи свернувшаго туда Мынъ-шуй'скаго русла. Выходы изъ подъ дресвы и щебня коренныхъ горныхъ породъ встрѣчались не часто; сперва обнажались преимущественно гнейсо-граниты и сѣрые гнейсы, далѣе же сѣровато-зеленые слюдистые сланцы (№ 637), хлоритовые гнейсы и ортоклазо-эпидотовые гранитъ-порфиры. Эти же горныя породы слагали и невысокій кряжъ Йо-шуй-дабанъ (Іо-шуй-дабанъ), отвѣтвляющійся отъ хребта Фо-чэнъ-цзы и замыкающій съ запада и сѣверо-запада Мынъ-шуй'скую котловину.

Дорога переваливаетъ черезъ него въ мѣстѣ наибольшаго его пониженія, имѣющаго 7,070 фт. абсолютнаго поднятія, послѣ чего пересѣкаетъ небольшую котловину — бухту, открывающуюся на сѣверъ, куда уходитъ и бѣгущее вдоль нея сухое русло Йо-шуй. Галька въ этомъ руслѣ состоитъ преимущественно изъ кристаллическихъ породъ: много кварца, эпидота, разнообразныхъ гранитовъ; но попадаются и сланцы — слюдяной, глинистый и известково-глинистый. Послѣдній изъ поименованныхъ сланцевъ слагаетъ отрогъ, составляющій западное крыло котловины, а можетъ быть и главную массу высокаго Гинь-ва-шан'я, имѣющаго сѣверо-западное простираніе и представляющаго также лишь отрогъ Фо-чэнъ-цзы.

Обойдя это обнаженіе, мы вступили въ обширную долину Да-цзы-чанъ, названную такъ по колодцу, находящемуся нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги [1]), у подошвы гранитныхъ утесовъ южныхъ горъ. Хотя проводникъ и утверждалъ, что до него рукой подать, тѣмъ не менѣе, его осмотръ занялъ порядочно времени, такъ что, когда я вновь выѣхалъ на большую дорогу, то уже и хвоста каравана не было видно: онъ успѣлъ уйти верстъ на пять впередъ. Пришлось догонять его чуть не рысью, придерживаясь оставленныхъ имъ слѣдовъ, которые отчетливо выдѣлялись на дресвяной почвѣ долины. Среди этой дресвы яркими пятнами, бѣлыми, красными, сѣрыми и зелеными, залегалъ болѣе или менѣе крупный щебень различныхъ горныхъ породъ, но я не имѣлъ времени убѣдиться, представляютъ ли эти однородные осколки остатки распавшихся на мелкіе куски отторженцевъ или разрушенные выходы коренныхъ породъ; впрочемъ, я не сомнѣваюсь,

---

[1]) „Да-цзы-чанъ" въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „монгольскій колодецъ"; Обручевъ, op. cit., II, стр. 521, называетъ его Да-цзе-динъ.

что въ двухъ-трехъ мѣстахъ я имѣлъ дѣло съ послѣдними, причемъ взятые тутъ образцы оказались принадлежащими красному роговообманковому граниту и кристаллическимъ сѣрымъ известнякамъ.

Проѣхавъ большой дорогой четыре версты, я поровнялся съ протокомъ, въ которомъ, благодаря разсказамъ монголовъ, я тотчасъ же призналъ Мынъ-шуй'ское русло, обошедшее съ востока Йо-шуй-дабан'скій отрогъ; его сопровождала поросль низкорослаго саксаула.

Слѣдуя вдоль этого русла, я вскорѣ выѣхалъ на плоскій отрогъ южныхъ горъ, сложенный изъ сѣраго кристаллическаго известняка. Съ него я увидѣлъ верстахъ въ трехъ впереди обширное желтое поле солонца Отунъ-да-цзы-чанъ и быстро приближавшійся къ нему караванъ. Переходъ былъ оконченъ.

Изъ урочища Отунъ-да-цзы-чанъ Карлыкъ-тагъ былъ уже ясно виденъ. Между нимъ и нами разстилалась широкая, волнистая степь, по сторонамъ и позади вставали горы. И вотъ, для того, чтобы лучше оріентироваться среди этихъ послѣднихъ, рѣшено было послѣ обѣда взобраться на ближайшій утесъ Ѣ-шуй-шан'я [1]). Восхожденіе это заняло съ добрый часъ времени, такъ какъ для того, чтобы найти подходящій обсерваціонный пунктъ, намъ пришлось перемѣнить нѣсколько сопокъ. Съ послѣдней, представлявшей скалу краснобураго фельзитоваго порфира, открылся, наконецъ, видъ, который могъ удовлетворить большинству нашихъ требованій.

Вдали, на сѣверо-западномъ краю горизонта, въ неясныхъ очертаніяхъ вставалъ Карлыкъ-тагъ съ своими четырьмя сѣдыми вершинами, которыя съ поразительной ясностью выдѣлялись на сверкающей синевѣ среднеазіятскаго неба. Отъ этихъ вершинъ въ обѣ стороны тянулась воздушная, нѣжно-фіолетовая, зубчатая полоса горъ, которая на востокѣ служила лишь фономъ для цѣлаго ряда гребней болѣе близкихъ горъ, составляющихъ юго-восточную окраину необъятнаго нагорья Тянь-шан'я. Изъ массы этихъ, точно затянутыхъ флёромъ, высотъ отвѣтвлялась гряда, которая, слѣдуя къ юго-западу, постепенно вырисовывалась въ скалистый, очень расчлененный хребетъ. Это — Ма-дунь-шань, самый сѣверный изъ Бэй-шань'скихъ хребтовъ, съ котораго стекали нѣкогда воды, образовавшія Янь-дунь'скій протокъ. Западный ко-

[1]) Хребетъ Ѣ-шуй-шань Обручевъ называетъ Утунь-шан'емъ.

нецъ его намъ былъ ясно виденъ, мы могли даже различить его темносѣрыя и бурыя скалы, чередовавшіяся съ широкими сѣдловинами. Между нимъ и Ѣ-шуй-шан'емъ разстилалась глубокая долина, переходившая на востокѣ въ волнистое плато, замыкавшееся на краю горизонта горами. Существуетъ-ли какая-либо связь между этими горами и хребтомъ Фо-чэнъ-цзы, уловить за дальностью разстоянія я не могъ; однако, думаю, что, подобно Ѣ-шуй-шан'ю, онѣ представляютъ лишь сѣверный отрогъ помянутаго хребта, прислонившійся къ Ма-дунь-шан'ю. На западѣ высокіе скалистые массивы кряжей Гинь-ва-шань и Лу-гань-чанъ совершенно скрывали расположеніе находящихся позади горныхъ массъ.

Такой характеръ горнаго ландшафта въ верховьяхъ Янь-дунь'скаго протока даетъ мнѣ поводъ думать о существованіи здѣсь прочной топографической связи между горами Бэй-шань'ской и Тянь-шань'ской системъ, если только Карлыкъ-тагъ относится къ этой послѣдней системѣ [1]).

Солончакъ Отунъ-да-цзы-чанъ [2]) одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ Бэй-шан'ѣ. Онъ густо поросъ солонцовыми травами,

---

[1]) Обручевъ рисуетъ подобную же картину расположенія горныхъ хребтовъ. Вотъ, что онъ пишетъ:

Съ вершины одного изъ холмовъ, возвышающихся къ востоку отъ ключа Утунъ-да-чуань (Отунъ-да-цзы-чанъ) „открывается обширный видъ: на ONO (75°) тянется высшая гряда Утунъ-шаня (Ѣ-шуй-шан'я) съ крутымъ и утесистымъ сѣвернымъ склономъ, къ подошвѣ котораго примыкаютъ низкіе холмы, образующіе неправильную полосу, языками выдающуюся въ прилегающую съ сѣвера равнину; эти холмы, повидимому, также состоятъ изъ черныхъ, желтыхъ и красныхъ порфировъ и фельзитовъ и только въ самыхъ сѣверныхъ пригоркахъ видны бѣловатыя полосы другой породы. Равнина, ограничивающая съ сѣвера Утунъ-шань, представляетъ, повидимому, кустарниковую степь съ песчано-щебневой почвой; среди нея въ трехъ мѣстахъ возвышаются изолированныя группы острыхъ, скалистыхъ горъ, вѣроятно, также порфировыхъ; восточная изъ этихъ группъ посредствомъ цѣпи холмовъ, повидимому, соединена съ Утунъ-шан'емъ, а у южной подошвы двухъ западныхъ группъ какъ будто виднѣются небольшія озерки (вѣроятно, обманъ зрѣнія, и вмѣсто озерковъ тамъ находятся голые такыры). Кромѣ этихъ болѣе высокихъ группъ, среди равнины кое-гдѣ разбросаны небольшіе холмики. На NNO эта равнина уходитъ до горизонта, гдѣ расположена цѣпь низкихъ горъ, мѣстами съ болѣе высокими и острыми группами, связанными низкими холмами и увалами (очевидно, здѣсь говорится о хребтѣ Ма-дунь-шань); въ двухъ мѣстахъ позади этой цѣпи синѣютъ еще два хребта въ видѣ плоскихъ горбовъ; приближаясь къ восточному концу Карлыкъ-тага, цѣпь (Ма-дунь-шань) образуетъ болѣе высокую группу, затѣмъ опять понижается и, наконецъ, повидимому, примыкаетъ къ Карлыкъ-тагу“ (ib., стр. 526).

И далѣе:

„Я-цзы-чуаньская впадина, представляющая восточный конецъ большой притяньшаньской впадины“... (ib., стр. 529).

Ср. однако съ тѣмъ, что тотъ же авторъ писалъ по этому вопросу въ своемъ краткомъ отчетѣ—„Орографія Центральной Азіи и ея юго-восточной окраины“ (въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, XXXI, стр. 277 и 282).

[2]) Намъ называли его также и Отунъ-да-чуань; послѣднее названіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ (Утунь-да-чуань) передаетъ и Обручевъ.

преимущественно — камышомъ и осокой; изъ другихъ же видовъ бросались въ глаза Anabasis aphylla, L., An. brevifolia, Mey, Artemisia fragrans subglabra, Winkl., Inula ammophylla, Bge, Arnebia fimbriata, Maxim., и Astragalus sp.

Его абсолютная высота опредѣлена была нами въ 6,109 фт., Futterer'омъ въ 5,904 фт. [1]) и Обручевымъ въ 4,855 фт. [2]).

22 сентября, при совершенно ясномъ небѣ и полномъ затишьѣ въ морозномъ воздухѣ, мы, наконецъ, вышли изъ Бэй-шань'скихъ горъ въ каменистую пустыню, которая заливомъ, шириной до 15 и глубиной до 25 верстъ, вдавалась въ горныя массы хребтовъ Ѣ-шуй-шань и Ма-дунь-шань [3]). Впрочемъ, въ эту равнину мы вышли не вдругъ, такъ какъ съ одной стороны высокій, скалистый, буро-зеленоватосѣрый Лу-гань-чанъ, съ другой — послѣдніе отпрыски хребта Ѣ-шуй-шан'я сопровождали дорогу еще на протяженіи 13 верстъ. Мѣстность здѣсь даже какъ будто приподнялась, и среди плоскихъ холмовъ, перегораживавшихъ долину, стали попадаться выходы коренной породы — сѣрыхъ и сѣровато-желтыхъ кристаллическихъ известняковъ, прорванныхъ жилами буро-красныхъ и зеленовато-сѣрыхъ порфировъ. Очевидно, что именно это массивное поднятіе послужило нѣкогда непреодолимымъ препятствіемъ для водъ Мынъ-шуй'ской рѣки, которая и проложила себѣ русло въ болѣе податливыхъ породахъ, свернувъ отъ ключа Отунъ-да-цзы-чанъ прямо на сѣверъ, поперекъ холмовъ Ѣ-шуй-шан'я.

По выходѣ изъ горъ, мы шли каменистой пустыней 20 верстъ до урочища Я-цзы-чанъ, гдѣ и остановились.

Это урочище представляетъ глубокую впадину на краю сухого русла Ѣ-шуй, точнѣе — глубокую бухту этого послѣдняго, которая развертывается передъ глазами путника только тогда, когда онъ почти вплотную подойдетъ къ обрывистымъ ея берегамъ. Ея дно — солончакъ, густо поросшій осокой и спорадически — камышомъ, солянками и гребенщикомъ. Ключей въ урочищѣ два: одинъ — близъ спуска, съ слегка солоноватой водой, другой — въ двухъ верстахъ къ сѣверу — почти прѣсный. Абсолютная его высота по нашему опредѣленію оказалась равной 4,908 фт., по опредѣленію Futterer'а—4,691 фт. [4]) и Обручева—4,428 фт. [5]).

---

[1]) „Durch Asien", III, стр. 88, Station VII.
[2]) Ibid., стр. 524.
[3]) Ср. Обручевъ, ib., стр. 526.
[4]) Ib., стр. 88, Station VI.
[5]) Ib., стр. 529.

Подходя къ впадинѣ, мы пересѣкли колесный путь, шедшій съ востока на западъ. Обручевъ полагаетъ, что это одинъ изъ варіантовъ колесной дороги изъ Ань-си-чжоу (?) въ Хами [1]); въ дѣйствительности же это мѣстная дорога, не идущая на востокъ далѣе урочища Да-чжо-цзы, гдѣ нѣкогда велось въ значительныхъ размѣрахъ пережиганіе саксаула на уголь.

23 сентября мы продолжали нашъ путь по мѣстности, представляющей мѣсто схода многочисленныхъ сухихъ руслъ въ одинъ могучій протокъ, названный мною Янь-дунь'скимъ.

Протокъ этотъ слагается изъ двухъ рукавовъ, изъ коихъ сѣверный производитъ впечатлѣніе болѣе значительнаго. Съ высотъ, окружающихъ урочище Отунъ-го-цзы, я прослѣдилъ его довольно далеко на востокъ, причемъ выяснилось, что его образуютъ нѣсколько короткихъ руслъ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ два сбѣгаютъ съ сѣвера; если вѣрить, однако, монголамъ, главный стокъ прежнихъ водъ находился все же не здѣсь, а на сѣверномъ склонѣ хребта Ма-дунь-шань, въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ послѣдній, повышаясь, сливается съ нагорьемъ Карлыкъ-таг'а. Съ того же хребта и, вѣроятно, съ южныхъ склоновъ тѣхъ же гольцовъ выносила свои воды и бывшая рѣчка Ѣ-шуй, которая, сливаясь съ Мынъ-шуй'скимъ русломъ, слагала далѣе южный рукавъ того огромнаго желоба, который проходитъ мимо Янь-дун'я.

Хребетъ Ма-дунь-шань служитъ такимъ образомъ водораздѣломъ между обоими рукавами, и его западный конецъ, изрѣзанный многочисленными стоками, и пересѣкаетъ дорога въ участкѣ между Я-цзы-чан'омъ и Отунъ-го-цзы.

Поднявшись изъ Я-цзы-чан'ской ямы снова на каменистую степь, мы шли ею верстъ пять, имѣя вправо крутой обрывъ Ѣ-шуй'скаго русла, затѣмъ пересѣкли послѣднее и вышли на его правый берегъ, представляющій узкій отрѣзокъ той же каменистой пустыни, выклинивающійся на западъ въ новое расширеніе названнаго русла. Топографически этотъ мысъ составляетъ какъ-бы отпрыскъ хребта Ма-дунь-шань, да такимъ онъ, повидимому, и былъ когда-то, такъ какъ и теперь еще изъ-подъ гальки выступаетъ здѣсь кое-гдѣ коренная порода — сѣрый глинисто-кремнистый сланецъ.

Усыпанныя сѣрой галькой рыхлыя красныя отложенія (конгломераты и песчанистыя глины съ рѣдкими включеніями кристал-

---

[1]) Ib., стр. 528.

лическихъ аггрегатовъ гипса и поваренной соли) вообще не отличаются здѣсь значительной мощностью, вслѣдствіе чего служащія имъ постелью коренныя породы выступаютъ изъ подъ нихъ повсемѣстно и часто; такъ, еще наканунѣ, не доходя Я-цзы-чан'а, мы обошли обнаженіе буро-краснаго порфира, сегодня же, едва поднялись изъ ямы, какъ натолкнулись на щетки темнозеленаго филлита, которыя и тянулись вдоль дороги на протяженіи 700 саженъ.

Сѣвернѣе Ѣ-шуй'скаго сухого русла выходы коренныхъ породъ стали попадаться еще чаще. Да оно и понятно: мы обходили здѣсь западный конецъ хребта Ма-дунь-шань, размытый [1]) прибоемъ водъ когда-то бывшаго здѣсь залива и частью занесенный его отложеніями. Конецъ этотъ, судя по остаткамъ, слагали богатые выдѣленіями кварца сѣрые глинисто-кремнистые сланцы, прорванные жилами фельзитоваго порфира и діорита [2]); выходы послѣдняго оказались сильно разрушенными съ поверхности.

Порфировая гряда составляла водораздѣлъ между южнымъ и сѣвернымъ рукавами Янь-дунь'скаго протока. Пройдя послѣдній, мы поднялись на его высокій правый берегъ и вскорѣ достигли глубокаго оврага Отунъ-го-цзы [3]), гдѣ и остановились на лугу, у обильнаго водою ключа, выбивающагося изъ подъ круто обрывающейся здѣсь толщи детритуса близъ лежащихъ горъ; вѣроятно тамъ, въ этихъ горахъ, слѣдуетъ искать и вершину ушедшаго затѣмъ подъ землю источника.

Абсолютная высота урочища оказалась равной 3,940 фт.

Послѣ чая я поднялся на край балки для обозрѣнія окрестной страны, но успѣлъ окинуть взоромъ и зарисовать только южную часть горизонта, гдѣ круто падающія горы Бэй-шан'я кулисообразно заходили одна за другую, причемъ ихъ краевой контуръ представлялъ непрерывный рядъ выпуклыхъ линій, т. е. смѣну неглубокихъ бухтъ и острыхъ высокихъ мысовъ. У ихъ подошвы разстилалась щебневая пустыня, опускавшаяся на сѣверъ уступами — широкими и низкими, но все же уступами. Еще ближе къ протоку почва пріобрѣтала красный оттѣнокъ и странный запутан-

---

[1]) Сглаженныхъ водою обнаженій коренныхъ породъ я здѣсь вовсе не встрѣтилъ.

[2]) Поименованныя здѣсь горныя породы не исчерпываютъ всѣхъ обнаженій. Въ свое время проф. Мушкетовъ затруднился опредѣленіемъ образцовъ № 650, 656, 658 и 659; а засимъ я уже не имѣлъ возможности пополнить этотъ пробѣлъ.

[3]) Въ произношеніи мѣстныхъ жителей—Отунъ-коза. Обручевъ, согласно съ Пясецкимъ, называетъ это урочище Утунъ-оцзы; Сосновскій—Ву-дунь-о-цзы; у Ерзовскаго записано Утунъ-казы.

ный рельефъ, напоминающій ходы большого короѣда (Myelophilus piniperda) въ сосновой корѣ; ихъ намѣтила вода, а докончилъ вѣтеръ, которому и Янь-дунь'скій протокъ обязанъ въ значительной мѣрѣ своими размѣрами [1]).

Весь востокъ былъ занятъ горами... Но было ужь не до нихъ! Въ воздухѣ вдругъ потемнѣло... Зловѣщая свинцовая туча выкатилась изъ-за Карлыкъ-таг'а и какъ-то сразу заняла полъ горизонта. Рванулъ вѣтеръ и полилъ дождь... Но какой дождь! Ни вѣтра, ни грома, а между тѣмъ въ воздухѣ стоялъ глухой гулъ отъ низвергавшейся съ неба воды. Еще минута и къ нему присоединились новые звуки, возвѣстившіе намъ объ образованіи силевого потока. Счастье еще, что наши юрты стояли на возвышеніи, а то бы быть намъ на днѣ Янь-дунь'скаго русла! Впрочемъ, и такъ бѣда приключилась не малая. Юртовый войлокъ не выдержалъ новаго испытанія и далъ течь во многихъ мѣстахъ, и я не знаю, что бы удалось намъ спасти изъ коллекцій, если бы дождь лилъ не четверть часа, а нѣсколько долѣе. Но онъ вдругъ пересталъ, и вода такъ же быстро скатилась, какъ набѣжала...

Такіе ливни хотя не часты, но обычное явленіе въ странахъ съ континентальнымъ климатомъ, и я думаю, что только силевыми явленіями [2]) и можно объяснить ту сохранность древнихъ руслъ, какая наблюдается нынѣ повсемѣстно въ Бэй-шан'ѣ.

---

[1]) Долина Янь-дунь'скаго протока въ VII вѣкѣ была извѣстна подъ именемъ Мо-гянь-цзэ, а въ еще болѣе раннее время подъ именемъ Ша-хо или песчаной рѣки (См. St. Julien—„Histoire de la vie de Hiouen—Thsang et de ses voyages dans l'Inde", стр. 17 и 28). Vivien de Saint-Martin („Mémoire analytique sur la carte de l'Asie Centrale et de l'Inde") отождествляетъ эти названія съ пустыней Ма-кай; послѣдняя, согласно „Синь-цзянъ-чжи-лё" и другимъ китайскимъ географическимъ сочиненіямъ, лежитъ, однако, не къ сѣверу, а къ западу отъ г. Ша-чжоу.

[2]) „Силь"—мѣстное (тюркское) названіе внезапно устремляющихся съ горъ бурныхъ потоковъ дождевой воды. Сили въ Русскомъ Туркестанѣ, въ особенности въ Ферганѣ,—грозное бѣдствіе, съ которымъ администрація борется при помощи плотинъ и отводныхъ каналовъ. Въ Аравіи силевыя воды выводятся изъ ущелій въ заранѣе сооруженныя и постоянно ремонтируемыя цистерны и затѣмъ эксплоатируются въ ирригаціонныхъ цѣляхъ. См. Давлетшинъ—„Отчетъ о командировкѣ въ Хиджазъ", стр. 2. У Потанина („Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія", I, стр. 475—476) мы находимъ слѣдующее описаніе силя, наблюдавшагося имъ въ Монголіи 14 августа.

„Въ 11 часовъ утра началась гроза при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ; пошелъ дождь и потомъ градъ величиной съ горошину; къ 12 часамъ градъ прекратился, туча ушла на востокъ, западная часть неба очистилась. Дождемѣръ далъ 7,1 mm. По сухому руслу, возлѣ котораго стояли наши палатки, черезъ полчаса послѣ начала грозы потекла мутная рѣчка, такъ называемый по монгольски „уюръ", въ 1 сажень ширины и въ четверть аршина глубиной; къ часу пополудни уюръ прекратился. Послѣ грозы я пошелъ внизъ по долинѣ за сборомъ растеній и въ 3¼ часа пополудни внизу нашелъ текущій еще уюръ, хотя противъ стоянки его уже не было. Это значило, что по другимъ сухимъ русламъ уюры были обильнѣе водой, чѣмъ

Въ логу Отунъ-го-цзы силь оставилъ послѣ себя значительные слѣды въ видѣ навороченной гальки, конгломератныхъ глыбъ и стволовъ гребенщика, которые, будучи полузатянуты пескомъ и глиной, занесли большую часть лужайки.

Послѣ дождя небо оставалось до поздняго вечера затянутымъ облаками, которыя очень низко неслись надъ землей [1]); они скрыли даже ближайшія горы; а на слѣдующій день намъ уже не довелось нанести ихъ на карту, такъ какъ въ виду значительности предстоявшаго перехода, что-то около 55 верстъ, мы выступили въ Моръ-голъ до разсвѣта.

Въ сумеркахъ мы прошли около восьми верстъ, при первыхъ же лучахъ солнца я увидалъ такую картину.

Кругомъ — каменистую степь: сѣровато-желтый глинисто-песчаный грунтъ, устилающую его черную блестящую гальку, рѣдкіе кусты хвойника и низкорослаго саксаула [2]), и передъ собой — уходящую въ даль грязно-желтую ленту дороги [3]).

Этой дорогой, среди все той же монотонной пустыни, мы должны будемъ пройти сегодня еще многія версты, а потому самое лучшее, что мы теперь можемъ сдѣлать, это — запастись терпѣніемъ и порѣже справляться съ часами.

Убить время въ пустынѣ осенью положительно не на чемъ: неорганическая природа, донельзя однообразная, не представляетъ объектовъ для наблюденія, органическая же жизнь, и весной бѣдная и убогая, въ сентябрѣ въ конецъ замираетъ. Остается лишь созерцать дальніе горизонты, да переваривать въ думахъ вчера видѣнное.

На сей разъ я задался вопросомъ: почему галька пустыни въ одномъ мѣстѣ покрывается темнокоричневой коркой, въ другомъ—

въ руслѣ, проходившемъ подлѣ нашихъ палатокъ. Эта гроза впервые познакомила насъ съ гобійскими уюрами. Тотъ, который мы наблюдали, былъ, вѣроятно, не изъ особенно многоводныхъ".

[1]) Въ теченіе остального дня надъ нами проносились неоднократно градовыя тучи, но градъ каждый разъ падалъ не свыше трехъ минутъ и только одинъ разъ, вскорѣ послѣ ливня, шелъ минутъ десять.

[2]) Кромѣ этихъ кустарниковъ, въ пустынѣ изрѣдка попадались: Eurotia ceratoides, Atraphaxis lanceolata divaricata, Lycium ruthenicum, Kalidium sp. и близъ урочища Отунъ-го-цзы—Nitraria schoberi и Tamarix sp.; къ востоку отъ того же урочища я видѣлъ также нѣсколько экземпляровъ тограка (Populus euphratica).

[3]) Отъ урочища Отунъ-го-цзы эта дорога становится колесной; на двадцатой верстѣ отъ помянутаго урочища отъ нея отходитъ въ сѣверо-западномъ направленіи конная тропа, выводящая къ городу Чинъ-шэн'ю (см. т. I, стр. 487—489). Матусовскій (см. Потанинъ—„Очерки сѣверо-западной Монголіи", I, стр. 164) называетъ послѣдній Синь-чэн'омъ, что, можетъ быть, правильнѣе, такъ какъ и мнѣ называли его иногда Шинь-чэн'омъ (ср. т. I, стр. 250).

нѣтъ, хотя и тамъ и тутъ она состоитъ изъ однѣхъ и тѣхъ же горныхъ породъ? Играетъ-ли тутъ какую нибудь роль различная давность ихъ залеганія на поверхности почвы? Не думаю. Въ Бэй-шан'ѣ можно видѣть цѣлыя горы, покрытыя темной коркой и кажущіяся вылитыми изъ чугуна и рядомъ хребты безъ всякихъ слѣдовъ подобной коры; равнымъ образомъ въ Бэй-шан'ѣ же приходилось зачастую проѣзжать по долинамъ, усыпаннымъ пестрымъ щебнемъ, а нѣсколько далѣе щебнемъ, уже покрывавшимся темной коркой, при чемъ въ общихъ условіяхъ ихъ залеганія и въ составѣ нельзя было подмѣтить существенной разницы. Иногда даже въ осыпяхъ обломки такой прочной породы, какъ кварцъ, успѣвали покрываться бурой коркой, а иногда монолиты безъ всякихъ слѣдовъ поверхностнаго разрушенія сохраняли во всей неприкосновенности свою первобытную, слегка только потускнѣвшую окраску. Въ чемъ же разгадка этого любопытнаго явленія?

Припомнивъ, что темнобурая корка одѣваетъ скалы или на значительной высотѣ или на сторонахъ, защищенныхъ отъ господствующихъ сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, я остановился на мысли, что образованію коры мѣшаетъ переносный песокъ и что, стало быть, цвѣтная галька устилаетъ лишь такіе участки каменистой пустыни, которые наиболѣе подвержены дѣйствію постоянныхъ вѣтровъ; дѣйствительно, въ долинахъ, носящихъ явные слѣды раздуванія, я никогда не видѣлъ черной гальки. Впрочемъ, гипотеза эта еще требуетъ строгой провѣрки.

Съ дороги видна была только окрайняя гряда Карлыкъ-таг'а, все же, что находилось позади ея ровнаго низкаго гребня, затянулъ туманъ — испаренія вчера пролившагося дождя; такой же туманъ, хотя болѣе рѣдкій, позволявшій временами видѣть отвѣсныя красныя стѣны Янь-дунь'скаго русла и сопровождающія его столовыя возвышенія, стлался и на югѣ, но такъ низко, что поверхъ его явственно были видны отдѣльныя сопки Бэй-шан'я. Въ этихъ картинахъ не было ничего интереснаго, и намъ оставалось лишь терпѣливо ждать, чѣмъ подаритъ насъ западная часть горизонта, гдѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали появленія силуэта Моръ-гол'ской гряды. Наконецъ, на сороковой верстѣ отъ ночлега мы ее увидали.

— Ну, теперь уже близко!

Но мы шли еще добрыхъ три часа времени, и эти три часа показались намъ длиннѣе восьми уже проведенныхъ въ дорогѣ. Мазаръ-тагъ не давался намъ точно кладъ!

Но вотъ онъ вдругъ выросъ и вытянулся по направленію къ Карлыкъ-таг'у, откуда также стали подходить горы. Это былъ, безъ сомнѣнія, восточный изъ Ташъ-булак'скихъ кряжей. Мало по малу мы стали признавать мѣстность. Кому-то даже показалось, что онъ видитъ гробницу султана-улеми-Рахмета на гребнѣ Мазаръ-таг'а. Но я и въ бинокль ничего разсмотрѣть тамъ не могъ. Прошло еще полчаса въ безплодномъ выжиданіи какихъ-либо признаковъ близости человѣческаго жилья, какъ вдругъ, когда всего менѣе этого ждали, впереди раздался окрикъ:

— Рѣка!

Это была красавица Хо-или или Моръ-голъ [1]) одна изъ немногихъ рѣчекъ, добѣгающихъ и понынѣ до Янь-дунь'скаго русла, гдѣ ея воды образуютъ обширное тростниковое займище Торэ-аркынъ, извѣстное множествомъ водящихся тамъ кабановъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее переходитъ дорога, она течетъ въ руслѣ, проложенномъ въ рѣчникѣ, выше же ее тѣснятъ гранитныя скалы, которыя и препятствуютъ мѣстному населенію утилизировать ея воду для поливки полей; впрочемъ, попытки въ этомъ отношеніи дѣлались, да и сейчасъ еще внизъ по ея теченію виднѣются пашни, но только въ кускахъ, не превосходящихъ десяти саженъ.

Прозрачная и стремительная, въ ярко-зеленой рамкѣ изъ камышей и кустарниковъ [2]) Хо-или произвела на насъ чарующее впечатлѣніе. Явилась даже мысль стать на ней бивуакомъ.

— А хлѣбъ? а соль?

Къ свѣжему хлѣбу, дѣйствительно, давно уже стремились всѣ наши помыслы, а тутъ, какъ на грѣхъ, вчерашній ливень испортилъ все, что еще оставалось у насъ изъ запасенной муки, напитавъ ее солянымъ сиропомъ изъ мѣшка съ солью, попавшаго въ суматохѣ въ самое неблагополучное мѣсто; съ лепешками же мы прикончили еще въ уроч. Лу-цо-гу.

И такъ, снова въ путь!

Еще не доходя до рѣчки, влѣво отъ дороги, я замѣтилъ незначительный выходъ сѣраго кремнистаго сланца, далѣе же къ западу коренныя породы (преимущественно граниты) стали попа-

---

[1]) У Матусовскаго (l. c.) —Мяо-эръ-гоу, у Пясецкаго („Путешествіе по Китаю", II, стр. 932)—Эръ-гоу; у Обручева, какъ и у Ерзовскаго,—Хая. Послѣдняго названія намъ не довелось слышать, вмѣсто же Мяо-эръ-гоу явственно произносили Моръ-голъ. Ерзовскій селеніе называетъ Мерку, что ближе къ Мяо-эръ-гоу, чѣмъ къ Моръ-гол'у. На картѣ д'Анвиля рѣчка эта носитъ названіе Ontchi-pira (Аньчжи-бира).

[2]) Среди этихъ кустарниковъ я замѣтилъ лозу и Halimodendron argenteum, Fisch.

даться чаще. Впрочемъ, первое время мы ѣхали все тою же каменистою степью и только уже на третьей верстѣ вступили въ холмы, образующіе южный конецъ восточной Ташъ-булак'ской гряды. Первую цѣпь холмовъ слагалъ темносѣрый кремнистый сланецъ, вторую—блѣдно-красный біотитовый гранитъ, къ которому примыкали сильно разрушенныя съ поверхности желтовато-зеленыя горки эпидотоваго сланца. Съ этихъ холмовъ былъ уже хорошо виденъ китайскій Моръ-голъ, прислонившійся къ почти черному Мазаръ-таг'у [1]), а тамъ было уже рукой подать и до Ходжамъ-булака, гдѣ насъ встрѣтили съ распростертыми объятіями, какъ старыхъ знакомыхъ.

Въ Моръ-гол'ѣ мы дневали, чтобы дать отдыхъ нашимъ отощавшимъ животнымъ и сдѣлать вторичное астрономическое опредѣленіе пункта [2]).

Здѣсь мы разстались съ проводникомъ-китайцемъ, который горячо, но безуспѣшно, настаивалъ на необходимости избрать южную дорогу для перехода въ Хами. Пролегая по открытой степи, послѣдняя едва-ли, однако, могла дать намъ матеріалъ, въ чемъ-либо существенномъ дополняющій имѣвшіяся уже о ней свѣдѣнія [3]), между тѣмъ какъ даже самая небольшая экскурсія въ

---

[1]) Эту гряду мы прошли по сквозному ущелью въ февралѣ мѣсяцѣ (II, стр. 128); тогда же подымался я и на ея гребень, причемъ оказалось, что въ сложеніи ея восточнаго конца главное участіе принимаютъ плотный хлоритовый діабазъ и порода № 674, оставшаяся неопредѣленной. Нынѣ Обручевъ опубликовалъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ ея строеніи (op. cit., II, стр. 542—543), изъ коихъ явствуетъ, что въ средней и въ западной своихъ частяхъ она также образована почти исключительно массивными породами преимущественно эруптивнаго характера—гранитами, фельзитами, мелафирами и порфирами съ значительнымъ развитіемъ туфовъ и брекчій двухъ послѣднихъ породъ.

[2]) Абсолютная высота его оказалась равной 3,975 фт.

[3]) Эта дорога пройдена была въ 1875 году экспедиціей капитана Сосновскаго, въ послѣднее же время Обручевымъ. Обычными станціями на этомъ пути служатъ: урочище Чжанъгэнъ-цзы (въ 40 ли отъ Ходжамъ-булака), урочище Го-да-чинъ-цзы (Пясецкій, op. cit., стр. 939, пишетъ—Кэ-да-тинъ-цзы) (въ 50 ли отъ предшедшей), урочище Булунъ-тогракъ (въ 70 ли) сел. Карамукчи (въ 25 ли), Хами (въ 45 ли); верблюжьи караваны, чтобы миновать сел. Карамукчи, иногда останавливаются къ востоку отъ него, въ уроч. Саулакъ. Обручевъ называетъ уроч. Го-да-чинъ-цзы—сел. Га-да-динъ-цзе (ib., стр. 545); здѣсь когда-то дѣйствительно существовала станція, но не селеніе, возникновенію коего препятствуетъ отсутствіе проточной воды. Засимъ, изъ другихъ упоминаемыхъ имъ станцій, мы можемъ пріурочить—Хунъ-лю-канъ къ Саулаку и И-хо-шу къ Карамукчи; послѣднее названіе обязано своимъ происхожденіемъ зарослямъ акъ-текенека (турф.) или чита (хамійск.), ягоды коего идутъ въ красильное дѣло подъ именемъ карамукъ. Бергъ (см. Литвиновъ „Растенія береговъ Аральскаго моря и Сыръ-дарьинской области, собранныя Л. С. Бергомъ", въ „Извѣстіяхъ Туркест. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.", IV, вып. V, стр. 24) говоритъ, что на берегахъ Аральскаго моря и самый кустарникъ называется „карамукъ" (карамыкъ), но это едва-ли такъ. Матусовскій (l. c.) называетъ селеніе Карамукчи—Харъ-мукъ-чи или И-ко-шоръ, Ерзовскій—Хошу.

Карлыкъ-тагъ несомнѣнно должна была внести новое въ орографію этого мало изслѣдованнаго хребта. Видя неуспѣхъ своего домогательства, китаецъ, видимо, разсердился и потребовалъ немедленнаго разсчета, мы же, подрядивъ проводникомъ одного изъ мѣстныхъ обывателей, 26 сентября выступили прямой дорогой въ Хотунъ-тамъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Хамійскіе горцы (тагчи).

Фототипія В. Клевенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правил. Н. Каминскій.

ГЛАВА X.

Южной дорогой.

Первыя семь верстъ мы шли котловиной, залегающей между Мазаръ-таг'омъ и Ташъ-булак'скими гранитными грядами, по мѣстности, скудно поросшей чіемъ и хвойникомъ, послѣ чего вступили въ холмы самой западной изъ помянутыхъ грядъ, распавшейся въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее переходитъ дорога, на три рукава невысокихъ пригорковъ, сложенныхъ изъ различныхъ болѣе или менѣе красныхъ гранитовъ, выступавшихъ въ слѣдующей послѣдовательности съ юга на сѣверъ: свѣтло-красный крупнозернистый роговообманковый гранитъ, болѣе темный, очень мелкозернистый гранитъ (микрогранитъ), прорѣзанный фельзитомъ гранититъ и, наконецъ, хлоритовый среднезернистый гранитъ.

Переваливъ черезъ эту гряду, мы вышли въ равнину, изрѣзанную сухими руслами и арыками [1]), уходившими большею частью на югъ, гдѣ виднѣлись одиноко росшіе тополя; три версты дальше на глинисто-песчаной почвѣ этой равнины появились выцвѣты соли, травянистая растительность (камышъ, джантакъ, чій и Calamagrostis) стала гуще, и дорога на протяженіи четырехъ верстъ пошла типичнымъ солончакомъ. За границей этого послѣдняго травы вновь стали скудны, черными площадями появилась мелкая галька, и, мало по малу, мы втянулись въ пустыню, которой и шли до первыхъ хотунтамскихъ полей.

Въ Хотунъ-там'ѣ насъ встрѣтилъ дорга, который былъ извѣщенъ о нашемъ возвращеніи въ Моръ-голъ наканунѣ. Послѣ обмѣна привѣтствіями, онъ проводилъ насъ въ уже знакомое намъ помѣщеніе, гдѣ тотчасъ же сервированъ былъ дастарханъ: чай,

---

[1]) Русла эти принадлежатъ распавшейся на рукава рѣчкѣ Ардынъ.

изюмъ, пшеничныя лепешки и... дыни! Впослѣдствіи такія дыни мы забраковали бы, теперь же онѣ показались намъ безподобными, и на радостяхъ, что мы опять въ культурномъ районѣ, мы одарили доргу больше, чѣмъ позволялъ нашъ почти истощившійся запасъ бездѣлушекъ.

На слѣдующій день мы встали до свѣта, такъ какъ мнѣ предстоялъ далекій путь: дорогой на Баркуль добраться до Багдашской усадьбы и отсюда свернуть на Ортамъ, куда братъ долженъ былъ слѣдовать съ караваномъ прежней дорогой, вдоль южной подошвы хребта Карлыкъ-тагъ [1]).

До ущелья рѣчки Агликъ я ѣхалъ уже знакомымъ путемъ частью вдоль, частью поперекъ низкихъ черныхъ холмовъ, сложенныхъ изъ темно-зеленаго, очень мелкозернистаго, хлоритоваго діабаза. Холмы эти отдѣлялись узкой долиной отъ южныхъ уступовъ Карлыкъ-таг'а, который въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ нему подходитъ дорога, образованъ сѣрымъ хлоритовымъ среднезернистымъ гранитомъ. Среди скалъ этого гранита я вступилъ въ ущелье р. Агликъ и сто саженъ дальше сталъ взбираться на гребень отрога, образующаго его западный склонъ.

Этотъ первый подъемъ оказался настолько крутымъ, что его пришлось сдѣлать пѣшкомъ. Перевалъ носитъ названіе Тёшикъ-тагъ и при абсолютной высотѣ въ 7,179 фт. возвышается надъ рѣчкой футовъ на тысячу. Въ основаніи этой толщи лежитъ сѣро-зеленый хлоритовый гнейсогранитъ, выше же обнажается гнейсъ, переслаивающійся какъ съ хлоритовымъ сланцемъ, такъ и съ болѣе зеленымъ эпидотовымъ гнейсомъ. Пока мы спускались среди скалъ этихъ сланцевъ, растительность попадалась лишь кое-гдѣ и состояла изъ кипца и кустовъ шиповника (Rosa pimpinellifolia) и караганы (Caragana tragacanthoides); но ниже характеръ ландшафта вдругъ измѣнился: скала ушла подъ почву, а послѣднюю густымъ покровомъ одѣли полынь и кипецъ, среди коихъ виднѣлась зелень и другихъ растительныхъ типовъ. Мы вышли здѣсь въ межгорную падь, которая, несмотря на свою близость къ Хотунъ-там'у, оставалась почему-то нетронутою скотомъ. Это показалось мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ, что обиліемъ пастбищъ хотунтамцы

---

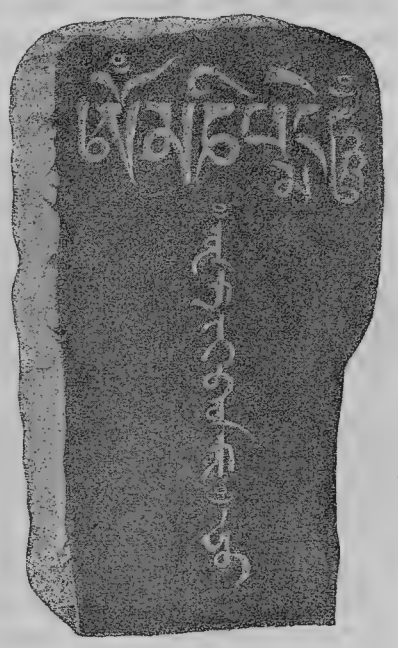
[1]) Въ прежнія времена Карлыкъ-тагъ былъ извѣстенъ подъ именами Гюй-ми-шань и Чжэ-ло-мань-шань (Ки-ло-мань-шань). См. St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers“ въ „Journ. Asiat.“, 4 série, 1846, VIII, стр. 240. Іакинфъ („Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана“, стр. XXXII) пишетъ Чэ-ло-мань-шань.

вообще похвалиться не могутъ. Недоумѣніе мое однако кончилось, когда дотолѣ упорно молчавшій проводникъ, обведя рукой долину, вдругъ объявилъ:

Ханское угодье!

Противуположный скатъ этой пади былъ пологій и выводилъ на перевалъ Тагнё-дабанъ, сложенный изъ среднезернистаго амфиболитоваго гранита, прорѣзаннаго жилами фельзита. Его абсолютная высота оказалась равной 7,608 фт.

Съ перевала открылся видъ на мрачное, скалистое ущелье рѣки Кырчумакъ (или Карчумакъ? [1]), которая съ оглушительнымъ шумомъ, вся въ пѣнѣ и брызгахъ, неслась среди огромныхъ камней. Вдоль ея русла виднѣлся рѣдкій лѣсъ тополей, которые подымали свои стройные стволы прямо изъ грудъ навороченной въ бортахъ гальки и валуновъ.



Ом-мани-падме-хум.

Эту рѣчку мы перешли по мосту, а затѣмъ версты двѣ ниже стали подыматься боковымъ ущельемъ ручья Шотоголъ на перевалъ Шото-дабанъ.

Ущелье это столь же дико, какъ и главное: исполинскія стѣны, голый камень и почти полное отсутствіе зелени характеризуютъ его суровую красоту, которая, вѣроятно, импонирующимъ образомъ дѣйствовала на душу прежняго обитателя этой горной пустыни. Иначе трудно понять, почему именно это ущелье избралъ онъ для подвиговъ благочестія, выразившихся въ выбитіи на скалахъ тибетскимъ и монгольскимъ алфавитомъ извѣстной буддійской формулы: *ом-мани-падме-хум* [2]).

---

[1]) Кырчумакъ, по словамъ туземцевъ, выбивается изъ подъ снѣга; уровень его крайне измѣнчивъ и случается даже, что онъ совершенно пересыхаетъ (ср. т. I, стр. 483).

[2]) Gabet пишетъ слѣдующее объ этой буддійской формулѣ:

„Om mani padmé houm, formule de prière bouddhique, la plus rèpandue et la plus populaire de toutes. Elle est tirée de la langue sanscrite et signifie litteralement: „salut, perle (renfermèe) dans le lotus“. Mais les Tibétains, en la faisant passer dans leur langue, y ont attaché un sens plus étendu, plus mystique et plus conforme à leur croyance: pour eux elle est le symbole de la doctrine de la métempsycose, et ils la traduisent par ces paroles: „la nature suit les lois de la métempsycose par la transmigration céleste et terrestre, par la transmigration humaine et animale“. On voit dans toute la Tartarie, mais plus encore dans le

Эти надписи украшаютъ гранитныя глыбы нѣсколько выше того мѣста, гдѣ порода эта смѣняетъ глинисто-слюдяной сланецъ, сопровождающій дорогу отъ устья ущелья. Шото-дабанъ, находящійся, какъ кажется, ближе другихъ переваловъ къ главной массѣ хребта, слагаетъ блѣдно-красный крупно-зернистый гранитъ, пересѣченный болѣе темнымъ мелкозернистымъ аплитомъ. Подъемъ на него идетъ третьестепеннымъ ущельемъ, крутъ, но коротокъ; спускъ столь-же крутъ и выводитъ въ широкую, но значительно всхолмленную падь, густо поросшую травами высокой степи, показавшимися мнѣ также нетронутыми скотомъ, хотя дальше намъ и попалось на встрѣчу огромное стадо барановъ, перегонявшееся вверхъ по долинѣ. Кстати замѣчу, что еще во времена Ванъ-Янь-дэ (въ 982 г.) въ Хамійскомъ княжествѣ разводились обѣ породы курдючной овцы: монгольская съ малымъ и киргизская съ большимъ курдюкомъ [1]), нынѣ же послѣдняя здѣсь совсѣмъ вывелась.

Обходя холмы, въ коихъ основная порода, сперва—темно-бурый кремнистый сланецъ, а затѣмъ—черный глинистый, обнажа-

---

Tibet, cette formule gravée comme inscription sur les monuments, sur le fronton des maisons et le portail des temples. On voit fréquemment de longues chaînes de bandelettes, faites de papier, de soie, de peaux ou d'autres matières, liées à des cordages allant d'un arbre à un autre, quelquefois suspendues au-dessus d'un fleuve et attachées au ravin de l'un à l'autre bord; on en trouve même tendues du sommet d'une montagne à celui de la montagne voisine, et qui couvrent le vallon d'une ombre toujours agitée. Chacune de ces bandelettes est ornée, en entier, de la prière mille fois répétée: Om mani padmé houm. Dans les déserts les chemins sont couverts de pierres sur lesquelles on distingue les débris de cette inscription à demi effacée; les rochers la montrent de loin au voyageur, écrite en caractères gigantesques". („Notice sur la prière bouddhique om mani padmé houm" въ „Journal Asiatique", 4 série, IX, 1847, стр. 462).

Дѣлаемый Габэ переводъ мистической формулы „ом-мани-падме-хум"—не точенъ („хум"—оставлено безъ перевода), даваемое же ей объясненіе не обосноваинѣе другихъ, предлагавшихся до сихъ поръ толкованій (см. хотя бы письмо Оленина, приложенное къ третьему тому „Путешествія въ Китай" Тимковскаго). „Ом-мани-падме-хумъ"—одно изъ многихъ магическихъ изреченій, такъ называемыхъ „мантръ" или „тарни", обращаемыхъ ламаитами къ своимъ божествамъ. Съ тарни „ом-мани-падме-хумъ" обращаются къ Аріябало или Аріявалокитешвара (санскр. Avalokitêçvara) или Хоншимъ бодисатвѣ, какъ руководителю перерожденій. Она потому и популярна, что способствуетъ избавленію отъ необходимости возрождаться, а стало-быть и скорѣйшему погруженію въ нирвану. Тарни въ большинствѣ случаевъ слагаются изъ совершенно непонятныхъ словъ или слоговъ, которымъ приписывается мистическое значеніе и таинственная сила, и формула „омъ-мани-падме-хумъ", повидимому, не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Во всякомъ случаѣ происхожденіе и точный ея смыслъ остаются и до настоящаго времени подъ сомнѣніемъ. Подробнѣе см. Waddell „Buddhism of Tibet, or Lamaism", стр. 141—151.

Вышеприведенными свѣдѣніями о формулѣ „ом-мани-падме-хумъ" я обязанъ В. Л. Котвичу, которому и приношу здѣсь свою благодарность.

[1]) St. Julien—„Relation d'un voyage dans le pays des Oïgours" въ „Journal Asiatique", 4 série, IX, 1847, стр. 55.

лась лишь по гребню или въ рѣдкихъ обрывахъ, мы постепенно поднялись на побочный отрогъ Чакыръ-дабанъ, за которымъ невдалекѣ слѣдовали еще два перевала—Еки (двойной) и Акъ-ташъ котёль, раздѣленные узкими травянистыми долинами, мало въ чемъ отличающимися отъ только что пройденной. Впрочемъ, восточный склонъ перевала Акъ-ташъ-котёль, какъ и самый перевалъ, былъ почти совершенно безплоденъ [1]).

Съ Акъ-ташъ-котёля открылся величественный видъ на мрачный Карлыгъ-тагъ, неприступной стѣной уходившій подъ облака, которыя клубами спускались въ долину по всѣмъ его дикимъ ущельямъ. Влѣво вставали также исполинскія скалы; онѣ неожиданно выростали на продолженіи Еки-котёль'скаго гребня, но, очевидно, состояли изъ другого матеріала, чѣмъ этотъ послѣдній. Впослѣдствіи я обогнулъ ихъ съ запада и убѣдился, что онѣ, дѣйствительно, сложены не изъ осадочныхъ, а массивныхъ кристаллическихъ породъ—гранита и сіенита. Впереди—пологій спускъ выводилъ насъ въ Багдашскую котловину.

На третьей верстѣ отъ перевала мы встрѣтили первыя пашни [2]) и первыхъ тагчей, отъ которыхъ узнали, что застанемъ въ Багдашѣ таджи Садыкъ-бека [3]), присланнаго изъ Хами для ревизіи ханской усадьбы. Я очень обрадовался этому извѣстію. Съ Садыкъ-бекомъ мы познакомились еще въ прошломъ году; онъ былъ свидѣтелемъ того расположенія, которое старался показывать намъ при всякомъ удобномъ случаѣ Шаа-Махсутъ, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить намъ теперь радушный пріемъ. Впрочемъ, многаго намъ и не требовалось: чашка горячаго чая, да, пожалуй, два-три указанія, которыя затруднился дать намъ нашъ молчаливый вожатый. Всю дорогу онъ понуро тащился въ хвостѣ, то и дѣло подгоняя свою лошаденку, которой оказался не подъ силу быстрый, почти 45-верстный перегонъ по крутогорью; а такъ какъ до ночлега въ Ортамѣ должно было остаться еще по крайней мѣрѣ 25 верстъ по такимъ же горамъ, то я, глядя на его жалкую фигуру, давно ужъ рѣшилъ съ нимъ развязаться въ Багдашѣ, благо оттуда дорога шла ущельемъ Гаибъ, гдѣ сбиться съ пути, какъ я думалъ, было нельзя.

---

[1]) Взятые мною здѣсь образцы—№ 696—основной породы, слагающей перевалъ, и № 697, ее прослаивающей, не были своевременно опредѣлены проф. Мушкетовымъ; нынѣ же я лишенъ возможности восполнить этотъ пробѣлъ.

[2]) Это урочище носитъ названіе Чарлыкъ.

[3]) См. т. II, фототип. табл. 2.

Багдашская усадьба славится своимъ фруктовымъ садомъ, но едва ли заслуженно; по крайней мѣрѣ поданныя намъ яблоки — сладкія, но мелкія и червивыя—оказались много хуже турфанскихъ. Она извѣстна также какъ центръ ханскаго коневодства.

Говорятъ, что нѣкогда багдашскія лошади считались лучшими во всемъ Притяньшаньѣ, теперь же отъ этой былой славы осталось немного. Ураганъ инсуррекціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ, такъ жестоко обрушившійся на Хамійскій оазисъ, разметалъ и хамійскіе табуны, такъ что, когда Шаа-Махсутъ принялъ, наконецъ, бразды правленія надъ разореннымъ краемъ, то не нашелъ въ княжескихъ конюшняхъ ни одной доброй лошади. Ихъ пришлось собирать по одиночкѣ, скупая что и гдѣ только возможно, лишь бы принадлежность къ прежнимъ ханскимъ табунамъ не подвергалась сомнѣнію. Такъ было сведено десятка два порядочныхъ матокъ и нѣсколько плохихъ жеребцовъ, которые и положили начало теперешнему заводу.

Изъ разспросовъ я убѣдился, что пріемы коневодства въ Хами тѣ же, что и въ нашихъ степныхъ хозяйствахъ: матки разбиваются на косяки, къ которымъ подпускается по одному жеребцу, причемъ никакого сознательнаго подбора не производится. Лошади круглый годъ находятся на подножномъ корму и подкармливаются заготовленнымъ сѣномъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Молодые, плохо развитые жеребцы холостятся и выводятся изъ табуна, кобылы же вовсе не сортируются.

Въ Багдашѣ мы пробыли не болѣе получаса [1]). Убѣдившись, что мы не останемся у него ночевать, Садыкъ-бекъ далъ понять, что въ такомъ случаѣ намъ сдѣдуетъ торопиться, дабы успѣть еще засвѣтло перевалить черезъ Ортамскій отрогъ, крутой и каменистый. Подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ мы даже отказались отъ чая и, наскоро покончивъ съ дыней и сухими закусками, рысью выѣхали изъ усадьбы по направленію къ виднѣвшемуся на югѣ ущелью Гаибъ.

Рѣчка Гаибъ выбѣгаетъ въ Багдашскую котловину съ запада [2]) и, соединившись здѣсь съ Багдашскимъ ручьемъ и принявъ его направленіе, устремляется шумнымъ потокомъ на югъ, въ глубокую щель между крутыми сіенитовыми утесами.

---

[1]) Его абсолютная высота равняется 6,640 фт.

Несмотря на кратковременность остановки, Глаголеву удалось подстрѣлить здѣсь для коллекціи Tharraleus atrigularis и Th. fulvescens.

[2]) О верхнемъ теченіи Гаиба см. т. I, стр. 480.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Постоялый дворъ въ Хами.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Преемн. Н. Каминскій.

Въ этомъ ущельи царилъ уже полусумракъ. Солнце успѣло закатиться за высокій гребень правобережныхъ скалъ и бросало изъ за нихъ прощальные лучи на вершины противоположныхъ горъ. Мы жадно слѣдили за тѣмъ, какъ одна за одной потухали эти вершины, и все шибче и шибче погоняли впередъ лошадей. Но увы! у меня на рукахъ была съемка пути, связанная съ остановками, которыя приходилось дѣлать чуть не на каждой верстѣ. Онѣ насъ задержали на столько, что къ перевалу мы подъѣхали уже въ глубокія сумерки.

— Ну что жъ! выберемся на гребень, такъ опять будетъ свѣтло!

И съ этою мыслью я сталъ взбираться на гребень отрога. Но дорога, до этого мѣста хорошо наѣзжанная, съ прочными новыми мостами, вдругъ превратилась въ узкую тропу и, вильнувъ въ сторону, пошла подъ гору...

Одинъ изъ покрытыхъ рисунками ортамскихъ валуновъ (см. т. I, стр. 480).

— Глаголевъ, а, вѣдь, пожалуй, мы не туда ѣдемъ...

— Должно быть, что такъ...

И точно по уговору мы повернули обратно; но и выбравшись на торный путь, мы тщетно искали сворота къ горамъ: его нигдѣ не было. Такъ доѣхали мы снова до спуска.

— Стало быть, вѣрно ѣхали!

Но нѣтъ! тропинка привела насъ къ рѣкѣ и уткнулась въ нее въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды ея съ пѣной перебрасывались черезъ огромные валуны. Осмотрѣлись: вдоль рѣки ни справа, ни слѣва дороги не было видно.

— Что-же теперь?

Рѣшили еще разъ попытать счастье и снова вернулись обратно. Обшарили гранитныя осыпи въ предположеніи, что, можетъ быть, ими пошла дорога на перевалъ, но... безуспѣшно! Между тѣмъ, совершенно стемнѣло, и такъ какъ у насъ не было иного выбора, какъ идти вдоль Гаиба, то я и спустился къ рѣкѣ. Не возвращаться же въ самомъ дѣлѣ обратно въ Багдашъ!

И вотъ начались наши мытарства!

Описывать ихъ я не буду, но они станутъ ясны, если мы представимъ себѣ тѣ условія, въ какихъ мы шли послѣднія пять — шесть верстъ по ущелью.

Ночь. Небо вызвѣздилось, но его слабое мерцаніе не достигаетъ дна ущелья, гдѣ все черно: и съ шумомъ несущаяся вода, и стѣснившія рѣку скалы, и разросшійся вдоль нея лѣсъ и кустарникъ, и, наконецъ, буреломъ и камни, торчащіе отовсюду. Все это сплелось и перемѣшалось въ дикій черный хаосъ, изъ котораго, казалось, не было выхода: отведешь рукой лѣзущія въ лицо вѣтви — наткнешься на камень, станешь его обходить — сорвешься въ воду потока...

У Глаголева нашлось штукъ двадцать сѣрничекъ. Въ критическіе моменты мы ими пользовались; но этихъ моментовъ оказалось такъ много, что запасъ ихъ былъ на первыхъ же порахъ израсходованъ и дальше мы уже двигались совершенно въ слѣпую.

Рисунокъ на одномъ изъ ортамскихъ валуновъ (см. т. I, стр. 480).

Въ Ортамскій садъ мы прибыли какъ разъ въ полночь, когда насъ перестали уже ждать, порѣшивъ, что непредвидѣнная случайность заставила насъ задержаться въ Багдашѣ. Всего нами пройдено было въ этотъ день 70 верстъ, съемкой же 60.

На слѣдующій день мы выступили въ Хами, куда и прибыли вскорѣ послѣ полудня. На этотъ разъ мы обошли туземный городъ съ востока и остановились на лугу, близъ его южной стѣны. Николай и Ташбалта, которымъ кто то далъ знать, что мы ѣдемъ, явились тотчасъ же. Они опередили насъ на двое сутокъ и остановились въ Синъ-чэнѣ, въ томъ же танѣ, въ которомъ когда-то стояли и мы.

Въ Хами мы разсчитывали отдохнуть по крайней мѣрѣ дней пять, но наши возчики этому воспротивились и объявили, что ни за что не выѣдутъ въ несчастный день.

— Но какой же день считаете вы благопріятнымъ для выѣзда?

— Десятое число десятой луны.

Это число соотвѣтствовало 2-му октября.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Ортамъ.

Фототипія В. Клясенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правил. Н. Каминскій.

Дѣлать нечего—пришлось покориться и выѣхать въ назначенный намъ китайцами день, но случай этотъ весьма кстати познакомилъ меня съ весьма распространеннымъ въ Китаѣ предразсудкомъ, не только подраздѣляющимъ всѣ дни въ году на счастливые и несчастные, но и отличающимъ среди этихъ послѣднихъ такіе, которые неблагопріятны для выѣзда въ одномъ какомъ нибудь направленіи, отъ такихъ, которые неблагопріятны для всякаго выѣзда, въ какомъ бы направленіи этотъ послѣдній не предпринимался [1]). И суевѣріе это настолько прочно вкоренилось въ души китайскихъ извозчиковъ, что было бы совершенно напраснымъ трудомъ убѣждать ихъ отъ него отказаться.

Въ Хами мы простились съ нашимъ вѣрнымъ Гассаномъ.

Въ лохмотьяхъ явился онъ къ намъ въ Урумчи. Началъ съ того, что за кусокъ хлѣба сталъ собирать казакамъ топливо, пасти барановъ и лошадей. Его допустили въ отрядъ, какъ передъ тѣмъ допустили собаку Кальту. У насъ нашлась лишняя лошадь, и онъ поѣхалъ за нами, подгоняя барановъ. Въ Гу-чэн'ѣ мы его одѣли; въ Хами ему порученъ былъ караванъ ишаковъ, и тутъ-то онъ показалъ себя настоящимъ мастеромъ своего дѣла. Всегда ровный, скромный, услужливый и работящій, онъ завоевалъ общую нашу симпатію, и теперь мы разставались съ нимъ, пожалуй, даже труднѣе, чѣмъ впослѣдствіи со старикомъ Сарымсакомъ. Но самъ Гассанъ былъ на седьмомъ небѣ, не потому, конечно, что покидалъ насъ, а потому, что одинъ годъ службы превратилъ его изъ нищаго въ богача; мы оставляли ему весь нашъ ишачій караванъ—12 молодыхъ, превосходныхъ животныхъ, все полагающееся сюда снаряженіе, верховую лошадь и лановъ двадцать денегъ. Съ этимъ онъ не только могъ начать извозное дѣло, но и становился въ ряды наиболѣе состоятельныхъ ишакчей; недаромъ же послѣдніе тотчасъ же стали величать его—баемъ!

Но если нами остался доволенъ Гассанъ, то того же нельзя сказать о хамійскомъ князѣ [2]), который, очевидно, ждалъ отъ насъ лучшихъ подарковъ, чѣмъ тѣ, которые мы могли ему предложить. Особенно же раздосадовалъ его нашъ рѣшительный отказъ пода-

---

[1]) Свѣдѣнія, относящіяся къ этому суевѣрію, читатель можетъ найти въ замѣткѣ Палладія Каѳарова „О торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ“, помѣщенной въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1850, IV, стр. 227. Счастливые и несчастные дни отмѣчаются ежегодно въ правительственномъ календарѣ.

[2]) Какъ читатель ниже увидитъ, обстоятельства даже такъ сложились, что съ послѣднимъ мы разошлись, не простившись.

рить ему штуцеръ Haedge'a. Онъ долго не хотѣлъ съ нимъ помириться и нѣсколько разъ подсылалъ къ Сарымсаку адъютантовъ съ вопросомъ: не измѣнили ли мы своего рѣшенія?

Въ Хами мы увеличили свой арбяной обозъ еще одной телѣгой, въ которую сложили ящики, оставшіеся на храненіи у вана, и рухлядь, шедшую на ишакахъ.

2 октября, не смотря на то, что мы выступили поздно, никто не явился насъ проводить. Гассанъ-бай еще наканунѣ ушелъ въ Су-чжоу, получивъ подходящій подрядъ, среди же мѣстнаго населенія у насъ какъ-то сразу не оказалось пріятелей: намъ давали почувствовать, что ванъ на насъ сердится...

Сейчасъ за городомъ дорога вышла на солонецъ. Блеклая растительность, грязно-желтая почва и желтоватая пыль, висѣвшая въ воздухѣ, придавали всему ландшафту до нельзя тоскливый характеръ. Онъ не измѣнился, когда мѣстность стала болѣе пресѣченной, и дорога пошла среди плоскихъ высотъ, сложенныхъ изъ глины, песка и мелкой гальки. Эти высоты перемежались съ впадинами, поросшими очень густо камышомъ и осокой; но и здѣсь глазу не на чемъ было остановиться—такъ все выглядѣло тускло, пыльно и однообразно въ своей сѣро-желтой окраскѣ. Пыль образовала и ту полупрозрачную завѣсу, за которой скрылась подошва Тянь-шан'я, тогда какъ его зубчатый гребень, увѣнчанный пятнами снѣга, рисовался довольно явственно на горизонтѣ.

Мы выступили изъ Хами [1]) послѣ полудня и лишь подъ вечеръ добрались до Сумкаго [2]), по китайски—Тоу-пу-ли, гдѣ и остановились въ небольшомъ, но опрятномъ дунганскомъ танѣ. Селеніе это расположилось въ ключевой впадинѣ, находящейся, повидимому, въ связи съ русломъ р. Ху-лу-гоу и развивающейся въ плоскій оврагъ южнѣе дороги.

---

[1]) Существующія опредѣленія абсолютной высоты этого города слѣдующія:

Кэри	3,600	фт.
Потанинъ	2,810	„
Грумъ-Гржимайло	2,762	„
Футтереръ	2,690	„
Bell	2,650	„
Пржевальскій	2,620	„
Козловъ	2,529	„
Обручевъ	2,362	„ (по рѣкѣ ниже Хами).

Если пренебречь явно ошибочнымъ опредѣленіемъ Кэри, то средняя выразится цифрой 2,633 фт.

[2]) На картѣ д'Анвилля „Soumen harho". Въ „Си-юй-вынь-цзянь-лу"—Сумукаргай (Іакинфъ—„Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана", стр. 97).

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Усыпальница Хамійскаго вана Баширъ-хана.

Фототипія В. Кивсенъ, С.-Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Преемн. Н. Каминскій.

На слѣдующій день выступили съ разсвѣтомъ.

Ѣхали знакомыми мѣстами, которыя выглядѣли еще печальнѣе, чѣмъ зимой. Тогда какъ-то мирился съ царствовавшимъ тутъ запустѣніемъ — мертвая природа вполнѣ съ нимъ гармонировала, а мѣстами лежавшій снѣгъ частью скрывалъ слѣды разрушенія,— теперь же картина погрома выступала во всемъ своемъ страшномъ объемѣ: запущенныя поля, заросшіе джантакомъ арыки, развалившіеся дома, остатки стѣнъ и группы деревьевъ за ними—все это напоминало о кипѣвшей здѣсь нѣкогда жизни и рисовало воображенію кровавыя сцены безпощаднаго избіенія сотенъ людей.

Со времени замиренія края прошло свыше пятнадцати лѣтъ, и, тѣмъ не менѣе, бѣглецы все еще продолжали возвращаться на родныя свои пепелища. Не всегда добровольно однако. Намъ передавали, что Шаа-Махсуту удалось исходатайствовать въ Пекинѣ приказъ о насильственномъ возвращеніи въ Хами тѣхъ изъ его подданныхъ, которые не пожелали бы добровольно вернуться на родину, и что приказъ этотъ сталъ приводиться въ исполненіе такъ ретиво, что вскорѣ большая дорога въ Хами запестрѣла переселенцами.

Одна такая группа попалась и намъ на пути.

Вереница арбъ, переполненныхъ скарбомъ, женщинами и дѣтворой, мужчины въ рубищѣ, подростки, то и дѣло подгонявшіе изъ силъ выбивавшихся лошадей, старцы на ишакахъ, весь этотъ караванъ, подымая невѣроятную пыль, медленно двигался намъ на встрѣчу и когда поравнялся, то отъ него повѣяло такой усталостью, нищетой и горемъ, что какъ-то не хотѣлось вѣрить, что это были люди, возвращавшіеся на родину послѣ долголѣтняго пребыванія на чужбинѣ.

Отъ нихъ-то мы и узнали о существованіи помянутаго приказа.

— Тамъ, въ Курлѣ, жаловались они, мы были свободны, сюда же возвращаемся крѣпостными; тамъ мы обжились, поженились, нажили дома и земли, а здѣсь насъ ожидаетъ жизнь впроголодь, если только не полная нищета. Намъ не дали возможности постепенно ликвидировать наши дѣла, насъ—разорили... и вотъ мы возвращаемся на родину бѣднѣе, чѣмъ были даже тогда, когда бѣжали отсюда.

Жалобамъ этимъ положилъ конецъ сопровождавшій караванъ китайскій солдатъ. При появленіи его хамійцы разсыпались, и возы ихъ, тяжело тронувшись съ мѣста, медленно покатились къ Хами.

Эта встрѣча случилась въ солонцахъ, къ западу отъ селенія Астына [1]). Солонцами, перемежавшимися съ песчано-щебневыми участками пустыни, мы проѣхали еще нѣсколько верстъ, а затѣмъ поднялись на песчано-известково-глинистое, частью распаханное плато, съ котораго открылся видъ на богатую ключами долину Ябешэ, сливающуюся на югѣ съ оазисами Лапчукъ и Кара-тюбе [2]). Многоводный ручей Ябешэ, какъ намъ говорили, образованъ ключами, которые выбиваются на дневную поверхность верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ дороги. Находятся ли эти послѣдніе въ связи съ исчезающими въ рыхломъ конгломератѣ водами р. Саиръ-кира, установить я не могъ, но въ направленіи глубокаго русла Ябешэ находится и ущелье, по которому сбѣгаетъ съ Тянь-шан'я въ низину помянутая рѣка. Вдоль Ябешэ виднѣлись пашни, группы деревьевъ и хутора.

Двѣ версты дальше мы вступили въ Токучи или Сань-пу-ли, гдѣ и остановились въ единственномъ на все селеніе танѣ. Токучи, разбросавшееся вдоль небольшой ключевой рѣчки, состоитъ изъ десятка домовъ, ютящихся въ тѣни тополей. Его абсолютная высота оказалась равной 2358 фт. [3]).

На слѣдующій день намъ предстоялъ путь по мѣстности, не пройденной минувшей зимой [4]), но о ней многаго сказать не приходится: это—почти безплодная пустыня, частью глинисто-песчаная, частью каменистая, сохранившая лишь въ немногихъ мѣстахъ остатки прежней культуры. Повидимому, она бѣдна даже грунтовой водой, а о проточной и говорить нечего: ключевые ручьи, которые мы пересѣкли зимой по дорогѣ изъ Джигды въ Токучи, сюда не доходятъ, очевидно, безъ остатка просачиваясь въ ея песчани-

---

[1]) Абсолютная высота этого селенія, по нашему опредѣленію, равняется 2,508 футамъ, по опредѣленію же Футтерера (op. cit., III, стр. 84)—2,690 футамъ.

[2]) Въ оазисѣ Кара-тюбе находился, повидимому, древній уѣздный городъ На-чжи, основанный лэуляньцами (Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“, III, геогр. указ., стр. 52; Успенскій—„Нѣсколько словъ объ округѣ Хами“ въ „Извѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, IX, 1873, стр. 2; ср. т. I, стр. 423 и 455, и то, что о На-чжи пишетъ Chavannes въ статьѣ—„Les pays d'Occident d'après le Wei-lio“ въ „Toung-pao“, série II, vol. VI, 1905, стр. 531—532).

На-чжи было туземнымъ (?) названіемъ Лэу-лян'и. Kingsmill („The Intercourse of China with Eastern Turkestan and the Adjacent Countries in the Second Century B. C.“ въ „The Journal of the Royal Asiatic Society of Gr. Britain and Ireland“, new series, XIV, стр. 79) полагаетъ, что первоначальное названіе Лэу-лян'и было Дардань.

[3]) Эта цифра—средняя для двухъ опредѣленій: декабрьскаго (1889 г.)—2,300 фт. и октябрьскаго (1890 г.)—2,416 фт.

[4]) Описаніе пути отъ Ляо-дун'я до Хами см. въ томѣ I, стр. 434—442.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Хамійская арба.

Хамійскіе нищіе.

Фототипія В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресмк. Н. Каминскій.

стую рыхлую почву. Только на третьей верстѣ отъ Токучи мы прошли, повидимому, ключевой логъ, густо поросшій травами и кустарникомъ, среди котораго я замѣтилъ и розу пустыни — Rosa elasmacantha, Trautv. Здѣсь сходились дороги: магистраль вела въ Турачи, вправо отходила дорога на селенія Деваджинъ (Де-ва-цзинъ) [1]) и Джигду, влѣво на селенія Чокагу и Чиктымъ.

Селеніе Чокагу находится въ преддверіи къ пустынѣ, которую китайцы въ древности называли Бо-лунъ-дуй, позднѣе же Фанъ-гоби (Fong-gobi) или Вѣтренной гоби [2]). Это—«долина бѣсовъ» Ванъ-Янь-дэ, о которой я имѣлъ уже случай говорить выше [3]). Съ тѣхъ поръ завѣса, скрывавшая ее отъ взоровъ европейцевъ, была сорвана экспелиціей Роборовскаго, который и далъ намъ довольно подробное ея описаніе [4]).

Изъ него слѣдуетъ, что то, что я писалъ объ этой части Центральной Азіи на основаніи разспросныхъ данныхъ и личныхъ наблюденій, въ общемъ отвѣчало дѣйствительности; не оправдалось только предположеніе о существованіи протока изъ Шонанор'ской въ Лукчунскую котловину; зато вполнѣ подтвердилась указанная мною тѣсная топографическая связь между Тянь-шан'емъ и Бэй-шан'емъ на меридіанѣ И-вань-цюань-цзы; впрочемъ, упоминая объ этой связи, я нѣсколько забѣгаю впередъ.

Пройдя описанной степью верстъ двадцать, мы вышли къ селенію Турачи, также Сы-пу-ли или Сань-дао-линъ, лежащему почти на границѣ Хамійскихъ владѣній; далѣе на западъ уже залегаетъ

---

[1]) Обручевъ едва ли не ошибочно называетъ этотъ поселокъ Сы-пу, что значитъ „четвертая деревня"; насколько мнѣ извѣстно, наименованіе это пріурочивается только къ Турачи, служащей четвертой станціей для обозовъ, слѣдующихъ изъ Хами въ западномъ направленіи.

[2]) St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers" въ „Journal Asiatique", quatrième série, VIII, 1846, стр. 241; Chavannes „Les pays d'Occident d'après le Wei-lio" въ „T'ung-pao", série 2, VI, 1905, стр. 529—530.

[3]) См. т. I, стр. 423.

[4]) „Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи", I, 1, стр. 116—122, 3, стр. 492—493; Козловъ, op. cit., II, 256—258. До Роборовскаго этой пустыней прошелъ англичанинъ Кэри (Carey—„Proceedings of the Royal Geographical Society", December, 1887); но онъ не далъ намъ ея описанія, карточка же его, приложенная къ XXX вып. „Сборника географ., топограф. и статист. матеріаловъ по Азіи", гдѣ помѣщенъ и переводъ его „A Journey round Chinese Turkestan and along the Northern Frontier of Tibet", ввела меня даже въ ошибку, такъ какъ я представилъ себѣ, что онъ былъ нашимъ предшественникомъ на большомъ колесномъ пути черезъ Чиктымъ, Янь-чи, Отунъ-го-цзы (Отунъ-коза), Чоглу-чай и Ляо-дунь (см. т. I, стр. 423). Такимъ предшественникомъ былъ, повидимому, только Юнгхусбендъ („Proceedings of the R. G. S.", August, 1888, гдѣ путь между Хами и Пичаномъ не описанъ), Кэри же вышелъ изъ Ляодун'я на дорогу Роборовскаго въ мѣстности Отраръ-кэмъ (Отракэма, Отра-гайма). Переводъ его отчета помѣщенъ также на страницахъ „Извѣстій Имп. Русск. Геогр. Общ.", 1888, XXIV, вып. I.

пустыня, благодаря которой пунктъ этотъ и превратился въ обычное мѣсто остановки обозовъ и каравановъ, слѣдующихъ изъ Хами въ Джунгарію или Турфанъ. Движеніе здѣсь большое, и, какъ говорятъ, содержатели мѣстныхъ таней дѣлаютъ недурныя дѣла. Мы выбрали тань, въ которомъ было меньше народу, но и тутъ еле добились отдѣльнаго помѣщенія. Впрочемъ, такое стеченіе проѣзжающихъ явленіе обычное только осенью, въ другіе же мѣсяцы, а особенно лѣтомъ, тани пустуютъ нерѣдко по суткамъ и болѣе.

Абсолютная высота Турачи оказалась равной 3,386 фт.—цифрѣ нѣсколько неожиданной, такъ какъ подъемъ равнины не казался намъ вовсе крутымъ. Согласно Футтереру, высота этого селенія даже больше, а именно, равняется 3,608 футамъ [1]).

Слѣдующій участокъ пустыни до мѣстечка Ляо-дунь [2]), длиной около 38 верстъ, мы пробѣжали менѣе, нежели въ шесть часовъ; дорога была здѣсь не только знакомой, но и настолько однообразной и скучной, что какъ-то невольно хотѣлось отбыть ее поскорѣе. Къ тому же на этотъ разъ мы не были связаны съемкой.

Къ Ляо-дун'ю дорога стала ровнѣе, но въ серединѣ пути мы то и дѣло пересѣкали лога, заваленные крупной галькой и валунами. Такая же галька устилала и почву равнины, притомъ мѣстами столь густо, что казалось, будто идешь не степью, а саемъ. Это обиліе голышей въ почвѣ дѣлаетъ послѣднюю почти непригодной для обработки, и, дѣйствительно, не смотря на близость подпочвенной воды, мѣстами выбивающейся и на поверхность, человѣкъ здѣсь дѣлалъ только попытки селиться и то отдѣльными хуторами. Отъ послѣднихъ сохранились теперь лишь слѣды карысей, одинокія деревья, да развалины зданій. Отсылая читателя за подробностями объ этомъ участкѣ пути къ XVIII главѣ перваго тома настоящаго труда, я здѣсь лишь замѣчу, что намѣчавшійся уже раньше крутой подъемъ Притяньшаньской равнины, достигав-

---

[1]) Op. cit., III, стр. 84.

[2]) На всѣхъ извѣстныхъ мнѣ картахъ мѣстечко это пишется и писалось Ло-дунъ; такъ и у меня оно было записано; но въ изданномъ въ 1889 году китайскомъ дорожникѣ „Синь-цзянъ-дао-ли-бао“ (т. е. Указатель дорогъ Синь-цзян'а) эта станція названа Ляо-дунь. См. Борнеманъ—„Записка о маршрутахъ по почтовымъ дорогамъ въ Синьцзянской провинціи“ („Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи“, вып. LVIII, стр. 128—140). Въ „Синь-цзянъ-чжи-лё“ также говорится о какой-то хамійской рѣчкѣ Ляо-дунь (см. St. Julien—„Hydrographie de la nouvelle frontière“ въ „Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques“, nouv. série, III, 1846, стр. 68). Наконецъ, и въ маршрутѣ, опубликованномъ Іакинфомъ („Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана“, стр. 237), станція эта названа Ляодун'емъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Лошадь съ Алтая. (безъ чолки.)

Рахметъ-ула (Т. I. стр. 382.)

Рахметъ-ула (Т. I. стр. 382.)

Хамійская бесѣдка передъ китайской кумирней.

Фототипія В. Клесенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Преемн. Н. Каминскій.

щій 125 футовъ на версту, выразился къ сѣверу отъ Турачи особенно рѣзко, составивъ болѣе 190 футовъ на ту же версту [1]).

Въ Ляо-дунь мы прибыли задолго до своего обоза и въ ожиданіи послѣдняго навѣстили нашего стараго знакомаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высшую мѣстную власть—ба-цзун'а (старшаго унтеръ-офицера), который, конечно, принялъ насъ съ подобающими почестями, а затѣмъ не замедлилъ отдать и визитъ. При этомъ нельзя не упомянуть объ одной подробности: въ его горницѣ, среди двухъ «дуй-цзи»—свитковъ съ мудрыми и поучительными изреченіями, мы нашли свои прошлогоднія визитныя карточки наклеенными на стѣну. Очевидно, это были единственныя карточки, которыя онъ когда либо получалъ!

Въ Ляо-дун'ѣ мы застали двухъ турфанлыковъ, которые, немного спустя, выѣхали прямой дорогой въ Пичанъ [2]). Они не разъ ѣздили этой дорогой, но, къ сожалѣнію, за недосугомъ, не могли намъ сообщить о ней многаго; все же мы узнали, что она много хуже той, по которой мы ѣхали, но опасна, главнымъ образомъ, только весной и зимой.

За Ляо-дун'емъ мы очутились въ пустынѣ, переходъ черезъ которую зимой казался намъ столь тяжелымъ. Но тогда насъ донимали вѣтеръ, морозы и длинные переходы; теперь же мы встрѣтили здѣсь умѣренное тепло, ясное небо, прозрачный воздухъ и полное въ немъ затишье. Пустыня представлялась намъ, очевидно, съ наилучшей своей стороны и въ такой обстановкѣ показалась намъ, дѣйствительно, не болѣе дикой, чѣмъ любая изъ каменистыхъ пустынь Средней Азіи. Мы нашли въ ней даже болѣе жизни, чѣмъ, напримѣръ, мѣстами въ Бэй-шан'ѣ или въ уже извѣстной читателю Харюзѣ.

Ляо-дунь расположенъ на краю оврага, дно котораго заросло ниже дороги камышомъ, чіемъ и разнообразнымъ кустарникомъ, среди котораго не послѣднее мѣсто занимаютъ бѣлый шиповникъ (Rosa elasmacantha), гребенщикъ (Tamarix laxa) и золотарникъ (Caragana pygmaea). Зимой тутъ держались джераны (Gazella

---

[1]) Существующія опредѣленія абсолютной высоты Ляо-дун'я слѣдующія:

Обручевъ	4,395 фт.
Футтереръ.....	4,297 „
Грумъ-Гржимайло..	3,957 „
средняя	4,216 фт.

[2]) На одномъ изъ нихъ былъ халатъ, подбитый мѣхомъ ирбиса (Felis uncia). По ихъ словамъ, звѣрь этотъ, хотя и рѣдко, но заходитъ въ восточный Тянь-шань.

subgutturosa), но сегодня ихъ не оказалось не только въ этой балкѣ, но и въ сосѣднихъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, они появляются въ нихъ только въ суровыя зимы, а такой, конечно, и была зима 1889 года.

За ляодуньскимъ оврагомъ мы переѣхали рядъ неглубокихъ, но широкихъ, руслоподобныхъ балокъ, напоминающихъ обыкновенные саи, отъ которыхъ онѣ отличаются тѣмъ, что выстилающая ихъ галька въ главной своей массѣ мѣстнаго происхожденія, освободившаяся изъ слагающаго здѣсь почву рыхлаго конгломерата, а не приносная издалека, далѣе же вступили въ широкую долину сѣверо-западнаго простиранія съ изборожденной росточами каменистой почвой. Обнаженія желтыхъ песчано-известково-глинистыхъ почвъ здѣсь исчезли, смѣнившись сѣрымъ пескомъ, изъ подъ котораго, на девятнадцатой верстѣ отъ Ляо-дун'я, выступила, наконецъ, и коренная порода—фельзитовый порфиръ сѣро-фіолетоваго и красно-фіолетоваго цвѣтовъ. Прежде я думалъ, что и холмы къ югу отъ дороги слагаетъ тотъ-же порфиръ, но Обручевъ нашелъ [1]), что они образованы гобійскими породами, чего нельзя было бы сказать, судя по ихъ внѣшнему habitus'у.

Станція И-вань-цюань-цзы [2]) или Тао-лай-тай выстроена на юру у небольшого ключа и состоитъ изъ одного казеннаго таня, находящагося въ вѣдомствѣ баркульскаго пристава [3]). Абсолютная высота долины, среди которой она расположена, достигаетъ 4,900 фт., являясь наибольшей для всего пути между Хами и Чиктымомъ.

На слѣдующій день мы выступили до солнечнаго восхода; когда же солнце взошло, то мы увидали себя среди зеленыхъ холмовъ, образованныхъ конгломератами, сланцеватыми глинами и глинистыми песчаниками. Съ одного изъ этихъ холмовъ я увидалъ картину, которая поразила меня не столько неожиданно обширной панорамой горъ и долинъ, сколько страннымъ атмосферическимъ явленіемъ, которому я и сейчасъ затрудняюсь дать объясненіе.

Небо блѣдно-голубого цвѣта — совершенно чистое, безоблачное; подъ нимъ на рѣдкость прозрачный воздухъ, позволявшій видѣть гребни горъ на необыкновенно далекое разстояніе, а еще

---

[1]) Op. cit., II, стр. 563.

[2]) Согласно „Синь-цзянь-дао-ли-бао"; у насъ же было записано Иванъ-чанза.

[3]) Границей Хамійскаго приставства на западѣ служитъ Ляо-дунь, на сѣверѣ Нань-шань-коу, на югѣ Синъ-синъ-ся (Шинъ-шинъ-ся, см. т. II, стр. 142); границей Турфанскаго приставства на востокѣ служитъ укрѣпленіе Чиктымъ; мѣстность же между Чиктымомъ и Ляо-дун'емъ входитъ въ составъ Чжэньсійскаго или Баркульскаго приставства, которое на западѣ, по Бэй-лу граничитъ съ Ци-тай'скимъ уѣздомъ въ мѣстности Гашунъ (Цзи-цзи-тай).

ниже — густой туманъ, укрывавшій всѣ пади и горные склоны. Получалось впечатлѣніе, точно находишься не въ самой сухой части Центральной Азіи, а во влажныхъ и знойныхъ Ганьсуйскихъ горахъ, гдѣ такія картины обычное явленіе по утрамъ, послѣ обильно наканунѣ выпавшаго дождя. Горы же рисовались отсюда въ такомъ видѣ. Подымающаяся вправо высокая Чоглу-чай'ская гряда уходила далеко на западо-юго-западъ [1]) и своими же отрогами почти прикрывала свой южный конецъ, а прямо передо мною вставала другая гряда — низкая, но скалистая, служившая сѣверной гранью того океана тумана, который устилалъ далѣе всѣ низины и надъ которымъ высились гребни двухъ параллельныхъ грядъ: ближней—зубчатый, и дальней — болѣе высокій и ровный, тѣсно сходившіеся на меридіанѣ И-вань-цюань-цзы. Послѣдній изъ этихъ гребней я принялъ за Чоль-тагъ [2]), а за нимъ я увидѣлъ расплывшуюся въ синей мглѣ массу горъ, надъ которой одиноко подымалась вершина грязно-желтаго цвѣта.

Подъ впечатлѣніемъ этой картины я писалъ съ дороги о наблюдаемой здѣсь тѣсной топографической связи между горами Бэй-шань'ской и Тянь-шань'ской системъ, но только теперь, когда маршруты Роборовскаго и Козлова опубликованы, я могу вполнѣ взвѣсить то, что я видѣлъ: первая полоса тумана выстилала долину между Чоглучайскими грядами и высотами, ограничивающими съ сѣвера прямой путь между Хами и Пичаномъ, вторая — эти послѣднія отъ Чоль-таг'а. Послѣдній выглядѣлъ ближе, а падь, отдѣляющая его отъ Тянь-шань'скихъ грядъ, уже, чѣмъ это оказалось въ дѣйствительности, но такая ошибочность впечатлѣнія легко объясняется миражемъ и дальностью разстоянія. Засимъ вздутіе, смыкающее Чоль-тагъ съ горными грядами тяньшаньской системы, оказалось не прорваннымъ, какъ я подозрѣвалъ это, Яньдуньскимъ протокомъ, а водораздѣльнымъ между бассейнами Шонанора и Боджинтэ-куля. Къ сожалѣнію, о природѣ этого вздутія намъ ничего неизвѣстно. Правда, въ книгѣ Козлова говорится о

---

[1]) На стр. 430—431 перваго тома я писалъ, что Чоглучайская гряда имѣетъ юго-восточное простираніе. Это тѣмъ болѣе непонятная описка, что и въ дневникѣ и на маршрутной съемкѣ ей дано ея дѣйствительное западо-юго-западное направленіе; во всякомъ случаѣ, тутъ не было „ошибки въ чтеніи компаса или въ записи наблюденій", какъ это думаетъ Обручевъ (op. cit., II, стр. 573), чему подтвержденіемъ служитъ данное нѣсколько ниже (на стр. 499) указаніе, что Чоглучайская гряда сходится подъ прямымъ угломъ съ Баркульскими горами.

[2]) Въ первомъ томѣ я ошибочно, какъ полагаетъ Катановъ („Ученыя Записки Имп. Казанскаго Унив.", 1898 г., № 4), писалъ Чолъ-тагъ.

*

томъ, что къ западу и востоку отъ него простираются плоскіе холмы, гряды и столовыя возвышенія, сложенные по большей части изъ красныхъ гобійскихъ отложеній [1]), но изъ этого указанія еще нельзя вывести заключенія, что и самое вздутіе сложено изъ тѣхъ же красныхъ породъ. Къ тому же, хотя нынѣ и принято всѣ средне-азіятскія отложенія съ болѣе или менѣе красной окраской относить къ гобійскимъ, но такое опредѣленіе далеко не всегда можетъ оказаться удачнымъ, въ особенности же на пространствѣ между Хами и Турфаномъ, т. е. въ области частыхъ и обширныхъ выходовъ юрскихъ пестрыхъ, и въ томъ числѣ красныхъ и желтыхъ, песчаниковъ; а что они распространены и въ «долинѣ бѣсовъ», явствуетъ изъ того, что на пути къ урочищу Сары-камышъ экспедиція Роборовскаго встрѣтила каменноугольныя копи [2]).

Спустившись съ холма, я догналъ караванъ, когда онъ вступилъ уже въ Чоглучайскія гряды [3]), сложенныя изъ осадочныхъ и изверженныхъ горныхъ породъ, выступающихъ въ такой послѣдовательности вдоль дороги: сѣро-зеленые песчаники и конгломераты, сѣро-фіолетовые мелафировые порфириты и такого же цвѣта кварцевые порфиры, красные кварцевые порфиры [4]), красные конгломераты (пуддинги) [5]), темнозеленые и темнобурые конгломераты и, наконецъ, ярко-зеленые глинистые песчаники и сланцы, обрывающіеся уже въ сторону котловины Отунъ-го-цзы или Отунъ-во [6]).

На станціи Чоглу-чай [7]) или Тао-лай-цзинъ-тай мы застали большой съѣздъ китайскихъ фургоновъ, множество лошадей и китайскихъ солдатъ, конвоировавшихъ какую-то важную особу, воз-

---

[1]) Op. cit., стр. 257.

[2]) Op. cit, стр. 118.

[3]) Повидимому, это о Чоглучайскихъ горахъ пишется: „Au sud de Hami la route se trouve interrompue. On se dirige alors au nord (раздѣленіе дорогъ въ Ляо-дунѣ) et l'on franchit le passage de montagne appelé Oukeke-ling. On marche entre deux montagnes pour échapper aux dangers du Fong-gobi, c'est-à-dire du dèsert battu par le vent. En sortant d'entre ces montagnes, on arrive au lac Salé (Yen-tchi). (St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographes et des historiens chinois" въ „Journal Asiatique", 4 sér., VIII, стр. 241). Въ прежнее время (да и теперь еще въ китайскихъ дорожникахъ) котловина Отунъ-го-цзы называлась Янь-чи.

[4]) Холмы и гряды, сложенные изъ извреженныхъ породъ, были ниже остальныхъ высотъ, мѣстами же эти породы подстилали осадочныя образованія.

[5]) Подробнѣе объ этихъ конгломератахъ см. т. I, стр. 430.

[6]) Въ мѣстномъ произношеніи Отунъ-коза; такъ пишетъ и Футтереръ. Обручевъ называетъ эту станцію Дунъ-іенчже (слѣдуетъ писать—Дунъ-Янь-чи), что значитъ—восточная Янь-ча въ отличіе отъ западной—Си-Янь-чи. Ср. „Синь-цзянь-дао-ли-бяо".

[7]) Въ „Синь-цзянъ-дао-ли-бяо"—Чэ-гу-лу. Ея абсолютная высота опредѣлена была Футтереромъ (op. cit., III, стр. 84) въ 5,396 фт., нами въ 4,597 фт.

вращавшуюся изъ Илійскаго края на родину. Къ счастью, разсчитывая сегодня же добраться до станціи Ци-ге-цзинъ-цзы или, по мѣстному произношенію — Чи-гэ-чинъ-цзы (Чигэ-чинза), мы не предполагали здѣсь останавливаться.

Чоглучайское ущелье вывело насъ на каменистое, изборожденное росточами плато, которымъ мы и шли десять верстъ, постепенно спускаясь по его террасовиднымъ уступамъ; еще дальше мы пересѣкли широкое русло былой рѣки, уходившей на юго-западъ, въ узкій просвѣтъ между Яньчинской и Чоглучайской грядой [1]), и, наконецъ, вступили на солонцовую почву котловины Отунъ-во.

Когда-то на этомъ солонцѣ росъ тограковый (Populus euphratica) лѣсъ, теперь же отъ него остались одни только пни, да жалкіе дуплистые отдѣльные экземпляры. Обручевъ не соглашается со мной, что это порубище и, приписывая гибель лѣса естественной его смерти вслѣдствіе пониженія уровня почвенныхъ водъ, осолоненія почвы или обѣихъ причинъ, дѣйствовавшихъ одновременно, восклицаетъ: «И кому нужны въ этой уединенной мѣстности отвратительныя тополевыя дрова, пропитанныя солью и съ трудомъ загорающіяся?» [2]).

На это отвѣчу: всѣмъ тѣмъ, кто подъ руками не имѣетъ топлива получше.

Лѣсъ этотъ, однако, идетъ не на однѣ только дрова, но и на подѣлки, и еслибы Обручевъ потрудился внимательнѣе осмотрѣться на той же станціи Ци-гэ-цзинъ-цзы, то, безъ сомнѣнія, замѣтилъ бы, что все пошедшее на нее дерево—мѣстный тогракъ. Не думаю, чтобы тогракъ, растущій по Юрунъ-кашу, много превосходилъ своимъ качествомъ тогракъ урочища Отунъ-во, однако, вотъ что о немъ пишетъ Пржевальскій [3]): «Деревья тограка начинаютъ попадаться возлѣ лянгера Яманъ-бюкъ [4]); настоящіе же тограковые лѣса потянулись лишь за оазисомъ Тавекъ-кэль. Однако, въ ближайшихъ его окрестностяхъ всетаки много рубятъ названныхъ деревьевъ и

---

[1]) Это, очевидно, одна изъ вершинъ той рѣки, которая нѣкогда протекала близъ Чонъ-Асса-шара (см. т. I, стр. 311—315). Не эту ли послѣднюю китайцы при первомъ знакомствѣ своемъ съ нынѣшнею Турфанской областью называли Янь-шуй? О р. Янь-шуй говорится, что она протекала въ округѣ Си-чжоу, въ восточной части Гаочанскаго уѣзда, по песчаной пустынѣ, гдѣ дорога, заметаемая песками, опознается лишь по скотскому помету и трупамъ людей и животныхъ (Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“, III, географ. указат., стр. 115).

[2]) Op. cit., II, стр. 575.

[3]) „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи“, стр. 465.

[4]) „Выше этого лянгера тогракъ *истребленъ*“ (Пржевальскій).

возятъ ихъ на быкахъ въ Хотанъ для построекъ». Буквально то же пишетъ и Пѣвцовъ о тограковыхъ лѣсахъ по Яркендской рѣкѣ [1]).

Обручевъ далѣе ставитъ вопросъ: почему лѣсорубы оставляли пни самой различной высоты?

Да потому, что правильной порубки можно ожидать только тамъ, гдѣ ведется правильное лѣсное хозяйство, а не тамъ, гдѣ каждый воленъ рубить то, что ему вздумается; въ частности же по отношенію къ тограку, этотъ фактъ объясняется еще и дуплистостью его рѣдко прямого ствола.

Въ заключеніе я еще разъ подтверждаю, что то, что мы видимъ въ окрестностяхъ станціи Ци-гэ-цзинъ-цзы, нисколько не напоминаетъ картину мертваго тополеваго лѣса.

Пройдя солонцами верстъ пять, мы, наконецъ, увидали изъ-за кустовъ гребенщика приземистыя зданія помянутой станціи, гдѣ и остановились, очень довольные, что наконецъ-то мы прибыли къ тому пункту дороги, откуда долженъ былъ пойти никѣмъ еще не пройденный путь. Абсолютная высота этой станціи оказалась въ круглой цифрѣ на 1,500 фт. меньше, чѣмъ высота станціи Чоглучай, и на 1,800 фт. меньше, чѣмъ высота станціи И-вань-цюань-цзы [2]); разстояніе же отъ первой 25, а отъ второй 44 версты.

Въ Ци-гэ-цзинъ-цзы мы оставили турфанскую дорогу и, повернувъ на сѣверъ, перевалили Тянь-шань и вышли въ Джунгарію, гдѣ насъ встрѣтили снѣгъ и непогода. Какъ ни низокъ въ этомъ мѣстѣ Тянь-шань, все же онъ составляетъ замѣтную климатическую границу между Бэй-лу и Нань-лу, почему именно здѣсь всего умѣстнѣе сказать нѣсколько словъ о климатическихъ особенностяхъ оставшейся у насъ теперь позади Гобійской пустыни.

Періодъ наблюденій обнимаетъ 43 дня, съ 26 августа по 7 октября, въ теченіе коихъ нами пройдено было 830 верстъ; въ томъ числѣ: въ предѣлахъ Бэй-шан'я—270 верстъ (12 дней), по дорогѣ вдоль сѣвернаго склона Нань-шан'я — 222 версты (17 дней) и по южной тяньшаньской дорогѣ 338 верстъ (14 дней). Абсолютная

---

[1]) „Труды Тибетской экспедиціи", I, стр. 77. У Богдановича, op. cit., II, стр. 14, также читаемъ: „Въ Кашгаріи исключительно пользуются деревянной посудой, обильный и прекрасный матеріалъ для которой доставляютъ тутовое дерево оазисовъ и тоногракъ пустыни".

[2]) Абсолютная высота станціи Ци-гэ-цзинъ-цзы опредѣлена была:

Футтереромъ	въ.	3,149 фт.
Грумъ-Гржимайло	„	3,095 „
Обручевымъ	„	2,690 „
что даетъ среднюю	. . .	2,978 фт.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Семь муллушекъ, построенныхъ въ память семи дѣвицъ, согласно легендѣ, обращенныхъ въ камни на гребнѣ горы Іеты-кызъ (Тузъ-тау). (Т, I, стр. 309.)

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Преемн. Н. Каминскій.

высота мѣстности на этомъ пути колебалась между 2,350 фт. (селеніе Токучи) и 7,418 фт. (перевалъ Ши-фынъ-ша-хо-цзы въ Бэй-шан'ѣ), оставаясь на значительномъ протяженіи въ предѣлахъ между 4,000 и 6,000 фт., что имѣетъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что мы находились почти въ безпрерывномъ передвиженіи, дневали рѣдко и на нѣсколько дней останавливались только въ двухъ пунктахъ: въ г. Су-чжоу на девять и въ г. Хами на три дня. Такимъ образомъ наши наблюденія приходятся на мѣстность съ средней абсолютной высотой въ 5,000 фт. [1]).

Изъ общаго числа дней наблюденія безоблачныхъ оказалось пять, ясныхъ, т. е. такихъ, когда небо было подернуто перистыми (cirrus), перисто-кучевыми (cirro-cumulus) и перисто-слоистыми (cirro-stratus) облаками въ теченіе полныхъ сутокъ—18, облачныхъ, т. е. такихъ, когда небосклонъ былъ частью покрытъ слоистыми (alto-stratus) и кучевыми (alto-cumulus) облаками въ теченіе всего дня,—три и, наконецъ, пасмурныхъ, когда небо было сплошь или большею частью затянуто дождевыми (nimbus) или слоистыми (strato-cumulus) облаками,—три, въ остальные же 14 дней наблюдалось перемѣнное состояніе неба: въ двухъ случаяхъ небосклонъ былъ наполовину—безоблачнымъ, наполовину—яснымъ, въ трехъ на половину яснымъ, наполовину облачнымъ, въ слѣдующихъ трехъ слоисто-кучевыя облака заволакивали на значительные промежутки времени весь небосклонъ и въ пяти случаяхъ формы облаковъ въ теченіе сутокъ отличались чрезвычайнымъ непостоянствомъ; именно одинъ изъ такихъ дней (23 сентября) ознаменовался ливнемъ и

---

[1]) Эта средняя выведена была мною изъ слѣдующихъ данныхъ:

г. Су-чжоу-фу	4,985 фт.
Цзя-юй-гуань	5,860 „
Инь-пань-фу-цзы	4,255 „
Ши-дунь	4,718 „
р. Су-лай-хе	4,754 „
Средняя для сѣвернаго Принаньшанья	4,914 фт.
Кол. Улунъ-чуань	5,666 фт.
„ Лу-чжа-дунь	6,660 „
„ Лу-цо-гу	6,775 „
„ Лю-цзинъ-цза	6,791 „
„ Ло-ба-чэнъ	6,900 „
Кл. Чжи-чжэ-гу	6,942 „
„ Отунъ-да-цзы-чанъ	6,109 „
„ Я-цзы-чанъ	4,908 „
Средняя для Бэй-шан'я	6,344 фт.
Кл. Отунъ-го-цзы	3,940 фт.
„ Моръ-голъ	3,975 „
сел. Хотунъ-тамъ	5,650 „
„ Ортамъ	3,675 „
г. Хами	2,762 „
сел. Токучи	2,358 „
„ Турачи	3,386 „
„ Ляо-дунь	3,957 „
ст. И-вань-цюань-цзы	4,889 „
„ Ци-гэ-цзинъ-цзы	3,095 „
Средняя для южнаго Притянь-шанья	3,769 фт.
Общая средняя	5,009 фт.

градомъ. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что ясное состояніе небосклона въ осеннее время является преобладающей особенностью климата Гобійской пустыни и прилегающихъ къ ней мѣстностей.

Дождь перепадалъ три раза, однажды же шелъ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, напоминая осенній дождь средней полосы Россіи; засимъ, 23 сентября, какъ сказано выше, ливень сопровождался градомъ, причемъ въ то время, какъ тучи шли съ сѣверо-запада, низовой вѣтеръ дулъ съ сѣверо-востока. Въ двухъ случаяхъ дождю предшествовалъ сильный порывистый вѣтеръ съ запада, несшій тучи песку; въ третьемъ случаѣ вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада. Росы я вовсе не наблюдалъ, но иней—неоднократно.

Вѣтреныхъ дней оказалось 18, что составитъ нѣсколько менѣе 40 процентовъ общаго числа дней наблюденія. Сильный вѣтеръ зарегистрированъ пять разъ; въ двухъ случаяхъ онъ шелъ съ запада, въ двухъ съ сѣверо-запада и въ одномъ съ сѣвера. Особой правильности въ возникновеніи этихъ вѣтровъ не наблюдалось; они не отличались также и большой продолжительностью—замѣчаніе, которое должно быть въ равной мѣрѣ отнесено и къ болѣе слабымъ вѣтрамъ. Вообще частое затишье въ воздухѣ — такая же характерная черта осенняго центрально-азіатскаго климата, какъ и ясность погоды. Въ зависимости отъ этого и пыльныхъ тумановъ наблюдать намъ вовсе не приходилось [1]), зато прозрачность воздуха иной разъ была настолько велика, что позволяла видѣть особенности рельефа страны на десятки верстъ во всѣ стороны. Что касается преобладающаго направленія вѣтровъ, то оно осталось невыясненнымъ; все же, какъ видно изъ ниже приводимыхъ данныхъ, численный перевѣсъ остался за вѣтрами, дувшими съ западной стороны горизонта.

	число наблюденій	безоблачно	ясно	облачно	перемѣнно	пасмурно.
C	25 (полн. сутокъ)	5	16	—	4	—
N	2	—	2	—	—	—
NW	6	—	1	2	2	1
W	6	—	2	—	3	1
SW	4	—	2	—	1	1
S	0	—	—	—	—	—
SO	0	—	—	—	—	—
O	1	—	—	—	1	—
NO	6	—	2	1	3	—

[1]) Ср. Роборовскій „Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи", III, метеорол. наблюд., стр. 8—9.—Пыль наблюдалась однажды, да и то въ предѣлахъ Пичанскаго оазиса.

Анализируя вышеприведенныя данныя, невольно поражаешься значительнымъ преобладаніемъ затишья даже въ такихъ мѣстностяхъ, которыя непосредственно прилегаютъ къ знаменитой своими вѣтрами Фанъ-гоби [1]); такъ, въ Хами мы еще чувствовали слабый сѣверо-восточный вѣтеръ, но при дальнѣйшемъ движеніи нашемъ на западъ въ воздухѣ стояла необычайная тишина; даже бризовъ, столь, казалось бы, естественныхъ въ мѣстности между Тянь-шань'скимъ хребтомъ и Шона-нор'ской котловиной, не ощущалось. Предоставляя объясненіе этого факта лицамъ, болѣе меня свѣдущимъ въ метеорологіи, я все же считаю не лишнимъ указать на то обстоятельство, что декабрьскія наблюденія Роборовскаго [2]) въ помянутой пустынѣ также свидѣтельствуютъ о значительномъ преобладаніи затишья надъ вѣтреной погодой.

Впервые въ разсматриваемый періодъ термометръ опустился ниже 0^0 (до -2^0) въ 4 часа утра 14 сентября, въ мѣстности Лучжа-дунь (6,660 фт.), при пасмурномъ небѣ и юго-западномъ вѣтрѣ, дувшемъ порывами; въ дальнѣйшемъ же, пока мы не вышли изъ Бэй-шань'скихъ горъ, утренники были явленіемъ постояннымъ, причемъ передъ восходомъ солнца морозъ достигалъ обыкновенно 4—6 градусовъ, и только въ двухъ случаяхъ термометръ опускался ниже, до $9^0{,}5$ и 11^0 (въ 4 ч. утра 20 сентября, въ урочищѣ Чжичжэ-гу, при ясномъ небѣ и умѣренной силы сѣверномъ вѣтрѣ); объ эти цифры для сентября явились предѣльными. Въ селеніи Моръ-голъ мы отмѣтили послѣдній морозъ (въ 4 ч. утра -3^0), а затѣмъ термометръ стоялъ на 0^0 три раза:

3 октября въ сел. То-пу-ли съ 3 ч. ночи до 5 ч. утра,
6 „ на станціи Ляо-дунь съ 5 ч. до 6 ч. утра
и 7 „ „ „ И-вань-цюань-цзы съ 3 ч. ночи до 5 ч. утра.

Всего же дней, когда термометръ стоялъ на нулѣ и ниже, въ сентябрѣ было 11, въ октябрѣ же изъ семи—три.

Максимумъ температуры (28^0) выпалъ на 8 сентября въ 12 ч. дня (кол. Сы-дунь) и 11 сентября въ 1 ч. пополудни (долина р. Су-лай-хэ). Въ послѣднихъ числахъ августа ртуть не опускалась ниже 5^0, но и не подымалась выше 26^0, причемъ суточная амплитуда колебалась между 21^0 и 10^0; сентябрьская амплитуда превзошла августовскую [3]) на 3^0, выразившись цифрой 39^0 (максимумъ температуры 28^0, минимумъ—11^0), предѣльныя же суточныя амплитуды въ томъ же мѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 223.
[2]) Ibid.
[3]) См. выше, стр. 136.

сяцѣ равнялись: 9^0 [1]) и 27^0 [2]); въ первыхъ числахъ октября суточныя амплитуды были весьма невелики, не превосходя $16^0,5$. Самая теплая ночь въ октябрѣ пришлась на 2 число, когда ртуть опустилась всего лишь до $5^0,5$ (въ 5 ч. утра).

Нѣкоторыя особенности температуръ за разсматриваемый періодъ времени видны изъ слѣдующаго:

	Августъ.	Минимумъ.	Максимумъ.	Суточная средняя.	Число наблюденій.		
Су-чжоу	28	1 ч. ночи	5^0 12 ч. дня	26^0	$18^0,7$	19	утро ясное, послѣ полудня небо облачное, къ ночи пасмурное.	С
„	29	4 ч. утра	$14^0,5$ 1 ч. „	26^0	$20^0,5$	17	утро пасмурное, съ 9 ч. у. небо облачное	С
„	31	4 ч. „	13^0 12 ч. „	24^0	$14^0,7$	15	утро ясное, послѣ 12 ч.— небо облачное, въ 8 ч. веч. небольш. дождь.	сильный W
	Сентябрь							
„	2	6 ч. „	8^0 12 ч. „	17^0	$11,^095$	18	Ночью дождь; утро пасмурное, послѣ 12 —ясно.	W
„	4	3 ч. „	5^0 1 ч. „	23^0	$14,^08$	20	ясно.	С
Сы-дунь	8	4 ч. „	$3^0,5$ 12 ч. „	28^0	$16,^04$	11	утро облачное, послѣ 12 ч.—ясно.	слабый NO (теплый).
Ши-дунь	9	5 ч. „	1^0 2 ч. „	$26^0,5$	$15^0,5$	12	ясно.	слабый NW (періодическій).
„	10	4 ч. „	0^0 1 ч. „	26^0	$14^0,6$	18	небо безоблачное.	С
Лу-цо-гу	14	4 ч. „	-2^0 2 ч. „	$15^0,25$	7^0	11	небо пасмурное.	слабый SW
„	15	5 ч. „	-5^0 2 ч. „	16^0	$6^0,7$	21	ясно.	SW
Чжи-чжэ-гу	20	4 ч. „	-11^0 1 ч. „	12^0	$2,^07$	13	ясно.	средней силы N.
Отунъ-да-цзы-чанъ	21	5 ч. „	$-9,^05$ 1 ч. „	14^0	$2^0,85$	13	облачно; послѣ 12 ч.— ясно.	средней силы W
Хотунъ-тамъ	26	4 ч. „	-3^0 12 ч. „	13^0	$8^0,2$	13	ясно.	слабый W
Хами	29	5 ч. „	$2^0,5$ 11 ч. „	18^0	$10^0,25$	16	ясно.	С
	Октябрь							
То-пу-ли	2	5 ч. „	$5^0,5$ 1 ч. „	22^0	$10^0,5$	13	ясно.	С
Ци-гэ-цзинъ-цзы	7	3 ч. „	0^0 3 ч. „	13^0	$6^0,3$	10	ясно.	С

[1]) Г. Су-чжоу, 2 сентября:

12 ч. дня	— 17^0
6 ч. утра	— 8^0
суточная амплитуда....	9^0

[2]) Р. Су-лай-хэ, 11 сентября:

1 ч. дня	— 28^0
4 ч. утра	— 1^0
суточная амплитуда....	27^0

Такимъ образомъ за время съ конца августа по начало октября самый холодный день выпалъ на 20 сентября, когда суточная средняя изъ 13 наблюденій выразилась 2,°7, самый теплый день на 29 августа, когда та же средняя изъ 17 наблюденій составила 20°,5.

Въ заключеніе еще нѣсколько данныхъ:

Наибольшая средняя температура дня (съ 6 ч. утра до 6 ч. веч.) составляла 23° (29 августа).
Наименьшая „ „ „ „ „ „ 8° (21 сентября).
Наибольшая средняя температура ночи (съ 6 ч. веч. до 6 ч. утра) „ 18°,6 (съ 28 на 29 авг.).
Наименьшая „ „ „ „ „ „ —5° (съ 20 на 21 сен.).
Число ночей, средняя температура коихъ была ниже нуля—4 (всѣ 4 въ сентябрѣ).
Средняя за сентябрь 10°, т. е. даже нѣсколько большая, чѣмъ за августъ [1]).

[1]) См. выше, стр. 137.

ГЛАВА XI.

Снова въ Джунгаріи.

У станціи Ци-гэ-цзинъ-цзы мы свернули на колесный путь, непоказанный ни въ одномъ изъ китайскихъ дорожниковъ, а, между тѣмъ, это не только кратчайшій путь между Урумчи и Хами, но и лучшій изъ существующихъ. О времени его приспособленія къ колесному движенію я не могъ собрать никакихъ данныхъ, но не думаю, чтобы оно могло имѣть мѣсто ранѣе начала семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Изъ Ци-гэ-цзинъ-цзы мы выступили на разсвѣтѣ. Первые же лучи солнца прогнали утренній холодокъ. Мы скинули полушубки и готовились къ жаркому дню; но Тянь-шань встрѣтилъ насъ очень угрюмо—вѣтромъ и непогодой.

Его южные склоны явственно были видны съ турфанской дороги: они голы, скалисты и кажутся недоступнымъ, хотя сравнительно и невысокимъ, ровнымъ валомъ, безъ выдающихся вершинъ и глубокихъ ущелій. Такой ихъ характеръ какъ бы исключалъ возможность перевала черезъ хребетъ на колесахъ, но туда повела насъ глубокая колея, да и возчики подтвердили, что передъ нами лучшая изъ дорогъ, ведущихъ въ Джунгарію.

Отъ станціи до горъ мы шли два часа, сперва, на протяженіи первыхъ пяти верстъ, по солонцу, а затѣмъ по изборожденной росточами каменистой степи. Одна изъ такихъ росточей и привела насъ къ устью ущелья, хорошо замаскированному надвинувшейся съ востока скалой.

Итакъ, передъ нами снова Тянь-шань, та его часть, которая, какъ кажется, не носитъ у туземцевъ особеннаго названія, да не носила его, судя по дошедшимъ до насъ китайскимъ источникамъ, и въ прежнія времена.

Дѣйствительно, оба наименованія—Ши-хань-шань и Сунъ-шань, пріурочивавшіяся въ древности къ восточному Тянь-шан'ю, могутъ быть съ увѣренностью отнесены только къ той его части, которая лежитъ къ западу отъ перевала Уланъ-усу [1]).

Сунъ-шань значитъ—«хребетъ, поросшій елью» [2]), ель же въ пониженной части Тянь-шан'я, которую мы имѣли теперь передъ собой, не растетъ. Согласно «Гинь-динъ-синь-цзянъ-чжи-лё», Сунъ-шань подымается къ югу отъ Гу-чэн'а [3]), о Ши-хань-шан'ѣ же сказано, что онъ служитъ сѣверной гранью Гаочана, нынѣ Турфана [4]). Засимъ, къ высокой, а не пониженной части восточнаго Тянь-шан'я слѣдуетъ отнести и вошедшее въ употребленіе въ XIII вѣкѣ названіе Инь-шань (серебряный хребетъ) [5]). Но, повидимому, оно за нимъ удержалось недолго и въ позднѣйшихъ историко-географическихъ сочиненіяхъ, какъ и въ болѣе раннихъ [6]), уже не встрѣчается. Тѣмъ страннѣе, что Бартольдъ остановился для восточнаго Тянь-шан'я именно на этомъ названіи — ошибка, которая привела его къ выводу, что въ IX вѣкѣ татары жили бокъ-о-бокъ съ тюрками-шато въ Тянь-шаньскихъ горахъ [7]), тогда какъ въ дѣйствительности оба народа населяли въ это время степи южной Монголіи на востокъ отъ Ордоса [8]).

---

[1]) См. т. I, стр. 287—289 и 496, 498 и 499.

[2]) St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers“ въ „Journ. Asiat.“, 4 sér., VIII, 1846, стр. 252.

[3]) St. Julien, ib.

[4]) Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ „Средн. Азіи“, III, стр. 150.

[5]) «Си-ю-цзи» въ „Трудахъ членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ“, IV, стр. 299, 301, 303, 305 и 306.

Наименованіе Инь-шань, но уже для обозначенія хребта Боро-хоро, встрѣчается и у современника Чань-чун'я, монгольскаго министра Ѣлюй-Чуцая; но тотъ же авторъ впадаетъ и въ другую ошибку, называя хребетъ, подымающійся на сѣверной окраинѣ провинціи Шань-си, т. е. уже настоящій Инь-шань—Тянь-шан'емъ (Bretschneider—„Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources“, I, стр. 13 и 17)! Что же касается Инь-шан'я, упоминаемаго въ „Бэй-ши-цзи“, то съ достовѣрностью его нельзя пріурочить къ Боро-хоро (Bretschneider, op. cit., стр. 29).

Монгольскій Инь-шань значитъ—„Сѣверный хребетъ“ (Іакинфъ—„Статистическое описаніе Китайской имперіи, II, стр. 37), Инь-шань же Чанъ-чун'я—„Серебряный хребетъ“.

[6]) Наименованіе „Инь-шань“ въ VII вѣкѣ пріурочивалось къ западному Чоль-таг'у, славившемуся своими серебряными рудниками (см. „Mémoires sur les Contrées Occidentales“ par Hiouen—Thsang, trad. du chinois par St. Julien, I, стр. 47), въ отличіе отъ Богдо-ола, именовавшагося Гинь-ша-лин'емъ—хребтомъ золотого песка (см. Chavannes—„Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux“ въ „Сборникѣ трудовъ Орхонской экспедиціи“, VI, 1903, стр. 7 и 11).

[7]) „Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью“ въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“, VIII, сер. I, 4, 1897, стр. 33—34.

[8]) Іакинфъ, op. cit., I, стр. 455, 457 и 479; Klaproth—„Sur les Tatars“ въ „Mémoires relatifs à l'Asie“, I.

Передовыя скалы Тянь-шан'я образуетъ сѣрый тонкослойстый глинистый сланецъ, показывающій интенсивную складчатость; онѣ совершенно безплодны, да столь же безплодно и то ущелье, къ устью котораго привела насъ дорога [1]).

Это ущелье носитъ печать оригинальности и мѣстами напоминаетъ знаменитый проходъ Желѣзныхъ воротъ (Бусгала) [2]). Оно, однако, далеко не столь мрачно, какъ этотъ послѣдній, склоны его положе, хотя и подымаются выше, дно шире и совершенно свободно отъ валуновъ и щебня, чего нельзя сказать про Бусгала, въ которомъ часто бушуетъ горный потокъ. Его длина около 17 верстъ, подъемъ мало замѣтенъ, не превосходя въ среднемъ 60 фт. на версту. Сѣрый глинистый сланецъ составляетъ единственную породу, слагающую его стѣны на протяженіи почти шести верстъ; далѣе же сланецъ становится болѣе темнымъ, нерѣдко съ прожилками кварца, а затѣмъ появляется и сѣро-зеленый среднезернистый діабазъ то въ видѣ жилъ въ глинистыхъ и смѣняющихъ ихъ слюдисто-глинистыхъ сланцахъ, то въ видѣ исполинскихъ скалъ—куполовъ. Послѣдніе поднимаются, впрочемъ, уже на восточной окраинѣ котловины Ту-фэй-гоу [3]), въ которую выводитъ ущелье.

Въ этой котловинѣ расположена убогая постройка, носящая названіе станціи Ту-фэй-гоу [4]). Въ ней мы ночевали, а на слѣдующій день продолжали подъемъ.

Котловина вскорѣ смѣнилась долиной съ мягкими горными склонами, поросшими довольно густо кипцомъ, а далѣе мы вышли на Восточно-Джунгарское плоскогоріе, гдѣ и оказалась наивысшая точка пути, опредѣлившаяся въ 5,561 фт. надъ уровнемъ океана.

Интересный участокъ дороги остался у насъ позади.

Подымаясь ущельемъ, вымытымъ когда-то рѣкой, мы за каждымъ поворотомъ его ожидали встрѣтить водораздѣлъ; но его не оказалось, такъ какъ рѣка собирала свои воды на плоскогоріи и отсюда уже сильнымъ потокомъ устремлялась на югъ, поперекъ

---

[1]) Я замѣтилъ здѣсь, впрочемъ, кустики терескена (Eurotia ceratoides) и хвойника (Ephedra sp.); кое-гдѣ попадался и чій (Lasiagrostis splendens). Съ переходомъ, однако, ущелья на сѣверные склоны хребта растительность стала богаче; мѣстами встрѣчались даже ключевые солонцы съ поемно-луговыми типами растеній.

[2]) Проходъ Бусгала описанъ мною въ очеркѣ, озаглавленномъ: Gr. Grumm-Grshimailo—„Bericht über meine Reise in das östliche Buchara“ (въ „Mémoires sur les lépidoptères“, rédigés par N. M. Romanoff, t. III, 1887). См. также Мушкетовъ—„Туркестанъ“, т. I, стр. 552.

[3]) Въ мѣстномъ произношеніи Ту-фи-гуа.

[4]) Ея абсолютная высота—5,059 фт.

горъ, которыя съ сѣверной стороны представляли далеко не такую внушительную картину, какъ съ южной, мѣстами же едва подымались изъ за уровня гривъ и холмовъ, вставшихъ на плоскоріи. Такое однобокое развитіе хребта, въ связи съ мощными выходами діорита, заставляетъ меня думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сбросомъ въ сторону котловины Отунъ-го-цзы [1]).

Уже подымаясь на плоскогоріе, я встрѣтилъ холмы зеленаго цвѣта, столько же зависѣвшаго отъ одѣвавшаго ихъ кипца (Festuca ovina, L.?), сколько и отъ слагающей ихъ породы—яблочно-зеленаго эпидотоваго сланца; та же порода преобладала и на плоскогоріи [2]).

Поросшее кипцомъ и изборожденное пригорками и гривами широтнаго простиранія, Восточно-Джунгарское плоскогоріе на сѣверѣ упиралось въ невысокую, вытянутую на сѣверо-западъ гряду, на западѣ-же уходило въ необъятную даль. Въ этомъ направленіи оно спадало довольно быстро [3]), да туда же вели и лога, которые то и дѣло пересѣкала дорога.

На 14-ой верстѣ отъ подъема на плоскогоріе мы вышли на Бэй-лу, а три версты дальше завидѣли обширное казенное зданіе станціи Да-ши-ту [4]), прислонившееся къ черной скалѣ глинистаго сланца.

Едва мы въ ней расположились, какъ подулъ свѣжій вѣтеръ съ запада, принесшій тучи, холодъ и снѣгъ. Къ ночи онъ спалъ, но раннимъ утромъ возобновился, притомъ съ такой силой, которой не могли противостоятъ наши ветхіе полушубки.

Въ самомъ мрачномъ настроеніи духа покинули мы Да-ши-ту, не предвидя, что день этотъ ознаменуется встрѣчей съ аркарами. Да и какъ можно было это предвидѣть, когда мы знали, что находимся на большой дорогѣ въ Баркуль! Случай, дѣйствительно, странный. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ мѣсто и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Объ этомъ горномъ участкѣ см. также т. I, стр. 499. Bell (ibid.) также пишетъ, что съ перевала, на который взбирается здѣсь колесная дорога (Бэй-лу), на югѣ хорошо видна Гоби. Bell шелъ отъ Баркуля путемъ Сосновскаго.

[2]) Гряды, подымающіяся на этомъ плоскогоріи, не отличаются разнообразіемъ своего петрографическаго состава; преобладающими породами являются сланцы (черные глинистые, темносѣрые кремнистые, зеленые эпидотовые) и плотные мелкозернистые песчаники, часто съ выдѣленіемъ кварца, прорванные частыми выходами діорита и сіенита.

[3]) Нѣсколько менѣе 60 фт. на версту.

[4]) Абсолютная высота этой станціи опредѣлилась въ 4,597 фт. Она находится уже въ предѣлахъ Ци-тай'скаго уѣзда. Пясецкій („Путешествіе по Китаю", II, стр. 985) пишетъ Та-ши-тоу, Сосновскій („Военный Сборникъ", 1875, 11, стр. 225)—Да-ши-тоу.

Вѣтеръ дулъ встрѣчный и своими порывами рѣзалъ лицо. Падалъ сухой, рѣдкій снѣгъ, образовавшій точно завѣсу передъ окрестными холмами, которые неясными силуэтами выступали по обѣ стороны отъ дороги; зато черная лента этой послѣдней, рѣзко выдѣляясь на бѣломъ полѣ степи, виднѣлась версты на двѣ впередъ, и тутъ-то мы вдругъ замѣтили какое-то подозрительное движеніе. Глаголевъ, отличавшійся удивительной остротой зрѣнія, тотчасъ же призналъ въ бѣжавшихъ вдоль дороги животныхъ—аркаровъ, но это было такъ мало вѣроятно, что ему никто не повѣрилъ; однако, минуту спустя, когда животныя свернули на снѣгъ и рысцей направились къ ближайшей горѣ, даже я пересталъ сомнѣваться въ томъ, что передъ нами были аркары. Ихъ успѣли окружить на холмѣ, и въ результатѣ—двѣ убитыя взрослыя самки; болѣе крупный самецъ ускользнулъ, хотя всѣ видѣли, какъ онъ палъ [1]).

Сѣверцовъ разсказываетъ слѣдующій случай, свидѣтельствующій о феноменальной крѣпости на рану аркаровъ [2]).

«Качкаръ [3]) пасся одинъ на холмистой степи у Босъ-адыра, между рѣчками Кыны и Межерюмъ; вдали, впрочемъ, видно было стадо, которое казаки не преслѣдовали, а лощинами противъ вѣтра подкрались къ старому самцу, издали поразившему ихъ своими рогами. Первая пуля повредила ему мошонку и заднюю ногу; бѣжать было трудно и больно, и раненый звѣрь долженъ былъ часто останавливаться, что и дало возможность его добить. Еще пуля въ кишки не остановила его; затѣмъ двѣ пули попали въ рога, и отъ каждой онъ падалъ какъ мертвый; ударъ пули въ рогъ оглушаетъ его, повидимому, производя сотрясеніе мозга [4]), но онъ

---

[1]) По опредѣленію Бихнера, аркары эти принадлежатъ къ виду Ovis poloi, Blyth.; опредѣленіе это, однако, не окончательное.

Если это точно Ovis poloi, то здѣсь мы имѣемъ восточный предѣлъ распространенія этого вида, ибо далѣе къ востоку, въ Карлыкъ-таг'скихъ горахъ и въ восточномъ Бэй-шанѣ, водится уже другой видъ, существенно отъ него отличающійся формой роговъ, меньшимъ ростомъ, болѣе сѣрымъ цвѣтомъ лѣтней шерсти, отсутствіемъ гривы и проч.

[2]) „Аркары“ въ сборникѣ „Природа“, I, 1873, стр. 165.

[3]) Киргизское названіе самца горнаго барана. Въ китайскомъ Притяньшаньѣ оно не извѣстно. Здѣсь самца называютъ кульджа; такъ же называютъ его и алтайскіе киргизы. Алфераки („Кульджа и Тянь-шань“, стр. 144), кажется, ошибается, утверждая, что у торгоутовъ (и другихъ калмыковъ) не самецъ, а самка извѣстна подъ именемъ кульджа. Ср. Потанинъ—„Очерки сѣверо-западной Монголіи“, II, стр. 142.

[4]) Оглушительны только боковые удары въ лобъ, каковы были на этотъ разъ удары обѣихъ пуль; удары же въ лобную сторону роговъ переносятся такъ же, какъ и нашими домашними баранами, потому что при ударѣ спереди сотрясеніе головы тотчасъ передается всему тѣлу.

Прим. Сѣверцова.

вставалъ и бѣжалъ далѣе. Замѣчательна при этомъ крѣпость и упругость роговой ткани: одна пуля сплющилась на рогѣ и отскочила, оставивши широкое свинцовое пятно, свидѣтельство силы удара, другая, тоже нѣсколько сплющенная, весьма неглубоко вдавилась, но при дальнѣйшей перевозкѣ черепа съ рогами вывалилась, и отъ сдѣланнаго ею вдавленія не осталось и слѣда; сжатая пулей роговая ткань выправилась. Не убила звѣря и пятая пуля, пробившая легкія,—все бѣжалъ; положила его, наконецъ, шестая пуля, въ сердце. Такимъ образомъ качкаръ бѣжитъ и съ смертельными пораженіями внутренностей, и только пуля въ сердце или мозгъ можетъ его остановить. По разсчету казаковъ, они гоняли свою добычу болѣе десяти верстъ, изъ нихъ послѣднія три съ двумя смертельными ранами».

Неудивительно, что нашихъ охотниковъ такъ часто преслѣдовала неудача въ охотѣ на горныхъ барановъ!

Оживленіе, которое внесъ въ отрядъ описанный охотничій эпизодъ, помогло намъ почти незамѣтно одолѣть сорокаверстный переходъ до небольшого селенія Сань-гоу-чуань-цзы [1]). По пути стрѣльба, впрочемъ, не прекращалась, такъ какъ изъ придорожной травы то и дѣло срывались карабауры (Pterocles arenarius, Pall.) и бульдрюки (Syrrhaptes paradoxus, Pall.). Здѣсь же попался намъ и Uragus sibiricus, Pall.

Селеніе Сань-гоу-чуань-цзы расположено при сходѣ двухъ колесныхъ путей: пичанскаго черезъ перевалъ Уланъ-усу [2]) и «сѣвернаго», т. е. такъ называемаго Бэй-лу. Въ немъ, кромѣ казеннаго, весьма обширнаго, таня, имѣются и частные постоялые дворы, которые, какъ кажется, никогда не пустуютъ—такъ велико здѣсь арбяное движеніе [3]).

На слѣдующій день мы прибыли въ селеніе Му-лэй [4]).

Уже наканунѣ, на шестой верстѣ отъ станціи Да-ши-ту, горный ландшафтъ смѣнился равниннымъ; равнина ширилась и къ западу отъ Сань-гоу-чуань-цзы; но тогда какъ къ востоку отъ этой

---

[1]) Его абсолютная высота равна 4,534 фт., по опредѣленію же Bell'я—4,850 фт.

[2]) См. т. I, стр. 287—291.

[3]) Мы застали здѣсь, впрочемъ, только транспортъ съ дынями и виноградомъ.

[4]) Такъ называютъ селеніе китайцы (дорожникъ „Синь-цзянъ-дао-ли-бяо“ въ переводѣ Борнемана—„Сборникъ географич., топографич. и статистич. матеріаловъ по Азіи“, вып. LVIII, стр. 132, „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 485); турфанлыки же произносятъ явственно Моро (см. т. I, стр. 231). Wylie („Notes on the Western Regions“ въ „The Journal of the Anthropological Institute“, 1881, Aug.-Nov., стр. 106), пишетъ „Murui“ (Муруй), Куропаткинъ („Кашгарія“, стр. 147),—„Мури“ или „Муруй“.

станціи господствовала травянистая степь, здѣсь она спряталась въ многочисленные лога, между которыми дорога пролегала уже по типичной пустынѣ, частью глинистой, частью каменистой.

Проточную воду мы встрѣтили въ двухъ только мѣстахъ. Это были еле сочившійся ручей Ачикъ-су [1]) и болѣе сильный Бай-янъхо. Послѣдній верстъ пять выше распадается на два протока, изъ коихъ теперь доходитъ до Бэй-лу только западный; но когда-то и въ восточномъ была вода, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся на его берегу развалины значительнаго селенія. Другія развалины, занимающія не меньшую площадь, замѣчены были нами далѣе къ западу, а затѣмъ на протяженіи послѣдующихъ семи верстъ до обширнаго селенія Му-лэй никакихъ слѣдовъ человѣческаго жилья уже не имѣется. Здѣсь разстилается участокъ почти дѣвственной степи, рѣдко гдѣ тронутый пахаремъ и покрытый зарослями чія. Тѣмъ съ большимъ удивленіемъ прочелъ я у Пясецкаго строки, относящіяся къ былой населенности этой округи, опредѣляемой имъ въ двѣсти тысячъ душъ [2]). Я не думаю, чтобы даже одна десятая этой цифры была близка къ истинѣ, такъ какъ въ окрестностяхъ Му-лэй нѣтъ главнаго для сколько нибудь обширной земледѣльческой колоніи—достаточнаго количества проточной воды.

Когда мы подходили къ селенію Му-лэй, то встрѣтили толпу китайцевъ, занимавшихся пусканіемъ бумажныхъ змѣевъ.

Рѣдко кто изъ насъ въ дѣтствѣ не забавлялся пусканіемъ такъ называемой „ладьи“ или „бумажнаго змѣя“, но, конечно, не многіе знаютъ, что забава эта заимствована Европой изъ Азіи и притомъ не далѣе какъ въ XVII столѣтіи; но тогда какъ у насъ пусканіе змѣя—занятіе подростковъ, которые по́дчасъ съ шумнымъ восторгомъ привѣтствуютъ поднятіе и полетъ хвостатаго бумажнаго ромба, снабженнаго незамысловатой трещеткой, на дальнемъ востокѣ Азіи и на островахъ Тихаго океана это дѣло взрослыхъ, дѣло серьезное, потому что тамъ змѣй имѣетъ символическое значеніе.

Въ Китаѣ существуетъ преданіе, что обычай пускать змѣи установился по нижеслѣдующему поводу.

Нѣкогда, тысячи за двѣ лѣтъ, непріятели вторглись въ Китай и осадили важный пограничный городъ, въ которомъ укрылся со

---

[1]) Выше онъ многоводнѣе; его слагаютъ три ручья: Ачикъ-су и два Бостонъ-су.

[2]) Op. cit., II, стр. 999.

своимъ войскомъ генералъ Хань-синь. Будучи въ крайности и желая дать знать императору о тяжеломъ положеніи гарнизона, онъ придумалъ пускать въ воздухъ бумажные змѣи различныхъ размѣровъ и формы. Змѣи были усмотрѣны, врагъ разбитъ и городъ освобожденъ. Въ ознаменованіе столь радостнаго событія и было, будто-бы, указано ежегодно, въ 9 день девятой луны [1]), праздновать этотъ день пусканіемъ бумажнаго змѣя.

Въ восточныхъ провинціяхъ Китая легенда другая:

Однажды какой-то мудрецъ предсказалъ какому-то китайцу, что въ девятый день девятой луны его домъ посѣтитъ большое несчастье. Въ стремленіи предотвратить его, китаецъ наканунѣ рокового дня бѣжалъ со всей своей семьей въ горы. Онъ остался цѣлъ и невредимъ, но когда вернулся домой, то увидѣлъ, что весь его домашній скотъ палъ отъ неизвѣстной причины. Съ тѣхъ поръ въ этотъ роковой день китайцы этихъ провинцій уходятъ со своими семьями изъ дому и проводятъ его вдали отъ послѣдняго, пуская змѣи, которымъ приписывается чудесная способность уносить съ собой въ воздухъ всѣ горести и несчастія людей. Если послѣ того, какъ бечевка отрѣзана, змѣй исчезнетъ изъ глазъ въ поднебесьи, то это означаетъ, что семья обезпечена на годъ отъ всякихъ напастей, если же упадетъ на землю, то и это тоже не плохо, ибо полагается, что вмѣстѣ со змѣемъ разбиваются о землю и всѣ грозившія дому несчастья. Beata simplicitas!

Объ эти легенды доказываютъ лишь то, что въ Китаѣ смыслъ и значеніе культа бумажнаго змѣя давно уже позабыты, какъ позабыты они въ Кореѣ, Японіи, Сіамѣ, Индіи и въ другихъ странахъ Востока. Замѣчательно, что въ Гонконгѣ змѣи пускаются раньше, чѣмъ въ остальномъ Китаѣ, причемъ событіе это пріурочивается не къ извѣстному дню въ году, а ко времени окончанія жатвы.

Дѣлаются эти змѣи китайцами въ совершенствѣ. Остовомъ для нихъ обыкновенно служитъ, благодаря присущей ему гибкости и легкости, бамбукъ, съ помощью котораго и удается придать змѣю самую причудливую форму, чаще всего форму дракона или хищной птицы, причемъ въ изображеніи послѣдней китайцы дошли до поразительнаго искусства. Основа изъ бамбука обтягивается бумагой или легкою, но плотною, шелковою цвѣтною матеріею.

---

[1]) 11 октября, когда мы прибыли въ Му-лэй, пришлось не на 9, а на 10 число девятой луны; я не знаю, чѣмъ объяснить такое запозданіе въ пусканіи бумажнаго змѣя.

Иногда къ змѣямъ придѣлывается приспособленіе, при помощи котораго вѣтеръ при полетѣ производитъ звукъ, напоминающій жужжанье мухи или звонъ колокольчика.

Въ Кореѣ пускаютъ змѣй одинъ разъ въ году, а именно 14 числа первой луны, и тотъ, кто вздумалъ бы пустить его раньше, заслужилъ бы общее порицаніе. Передъ пусканіемъ змѣя на немъ пишутъ пожеланія, а къ шнуру, на которомъ его пускаютъ, прикрѣпляется фосфорная бумажка, назначеніе коей—воспламениться во время полета и пережечь шнуръ. Корейцы радуются, если оторвавшійся змѣй унесется въ высь и скроется изъ глазъ; они убѣждены, что въ такомъ случаѣ всѣ ихъ пожеланія будутъ исполнены. Корейскій бумажный змѣй четвероугольной формы съ птичьей головой изъ бумаги и бумажными же подобіями птичьихъ ногъ, которыя называются «вороньими ножками».

Въ Японіи бумажный змѣй называется «бумажнымъ соколомъ» или «бумажной совой». Не во всѣхъ частяхъ этой имперіи сроки пусканія такихъ «соколовъ» и «совъ» одинаковы. Такъ, въ Токіо, напримѣръ, ихъ пускаютъ лишь въ первый день перваго мѣсяца, т. е. въ японскій новый годъ, въ Нагасаки же три раза въ году, а именно—3, 10 и 20 числа перваго мѣсяца, причемъ первый изъ этихъ дней носитъ названіе «праздника птенцовъ». Это—праздникъ мальчиковъ, когда все подростающее мужское поколѣніе взапуски пускаетъ своихъ «соколовъ», имѣющихъ двѣ главныя формы—знаменъ и карповъ; карповъ потому, что рыба эта считается въ Японіи символомъ энергіи и мощи, ибо легко плыветъ противъ стремительнаго теченія и преодолѣваетъ, будто-бы, даже такія препятствія, какъ водопады. Каждый мальчикъ непремѣнно имѣетъ своего бумажнаго сокола и потеря его—признакъ несчастья; дѣвочки ихъ не имѣютъ. При пусканіи «соколовъ» взрослыми главный интересъ сосредоточивается на томъ, какъ-бы пилящимъ движеніемъ шнурка своего «сокола» перерѣзать шнурки другихъ «соколовъ». Этотъ оживленный спортъ извѣстенъ кое-гдѣ и въ Китаѣ. Но и тамъ и въ Японіи первоначальный, символическій характеръ этого обычая утраченъ, и забытый культъ мало-по-малу переходитъ въ забаву.

Но онъ не утратилъ еще своего значенія въ Сіамѣ, гдѣ и въ наши дни каждый чиновникъ имѣетъ своего постояннаго бумажнаго змѣя; въ особенности же великолѣпенъ громадный королевскій змѣй, который въ извѣстные дни пускается послѣ солнечнаго заката, причемъ всѣ высшіе чины государства въ парадныхъ

одѣяніяхъ держатъ его въ теченіе всей ночи поочередно. Обычай пускать въ извѣстные дни бумажные змѣи сохранился также въ Камбоджѣ, Лаосѣ, Бирмѣ и кое-гдѣ въ Британской Индіи. У меланезійцевъ пусканіе змѣя въ настоящее время—не болѣе какъ забава, хотя на Ново-Гебридскихъ островахъ время его пусканія и пріурочено ко дню обсѣмененія полей и посадки овощей въ огородахъ. На Саломоновыхъ островахъ и на островѣ Санта-Крусъ (Ндени) бумажные змѣи имѣютъ полезное назначеніе: къ ихъ концу прикрѣпляется паутина, которая волочится по водной поверхности и служитъ силкомъ для мелкой породы рыбокъ съ острой нижней челюстью. У полинезійцевъ бумажный змѣй, носящій, какъ и въ Японіи, названіе «сокола», играетъ роль забавы; ему придаютъ форму птицы.

Уроженецъ г. Лукчуна
(см. т. I, стр. 380).

Вообще, на островахъ Тихаго океана обычай пускать бумажные змѣи очень распространенъ; форма, которая имъ придается, очень разнообразна, но въ общемъ, она можетъ быть сведена къ тремъ типамъ: крестообразному, яйцевидному и птицеобразному. Нерѣдко змѣй снабжается пучками перьевъ, причемъ четыре пучка на змѣѣ яйцевидной формы приравниваются къ созвѣздію Близнецовъ, шесть — Плеяды и три — Оріона. При пусканіи змѣя кое-гдѣ въ Австраліи сохранился еще обычай пѣть гимны, имѣющіе религіозный характеръ, но въ общемъ полагаютъ (да такъ утверждаютъ это и сами островитяне), что обычай этотъ занесенъ сюда съ Запада, съ острововъ Малайскаго архипелага. Всего вѣроятнѣе, что именно отсюда бумажный змѣй проникъ и на сѣверъ, въ Китай, Японію и Корею.

Послѣ этого краткаго отступленія, возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Въ селеніи Му-лэй насъ обступили турфанлыки. Отъ нихъ мы узнали новость большого значенія для мѣстнаго края, а именно, что съ будущаго 1891 года Тянь-шань къ западу и востоку отъ г. Урумчи долженъ будетъ перейти къ киргизамъ киреямъ. Въ Урумчи слуху этому не придали никакого значенія, полагая, что онъ выросъ на почвѣ воспослѣдовавшаго запрета сдавать въ аренду

русскимъ купцамъ пастбища въ горахъ Богдо-ола [1]), но онъ оказался вѣрнымъ, въ чемъ я убѣдился въ 1903 году, посѣтивъ киреевскія кочевья въ Алтаѣ.

Обстоятельства, при которыхъ предложено было абакъ-киреямъ [2]) селиться въ Тянь-шан'ѣ, рисуются мнѣ, со словъ кирейскаго князя (гуна) Джимсы Хасымъ хана [3]) и двухъ изъ его окурдаевъ, въ слѣдующемъ видѣ.

Смутное, своевольное время конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ послужило на пользу киреямъ. Они перешли рѣку Кранъ, перешагнули черезъ Алтай и захватили урянхайскія земли до Булгуна и Саксая. Потанинъ пишетъ, что то былъ не захватъ, а аренда [4]), Позднѣевъ—что уступка земли по добровольному соглашенію [5]). Но это было ни то, ни другое, а именно захватъ, что доказываетъ послѣдующій земельный процессъ, возбужденный урянхаями, длившійся почти тридцать лѣтъ и неоднократно восходившій до ли-фань-юан'я (инородческаго приказа). Но и этотъ процессъ не остановилъ киреевъ въ ихъ поступательномъ движеніи на востокъ, такъ какъ я засталъ ихъ въ 1903 году

---

[1]) См. т. I, стр. 110.

[2]) Потанинъ („Очерки Сѣверо-Западной Монголіи", II, стр. 2) пишетъ, что киреи дѣлятся на абакъ-киреевъ и кара-киреевъ; но гунъ Джимсы ханъ передавалъ мнѣ, что племенныя названія „абакъ" и „кирей" равнозначущи (толкованіе это остается для меня и по сейчасъ темнымъ), кара-киреевъ же онъ вовсе не знаетъ. Ср. то, что пишетъ о кара-киреяхъ Аристовъ („Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей", отд. оттискъ изъ „Живой старины", 1896, III и IV, стр. 82—83).

[3]) Джимсы ханъ не киреевецъ родомъ; онъ ведетъ свое происхожденіе отъ Аблай хана.

[4]) Ibid.

[5]) „Монголія и монголы", I, стр. 287.

Позднѣевъ цитируетъ документъ, изъ котораго какъ будто явствуетъ, что урянхаи дѣйствительно отдали добровольно свои земли киргизамъ (ib., стр. 288), но киреи это положительно отрицаютъ, да и толнорскіе урянхаи мнѣ жаловались на то, что, послѣ захвата киргизами лучшихъ зимовій, скотъ ихъ въ рѣдкую годину не гибнетъ массами отъ зимней безкормицы. Въ самомъ дѣлѣ, въ Алтаѣ земельный споръ ведется исключительно изъ-за зимнихъ пастбищъ. Тамъ ихъ такъ мало, что прямо невѣроятно, чтобы лучшія изъ нихъ по Саксаю уступлены были урянхаями добровольно. Что касается лѣтнихъ пастбищъ, то использовать ихъ при недостачѣ въ зимнихъ рѣшительно невозможно. И сейчасъ мы видимъ огромныя территоріи въ верховьяхъ Бурчума, Крана и Кобдо пустующими или занятыми кошами русскихъ гуртовщиковъ. То же явленіе наблюдается и въ Тянь-шан'ѣ; при обиліи лѣтнихъ пастбищъ почти полное отсутствіе зимнихъ. Въ былое время дѣло, конечно, обстояло иначе, такъ какъ хунны, гао-гюй, тукіэ, шато, уйгуры, монголы и джунгары не допускали къ себѣ землепашцевъ, а если и допускали (какъ, напримѣръ, уйгуры), то въ небольшомъ числѣ (см., напримѣръ, карту Рената, гдѣ на Бэй-лу показанъ только одинъ осѣдлый пунктъ—Börbensin); тогда вся область подгорій Тянь-шан'я, занятая нынѣ осѣдлымъ населеніемъ, составляла одно огромное зимнее пастбище, прокармливавшее безчисленное количество лошадей и скота. Въ настоящее время такія пастбища отчасти сохранились еще къ востоку отъ Бай-янъ-хо, и здѣсь-то сейчасъ и основались киргизы, отвоевавъ ихъ отъ джигетаевъ и антилопъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

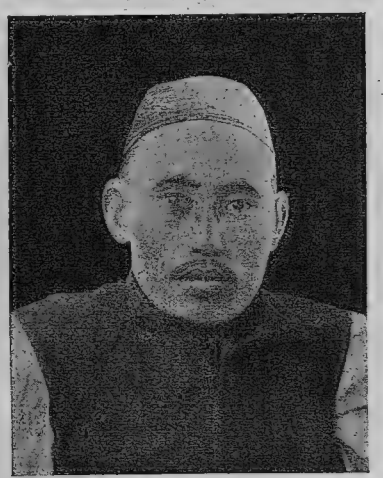
Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Лукчунцы.

Фототипія В. Класенъ, С.-Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правил. Н. Каминскій.

уже за Саксаемъ, въ долинѣ рѣки Дэліунъ, и я нисколько не сомнѣваюсь, что не пройдетъ и десятка лѣтъ, какъ они столкнутся съ халхасцами, которые такъ же тѣснятъ [1]) цзахачиновъ [2]) и олётовъ, какъ кириі — урянхаевъ [3]). Передъ китайцами стояла дилемма: нарушеніе земельныхъ правъ урянхаевъ было безспорнымъ, но съ другой стороны съ неменьшей очевидностью выступала и жизненная необходимость въ такомъ нарушеніи. Киреямъ дѣйствительно не было и нѣтъ иного выхода, какъ двигаться на востокъ, ибо ихъ земли на западѣ упираются въ государственную границу, на сѣверѣ въ малодоступныя горныя дебри, на югѣ въ пустыню; а между тѣмъ, ихъ численность быстро растетъ, растетъ и ихъ богатство скотомъ, требующее все новыхъ и новыхъ угодій. Кириі — народъ будущаго, тогда какъ алтайскіе урянхаи — обѣднѣвшее, захирѣвшее племя, идущее быстро на убыль и не могущее сполна использовать даже ту территорію, которая у нихъ еще остается.



Кирей.

Позднѣевъ пишетъ о взяткѣ, которая перетянула вѣсы китайскаго правосудія на сторону киреевъ [4]). Не отрицая нѣкотораго вліянія этой послѣдней, я все же ставлю вопросъ: могло ли китайское правительство, при наличности вышесказаннаго, рѣшить споръ не въ ихъ пользу? А что оно правильно оцѣнило положеніе дѣлъ, явствуетъ изъ его рѣшенія предоставить подъ кочевья киргизъ Тяньшаньское нагорье къ западу и востоку отъ Урумчи. И такъ какъ рѣшеніе это было принято въ 1890 году, то позволительно думать, что амбань Шакдуръ, о которомъ повѣствуетъ Позднѣевъ, ѣхалъ въ

---

[1]) Халхасцы оттѣснили цзахачиновъ къ западу, за гребень Алтая, олётовъ къ сѣверу и заняли нынѣ всѣ земли къ югу отъ рѣки Буянду и уроч. Цаганъ-усу.

[2]) Потанинъ (op. cit., II, стр. 42) пишетъ „цзахачинъ“; такъ же пишетъ и Позднѣевъ, op. cit., I, стр. 298 и слѣд. Я принялъ это правописаніе, хотя Поповъ („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 486) транскрибируетъ „чжахацинь“.

[3]) Урянхаи въ мѣстахъ ихъ настоящихъ кочевій поселились лишь съ 1757 года (см. т. II, стр. 75—77). Сюда они перешли вѣроятно съ запада. Въ „Си-юй-шуй-дао-цзи“ сказано: „Берега Иртыша, по выходѣ его изъ Зайсанъ-нора, представляютъ плодородную равнину, пригодную для земледѣлія и скотоводства, служившую въ прежнія времена кочевьемъ для дурботовъ и урянхайцевъ“ („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 443—444).

[4]) Ibid., стр. 289.

1892 году въ Западную Монголію не для разрѣшенія спорнаго земельнаго вопроса по существу, а лишь для улаженія его частностей.

Разрѣшеніемъ селиться въ Тянь-шан'ѣ до настоящаго времени воспользовались: 800 юртъ рода джадыкъ, 150 юртъ рода кара-касъ [1]) и до 200 юртъ рода саръ-басъ.

Такимъ образомъ разселеніе абакъ-киреевъ представляется въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ [2]):

Родъ	**джасъ табанъ** [3])	на сѣверныхъ склонахъ Саура.
„	**меркэтъ**	тамъ же и въ горахъ Кичкене-тагъ [4]).
„	**джадыкъ**	зимовья въ долинѣ Кендерлыкъ (по Чирыкъ-каин'у) и на южныхъ склонахъ Саура; лѣтовки въ Алтаѣ, въ бассейнахъ Крана и Кобдо; одна волость на южномъ склонѣ Тарбагатая, 800 юртъ въ горахъ Урумчи'скаго округа.
„	**джантекей**	въ долинахъ Чилійкты и Кендерлыка; лѣтовки въ долинахъ Крана и Бурчума; болѣе сотни юртъ въ долинахъ Кобдо и Саксая; нѣсколько десятковъ юртъ въ долинѣ верховій Чернаго Иртыша.
„	**ители**	въ округѣ Бурунъ-тогай (Булунъ-тохой); нѣсколько десятковъ юртъ въ долинѣ Кендерлыка; лѣтовки въ долинѣ верховій Чернаго Иртыша.
„	**чиреучи**	въ низовьяхъ Крана, въ горахъ бассейна Кобдо, въ горахъ Джаиръ.
„	**кара-касъ**	въ округѣ Бурунъ-тогай, въ горахъ Эрѣнъ-хабирга [5]) и Богдо-ола; съ десятокъ юртъ въ долинѣ Курту.
„	**молку** [6])	въ горахъ бассейна верхняго теченія Урунгу (въ долинахъ Чингиля и Булгуна); зимовья по Урунгу [7]).

---

[1]) Переселеніе рода кара-касъ состоялось въ два пріема: часть ушла въ Тянь-шань въ 1897 г., часть въ слѣдующемъ.

[2]) Сопоставленіе нижеприводимыхъ данныхъ съ данными, опубликованными въ 1875 году Сосновскимъ („Отчетъ Булунъ-тохойской экспедиціи“ въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“, V, стр. 586), даетъ понятіе о тѣхъ значительныхъ перемѣщеніяхъ, которыя произошли среди киреевъ за послѣднія тридцать лѣтъ.

[3]) Потанинъ (op. cit., II, „примѣч.“, стр. 7) слагаетъ это родовое названіе изъ двухъ словъ: „джасъ“—летучая мышь по танну-урянхайски и „табанъ“, равнозначущаго, будто-бы, „тоба“ или „тува“, т. е. племенному имени урянхаевъ. Въ дѣйствительности однако „джасъ-табанъ“ значитъ „почва, вышедшая только что изъ-подъ снѣга“, „мягкая, молодая почва“; поэтому „табанъ“ значитъ иногда „слѣдъ“. Мы стояли въ горахъ Боро-хоро, въ уроч. Учъ-табанъ, въ переводѣ—„третій слѣдъ“. Растеніе Cirsium acaule, All., киргизы называютъ „тюйе-табанъ“—верблюжьимъ слѣдомъ; подъ тѣмъ же названіемъ слываетъ и Echenais sieversii, Fisch. et Mey. О перевалѣ Хамаръ-табанъ упоминается у Струве и Потанина („Поѣздка по восточному Тарбагатаю“ въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“, I, 1867, стр. 469, 506—507).

[4]) Я засталъ также въ іюнѣ мѣсяцѣ нѣсколько юртъ меркэтовъ въ пустынныхъ горахъ (Нохай, Шальчигай, Ярылганъ и Коксунъ) лѣваго берега Чернаго Иртыша.

[5]) Транскрипція Позднѣева (op. cit., I, стр. 289) для горъ, извѣстныхъ болѣе подъ именемъ Ирянъ-харбутъ или Ирень-хабырга (см. т. I, стр. 71). Успенскій („Отъ Суйдина до Урумци“ въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1898, II, стр. 193) пишетъ—Эрень-хабирга. Хабырга или кабырга киргизы называютъ горы, имѣющія острый, какъ ребро, гребень.

[6]) Потанинъ (l. c.) пишетъ „мулку“, Позднѣевъ (ibid., стр. 287)—„молху“.

[7]) Если вѣрить Леджину Арлуеву („Поѣздка въ предѣлы Западной Монголіи“, стр. 9), торгоуты сдаютъ здѣсь земли киргизамъ въ аренду. Однако, Ладыгинъ („Поѣздка на верховье рѣки Урунгу“ въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1900, I, стр. 82) ихъ тамъ въ 1889 году не встрѣтилъ.

Родъ **саръ басъ** [1])	въ округахъ Бурунъ-тогай'скомъ, Урумчи'скомъ и Карашарскомъ часть зимовій по Тариму до уроч. Лобъ [2]).
„ **чубаръ айгыръ**	въ долинѣ Кабы.
„ **кунь садыкъ** [3])	по р. Крану; зимовья по р. Черному Иртышу.
„ **чій моинъ**	въ уроч. Кокъ-тогай (главнымъ образомъ, но также спорадически и во всей остальной долинѣ Кокъ-Иртыша).

Всего въ вѣдомствѣ гуна Джимсы Хасымъ хана насчитывается 12,000 юртъ [4]), раздѣленныхъ на 15 волостей, управляемыхъ окурдаями [5]).

Дорога между селеніемъ Му-лэй и заштатнымъ уѣзднымъ городомъ Ци-тай бѣжитъ вначалѣ среди высотъ Дунчинской гряды, а затѣмъ по сухой и безплодной равнинѣ, въ которой только за рѣчкой Ши-ма-гу стали попадаться поля и жилыя строенія. Но это уже начало Ци-тай'скаго оазиса—одного изъ древнѣйшихъ центровъ осѣдлости всего восточнаго Притяньшанья [6]).

Существуетъ прямое указаніе, что Ци-тай построенъ на мѣстѣ столицы Сѣвернаго Чеши—городка Цзинь-мань и что вся страна въ предѣлахъ между Му-лэй и Тэнэгэромъ (Фоу-кан'омъ) носила то же названіе—Цзинь-мань [7]); не противорѣчитъ, какъ

---

[1]) См. выше, стр. 62.

[2]) Подъ именемъ уроч. Лобъ извѣстно южное подгорье Курукъ-таг'а. Ср. т. I, стр. 406, и приводимый ниже, въ приложеніи, разсказъ Ассана Зырянова объ его пребываніи въ началѣ 1860-хъ годовъ въ бассейнѣ Тарима.

[3]) Этотъ родъ не показанъ Потанинымъ въ числѣ двѣнадцати колѣнъ, на которыя распадаются абакъ-киреи (ibid., стр. 3); онъ замѣненъ колѣномъ „итэнгмянъ"; но далѣе (стр. 5) кунь-садыкъ (кунь-садакъ) упоминается, такъ что въ общемъ получается у киреевъ уже не 12, а 13 родовъ.

[4]) По свидѣтельству нашего бывшаго консула въ Чугучакѣ, Балкашина, число абакъ-киреевскихъ киргизовъ простиралось уже двадцать лѣтъ тому назадъ до 12,000 юртъ или 60,000 душъ обоего пола (Костенко—„Чжунгарія", стр. 105). Расчетъ числа юртъ оказался, однако, преувеличеннымъ; преувеличеннымъ же слѣдуетъ считать и исчисленіе числа душъ путемъ перемноженія числа юртъ на коэффиціентъ 5. Изъ оффиціальныхъ данныхъ, собранныхъ Пантусовымъ („Свѣдѣнія о Кульджинскомъ раіонѣ за 1871—1877 годы"), усматривается, что для киргизской юрты постоянный множитель не можетъ на много превышать цифру 4 (для Сувановской, Кызаевской и Байджигитовской волостей онъ выразился цифрой 4,077). Такимъ образомъ можно считать, что общее число абакъ-киреевъ не превосходитъ нынѣ 50,000 душъ.

[5]) Должность окурдая или укурдая—наслѣдственная. Это—родовой правитель, обладающій значительной долей самостоятельности и правомъ постановлять окончательныя рѣшенія за маловажные проступки. Такимъ образомъ, окурдай далеко не одно и то же, что волостной управитель у русскихъ киргизъ. Окурдаи считаются особами третьяго класса и носятъ синіе хрустальные шарики на форменныхъ шляпахъ. Надъ окурдаями стоятъ пять амбо, образующихъ „совѣтъ" князя. Съ большимъ удивленіемъ прочелъ я у Катанова („Среди тюркскихъ племенъ" въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.", 1893, VI, стр. 525), что „китайскіе казакъ-киргизы управляются, подобно монголамъ (?) и урянхайцамъ, ухеридами подъ наблюденіемъ Тарбагатайскаго хебей-амбаня (князя) (sic!), живущаго въ г. Дурбульджинѣ".

[6]) См. т. I, стр. 213 и слѣд.

[7]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 485; ср. съ тѣмъ, что говорится о Цзинь-мань на стр. 484 того же сочиненія, и ниже, въ XII главѣ.

мнѣ кажется, этому извѣстію и утвержденіе «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи», что чешиская столица расположена была въ эпоху Старшихъ Ханей въ мѣстности Муруй (Му-лэй) [1]), такъ какъ первое извѣстіе относится къ позднѣйшему времени, когда въ Сѣверномъ Чеши стало замѣчаться нѣчто вродѣ двоевластія: такъ, въ «Хэу-хань-шу» говорится, что когда въ 153 году чешискій князь Алодо напалъ на китайское военное поселеніе Цзюй-гу-чэнъ, то другой князь Хочжелинъ «отложился» и со многими приверженцами передался китайцамъ [2]). Разъ, что было въ Чеши два князя, должны были существовать и двѣ резиденціи, два правительственныхъ центра, значеніе коихъ могло быть перемѣнчиво и въ зависимости отъ силы ихъ правителей.

Современный Ци-тай построенъ былъ вскорѣ послѣ занятія маньчжурами южной Джунгаріи. Въ 1776 году онъ сдѣланъ былъ уѣзднымъ [3]), позднѣе же, съ перенесеніемъ управленія въ Гу-чэнъ, оставленъ за штатомъ. Другое его названіе Цзинъ-юань-чэнъ [4]).

Въ Ци-таѣ у насъ случилась крупная непріятность. Изъ таня, въ которомъ мы ночевали, выкрадено было мое сѣдло съ находившимися въ кабурахъ анероидомъ Готтингера, записной книжкой и другими предметами. Усиленные поиски не привели ни къ чему, а слѣдствіе, вызванное моей формальной жалобой на бездѣйствіе мѣстныхъ китайскихъ властей, установило даже, что и самый вопросъ о пропажѣ сѣдла возбужденъ былъ мною лишь съ тою цѣлью, чтобы имѣть благовидный предлогъ уклониться отъ платежа денегъ хозяину таня за постой и фуражъ [5])!

Бѣда, какъ извѣстно, не ходитъ одна, и у насъ произошло то же: исчезъ Койсеръ! Сарымсакъ былъ безутѣшенъ, и мы только тутъ поняли, какъ дорога ему была эта собака!

Безплодные поиски и безконечные переговоры съ какимъ-то мелкимъ китайскимъ чиновникомъ задержали насъ часа на два въ

---

[1]) Wylie—„Notes on the Western Regions“, стр. 106.

[2]) Іакинфъ—„Собр. свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“, III, стр. 135.

[3]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 485.

[4]) Въ „Цзинь-динъ-синь-цзянъ-чжи-лё“ упоминается и третье его названіе „Гуй-дай-сянь“ (Gui-taï-hien). См. St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers“, etc., въ „Journal Asiatique“, 4-ième série, VIII, 1846, стр. 238.

[5]) Протоколъ этого слѣдствія, произведеннаго, по распоряженію кульчжинскаго даотая Ина цитайскимъ уѣзднымъ начальникомъ, Лю-чэнъ-цин'емъ, былъ пересланъ мнѣ въ Петербургъ въ мартѣ 1893 года. Изъ него же я узналъ, что не вездѣ (?) предъявляя установленный видъ, я выказалъ себя человѣкомъ „опрометчивымъ“ и „своевольнымъ“.

Ци-таѣ, такъ что когда мы, наконецъ, вышли изъ города въ долину рѣчки Ганъ-гу или Юртъ-арегэ, то солнце стояло уже высоко надъ горизонтомъ и грѣло не по сезону. Иллюзію лѣта дополняли и порхавшія кое-гдѣ бабочки (Colias erate poliographus, Motsch.) [1]), юркія ящерицы (Phrynocephalus grum-grshimailoi, Bedr. и Eremias multiocelata, Gnthr.) и лемминги. Послѣдніе не замедлили обогатить нашу коллекцію, причемъ оказалось, что они принадлежатъ къ двумъ видамъ, изъ коихъ одинъ (Eremiomys luteus, Eversm.) еще вовсе не былъ найденъ въ Тянь-шан'ѣ, да, пожалуй, и во всей остальной Центральной Азіи, а другой (Er. lagurus, Pall.) видомъ крайне для нея рѣдкимъ [2]). Эти звѣрьки вносили нѣкоторое оживленіе въ природу пустыни, которая широкимъ заливомъ вдалась между Гученскимъ и Цитайскимъ оазисами, но въ общемъ она все же подавляетъ путника своимъ крайнимъ безплодіемъ.

Проходя ею, я впервые обратилъ вниманіе на рѣзкій контрастъ, наблюдаемый, впрочемъ, повсюду въ Средней Азіи, между свѣтомъ и тѣнью, что, можетъ быть, объясняется чрезвычайной сухостью воздуха. Въ средней Россіи переходъ отъ тѣневой стороны предмета къ освѣщенной постепеннѣе; тамъ всегда имѣется какая-то полутѣнь, между тѣмъ какъ здѣсь граница обозначена твердо:

---

[1]) Это были послѣднія изъ видѣнныхъ мною въ томъ году бабочекъ.

[2]) У Бихнера („Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи", Отд. Зоологическій, Млекопитающія, вып. 3, стр. 136) читаемъ: E. lagurus найденъ Н. М. Пржевальскимъ только на степномъ плато Малаго Юлдуса, въ Центральномъ Тянь-шанѣ, на абс. высотѣ 9—10,000 фт. Этотъ леммингъ живетъ въ норахъ по альпійскимъ лугамъ и встрѣчается не часто". Козловъ („Труды экспедиціи Импер. Русск. Геогр. Общ. по Центральной Азіи", II, стр. 274) также отмѣчаетъ его какъ очень рѣдкій видъ для Тянь-шан'я. Между тѣмъ, мы нашли его на окраинѣ пустыни, на абсолютной высотѣ, не превышающей 3,000 фт. Но не это обстоятельство удивительно, а то, что землеройка эта забралась такъ высоко въ альпы.

Er. laguras открытъ былъ Н. Соколовымъ къ западу отъ р. Урала, вѣроятно, на восточной окраинѣ Рынъ или Рымъ—песковъ (см. Палласъ „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи", 2 изд., II, 1, стр. 425 и слѣд.; цит. по М. Богданову „Обзоръ экспедицій и естественноисторическихъ изслѣдованій въ Арало-Каспійской области съ 1720 по 1874 г."), и описанъ Палласомъ въ „Zoographia Rosso-Asiatica", I, стр. 176, гдѣ объ его мѣстонахожденіи сказано: „In desertis limosis (солонцахъ) Tatariae magnue (Киргизской степи), a Rhumo (Рымъ пески?) ad Irtin (р. Иртекъ?), et ulterius crebro nidulatur et interdum gregatim migrat". Отъ Эверсмана („Естественная исторія Оренбургскаго края", II, стр. 170—171) также узнаемъ, что Myodes lagurus „обитаетъ въ сухихъ глинистыхъ степяхъ, поросшихъ полынью и простирающихся отъ восточнаго берега Каспійскаго моря до Мугоджарскихъ горъ и далѣе; на сѣверъ эта порода распространена до широты Оренбурга или до рѣки Илека, а очень часто встрѣчается по обоимъ берегамъ нижней части рѣки Урала. Любимую пищу его составляютъ корни ирисовыхъ растеній и тюльпановъ".

О мѣстонахожденіи же Er. luteus Эверсманъ (ib., стр. 172) пишетъ: „Къ сѣверу не распространяется далѣе 47° сѣв. шир., но отъ запада къ востоку отечество его простирается отъ Каспійскаго моря до границъ Китая". Кажется, однако, что къ востоку отъ озера Балхаша видъ этотъ до сихъ поръ никѣмъ еще найденъ не былъ.

*

въ тѣни—мракъ, поглощающій всѣ детали, на солнцѣ же нестерпимый блескъ отъ обилія отраженнаго свѣта, при которомъ всѣ краски получаютъ иной, болѣе яркій оттѣнокъ. Это явленіе, впрочемъ, видно и на прилагаемыхъ фототипіяхъ, хотя мы тщательно избѣгали дѣлать фотографическіе снимки въ яркіе лѣтніе дни.

Въ Гу-чэн'ѣ[1]), куда караванъ прибылъ поздно, рѣшено было дневать, да и была пора: отъ Хами мы прошли въ общей сложности 370 верстъ, и лошади наши до такой степени подобрались, что на нихъ жалко было смотрѣть.

Сарымсакъ явился сюда лишь на слѣдующій день по утру, да и то для того только, чтобы смѣнить уставшую лошадь на свѣжую. Съ тѣхъ поръ мы болѣе его уже не видали. Такъ странно разстались мы съ человѣкомъ, которому столь многимъ обязана экспедиція.

Сарымсакъ.

Сарымсакъ характеромъ нисколько не напоминалъ своихъ сородичей таранчей. Онъ никогда не былъ женатъ; онъ не стремился ни къ богатству, ни къ власти, хотя и то и другое могъ бы имѣть; онъ былъ даже врагомъ всякой собственности, видя въ ней цѣпь, могущую приковать его къ мѣсту. Вся его жизнь сложилась страннымъ образомъ, но, бросая его съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ и навязывая ему самыя разнообразныя амплуа: барантача, солдата, мелкаго чиновника, купца, прасола, караванъ-баша, пастуха и джигита, она не могла натолкнуть его на такое, которое пришлось бы ему по душѣ. Сарымсакъ родился бродягой, человѣкомъ, неспо-

---

[1]) Привожу слѣдующія опредѣленія его абсолютной высоты:

Пржевальскій	2,310	фт.
Пѣвцовъ	2,417	„
Козловъ	2,580	„
Bell	2,650	„
Грумъ-Гржимайло	2,710	„
средняя	2,534	„

Наше опредѣленіе не можетъ быть всецѣло отнесено къ Гу-чэн'у, такъ какъ сдѣлано было въ степи, лежащей на востокѣ отъ этого города, гдѣ мы стояли въ сентябрѣ 1889 года бивуакомъ.

Оффиціальное названіе Гу-чэн'а—Фу-юань-чэнъ (Матусовскій—„Географическое обозрѣніе Китайской имперіи“, стр. 228), ключевая же рѣчка, на которой онъ расположенъ, носитъ названіе Мо-хо, т. е. рѣки мельницъ (см. т. I, стр. 183).

собнымъ къ прочной привязанности, и тѣмъ трогательнѣе показалась намъ теперь его любовь къ Койсеру. Впрочемъ, понять ее было не трудно: Койсеръ въ теченіе шести лѣтъ жилъ при немъ неотлучно и своей могучей фигурой, кроткимъ нравомъ и умной мордой не могъ не привлечь его сердца, которое отдалось ему тѣмъ полнѣе, что Сарымсакъ былъ въ мірѣ, не смотря на множество друзей, въ сущности вполнѣ одинокимъ.

При новыхъ условіяхъ путешествія, при томъ стремленіи къ русской границѣ, которое насъ всѣхъ обуяло, утрата такого человѣка, какъ Сарымсакъ, чувствовалась слабѣе, и, однако, всетаки чувствовалась: долгіе переходы по монотонной мѣстности при немъ менѣе замѣчались, въ немъ было что-то, бодрившее остальныхъ; онъ часто пѣлъ, еще чаще дорогой разсказывалъ.

Всего охотнѣе слушались тѣ изъ его разсказовъ, которые относились къ смутному времени конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ.

И сколькихъ ужасовъ онъ былъ тутъ свидѣтелемъ! Онъ стоялъ въ толпѣ, когда линчевали, т. е. разрывали на куски (линъ-чи), Си-анъ-шая, онъ видѣлъ массовыя казни, безпощадное избіеніе женщинъ и дѣтей, публичное изнасилованіе подростковъ, взятіе и разгромъ Манаса, богатыхъ людей, сдѣлавшихся въ одинъ мигъ нищими, многосемейныхъ, оставшихся одинокими, бездну горя и слезъ...

— Ну, а тебя какъ же Богъ миловалъ?

— Какъ видите... Впрочемъ, въ битвахъ я не участвовалъ.

— Ну, а барантавалъ?

— Да кто же въ то время не барантавалъ? Всѣ охотились другъ за другомъ, за чужимъ добромъ. Одному жить было жутко, да, почитай, что и совсѣмъ невозможно. Мужчины собирались въ банды, въ воровскія артели, ну, а женщины и дѣти, тѣ—гибли конечно... Всего лучше жилось тогда у киреевъ. Грабить-то и они грабили, но до убійства дѣла не доводили. Разъ только у торгоутовъ ихняго ламу прикончили. Дѣло было вотъ какъ: Цзюнъ-ванъ былъ въ отлучкѣ, бѣжалъ на Или, хотя и тамъ было не сладко; остальныя же власти до того растерялись, что не могли организовать какой либо защиты. Мы брали все, что хотѣли, не исключая дѣвченокъ, и много добра успѣли уже обернуть на Кабу, когда вдругъ услыхали, что какой-то лама собираетъ людей отбить баранту. Его мы накрыли въ курѣ, въ урочищѣ Амунъ. Курю, какъ водилось тогда,—разорили, а ламу зарѣзали. Въ другой разъ мнѣ

довелось ограбить курю подъ переваломъ Мунгаты: но тутъ обошлось безъ человѣческихъ жертвъ; даже прихваченныхъ было дѣвокъ побросали дорогой. Да и куда съ ними? Потомъ были бы только уликой"...

И много наслышались мы подобныхъ разсказовъ. Въ совокупности же они составили такую мрачную картину пережитой краемъ эпохи, что какъ-то не вѣрилось, что однимъ изъ ея дѣятелей, хотя и второстепеннымъ, былъ Сарымсакъ—этотъ честный, кроткій и самоотверженный человѣкъ.

Въ Гу-чэн'ѣ мы нашли перемѣну: фирма Чанышева ликвидировала дѣла; она была послѣдней изъ русскихъ фирмъ, когда-то обосновавшихся въ этомъ городѣ.

Причинъ неуспѣха здѣсь русской торговли мнѣ называли нѣсколько, но главнѣйшей изъ нихъ была полная необезпеченность личнаго кредита, безъ котораго въ Китаѣ торговать невозможно.

Въ сущности въ Гу-чэн'ѣ повторилось лишь то, что ранѣе случилось въ Хами, что имѣло мѣсто и въ восточныхъ провинціяхъ Небесной Имперіи. Исторія торговыхъ сношеній этой послѣдней съ Европой показываетъ, что первыми проводниками иностранныхъ товаровъ среди туземцевъ были всегда европейцы; когда же почва оказывалсь достаточно подготовленной, то имъ на смѣну выступали китайцы. Практикующаяся въ Китаѣ система долгосрочныхъ кредитовъ объясняетъ это общее явленіе только отчасти: гораздо важнѣе та внутренняя дисциплина, которая удерживаетъ китайскія торговыя фирмы въ предѣлахъ умѣренной конкурренціи и создаетъ между ними солидарность, неизвѣстную европейскимъ торгующимъ сферамъ.

Въ восточномъ Китаѣ вытѣсненіе европейцевъ съ внутреннихъ рынковъ шло постепенно, и нынѣ, можно сказать, уже завершилось, такъ какъ если тамъ и оперируютъ еще кое-гдѣ европейцы, то это или представители экспортныхъ фирмъ или оптовики. Европейскія торговыя фирмы давно уже пришли къ убѣжденію, что въ Китаѣ для нихъ остался одинъ лишь способъ торговли, сулящій извѣстные барыши, это—держать свои склады въ крупнѣйшихъ портовыхъ городахъ Китая и тамъ же спеціальныя агентуры для закупки китайскихъ продуктовъ, не вмѣшиваясь при этомъ какъ въ дальнѣйшее распредѣленіе своихъ товаровъ по внутреннимъ рынкамъ Имперіи, такъ и въ закупку по мелочамъ, на мѣстѣ, туземныхъ произведеній, т. е. производя торговлю только en gros и предоставивъ всѣ остальныя операціи самимъ китайцамъ,

конкуррировать съ которыми значило бы идти на вѣрное фіаско. Такимъ образомъ европейскія торговыя фирмы являются въ Китаѣ не купцами въ прямомъ значеніи этого слова, а агентами—комиссіонерами по закупкѣ въ европейскихъ промышленныхъ центрахъ товаровъ за счетъ китайскихъ купцовъ.

Такое положеніе дѣлъ имѣетъ свои выгоды и невыгоды.

Европейцы, оперируя за китайскій счетъ [1]), не подвергаютъ риску свои капиталы; но зато, съ другой стороны, та энергія, которую иностранные купцы, при поддержкѣ своихъ правительствъ, могли бы приложить для расширенія старыхъ и открытія новыхъ путей торговли, нынѣ не прилагается; китайцы же, если что и дѣлаютъ въ этомъ направленіи, то весьма медленно; къ тому же они очень мало или даже вовсе не знакомы съ европейской индустріей.

Тотъ же процессъ вытѣсненія русской торговли китайской замѣчается и на западѣ—въ Западной Монголіи и Джунгаріи, но здѣсь онъ имѣетъ свои особенности и къ тому же задерживается привходящими обстоятельствами, къ выясненію коихъ я и перехожу ниже.

Не касаясь подробно хода торговли въ Западной Монголіи, я замѣчу лишь, что, не смотря на свое кратковременное существованіе [2]), она имѣетъ уже свою исторію, дѣлящуюся на три періода.

Первый періодъ знаменуется преобладаніемъ крупныхъ фирмъ, торгующихъ черезъ довѣренныхъ лицъ при слабой конкурренціи китайскихъ купцовъ; ввозъ, хотя и незначительно, превышаетъ вывозъ; барыши отъ торговли значительные.

Второй періодъ характеризуется оживленіемъ китайской торговли, которая все болѣе и болѣе становится хошунной, развозной; паденіе барышей вызываетъ нѣкоторыя русскія фирмы на ликвидацію дѣлъ, но одновременно на самостоятельное торговое поприще выступаетъ плеяда русскихъ дѣятелей, въ большинствѣ—бывшихъ приказчиковъ этихъ фирмъ, которые и доводятъ развозную

---

[1]) По расчету Байронъ-Бренана, великобританскаго консула въ Чифу, 3/4 различныхъ предметовъ иностраннаго ввоза въ Шанхай доставляются въ этотъ портъ (расчетъ былъ сдѣланъ въ 1896 году) на китайскія деньги.

[2]) Перенесеніе бійскими купцами своихъ торговыхъ операцій изъ приграничнаго района (изъ урочища Кошъ-агачъ) внутрь Западной Монголіи имѣло мѣсто послѣ 1869 года. О русской торговлѣ до 1869 г. см. Семеновъ и Потанинъ—„Алтайско-Саянская горная система“, стр. 344 и слѣд. (Риттеръ—„Землевѣдѣніе Азіи“, IV).

торговлю до кульминаціоннаго пункта; торговый балансъ выравнивается [1]).

Наконецъ, третій періодъ застаетъ китайскую хошунную торговлю въ полномъ развитіи [2]), а число русскихъ торговцевъ сократившимся; выдѣляются крупныя фирмы, компаніи, которыя и сосредоточиваютъ свою дѣятельность на экспортѣ шерсти по преимуществу; балансъ складывается рѣшительно не въ пользу Россіи [3]). Этотъ фазисъ русской торговли въ Западной Монголіи уже не далекъ отъ того, въ какомъ за послѣднее время оказалась русская торговля въ Халхѣ и Китаѣ, гдѣ операціи русскихъ фирмъ ограничиваются закупкой животныхъ продуктовъ и чая. Въ этой односторонности оборотовъ кроется ея существенное отличіе отъ торговли англійской, нѣмецкой, въ особенности же американской, преимущественно импортной, хотя и за счетъ китайскихъ торговыхъ домовъ [4]).

---

[1]) А. Позднѣевъ въ своей рѣчи, прочитанной въ экстренномъ собраніи Импер. Русск. Геогр. Общ. 23 ноября 1893 г., говорилъ, между прочимъ, что успѣхи, совершенные нашими мелочными торговцами на всемъ протяженіи вышеуказанныхъ пространствъ (почти всей западной Монголіи), можно назвать отмѣнно утѣшительными; достаточно сказать, что minimum $^3/_4$ населенія этой страны цѣликомъ одѣвается въ наши бумажныя ткани, получая ихъ притомъ непосредственно изъ русскихъ рукъ („Извѣстія“, 1894, II, стр. 166).

Увы! этого періода въ Западной Монголіи я уже не засталъ. Въ 1903 году монголы даже ближайшихъ окрестностей г. Кобдо одѣвались въ китайскую далембу и такъ называемую „цуямбу“ (крашеный въ Китаѣ американскій и англійскій sheetings). Сбытъ русской мануфактуры былъ незначительный, и, по отзыву Кузнецова и довѣреннаго Русско-монгольскаго товарищества, лучшими покупщиками ея являлись китайцы и богатые монголы, чѣмъ и объясняется очень высокій процентъ выписываемыхъ кобдинскими фирмами сравнительно дорогихъ мерсеризированныхъ тканей и тканей атласнаго переплетенія: дамасэ, муаровъ, мерсеризацій, ластиковъ, чисучи и проч.

[2]) Къ урянхайцамъ, за Танну-ола, китайскіе купцы проникли впервые лишь въ 1901 году, но сразу же поставили здѣсь дѣло на столько широко, что даже старѣйшія изъ русскихъ фирмъ (Бяковы, Сафьяновъ и друг.) должны были значительно сократить свои операціи.

[3]) Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	привезено въ и изъ Россіи въ тысячахъ руб.	вывезено	+ —
въ 1900 году	на 554	на 373	— 181
„ 1901 „	„ 921	„ 414	— 507
„ 1902 „	„ 1,169	„ 576	— 593
„ 1903 „	„ 1,188	„ 496	— 692
„ 1904 „	„ 1,365	„ 295	— 1,070

Надо имѣть при этомъ въ виду, что гамбургское серебро, вывозившееся до начала 1904 года въ Западную Монголію въ обмѣнъ на кирпичные чаи, коими русскіе торговцы расплачиваются съ монголами за сырье, шло не транзитомъ черезъ Россію, а оплачивалось въ ней пошлиной въ размѣрѣ 120 рублей съ пуда.

[4]) Особенно губительно на развитіе русской торговли въ краѣ вліяютъ колебанія рыночныхъ цѣнъ на кирпичный чай, на который совершаются тамъ всѣ торговыя сдѣлки съ монголами; неустойчивость этихъ цѣнъ отражается при томъ только на дѣлахъ этой, а не китайской торговли, такъ какъ зависитъ она не отъ перемѣнъ въ стоимости товара на рынкахъ производства и прочихъ торговыхъ коньюнктуръ, а отъ произвола китайскихъ оптовыхъ торговцевъ, естественныхъ конкуррентовъ бійскихъ купцовъ.

Русская торговля или точнѣе—торговля русскими произведеніями находится въ Джунгаріи въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ Западной Монголіи, что объясняется главнымъ образомъ культурно-бытовыми особенностями населяющей ее народности. Что бы не предпринимали китайцы, имъ не заполнить пропасти, отдѣляющей ихъ отъ мусульманскаго міра, который всегда предпочтетъ торговыя сдѣлки со своими соплеменниками и единовѣрцами всякимъ инымъ, а тутъ-то именно и подобрался контингентъ сбытчиковъ русскихъ произведеній изъ мусульманскихъ уроженцевъ той же Средней Азіи—киргизъ, сартовъ и татаръ. Къ тому же китайцы и не располагаютъ товаромъ, отвѣчающимъ привычкамъ и вкусамъ туземцевъ. Они привозятъ одноцвѣтныя бумажныя ткани европейскихъ и американскихъ фабрикъ [1]) и изрѣдка японскій цвѣтной узорчатый кретонъ, но товаръ этотъ не въ спросѣ у киргиза и туркестанца, которые предпочитаютъ ему или туземныя ткани [2]), или русскіе ситцы, тикъ, кретонъ, демикатонъ, изъ однотонныхъ—цвѣтную бязь [3]), киргизинъ, малескинъ и изъ болѣе дорогихъ—шведскую матерію, оттоманъ, бараканъ и др. [4]); шерстяными тканями, металлическими издѣліями, нужными для мѣстнаго обихода, и юфтью китайцы не торгуютъ; спички во всемъ почти краѣ русскія [5]), сахаръ успѣшно выдерживаетъ конкурренцію съ китайскимъ, фаянсовыя и фарфоровыя издѣлія также. Но все это только тамъ, гдѣ главный элементъ населенія составляютъ тюрки магометане;

---

[1]) Въ городахъ южной Джунгаріи обращаются слѣдующія хлопчатобумажныя ткани иностранныхъ производствъ: такъ называемыя „цу-ямба“—крашенный въ Китаѣ шитингъ (простынные полотно), шертингъ цвѣтной и узорчатый, бумажная каламянка (drilling) и платки—бѣлые съ синимъ грубымъ рисункомъ; бумажныхъ ластиковъ и twilledcloths, столь распространенныхъ на востокѣ, я здѣсь не встрѣтилъ; ситцы попадались очень рѣдко.

[2]) Изъ туземныхъ хлопчатобумажныхъ тканей наибольшимъ спросомъ пользуются: б ӧ з ъ (турф.), м а т а или д а б а, бѣлая и крашеная, чаще всего въ фіолетовый и синій цвѣта, очень различная по оцѣнкѣ; лучшій сортъ турфанской бӧзи извѣстенъ подъ именемъ „тӧртъ-багъ“, аксуйской и кашгарской маты подъ именемъ „кошьшиша“ или короче—„шиша“; с а р г я з ь—выбойка, набитая (ручнымъ способомъ) однимъ или двумя цвѣтами даба; а л а ч а—полосатая ткань изъ бѣлой основы и цвѣтного утка; ч е к м е н ь—чрезвычайно плотная, всегда цвѣтная ткань, въ которой нитки основы и утка—крученыя; м а ш р у п ъ—полосатая или съ крупнымъ рисункомъ, весьма плотная, полушелковая ткань.

Восточно-туркестанскія шелковыя ткани—адрясъ, шаи (канаусъ) и бекасапъ въ маломъ спросѣ; имъ предпочитаютъ однородный ташкентскій товаръ.

[3]) Суровая бязь вовсе не спрашивается въ Джунгаріи; ее вполнѣ замѣняетъ мата.

[4]) Шелковистыхъ бумажныхъ тканей—мерсеризацій, муаровъ, дамасэ и проч. вовсе не имѣется на рынкахъ сѣвернаго Притяньшанья; плисъ и бумазея хотя и привозятся, но спрашиваются мало.

[5]) Онѣ встрѣчаютъ конкурренцію только со стороны австрійскихъ спичекъ; японскихъ же до 1891 года въ привозѣ не было.

тамъ же, гдѣ ихъ меньшинство или гдѣ вкусъ ихъ воспитался подъ вліяніемъ китайскихъ образцовъ, какъ въ Хами, напримѣръ, побѣда китайскихъ купцовъ является уже болѣе обезпеченной, чему доказательствомъ и служитъ отступленіе даже такихъ богатыхъ и цѣпкихъ фирмъ, какъ торговый домъ бр. Чанышевыхъ [1]).

Несомнѣнно, что китайскіе купцы встрѣчаютъ дѣятельную поддержку со стороны мѣстной администраціи, для которой выговоренное трактатомъ 1881 года право русскихъ торговать въ краѣ безпошлинно давно уже является бѣльмомъ на глазу. Поддержка эта выражается всѣми способами, какіе только имѣются въ распоряженіи этихъ властей и, между прочимъ, путемъ устраненія конкурренціи русскихъ купцовъ. Достигается это мелочными придирками [2]) и уклоненіемъ отъ принятія принудительныхъ мѣръ по отношенію къ неисправнымъ должникамъ, что въ Джунгаріи, гдѣ главную массу китайскаго населенія составляютъ ссыльные [3]) и гдѣ безъ долгосрочнаго кредита невозможна никакая торговля, равносильно воспрещенію этой торговли.

Невозможность собрать долги и оправдаться передъ кредиторами заставила уже однихъ прибѣгнуть къ героическому средству— принятію китайскаго подданства, а другихъ къ переносу дѣятельности съ востока на западъ, въ районъ Кульчжи и Чугучака, подъ защиту мѣстныхъ русскихъ консуловъ.

Успенскій пишетъ, что въ прежнее время, когда еще не имѣлось оффиціальнаго доступа въ Урумчи, въ Си-ху (Шихо) имѣлось до тридцати русскихъ лавокъ и складъ товаровъ тысячъ на двѣ-

---

[1]) По счетамъ приказчиковъ Чанышева, безнадежныхъ долговъ за китайско-подданными числилось къ 1 сентября 1890 г. около 60 тысячъ рублей.

[2]) Къ числу таковыхъ принадлежало, напримѣръ, требованіе досмотра товаровъ на каждой ли-цзин'ной заставѣ; при этомъ операція досмотра совершалась на открытомъ воздухѣ, въ пыли и грязи, съ нарушеніемъ и намѣренной порчей амбалажа, дабы вынудить караванъ-баша къ взяткѣ. Предлогомъ же для такого досмотра выставлялась необходимость убѣдиться въ отсутствіи запрещенныхъ ко ввозу товаровъ.

Попытокъ сорвать взятку не избѣгли даже и мы. Помню, что подъ Турфаномъ мнѣ пришлось употребить даже насиліе, чтобы избавиться отъ досмотра моего багажа, при чемъ предъявленный мною паспортъ едва не остался въ рукахъ какого-то оборванца. Впрочемъ, днемъ позднѣе весь этотъ инцидентъ разъясненъ былъ мнѣ неопытностью и ретивостью вновь назначеннаго чиновника.

[3]) Проектъ заселенія Синь-цзян'ской провинціи ссыльными принадлежалъ первому ея губернатору, извѣстному Лю-цзинь-тан'ю; но пятнадцатилѣтній опытъ показалъ, что заселеніе обширной территоріи этой провинціи ссыльнымъ элементомъ не достигло своей цѣли, во-первыхъ, вслѣдствіе невозможности прикрѣпить ссыльныхъ къ землѣ, а во-вторыхъ, вслѣдствіе непомѣрнаго увеличенія числа преступленій. По симъ основаніямъ еще въ 1894 году, по представленію губернатора Тао, означенное распоряженіе было отмѣнено.

сти, теперь же (въ 1897 году) осталась одна только лавка съ оборотомъ до 15,000 рублей въ годъ [1]).

Этотъ фактъ служитъ новымъ подтвержденіемъ вышесказанному, ибо если были въ Шихо лавки и склады русскихъ товаровъ [2]), то, стало быть, былъ тамъ и соотвѣтственный спросъ на эти товары; позакрылись же они потому, что, съ учрежденіемъ въ 1894 году въ Урумчи консульства, преимущества обезпеченнаго торга получилъ этотъ послѣдній.

Въ 1889 и 1890 годахъ въ городѣ Урумчи насчитывалось не болѣе 50 русско-подданныхъ торговцевъ, считая въ томъ числѣ и гуртовщиковъ, а въ 1897 году, по словамъ того же авторитетнаго источника, число ихъ здѣсь уже превысило цифру 200; но за то они исчезли изъ всѣхъ другихъ городовъ Притяньшанья.

Позволительно спросить, какой же кругъ дѣятельности у этихъ двухсотъ русскихъ купцовъ въ Урумчи, если извѣстно, что самъ по себѣ этотъ городъ, населенный преимущественно китайцами, является лишь ничтожнымъ потребителемъ русскихъ товаровъ? Отвѣтъ очевиденъ. Это или оптовики, кредитующіе иногородныхъ торговцевъ, такъ называемыхъ «сіякчей» [3]), но держащіе и свои лавки въ городѣ для торговли въ розницу, или скупщики скота и сырья на наличныя.

Иными словами, и тутъ, въ Джунгаріи, мы застаемъ ту же картину торга, что и въ Западной Монголіи, что и во всемъ остальномъ Китаѣ, но только въ болѣе раннемъ періодѣ ея развитія.

Независимо отъ практикуемыхъ китайскими властями незаконныхъ пріемовъ задержанія естественнаго роста русской торговли въ Синь-цзян'ѣ, ими принимаются и мѣры легальнаго порядка, направленныя все къ той же основной цѣли—парализовать выгоды, создаваемыя для этой торговли трактатомъ 1881 года, въ какових выгодахъ онѣ не безъ основанія усматриваютъ главную причину изъ года въ годъ возрастающаго сбыта русскихъ издѣлій въ названномъ краѣ.

Я имѣлъ уже случай говорить о воспрещеніи сдавать русскоподданнымъ въ аренду пастбищныя угодья и объ отмѣнѣ лицзын'я [4]); я отмѣчу еще три приказа, пагубное значеніе коихъ для

---

[1]) „Отъ Суйдина до Урумци“ въ „Извѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1898, II, стр. 198.
[2]) Къ русской торговлѣ въ Шихо мы будемъ имѣть еще случай вернуться.
[3]) Большинство этихъ сіякчей китайско-подданные туркестанцы и дунгане.
[4]) Томъ I, стр. 109—113.

*

нашей торговли вполнѣ очевидно: первымъ приказомъ, изданнымъ еще въ 1887 году, но впослѣдствіи отмѣненнымъ, воспрещался вывозъ чая изъ предѣловъ Синь-цзян'ской провинціи за границу—мѣра, отъ которой могла пострадать только русская вывозная торговля; вторымъ—русская торговля скотомъ ограничивалась лишь нѣкоторыми городами, и третьимъ предписывалось взыскивать ввозную пошлину съ русскихъ издѣлій, разъ послѣднія переходятъ въ руки китайско-подданныхъ торговцевъ [1]). Я не знаю, была ли опротестована эта послѣдняя мѣра, но что она должна была значительно сократить сбытъ отечественныхъ товаровъ, въ этомъ едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться.

Нельзя сказать, чтобы русское правительство оставалось безучастнымъ къ судьбѣ русской торговли въ Синь-цзян'ѣ, наоборотъ, имъ сдѣлано было не мало на пользу этой послѣдней: учреждено консульство въ г. Урумчи, установленъ возвратъ пошлинъ за хлопокъ при вывозѣ туда хлопчато-бумажныхъ издѣлій и акциза на сахаръ и спички; проведеніе сибирской желѣзной дороги также не осталось безъ вліянія на мѣстную торговлю, а равно отразилось на ней благотворно и учрежденіе въ г. Чугучакѣ почтово-телеграфной конторы. За всѣмъ тѣмъ остается еще, однако, рядъ мѣръ, которыя почему-то тормазятся, но которыя для развитія этой торговли имѣли бы существенное значеніе. Я говорю: 1) объ упорядоченіи ветеринарно-санитарнаго надзора на границѣ

---

[1]) Интересно, что къ подобной же мѣрѣ прибѣгло въ первой половинѣ XVIII столѣтія и русское правительство, когда хотѣло сократить безпошлинный ввозъ бухарскихъ (восточно-туркестанскихъ) издѣлій въ Западную Сибирь. См. статью Струве и Потанина—„Поѣздка по восточному Тарбагатаю" въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.", 1867, I, стр. 474.

Какъ мнѣ сообщаютъ, въ Чугучакѣ она и до сихъ поръ не отмѣнена. Здѣсь основной размѣръ пошлины установленъ въ три процента базарной стоимости товара, но въ отношеніи нѣкоторыхъ русскихъ издѣлій опредѣленъ болѣе точно, а именно:

за кусокъ молескина въ 50—60 арш. взимается.....		30 фынь	(0,3 лана).
„ „ ластика широкаго		26 „	
„ „ „ узкаго.....		16 „	
„ „ ситца (безотносительно къ качеству).....		16 „	
„ „ сукна.....	1 ланъ	6 „	
„ 100 гинь (болѣе 3-хъ пуд.) сахара.....		94 „	
„ „ „ меда бѣлаго....	1 ланъ	6 „	
„ „ „ шиннаго желѣза		24 „	
„ „ „ мелкихъ металлическихъ издѣлій.....	1 ланъ	20 „	
„ 1 ящикъ свѣчей стеариновыхъ.....		52 „	
„ „ „ спичекъ шведскихъ		21 „	
„ 100 штукъ ковшей желѣзныхъ большихъ.....		52 „	
„ „ „ „ „ малыхъ,.		26 „	и т. д.

съ Джунгаріей [1]); 2) объ отмѣнѣ промысловаго налога на лицъ, ведущихъ торговлю исключительно въ предѣлахъ Китая [2]), и 3) о разрѣшеніи транзитной, черезъ Иркутскъ и Бахты, перевозки чаевъ (байховыхъ и кирпичныхъ) въ предѣлы Синь-цзян'а. Особенно была бы важна послѣдняя мѣра, такъ какъ ею достигалась бы передача въ русскія руки существеннѣйшей изъ отраслей мѣстной китайской торговли [3]).

Точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ нашей торговли въ Джунгаріи черезъ Бахты до 1892 года мы не имѣли, съ этого же времени обороты этой торговли выразились въ слѣдующемъ:

	привезено: въ и изъ Россіи въ тысячахъ руб.	вывезено:	+ —
въ 1892 году на	241	832	+ 591
„ 1895 „ „	917	941	+ 24
„ 1898 „ „	926	1,066	+ 140
„ 1901 „ „	1,398	1,527	+ 129
„ 1904 „ „	2,340	1,792	— 548

При этомъ не лишне сказать, что, при замѣтномъ увеличеніи спроса по всѣмъ главнѣйшимъ статьямъ русскаго вывоза въ Джунгарію, сталъ замѣчаться за послѣднее время упадокъ интереса только къ такимъ товарамъ, которые встрѣчаютъ конкурренцію въ издѣліяхъ, распространяемыхъ китайскими торговыми фирмами, а именно, къ хлопчатобумажнымъ тканямъ, спичкамъ и сахару, и это—не смотря даже на то, что вступившій съ недавняго времени на торговое поприще Джунгаріи старинный русскій торговый домъ «Коковинъ и Басовъ» понизилъ державшуюся тамъ цѣну на сахаръ съ 25—30 коп. до 18 и даже до 17 коп. за фунтъ.

---

[1]) Ветеринарно-санитарные пункты по границѣ съ Джунгаріей располагаются иногда въ глухихъ мѣстностяхъ съ весьма скуднымъ подножнымъ кормомъ. По одному лишь слуху о появленіи въ китайскихъ предѣлахъ какой-либо повальной болѣзни, провѣрить который далеко не всегда есть возможность, въ такихъ пунктахъ задерживаются гурты и караваны на три недѣли, причемъ, въ виду отсутствія сѣна и фуража, заподозрѣнныхъ животныхъ не отдѣляютъ, а оставляютъ пастись тутъ-же, чуть не вмѣстѣ съ здоровыми. При такихъ условіяхъ ветеринарно-санитарный надзоръ, не удовлетворяя своему назначенію, служитъ лишь тормазомъ для торговли, безъ нужды удорожая и безъ того не дешевые фрахты.

[2]) На этой отмѣнѣ настаивалъ еще въ 1893 году нашъ генеральный консулъ въ Кашгарѣ Петровскій.

[3]) Подтвержденіе возможности такового транзита находимъ въ случаяхъ провоза черезъ Джаркентъ и Бахты въ Джунгарію не только транзитныхъ чаевъ (такихъ чаевъ прошло въ 1904 году по особому разрѣшенію 2,693 пуда, изъ коихъ 602 пуда байховаго), но и оплаченныхъ у насъ пошлиной (sic!); послѣднихъ было вывезено въ зиму 1903—1904 г. 276 пуд. байховаго и 416 пуд. кирпичнаго.

Такимъ образомъ наша торговля на Бэй-лу не только перестала балансироваться въ нашу пользу, но и показываетъ явную склонность пойти по тому же пути, по которому она шла въ остальномъ Китаѣ.

ГЛАВА XII.

Вдоль сѣверныхъ подгорій Тянь-шан'я отъ Гу-чэн'а до Урумчи.

Къ западу отъ Гу-чэн'а потянулась травянистая степь, мѣстами переходившая въ ключевой сазъ [1]); но уже за рѣчкой Шотунъ-хэ степь стала суше, сазы исчезли, и луговыя травы смѣнились чіемъ, среди котораго то тамъ, то здѣсь стали появляться группы карагачей (Ulmus campestris?). Между рѣчками Гань-гу [2]) и Да-ланъ-гу лѣсная поросль стала гуще, и тутъ же появились и первые слѣды былой осѣдлости—развалины хуторовъ и арыки.

Задержавшись въ Гу-чэн'ѣ, мы прибыли въ городокъ Джимысаръ [3]) уже въ сумеркахъ, но это нисколько не помѣшало мѣстному китайскому чиновнику явиться къ намъ съ требованіемъ уплатить баджъ [4]).

— Какой баджъ? за что?

— А вы зарѣзали барана, такъ по здѣшнему положенію...

— Да вѣдь баранъ то былъ нашъ, да и купленъ не здѣсь, а въ Хами!

— Это дѣла не измѣняетъ.

---

[1]) Объясненіе этого слова читатель найдетъ на 171 стр. перваго тома настоящаго труда.

[2]) Этой рѣчки мы не проходили на пути между Гу-чэн'омъ и городкомъ Хо-бу-цзы; возможно, однако, что продолженіемъ ея русла и является тотъ ключевой оврагъ, о которомъ говорилось на 179 стр. перваго тома.

[3]) Китайцы пишутъ различно: Цзи-му-са (Цзи-юань-хуай въ „Си-цзи-чжи"; см. прим. 604 къ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи") и Ци-му-са („Синь-цзянъ-дао-ли-бяо", перев. Борнемана, въ „Сборникѣ геогр., топогр. и статистич. матеріаловъ по Азіи", вып. LVIII, стр. 132). Его офиціальное названіе—Бао-хуй (см. Chavannes—„Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux" въ „Сборникѣ трудовъ Орхонской экспедиціи", VI, 1903, стр. 11.

О прошломъ Джимысара см. т. II, стр. 42—43, и ниже.

[4]) Объясненіе этого слова см. на 180 стр. перваго тома. Сборъ за убой скота тоже носитъ названіе баджа.

Обратились за разъясненіемъ къ сбѣжавшимся таранчамъ.

— Да какія тутъ разъясненія! Гоните его вонъ, вотъ и вся недолга... Съ насъ-то онъ беретъ за всякую малость, ну, а вамъ-то чего-жь опасаться?

Такъ мы и поступили, а въ Урумчи мы получили официальное разъясненіе, что такого сбора закономъ не установлено, и что требованіе джимысарскаго чиновника, какъ произвольное, не подлежало удовлетворенію.

16 октября мы продолжали нашъ путь и, обойдя обширныя развалины стараго Джимысара, вступили въ лёссовую пустыню со слѣдами арыковъ, былыхъ пашенъ и фанзъ. Здѣсь нами были подняты карабауры (Pterocles arenarius), а нѣсколько верстъ далѣе, когда за рѣчкой Со-ца-хо, служащей границей Фоуканскаго и Цитайскаго уѣздовъ, мы вновь вступили въ карагачевый лѣсъ и густыя поросли чія и различныхъ кустарниковъ, на долю брата выпало удовольствіе славно поохотиться на фазановъ (Phasianus mongolicus semitorquatus, Sew.); наконецъ, уже подъѣзжая къ селенію Сань-тай, онъ встрѣтилъ Lanius leucopterus, Sew., котораго и убилъ для коллекціи.

Селеніе Сань-тай, въ мѣстномъ произношеніи Санъ-тэй, не велико, но расположено въ центрѣ обширнаго оазиса, отличавшагося нѣкогда, если судить по числу покинутыхъ хуторовъ, удивительнымъ многолюдствомъ. Рѣчка Наратъ, орошающая этотъ оазисъ, стекаетъ съ восточнаго изъ трехъ пиковъ Богдо-ола и, повидимому, несетъ довольно много воды, но послѣдняя расходится почти цѣликомъ по арыкамъ и пересѣкаетъ дорогу уже ничтожной струей.

Въ Сань-таѣ намъ довелось впервые увидѣть въ работѣ китайскую «писчебумажную фабрику». Помѣщалась она на окраинѣ селенія, близъ арыка, вдоль котораго вырыты были ямы, исполнявшія роль квасильныхъ чановъ. Въ нихъ перегнивалъ матеріалъ для бумаги—метелки чія и камыша, который перетирался на обыкновенной домашней мельницѣ въ бурую массу и въ такомъ уже видѣ поступалъ въ дальнѣйшую обработку, состоявшую въ слѣдующемъ: массу распускали въ чистой водѣ, затѣмъ выбирали на квадратное мелкое сито и, наконецъ, осѣвшій въ немъ въ видѣ тонкаго, ровнаго листа растительный войлокъ прилѣпляли для окончательной просушки къ стѣнѣ фанзы. Получающаяся такимъ путемъ бумага очень груба, ломка, буро-желтаго цвѣта и пригодна лишь какъ оберточная.

За селеніемъ Сань-тай, которое мы покинули на слѣдующій день до разсвѣта, оазисъ тянулся еще около пяти верстъ, до рѣчки Ло-тай, а тамъ мы вновь вступили въ пустыню—плоское продолженіе далеко выдавшагося на сѣверъ песчано-глинистаго отрога Тянь-шан'я. Этотъ плоскій водораздѣлъ имѣлъ въ ширину около тринадцати верстъ и отличался крайнимъ безплодіемъ; даже кизылча (Ephedra vulgaris var.) росла тутъ неохотно, а чій попался всего лишь однажды, вблизи развалинъ постоялаго двора, стоявшаго на колодцахъ. Столь же безплодными казались намъ и передовые уступы Тянь-шан'я. Зато дальше, за ними, горы темнѣли отъ лѣса, который мѣстами взбѣгалъ и на снѣга величественнаго Богдо. Очевидно, зима успѣла тамъ сдѣлать уже большія завоеванія, здѣсь же, внизу, солнце еще порядочно грѣло, и листъ, хотя пожелтѣлъ, но держался на деревѣ.

Домашняя мельница.

За развалинами постоялаго двора пустыня отъ примѣшавшейся къ ея почвѣ черной гальки получила еще болѣе унылый характеръ; впрочемъ, мы уже знали, что конецъ ея не далекъ, и, дѣйствительно, вскорѣ на горизонтѣ ясно обозначился темный силуэтъ лѣса. Мы подходили къ оазису Эръ-дао-хо-цзы [1]), названному такъ по рѣчкѣ, орошающей его восточную половину.

Центромъ оазиса служитъ базарное мѣстечко Чжанъ-чинъ-цза [2]), на офиціальномъ языкѣ Цы-ни-цюань [3]). Оно не велико, но тѣсно застроено убогими лачужками, среди коихъ оба постоялыхъ двора кажутся царскими помѣщеніями.

Мы свернули въ ближайшій изъ нихъ, оказавшійся менѣе переполненнымъ, но и въ немъ было тѣсно; впрочемъ затрудненіе скоро уладилось, такъ какъ какой-то именитый дунганинъ, занимавшій рядомъ двѣ горницы, любезно предоставилъ одну изъ нихъ въ наше распоряженіе.

---

[1]) Въ мѣстномъ произношеніи Ырдо-хоза. См. т. I, стр. 172 и слѣд.
[2]) См. т. I, стр. 174, селеніе Джанъ-чинза.
[3]) „Синь-цзянъ-дао-ли-бяо", ibid., стр. 132.

Дунганинъ оказался ахуномъ. Онъ направлялся въ сопровожденіи пяти лицъ въ Румъ, т. е. Турцію [1]). Невысокаго роста, но довольно полный, онъ поражалъ матовой блѣдностью своего лица, монгольскія черты котораго какъ-то не гармонировали съ большими, глубоко сидящими и необыкновенно выразительными глазами. Костюмъ его ни въ чемъ не отличался отъ китайскаго; только на головѣ онъ имѣлъ вмѣсто черной атласной бѣлую шапочку. Отъ бесѣды съ нами и отъ предложеннаго ему ужина онъ уклонился подъ предлогомъ крайней усталости, а на утро мы только издали привѣтствовали другъ друга.

18 октября было днемъ тріумфа моего брата. Онъ выѣхалъ изъ Цы-ни-цюан'я нѣсколько ранѣе каравана и догналъ его обвѣшанный утками и фазанами; но, увлекаясь охотой на дичь, онъ не забылъ и коллекціи, въ которую въ этотъ день поступили: Asio otus, L., и Uragus sibiricus, Pall.

Мѣстность между Цы-ни-цюан'емъ и Фоу-кан'омъ [2]) представляла желтую волнующуюся степь, среди которой то тамъ, то сямъ подымались рослые карагачи; они изчезли, когда рыхлый солонецъ смѣнился песчано-глинистымъ грунтомъ, но вскорѣ вновь показались, охвативъ темной полосой весь западный край горизонта. Это былъ фоуканскій лѣсъ—густѣйшая поросль исполинскихъ вязовъ и тополей. Въ степи мы не встрѣтили иной воды, кромѣ солоноватой въ колодцахъ, здѣсь же она струилась по всѣмъ направленіямъ, очевидно, выбиваясь изъ подъ земли, такъ такъ мѣстныя рѣчки — Хай-да-чжанъ и Ду-ханъ-чжанъ не велики.

На опушкѣ этого лѣса насъ обогналъ китайскій почтарь, везшій какое-то экстренное донесеніе въ Урумчи. Николай, по обыкновенію, попытался было вступить съ нимъ въ бесѣду, но неу-

---

[1]) Арх. Палладій („О магометанахъ въ Китаѣ" въ „Трудахъ членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ", IV, стр. 444) пишетъ, что послѣ магометанскаго возстанія начала восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія китайское правительство воспретило дунганамъ паломничества на западъ, но такъ какъ ахунъ не дѣлалъ изъ своей поѣздки секрета, то, надо думать, воспрещеніе это или нынѣ отмѣнено или забыто.

[2]) Такъ пишутъ: Матусовскій („Географическое обозрѣніе Китайской имперіи", стр. 227), Успенскій („Возстаніе дунганъ въ Манасѣ" въ „Сборникѣ консульскихъ донесеній", 1900, I, стр. 42), Борнеманъ („Синь-цзянъ-дао-ли-бяо", ibid., стр. 132), St. Julien („Sur les pays et les peuples étrangers" въ „Journ. Asiat.", 4 Série, VIII, 1846, p. 238), Biot („Dictionnaire des noms anciens et modernes des villes, etc., dans l'empire Chinois", стр. 307) и Іакинфъ („Собр. свѣд. о народахъ, обит. въ Сред. Аз. въ древн. времена", геогр. указ., стр. 21, подъ словомъ Гинь-манъ-хянь); но тотъ же авторъ въ другомъ своемъ сочиненіи—„Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана", стр. XXXVII, и Поповъ („Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 471 и слѣд.) транскрибируютъ—Фу-канъ.

дачно: китаецъ не удостоилъ его даже отвѣтомъ и вскорѣ скрылся за поворотомъ дороги.

Государственной почты, которая обслуживала бы нужды частныхъ лицъ, въ Небесной имперіи не существуетъ [1]); но для надоб-

---

[1]) Для нуждъ частной корреспонденціи въ каждомъ значительномъ городѣ Китайской имперіи имѣются частныя почтовыя конторы, стоящія внѣ правительственнаго контроля и берущія на себя не только пересылку писемъ и бандеролей, но и цѣнныхъ пакетовъ. Интересныя свѣдѣнія о дѣятельности такихъ конторъ сообщаетъ Гессе-Вартегъ („Китай и китайцы", стр. 332 и слѣд.). Обстоятельная статья о почтѣ въ Китаѣ напечатана также въ № 288 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1898 годъ. Извлекаемъ изъ нея то, что относится до установленія въ Китаѣ общеимперской почты.

Когда иностранцы стали въ Китаѣ твердой ногой, то, не довольствуясь существовавшею здѣсь почтовою системою и не довѣряя ей, они начали устанавливать свою собственную службу. Починъ въ этомъ дѣлѣ положенъ былъ шанхайскими землевладѣльцами, образовавшими тридцать лѣтъ тому назадъ контору для распредѣленія корреспонденціи между иностранцами въ предѣлахъ Шанхая. Одновременно съ этимъ сэръ Робертъ Хартъ, главный инспекторъ китайскихъ морскихъ таможенъ, организовалъ для нуждъ подчиненнаго ему вѣдомства почтовое сообщеніе между всѣми открытыми портами Китая. Этимъ воспользовалась шанхайская почтовая контора для пересылки, съ согласія Харта, писемъ изъ Шанхая въ другіе порты. Вслѣдъ затѣмъ иностранныя правительства, въ видахъ облегченія своимъ подданнымъ, проживающимъ въ Китаѣ, сношеній съ родиной, открыли почтовыя агентуры при своихъ консульствахъ. Такъ, напримѣръ, въ Шанхаѣ первоначально были открыты такія агентуры Англіею, Соединенными Штатами и Франціею, затѣмъ Германіей и Японіей и, наконецъ, позже другихъ — Россіею. Русскія агентуры, кромѣ того, имѣются еще въ Ханькоу, Тянь-цзин'ѣ, Чжи-фу, Пекинѣ, Чугучакѣ и Кульчжѣ; независимо отъ этого, русская почта ходитъ между Троицкосавскомъ и Пекиномъ и на этомъ пути имѣются конторы въ Калганѣ и Ургѣ.

Такое разнообразіе въ почтовомъ дѣлѣ въ Серединной имперіи внушило сэру Харту мысль объединить дѣятельность различныхъ иностранныхъ почтовыхъ учрежденій, и въ 1886 году онъ выработалъ проектъ организаціи китайской имперской почты по европейскому образцу съ тѣмъ, чтобы она завѣдывала всѣми почтовыми сообщеніями въ Китаѣ, внутренними и внѣшними. Проектъ этотъ, одобренный иностранными правительствами, былъ, однако, враждебно встрѣченъ проживавшими въ Китаѣ иностранцами, опасавшимися передать это важное дѣло въ китайскія руки. Такимъ образомъ попытка сэра Р. Харта на этотъ разъ не только не увѣнчалась успѣхомъ, но съ нея начинаются усилія разныхъ портовъ, въ лицѣ своихъ муниципальныхъ совѣтовъ и даже частныхъ лицъ, обзавестись своими почтовыми конторами со своими марками, какъ непремѣннымъ атрибутомъ. Всѣ эти конторы дѣйствовали на подобіе шанхайской, пользуясь тѣмъ, что пароходныя компаніи перевозили безплатно ихъ корреспонденцію между различными портами. Такса была однообразная, за письма до 1 унціи—1 центъ; за номеръ газеты—1/2 цента, за посылки—4 цента за первый фунтъ и по 1 центу за послѣдующіе.

Только 2 февраля 1897 г., въ день китайскаго новаго года, сэру Р. Харту удалось осуществить свою давнишнюю мечту—организацію общеимперской почты, причемъ веденіе новаго дѣла, съ согласія китайскаго правительства, возложено было на таможенныхъ чиновъ морскихъ таможенъ.

Несмотря на свое названіе „имперской", новая почта не получила отъ китайскаго правительства никакихъ преимуществъ сравнительно съ другими учрежденіями этого рода. Личной иниціативѣ сэра Р. Харта было предоставлено замѣнить, путемъ частныхъ соглашеній, существовавшія до того времени конторы, какъ иностранныя, такъ и туземныя, и этимъ путемъ распространить сферу дѣятельности новой службы на весь Китай, сдѣлавъ ее такимъ образомъ фактически общеимперской.

Хартъ, рѣшивъ на первыхъ порахъ ограничиться введеніемъ новой почты въ открытыхъ для иностранцевъ портахъ, прежде всего затруднилъ дѣятельность муниципальныхъ конторъ этихъ портовъ, предоставивъ пароходамъ, перевозившимъ корреспонденцію имперской почты,

ностей казенныхъ учрежденій правительство содержитъ курьеровъ, перевозящихъ между станціями какъ письменную, такъ и посылочную корреспонденцію. Роль такихъ курьеровъ въ Ганьсуйской провинціи, да кое-гдѣ и въ застѣнномъ Китаѣ, исполняютъ солдаты, расквартированные ради этой цѣли по станціямъ важнѣйшихъ путей, въ мѣстностяхъ же съ инородческимъ населеніемъ—лица, несущія очередную службу на караулахъ (цзюнь-тай) [1]). Обыкновенно уже издали слышно такого почтаря по бубенцамъ, обвѣшивающимъ шею и голову его лошади. Ѣдетъ онъ перемѣннымъ алюромъ, большею частью тропотомъ или ходой [2]), если конь ходистый, или рысцей, если тотъ не имѣетъ хорошей побѣжки. Такъ везется однако только ординарная казенная почта, при доставкѣ же срочной корреспонденціи, для которой установленъ суточный перегонъ въ 600 ли, рысца замѣняется рысью; но, конечно, быстрота доставки пакета въ этомъ послѣднемъ случаѣ лежитъ всецѣло на совѣсти почтарей, такъ какъ контроль за ними не установленъ, да едва-ли и былъ бы возможенъ.

значительную льготу по уплатѣ судовой пошлины, а затѣмъ вошелъ съ этими конторами въ соглашеніе, въ силу котораго онѣ прекратили свою дѣятельность, передавъ свое имущество главному инспектору таможенъ. Одновременно съ этимъ послѣдній заключилъ соглашеніе и съ агентурами при иностранныхъ консульствахъ, и, такимъ образомъ, въ рукахъ новой почты оказались всѣ почтовыя сношенія иностранцевъ, проживающихъ въ портахъ Китая, какъ въ предѣлахъ этого послѣднято, такъ и съ другими странами.

Слѣдующимъ шагомъ сэра Р. Харта явилось урегулированіе и ограниченіе дѣятельности туземныхъ почтовыхъ фирмъ, производившихъ свои операціи въ открытыхъ портахъ. Однако, это оказалось болѣе затруднительнымъ, такъ какъ здѣсь пришлось имѣть дѣло съ фирмами, вложившими въ это предпріятіе значительные капиталы и упрочивавшими свое положеніе въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній. Съ другой стороны китайцы, консервативные по своимъ взглядамъ и вполнѣ довольные своею почтовою системою, отнеслись недовѣрчиво къ новой почтѣ, лишавшей ихъ нѣкоторыхъ удобствъ, напримѣръ, возможности производить расчеты съ конторами не по каждому отдѣльному отправленію, а періодически (помѣсячно) и устанавливавшей болѣе высокую таксу за пересылку корреспонденціи. Много нареканій вызвала также и медленность пересылки почтовой корреспонденціи, что обусловливалось необходимостью прибѣгнуть на первыхъ порахъ къ услугамъ курьеровъ туземныхъ почтовыхъ конторъ, относившихся, какъ сказано выше, крайне враждебно къ начинаніямъ сэра Харта. Нынѣ, однако, послѣдній всюду завелъ своихъ курьеровъ и сказанное неудобство такимъ образомъ уже устранено; вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько понижена и почтовая такса.

Установленіе однообразія въ почтовомъ дѣлѣ дало Китаю возможность заявить на послѣднемъ почтовомъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ о своемъ намѣреніи присоединиться къ всемірному почтовому союзу, какъ только новая система пріобрѣтетъ достаточно прочное положеніе въ государствѣ.

Реформа эта не коснулась, однако, и до сихъ поръ Западнаго Китая (а равно Монголіи и Маньчжуріи), гдѣ почта продолжаетъ функціонировать во всей своей первобытной неприкосновенности.

[1]) Свѣдѣнія о государственной почтѣ въ Китаѣ можно найти, между прочимъ, и у Іакинфа—„Статистическое обозрѣніе Китайской Имперіи“, т. I, стр. 134 и слѣд.

[2]) Ходой или переступью называется крупный шагъ съ нарысью зада; тропотомъ—самая шибкая хода, мелкій перебой, бѣгъ не естественный, а наѣзженный.

Такое допотопное устройство государственной почты уже обратило на себя вниманіе пекинскаго правительства, которое еще въ 1897 году поручило сэру Роберту Харту организовать почтовое дѣло въ Китаѣ на основаніяхъ, выработанныхъ въ Европѣ; и, какъ кажется, эта реформа дѣйствительно удалась энергичному англичану на главнѣйшихъ трактахъ внутренняго Китая, но въ Монголіи еще и въ 1903 году дѣйствовалъ прежній порядокъ перевозки казенной корреспонденціи.

Фоуканскій лѣсъ произвелъ на насъ впечатлѣніе порядочной глуши; ѣхали мы имъ верстъ пятнадцать, встрѣчая лишь изрѣдка слѣды давно заброшеннаго человѣческаго жилья. Къ концу пути [1]) онъ сталъ однако замѣтно рѣдѣть, появились прогалины, пашни и, наконецъ, предъ нами развернулась поляна, посреди которой возвышались старыя, источенныя временемъ стѣны Фоу-кан'а [2]).

Фоу-канъ одно изъ древнѣйшихъ поселеній Бэй-лу. Во времена старшихъ Ханей (съ 206 г. до Р. Хр. до 22 г. по Р. Хр.) оно носило названіе У-тань-цы-ли [3]), позднѣе (но когда?) Тэнэгэръ [4]). Впрочемъ, въ исторіи Джунгаріи оно не играло почти никакой роли.

Составители «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» говорятъ, что Фоу-кан'скій уѣздъ «въ прежнее время служилъ кочевьемъ для торгоутовъ» [5]); но я не нахожу данныхъ, которыя бы подтверждали это извѣстіе. Въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII Уйгуристанъ, какъ извѣстно, еще не составлялъ территоріи, подвластной ойратамъ, въ 1635 же году мы застаемъ торгоутовъ въ Семипалатинскихъ и Акмолинскихъ степяхъ [6]); и по возвращеніи съ береговъ Волги въ Джунгарію они были разселены въ Тянь-шань'скихъ горахъ къ западу, а не къ востоку отъ Урумчи [7]).

---

[1]) Въ этотъ день мы прошли свыше сорока верстъ.

[2]) Его абсолютная высота, по опредѣленію Bell'я (ibid.), равняется 2,000 фт.

[3]) Транскрипція о. Іакинфа („Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи", III, стр. 86, геогр. указ., стр. 71). Поповъ („Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 486), Chavannes („Les pays d'Occident d'après le Wei-lio" въ „Toung-pao", série 2, v. VI, 1905, стр. 557) и Wylie („Notes on the Western Regions", стр. 102) пишутъ „У-тань-цзы-ли". Chavannes высказываетъ предположеніе, что владѣніе У-тань-цзы-ли лежало западнѣе, между Манасомъ и Эби-норомъ, но не подкрѣпляетъ эту гипотезу сколько-нибудь вѣскими соображеніями (ib., стр. 558).

[4]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 485, гдѣ читаемъ: „Уѣздъ Фу-канъ, въ древности называвшійся Тэнэгэръ, находится въ 200 ли на сѣверо-востокѣ отъ Урумци". Wylie же (ibid.) пишетъ: „The Se-yih-t'ung-wan-che identifies Woo-tan-tsze-le of the Han with Teneger of the present day". Си-юй-тунъ-вэнь-чжи—географическій словарь, составленный въ 1772 году по приказанію императора Цянь-луна.

[5]) Ibid.

[6]) См. т. II, стр. 97.

[7]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", а также т. II, стр. 122.

Китайскій Фоу-канъ, основанный первоначально (въ 1773 году) какъ крѣпость, въ 1776 году былъ преобразованъ въ уѣздный городъ, каковымъ остается и до настоящаго времени.

Онъ не великъ и къ тому же въ развалинахъ; базаръ состоитъ изъ двухъ-трехъ десятковъ китайскихъ лавокъ и занимаетъ главную улицу, ведущую черезъ предмѣстье и восточныя ворота къ перекрестку, у котораго высится тріумфальная арка (пай-лу). Въ воздаяніе чьихъ подвиговъ добродѣтели она была здѣсь воздвигнута, осталось намъ неизвѣстнымъ, но запущенный ея видъ ясно указывалъ на то, что забыта она основательно [1]). Впрочемъ, не только арка, но и всѣ остальныя, сколько-нибудь выдающіяся постройки этого города производили впечатлѣніе такой же запущенности. Послѣ тяжкой годины, пережитой Фоу-кан'омъ въ періодъ мусульманской инсуррекціи, онъ еще не оправился и

---

[1]) Ничто такъ не характеризуетъ нравственнаго облика китайцевъ, какъ „положеніе", указывающее тѣ случаи, когда могутъ сооружаться эти арки. Привожу изъ книги Іакинфа „Китай", стр. 391 и слѣд., и записокъ Журавлева („Русская Рѣчь" за 1879 годъ) нѣкоторые изъ пунктовъ этого положенія:

Если женихъ и невѣста, разлученные обстоятельствами до совершенія брака, пребывая другъ другу вѣрными, соединяются уже въ старости, то удостаиваются сооруженія въ ихъ честь тріумфальныхъ воротъ.

Ежели женщина или дѣвица при нашествіи непріятеля погибнетъ за сохраненіе цѣломудрія, то таблица съ ея именемъ вывѣшивается въ храмѣ Славы, а надъ могилой ея за счетъ казны сооружаются торжественныя врата.

Ежели женщина или дѣвица приметъ смерть, защищаясь отъ насилованія, или сама себя предастъ смерти отъ стыда, то удостаивается сооруженія тріумфальныхъ воротъ.

Ежели мужъ будетъ принуждать жену къ распутству и она, сопротивляясь ему, сама себя предастъ смерти, то таковая удостаивается сооруженія тріумфальной арки передъ домомъ родителей.

Ежели женщина, овдовѣвшая до 30 лѣтняго возраста и воспитавшая добродѣтельнаго сына, доживетъ до шестидесяти лѣтъ, то получаетъ титулъ „добродѣтельной вдовы", утверждаемый самимъ императоромъ, и удостаивается сооруженія тріумфальныхъ воротъ съ надписью вверху: „шэнъ-цзи" (по высочайшему указу), и ниже: „сяо-цзэ" (почтительная и добродѣтельная).

Ежели дѣвица, по смерти жениха, останется вѣрной его памяти, то въ 60 лѣтъ получаетъ титулъ „чжэнь-цзэ" (непорочной), а передъ воротами ея дома за счетъ казны сооружается тріумфальная арка.

Сооружаются также тріумфальныя арки въ честь ученыхъ, удостоенныхъ степени магистра, и лицъ, прожившихъ до ста и болѣе лѣтъ, или пожертвовавшихъ на общественныя нужды не менѣе тысячи ланъ серебра (по теперешнему курсу—1370 рублей), и семействъ, просуществовавшихъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній въ согласіи и безъ раздѣла, и во многихъ другихъ случаяхъ. Странно, однако, что при такомъ обиліи поводовъ къ сооруженію тріумфальныхъ арокъ, ихъ все же такъ мало въ Китаѣ; впрочемъ, имѣются и счастливыя исключенія, объ одномъ изъ коихъ читаемъ у Рокхилля („Въ страну ламъ", стр. 12): „Бинъ-динъ-чжоу—небольшой городокъ, но если „пай-лу" воздвигаются только въ воспоминаніе высокихъ подвиговъ добродѣтели, а я думаю, что это такъ, то это самый добродѣтельный городъ въ имперіи. По всей главной улицѣ, черезъ каждые 20, 30 шаговъ вы встрѣчаете „пай-лу", но новыхъ что-то незамѣтно: жители, вѣроятно, уклонились со стези добродѣтели и вступили на путь грѣха".

требовалъ обширнаго ремонта во всѣхъ статьяхъ казеннаго хозяйства; да къ нему, повидимому, и было уже приступлено, такъ какъ мы застали въ ходу кое-какія работы: приводилась въ порядокъ колесная дорога, подымалось кое-гдѣ ея полотно, расчищались сточныя канавы, свозился лѣсъ для мостовъ и хворостъ для проектированной новой стѣны. Всѣми этими работами распоряжался чжи-сянь (уѣздный начальникъ) самолично; по крайней мѣрѣ мы застали его за городской стѣной въ ранній часъ нашего выступленія въ дальнѣйшій путь, въ Урумчи.

За Фоу-кан'омъ лѣсъ кончился, и передъ нами раскинулась снова степь, на этотъ разъ однако безтравная, съ рѣдкими лишь пучками невысокаго чія, на далеко уходившемъ въ стороны грязно-желтомъ фонѣ котораго лишь изрѣдка рисовались темные силуэты карагачей. Вскорѣ однако этотъ ландшафтъ смѣнился еще болѣе безжизненнымъ, болѣе тусклымъ: мы вступили въ пустыню съ характеризующимъ ее животнымъ міромъ и порослью [1]). Но когда-то жилъ здѣсь и человѣкъ, довольствуясь водою колодцевъ; безформенные остатки какихъ-то строеній мы встрѣтили сначала на одиннадцатой верстѣ отъ Фоу-кан'а, а затѣмъ еще дальше, на двадцатой верстѣ. Среди этихъ послѣднихъ, носившихъ названіе Ганьцюань-пу [2]), копошились даже теперь какіе-то люди, исправляя дувалы и приспособляя подъ жилье развалины фанзъ.

За Гань-цюань-пу дорога вступила въ горы, составляющія очень пониженный сѣверный отпрыскъ Дунсанскихъ высотъ [3]), раздѣленный долиной рѣчки Хэй-гоу на два рукава, изъ коихъ южный и круче и массивнѣе сѣвернаго, распавшагося на группу пологихъ холмовъ. Ихъ слагаютъ песчанистыя глины сѣро-желтаго и свѣтло-бураго цвѣта, переходящія мѣстами въ сѣрые и красновато-бурые, мелкозернистые, глинистые песчаники и сѣрые мергели; несомнѣнно, что въ образованіи ихъ должны принимать участіе также и конгломераты, такъ какъ иначе не откуда было бы взяться галькѣ, въ

---

[1]) Тутъ отходилъ прямой трактъ на селеніе Хутуби, но имъ отказались ѣхать наши извощики въ виду его крайней запущенности. Онъ не ремонтировался съ шестидесятыхъ годовъ, и за это время мосты успѣли придти въ ветхость, насыпи на солонцахъ исчезнуть, тани разрушиться. Приходилось пожалѣть, что, съ расформированіемъ вьючнаго каравана, мы привязали себя такъ крѣпко къ телѣгѣ.

[2]) Въ „Мэпъ-гу-ю-му-цзи", стр. 486, это селеніе упоминается какъ пограничное съ уѣздомъ Ди-хуа.

[3]) Можетъ быть, правильнѣе было бы писать—Дунъ-шань'скихъ высотъ, какъ это и дѣлаетъ Обручевъ („Центральная Азія, сѣверный Китай и Нань-шань", II, стр. 651); Дунъ-шань въ переводѣ означаетъ—восточныя горы.

обилiи устилающей здѣсь какъ полотно дороги, такъ и дно и склоны овраговъ, но ихъ обнаженiй мнѣ видѣть не довелось.

Склоны этихъ горъ совершенно обнажены, и только въ распадкахъ холмовъ я видѣлъ кое-какую растительность: пожелтѣвшiе уже пучки битегэ (Festuca sp.), джусанъ (мелкую полынь), тарло́ (Elymus sp.?), изанъ (Echinopsilon sp.?)[1]) адраспанъ (Peganum harmala), терескенъ Eurotia (ceratoides) и тюйе джапракъ (Rheum sp.) [2]); но, не смотря на такое безплодiе горъ, въ нихъ держалось множество кара-куйрюковъ (Gazella subgutturosa), повидимому, на столько уже свыкшихся съ безпрерывнымъ грузовымъ движенiемъ большой дороги, что и наше появленiе не вызвало въ ихъ средѣ сколько нибудь замѣтной тревоги; зато и поплатились же они за свое излишнее довѣрiе къ человѣку потерей двухъ товарищей убитыми и по крайней мѣрѣ трехъ ранеными.

Р. Хэй-гоу служитъ границей двухъ уѣздовъ—Фоуканскаго и Урумчискаго. Русло ея—русло большой рѣки, разметавшейся по широкой долинѣ, заключенной въ крутыя, высокiя, бурыя стѣны; но течетъ она въ нихъ столь мало замѣтной струей, что какъ-то не хочется вѣрить, что такое грандiозное ложе могло быть вымыто ею. Впрочемъ, октябрьская вода далеко не соотвѣтствовала той, какую мы застали въ ея верховьяхъ [3]) въ iюлѣ.

Пройдя эту рѣчку и подымающуюся за нею плоскую гряду горъ, мы вышли къ лежавшему въ развалинахъ городку Гумуди [4]), въ которомъ съ трудомъ нашли подходящее помѣщенiе для остановки. О прошломъ его не имѣется свѣдѣнiй, но въ семидесятыхъ годахъ имя его вдругъ выдвинулось и получило извѣстность, благодаря геройскому сопротивленiю, оказанному его населенiемъ (дунганами) сперва Якубъ-беку, а затѣмъ, въ 1876 году, китайскимъ войскамъ. Послѣднiя и довершили его разрушенiе [5]).

---

[1]) У таранчей—ильтерганъ. Ср. т. I, стр. 385. Научное названiе этого растенiя я узналъ изъ списка киргизскихъ названiй растенiй, приложеннаго къ статьѣ Струве и Потанина („Поѣздка по восточному Тарбагатаю“ въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“, I, стр. 530).

[2]) Всѣ эти названiя—киргизскiя.

[3]) Р. Хэй-гоу слагается изъ двухъ рѣчекъ: Ганъ-гу и Ши-ма-гу; о нихъ см. т. I, стр. 157 и 164.

[4]) Такъ пишетъ названiе этого городка Успенскiй („Возстанiе дунганъ въ Манасѣ“ въ „Сборникѣ консульскихъ донесенiй“, 1900, I, стр. 46), у Куропаткина—„Кашгарiя“, стр. 147, о немъ упоминается подъ именемъ Гомуди и Гуматай; намъ же его называли Гумиды (см. т. II, стр. 126).

[5]) Судя по тому, что пишетъ въ цитированномъ выше очеркѣ „Возстанiе дунганъ въ Манасѣ“ Успенскiй, Гумуди успѣлъ уже въ настоящее время оправиться и заселиться.

Отъ Гумуди [1]) до Урумчи оставалось уже не болѣе двадцати верстъ, которыя на слѣдующій день мы пробѣжали рысцей, далеко опередивъ караванъ.

Когда-то районъ этотъ, орошаемый рѣкой Архоту [2]) и ея правыми притоками—Са-хо [3]) и Лоу-са-гу, былъ густо заселенъ, теперь же мы встрѣтили здѣсь одни пустыри, среди коихъ лишь кое-гдѣ виднѣлись жилыя постройки и нарождавшіяся хозяйства. Движеніе по дорогѣ было однако значительное, и мы то и дѣло обгоняли обозы, пѣшихъ и конныхъ.

За крѣпосцой Чи-та-вань мы поднялись на пригорокъ и, слѣдуя отсюда то холмами, то краемъ оазиса, выбрались наконецъ на гребень болѣе высокой гряды, съ которой открылся обширный видъ на долину р. Архоту.

Урумчи [4]), съ его предмѣстьемъ и двумя импанями по краямъ, лежалъ у насъ теперь подъ ногами, но городъ этотъ отсюда, съ горы, не представлялъ ничего красиваго или оригинальнаго. Въ Небесной имперіи всѣ города устроены по одному образцу, и путешественникъ, разъ познакомившись съ однимъ изъ нихъ, можетъ дальше ѣхать въ полной увѣренности, что и во всѣхъ послѣдующихъ онъ найдетъ то же самое съ весьма малыми отступленіями. Урумчи не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія, и его стѣны и массивныя ворота съ вѣнчающими ихъ трехярусными башнями повторяли лишь то, что мы привыкли встрѣчать въ каждомъ попутномъ городѣ—крѣпости. То же, что вмѣщали эти стѣны,

---

[1]) Отъ г. Гумуди отходитъ прямая дорога въ городъ Чанъ-цзи. Не будучи связаны необходимостью ѣхать въ г. Урумчи, мы хотѣли было слѣдовать ею; но извощики и на это не согласились, приводя тѣ же доводы, что и для пути Фоу-канъ—Хутуби; главнымъ же образомъ, какъ кажется, ихъ пугала на этомъ пути его пустынность и отсутствіе постоялыхъ дворовъ.

[2]) Успенскій („Отъ Суйдина до Урумци“ въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, XXXIV, 1898, стр. 203) называетъ эту рѣку Хубала, но мы имени этого не слышали. Въ „Синьцзянъ-чжи-лё“ она упоминается подъ именемъ Артацзи-хо (St. Julien—„Hydrographie de la nouvelle frontière“, стр. 70).

[3]) Р. Са-хо въ верховьяхъ извѣстна подъ именемъ Ки-чанъ-гу.

[4]) Большинство синологовъ пишетъ Урумци; Успенскій и Урумци и Урумчи; намъ его называли Урумчи.

Привожу слѣдующія опредѣленія его абсолютной высоты:

Галкинъ	2,050 фт.	
Роборовскій	2,789 „	
Bell	2,900 „	
Грумъ-Гржимайло	3,071 „	
Обручевъ	3,083 „	(въ двухъ верстахъ выше по р. Архоту)
Пѣвцовъ	3,110 „	(баром. Паррота).

Если отбросить опредѣленіе Галкина, какъ явно ошибочное, то средняя выразится цифрой—2,991 фт.

представляло лишь море одинаковой высоты [1]), крайне однообразныхъ въ постройкѣ, грязно-сѣрыхъ зданій, среди коихъ своими размѣрами выдѣлялись: кумирня съ выстроенной передъ ней открытой сценой театра [2]), мань-чэнъ—казарма губернаторскаго конвоя [3]) и два ямыня—губернаторскій и предсѣдателя казенной палаты (фань-дая, въ мѣстномъ произношеніи — фань-тэя). Но что особенно портило впечатлѣніе, это—обиліе пустырей, которые до своей застройки служатъ, повидимому, свалочнымъ мѣстомъ для городскихъ нечистотъ; они занимали значительные участки вдоль восточной части стѣны, примыкая къ базару, губернаторскому ямыню и мань-чэн'у. Улицы казались распланированными очень неправильно, виднѣлось множество тупиковъ и переулковъ, отходившихъ подъ самыми разнообразными углами отъ магистралей, ведшихъ къ городскимъ воротамъ; въ общемъ же получалось впечатлѣніе сѣти съ весьма неправильными ячейками. Эти улицы кишѣли народомъ только въ частяхъ, примыкавшихъ къ базару, весь же районъ отъ ямыня фань-дая до мань-чэн'а съ одной стороны и кумирни съ другой выглядѣлъ совершенно безлюднымъ [4]).

Хотя я имѣлъ уже случай говорить о прошломъ этого города [5]), но я считаю не лишнимъ еще разъ къ нему вернуться, дабы полнѣе освѣтить вопросъ о быломъ мѣстоположеніи Бишбалыка или Бэй-тин'а.

Ссылаясь на изысканія Klaproth'a [6]), Риттеръ замѣчаетъ, что доказанное этимъ ученымъ оріенталистомъ тождество Урумчи

---

[1]) Въ городахъ Китая строго наблюдается обычай строить дома одной высоты; исключеніе допускается только для кумиренъ.

[2]) Въ Урумчи имѣется до сорока кумиренъ; здѣсь говорится о наибольшей изъ нихъ—Лянъ-ху-хэй-гуань, посвященной богу ада—Юй-ван'у. См. т. I, стр. 146.

[3]) Въ докладѣ синь-цзян'скаго губернатора Лю-цзинь-тан'а говорится: „Когда Лю-цзинь-танъ въ 1876 году занялъ городъ Урумчи, маньчжурскій кварталъ предствлялъ однѣ развалины, а знаменныхъ солдатъ не было и слѣда. Позднѣе, при движеніи въ южную часть Тяньшаньскаго края, въ городахъ было освобождено нѣкоторое ихъ число“ („Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи“, XII, стр. 327). Они-то и были поселены въ Урумчискомъ мань-чэн'ѣ.

[4]) Говоря о быломъ мѣстоположеніи Урумчи, я на стр. 130 перваго тома писалъ, что онъ находился на лѣвомъ берегу р. Уланъ-бэ (Архоту); это, однако, вѣрно лишь по отношенію къ маньчжурскому городу, торговый же расположенъ былъ какъ прежде, такъ и теперь, на правомъ ея берегу, нѣсколько выше нынѣшняго, гдѣ и понынѣ виднѣется много развалинъ; часть этихъ послѣднихъ попала даже внутрь новой городской стѣны.

[5]) См. т. I, стр. 128, 129; о мѣстоположеніи Бишбалыка см. тамъ же, стр. 222—229 и т. II, стр. 42—43.

[6]) „Determination de l'emplacement de Bichbalik“, въ „Mémoires relatifs à l'Asie, II, стр. 355—363.

и Бэй-тин'а послужило важнымъ шагомъ къ познанію прошлаго внутренней Азіи [1]).

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе Риттера о значеніи, какое имѣетъ для исторіи Притяньшанья точное опредѣленіе мѣстонахожденія столицы Уйгурскаго царства, я съ тѣмъ большей настойчивостью обращаю вниманіе читателя на ошибочность гипотезы Клапрота.

Я не буду повторять уже сказаннаго мною по поводу комментаріевъ Клапрота на описаніе пути войскъ хана Гулагу черезъ Джунгарію [2]) и прямо перехожу къ разбору тѣхъ данныхъ, которыя ввели его въ заблужденіе.

Клапротъ цитируетъ четыре китайскихъ сочиненія: «Су-хунъ-цзянь-лоу», «Минъ-ши» (Ming-szu), «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» и «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи». Въ первомъ изъ нихъ, принадлежащемъ перу Чжао-юань-пин'а, изложенъ лишь маршрутъ хана Гулагу, проливающій весьма мало свѣта на занимающій насъ вопросъ, во второмъ говорится о странѣ, а не о городѣ Бишбалыкъ (т. е. о Могулистанѣ), въ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» указывается на тождество Бэй-тин'а и резиденціи задняго (сѣвернаго) чешискаго владѣтеля [3]) и, наконецъ, только въ «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи» мы читаемъ: «При Сун'ской династіи [4]) эта мѣстность (Урумчи) была Бэй-тин'омъ или сѣверной столицей Гао-чан'а или уйгуровъ; при Юань'ской или монгольской ее называли У-чэн'омъ хой-хэ или уйгуровъ».

То же говорятъ, основываясь, повидимому, на томъ же источникѣ, и китайскіе ученые Чжанъ-му и Хэ-цю-тао, составители «Мэнъ-гу-ю-му-цзи»: «При Сунахъ здѣсь (въ мѣстности Ди-хуа) былъ Бэй-тинъ владѣнія Гао-чанъ [5])». Но Іакинфъ переводитъ это мѣсто «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи» слѣдующимъ образомъ: «Полагаютъ, что правленіе (Бэй-тинъ) находилось на мѣстѣ нынѣшняго города Ди-хуа-чжоу» [6]).

Такимъ образомъ съ пріурочиваніемъ Бишбалыка къ современному Урумчи встрѣчаемся мы впервые въ «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи», которая въ остальномъ повторяетъ лишь данныя «Общей географіи Китая» (Дай-цинъ-и-тунъ-чжи), изданной въ 1734 году. Насколько однако такое отождествленіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности,

---

[1]) „Землевѣдѣніе Азіи", II, стр. 74.

[2]) Т. I, стр. 128 и 222.

[3]) Именно, говорится о переименованіи городка Тинъ-чжоу, основаннаго въ 640 году на мѣстѣ столицы сѣвернаго Чешискаго княжества, въ Бэй-тинъ.

[4]) Царствовала съ 960 по 1280 г.

[5]) Стр. 465.

[6]) „Собр. свѣд. о нар., обит. въ Ср. Аз. въ древн. врем.", III, геогр. указ., стр. 11.

*

видно изъ слѣдующихъ фактовъ, сообщаемыхъ тѣми же источниками.

Вотъ, что тамъ говорится.

Округъ Ди-хуа при династіи Хань составлялъ владѣніе Пулэй-цянь-го [1]); въ періодъ троецарствія оно переименовано было въ Пулу; при династіи Танъ здѣсь былъ учрежденъ уѣздъ Пу-лэй, переименованный въ 762 году въ Хоу-тинъ [2]).

Между тѣмъ, если вѣрить «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», Бэй-тинъ-ду-хо-фу основанъ былъ въ 702 году [3]) на мѣстѣ главнаго стойбища князя сѣвернаго Чеши, которое «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи» пріурочиваетъ къ Му-лэй'ю (Мурую) [4]), а другіе источники къ Ци-тай'ю [5]).

Изъ сопоставленія же этихъ данныхъ нельзя не вывести заключенія, что Бэй-тинъ танскихъ временъ не могъ находиться на р. Архоту, а такъ какъ, согласно той же «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи» [6]), У-чэнъ (Бишбалыкъ) уйгуровъ [7]) носилъ въ танскую эпоху имя Бэй-тин'а, то ясно, что и въ сунское время онъ не могъ перемѣститься въ долину рѣки Архоту.

Засимъ мы имѣемъ и прямое указаніе на то, что Бэй-тинъ находился въ окрестностяхъ Гу-чэн'а; я говорю о свидѣтельствѣ Цзи-юань-хуай'я, сообщающаго въ «Си-цзи-чжи» слѣдующія свѣдѣнія о развалинахъ этого города [8]): Въ урочищѣ Цзи-му-са находился старинный городъ Танскаго воеводства—Бэй-тинъ, по-

---

[1]) Wylie—„Notes on the Western Regions", стр. 103; Іакинфъ, ibid., стр. 56.

[2]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 465; Іакинфъ, ibid., стр. 56.

[3]) Я нахожу этому подтвержденіе въ „Танъ-шу", гдѣ сказано: „Ашина Хянь получилъ военный чинъ, наслѣдственный титулъ Хинъ-чи-ванъ хана и титулъ великаго попечителя десяти аймаковъ, великаго намѣстника въ Бэй-тин'ѣ (Іакинфъ, op. cit., I, 2, стр. 364). Событіе это могло имѣть мѣсто между 699 и 704 годами. Въ томъ же сочиненіи имѣется, впрочемъ, и болѣе прямое указаніе на 702 годъ, какъ на годъ основанія Бэй-тин'а; о семъ см. ниже.

[4]) Wylie, op. cit., стр. 106.

[5]) Іакинфъ—„Собр. свѣд. о нар., обит. въ Ср. Аз. въ древн. вр.", геогр. указ., стр. 11; его же—„Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана", стр. XXVII.

[6]) Klaproth, op. cit., стр. 362.

[7]) Согласно „Цзю-танъ-шу", наименованіе У-чэнъ—„Пятиградіе" восходитъ ко времени болѣе раннему, чѣмъ уйгурское. Вотъ это мѣсто: „При Младшихъ Ханяхъ Цзинь-мань былъ столицей государства Че-ши. Здѣсь было пять городовъ, почему и всю эту мѣстность туземцы называютъ территоріей пяти городовъ. Въ 640 году, послѣ паденія Гао-чан'а, здѣсь учрежденъ былъ округъ Тинъ, преобразованный въ 702 году въ резиденцію намѣстника—Бэй-тинъ". (Chavannes—„Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux" въ „Сборникѣ трудовъ Орхонской экспедиціи", VI, 1903, стр. 11). Въ томъ же сочиненіи говорится однако, что Хо-лоу въ 651 году взялъ и разрушилъ Бэй-тинъ (Chavannes, op. cit., стр. 92). Это—очевидная ошибка въ названіи.

[8]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 483—484.

строенный Ли-вэй-гун'омъ [1]); онъ имѣлъ въ окружности 40 ли; стѣны его сложены были изъ сырцоваго кирпича; каждый кирпичъ имѣлъ въ толщину 1 чи, въ ширину 1 чи 5—6 цунь [2]) и длину 2 чи 7—8 цунь; старыя черепицы достигали въ ширину болѣе одного чи, а въ длину 1 чи 5—6 цунь. Въ городѣ имѣлась кумирня, совершенно теперь развалившаяся, а въ ней каменное изображеніе Будды, по поясъ вошедшее въ землю и все еще имѣющее въ вышину 7—8 чи. «Желѣзный колоколъ выше человѣческаго роста, покрытый со всѣхъ сторонъ надписями, но до такой степени съѣденными ржавчиной, что нельзя разобрать ни одной буквы. Въ городѣ повсюду (разбросанъ?) каменный уголь. Элюты разсказывали, что городъ этотъ въ древности взятъ былъ огненнымъ боемъ и что находившіяся съ четырехъ сторонъ батареи были возведены во время осады. Но къ какому времени относится городъ и какимъ народомъ онъ былъ построенъ, они не могли сказать этого...» Изъ «Си-юй-ту-чжи» мы узнаемъ, что... на западъ отъ Гу-чэн'а есть источникъ Ню-цзюань-цюань, у котораго военный начальникъ края, Сономъ-цэрэнъ, въ 1775 году нашелъ два обломка памятника временъ Танской династіи, изъ сохранившихся на которомъ словъ «Цзинь-мань'скій уѣздный начальникъ» и др. мы узнаемъ, что Гучэнъ лежитъ на землѣ танскаго уѣзда Цзинь-мань, танскій же городъ Цзинь-мань долженъ соотвѣтствовать городу того же имени у заднихъ Чеши [3]).

«Танъ-шу» приводитъ слѣдующій маршрутъ изъ Цзяо-хэ (Яръхото) [4]) въ г. Бэй-тиңъ [5]).

---

[1]) Я проходилъ мимо этого городища дважды и сожалѣю теперь, что удѣлилъ ему такъ мало вниманія. См. т. I, стр. 177.

[2]) У Попова переведено: „дюймовъ"; но цунь вовсе не соотвѣтствуетъ дюйму. См. Іакинфъ „Исторія Тибета и Хуху-нора", II, стр. 173.

[3]) Подробнѣе мѣсто это цитируется мною во II т., на стр. 42—43.

Въ весьма интересной запискѣ ссыльнаго китайскаго чиновника объ Урумчи мы находимъ тѣ же данныя о древнемъ Джимысарѣ: „Въ границахъ Урумційскаго округа, пишетъ этотъ чиновникъ, попадаются городища и слѣды древнихъ пашенъ, свидѣтельствующіе о давней населенности края; въ особенности замѣчательно городище близъ поста Гимуса (Цзи-му-са) предположительно временъ династіи Танъ, въ немъ уцѣлѣло большое каменное изваяніе Будды, на половину вросшее въ землю; обуглившіеся предметы, выказывающіеся изъ земли, доказываютъ, что этотъ древній городъ былъ истребленъ огнемъ" („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.", 1872, VIII, стр. 206; переводъ неизвѣстнаго автора представленъ архим. Палладіемъ, см. ib., стр. 270, отд. I).

[4]) Я полагалъ, что городъ Цзяо-хэ (Гяо-хэ-чэнъ) находился къ сѣверо-востоку отъ современнаго Турфана (см. т. I, стр. 321); нынѣ, однако, съ полною достовѣрностью установлено, что онъ расположенъ былъ въ 6 верстахъ къ западу отъ этого послѣдняго (См. Klementz— „Turfan und seine Alterthümer", стр. 28).

[5]) Chavannes, ibid.

«Выступивъ изъ Цзяо-хэ, идутъ въ сѣверномъ направленіи 80 ли до гостиницы Лунъ-цюань, далѣе же къ сѣверу вступаютъ въ ущелье длиной въ 130 ли, пройдя которое, выходятъ въ долину Лю-гу. За нею переваливаютъ черезъ гору Гинь-ша-линъ. Еще черезъ 160 ли достигаютъ китайскаго пограничнаго поста Шэ-хуй и, наконецъ, вступаютъ въ Бэй-тинъ» [1]).

Къ этому Сюй-сунъ (Siu-Song), авторъ «Си-юй-шуай-дао-цзи» («Si-yu-choei-tao-ki»), добавляетъ [2]):

Эта дорога выходила изъ горъ Гу-чэнъ-тау близъ города Бао-хуй (Цзи-му-са), находящагося въ 20 ли къ югу отъ древняго города Ху-бао-цзэ [3])—Бэй-тин'а Танскихъ временъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ столбъ съ нѣсколько поврежденной надписью, изъ которой усматривается, что это мѣсто въ древности называлось Цзинь-мань. То же мѣсто у тукіэ извѣстно было подъ именемъ—Кэ-хань-фоу-ту (Каганъ-Будда).

Болѣе подробное извлеченіе изъ «Си-юй-шуай-дао-цзи» сдѣлано было для меня профессоромъ P. Pelliot, которому я и считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь глубочайшую благодарность.

Вотъ это мѣсто.

«Пройдя шестьдесятъ ли отъ города Гунъ-нинъ [4]), близь Урумчи, въ сѣверномъ направленіи, достигаютъ Хэй-гоу-тан'а (Hei-keou-tang) [5]); отсюда поворачиваютъ къ востоку и, слѣдуя вдоль подножія Богдо-ола, выходятъ къ Фоу-кан'у. Еще далѣе къ востоку, въ 190 ли отъ послѣдняго города, минуютъ Ша-бо, военный лагерь Танской эпохи, отъ него до Шуанъ-ча-хо-бу (Chouang-tch'a-ho-pou) считается пятьдесятъ ли. Ша-бо—это городокъ Мо-хо [6]), служившій резиденціей Ашина Хо-лоу. Объ этомъ городкѣ читаемъ въ «Цзы-чжэ-тунъ-цзянъ» слѣдующее: въ шестидесяти ли къ западу отъ города Си-янь (Si-yen), вѣдомства Тинъ-чжоу, находится военный постъ Ша-бо; на его мѣстѣ стоялъ прежде городъ Мо-хо. Согласно же «Юань-хо-цзюнь-сянь-чжо», военный

---

[1]) Нельзя сомнѣваться, что именно этимъ путемъ ѣхалъ въ Бэй-тинъ и китайскій посолъ Ванъ-Янь-дэ.

[2]) Chavannes, ibid.

[3]) Объ этомъ городкѣ см. т. I, стр. 178.

[4]) Согласно „Синь-цзянъ-дао-ли-бяо", такъ называется не городъ, а слобода („и"), въ которой расположена почтовая станція.

[5]) См. выше, стр. 271—272.

[6]) Въ „Танъ-шу" подъ 648 годомъ говорится: „Хо-лоу покорился, послѣ чего императорскимъ указомъ назначенъ былъ правителемъ въ Яо-чэ; онъ перенесъ свою резиденцію въ городъ Мо-хо" (Chavannes, op. cit., стр. 97).

постъ Ша-бо находился въ пятидесяти ли къ западу отъ Тинъ-чжоу. Это послѣднее указаніе болѣе достовѣрно.

«Продолжая идти на востокъ, въ пятидесяти ли отъ сказанной мѣстности достигаютъ города Цзи-му-са, который у западныхъ тюрковъ (ту-кіэ) носилъ названіе Gaghan stupa (Каганъ Будда? см. выше). При Танахъ здѣсь основанъ былъ уѣздный городъ Цзинь-мань округа Тинъ-чжоу [1]), впослѣдствіи переименованный въ Хоу-тинъ [2]). Именно здѣсь имѣлъ свою резиденцію ду-ху Бэй-тин'а. При Юаняхъ въ Бишбалыкѣ имѣлъ свою резиденцію Бэй-тин'скій ду-юань-шуай-фу; здѣсь же былъ и главный административный центръ по управленію краемъ.

«Древній городъ находится въ двадцати ли къ сѣверу отъ современнаго города Бао-хуй (Цзи-му-са). Эта мѣстность носитъ теперь названіе «городища Ху-бу-цзы» (Houpou-tseu; Chavannes, l. c., переводитъ—Hou-pao-tse). Тамъ сохранился нѣсколько испорченный столбъ (памятникъ) танской эпохи, сооруженный, какъ говоритъ надпись, въ области Цзинь-мань; цоколь статуи той же эпохи съ надписью, и цоколь барельефа (?) юаньскаго времени; на послѣднемъ имѣется изображеніе буддійскаго жреца и тибетская надпись.

«Когда я прибылъ въ Бао-хуй, солнце склонялось къ западу. Я поспѣшилъ въ Ху-бу, чтобы осмотрѣть покинутые алтари разрушеннаго города. Я нашелъ тамъ храмъ въ развалинахъ; въ немъ еще висѣлъ колоколъ изъ желѣза въ дюймъ толщиной, безъ всякихъ надписей, покрытый ржавчиной; его форма напоминала опрокинутый котелъ. У мѣстныхъ жителей существуетъ повѣрье, что звонъ въ этотъ колоколъ вызываетъ бурю (le vent noir). Въ почвѣ этого города находятъ очень часто статуэтки буддъ изъ бронзы, отлитыя въ Танское время. Я пріобрѣлъ двѣ—обѣ величиной болѣе четырехъ дюймовъ и съ продольными отверстіями на спинѣ.

«Въ пятнадцати ли къ югу отъ города Бао-хуй, на склонѣ горы, близъ устья ущелья, имѣется богато разрисованная внутри пещера тысячи буддъ [3]). Пройдя гору, попадаютъ въ Турфанъ. Вѣроятно, это та дорога, о которой упоминается въ реляціи посла Ванъ-Янь-дэ, который, слѣдуя изъ Цянь-тин'а въ Хоу-тинъ, прошелъ черезъ долину дракона (salle du dragon) и снѣговую гору».

---

[1]) Въ 653 году (Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена", I, 2, стр. 357; Chavannes, op. cit., стр. 98).

[2]) Какъ мы видѣли выше, такъ назывался въ Танскую эпоху не Тинъ-чжоу, а Пу-лэй.

[3]) Объ этой пещерѣ см. ниже.

Наконецъ, приведу слѣдующее указаніе «Мэнъ-гу-ю-му-цзи»: рѣка Урунгу течетъ противъ Бѣ-ши-ба-ли (Бишбалыка) на ближайшемъ отъ него разстояніи съ сѣвера на югъ 500 ли [1]). Такое разстояніе указываетъ не на Урумчи, а на окрестности Гу-чэн'а, какъ былое мѣстоположеніе Бишбалыка. Дѣйствительно, по сравнительнымъ даннымъ «Синь-цзянъ-чжи-лё» [2]), «Синь-цзянъ-дао-ли-бяо» [3]) и Пѣвцова [4]) разстояніе отъ Гу-чэн'а до рѣки Урунгу составляетъ:

Синь-цзянъ-чжи-лё		Синь-цзянъ-дао-ли-бяо		Пѣвцовъ.	
Гу-чэнъ	0 ли	Гу-чэнъ	0 ли	Гу-чэнъ . .	0 верстъ
Бэй-дао-цао	50 „	Бэй-дао-цяо . . .	40 „	Битунъ-цо-джи (Бэй-дао-цао) . .	20 „
Гашунь	120 „	Хуань-цао-ху . . .	120 „	Гашунь . .	53 „
Су-чжи	160 „	Юань-ху (Су-цзи).	240 „	кл. Чюйчже .	72 „
Олонъ-булакъ . . .	90 „	Олунь-булакъ . .	90 „	р. Улунъ-булакъ . . .	45 „
Отъ Олонъ-булака дорога сворачиваетъ на Кобдо, по соображенію же съ данными Пѣвцова, слѣдуетъ считать отъ этого урочища до Урунгу	225 „		225 „	кл. Джаксынъ	30 „
				кл. Кайче . .	25 „
				р. Урунгу .	30 „
Всего.	645 ли		715 ли		275 верстъ.

т. е. нѣсколько превышаетъ цифру «Мэнъ-гу-ю-му-цзи». Приведенный маршрутъ однако кратчайшій между Урунгу и Бэй-лу.

Китайская географическая литература даетъ намъ также разстояніе Бишбалыка и отъ нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ Западнаго Китая. Къ сожалѣнію, этими данными въ нашихъ цѣляхъ невозможно воспользоваться, такъ какъ съ одной стороны онѣ заключаютъ очевидныя ошибки, съ другой же ни пути, по которымъ исчислялись эти разстоянія, ни время, къ которому вычисленія относились, не могутъ быть съ точностью установлены; между тѣмъ, послѣднее условіе имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ китайская «ли» подвергалась большимъ колебаніямъ, измѣняясь въ ту или другую сторону чуть-ли не съ воцареніемъ каждой новой династіи; такъ, напримѣръ, современная «ли» равняется 271 сажени съ небольшимъ [5]), «ли» Танскихъ временъ 154 саже-

---

[1]) Стр. 439.

[2]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 484.

[3]) „Сборникъ геогр., топогр. и статист. матеріаловъ по Азіи", вып. LVIII, стр. 133.

[4]) „Путевые очерки Чжунгаріи" въ „Запискахъ Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ." 1879, I, прилож. V, стр. 5.

[5]) Іакинфъ—„Ист. Тиб. и Хухун.", II, стр. 174. De Montigny („Nouvelles ananles des voyages et des sciences géographiques", nouv. série, 1846, III, стр. 244) говоритъ однако, что не современная, а древняя ли равнялась 590 метрамъ или 277 саженямъ.

нямъ [1]), а «ли», на которую велся расчетъ въ большинствѣ дорожниковъ,—187½ саженямъ.

Тѣмъ не менѣе приводимыя ниже данныя не лишены извѣстнаго интереса.

«Минъ-ши» насчитываетъ отъ Бишбалыка до Цзя-юй-гуан'я 3700 ли [2]). Туже цифру находимъ мы и въ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», гдѣ въ то же время разстояніе отъ Бэй-тин'а до Хами исчислено въ 970 ли [3]). Сопоставляя эти данныя, мы получимъ для участка Хами—Цзя-юй-гуань 2730 ли, между тѣмъ какъ современные дорожники опредѣляютъ его въ 1470 ли [4]) или въ 551 версту, что въ точности соотвѣтствуетъ полученному Пржевальскимъ (отъ Хами до Янь-дун'я—75 верстъ) [5]) и нами (отъ Янь-дун'я до Цзя-юй-гуан'я—477 верстъ) разстоянію (552 версты).

Отъ Хами до Урумчи считается нынѣ по одному дорожнику 1640 ли [6]), по другому 1730 ли [7]), изъ чего слѣдуетъ, что Бэй-тинъ ни въ какомъ случаѣ не могъ находиться на мѣстѣ современнаго Урумчи; до Гу-чэн'а, черезъ Баркуль, считается также не менѣе 1150 ли, но, если допустить [8]), что древняя дорога изъ Хами въ Бэй-тинъ сворачивала отъ пикета Утунъ-во (Отунъ-го-цзы) на сѣверо-западъ и выходила въ урочище Джанъ-булакъ [9]), то по-

---

[1]) Vivien de Saint-Martin—„Mémoire analytique sur la carte de l'Asie Centrale et de l'Inde, construite d'après le Si-yu-ki", стр. 8.; Gaubil—„Histoire de l'astronomie chinoise", I, стр. 77; d'Anville—„Traité des mesures itinéraires", 1769, стр. 154 и слѣд. (цит. по V. de St.-Martin).

[2]) Klaproth, op. cit., стр. 357.

[3]) Klaproth, op. cit., ср. 360.

[4]) Іакинфъ—„Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана", стр. 236.

[5]) См. карту маршрутно-глазомѣрной съемки, прил. къ „Третьему путеш. въ Центр. Азіи".

[6]) Іакинфъ, op. cit., стр 238—239.

[7]) Борнеманъ—„Записка о маршрутахъ по почтовымъ дорогамъ въ Синьцзянской провинціи" (въ „Сборн. геогр., топогр. и стат. мат. по Азіи", LVIII, стр. 138—139).

Въ одномъ изъ дорожниковъ, заимствованныхъ Visdelou („Supplément de la Bibliothèque orientale") изъ исторической энциклопедіи Ма-дуань-лин'я, имѣется указаніе на разстояніе между Иву (Хами) и Гао-чан'омъ (Турфаномъ), которое исчислялось въ 1200 ли. Согласно „Синь-цзянъ-дао-ли-бяо", между этими городами считается нынѣ 1230 ли. Такое совпаденіе слѣдуетъ, однако, признать, случайнымъ, такъ какъ данныя Ма-дуань-лин'я относятся къ тому времени, когда путь между Хами и Турфаномъ пролегалъ по „Долинѣ бѣсовъ"; онъ былъ короче, но зато и ли была много меньше.

[8]) Извѣстно, что колесный путь черезъ Кошёты-дабанъ былъ разработанъ лишь въ 1734 году (см. St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers" въ „Journal Asiatique", 4 série, VIII, 1846, стр. 239).

[9]) См. т. I, стр. 242. Галкинъ („Очеркъ состоянія вооруженныхъ силъ Китая въ сопредѣльныхъ съ Россіею областяхъ Чжунгаріи и Вост. Туркестана" въ „Сборникѣ географ., топогр. и статист. матеріаловъ по Азіи", XXXV, стр. 124), называетъ это урочище Мудради.

слѣднее разстояніе сократится до 970 ли по слѣдующему разсчету:

дорожникъ 1-ый [1]).		дорожникъ 2-ой [2]).	
Хами	0 ли	Хами	0 ли
Тэу-пу	60 „	Тоу-пу	70 „
Сань-пу	60 „	Сань-пу.	70 „
Я-цзы-цюань. . . .	70 „	Сань-дао-линь . .	70 „
Ляо-дунь	80 „	Ляо-дунь . . .	100 „
Лэ-ба-цюань. . . .	40 „	И-вань-цюань . .	90 „
Толай-цюань. . . .	60 „	Чэ-гу-лу (Толай-цзинъ-тай)	90 „
У-тунъ-во	140 „	У-тунъ-во. . . .	110 „
Всего . .	510 ли	Всего. .	600 ли
отсюда черезъ ур. Джанъ-булакъ до			
Му-лэй-хэ.	280 ли (108 верстъ)	Му-лэй-хэ.	280 ли
Гу-чэнъ.	180 „	Гу-чэпъ. .	180 „
Итого .	970 ли	Итого .	1060 ли

Это отвѣчало бы вполнѣ указанному въ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», разстоянію между Хами и Бэй-тин'омъ.

Разстояніе отъ Бэй-тин'а до Турфана тотъ же источникъ опредѣляетъ въ 500 ли. Эта цифра соотвѣтствуетъ той, которая исчислена въ помянутыхъ выше дорожникахъ между Турфаномъ и Урумчи. Дѣло однако въ томъ, что столицей уйгуровъ былъ не Турфанъ, а Кара-ходжа, Хара-хото или Хо-чжоу (Идикотъ-шари), до котораго отъ Турфана считалось еще около 100 ли [3]), и того не 500, а 600 ли. Разстояніе до Гу-чэн'а кружной дорогой, черезъ перевалъ Уланъ-усу [4]), равняется 805 ли по слѣдующему разсчету:

Отъ Кара-ходжа, черезъ Туёкъ, до Пичана.	160 ли
„ Пичана до Чиктыма	90 „
„ Чиктыма „ Му-лэй-хэ.	375 „
„ Му-лэй-хэ „ Гу-чэн'а.	180 „
Всего. . . .	805 ли

Но прямой дорогой черезъ Тянь-шань, т. е. по пути Ванъ-Янь-дэ, еще никѣмъ изъ европейцевъ не пройденному, разстояніе отъ

---

[1]) Такъ я буду называть дорожникъ, опубликованный о. Іакинфомъ въ его „Опис. Чжунг. и Вост. Турк.".

[2]) „Синь-цзянъ-дао-ли-бяо".

[3]) Klaproth—„Abhandlung über die Uiguren", стр. 46. По нашей съемкѣ 26 верстъ, что соотвѣтствуетъ 70 ли, которыя дѣйствительно и значатся по дорожнику № 1 между Турфаномъ и Идикотъ-Шари, но, можетъ быть, въ прежнія времена здѣсь и считалось 100 ли.

[4]) См. т. I, стр. 287—288. Галкинъ называетъ этотъ перевалъ Гученъ-даванъ (ib.), Козловъ („Труды экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ. по Центральной Азіи", II, стр. 261)—Гочанъ.

Хо-чжоу до Гу-чэн'а и Джимысара не могло превышать 500 ли Танскихъ и Сунскихъ временъ.

«Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» даетъ также разстояніе между Бэй-тин'омъ и Карашаромъ, исчисляя его въ 1100 ли [1]), такой же цифрой опредѣляется нынѣ разстояніе и между Урумчи и Карашаромъ [2]), что, конечно, говорило бы противъ защищаемой мною гипотезы, если бы не существовало прямой дороги черезъ Тянь-шань, выводящей съ верховьевъ р. Ша-ланъ-гу къ Токсуну. Объ этомъ пути ближайшихъ свѣдѣній я не имѣю [3]), но едва-ли онъ на много длиннѣе участка Токсунъ-Урумчи. Кстати замѣчу, что отъ ставки заднечешискаго владѣтеля до Янь-ци (Карашара) считалось въ Ханьское время 837 ли, а отъ Пулэя (Урумчи) 987 ли. Данныя, извлеченныя о. Іакинфомъ изъ Цянь-Хань-шу, однако, едва-ли вѣрны, въ чемъ легко убѣдиться изъ сопоставленія хотя-бы слѣдующихъ цифръ:

Отъ Цзяо-хэ-чэн'а (Турфана) на западъ до Улэя.	1807 ли
„ „ „ „ „ Янь-ци.	835 „
„ Улэя (резиденціи намѣстника) на востокъ до Янь-ци .	400 „

Послѣдняя цифра подтверждается и данными о Ху-ху, отъ котораго на западъ до Улэя считалось 1147 ли, а до Янь-ци 770 ли [4]).

Засимъ, показаніе «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» о разстояніи въ 2200 ли между Бэй-тин'омъ и Суй-ѣ [5]) слѣдуетъ признать безусловно ошибочнымъ, такъ какъ, откуда бы мы не стали отсчитывать ихъ отъ Урумчи или отъ Гу-чэн'а, число ихъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ должно значительно превзойти вышеприведенную цифру, если, конечно, считать ли равной $187^1/_2$ саженямъ.

Въ заключеніе еще одинъ доводъ.

Ванъ-Янь-дэ упоминаетъ о трехъ буддійскихъ монастыряхъ—Гао-дай-сы, Инъ-юнь-сы и Тай-нинъ-сы въ ближайшихъ окрестностяхъ Бэй-тин'а [6]). Въ долинѣ р. Архоту какихъ либо буддійскихъ древностей до настоящаго времени найдено не было, между тѣмъ намъ разсказывали о существованіи развалинъ древнихъ кумиренъ

---

[1]) Klaproth—„Mémoires relatifs à l'Asie", II, стр. 360.

[2]) Въ „Синь-цзянъ-дао-ли-бяо", стр. 134, разстояніе это исчисляется въ 1090 ли.

[3]) Въ 1890 году предполагалось приступить къ разработкѣ этого пути и приспособленію для колеснаго движенія, но мнѣ неизвѣстно, былъ-ли исполненъ этотъ проектъ.

[4]) Всѣ эти данныя заимствованы изъ сочиненія о. Іакинфа—„Собр. свѣд. о народ., обитавш. въ Ср. Азіи въ древнія времена".

[5]) Klaproth, ibid.

[6]) St. Julien—„Relation d'un voyage dans le pays des oïgours", въ „Journal Asiatique", 4 série, 1847, IX, стр. 62—63.

*

въ долинѣ р. Да-ланъ-гу къ югу отъ города Джимысара [1]). Я имѣю даже возможность дать здѣсь три снимка, относящіеся къ одной изъ этихъ кумиренъ, которые любезно предоставлены были мнѣ нашимъ консуломъ въ г. Кульчжѣ, С. А. Ѳедоровымъ.

Буддійскій храмъ (Бэй-лу).

Можетъ быть, объ этой кумирнѣ въ «Сань-чжоу-цзи-лё», опубликованномъ въ концѣ минувшаго вѣка, разсказывается слѣдующее.

«Пещера Цянь-фо-тунъ (Тысячи Буддъ) находится на малодоступномъ склонѣ горы, въ десяти ли къ югу отъ Цзи-му-са.

---

[1]) См. т. I, стр. 177.

«Ея открытіе относится къ 1770—1771 годамъ и о немъ повѣствуютъ такъ:

«Въ Цзи-му-са жилъ продавецъ зелени, болѣвшій глазами. Когда болѣзнь его усилилась и предвѣщала потерю зрѣнія, онъ рѣшился повѣситься. Онъ удалился въ горы и тутъ услыхалъ голосъ: «у подошвы горы найдешь воду; помочи ею глаза и излечишься». Спустившись съ горы, онъ дѣйствительно увидѣлъ ручей. Онъ поступилъ, какъ ему было приказано, и прозрѣлъ. Когда же вновь поднялся на гору, то замѣтилъ разсѣлину, открывавшую

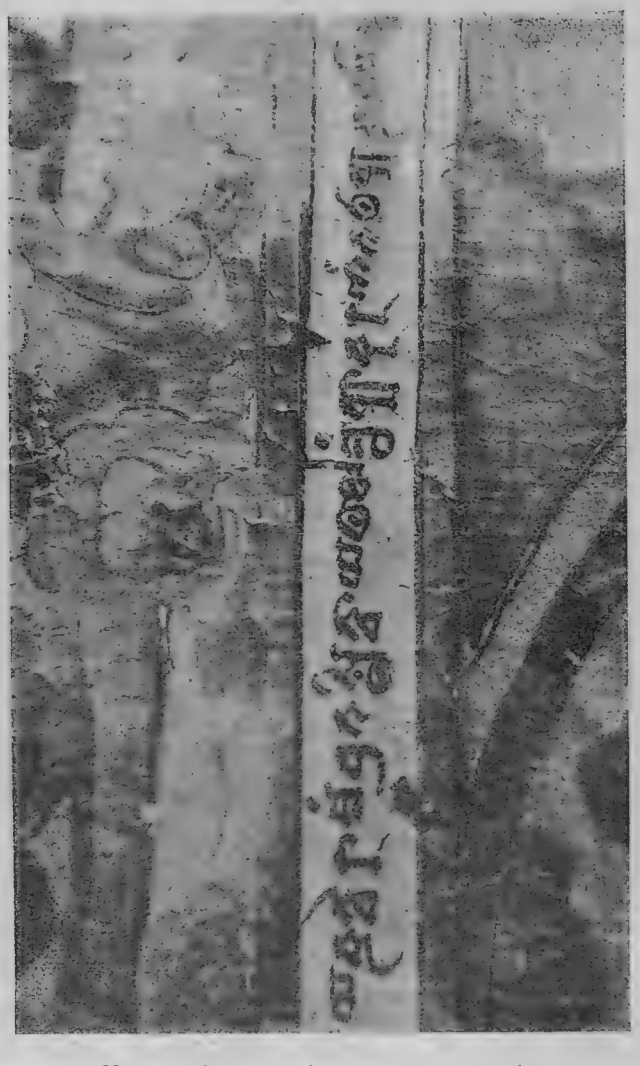
Живопись въ томъ же храмѣ.

часть оштукатуренной стѣны. Заинтересовавшись открытіемъ, онъ сталъ рыться въ горѣ и вскорѣ убѣдился, что напалъ на входъ въ пещеру. Тогда онъ позвалъ людей и съ ихъ помощью освободилъ входъ отъ завала. Пещера оказалась настолько темной, что только при свѣтѣ факеловъ удалось ее разглядѣть. При этомъ обнаружилось, что она имѣла полукруглую форму и заключала статую Будды въ лежачемъ положеніи, длиной около шестнадцати футовъ, съ позолоченнымъ лицомъ, оголенными ногами, и въ одеждахъ, цвѣтъ коихъ нисколько не выцвѣлъ. Кругомъ виднѣлось множество бронзовыхъ статуэтокъ Буддъ отъ фута до 3 дюймовъ величиной.

«Увидѣвъ это, купецъ обрился (сталъ жрецомъ) и поселился

при пещерѣ. Ду-тунъ Со-но-му-цо-лынъ (tou-t'ong-So-no-mou-ts'ö-leng) взялъ отсюда девять статуэтокъ Буддъ для отсылки въ Пекинъ».

Переводомъ этого отрывка (не текстуальнымъ) я также обязанъ профессору P. Pelliot.



Надпись (санскритъ) въ томъ же храмѣ.

Вышеизложенное въ связи съ уже разобранными данными маршрутовъ Ванъ-Янь-дэ и Чанъ-чун'я [1]) съ несомнѣнностью, какъ мнѣ кажется, устанавливаетъ ошибочность выводовъ «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи» и орьенталистовъ Клапрота, Ремюза и Жюльена о тождествѣ современнаго Урумчи съ Бэй-тин'омъ и Бишбалыкомъ.

[1]) См. т. I, стр. 223 и слѣд.

Къ этому же заключенію 7 лѣтъ позднѣе, но совершенно самостоятельно, пришелъ и французскій синологъ Chavannes [1]).

Послѣ этой небольшой экскурсіи въ область исторической географіи Притяньшанья возвращаюсь къ описанію путевыхъ впечатлѣній 20 октября.

Спустившись съ гряды, мы нѣкоторое время шли вдоль сѣверной части стѣны, затѣмъ свернули въ улицу между городомъ и сѣверо-западнымъ импанемъ и вышли въ западное предмѣстье. Здѣсь мы остановились, избравъ попросторнѣе тань.

Вѣсть о нашемъ прибытіи быстро разнеслась по базару, и не успѣли мы осмотрѣться въ нашемъ новомъ помѣщеніи, какъ были уже вызваны къ собравшимся на дворѣ представителямъ русскихъ

Орнаментированный камень (красный песчаникъ) изъ ущелья р. Кора-ходжа (см. т. I, стр. 302).

торговыхъ фирмъ со своимъ старшиной во главѣ. Насъ забросали привѣтствіями, а затѣмъ подвели лошадей и увлекли въ городъ, гдѣ мы и провели время до вечера, бесѣдуя, главнымъ образомъ, о положеніи въ краѣ русской торговли. Особенно жаловались купцы на воспрещеніе вывоза чая въ Россію, при чемъ разсказали о случаѣ конфискаціи китайцами, въ августѣ мѣсяцѣ, близъ русской границы, партіи до пятисотъ пудовъ кирпичнаго чая. На вопросъ старшины, могу ли я помочь въ этомъ дѣлѣ, я обѣщалъ переговорить съ консуломъ. И я исполнилъ свое обѣщаніе, но исходъ переговоровъ былъ неудачный. Оказалось, что воспрещеніе вывоза

---

[1]) Кромѣ цитированнаго выше сочиненія см. его же „Les pays d'Occident d'après le Wei-lio" въ „Toung-pao", série 2, v. VI, 1905, стр. 533 и 558.

любого товара есть автономное право китайскаго правительства, и что, въ частности, воспрещеніе вывоза чая, послѣдовавшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ и своевременно не опротестованное русскими властями, должно считаться вошедшимъ въ законную силу. Дѣло русскаго торговца было такимъ образомъ проиграно, но я и до сихъ поръ не могу помириться съ такимъ рѣшеніемъ вопроса, стоящаго въ явномъ противорѣчіи съ 3 абзацомъ статьи XII С.-Петербургскаго договора 12 февраля 1881 года и статьей 15 «Правилъ для сухопутной торговли», приложенныхъ къ сему договору ([1].

Хозяинъ таня, въ которомъ мы остановились, узнавъ отъ извощиковъ, что я собираю, между прочимъ, и камни, предложилъ мнѣ купить у него нѣсколько кусковъ нефрита, найденныхъ въ одной изъ рѣчекъ, стекающихъ съ Тянь-шан'я къ западу отъ Манаса. Камни я пріобрѣлъ [2]), но къ указанію на мѣстонахожденіе ихъ отнесся съ недовѣріемъ, да и профессоръ Мушкетовъ призналъ въ нихъ полное тождество съ образцами, привезенными изъ Хотанской области. Между тѣмъ мы оба ошиблись, такъ какъ, если вѣрить «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» [3]), въ горахъ къ югу отъ города Манаса, въ долинѣ Цинъ-шуй-цюань, въ ста слишкомъ ли на западъ отъ этой долины, въ урочищѣ Хоу-чоу, и на томъ же разстояніи на западъ отъ этого послѣдняго урочища дѣйствительно выступаютъ коренныя мѣсторожденія (залежи) зеленаго нефрита, разработка коихъ была почему то воспрещена въ 1789 году [4]).

---

[1]) Ст. XII ... „Русскіе подданные могутъ ввозить въ упомянутыя выше китайскія области (въ западный Китай до великой стѣны) и вывозить изъ нихъ всякія произведенія, какого бы происхожденія они ни были".

Ст. 15 „Правилъ": „Слѣдующіе предметы не допускаются къ ввозу или вывозу и, въ случаѣ провоза контрабандою, подлежатъ конфискаціи: порохъ, артиллерійскіе снаряды, пушки, ружья, винтовки, пистолеты и всякое огнестрѣльное оружіе, военные снаряды и припасы; соль; опіумъ".

„Запрещенъ вывозъ риса и китайской мѣдной монеты".

[2]) Четыре образца нефритовой гальки двухъ разностей; темнооливково-зеленой и дымчатой съ темными разводами. Они были сданы въ минералогическій музей горнаго института.

[3]) Стр. 367.

[4]) Интересно, что первое указаніе на существованіе къ югу отъ г. Манаса коренного мѣсторожденія нефрита было сдѣлано еще H. Fischer'омъ въ „Archiv für Antropologie, 1880, стр. 469, который получилъ образецъ джунгарскаго зеленаго нефрита черезъ посредство фонъ-Меллендорфа. Этотъ образецъ оказался почти тождественнымъ съ нефритомъ знаменитаго монолита Тамерлановой гробницы, но именно въ этомъ обстоятельствѣ профессоръ Мушкетовъ усмотрѣлъ доводъ въ пользу высказанной имъ гипотезы о куньлуньскомъ его происхожденіи, такъ какъ „Манасъ съ его окрестностями не содержитъ никакихъ коренныхъ или, вообще, естественныхъ мѣсторожденій нефрита; если же тамъ продаются нефриты или находятся въ видѣ какихъ либо памятниковъ, то нефриты эти привезены туда изъ тѣхъ же Хотанскихъ мѣсторож-

Въ Урумчи мы простояли три дня [1]). 22 октября, проѣзжая мимо кладбища, я видѣлъ китаянку, которая на одной изъ могилъ жгла ленты цвѣтной бумаги; тотъ же обычай пришлось намъ наблюдать неоднократно и раньше, а въ Су-чжоу о происхожденіи его мы выслушали слѣдующую легенду.

деній" (Туркестанъ", I, стр. 393)—заключеніе, конечно, слишкомъ поспѣшное, такъ какъ природа горъ этой части Тянь-шан'я и ихъ петрографическій составъ остаются намъ и до настоящаго времени вовсе почти неизвѣстными. Въ виду этого я считаю не лишнимъ сообщить здѣсь то, что мнѣ удалось узнать о минеральныхъ богатствахъ сѣверныхъ склоновъ Тянь-шан'я къ западу отъ Урумчи.

Золото найдено было въ долинахъ слѣдующихъ рѣкъ: Джиргаланъ, Куйтунъ, Хоргосъ (по его притоку Алтынъ-голу), Сань-дао-хэ (Санджи у капитана Галкина) и другихъ лѣвыхъ (Уланъ-усу) и правыхъ (Синъ-ча-хо и др.) притоковъ Манаса, и Хутуби, а также въ горахъ Урумчи'скаго округа (пріиски: Дунъ-гоу-коу, Шуй-си-чоу, Бай-янъ-гоу, Сю-ша-цзуй, Тоутунь, Ло-то-бо, Да-си-гоу). Въ 1782 году здѣсь работало всего 14 пріисковъ съ 1223 рабочими; заброшены были они во время возстанія дунганъ и съ тѣхъ поръ не возобновлялись.

Засимъ, въ горахъ къ югу отъ Манаса извѣстны мѣсторожденія серебра, свинца, желѣза, нефти и каменнаго угля. Каменный уголь выступаетъ сверхъ того почти повсемѣстно вдоль сѣверныхъ склоновъ Тянь-шан'я на востокъ и западъ отъ Урумчи, а о нефти изъ окрестностей Урумчи писали почти всѣ, посѣщавшіе этотъ городъ, путешественники. Я передалъ проф. Мушкетову бутылку съ этимъ минеральнымъ продуктомъ, но въ настоящее время ничего не могу сказать о судьбѣ этого образца. Успенскій („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.", XXXIV, стр. 198) говоритъ о существованіи нефти въ долинѣ р. Куйтунъ, въ 15 верстахъ къ югу отъ большой дороги (пикета Куйтунъ), а какой-то ссыльный китайскій чиновникъ въ своей запискѣ объ Урумци („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.", 1872, VIII, стр. 206)—о горячихъ сѣрныхъ ключахъ близь этого города и залежахъ селитры въ уроч. Янъ-балгасунъ (къ востоку отъ г. Манаса).

Всѣ эти свѣдѣнія частью собраны были мною на мѣстѣ, частью же почерпнуты изъ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", очерка Галкина—„О состояніи вооруженныхъ силъ Китая въ сопредѣльныхъ съ Россіею областяхъ Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана" и другихъ источниковъ.

Кстати исправлю нѣкоторую неточность, вкравшуюся въ разсказъ Пѣвцова о происхожденіи нефритоваго монолита въ селеніи Ушикъ-тала. Вотъ, что онъ пишетъ: „Въ самомъ селеніи, около большой дороги, лежитъ массивный нефритовый монолитъ, который былъ добытъ въ Кунь-лунѣ еще въ прошломъ столѣтіи и отправленъ, какъ рѣдкость, въ Пекинъ. Но въ пути, во время прибытія транспорта въ селеніе Ушакъ-талъ, тамъ было получено извѣстіе о смерти китайской императрицы. По этой причинѣ чиновникъ, сопровождавшій транспортъ, задержалъ его въ Ушакъ-талѣ и послалъ донесеніе въ Урумчи, испрашивая указанія, слѣдуетъ ли ему продолжать путь по случаю траура. Оттуда было получено приказаніе оставить камень въ Ушакъ-талѣ, гдѣ онъ и лежитъ до настоящаго времени" („Труды Тибетской экспедиціи", I, стр. 344). Въ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи" мы читаемъ однако: „На станціи Ушикъ-тала до сихъ поръ лежатъ еще три куска нефрита: одинъ темнаго цвѣта, вѣсомъ болѣе 350 пудовъ, другой зеленаго, около 270 пудовъ и третій—бѣлаго около 217 пудовъ. Они предназначались въ дань ко двору изъ Хотана и оставлены здѣсь по повелѣнію императора Цзя-цина (1796—1820) изъ нежеланія утруждать населеніе перевозкою безполезной тяжести" (стр. 462—463).

[1]) Цѣны на нѣкоторые предметы потребленія стояли въ это время въ Урумчи слѣдующія: 1 шэнъ (шинъ = 0,1 доу = 1,2 гарнца) соли 3 фыня (въ Притяньшаньѣ выговариваютъ не фынь, а фынъ), 1 гинь (т. е. джинъ = 1½ фунтамъ) пшеничной муки—1½ фыня, 1 гинь печенаго хлѣба—2 фыня, 1 доу (крю = 1½ четверикамъ) риса 5 цян'ей (ценовъ), 1 гинь бараньяго сала—6 фыней, мяса—3 фыня, 1 гинь чернаго байховаго чая—9 цяней, 1 гинь опіума—2 ляна (лана, сэра) 5 цяней, 1 гинь китайской водки—1 цянь, 1 дао-дань (даданъ=10 доу) гороха для лошадей—2 ляна, сотня большихъ сноповъ люцерны—2 ляна.

«Юань-Ли [1]) однажды приснилось, что онъ спустился въ адъ; проходя по его отдѣламъ [2]) и видя всюду грѣшниковъ, терзаемыхъ гуями и іо-чжэн'ами, онъ сталъ испытывать страстное желаніе облегчить имъ ихъ участь. Не зная, какимъ путемъ это сдѣлать, онъ обратился за совѣтомъ къ завѣдующему участкомъ Ту-ди, который объявилъ ему, что за деньги и въ аду можно все сдѣлать! «Но гдѣ же взять ихъ? Я не догадался приказать казначею слѣдовать за собой». «Да возьми ихъ у меня. Въ твоемъ государствѣ живетъ богатый купецъ Гао-Минъ, который часть своихъ доходовъ пересылаетъ сюда въ надеждѣ имѣть во мнѣ защитника, но до сихъ поръ я ни въ чемъ ему пригодиться не могъ и деньги эти, какъ незаслуженныя, не считаю своими. Воспользуйся же ими, а когда вернешься на землю, вызови Гао-Мина и возврати ему взятое». Но императоръ отнесся къ словамъ Ту-ди съ недовѣріемъ: «Да какъ же этотъ купецъ сообщается съ подземнымъ царствомъ? Какъ пересылаетъ сюда свое золото?»—«Очень просто, государь, отвѣтилъ Ту-ди. Онъ покупаетъ бумагу и сжигаетъ ее передъ моимъ алтаремъ; а я уже веду здѣсь счетъ всему имъ потраченному». Тогда императоръ поступилъ по совѣту Ту-ди; когда же проснулся, то издалъ указъ, въ коемъ предлагалъ своимъ подданнымъ слѣдовать благому примѣру купца Гао-Минъ и, ради облегченія загробныхъ страданій родственниковъ, сжигать на ихъ могилахъ бумагу. Съ тѣхъ поръ этотъ обычай вкоренился въ нравы народа».

Помня недружелюбное отношеніе къ намъ мѣстныхъ китайскихъ властей, мы рѣшили на этотъ разъ ихъ игнорировать. Можетъ быть, только поэтому фаньтэй и надумалъ поразить насъ

---

[1]) Первый императоръ Танской династіи (618—907).

[2]) Китайскій адъ подраздѣляется на десять отдѣловъ, а эти послѣдніе на 128 участковъ, гдѣ души грѣшниковъ претерпѣваютъ всевозможныя мученія, соотвѣтствующія проступкамъ, совершеннымъ на землѣ. Китайцы вѣрятъ, что одно доброе дѣло погашаетъ два проступка, счетъ же тѣмъ и другимъ ведетъ Чэнъ-хуанъ, посредникъ между землей и преисподней. Такъ какъ въ числѣ проступковъ, заслуживающихъ наказанія, значатся и такіе, какъ напримѣръ, женитьба изъ за денегъ, неуваженіе мужа и начальника, составленіе анонимныхъ писемъ, недоставленіе письма по назначенію, насмѣшка, невыполненіе обѣщанія, выбрасываніе на дорогу нечистотъ (кто въ этомъ не грѣшенъ въ Китаѣ!), неосторожное обращеніе съ огнемъ, стрѣльба по птицамъ, ловля ихъ, а также рыбъ, сѣтями, сѣтованіе на жаръ, холодъ, дождь и вѣтеръ, неуваженіе къ написанному, небрежное обращеніе съ хлѣбомъ, спекуляція на хлѣбъ, пуганіе родителей, рисованіе непристойныхъ картинъ и проч., то весьма естественно, что у китайца весьма мало надеждъ попасть въ число праведниковъ и такимъ путемъ избавиться отъ необходимости пройти по крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько участковъ преисподней. Эти интересныя свѣдѣнія извлечены изъ „Юй-ли-чао“ въ переводѣ Журавлева („Русская Рѣчь“, 1879); тамъ же нашелъ я и варіантъ легенды о посѣщеніи императоромъ Юань-Ли ада.

своей любезностью; онъ даже простеръ ее до того, что приказалъ полиціймейстеру и секретарю освѣдомиться о всѣхъ нашихъ нуждахъ. Къ сожалѣнію, такая предупредительность запоздала. Она значительно облегчила бы нашу задачу пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, но теперь, наканунѣ нашего возвращенія въ родные предѣлы, она уже утрачивала значеніе. И объ этомъ мы дали понять депутаціи. Въ дальнѣйшемъ же наша бесѣда велась въ такомъ тонѣ:

— Фаньтэй надѣется, что въ предѣлахъ Синь-цзян'а вы всюду встрѣчали со стороны китайскихъ властей одно лишь предупредительное къ себѣ отношеніе.

— Къ сожалѣнію, такое именно отношеніе мы встрѣтили только въ Гань-су, гдѣ сношеніями съ иностранцами завѣдуетъ столь просвѣщенный сановникъ, какъ даотай Чанъ.

— Мы дѣлали однако все, что могли, и, повѣрьте, фаньтэй будетъ очень сожалѣть, что ему не удалось предотвратить всего, что могло вызвать ваше неудовольствіе; однако вы не должны забывать, что населяющіе этотъ край туземцы—народъ необразованный и невоспитанный, почти дикари.

— Вы насъ не поняли: со стороны туземцевъ мы видѣли всегда одно лишь радушіе; жалуемся же мы на китайскихъ солдатъ и чиновниковъ, которые иногда, дѣйствительно, вели себя дикарями. Достаточно, напримѣръ, вспомнить хотя бы ту встрѣчу, которую намъ устроили въ прошломъ году въ воротахъ Ди-хуа-чжоу...

Намекъ этотъ не понравился депутаціи, и полиціймейстеръ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ; прощаясь же, выразилъ увѣренность, что мы достигнемъ Или въ добромъ здоровьѣ и безъ дальнѣйшихъ столкновеній съ солдатами, которые, какъ извѣстно, набираются далеко не изъ лучшихъ элементовъ населенія. «Солдатъ долженъ быть храбрымъ, и передъ этимъ требованіемъ всѣ остальныя отходятъ уже на второй планъ. Такъ полагаютъ въ Китаѣ, да такъ, вѣроятно, думаютъ и у васъ».

Говоря это, полиціймейстеръ и не подозрѣвалъ, что намъ предстояло очень скоро на дѣлѣ познакомиться съ «храбростью» китайскихъ солдатъ! Что же касается навязаннаго намъ содѣйствія китайскихъ властей, то оно выразилось лишь однажды въ предложеніи прислать намъ конвой.

Въ ночь съ 21 на 22 октября выпалъ снѣгъ; онъ началъ было таять по утру, но къ полудню 22 температура вдругъ снова по-

*

низилась до нуля, а затѣмъ термометръ продолжалъ опускаться до 9 часовъ вечера, когда показалъ—7°. Снѣгъ снова пошелъ и на этотъ разъ уже съ тенденціей удержаться надолго. Стало ясно, что зима смѣнила осень, особенности которой видны изъ слѣдующаго.

На Бэй-лу мы вышли 8 октября; здѣсь мы застали, стало быть, уже конецъ осени, къ которому и относятся всѣ послѣдующія наблюденія, могущія быть пріуроченными къ средней абсолютной высотѣ 3,800 футовъ [1]).

Періодъ наблюденій обнимаетъ 14 дней, изъ коихъ ясныхъ, частью же безоблачныхъ, насчитывалось 10, т. е. свыше семидесяти процентовъ; облачныхъ же и пасмурныхъ [2]) по два. Такимъ образомъ не только къ югу, но и къ сѣверу отъ восточнаго Тянь-шан'я ясная атмосфера составляетъ въ осеннее время преобладающее явленіе; того же отнюдь нельзя сказать про верхній горизонтъ горъ, который оставался затянутымъ облаками въ то время, когда надъ Бэй-лу сіялъ ярко голубой куполъ неба.

Снѣгъ перепадалъ два раза; ему предшествовалъ и частью сопровождалъ сильный западный вѣтеръ, переходившій по временамъ въ бурю. Въ Урумчи онъ выпалъ въ необыкновенно теплую для октября, пасмурную ночь, но и въ этомъ случаѣ ему предшествовалъ сильный вѣтеръ съ запада.

Вѣтреныхъ дней оказалось четыре; во всѣхъ случаяхъ дулъ сильный западный вѣтеръ.

Ниже нуля термометръ опускался по утрамъ лишь 10, 11 и 18 октября на станціяхъ Да-ши-ту (въ 6 час. утра—1°), Сань-гоу-чуань-цзы (въ 6 час. утра—6°) и Фоу-канъ (въ 6 час. утра—2,5°), всего же дней, когда термометръ стоялъ на 0° и ниже нуля насчитывалось семь. Максимумъ температуры (19° въ тѣни) выпалъ на 4 час. пополудни 15 октября (въ Джимысарѣ). Суточная ампли-

---

[1]) Эту абсолютную высоту я вывожу изъ слѣдующихъ данныхъ:

ст. Да-ши-ту	4,597 фт.	
ст. Сань-гоу-чуань-цзы . .	4,534 „	
сел. Моро (Му-лэй). . . .	4,357 „	
г. Гу-чэнъ	2,534 „	(см. выше, стр. 252).
г. Урумчи	2,991 „	(см. выше, стр. 273).
средняя . . .	3,803 фт.	

[2]) Что называю я ясными, облачными и пасмурными днями, разъяснено выше, въ главахъ VI и X.

туда колебалась въ предѣлахъ 19° (15 октября, Гу-чэнъ—Джимысаръ) [1]) и 1° (10 октября, Да-ши-ту—Сань-гоу-чуань-цзы) [2]).

Нѣкоторыя особенности температуры за разсматриваемый періодъ видны изъ слѣдующаго:

мѣсто наблюд.	число.	минимумъ.	максимумъ.	суточн. средн.	число наблюд.	сост. неба.	напр. вѣтра.
Ст. Да-ши-ту	10 окт.	6 ч. утра—1°	12 ч. дня 0°	—0°,1	10	пасмурно	W
сел. Му-лэй	11 „	6 ч. „ —6°	2 ч. „ 10°	2°,9	12	ясно	C
гор. Ци-тай	12 „	1 ч. ночи 0°	10 ч. „ 11°	5°,4	13	„	„
„ Гу-чэнъ	14 „	5 ч. утра 1°	10 ч. „ 18°	10°	15	„	„
„ Джимысаръ	15 „	4 ч. „ 0°	4 ч. дня 19°	8°,2	10	„	„
„ Урумчи	22 „	9 ч. веч.—7°	7 ч. утра 3°	0°,5	17	утромъ пасмурно; послѣ полудня—буранъ; вечеромъ облачно.	W

Такимъ образомъ самый холодный день выпалъ на 10 октября, когда суточная средняя изъ десяти наблюденій выразилась —0,1; самый теплый день на 14 октября, когда та же средняя изъ пятнадцати наблюденій составила 10°.

Въ заключеніе еще нѣсколько данныхъ:

Наибольшая средняя температура дня (съ 6 ч. у. до 6 в.) составляла 13°,3 (14 октября).
Наименьшая „ „ „ „ „ — 0°,2 (22 „).
Наибольшаа средняя температура ночи (съ 6 ч. в. до 6 у.) „ 7,4 (съ 21 на 22 октября).
Наименьшая „ „ „ „ „ — 2 (съ 10 на 11 „).
Число ночей, средняя температура коихъ была ниже нуля 3

Вышеприведенныя данныя получаютъ особенный интересъ въ связи съ тѣмъ, что писалось мною о джунгарской осени на стр. 251 и 252 перваго тома, къ которому я теперь и отсылаю читателя.

---

[1]) Она выведена изъ слѣдующихъ данныхъ:

г. Гу-чэнъ, 4 ч. утра	0°
г. Джимысаръ, 4 ч. дня	19°
суточная амплитуда . . .	19°

[2]) Выведена изъ слѣдующихъ температуръ:

ст. Да-ши-ту, 6 ч. утра	— 1°
ст. Сань-гоу-чуань-цзы, 12 ч. дня	0°
суточная амплитуда . . .	1°

ГЛАВА XIII.

Вдоль сѣверныхъ подгорій Тянь-шан'я отъ Урумчи до Куръ-кара-усу.

Сѣроватая мгла холоднаго сумрачнаго утра еще висѣла надъ долиной р. Архоту, когда мы стали выбираться изъ города. Онъ успѣлъ однако проснуться, и на его улицахъ мы застали обычную сутолоку, которая очень скоро привела въ полное разстройство нашъ караванъ; впрочемъ винить въ этомъ приходилось развѣ только самихъ себя, такъ какъ съ нашей стороны было, дѣйствительно, верхомъ неосмотрительности распустить въ такомъ многолюдствѣ заводныхъ лошадей. Онѣ-то и надѣлали намъ хлопотъ.

Но вотъ и мостъ, а за нимъ снова степь и просторъ!

На границѣ ея, въ «воротахъ красныхъ горъ» (Хунъ-шань-цзуй-цзы), мы распростились съ провожавшими насъ купцами и рысцей направились по знакомой дорогѣ въ Чанъ-цзи. За поселкомъ Та-бяо-пу мы вышли изъ горъ; впередъ уходила равнина, на которой не видно было никакого движенія: точно мы находились не близъ крупнѣйшаго изъ городовъ Притяньшанья, а въ центрѣ обширной пустыни! И туманъ довершилъ эту иллюзію, поглотивъ ея грани — оставшіеся позади блѣдно-красные холмы и темную полосу лѣса вдоль рѣки Архоту.

Въ полномъ одиночествѣ добрались мы до селенія Да-ди-во-пу [1]), но здѣсь застали большое скопленіе китайскихъ телѣгъ и солдатъ. Это былъ обозъ и часть конвоя вновь назначеннаго въ Чугучакъ хэбэй-амбанемъ маньчжура Эркинэ [2]), который долженъ

---

[1]) Намъ его называли также Со-тяо-пу.

[2]) Нѣсколько лѣтъ спустя этотъ маньчжурскій генералъ покончилъ жизнь самоубій-

былъ покинуть Урумчи послѣ полудня. Когда мы прибыли въ Чанъ-цзи, тамъ дѣятельно готовились къ его встрѣчѣ: у воротъ мы застали толпу горожанъ, палатку, чиновниковъ и солдатъ съ флагами и бутафорскимъ оружіемъ: пиками, бердышами (цодами) и трезубцами; здѣсь же расхаживали статисты, подряженные за пять фынь на роли мао-цзё (палачей), носильщиковъ гонговъ, досокъ, объясняющихъ офиціальное положеніе эскортируемаго лица (цинъ-минъ), флаговъ съ надписью — «прочь съ дороги!» (цинъ-дао), красныхъ зонтовъ (хунъ-тунъ-сань) и другихъ атрибутовъ мандаринскаго званія, несомыхъ передъ высокимъ сановникомъ при его торжественномъ вступленіи въ городъ [1]).

За селеніемъ Да-ди-во-пу мы очутились снова въ пустынѣ, монотонность которой нарушалась лишь часто попадавшимися развалинами сторожевыхъ будокъ (янь-дай). Первыхъ людей мы встрѣтили, лишь подходя къ таранчинскому селенію Тау. Это были ишакчи, гнавшіе въ Урумчи порожнихъ животныхъ. Они уже знали о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ сановника Эркинэ и съ видимой тревогой въ голосѣ кинули намъ вопросъ: ужь не ѣдетъ-ли! Бѣдные! Они боялись попасться ему на глаза, по опыту зная, какъ много позволяетъ себѣ челядь такого важнаго господина.

Въ Тау [2]) мимо насъ на рысяхъ прошелъ кавалерійскій отрядъ, спѣшившій къ границѣ уѣзда [3]), гдѣ онъ долженъ былъ смѣнить урумчійскій конвой. Люди въ сине-фіолетовыхъ халатахъ и оранжевыхъ безрукавкахъ съ черными полосами «подъ шкуру тигра» выглядѣли франтами и прекрасно держались на своихъ, хотя и разномастныхъ, но выхоленныхъ коняхъ. Все вооруженіе ихъ состояло изъ прямыхъ сабель, прикрѣпленныхъ слѣва къ передней лукѣ. Во главѣ этого отряда ѣхало два офицера въ обычныхъ парадныхъ курмахъ и шляпахъ. По справкамъ въ Чанъ-цзи оказа-

---

ствомъ, запутавшись въ счетахъ по постройкѣ крѣпостныхъ стѣнъ Чугучака. Такой трагическій конецъ—явленіе, довольно обычное среди маньчжурскихъ сановниковъ, весьма неловкихъ въ дѣлѣ хищенія казенныхъ суммъ. Изъ знакомыхъ намъ генераловъ такимъ же образомъ покончилъ свое жизненное поприще и илійскій цзянь-цзюнь Сэ-лёнъ-гё.

[1]) См. т. II, стр. 306.

[2]) Это селеніе намъ называли также Діяфыръ. У Галкина („Сборникъ географ., топограф. и статистич. матеріаловъ по Азіи", XXXV, стр. 119) я нахожу столь же странно звучащее селеніе Сояфыръ къ югу отъ Урумчи.

[3]) Граница эта проходитъ въ 15 ли къ югу отъ р. Катунъ-хо. Пѣвцовъ („Труды тибетской экспедиціи", I, стр. 363) называетъ эту рѣчку Хо-ба-ли, ошибочно соединяя ее съ р. Локлонъ.

лось, что онъ не принадлежалъ къ числу мѣстныхъ войсковыхъ частей, а прибылъ туда наканунѣ изъ-подъ Ши-хо [1]).

Съ переходомъ глубоковрѣзаннаго русла рѣки Катунъ-хо [2]) или Тунь-ду-хо мы вступили въ предѣлы оазиса Чанъ-цзи, въ мѣстномъ произношеніи Санджи.

Согласно «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи», Чанъ-цзи соотвѣтствуетъ Пу-лэй хэу-го ханьскихъ временъ [3]). При младшихъ Ханяхъ здѣсь было владѣніе И-чжи, въ эпоху Сань-го—Пу-лу. Засимъ объ этомъ оазисѣ исторія не упоминаетъ вплоть до 640 года, когда онъ вошелъ въ составъ земель Хэу-тин'скаго округа [4]). Въ IX вѣкѣ въ южной Джунгаріи утвердились уйгуры, и свѣдѣнія объ этой странѣ становятся скудными; возможно однако, что о Чанъ-цзи подъ именемъ Чанъ-бала упоминаетъ старецъ Чанъ-чунь [5]). Въ пользу этого предположенія говоритъ и даваемое имъ разстояніе до озера Сайрамъ-нора—восемнадцать переходовъ [6]); но тогда Лунь-тай Чанъ-чун'я пришлось бы искать гдѣ-нибудь по сосѣдству съ Фоукан'омъ, а не къ востоку отъ рѣчки Ло-тай, гдѣ сохранились развалины городка или обширнаго монастыря [7]). Разстояніе отъ Биш-балыка, которое даетъ Чанъ-чунь—болѣе трехсотъ ли къ западу—

---

[1]) Пѣвцовъ („Труды тибетской экспедиціи", I, стр. 364) пишетъ, что въ Чанъ-цзи стояла въ 1890 году конная лянза; по нашимъ же свѣдѣніямъ здѣсь квартировала въ этомъ году пѣхота (одно „ци", т. е. знамя, численностью около двухсотъ человѣкъ).

[2]) Можетъ быть правильнѣе было бы писать Катунь-хо?

[3]) Wylie—„Notes on the Western Regions", стр. 103; Іакинфъ—„Собр. свѣдѣній о народ., обит. въ Ср. Аз. въ древн. врем.", геогр. указ., стр. 56.

[4]) Іакинфъ, ibid.

[5]) „Си-ю-цзи", перев. арх. Палладія („Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ", IV, стр. 302). Регель („Путешествіе въ Турфанъ" въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.", 1881, IV, стр. 209) утверждаетъ, что видѣлъ къ сѣверо-востоку отъ современнаго Чанъ-цзи (Санджи) развалины древняго города, напомнившія ему развалины, „видѣнныя около Карагуджи" (Кара-ходжи), т. е. Идикотъ-шари. Я не могу найти подтвержденія этому извѣстію у другихъ путешественниковъ, посѣтившихъ г. Чанъ-цзи, сами же мы видѣли въ указанномъ Регелемъ направленіи однѣ лишь развалины хуторовъ.

[6]) Отъ Чанъ-бала „мы ѣхали вдоль Инь-шаня на западъ, переѣздовъ десять"; доѣхали до песковъ и на переѣздъ черезъ эти послѣдніе употребили цѣлыя сутки. За песками еще „ѣхали пять дней и остановились на сѣверной сторонѣ Инь-шаня". „На другой день раннимъ утромъ мы ѣхали на югъ по длинному скату ли на 70 или 80 и остановились на ночевье; воды не было. На другой день мы поднялись и поѣхали на юго-западъ; ли черезъ двадцать мы очутились вдругъ у огромнаго озера..." (ib., стр. 303).

Какъ видно изъ реляцій о походѣ Ѣ-люй-си-лян'а противъ возмутившагося Алибухи, городъ Чанъ-бала или Чжанъ-бали (Чжанъ-балыкъ) лежалъ къ востоку отъ рѣки Манасъ (Поповъ—„Мэнъ-гу-ю-му-цзы", стр. 468, Bretschneider—„Madiaeval researches from Eastern Asiatic Sources", II, стр. 32).

[7]) См. т. I, стр. 175 и слѣд. Въ дополненіе къ тому, что говорится на стр. 176, въ сноскѣ 4, о Лунь-таѣ, привожу слѣдующее свидѣтельство Ма-дуань-лин'я: „Лунь-тай былъ городкомъ

также указываетъ на близость Лунь-тай'я къ Фоу-кан'у. Но если такъ, то къ какому же городу должны мы будемъ пріурочить Цинхочжанское (Цинъ-хо-цюань'ское) городище? Вопросъ этотъ приходится оставить открытымъ до болѣе детальнаго изслѣдованія южной Джунгаріи [1]).

Уэйли пишетъ, что на китайской картѣ 1863 года (вѣроятно «Дай-цинъ-и-тунъ-юй-ту») городъ Чанъ-цзи названъ Нинъ-бэнь (Ning-peĕn) [2]), Успенскій—что официальное его названіе—Фоу-канъ [3]). Но нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь ошибки?

Современный Чанъ-цзи не великъ и окруженъ ветхой стѣной. Говорятъ, что общая численность его населенія не превосходитъ трехъ тысячъ душъ, изъ коихъ китайцы составляютъ къ тому же значительное меньшинство. Если это такъ, то совершенно понятно, почему такъ сравнительно велико его предмѣстье, застроенное танями, лавками и мелкими промышленными заведеніями; здѣсь сосредоточивается вся дѣловая жизнь оазиса.

На слѣдующій день первые лучи восходящаго солнца застали насъ на плёсѣ рѣки Локлонъ, которая, судя по картѣ военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба [4]), носитъ въ верховьяхъ своихъ названія Гюрюнъ и Санджи. Какія данныя послужили матеріаломъ для составленія этой карты, мнѣ неизвѣстно, но капитанъ Галкинъ, вышедшій на р. Санджи въ 1887 году, считаетъ ее не верховьемъ Локлона, а значительнѣйшимъ изъ правыхъ притоковъ Хосутая (Хусты, т. е. Манаса) [5]). Если такъ, то это можетъ быть только рѣка Сань-дао-хо, въ мѣстномъ произношеніи Санъ-до-хо [6]). Китайскія извѣстія о р. Локлонѣ ограничиваются сообще-

---

зависѣвшимъ отъ Тинъ-чжоу (Ting-ceu), т. е. отъ задняго уйгурскаго (т. е. чешискаго) владѣнія" (см. Schott „Zur Uigurenfrage" въ „Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin", philos-hist. Klasse, 1875, стр. 56).

[1]) Особенный интересъ въ историко-географическомъ и археологическомъ отношеніяхъ представляетъ никѣмъ еще не пройденная прямая дорога изъ Фоу-кан'а въ Хутуби, гдѣ встрѣчаются древнія развалины монастырей и городовъ. Объ одномъ изъ такихъ городищъ, носящемъ названіе Ма-чё-цзы (Ма-чэ-цзы) упоминаетъ и Пѣвцовъ (op. cit., стр. 364). Положеніе Ма-чё-цзы также соотвѣтствуетъ положенію Чанъ-бала. Сюй-сунъ (см. Chavannes, op. cit., стр. 12) отождествляетъ Лунь-тай съ Урумчи, но, кажется, безъ серьезныхъ къ тому основаній; такъ, между Лунь-тай'емъ и р. Ли-и-до-гянь, которую онъ условно приравниваетъ къ Манасу, насчитывалось всего лишь около 200 ли, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности между обоими пунктами не менѣе 340 ли.

[2]) Ibid.

[3]) „Отъ Суйдина до Урумци" въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.", 1898, XXXIV, стр. 202.

[4]) Приложена къ т. I.

[5]) „Сборникъ географ., топогр. и статистич. матеріаловъ по Азіи", XXXV, стр. 63.

[6]) См. т. I, стр. 113—114.

ніемъ, что ее образуютъ два истока, соединяющіеся восточнѣе пикета Локлонъ и сѣвернѣе города Чанъ-цзи; одинъ стекаетъ съ перевала Монгуту, другой съ пика Гэшаньту; въ дальнѣйшемъ же своемъ теченіи она соединяется съ р. Хутуби и впадаетъ въ озеро Аяръ-норъ [1]).

Отъ плёса р. Локлонъ [2]) мы шли оазисомъ еще около 5 верстъ, послѣ чего вышли на пустошь, представляющую слегка приподнятый надъ долинами Хутуби и Локлона участокъ каменистой пустыни. На восточной ея окраинѣ стояли развалины укрѣпленія Янъ-чанъ-цза, постройку котораго Успенскій относитъ «ко временамъ императора Цянь-лун'а и походу полководца Чжао-хой'я въ Или противъ Амурсаны» и приписываетъ китайцамъ [3]). Къ сожалѣнію, онъ не подкрѣпляетъ этого извѣстія ссылкой на какой-либо источникъ, а безъ такой ссылки и самое извѣстіе утрачиваетъ значительную долю въ своей достовѣрности; къ тому же оно не согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно о дѣйствіяхъ Чжао-хой'я противъ калмыковъ и въ частности противъ Амурсаны [4]). Пѣвцовъ, основываясь, повидимому, лишь на словахъ туземцевъ, приписываетъ постройку Янъ-чанъ-цза джунгарамъ [5]). Дѣйствительно, туземцы называютъ это городище Калмакъ-шари, но вѣдь такъ называютъ они развалины и всѣхъ остальныхъ болѣе или менѣе древнихъ городовъ Притяньшанья, разумѣя подъ именемъ калмаковъ не только ойратовъ, но и уйгуровъ. Что же касается джунгаровъ, то можно съ увѣренностью сказать, что ихъ хунъ-тайши и зайсаны въ укрѣпленныхъ городахъ не жили. Унковскій, долго остававшійся при ургѣ Цэванъ-Рабтана, говоритъ лишь о «кошѣ», сплетенной изъ тальника и камыша, которая окружала «контайшину войлошную избу» [6]). Но если сами калмыки и не жили въ городахъ, то это еще не значитъ, что ихъ вовсе не сооружалось въ Джунгаріи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Калмыки, нуждаясь въ хлѣбѣ, изъ уведенныхъ въ плѣнъ восточно-туркестанцевъ образовывали

---

[1]) St. Julien—„Hydrographie de la nouvelle frontière" въ „Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques", nouv. série, 1846, III, p. 45.

[2]) Вѣроятно эту рѣку Шахназаровъ называетъ Лугуланъ („Показаніе бухаретина Бай Назара Шахназарова", извлеч. изъ архива правленія области сибирскихъ киргизовъ въ Омскѣ. См. „Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.", 1867, I, стр. 518).

Въ джунгарское время она несла такъ много воды, что переправа черезъ нее весной была затруднительной.

[3]) Ibid.

[4]) См. т. II, стр. 118.

[5]) Op. cit., стр. 365.

[6]) „Посольство къ зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану", стр. 35.

земледѣльческія колоніи, такъ называемыя «тарану», среди которыхъ обыкновенно и возникалъ осѣдлый центръ, базаръ, быть можетъ, и городокъ. Указаній на это не много, но все же имѣются. Такъ, напримѣръ, посолъ Байковъ показываетъ: «Отъ камени (Саура) до Контайшина городка ходу три дня. А городокъ, сказываютъ, глиняный, а въ немъ двѣ палаты каменныя, бурханныя; а живутъ въ томъ городкѣ ламы (лобы) да пашенные бухарцы» [1]). Въ рапортѣ полковника Лестока отъ 29 марта 1760 года говорится: «Полоненны бухарскіе крестьяне пашенные жили въ помянутомъ городкѣ (въ калмыцкой землѣ, въ урочищѣ Ирень-Хабарга), который сдѣланъ былъ изъ сушенаго, а не обожженнаго кирпича». «У рѣчки же Эмиль имѣется такой же городокъ съ бухарскими хлѣбопашенными крестьянами подъ властью ноена Дебачи» [2]). О томъ же городкѣ въ урочищѣ Ирень-Хабарга говорится и въ показаніи бухаретина Бай Назара Шахназарова, хранящагося въ LI т. архива правленія области сибирскихъ киргизовъ въ Омскѣ [3]).

Возможно, что Янъ-чанъ-цза одинъ изъ такихъ городковъ, но не менѣе данныхъ за то, чтобы отнести его постройку къ болѣе раннему времени; особенно же заслуживаетъ вниманія массивность его постройки: такими толстыми стѣнами едва-ли обносились слободы таранчей.

Пустошью, носившею однако мѣстами слѣды культуры, мы шли около двѣнадцати верстъ до небольшого дунганскаго селенія, группировавшагося около разрушеннаго импаня Юнъ-фу-гоу [4]). Здѣсь мы вступили уже въ область, орошенную водами р. Хутуби.

Однообразное начертаніе названія этой рѣки никакъ не можетъ установиться. Не говоря уже о явно неправильныхъ транскрипціяхъ, каковы—Гутаба [5]) и Хутайяй [6]), это наименованіе въ

---

[1]) Цитировано изъ очерка Струве и Потанина — „Поѣздка по восточному Тарбагатаю“ („Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1867, I, стр. 505.). См. также Риттеръ—„Землевѣдѣніе Азіи“, т. IV (дополн. къ III т., составленное Семеновымъ и Потанинымъ), стр. 219, гдѣ цитата однако не полна.

[2]) „Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1867, I, стр. 519.

[3]) „Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1867, I, стр. 518—519.

[4]) Такъ пишетъ Успенскій, op. cit., стр. 202; въ моемъ же дневникѣ значится—Ю-фу-го (см. т. I, стр. 120).

[5]) На картѣ сѣверо-западныхъ и западныхъ владѣній монголовъ (приложена къ т. IV „Трудовъ членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ“ и къ т. II „Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources“ Бретшнейдера). Она была издана въ 1331 году.

[6]) Въ описаніи путешествія армянскаго царя Гайтона (1254 г.). См. Bretschneider, op. cit., II, стр. 32.

настоящее время пишутъ: Кутукбай [1]) Хутукбай [2]), Хутукъ-би [3]), Хутубей [4]), Хутукъ-бай [5]), Хотуби [6]) и Хутуби [7]). Успенскій пишетъ, что Хутуби есть только мѣстное (китайское?) произношеніе словъ Худунь-бай, означающихъ «мѣсто, богатое источниками»; но St. Julien говоритъ, что Хутукбаи (Khoutoukbaï)—слово джунгарское, передающееся словами «счастливое предзнаменованіе» [8]). Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» мы встрѣчаемся со словомъ Хутуби [9]) и также передаетъ названіе это и «Синь-цзянъ-дао-либяо» [10]), но въ «Синь-цзянъ-чжи-лё» говорится о рѣкѣ Хотуби [11]). Полагаясь на привычное ухо нашего извѣстнаго синолога Успенскаго, я остановился на Хутуби, хотя не могу не замѣтить, что намъ называли эту рѣку—Хотуби, Хотукъ-бай и Хотукъ-бій, каждый разъ съ сильнымъ удареніемъ на *хо* [12]).

Отъ селенія Юнъ-фу-гоу мѣстность получила болѣе оживленный характеръ; гравій и галешникъ смѣнились глинистымъ грунтомъ, Ephedra, Tamarix и Eurotia ceratoides—чіемъ и камышемъ. Кое-гдѣ виднѣлись поля, сухіе арыки съ провалившимися мостами, обвалившіяся стѣны и хутора. На десятой верстѣ мы прошли полуразрушенное селеніе Лао-цао-гоу, на тринадцатой развалины другого селенія и, наконецъ, на пятнадцатой вступили въ густой лѣсъ, которымъ и шли до городка Хутуби на протяженіи шести верстъ. Такихъ могучихъ карагачей, какъ въ оазисѣ Чанъ-цзи [13]), здѣсь не было, но зато лѣсъ былъ ровнѣе и разнообразнѣе по составу: карагачъ (Ulmus campestris), конечно, преобладалъ, но на

---

[1]) Іакинфъ—карта, прил. къ т. III „Собр. свѣд. о народ., обит. въ Ср. Азіи въ древн. времена".

[2]) Матусовскій—Карта, приложенная къ „Географ. обозр. Китайской имперіи".

[3]) Галкинъ, op. cit. Онъ же пишетъ и Хутукъ-бай.

[4]) Пѣвцовъ, op. cit.; Роборовскій, op. cit.

[5]) Карта Главн. штаба; Обручевъ—„Центральная Азія, сѣверный Китай и Нань-шань", II, стр. 652.

[6]) Регель („Путешествіе въ Турфанъ", стр. 209; Peterm. Geogr. Mitth., 1880, стр. 209).

[7]) Успенскій, op. cit.

[8]) „Notices sur les pays et les peuples étrangers" въ „Journ. Asiat.", 4 série, VIII, 1846, стр. 399. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что городъ Хутуби, какъ видно изъ вышеприведеннаго, существовалъ задолго до появленія калмыковъ въ южной Джунгаріи, почему и названіе свое получилъ всего вѣроятнѣе отъ уйгуровъ. Странно однако, что Чанъ-Чунь о немъ не упоминаетъ.

[9]) Стр. 467, 468.

[10]) „Сборникъ географ., топограф. и статистич. матеріаловъ по Азіи", LVIII, стр. 129.

[11]) St. Julien—„Hydrographie de la nouvelle frontière" въ „Nouv. ann. des voyages et des sc. géogr.", nouv. série, 1846, III, стр. 45.

[12]) См. т. I, стр. 118.

[13]) См. т. I, стр. 122.

ряду съ нимъ довольно часто попадался и тополь, а по саямъ—джигда (Eleagnus hortensis), ива и облѣпиха (Hippophae rhamnoides).

Городокъ Хутуби [1]) имѣлъ полуразрушенныя стѣны и отличался такимъ же сравнительно обширнымъ предмѣстьемъ, какъ и Чанъ-цзи; здѣсь однако уже преобладали китайцы; таранчей же насчитывалось не болѣе трехсотъ человѣкъ. Жизненные припасы расцѣнивались въ немъ дешевле, чѣмъ въ Урумчи; такъ, напримѣръ, за доу гороха мы платили 1 цянь 3 фыня, за гинь печенаго хлѣба 1½ фыня, за доу риса 4 цяня.

Ночью при слабомъ западномъ вѣтрѣ повалилъ снѣгъ; ему предшествовало затишье при 1° тепла. Снѣгъ съ небольшими интервалами шелъ въ теченіе одиннадцати часовъ, при чемъ морозъ, постепенно усиливаясь, достигъ къ вечеру 26 октября 10°.

Въ этотъ день мы прибыли въ городокъ Тугурикъ.

Замѣшкавшись въ Хутуби, мы выступили изъ него позднѣе обыкновеннаго; впрочемъ, и торопиться особенно было некуда, такъ какъ станція предвидѣлась небольшая—всего какихъ-нибудь 26 верстъ [2]).

Тотчасъ за городомъ протекаетъ довольно сильный рукавъ Хутуби, корытообразное русло котораго, можетъ быть, образовалось на мѣстѣ арыка; на сай же рѣки мы вышли позднѣе, пройдя лѣсомъ 2½ версты. Онъ представлялъ широкое поле крупной гальки, по которому лишь кое-гдѣ струилась вода. Лѣсъ на лѣвомъ его берегу кончился, и впереди вновь развернулся участокъ глинисто-песчаной степи, опоясывающей съ сѣвера передовые уступы

---

[1]) Абсолютную высоту Хутуби опредѣляли слѣдующія лица:

Пѣвцовъ	1,740 фт. (баром. Паррота).
Роборовскій	1,683 „
Обручевъ	1,640 „
Галкинъ	1,250 „

Если пренебречь опредѣленіемъ Галкина, то средняя выразится цифрой 1,688 фт.

[2]) „Синь-цзянъ-дао-ли-бяо" даетъ разстоянія въ „ли", не соотвѣтствующія даннымъ, полученнымъ нами и другими путешественниками, что видно изъ слѣдующаго:

	Синъ-цзянъ-дао-ли-бяо.	Грумъ-Гржимайло.	Галкинъ.	Роборовскій.
Урумчи	0	0	0	0
Чанъ-цзи	90 ли.	35 верстъ.	41 верста.	—
Хутуби	90 „	40½ „	40 верстъ.	71 верста.
Тугурикъ (Тугуликтай).	90 „	28½ „	28 „	25½ верстъ.

Тянь-шан'я. Впрочемъ, безплодная пустошь тянулась не долго; уже на седьмой верстѣ отъ рѣки мы вновь подошли къ развалинамъ былой осѣдлости—поселку Лао-шань-цзы, а затѣмъ и къ опушкѣ карагачеваго лѣса, вдоль которой курились десятки костровъ: то обжигался лѣсъ на уголь.

Двѣ версты дальше мы перешли черезъ плёсъ р. Лао-шань-хо, составляющей лишь восточный рукавъ р. Тугурикъ. Между обѣими, по линіи большой дороги, не менѣе 15 верстъ, изъ коихъ по крайней мѣрѣ десять приходятся на пустыню, которую выдали намъ торчавшіе изъ-подъ снѣга корявые кусты саксаула (Haloxylon ammodendron). Впрочемъ, когда-то и въ этой пустынѣ жилъ человѣкъ, о чемъ свидѣтельствуютъ встрѣченныя нами развалины не то харчевни, не то одинокаго хутора.

Городокъ Тугурикъ [1]) выглядѣлъ роднымъ братомъ городку Хутуби: сравнительно большое предмѣстье съ смѣшаннымъ населеніемъ, обветшалыя стѣны, скрывавшія убогую его внутренность, и смѣшанный лѣсъ кругомъ—все это было здѣсь такое же, какъ въ Хутуби; только цѣны на жизненные продукты оказались въ немъ выше хотубійскихъ, но это не было для насъ неожиданностью, такъ какъ уже наканунѣ извощики совѣтовали намъ запастись хлѣбомъ и фуражемъ. Мѣстные китайцы называютъ этотъ городокъ Тоху-лу.

Къ утру, при ясномъ небѣ и полномъ безвѣтріи, морозъ достигъ 19 градусовъ; выпавшій наканунѣ снѣгъ блестѣлъ ослѣпительно и, одѣвая однообразнымъ бѣлымъ покровомъ равнины и горы, лишалъ насъ возможности сдѣлать правильную оцѣнку сравнительной высоты этихъ послѣднихъ; къ тому же вдоль гребня Тянь-шан'я столпились ярко-бѣлыя облака, которыя укрыли наиболѣе высокіе изъ его пиковъ и въ ихъ числѣ исполинскій массивъ Досъ-Мёгенъ [2]).

Пройдя магистральный арыкъ, орошающій оазисъ Тугурикъ, мы вскорѣ вышли на пустошь, которая только съ юга опоясана была лѣсомъ, на сѣверѣ же уходила въ безбрежную даль. Судя

---

[1]) Его абсолютная высота равняется 1,625 фт. Цифра эта составляетъ среднюю изъ слѣдующихъ данныхъ:

Галкинъ.....	1,400 фт.
Обручевъ	1,640 „
Роборовскій.....	1,834 „

[2]) См. т. I, стр. 98 и слѣд.

по обнажавшимся изъ подъ снѣга участкамъ голой земли, это была снова дресвяная степь. Тянулась она впрочемъ не долго, такъ какъ уже на девятой верстѣ мы поравнялись съ селеніемъ Ло-то-и, а затѣмъ вышли и къ лѣсу, за которымъ широко разбросалось когда-то большое село Та-си-хэ. Оба селенія стоятъ на арыкахъ, выведенныхъ очевидно изъ рѣки Сань-дао-хо, которая протекаетъ какъ разъ между ними тремя еле сочащимися ручьями [1]). Эта значительная въ верховьяхъ рѣка здѣсь обмелѣла, отдавъ почти всю свою воду подгорнымъ хуторамъ и селеніямъ [2]); впрочемъ, тамъ мы видѣли ее въ разгаръ лѣта, и тогдашнее стояніе ея водъ не можетъ служить показателемъ ея зимняго уровня.

Къ западу отъ селенія Та-си-хэ дорога вновь вышла на открытое мѣсто, среди котораго лишь изрѣдка попадались слѣды былого жилья. Имъ мы шли около восьми верстъ до селенія Боу-цзянь-дань, стоящаго на арыкахъ, выведенныхъ изъ рѣки Синъ-ча-хо [3]). Здѣсь мы вступили уже въ предѣлы Манасскаго оазиса, которымъ и шли до города Суй-лай на протяженіи 12 верстъ.

Со словъ киргизовъ Валихановъ говоритъ намъ [4]), что городъ Манасъ и урочище того же имени на верхнемъ Иртышѣ получили свое названіе отъ имени богатыря Монаса. Но преданіе это уже потому лишено фактической основы, что съ наименованіемъ Манасъ мы встрѣчаемся на всемъ пространствѣ Азіатскаго материка отъ Бутана на востокѣ [5]) до Кавказа на западѣ [6]).

Манасскій оазисъ переполненъ развалинами. Жилыя усадьбы вкраплены въ это море развалинъ лишь ничтожными островками и своей нищенской обстановкой свидѣтельствуютъ о недавнемъ

---

[1]) Успенскій (l. c.) называетъ ее Та-си-хэ; то же названіе встрѣчаемъ мы и у авторовъ „Синь-цзянь-чжи-лё“ (St. Julien—„Hydrographie de la nouvelle frontière“, стр. 48).

[2]) См. т. I, стр. 114—115.

[3]) Въ мѣстномъ произношеніи Шинъ-ча-хо, см. т. I, стр. 114.

[4]) „Очерки Джунгаріи“ („Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1861, II, стр. 53).

[5]) Одинъ изъ значительнѣйшихъ правыхъ притоковъ р. Брамапутры носитъ названіе Манасъ, иначе Лхобракъ.

Было бы крайне интересно установить, какимъ образомъ названіе это могло утвердиться такъ далеко за предѣлами извѣстной намъ области распространенія народовъ тюркской расы, если только носителями слова „Манасъ“ были тюрки. Слѣды тюркскаго вліянія Hodgson („Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet“, II) нашелъ въ странѣ Хоръ-ба, но не далѣе къ югу.

[6]) Рѣчка Манасъ и урочище того же имени близъ устья р. Параулъ-озень. Оба въ Дагестанѣ.

Бар. Каульбарсъ („Низовья Аму-дарьи“ въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.“, IX) упоминаетъ о колодцѣ Манасъ въ пескахъ Кара-кумъ.

его заселеніи. Крайне странно при этомъ дисгармонировали съ окружавшимъ ихъ запустеніемъ одиноко возвышавшіеся среди безформенныхъ массъ глины пестрые «таны» [1]), неизвѣстно почему пощаженные дунганами, китайцами и туркестанцами. Одинъ такой «танъ», уже на въѣздѣ въ предмѣстье, особенно поразилъ меня своей величиной и превосходной работой: онъ былъ искусно составленъ изъ цвѣтныхъ изразцовъ, чего я раньше нигдѣ не встрѣчалъ.

Манасъ, официальное названіе котораго Суй-лай, состоитъ изъ трехъ примыкающихъ другъ къ другу и вытянутыхъ вдоль рѣки съ юга на сѣверъ небольшихъ городовъ [2]).

Южный, административный и военный, занимаетъ почти квадратную площадь и въ сторонѣ имѣетъ не болѣе полуверсты; его стѣны массивны и достигаютъ десяти аршинъ высоты; воротъ четверо, по одному на каждую сторону; они построены по общему типу и увѣнчаны обычными крылатыми деревянными башнями; южныя всегда закрыты, а сѣверныя выходятъ въ мусульманскій городъ, занимающій еще мéньшую площадь, чѣмъ военный; онъ сливается съ третьимъ городомъ, представляющимъ въ настоящемъ своемъ видѣ не болѣе, какъ стѣну, опоясывающую груды развалинъ. Въ этомъ третьемъ городѣ никто не живетъ, и совершенно непонятно, почему китайцамъ вздумалось обводить стѣной такой мертвый участокъ. Эта стѣна, какъ и старая, ветхая стѣна мусульманскаго города, подведена подъ высоту стѣны военнаго, но много ея тоньше и не снабжена башнями; ворота въ ней безъ внутреннихъ двориковъ и, за исключеніемъ южныхъ, задѣланы наглухо. Издали всѣ три города сливаются воедино и представляютъ прямоугольникъ, имѣющій въ длинной сторонѣ около семисотъ саженъ. Съ востока онъ отчасти заслоненъ предмѣстьемъ, которое примыкаетъ къ стѣнѣ средняго, мусульманскаго, города и представляетъ непосредственное продолженіе его главной улицы, пересѣкающей городъ съ запада на востокъ.

Въ этомъ предмѣстьи, застроенномъ танями, лавками съ съѣстными припасами, кузницами и тому подобными заведеніями, мы и

---

[1]) Объясненіе этого слова см. въ т. II, стр. 200.

[2]) Абсолютная высота этого города равняется 1,479 фт. Эта цифра составляетъ среднюю изъ слѣдующихъ величинъ:

Роборовскій.	1,529 фт.
Обручевъ.	1,509 „
Галкинъ	1,400 „

остановились, посвятивъ остатокъ дня осмотру достопримѣчательностей города. Такихъ впрочемъ не оказалось. Манасъ выглядѣлъ такимъ же шаблоннымъ городомъ, какъ и всѣ видѣнные нами доселѣ въ Китаѣ. Населеніе его намъ опредѣлили въ 8—10 тысячъ, изъ коихъ большинство составляли китайцы; дунгане занимали большую часть пригорода, но жили и въ мусульманскомъ городѣ, въ общемъ же число ихъ не превышало 3—4 тысячъ душъ; таранчей же насчитывалось и того меньше, что-то около тысячи душъ. Но если въ городѣ китайцы и преобладали, то того же нельзя сказать объ окрестныхъ селеніяхъ, гдѣ первенство, безъ сомнѣнія, принадлежало дунганамъ.

О Манасскомъ оазисѣ китайцы пишутъ, что «его заливныя поля славятся рисомъ» [1]). Дѣйствительно, рисъ составляетъ главную статью дохода мѣстныхъ жителей, которые посылаютъ его не только въ сѣверные и восточные округа Джунгаріи, но даже и за Тянь-шань, въ Хами и Турфанъ, гдѣ онъ съ успѣхомъ конкурируетъ съ лучшими сортами гаотайскаго и аксуйскаго риса. Другіе же хлѣба Манаса не находятъ себѣ спроса за предѣлами оазиса, если не считать случайныхъ отправокъ пшеничной муки на урумчійскій рынокъ и въ горы, къ калмыкамъ. Хорошо родятся въ Манасѣ также кунжутъ (Sesamum indicum) [2]) и хлопокъ, но послѣдняго почему-то разводятъ мало. Оба продукта, а также опіумъ и табакъ горныхъ селеній, имѣютъ всегда обезпеченный сбытъ на рынкахъ Бэй-лу и въ частности въ Урумчи. Люцерны въ Манасѣ не сѣютъ, предпочитая кормить лошадей и муловъ пересыпаннымъ отрубями рубленымъ молодымъ камышомъ пополамъ съ просяной соломой. Дыни и арбузы здѣсь второстепеннаго качества, винограда же не имѣется вовсе. Говорятъ, онъ весь повымерзъ во время смутъ начала семидесятыхъ годовъ. Тута (Morus alba) въ окрестностяхъ Манаса я также не видѣлъ, изъ чего приходится заключить, что даже въ періоды своего процвѣтанія городъ этотъ не зналъ шелководства. Равнымъ образомъ мѣстные жители не были знакомы съ культурой марены (Rubia tinctorum), разведеніе которой, встрѣчая

---

[1]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 467.

[2]) Употребленіемъ для выжимки изъ кунжутныхъ сѣмянъ масла крайне несоверш енныхъ неуклюжихъ приборовъ и плохой затѣмъ его очисткой только и можно объяснить тотъ фактъ что продуктъ этотъ, идущій въ Марселѣ и Генуѣ для фальсификаціи прованскаго масла, въ Китаѣ отличается крайне непріятнымъ вкусомъ и запахомъ; тѣмъ не менѣе онъ тамъ въ бо льшомъ употребленіи и идетъ не только для кухни, но и находитъ примѣненіе въ конди терскомъ производствѣ.

конкуренцію со стороны искусственнаго ализарина, замѣтно впрочемъ падаетъ и въ оазисахъ Восточнаго Туркестана.

Основаніе описываемому городу положено было въ 1763 г. [1]) постройкой крѣпосцы на правомъ берегу рѣки Манасъ. Тринадцать лѣтъ спустя крѣпосца была упразднена, а на ея мѣстѣ выстроенъ былъ уѣздный городъ Суй-лай [2]). Границами уѣзда служили на западѣ—р. Куйтунъ [3]), на востокѣ—Лао-шань-хэ. Въ періодъ мусульманской инсуррекціи Манасъ прославился своей геройской защитой; онъ палъ, не исчерпавъ всѣхъ средствъ къ защитѣ, благодаря измѣнѣ дунганина Мади, предавшаго юань-шуай'я Си [4]) китайцамъ.

Мы выступили въ дальнѣйшій путь 28 октября при морозѣ въ 20°. Рѣку Манасъ мы встрѣтили въ ста саженяхъ отъ городской стѣны. Она бѣжала стремительно, порывисто даже, одной волной набѣгая на другую и производя странный шумъ, отзвукъ котораго поразилъ насъ, едва мы выѣхали за городскія ворота; онъ происходилъ отъ крошившихся льдинъ, разбивавшихся другъ о друга, объ устои моста и берега. Этотъ первый, самый глубокій и сильный рукавъ Манаса не имѣетъ брода подъ городомъ. Онъ течетъ здѣсь въ крутыхъ берегахъ и, при ширинѣ въ 7—8 саженъ, достигаетъ въ фарватерѣ глубины 4-хъ аршинъ въ половодье и 2-хъ въ холодное время года [5]). Выстроенный черезъ него мостъ имѣетъ въ длину десять саженъ и покоится на крѣпкихъ устояхъ, защищенныхъ ледорѣзами.

---

[1]) Первое извѣстіе о р. Манасъ получено было въ Россіи въ 1760 г. (Показаніе Шахназарова, въ „Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, I, стр. 518).

[2]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 467.

[3]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 466. Нынѣ Манасскій уѣздъ простирается лишь до Ань-цзы-хай'я („Синь-цзянъ-дао-ли-бяо“, стр. 129, Успенскій, l. c., стр. 199).

[4]) Въ т. I (стр. 132) я ошибочно писалъ анъ-шай Си. Юань-шуай значитъ, по объясненію Успенскаго („Возстаніе дунганъ въ Манасѣ“, стр. 44), предводитель возстанія.

[5]) Какъ видно изъ даваемаго Обручевымъ описанія р. Манасъ (op. cit., II, стр. 652), онъ не видалъ этого рукава, что можно объяснить развѣ тѣмъ, что путь свой по южной Джунгаріи онъ совершилъ, сидя въ телѣгѣ. Но тогда не слѣдовало бы и писать, что собранныя имъ свѣдѣнія о рѣкѣ Манасъ „противорѣчатъ даннымъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло, который говоритъ, l. c., т. I, стр. 108, что одинъ изъ рукавовъ Хусты у Манаса вовсе не проходимъ въ бродъ“. Пѣвцовъ такъ пишетъ (op. cit., стр. 371) о рѣкѣ Манасъ: „Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли, она имѣла почти сажень глубины и до двадцати саженъ ширины и была покрыта льдомъ только у береговъ“. Галкинъ также говоритъ, что восточный рукавъ Манаса (протекающій близъ города) трудно проходимъ въ бродъ, а съ весны и вовсе непроходимъ (op. cit., стр. 114). По разспроснымъ свѣдѣніямъ капитана Тихменева, передъ городомъ Манасомъ протекаетъ рѣка, переправа черезъ которую въ бродъ въ іюнѣ мѣсяцѣ невозможна (цитировано по Костенко—„Чжунгарія“ въ „Сборникѣ геогр., топогр. и статист. матеріаловъ по Азіи“, XXVIII, стр. 178).

Всѣ цитированныя выше сочиненія вышли задолго до появленія книги г. Обручева.

До слѣдующаго многоводнаго протока Манаса оказалось 4½ версты, которыя мы шли большею частью галечникомъ, поросшимъ мѣстами мирикаріями и облѣпихой. Но сай тянулся и дальше, при чемъ самый крупный булыжникъ оказался именно въ западномъ его борту, гдѣ протекалъ одинъ изъ незначительнѣйшихъ манасскихъ рукавовъ.

На одиннадцатой верстѣ отъ Суй-лай'я мы вступили въ большое селеніе Ши-хэ-цзи со смѣшаннымъ населеніемъ. Имъ закончился Манасскій оазисъ [1]), а дальше дорога выходила на солонцовую степь, поросшую камышомъ. Въ болѣе сухихъ мѣстахъ къ этимъ камышамъ примѣшивался чій (Lasiagrostis splendens) и кустарникъ, иногда кое-гдѣ виднѣлись даже группы деревьевъ, тѣмъ не менѣе, благодаря отсутствію проточной воды, мѣстность эта оказалась непригодной для осѣдлаго человѣка; по крайней мѣрѣ, проходя ею, мы нигдѣ не замѣтили слѣдовъ старой культуры.

Камышами мы шли верстъ пятнадцать до карагачеваго лѣса, орошаемаго восточнымъ рукавомъ р. Уланъ-усу или Гинь-чжа-хо [2]). Лѣтомъ буйная, многоводная, она теперь совсѣмъ пересохла, и о ея недавнемъ существованіи свидѣтельствовали теперь лишь до дна промерзшія лужи. Говорятъ, что такое пересыханіе—явленіе обычное для этой рѣки и что жители раскинувшагося тутъ небольшого селенія пользуются въ холодное время года почти исключительно водою близъ лежащихъ солоноватыхъ ключей.

Въ этомъ селеніи мы остановились, чѣмъ братъ и воспользовался, чтобы поохотиться на водившихся тутъ фазановъ; дорогой же мы то и дѣло вспугивали чилей (Perdix barbata, Verr. et des Murs), не малое число коихъ и легло подъ мѣткими выстрѣлами нашихъ ретивыхъ охотниковъ. Зато другихъ осѣдлыхъ птицъ почти не встрѣчалось, такъ что въ этотъ день, напримѣръ, наша орнитологическая коллекція обогатилась всего однимъ экземпляромъ красивой хохлатки—свиристеля (Ampelis garrulus, L.).

Въ теченіе всего дня морозъ былъ сильный, обѣщавшій очень холодную ночь; но послѣ 3 часовъ пополудни небо подернулось облаками, слабый западный вѣтеръ стихъ, и вечеромъ температура

---

[1]) Селеніе Ши-хэ-цзи расположено на рѣчкѣ, русло которой соединено арыкомъ съ русломъ р. Манасъ.

[2]) См. т. I, стр. 85 и слѣд.

Первое извѣстіе объ этой рѣкѣ получено было въ Россіи въ 1760 году. См. „Записки Имп. Русск. Геогр. Общ.", I, стр. 517.

*

опустилась едва на одинъ градусъ противъ дневного максимума —12°. Утро 29 октября настало также тихое, ясное, хотя и морозное. Къ сожалѣнію, горы все еще оставались въ облакахъ, что мѣшало брату засѣчь знакомыя вершины и тѣмъ вывѣрить свою съемку.

Такъ какъ на сегодня намъ предстоялъ большой переходъ, что-то свыше 40 верстъ, то мы выступили со станціи едва забрезжилось утро. За лѣсомъ мы вышли на поляну съ рѣдкимъ кустарникомъ, пройдя же ее, вновь углубились въ лѣсъ, который сопровождалъ дорогу на протяженіи послѣдующихъ пятнадцати верстъ. На этомъ участкѣ пути мы прошли дунганское селеніе У-ко-шу и два китайскихъ—Сань-дао-хо и У-дао-хо, не считая многихъ отдѣльно расположенныхъ хуторовъ. Всѣ эти поселенія пользуются водою ключей и только отчасти водою западнаго рукава рѣки Уланъ-усу, что дѣлаетъ непонятными нижеслѣдующія строки дневника Успенскаго отъ 1 сентября. Вступивъ въ карагачевыя заросли, «мы уже не ѣхали, а, можно сказать, плыли. За р. Тоу-дао-хэ слѣдовала сряду рѣчка Эрлъ-дао-хэ со множествомъ рукавовъ, протоковъ и арыковъ, которые пересѣкали дорогу на каждыхъ 50—100 саженяхъ, и такъ пришлось пробираться вплоть до полустанка Сань-дао-хэ (третья рѣчка). Около У-ко-шу было, *при бездождіи во все лѣто*, столько воды, что образовались прямо непролазныя топи, и намъ долго пришлось пробиваться и колесить въ розыскахъ твердаго грунта. На ночлегъ мы остановились въ селеніи Уланъ-усу» [1]).

Откуда эта вода? Читатель, конечно, помнитъ, что въ передній путь мы шли подгорьемъ Эрѣнь-Хабирга и что тамъ, между Хоргосомъ и Уланъ-усу, мы не встрѣтили иной проточной воды, кромѣ двухъ ничтожныхъ ручьевъ, стекавшихъ въ послѣднюю изъ названныхъ рѣкъ [2]). Что же касается этой послѣдней, то по количеству воды она едва заслуживаетъ названіе рѣки, и только стремительность ея теченія и обиліе крупныхъ валуновъ дѣлаютъ переправу черезъ нее въ половодье дѣломъ опаснымъ. Впрочемъ, если вѣрить запискѣ капитана Тихменева, она должна временами дѣйствительно нести много воды [3]).

---

[1]) Op. cit., стр. 200.
[2]) См. т. I, стр. 79 и слѣд.
[3]) Костенко, op. cit., стр. 178.

У селенія У-дао-хо лѣсъ кончается, и дорога выходитъ на совершенно безплодную каменистую степь, представляющую послѣдній уступъ плоской возвышенности, отдѣляющей долину Уланъусу отъ Аньцзыхайской. Этой степью мы шли восемнадцать верстъ до оазиса Ань-цзы-хай, орошеннаго водами Хоргоса.

Успенскій задается вопросомъ, откуда взялось это названіе для рѣки Ань-цзы-хай, неизвѣстное, будто-бы, ни китайской географіи, ни мѣстнымъ жителямъ, и высказываетъ догадку, что такъ какъ «Хоргосъ—то же, что Урга, а Урга или Оргö значитъ дворецъ или княжеская ставка, и такъ какъ путешественникъ XII вѣка Чанъ-чунь нашелъ въ этихъ мѣстахъ ставки монголо-тюркскихъ князей, и даже большой городъ (Чонъ-балыкъ), то не мудрено, что за рѣками, на которыхъ стояли эти ставки, сохранились названія Хоргосовъ» [1]).

На это я возражу, что, во первыхъ, путешественникъ Чанъчунь, сказать кстати—XIII, а не XII вѣка, встрѣтилъ городъ Чанъбали или Чжанъ-балыкъ (а не Чонъ-балыкъ) много восточнѣе [2]), во вторыхъ, никакихъ ставокъ монголо-тюркскихъ князей въ этихъ мѣстахъ онъ не только не нашелъ, но и найти не могъ, такъ какъ въ его время южной Джунгаріей еще всецѣло владѣли уйгуры, добровольно признавшіе надъ собой власть Чингисъ-хана, въ третьихъ наименованіе Хоргосъ для рѣки Ань-цзы-хай было не безъизвѣстно въ прежнее время китайцамъ и, въ частности, составителямъ «Синь-цзянъ-чжи-лё» [3]), и, наконецъ, въ четвертыхъ, названіе это мы сами слышали отъ калмыковъ и китайцевъ подгорныхъ селеній.

Въ Ань-цзы-хай'ѣ мы остановились [4]). Это—значительное придорожное мѣстечко съ небольшимъ базаромъ вдоль главной улицы. Позади его возвышаются стѣны полуразрушеннаго импаня, въ которомъ ютится до десятка солдатъ, несущихъ исключительно почтовую службу. Отъ одного изъ нихъ мы узнали, что къ западу отъ Лао-чэн'а хозяйничаетъ шайка грабителей, успѣвшая уже терроризовать окрестное населеніе. На наше замѣчаніе, что мы ихъ

---

[1]) Op. cit., стр. 199.

[2]) См. выше, стр. 296.

[3]) St. Julien—„Hydrographie de la nouvelle frontière", стр. 48. Перечисляя рѣки къ западу отъ Урумчи, авторы „Синь-цзянъ-чжи-лё" называютъ однако и р. Хоргосъ и р. Ань-цзы-хай, считая ихъ, повидимому, разными рѣками.

[4]) Согласно даннымъ Обручева (op. cit., II, стр. 653), абсолютная высота этого пункта (Янъ-джи-хэ) равна 1853 фт.

не боимся, разсказывавшій недовѣрчиво покачалъ головой: «Не говорите! вы полагаетесь на свои ружья, но при нападеніи изъ засады они будутъ не болѣе пригодны, чѣмъ обыкновенныя палки!»

Едва мы на слѣдующій день выступили изъ селенія, какъ столкнулись съ табуномъ дикихъ козъ (Cervus capreolus), но животныя успѣли скрыться въ чащѣ лѣса скорѣе, чѣмъ наши охотники приготовиться къ выстрѣламъ. Въ Ань-цзы-хай'ѣ намъ жаловались на волковъ, но этихъ хищниковъ мы конечно не встрѣтили. Зато настрѣляли фазановъ и птицъ для коллекціи: Uragus sibiricus, Pall., Emberiza buchanani, Blyth., и Turdus atrigularis, Temm.

Лѣсъ кончился на четвертой верстѣ отъ селенія, не переходя на лѣвый берегъ Хоргоса. Послѣдній широко раскинулся тутъ своими въ это время года сухими протоками, да и почва лѣса—галечникъ и сѣрый илистый песокъ ясно свидѣтельствовали, что нѣкогда вся мѣстность до Ань-цзы-хай'я была саемъ рѣки.

За Хоргосомъ дорога пошла дресвяной степью, весьма скудно поросшей саксауломъ, а кое-гдѣ и мелкой полынью и ковылемъ, о которомъ свидѣтельствовали теперь лишь остатки желтыхъ комлей; но вскорѣ и такая растительность изчезла. Дорога вышла здѣсь на плоскій водораздѣлъ между Итхана-Анчха и Хоргосомъ, который слагалъ тотъ же матеріалъ, что и почву степи: мелкая галька, гравій и глинистый желтый песокъ; впрочемъ, далѣе къ западу изъ-подъ снѣга сталъ обнажаться и лёссъ.

Русло Итхана-Анчха оказалось сухимъ, и хотя на правомъ его берегу и расположилась станція Сань-ши-ли-цюань-цзы [1]), но существованіе ея обезпечивалъ колодецъ, а не рѣка.

Рѣку Итхана-Анчха и два ея притока—Уласта и Пичкана Анчха мы имѣли случай видѣть лѣтомъ минувшаго года [2]). Всѣ три были многоводны и при сліяніи должны были составить потокъ, много бо́льшій Уланъ-усу или Хоргоса; между тѣмъ, Успенскій уже въ концѣ августа нашелъ его русло совершенно сухимъ; не упоминаетъ о водѣ и капитанъ Галкинъ. А такъ какъ селеній, которыя могли бы использовать эту воду, къ югу отъ дороги не видно, то остается предположить, что она цѣликомъ уходитъ подъ кон-

---

[1]) У Обручева Сы-ши-ли-дянь (op. cit., II, стр. 654), у Успенскаго (l. c.)—Сы-ши-ли-ды-цзинъ-цзы, т. е. „колодецъ на 40 ли".

[2]) См. т. I, стр. 71 и слѣд.

гломератную почву подгорья Тянь-шан'я, подобно Саиръ-кира, Керичину, Кокъ-яру, Ламбаху (Утынъ-аузе) и другимъ рѣкамъ Хами и Турфана.

Пройдя логъ Итхана-Анчха, мы вновь поднялись на плоскій глинисто-песчаный увалъ, съ вершины котораго уже были видны верстахъ въ пяти впереди куйтунскіе камыши. Селеніе Куйтунъ, въ которомъ мы остановились, расположено на ихъ восточной окраинѣ и состоитъ изъ обширнаго импаня, кумирни и вытянувшихся улицей вдоль дороги двухъ десятковъ домовъ. Когда-то это поселеніе было обширнѣе, но, повидимому, благосостояніе его жителей и тогда больше покоилось на заработкахъ, связанныхъ съ выгоднымъ положеніемъ при большой дорогѣ [1]), чѣмъ на земледѣліи, такъ какъ въ проточной водѣ здѣсь всегда испытывался недостатокъ. Цѣны на жизненные припасы въ Куйтунѣ были сравнительно высоки.

На слѣдующій день мы прибыли въ городъ Куръ-кара-усу, до котораго оказалось не болѣе 22 верстъ [2]).

Къ западу отъ Куйтуна верстъ на пять шли сазистыя, ключевыя мѣста, поросшія камышомъ; дальше же грунтъ сталъ тверже, и изъ-подъ снѣга стали все чаще и чаще показываться галька и лёссовидная глина, а вмѣстѣ съ ними чій и полынь. На восьмой верстѣ мы прошли мимо пикета, на тринадцатой же спустились на загроможденный крупной галькой, широкій плёсъ рѣки Куйтунъ, Кійтынъ или Куръ-хэ. Въ ней мы нашли еще много воды, покрытой льдомъ только у береговъ [3]).

---

[1]) Отъ Куйтуна отходитъ дорога на г. Чугучакъ. Теперь ею пользуются только караваны, идущіе изъ Урумчи, но нѣкогда черезъ этотъ пунктъ проходила и почтовая дорога изъ Кульчжи въ Тарбагатайскій край. См. „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 463.

[2]) Галкинъ опредѣляетъ это разстояніе въ 26 верстъ; но онъ шелъ на Шп-хо, а не на Куръ-кара-усу; сверхъ того почти всѣ расчеты разстояній, приводимые этимъ путешественникомъ, соотвѣтственно больше нашихъ. Что же касается китайскихъ дорожниковъ, опредѣляющихъ это разстояніе въ 80—90 ли, то мы уже видѣли, какъ мало надежны ихъ цифры. Дальнѣйшимъ тому подтвержденіемъ служитъ сравненіе слѣдующихъ данныхъ:

	Мэнъ-гу-ю-му-цзи.	Синь-цзянъ-дао-ли-бяо.	Грумъ-Гржи-майло.
Куйтунъ	0	0	0
Куръ-кара-усу.	80 ли	90 ли	22 вер.
Бургацзи	70 „	70 „	25½ „
Дунь-муда	60 „	60 „	
Гурту.	70 „	70 „	39 „
Тодокъ (Ту-ду)	60 „	50 „	32½ „
Гашунь (Ша-цюань-цза).	70 „	75 „	
Цзинъ-хэ.	80 „	50 „	56 „

[3]) Нѣкоторыя данныя, относящіяся къ этой рѣкѣ, читатель найдетъ въ т. I, стр. 69.

Рѣка Куйтунъ служитъ восточной границей оазиса Ши-хо, который, благодаря частью сазистой, частью солонцовой почвѣ, не отличается, какъ говорятъ, особеннымъ плодородіемъ; впрочемъ, здѣсь культивируютъ тѣ же растенія, что и въ Манасскомъ оазисѣ.

Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» говорится, что рѣка Куйтунъ, по выходѣ изъ горъ, выдѣляетъ на западъ арыкъ, извѣстный подъ именемъ Шу-во-цза-шанъ-ху [1]). Арыка этого я не видѣлъ, но къ западу отъ города Куръ-кара-усу протекаетъ ручей въ широкомъ логу, который обходитъ городъ съ юго-запада и направляется затѣмъ къ юго-востоку. Логъ мѣстами напоминаетъ старицу, и возможно, что о немъ-то и говоритъ намъ китайскій источникъ. Крупный арыкъ пересѣкли мы также на второй верстѣ отъ р. Куйтуна, но другихъ оросительныхъ сооруженій вдоль дороги вовсе не было видно, изъ чего приходится заключить, что если населеніе Шихоскаго оазиса и пользуется въ большихъ размѣрахъ водою Куйтуна, то развѣ только гдѣ нибудь къ сѣверу отъ дороги. Дѣйствительно, тотъ же китайскій источникъ называетъ намъ два арыка, выведенныхъ тамъ изъ этой рѣки—Минь-ху и Хэ-янь-цза-шанъ-ху. Имѣются-ли въ Шихоскомъ оазисѣ, сверхъ водъ Куйтуна, также и другіе источники орошенія, я не знаю, но о существованіи болотъ и сазовъ къ сѣверу отъ города мнѣ говорили, да и самое названіе оазиса—Ши-хо, въ пекинскомъ произношеніи Си-ху, что значитъ «западное болото», указываетъ на то же. Городъ пользуется водою ключей, слишкомъ слабыхъ, чтобы сложиться въ ручей [2]).

Первыя версты за рѣкой Куйтуномъ дорога бѣжитъ по лёссовидной почвѣ, скудно поросшей чіемъ, Alhagi camelorum, Glycyrrhiza sp., Peganum harmala, Sophora alopecuroides и Chenopodium sp., затѣмъ среди пашенъ и, наконецъ, выходитъ на эспланаду города Куръ-кара-усу, представляющаго почти правильный ква-

---

[1]) Стр. 467.

[2]) Въ „Си-юй-ши-ди“ говорится: „Въ двухъ слишкомъ ли на западъ отъ Куръ-кара-усу находится небольшое возвышеніе въ формѣ котла; въ серединѣ его есть озеро съ чрезвычайно холодною водой, глубиною въ нѣсколько саженъ. Уровень воды въ немъ никогда не измѣняется. Каждое лѣто со дна его подымаются бѣлые ненюфары, цвѣты которыхъ нѣсколько меньше обыкновенныхъ, хотя между ними попадаются иногда экземпляры величиной съ чайную чашку; но зато стебли ихъ имѣютъ въ длину отъ 10 до 20 футовъ“ („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 468).

Никто изъ мѣстныхъ жителей не намекнулъ мнѣ даже о существованіи въ ближайшихъ окрестностяхъ Куръ-кара-усу такого страннаго водоема.

дратъ, сторона котораго имѣетъ не болѣе двухсотъ саженъ въ длину. Только что выведенныя стѣны его не имѣли башенъ и казались не столь высокими и массивными, какъ манасскія. Мы познакомились съ нимъ ближе впослѣдствіи, но я теперь же замѣчу, что внутри онъ выглядѣлъ еще совершенной пустыней; зато въ обширномъ предмѣстьи, примыкающемъ къ его сѣверной стѣнѣ и заселенномъ таранчами, дунганами, калмыками и китайцами, жизнь била ключемъ.

Подъ стѣнами Куръ-кара-усу, близъ импаня конной лянзы, выстроеннаго противъ сѣверо-восточнаго угла города, мы были встрѣчены представителями мѣстнаго русскаго купечества, которые хотѣли было вести насъ на одинъ изъ занимаемыхъ ими дворовъ, но мы предпочли платное помѣщеніе и выбрали чистенькій тань, гдѣ и устроились съ возможнымъ для насъ комфортомъ: въ Куръ-кара-усу мы должны были дневать ради лошадей, которыя вновь прошли безъ отдыха свыше 250 верстъ (700 ли).

Китайцы обосновались въ Куръ-кара-усу еще въ VII вѣкѣ, когда изъ земель, лежавшихъ къ западу отъ Манаса, образовано было особое намѣстничество, носившее названіе Шуанъ-хэ-ду-ду-фу [1]). Время его упраздненія въ точности неизвѣстно, но вѣроятно оно предшествовало паденію Бэй-тин'а (въ 720 году). Засимъ въ теченіе послѣдующаго тысячелѣтія китайцы уже не проникали такъ далеко вглубь Джунгаріи и берега Куйтуна не переставали быть достояніемъ кочевниковъ. Сомнительно даже, распространяли ли сюда когда либо свою власть идикоты Уйгуріи. Правда, китайскій посолъ Ванъ-Янь-дэ доносилъ, что владѣнія уйгуровъ простирались на западъ до земли асовъ [2]), т. е. алановъ, но въ дѣйствительности этого, конечно, не могло быть, такъ какъ аланы въ концѣ X вѣка жили на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, причемъ владѣнія ихъ къ востоку едва ли распространялись за Волгу [3]). Ванъ-Янь-дэ очевидно впалъ здѣсь въ ошибку. Исторія

---

[1]) Іакинфъ—„Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Ср. Азіи въ древнія времена", III, геогр. указ., стр. 83 и 105.

[2]) „A l'ouest, le territoire va jusqu'au pays des Asi, c'est-à-dire jusqu'aux frontières occidentales de la Chine sous les Thang" (St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers", III, въ „Journal Asiatique", 4 série, 1847, IX, стр. 64). Григорьевъ („Восточный или Китайскій Туркестанъ", стр. 272) ошибочно пишетъ: „На западъ страна простирается до самыхъ Ань-си".

[3]) Klrproth—„Asia polyglotta", стр. 85. См. также Bretschneider—„Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources", II, стр. 84 и слѣд.; его же—„Notices of the Mediaeval Geo-

Уйгуріи намъ вообще мало извѣстна, не подлежитъ однако сомнѣнію, что большой политической силы государство это никогда не имѣло. Въ началѣ XII вѣка идикотъ Биликъ-багъ почелъ себя даже настолько слабымъ, что не рѣшился оказать сопротивленія Ѣлюй-даши и купилъ свою независимость, предоставивъ въ распоряженіе предпріимчиваго киданьца необходимое количество вьючнаго скота и жизненныхъ припасовъ; засимъ онъ проводилъ его за предѣлы своихъ владѣній. Какъ далеко простирались они на западъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ Джувейни: Гуръ-ханъ (Ѣлюй-даши) «прибылъ сначала къ предѣламъ земли кэргизовъ, но, видя, что они стараются противустоять ему, повернулъ къ землѣ Имильской, гдѣ и основалъ городъ» [1]). Всего допустимѣе, что, слѣдуя южной Джунгаріей, онъ дошелъ до Куйтуна, гдѣ и свернулъ къ Тарбагатаю, на рѣку Эмиль, такъ какъ, перейди онъ хотя бы за Джунгарскій Ала-тау, такой поворотъ уже былъ бы мало понятенъ. Въ ставшей мнѣ доступной китайской исторической литературѣ я нашелъ только одно указаніе, относящееся къ западной границѣ Уйгуріи; оно касается Манаса, при Сунской (960—1280) и Юаньской (1206—1368) династіяхъ входившаго въ составъ земель этой послѣдней [2]).

Подъ именемъ Цинъ-суй-чэн'а Куръ-кара-усу основанъ былъ въ 1781 году [3]). Во время дунганской смуты онъ былъ разрушенъ, но китайскій его гарнизонъ успѣлъ не только укрѣпиться въ ближайшемъ импанѣ Ши-хо (Си-ху), но и продержаться тутъ до прихода войскъ Цзо-цзунъ-тан'а. Современный городъ, извѣстный у простонародья подъ именемъ Лао-чэн'а, т. е. стараго города, а въ официальныхъ сферахъ подъ именемъ Канъ-суй-чэн'а [4]), законченъ былъ постройкой вчернѣ лишь въ 1888 году, когда сюда и перенесено было управленіе округомъ [5]).

---

graphy and History of Central and Western Asia drawn from Chinese and Mongol writings and compared with the observations of western authors in the Middle ages", стр. 180 и слѣд. Neumann—„Die Volker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung", гл. 2.

[1]) Григорьевъ, op. cit., стр. 289.

[2]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр, 467.

[3]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 466.

[4]) Матусовскій—„Географическое обозрѣніе Китайской Имперіи", стр. 231. Успенскій пишетъ однако: „Новый городъ, какъ и бывшій старый, официально называется Цинъ-суй-чэнъ" (op. cit., стр. 198).

[5]) Матусовскій (l. c.) называетъ его окружнымъ; у Успенскаго однако читаемъ: „Въ административномъ отношеніи Си-ху считается инородческимъ приставствомъ (тинъ), такъ какъ большую часть его населенія представляютъ торгоуты вѣдѣнія цзюнь-вана и главы торгоутскаго ламаизма—Цаганъ-гэгэна (op. cit., стр. 196). Приставствомъ называетъ округъ Куръ-кара-усу и „Синь-цзянъ-дао-ли-бяо".

Куръ-кара-усу, расположенный въ узлѣ дорогъ, ведущихъ въ Тарбагатай, Кульчжу и Урумчи, имѣетъ большое стратегическое значеніе, вполнѣ оцѣненное и китайцами, сосредоточившими какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ отрядъ значительной силы: два ци (знамени) пѣхоты и четыре ци кавалеріи, а всего 1,240 солдатъ.

Предмѣстье Куръ-кара-усу по площади не велико, но очень тѣсно застроено. Богатыхъ лавокъ въ немъ много, и всѣ онѣ, какъ говорятъ, недурно торгуютъ. Особенно ходко идетъ китайскій товаръ: шелковая и бумажная мануфактура, готовое платье и сапоги, чай, табакъ, трубки, флаконы для нюхательнаго табака, фаянсовая посуда и проч. Не жаловались на дѣла и мѣстные русскіе торговцы, имѣвшіе здѣсь въ 1890 году двадцать лавокъ съ общимъ оборотомъ въ полтораста тысячъ рублей [1]).

Абсолютная высота города равняется 1,847 футамъ [2]).

---

[1]) Цѣны на жизненные припасы стояли въ это время въ Куръ-кара-усу слѣдующія: 1 шэнъ соли—2 фыня, 1 гинь (джинъ) русскаго сахара 2 цяня 5 фыней, 1 доу риса 4 цяня 8 фыней, 1 гинь хлѣба изъ лучшей муки 6 фыней, 1 гинь мяса (бараньяго) 6 фыней, кирпичъ чая 7 цяней 5 фыней, 1 доу гороха 2 цяня 5 фыней, 100 сноповъ (небольшихъ) просяной соломы 2 ляна 5 цяней.

[2]) Кромѣ насъ, абсолютную высоту Куръ-кара-усу опредѣляли слѣдующія лица: Ларіоновъ, дающій для этого пункта цыфру—1,700 фт. (баром.) и Обручевъ—1,280 фт. (анер.).

ГЛАВА XIV.

Послѣдніе дни въ предѣлахъ Китая.

Въ тихое, пасмурное утро 2 ноября мы покинули нашъ послѣдній этапъ.

У кумирни, которая возвышается при выѣздѣ изъ предмѣстья, мы простились съ явившимися проводить насъ купцами, затѣмъ проѣхали логъ съ замерзшимъ ручьемъ и вышли на степь, замѣтно приподнятую надъ долиной Куйтуна. Сперва пустынная, она вскорѣ оживилась группами карагачей, которые сливались далѣе въ сплошной лѣсъ. Это былъ небольшой оазисъ Гань-хэ, обязанный своимъ происхожденіемъ рѣчкѣ Тосту-голъ или Гань-хэ, отъ которой остались теперь въ глубокомъ логу однѣ лишь промерзшія лужи.

Къ западу отъ нея мы вновь вышли на степь, которая на этотъ разъ тянулась верстъ на шесть, до одинокаго постоялаго двора, стоявшаго на краю обширнаго тростниковаго займища. Здѣсь, среди низкорослаго карагача, собака навела насъ на фазановъ, стрѣльба по которымъ затѣмъ уже не прекращалась вплоть до вступленія каравана въ большое селеніе Пуртаджи (Бургацзи), гдѣ мы и остановились. Кромѣ фазановъ, на этомъ перегонѣ нашимъ охотникамъ посчастливилось убить одну антилопу (G. subgutturosa) и съ десятокъ чилей (Perdix barbata).

Въ Пуртаджи слухи объ участившихся разбойничьихъ нападеніяхъ на караваны получили бóльшую опредѣленность. Къ намъ явились даже наши извощики съ предложеніемъ выждать попутчиковъ: на большой-де караванъ киргизы напасть призадумаются!

Излишне, конечно, говорить, что предложеніе это не было принято, и что на слѣдующій день мы покинули Пуртаджи въ обычное время.

Это селеніе расположилось на правомъ берегу р. Баинъ-гола [1]; пашни тянулись еще на протяженіи трехъ верстъ, а затѣмъ дорога вышла на солонцовую степь, орошенную рѣкой Джиргалты [2]. Послѣднюю мы прошли по льду и, выбравшись на ея высокій лѣвый берегъ, очутились въ виду богатаго лѣсомъ оазиса Сы-ко-шу или Сыкошуръ [3]).

Сы-ко-шу населенъ китайцами, но въ деревнѣ мы застали не мало и пришлыхъ торгоутовъ вѣдомства цзюнь-вана, зимняя ставка котораго находилась на берегу рѣки Джиргалты верстахъ въ семи къ сѣверу отъ дороги. Нѣкоторые изъ нихъ насъ опознали, но намъ теперь было не до бесѣдъ, такъ какъ мы торопились засвѣтло добраться до пикета Гурту.

Къ западу отъ селенія лѣсъ измельчалъ и мало по малу перешелъ въ кустарную поросль, гдѣ рядомъ съ лозой, караганой, пустыннымъ шиповникомъ (Rosa elasmacantha, Trautv.) и облѣпихой подымался тогракъ, саксаулъ, кургунъ (Halostachys caspia, Pall.) и Tamarix. Одновременно почва получила бугристый характеръ и изъ суглинистой стала супесчаной. Сѣро-желтаго цвѣта, тонкоизмельченная, сильномарающая, съ частыми выцвѣтами соли, она въ

---

[1]) Обручевъ (op. cit., II, стр. 655) ошибочно считаетъ Баинъ-голъ правымъ рукавомъ Джиргалты. Это, вѣроятно, эту рѣчку авторы „Синъ-цзянъ-чжи-лё“ называютъ Орой-джалату-шуй (см. „Hydrographie de la nouvelle frontière“, стр. 46). Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ лишь то обстоятельство, что они заставляютъ ее впадать въ Куръ-хэ, тогда какъ, согласно „Си-юй-шуй-дао-цзи“, рѣчка, пробѣгающая у Борхаци (Бургацзи), составляетъ притокъ Джиргалты (Чжиргалана). Впрочемъ, послѣдній источникъ сообщаетъ намъ далѣе такія свѣдѣнія о Баинъ-голѣ, которыя находятся въ явномъ противорѣчіи съ данными нашей съемки. Вотъ это мѣсто: „Другой истокъ Чжиргалана, называемый Домда-хара-усу, т. е. средній Хара-усу, бьетъ ключемъ изъ песчанаго холма въ 5 (?) ли на югъ отъ мызы Борхаци, течетъ, подобно арыку, съ замѣчательной быстротой и, направляясь на сѣверъ подъ именемъ Борхаци, проходитъ въ нѣсколькихъ шагахъ на востокъ отъ мызы того же имени; затѣмъ, протекая на сѣверо-западъ, впадаетъ въ р. Чжиргаланъ“ („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 466). Мы видѣли верховья р. Баинъ-гола высоко въ Тянь-шан'ѣ (см. т. I, стр. 67); возможно, однако, что она, подобно многимъ другимъ рѣкамъ Центральной Азіи, по выходѣ изъ горъ, скрывается подъ землю и затѣмъ сильнымъ ключомъ вновь выбивается на поверхность.

Въ „Цзинь-динъ-синь-цзянъ-чжи-лё“ упоминается объ Орой-Джалату какъ урочищѣ къ юго-западу отъ Куръ-кара-усу (см. St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers“, „Journ. Asiat.“, 4 série, 1846, VIII, стр. 236).

[2]) Въ китайскихъ историко-географическихъ сочиненіяхъ—Чжиргаланъ. Успенскій (l. c.) ошибочно даетъ этой рѣкѣ и другое названіе Цаганъ-усу. Эта послѣдняя (см. т. I, стр. 54), вѣроятно, когда-то впадала въ Джиргалты, но нынѣ цѣликомъ отдаетъ свои воды арыкамъ урочища Муткымъ-бахъ.

Въ Танскую эпоху изъ земель бассейна Джиргалты образованъ былъ военный округъ Вэнь-лу-чжоу („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 150).

[3]) Селеніе Сы-ко-шу стоитъ на арыкѣ, выведенномъ изъ р. Джиргалты, а не на западной ея протокѣ, какъ это пишетъ Обручевъ (ib.).

значительной степени напоминала илъ, да таково, вѣроятно, и дѣйствительное ея происхожденіе, такъ какъ вся мѣстность къ западу отъ Джиргалты и къ сѣверу отъ дороги должна была нѣкогда служить дномъ озера Эби-нора. Китайцы называютъ ее Да-бэй-ху—великимъ сѣвернымъ болотомъ, и каждый нашъ шагъ впередъ оправдывалъ это названіе. Кустарная поросль порѣдѣла, чій смѣнился камышомъ, почва сдѣлалась ноздреватѣе, напоминая все болѣе и болѣе солонецъ, а наконецъ появились и такыры [1]).

На 27-ой верстѣ отъ Пуртаджи мы проѣхали мимо постоялаго двора Дуршакъ, на 34-ой выѣхали на сай восточнаго протока рѣки Эптэ [2]), четыре же версты дальше вступили въ селеніе Гурту, гдѣ застали сильный переполохъ, вызванный событіями, которыя рисуются мнѣ въ рядѣ слѣдующихъ картинъ.

Глубокая ночь. Даже на восточномъ краю горизонта нѣтъ еще никакихъ признаковъ приближающагося разсвѣта. Морозно и тихо. Тихо въ воздухѣ, тишина и на улицѣ. Однако это не та невоз-

---

[1]) То же предположеніе высказываетъ и Обручевъ; онъ даже указываетъ на уровень послѣтретичнаго озера, который долженъ былъ превышать современный футовъ на тысячу (op. cit., II, стр. 660). Не противорѣчатъ ему и гипсометрическія данныя, указывающія на уклонъ всей мѣстности къ западу.

Вотъ эти данныя:

	Обручевъ.	Галкинъ.	Матвѣевъ.
ст. Гурту	1,280 фт.	1,000 фт. (Хо-янъ-цзы)	1,120 фт.
„ Ту-ду	984 „	650 „ (То-то-янъ-цзы)	1,220 „
„ Ша-цюань-цзы .	525 „	10 „	— „

Не говоря уже о цыфрѣ Галкина, даже цыфра Обручева для станціи Ша-цюань-цзы едвали вѣрна, такъ какъ для уровня Эби-нора мы имѣемъ слѣдующія абсолютныя высоты:

?	671 фт.	(Костенко)
?	720 „	(Пржевальскій)
южный берегъ	840 „	(Матвѣевъ)
восточный „	900 „	(Ларіоновъ)
сѣверный „	940 „	„
средняя . .	814 фт.	

между тѣмъ, ст. Ша-цюань-цзы лежитъ по крайней мѣрѣ футовъ на сто выше уровня этого озера.

[2]) Успенскій (op. cit., стр. 195) пишетъ не Эптэ, а Оботу. Я не знаю, равнозначущи ли оба эти названія. Въ „Си-юй-шуй-дао-цзи“ говорится: „На юго-западъ отъ пріиска Чжиргаланъ есть гора Эбту; изъ нея вытекаетъ источникъ и течетъ на сѣверо-востокъ подъ именемъ Эбту или Гурбанъ-хара-усу; затѣмъ рѣка эта, поворотивъ на сѣверо-западъ черезъ сто слишкомъ ли, впадаетъ въ р. Куръ-кара-усу“ („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 466). St. Julien („Notices sur les pays et les peuples étrangers“ въ Journ. As., 4 série, VIII, 1846, стр. 414) переводитъ слово Эбту (Ebtou) словами „qui plait“,„agréable“. Другое названіе этой рѣки—Гурту (St. Julien—„Hydrographie“, etc., стр. 46) и Гурту-хара-усу („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 469). Киргизы называютъ ее Джюсъ-яръ, что значитъ—сто рытвинъ, сто обрывовъ.

мутимая тишина, къ которой очень скоро привыкаешь въ пустынѣ; наоборотъ, здѣсь масса звуковъ, слабыхъ и неотчетливыхъ, которые сливаются въ нѣчто неуловимое, но, тѣмъ не менѣе, ясно свидѣтельствующее, что вы не одни... Дѣйствительно, кругомъ васъ поселокъ, и темная громада его черными силуэтами рисуется на густой синевѣ небосклона...

Въ одномъ изъ таней Гурту столпилось до десятка фургоновъ, изъ коихъ добрая половина законтрактована подъ вещи какого-то китайскаго чиновника, проживающаго въ Кульчжѣ или Суйдунѣ.

Какъ и всякое иное мѣсто китайской осѣдлости, Гурту окружено совершенно особой атмосферой; но теперь, вслѣдствіе необыкновенной тишины въ воздухѣ и мороза, вся эта отвратительная и прогорклая смѣсь китайскаго кухоннаго чада, дыма отъ сжигаемаго назема, опія и конюшни точно паритъ надъ селеніемъ и прочно въѣдается въ платье каждаго проѣзжаго человѣка.

Впрочемъ, ужь и этотъ проѣзжій здѣсь человѣкъ!

Отъ высшаго чиновника до послѣдняго разночинца всѣ лѣзутъ въ одно помѣщеніе—какое-то логовище, часто безъ оконъ и съ дырами вмѣсто дверей, и располагаются на грязномъ канѣ [1]), подтапливаемомъ снизу смѣсью помета и изжеванныхъ сырыхъ дудокъ камыша и соломы. У кого есть какая нибудь подстилка, тотъ забирается на нее, а бѣдняки довольствуются и грязной, въ лохмотьяхъ, циновкой, на которой и спятъ всѣ въ повалку, или же сообща отравляются опіумомъ... Зимой въ такихъ притонахъ, можетъ быть, еще сносно, но лѣтомъ они кишатъ паразитами...

Подобныхъ постоялыхъ дворовъ, какъ уже извѣстно читателю, во всей «Поднебесной» разбросано пропасть; рѣдкій изъ нихъ лучше описаннаго, зато многіе носятъ самыя заманчивыя названія: «гостинница рѣдкихъ качествъ», «неизмѣнной дешевизны», «многихъ достоинствъ», и имъ подобныя, и надо думать, что и постоялый дворъ въ Гурту гордился не менѣе лестной кличкой, выведенной бѣлыми іероглифами на темносинемъ кускѣ грубой бумажной матеріи, замѣняющемъ вывѣску, но темнота ночи скрывала ее; къ тому же спавшіе на дворѣ ямщики, давно уже знакомые со всѣми его закоулками, безъ сомнѣнія, мало интересовались его офиціальнымъ названіемъ.

---

[1]) Это слово объяснено на стр. 17, т. I.

Какъ ни устали за весь день ямщики, но нѣкоторымъ изъ нихъ не спалось, морозъ донималъ, и они безпокойно ворочались, инстинктивно напяливая на себя какіе-то войлочные обрывки...

Наконецъ, одинъ изъ нихъ приподнялся, прислушался: «а, лошади ужь перестали жевать!»—пихнулъ въ бокъ товарища, и оба направились къ коновязямъ. Забравъ въ повода своихъ лошадей, они толкнулись въ ворота и шумно стали звать завѣдующаго постоялымъ дворомъ.

Спокойствіе на дворѣ было нарушено. Разомъ поднялось еще нѣсколько человѣкъ; послышались то сиплые, то визгливые голоса, китайская рѣчь, ржаніе коней и отчаянный, переворачивающій всѣ внутренности, ревъ многихъ кашировъ... Селеніе просыпалось.

Однако на улицѣ не становилось свѣтлѣе. Даже напротивъ того, заблиставшій въ двухъ-трехъ мѣстахъ огонекъ сгустилъ темноту на столько, что и привычные къ ней глаза ямщиковъ перестали уже различать ясно предметы. А между тѣмъ именно теперь нѣкоторые изъ нихъ торопились, напоивъ своихъ лошадей, задать имъ послѣднюю дачу изъ смѣси отрубей и просяной соломы и впопыхахъ наталкивались то на своихъ дремавшихъ товарищей, то на всевозможные предметы, которыми, какъ нарочно, оказался заваленнымъ дворъ... Много шуму и крику, но вовсе нѣтъ смѣха—характерная особенность каждаго китайскаго сборища... Къ тому же и настроеніе ямщиковъ не могло быть особенно радостнымъ: къ разсвѣту морозъ постепенно окрѣпъ, да и предстоящій путь казался опаснымъ: носились какіе-то неопредѣленные слухи о спустившейся съ горъ значительной партіи киргизскихъ барантачей...

Вѣсть эту еще наканунѣ привезъ какой-то проѣзжій, по всему видно—дунганинъ. Онъ даже видѣлъ ихъ лично: ихъ было семеро, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они остановили его и обстоятельно разспросили о торговыхъ караванахъ, которые ему пришлось обогнать на пути... И хотя болѣе вѣскихъ доказательствъ справедливости извѣстія дунганинъ и не приводилъ, но ему и такъ всѣ повѣрили...

— Баранта на пути!.. побѣжало по людямъ, дошло и до начальника гарнизона Санъ-гуань-вана, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на этотъ слухъ никакого вниманія; но потомъ все же, какъ говорятъ, вызвалъ къ себѣ дунганина и долго его о чемъ-то разспрашивалъ.

Наконецъ, извощики, направлявшіеся въ Или-хо, собрались. Они успѣли наскоро позавтракать блюдомъ лапши и заложили

уже въ фургоны своихъ лошадей и кашировъ. Скрипнули раскрывавшіяся ворота, щелкнулъ длинный бичъ, послышались обычныя «цо, цо!» и со звономъ, на рысяхъ, выкатились телѣги одна за другой за ограду.

А въ ней снова все стихло, огни погасли, оставшіеся ямщики еще крѣпче закутались въ лохмотья свои, и даже завѣдующій постоялымъ дворомъ пересталъ шмыгать взадъ и впередъ и убрался досыпать въ коморку свою, гдѣ тотчасъ же и заснулъ, какъ убитый.

Но отзвукъ движенія транспорта еще долго доносился сюда; даже съ особенной отчетливостью можно было разобраться въ шумѣ, сопровождавшемъ переѣздъ послѣдняго черезъ рѣку Эптэ. А затѣмъ всѣ эти «цо, цо!», щелканье бичей, колокольчики, стукъ тяжелыхъ колесъ о промерзлую землю и скрипъ деревянныхъ осей становились все тише и тише и, наконецъ, совершенно замерли въ воздухѣ... Транспортъ ушелъ.

Медленно, съ грохотомъ и звономъ, подвигался обозъ къ конечной цѣли суточнаго своего перехода—пикету Ту-ду. Въ совершенной темнотѣ переѣхавъ черезъ полузамерзшую рѣку и миновавъ длинные барханы песку, тянувшіеся вдоль ея широкаго плеса, ямщики вступили въ тограковый лѣсъ.

Я неоднократно упоминалъ о тогракѣ (Populus euphratica), но не имѣлъ еще случая сказать, что такое тограковый лѣсъ.

Поросли тограка [1]), какъ справедливо замѣтилъ еще Вилькинсъ [2]), не смотря на ихъ часто огромные размѣры, нельзя назвать въ настоящемъ значеніи этого слова — лѣсомъ, такъ какъ имъ не достаетъ одной изъ существенныхъ принадлежностей лѣса: у нихъ нѣтъ лѣсной, перегнойной почвы. Здѣсь обнажается все тотъ же пропитанный солью суглинокъ, подымающійся пыльными облаками на воздухъ изъ подъ ногъ каждой лошади, или голое поле гальки. Кожистые листья тограковъ высыхаютъ еще на деревѣ, вѣтеръ разноситъ ихъ, ломаетъ въ пыль и продукты разложенія ихъ не могутъ образовать плодороднаго перегнойнаго слоя, покрывающагося мелкой растительностью и сохраняющаго влагу. Во всякое время года картина такого лѣса печальная: ни молод-

---

[1]) Henderson (Henderson and Hume,—„Lahore to Yarkand“, II, 4 [List of Plants etc.], стр. 336) ошибочно пишетъ, что всѣ роды тополя носятъ въ Восточномъ Туркестанѣ одно общее названіе „тогракъ“. Populus alba носитъ тамъ названіе торакъ (терекъ).

[2]) „Природа бассейна Тарима“ (въ журн. „Природа“, 1877, III).

няка какъ-то вовсе не видно, ни какихъ-бы то ни было растеній, прикрывающихъ почву... развѣ гдѣ-нибудь пріютятся солянки, да тощими кустарниками торчатъ Lycium, Kalidium, Ephedra и другія, еще болѣе убогія растенія дикой пустыни.

Но тограковый лѣсъ къ западу отъ Эптэ представлялъ исключеніе [1]). Здѣсь, кромѣ тополя, росли: узколистая ива, тамариксъ, саксаулъ, Halostachys caspia и множество другихъ кустарниковъ. Глина и пески, навороченные въ страшномъ безпорядкѣ, и всюду ростущій высокій камышъ придавали и днемъ характеръ совершенной глуши всей этой мѣстности, ночью же, безъ сомнѣнія, впечатлѣніе это только усиливалось. Черные силуэты отдѣльно стоявшихъ деревьевъ, протягивавшихъ надъ дорогой свои узловатыя вѣтви, темныя массы кустарниковъ, среди которыхъ какъ-то загадочно блестѣли кучи бѣлаго снѣга, наконецъ, таинственный шелестъ вѣчно шумящаго камыша, все это должно было дѣйствовать на душу, подготовленную уже къ воспріятію всякихъ страховъ, самымъ угнетающимъ образомъ. И дѣйствительно, ямщики шли по давно уже имъ знакомой дорогѣ, точно не узнавая ея... Они озирались по сторонамъ, пристально всматривались впередъ и то неестественно громко выкрикивали свои понуканія, то, наоборотъ, дѣлали попытки къ тому, чтобы съ возможно меньшимъ шумомъ проскользнуть мимо подстерегающихъ ихъ гдѣ-то барантачей...

Но верста за верстой тянулась дорога, дебри стали уже замѣтно рѣдѣть, становилось на столько свѣтло, что всѣ окрестные предметы стали выступать столь же явственно, какъ днемъ, а ничего подозрительнаго извощики еще не примѣтили. Они стали даже надѣяться, что все дѣло однимъ ихъ страхомъ только и ограничится, какъ вдругъ... за однимъ поворотомъ дороги блеснулъ огонекъ... Что это?.. Костеръ?.. Да, это костеръ, и около него какіе-то люди!.

Китайцы попятились... Они инстинктивно придержали своихъ лошадей и съ минуту рѣшительно не знали, что предпринять...

— Да никакъ это не худые люди, а прохожіе изъ Шэнь-си?

— Нѣтъ, не они!..

---

[1]) Въ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 469, объ этомъ лѣсѣ говорится: „Отъ р. Цзинъ-хэ до Уланъ-усу, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ ли, по обѣимъ сторонамъ дороги тянутся тополи и ивы съ массою цвѣтовъ и ароматныхъ травъ, представляя совершенный контрастъ съ гобійскими видами; только мошекъ здѣсь много".

Въ дѣйствительности же это были таранчи изъ Цзинъ-хэ, одинъ—сапожникъ по ремеслу, другой—такъ себѣ, какой-то праздношатающійся; у обоихъ были ослы, которые тутъ же подбирали съ земли опавшіе листья тограка.

Разговорились.

Таранчи плохо говорили по-китайски, китайцы еще хуже по-таранчински, но все же имъ удалось кое-какъ объясниться: таранчи два дня ужь въ пути, но рѣшительно ничего о барантачахъ не слыхали. «Можетъ гдѣ и объявились послѣдніе, но только не между Гурту и Ту-ду. Къ тому же тутъ людно: вонъ только что прошла партія поселенцевъ! да и въ Ту-ду ожидается проѣздомъ какой-то важный чиновникъ... Какая ужь тутъ баранта!»

Въ самомъ дѣлѣ чего опасаться? До Ту-ду уже близко, лѣсъ кончается скоро, солнце взошло...

И извощики, выбранивъ дунганина подобающимъ образомъ, полѣзли въ телѣги, откуда вскорѣ и послышались ихъ веселые и громкіе окрики лошадей... Черезъ минуту послѣдній китайскій фургонъ скрылся за сосѣднимъ бугромъ, и только стукъ колесъ, бубенцы да окрики «цо, цо!» нѣкоторое время доносились еще до слуха обоихъ прохожихъ.

Мѣстность измѣнилась. Лѣсъ кончался. Камышъ и кое-какой кустарникъ хотя и виднѣлись еще по обѣ стороны отъ дороги, но не представляли уже сплошныхъ зарослей и ютились незначительными островками въ распадахъ плоскихъ уваловъ, усыпанныхъ мелкою черною галькой. Горы, въ низахъ закутанныя туманомъ, заняли весь юго-западъ и югъ горизонта и казались какъ-то особенно близко: точно дорога свернула прямо на нихъ...

На одномъ изъ такихъ уваловъ ясно обрисовалась фигура одинокаго всадника. Извощики снова встревожились. Но нѣтъ, это не киргизъ, это китаецъ, китайскій почтарь.

Дѣйствительно, китайскій солдатъ съ небольшимъ ящикомъ за плечами, на сытой лошадкѣ, обвѣшанной колокольчиками, крупной рысью проѣхалъ мимо фургоновъ.

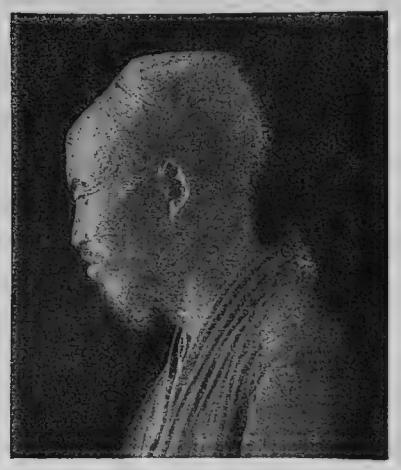
— Спокойно ли на дорогѣ?

Но вопросъ этотъ былъ, безъ сомнѣнія, лишнимъ. Такимъ, вѣроятно, онъ показался и почтарю, потому что тотъ ничего не отвѣтилъ и только всей фигурой своей изобразилъ удивленіе: что же тутъ спрашивать, когда видятъ, что онъ благополучно проѣхалъ.

*

Протащились еще, можетъ быть, съ версту. До пикета Ту-ду оставалось уже не болѣе 17—18 ли. Вдругъ точно выросли на дорогѣ киргизы...

— Эй вы, кап'ръ [1]), вылѣзайте-ка изъ телѣгъ! Берите своихъ кашировъ да и проваливайте подобру, поздорову! [2]).



Киргизъ.

Китайцы не сопротивлялись... Они послушно отпрягли своихъ муловъ и, минуту спустя, уже скакали обратно въ Гурту.

А киргизы между тѣмъ живо распорядились съ добромъ суйдунскаго мандарина: все, что нашли въ немъ полегче да поцѣннѣе, завьючили на своихъ заводныхъ лошадей, а затѣмъ свернули съ дороги къ горамъ и сухимъ саемъ временнаго потока потянулись къ перевалу черезъ Боро-хоро.

И снова все стихло на этомъ пути, и только вѣтеръ безпокойно шумѣлъ еще въ камышахъ, да откуда-то издалека доносился сюда клохтъ монгольскихъ фазановъ...

Во всей Серединной имперіи импани выстроены по одному шаблону, выработавшемуся еще, можетъ быть, въ тѣ эпическія времена, когда люди сражались однимъ только холоднымъ оружіемъ, но традиціи въ Китаѣ всесильны, уроки настоящаго не служатъ тамъ ни къ чему, и правительство имперіи, руководствуясь мудрымъ замѣчаніемъ императора Тай-цзуна [3]), что «то, что однажды было цѣлесообразно устроено, не должно впослѣдствіи измѣняться»,— съ необыкновеннымъ упорствомъ продолжаетъ сооружать новые импани взамѣнъ заброшенныхъ и разоренныхъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ созидало ихъ, вѣроятно, и въ первые вѣка нашей эры...

Импань Гурту ничѣмъ не хуже и не лучше другихъ на той же Бэй-лу. Четыреугольникъ изъ глинобитныхъ, довольно высокихъ

---

[1]) Капръ—язычникъ. Киргизы очень часто зовутъ такъ китайцевъ.

[2]) Во время своихъ разбойничьихъ набѣговъ киргизы избѣгаютъ брать муловъ, потому что послѣдніе всегда могутъ служить уликой грабителямъ.

[3]) Танской династіи, съ 631 по 654 годъ.

и зубчатыхъ стѣнъ; деревянныя, наполовину обитыя желѣзомъ и жестью ворота; противъ нихъ — маленькій домикъ, помѣщеніе начальника гарнизона; затѣмъ — рядъ другихъ построекъ, прислоненныхъ къ стѣнамъ справа и слѣва, все какія-то коморки, въ которыхъ должны подвое и потрое мѣститься солдаты; наконецъ, общая кухня, складъ, стойла и коновязи — все это выстроено здѣсь такъ же, какъ и въ тысячахъ другихъ такихъ же импаняхъ, разбросанныхъ по всему необъятному пространству Серединной имперіи.

Въ обыкновенное время здѣсь царствуетъ невыразимая, какая-то даже гнетущая скука, и когда ни загляни въ ворота импаня, не найдешь тамъ ничего, кромѣ давно всѣмъ пріѣвшейся, ординарной картины: одна треть гарнизона, лежа на своихъ канжинахъ, куритъ опіумъ, другая треть дуется въ карты и послѣдняя, наконецъ, или визгливо бранится или, раздѣвшись чуть не до нага, яростно охотится на паразитовъ. Ни о строевыхъ занятіяхъ, ни о какихъ бы то ни было работахъ здѣсь нѣтъ и помину, и тунеядство самое безграничное составляетъ необходимый удѣлъ каждаго, кто въ качествѣ «лянь-цзюн'я», т. е. обучаемаго, переступаетъ порогъ этого развращающаго вертепа...

Единственное удовольствіе, которое выпадаетъ на долю солдата, это — выйти за ворота импаня, забраться въ харчевню и пошлыми шутками встрѣчать и провожать ямщиковъ, или еще — зайти въ тань и тамъ вступить въ бесѣду съ проѣзжимъ китайцемъ... Но обыкновенно это развлеченіе для новичковъ. Опіумъ, водка и карты очень скоро вполнѣ овладѣваютъ несчастнымъ, и тогда онъ уже не чувствуетъ болѣе необходимости разсѣяться свѣжими впечатлѣніями: онъ или у себя на канѣ, или гдѣ нибудь на дворѣ, въ кучкѣ карточныхъ игроковъ...

Но тревога, вызванная вѣстью о барантѣ, подняла въ импанѣ даже лѣнивыхъ... Не только солдаты, все селеніе здѣсь, и всѣ жестикулируютъ и шумятъ, какъ жестикулировать и шумѣть умѣютъ только китайцы... Гамъ такой, что свѣжему человѣку разобраться въ немъ невозможно. Споръ шелъ о томъ, кому изъ солдатъ принять участіе въ преслѣдованіи дерзкихъ грабителей. Разрѣшился онъ тѣмъ, что Санъ-гуань-ванъ выдѣлилъ въ экспедиціонный отрядъ почти всѣхъ здоровыхъ людей. Такой отрядъ, дѣйствительно, представлялъ силу по сравненію съ горстью киргизовъ, и солдаты, успокоившись, дѣятельно взялись за снаряженіе своихъ лошадей.

Когда они выѣзжали изъ селенія, къ нимъ присоединился одинъ изъ мѣстныхъ дунганъ, изъявившій желаніе помѣриться силами съ барантачами; все его вооруженіе состояло изъ прямой сабли.

Солдаты Гурту ѣхали рысью.

Китаецъ любитъ своего коня и холитъ его; онъ отлично ходитъ за нимъ и ѣздитъ толково; вотъ почему и наблюдается такой рѣзкій контрастъ между плохо снаряженнымъ сѣдокомъ и животнымъ: послѣднее, очевидно, гордость хозяина, и, дѣйствительно, зачастую онъ тратитъ свои послѣдніе гроши для того, чтобы купить своему любимцу какое-нибудь украшеніе — красную кисть, ленту или бубенчикъ. Такое отношеніе къ лошади, безъ сомнѣнія, весьма симпатично и не разъ подкупало насъ въ пользу китайскихъ солдатъ.

Лошади, очевидно, рады были промяться, да и сѣдоки, въ свою очередь, то и дѣло ихъ горячили: нѣтъ-нѣтъ, да и вынесется лихо впередъ который либо изъ нихъ, за нимъ другой, третій... Проскачутъ съ версту, а тамъ остановятся поджидать передовыхъ полулянзы, весело, но шумно и безпорядочно для отряда регулярныхъ войскъ, шедшей на поиски дерзкихъ барантачей.

Подъѣхали къ заброшенному поселку Да-цяо-цзы, напоили здѣсь своихъ лошадей, подкрѣпились и сами и готовились уже снова пуститься въ дорогу, какъ вдругъ впереди замѣтили облако пыли... Это было небольшое стадо барановъ, которое гнали въ Куръ-кара-усу въ своихъ желтыхъ одеждахъ двое ламъ—торгоутовъ.

— Встрѣчали киргизъ?

— Встрѣтили. За полустанкомъ Хуа-шу-линь-цзы въ сторонѣ отъ дороги и ли съ двадцать ближе къ горамъ; но теперь, пожалуй, они уже далеко. Извѣстіе было важное. Солдаты крупной рысью поѣхали въ указанномъ направленіи и на первыхъ порахъ усиленно подгоняли своихъ лошадей. Но вскорѣ ихъ взяло раздумье. Ужь поздно: до заката солнца не болѣе двухъ часовъ, а затѣмъ ночь и, по всѣмъ вѣроятіямъ, такая темная ночь, что будетъ не до преслѣдованія. Нѣтъ, ужь лучше переночевать въ Хуа-шу-линь-цзы, а затѣмъ чѣмъ свѣтъ пуститься по слѣду разбойниковъ...

На томъ и порѣшили солдаты.

Чуть свѣтало, когда, оставивъ въ сторонѣ большую дорогу, они вышли на степь. Сперва отрядъ шелъ будто-бы и по слѣду,

но затѣмъ послѣдній совершенно исчезъ. Тогда пошли наугадъ, придерживаясь направленія, указаннаго калмыками.

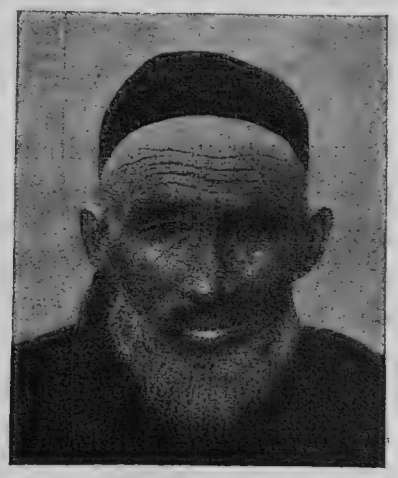
Не смотря на многочисленныя, хотя сравнительно и неглубокія водомоины, отрядъ пустилъ лошадей своихъ рысью: солдаты, очевидно, торопились сегодня-же развязаться такъ или иначе съ киргизами и еще засвѣтло вернуться въ Гурту.

Пески и глину смѣнили галька и солончакъ. Тополь и гребенщикъ попадались ужь рѣже, зато всюду замелькали хвойникъ и саксаулъ. Мѣстность пріобрѣтала все болѣе и болѣе пустынный характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ширился и горизонтъ.

Все ближе и ближе къ горамъ. Вотъ уже совершенно отчетливо рисуются и передовые контрфорсы Боро-хоро, пустынные и столь же дикіе, какъ и окрестная степь, а о киргизахъ нѣтъ и помину.

— Безъ сомнѣнія, они давно ужь въ горахъ, и мы только совершенно напрасно мучаемъ лошадей и себя...— слышался все болѣе и болѣе громкій ропотъ солдатъ.

А вотъ и дорога! Множество полузатертыхъ конскихъ слѣдовъ, Богъ знаетъ когда и кѣмъ здѣсь оставленныхъ, но среди нихъ



Киргизъ р. Багышъ.

Онъ-же, въ профиль.

нѣтъ ни одного свѣжаго: очевидно, киргизы здѣсь не ѣхали. Но откуда и куда ведетъ эта дорога? Никто изъ китайцевъ раньше здѣсь не былъ и на подобный вопросъ отвѣтить не могъ... Миновали ее и, наддавъ ходу, направились къ яру, въ которомъ подозрѣвалась рѣка.

— Напоимъ лошадей, да и обратно въ Гурту!

Яръ близко... уже слышенъ рокотъ рѣки... Вдругъ изъ него выскочилъ человѣкъ.

— Киргизъ!!

Китайцы остановились, какъ вкопанные... Человѣкъ тоже исчезъ, но черезъ мгновеніе онъ появился на лошади и маршъ-маршемъ понесся на оторопѣлыхъ китайцевъ.

— Какъ? что? одинъ на насъ всѣхъ?...

Они схватились инстинктивно за ружья. Но киргизъ промчался мимо и черезъ мгновеніе уже скрылся за сосѣднимъ холмомъ, прикрывавшимъ ущелье.

— Лови, лови его!... бей!...

Нѣсколько человѣкъ ринулось за нимъ вслѣдъ, но куда!— проскакавъ съ полверсты, они вернулись назадъ...

А между тѣмъ на окраинѣ яра появились новыя лица. Эти ужь были пѣшкомъ. Они тотчасъ же припали къ землѣ, выставили впередъ длинные стволы своихъ ружей и безтрепетно ждали китайцевъ.

Сколько ихъ тамъ? Семь... а вотъ и еще одинъ — восемь... Можетъ быть, даже и больше... Въ яру развѣ что-нибудь видно? Къ тому же они здѣсь хозяева, а мы даже не знаемъ, откуда слѣдуетъ ждать нападенія... Если мы окружимъ этихъ киргизъ, то черезъ мгновеніе, можетъ быть, въ свою очередь будемъ окружены... Нѣтъ, при подобныхъ условіяхъ борьба невозможна... Слѣдуетъ отступить.

И среди китайцевъ стало обнаруживаться чрезвычайное замѣшательство: одни порывались впередъ, доказывая, что, пока придетъ помощь, этихъ киргизъ все же удастся схватить, другіе твердили свое и не трогались съ мѣста. Среди первыхъ былъ и дунганинъ.

— Трусы! трусы! завопилъ онъ:— я вамъ покажу, чего стоятъ ружья этихъ плутовъ!

И понесся впередъ, но понесся одинъ, потому что китайцы не только не тронулись съ мѣста, но и минуту спустя разомъ повернули назадъ своихъ лошадей и чуть не въ карьеръ ускакали съ мѣста своего посрамленія.

Въ день возвращенія ихъ въ Гурту въ сумерки вступили и мы въ это селеніе. Но едва расположились на постояломъ дворѣ, какъ къ намъ изъ импаня явилась какая-то личность.

— Господа пріѣзжіе, потрудитесь показать паспорты!

— Это зачѣмъ? Въ такихъ крошечныхъ пунктахъ, какъ Гурту, визированіе паспортовъ не вмѣнено намъ вовсе въ обязанность...

— Вы правы. Но это дѣлается для васъ же самихъ. Передній путь очень опасенъ, и если мы будемъ знать, что вы — наши гости, то дадимъ вамъ сильный конвой.

— Поблагодарите вашего командира... Мы нисколько не сомнѣваемся въ доблестныхъ качествахъ вашихъ солдатъ, но разсчитываемъ также вполнѣ и на нашихъ людей...

— Вы отказываетесь? Вы правы... ваши люди во сто разъ храбрѣе нашихъ солдатъ.

Не смотря на такое признаніе, Санъ-гуань-ванъ отписалъ по начальству, что мы «самовольно» уѣхали изъ Гурту.

Мы покинули это селеніе ночью. Такое раннее выступленіе объяснялось необходимостью прибыть раньше въ Ту-ду, дабы дать лошадямъ продолжительный роздыхъ передъ дальнѣйшей трудной дорогой черезъ пески въ городъ Цзинъ-хэ.

Въ одной изъ предшедшихъ картинокъ, коими имѣлось въ виду очертить нѣкоторыя стороны жизни большой дороги въ Китаѣ, уже говорилось о характерѣ мѣстности между Гурту и пикетомъ Ту-ду. Къ сказанному мнѣ остается добавить очень немногое.

Рѣка Эптэ [1]), широко разбросавшаяся по каменистому саю своими протоками, въ эту позднюю пору несла очень мало воды [2]); только въ одномъ изъ ея руслъ глубина потока превышала полтора фута, остальныя же были или сухими или затянутыми по дну ледяной коркой.

Пройдя сай, который ширился версты на четыре, мы углубились въ пески. На нашемъ пути пески эти были неглубоки и часто мѣнялись сѣрымъ суглинкомъ, но къ сѣверу отъ дороги они выростали въ барханы, прочно, повидимому, закрѣпленные саксауломъ. На шестой верстѣ мы вступили въ тограковый лѣсъ, который и сопровождалъ дорогу болѣе или менѣе густыми насажденіями вплоть до пикета Ту-ду, То-до или, какъ его называетъ Успенскій, Тодокъ [3]). На этомъ участкѣ пути мы перешли два рѣчныхъ русла; одно у заброшеннаго селенія Да-цяо-цзы, принадлежащее рѣчкѣ Юдна-голъ (Удуйнъ-голъ? Уда-голъ?), другое у пикета Хуа-шилинь-цзы — рѣчкѣ Алакъ-текэ. Пикетъ Ту-ду, состоявшій изъ двухъ

---

[1]) Она служитъ границей двухъ приставствъ—Куръ-кара-усу'скаго и Цзинъ-хэ'скаго.

[2]) Лѣтомъ мы съ трудомъ перешли ее въ бродъ (см. т. I, стр. 52). По словамъ Галкина (l. c.), поздней весной переправа черезъ нее становится рискованной, а подчасъ и совсѣмъ невозможной.

[3]) Op. cit., стр. 194. Это же названіе встрѣчается и въ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи", стр. 471.

плохенькихъ таней, харчевни и обширнаго, полуразрушеннаго импаня, въ которомъ квартировало около десятка конныхъ солдатъ, расположился у ключей, на краю плоской котловины, поросшей различными Gramineae и Cyperaceae. Въ немъ мы застали съ десятокъ телѣгъ, задержавшихся въ виду разсказанныхъ выше событій. Китайцы надѣялись, что изъ Цзинъ-хэ имъ высланъ будетъ конвой достаточно сильный, чтобы оградить ихъ отъ всякихъ случайностей, и, дѣйствительно, на слѣдующій день у пикета Ша-цюань-цзы мы повстрѣчались съ полулянзой, спѣшившей въ Ту-ду.

Отъ этого пикета до города Цзинъ-хэ оставалось свыше пятидесяти верстъ, которыя наши извощики рѣшили пройти въ одинъ день.

Мы спали не раздѣваясь, и уже въ 2 часа ночи были снова въ дорогѣ.

Первыя семнадцать верстъ до пикета Лунъ-ванъ-мяо мы шли тограковымъ лѣсомъ, среди котораго лишь изрѣдка попадались площадки, какъ мнѣ казалось, совершенно безплоднаго солонца, далѣе же мы вступили въ полосу летучихъ песковъ, описывая которые монахъ Чанъ-чунь, между прочимъ, писалъ: при каждомъ дуновеніи вѣтра они пересыпаются подобно взбудораженнымъ волнамъ, то собираясь, то разсѣеваясь; среди нихъ не видно ни былинки; телѣги въ нихъ вязнутъ, а кони тонутъ [1]). Онъ думалъ, что это участокъ большихъ Богудяньскихъ песковъ. Какіе однако пески въ его время (въ XIII вѣкѣ) такъ назывались—намъ неизвѣстно.

Пески эти тянулись на протяженіи семнадцати верстъ, причемъ первыя пять верстъ до полустанка Ша-ва-тоу оказались и самыми трудными для переѣзда. Дорога пролегала здѣсь между высокими барханами, часто пересѣкая песчаныя сѣдловины, которыя брались съ неимовѣрнымъ трудомъ нашими телѣгами. Лѣтомъ переходъ черезъ нихъ еще труднѣе, такъ какъ пески тогда суше и глубже, теперь же ихъ въ значительной степени связывала смоченная снѣговой водой и затѣмъ смерзшаяся глина, которой, повидимому, очень богаты эти пески. За пикетомъ Ша-ва-тоу дорога стала легче, барханы измельчали, появилась растительность [2]), вмѣстѣ съ тѣмъ только здѣсь я получилъ возможность различить другія ихъ осо-

---

[1]) Арх. Палладій—„Си-ю-цзи“ („Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ“, IV, стр. 303); „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 470.

[2]) Я замѣтилъ здѣсь слѣдующіе виды: Eurotia ceratoides, Tamarix sp., Haloxylon ammodendron, Horaninovia ulicina и Salsola sclerantha.

бенности — различіе въ склонахъ и главнѣйшее ихъ простираніе [1]): солнце взошло и освѣтило покрытое рябью безконечное песчаное море, точно застывшее въ тотъ моментъ, когда сѣверо-западный вѣтеръ погналъ его высокою зыбью на темныя скалы Кара-дабана—передовой горной складки Боро-хоро [2]).

Летучіе пески кончились у пикета Ша-цюань-цзы или Гашунь, выстроеннаго на правомъ берегу ручья Ша-цюань, у киргизовъ—Кумъ-булакъ.

Отъ Ша-цюань-цзы отходитъ торный путь къ солянымъ промысламъ на южномъ берегу озера Эби-нора [3]).

Соль въ Китаѣ съ древнѣйшихъ временъ служитъ предметомъ правительственной монополіи, почему ввозъ ея въ имперію и воспрещенъ всѣми существующими договорами съ иностранными государствами.

Восточная Монголія, Маньчжурія и 18 провинцій внутренняго Китая въ цѣляхъ лучшаго надзора за торговлей этимъ продуктомъ раздѣлены на семь округовъ [4]), границы коихъ строго опредѣлены,

---

[1]) Простираніе юго-западное, крутой склонъ юго-восточный. Ср. Обручевъ, op. cit., II, стр. 657.

[2]) Согласно „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи“, это названіе, переводимое словами „зеленая стѣна“, пріурочивается только къ той части хребта, которая лежитъ къ западу отъ перевала Талки (см. St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers“ въ „Journ. As.“, 4 série, VIII, 1846, стр. 404).

[3]) Китайцы его называютъ Янь-хай-цза, что значитъ—Соленое озеро. Обручевъ (op. cit., II, стр. 658) ошибочно принимаетъ Янь-хай (онъ пишетъ—Іен-ху) за озерко, отличное (отдѣлившееся?) отъ Эби-нора. Въ „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“ и въ „Синь-цзянь-чжи-лё“ оно упоминается подъ именемъ Хара-тала-эсигэ-норъ и Хара-тала-эшикъ-норъ. На картѣ о. Іакинфа, приложенной къ III т. „Собр. свѣд. о народахъ, обит. въ Ср. Аз. въ древн. вр.“, оно названо, согласно съ „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи“ (см. St. Julien—„Notices sur les pays et les peuples étrangers“, въ „Journ. As.“, 4 série, VIII, 1846, стр. 432), Балхаци-норомъ, наименованіе же Эбинъ-гашунь присвоено озеру, служащему резервуаромъ для водъ Локлона, Хутуби и другихъ рѣкъ, стекающихъ съ сѣверныхъ склоновъ Досъ-мёгенъ-ора и его восточнаго продолженія; на картѣ шведа Рената, приложенной къ XI т. „Записокъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“ (по общей геогр.), оно названо Гашунъ.

Если я не ошибаюсь, впервые названіе Эби-норъ появляется на картахъ Средней Азіи послѣ 1875 г., т. е. послѣ съемки этого озера, произведенной капитаномъ Ларіоновымъ. На изданной въ 1872 году, лучшей для того времени картѣ Внутренней Азіи Сѣверцова (приложена къ VIII тому „Извѣстій Имп. Русск. Геогр. Общ.“) оно все еще именуется Кара-таломъ, но съ 1876 г. названіе это исчезаетъ и замѣняется Эби-норомъ, хотя въ точности этого послѣдняго наименованія можно и усомниться; по крайней мѣрѣ мѣстнымъ таранчамъ и торгоутамъ оно оказалось незнакомымъ: одни называли его Тузъ-куль, другіе—Гашунъ-норъ. Впрочемъ, судя по цитатѣ Рихтгофена („China“, I, стр. 38), названіе Эби-норъ было небезъизвѣстно и Dilke, первому изъ путешественниковъ новѣйшаго времени, посѣтившему этотъ край. Котловину Эби-Нора онъ описываетъ, какъ „eine Wüste von Sümpfen, Binsen, Scorpionen und Mosquito's, die in der Welt nicht ihres Gleichen an Oede und Armseligkeit hat“.

[4]) Ростгорнъ и Джемисонъ (см. замѣтку Котвича—„Новый китайскій заемъ и соляная монополія“ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1897 г., № 247) перечисляютъ слѣдующіе соляные округа:

*

дабы соль, добытая въ одномъ изъ нихъ, не вывозилась въ другой. Въ предѣлахъ этихъ округовъ соль добывается лишь въ извѣстныхъ, опредѣляемыхъ властями, пунктахъ: въ восточномъ Китаѣ — вдоль морского побережья, въ провинціяхъ Шань-си, Шэнь-си и Гань-су изъ немногихъ соляныхъ озеръ, въ провинціяхъ Гань-су (частью), Сы-чуань и Юнь-нань изъ соляныхъ источниковъ; послѣдніе въ Юнь-нань'ской провинціи эксплоатируются мѣстами на основаніяхъ, нѣсколько отличныхъ отъ тѣхъ, кои установлены для остальныхъ частей имперіи, за исключеніемъ однако Синь-цзян'ской провинціи.

Эти основанія заключаются въ слѣдующемъ.

Къ добычѣ соли допускается всякій, притомъ способомъ, который признается имъ за наилучшій, но въ дальнѣйшемъ промышленники устраняются уже отъ торговли солью, которая по таксированной цѣнѣ скупается или правительственными агентами или откупщиками, пріобрѣвшими у правительства право снабжать этимъ продуктомъ извѣстный районъ.

При торговыхъ операціяхъ съ солью наблюдаются слѣдующіе варьянты по округамъ:

1) оптовые торговцы солью, уплативъ какъ основной соляной налогъ «ко», такъ и «ли-цзинь», распоряжаются своимъ товаромъ по усмотрѣнію;

2) оптовый торговецъ, выбравъ свидѣтельство на право торговли солью, пріобрѣтаетъ этотъ товаръ не изъ первыхъ рукъ, а изъ правительственныхъ складовъ;

Чжанъ-лу, обнимающій провинцію Чжи-ли, прилегающія къ ней части Монголіи и Маньчжурію;

Хэ-дунъ въ составѣ провинцій: Шэнь-си, Шань-си и Хэ-нань (частью);

Лянъ-хуай, въ составъ коего входятъ провинція Ань-хой и части провинцій: Цзянъ-су, Цзянъ-си, Ху-бэй и Ху-нань;

Лянъ-чжэ, состоящій изъ провинціи Чжэ-цзянъ и части провинціи Цзянъ-су;

Фу-цзянь, въ который входятъ провинція Фу-цзянь и части смежныхъ съ нею провинцій;

Гуанъ-дунъ, обнимающій провинціи Гуанъ-дунъ, Гуанъ-си и части провинцій Цзянъ-си и Юнь-нань;

Сы-чуань, состоящій изъ провинцій Сы-чуань и Гань-су и части провинціи Юнь-нань.

Цвѣтковъ же, базирующійся на китайскихъ сочиненіяхъ—„Ху-бу-цзэ-ли“, „Янь-хуай-янь-фа-чжи“ и „Хуанъ-чао-цзинъ-ши-вэнь-бянь“, насчитываетъ девять соляныхъ округовъ („Замѣчанія о соляномъ производствѣ въ Китаѣ“ въ „Трудахъ членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ“, III, стр. 108)—разнорѣчіе, вѣроятно, лишь кажущееся, такъ какъ, во первыхъ, названные выше авторы соединяютъ два округа—*Хуай-бэй* и *Хуай-нань* въ одинъ *Лянъ-хуай*, а во вторыхъ, ничего не говорятъ о провинціи Синь-цзянъ и западной Монголіи.

3) оптовые торговцы совершенно устраняются, и правительство принимаетъ на себя всѣ операціи съ солью вплоть до продажи ея въ розницу; въ этомъ случаѣ чиновники соляной администраціи продаютъ ее по цѣнѣ, покрывающей какъ расходы по покупкѣ, перевозкѣ и храненію ея, такъ и ложащіеся на нее налоги.

Въ нѣкоторыхъ районахъ Юнь-нан'и, населенныхъ инородцами, торговля солью производится на иныхъ началахъ, сходныхъ съ тѣмъ, что мы видимъ теперь въ Синь-цзин'ской провинціи: промышленники не устраняются тамъ отъ права распоряжаться добытымъ продуктомъ по своему усмотрѣнію.

Количество соли, потребляемое ежегодно въ каждомъ соляномъ округѣ, приблизительно извѣстно, и соотвѣтственно съ симъ производится и выдача свидѣтельствъ на право торговли ею. При этомъ контроль за этой торговлей обставленъ далеко не вездѣ одинаковыми условіями; такъ, напримѣръ, въ округѣ Хуай торговецъ, купивъ соль по назначенной правительствомъ цѣнѣ, можетъ везти ее въ любой торговый центръ этого округа, но здѣсь обязанъ сдать ее вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ соляному приставу (вэйюан'ю), который, строго соблюдая очередь выпуска товара на рынокъ, и производитъ уже продажу его по установленной цѣнѣ. Такой порядокъ вполнѣ гарантируетъ правительству правильность поступленія обоихъ налоговъ—«ку» и «ли-цзин'я», такъ какъ при немъ торговецъ лишенъ возможности вывезти соль за предѣлы своего округа и доставить ее въ казенный амбаръ въ количествѣ большемъ показаннаго въ свидѣтельствѣ.

Въ Синь-цзян'ской провинціи нѣтъ этихъ формальностей: свидѣтельства здѣсь не выбираются, ли-цзинь и ку не платятся, взамѣнъ же, за право торговли солью, на мѣстѣ добычи ея уплачивается единожды навсегда баджъ по два цян'я за ишачій вьюкъ.

Эбинорская поваренная соль отличается превосходными качествами: она бѣлая, чистая, крупнозернистая и, повидимому, содержитъ лишь ничтожную примѣсь постороннихъ солей [1]). Она мощными пластами устилаетъ почву, изъ которой выбивается множество теплыхъ соленыхъ ключей. По русламъ этихъ-то ключей и добывается лучшая по своимъ качествамъ соль. Главнѣйшія ломки ея находятся верстахъ въ пяти къ сѣверо-западу отъ пикета Шацюань-цзы, лишь немного не доходя до урѣза озерной воды [2]).

---

[1]) Химическій анализъ привезеннаго мною образца этой соли если и былъ сдѣланъ, то своевременно не былъ сообщенъ мнѣ профессоромъ Мушкетовымъ.

[2]) См. замѣтку полк. Матвѣева въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1879 г., № 10.

Успенскій оцѣниваетъ ежегодную добычу ея въ 400 тысячъ пудовъ, что преувеличено по меньшей мѣрѣ разъ въ десять, ибо если даже принять за норму для западнаго Китая годовое потребленіе ея въ Россіи, составляющее менѣе 30 фунтовъ на человѣка, то и тогда такого запаса соли хватило бы на населеніе численностью свыше 525 тысячъ душъ, между тѣмъ, въ Кульджинскомъ районѣ, куда главнымъ образомъ только и вывозится эбинорская соль, живетъ едва-ли болѣе 50 тысячъ душъ.

За ручьемъ Ша-цюань-цзы дорога вышла на солонцовую степь съ разбросанными по ней буграми песку, поросшими преимущественно бӧртекеномъ (Nitraria schoberi). На пятой верстѣ пески эти стали сплошными съ явными слѣдами недавняго переноса, но лошади прошли ихъ легко, точно предчувствуя, что за ними ихъ ожидаетъ болѣе легкій участокъ пути. Дѣйствительно, мы вскорѣ вступили на твердую почву каменистой пустыни, узкимъ поясомъ окружающей здѣсь сѣверный отрогъ Кара-дабана.

Этотъ отрогъ совершенно безплоденъ и состоитъ изъ почернѣвшихъ отъ времени скалъ мелкозернистаго песчаника и глинистаго сланца, которые въ свѣжемъ изломѣ имѣютъ всѣ оттѣнки отъ свѣтло-сѣраго до чернаго и зеленаго. Дорога пересѣкаетъ его по сѣдловинѣ, возвышающейся футовъ на 400 надъ уровнемъ окрестной пустыни, и для телѣгъ, слѣдующихъ съ востока, благодаря постепенности подъема, не представляетъ особенныхъ затрудненій; но спускъ съ перевала крутъ и усѣянъ крупнымъ щебнемъ, среди котораго я видѣлъ не мало обломковъ желтаго гранито-порфира.

Съ перевала городъ Цзинъ-хэ былъ уже виденъ; до него оставалось едва-ли болѣе пяти верстъ, пролегавшихъ частью по каменистой, частью по глинисто-песчаной степи съ тощей кустарной растительностью.

Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» говорится: «рѣка Цзинъ-хэ проходитъ въ ½ ли разстоянія отъ западной стороны *стараго* города Цзинъ-хэ» и далѣе: «Ань-фу [1]) это названіе *новаго* города Цзинъ-хэ» [2]), но авторы этого сочиненія не поясняютъ, къ какому времени относится постройка обоихъ городовъ [3]). Равнымъ обра-

---

[1]) Успенскій (op. cit., стр. 193) и Матусовскій („Географ. Обозр. Кит. имп.“, стр. 231) пишутъ Ань-фоу-чэнъ, что значитъ—„городъ спокойныхъ холмовъ“.

[2]) Стр. 469.

[3]) Все, что мы знаемъ о далекомъ прошломъ Цзинъ-хэ, ограничивается извѣстіемъ, что въ Танскую эпоху на его мѣстѣ находился городокъ (военно-окружное управленіе) Ва-лу-чжоу („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 151).

зомъ и въ другихъ китайскихъ источникахъ, трактующихъ объ исторіи и географіи этого края, не содержится соотвѣтственныхъ указаній. Извѣстно лишь, что Ань-фу существовало раньше 1775 года, когда норма подлежавшей обработкѣ земли установлена была здѣсь для хлѣбопашенныхъ солдатъ [1]) въ 3,360 му [2]).

Современный Цзинъ-хэ, или, какъ его здѣсь называютъ, Джинъ-хо [3]), не великъ, занимаетъ почти квадратную площадь и имѣетъ четверо воротъ, изъ коихъ только юго-восточныя, выводящія въ предмѣстье, и юго-западныя, обращенныя къ рѣкѣ, постоянно открыты. Съ городомъ мы познакомиться не успѣли, предмѣстье же представляетъ ряды невзрачныхъ лавокъ и торговыхъ помѣщеній, вытянувшихся въ улицу вдоль дороги. Его средняя абсолютная высота, выведенная изъ четырехъ опредѣленій, равняется 1,069 футамъ [4]).

Въ Цзинъ-хэ, гдѣ цѣны на всѣ жизненные припасы стояли довольно высокія [5]), рѣшено было раздѣлиться: телѣги должны были слѣдовать въ Илійскую долину черезъ перевалъ Талки и селеніе Ляо-цао-гоу, откуда имѣлся уже прямой путь въ городъ

---

[1]) Послѣ занятія китайцами въ XVIII вѣкѣ южной Джунгаріи, въ ней размѣщены были два рода войскъ—изъ маньчжуръ и природныхъ китайцевъ. Изъ числа первыхъ были обязанные хлѣбопашцы, называвшіеся „ци-ху“, т. е. знаменными или маньчжурскими; изъ числа вторыхъ вольные хлѣбопашцы, называвшіеся „бинъ-ху“, т. е. военными (см. статью „Урумци“ въ „Извѣст. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, VIII, 1872, стр. 207).

Обычай заводить въ завоеванномъ краѣ колоніи „военнопашцевъ“ ведется въ китайской имперіи съ незапамятныхъ временъ; такъ уже послѣ знаменитаго похода Ли-гуанъ-ли на Давань, т. е. за 100 лѣтъ до Р. Хр., „отъ Дунь-хуанъ на западъ до Соленаго озера (Лобъ-нора) учреждены были частые военные посты, а въ Бюгурѣ (Бугурѣ, т. е. Лунь-тай'ѣ) и Кюйли (Цюй-ли; см. т. II, стр. 14) поставлено по нѣсколько сотъ военнопашцевъ, опредѣлены приставы, на которыхъ возложено какъ охраненіе военнопоселеній, такъ и продовольствіе чиновниковъ, посылаемыхъ въ иностранныя государства“. (Іакинфъ—„Собр. свѣд. о народахъ, обит. въ Средн. Аз. въ древн. времена“, III, стр. 35—36).

[2]) „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 472. Одна китайская му равна 0,01 части русской десятины.

[3]) См. т. I, стр. 40.

[4]) Абсолютную высоту Цзинъ-хэ опредѣляли слѣдующія лица:

Галкинъ	300 фт.
Матвѣевъ.	880 „
Обручевъ	951 „
Ларіоновъ	1,200 „
Сверхъ того, Костенко приводитъ для этого города цифру	1,245 „
Средняя изъ послѣднихъ четырехъ опредѣленій.	1,069 фт.

[5]) Мы платили: за гинь хлѣба 3 фыня, за доу риса 7 цяней, за дадань гороха 3½ лана, за сотню малыхъ сноповъ (около 3 фунтовъ каждый) кунакчина (просяной соломы) 2 лана; одновременно 1 шэнь соли продавался за 2 фыня, 1 гинь пшеничной муки за 2½ фыня, 1 гинь бараньяго сала за 7 фыней, мяса за 3½ фыня, 1 гинь китайской водки за 2 цяня.

Джаркентъ, намъ же предстояло предварительно заѣхать въ Кульчжу, для чего мы и избрали кратчайшій туда путь черезъ перевалъ Цытерты.

Этотъ путь, длиной въ 185 верстъ, черезъ рыхлые снѣга, которыми завалены были горы, мы хотѣли пройти въ трое сутокъ; но при этомъ возникъ вопросъ: а какъ же быть намъ съ баранами, изъ коихъ два слѣдовали за нами—одинъ изъ Джаркента, другой изъ урочища Цаганъ-Усу, и на послѣдокъ показали себя необыкновенными ходоками, пройдя въ два мѣсяца свыше 1,550 верстъ? Особенно жаль было джаркентца! Но въ концѣ концовъ намъ все равно пришлось бы разстаться съ ними, а потому, призвавъ хозяина таня, который показался намъ человѣкомъ порядочнымъ, мы предложили ему принять отъ насъ всѣхъ барановъ съ тѣмъ, чтобы обоимъ нашимъ любимцамъ сохранена была жизнь. Китаецъ очень удивился предложенію, но обѣщалъ свято исполнить просимое:

— Завтра же они будутъ отправлены въ стадо знакомаго мнѣ торгоута!

Городъ Цзинъ-хэ мы покинули ночью. Проводника съ нами не было, но намъ казалось, что мы и безъ него найдемъ дорогу на перевалъ. Однако уже за рѣкой Цзинъ [1]), благодаря темнотѣ, мы сбились съ пути. Пришлось ѣхать пашнями, пока случайно мы не набрѣли на человѣческое жилье. На наши окрики въ фанзѣ поднялся переполохъ, но когда китайцы сообразили, въ чемъ дѣло, то одинъ изъ нихъ вызвался даже вывести насъ на большую дорогу.

Къ восходу солнца мы добрались до урочища Юнъ-цзы-ху [2]), перешли здѣсь по мосту черезъ послѣдній арыкъ, выведенный изъ рѣки Цзинъ, и, держась затѣмъ сѣверной окраины высокихъ наметовъ песку, вышли къ глубокому руслу временнаго потока, въ которомъ еще, повидимому, недавно струилась вода [3]). Русло это мы перешли нѣсколько выше, чѣмъ въ минувшемъ году [4]), и, оставивъ вправо урочище Тойли, Толье или Толи [5]), вышли на

---

[1]) Авторы „Мэнъ-гу-ю-му-цзи“ (стр. 469) высказываютъ предположеніе, что р. Цзинъ-хэ есть р. Ши-ци Танскихъ временъ.

[2]) Въ переводѣ Успенскаго—„болото вѣчнаго счастія“ (op. cit., стр. 192).

[3]) Не эта-ли рѣчка носила нѣкогда названіе Толи-булакъ-шуй? См. St. Julien—„Hydrographie de la nouv. frontière“.

[4]) См. т. I, стр. 39.

[5]) Урочище Толи служило нѣкогда стойбищемъ чжасака цзинхэскихъ старыхъ торгоутовъ („Мэнъ-гу-ю-му-цзи“, стр. 152); тогда же, повидимому, находилась въ немъ и станція казенной (колесной) дороги изъ Кульчжи въ Урумчи (ibid., стр. 463).

каменистую степь, поросшую хвойникомъ и чахлымъ саксауломъ, которой и слѣдовали до ущелья рѣки Боростай'я или Тагуръ-су [1]). Въ ней мы нашли довольно высокую воду, которая объяснялась быстрымъ сходомъ, при температурѣ въ тѣни 10°, наканунѣ выпавшаго снѣга.

Ущельемъ Боростая, къ описанію котораго я возвращаться не буду [2]), мы прошли верстъ шестнадцать и остановились на ночлегъ нѣсколько выше устья рѣчки Нилки, она же Нилха [3]), Хуста и Чакыръ-су, на мысомъ упиравшейся въ рѣку площадкѣ, обросшей по краямъ тополемъ и караганой. Подножнаго корма тутъ не было, и наши лошади получили лишь усиленную дачу гороха, который мы захватили съ собой въ качествѣ фуража.

Спали не раздѣваясь, имѣя изголовьемъ сѣдельныя подушки, и проснулись задолго до разсвѣта. Солнце застало насъ уже въ урочищѣ Ачалъ, откуда колесная Пиличинская [4]) дорога сворачивала на западъ, наша же, на перевалъ Цитерты [5]), шла прямо на сѣверъ.

Абсолютная высота этого урочища 5,460 фт. [6]); футовъ же на пятьсотъ выше начался сплошной снѣгъ, изъ подъ котораго тропинка обнажалась только мѣстами. Хорошо еще, что передъ нами здѣсь кто-то проѣхалъ; иначе не легко было бы намъ взобраться на перевалъ по падямъ, всѣ неровности коихъ были скрыты подъ рыхлой пеленой свѣжаго снѣга.

Подъ самымъ переваломъ его было аршина на полтора; онъ плохо слежался, и мы только съ большимъ трудомъ его одолѣли; но наконецъ добрались и до каменистаго спуска, оставшагося намъ столь памятнымъ по прошлому году. Скоро затѣмъ мы миновали урочище Учъ-табанъ и, переваливъ черезъ горный отрогъ, вышли въ долину Чонъ-кола [7]). Здѣсь мы обогнали стадо барановъ—арьергардъ перебравшагося на зимнюю квартиру кызаевскаго аула [8]).

---

[1]) Ларіоновъ („Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.", XVI, 1880, стр. 355) называетъ вершину Боростая (Боргуста) рѣкой Тоскоуръ.

[2]) См. т. I, стр. 35—37.

[3]) St. Julien („Hydrographie de la nouvelle frontière", стр. 52) переводитъ—Nilkha.

[4]) Въ мѣстномъ произношеніи Пиликчи (см. т. I, стр. 33); однако въ „Синь-цзянъ-чжи-лё" сказано Пиличинъ. St. Julien („Notices sur les pays et les peuples étrangers" въ „Journ. As.", 4 série, VIII, 1846, стр. 443) переводитъ—Piritsin. Пантусовъ пишетъ „Пиличи" („Свѣдѣнія о Кульчжинскомъ районѣ за 1871—1877 года", стр. 49—50).

[5]) Пишутъ также Цетырты; не знаю, что правильнѣе.

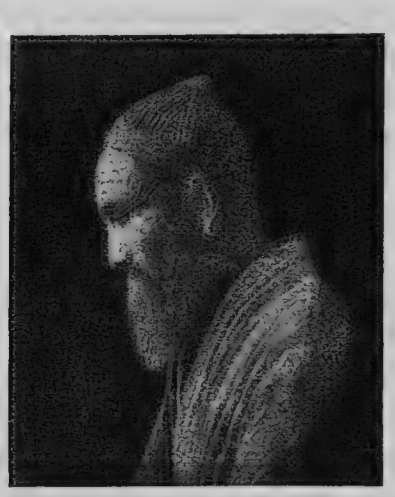
[6]) Ларіоновъ, ibid.

[7]) Объ этомъ участкѣ пути см. т. I. стр. 31—34.

[8]) При занятіи русскими Кульчжи кызаи кочевали лишь на сѣверныхъ склонахъ хр. Боро-хоро, главнымъ образомъ въ долинѣ Бороталы; нынѣ же они перешли и на южные склоны

Въ долинѣ Чонъ-кола было уже мало снѣга, а ниже устья р. Джаргалы, откуда рѣка эта получаетъ монгольское названіе Боро-боргасу [1]), онъ даже пересталъ вовсе встрѣчаться. Но за то появилась грязь—яркокрасная, ослизлая глина, которая до-нельзя затрудняла бѣгъ лошадей.

Когда мы поравнялись съ устьемъ рѣчки Талды, солнце закатилось за горы, и въ ущельи вдругъ стало сыро, холодно и непривѣтливо. Пришлось пустить въ дѣло нагайки и рысью пройти послѣдній участокъ пути, который показался намъ безконечнымъ. Но когда онъ былъ пройденъ, съ какимъ наслажденіемъ окинули мы взоромъ раскинувшуюся предъ нами долину, которая сказала намъ, что путешествіе наше окончилось... Да, оно должно было окончиться завтра, со вступленіемъ въ городъ Кульчжу!



Таранча.

Таранчинка.

Мы ночевали въ выселкѣ Уразъ-бай, гдѣ насъ встрѣтили, какъ старыхъ знакомыхъ. По случаю нашего возвращенія пріютившіе насъ таранчи хотѣли было созвать музыкантовъ, но мы послѣ скверно проведенной ночи и пятнадцати-часового пребыванія въ сѣдлѣ валились съ ногъ отъ усталости и послѣ чая тотчасъ же улеглись спать.

этого хребта, гдѣ овладѣли долинами Боро-бургасу и Пиличинской, вытѣснивъ изъ первой калмыковъ Арбунъ сумуновъ, а изъ второй чахаровъ. Калмыки Арбунъ сумуновъ, въ числѣ 1,200 юртъ, кочуютъ въ настоящее время въ мѣстности Тексымъ-бомъ (?).

[1]) Мнѣ, какъ и другимъ путешественникамъ, называли ее Боробогосунъ (см. т. I, стр. 32). Между тѣмъ, въ „Синь-цзянъ-чжи-лё“ (St. Julien—„Hydrographie de la nouvelle frontière“, стр. 52) и въ „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи“ (его же—„Notices sur les pays et les peuples étrangers“ въ „Journ. As.“, VIII, стр. 394) она названа Боро-бургасу, что значитъ рѣка „зеленыхъ тополей“.

Сонъ былъ однако безпокоенъ, а желаніе скорѣе добраться до Кульчжи, гдѣ мы разсчитывали найти письма съ родины и деньги изъ Географическаго Общества [1]), подняло насъ задолго до разсвѣта. И вотъ, мы снова въ сѣдлѣ и рысью бѣжимъ по знакомой дорогѣ. Мы считаемъ часы, минуты... пока въ дали не показались, наконецъ, городскіе сады...

Кара-киргизъ р. Канлы.

Въ Кульчжу мы прибыли послѣ полудня 8 ноября 1890 года [2]).

На этомъ днѣ обрывается мой дневникъ. Прежде однако, чѣмъ окончательно проститься съ читателемъ, мнѣ остается сдѣлать, вопервыхъ, обычный обзоръ климатическихъ данныхъ, относящихся къ переходному времени между осенью и зимой, и во-вторыхъ, освѣтить одинъ изъ главнѣйшихъ результатовъ, достигнутыхъ экспедиціей. Послѣднее составитъ тему двухъ заключительныхъ главъ настоящаго тома.

Сосланный китайскій чиновникъ, оставившій намъ свои любопытныя замѣтки объ южной Джунгаріи, говоритъ слѣдующее о климатѣ этой послѣдней: Дожди выпадаютъ въ Урумчи очень рѣдко, не болѣе одного, двухъ разъ за лѣто; случается, что и вовсе ихъ не бываетъ; зато снѣга обильны до такой степени,

---

[1]) Дѣйствительно, мы получили здѣсь изъ суммъ означеннаго Общества двѣ тысячи рублей, что и дало намъ возможность разсчитаться съ извощиками, выплатить по 175 рублей каждому изъ казаковъ, оплатить пересылку нашихъ коллекцій и расходы по обратному возвращенію въ Петербургъ.

[2]) Средняя абсолютная высота этого города, равная 2,240 фт., выведена изъ слѣдующихъ опредѣленій:

Матвѣевъ	2,070 фт.	
Пржевальскій	2,080 „	
Грумъ-Гржимайло	2,200 „	
Костенко	2,265 „	
Жилинскій	2,300 „	(баром.)
Шварцъ	2,300 „	(баром.)
Ларіоновъ	2,350 „	(баром.)
„	2,365 „	„
Средняя	2,241 фт.	

что изъ за нихъ иногда прекращается сообщеніе между отдѣльными пунктами. Вслѣдствіе господствующихъ здѣсь зимой сильныхъ холодовъ, отъ которыхъ почва глубоко промерзаетъ, озимые не высѣваются и Джунгарія производитъ одни лишь яровые хлѣба [1]).

Въ общемъ краткая характеристика эта подтверждается и нашими метеорологическими здѣсь записями: почти постоянно ясное небо лѣтомъ смѣнилось облачнымъ и пасмурнымъ поздней осенью и зимой, нестерпимый лѣтній зной—морозомъ, доходившимъ уже въ концѣ октября до 20 градусовъ. Припомнимъ кстати, что Пржевальскому въ декабрѣ 1877 года пришлось испытать здѣсь въ теченіе пяти сутокъ кряду морозъ, переходившій за 40° Цельсія [2]), и что намъ доставлены были въ Хами туши горныхъ барановъ съ отмороженными ушами!

Переходя отъ этихъ общихъ замѣчаній къ частностямъ метеорологическаго дневника, приходится отмѣтить слѣдующее:

Всѣ наши наблюденія съ 22 октября по 8 ноября, если исключить моментъ перехода черезъ хребетъ Боро-хоро, могутъ быть пріурочены къ средней абсолютной высотѣ 1,665 фт. [3]). Они обнимаютъ періодъ въ 18 дней, изъ числа коихъ ясныхъ въ теченіе всего дня [4]) насчитывалось въ южной Джунгаріи—3, въ Илійской долинѣ 1, облачныхъ 3, пасмурныхъ 5, перемѣнныхъ 6; изъ числа послѣднихъ на долю частью ясныхъ, частью пасмурныхъ дней приходилось 4. Такимъ образомъ общее число дней, когда небо было болѣе или менѣе затянуто дождевыми (nimbus) или слоистыми (strato-cumulus) облаками, равняется девяти или 50 процентамъ общаго числа дней наблюденія [5]).

---

[1]) „Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1872, VIII, стр. 205.

[2]) „Третье путешествіе въ центральной Азіи“, стр. 31.

[3]) Эта средняя выведена изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Средняя абс. выс.
Урумчи	3,013 фт.
Хутуби	1,688 „
Манасъ	1,479 „
Куръ-Кара-усу	1,609 „
Гурту	1,200 „
Ту-ду	1,100 „
Цзинъ-хэ	1,069 „
Кульчжа	2,240 „
Средняя	1,665 фт.

[4]) Что я называю ясными, облачными и пасмурными днями — разъяснено выше, въ главахъ VI и X.

[5]) Ср. т. I, стр. 500—501.

Снѣгъ выпадалъ дважды, притомъ оба раза шелъ по нѣсколько часовъ кряду, сопутствуемый западнымъ вѣтромъ.

Вѣтреныхъ дней было шесть; по румбамъ вѣтры распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: съ запада 3, съ востока 3, съ юго-востока 1. Западный вѣтеръ приносилъ тучи, восточный—ясную погоду.

Дней, когда термометръ въ теченіе сутокъ не опускался ниже нуля, было всего лишь два; оба приходились на ноябрь, когда мы спустились въ Илійскую долину; дней же, когда максимумъ температуры стоялъ выше нуля, оказалось десять. Максимумъ температуры (13^0) выпалъ на 3 часа пополудни 8 ноября (въ Кульчжѣ), минимумъ (-20^0) на 7 час. утра 28 октября (въ Манасѣ). Суточная амплитуда колебалась въ предѣлахъ между 4^0 (1 ноября, Куръ-кара-усу) [1]) и $14^0,5$ (4 ноября, Гурту-Туду) [2]).

Нѣкоторыя особенности температуры за разсматриваемый періодъ времени видны изъ слѣдующаго:

Мѣсто наблюденія.	Число.	Минимумъ.	Максимумъ.	Суточн. средн.	Число наблюд.	Состояніе неба.	Направленіе вѣтра.
Урумчи	23 октября.	3 ч. утра—7^0	1 ч. дня 4^0	— $1^0,2$	14	облачно.	C
Хутуби	25 „	6 ч. „ —$1^0,5$	3 ч. „ 7^0	2,8	11	съ утра ясно, послѣ 10 ч. пасмурно.	съ 8 ч. у. до 10 ч. у. сильный SO, затѣмъ средней силы W; съ 5 ч. пол. затишье.
Тугурикъ	26 „	9 ч. веч.—10^0	1 ч. ночи 1^0	— 5^0	12	пасмурно; обильный снѣгъ.	W
Манасъ	27 „	7 ч. утра—$18^0,5$	3 ч. дня—12^0	—$14^0,7$	9	ясно.	O
Уланъ-усу	28 „	7 ч. „ —20^0	2 ч. „ —12^0	—$14^0,8$	12	съ утра — ясно; послѣ полудня пасмурно.	W
Куръ-кара-усу	31 „	6 ч. „ —11^0	12 ч. „ — 3^0	—$5^0,2$	15	пасмурно.	W
„	1 ноября	7 ч. „ — 7^0	2 ч. „ — 3^0	—$4^0,6$	17	пасмурно.	C
Ту-ду	4 „	6 ч. „ — $7^0,5$	1 ч. „ 7^0	1^0	12	ясно; послѣ 10 ч. пасмурно.	C
р. Боростай	6 „	5 ч. „ —3^0	12 ч. „ $9^0,5$	$2^0,5$	8	облачно.	C
Кульчжа	8 „	5 ч. „ 4^0	3 ч. „ 13^0	8^0	5	ясно.	C

---

[1]) Выведена изъ слѣдующихъ температуръ:

г. Куръ-кара-усу . . . . . 7 ч. утра—7^0

„ „ . . . . . 2 ч. дня—3^0

Суточная амплитуда 4^0

[2]) Она выведена изъ слѣдующихъ показаній термометра:

Гурту . . . . . 6 ч. утра—$7^0,5$

Ту-ду . . . . . 1 ч. дня $+7^0$

Суточная амплитуда $14^0,5$

Такимъ образомъ самые холодные дни выпали на 27 и 28 октября при ясномъ небѣ и слабомъ вѣтрѣ; самый теплый день на 8 ноября, въ долинѣ Или.

Въ заключеніе еще нѣсколько данныхъ.

Наибольш. средн. темпер. дня (съ 6 ч. утра до 6 ч. веч.) состав. 9^0 (8 ноября, въ дол. Или).
„ „ „ „ („ 6 „ „ „ 6 „ „) „ $4^0,7$ (6 ноября, въ Джунгаріи).
Наименьшая „ „ „ („ 6 „ „ „ 6 „ „) „ —14,7 (27 октября)
Наибольшая „ „ ночи („ 6 „ веч. „ 6 „ утра) „ 5 (съ 6 на 7 ноября).
Наименьшая „ „ „ („ 6 „ „ „ 6 „ „) „ —15,8 (съ 27 на 28 октября).
Число дней, средняя температура коихъ была выше 0^0 — 9.
„ ночей, „ „ „ „ „ 0^0 — 5.
Мѣсячная амплитуда (за октябрь) равнялась 42^0 (максимумъ температуры $+22^0$, минимумъ -20^0).
Средняя за октябрь $+ 2^0,7$.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло

Путешествіе въ Западный Китай. Томъ III.

Иванъ Чуркинъ. Иванъ Комаровъ.

Михаилъ Фатеевъ. Матвѣй Комаровъ.

Николай Ананьевъ. Андрей Глаголевъ.

Ташбалта Иссыманъ Ходжаевъ. Матвѣй Жиляевъ.

Типографія Ф. Флоренъ, С.-Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Пресмн. Н. Коминскій.

ГЛАВА XV.

Зоогеографическій характеръ фауны чешуекрылыхъ сѣверо-восточной окраины Тибета.

Въ заключеніе мнѣ остается подѣлиться съ читателемъ тѣми зоогеографическими выводами, къ которымъ привело меня ближайшее изученіе лепидоптерологическихъ фаунъ восточнаго Тянь-шан'я и сѣверо-восточной окраины Тибета.

Первыя свѣдѣнія о лепидоптерологической фаунѣ послѣдняго изъ названныхъ районовъ были доставлены экспедиціями Пржевальскаго [1]), Потанина [2]) и графа Сечени [3]); но небольшіе сборы этихъ путешественниковъ еще не позволяли судить о характерѣ ея сродства съ сосѣдними фаунами.

Гораздо полнѣе оказались сборы Rückbeil'я; но они подтвердили лишь то, что уже ясно вытекало изъ обзора доставленнаго мной матеріала, частью обработаннаго ранѣе 1895 года [4]), когда появи-

---

[1]) Alpheraky — „Lépidoptères rapportés du Thibet par le général N. M. Przewalsky de son voyage de 1884—1885“ въ „Mémoires sur les lépidoptères“, rédigés par N. M. Romanoff, V, 1889.

[2]) Alpheraky—„Lépidoptères rapportés de la Chine et de la Mongolie par G. N. Potanine“, тамъ же, V и VI.

[3]) Frivaldszky—„Lepidoptera nova et varietates in Expeditione ad oras Asiae orientalis comitis B. Széchenyi, a Dem. Kreitner, et Loczy collecta“ въ „Természetrajzi Füzetek kiadja a Magyar Nemzeti Museum“, X, 1886.

[4]) Grum-Grshimailo—„Lepidoptera nova in Asia Centrali novissime lecta“ въ „Horae Societatis Entomologicae Rossicae“, XXV, 1891; его же—„Lepidoptera palaearctica nova“, тамъ же, XXVII, 1893, стр. 127—129 и 379—386; XXIX, 1895, стр. 290—293.

См. также Alpheraky—„Lepidoptera nova a Gr. Grum-Grshimailo in Asia Centrali novissime lecta“, тамъ же, XXVI, 1892; его же—въ „Iris“, VI, 1894.

Сверхъ того, одна разновидность и нѣкоторые виды изъ сбора Березовскаго описаны были мною въ „Ежегодникѣ Зоологическаго Музея Императорской Академіи Наукъ, VII, 1902, въ статьѣ „Lepidoptera nova vel parum cognita regionis palaearcticae“ № 2.

лось первое описаніе новыхъ формъ, найденныхъ помянутымъ собирателемъ [1]).

Я затрудняюсь назвать эту фауну тибетской, такъ какъ районъ ея въ такомъ случаѣ долженъ былъ бы охватывать мѣстности съ весьма различными физико-географическими условіями и въ лепидоптерологическомъ отношеніи другъ другу болѣе чуждыя, чѣмъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности къ сосѣднему лепидоптерологическому району; такъ фауна Кунь-лун'я, сколько извѣстно, почти не разнится отъ фауны Памира, а фауна долины Цзамбо отъ гималайской.

Въ ботаническомъ отношеніи Максимовичъ [2]), а за нимъ и Hemsley [3]), также выдѣляютъ долину Цзамбо изъ состава земель тибетской флоры; равнымъ образомъ первый изъ названныхъ авторовъ подраздѣляетъ сѣверный Тибетъ на двѣ ботаническія области: къ западу и востоку отъ діагонали Тэнгри-норъ (Намъ-цзо)— истоки Желтой рѣки; точнѣе же въ восточную область онъ включаетъ Нань-шань, весь бассейнъ озера Куку-норъ и бассейнъ верховій рѣки Хуанъ-хэ, въ западную — остальную часть сѣвернаго Тибета съ Цайдамомъ, Алтынъ-таг'омъ и системой Кунь-лунь'скихъ хребтовъ.

Въ такомъ дѣленіи Тибета на ботаническія области я нахожу основанія къ выдѣленію и лепидоптерологической фауны Нань-шан'я и бассейновъ Куку-нора и верховій Желтой рѣки въ особую фауну, которую и предлагаю назвать *ганьсуйской*.

Районъ, занимаемый этой фауной, рѣзко ограниченъ на западѣ и сѣверѣ поясомъ болѣе или менѣе высоко лежащихъ пустынь, на востокѣ долиной Желтой рѣки и на югѣ водораздѣломъ между бассейнами этой послѣдней и Янъ-цзы-цзян'а (Голубой рѣки).

Послѣдняя граница соотвѣтствуетъ и границѣ орнитологическихъ фаунъ — ганьсуйской и мупинской [4]).

Въ такихъ границахъ онъ представляетъ высоко приподнятую надъ уровнемъ моря горную страну съ хребтами, подымающимися

---

[1]) Staudinger въ „Deutsche Entomologische Zeitschrift“ („Iris“), VIII, 1895.
Püngeler, тамъ же XII, 1899, XIII, 1900.

[2]) „Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго“, отдѣлъ ботаническій, I, 1, „Flora tangutica“.

[3]) „The Flora of Tibet or High Asia“ въ „Journal of the Proceedings of the Linnean Society of London“ (Botany), XXXV, 1902.

[4]) Бianки и Березовскій—„Птицы ганьсуйскаго путешествія Г. Н. Потанина“, стр. II.

мѣстами за снѣговую линію, и долинами, нигдѣ не опускающимися ниже 5,300 фт. [1]), но зато нерѣдко всей своей площадью лежащими выше 10,500 фт. (Бухаинголская, верховій Су-лай-хэ, Тао-лай-хэ и др.). Большинство этихъ долинъ, при значительной глубинѣ, имѣетъ умѣренную ширину, мѣстами же долины переходятъ въ ущелья. Циркообразныя расширенія рѣдки; они сосредоточены преимущественно въ западной половинѣ района, гдѣ мѣстность вообще площе, хотя абсолютно и выше. Кромѣ большихъ озерныхъ котловинъ, Кукунорской и Гарматанской, или точнѣе, котловины озеръ Норинъ-цо и Царинъ-цо, дающихъ начало Желтой рѣкѣ [2]), здѣсь имѣется рядъ мелкихъ водныхъ резервуаровъ среди плоскихъ степныхъ береговъ; озеръ же, приближающихся по типу къ альпійскимъ, во всемъ районѣ имѣется только два: Хара-норъ (13,280 фт.) и Тосунъ-норъ.

Скалистыя массы горъ господствуютъ лишь на окраинахъ района—сѣверной и восточной; въ западной же его части и отчасти въ южной онѣ отходятъ на второй планъ, уступая мѣсто возвышенностямъ съ пологими склонами и мягкими очертаніями; впрочемъ, гребни хребтовъ остаются и здѣсь большею частью скалистыми.

Орошеніе этой горной страны повсемѣстно обильное, и только сѣверные склоны передовой Нань-шань'ской гряды и западные хребтовъ, обращенныхъ къ Цайдаму, находясь подъ изсушающимъ вліяніемъ сосѣднихъ пустынь, отличаются бѣдностью текущихъ водъ и выглядятъ дикими и пустынными.

Линія вѣчнаго снѣга проходитъ въ Амдо на абсолютной высотѣ 15,700 фт. [3]), опускаясь на сѣверныхъ склонахъ Нань-шан'я до высоты 14,700 фт., въ предѣлахъ же сѣверо-восточнаго Тибета она поднимается еще выше, а именно, до 16,500 фт. [4]).

---

[1]) Лань-чжоу-фу. Эта средняя выведена изъ нижеслѣдующихъ опредѣленій:

Сосновскій	5,607 фт.	Рокхиль	5,167 фт.
Матусовскій	5,600 „	Крейтнеръ	5,148 „
Bell	5,499 „	Обручевъ	4,957 „
Рокхиль	5,446 „	Потанинъ	4,905 „
Крейтнеръ	5,312 „	Средняя	5,294 фт.

[2]) Эти географическія названія—тибетскія; соотвѣтствующія монгольскія будутъ: Одонъ-тола, Норинъ-норъ (въ прежнее время Ала-норъ) и Джаринъ-норъ.

[3]) Потанинъ („Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія", I, стр. 297) нашелъ на горѣ Сюѣ-шань, въ Амдо, пятна снѣга на высотѣ 13,950 фт.; однако едва-ли то былъ вѣчный снѣгъ. Да онъ и самъ пишетъ далѣе: „отъ достиженія линіи сплошныхъ снѣговъ пришлось отказаться".

[4]) Согласно даннымъ Пржевальскаго. Рокхиль-же, правда—въ апрѣлѣ, нашелъ перевалъ Амуни-коръ, въ горахъ Бурханъ-бода, на много верстъ подъема заваленнымъ снѣгомъ, хотя абсолютная высота его и не превышаетъ 16,250 фт. („Въ страну ламъ", стр. 104).

Поясъ каменныхъ осыпей, вообще говоря, не широкъ, достигая лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (напримѣръ, въ горахъ Гумбольдта) 1,000—2,000 фт. по вертикалу; а ниже 12,000—13,000 фт. начинается альпійскій лугъ, хотя верхній предѣлъ растительности подымается мѣстами и выше, примѣрно, до 14,000 фт. Это — въ Нань-шан'ѣ, а къ югу отъ Желтой рѣки эта высота должна быть конечно еще значительнѣе; надо думать, что она близко подходитъ къ 14,000 фт. [1]). Въ Тибетѣ альпійскіе луга встрѣчаются даже на высотѣ 16,000 фт.

Переходя къ характеристикѣ климата этого района, я считаю необходимымъ предпослать ему общій очеркъ средняго состоянія атмосферы на Тибетскомъ плоскогоріи.

Огромная высота, до которой приподнятъ Тибетъ, дѣлаетъ его климатъ крайне суровымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи ограничено высокими горными массами и краевыми цѣпями горъ, плоскогорье Тибета отличается сухостью воздуха, крайностями тепла и холода. Дожди и снѣга приносятся туда съ Индійскаго океана въ незначительномъ количествѣ, сила южныхъ муссоновъ истощается, въ видѣ вихрей и проливныхъ дождей, въ долинахъ Гималайскихъ горъ, и только верхній встрѣчный пассатъ обнаруживается въ высокихъ слояхъ атмосферы клубами снѣга, слетающими съ вершинъ Гауризанкара и другихъ исполиновъ Гималайи. Сухость воздуха поднимаетъ линію вѣчнаго снѣга въ Чанъ-тан'ѣ (центральномъ, озерномъ Тибетѣ) и западномъ Тибетѣ до высотъ, значительно превышающихъ приведенныя выше данныя для Амдо и восточнаго Тибета. Въ Акка-таг'ѣ и другихъ хребтахъ сѣвернаго Тибета она поднимается до высоты 19,000 фт.; въ провинціи Нгари почти до такой же высоты (18,800 фт.); Форсайтъ нашелъ на своемъ пути голыя скалы даже на высотѣ 19,600 фт. (Caylay's Pass, July 30) [2]). Вообще, снѣга на Тибетскомъ плоскогоріи выпадаетъ очень мало, а равно и въ горахъ сѣверо-западной, сѣверной и сѣверо-восточной его частей; въ виду чего и въ серединѣ зимы можно пройти караваномъ изъ Кашмира въ Яркендъ, а зимнія передвиженія паломниковъ черезъ пустыни сѣвернаго Тибета въ Лхассу фактъ общеизвѣстный; наконецъ, лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ находила его на своемъ пути и экспедиція принца Генриха Орле-

---

[1]) Именно на этой высотѣ встрѣтилъ въ Амдо альпійскій лугъ Потанинъ (op. cit., стр. 297).

[2]) G. Henderson and A. Hume—„Lahore to Yarkand. Incidents of the Route, and Natural History of the Countries traversed by the Expedition of 1870 under Sir T. D. Forsyth", I.

анскаго и Бонвало [1]). Сухость воздуха въ нѣкоторыхъ частяхъ Тибета такъ велика, что павшія животныя не разлагаются [2]), а постепенно высыхаютъ, и многіе изъ переваловъ обставлены здѣсь по сторонамъ такими муміями яковъ, лошадей и овецъ [3]). О низкой температурѣ на Тибетскомъ плоскогоріи даже лѣтомъ говорятъ всѣ путешественники; въ это время года здѣсь нерѣдко выпадаютъ снѣга вмѣсто дождей, а ночные морозы явленіе еще болѣе заурядное. Температура воды настолько низка уже въ августѣ, что охлажденія температуры воздуха на нѣсколько градусовъ иногда достаточно для того, чтобы сразу обратить ее въ ледъ. Гюкъ разсказываетъ, что, переходя по льду черезъ рѣку Муруй-усу въ верхней части ея теченія, онъ замѣтилъ издали штукъ пятьдесятъ какихъ-то безформенныхъ черныхъ предметовъ, выстроенныхъ въ шеренгу поперекъ рѣки. Подойдя ближе, онъ узналъ въ этихъ предметахъ дикихъ яковъ, которые, очевидно, переправлялись черезъ рѣку, но были застигнуты внезапно образовавшимся льдомъ: положеніе тѣлъ въ плывущей позѣ было явственно видно подъ прозрачной, какъ хрусталь, ледяной корой; ихъ красивыя головы, увѣнчанныя большими рогами, остались надъ поверхностью замерзшей воды, но хищныя птицы выклевали имъ глаза [4]). Лучеиспусканіе теплоты въ воздушное пространство подъ яснымъ, безоблачнымъ небомъ способствуетъ въ сильной степени охлажденію области плоскогорій, и ледянящая стужа этихъ возвышенностей тѣмъ болѣе страшна, что нерѣдко сопровождается бурями. Огромной силы вѣтры выметаютъ поверхность почвы, поднимая вихри пыли и оставляя послѣ себя замѣтный слѣдъ на этой поверхности, которая мѣстами принимаетъ причудливыя формы столообразныхъ возвышеній, пирамидъ и проч., напоминая классическую страну такихъ измѣненій почвы — Бэдъ-лэндъ (къ западу отъ большихъ озеръ Сѣверной Америки, между Дакотою и Вайомингомъ). Въ культурныхъ районахъ Тибета жители имѣютъ обыкновеніе затоплять поля при наступленіи зимы, дабы тѣмъ предохранить растительный слой отъ разрушительной работы вѣтра.

---

[1]) Bonvalot—„De Paris au Tonkin à travers le Tibet inconnu“.

[2]) То же явленіе встрѣтилъ я и на Памирѣ.

[3]) Ледники если гдѣ и встрѣчаются въ Тибетѣ, то вообще они незначительны; наибольшаго развитія достигаютъ они въ Загималайскомъ хребтѣ, гдѣ спускаются на обѣ его стороны.

[4]) Цитировано по Э. Реклю—„Земля и люди“, VII. Въ русскомъ изданіи книги Гюка и Габэ („Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ“, стр. 222—223) мѣсто это переведено, повидимому, не вполнѣ точно.

*

Эти вѣтры дуютъ обыкновенно днемъ, ночью же въ воздухѣ тихо, что объясняется тѣмъ, что стужа тогда вездѣ равномѣрна, и потому нѣтъ никакихъ притягательныхъ фокусовъ, которые бы вызывали движеніе атмосферныхъ токовъ.

Далеко не ко всему Тибету можно отнести однако вышеизложенную характеристику климатическихъ его особенностей.

Та его часть, къ которой ближе всего подходитъ обширный Бенгальскій заливъ, принадлежитъ уже отчасти къ климату Индіи. Вѣтры проникаютъ сюда, т. е. въ юго-восточный Тибетъ, черезъ проломы горъ, которыя именно здѣсь гораздо ниже, чѣмъ на западѣ, и приносятъ обильные осадки, особенно въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ; всѣ рѣки, получающія начало въ этой части Тибета, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, питаются выпадающими здѣсь въ это время, а также въ апрѣлѣ и маѣ, обильными дождями въ значительно большей степени, чѣмъ снѣгами тѣхъ горъ, въ которыхъ онѣ берутъ начало. По наблюденію Рокхиля, вліяніе южныхъ муссоновъ простирается на сѣверъ до хребта Танъ-ла и на востокъ до хребта Амуни-Мачинъ.

Въ частяхъ Тибетскаго нагорья, лежащихъ къ сѣверо-востоку отъ этихъ хребтовъ, климатическія особенности выражаются въ слѣдующемъ.

Зима очень холодная, хотя теплѣе, чѣмъ въ Чанъ-тан'ѣ и сѣверной Монголіи, малоснѣжная и сухая, не смотря на значительную облачность; ея характерной особенностью служатъ сильные, переходящіе часто въ бури, вѣтра, пыльные туманы и большія дневныя колебанія температуръ; она, однако, не суровѣе, чѣмъ можно было ожидать, принявъ во вниманіе большую абсолютную высоту нагорья и его плоскостной характеръ [1]). Климатъ весны — лишь повтореніе климата зимы, но нѣсколько въ смягченномъ видѣ. Лѣто дождливое и холодное (дневная средняя за іюль 8°); количество выпадающихъ въ это время года осадковъ въ видѣ снѣга и дождя быстро возрастаетъ съ конца мая до середины іюля, съ этого же момента не менѣе быстро спадаетъ; при этомъ, вопреки общему для всей Средней Азіи правилу, вѣтры (преимущественно западные и юго-западные) достигаютъ наибольшей силы къ вечеру, когда наблюдается и наибольшая облачность. Осень — самое бла-

---

[1]) Воейковъ—„Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго“, отдѣлъ метеорологическій, стр. 250.

Послѣдующее согласовано съ выводами и фактами, изложенными въ названномъ сочиненіи.

гопріятное время въ году: количество осадковъ не велико, затишья очень часты, температура умѣренная.

Климатъ области Куку-нора представляетъ дальнѣйшія отклоненія отъ тибетскаго въ сторону климата Амдо и восточнаго Наньшан'я.

Зима на Куку-норѣ малоснѣжная, сухая, съ частыми затишьями; она много мягче, чѣмъ на тибетскомъ плоскогорьѣ; но, долженъ оговориться, это скорѣе апріорное заключеніе, чѣмъ выводъ, основанный на фактическомъ матеріалѣ. Переходъ отъ нея къ веснѣ замѣчается не ближе половины апрѣля, хотя уже въ мартѣ выпадаютъ довольно теплые дни. Вѣтра въ это время года, преимущественно западные, дуютъ съ большими интервалами, но почти всегда очень сильны и часто переходятъ въ бурю. Весна длится не долго; она холодна и обрывается рѣзко. Лѣто обильно осадками, облачное, но безвѣтренное; вѣтра, если и дуютъ, то урывками, притомъ они обыкновенно небольшой силы. Самый теплый мѣсяцъ въ году — іюль, но и въ августѣ maximum достигаетъ иногда 20° Ц. въ тѣни. Переходъ къ осени постепененъ. Рѣзкихъ колебаній температуры, столь обычныхъ весной, осенью почти вовсе не наблюдается; бури, даже сильные вѣтра очень рѣдки; осадковъ значительно меньше, чѣмъ лѣтомъ, но дожди уже въ сентябрѣ смѣняются снѣгомъ.

Климатъ Гань-су, точнѣе — Амдо, проф. Воейковъ характеризуетъ въ такихъ выраженіяхъ [1]):

Зимой погода обыкновенно ясная, снѣга выпадаетъ очень мало, преобладающіе вѣтры сѣверо-западные; уже въ февралѣ облачность становится значительной; позднѣе же наступаетъ періодъ частыхъ и сильныхъ бурь [2]); это — начало весны, характеризующейся сухостью воздуха при довольно частомъ выпаденіи снѣга. Господство лѣтняго, южнаго муссона начинается уже съ мая, и въ этомъ мѣсяцѣ выпадаетъ чрезвычайно много дождя и снѣга [3]), хотя нерѣдки и ясные, сухіе дни. Отъ іюня до половины октября почти каждый день идетъ дождь или снѣгъ [4]), осадки несравненно обильнѣе, чѣмъ въ Монголіи, вѣтеръ юго-восточный, вообще слабый.

---

[1]) Op. cit., стр. 248 и слѣд.

[2]) Не могу подтвердить того же для сѣверныхъ склоновъ Нань-шан'я.

[3]) Ср. съ тѣмъ, что писалось мною выше, на стр. 129—137.

[4]) Это наблюденіе находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ данными моего метеорологическаго дневника.

Къ этому я добавлю слѣдующее:

Въ частяхъ долинъ, доступныхъ культурѣ, зима въ общемъ умѣренно-холодная, хотя въ пасмурные дни, какихъ здѣсь не мало, ощущается подчасъ ледяной холодъ. Тепло наступаетъ не ранѣе конца апрѣля и въ іюлѣ достигаетъ 27° — 30° Ц. въ тѣни. Осень теплая, почти безвѣтренная. Рѣка Хуанъ-хэ замерзаетъ въ ноябрѣ и вновь вскрывается въ февралѣ. Конечно, въ той же Гань-су, но на большихъ высотахъ, въ долинахъ верховій Да-тунъ-хэ, Эцзинъ-гола, Хуанъ-хэ и др., климатъ суровѣе; и въ іюнѣ снѣгъ тутъ не рѣдкость, а по свидѣтельству туземцевъ на иныхъ плоскогоріяхъ даже во все лѣто не бываетъ дождя,— онъ замѣняется снѣгомъ, зимы же характеризуются такими стужами, которыя можно поставить въ уровень лишь съ тибетскими; притомъ онѣ до того сухи, что даже мохъ, выстилающій почву въ хвойныхъ лѣсахъ, пересыхаетъ на столько, что разсыпается въ пыль подъ ногами.

Благодаря сухости воздуха, сильнымъ вѣтрамъ и холоднымъ ночамъ, развитіе растительности весной вездѣ сильно задерживается. Въ Амдо первое цвѣтущее растеніе (крошечное однолѣтнее—Gentiana squarrosa) появилось въ долинѣ рѣчки Рако-голъ (притокѣ Сининской рѣки) 1 апрѣля; молодые листья на кустарникахъ и деревьяхъ въ глубокой долинѣ Хуанъ-хэ — въ началѣ апрѣля; сборъ цвѣтущихъ растеній въ глубокой долинѣ Эцзинъ до 1 іюня состоялъ всего изъ десяти видовъ, высоты же въ это время еще не показывали признаковъ жизни. Въ поясѣ альпійскихъ луговъ цвѣты показываются съ конца іюня до конца августа. Съ середины августа растительность въ болѣе низкихъ частяхъ Нань-шан'я принимаетъ уже осенній видъ [1]).

Въ Тибетѣ, въ степной котловинѣ Одонъ-тала, первые цвѣты появляются въ началѣ іюня, но робко, едва поднимаясь надъ почвой, тогда какъ листья ихъ еще запрятаны въ своихъ покровахъ. Въ долинѣ Муруй-усу въ серединѣ іюня были кое-какія цвѣтущія травы, но кустарники стояли еще голые и зазеленѣли только въ началѣ іюля.

Растительность разсматриваемаго района въ разныхъ частяхъ его далеко не однообразна.

Въ Нань-шан'ѣ, на глинисто-песчаныхъ возвышенностяхъ верх-

---

[1]) Вышеприведенный періодъ, а равно послѣдующія замѣчанія о флорѣ сѣверо-восточной окраины Тибета заимствованы мною у Максимовича, op. cit., стр. XII и слѣд.

ней Хуанъ-хэ и на плоскогорьяхъ между долинами рѣкъ въ Амдо и въ области Куку-нора флора напоминаетъ пограничную Монголію, а въ альпійскомъ поясѣ—средне-азіятскіе хребты, и чѣмъ суше мѣстность, тѣмъ яснѣе выражено сходство.

Въ степныхъ продольныхъ долинахъ западнаго Нань-шан'я бѣдная и сѣрая растительность состоитъ изъ Salsola abrotanoides, Sympegma regeli, Astragalus monophyllus, Stellera chamaejasme, Potentilla fruticosa [1]), и гдѣ орошеніе лучше—изъ Hedysarum multijugum, Tamarix elongata, Comarum salessowii, Caryopteris mongolica, Hippophaë, Calimeris alyssoides, Salix, Mulgedium tataricum, Rheum spiciforme, Gentiana barbata, Adenophora, Potentilla и другихъ видовъ.

На мало развитыхъ альпійскихъ лугахъ Нань-шан'я, встрѣчающихся въ полосѣ между 11,000 и 13,000 ф., разнообразіе растительныхъ типовъ невелико; здѣсь растутъ главнымъ образомъ Oxytropis и Astragalus и среди нихъ Sterigma sulfureum, Crepis palasii, Allium scovitsianum, Potentilla multifida и еще выше до 13,700 фт. на сѣверныхъ склонахъ и до 15,000 фт. на южныхъ — Saussurea sorocephala, Leontopodium alpinum, Thylacospermum, Sedum quadrifidum, Draba alpina и гималайская Werneria nana.

Степныя плоскогорія около Куку-нора и верхней Хуанъ-хэ или болотисты съ солончаками и весьма бѣдны растительностью (Nitraria [2]), Kalidium, Polygonum laxmanni, Orchis salina, Iris ensata, Pedicularis cheilanthifolia, Primula sibirica) или покрыты злаками (Lasiagrostis splendens, Stipa orientalis) и травами (Calimeris altaica, Thalictrum petaloideum, Oxytropis aciphylla), къ которымъ примѣшиваются немногіе тибетскіе виды: Hypecoum leptocarpum, Hymenolaena и проч.

Рощи деревьевъ и крупные кустарники прячутся отъ сильнаго вѣтра [3]) или въ горныхъ ущельяхъ или въ глубокихъ оврагахъ. Такъ растутъ Populus przewalskii съ стволами въ 70 фт. вышины и 2 фт. толщины, Abies въ 100 фт. вышины и 3—4 фт. толщины, древовидный Juniperus pseudosabina, кустарники большей частью сибирскихъ видовъ: Berberis, Sorbus, Cotoneaster, Lonicera,

---

[1]) Въ подобныхъ условіяхъ растеніе это мнѣ нигдѣ не встрѣчалось.

[2]) Nitraria — въ области Куку-нора, да и вообще на большихъ высотахъ, мнѣ не попадалась.

[3]) Еще Миддендорфъ („Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири", 1860), описывая флору субполярной Сибири, писалъ: „защита отъ вѣтра вышиной въ нѣсколько саженъ способствуетъ древесному росту болѣе, нежели 50—100 тысячъ саженъ меньшаго сѣвернаго положенія мѣстности". Въ данномъ однако случаѣ едва-ли не главную причину отсутствія лѣса на открытыхъ мѣстахъ составляетъ сухость ихъ почвы.

Rosa, Ribes и т. д., а въ горахъ, обращенныхъ устьями своихъ ущелій къ Цайдаму—Calligonum mongolicum, Sphaerophysa, Cynomorium и Tamarix palasii, достигающій трехъ саженъ высоты.

Даже на самомъ Тибетскомъ нагорьѣ попадается не мало монгольскихъ и сибирскихъ видовъ, особенно на солончакахъ.

Своеобразныя формы мѣстной флоры сосредоточены въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ и въ долинахъ нѣкоторыхъ горныхъ рѣкъ области Амдо. Всего роскошнѣе развита эта флора въ послѣдней. Лѣса, которые на Тэтунгскихъ хребтахъ (въ долинахъ Да-тунъ-хэ и верховій Эцзинъ-гола) начинаются съ 8,000 фт. абсолютнаго поднятія, а на Южно-кукунорскомъ хребтѣ съ 11,500 фт. [1]) и кустарники альпійскаго пояса насчитываютъ слишкомъ 60 различныхъ породъ, изъ числа коихъ отмѣтимъ: Betula bhojpattra и B. alba, Pinus leucosperma, Abies schrenkiana, Sorbus aucuparia и S. microphylla, Prunus stipulacea, 7 видовъ Lonicera, Ribes stenocarpum и R. nigrum, 2 вида Berberis футовъ до 14 ростомъ, такой же высоты Philadelphus coronarius, Hydrangea pubescens, Spiraea longigemmis, Eleutherococcus senticosus, Daphne tangutica и проч., и выше—4 вида Rhododendron, Caragana jubata, Sibiraea laevigata, Potentilla fruticosa и P. glabra и другія.

Въ тѣни лѣсовъ и кустарниковъ разрастается богатая видами флора отчасти весьма рослыхъ травъ и между ними довольно много эндемичныхъ; таковы, напримѣръ, виды Senecio, Saussurea, Salvia, Podophyllum emodi и проч.

Богаты своеобразными формами и альпійскіе луга Тэтунгскихъ хребтовъ на 13,000—15,000 фт. н. ур. м., а именно, многочисленными Corydalis, Gentiana, Primula, Pedicularis, Lagotis и т. д., съ примѣсью гималайскихъ формъ: Trollius pumilus, Crepis glomerata, Saussurea hieracifolia, Lancea tibetica, Halenia elliptica, Dracocephalum heterophyllum и другихъ.

На плоскогорьѣ Тибета деревьевъ и крупныхъ кустарниковъ не имѣется вовсе. Мелкіе же кустарники, въ нѣсколько дюймовъ высоты, встрѣчаются на берегахъ нѣкоторыхъ рѣкъ: Lonicera hispida, L. rupicola, L. parvifolia, Spiraea, Hippophaë, Caragana, Berberis crataegina, Ribes, Salix и т. д., т. е. смѣсь сибирскихъ и гималайскихъ формъ. Глинистыя или галечныя равнины на первый взглядъ безжизненны; рѣдко посѣянныя травы растутъ тутъ кустиками или подушками

---

[1]) На сѣверныхъ склонахъ Нань-шан'я лѣса спускаются до абсолютной высоты 9,000 фт. и рѣдко гдѣ ниже.

въ 1—3 дюйма вышиной, съ большими промежутками голой почвы между ними. Это въ большинствѣ тѣ же виды, что и въ Амдо, но въ экземплярахъ очень мелкихъ: Incarvillea compacta, Meconopsis integrifolia и M. punicea, Przewalskia, Anaphalis, Werneria, Cremanthodium, Arenaria, Ranunculus tricuspis и R. pulchellus и т. д.; попадаются однако и новые: Nasturtium tibeticum, Parrya villosa, Androsace tapete, Astragalus, Oxytropis и бездна крошечныхъ, иногда весьма миловидныхъ Saussurea.

Вдоль нѣкоторыхъ рѣкъ изрѣдка встрѣчаются и маленькія лужайки, составленныя изъ Stipa въ одинъ футъ высотой, Elymus, Comarum, Nitraria, Clematis orientalis, Allium, Iris, Astragalus, Statice, Rheum spiciforme и т. п.

У сѣверной подошвы хребтовъ разстилаются кочковатыя болота изъ Kobresia tibetica.

Вся эта своеобразная тибетская флора, являющаяся всетаки какъ бы высоко-альпійскимъ продолженіемъ наблюдаемой въ области Амдо, повидимому, не переходитъ за діагональную линію, проведенную отъ озера Тенгри-нора къ верховьямъ Желтой рѣки; по крайней мѣрѣ, къ западу отъ этой линіи, гдѣ страна дѣлается еще суше, еще безплоднѣе и на значительное пространство необитаемой, она не упоминается болѣе Пржевальскимъ.

Такимъ образомъ и въ ботаническомъ отношеніи оправдывается подраздѣленіе сѣвернаго Тибета на двѣ области: западная, сколько извѣстно, бѣднѣе видами и очень напоминаетъ высшія точки Гималайскихъ горъ и Малаго Тибета; восточная сравнительно ими богата, причемъ представители мѣстной флоры особенно хорошо развиты въ глубокихъ долинахъ Амдо и восточнаго Нань-шан'я и отчасти распространяются отсюда на югъ, въ Сычуань, и на востокъ, черезъ восточную часть Гань-су, въ горные районы Шань-си и Чжи-ли (таковы: Ajuga lupulina, Anaphalis hancockii, Stellaria infracta и другіе виды).

Въ заключеніе этой характеристики надлежитъ еще указать на небольшое число видовъ и на сѣверный типъ древесныхъ породъ амдоской флоры. Новѣйшія изысканія Потанина показали, что за предѣлами Амдо число ихъ быстро увеличивается на счетъ южныхъ формъ, свойственныхъ Китаю, и что столь же быстро мѣняется тамъ и характеръ травянистой растительности.

Такова арена той лепидоптерологической фауны, съ которой намъ предстоитъ сейчасъ познакомиться.

Для выясненія положенія ея среди другихъ, болѣе или ме-

нѣе родственныхъ фаунъ, я сравниваю ее съ фаунами, населяющими:

Туркестанъ (горныя страны Памира и западнаго и центральнаго Тянь-шан'я и низменности — Ферганскую, Сыръ-дарьинскую, Бухарскую, Закаспійскую, Илійскую, Джунгарскую и Таримскую),

Сѣверную Персію,

Кавказъ и Малую Азію,

Юго-восточную Россію (губерніи Астраханскую и Оренбургскую и область Тургайскую),

Алтайско-Саянскую горную область отъ р. Иртыша до оз. Байкала и Кэнтэйскаго хребта,

Сибирскій равнинный районъ (полосу тайги и широкихъ рѣчныхъ долинъ),

Маньчжурію къ востоку отъ хр. Большого Хингана, долину Амура и Уссурійскій край,

Сы-чуань и южную часть Гань-су къ югу отъ водораздѣла между Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзян'омъ, и

Гималаи.

При этомъ я опускаю районы — китайскій, западно-тибетскій и восточно-тяньшаньскій вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ ихъ лепидоптерологическими фаунами; думаю однако, что западно-тибетская фауна должна будетъ, какъ это, впрочемъ, уже и выше указывалось, примкнуть къ памирской [1]),

---

[1]) Это показываетъ нижеслѣдующій списокъ видовъ, найденныхъ до настоящаго времени въ западномъ Тибетѣ и на сѣверныхъ склонахъ Кунь-лунь'скаго хребта:

	Распространеніе.
Parnassius epaphus, Oberth.	Гималайскій хреб., Сы-чуань, вост. Тибетъ, Нань-шань, центр. Тянь-Шань.
Baltia shawii, Bates.	Памиръ, Ладакъ.
Pieris deota, Nicev.	Памиръ, Ладакъ, центр. Тянь-шань (?), хр. Бурханъ-бода (с.-в. Тибетъ).
„ rapae, L.	общепалеарктическое.
„ callidice orientalis, Alph.	Пиринеи, Швейц. Альпы, Малая Азія, Кавказъ, сѣверная Персія, Памиръ, Тянь-шань, Тарбагатай, Алтай, Нань-шань, Амдо, Гималаи.
„ chloridice, Hb.	Балканскій полуостр., Малая Азія, Персія, юго-вост. Россія, южная Сибирь, Алтай, Тянь-шань, Памиръ, Бэй-шань, Амдо.
Colias poliographus, Motsch.	восточный Тянь-шань, Бэй-шань, Нань-шань, Амдо, Китай, Маньчжурія, Японія.
„ eogene arida, Alph.	Кашмиръ, Ладакъ, Памиръ, Куку-норъ, сѣв.-вост. Тибетъ, Сиккимъ.
Pyrameis cardui, L.	общепалеарктическое.
Satyrus pumilus palaearcticus, Stgr.	Ладакъ, Сиккимъ, сѣв.-вост. Тибетъ, Куку-норъ, Нань-шань, Амдо, Сы-чуань.

а восточно-тяньшаньская къ центрально-тяньшань-

Satyrus regeli tancrei, Gr.-Gr.	Тянь-шань.
„ baldiva lehana, Moore.	западный Тибетъ, Ладакъ, Памиръ, Гиссарскій хреб., Тянь-шань, Тарбагатай.
Coenonympha semenovi, Alph.	Нань-шань, Амдо, Сы-чуань.
Thecla sassanides, Koll.	Персія, Туркестанъ, сѣв.-зап. Гималаи.
Lycaena argiva, Stgr.	Туркестанъ, Авганистанъ.
„ pheretes lehanus, Moore.	Швейц. Альпы, Скандинавія, Алтай, Саянскій хреб., Кэнтэй, Б.-Хинганъ, Амдо, Сиккимъ, Памиръ.
Deilephila hippophaës bienerti, Stgr.	Швейц. Альпы, Италія, Арменія, сѣв. Персія, Туркестанъ, юго-вост. Россія.
„ zygophylli, Ochs.	юго-вост. Россія, Кавказъ, сѣв. Персія, Туркестанъ.
Porthesia kargalika, Moore.	Туркестанъ, Тарбагатай, западный Алтай.
„ lactea, Moore.	
Saturnia stoliczkana, Feld. (Neoris shadulla, Moore; ср. Hampson— „The Fauna of British India“, Moths, I, стр. 24.	Ладакъ, юго-запад. склоны Гималайскихъ горъ, Фергана, Зайсанъ.
Acronicta kargalika, Moore.	
Oxycesta marmorea, Moore.	
Agrotis (Lycophotia) photophila, Guén. (Agr. undulans, Moore).	Алжиръ, Сирія, Авганистанъ, Индія (Карачи), Туркестанъ (?), Монголія (?).
Mamestra (Scotogramma) trifolii, Rott.	Сѣв. Америка, Чили, Европа, сѣв. Африка, Сирія, Туркестанъ, Кашмиръ, Сиккимъ, Амдо, Алтай, западная Сибирь.
Haderonia optima, Alph. (если вѣрить Hampson'y — „Catalogue of the Lepidoptera Phalaenae in the British Museum“, V, стр. 613, видъ этотъ тождественъ съ Taeniocampa chiklika, Moore).	Нань-шань, Амдо, Сы-чуань.
Hadena stoliczkana, Moore.	
Pulcheria catomelas, Alph.	Кашгарія.
Cucullia naruenensis eumorpha, Alph.	юго-восточная Россія, Тянь-шань, Западная Монголія.
Erastria argentula, Hb.	Европа, Кавказъ, сѣверная Персія, Туркестанъ, Кашгарія, Амуръ, Куку-норъ.
Leucanitis altivaga, Alph.	
„ picta, Chr.	юго-восточная Россія, Туркестанъ.
„ hyblaeoides, Moore.	Памиръ.
Larentia saturata, Guén.	сѣв. зап. Гималаи, Индія, Китай, Японія, Наталь.
„ kashgara, Moore.	
Gnophos stoliczkaria, Moore.	

Изъ этихъ 36 видовъ — 2 общепалеарктическихъ и 7 эндемичныхъ; изъ остающихся за симъ 27 видовъ:

видовъ, свойственныхъ только восточно-тибетскому нагорью — 2 или 3, если присоединить сюда и Col. arida — разновидность eogene, свойственную — Цайдаму и Куку-нору.

„ „ „ Туркестану 4

„ „ „ Гималаямъ 0

„ „ восточно-тибетскому нагорью и другимъ странамъ, но не Туркестану 2

*

ской [1]). Я исключаю также фауны тарбагатайскую и забайкальскую, какъ носящія явно смѣшанный характеръ [2]).

видовъ, свойственныхъ Туркестану и другимъ странамъ, но не восточно-тибетскому нагорью.....10
" " Гималаямъ и другимъ странамъ, но не восточно-тибетскому нагорью и Туркестану..... 1
" " восточно-тибетскому нагорью и Туркестану..... 9

27

Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что въ сѣверо-западномъ Тибетѣ на долю видовъ западной фауны приходится 60%, на долю же видовъ восточной—22%.

[1]) Хребетъ Карлыкъ-тагъ—единственная область восточнаго Тянь-шан'я, гдѣ вмѣстѣ съ Larix sibirica (сибирской лиственницей) встрѣчается и свита сибирскихъ растительныхъ формъ, не распространяющихся по Тянь-шан'ю на западъ далѣе меридіана Баркуля; таковы, напримѣръ: Aquilegia viridiflora, Aqu. sibirica, Taraxacum leucanthum, Anemone vulgaris, Gagea pusilla, Trollius asiaticus, Tulipa uniflora, Lonicera hispida и даже Sorbus aucuparia, которую далѣе къ западу смѣняетъ Sorbus tianschanicus (S. aucuparia var.). Соотвѣтственно съ симъ, и въ лепидоптерологической фаунѣ Карлыкъ-тага наблюдается такая близость къ алтайско-саянской фаунѣ, какой не наблюдается въ фаунѣ остальной части Тянь-шан'я. Такъ, напримѣръ, здѣсь были найдены:

Parnassius delius intermedius, Mén (?).	Алтай, Саянскій хребетъ, Кэнтэй, Становой хребетъ, восточная Сибирь, Камчатка, Тарбагатай.
Colias cocandica tamerlana, Stgr.	Эта разновидность встрѣчается, кромѣ того, только въ Алтаѣ.
Vanessa xanthomelas, Esp.	Европа, Алтай, Саянскій хребетъ, южная Сибирь, бассейнъ Амура, Корея, Японія, сѣверный Китай, Куку-норъ, сѣв.-вост. склоны Гималайскаго хребта.
Lycaena minima, Fuessl.	Европа, Кавказъ, Сибирь, Амурская область, Камчатка, сѣверо-восточный Китай, Амдо.
Thaumasta expressa, Ld.	Алтай, Тарбагатай.
Agrotis fennica, Tausch.	Англія, сѣверная Европа, Кэнтэй, Амуръ, Сѣв. Америка.
" latens, Hb.	Европа.
Dianthoecia compta, F.	Европа, Малая Азія, сѣверная Персія, Алтай, Японія.
Hadena maillardi, HG.	Пиринеи, Альпы, южн. Карпаты, Норвегія, Финляндія, Тарбагатай, С. Америка.
" zeta, Tr.	Пиринеи, Альпы, Карпаты, Малая Азія.
Sarrothripus revayanus, Sc.	Европа, Сибирь, Японія, Малая Азія.

Фауна эта, впрочемъ, еще очень мало изслѣдована.

[2]) Такъ, въ Тарбагатаѣ на ряду съ сѣверными, преимущественно алтайско-саянскими видами, существуетъ, какъ показываетъ нижеприводимый списокъ, не мало видовъ и туркестанской фауны:

виды сѣверной фауны:	*виды южной фауны:*
Parnassius delius intermedius, Mén.	Pieris leucodice, Ev.
" clarius, Ev.	Colias thisoa, Mér.
Melitaea iduna, Dalm.	Melitaea saxatilis athene, Stgr.
Argynnis frigga, Thnb. (var. nova).	Saltyrus heydenreichi, Ld.
" dia, L.	" baldiva tarbagata, Stgr.
Melanargia japygia suwarovius Hbst.	Epinephele dysdora, Ld.

Нижеприводимый списокъ расположенъ по каталогу Staudinger'a [1]), не лишенному, конечно, нѣкоторыхъ недостатковъ, но все же остающемуся пока наиболѣе полнымъ. Hampson, произведшій

Erebia haberhaueri, Stgr.
„ tyndarus sibirica, Stgr.
Oeneis mulla, Stgr.
„ norna fulla, Ev.
„ tarpeia, Pall.
Pararge hiera, F.
„ maera, L.
Coenonympha amaryllis, Cr.
„ tiphon subcaeca, Heyne-Rühl.
Zephyrus betulae, L.
Chrysophanus dispar rutilus, Wernb.
„ amphidamas, Esp.
Lycaena fischeri, Ev.
„ orion, Pall.
„ damone, Ev.
„ minima, Fuessl.
Agrotis distingenda, Ld.
„ occulta, L.
Dianthoecia consparcata, Frr.
Thaumasta expressa, Ld.
Oncocnemis nigricula, Ev.
Hadena amica, Tr.
„ maillardi, H.-G.
Mythimna impar, Stgr. (я встрѣтилъ видъ этотъ въ Алтайскихъ горахъ).
Catocala fraxini, L.
Arctia flavia, Fuessl.
„ quenselii liturata, Mér.
Pericallia matronula, L.
Coscinia striata, L.
Stigmatophora micans, Brem. Grey.
Endrosa roscida, Esp.
Zygaena exsiliens, Stgr.
Sesia culiciformis, L.
и друг. виды.

Epiniphele narica, Hb.
„ naubidensis, Ersch.
Lycaena fergana, Stgr.
„ pheretiades, Ev.
„ miris, Stgr.
Thecla tengstroemi, Ersch.
Hesperia antonia, Spr.
„ staudingeri, Spr.
Orgyia flavolimbata, Stgr.
Porthesia kargalika, Moore.
Eriogaster neogena, F. d. W.
Saturnia stoliczkana schenki, Stgr.
Agrotis sabuletorum, B.
Rhizogramma detersina, Stgr.
Hydroecia ochreola, Stgr.
Ala picteti, Stgr.
Leucanitis catocalis, Stgr.
„ saisani, Stgr.
„ obscurata, Stgr.
„ rada, B.
„ cailino obsuca, Stgr.
Cucullia magnifica, Frr.
Photoscotosia palaearctica, Stgr.
Pterotocera declinata, Stgr.
Triphosa incertata, Stgr.
Holcocerus mucosus, Chr.
Dyspessa agilis, Chr.
и друг. виды.

То же замѣчается и въ лепидоптерологической фаунѣ Забайкалья, гдѣ многіе сибирскіе и алтайско-саянскіе виды достигаютъ своей восточной и юго-восточной границы; таковы, напримѣръ: Parnassius apollo hesebolus, Nordm., Colias viluiensis, Mén., Melitaea maturna uralensis, Stgr., Argynnis astarte amphilochus, Mén., Erebia medusa, F.; Er. discoidalis, Kirby, Er. embla, Thnb., Er. parmenio, Boeb., Oeneis sculda, Ev., Chrysophanus hippothoë, L., Lycaena pheretes, Hb., L. alcon, F., Cucullia cineracea defecta, Stgr., Plusia renardi, Ev., Pl. herrichi, Stgr., Pl. interrogationis transbaicalensis, Stgr., Arctia ornata, Stgr., Arctia kindermanni pomona, Stgr., Coscinia cribrum., L., и др. Въ Забайкалье же проникаютъ съ востока: Parnassius bremeri, Brem., Pieris melete, Mén., Pyrameis indica, Hbst., Apatura nycteis, Mén., Limenitis amphyssa, Mén., Neptis thisbe, Mén., Hesperia maculata, Brem. et Grey, Stilpnotia ochropoda, Ev., Arctia pretiosa, Stgr., Acronycta lutea, Brem. et Grey, etc.

[1]) Staudinger und Rebel — „Catalog der Lepidopteren des palaearctischen Faunengebietes", 1901.

настоящую революцію въ систематикѣ Noctuidae, далеко не закончилъ еще своей обширной работы [1]), да притомъ же его дробная родовая классификація едва ли можетъ быть принята безъ детальной провѣрки; сомнительна также во многихъ случаяхъ и вводимая имъ синонимика. Различія между его классификаціей и классификаціей Staudinger'a будутъ указаны на своемъ мѣстѣ.

При собраніи данныхъ о географическомъ распространеніи видовъ ганьсуйской фауны я пользовался еще слѣдующими, кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ, сочиненіями и списками:

Alphéraky — „Lépidoptères du district de Kouldjà et des montagnes environnantes“ въ „Horae Societatis Entomologicae Rossicae“ XVI и XVII.

Его-же — „Le Pamir et sa faune lépidoptèrologique“ II, IV, „Noctuélités“, въ „Mémoires sur les lépidoptères“, rédigés par N. M. Romanoff, V, 1889.

Его-же — „Lépidoptères de l'Amour et de la Corée“ въ „Mémoires sur les lépidoptères“, IX, 1897.

Его-же — „Lépidoptères rapportés par M-r Gr. Groum-Grshimailo de l'Asie Centrale en 1889—1890 въ „Mémoires sur les lépidoptères“, IX, 1897.

Его-же — „Lépidoptères des provinces chinoises Ssétchouen et Kham recueillis, en 1893, par Mr. Potanine“, тамъ же.

Его-же — „Sur quelques lépidoptères rapportés de l'Asie, en 1893—1895, par l'expédition de Mrs. Roborowsky et Kozlov“, тамъ же.

Его-же — „Lepidopteren aus Kamtschatka, gesammelt von O. Herz“, тамъ же.

Его-же — „Списокъ чешуекрылыхъ, собр. за время экспедиціи“, въ „Трудахъ экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ. по Центральной Азіи, совершенной подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго“, III, стр. 29.

Bates — въ „Lahore to Yarkand“ .... by G. Henderson and A. Hume, стр. 305.

Bienert — „Lepidopterologische Ergebnisse einer Reise in Persien“, 1870.

Bremer — „Lepidopteren Ost-Sibiriens, insbesondere des Amur-Landes“ въ „Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St-Pétersbourg“, 1864.

---

[1]) „Catalogue of the Lepidoptera Phalaenae in the British Museum“, I—V.

Butler — „On a collection of Lepidoptera from Western India, Beloochistan, and Afghanistan“ въ „Proceedings of the scientific meetings of the Zoological Society of London“, 1881.

Graeser — „Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes“ въ „Berliner entomolog. Zeitschrift“, XXXII, XXXIII и XXXV.

Grum-Grshimailo — „Le Pamir et sa faune lépidoptèrologique“ въ „Mémoires sur les lépidoptères“, IV, 1890.

Eversmann — „Fauna lepidopterologica Volgo-Uralensis“, 1844.

Elwes — „On the Lepidoptera of the Altai Mountains“ въ „Transactions of the Entomological Society of London“, 1899, III, Sept.

Его же — „On the Butterflies of Amurland, North China and Japan“ въ „Proc. Zool. Soc. Lond.“, 1881, стр. 856 и слѣд.

Elwes and O. Möller — „A Catalogue of the Lepidoptera of Sikkim“ въ „Transactions of the Entomol. Soc. of London“, 1888.

Ершовъ — „Путешествіе въ Туркестанъ Федченко“, II, V, Чешуекрылыя.

Kirby — „A synonymic catalogue of Lepidoptera Heterocera“.

Kollar und Redtenbacher — „Aufzählung und Beschreibung der von C. v. Hügel auf seiner Reise durch Kaschmir und das Himaleyagebirge gesammelten Insecten“ въ C. von Hügel—„Kaschmir und das Reich der Siek“, IV, 1848.

Cotes and Swinhoe — „A catalogue of the Moths of India“, I—IV, 1887—1888.

Lederer — „Lepidopterologisches aus Sibirien“въ„Verhandlungen des zoologisch-botanischen Vereins in Wien“, 1853, III, стр. 354 и слѣд.

Его же — „Weiterer Beitrag zur Schmetterlings—Fauna des Altai-Gebirges in Sibirien“, тамъ же, 1855, V, стр. 97 и слѣд.

Leech — „Butterflies from China, Japan and Corea“, I—II, 1892—1894.

Mackinnon, Ph., and L. de Nicéville — „A list of the Butterflies of Mussoorie in the Western Himalayas and Neighbouring Regions“ въ „the Journal of the Bombay Natural History Society“, XI, № 2—4, 1897—1898.

Marshall, G., and L. de Nicéville — „The Butterflies of India, Burmah and Ceylon“.

Мейнгардъ — „Списокъ коллекціи чешуекрылыхъ Томской губерніи“ въ „Списокъ кол. безпозв. зоолог. муз. Томскаго университета“, VI, 1905.

Ménétriés — „Description des insectes recueillis par feu M. Lehmann“ въ „Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St-Pétersbourg“, sciences naturelles, VI, 1848.

Его-же — „Lepidopteren“ въ L. v. Schrenck — „Reisen und Forschungen im Amur-Lande“, II, I, 1859.

Moore — „Scientific results of the Second Yarkand Mission“, „Lepidoptera“, 1879.

Его-же — „Lepidoptera Indica“.

Его-же — „List of Diurnal Lepidoptera collected by Capt. A. Lang in the N. W. Himalayas“ въ „Proc. Zool. Soc. Lond.“. 1865.

Его-же — „List of Diurnal Lepidoptera coll. in Cashmere Territory by Capt. Reed“ въ „Proc. Zool. Soc. Lond.“, 1874.

Его-же — „List of the Lepidoptera coll. by the Hocking in N. W. Himalaya“ въ „Proc. Zool. Soc. Lond.“, 1882.

Nicéville (Lionel de) — „A List of the Butterflies of Sikkim“ въ „the Gazetteer of Sikkim“, 1894.

Oberthür — „Etudes d'Entomologie“, livr. II, V, VI, IX, X, XI, XIII, XIV, XV, XVI, XVIII, XIX et XX.

Petersen — „Die Lepidopteren Fauna des arktischen Gebietes von Europa und die Eiszeit“ въ „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens“, III Folge, IV, 1888.

Romanoff, N. M. (Великій Князь Николай Михаиловичъ) — „Les lépidoptères de la Transcaucasie“ въ „Mémoires sur les lépidoptères“, I—III, 1884—1887.

Hampson — „The Fauna of Britisch India including Ceylon and Burma“, Moths, I—III, 1892—1895.

Christoph — „Sammelergebnisse aus Nordpersien, Krasnowodsk in Turkmenien und dem Daghestan“, въ „Horae Soc. Ent. Ross.“, XII, 1876.

Его-же — „Lepidoptera aus dem Achal-Tekke-Gebiete“ въ „Mémoires sur les lépidoptères“, I—III, 1884—1887, V—1889.

Christoph — „Neue Lepidopteren des Amurgebietes“ въ „Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou“, 1880, III, 1881, II и IV, 1882, I.

Staudinger — „Beitrag zur Lepidopteren-Fauna Central-Asiens“ въ „Entomologische Zeitung, herausgegeben von dem Entomologischen Vereine zu Stettin“, 1881—1882.

Его-же — „Central-asiatische Lepidopteren“, тамъ же, 1888.

Его-же — „Lepidopteren des Kentei-Gebirges“ въ „Deutsche Entomologische Zeitschrift, herausgegeben von der Gesellschaft „Iris“ zu Dresden“, etc., V, 1892.

Его-же — „Lepidopteren des Apfelgebirges“ въ „D. E. Z. (Iris)“, X, 1897.

Его-же — „Ueber Lepidopteren von Uliassutai“, тамъ же, VIII и IX.

Его-же — „Ueber Lepidopteren aus dem östlichsten Thian-schan-Gebiet“, тамъ же, XII.

Его-же — „Die Macrolepidopteren des Amur-Gebiets“, I Theil (Rhopalocera — Noctuae) въ „Mémoires sur les lépidoptères, VI, 1892, II Theil (Geometridae) въ „D. E. Z. (Iris)“, X, 1897.

Его-же — „Beitrag zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Achal-Tekke-Gebiets“ въ „Mémoires sur les lépidoptères“, I.

Его-же — „Lepidopteren-Fauna Kleinasien's“ въ „Horae Societatis Entomologicae Rossicae“, XIV, 1879.

Thorold — въ Bower's „Diary of Journey across Tibet“, стр. 115.

и сверхъ того матеріалами, находящимися въ коллекціи зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ.

Въ нижеприводимомъ спискѣ t обозначаетъ типичную форму, v — разновидность, * — форму тождественную съ той, которая встрѣчается и въ Гань-су, курсивъ — эндемичную.

Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
Papilio, Latr.											
1 machaon sikkimensis, Moore.	t	t	t	t	t	v	t	t	*	*	
paris, L.									*	*	
Parnassius, Latr. [1]).											
nomion nomius, Gr.-Gr.		t	t	t							
mercurius, Gr.-Gr.											
epaphus sikkimensis, Elw.					v				v	*	
delphius acdestis, Gr.-Gr.					tv	v			v		
imperator musageta, Gr.-Gr. et									t	v	
„ imperatrix, Alph.											
cephalus, Gr.-Gr.									v?		Parnassius elwesi, Leech, я считаю лишь разностью P. cephalus.
10 szechenyi, Friv.									*		
przewalskii, Alph.											
orleans groumi, Oberth.									t		
simo, Gray, var. nov.					v	v			*	t	Неописанная еще разность simo доставлена была экспедиціей Козлова изъ горъ, лежащихъ къ югу отъ оз. Оринъ-нора.
stubbendorfii, Mér.		*	*	*					*		
Aporia, Hb.											
crataegi, L.	*	*	*	*	*	*	*	*	*		
hippia thibetana, Gr.-Gr.			t	t					*	t	
bieti, Oberth.									*		
martineti kreitneri, Friv.									t		
davidis, Oberth.									*		
20 dubernardi koslovi, Alph.									t	v	
peloria, Hew.									*		
Baltia, Moore.											
butleri potanini, Alph.									*	tv?	var.? sikkima, Fruhst.
Pieris, Schrk.											
deota, Nicév.					?	*				*	
rapae, L.	*	*	v	*	*	*	*	*	*	*	
napi sifanica, Gr.-Gr.	t	t	t	t	t	v	t	t			
callidice orientalis, Alph.				*	*	*	v	v		v	
daplidice, L.	*	*	*	*	*	*	*	*	*		
chloridice, Hb.	*	*		*	*	*	*	*			
Euchloë, Hb.											
bieti, Oberth.									*		

[1]) Staudinger въ „Catalog der Lepidopteren des palaearct. Faunengeb.“, 1901, ошибочно помѣчаетъ, что Parnassius tenedius, Ev., найденъ въ Амдо. Tancré, котораго я запрашивалъ по этому поводу, отвѣтилъ мнѣ, что среди бабочекъ, собранныхъ Rückbeill'емъ въ пров. Ганьсу и въ области Куку-нора, не было ни одного экземпляра этого вида.

Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
Leptidia, Billb.											
30 sinapis, L.	*	*	*	*	*	*	*	*	*		
Colias, Leach.											
erate poliographus, Motsch.	t	t	*	t	t	t	t	t	*	*	
montium, Oberth.									*		
cocandica grumi, Alph.				v	v	t					
sifanica, Gr.-Gr.									v		
lada, Gr.-Gr.											
eogene arida, Alph., et											
„ wanda, Gr.-Gr.						v				tv	
felderi, Gr.-Gr.											
diva, Gr.-Gr.											
40 fieldii, Mén.									*	*	
Apatura, F.											
here, Feld.									*		
Pyrameis, Hb.											
cardui, L.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	
Vanessa, F.											
urticae chinensis, Leech.	t	t	t	t	t	v	v	t	*	*	
ladakensis, Moore.									*	*	
xanthomelas, Esp.	*	*	*	*	*		*	*		*	
antiopa, L.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	
Melitaea, F.											
agar, Oberth.									*		
didyma latonia, Gr.-Gr.	t	v	v	v	v	v	v	v			
romanovi, Gr.-Gr.				*							
50 arcesia chuana, Gr.-Gr.		t	t	*					* v	v	
asteroidea iezabel, Oberth.					v	v			t	v	
Argynnis, F.											
pales sifanica, Gr.-Gr.		v	v	v	v	v		v	*	* v	
gong eva, Gr.-Gr.									t		
eugenia rhea, Gr.-Gr.		t		t					*		
clara clarina, Stgr.									*	t	
aglaja, L.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	v	
adippe xipe, Gr.-Gr.	t	t	t v	t	t	t	t	v	v	v	
Melanargia, Meig.											
halimede, Mén.			*						*		
Erebia, Dalm.											
sedakovii alcmena, Gr.-Gr.		t	t	t					*		

*

	Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
60	herse, Gr.-Gr.									*		
	Oeneis, Hb.											
	tarpeia vacuna, Gr.-Gr.	t	t		t	?						Согласно даннымъ Ершова, tarpeia найдена была въ окрестностяхъ оз. Сайрамъ-нора.
	buddha, Gr.-Gr.									*		
	Satyrus, Westw.											
	pumilus palaearcticus, Stgr.					?				v	tv	Paroeneis pumilus, Lion. de Nicév.
	sybillina bianor, Gr.-Gr.									t		
	autonoë extrema, Alph.	t	v	v	v	v				*		
	actea ganssuensis, Gr.-Gr.	v	v		v	v	v	v	v			
	dryas paupera, Alph.	t	t	v	t	t		t	t	*		
	Pararge, Hb.											
	deidamia, Ev.		*	*	*							Видъ этотъ свойственъ также и среднему Уралу, гдѣ я встрѣтилъ его въ долинѣ рѣчки Салда.
	dumetorum fulvescens, Alph.									t		
	Aphantopus, Wallgr.											
70	hyperanthus bieti, Oberth.	t	t	t	t	t			t	*		
	Epinephele, Hb.											
	narica, Hb.	*				*	v	*				
	sifanica, Gr.-Gr.											
	Coenonympha, Hb.											
	amaryllis rinda. Mér.		t	*	t					*		
	iphis, Schiff. var.?	t	v	t	t	v			t			
	sinica, Alph.									*		
	semenovi, Alph.									*		
	Triphysa, Z.											
	phryne biocellata, Stgr.	t	tv		*	v	v		t	t		
	Polycaena, Stgr.											
	lua, Gr.-Gr.									*		
	princeps, Oberth.									*		
	Thecla, F.											
80	tengstroemi tangutica, Gr.-Gr.				v	v	tv			v		
	Chrysophanus, Hb.											
	dispar auratus, Leech.	v	v	*	v	*			v	v	*	
	standfussi, Gr.-Gr.										*	
	Lycaena, F.											
	fischeri, Ev.	*		*	*							
	potanini, Alph.											
	argus sifanica Gr.-Gr.	t	t	t	t	t	t	t	t		t	

	Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
	cleobis ida, Gr.-Gr.		t	t	t *							
	lucifer themis, Gr.-Gr.			t	t					v		
	christophi, Stgr., var.?					tv	v	t		*	v	
	cyane, Ev.	*			*							
90	orion orithyia, Gr.-Gr.	t	t	t	v				t			
	lanty, Oberth.									*		
	pheretes, Hb.				*	*	v			*	v	
	orbitulus orbona, Gr.-Gr.		v	v	v			v	v	*	v	
	dis, Gr.-Gr.									*		
	eumedon privata, Stgr.	t	t	t	t	t	t	t	t		t	
	eros lama, Gr.-Gr.	v	t	t	t	v	v		v	* v	v	
	venus sinina, Gr.-Gr.						t					
	helena, Gr.-Gr. (an myrrha var?).											
	stoliczkana ariana, Moore.						v				tv	
100	icarus, Rott, var.	t	t	t	t	t	v	v	t		t	
	minima, Fuessl.	*	*	*	*				*	*		
	laetifica, Püngl., var.?					t						Въ долинѣ р. Дань-хэ Роборовскому попалась Lycaena, которая ближе всего подходитъ къ этому виду; впрочемъ, я знаю его только по описанію.
	alcon, F.	*	*		*				*			
	arion cyanecula, Ev.	t	t	*	*	*		t	v			
	Pamphila, Wats.											
	pulchra, Leech.									*		
	argyrostigma, Ev.		*	(a)	*							(a) встрѣчается также въ верховьяхъ Амура, къ западу отъ Большого Хингана.
	christophi, Gr.-Gr.									*		
	dieckmanni gemmata, Leech.			t						*		
	flavomaculata, Oberth.									*		
	Adopaea, Wats.											
110	lineola, O.	*	*	*	*	*	*	*	*			
	Augiades, Wats.											
	comma lato, Gr.-Gr.	t	t		tv	v	t	t	t		v	
	sylvanus, Esp.	*	*	*	*			v	*			
	Hesperia, Wats.											
	tesselum kuenluna, Gr.-Gr.	t	t	v	t	t	*	t	t			
	cribrellum, Ev.	*	*	v	*				*			
	orbifer, Hb.	*		*	*	*	*	*	*			
	alveus sifanica, Gr.-Gr.	t	t	t	t	t	t	t	t	t		
	bieti, Oberth.									*		
	maculata, Brem. et Grey.			*						v		

Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
Thanaos, B.											
tages popoviana, Nordm.	t	t	*	t*	t	t	t	t			
120 pelias erebus, Gr.-Gr.									t		
Smerinthus, Latr.											
populi, L. ?.	*	*	*	*		v	v	*			
Protoparce, Burm.											
convolvuli, L.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	
Macroglossa, Sc.											
stellatarum, L.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	
Hemaris, Dalm.											
affinis ganssuensis, Gr.-Gr.			*								
Nerice, Wlk.											
bipartita, Butl.									*		
Pheosia, Hb.											
buddhista, Püngl.											
tephroxantha, Püngl.											
Pteroma, Stgr.											
eugenia, Stgr.				*							
Pygaera, O.											
pigra obscurior, Stgr.	t				*			t			
Orgyia, O.											
130 aurolimbata, Gn.					*						
confinis, Gr.-Gr.				*							
Dasorgyia, Stgr.											
grumi, Stgr.											
semenovi, Gr.-Gr.											
alpherakii, Gr.-Gr.											
Porthesia, Stph.											
similis nyctea, Gr.-Gr.	t	t	t	t				t			
Stilpnotia, Westw. et Humphr.											
salicis, L.	*	*	*	*	*		*	*	v		
Eriogaster, Germ.											
neogena, F. de W., var.	*			*				*			
Epicnaptera, Rbr.											
ilicifolia sinina, Gr.-Gr.		t	t	t				t			
Gastropacha, O.											
quercifolia ulmifol., Heuäcker.	t	t	v	t	t			t			

	Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
	Dalailama, Stgr.											
140	*bifurca,* Stgr.											
	Spica, Swinh.											
	parallelangula, Alph.									✲		
	Acronicta, O.											
	leporina leporella, Stgr.	t	t	✲	t	t			t			
	hemileuca, Püngl.											
	Simyra, O.											
	splendida, Stgr.			✲		✲						
	Agrotis, O.											
	perigrapha, Püngl.											
	chardinyi, B.			✲	✲							
	sepulcralis, Alph.									✲		Согласно Hampson'y — Rhynchagrotis, Smith.
	obscura, Brahm.	✲	✲	✲	✲	✲	✲	✲	✲			
	degeniata aucta, Alph.					v	t	t		✲		Hampson считаетъ v. aucta самостоятельнымъ видомъ.
150	„ confinis, Alph.											
	squalida, Gn.	✲			✲	✲	✲	✲	✲			
	infantilis, Stgr.	✲										Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
	caelebs, Stgr.											Согласно Hampson'y—Mythimna, O.
	vittata, Stgr.											Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
	tibetana, Stgr.											
	collina, B.	✲	✲	v	✲	✲						
	baja bajula, Stgr.	t	t	t	✲	✲		t	t			
	candelarum, Stgr.	✲					✲		✲			Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
	coryphaea, Püngl.											Согласно Hampson'y—Mythimna, O.
160	*costaestriga,* Stgr.											
	agalma, Püngl.											
	xanthographa, F.						v	v	✲ v			
	dahlii, Hb.	✲	✲	✲	✲	✲				✲	✲	
	primulae, Esp.	✲	✲		✲	✲			✲			Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
	modesta, Stgr.											Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
	argillacea, Alph.											Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
	multangula dissoluta, Stgr.	t		v	v	✲	✲	v	t v			
	deplanata, Ev.	✲		✲	✲							
	melancholica, Ld.			✲	✲							
170	bonza, Püng.					✲						
	consignata lunata, Moore.									✲	t✲	Согласно Hampson'y—Hermonassa, Wlk.

	Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
	ocellina transiens, Stgr.				*	*	*	t				Согласно Hampson'y—Lycophotia, Hb.
	alpestris, B.	*	*			*	*	*	*			Согласно Hampson'y—Lycophotia, Hb.
	plecta, L.	*	v	v	*	*			*		*	
	dulcis, Alph.											
	stentzi, Ld.		*	*	*	*	*				*	
	musiva, Hb.	*	*	*	*	*	*		*		*	
	musivula, Stgr.											
	clarivena, Püngl.											
180	*subplumbea,* Stgr.											Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
	intolerabilis, Püngl.											Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	musculus, Stgr.					*						Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
	rattus, Alph.											
	ledereri, Ersch.		*	*	*	*						Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
	submolesta. Püngl.											Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	exclamationis serena, Alph.	t	t	t	t	t	*	t	t			Согласно Hampson'y—Feltia, Wlk.
	ripae, Hb., var.	v	?		v							
	cursoria currens, Stgr.	t	t		tv	*		v	t			Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	adumbrata, Ev.	*	*	*	*	*	*		*			Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
190	*humigena,* Püngl.											Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	nigricans, L.	*	*	*	*	*	*	*	*			Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	islandica rossica, Stgr.		*	v	*	*	*			*	*	Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	tritici varia, Alph.	t	t	tv	*	t	t	t	t			
	basigramma, Stgr.	*			*	*	*			*		Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	difficilis, Ersch.		*		*							Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	albifurca, Ersch.				*	*						
	ononensis, Brem.		*	*	*	*						Согласно Hampson'y—Lycophotia, Hb.
	patricia, Stgr.											Согласно Hampson'y—Euerctagrotis, Smith.
	subcorticea, Stgr.											
200	corticea, Hb.	*	*	v	*	*		*	*		*	
	ypsilon, Rott.	*	*	*	*			*	*	*		Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	segetum, Schiff.	*	*	*	*	*	*	*	*		*	Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	trifurca, Ev.	*		*	*			?[1]				Согласно Hampson'y—Euxoa, Hb.
	occulta, L.		*	*	*	?[2]						Согласно Hampson'y—Lycophotia, Hb.
	Spinipalpa, Alph.											
	maculata, Alph.											

[1]) Ménétriés въ „Description des insectes recueillis par feu M. Lehmann" указываетъ, что видъ этотъ найденъ былъ и въ Туркменіи; возможно поэтому, что его встрѣтятъ и въ горахъ сѣверной Персіи.

[2]) Видъ этотъ найденъ былъ въ Тарбагатаѣ и въ Джунгарскомъ Ала-тау; возможно, что будетъ найденъ и въ Тянь-шан'ѣ.

	Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
	Mamestra, Hb.											
	adjuncta, Stgr.			*								Согласно Hampson'y—Polia, O.
	praecipua, Stgr.											Согласно Hampson'y—Hadula, Stgr.
	nebulosa ascolda, Oberth.	t	t	*	v	v			t			Согласно Hampson'y—Polia, O.
	albicolon egena, Ld.	*			t*	tv	t	*	*			Согласно Hampson'y—Trichoclea, Grote.
210	*odiosa,* Stgr.											Hampson считаетъ видъ этотъ разностью albicolon, Hb.
	insolita, Stgr.					*	*					Согласно Hampson'y—Hadula, Stgr.
	lauta, Püngl.											Согласно Hampson'y—Lasianobia, Hamps.
	oleracea, L.		*		?	*	*	*	*			Согласно Hampson'y—Polia, O.
	amydra, Püngl.					*						Hampson считаетъ видъ этотъ разностью albicolon Hb.
	satanella, Alph.											Согласно Hampson'y—Polia, O.
	trifolii, Rott.	*	*	*	*	*	*	*	*		*	Согласно Hampson'y—Scotogramma, Smith.
	decreta, Püngl.											Согласно Hampson'y—Lasianobia, Hamps.
	marmorosa, Bkh.	v			*	*	*					Согласно Hampson'y—Scotogramma, Smith.
	suavis, Stgr.			*								Согласно Hampson'y—Polia, O.
220	*texturata,* Alph.											Согласно Hampson'y—Hadena, Schrk.
	bryoptera, Püngl.											Согласно Hampson'y—Lasionycta, Auriv.
	furca, Ev.		*		*	*						Согласно Hampson'y—Polia, O.
	furcula, Stgr.					*					*	Согласно Hampson'y—Polia, O.
	Haderonia, Stgr.											
	subarschanica, Stgr.											Согласно Hampson'y—Polia, O.
	optima, Alph.									*		Согласно Hampson'y—Hadula, Stgr.
	Manobia, Stgr.											
	xena, Stgr.											
	Dianthoecia, B.											
	eximia, Stgr.										*	Согласно Hampson'y—Sideridis, Hübn.
	deliciosa, Alph.										*	Согласно Hampson'y—Lasiestra, Hamps.
	lurida, Alph.											Согласно Hampson'y—Lasionycta, Auriv.
230	nana, Rott.	*	*	*	*	*	*		*			Согласно Hampson'y—Polia, O.
	christophi corrupta, Herz.	t		*	*							Согласно Hampson'y—Epia, Hb.
	Miana, Stph.											
	bicoloria pallidior, Stgr.	t		t	t	*	*		t			
	literosa, Hw.	*	*		*	*			*			
	Bryophila, Tr.											
	maeonis, Ld.	*				*	*	*	*			
	Oxytrypia, Stgr.											
	orbiculosa, Esp.					*						
	Pseudohadena, Alph.											
	pexa, Stgr.					*	*					

	Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
	Hadena, Schrk.											
	amicina, Stgr.											
	magnirena, Alph.									*		
	remota, Püngl.											
240	funerea, Hein.			*								Видъ, распространенный въ средней Европѣ и во всей восточной Азіи до Зондскихъ острововъ включительно.
	adusta vicina, Alph.	v	t	t	t	*	*		t			
	decipiens, Alph.				*	*						
	viridula, Stgr.											
	dianthoecina, Stgr.											
	lateritia expallescens, Stgr.	t	t	t	t	*	*	t	t			
	rurea, F.	*	*	*	*	v	v		*			
	basilinea grisescens, Stgr.	t	t	v	t	*	*		t			
	Blepharidia, Püngl.											
	grumi, Alph.											
	anachoretoides, Alph.											
250	*lama,* Püngl.											
	Ulochlaena, Ld.											
	superba, Alph.											
	Dasysternum, Stgr.											
	tibetanum, Stgr.											
	Dasypolia, Gn.											
	templi asiatica, Alph.								t			
	fani lama, Stgr.			t	*	*						
	pagodae, Alph.											
	gerbillus, Alph.											
	Dipterygia, Stph.											
	scabriuscula, L.	*	*	*	*				*			
	Rhizogramma, Ld.											
	subdetersa, Stgr.											
	indica, Wlkr.									*	*	
	Cloantha, Gn.											
260	*conjuncta,* Püng.											hujus generis ?
	Trachea, Hb.											
	melanospila lucia, Butl.			*						*	t	
	Trigonophora, Hb.											
	grumi, Alph.											

Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
Jaspidea, B.											
celsia, L.	*	*	*	*	*						
Hydroecia, Gn.											
nictitans lucens, Frr.	t	t	*	*	t	t	t	t			
osseola, Stgr.				*							
Tapinostola, Ld.											
hellmanni, Ev.		*		*	*						
Calamia, Hb.											
phragmitidis, Hb.					*	*					
Leucania, Hb.											
impura dungana, Alph.	t	t	t	v	*	*		t			
pallens melania, Stgr.	t	*	t	t	*	*		t			
270 obsoleta, Hb.	*				*						
mesotrosta, Püngl.											Согласно Hampson'y—Cirphis, Wlk.
comma, L.	*	*	*	*	*	*	*	*			Согласно Hampson'y—Cirphis, Wlk.
lithargyria, Esp.	*	*		*	*	*	*	*			Согласно Hampson'y—Sideridis, Hb.
Monostola, Alph.											
asiatica, Alph.									*		Согласно Hampson'y—Nephelodes, Gn.
infans, Alph.									*		
Caradrina, O.											
albina, Ev.	*			v	*	*	*	*			
lenta, Tr.	*		v	*	v			*			
Hydrilla, B.											
gluteosa, Tr.	*		*	*	*	*	?	*			
Gracilipalpus, Calb.											
sublimbatus, Püngl.											
Hypernaenia, Hmps.											
280 violacea, Butl.?										*	Опредѣленіе сомнительное.
Raddea, Alph.											
digna, Alph.											Согласно Hampson'y—Episilia, Hb.
Hiptelia, Gn.											
brunneago, Stgr.											Hampson относитъ этотъ видъ къ роду Richia, Grote, распространенному въ Азіи (1 видъ въ Гималаяхъ) и въ обѣихъ Америкахъ (въ Колорадо и Новой Мексикѣ, откуда извѣстно 3 вида, и въ Чили, гдѣ родъ этотъ представленъ однимъ видомъ).
Dyshorista, Ld.											
suspecta, Hb.		*		*	*	*		*			
Calocampa, Stph.											
exoleta impudica, Stgr.	t			*	*	*		t			

*

Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
Cucullia, Schrk.											
albescens, Moore.			*	*						*	
distinguenda, Stgr.			*	*	*						
umbratica, L.	*	*	*	*	*		*	*			
lucifuga, Hb.	*		*	*				*			
umbristriga, Alph.						*			*		
290 duplicata, Stgr.				v	*	*					
retecta, Püngl.											
fuchsiana, Ev.	*		*	*							
formosa, Rghfr.											Въ Европѣ: въ Венгріи и юго-восточной Франціи (Ardèche).
splendida, Cr.	*	?		*	*	*					
Anartomorpha, Alph.											
potanini, Alph.									*		
Hypsophila, Stgr.											
grumi, Alph.											
daishi, Alph.									*		
Ala, Stgr.											
pretiosa, Alph.											
Omorphina, Alph.											
aurantiaca, Alph.									*		
Heliothis, O.											
300 purpurascens, Tausch.	*							*			
ononis, F.	*	*	*	*	*	*	*	*	*		
scutosa, Schiff.	*	*	*	*	*	*	*	*		*	
Isochlora, Stgr.											
viridis, Stgr.				v	v			v		v?	Типъ описанъ по экземплярамъ изъ Тарбагатая.
albivitta, Alph.					?	*					
xanthiana, Stgr.											
grumi, Alph.				*							
Grumia, Alph.											
flora, Alph.											
Acontia, Ld.											
luctuosa, Esp.	*	*	*	*	*	*	*	*			
Eublemma, Hb.											
arcuinna blandula, Rbr.	t			*	*	v	v	v			
Erastria, O.											
310 deceptoria, Sc.	*	*	*	*							

Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
argentula, Hb.	*	*	*	v	*	*	*	*		?	
Eudidia, O.											
munita immunita, Mill.	t*			t*	t*	t	t*	t*			
Plusia, O.											
dives, Ev.		*	*	*							
ornata, Brem.			*	*							
tancrei, Stgr.											
hochenwarthi tibetana, Stgr.		t		t	t	t		t			
Palpangula, Stgr.											
cestis, Mén.	*				*	*	*				
Leucanitis, Gn.											
flexuosa, Mén.				v	*	*	*				
scolopax, Alph.											
320 chinensis, Alph.				*		*					
Catocala, Schr.											
nupta, L. var.	t	t	v	v	v					v	
Apopestes, Hb.											
spectrum, Esp.			*	*	*	*	*	*		*	
simplex, Stgr.					*	*					hujus generis ?
Eccrita, Ld.											
ludicra, Hb.	*	*	*	*	*						
Hypena, Schr.											
obesalis, Tr.	*	*		*	*			*			
Pseudomicronia, Moore.											
archilis, Oberth.									*		
Geometra, L.											
impararia, Gn.	*			*							
Euchloris, Hb.											
smaragdaria, F.	*	*	*	*	*	*	v	*			
chlorophyllaria, Hedem.			*						*		
330 jankowskiaria, Mill.			*								
Acidalia, Tr.											
praecanata, Stgr.											
umbellaria, Hb.			*	*							
strigilaria, Hb.	*		*				*	*			
Rhodostrophia, Hb.											
grumaria, Alph.											

Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
philolaches tibetaria, Stgr.									t		
jucularia, minor, Alph.	t			t	t						
Ortholitha, Hb.											
ershoffi, Alph.											
sinensis, Alph.					*	*					
appropinquaria, Stgr.						*					
Kuldscha, Alph.											
340 *oberthüri,* Alph.											
Atomophora, Alph.											
falsaria, Alph.											
Stamnodes, Gn.											
pauperaria divitiaria, Stgr.				t	t	t					
danilovi, Ersch.			*	*	*						
depeculata narzanica, Alph.								*	*		
Anaitis, Dup.											
poneformata, Stgr.											
Lobophora, Curt.											
coartata, Püngl.											
Cheimatobia, Stph.											
tenerata, Stgr.											
Triphosa, Stph.											
albiplaga, Oberth.									*		
Eucosmia, Stph.											
certata, Hb.			*			*	*	*			
350 alternata, Stgr.									*		
inanata, Chr.			*								
Photoscotosia, Warr.											
palaearctica, Stgr.					*	*					
leechi, Alph.											
undulosa, Alph.									*	*	
achrolopha, Püngl.											
Scotosia, Stph.											
adornata, Stgr.											
Larentia, Tr.											
fulvata, Forst.	*		*	*	v	v	*	*			
ochreata, Stgr.											
ignorata, Stgr.										*	

	Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
360	immanata, Hw.		*									Видъ этотъ распространенъ отъ Исландіи до Камчатки и Аляски.
	phaiosata, Stgr.											
	taeniata, Stph.			*								Видъ этотъ извѣстенъ изъ сѣверной Европы, Камчатки, Японіи и западнаго Китая.
	vinculata, Stgr.											
	albigirata viperata, Alph.			t	t						t	
	excentricata, Alph.											
	quadrifasciaria stupida, Alph.	t	t	t	t				t			
	flavicinctata relegata, Püngl.											Типъ встрѣчается въ Шотландіи, Норвегіи, въ Альпахъ Швейцаріи и въ Силезскихъ горахъ.
	uncinata, Püngl.											
	neurbouaria, Oberth.									*		
370	rivata, Hb.	*										Видъ, распространенный въ средней и южной Европѣ.
	sociata dubiosata, Alph.		t	tv	t	*	*		t			
	semenovi, Alph.									*		
	lugens, Oberth.									*		
	hastata, L.	*	*	*	*	*			*	v		
	luctuata, Hb.		*	*		*			*			
	pupillata, Thnbg.		*	*	*	*			*			
	phasma, Butl.										*	
	sordidata, F.	*	*	*	*	*			*			
	silaceata deflavata, Stgr.			*t	*	*						
380	aurata, Moore.										*	
	ambustaria, Leech.									*		
	rejectaria, Stgr.					*						
	Tephroclystia, Hb.											
	pimpinellata altaicata, Gn.	t			*							
	satyrata rivosulata, Dietze.			?	*	t	t	t	t			
	nobilitata, Stgr.					*						
	Phibalapteryx, Stph.											
	tersata, Hb.	*		v	v				*			
	Metrocampa, Latr.											
	unio, Oberth.									*		
	Selenia, Hb.											
	tetralunaria, Hnfn.	*	*	*					*	*		
	Gonodontis, Hb.											
	muscularia, Stgr.					*	*					
390	„ alienata, Stgr.						*					

Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
Hypoplectis, Hb.											
adspersaria, Hb.	*	*		*				*			
Semiothisa, Hb.											
normata, Alph.											
Anisopteryx, Stph.											
chaoticaria, Alph.											
Amphidasis, Tr.											
betularia concinna, Warr.	t	t	t	t	*t			t			
Synopsia, Ld.											
kindermannaria, Stgr.				*	*						
strictaria, Ld.	*		*	*							
serrularia, Ev.	*			*	*	*	*	*			
Boarmia, Tr.											
bituminaria, Ld.			*	*							
conjungens, Alph.											
repandata depravata, Stgr.	t		v	*v	*	*	t	t	*		
consonaria, Hb.	*		*								
praeclarata, Püngl.											
Gnophos, Tr.											
difficilis, Alph.					*	*					
glaucinaria sibiriata, Gn.				*	v			v			Типъ распространенъ въ сѣверной Европѣ.
ochrofasciata, Stgr.				*	*						
finitimaria, Fuchs.		*				*					
creperaria, Ersch.		*	*	*							
lutipennaria, Fuchs.											
Diastictis, Hb.											
anomalata, Alph.										*	
Phasiane, H.-S.											
petraria, Hb.	*		*	*			*	*			
Eubolia, Ld.											
cinigeraria, Alph.											
Scodiona, B.											
fagaria, Thnbg.	*					v			*	*	
Loxospilates, Warr.											
fixseni, Alph.											
Astrapephora.											
romanovi, Alph.										*	

Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
Aspilates, Tr.											
gilvaria orientalis, Alph.	t		t	tv	*v		t	*			
Perconia, Hb.											
strigillaria, Hb.	*v			*				*			
Megametopon, Alph.											
piperatum, Alph.											
Syntomis, O.											
ganssuensis, Gr.-Gr.											
Diacrisia, Hb.											
punctaria, Cr.			*						*		
Phragmatobia, Stph.											
420 fuliginosa pulverulenta, Alph.	t	t	t	tv	v	v	v	t			
Parasema, Hb.											
plantaginis sifanica, Gr.-Gr.	t	t	v	t				v			
Rhyparia, Hb.											
leopardina, Mén.			*								
Arctinia, Eichw.											
caesarea, Goeze.	*		*					*			Согласно Hampson'y—Diacrisia, Hb.
Arctia, Schrk.											
pretiosa, Stgr.			*								
sieversi, Gr.-Gr.											
Preparctia, Hamps.											
romanovi, Gr.-Gr.									V(a)		(a) Var. mirifica, Oberth. Та же разновидность найдена была и въ восточномъ Тибетѣ (въ Камѣ).
Coscinia, Hb.											
striata, L.	*	*	*	*				*			
funerea, Ev.			*	*							
Ino, Leach.											
budensis mollis, Gr.-Gr.	v					v		v			
Cossus, F.											
430 *lucifer,* Gr.-Gr.											

	Гань-су.	Юго-восточная Россія.	Сибирь.	Маньчжурія.	Алтайско-Саянскій горный районъ.	Туркестанъ. Тянь-шань.	Туркестанъ. Памиръ.	Сѣверная Персія.	Кавказъ.	Сы-чуань.	Гималаи.	Примѣчанія.
	Newelskoia, Gr.-Gr. albonubila, Graes.			*	*							
	Phassus, Wlk. *regius*, Stgr.											
433	Hepialus, F. *nebulosus*, Alph.				–							
	общее число	142	124	154	189	160	116	79	132	117	62	
	въ процентахъ	32	28	34,7	42,4	36,1	26,1	17,8	29,8	26,4	14	
	за вычетомъ видовъ общепалеарктическихъ или имѣющихъ очень широкое распространеніе..... ..... [1]	112	94	124	159	130	37	49	102	104	46	
	въ процентахъ...	27,1	22,7	30	38,5	31,4	21	11,8	24,7	25,1	11,1	
	за вычетомъ сверхъ того эндемичныхъ видовъ, въ процентахъ	35,4	29,7	39,2	50,3	41,1	27,5	15,5	32,2	32,9	14,5	

Изученіе этого списка, далеко, конечно, не полнаго [2]), приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Фауна Гань-су по характеру своему ближе всего стоитъ къ фаунамъ Алтайско-Саянскаго горнаго района, Маньчжуріи и Тянь-шан'я. Послѣднее обстоятельство зависитъ отъ того, что въ составъ тяньшаньской фауны входитъ не мало сибирскихъ формъ. Это ясно

---

[1]) Такими я считаю: Pap. machaon, Ap. crataegi, Pier. rapae, P. napi, P. daplidice, L. sinapis, Pyr. cardui, V. urticae, V. antiopa, Mel. didyma, Arg. aglaja, A. adippe, Lyc. argus, L. eumedon, L. icarus, Ad. lineola, Aug. comma, Hesp. alveus, Th. tages, Pr. convolvuli, Macr. stellatarum, Agr. obscura, A. nigricans, A. tritici, A. corticea, A. segetum., Mam. trifolii, Leuc. comma, Ac. luctuosa и Phr. fuliginosa, всего—30 видовъ.

[2]) Не подлежитъ, напримѣръ, сомнѣнію, что въ Гань-су должны встрѣчаться: Pap. podalirius, Euchl. cardamines, Lim. populi, Lim. sydyi, Gr. c album, Arg. lathonia, Arg. paphia, Coen. Oedippus, Coen. tiphon, Ocn. dispar и другіе, свойственные Сибири виды, найденные южнѣе, въ пров. Сы-чуань.

вытекаетъ изъ сравненія списковъ видовъ, общихъ фаунамъ гань-суйской, тяньшаньской и памирской.

Въ фаунѣ Тянь-шан'я мы находимъ слѣдующіе виды, общіе ей и фаунѣ Гань-су, но не свойственные Памиру [1]).

V. xanthomelas, Esp.
S. authonoe, Esp.
„ dryas, Sc.
Aph. hyperanthus, L.
Coen. iphis, Schiff.
Lyc. arion, L.
Pyg. pigra, Hufn.
St. salicis, L.
Gastr. quercifolia, L.
Acr. leporina, L.
Sim. splendida, Stgr.
Agr. collina, B.
„ baja, F.
„ dahlii, Hb.
„ primulae, Esp.
„ plecta, L.
„ musculus, Stgr.
„ ledereri, Ersch.
„ cursoria, Hufn.
„ albifurca, Ersch.
„ ononensis, Brem.
„ ypsilon, Rott.
Mam. nebulosa, Hufn.
„ furca, Ev.
„ furcula, Stgr.
Miana literosa, Hw.
Hadena decipiens, Alph.
Dasyp. fani, Stgr.
Jasp. celsia, L.
Tapin. hellmanni, Ev.
Leuc. obsoleta, Hb.
Car. lenta, Tr.
Cuc. distinguenda, Stgr.
„ umbratica, L.
Catocala nupta, L.
Eccrita ludicra, Hb.
Hyp. obesalis, Tr.
Rhod. jacularia, Hb.
Stamn. danilovi, Ersch.
Lar. hastata, L.
„ luctuata, Hb.
„ pupillata, Thnbg.
„ silaceata, Hb.
Amphid. betularia, L.
Syn. kindermannaria, Stgr.
Gnoph. glaucinaria, Hb.
„ ochrofasciata, Stgr.
Sc. fagaria, Thnbg.
Asp. gilvaria, F.

Всѣ эти виды, за исключеніемъ Agrotis musculus и Mamestra furcula,— представители сибирской фауны, заселившіе притомъ Тянь-шань въ геологически весьма недавнее время. Это явствуетъ изъ того, что значительное большинство ихъ не успѣло еще обособиться до степени разновидности.

Конечно, въ нихъ можно заподозрить и случайный подборъ наиболѣе устойчивыхъ формъ. Что это однако не такъ, тому доказательствомъ служитъ нижеприводимый списокъ видовъ, общихъ Тянь-шан'ю и Алтаю, изъ коего мною исключены какъ виды, относительно коихъ трудно сейчасъ сказать, какимъ путемъ они достигли Тянь-шан'я, такъ и виды общепалеарктическіе и такіе, которые несомнѣнно проникли въ Алтайско-Саянскій горный районъ съ юго-запада; къ числу послѣднихъ я отношу, напримѣръ, Colias cocandica tamerlana, Stgr.

---

[1]) Къ Памиру я въ данномъ случаѣ отношу также Фергану и горную Бухару. *

	Алтай.	Тянь-шань.
Parnassius intermedius, Mén.		f. typica. (var. ?).
Satyrus arethusa, Esp.		»
Coenonympha iphis, Schiff.	v. iphicles, Stgr.	
	v. mahometana, Alph.	v. mahometana, Alph.
Chrysophanus splendens, Stgr.	v. violaceus, Stgr.	f. typica.
Lycaena damon, Schiff.		f. typica.
» damone, Ev.	v. sibirica, Stgr.	v. juldusa, Stgr.
» minima, Fuessl.		f. typica.
» arion, L.		v. cyanecula, Ev.
Dasychira nivalis, Stgr.		v. obscurata, Stgr.
Agrotis baja, F.		v. bajula, Stgr.
» insignata, Ld.		f. typica.
» eminens, Ld.		»
» chaldaica, B.		»
» ditrapezium, Bkh.		»
» dahlii, Hb.		»
» primulae, Esp.		»
» rectangula, F.		v. andereggii, B.
» ocellina, Hb.		f. typica.
» plecta, L.		»
» stentzi, Ld.		»
» musiva, Hb.		»
» candelisequa, Hb.		v. rana, Ld.
» fennica, Tausch.		f. typica.
» umbrifera, Alph.		»
» pudica, Stgr.	f. typica.	v. griseola, Stgr.
» laetifica, Stgr.		f. typica.
» poecila, Alph.		»
» plumbea, Alph.		»
» quadrangula, Zett.	?	f. typica.
» ledereri, Ersch.		f. typica.
» signifera, F.		»
» truculenta, Ld.		»
» cursoria, Hufn.		v. currens, Stgr.
» subconspicua, Stgr.		f. typica.
» recussa, Hb.		»
» adumbrata, Ev.		»
» difficilis, Ersch.		»
» albifurca, Ersch.		»
» ononensis, Brem.		»
» conspicua, Hb.		»
Mamestra leucophaea, View.		v. bombycina, Ev.
» spalax, Alph.		f. typica.
» advena, F.		v. mongolica, Stgr.
» nebulosa, Hufn.		v. asiatica, Stgr.
» altaica, Ld.		f. typica.
» albicolon, Hb.		»
» egena, Ld.		»
» » v. arida.		»
» oleracea, L.		»
» aliena, Hb.		»
» dentina, Esp.		»
» reticulata, Vill.		v. unicolor, Alph.
» cavernosa, Ev.		f. typica.
» furca, Ev.		

	Алтай.	Тянь-шань.
Dianthoecia luteago, Hb.		f. typica.
„ proxima, Hb.	f. typica.	v. cana, Ev. [1]).
„ filigrama, Esp.		v. xanthocyanea, Hb.
„ nana, Rott.		f. typica.
„ compta, F.		„
„ capsincola, Hb.		„
„ carpophaga, Bkh.		„
„ christophi, Möschl.		v. corrupta, Herz.
Miana ophiogramma, Esp.		f. typica.
„ literosa, Hw.		„
„ bicoloria, Vill.	f. typica.	v. pallidior., Stgr.
Thaumasta expressa, Ld.		f. typica.
Hadena adusta, Esp.	f. typica.	f. typica. v. vicina, Alph.
„ abjecta, Hb.		f. typica.
„ ferrago, Ev.		„
„ subornata, Stgr.		„
„ decipiens, Alph.		„
„ rurea, F.		„
„ basilinea, F.	f. typica.	v. grisescens, Stgr.
Oncocnemis nigricula, Ev.		f. typica.
„ strioligera, Ld.		„
„ campicola, Ld.		„
„ exacta, Chr.	v. mongolica, Stgr.	f. typica.
Ammogrotis suavis, Stgr.		f. typica.
Dasypolia fani, Stgr.		v. lama, Stgr.
Jaspidea celsia, L.		f. typica.
Helotropha leucostigma, Hb.		„
Tapinostola procera, Stgr.		„
„ hellmanni, Fr.		„
Luceria virens, L.		v. immaculata, Stgr.
Leucania impura, Hb.		v. transbaicalensis, Stgr. v. dungana, Alph.
„ pallens, L.		v. melania, Stgr.
„ velutina, Ld.		f. typica.
Caradrina grisea, Ev.		„
„ alsines, Brahm.		„
„ lenta, Fr.		v. lentina, Stgr.
Perigrapha circumducta, Ld.		f. typica.
Dyschorista suspecta, Hb.		„
Cucullia asteris, Schiff.		„
„ distinguenda, Stgr.		„
„ dracunculi, Hb.	f. typica.	v. amota, Alph.
„ virgaureae, B.		f. typica.
„ cineracea, Frr.		„
„ biornata, F. d. W.		„
„ duplicata, Stgr.		v. amoena, Stgr.
„ spectabilis, Hb.		f. typica.
„ fraudatrix, Ev.		„
„ absinthii, L.		„
„ argentea, Hufn.		v. subcaerulea, Stgr.
„ splendida, Cr.		f. typica.
Heliothis cora, Ev.		„

[1]) Эта разновидность встрѣчается однако въ Швеціи, въ сѣверной Россіи и на Уралѣ; вѣроятно найдется и въ горахъ Алтайской системы.

	Алтай.	Тянь-шань.
Plusia moneta, F.		v. esmeralda, Oberth.
„ herrichi, Stgr.		f. typica.
„ bractea, F.		„
„ putnami, Grote.		„
„ hochenwarthi, Hoch.		„
Euclidia fortalitium, Tausch.		„
Catocala nupta, L.		v. nuptialis, Stgr.
„ pacta, L.		f. typica.
Eccrita ludicra, Hb.		f. typica.
Toxocampa lubrica, Frr.	f. typica.	
	v. sublubrica, Stgr.	v. sublubrica, Stgr.
Nemoria viridata, L.	f. typica.	v. insignata, Stgr.
Rhodostrophia jacularia, Hb.		v. carnosaria, Stgr.
Ortholitha limitata, Sc.		f. typica.
Stamnodes pauperaria, Ev.		„
„ danilovi, Ersch.		„
Odezia tibiale, Esp.		v. moeroraria, Stgr.
Larentia dotata, L.		f. typica.
„ suffumata, Hb.		„
„ ferrugata, Cl.	f. typica.	v. asiatica, Stgr.
„ intersecta, Stgr.	f. typica.	v. desiderata, Stgr.
„ sociata, Bkh.	f. typica.	v. dubiosata, Alph.
„ albicillata, L.		f. typica.
„ lugubrata, Stgr.		„
„ hastata, L.		„
„ pupillata, Thnbg.		„
„ silaceata, Hb.		v. deflavata, Stgr.
„ nigrofasciaria, Goeze.		f. typica.
„ comitata, L.		„
Tephroclystia despectaria, Ld.		„
„ extensaria, Frr.		v. sydyi, Stgr.
„ succenturiata, L.		v. exalbidata, Stgr.
„ scabiosata, Bkh.		f. typica.
„ sinuosaria, Ev.		„
„ scotosiata, Gn.		„
Abraxas sylvata, Sc.		„
Epione apiciaria, Schiff.		„
Amphidasis betularia, L.	f. typica.	v. cognataria, Gn.
Synopsia kindermannaria, Stgr.		f. typica.
Boarmia cinctaria, Schiff.		„
„ repandata, L.		v. depravata, Stgr.
Gnophos myrtillata, Thnbg.		f. typica.
Ematurga atomaria, L.		„
Phasiane biparata, Ld.		„
Aspilates mundataria, Cr.		„
„ gilvaria, F.		v. insignis, Alph.

Изъ перечисленныхъ здѣсь 150 видовъ успѣли дать уклоненіе отъ типа только 14 видовъ или 9,3%—процентъ, конечно, слишкомъ ничтожный для такихъ географически различныхъ аренъ, какими въ настоящее время являются Тянь-шань и Алтайско-Саянскій горный районъ.

Замѣчательно, что число сибирскихъ формъ въ Тянь-шан'ѣ

возрастаетъ отъ запада къ востоку, достигая, повидимому, своего максимума въ горахъ Карлыкъ-тагъ. Не доказываетъ ли это, что эмиграція сибирскихъ чешуекрылыхъ съ Алтая на югъ шла главнымъ образомъ не на западъ, при посредствѣ хребтовъ Тарбагатайскаго и Ала-тау, а восточнѣе, захватывая Аджи-богдо, Еренъ-нуру, Номскія высоты, Мэчинъ-ола и Карлыкъ-тагъ?

На этотъ вопросъ существовалъ бы отвѣтъ, если бы имѣлись данныя для опредѣленія сравнительной древности гобійскихъ отложеній въ области такъ называемаго Джунгарскаго рукава и въ пустынѣ Номинъ-Мингынъ-гоби, отдѣляющей Номскія высоты отъ горныхъ грядъ, примыкающихъ къ магистральному Алтаю; но ихъ нѣтъ, а потому и вышеприведенное соображеніе можетъ имѣть лишь гипотетическое значеніе.

Тѣмъ не менѣе, лишь опираясь на него, мы находимъ отвѣтъ на вопросъ, по какому пути шло заселеніе Нань-шан'я и сѣверо-восточнаго Тибета видами сѣверной фауны.

Современная карта Азіи даетъ намъ возможность высказать такія предположенія: или что Нань-шань заселился сибирскими видами съ запада, черезъ Кавказъ, Гиндукушъ, Памиръ, Кунь-лунь и Алтынъ-тагъ съ варіантомъ на Гималаи, или что онъ заселился съ востока при посредствѣ Большого Хингана и системы Инь-шань'скихъ хребтовъ.

Первый путь для сибирскихъ эмигрантовъ приходится совершенно отбросить, такъ какъ на всемъ его протяженіи огромнаго большинства сибирскихъ формъ, населяющихъ нынѣ Нань-шань и Амдо, вовсе не найдено. Правда, климатическія условія сказанной полосы горъ въ эпоху диллювія, когда въ Средней Азіи существовали еще обширные водоемы — остатки третичныхъ средиземныхъ морей, не соотвѣтствовали современнымъ; возможно, что и флора ихъ по своему составу болѣе тогда напоминала нынѣшнюю сибирскую; тѣмъ не менѣе, даже на такихъ станціяхъ, какъ Кавказъ и сѣверные склоны Эльбруса, мы находимъ теперь меньше сибирскихъ видовъ, свойственныхъ Гань-су, чѣмъ даже въ юго-восточной Россіи.

Назову наиболѣе характерные:

Melitaea arcesia, Brem.
Argynnis eugenia, Ev.
Erebia sedakovii, Ev.
Oeneis tarpeia, Pall. (водится въ ю.-в. Россіи).
Satyrus autonoë, Esp. (водится въ ю.-в. Россіи).
Pararge deidamia, Ev. (найдена мною въ среднемъ Уралѣ).
Coenonympha amaryllis, Cr.

Lycaena cleobis, Brem.
„ lucifera, Stgr.
„ cyane, Ev. (водится въ южномъ Уралѣ).
Pamphila argyrostigma, Ev.
Agrotis chardinyi, B.
„ melancholica, Ld.
„ ledereri, Ersch.
„ difficilis, Ersch.
„ albifurca, Ersch.
„ ononensis, Brem.
„ trifurca, Ev.
„ occulta, L, (водится въ ю.-в. Россіи).
Mamestra furca, Ev.
Hadena dicipiens, Alph.
Dasypolia fani, Stgr.
Jaspidea, celsia, L.
Hydroecia osseola, Stgr.
Cucullia distinguenda, Stgr.
„ lucifuga, Hb. (водится въ ю.-в. Россіи).
„ fuchsiana, Ev. (найдена въ южномъ Уралѣ).
Isochlora grumi, Alph.
Plusia dives, Ev.
„ ornata, Brem.
Stamnodes danilovi, Ersch.
Tephroclystia pimpinellata, Hb. (водится въ ю.-в. Россіи).
„ satyrata, Hb.
Sinopsis kindermannaria, Stgr.
„ strictaria, Ld. (найдена въ южномъ и среднемъ Уралѣ).
Boarmia bituminaria, Ld.
Gnophos creperaria, Ersch.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда на Кавказѣ встрѣчаются сибирскіе виды, свойственные Гань-су, эти послѣдніе показываютъ больше сродства, если не полное тождество съ формами алтайскими, а не кавказскими [1]); такъ, напримѣръ:

кавказская Thanaos tages, L., представлена въ Гань-су южно-сибирской var. popoviana, Nordm. (=var. sinina, Gr.-Gr.).
кавказскаа Agrotis baja, F., представлена въ Гань-су алтайской var. bajula, Stgr.
„ Gnophos glaucinaria, Hb., представлена въ Гань-су алтайской var. sibiriata, Gn.
и т. д.

Переходя къ восточному пути, мы должны принять во вниманіе слѣдующее.

Изъ общаго числа 154 видовъ, свойственныхъ Гань-су и Маньчжуріи,

30—приходится на долю общепалеарктическихъ видовъ,
11—на виды, которые должны считаться пришлыми въ Маньчжурію съ юга [2]),

---

[1]) Изъ формъ, общихъ только Гань-су и Кавказу, мы можемъ назвать лишь одну—Stamnodes depeculata narzanica, Alph.

[2]) Виды эти слѣдующіе: Aporia hippia, Brem., Melanargia halimede, Mén., Hesperia maculata, Brem., Pamphila dieckmanni, Graes., Hemaris affinis, Brem., Mamestra adjuncta,

101 — на виды, общіе Гань-су, Маньчжуріи и Алтаю,
8 — на сибирскіе виды, не найденные до сего времени въ Алтаѣ [1]),
4 — на виды, общіе только Маньчжуріи и Гань-су [2]).

154

Изъ этихъ категорій видовъ только двѣ послѣднія указывали бы на то, что нѣкогда существовала непосредственная кружная связь черезъ Маньчжурію между Гань-су и южной Сибирью, если бы мы были увѣрены, что виды эти не будутъ найдены со временемъ либо въ горахъ Алтайско-Саянскаго района, либо гдѣ-нибудь въ восточной Азіи; а что они могутъ быть тамъ найдены, видно изъ слѣдующаго: изъ 8 видовъ, неизвѣстныхъ до настоящаго времени изъ Алтая, Simyra splendida, Stgr., встрѣчена была въ Илійской долинѣ, Acidalia strigilaria, Hb.,—видъ, распространенный во всей Европѣ и въ передней Азіи, Eucosmia certata, Hb.,—тоже, Larentia taeniata, Stph.,—тоже, сверхъ же сего найдена была въ Камчаткѣ, Larentia luctuata, Hb.—тоже и сверхъ того—въ Тянь-шан'ѣ, Selenia tetralunaria, Hufn.,—тоже, Boarmia consonaria, Hb.,—тоже, и, наконецъ, Arctinia caesarea, Goeze,—тоже.

Съ другой стороны въ Маньчжуріи до настоящаго времени не были найдены 50 видовъ, общихъ Гань-су и Алтаю, и хотя нельзя сомнѣваться, что со временемъ число это сократится, однако все же останется цѣлый рядъ формъ частью изъ числа этихъ 50, частью же изъ числа тѣхъ, которые фигурируютъ въ спискѣ видовъ, общихъ Гань-су, Маньчжуріи и Алтаю, которые несомнѣнно проникли въ Нань-шань помимо Маньчжуріи. Эти виды слѣдующіе:

Melitaea romanovi, Gr.-Gr.
„ arcesia chauna, Gr.-Gr. [3])
Argynnis eugenia, Ev.
Oeneis tarpeia, Pall.
Satyrus actaea bryce, Hb. [4])
Triphysa phryne biocellata, Stgr. [5])
Lycaena cyane, Ev.
„ cleobis ida, Gr.-Gr.

Stgr., Hadena funerea, Hein., Trachea melanospila lucia, Butl., Euchloris chlorophyllaria Hedem., Diacrisia punctaria, Cr., и Arctia pretiosa Stgr. Послѣднюю я описалъ какъ A. latreillei chinensis, будучи введенъ въ заблужденіе плохимъ рисункомъ, приложеннымъ къ описанію Staudinger'a.

[1]) Виды эти перечисляются ниже.

[2]) Виды эти слѣдующіе: Mamestra suavis, Stgr., Euchloris jankowskiaria, Mill., Eucosmia inanata, Chr., и Rhyparia leopardina, Mén.

[3]) Elwes описалъ алтайскую форму M. arcesia подъ именемъ minor; встрѣченная мною въ 1903 году въ китайскомъ Алтаѣ M. arcesia нисколько однако не отличается отъ описанной мною ранѣе изъ области Амдо.

[4]) Var. ganssuensis, Gr.-Gr., стоитъ всего ближе къ v. bryce, Hb.

[5]) Возможно, что biocellata, Stgr., только синонимъ dohrni, Z.; по крайней мѣрѣ имѣвшіяся въ моемъ распоряженіи алтайскія phryne вовсе не отличались отъ амдоскихъ.

Orgyia confinis, Gr.-Gr.
Agrotis collina, B.
„ baja bajula, Stgr.
„ tritici varia, Alph.
Dasypolia fani lama, Stgr.
Hydroecia osseola, Stgr.
Caradrina lenta, Tr.
Isochlora viridis, Stgr.
„ grumi, Alph.

Но если изъ двухъ возможныхъ эмиграціонныхъ путей, построенныхъ согласно съ современной пластикой внутренней Азіи, одинъ является недопустимымъ, а другой — сомнительнымъ, то намъ не остается ничего другого, какъ перекинуть черезъ Гобійскую пустыню мостъ тамъ, гдѣ онъ представляется возможнымъ, а именно, къ востоку отъ меридіана Хами, черезъ самую высокую часть Бэй-шань'скаго нагорья, находящагося, какъ это неоднократно и выше указывалось, въ орографической связи съ Карлыкъ-таг'скимъ массивомъ на сѣверѣ и высотами, примыкающими къ Нань-шан'ю, на югѣ.

Въ настоящее время Гобійская пустыня служитъ ложемъ сѣверо-восточнаго пассата, который, потерявъ почти всю свою влагу надъ Сибирскою низменностью и горами, служащими гранью между ею и Монголіей, вступаетъ сюда, въ низшія широты, гдѣ абсолютная поглотимость воздухомъ водяныхъ паровъ больше, совершенно сухимъ. По тѣмъ же причинамъ сравнительно очень здѣсь сухъ и сѣверо-западный вѣтеръ, влага котораго лишь на самое короткое время напояетъ землю пустыни.

Но не всегда Гоби, а тѣмъ болѣе Бэй-шань'ское нагорье были столь бѣдны осадками. Въ постпліоценовую эпоху, когда въ области, соотвѣтствующей нынѣшней Пермской губерніи, совершалось смѣшеніе фаунъ европейской съ сибирской [1]), а въ центрѣ азіат-

[1]) Можетъ быть процессъ этотъ происходилъ уже и раньше, такъ какъ при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній вторженіе морскихъ водъ въ Западно-Сибирскую низменность и соединеніе Каспійскаго моря съ Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ можно относить съ полною достовѣрностью только къ нижнетретичному времени (эоцену и олигоцену). Вотъ, что по этому поводу читаемъ мы у Карпинскаго („Uebersicht der physiko-geographischen Verhältnisse des Europäischen Russlands während der verflossenen geologischen Perioden" въ „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens", dritte Folge, 1888, IV, стр. 180): „Wie schon gesagt, fand die Vereinigung Europa's und Asiens, die zu Anfang des Tertiärperiode getrennt waren, zu einem zusammenhängenden Festland in der oligocänen Epoche statt, und uns sind jenseits des Ural gar keine Spuren von Meeresablagerungen bekannt, die den miocänen Mediterran—und sarmatischen Stufen entsprächen". Далѣе однако тотъ-же авторъ пишетъ: „Aber nach einigen der neuesten Beobachtungen ist Grund zur Annahme vorhanden, dass der nördliche Ocean in der letzten Epoche der Tertiärperiode (Pliocän) sich in Form einer weit nach Süden (въ предѣлахъ приложенной карты до 54°,5 сѣв. шир.) ausgedehnten Bucht, deren annähernde Grenze auf der Karte II verzeichnet ist, in das Gebiet Sibiriens hinein erstreckte" (ib.). См. также Черскій — „Описаніе коллекціи послѣтретичныхъ млекопитающихъ животныхъ, собранныхъ ново-сибирской экспедиціей 1885—1886 гг.", стр. 38 и слѣд.

скаго материка поступательное движеніе послѣдней на югъ, внутренняя Азія была еще богата водными резервуарами и климатъ ея долженъ былъ отличаться большею влажностью. И если мы допускаемъ, что именно въ это время по гобійскимъ горамъ перебралась въ Тянь-шань сибирская лиственница, то должны будемъ допустить, что одновременно съ ней перемѣстилась туда и свита алтайскихъ травъ и кустарниковъ. За Тянь-шан'емъ же подымался Бэй-шань, который и теперь еще многими своими точками переходитъ за 8,000 даже 9,000 фт. абсолютной высоты, тогда же долженъ былъ быть еще выше. Онъ-то и составилъ тотъ мостъ, по которому перебралась въ Нань-шань и Тибетъ сибирская флора, а вмѣстѣ съ ней и сибирская фауна чешуекрылыхъ [1]).

На этой гипотезѣ, которая находится въ согласіи со всѣми извѣстными мнѣ особенностями современнаго географическаго разселенія сибирскихъ бабочекъ, намъ приходится пока остановиться, хотя, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, факты, на которыхъ она покоится, и не отличаются неоспоримой достовѣрностью.

Особый колоритъ ганьсуйской фаунѣ чешуекрылыхъ придаютъ пришельцы съ юга.

Распредѣленіе ихъ по фаунамъ съ отнесеніемъ одной ихъ части къ субтропическимъ элементамъ палеарктики, а другой къ представителямъ сѣвернаго отдѣла индонезійскаго царства при настоящемъ уровнѣ нашихъ свѣдѣній о лепидоптерологической фаунѣ Гималаевъ, центральнаго Тибета, юго-восточнаго Китая и Индокитайскаго полуострова представляется невозможнымъ, а потому, не задаваясь цѣлью опредѣлить процентъ индонезійскихъ типовъ (индомалайскихъ), проникшихъ въ Амдо, я перехожу къ выясненію вопроса, какъ великъ процентъ видовъ, общихъ Гань-су и области верхняго теченія Янъ-цзы-цзян'а, которая уже нѣкоторыми зоологами и относится къ индонезійскому [2]) или восточному [3]) царству.

Изъ общаго числа 117 видовъ, свойственныхъ Гань-су и Сычуан'и,

---

[1]) См. выше, стр. 356.

[2]) Бianки — „Основныя понятія о зоогеографическихъ единицахъ вообще и о внѣтропическихъ Стараго Свѣта въ частности", въ журн. „Естествознаніе и Географія", 1905, № 7.

[3]) W. Sclater and Ph. Sclater—„The Geography of Mammals", 1899, стр. 132. Lydekker („A geographical Hystory of Mammals", 1896) проводитъ границу этого царства также по водораздѣлу Желтой рѣки и Янъ-цзы-цзян'а, но только въ предѣлахъ ихъ верховій; далѣе же на востокъ онъ относитъ ее южнѣе.

13	приходятся	на	долю	общепалеарктическихъ	видовъ,			
26	„	„	„	видовъ	сибирской	фауны,		
6	„	„	„	„	памиро-тяньшанской	фауны,		
1	„	„	„	„	общихъ Гань-су, Сы-чуан'и и	Кавказу [1]),		
13	„	„	„	„	„	„	„	„ Гималаямъ [2]),
10	„	„	„	„	„	„	„	„ Китаю (съ Маньчжуріей) [3])
69								

Остальные 48 видовъ (41%) найдены до настоящаго времени только въ Гань-су и Сы-чуан'и и выдѣлить изъ нихъ виды, пришлые въ Гань-су съ юга далеко не всегда, конечно, возможно; мнѣ кажется, что къ числу послѣднихъ должны быть отнесены: Aporia bieti, Oberth., Ap. martineti kreitneri, Friv., Ap. davidis, Oberth., Euchloë bieti, Oberth., Satyrus sybillina bianor, Gr.-Gr., Pararge dumetorum fulvescens, Alph., Pamphila christophi, Gr.-Gr., P. flavomaculata, Oberth., Thanaos pelias erebus, Gr.-Gr., Spica parallelangula, Alph., Monostola asiatica, Alph., M. infans Alph., Pseudomicronia archilis, Oberth., и Astrapephora romanovi, Alph. Что же касается такихъ видовъ, какъ Parnassius epaphus, Oberth., P. imperator, Oberth., P. cephalus, Gr.-Gr., P. simo, Gray, P. orleans, Oberth., P. szechenyi, Friv., Colias sifanica, Gr.-Gr., Lycaena dis, Gr.-Gr., Anartomorpha potanini, Alph., и т. д., то не подлежитъ почти никакому сомнѣнію, что это уроженцы той огромной области, частями которой являются: съ одной стороны — Памиръ, съ другой Амдо и Нань-шань. Къ ней мы будемъ имѣть еще случай вернуться.

Къ вышеупомянутымъ 49 видамъ тѣсно примыкаютъ и 97 эндемичныхъ формъ, составляющихъ 23,7% общаго числа видовъ ганьсуйской фауны безъ 30 общепалеарктическихъ видовъ. Процентъ этотъ, вѣроятно, значительно сократится, когда будутъ ближе изучены: во первыхъ, фауна Сы-чуан'и, во вторыхъ, фауна Инь-шань'скихъ хребтовъ и, въ третьихъ, фауна центральнаго Тибета.

Гималайскихъ видовъ въ составѣ ганьсуйской фауны чешуекрылыхъ оказывается удивительно мало — всего 6 видовъ: Dian-

---

[1]) Этотъ видъ—Stamnodes depeculata narzanica, Alph.

[2]) Виды эти слѣдующіе: Parnassius epaphus, Oberth., P. imperator, Oberth., P. simo, Gray, Aporia dubernardi, Oberth., Baltia butleri, Moore, Colias fieldii, Mén., Vanessa ladakensis, Moore, Argynnis clara, Blanch., Satyrus pumilus, Feld., Agrotis consignata, Wlk., Rhizogramma indica, Wlk., Trachea melanospila, Koll., u Photoscotosia undulosa, Alph.

[3]) Виды эти слѣдующіе: Papilio paris, L. (распространяется до Гималаевъ), Aporia hippia, Brem. (тоже), Colias poliographus, Motsch. (тоже), Apatura here, Feld., Melanargia halimede, Mén., Pamphila dieckmanni, Graes., Hesperia maculata, Brem., Nerice bipartita, Butl., Euchloris chlorophyllaria, Hedem., u Diacrisia punctaria, Cr.

thoecia eximia, Stgr., D. deliciosa, Alph., Hypernaenia violacea, Butl., Larentia ignorata, Stgr., L. phasma, Butl., и L. aurata, Moore. Остальные же распредѣляются нижеслѣдующимъ образомъ:

16—общепалеарктическихъ,
17—сибирской фауны,
4—памиро-кунь-лунь'ской фауны [1]),
1—встрѣчающійся въ Средней Азіи, во всей передней Азіи и въ южной Европѣ,
2—общихъ Гань-су и Тянь-шан'ю [2]),
3— „ Гань-су, Сы-чуан'а и восточному Китаю [3]),
13— „ Гань-су и Сы-чуан'и [4]).
56

Съ запада, черезъ Тибетъ, Гань-су получила слѣдующіе виды:

Parnuassius delphius, Ev. [5]).
„ Simo, Gray.
Pieris deota, Nicév.
„ chloridice, Hb. [6]).
Colias cocandica, Ersch.
„ eogene, Feld.
Thecla tengstroemi, Ersch.
Agrotis degeniata, Chr.
„ candelarum, Stgr.
„ xanthographa, F.
„ multangula, Hb.
Mamestra insolita, Stgr.
Miana bicoloria, Vill.
Bryophila maconis, Ld.
Pseudohadena pexa, Stgr.
Hadena adusta, Esp.
„ lateritia, Hufn.
„ basilinea, F.
Calamia phragmitidis, Hb.
Leucania impura, Hb.
Cucullia umbristriga, Alph.
„ duplicata, Stgr.
Apopestes simplex, Stgr.
Ortholitha sinensis, Alph.
„ appropinquaria, Stgr.
Photoscotsia palaearctica, Stgr. [7])
Larentia sociata, Brkh.
Gonodontis muscularia, Stgr.
Gnophos difficilis, Alph.
Ino budensis, Spr. (?).

Съ запада же, вѣроятно черезъ Гоби, въ ту же область проникли:

Lycaena christophi, Stgr.
Epinephele narica, Hb.
Caradrina albina, Ev.
Palpangula cestis, Mén.

Перечисленные выше тридцать видовъ составляютъ лишь 6,8% всего числа видовъ ганьсуйскихъ чешуекрылыхъ (макро) или 7,3%, если исключить изъ числа послѣднихъ общепалеарктическіе виды.

---

[1]) Виды эти слѣдующіе: Aporia deota, Nicév., Colias eogene, Feld., Lycaena christophi, Stgr., и L. ariana, Moore.

[2]) Эти два вида слѣдующіе: Melitaea asteroidea, Stgr., и Mamestra furcula, Stgr.

[3]) См. выше сноску 3 на стр. 388.

[4]) См. выше сноску 2 на стр. 388.

[5]) Возможно, что видъ этотъ проникъ въ Амдо и инымъ путемъ—вдоль Тянь-шан'я и черезъ Бэй-шань. О семъ однако ниже.

[6]) Этотъ видъ могъ проникнуть въ Гань-су и съ сѣвера.

[7]) Можетъ быть было бы правильнѣе отнести этотъ видъ къ числу тѣхъ, которые выселились изъ Гань-су въ Тянь-шань.

Столь незначительный процентъ видовъ, переселившихся съ запада, по сравненію съ процентомъ сибирскихъ видовъ (31,8), входящихъ въ составъ ганьсуйской фауны, указываетъ намъ на то, что въ тотъ геологическій моментъ, когда слагалась эта послѣдняя, сѣверо-восточный Тибетъ находился въ меньшемъ общеніи съ Памиромъ и Пригиндукушскими странами, чѣмъ съ Алтаемъ.

Прямыхъ доказательствъ этому нѣтъ, но нѣтъ также ничего невѣроятнаго въ томъ, что изъ Цайдама, Куку-нора и Одонъ-тала [1]) третичное море отступило позднѣе, чѣмъ съ периферіи Бэй-шан'я и изъ восточной Джунгаріи. Когда же процессъ материковаго развитія подвинулся на столько, что установилась сухопутная связь между Нань-шан'емъ и Амдо съ одной стороны и нагорьемъ Памира съ другой, то новымъ препятствіемъ для смѣшенія обѣихъ фаунъ явилось безплодное плоскогоріе Чанъ-танъ, которое, по мнѣнію Богдановича, отличалось сухостью даже въ эпоху, соотвѣтствовавшую ледниковой.

Щебнево-каменистая пустыня сѣверо-западнаго Тибета, пишетъ онъ [2]),—въ которой гряды и цѣлые хребты погребены подъ продуктами разрушенія горныхъ породъ, лежащими на мѣстѣ, представляетъ пустыню типа хаммады Сахары; повсюду здѣсь процессъ разрушенія горныхъ породъ и шлифовка кусковъ ихъ вѣтромъ выражены даже сильнѣе, чѣмъ въ Сахарѣ. Несмотря на громадные періоды времени, отдѣляющіе нашу эпоху отъ эпохи начала материковаго развитія Сахары и Тибета,—періоды, въ ихъ безконечныхъ величинахъ какъ-бы сравнявшіеся, пустыня сѣверо-западнаго Тибета обнаруживаетъ свою болѣе глубокую древность сравнительно съ пустынями Сахары.

Вмѣстѣ съ тѣмъ огромныя толщи детритуса, выполняющія долины Тибета, служатъ свидѣтелями, что и въ отдаленную отъ насъ постпліоценовую эпоху, если климатъ Центральной Азіи и отличался нѣсколько большей влажностью [3]), то распредѣленіе

---

1) Рокхиль („Въ страну ламъ", стр. 106—107) говоритъ, что горы въ окрестностяхъ озера Тосунъ-нора сложены изъ красныхъ глинъ. Вѣроятно, это отложенія третичнаго моря. Пржевальскій („Четвертое путешествіе") нашелъ, что почву котловины Одонъ-тала и окрестныхъ горъ образуетъ лёссъ; но достаточно уже извѣстно, что путешественникъ этотъ подводилъ подъ названіе „лёссъ" почвы весьма различнаго происхожденія. См., напримѣръ, стр. 260 цитированнаго сочиненія.

2) „Труды тибетской экспедиціи 1889—1890 гг.", II, стр. 91.

3) См. выше, стр. 166—168.

осадковъ по районамъ — горамъ и низменностямъ — было столь же неравномѣрнымъ, какъ и въ настоящее время [1]). А съ тѣхъ поръ климатъ Тибета если и измѣнялся, то въ одномъ лишь направленіи — непрерывнаго усыханія.

Характернымъ для ганьсуйской фауны является не только преобладаніе пришлаго сибирскаго элемента, но и отсутствіе многихъ семействъ и родовъ, имѣющихъ широкое распространеніе на западѣ; таковы, напримѣръ: Thais, F., Zegris, Rbr., Teracolus, Swains., Gonopteryx, Leach, Danais, Latr., Lampides, Hb., Parnara, Moore, Thaumetopoedae, Hb. (сем.), Ocneria, Hb., Chondrostega, Ld., Taragama, Moore, Lemoniidae, Hb. (сем.), Oxycesta, Hb., Metopoceras, Gn., Episema, Hb., Polia, O., Dryobota, Ld., Calophasia, Stph., Cleophana, B., Omia, Gn., Janthinea, Gn., Aedophron, Ld. [2]), Thalpochares, Ld., Metoponia, Gn., Pericyma, H.-S., Pseudophia, Gn., Dysauxes, Hb., Ocnogyna, Ld., Euprepia, O., Callimorpha, Latr., Zygaena, F., Psychidae, Schrk. (сем.), Sesiidae, F., (сем.), Dyspessa, Hb., и друг. Это также говоритъ о разобщенности фаунъ средиземно-морской и ганьсуйской; отсутствіе же въ Гань-су такихъ родовъ, какъ Neptis, F., Rapala, Moore, Niphanda, Moore, Zephyrus, Dalm., Urodonta, Stgr., Lophopteryx, Stph., Cifuna, Wlk., Actias, Leach, Rhodinia, Stgr., Euplexia, Stph., Leocyma, Gn., Calpe, Tr., Remigia, Gn., Sypna, Gn., Hypocala, Gn., Arete, Koll., Lagoptera, Gn., Pangrapta, Hb., Mimeusemia, Butl., Zalissa, Wlk., Acropteris, Hb., Epiplema, H.-S., Miltochrista, Hb., Illiberis, Wlk., Miresa Wlk., Parasa, Moore, Heterogenea, Knoch., и мн. друг.—подтверждаетъ сказанное выше о разобщенности фаунъ ганьсуйской и маньчжурской.

Такимъ образомъ анализъ данныхъ, представляемыхъ вышеприведеннымъ спискомъ, позволяетъ намъ придти къ такому заключенію:

Ганьсуйская фауна чешуекрылыхъ имѣетъ наибольшее тяготѣніе къ фаунѣ алтайско-саянскаго горнаго района, что можетъ быть объяснено только существованіемъ въ постпліоценовую эпоху непосредственной территоріальной связи между Алтаемъ и Нань-шан'емъ и полною разобщенностью сѣверо-восточнаго Тибета съ остальнымъ міромъ на западѣ, востокѣ и югѣ.

---

[1]) Богдановичъ, ibid, стр. 89.

[2]) Новый видъ этого интереснаго рода открытъ былъ впрочемъ мною въ Алтаѣ (въ долинѣ Чернаго Иртыша); онъ будетъ описанъ въ ближайшемъ будущемъ.

Несомнѣнно, что, когда слагалась современная ганьсуйская фауна, въ ея составъ вошли и автохтоны страны. Указать ихъ — задача не легкая, но, какъ мнѣ кажется, даже при современномъ уровнѣ нашихъ свѣдѣній объ этой странѣ, не невозможная. Во всякомъ случаѣ я не хочу обойти этого вопроса и посвящаю ему слѣдующую, заключительную, главу.

ГЛАВА XVI.

Объ автохтонахъ ганьсуйской фауны чешуекрылыхъ.

Обращаясь къ событіямъ минувшихъ эпохъ, мы имѣемъ возможность возстановить слѣдующую картину материковаго развитія той части Средней Азіи, которая занята нынѣ Тибетомъ и прилегающими къ нему горными областями.

Въ одинъ изъ геологическихъ моментовъ до наступленія девонскаго періода, пишетъ Богдановичъ [1]), на мѣстѣ средняго Куньлун'я поднималась суша гнейсовъ и кристаллическихъ сланцевъ. Въ средне-девонскую эпоху воды моря стали наступать на эту сушу, смывая все на своемъ пути. Къ концу этой эпохи на ея мѣстѣ поднимались уже только незначительные острова, окруженные мелководнымъ моремъ, а сѣвернѣе—въ западномъ Кунь-лун'ѣ, на Мустагъ-ата и въ Тянь-шан'ѣ, болѣе глубокое море продолжало еще развиваться.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ моментовъ геологической жизни Средней Азіи на мѣстѣ средняго Кунь-лун'я, гдѣ передъ тѣмъ ширилось мелководное девонское море съ архипелагомъ острововъ, поднялся снова материкъ изъ отвердѣвшихъ осадковъ этого моря. Но на западѣ и въ Тянь-шан'ѣ море, теперь уже не девонское, а каменноугольное, продолжало омывать участки гнейсовой суши, распространяясь, повидимому, и на область хребтовъ Мустагскаго и Кара-корумъ.

Это глубокое каменноугольное море къ концу геологическаго періода стало наступать и на сушу средняго Кунь-лун'я. Слѣдствіями этого возобновившагося морского покрытія въ среднемъ

---

[1]) „Труды тибетской экспедиціи 1889—1890 гг.", II, стр. 81.

Кунь-лун'ѣ были значительные мелководные прибрежные осадки, обнажающіеся нынѣ почти повсемѣстно въ сѣверо-западномъ Тибетѣ и на южномъ склонѣ Кунь-лун'я. Этимъ наступленіемъ моря, которое Богдановичъ называетъ тибетской трансгрессіей, и закончилось его существованіе. Трансгрессія эта сопровождалась, можетъ быть, удивительнѣйшими по своимъ результатамъ явленіями абразіи, т. е. смыванія и выравниванія рельефа площади сѣверо-западнаго Тибета, и возможно, что средній Кунь-лунь въ томъ видѣ, въ какомъ мы его застаемъ, представляетъ только остатокъ сложнаго древняго рельефа этой страны.

Послѣ этой трансгрессіи началось образованіе материка, которое на площади Тянь-шан'я и средняго и западнаго Кунь-лун'я выразилось интенсивной складчатостью однообразнаго сѣверо-западнаго направленія. Съ этой эпохи и по настоящее время вся нынѣшняя система Кунь-лун'я и Тянь-шан'я подчинялась одному общему ходу материковаго развитія съ западо-сѣверо-западнымъ направленіемъ поднятій.

Мезозойскій періодъ застаетъ Тибетъ и восточный Тянь-шань уже сушами съ высоко-приподнятыми на нихъ горными массами, что доказывается ингрессивнымъ характеромъ морскихъ его отложеній [1]), которыя получаютъ особую мощность, какъ кажется, въ мѣловую эпоху. Но и мѣловое море не заливало уже области хребтовъ Мустагскаго и Кара-корума, вошедшихъ въ территоріальную связь съ западнымъ Кунь-лун'емъ вѣроятно въ началѣ мезозоя.

Горообразовательные процессы, слабо выраженные въ этомъ періодѣ, въ третичную эпоху пріобрѣтаютъ особую интенсивность въ особенности на западѣ, гдѣ возникаютъ громады Мустага и Кара-корума и возносится до огромной высоты область озера Чатыръ-куля, сомкнувшая нагорье Тянь-шан'я съ Памирскимъ. Одновременно создались, вѣроятно, и грандіозныя поднятія между Цайдамомъ и Хлассой [2]).

Въ области Нань-шан'я и Куку-нора за огромный періодъ, обнимающій отложенія древнѣе угленосныхъ, угленосныя и новѣе угленосныхъ, сильныхъ дислокаціонныхъ движеній, повидимому, не было [3]); морской же уровень мѣнялся часто, при чемъ, смотря

---

[1]) Богдановичъ, op. cit., стр. 64.

[2]) Богдановичъ, op. cit., стр. 83.

[3]) Обручевъ—„Орографическій очеркъ Нань-шан'я“ въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ.“, XXX, стр. 83.

по относительной высотѣ мѣста, ингрессія смѣнялась трансгрессіей, сопровождавшейся обычными явленіями абразіи горныхъ массъ, нагроможденныхъ въ силурійскую эпоху, а, можетъ быть, и еще ранѣе.

Была-ли въ этотъ ранній періодъ область нынѣшняго сѣверо-восточнаго Тибета связана территоріально съ остальнымъ Тибетомъ? На этотъ вопросъ мы не имѣемъ прямого отвѣта, но можно допустить, исходя изъ нѣкоторыхъ фактовъ, напримѣръ—отсутствія надкаменноугольнаго яруса въ горахъ, лежащихъ къ западу отъ озера Куку-нора [1]), что въ мезозойскій періодъ такая связь установилась и существовала вплоть до покрытія Цайдама, Куку-нора и области верховій Желтой рѣки [2]) водами третичнаго моря.

Громадный промежутокъ времени отдѣляетъ послѣднія отложенія надкаменноугольной эпохи въ Нань-шан'ѣ отъ первыхъ отложеній новѣйшаго морского покрытія (третичнаго моря); за этотъ періодъ времени на площади бывшаго морского дна поднялись громадные хребты, въ которыхъ бывшія морскія отложенія подняты на высоту 18—20 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря; хребты эти подверглись, конечно, разрушающей дѣятельности атмосферныхъ агентовъ, продолжавшейся безъ перерывовъ, но съ различной интенсивностью, до настоящаго времени, такъ какъ вновь наступившее море явилось уже не трансгрессивнымъ, а ингрессивнымъ; оно не сгладило существовавшіе хребты, отлагая свои осадки на абразіонной поверхности, подобно морю каменноугольной эпохи, а вторглось съ востока и запада въ продольныя долины между хребтами, образуя здѣсь длинные и узкіе проливы, въ которыхъ прибой волнъ не могъ работать очень интенсивно надъ разрушеніемъ береговыхъ хребтовъ [3]).

Интенсивный красный цвѣтъ нижней половины этихъ морскихъ отложеній, зависящій отъ обилія окисловъ желѣза въ ихъ составѣ, дѣлаетъ вѣроятнымъ влажный тропическій климатъ съ богатой растительностью на островахъ-хребтахъ, возвышавшихся надъ моремъ этой эпохи; при обиліи влаги и высокой температурѣ воздуха и почвы, защищенной отъ осушающаго непосредственнаго воздѣйствія солнечныхъ лучей и отъ размывающаго дѣйствія дождей густой растительностью, происходитъ интенсивное механическое и химическое разрушеніе горныхъ породъ, распространяю-

---

[1]) Обручевъ, ib., стр. 94.
[2]) См. выше, стр. 390.
[3]) Обручевъ, ib., стр. 97.

щееся на значительную глубину; растительный перегной, поглощающій изъ воздуха кислородъ и при разложеніи дающій различныя органическія кислоты, при означенныхъ условіяхъ способствуетъ превращенію различныхъ солей желѣза, содержащихся въ горныхъ породахъ, въ окислы желѣза и соли окиси; такимъ образомъ произошелъ и происходитъ латеритъ—кирпично-красная почва Индіи, Бразиліи, Батума и другихъ странъ съ влажнымъ, теплымъ климатомъ; то же было, вѣроятно, и на островахъ Нань-шан'я, а размывающая дѣятельность воды скопляла въ окружавшемъ морѣ красныя осадки.

Постепенное ослабленіе интенсивности окраски въ верхнихъ горизонтахъ этихъ отложеній указываетъ на постепенное измѣненіе климата этихъ острововъ въ сторону бо́льшей сухости; при сухомъ климатѣ преобладаетъ механическое разрушеніе горныхъ породъ и потому одновременныя отложенія моря имѣютъ приблизительно тотъ же цвѣтъ, что и горныя породы, отъ разрушенія которыхъ они произошли. Это осушеніе климата въ концѣ концовъ отразилось и на морѣ, которое начало сокращаться: Нань-шань осушился. Такимъ образомъ изученіе морскихъ новѣйшихъ отложеній въ Нань-шан'ѣ приводитъ насъ къ интересному выводу, что поворотъ отъ климата влажнаго къ климату сухому, господствующему въ настоящее время въ центральной Азіи, произошелъ еще во время третичнаго періода, хотя, вѣроятно, были и обратныя колебанія въ теченіе огромнаго промежутка времени, прошедшаго съ тѣхъ поръ [1]).

Къ аналогичному выводу пришелъ и Богдановичъ для западнаго Тибета [2]).

Одно изъ такихъ обратныхъ колебаній должно было совпадать и съ ледниковымъ періодомъ въ Европѣ, географическія условія которой въ ту эпоху должны были существенно разниться отъ современныхъ. Да и Сибирь представляла въ то время далеко не то, что теперь.

Сѣверный Ледовитый океанъ двумя обширными бухтами въ области бассейновъ Оби и Енисея далеко вторгался въ глубь материка, плоскогорія же Восточной Сибири и Западно-сибирская низменность изобиловали обширными прѣсноводными озерными бассейнами, и если даже признать, что въ существенныхъ чертахъ

---

[1]) Обручевъ, ib., стр. 97.
[2]) См. цитир. выше соч.

климатъ постпліоценовой внутренней Азіи мало разнился отъ современнаго, то все же вся совокупность данныхъ заставляетъ насъ допустить, что не только лѣто, но и осень были значительно болѣе обильны осадками [1]). Осенній сѣверо-восточный пассатъ несъ воздухъ болѣе теплый, стало быть болѣе насыщенный парами, осаждавшимися въ видѣ снѣга на высяхъ Бэй-шан'я и Нань-шан'я, лѣтніе же вѣтры должны были нести влагу едва-ли не со всѣхъ краевъ горизонта.

При такихъ климатическихъ условіяхъ заканчивала свое преобразованіе поверхность азіатскаго материка: выступившее морское дно сомкнуло громады Алтайскихъ горъ съ нагорьемъ Нань-шан'я (черезъ Бэй-шань) и заселилось спустившимися съ нихъ животными и растительными видами. Но какая изъ этихъ двухъ глубоко различныхъ фаунъ и флоръ—алтайская или наньшаньская—должна была получить замѣтное преобладаніе?

Едва-ли на этотъ вопросъ могутъ быть даны два отвѣта.

Дѣйствительно, не касаясь причинъ, вызвавшихъ въ диллювіальную эпоху образованіе обширныхъ центровъ обледенѣнія, мы уже a priori должны допустить, что центры эти даже въ Средней Азіи задерживали наступленіе теплаго времени года, посылая туда холодные токи воздуха большой силы, причемъ эти токи приносили не только стужу, но и облака и туманы, сгущенные изъ паровъ попутныхъ, болѣе теплыхъ областей. Съ другой стороны и температуру лѣта должны были понижать какъ обильные осадки и частая облачность, такъ и болѣе низкая, чѣмъ нынѣ, температура преобладавшихъ NO и NW вѣтровъ.

При такихъ условіяхъ климата Средней Азіи субтропическая флора былыхъ гористыхъ Нань-шань'скихъ острововъ, а за ней и фауна чешуекрылыхъ, не только не могла распространиться на сѣверъ, но и на своей родинѣ, въ Нань-шан'ѣ, не должна была выйти побѣдительницей изъ борьбы съ надвинувшейся съ сѣвера, болѣе приспособленной алтайской флорой.

Въ послѣдующій затѣмъ періодъ связь между Алтаемъ и Нань-шан'емъ утратилась—море смѣнилось пустыней, но, какъ мы уже видѣли, обстоятельство это не успѣло отразиться сколько-нибудь существенными измѣненіями на большинствѣ сѣверныхъ формъ.

---

[1]) См. выше, стр. 165—168. Ср. Воейковъ—„Климатъ муссоновъ восточной Азіи“ („Извѣстія Имп. Русск. Географ. Общ.“, 1879) и его же—„Колебаніе и измѣненіе климата“ („Извѣстія Импер. Русск. Географ. Общ.“, 1874).

Когда возстановилась территоріальная связь между сѣверо-восточнымъ Тибетомъ и землями къ западу, востоку и югу—въ точности неизвѣстно; но эмиграція амдоскихъ типовъ въ долину р. Янъ-цзы-цзян'а и индонезійскихъ въ Амдо до такой степени перемѣшала обѣ фауны, что нынѣ уже невозможно полностью выдѣлить изъ ганьсуйской фауны тѣ виды, которые должны считаться автохтонами сказанной части Тибета.

Тѣмъ не менѣе кое-что въ этомъ направленіи выяснить еще можно, и послѣдующее будетъ имѣть цѣлью освѣтить именно эту сторону вопроса.

Еще Циммерманъ высказался въ томъ смыслѣ, что у каждаго рода былъ свой центръ распространенія [1]), но только Дарвинъ придалъ этой гипотезѣ значеніе безспорной истины, и нынѣ мы признаемъ, что всѣ виды одного рода, какимъ бы разстояніемъ они ни были отдѣлены другъ отъ друга, должны считаться выходцами изъ того центра, въ коемъ впервые возникли ихъ родичи.

Опредѣленіе такихъ центровъ далеко не всегда, конечно, возможно, но для двухъ родовъ—Parnassius и Colias онъ намъ совершенно ясенъ: это—древній тибетскій материкъ мезозойскаго періода, лежавшій въ центрѣ архипелага гористыхъ острововъ, изъ коихъ значительнѣйшими были Бэй-шань и Памиръ [2]).

Въ концѣ диллювіальной эпохи, когда изсякли крупные водоемы въ Сибири и Средней Азіи, когда и климатъ Европы получилъ болѣе континентальный характеръ, обусловившій значительное сокращеніе въ ней обледенѣлыхъ пространствъ, степная область центральнаго Тибета превратилась въ пустыню, а населявшая его фауна чешуекрылыхъ перемѣстилась частью на западъ, частью на востокъ, гдѣ впрочемъ, вѣроятно, и ранѣе существовали уже представители многихъ тибетскихъ родовъ.

Картина современнаго географическаго распространенія этихъ двухъ родовъ видна изъ слѣдующихъ таблицъ:

---

[1]) Eberh. Zimmermann—„Specimen zoolog. geographicae, quadrupedum domicilia et migrationes sistens", 1777 (цитир. по Мензбиру—„Орнитологическая географія Европейской Россіи" въ „Ученыхъ запискахъ Имп. Московскаго Универс.", отд. естественноист., 1882, вып. 2 и 3). Слѣдуетъ однако замѣтить, что, судя по приводимой Мензбиромъ цитатѣ, Циммерманъ высказывался съ мéньшей опредѣлительностью по сказанному вопросу: „aut an potuis praesumendum sit ac praeoptandum, a rerum statim initio varia hujus illiusque generis ac speciei animalia per varias procul inter se dissitas regiones sub variis latitudinis longitudinisve gradibus jacentes transposita esse?"

[2]) Эта гипотеза высказывалась мною и ранѣе въ сочиненіи „Le Pamir et sa faune lépidoptérologique".

Таблица географическаго распространенія рода Parnassius.

Европа.	Кавказъ.	Персія.	Памиро-Тибетъ съ прилегающими горными областями [1]).	Тянь-шань.	Алтай.	Маньчжурія	Японія.	Восточная Сибирь.	Сѣверная Америка.	Виды, не имѣющіеся въ памиро-тибетской фаунѣ.
						*				Bremeri, Brem.
			Apollonius, Ev.	*						
			Honrathi, Stgr.							
			Discobolus, Stgr.	*						
				*						Olympius, Stgr.
*	*			*	*					Apollo, L.
			Actius, Ev.	*						
			Rhodius, Honr.							
			Tibetanus, Rühl.							
			Himalayensis, Elw. [2]).							
			Mercurius, Gr.-Gr.							
*				?	*	*		*	*	Delius, Esp.
			Nomion, F. d. W. [3]).		*	*			*	
			Epaphus, Oberth.	*						
			Delphius, Ev.	*						
			Imperator, Oberth.							
			Charltonius, Gray.							
				*						Loxias, Püngl.
			Cephalus, Gr.-Gr. [4]).							
			Acco, Gray [5]).							
			Przewalskii Alph.							
			Szechenyi, Friv.							
			Hardwickii, Gray.							
				*	*			*		Tenediis, Ev.
			Simo, Gray.	*						
			Orleans, Oberth.							
					*	* [6])		*	*	Eversmanni, Mén.
						*				Felderi, Brem.
									*	Clodius, Mén.
					*					Clarius, Ev.
	*									Nordmanni, Mén.
*	*	*	Mnemosyne, L.	*						
			Stubbendorfii, Mén.		*	*	*	?		
3	3	1	22	11	7	6	1	3	4	11
9,1%	9,1%	3,3%	66,6%	33,3%	21,2%	18,1%	3,3%	9,1%	12,1%	13,3%

[1]) Нынѣ Памиръ тѣсно слитъ съ горами Тянь-шань'ской системы, но еще въ исходѣ третичнаго періода ихъ раздѣлялъ широкій проливъ, соединявшій Ханъ-хай съ Туркестанскимъ внутреннимъ моремъ.

[2]) Oberthür, Moore и друг. отождествляютъ himalayensis, Elw., съ jacquemonti, Boisd. (Spec. gén. Lép., I., p. 400); однако, это уже потому невѣрно, что Boisduval описываетъ мѣшокъ самки jacquemonti въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „la poche de l'extrémité de labdomen plissée en travers et sans carène longitudinale". Судя по этому описанію, онъ имѣлъ передъ собой самку epaphus, Oberth. Вообще однако пора было бы оставить попытки подыскать форму,

При обозрѣніи видовъ рода Parnassius, чуждыхъ третичной Памиро-Тибетской сушѣ, слѣдуетъ прежде всего выключить изъ ихъ числа P. olympius, Stgr., и P. loxias, Püngl., такъ какъ первый представляетъ форму, находящуюся въ ближайшей родственной связи съ P. discobolus, отъ котораго ее отдѣляютъ признаки, приближающіе ее къ P. apollo [1]), а второй—форму, стоящую въ такомъ же отношеніи къ P. charltonius, въ какомъ находится P. simo boedromius, Püngl., къ P. simo simulator, Stgr. Наиболѣе существенное отличіе между P. charltonius и P. loxias заключается въ мѣшкѣ самки; но именно у P. charltonius, какъ я это указывалъ уже въ своемъ сочиненіи «Le Pamir et sa faune lépidoptérologique» [2]), форма этихъ мѣшковъ очень измѣнчива, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (см., напримѣръ, тамъ же, фиг. 2 a на табл. A), если судить по фототипическому снимку, такъ какъ въ натурѣ я не имѣлъ еще случая видѣть P. loxias, даже замѣтно приближается къ плохо развитому мѣшку этого послѣдняго [3]).

Съ присоединеніемъ этихъ двухъ формъ къ списку памиро-тибетскихъ Parnassius, число послѣднихъ возрастетъ до 24, а процентъ до 72,7, что уже безъ дальнѣйшихъ подкрѣпляющихъ фактовъ указываетъ на Памиро-Тибетскую третичную сушу, какъ на первоначальную родину рода Parnassius.

подходящую къ описанію Boisduval'я и данное имъ названіе исключить изъ списка видовъ рода Parnassius. Ср. Elwes—„On the genus Parnassius“ въ „Proceed. Zool. Soc. Lond.“, 1886, стр. 36, и Alphéraky—„Lépidoptères rapportés du Thibet par le général N. M. Przewalsky de son voyage de 1884—1885“ въ „Mém. s. l. lépid.“, V, стр. 65—68.

[3]) Parnassius davidis, Oberth., вѣроятно, лишь одна изъ разновидностей P. nomion, почему я и выключилъ его изъ списка видовъ этого рода.

[4]) Parnassius elwesi, Leech, едва-ли не разновидность P. cephalus. Deckert мнѣ пишетъ однако: „P. elwesi que je possède en nature n'est certainement point une variété de P. cephalus“. Онъ помѣщаетъ его въ число разновидностей P. delphius, съ чѣмъ уже потому согласиться нельзя, что бахромка у обоихъ видовъ неодинакова: у всѣхъ разновидностей P. delphius она сплошная бѣлая, очень короткая, у P. elwesi же—длинная и состоящая изъ перемежающихся бѣлыхъ и черныхъ рѣсничекъ. Спорный вопросъ этотъ можетъ рѣшиться только съ поимкой самки, мѣшокъ которой выяснитъ окончательно, слѣдуетъ-ли считать P. elwesi самостоятельнымъ видомъ или только разновидностью P. cephalus.

[5]) Fruhstorfer описалъ подъ именемъ acconus новый, по его мнѣнію, видъ Parnassius изъ области Гималайскихъ горъ („Iris“, 1903, XVI). Онъ сближаетъ его съ P. acco, Gray, но, судя по рисунку, это лишь новая разновидность P. simo, Gray. Какъ бы то ни было, я не счелъ возможнымъ ввести въ этотъ списокъ столь сомнительный видъ.

[6]) Водится въ низовьяхъ р. Амура.

[1]) Я имѣлъ, впрочемъ, случай видѣть лишь два экземпляра этого вида.

[2]) Въ „Mémoires sur les lépidoptères“, red. par N. M. Romanoff, IV.

[3]) Deckert мнѣ пишетъ однако: „La poche de P. loxias diffère essentiellement de celle de la variété princeps (charltonius) tout aussi bien que de celle de delphius“.

Сравнивая сѣверо-американскихъ P. nomion съ P. smintheus (delius var.), Elwes замѣчаетъ [1]), что переходы между обоими видами, столь отличными другъ отъ друга въ Сибири, въ Америкѣ иногда едва уловимы. Reakirt также полагаетъ возможнымъ установить между ними рядъ переходныхъ формъ [2]).

Въ предѣлахъ Памиро-Тибетской третичной суши P. nomion найденъ, и путь, по которому шло его переселеніе въ пліоценовое время въ Америку, совершенно ясенъ: онъ шелъ вдоль Инь-шан'я и Большого Хингана, гдѣ и до сихъ поръ еще сохранились формы, представляющія постепенный переходъ отъ тибетскаго P. nomion nomius, Gr.-Gr., къ сибирскому P. nomion, F. d. W.

Въ Сѣверной Америкѣ P. nomion распался на рядъ формъ, изъ коихъ одна, близкая къ hermodur, Edw., перешла обратно въ Сибирь и въ постпліоценовое время распространилась отсюда вплоть до Урала и Альпъ (corybas, F. d. W., intermedius, Mén., Sedakovii, Mén., уральская разновидность delius, delius Esp.).

Въ схемѣ такой миграціи нѣтъ ничего произвольнаго. Она вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы видимъ и въ другихъ группахъ животныхъ, общихъ Сѣверной Америкѣ и Сибири. Такъ о горныхъ баранахъ, напримѣръ, Сѣверцовъ пишетъ [3]):

«Одно изложеніе этой географической системы видовъ есть уже исторія ихъ образованія для знающаго систематическое сродство этихъ видовъ между собой. Тутъ видно, что Ovis распространились въ Америку изъ Азіи еще до своего раздѣленія на теперешніе виды: такъ, признаки роговъ въ Азіи видовые, въ Америкѣ остаются личными.

«Во время этого перехода первыхъ Ovis въ Сѣверную Америку, западная часть этого материка была соединена съ Азіей, но, вѣроятно, отдѣлена отъ восточной части и отъ Южной Америки, куда бараны и не распространились; тогда росли на Сахалинѣ американскія деревья, которыя г. Шмидтъ нашелъ ископаемыми.

«Затѣмъ наступилъ ледяной періодъ, и Ovis, подобно множеству другихъ животныхъ, были на обоихъ материкахъ оттѣснены къ югу; но эта огромная климатическая перемѣна имѣла мало вліянія на образованіе видовъ. Тибетскія формы O. hodgsoni

---

[1]) „On butterflies of the Genus Parnassius" въ „Proc. Zool. Soc. Lond.", 1886, стр. 27.

[2]) Цитир. по Elwes, op. cit., стр. 26.

[3]) „Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ" въ „Извѣстіяхъ Имп. общ. любит. естествозн., антропол. и этнограф.", VIII, 2, стр. 155.

и O. blythi менѣе отличаются отъ американской O. montana, нежели отъ географически къ нимъ близкаго O. polii, живущаго притомъ въ одинаковыхъ географическихъ условіяхъ—весьма непохожихъ на условія мѣстопребыванія O. montana на водораздѣлѣ Колумбіи и Миссури.

«Потомъ бараны распространились опять къ сѣверу, и американская O. montana перешла въ Камчатку и сѣверную Сибирь, гдѣ измѣнилась въ O. nivicola и O. borealis. Это обстоятельство заставляетъ полагать, что сухопутное сообщеніе между Азіей и Америкой во времена геологически недавнія неоднократно прерывалось и возобновлялось подобно тому, что съ совершенной точностью изслѣдовано относительно бывшей связи Англіи и Франціи. Въ то же время, послѣ ледяного періода, распространились къ сѣверу и тибетскіе аркары, но были остановлены сибирской тайгой, и вдоль ея южной границы распространились къ западу, оттуда къ юго-западу и опять къ юго-востоку, по Памиру, къ вершинамъ Инда».

Кромѣ P. nomion Сѣверной Америки достигли еще два вида Parnassius — P. eversmanni, Mén., и P. clodius, Mén. Оба принадлежатъ къ одной и той же группѣ Parnassius, представленной на родинѣ тремя формами: P. orleans, Ob., P. gigantea Stgr. (mnemosyne var.) и P. stubbendorfii, Mén.

По первому впечатлѣнію P. orleans имѣетъ мало общаго съ Parnassius'ами группы eversmanni; однако стоитъ вглядѣться въ него попристальнѣе для того, чтобы найти въ немъ главнѣйшіе признаки (за исключеніемъ, конечно, цвѣта), свойственные видамъ названной группы: характерный рисунокъ верхней стороны переднихъ крыльевъ, одинаковой формы черные усики и одинаковой же формы мѣшокъ самки [1]).

Существеннымъ отличіемъ P. orleans отъ Parnassius'овъ группы eversmanni служитъ рядъ краевыхъ голубыхъ пятенъ, а затѣмъ бахромка, не сплошная черная, какъ, напримѣръ, у P. eversmanni, а бѣлая съ черными интервалами, и болѣе густое опыленіе. Но всѣ эти признаки не имѣютъ существеннаго значенія, такъ какъ среди, напримѣръ, многочисленныхъ разновидностей P. delphius, Ev., мы встрѣчаемся какъ съ формами съ пятью развитыми краевыми, голубыми, глазчатыми пятнами (v. stenosemus, Honr.), такъ и съ формами,

---

[1]) На близость P. orleans къ группѣ Parnassius типа eversmanni обращаетъ мое вниманіе и Deckert, владѣющій одной изъ лучшихъ коллекцій этого рода.

вовсе ихъ не имѣющими (значительный процентъ среди v. illustris, Gr.-Gr.); равнымъ образомъ съ уменьшеніемъ густоты опыленія становится замѣтно короче и бахромка, утрачивая часто при этомъ перемежаемость цвѣта и получая то однообразную бѣлую, то черную окраску (smintheus, corybas, intercalaris, intermedius, delius).

P. eversmanni и P. felderi—крайнія звенья въ той цѣпи формъ, на которыя долженъ былъ распасться тибетскій прототипъ, эмигрировавшій на сѣверъ. Вѣроятно, отъ этого же прототипа отвѣтвились и P. clarius, Ev., и P. clodius, Mén., изъ коихъ первый успѣлъ болѣе обособиться, чѣмъ второй.

P. glacialis долженъ былъ выработаться изъ P. stubbendorfii [1]), который почти въ неизмѣнномъ видѣ продолжаетъ существовать въ Тибетѣ, въ P. nordmanni же мы, можетъ быть, должны видѣть форму очень близкую къ той, которая дала на мѣстѣ—mnemosyne gigantea. Кавказа она должна была достигнуть въ пліоценовую эпоху, когда впервые возникла сухопутная связь между нимъ и Иранской сушей.

Въ 1888 году, когда я писалъ объ этой группѣ Parnassius [2]), я высказался въ томъ смыслѣ, что ея прототипомъ должна была быть форма, близкая къ gigantea, которая, дѣйствительно, представляется до извѣстной степени сборнымъ типомъ, такъ какъ между нею и nordmanni, clarius и clodius возможно установить прямую связь при посредствѣ индивидуальныхъ переходныхъ формъ, а при посредствѣ P. stubbendorfii и съ группой felderi-eversmanni. Нынѣ однако приходится этотъ взглядъ измѣнить въ томъ смыслѣ, что распаденіе прототипа всѣхъ этихъ формъ произошло уже въ предѣлахъ Памиро-Тибетской суши, что обѣ формы, эмигрировавшія отсюда на западъ и сѣверо-востокъ, должны были имѣть красныя пятна и что потеря ихъ у mnemosyne и stubbendorfii произошла уже на мѣстѣ, причемъ послѣдующее разселеніе этихъ двухъ формъ должно быть отнесено къ самому позднѣйшему времени; этимъ объясняется, почему мы не встрѣчаемся съ P. stubbendorfii въ Сѣверной Америкѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что P. tenedius, Ev., долженъ быть отнесенъ къ группѣ типа hardwickii, Gray, къ которой онъ стоитъ

---

[1]) Можетъ быть однако это не такъ, и правильнѣе было бы считать glacialis отвѣтвившимся отъ той формы, которая дала eversmanni и felderi; такое предположеніе объяснило бы желтую окраску волосного покрова glacialis, чего никогда не встрѣчается у stubbendorfii.

[2]) „Le Pamir et sa faune lépidoptérologique", стр. 155 и слѣд.

*

въ такомъ же отношеніи, въ какомъ группа видовъ типа eversmanni къ P. orleans. Краевой рядъ синихъ глазчатыхъ пятенъ, очень развитыхъ у charino, Gray, и весьма слабо у ладакской формы hardwickii, замѣняется у него черными продолговатыми пятнами. Не касаясь другихъ особенностей P. tenedius, я укажу лишь на непостоянное присутствіе на верхней сторонѣ заднихъ крыльевъ красныхъ корневыхъ пятенъ—признакъ, сближающій этотъ видъ также съ hardwickii; впрочемъ у обоихъ видовъ мѣшки самокъ не одинаковы.

Можетъ ли однако этотъ послѣдній признакъ служить препятствіемъ для видового сближенія? Этотъ вопросъ уже затрагивался мной однажды и разрѣшался въ отрицательномъ смыслѣ [1]). Новые факты лишь подтвердили правильность сдѣланнаго тогда заключенія, что половые органы, на которые, какъ систематическій признакъ, обращаютъ все болѣе и болѣе вниманія, способны къ значительнымъ измѣненіямъ, которыя то опаздываютъ передъ измѣненіями внѣшнихъ органовъ, то опережаютъ ихъ; въ родѣ Parnassius первый случай характеризуетъ группы видовъ, пользующіяся обширнымъ распространеніемъ, второй—виды, свойственные ограниченнымъ районамъ.

Къ первой категоріи слѣдуетъ отнести двѣ группы видовъ:

Группа I.	Группа II.
Apollonius, Ev.	Orleans, Oberth.
Honrathi, Stgr.	Eversmanni, Mén.
Discobolus, Stgr.	Felderi, Brem.
Olympius, Stgr.	Clodius, Mén.
Apollo, L.	Clarius, Ev.
Actius, Ev.	Nordmanni, Mén.
Rhodius, Honr.	Mnemosyne, L.
Tibetanus, Rühl.	Stubbendorfii, Mén.
Himalayensis, Elw.	
Mercurius, Gr.-Gr.	
Delius, Esp.	
Nomion, F. d. W.	
Bremeri, Brem.	

Ко второй всѣ остальные виды, за исключеніемъ simo, Gray.

Мнѣ остается еще упомянуть о двухъ видахъ, не найденныхъ въ предѣлахъ Памиро-Тибетской третичной суши—apollo и bremeri.

---

[1]) Ibid.

Первый летаетъ также въ Тянь-шань'скихъ горахъ, гдѣ, какъ сказано выше, отыскалась и форма, близкая къ discobolus и въ то же время обладающая нѣкоторыми чертами, свойственными apollo (olympius, Stgr.); второй въ области бассейна р. Амура, гдѣ онъ и успѣлъ настолько уже обособиться, что стоитъ среди Parnassius первой группы совершенно особнякомъ.

Согласно съ вышеизложеннымъ, систематическая группировка видовъ рода Parnassius должна представляться въ слѣдующемъ видѣ [1]).

PARNASSIUS, Latr.

bremeri, Brem., Lepid. O.-Sibir., 1864, p. 6, t. 1, f. 4; Feld., Beschr. d. Lepid., gesam. auf der Reise der Freg. Novara, p. 133, t. 21, f. e-g; Elw., Proceed. of the Zool. Soc. of Lond., 1886, p. 33; Graes., Berl. Ent. Zeit., XXXII, 1888, p. 64; Aust., Les Parnassiens, p. 124, t. 14, f. 2, 3; Stgr., Mém. s. les lépid., red. par N. M. Romanoff, VI, p. 137; Rühl, Die palaearct. Gross-Schmett., p. 100.

v. graeseri, Honr., Berl. Ent. Zeit., XXIX, 1885, p. 272, t. 8, f. 1 a-c; Stgr., op. cit., p. 138; Aust., op. cit., p. 127, 172, 198, t. 19, f. 3, t. II, f. I, t. VIII, f. 2; Rühl, op. cit., p. 101; *bremeri var.*, Brem., l. c., t. 1, f. 3; *conjunctus*, Stgr., Catalog 1901.

apollonius, Ev., Bulletin de la Soc. Imp. des Natur. de Moscou, 1847, III, p. 71, t. 3, f. 1, 2; H.-S., System. Bearb. der Schmett., VI, p. 35, f. 636—7; Alph., Horae Soc. Ent. Ross., XVI, p. 354; Elw., op. cit., p. 34; Aust., op. cit., p. 120; Gr.-Gr., Mém. s. les lépid., IV, 1890, p. 170; Rühl, op. cit., p. 102; *flavomaculatus*, Aust., l. c., t. 15, f. 3.

v. alpinus, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1887, p. 49; Aust., op. cit., p. 178; Gr.-Gr., l. c.; Rühl, op. cit., p. 103; *altus*, Rühl, ibid.

v. daubi, Fruhst, Soc. Entom., XVIII, 1903, p. 49.

hybr. princeps, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., 1888, XXII, p. 303; Mém. s. les lépid., IV, p. 172, t. 1, f. 2 a—b; *dux*, Stgr., Catalog 1901 (apollonii et discoboli hybr.).

honrathi, Stgr., Berl. Ent. Zeit., 1882, XXVI, p. 161, t. 1, f. 4, 5a, t. 2, f. 5; Elw., op. cit., p. 32; Aust., op. cit., p. 108, 181, t. 10, f. 1, t. II, f. 2, t. III, f. 2; Gr.-Gr., Mém. s. les lép., IV, p. 174; Rühl, op. cit., p. 100; *corybas*, Ersch., Путеш. въ Турк. Федченко, II, V, p. 2, t. 1, f. 1, 2.

---

[1]) Приводимый ниже списокъ видовъ рода Parnassius въ значительной мѣрѣ дополняетъ и исправляетъ существующіе уже списки. Изъ числа послѣднихъ наиболѣе полонъ каталогъ Staudinger'a; но, къ сожалѣнію, онъ составленъ въ систематическомъ отношеніи крайне неудовлетворительно и объединяетъ виды, родственная связь между коими весьма отдаленная; такъ, напримѣръ, rhodius и mercurius включены въ число разновидностей epaphus'a, cephalus же и elwesi въ число разновидностей delphius'a; засимъ, sedakovii почему-то отождествленъ съ intermedius, а maximinus, описанный авторомъ, выдѣленъ въ особую отъ albulus разновидность delphius'a, и т. д. Приводимыя мною цитаты провѣрены въ бо́льшей своей части; въ особенности же замѣчаніе это относится къ тѣмъ случаямъ, гдѣ показанія существующихъ каталоговъ между собою расходятся. Наконецъ, замѣчу еще, что я выключилъ указанія на такіе источники, которые не прибавляютъ ничего существеннаго къ имѣющимся уже матеріаламъ по данному виду или разновидности.

discobolus, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1881, p. 275; Berl. Ent. Zeit., 1882, p. 162, t. 1, f. 1; Alph., op. cit., p. 349; Elw., op. cit., p. 29; Aust., op. cit., p. 100, t. 7, f. 2, 3; Rühl, op. cit., p. 96.

ab. ♀ nigricans, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1881, p. 277; Berl. Ent. Zeit., 1882, t. 1, f. 2, 2 a; Aust., op. cit., p. 103, t. 8, f. 3.

v. minor, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1881, p. 277; Berl. Ent. Zeit., 1882, t. 1, f. 3; Aust., op. cit., p. 104, t. 8, f. 1, 2.

v. insignis, Stgr., Stett., Ent. Zeit., 1886, p. 194; Aust., op. cit., p. 106, 174, t. 14, f. 1; t. II, f. 2; Gr.-Gr., op. cit., p. 178; *superbus*, Aust., op. cit., p. 206; Rühl, op. cit., p. 97.

v. romanovi, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., 1888, XXII, p. 301; Mém. s. les lép., IV, p. 181, t. 1, f. 1 a-c; Aust., op. cit., p. 111, 203, t. 10, f. 3; t. II, f. 1, t. V, f. 3.

olympius, Stgr., Iris, X, 1897, p. 344.

apollo, L., Fauna Suecica, 1761, p. 268; Syst. Nat., ed. X, I, p. 465; Esp., die Schmett. in Abbild., t. 2, f. 1; Hb., Europ. Schmett., I, f. 396, 397; Boisd., Species génér. d. lépid., I, p. 395; Elw., op. cit., p. 19; *carpathicus*, Rbl. et Rghfr., Jahresber. d. Wien. Ent. Ver., III, p. 61; *ab. wiskotti*, Oberth., Études d'Entom., XIV, t. 2, f. 4; Aust., op. cit., p. 193, t. VII, f. 2; *ab. novarae*, Oberth., ibid; *apollo ab.*, Feld., op. cit., t. 21, f. c—d; Steudel, Jahreshefte d. Vereins f. vaterl. Naturkunde in Würtemb., 1885, 328, t. 6, f. 2; Deckert, Annales de la Soc. Ent. de France, 1898, t. 16.

ab. pseudonomion, Christ., Verh. Basel, VI, p. 368; *apollo var.*, Esp., op. cit., I, t. 112, f. 5; Aust., op. cit., t. VII, f. 1; Deckert, l. c., t. 17, f. d.; *v. nomion*, Tr., Die Schmett. v. Eur., X, I, p. 86.

ab. ♀ brittingeri, Rbl. et Rghfr., l. c., p. 59, t. I, f. 1; *apollo var.*, Esp., ib., t. 64, f. 1, 2; Deckert, ib., t. 17, f. c.

v. nevadensis, Oberth., ibid., p. 5.

v. siciliae, Oberth., ibid., p. 6, t, 3, f. 22.

v. liburnicus, Rbl. et Rghfr., l. c., p. 61, t. 1, f. 3.

v. hesebolus, Nordm., Bulletin de la Soc. Imp. des natur. de Moscou, 1851, p. 425; Stgr., Iris, V, p. 304.

v. sibiricus, Nordm., ibid., p. 422, t. II, f. 1; *hesebolus*, Aust., op. cit., p. 88, 191, t. 6, f. 1, 2, t. VI, f. 1, 2; *uralensis*, Oberth., op. cit., t. 3, f. 18; *graslini*, Oberth., ibid., f. 23.

actius, Ev., Bulletin de la Soc. Imp. des Natur. de Moscou, XVI, 1843, p. 540, t. IX, f. 2 a, b; H.-S., Syst. Bearb. d. Schmett., f. 634, 635; Stgr., Stett. Ent. Z., 1881, p. 278; Alph., op. cit., p. 355; Lang, Butt. Eur., 1884, p. 23; Elw., op. cit., p. 29; Aust., op. cit., p. 94, t. 10, f. 2; Gr.-Gr., Mém. s. les lép., IV, p. 184; *jacquemonti var.*, Leech, Butt. from China, etc., II, p. 495—6.

v. caesar, Stgr., Iris, X, 1897, p. 347; *actius*, Gr.-Gr., ibid.; *ab. actinobolus*, Stgr., l. c.

rhodius, Honr., Berl. Ent. Zeit., XXVI, 1882, p. 178, t. 2, f. 6; XXIX, p. 274; Elwes, op. cit., p. 29; Aust., op. cit., p. 96, t. 9, f. 1, 2; Gr.-Gr., op. cit., p. 186; Rühl, op. cit., p. 97; *nirius*, Moore, Lepid. indica, LIII, 1902, p. 108, t. 407, f. 1, 1a.

tibetanus, Rühl., op. cit., p. 99; Oberth., op. cit., XIX, p. 3, t. 8, f. 66, 67; Leech, Butt. China, etc., p. 496; Aust., de Natur., 1894, p. 200.

himalayensis [1]), Elw., op. cit., p. 30; Oberth., op. cit., XIV, p. 10, t. 2, f. 12, 13; *jacquemontii* auct.: Blanchard, Jacq. voy. Ind. Ins., p. 16, t. 1, f. 4; Gray, Cat. Lep. Brit. Mus., Pap. (1852), p. 75, t. 12, f. 1, 2; Oberth., op. cit., lV, p. 23, t. 2, f. 5; XIV, p. 10, t. 2, f. 11; Honr., Berl. Ent. Zeit., 1885, p. 274; Mackinnon a. Nicev., Journ. Bomb. Nat. Hist. Soc., p. 596; Leech, Butt. from China, etc., II, p. 495; Moore, op. cit., LIII, p. 105, t. 406, f. 1, 1a, b, c, d, e; *chitralensis*, Moore, ibid., t. 406, f. 2, 2a.

v. hylas, Gr.-Gr. [2]).

mercurius, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 445; Aust., Le Natur., 1894, p. 190; ibid., 1898, p. 106.

delius, Esp., Die Schmett. in Abbild., 1790, I, 2, t. 115, f. 5; Hb., Eur. Schmett., f. 649—652; Ochs., Die Schmett. v. Eur., I, 2, f. 136; H.-S., op. cit., f. 317—318 (ab.); Rühl, op. cit., p. 94, 703; Rbl. et Rghfr., ibid., III, p. 64; *phoebus*, Prun., Lepid. Pedemontana, 1798, f. 69; Hb., op. cit., f. 567—8; God., Hist. nat. des Lépid., II, 2; Boisd., op. cit., I, p. 398; Watson, Entomologist, 1894, p. 340; Aust., Les Parnassiens, p. 114, 200 (ab), t. 13, f. 1 и 2; *ab.* ♀ *cardinal*, Oberth., op. cit., XIV, f. 16; Meyer-Dür, Verzeichn. d. Schm., I, t. 2, f. 1; *ab.* ♀ *herrichii*, Oberth., op. cit., XIV, p. 7, t. 2, f. 15; *delius ab.*, H.-S., op. cit., f. 317—318; *ab.* ♂ *leonhardi*, Rühl, Societas Ent., VII, 1892, p. 105; Hb., op. cit., f. 684—5.

v. uralensis, Mén., Schrenk's Reisen, 1859, II, 1, p. 13.

v. sedakovii, Mén., Симашко—Русск. фауна, 1851, t. 4, f. 2; Enumeratio corp. anim. Mus. Imp., etc., I, 1855, p. 71, t. 1, f. 1; Aust., op. cit., p. 117, t. 9, f. 3; *altaicus*, Mén., Schrenk's Reisen, 1859, II, 1, p. 12; *smintheus*, Ld., Verhandl. d. zool.-bot. Vereins i. Wien, V, p. 100; ? *alpestris*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1899, III, p. 313.

v. intermedius, Mén., Симашко—Русск. фауна, 1851, t. 4, f. 2; Enumeratio, etc., I, p. 72; Schrenck's Reisen, II, 1, p. 12; Stgr., Stett. Ent. Z., 1881, p. 256; Aust., op. cit., p. 115, t. 11, f. 3, t. 12, f. 1, 3; Rühl, op. cit., p. 95; Elw., ibid.

ab. ♀ dis, Gr.-Gr., Mém. s. l. lépid., IV, p. 174 (nota).

v. interpositus, Herz., Ежегодникъ Зоол. Муз. Имп. Ак. Н., 1903, VIII, p. 62.

v. corybas, F. d. W., Entomographie de la Russie, etc., II, 1824, p. 241, t. 6, f. 1, 2; Alph., Mém. s. l. lép., IX, p. 308; ? *kamtchaticus*, Mén., Schrenck's Reisen, II, 1, p. 13.

v. smintheus, Doubl. et Hew., Gen. Diurn. Lep., 1847, t. 4; Edw., Butt. of N. Amer., 1, 1874, Parnassius, t. II, f. 1, t. IV, f. 1—5; Papilio, 1883, III, p. 136; Canad. Entomologist, XVII, 1885, p. 61; Reakirt, Proceed.

---

[1]) См. выше стр. 399.

[2]) Himalayensis — очень варьирующій видъ; къ сожалѣнію, по тому матеріалу, который имѣлся въ моемъ распоряженіи (не болѣе ста экземпляровъ), и при отсутствіи данныхъ о точномъ мѣстонахожденіи каждаго экземпляра я не могъ установить достаточно обособившихся формъ. Исключеніе дѣлаю только для сильно пигментированной чернымъ (почти черной) расы, полученной мною еще въ 1891 году отъ Лича (Leech) изъ области сѣверо-запад. Гималаевъ. Я называю ее hylas.

Parnassius himalayensis hylas, Gr.-Gr.: Varietas multo obscurior, alis supra ad nervos nigro atomatis, saepius disco omnino nigricanti. In ramificationibus occidentalibus montium Himalayensium volat.

Phil. Ent. Soc., VI, p. 129; Elw., Proc. Zool. Soc. Lond., 1886, p. 23; Watson, Entomologist, 1894, p. 340; Skinner, Syn. Cat. N. Amer. Rhop., 1898, № 439; *sayii*, Edw., Proc. Ent. Soc. Phil. II, 1863, p. 78; Edw., Butt. of N. Am., I, 1874, Parnassius, t. II, f. 2; *nanus*, Neumoegen, Entomologica Americana, IV, p. 61.

v. behrii, Edw., Trans. Am. Ent. Soc., 1870, III, p. 10; Butt. of N. Amer., I, 1874, Parnassius, t. III, f. 3, 4; Elw., op. cit., p. 23.

v. hermodur, Edw., Papilio, I, 1881, p. 4; Butt. of N. Amer., III, 1897, Parnassius, t. 1, f. 1—4; Elw., op. cit., p. 23.

nomion, F. d. W., op. cit., p. 242, t. 6, f. 3, 4; Hb., op. cit., f. 1029; Boisd., Icones hist. d. Lépid. nouv., etc., p. 21, t. 4, f. 3; Species gener. d. Lépid., p. 397, t. 6, f. 1; Dup., Hist. nat. d. Lépid., etc., suppl., I, p. 43; H.-S., op. cit., f. 316, 409—410; Elw., op. cit., p. 27; Aust., op. cit., p. 91, t. 12, f. 2; Rühl, op. cit., p. 99, 703; Edw., Butt. of N. Amer., III, 1897, Parnassius, t. 1, f. 5; (*smintheus var.*) Skinner, op. cit., № 440; larva—Graeser, Berl. Ent. Zeit., XXXII, 1888, p. 64.

v. nominulus, Stgr., Iris, VII, p. 241; Rühl, op. cit., p. 704.

v. mandshuriae, Oberth., op. cit., XIV, p. 2, t. 2, f. 10; Leech., Butt. China, p. 499.

v? davidis, Oberth., op. cit., IV, p. 23, 108, t. 2, f. 2; XIV, p. 2, t. 1, f. 3; Elw., op. cit., p. 33; Leech, ibid.

v. apollinaris, Gr.-Gr. [1]); *nomion*, Alph., Mém. s. l. Lépid., V, p. 95.

v. nomius, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., 1891, XXV, p. 445.

epaphus, Oberth., op. cit., IV (1879), p. 23; XIV, p. 12, t. 1, f. 4, 5; Rühl, op. cit., p. 98; Leech, Butt. China, p. 492; Moore, Lepid. Indica, LIII, p. 109, t. 407, f. 2, 2a; *jacquemonti*, Blanch., Voy. Ind. Ins. I, f. 3; Elw., op. cit., p. 36; ? *var. huwei*, Fruhst., Stett. Ent. Z., LXIV, p. 360.

v. cachemiriensis, Oberth., op. cit., XIV, p. 14, t. 1, f. 6. 7; Moore, op. cit., LIII, p. 110, t. 407, f. 3, 3a, 3b.

v. poeta, Oberth., op. cit., XVI, p. 2, t. 2, f. 9; Aust., Le Natur., 1894, p. 190; 1898, p. 106; *ab. oberthüri*, Aust., l. c., 1895, p. 247; 1898, p. 106.

v. beresowskyi, Stgr., Catal. 1901, № 23b.

v. sikkimensis, Elw., Proceed. Zool. Soc. Lond., 1882, p. 399, t. 25, f. 4; 1886, p. 37; Alph., Mém. s. l. lépid., V, p. 65; Moore, op. cit., LIII, p. III, t. 407, f. 4, 4a; *tsaïdamensis*, Aust., Le Natural., 1898, p. 106; *nanschanicus*, Aust., l. c., 1899, p. 285.

delphius, Ev., Bulletin de la Soc. Imp. d. Natur. d. Mosc., 1843, p. 541; t. 7, f. 1a-b; H.-S., op. cit., f. 638, 639; Alph., Horae Soc. Ent. Ross., XVI, 1881, p. 355 [2]); Elw., Proceed. Zool. Soc. Lond., 1886, p. 39; Aust., op. cit., p. 71, t. 17, f. 1 [3]); Gr.-Gr., Mém. s. l. lépid., IV, p. 194.

---

[1]) Переходная форма отъ mandshuriae къ кукунорскому nomius'y:

Var. minor, minus nigro picta, alis anticis maculis rubris; transitis ad sequentem. Amdo (pro parte).

[2]) Форма, встрѣченная Алфераки въ восточномъ Тянь-шан'ѣ, не тождественна съ тарбагатайской и заслуживаетъ особаго названія.

[3]) Въ окрестностяхъ озера Иссыкъ-куля встрѣчается форма, составляющая промежуточное звено между тарбагатайскимъ delphius'омъ (типомъ) и разновидностями—namanganus и albulus; она до сихъ поръ остается неописанной и распространена въ коллекціяхъ подъ именемъ delphius f. typ. Полагаю, что именно эта форма изображена у Austaut'a.

v. namanganus, Stgr., Stett. Ent. Z., 1886, p. 195; Aust., op. cit., p. 76, t. 17, f. 3; Rühl., op. cit., p. 105.

v. albulus, Honr., Berl. Ent. Zeit., XXXII, 1889, p. 161, t. 2, f. 1; Rühl, op. cit., p. 107; *maximinus*, Stgr., Iris, IV, 1891, p. 158; Rühl., op. cit., p. 106.

ab. styx, Stgr., Stett. Ent. Z., 1886, p. 195 [1]); Aust., op. cit., p. 75; Rühl, op. cit., p. 107.

v. infernalis, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1886, p. 195; Aust., op. cit., p. 74, t. 17, f. 2; Gr.-Gr., Mém. s. l. lépid., IV, p. 197, t. 21, f. 2 a, b; Rühl, op. cit., p. 104.

v. illustris, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., XXII, 1888, p. 304; Mém. s. l. lépid., IV, p. 198, t. 21, f. 1a, b.; Rühl., op. cit., p. 104; *transiens*, Aust., op. cit., p. 81, t. 18, f. 3; Rühl., ibid.; *infumatus*, Aust., Le Natur., 1891, p. 180.

v. staudingeri, Bang-Haas, Berl. Ent. Zeit., XXVI, 1882, p. 163, t. 2, f. 7, 8, 8a; Aust., op. cit., p. 79, t. 18, f. 1, 2; Gr.-Gr., Mém. s. l. lépid., IV, p. 203; Rühl, op. cit., p. 104; *ab. caecus*, Dönitz., Ent. Nachr., XVIII, 1892, p. 193 [2]).

v. cardinal, Gr.-Gr., Mém. s. l. lépid., III, p. 397; IV, p. 201, t. 2, f. 2a-d; Aust., op. cit., p. 83, t. 19, f. 1; Rühl, op. cit., p. 107.

v. acdestis, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 446; Rühl, op. cit., p. 105; ? *lampidius*, Fruhst., Iris, 1903, p. 43, t. 1, f. 2 (♀) (*false acconus*); Elw., Iris, 1903, p. 389 [3]).

v. hunza, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., XXII, 1888, p. 303; Mém. s. l. lépid., IV, p. 205, t. 9, f. 1a, b.

v. stoliczkanus, Feld., Reise Novara, Lep., II, p. 138; III, t. 69, f. 2, 3; Elw., Proceed. Zool. Soc. Lond., 1886, p. 40; Moore, Lep. Ind., LIII, p. 120, LIV, t. 412, f. 1, 1a-b.

v. atkinsoni, Moore, op. cit., LIV, p. 121, t. 412, f. 2.

v. stenosemus, Honr., Entom. Nachr., 1890, XVI, p. 127; Berl. Ent. Zeit., 1891, p. 433, t. 15, f. 3; Rühl, op. cit., p. 106; Moore, op. cit., p. 122, t. 412, f. 3, 3 a-c.

imperator, Oberth., Bulletins d. l. Soc. Ent. d. Fr., 1883, p. 79; Etud. Ent., IX, p. 11, t. 1, f. 4a-c; XIV, t. 1, f. 1; Elw., op. cit., p. 42; Leech., op. cit., p. 505; Rühl, op. cit., p. 108; Aust., Le Natur., 1894, p. 200; *v. supremus*, Fruhst., Soc. Ent., 1903 (Juli); *v. augustus*, Fruhst., ibid. (Nov.); Elw., Iris, 1903, p. 389.

---

[1]) Густо покрытая чернымъ пигментомъ форма styx встрѣчается лишь среди тяньшаньскихъ delphius'овъ и поэтому не можетъ считаться разновидностью infernalis, какъ это полагалъ Staudinger.

[2]) У delphius'a, какъ и у всѣхъ его разновидностей, за исключеніемъ cardinal, исчезновеніе краснаго пигмента на глазчатыхъ пятнахъ явленіе настолько частое, что устанавливать для такихъ аберрацій особыя названія едва-ли слѣдуетъ.

[3]) Изъ Сы-чуан'и Oberthür'омъ получена форма delphius'a, ближе всего стоящая къ юлдусскимъ delphius'амъ Алфераки; она еще не описана и извѣстна мнѣ только по рисунку (см. Oberthür, op. cit., XIX, t. 8, f. 7).

v. musageta, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 446; Rühl, op. cit., p. 109.

v. imperatrix, Alph., Mém. s. l. lépid., IX, 1897, p. 230, t. 12, f. 2.

charltonius, Gray, Catal. Lep. Brit. Mus., Pap., p. 77, t. 12, f. 7; Moore, Second Yarkand Mission, Lep., p. 5, t. 1, f. 3; Lep. Ind., LIII, p. 118, t. 411, f. 3, 3a, b; Elw., Proceed. Zool. Soc. Lond., 1886, p., 43; Aust., Les Parnassiens, p. 188, t. V, f. 1, 2.

v. princeps, Honr., Berl. Ent. Zeit., 1887, XXXI, p. 351; XXXII, p. 496, 501; Aust., op. cit., p. 67, t. 16, f. 1, 2; Rühl, op. cit., p. 108; *charltonius*, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 189, t. A, 2, f. 1 a-c.

loxias, Püngl., Iris, 1901, XIV, p. 178, t. I, f. 5, 6.

cephalus, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 446 [1]).

v. elwesi, Leech, The Entomologist, XXVI, suppl., 1893, p. 104; Butt. China, p. 504, t. 33, f. 14; Oberth., op. cit., XIX, p. 3, t. 8, f. 72.

acco, Gray, op. cit., p. 76, t. 12, f. 5, 6; Bates, Henderson and Hume—Lahore to Yarkand, p. 305; Elw., Proceed. Zool. Soc. Lond., 1882, p. 400; 1886, p. 35; Moore, Lepid. Ind., LIII, p. 116, t. 411, f. 1, 1 a-c.

przewalskii, Alph., Mém. s. l. lép., III, p. 403; V, p. 61, t. 4, f. 1 a-d.

szechenyi, Friv., Termeszetrajsi Füzetek, X, 1886, p. 39, t. 4, f. 1, 1 a; Oberth., op. cit., XVI, p. 4, t. 2, f. 11, 13 [2]); Leech, Butt. China, p. 501; Aust., Le Natural., 1894, p. 200; Rühl, op. cit., p. 109, 706.

hardwickii, Gray, Zool. Misc., 1831, p. 32; Lep. Ins. Nep., p. 7, t. 4, f. 1, 1 a; Catal. Lep. Brit. Mus., Pap., p. 76, t. 12, f. 8—11; Boisd., Spec. Gén. d. Lépid., I, 1836, p. 400; Moore, Proc. Zool. Soc. Lond., 1865, p. 488; Lepid. Ind., LIII, p. 111, t. 408, f. 1, 1 a-g, t. 409, f. 1, 1 a-g; Elw., Proc. Zool. Soc. Lond., 1882, p. 401; 1886, p. 38; *jacquemontii*, Koll., Hügel-Kaschmir, IV, Ins., p. 407, t. 2, f. 3, 4; *v. albicans*, Fruhst., Iris, 1898, XI, p. 147; Moore, Lepid. Ind., LIII, p. 112; *ab. otos*, Fruhst., Iris, 1903, p. 43 [3]).

gen. II *charino*, Gray, Catal. Lep. Brit. Mus., Pap., p. 76, t. 12, f. 12—15; Moore, Lepid. Ind., LIII, p. 113, t. 410, f. 1, 1 a-g.

tenedius, Ev., Bulletin d. l. Soc. Imp. d. Natur. d. Moscou, 1851, II, p. 621; Mén., Schrenck. — Reis. u. Forsch. im Amur-Lande, II, 1, p. 14, t. 1, f. 3; H.-S., op. cit., f. 632, 633; Elw., Proceed. Zool. Soc. Lond., 1886, p. 42; Trans. Ent. Soc. Lond., 1899, p. 314 (delii et tenedii hybr.); Aust., op. cit., p. 129, 175, t. 13, f. 3; t. II, f. 3; Rühl, op. cit., p. 112.

simo, Gray, Catal. Lep. Brit. Mus., Pap., p. 76, t. 12, f. 3, 4; Elw., op. cit., p. 35; Oberth., op. cit., XIV, p. 14, t. 1, f. 7, 8; Moore, op. cit., p. 117 [4]).

---

[1]) Не указываю на Rühl'я и другихъ, упоминавшихъ о cephalus, такъ какъ ихъ описанія дѣлались исключительно на основаніи моего діагноза, причемъ упускалось изъ вида даже то, что я писалъ о мѣшкѣ самки: „sacco ♀ compresso, fere rhomboidali, abdomen non involvente, albo".

[2]) Форма этого Parnassius'а, свойственная Сы-чуан'и и характеризующаяся развитіемъ чернаго пигмента, могла бы быть выдѣлена подъ особымъ названіемъ.

[3]) Moore (Lep. Ind., стр. 112) дѣлаетъ невѣрныя ссылки на описанныя Fruhstorfer'омъ формы hardwickii.

[4]) Moore даетъ ошибочный рисунокъ ♀ simo (съ мѣшкомъ).

v. simonius, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1889, p. 16; Aust., op. cit., p. 184, t. IV, f. 1, 2; Rühl, op. cit., p. 111; *simo*, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 207, t. 21, f. 3 a-c.

v. simulator, Stgr., op. cit., p. 18; Püngl., Iris, 1901, XIV, p. 177, t. 1, f. 1, 2.

v. gylippos, Fruhst., Iris, 1903, p. 43; *simulator*, Püngl., op. cit, p. 177, t. 1, f. 7, 8.

v. acconus, Frühst., Insect.-Börse 1903, 19, p. 148; Iris, XVI, 1903, p. 43, t. 1, f. 1, (♂); Elw., Iris, 1903, XVI, p. 389.

v. boêdromius, Püngl., op. cit., p. 177, t. 1, f. 3, 4.

orleans, Oberth., Descr. d'une esp. nouv., etc., 1890; Etudes d'Entom., XIV, p. 8, t. 1, f. 2; XVI, p. 3, t. 2, f. 14; Leech., Butt. China, p. 502; Rühl, op. cit., p. 109, 705; Aust., Le Natur., 1864, p. 200.

v. grumi, Obert., op. cit., XVI, p. 3, t. 2, f. 10; Aust., ibid.

eversmanni, Mén., Симашко-Русская фауна, 1851, t. 4, f. 5; Enumeratio, etc., p. 73, t. 1, f. 2; Edw., Butt. of N. Amer., I, 1874, Parnassius, t. IV, f. 6, 7; Elw., op. cit., p. 48; Aust., Les Parnassiens, p. 133, t. 20, f. 2; Rühl, op. cit., p. 113; Graeser, Berl. Ent. Zeit., XXXII, 1888, p. 65 (larva); *wosnesenskii*, Mén., op. cit., f. 6; Enumeratio, etc., f. 3; Aust., op. cit., p. 173, t. 20, f. 2, 3, t. 21, f. 3; *thor*, Edw., Papilio, I, 1881, p. 2, Papilio, II, p. 148; Skinner, Syn. Cat. N. Am. Rhop., 1898, № 441.

felderi, Brem., Bulletin de l'Acad., Imp. d. Sc. de S. Pétersb., 1861, III, p. 464; Lepid. Ost.-Sib., p. 6, t. 1, f. 5; Elw., op. cit., p. 49; Aust., op. cit., p. 143, t. 19, f. 2; Graeser, Berl. Ent. Zeit., XXXV, p. 71; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 157; Stgr., Mém. s. l. lép., VI, p. 138; Rühl., op. cit., p. 113.

ab. atratus (a), Graes., ibid.; Rühl, op. cit., p. 113.

clodius, Mén., Cat. Mus. Petrop., Lep., I, p. 73, № 109; Boisd., Lépid. Calif., p. 29, № 3; Edw., Butt. of N. Amer., I, 1874, Parnassius, t. I, f. 5—6; Canad. Ent., XVII, p. 61; Butler, Journ. of the Proceed. of the Lin. Soc. of Lond. (Zool.), XVI, p. 472; Elw., op. cit., p. 49; *clarius*, Boisd., Ann. Soc. Ent. Fr., 1852, p. 283; Edw., Butt. of N. Amer., I, 1874, Parnassius, t. 1, f. 1—4; *ab. altaurus*, Dyar, List. of N. Am. Lepid., 1902; *v. baldur*, Edw.

v. menetriesii, Edw., Proceed. of the Calif. Acad. of Sc., VII, 1878, p. 164.

clarius, Ev., Bulletin d. l. Soc. Imp. d. Natur. d. Moscou, 1843, III, p. 539, t. 9, f. 1 a-c; H.-S., op. cit., f. 628—631; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1881, p. 258; Elw., op. cit., p. 51; Aust., op. cit., p. 147, t. 20, f. 1; Rühl, op. cit., p. 101; *v. dentata*, Aust., op. cit., p. 149, t. 21, f. 1, 2; Rühl, ibid.

nordmanni, Mén., Симашко-Русск. фауна, 1851, t. 4, f. 4; Nordm., Bulletin d. l. Soc. Imp. d. Natur. d. Moscou, 1851, II, p. 423, t. 13, f. 1—3; Lang, The Butterflies of Eur., I, t. 4, f. 3; Elw., op. cit., p. 52; Rühl, op. cit., p. 102; *clarius*, H.-S., op. cit., f. 257—258.

v. minima, Honr., Berl. Ent. Zeit., XXIX, 1885, p. 272, t. 8, f. 2, 2 a; Möschler, Stett. Ent. Zeit., 1887, p. 40; Aust., op. cit., p. 152, t. 22, f. 1, 2; Rühl, ibid.

mnemosyne, L., Syst. Nat., ed. X, p. 465; Esp., Die Schmett. in Abbild., I, 2, t. 2, f. 2; Hb., Eur. Schmett., f. 398; Ochs., Die Schm. v. Eur., I, 2, f. 139;

Boisd., Spec. gén., I, p. 401; Elw., op. cit., p. 44; Aust., op. cit., p. 155, t. 23, f. 1, 2; Rühl, op. cit., p. 114; *ab. ochracea*, Aust., Le Natur., 1891, p. 180.

ab. melaina, Honr., Berl. Ent. Zeit., XXIX, 1885, p. 273; Aust., Les Parnassiens, p. 197, t. VIII, f. 3; *hartmanni*, Stndf., Berl. Ent. Zeit., XXXII, 1887, p. 234, t. 3, f. 1, 2.

v. nubilosus, Chr., Horae Soc. Ent. Ross., X, 1873, p. 19; Aust., op. cit., p. 157, t. 23, f. 3, t. 24, f. 1.

v. gigantea, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1886, p. 197; Aust., op. cit., t. 24, f. 2, 3; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 211.

stubbendorfii, Mén., Descr. des insectes recueillis par Lehmann, 1848, p. 57, t. 6, f. 2; H.-S., op. cit., f. 640; Elw., op. cit., p. 46; Aust., op. cit., p. 161, 182, t. 22, f. 3, t. IV, f. 3; Rühl, op. cit., p. 115; *v. citrinarius*, Fixsen, Mém. s. l. lépid., III, p. 263.

ab. melanophia, Honr., Berl. Ent. Zeit., XXIX, 1885, p. 274; Aust., op. cit., p. 196, t. VIII, f. 1.

v. tartarus, Aust., Le Natur., 1895, p. 39.

v. glacialis, Butl., Journ. of the Proceed. of the Linn. Soc. of Lond., Zool., 1866, IX, p. 50; Pryer, Rhop. Nyhonica, p. 5, t. 3, f. 5; *citrinarius*, Motsch., Bulletin d. l. Soc. Imp. d. Natur. d. Mosc., 1866, p. 189; Leech, Butt. China, p. 506, t. 33, f. 5, 6.

Внутреннія области Тибета до настоящаго времени составляютъ въ лепидоптерологическомъ отношеніи въ буквальномъ значеніи этихъ словъ—terra incognita; на его же периферіи, какъ мы уже знаемъ, живутъ нынѣ фауны, имѣющія мало между собой общаго. Родъ Parnassius не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія, и, если не считать hardwickii, водящагося на всемъ протяженіи Гималаевъ, то мы можемъ назвать только три вида—ephus, delphius и simo, общихъ обѣимъ частямъ—восточной и западной—бывшаго Памиро-Тибетскаго материка.

Этотъ фактъ, нисколько не подрывая непреложности того вывода, что родиной рода Parnassius должна считаться Памиро-Тибетская суша, доказываетъ лишь, что разобщеніе, внесенное ингрессивнымъ третичнымъ моремъ, было достаточно полнымъ, чтобы обособить обѣ группы Parnassius'овъ, на которыя тогда распался этотъ родъ.

Какъ бы то ни было, опираясь на вышеизложенное, я съ увѣренностью высказываюсь за то, что современные представители рода Parnassius должны считаться автохтонами сѣверо-восточнаго Тибета.

Засимъ перехожу къ роду Colias.

Таблица географическаго распространенія рода Colias.

Африка.	Европа.	Балканскій полуостр.	Кавказъ.	Персія.	Индія.	Памиро-Тибетъ съ прилегающими горными областями.	Тянь-шань.	Алтай.	Маньчжурія.	Японія.	Вост. Сибирь.	Съв. Америка.	Южн. Америка.	Виды, не имѣющіеся въ памиро-тибетской фаунѣ.
						Marco-polo, Gr.-Gr.								
	*							*	*	*	*	*		Palaeno, L.
												*		Pelidne, Boisd.
												*		Scudderi, Reak.
												*		Interior, Scud.
												*		Alexandra, Edw.
												*		Christina, Edw.
												*		Occidentalis, Scud.
												*		Harfordii, Edw.
												*		Philodice, God.
* [1]	*		*	*	* [2]	Erate, Esp.	*	*	* [3]	* [3]				
	*	*	*			Hyale, L.	*	*			*			
	*		*					*			*	*		Chrysotheme, Esp.
												*		Boothii, Curt.
	*										*	*		Hecla, Lef.
						Lada, Gr.-Gr.								
						Staudingeri, Alph.	*							
						Regia, Gr.-Gr.								
						Eogene, Feld.								
												*		Meadii, Edw.
												*		Elis, Streck.
											*			Hyperborea, Gr.-Gr.
									*		*			Viluiensis, Mén.
						Cocandica, Ersch.	*	*						
	*							* [4]	* [4]		* [5]	*		Nastes, Boisd.
												*		Behrii, Edw.
	*													Pricomone, Esp.
						Montium, Oberth.								
						Nov. spec. [6].								
						Alpherakii, Stgr.								

[1]) Erate marnoana, Rghfr.
[2]) Erate nilagiriensis, Feld.
[3]) Erate poliographus, Motsch.
[4]) Nastes melinos, Ev.
[5]) На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири летаетъ форма, почти не отличимая отъ с.-америк. nastes.
[6]) Этотъ безусловно новый видъ (одинъ экземпляръ ♀), который до извѣстной степени связываетъ alpherakii съ montium, привезенъ экспедиціей Козлова съ верховій Голубой рѣки.

Африка.	Европа.	Балканскій полуостр.	Кавказъ.	Персія.	Индія.	Памиро-Тибетъ съ прилегающими горными областями.	Тянь-шань.	Алтай.	Маньчжурія.	Японія.	Вост. Сибирь.	Сѣв. Америка.	Южн. Америка.	Виды, не имѣющіеся въ памиро-тибетской фаунѣ.
						Sifanica, Gr.-Gr.								
						Ladakensis, Feld.								
						Sieversi, Gr.-Gr.								
						Christophi, Gr.-Gr.								
				*										Sagartia, Ld.
							*							Erschoffi, Alph.
						Romanovi, Gr.-Gr.	*							
													* [1]	Ponteni, Wallengr.
			*	*		Thisoa, Mén.	*	*						
						Felderi, Gr.-Gr.								
													*	Lesbia, F.
								*	*		*			Aurora, Esp.
						Diva, Gr.-Gr.								
		*	*	*										Aurorina, H.-S.
			*											Chlorocoma, Chr.
			*											Olga, Rom. [2]).
	*	*												Myrmidone, Esp.
						Fieldii, Mén.		•						
*	*	*	*	*										Edusa, F.
*														Electra, L.
						Wiskotti, Stgr.	*							
													*	Vautieri, Guér.
													*	Euxanthe, Feld.
													*	Dimera, Doubl.
3	9	4	8	5	1	21	8	8	5	2	8	16	5	33
5,5	16,6	7,4	14,8	9,2	1,8	38,8	14,8	14,8	9,2	3,7	14,8	29,6	9,2	61,1

Изъ этой таблицы видно, что обѣимъ Америкамъ свойственъ 21 видъ, т. е. такое же количество формъ, какое найдено до настоящаго времени въ предѣлахъ Памиро-Тибетской третичной суши. Уже одно это обстоятельство заставляетъ насъ съ особою осторожностью отнестись къ опредѣленію первоначальнаго центра распространенія рода Colias.

Этотъ вопросъ былъ мною, впрочемъ, уже разработанъ въ 1888 году, и нынѣ мнѣ остается дополнить изложенное на стра-

---

[1]) Imperialis, Butl., долженъ считаться синонимомъ ponteni, Wallengr.

[2]) Caucasica, Stgr.; descriptione non sufficiente.

ницахъ 232—288 тома IV «Mémoires sur les lépidoptères» лишь очень немногимъ; но это немногое, подтверждая мою гипетезу о Памиро-Тибетской сушѣ, какъ родинѣ рода Colias, даетъ ей вполнѣ твердую фактическую основу.

Какъ я и предполагалъ [1]), Colias imperialis, Butl., изъ Южной Америки, оказалась синонимомъ Colias ponteni, Wallengr., которая, какъ убѣжденъ былъ авторъ, найдена была на одномъ изъ Гавайскихъ острововъ; въ новѣйшее время она была встрѣчена въ Патагоніи, притомъ въ экземплярахъ, тождественныхъ съ Wallengren'овскимъ типомъ, съ чѣмъ вмѣстѣ списокъ видовъ, не имѣющихъ близкихъ родичей въ предѣлахъ Памиро-Тибета, сократился на одного.

Далѣе, изъ того же списка должны быть исключены: lesbia, aurora, aurorina и chlorocoma, общій прототипъ коихъ или форма, къ нему близкая, описанная мною подъ именемъ diva, нашлась въ предѣлахъ сѣверо-восточнаго Тибета.

Отыскалось въ системѣ рода настоящее мѣсто и для Colias meadii, Edw.

Изъ группы eogene ее выдѣляли въ особый типъ присущія ей taches empesées; но съ тѣхъ поръ, какъ найдены были въ сѣверо-восточной Сибири—Colias hyperborea, Gr.-Gr., а въ Сѣверной Америкѣ—Colias elis, Streck., характеризующіяся такими же taches empesées и въ то же время стоящія въ ближайшемъ сродствѣ какъ съ viluiensis, такъ и съ группой hecla, признакъ этотъ утратилъ въ моихъ глазахъ то первенствующее значеніе, которое я склоненъ былъ ему прежде приписывать. По внѣшнему habitus'у meadii ближе къ eogene, чѣмъ къ elis и hyperborea, но съ этими послѣдними ее связываетъ присутствіе помянутыхъ пятенъ; съ другой стороны самцы hyperborea отличаются отъ самцовъ viluiensis (самки у обоихъ видовъ различаются и по внѣшнему habitus'у) только присутствіемъ этихъ пятенъ. Такимъ образомъ о taches empesées можно сказать то же, что и о мѣшкахъ самокъ Parnassius, а именно, что они не должны служить помѣхой къ установленію ближайшей родственной связи между видами. Примѣръ Colias chlorocoma, у которой эти пятна являются не видовымъ, а индивидуальнымъ таксономическимъ признакомъ, служитъ прекраснымъ тому доказательствомъ.

Въ области Памиро-Тибета мною найдена была форма, находящаяся въ ближайшемъ сродствѣ съ Colias hecla. Я говорю о

---

[1]) Op. cit., стр. 244.

lada, которая могла послужить прототипомъ и для группы viluiensis—elis. Colias lada имѣетъ обѣ формы самокъ—бѣлую и оранжевую. До послѣдняго времени мы не знали бѣлой формы ♀ у hecla, но нынѣ этотъ пробѣлъ пополненъ: среди hecla сѣверо-восточной Сибири нашелся экземпляръ бѣлой самки, который я, не колеблясь, отношу къ этому виду. Кстати замѣчу, что число видовъ Colias, обладающихъ диморфными самками, постепенно возрастаетъ; такъ, сравнительно недавно открыты бѣлыя формы самокъ у Colias fieldii [1]) и Colias chrysotheme [2]).

Этотъ диморфизмъ самокъ въ родѣ Colias не имѣетъ еще научнаго объясненія; поэтому, не давая ему надлежащей оцѣнки, я укажу лишь на тотъ фактъ, что въ различныхъ пунктахъ арены распространенія даннаго вида чаще всего замѣчается преобладаніе одной какой либо формы самокъ; дѣйствительно:

	въ вост. Россіи	*въ Зап. Туркестанѣ*	*въ восточн. Азіи*	
у erate	преобладаетъ желтая	обѣ формы встрѣчаются въ одинаковомъ числѣ	преобладаетъ бѣлая (poliographus)	
	въ Зап. Туркестанѣ	*въ Кашмирѣ*	*въ Ладакѣ*	*въ сѣв.-вост. Тибетѣ*
у eogene	бѣлая форма не найдена (elissa)	бѣлая очень рѣдка (eogene)	обѣ формы встрѣчаются въ одинаковомъ числѣ (stoliczkana)	преобладаетъ бѣлая (arida)
	въ вост. Сибири (басс. Лены)		*въ Забайкальѣ*	
у viluiensis	преобладаетъ бѣлая		бѣлая форма не найдена (chilkana)	
	въ Зап. Тянь-шан'ѣ	*въ Гиссарскихъ горахъ*	*въ долинѣ р. Кудары (Памирѣ)*	*въ Заалайскомъ хр.*
у wiskotti	бѣлая форма не найдена (draconis)	преобладаетъ оранжевая (wiskotti)	обѣ формы встрѣчаются въ одинаковомъ числѣ (chrysoptera)	преобладаетъ бѣлая (separata)
	на Балканскомъ полуостр.	*на Кавказѣ*	*въ Копетъ-даг'скихъ горахъ*	
у aurorina	преобладаетъ оранжевая (heldreichi)	преобладаетъ бѣлая (aurorina)	бѣлая форма не найдена (transcaspica)	

Доставленные недавно въ Европу экземпляры Colias boothii, нѣсколько отличаясь отъ типа Curtis'a, оказались въ то же время настолько близкими къ Colias chrysotheme, что и этотъ послѣдній видъ приходится нынѣ отнести къ группѣ eogene-cocandica.

Послѣ 1888 года, когда, какъ замѣчено выше, была закончена моя работа о Colias, на рынокъ выброшено было значительное количество двухъ формъ этого рода—erschoffi и wiskotti draconis.

---

[1]) Leech—„Butterflies from China, Japan and Corea", II, стр. 438.

[2]) Grum-Grshimailo—„Lepidoptera palaearctica nova, II", въ „Hor. Soc. Ent. Ross.", XXVII, стр. 380.

Благодаря любезности г. Tancré, предоставившаго мнѣ первый выборъ, я имѣлъ тогда же возможность составить для своей коллекціи замѣчательныя серіи этихъ двухъ формъ.

Упоминаю о wiskotti draconis, дабы на ней подтвердить тотъ фактъ, что въ родѣ Colias, даже въ предѣлахъ вида, окраска варьируетъ изумительно и, какъ таксономическій признакъ, должна быть низведена на послѣднее мѣсто; дѣйствительно, трудно представить себѣ большій контрастъ въ окраскѣ, какъ тотъ, который наблюдается между травяно-зеленой wiskotti съ верховій Якка-багъ-дарьи и ярко-пурпурово-красной draconis съ горъ западнаго Тянь-шан'я.

Это замѣчаніе я предпосылаю тому, что приходится сказать о Colias sagartia. До конца восьмидесятыхъ годовъ ее сближали съ hyale, нынѣ же Штаудингеръ, который въ своемъ каталогѣ 1901 года далъ крайне несовершенную, даже болѣе того—неестественную классификацію рода Colias, помѣстилъ ее между chlorocoma и wiskotti! Очевидно, онъ долго не зналъ, куда ее вставить, и, наконецъ, остановился на окраскѣ, какъ рѣшающемъ таксономическомъ признакѣ. Между тѣмъ еще въ 1888 году я указалъ ея мѣсто на ряду съ romanovi и erschoffi [1]), и серія полученныхъ засимъ экземпляровъ этого послѣдняго вида лишь подтвердила правильность этого указанія. Дѣйствительно, если отбросить различіе въ окраскѣ и нѣсколько мéньшую величину sagartia, то вся сумма остальныхъ признаковъ говоритъ намъ за ближайшее сродство обѣихъ формъ. Въ родѣ Colias группа romanovi, erschoffi, sagartia образуетъ вполнѣ обособленный типъ, къ которому, какъ мнѣ кажется, ближе всего примыкаетъ Colias ponteni. Къ сожалѣнію, я знакомъ съ этой бабочкой только по ея описаніямъ, которыя не могутъ разрѣшить мнѣ моихъ сомнѣній.

За исключеніемъ всѣхъ этихъ видовъ безъ ближайшихъ родичей на своей прародинѣ остаются только три южно-американскіе вида — vautieri, Guér., euxanthe, Feld. [2]), и dimera, Doubl. Они

---

[1]) Op. cit., стр. 299.

[2]) Staudinger („Iris", VII, 1894, p. 64) находитъ значительное сходство между euxanthe и hecla sulitelma; но я не улавливаю этого сходства.

Приводимая ниже синонимика указываетъ, въ какой мѣрѣ различія между видами рода Colias плохо усваивались даже наиболѣе извѣстными энтомологами. Штаудингеръ не составилъ въ этомъ отношеніи исключенія, и его попытки доказать, что thiosa не болѣе какъ разновидность myrmidone, a christophi—мѣстное видоизмѣненіе ♀ (разсылались самцы!) wiskotti (sic!) останется на всегда любопытнымъ памятникомъ такихъ ошибокъ въ этомъ отношеніи, которыя нынѣ кажутся совершенно невѣроятными! Я надѣюсь дожить до того времени, когда и уста-

и между собой настолько обособлены, что образуютъ три разныхъ типа.

Въ окончательномъ видѣ классификація рода Colias представляется слѣдующей.

COLIAS, Leach.

Группа I.

Типъ 1.

marco-polo, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXII, p. 304; Mém. s. l. lép., IV, p. 318, t. XI, f. 1—3; Rühl, Die palaearct. Gr.-Schmett., I, p. 148.

Типъ 2.

palaeno, L., Fauna Suec., ed. 2, 1761, p. 272; Mén., Cat. Mus. Petrop., Lep., 1855, p. 83; Ev., Fauna Volg.-Ur., p. 79; Schilde, Stett. Ent. Zeit., 1873; Stgr., Iris., V, p. 310; *philomene*, Hb., Eur. Schmett. f. 602, 603, 740—741; Dup., Hist. Nat. des Lep., etc., suppl., I, t. 47, f. 3, 5; *lapponica*, Stgr., Catal. 1871.

ab. schildei, Stgr., Iris, V, p. 310.

ab. cretacea, Schilde, Entom. Nachr., 1884, p. 339; Stgr., ibid.

v. europome, Esp., Die Schmett. in Abbild., I, 1, t. 42, f. 1, 2; t. 100, f. 5; Hb., op. cit., I, f. 434—435; Stgr., ibid.; *palaeno*, Ochs., Die Schmett. v. Eur. I, 2, p. 184; Boisd., Spec. gén., I, p. 645; God., Hist. Nat. des Lépid., II, 4, f. 2; Enc. Méth., IX, p. 101; Lang, The Butterflies of Eur., t. 11, f. 1.

ab. ♀ illgneri, Rühl, Soc. Ent., 1890, V, p. 89; Illgner, Entomologische Zeitschrift, 1891, p. 127; Stgr., ibid.

v. europomene, Ochs., op. cit., IV, p. 157; Stgr., Iris, V, p. 311; *hyale*, Hufn., Berl. Mag., 1766, II, p. 76; *cafflischi*, Carad., Soc. Ent., VIII, p. 26.

ab. ♀ werdandi, H.-S., Schmett. Eur., I, f. 41, 42; Lang, op. cit., t. IX, f. 2; *palaeno ab.*, H.-S., op. cit., f. 621; *philomene*, Dup., op. cit., t. 47, f. 4; *herrichi*, Stgr., Iris, V, p. 311.

v. orientalis, Stgr., Iris., V, p. 311; *palaeno*, Mén., Schrenk's Reis., II, Lep., p. 19; Bremer, Lep. Ost.-Sib., p. 9; Graes., Berl. Ent. Zeit., 1888, XXXII, p. 69.

v? aias, Fruhst., Iris, 1903, XVI, p. 49; *palaeno*, Pryer, Rhop. Nihon., p. 7; Leech, Proceed. Zool. Soc. Lond., 1887, p. 69; Butt. from China, etc.; II, p. 437.

v. chippewa, Edw., Synops., p. 8; Zeller, Stett. Ent. Zeit., 1874, p. 438; Streck., Amer. Lep., p. 81; *palaeno*, Möschl., Wien. Ent. Mon., 1860, p. 349; Stett. Ent. Zeit., 1870, p. 113; Hagen, Proc., Bost. Soc. Nat. Hist., XXII, 1882, p. 170; Skinner, Syn. Catal. N. Am. Rhop., 1898, № 423; *helena*, Edw., Proc. Ent. Soc. Phil., II, 1863, p. 80; Butt. of N. Amer., I, 1874, Colias, t. 1, f. 5—7.

pelidne, Boisd., Icones, 1832, t. 8, f. 1—3; Spéc. gén., 1836, I, p. 644; Boisd.-Leconte, Hist. gén. et iconogr. des Lépid. et des Chenilles de l'Am. Sept., p. 66, t. 21, f. 4, 5; H.-S., op. cit., I, f. 35, 36, 43, 44; Dup., op. cit., t. 15, f. 1—3; Frr., N. Beitr., VI, t. 511, f. 2, 3; Möschl., Wien. Ent.

новленная имъ въ каталогѣ 1901 года классификація Colias будетъ уже считаться общепризнаннымъ образцомъ подобнаго же неумѣнія уловить ближайшее сродство между отдѣльными видами этого труднаго рода. А пока я повторяю сдѣланную уже въ 1888 году попытку такой классификаціи.

Mon., 1860, p. 349; Edw., Butt. of N. Amer., II, 1884, t. I, Colias, f. 5—8; *labradorensis*, Scudd., Proc. Bost. Soc. Nat. Hist., 1862, p. 107; *anthyale*, Stgr., Catal. 1871; Möschl., Stett. Ent. Zeit., 1870, p. 113; *valeria*, Sieves., Motsch. Et. Ent., 1859, p. 146; *palaeno var.*, Hagen, Proc. Bost. Soc. Nat. Hist., 1883, p. 175; *interior?* Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 6, 17.

ab. ♀ moeschleri, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., XXVII, 1893, p. 379.

v. skinneri, Barnes, Canad. Ent., XXIX, 1897, p. 41.

v. gigantea, Streck., Lep. Rhop. Het., suppl., 1900, p. 19; *pelidneides*, Stgr., Catal. 1901, № 86 i (an varietas diversa?).

scudderi, Reack., Proc. Ent. Soc. Phil., IV, 1865, p. 217; Edw., Butt. of N. Amer., I, 1874, t. VIII, Colias, f. 1—5; Mead, Wheeler's Rep., V, 1875, p. 749; Skinner, op. cit., 421; *pelidne*, Streck., Amer. Lep., 1878, p. 81; *interior*, Hagen, Proc. Bost. Soc. Nat. Hist., XXII, 1883, p. 174; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 17.

ab. flavotincta, Cockerell, Psyche, IX, 1901, p. 186.

v? minisme, Bean. (incertae sedis; sequentis varietas an species distincta? secundum cl. Strecker hic ponenda, secundum cl. Deckert praecedentis varietas).

interior, Scudd., Proc. Bost. Soc. Nat. Hist., 1862, IX, p. 108; Edw., Calif. Acad., Colias, p. 10; Brooklyn Entom. Soc., March, 1879; Hagen, ibid., p. 159; Elw., ibid.; Scudder, the Butt. of the East. U. S. and Can., etc., III, t. 7, f. 7; Skinner, op. cit., 420; *anthyale*, Möschl., Stett. Ent. Zeit., 1870, p. 113; *pelidne var.*, Streck., Catal. of the Americ. Macrolep. North. of Mexico; *solivaga*, Edw., Proc. Calif. Acad., 1877, VI; *philodice var.*, Keferst., Verh. zool-bot. Gesellsch. in Wien, 1883, p. 454.

v. laurentina, Scudd., Proc. Bost. Soc., 1875, p. 4; the Butt. of the East. U. S. and Can., etc., III, t. 7, f. 10; Edw., Calif. Ac., Colias, p. 7; Hagen, ibid., p. 174; Elw., ibid.; *syn. praec.*, Streck., ibid.

alexandra, Edw., Proc. Ent. Soc. Phil., 1863, II, p. 15, t. 11; Butt. of N. Amer., I, 1874, Colias, t. 1, f. 1—4; Reack., Proc. Ent. Soc. Phil., VI, 1866, p. 135; Mead, Wheeler's Expl., V, 1875, p. 749; Streck., Butt. N. Amer., 1878, p. 81; Keferst., ibid., p. 455; *interior* (synon.), Elw., ibid.; Hagen, ibid., p. 174.

ab. ♀ alba, Streck., Butt. N. Amer., 1878, p. 81; ? *pallida*, Cockerell, ibid.

v. edwardsii, Behr in Edw., Butt. of N. Amer., I, 1874, Colias, t. VI, f. 1—5; Trans. Ent. Soc. Phil., III, p. 11; Proc. Calif. Acad., 1877; Bull. Brookl. Ent. Soc., 1879, I, № 11; Synopt. tabl. № 6; Mead, Wheeler's Expl., V, 1875, p. 749; Streck., Butt. N. Amer., 1878, p. 82; Hagen, ibid., p. 152; *interior* (synon.), Hagen, ibid., p. 174; Elw., ibid., p. 17.

v. emilia, Edw., Trans. Amer. Ent. Soc., 1870, III, p. 12; Calif. Acad., Colias, p. 10; Streck., ibid., p. 81; *interior* (synon.), Hagen, ibid., p. 174; Elw., ibid.

christina, Edw., Proc. Ent. Soc. Phil., 1863, II, p. 79; Butt. of N. Amer., I, 1874, Colias, t. II, f. 1—4; Calif. Acad., Colias, p. 6; Keferst., op. cit., p. 455; *pelidne var. b.* Streck., Butt. N. Amer., 1878, p. 81; *interior* (synon.), Hagen, ibid.; Elw., ibid.

ab ♀ pallida, Lyman, Can. Ent., XIX, 1884, p. 6.

v. ? astraea, Edw., Trans. Ent. Soc. Phil., 1872, IV, p. 61; Calif. Acad., Colias, p. 7; Papilio, III, p. 160; IV, p. 30—34; Streck., Butt. N. Amer., 1878, p. 81; *interior* (synon.), Hagen, ibid.; Elw., ibid. (secundum cl. H. G. Dyar christinae synonymum).

*

occidentalis, Scudd., Proc. Bost. Soc. Nat. Hist., 1862, IX, p. 109; Edw., Butt. of N. Amer., 1874, I, Colias, t. VII, f. 1—5; Keferst., ibid; Skinner, Syn. Cat. N. Am. Rhop., 1898, 417; *anthyale*, Möschl., Stett. Ent. Zeit., 1870, p. 114; *philodice var.*, Streck., Butt. N. Amer., 1878, p. 82; *interior* (synon.), Hagen., ibid., p. 174; Elw., ibid.

v. chrysomelas, Edw., Proc. Calif. Acad., 1877, p. 8; Pacif. Coast. Lep., 1877; Butt. of N. Amer., III, 1897, Colias, t. IV, f. 1—4, 5—9 (var.); *philodice v. occidentalis*, Streck., Butt. N. Amer., 1878, p. 82; *philodice var.*, Hagen, ibid.; Elw., ibid. (secundum cl. H. G. Dyar praecedentis synonymum).

harfordii, Edw., Proc. Calif. Acad. Nat. Soc., 1877, VII, p. 79; Pacif. Coast. Lep., 1877, № 24, 9; Butt. of N. Amer., III, 1897, Colias, t. II, f. 1—4; Skinner, op. cit., 416; *keewaydin var.*, Edw., Butt. of N. Amer., I, 1874, Colias, t. IV, f. 7; *barbara*, Edw., Proc. Calif. Acad. Nat. Soc., 1877, VII; Canad. Ent., XIV, p. 29; Papilio, 1884, IV, p. 2—7; Butt. of N. Amer., III, 1897, Colias, t. II, f. 5.—9; *chrysotheme ab.*, Streck., Butt. N. Amer., 1878, p. 83; *interior var.*, Hagen, ibid.; Elw., ibid.

philodice, God., Enc. méth., IX, 1819, p. 87, 100, 101; Boisd.-Leconte, Lép. Am. sept., 1833, p. 64, t. 21, f. 1—3; Boisd., Spéc. gén., I, 1836, p. 647; Lucas Lép. exot., 1845, p. 78, t. 39; Emm., Agric. N. Y., V, p. 204, t. 35, f. 1, 2, 4, 9; Harris, Ins. Injur. to Veget., 1862, p. 272, f. 100—102; Morris., Synops., of the descr. Lep. N. Amer., 1862, p. 29; Scudd., Proc. Bost. Soc. nat. hist., 1862, IX, p. 103; Lintn., Proc. Ent. Soc. Philad., III, 1864, p. 54; Reack., Proc. Ent. Soc. Phil., IV, 1865, p. 218; VI, 1866, p. 135; Saunders, Can. Ent., I, 1869, p. 54, 55; Beth., Can. Ent., V, 1873, p. 221, f. 21—22; Mead, Weehler's Expl., V, 1875, p. 748; Edw., Pacif. coast. Lep., 1877, p. 122; Butt. of N. Amer., II, 1884, Colias, t. III, f. 1—9, t. II, f. 1—6 (aber.); Streck., Butt. N. Am., p. 82; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 137, 1884, p. 6, 16—17; Burq., Proc. Bost. Soc. Nat., Hist., XXI, 1881, p. 154, f. 1; Hagen, ibid., p. 167—168, 174; Keferst., ibid.; French, Butt. East. Un. St., 1886, p. 133; Maynard, Butt. N. E., 1886, p. 44; Skinner-Smith, Ent. New. Philad., IX; (*Eurymus*—) Scudd., Butt. of the East. Un. St. a. Can., etc., II, p. 1111—1125; *palaeno*, Cram., Pap. exot., I, 1775, t. 14; *dorippe*, God., Enc. Méth., IX, p. 87, 101; *anthyale* (*Zerene*—), Hb., Zutr. Ex. Schm., 1823, f. 307, 308; *europome*, Steph., Jll. Brit. Ent. Haust., I, 1828, p. 10, t. 1, f. 1—3; Humphreys, West. Brit. Butt., etc., 1848, p. 17, t. 3; (*Eurymus*—), Swains, Zool. Ill., 1831, ser. II, t. 70; *phicomone*, Fitch., Trans. N. Y. St. Agric. Soc., 1854, XIII, p. 378; *santes*, Fitch., ibid.; *nastes*, Fitch., ibid.; *miscidice*, Scudd., Butt., etc., II, p. 1115.

ab. ♀ alba, Edw., Butt. of N. Am., II, Colias, t. II, f. 6, t. III, f. 5—6; Streck., Butt. N. Amer., p. 82; *pallidice*, Scudd., ibid.

ab. nigra, Streck., Butt. N. Am., p. 82; Edw., op. cit., II, Colias, t. III, f. 8, 9; *nigridice*, Scudd., ibid.

ab. nigrina, Streck., Lep. Rhop. Heter., suppl., 1900.

ab. virida, Streck., Butt. N. Am., p. 82.

ab. aurantiaca, Streck., ibid.; Edw., ibid., f. 1 [1]).

ab. luteitincta, Wolcott, Can. Ent., 1893, XXV, p. 104.

---

[1]) Экземпляры philodice и erate съ болѣе или менѣе рѣзко выраженной оранжевой окраской далеко не всегда слѣдуетъ считать гибридами, такъ какъ нерѣдко они попадаются въ мѣстностяхъ (какъ напримѣръ, въ окрестностяхъ Асхабада, въ Ферганѣ и т. д.), гдѣ видовъ Colias съ оранжевой окраской крыльевъ не встрѣчается.

Типъ 3.

erate, Esp., Schmett. I, 2, t. 119, f. 3 (1803?); Charp., ibid., Fortsetz., p. 13; Stgr., Stett. Fnt. Zeit., 1866, p. 46; Alph., Труды Русск. Энт. Общ., VIII, 1874; Hor. Soc. Ent. Ross., 1881, p. 367; Murray, Ent. Monthl. Mag., XIII, 1876, p. 34; Keferst., op. cit., p. 454; Lang, Butt. Eur., 1884, p. 54, t. 12, f. 4; Gr.-Gr., Mén. s. l. lép., I, p. 164; IV, p. 321; Swinhoe, Trans. Ent. Soc. Lond., 1885, p. 344; Rühl, Die palaearct. Gross-Schmett., etc., I, p. 156, 726; *neriene*, F. d. W., Ent. Ross., II, 1823, Lep., t. 11, f. 3, 4; Boisd., Spec. Gén., I, p. 646, f. 13; Ev., Butt. Moscou, 1837, p. 28; Fauna Volg.-Ur., p. 78; H.-S., op. cit., I, f. 30—32; *hyale var.*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 23; *hyale*, Leech, Proc. Zool. Soc. Lond., 1887, p. 408.

ab. ♀ pallida, Stgr., Catal. 1861; Alph., Труды, etc., 1874; Horae, etc., 1881, p. 367; Lang., op. cit., t. 12, f. 5; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., I, p. 165; IV, p. 322; Swinhoe, ibid.

ab. chrysodona, Boisd., Gen. et Ind. meth., 1840, p. 7; Alph., Труды, etc., 1874; Horae, etc., 1881, p. 367; Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 494; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., I, p. 165; IV, p. 322; *helichta*, Ld., Verh. zool.-bot. Wien, 1853, p. 33; Swinhoe, ibid.; *beckeri*, Gerh., Berl. Ent. Zeit., XXVI, 1882, p. 125.

ab. hyaleoides, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 321; *sareptensis*, Alph., Horae, etc., 1881, p. 366 (pro parte).

v. poliographus, Motsch., Et. Ent., IX, 1860, p. 29; Alph., Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 494; Mém. s. l. lép., V, p. 72, 101; *simoda*, de l'Orza, Lép. Jap., 1867, p. 16; Oberth., Et. Ent., 1886, XI, p. 17; *pallens*, Butl., Journ. Linn. Soc., Zool., IX, 1866, p. 52; Lep. Exot., p. 89, t. 34, f. 3; *subaurata*, Butl., Ann. and Mag. Nat. Hist., 1881, ser. 5, VII, p. 138; *elwési*, Butl., ibid., VII, p. 135; *hyale var.*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 23; Fixsen, Mém. s. l. lép., III, p. 266; *hyale*, Pryer, Rhop. Nihon, 1886, p. 8, t. II, f. 4 a, b; Leech, Proc. Zool. Soc. Lond., 1887, p. 408; Butt. from. China, etc., II, p. 431; Fritze, Berichte d. naturf. Gesell. zu Freib., VIII; *neriene*, Gray, Lep. Ins. Nep., 1846, t. 5. f. 3; ? *lativitta*, Moore; ? *viluiensis*, de l'Orza.

ab. ♀ hera, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., XXVII, 1893, p. 380.

ab. chrysocoma, Gr.-Gr., ibid., p. 379; *helichta*, Brem., Lepid. Ost-Sib., p. 93.

v. nilagiriensis. Feld., Wien. Ent. Mon., III, 1859, p. 395; Keferst., op. cit., p. 454; Kirby, Syn. Cat., p. 495; *hyale var.* Elw., ibid.

v. marnoana, Rghfr., Sitzb. z. b. V., 1884, p. 22; *hyale var.*, Stgr., Catal. 1901.

hyale, L., F. Suec., 1764, p. 272; Syst. Nat., 1767, I, 2, p. 764; Ochs., Die Schm. v. Eur., I, 2, 1808, p. 181; God., Enc. meth., IX, 1819, p. 99; Hist. natur., etc., I, 2, sec.; Boisd., Sp. Gén., I, p. 650; Frr., Beitr., 547; H.-S., op. cit., I, f. 33, 34; Ev., Fauna V.-Ural., p. 78; Schilde, Stett. Ent. Zeit., 1873, p. 175; Alph., Труды, etc., 1874; Keferst., op. cit., p. 457; Elw., ibid.; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., I, p. 162; Rühl, op. cit., p. 155, 725; Barrett, the Lep. of the Brit. Isl., I, p. 32, t. 5, f. 2 a-e; Frohawk, Entomologist, XXXIV, p. 167; *palaeno*, Esp., Schmett., I, 1, t. 4, f. 2; Hb., Eur. Schm., I, f. 438, 439; *croceus*, Fourcr., Ent. Paris, II, 1785, p. 250.

ab. ♀ flava, Husz, Eperjes Kerr. coll., 1880; Ent. Nachr., 1883, p. 134; *inversa*, Alph., Hor. Soc. Ent. Ross., XVI, p. 434; Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 495.

ab. nigrofasciata, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., I, p. 163.

ab. uhli, Kovats, Ent. Zeit., XII, 1899, p. 169.

ab. sareptensis, Stgr., Cat. 1871; Alph., Труды, etc., 1874; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1881, p. 260; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., I, p. 162.

v. alta, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1886, p. 200; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 323.

Группа II.

Типъ 4.

chrysotheme, Esp., Schmett., I, 2, 1780, t. 65, f. 3, 4; Hb., Eur. Schm., I, f. 426—428; Ochs., op. cit., I, 2, p. 178; God., Enc. meth., IX, p. 103; Boisd., Sp. Gén., I, p. 643, t. VI, f. 5; Icones, IX, f. 3, 4; Frr., op. cit., 301, f. 3, 4; Ev., Fauna V.-Ural., p. 78; Alph., Труды, etc., 1874; Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 494; Elwes, ibid.; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., I, p. 166; Lang, op. cit., t. 13, f. 2; May, Jahresber. d. Wien. Ent. Ver., 1894, p. 44, t. 1; Rühl., op. cit., p. 158, 727.

ab. ♀ standfussi, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXVII, 1893, p. 380.

ab. sibirica, Gr.-Gr., ibid.

v ? hurleyi, Aigner-Abafi, Rovartani Lapok, VIII, 1901, p. 30.

eurytheme [1]), Boisd., Ann. Soc. Ent. Fr., 1852, X, p. 286; Morris., Syn. of the descr. (*praec. var?*) Lep. N. Amer., 1862, p. 29; Reack., Proc. Ent. Soc. Phil., 1866, II, p. 136; Edw., Butt. of N. Am., I, Colias, t. III, f. 1—6; II, Colias, t. IV, f. 8; Proc. Calif. Acad., V, 1873, p. 162; Mead, Wheeler's Rep., V, 1875, p. 748; Boll., Deutsch. Ent. Zeit., XXIV, 1880, p. 241—248; French, Butt. East. U. S., 1886, p. 128—133; Maynard, Butt. N. E., 1886, p. 45, t. 7, f. 59, 59a; Cockerell Can. Ent., XX, 1888, p. 201; Skinner-Smith., Ent. New. Philad., XI; (*Eurymus*—), Scudd., The Butterfl. of the East U. S. and Can., etc., II, p. 1226—1136; *chrysotheme*, Boisd.-Leconte, Lep. Am. sept., 1836, p. 62; Boisd., Spec. Gén., p. 643 (pro parte); Morris., ibid., p. 28; Zeller, Stett. Ent. Zeit., XXXV, 1874, p. 437; Streck., Catal. of the Amer. Macrolep.; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 136; 1884, p. 6, 16; Hagen, ibid; *edusa*, Kirby, Fauna bor. Amer., IV, 1837, p. 287; Boisd.-Leconte, ibid., p. 59; *amphidusa*, Boisd., Ann. Soc. Ent. Fr., X, 1852, p. 286; Morris, op. cit., p. 29; *edusa v. californiana*, Mén., Cat. Mus. Petr., I, p. 80; ? *xenodice*, Feld., Wien. Ent. Mon., III, 1859, p. 394; V, 1861, p. 83; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 306.

ab. ♀ alba, Edw., Butt. of N. Am., I, Colias, t. III, f. 5, 6.

v. keewaydin, Edw., Butt. of N. Am., I, Colias, t. IV, f. 1—6, 8, 9; II, t. IV, f. 7; Mead, op. cit., p. 748; *chrysotheme* var., Streck., Catal. of the Am. Macrol.; Elw., ibid.; *chrysotheme*, Hagen, ibid.; *intermedia*, Cockerell. West. Am. Sc., IV, 1888, p. 42—43.

ab. ♀ alba, Streck., Catal., etc.; *pallida*, Cockerell, ibid; *keewaydin var.*, Butt. of N. Am., I, Colias, t. IV, f. 8, 9.

gen. Iariadne, Edw., Trans. Am. Ent. Soc., III, 1870, p. 12; Pac. coast. Lep., 1877, p. 121; Butt. of N. Am., II, Colias, t. IV, f. 1—6; *chrysotheme var.*, Hagen, ibid.; Elw., ibid.; *chrysotheme*, Streck., ibid.

---

[1]) Въ вышеприведенную таблицу географическаго распредѣленія рода Colias видъ этотъ не включенъ; онъ еще такъ мало обособился, что едва-ли не правильнѣе считать его разновидностью chrysotheme; во всякомъ случаѣ, по сравненію съ другими видами, онъ представлялъ бы тамъ далеко не равноцѣнную величину.

v. eriphyle, Edw., Trans. Am. Ent. Soc., 1876, V, p. 202; Bull. U. S. geol., geogr. surv., 1878, IV, p. 514; Calif. Acad. Col., p. 7; Can. Ent., XIX, 1887, p. 218—220; Pacif. Coast. Lep., p. 123; *philodice*, Elw., ibid.; *philodice var.*, Streck., Cat., etc.; *hagenii*, Edw., Papilio, III, 1883, p. 160, 161, 163, 164; Canad. Ent., XIX, 1887, p. 170—175, 218—220; *autumnalis*, Cockerell, ibid.

ab. ♀ flava, Streck., Catal., etc., (*chrysotheme v. flava*).

v? fumosa, Streck., Lep. Rhop. Het., suppl., 1900, p. 3; Dyar., A List of N. Am. Lep., 1902.

Типъ 5.

boothii, Curt., Ross. Voy., App., Nat. Hist., p. LXV, t. A, f. 3—5 (1835); ? H.-S., op. cit., I, f. 39, 40; Guenée, Ann. Soc. Ent. Fr., 1864, p. 198; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1866, p. 47; Hagen, ibid., p. 176; *edusa var.*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 136; *nastes var.*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 6, 25.

ab. chione, Curt., ibid., f. 6; Guené, l. c.

hecla, Lef., Ann. Soc. Ent. Fr., 1836, p. 383, t. 9, f. b 3—6; Auriv., Bih. Svensk. Ak. Handl., XV, 1890, p. 11, t. 2, f. 9, 10; Bean, Psyche, VII, p. 219—229; *glacialis*, Mc. Lachlan, Journ. Linn. Soc. Lond., XIV, 1878, p. 108; *hela*, Streck., Bull. Brookl. Ent. Soc. III, 1880, p. 33; *groenlandica*, Rühl, op. cit., p. 158.

ab. pallida, Skinn.-Mengel, Proc. Acad. Nat. Sc. Phil., 1892, p. 156.

v. orientalis, Gr.-Gr., Annuaire du Musée Zool. de l'Acad. Imp. d. Sc. de S. Pétersb., 1900, p. 458.

ab. ♀ nivea, Gr.-Gr. (alba) [1]).

v. sulitelma, Auriv., l. c., p. 12; Rühl, op. cit., p. 727; *boothii*, Wallengr., Skand. Dagf., p. 139; Boisd., Gen. Ind. méth., 1840, p. 7; H.-S. op. cit., I, f. 459, 460; *hecla*, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1861, p. 343; Kirby, Man. Eur. Butt., 1862, p. 17; Zett., Ins. Lapp., p. 908; Guenée, Ann. Soc. Ent. Fr., 1864, p. 198; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 6; Lang, op. cit., t. 13, f. 1; Rühl, op. cit., p. 157; *chrysotheme var.*, Werneb., Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 272; *edusa var.*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 176; *myrmidone var.*, Keferst., ibid.

ab. sandahli, Lampa, Ent. Tidskr., VI, 1885, p. 11; XIII, p. 249.

v. aquilonaris, Gr.-Gr., Annuaire du Musée Zool. de l'Acad. Imp. d. sc. de S. Pét., 1900, p. 457 (an species distincta?).

lada, Gr.-Gr., Horae Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 447; Rühl, op. cit., p. 158.

ab. ♀ oreas, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXVII, 1893, p. 383.

staudingeri, Alph., Hor. Soc. Ent. Ross., XVI, 1881, p. 368, t. 14, f. 3, 4; Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 493; Romanoff, Hor. Soc. Ent. Ross., XVII, 1882, p. 130; Rühl, op. cit., p. 729; *myrmidone var.*, Keferst., ibid.; *eogene var.*, Elw., ibid.

v. pamira, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, 1890, p. 334, t. IV, f. 2 a-c.; *pamiri*, Rühl, op. cit., p. 164.

v. maureri, Stgr., Catal. 1901 (an species distincta?).

regia, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., III, 1887, p. 398; IV, p. 335, t. V, f. 3 a-c; Rühl, op. cit., p. 161, 728.

---

[1]) См. выше, стр. 416.

eogene, Feld., Reise Nov., Lep., II, 1865, p. 196, t. 27, f. 7; Elw., ibid., p. 13; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 329; Nicév., Journ. Bomb. Soc., XIV, p. 249, t. ff, f. 12; *edusa v. fieldii*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880; p. 136; *myrmidone var.*, Keferst., ibid.

ab. ♀ cana, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 333.

v. erythas, Gr.-Gr., ibid., p. 332.

v. elissa, Gr.-Gr., ibid., p. 332, t. V, f. 1 a-c.

ab. hybrida, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXVII, 1893, p. 381.

v. leechi, Gr.-Gr., ibid, p. 382.

v. stoliczkana, Moore, The Annals a. Mag. of Nat. Hist., 1878, p. 229; Scient. Res. 2 Yark. Miss., 1879, p. 4, t. 1, f. 1; Elw., ibid.

ab. ♀ alba, Gr.-Gr.

v. arida, Alph., Mém. s. l. lép., V, 1889, p. 76; Gr.-Gr., ibid., p. 382 (♀); *stoliczkana*, Alph., Mém. s. l. lép., V, t. IV, f. 4 a, b.

ab. ♀ auritheme, Gr.-Gr., ibid., p. 383.

ab. et v. wanda, Gr.-Gr., ibid., p. 383; *stoliczkana*, Alph., ibid., f. 4c, d [1]).

v. miranda, Fruhst., Insect. Börse, 1903, 19, p. 148; Iris, 1903, p. 48, t. 1, f. 3, 4; Elw., Iris, 1903, p. 389.

Типъ 6.

meadii, Edw., Trans. Am. Ent. Soc., III, 1871, p. 267; Butt. of N. Amer., I, Colias, t. VIII, f. 6—9; Canad. Ent., XXI, p. 41—43; Mead, op. cit., p. 750; Zeller, Stett. Ent. Zeit., 1874, p. 437; Hagen, ibid.; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 8; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 246; Bean, Psyche, VII, p. 219—229; *boothii var.*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 136.

v? ab? andelis, Edw., Canad. Ent., XXIV.

elis, Streck., Proc. Acad. Nat. Sc. Phil., 1885, p. 24; Bean, Can. Ent., XXII, p. 96—99; Psyche, VII, p. 219—229.

hyperborea, Gr.-Gr., Annuaire du Musée Zool. de l'Acad. Imp. d. sc. de St. Pétersb., 1900, p. 455; Herz, Annuaire, etc., 1903, p. 67.

Типъ 7.

viluiensis, Mén., Bull. Acad. Petr., XVII, 1859, p. 213; Schrenk's Reis. Amur., II, Lep., p. 18, t. 1, f. 7; Rühl., op. cit., p. 159; Alph., Mém. s. l. lép., IX, p. 185, t. 5, f. 1 a-f; Herz, l. c., p. 66; *aurora var.*, Keferst., ibid.

ab. ♀ chloris, Gr.-Gr., (alba).

v. chilkana, Aust., Le Natural., 1898, p. 202; ? *dahurica*, Aust., Le Natural., 1899, p. 285; *viluiensis*, Alph., ibid.; Graes., Berl. Ent. Zeit., XXXVII, p. 210.

Типъ 8.

cocandica, Ersch., Пут. въ Турк. Федченко, II, V, чешуекр., 1874, стр. 6, т. 1, ф. 3; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 326, t. 3, f. 1 a-c; Rühl, op. cit., p. 150.

---

[1]) Дополняю діагнозъ этой разновидности, данный мною въ 1893 году:

Alae ♀: subvirides aut virides; anticarum limbo externo latiore, disco partim aut omnino nigricanti; disco posticarum nigro-fusco, macula discocellulari aurantiaca.

Эта высоко-альпійская форма eogene-arida, попадаясь въ Южно-Куку-нор'скихъ горахъ на ряду съ этой послѣдней, на плоскогоріи сѣверо-восточнаго Тибета вытѣсняетъ ее уже окончательно.

ab. ♀ galba, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXVII, 1893, p. 381.

ab. hybrida, Gr.-Gr. l. c., p. 380.

v. leechii, Elw., Journ. Bomb. Nat. Hist. Soc., XI, 1897, p. 466; *phicomone v. phila*, Fruhst., Iris, 1903, p. 48; Elw., Iris, 1903, p. 389.

v. maja, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 447; Rühl, op. cit., p. 151.

v. grumi, Alph., Mém. s. l. lép., IX, 1897, p. 233.

v. tamerlana, Stgr., Iris, X, 1897, p. 152, t. 5, f. 1, 3; *obscura*, Aust., Le Natural., 1898, p. 202.

v. mongola, Alph., Mém. s. l. lép., IX, 1897, p. 188; *nastes var?*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1899, p. 319.

nastes, Boisd., Icon. hist. d. Lép., 1832, p. 245, t. 8, f. 4, 5 (ab.); Spéc. gén., I, p. 648; Dup., Hist. nat. des Lép., etc., suppl., I, 1832, t. 15; H.-S., op. cit., t. 7, f. 37, 38, t. 84, f. 401, 402; Möschl., Wien. Ent. Mon., IV, 1860, p. 354, t. 9, f. 1, 2 (ab); Moriss., Syn. of the descr. Lép. N. Am., 1862, p. 30; Edw., Butt. of N. Am., II, Colias, t. 1, f. 1—4; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 137, 1884, p. 13; Hagen, ibid. Holland, The Butterfly Book, p. 293, t. 36, f. 11, 12; *hyale var.*, Warneburg, Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 272.

ab. rossii (v?), Guenée, Ann. Soc. Ent. Fr., 1864, p. 199—200; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 137, 1884, p. 6.

v. streckeri, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXIX, 1895, p. 290; Dyar, A list of N. Amer. Lep., 1902.

v. moina, Streck., Bull. Brookl. Ent. Soc., III, 1880, p. 34; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 6; Skinner, op. cit., 425; Dyar, ibid.

v. werdandi, Zett., Ins. Lap., p. 908; Wallengren, Skand. Dagf., 1853, p. 142; Möschl., ibid.; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 45; Lang, op. cit., t. 12, f. 1; Lampa, Ent. Tidskr., XIII, p. 249; *nastes*, Auriv., Ent. Tidskr. V, p. 203, 230; *palaeno var.*, Werneburg, ibid.

ab. immaculata, Lampa, Ent. Tidskr., VI, 1885, p. 11.

ab. sulphurea, Lampa, ibid., p. 10.

ab. christiernssoni, Lampa, ibid., p. 11.

v. herzi, Stgr., Catal. 1901; Herz, ibid., p. 65.

v. melinos, Ev. Bull. Moscou, 1847, III, p. 72, t. 3, f. 3—6; H.-S., op. cit., f. 624—627; Brem., Lep. Ost.-Sib., p. 10; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 46; Iris, V, p. 312; Rühl, op. cit., p. 152; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 137, 1884, p. 6, 1899, p. 319; *chloë*, Ev., ibid, p. 73, t. 4, f. 1, 2 (pro parte); ? *vitimensis*, Aust., Le Natural., 1899, p. 285; Herz, ibid.

behrii, Edw., Proc. Ent. Soc. Phil., VI, 1866, p. 201; Butt. of N. Amer., I, Colias, t. II, f. 5—7; Hagen, ibid.; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 6; *nastes var.*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 137.

phicomone, Esp., Schmett., 1, 2, 1780, t. 56, f. 1, 2; Hb., Eur. Schm., I, f. 436, 437; Ochs., op. cit., I, 2, p. 180; God., Enc. meth., IX, 1819, p. 100; Boisd., Spéc. gén., I, p. 649; H.-S., I, f. 399, 400; Lang, op. cit., t. 12, f. 2; Rühl, op. cit., p. 152, 724; *vautieri*, Boisd., Spéc. gén., p. 649 (pro parte); *hyale var.*, Werneb., Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 272; ? *helice*, God., Lép. Fr., II, t. 4, f. 4.

Типъ 9.

montium, Oberth., Etudes d'Entom., XI, 1886, p. 16, t. 6, f. 1; Leech, Butt. from China, etc., p. 436, t. 34, f. 15; Rühl, op. cit., p. 154, 725.

Типъ 10.

alpherakii, Stgr., Berl. Ent. Zeit., XXVI, 1882, p. 164; Alph., Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 494; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 23; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 337, t. 3, f. 2 a-c; Rühl, op. cit., p. 151, 724; *nastes var.*, Keferst., ibid.

ab. ♀ leucophryna, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XVII, p. 381 [1]).

v. roschana, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XVII, p. 381.

Типъ 11.

sifanica, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 447; Rühl, op. cit., p. 151.

v. nebulosa, Oberth., op. cit., XIX, p. 8, t. 8, f. 65.

ladakensis, Feld., Reise Nov., Lep., II, p. 197, t. XXVII, f. 8, 9; Elw., ibid., p. 24; *shipkee*, Moore, Proc. Zool. Soc. Lond., 1865, p. 492, t. XXXI, f. 13; *phicomone var.*, Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 137.

Типъ 12 [2]).

sieversi, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., III, 1887, p. 397; IV, p. 324, t. 3, f. 3 a-d; Rühl, op. cit., p. 151.

Типъ 13.

christophi, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., II, 1885, p. 220; IV, p. 340, t. 4, f. 1 a-c.; Rühl, op. cit., p. 147; *wiskotti aber.*, Stgr., Berl. Ent. Zeit., XXVI, p. 167.

Группа III.

Типъ 14.

sagartia, Ld., Hor. Soc. Ent. Ross., VI, 1869, p. 75, t. 4, f. 1, 2; Chr., Hor. Soc. Ent. Ross., X, 1872, p. 20; Alph., Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 494; Elw., l. c., 1880, p. 137, 1884, p. 6.

erschoffi, Alph., Hor. Soc. Ent. Ross., XVI, 1881, p. 362, t. XIV, f. 1, 2 (♀); Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 494; Rühl, op. cit., p. 154, 725; *aurora*, Alph., Hor., etc., XVI, p. 375; Romanoff, Hor., etc., XVII, t. V, f. 5 (♀); *alpherakii var.* ? Elw., ibid., p. 6; *tancrei*, Aust., Le Natur., 1890, p. 94.

romanovi, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., II, 1885, p. 229; III, p. 398; IV, p. 342, t. 5, f. 2 a-c.; Rühl, op. cit., p. 164.

Типъ 15 [3]).

ponteni, Wallengr., Wien. Ent. Mon., 1860, p. 33; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1880, p. 137; Keferst., ibid.; *imperialis*, Butl., Proc. Zool. Soc. Lond., 1871, p. 250, t. XIX, f. 2; Elw., l. c., 1880, p. 137; 1884, p. 6; Reed, Mariposas Chilenas, 1877, p. 16.

---

[1]) Штаудингеръ въ Catalog 1901, стр. 16, пишетъ: „sec. unam ♀ sulph. descripta", между тѣмъ какъ у меня только сказано: „forma dimorpha rarissima, quae tamen probabiliter in montibus Turkestaniae passim occurrit". Одно не равносильно другому. Въ дѣйствительности я видѣлъ ихъ нѣсколько; изъ двухъ же экземпляровъ моей коллекціи одинъ, кажется—въ 1893 году, переуступленъ былъ г. Wiskott'y.

[2]) Не правильнѣе ли было бы выдѣлить этотъ типъ въ отдѣльную группу?

[3]) Включаю Colias ponteni въ группу III безъ твердыхъ къ сему основаній; въ натурѣ вида этого мнѣ не довелось видѣть.

Группа IV.

Типъ 16.

thisoa, Mén., Cat. rais., 1832, p. 244; Enumeratio corp. anim. Musei Imp., etc., I, p. 78, t. 1, f. 6; Boisd., Spéc. gén., I, p. 636; Led., Ann. Soc. Belg., XIII, p. 20, t. 1, f. 1, 2 (?); Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1866, p. 49; Berl. Ent. Zeit., XXVI, 1882, p. 167; Alph., Hor. Soc. Ent. Ross., XVI, p. 373, 433; Stett. Ent Zeit., 1883, p. 493; Romanoff, Hor. Soc. Ent. Ross., XVII, t. V, f. 1, 2; Elw., l. c., 1884, p. 6; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 346; Rühl, op. cit., p. 159; *eos*, H.-S., op. cit., VI, p. 22, f. 395, 396; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1866, p. 49; Romanoff, ibid., p. 129; *myrmidone ab.*, Werneb., Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 272; *aurorina ab.* ?, Ersch., Труды Русск. Энт. Общ., IV, 1870, стр. 191; *myrmidone var.*, Chr., Hor. Soc. Ent. Ross., X, 1872, p. 21; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1881, p. 260; Keferst., ibid.; *edusa var.*, Elw., l. c., 1880, p. 136.

v. aeolides, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 346.

Группа V.

Типъ 17.

felderi, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 448.

Группа VI.

Типъ 18.

lesbia, F., Syst. Ent., 1775, p. 477; Donovan, Nat. rep., 1824, t. 50; Boisd., Spéc. gén., I, p. 640; Butl., Cat. Fabr., 1870, t. 2, f. 2; Elw., l. c., 1880, p. 137, 141; 1884, p. 13; Keferst., ibid.; *pyrrothea* (*Colotis*—), H.b, Samml. Exot. Schmett.; (*Colias*—), Boisd., Spéc. gén., I, p. 640; Capr., Ann. Soc. Ent. Belg., XVII, 1874, p. 12; Keferst., ibid.; Stgr., Exot. Schmett., I, p. 41; Iris, VII, 1894, p. 64 (forma vix nominanda, multis transitis cum lesbia conjuncta).

ab. ♀ heliceoides, Capr., ibid.

v. andina, Stgr., Iris, VII, 1894, p. 64 (vix nominanda).

v? arena, Stgr., Hamburg. Magalhaens, IV, p. 23.

v? antarctica, Stgr., ibid.

aurora, Esp., Schmett., I, 2, 1780, t. 83, f. 3; Hb., Eur. Schmett., I, f. 544, 545; Ochs., op. cit., I, 2, p. 176; Boisd., Sp. gén., I, p. 641; Icon., t. 7, f. 1—4; Dup., Hist. nat. des Lép., suppl., I, t. 6; Mén., Enumer., etc., I, p. 81, 100, t. VIII, f. 1, 2; Ev., Bull. Mosc., 1837, p. 25; H.-S., op. cit., f. 204, 205, 405, 406; Brem., Lep. Ost.-Sib., p. 9; Elw., l. c., 1884, p. 5; Keferst., ibid.; Graes., Berl. Ent. Zeit., XXXII, p. 69; Stgr., Iris V, p. 313; Rühl, op. cit., p. 169; *heos*, Herbst., Nat. Schm., 1792, V, t. 114, f. 5, 6; *sibirica*, Ld., Verh. zool.-bot. Ges. in Wien, 1853, p. 18; *myrmidone var.*, Werneb., Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 272; *edusa var.*, Elw., l. c., 1880, p. 136.

ab. ♀ chloë, Ev., Bull. Moscou, 1847, p. 73 (pro parte), t. IV, f. 3, 4; H.-S., op. cit., 1850, f. 457, 458; Brem., Lep. Ost.-Siber., p. 9; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1862, p. 258, 1866, p. 19.

ab. ♀ intermedia, Gr.-Gr. [1]).

v. decolorata, Stgr., Iris, 1897, X, p. 322.

---

[1]) Alba; pars centralis paginae anticarum aurantiaco squamata. In valle fl. Ienissei passim occurrit.

*

diva, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 449; Rühl, op. cit., p. 170.

ab. ♀ doris, Gr.-Gr. [1]).

ab. ♀ isse, Gr.-Gr. [2]).

aurorina, H.-S., op. cit., f. 453—456 (1850); Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1862, p. 259; 1866, p. 48; Led., Hor. Soc. Ent. Ross., VI, 1869, p. 74; 1871, VIII, p. 7; Ann. Soc. Belg., XIII, p. 19; Elwes, l. c., 1884, p. 5; Romanoff, Mém. s. l. lép., I, p. 47; *tamara*, Nordm., Bull. Moscou, 1851, p. 413, t. 11, f. 2, 3; Stgr., Catal. 1861; *chrysocoma*, Ev., Bull. Moscou, 1851, p. 622; Mén., Enumeratio corp. anim. Musei Imp., etc., I, p. 80; *chrysocome*, Frr., N. Beitr., VI, 1854, t. 566, f. 1, 2; ? *thisoa*, H.-S., Nahtr. z. I Bde, p. 22, suppl. 3; *edusa var.*, Werneb., Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 272; Elw., l. c., 1880, p. 136; *aurora var.*, Keferst., ibid.; *myrmidone*, Romanoff, Hor. Soc. Ent. Ross., XVII, p. 129, 131; Mém. s. l. lép., I, p. 46; *alba* (*ab*), Rühl, op. cit., p. 730.

ab. ♀ venus, Gr.-Gr., (rutila); *aurorina*, Ld., Hor. Soc. Ent. Ross., 1871, VIII, p. 7; *olga aberr.*, Romanoff, Hor. Soc. Ent. Ross., XVII, 1882, t. IV, f. 4 (aberr.).

v. libanotica, Ld., Wien. Ent. Mon., 1858, p. 140, t. 2, f. 1, 2; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1862, p. 260; 1866, p. 48; Hor. Soc. Ent. Ross., 1870, p. 41; Chr., Hor. Soc. Ent. Ross., 1872, X, p. 22; Romanoff, Hor. Soc. Ent. Ross., XVII, t. 5, f. 3; *myrmidone var.*, Werneb., ibid.; *aurora var.*, Keferst., ibid.; ? *aurora v. anna*, Gerhard, Berl. Ent. Zeit., 1882, p. 125; *taurica*, Rebel, Verhandl. d. k.-k. zool.-bot. Ges. in Wien, 1901, p. 310.

ab. ♀ vesta, Gr.-Gr. (alba).

v. heldreichi, Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1862, p. 257; Millière, Iconographie et descr., etc., I, p. 335, t. 40, f. 1—4; Lang, op. cit., t. 14, f. 3; Rühl, op. cit., p. 167; *fountainei*, Aigner-Abafi, Rovartani Lapok, VIII, 1901.

ab. ♀ vestalis, Gr.-Gr. (alba).

v. transcaspica, Chr., Mém. s. l. lép., V, p. 4, t. 1, f. 1; *aurorina*, Chr. l. c., I, p. 101.

chlorocoma, Chr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXII, 1888, p. 308; Mém. s. l. lép., V, p. 193, t. 9, f. 1 a-d; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 247.

Группа VII.

Типъ 19.

olga, Romanoff, Hor. Soc. Ent. Ross., XVII, 1882, p. 127, t. IV, f. 1, 2; Alph., Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 493; Rühl, op. cit., p. 169; *myrmidone var.* ? Ld., Ann. Soc. Belg., XIII, p. 20; *caucasica*, Stgr., Catalog 1871, Catalog 1901 (descriptione non sufficiente); *alba* (ab ♀), Rühl, op. cit., p. 731.

ab. ♀ phryne, Gr.-Gr. (rutila) [3]).

myrmidone, Esp., Schmett., I, 2, 1780, t. 65, f. 1, 2; Hb., Eur. Schmett., I, f. 432, 433; Ochs., op. cit., I, 2, p. 177; Dup., op. cit., suppl., I, t. 14, f. 3, 5; Boisd., Spec. gén., I, p. 637; Icon., t. 9, f. 1, 2; Tr., Schmett. v. Europa, X, I, p, 91; Zell., Isis, 1847, p. 229—233; Gartn., Wien. Ent. Mon.,

---

[1]) Alba aut sulphurea, in parte centrali paginae anticarum, rarius omnium, aurantiaco squamata.

[2]) Alba.

[3]) У Colias olga бѣлая форма самки замѣтно преобладаетъ; красная же попадается у нея не чаще, чѣмъ бѣлая у Colias myrmidone.

1861, p. 306; Werneb., Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 272; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1866, p. 47; Keferst., ibid.; Alph., Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 193; Elw., Trans. Ent. Soc. Lond., 1884, p. 5; Lang, op. cit., t. 13, f. 4; *edusa var.*, Elw., l. c., 1880, p. 136.

ab. ♀ alba, Stgr., Catalog 1871; *myrmidone ab.*, H.-S., op. cit., f. 393, 394.

v. ermak., Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 301; *myrmidone*, Ev., Fauna Volgo-Ural., p. 77; Romanoff, Hor. Soc. Ent. Ross., XVII, t. V, f. 4.

v. balcanica, Rebel, Verhandl. der k-r. zool.-bot. Ges. in Wien, 1901, p. 134.

fieldii, Mén., Enumeratio, etc., 1855, I, p. 79, t. 1, f. 5; Alph., Stett. Ent. Zeit., 1883, p. 492; Elw., l. c., 1884, p. 7, 1888, p. 414; Oberth., Et. d'Ent., IX, 1886, p. 17; Leech, Butt. from China, etc., II, p. 438, t. 35, f. 6, 7; Rühl, op. cit., p. 165; *edusa?* Gray, Lepid. Nepal., t. V, f. 2; *edusa var.*, Werneb., Stett. Ent. Zeit., 1865, p. 272; *myrmidone*, Koll., Hügels Kaschmir, p. 411; Elw., Proc. Zool. Soc. Lond., 1882, p. 401; *myrmidone var.*, Moore, Proc. Zool. Soc. Lond., 1865, p. 292; *aurora var.*, Keferst., ibid.

ab. ♀ albicoma, Gr.-Gr. (alba); *fieldii ab.*, Leech, op. cit., p. 438.

edusa, Fabr., Mant. Ins., 1787, II, p. 23; Borkh., Rhein. Mag., 1793, I, p. 231; Ochs., op. cit., I, 2, p. 173; God., Enc. meth., IX, 1819, p. 101; Boisd., Spéc. gén., I, p. 638; Ev., Fauna Volgo-Ural., p. 77; Zell., Isis, 1847, p. 229; Stgr., Stett. Ent. Zeit., 1866, p. 47; Fitch, Entomologist, XI, 1878, p. 49, t. 1; Barrett, Brit. Lep., t. 6; Rühl, op. cit., p. 162, 729; *hyale*, Esp., Schmett., etc., I, 1, 1777, t. 4, f. 3, 1778, t. 26, f. 3; Hb., op. cit., I, f. 329—331; Borkh., Naturgeschichte d. eur. Schm., I, 119, 254, II, 213; *croceus*, Fourcz., Ent. Par., II, 1785, p. 250; *electra*, Lew., Ins. Britt., 1795, I, t. 31; *chrysotheme*, Steph., Brit. Ent. Haust., 1827, I, p. 11, t. 2, f. 1, 2; *myrmidone*, Westw., Brit. But., 1841, p. 130, t. 42, f. 1—3; *helena*, H.-S., Eur. Schm., I, 1844, f. 206, 207; *v? faillae*, Stefanelli, Bull. Soc. Ent. Ital., XXXI, p. 187; *v? paveli* Aigner-Abafi, Rovartani Lapok, VIII, 1901, p. 30.

ab. ♀ helicina, Oberth., Bull. de la Soc. Ent. de France, 1880, p. 145; Etudes d'Entom., XX, t. 6, f. 96; *aubuissoni*, Carad., Iris, VI, p. 171.

ab. ♀ helice, Hb., op. cit., f. 440—441; Haworth, Lepid. Britt., 1803, p. 12; Ochs., op. cit., I, 2, p. 176; Lang, op. cit., t. 14, f. 8; Fitch, l. c.; Barrett, l. c., t. 6, f. 1 c-e; Tutt, The Entomologist's Record, IV, p. 29, t. 1, f. 15—17; Frohawk, Entomologist, XXXIV, p. 2; *hyale var.*, Esp., op. cit., t. 66, f. 1.

v. pyrenaica, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXVII, 1893, p. 383.

electra, L., Syst. Nat., 1767, I, 2, p. 764; God., Enc. méth., IX, p. 102; Boisd., Spéc. gén., I, p. 637; Trimen, Rhop. Afr. Austr., 1862—1866, p. 71, 332; Elw., l. c., 1884, p. 5; *hyale*, Cram., Pap. Ex., IV, 1782, t. 351, f. E, H.; *palaeno*, Cram., ibid., t. 340, f. A, B; *edusina*, Feld., Wien. Ent. Mon., 1860, IV, p. 100; *edusa var.*, Elw., l. c., 1880, p. 136.

Группа VIII.

Типъ 20.

wiscotti, Stgr., Berl. Ent. Zeit., 1882, XXVI, p. 166, t. 2, f. 9, 10; Iris, IV, p. 230; Elw., l. c., 1884, p. 5; Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 347; Rühl, op. cit., p. 145; *sagina*, Aust., Le Natur., 1891, p. 99; Stgr., Iris, IV, p. 232; Rühl, op. cit., p. 147.

ab. ♀ leuca, Stgr., ibid., p. 167.

v. separata, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXII, 1888, p. 305; Mém. s. l. lép., IV, p. 349, t. 4, f. 3 a, b.

ab. ♀ leucotheme, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 351.

v. seres, Gr.-Gr., ibid., p. 353; *aurantiaca*, Stgr., Iris, IV, 1891, p. 231.

v. chrysoptera, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXII, 1888, p. 305; Mém. s. l. lép., IV, p. 351.

ab. ♀ leucoptera, Gr.-Gr.; *leuca*, Gr.-Gr., Mém. s. l. lép., IV, p. 352.

v. draconis, Gr.-Gr., Hor. Soc. Ent. Ross., XXV, 1891, p. 465 [1]).

Группа IX.

Типъ 21.

vautieri, Guér., Voy. Coqu., 1829, t. 15, f. 2; Boisd., Spéc. gén., p. 640 (pro parte ♀); Blanch.-Gay, Fauna Chil., 1852, VII, p. 18; Reed, Mariposas Chil., 1877, p. 15; Actes de la Soc. scient. du Chili, 1892, p. 68; Elw., l. c., 1880, p. 142; 1884, p. 3; Butl., Trans. Ent. Soc. Lond., 1881, p. 470; Stgr., Exot. Schmett., I, p. 41, t. 22 (♂ ♀); *rutilans*, Boids., Spéc. gén., p. 642, t. 19, f. 3 (♀); Blanch.-Gay, Fauna Chil., VII, p. 18, t. 1, f. 7 a, b; Reed, Mariposas Chil., t. I, f. 3, 4; Butl.; ibid., *flaveola*, Blanch.-Gay, Fauna Chil., 1852, VII, p. 19, t. 1, f. 6 a, b; Reed, ibid.; p. 18; Elw., l. c., 1880, p. 142; *miniscula*, Butl., ibid., t. XXI, f. 11; Elw., l. c., 1884, p. 9—11.

v? cunninghamii, Butl., ibid., p. 471; Elw., ibid., p. 10.

Группа X.

Типъ 22.

euxanthe, Feld., Reise Novara, II, 1865, p. 196; Elw., l. c., 1880, p. 143; 1884, p. 12; Keferst., ibid.; Weymer, Stübel Reise, p. 72, t. III, f. 17; Stgr., Iris, VII, 1894, p. 64; *hermina* (*Scalidoneura*—), Butl.; *dinora*, Kirby, Trans. Ent. Soc. Lond., 1881, p. 358; Elw., l. c., 1884, p. 12.

ab. ♀ albula, Gr.-Gr. (alba).

Типъ 23.

dimera, Doul.-Hew., Genera Diurn. Lep., 1847, t. 9, f. 3 (♂); Streck., Lep. Rhop. and Heter., 1872, p. 27, t. IV, f. 3, 4 (♀); Elw., l. c., 1880, p. 143; 1884, p. 12; Keferst., ibid.; *erythrogramma*, Koll., Denkschr. Akad. Wiss. Wien, Math. Nat. Cl., I, 1850, p. 363, t. 45, f. 13, 14; *semperi*, Reakirt (?).

---

[1]) Ошибочно показана мною водящейся на Памирѣ; въ дѣйствительности она была найдена въ горномъ районѣ къ западу отъ оз. Иссыкъ-куля.

Въ этотъ списокъ не вошли двѣ совершенно неизвѣстныя мнѣ формы: Colias aurivillius, Keferst., изъ Абиссиніи, и Colias hecate, Streck., изъ Боливіи. Я сомнѣваюсь, однако, чтобы это были самостоятельные виды.

Кромѣ представителей родовъ Parnassius и Colias къ числу автохтоновъ Восточно-Тибетскаго нагорья слѣдуетъ отнести слѣдующіе виды Rhopalocera:

Aporia peloria, Hw. Въ родѣ Aporia видъ этотъ занимаетъ совершенно обособленное мѣсто и нигдѣ болѣе, кромѣ окраинъ Тибета, не встрѣчается.

Baltia butleri, Moore. Я отсылаю читателя къ тому, что я писалъ объ этой бѣлянкѣ выше, на стр. 299—300 второго тома настоящаго труда. Fruhstorfer, описывая Baltia sikkima («Iris», 1903), говоритъ, что она отличается отъ butleri и shawi болѣе заостренными крыльями, иными словами, что она еще болѣе напоминаетъ боливійскихъ Baltia (Phulia), чѣмъ эти послѣднія.

Erebia herse, Gr.-Gr. Эта бабочка является членомъ рѣзко обособленной группы видовъ въ родѣ Erebia, къ тому же свойственной исключительно Памиро-Тибетской сушѣ. Ее образуютъ слѣдующіе шесть видовъ: hades, Stgr., shallada, Lang, maracandica, Ersch., herse, Gr.-Gr., kalinda, Moore, и mani, Nicév.

Oeneis buddha, Gr.-Gr. Видъ рѣзко обособленный среди другихъ видовъ рода Oeneis и нигдѣ, кромѣ восточной окраины Тибета, не найденный.

Satyrus pumilus, Feld. Характерный для Тибетскаго нагорья видъ, которой едвали правильно включенъ Staudinger'омъ въ родъ Satyrus. Lionel de Nicéville находитъ, что онъ представляетъ достаточно данныхъ для того, чтобы быть выдѣленнымъ въ особый родъ—Paroeneis. Felder отнесъ его къ роду Oeneis.

Polycaena lua, Gr.-Gr.

Polycaena princeps, Oberth. Оба вида принадлежатъ къ роду, свойственному только Памиро-Тибетской сушѣ и находившейся съ нею въ ближайшей территоріальной связи части Тянь-шан'я.

Lycaena dis, Gr.-Gr. Своеобразный видъ, примыкающій къ видамъ группы orbitulus.

Съ меньшей увѣренностью можно отнести къ числу автохтоновъ Тибета слѣдующіе виды ганьсуйской фауны Rhopalocera: Pieris deota, Nicév., Melitaea agar, Oberth., M. chuana, Gr.-Gr. (arcesia), M. iezabel, Oberth. (asteroidea), Argynnis eva, Gr.-Gr. (gong), Arg. rhea, Gr.-Gr. (eugenia) [1]), Arg. clara, Blanch., Coenonympha

[1]) Для этого вида трудно сейчасъ указать то направленіе, въ какомъ онъ распространялся: изъ Сибири въ Тибетъ или наоборотъ.

semenovi, Alph., всѣхъ Pamphila и Hesperia bieti, Oberth. Что же касается сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ, то выдѣлить среди нихъ автохтоновъ еще труднѣе. Съ полною достовѣрностью можно указать теперь лишь на представителей слѣдующихъ родовъ: Dasorgyia, Haderonia, Blepharidia, Anartomorpha, Omorphina и Grumia. Также вѣроятно, что къ числу этихъ послѣднихъ придется отнести и представителей рода Isochlora.

Конецъ.

Въ поискахъ «бѣловодья».

Уходъ алтайскихъ старовѣровъ въ Китай въ поискахъ «бѣловодья», начиная съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія [1]) случался неоднократно. Самая большая ихъ партія ушла за границу въ 1860 году, и о ней-то Н. М. Пржевальскій, въ бытность свою на Лобъ-норѣ, слышалъ отъ туземцевъ слѣдующій разсказъ [2]).

На Лобъ-норъ русскіе явились неожиданно, сперва четверо, а мѣсяцевъ восемь спустя человѣкъ сто, съ женами и дѣтьми. Всѣ они отлично говорили по киргизски, что объяснили совмѣстною съ киргизами жизнью на родинѣ; причиною же переселенія выставляли гоненіе своей вѣры. Поселились пришельцы близь развалинъ города Лобъ и въ Чархалыкѣ, гдѣ вскорѣ выстроили себѣ дома и завели пашни. Съ туземцами они жили въ согласіи, но между собою не ладили. Впрочемъ, имъ не долго пришлось жить въ низовьяхъ Тарима. Не прошло и года, какъ сюда прибылъ съ китайскими солдатами турфанскій князь, который и разорилъ ихъ поселеніе. Сначала они хотѣли было оказать князю сопротивленіе, обманнымъ образомъ пытались даже втравить въ распрю туземцевъ, но когда это не удалось, то сдались ему. И ознаменовался этотъ день стономъ и воплями. Четыре семьи ушли въ Са-чжоу; тамъ всѣ мужчины, по приказанію китайскаго чиновника, были казнены, а что сталось съ женщинами—неизвѣстно. Неизвѣстна также дальнѣйшая судьба и тѣхъ русскихъ, которые уведены были княземъ въ Турфанъ.

---

[1]) Первая партія русскихъ старовѣровъ ушла въ Китай въ 1840 году. Слѣдуя вверхъ по рѣкѣ Уленгуркѣ, она въ Ильинъ день достигла высокой горы Чокуртай, которую и назвала Ильинской. Здѣсь она задержалась на нѣкоторое время, послѣ чего продолжала свой путь, но въ какомъ направленіи—въ точности неизвѣстно. Неизвѣстна также и дальнѣйшая судьба этой партіи.

[2]) „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи“, стр. 317.

Къ этому Пржевальскій,—повидимому, изъ другого источника,—добавляетъ: «Говорятъ, нѣсколько человѣкъ тѣхъ же русскихъ пробрались впослѣдствіи на Или, гдѣ выдали себя за магометанъ и были ласково приняты кульджинскимъ султаномъ».

Въ дѣйствительности, однако, судьба этихъ старовѣровъ была далеко не столь печальной, какъ о томъ повѣствуетъ вышеприведенный разсказъ.

Полагая, что разсказъ одного изъ участниковъ этого удивительнаго похода русскихъ крестьянъ за Алтынъ-тагъ, къ подножію высокаго Тибета, представляетъ выдающійся интересъ, я привожу его ниже почти въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ былъ г. Киселевымъ со словъ крестьянина Ассана Емельянова Зырянова, уроженца деревни Бѣлой [1]).

«Въ 1860 году насъ, крестьянъ деревни Бѣлой, Печи, Солоновки, Осочихи и другихъ, Змѣиногорскаго уѣзда, Томской губерніи, съ женами и дѣтьми, собралось 130 человѣкъ, и задумали мы идти въ Китай искать свободныхъ и привольныхъ земель для поселенія. Вожакомъ былъ мой покойный родитель, ходившій и ранѣе сего въ Китай. Къ тому же онъ былъ настоящій язычникъ, хорошо зналъ, кромѣ киргизскаго, языки калмыцкій и китайскій. Билетовъ заграничныхъ выбрано нами не было, такъ какъ уходили мы тайкомъ отъ начальства. Выступили всѣ одновременно, верхами. Скарбъ, какой съ нами былъ, припасъ на дорогу и прочее шло съ нами также на лошадяхъ вьючнымъ порядкомъ. Все же бабы и дѣтки были помѣхой, и шли мы не гораздо чтобъ шибко. Изъ деревни Бѣлой сперва вышли на озеро Марка-куль, а отъ него свернули на рѣчку Черный Иртышъ. Путь тутъ трудный, горами, мѣстами по камнямъ, и такой путины до рѣки Кабы, что впала въ Черный Иртышъ, три дня ходу. Отъ Кабы до Бурчума еще шли два дня и тутъ переправились (черезъ Черный Иртышъ). Потомъ шли сухою страной, черезъ малыя горы (хребетъ Коксунъ) два дня и вышли къ озеру Уленгуръ (Улюнгуръ). Его мы обошли съ востока по дорогѣ между двумя озерками съ соленой водой: въ одномъ соль по берегамъ была бѣлой, разсыпчатой, въ другомъ—грязная, въ комьяхъ. Засимъ, стали таборомъ на рѣчкѣ Уленгуркѣ (Урунгу), ниже мѣстечка Булунъ-тохой, заселеннаго, какъ и вся долина Уленгурки, торгоутъ-калмаками. Торгоуты вы-

---

[1]) Иначе—Бѣловской, въ долинѣ одного изъ правыхъ притоковъ верхней Бухтармы.

сѣваютъ хлѣба (пшеницы и проса) мало, а больше живутъ охотой и скотоводствомъ. Промышляютъ звѣрей: сайгаковъ, кулановъ и волковъ, въ особенности послѣднихъ, такъ какъ ихъ въ этихъ мѣстахъ, сказывали намъ, пропасть.

«Отъ рѣчки Уленгурки шли сухой степью, по колодцамъ. Такихъ переходовъ до рѣчки Кобука было четыре. Отъ рѣчки Кобукъ на слѣдующій день дошли до озера Номъ [1]), къ которому подходитъ большая крутая гора изъ сѣраго точильнаго камня. Отъ озера вновь шли съ недѣлю голодною степью по колодцамъ съ горькой водой, а тамъ пришли въ китайскій городъ Манасъ [2]).

«Манасъ—большой торговый городъ и обнесенъ крѣпостью. Въ немъ проживаютъ главнѣйше китайцы, которые занимаются хлѣбопашествомъ, имѣютъ также бахчи и огороды, еще разводятъ сады, отъ коихъ имѣютъ для продажи урюкъ, черносливъ (?) [3]), виноградъ и яблоки; еще сѣютъ макъ и хлопокъ. Изъ хлопка дѣлаютъ дабу и отправляютъ ее караванами въ Кульчжу. Базаръ въ Манасѣ большой, и торгуютъ тамъ бойко.

«Главный начальникъ Манаса прозывается амба. Онъ прислалъ къ намъ чиновника спросить, кто мы, куда и зачѣмъ идемъ. По совѣту отца, мы сказались кэмчуками; а кто такіе эти кэмчуки, и сами того не знали; а знали только, что гдѣ то далеко въ Китаѣ живутъ сходственные съ киргизами кэмчуки; того ради, для сходства, стало быть, всѣ коротко остриглись. Амба намъ повѣрилъ и препятствія къ поиску свободныхъ земель не учинилъ.

«Изъ Манаса черезъ три дня пришли въ городъ Санжу (Чанъцзи), поменьше Манаса. Въ садахъ его растутъ, между прочимъ, деревья съ листьями величиной съ ладонь, выходящими прямо изъ ствола, одинъ возлѣ другого. Деревья—высокія и имѣющія кору, какъ у нашей осины (?). Занятія жителей здѣсь такія же, какъ и въ Манасѣ.

«Отъ города Санжи мы пошли къ горамъ. Тутъ къ намъ прибылъ чиновникъ, раздавшій намъ провизію—фунтовъ по 15 на человѣка муки и проса. А по чьему приказу то дѣлалось—того мы не знали; о вспоможеніи же сами никого не просили.

---

[1]) Повидимому, это именно то озеро, которое Пѣвцову („Труды Тибетской экспедиціи“, I, стр. 376) называли Хара-дабасунъ-номомъ.

[2]) Весь этотъ путь отъ р. Урунгу до г. Манаса никѣмъ еще изъ европейцевъ не былъ пройденъ.

[3]) Сливовыхъ деревьевъ въ садахъ Джунгаріи я не встрѣчалъ.

*

«Въ горахъ видѣли каменный уголь [1]); его вывозятъ въ сосѣдній городъ Урумчи. Горами шли пять дней и перевалили черезъ большой бѣлокъ Ерень-кобарга (Эрѣнъ-хабирга) [2]). Дорогой встрѣчали аулы торгоутовъ, которыхъ здѣсь иначе называли кочутъ (хошоутъ ?)—калмаками. Занимаются они скотоводствомъ, но есть среди нихъ и промышляющіе охотой. Охотятся больше за маралами, но бьютъ также козловъ и медвѣдей.

«Выйдя изъ горъ, въ одинъ день дошли до озера Баграшъ-куль. Озеро это очень большое, и водится въ немъ, сказываютъ, рыба лоханъ, аршинъ семи или восьми. Обойдя его съ востока, вышли къ рѣчкѣ Караша (Конче-дарьѣ), вытекающей изъ Баграшъ-куля и, пройдя еще день, добрались до г. Колю (Корля). Здѣсь и зимой тепло, и снѣга не бываетъ.

«Отсюда съ недѣлю, а можетъ и дольше, шли вдоль р. Караша, пока не дошли до мѣстности, прозываемой Лобъ, а тамъ дня черезъ четыре вышли въ Кара-кочунь (Кара-кошунъ). Обѣ эти мѣстности заселены народомъ, похожимъ на киргизовъ. Рыболовство—главное ихъ занятіе, а также промышляютъ птицу по болотамъ. Этой птицы здѣсь пропасть: утки, лебеди, гуси, цапли, еще другія; а рыба двухъ сортовъ: маринка и еще похожая на тайменя (т. е. Salmo fluviatilis, Pall.). Для скотоводства мѣста здѣсь непригодныя, такъ какъ очень ужь безпокойно отъ комаровъ и мошки. Изъ шкуръ гусиныхъ и лебяжьихъ женщины тамошнія шьютъ себѣ одежду.

«Въ мѣстности Кара-кочунь прожили мы всю зиму. Снѣга не было. Стояла все больше теплая, сухая погода. Съ Кара-кочуня весной мы пошли дальше сперва сухой степью, а потомъ горами. Вышедши же изъ горъ, пошли долиной и шли ею трое сутокъ до вершины р. Чемень (Джаханъ ?). Долина здѣсь очень широкая, но безлюдная и сухая. Изъ звѣрей видѣли только дикихъ верблюдовъ и дикихъ же лошадей. Дорогъ дальше не было, и куда дальше идти, этого не знали. Остановились потому таборомъ, а впередъ послали пять человѣкъ, которые, однако, къ намъ не вернулись. Искали мы ихъ цѣлой партіей; нашли одного, но уже мертваго, а что сталось съ другими, того не доискались [3]).

---

[1]) Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о каменноугольныхъ копяхъ Канъ-кизылъ, лежащихъ въ 15 верстахъ къ западу отъ г. Урумчи.

[2]) Этотъ участокъ пути старовѣровъ также никѣмъ еще изъ европейцевъ пройденъ не былъ.

[3]) Свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ этихъ крестьянъ читатель найдетъ у Козлова („Монголія и Камъ“, I, стр. 14); странно однако, что Ассанъ Зыряновъ не зналъ о благополучномъ возвращеніи на родину Рахманова и другихъ.

«Между тѣмъ припасы наши подходили къ концу. Нѣкоторые, отчаявшись найти дорогу въ «бѣловодье», обернули назадъ. Тогда и другіе пошли за ними вслѣдъ. На обратномъ пути, когда у многихъ оказались недохватки въ припасахъ, убили дикаго жеребца на мясо.

«Изъ Турпана (Турфана) къ намъ, на Кара-кочунь, тѣмъ временемъ прибылъ чиновникъ, по имени Аширъ, предложившій намъ навсегда поселиться въ Чехлыкѣ (Чакалыкѣ), на рѣчкѣ Чехлыкъ же, впадающей въ Карашу, однако, при условіи, чтобы никому изъ насъ не возвращаться обратно въ Россію. На это мы своего согласія не дали. И пошли у насъ при этомъ и между собой несогласія, свары да ссоры, такъ какъ нѣкоторые пошли въ Китай не ради поисковъ «бѣловодья», а ради разживы. Разживы же въ Китаѣ никакой не нашли и заторопились домой.

«Когда же китайцы довѣдались, что мы русскіе, а не кэмчуки, то потребовали, чтобы мы безъ промедленія возвратились. Тогда мы раздѣлились. Одна партія пошла прямой дорогой на Турпанъ (черезъ Курукъ-тагъ и Чоль-тагъ), а другая, и мой отецъ тутъ-же, старой дорогой. До Урумчи добрались съ грѣхомъ пополамъ, а тутъ у нѣкоторыхъ дальше идти средствъ не хватило. Тогда китайскій чиновникъ отправилъ которыхъ черезъ Кульчжу, которыхъ черезъ Чугучакъ по этапу въ китайскихъ телѣгахъ, взыскавъ съ нихъ затѣмъ съ кого 5, а съ кого и 40 рублей. Такъ всѣ вернулись обратно кромѣ погибшихъ въ долинѣ Чемень, пробывъ въ Китаѣ полтора года».

Если принять во вниманіе, что старовѣры проникли на Лобъ-норъ и въ сѣверный Тибетъ задолго до экспедиціи въ тѣ же страны Н. М. Пржевальскаго, притомъ прошли туда путями и до сего времени остающимися частью неизслѣдованными, то нельзя не признать за разсказомъ Зырянова, даже въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ г. Киселевымъ, значеніе важнаго географическаго документа.

Неуспѣхъ этой партіи не прекратилъ однако броженія среди алтайскихъ «каменщиковъ» [1]), и уже въ слѣдующемъ году, подъ предводительствомъ братьевъ Бобровыхъ, направилась въ Китай, въ поискахъ «бѣловодья», новая партія алтайцевъ въ составѣ 55 человѣкъ [2]).

---

[1]) Такъ стали называться со временъ императрицы Екатерины II вольные поселенцы Алтайскихъ горъ.

[2]) Свѣдѣнія объ этой партіи читатель найдетъ у Ядринцева, въ статьѣ „Раскольничьи общины на границѣ Китая“, помѣщенной въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ за 1886 годъ, кн. I.

Засимъ, въ рукописной запискѣ Киселева мы находимъ маршруты по Китаю еще двухъ партій алтайскихъ крестьянъ. Ниже я привожу ихъ въ нѣсколько сокращенной передачѣ; теперь же замѣчу, что едва-ли перечисленными здѣсь случаями ограничиваются поиски «бѣловодья». Заключаю это изъ словъ Михаила Евстафьева Чанова, не далѣе, какъ въ 1889 году [1]), ушедшаго въ Китай въ надеждѣ разыскать давно уже тамъ осѣвшихъ «на свободныхъ мѣстахъ» односельчанъ.

Чановъ съ товарищами, всего 11 человѣкъ, направились изъ деревни Карабихи вверхъ по Бухтармѣ, перевалили на южный склонъ Алтая въ области истоковъ Канаса и, слѣдуя далѣе кочевьями урянхайцевъ (кокчулутуновъ), на восьмой день труднаго пути добрались до р. Крана. Отсюда дальнѣйшій ихъ маршрутъ лежалъ на озеро Уленгуръ (Улюнгуръ) и вверхъ по рѣкѣ Уленгуркѣ (Урунгу), гдѣ они встрѣтили кочевья киреевцевъ и торгоутовъ, занимавшихся не только скотоводствомъ, но и земледѣліемъ. Не доходя до Ильинской сопки [2]), они свернули къ югу и пустынными горами, по колодцамъ, на девятый день добрались до города Санджи (Чанъ-цзи), который поразилъ ихъ дешевизной жизненныхъ припасовъ: мука пшеничная продавалась тамъ по 20 коп. за пудъ, овощи шли почти что за даромъ. Изъ Санджи, черезъ Урумчи, на 13-й день они достигли Карашара, гдѣ и остались зимовать. Они понастроили себѣ здѣсь хатки изъ стараго кирпича, валявшагося въ изобиліи по сосѣдству, и жили на то, что выручали отъ продажи сноповъ тальника (Salix sp.), осолодочника (Glycyrrhiza sp.) и брунца (Sophora alopecuroides), служащихъ единственнымъ здѣсь топливомъ. За каждый такой снопъ выручали 2—3 копейки, что, при необыкновенной дешевизнѣ мѣстной жизни (пшеничная мука продавалась не дороже 20 коп. за пудъ), давало имъ полную возможность существовать, не нуждаясь. Мѣстное населеніе отнеслось къ нимъ доброжелательно, равно какъ и китайскія власти, которыя изрѣдка одаривали ихъ даже мукой, рисомъ, виномъ и деньгами.

Конецъ ихъ благополучію положили три русскіе казака, возвращавшіеся въ Джаркентъ съ Лобъ-нора, куда они провожали

---

[1]) Въ запискѣ Киселева, помѣченной 1901 годомъ, сказано, что Чановъ ходилъ въ Китай „восемь лѣтъ тому назадъ“, т. е. въ 1893 году; но эту дату слѣдуетъ считать ошибочной, такъ какъ въ Китаѣ Чановъ повстрѣчался съ русскими казаками, сопровождавшими экспедицію принца Орлеанскаго до Лобъ-нора и отсюда, согласно условію, вернувшимися обратно въ Джаркентъ.

[2]) Я думаю, что подъ этимъ именемъ у бухтарминцевъ извѣстенъ пикъ Чокуртай.

«ученаго француза» (принца Генриха Орлеанскаго), ушедшаго далѣе вглубь Китая съ караваномъ изъ 40 верблюдовъ.

Казаки «открыли» ихъ обманъ; вѣрнѣе же китайцы сообразили, что долѣе имъ невозможно укрывать русскихъ бѣглецовъ, и поспѣшили предъявить имъ требованіе о немедленномъ возвращеніи на родину.

Они вернулись черезъ Турфанъ [1]), Урумчи, Шихо, Кульчжу и Джаркентъ, при чемъ большую часть пути принуждены были сдѣлать пѣшкомъ. Къ счастью, погода имъ благопріятствовала: не смотря на конецъ января, дни стояли теплые, совершенно весенніе, снѣгъ же они видѣли только однажды, близъ городка Шихо.

Партія Андрея Коновалова, уроженца деревни Печи, покинула Алтай въ 1892 году.

Перейдя пограничную рѣчку Акъ-Кабу, Коноваловъ вышелъ къ Алгыдаю, *близъ вершины котораго видѣлъ каменную плиту въ ростъ человѣка, исписанную китайскими (?) іероглифами;* отсюда онъ повернулъ прямо на югъ и вскорѣ выбрался къ устью Бурчума. Добравшись такимъ образомъ до Чернаго Иртыша, онъ пошелъ — было сначала вверхъ по этой рѣкѣ, достигъ мѣста сліянія ея съ Ку-Ирцысомъ, но здѣсь снова повернулъ на югъ, въ каковомъ направленіи и слѣдовалъ до р. Урунгу. Въ виду Ильинской сопки онъ вышелъ на трактъ, ведущій въ г. Урумчи и, не оставляя уже болѣе колесной дороги, посѣтилъ города: Урумчи, Турфанъ, Карашаръ и Корлю. Въ Корлѣ онъ принялъ рѣшеніе вернуться на родину, куда и прибылъ въ томъ же году.

---

[1]) Въ запискѣ Киселева, со словъ Чапова, сказано, что въ Турфанѣ особенно развито свиноводство („нѣкоторые жители имѣютъ ихъ до ста и болѣе штукъ"). Я не могу подтвердить того же. Скажу даже болѣе: свиней я въ Турфанѣ вовсе не видѣлъ.

Организація каравана.

М. Е. Грумъ-Гржимайло.

Правильная организація каравана, въ смыслѣ распредѣленія всего багажа по вьюкамъ, пригонки сѣделъ къ лошадямъ и вьюковъ къ сѣдламъ, пріученія лошадей къ движенію съ вьюками и, наконецъ, навыкъ людей къ вьючкѣ и пониманіе этого дѣла,—имѣетъ рѣшающее значеніе для успѣшнаго прохожденія въ намѣченный срокъ избраннаго пути.

Въ этомъ отношеніи все, что можетъ служить къ сохраненію вьючнаго животнаго, должно быть выполнено самымъ тщательнымъ образомъ и безъ лишней экономіи, такъ какъ лошадь, или вообще вьючное животное, съ набитой спиной не только становится на довольно продолжительное время негодной для службы, но и дѣлается обузой для каравана, такъ какъ отнимаетъ много времени у персонала экспедиціи для ухода за собой; времени-же этого очень мало, ибо порою приходится спать, какъ говорится—однимъ глазомъ, а объ укрѣпляющемъ продолжительномъ отдыхѣ и думать не приходится.

Въ нашихъ путешествіяхъ въ качествѣ вьючнаго животнаго мы предпочитали имѣть лошадь, но въ подходящихъ условіяхъ брали также верблюдовъ иословъ (ишаковъ). Лошадь легче другихъ животныхъ примѣняется ко всякой обстановкѣ и ко всякой пищѣ, чего нельзя сказать, напримѣръ, о верблюдахъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ (въ области обширныхъ песчаныхъ пустынь или очень высокихъ нагорій), какъ вьючное животное, уступаетъ первое мѣсто верблюду или яку. Къ тому же и уходъ за нею много проще. Вообще же, въ тѣхъ измѣняющихся условіяхъ климата, почвы и корма, съ коими приходится сталкиваться въ продол-

жительныхъ путешествіяхъ, лошадь развиваетъ наибольшее количество полезной работы.

Не останавливаясь на теоретическомъ изслѣдованіи вопроса о наиболѣе раціональномъ выборѣ вьючнаго животнаго, выборѣ и пригонкѣ сѣдла и на матеріалахъ, наиболѣе пригодныхъ для амуниціи [1]), перейду къ описанію того, какъ была снаряжена и организована наша экспедиція въ 1889—1890 г.г. для изслѣдованія Центральной Азіи.

Покупка лошадей производилась нами постепенно, начиная съ г. Вѣрнаго, гдѣ одновременно мы стали пріобрѣтать и все то, что намъ было необходимо для снаряженія каравана; впрочемъ, относительно предметовъ снаряженія слѣдуетъ оговориться, что мы пріобрѣтали ихъ, напримѣръ, вьючные сундуки, рабочій инструментъ, кожу, ремни, посуду, нѣкоторые консервы, частью еще въ Петербургѣ, а частью въ большихъ центрахъ Туркестана, каковы Самаркандъ и Ташкентъ, такъ какъ не расчитывали найти въ Семирѣчьѣ соотвѣтственный товаръ высшаго качества.

Въ Вѣрномъ, окруженномъ киргизскими кочевьями, недостатка въ лошадяхъ, конечно, быть не могло, но лошадей, годныхъ подъ вьюкъ, сверхъ ожиданія, оказалось мало; киргизская лошадь, хотя и можетъ быть взята подъ вьюкъ, но тѣлосложеніе ея рѣдко отвѣчаетъ идеальному тѣлосложенію вьючной лошади: она узка и обыкновенно посажена на заднія ноги.

Имѣются, конечно, исключенія, напримѣръ, лошади киргизовъ-адаевцевъ Уральскихъ степей; но въ общемъ киргизы плохіе коневоды.

Въ Вѣрномъ мы пріобрѣли нѣсколько головъ русскихъ лошадей, изъ которыхъ впослѣдствіи выработались прекрасныя вьючныя животныя [2]), и нѣсколько лошадей калмыцкихъ и дунганскихъ. Послѣднія, вѣроятно, составляли помѣсь киргизской и русской породъ, но были прекрасно воспитаны; что же касается калмыцкихъ лошадей, то порода эта характеризуется нѣсколько тяжелой, но красивой головой съ большими выразительными глазами, широкой и короткой шеей, низкой холкой и короткими ногами при нормальной бабкѣ; въ общемъ-же калмыцкая лошадь представляетъ хорошо сбитое и плотное, но не широкозадое животное.

---

[1]) Эти вопросы подробно разработаны въ моемъ сочиненіи „Вьючное дѣло“, изданномъ въ 1906 году.

[2]) Эти лошади, за малымъ исключеніемъ, вернулись въ Россію, прекрасно выдержавъ весь путь по Китаю.

Средняя цѣна лошади въ гор. Вѣрномъ опредѣлилась въ 55 рублей.

Во время пребыванія въ Джаркентѣ были куплены остальныя лошади; а затѣмъ пополненіе конскаго состава, вслѣдствіе частью убыли, а частью увеличивавшагося багажа (коллекціи), дѣлалось уже въ пути, причемъ въ Притяньшаньскихъ земляхъ средняя цѣна лошади оказалась равной 45 рублямъ, съ переходомъ же Гоби (Бэй-шаня) процентовъ на пятьдесятъ выше. У тангутовъ мы впрочемъ не могли получить хорошей лошади дешевле 80—100 р.

Верблюды и ишаки были куплены до перехода Гобійской пустыни, причемъ средняя стоимость рослаго ишака опредѣлилась въ 12 рублей, верблюда же въ 80 рублей.

Для вьючки были пріобрѣтены деревянные, сартовскаго типа, ленчики для всѣхъ лошадей, кромѣ двухъ, шедшихъ подъ ящичными горноартиллерійскими сѣдлами, взятыми для испытанія.

Сартовскія сѣдла пріобрѣтались по цѣнѣ около 2 рублей за штуку безъ прибора. Это—сѣдла коробчатой системы, т. е. имѣющія вмѣсто ременнаго живца деревянную задѣлку пространства между полками. Такое ихъ устройство удобно въ томъ отношеніи, что допускаетъ нагрузку тяжелаго предмета прямо на ленчикъ; но зато при выхуданіи лошадей, они садятся глубже и могутъ надавить крышкой на хребетъ. Подъемъ крышки надъ полками сѣдла считался обыкновенно достаточнымъ, если при наложеніи испытующимъ полокъ сѣдла на скулы лица, носъ его не касался крышки. Правильность, точнѣе—симметричность ленчика опредѣлялась мастерами на глазъ, а потому въ этомъ отношеніи почти всѣ ленчики оказывались съ погрѣшностями и исправлялись нами подстругиваніемъ полокъ.

У сартовскихъ сѣделъ полки коротки и узки, почему увеличеніе поверхности соприкосновенія сѣдла съ лошадью достигается подкладываніемъ подъ полки джелкомовъ, т. е. толстыхъ прокладокъ изъ войлока, выступающихъ изъ-подъ полокъ обыкновенно дюйма на полтора; они подвязываются ремешками къ концамъ этихъ послѣднихъ. Подъ сѣдло же подвязывается и потникъ изъ двухъ потнинъ киргизскаго войлока, и, независимо отъ сего, подъ потникъ подкладывается еще подкидка изъ хорошаго киргизскаго войлока, не прикрѣпляемая къ потнику, но свободно набрасываемая на спину лошади.

Нагрудникъ мы дѣлали изъ шерстяной полуторавершковой тесемки, прикрѣпленной къ переднимъ концамъ полокъ.

Нахвостникъ дѣлался изъ такой же тесьмы, но шириной въ одинъ вершокъ.

Подпруги ординарныя, точнѣе троки, приготовлялись нами изъ прошитой двойной тесьмы. Нижняя тесьма мѣстнаго производства была шерстяная, шириною около двухъ вершковъ; верхняя, предусмотрительно купленная въ Петербургѣ,—изъ пеньки, шириною около $1\frac{1}{2}$ вершковъ. По концамъ были пришиты полукольца изъ плоскаго желѣза съ закругленными краями (мѣстнаго сартовскаго издѣлія). Кольца стягивались сыромятнымъ ремешкомъ, притомъ такъ, чтобы придтись на деревянной части сѣдла.

Недоуздокъ (безъ удилъ) брался мѣстный, сдѣланный изъ шерстяныхъ тесемокъ. Онъ состоялъ изъ суголовной и щечной тесьмы, налобника, подгубника и подбородника; къ подбороднику прикрѣплялся поводъ изъ волосяного аркана толщиной около дюйма.

При сѣдланіи мы обращали особое вниманіе на чистоту потниковъ, въ особенности же на чистоту подкидокъ, которыя отмывались и вычищались отъ пота и грязи весьма часто.

Такъ какъ потники сартовскихъ сѣделъ вообще сравнительно коротки и узки, благодаря чему большинство нашихъ вьючныхъ ящиковъ и мѣшковъ выходило за ихъ края, то, во избѣжаніе прикосновенія ихъ къ лошади, мы подъ каждый вьюкъ клали киргизскій войлокъ, сложенный втрое, что составляло толщину подкладки около $2\frac{1}{2}$ дюймовъ; обыкновенно войлокъ перекидывался черезъ сѣдло и ничѣмъ къ послѣднему не прикрѣплялся, а удерживался давленіемъ груза.

Вьюки мы употребляли всегда парные, что не представляло затрудненія, между тѣмъ значительно упрощало вьючку; кромѣ того наблюдалась равновѣсность обѣихъ половинъ вьюка, что достигалось перекладываніемъ предметовъ во вьюкѣ, а иногда прибавкой къ одной изъ половинъ какихъ либо предметовъ, привязывавшихся снаружи вьюка.

Для вьючныхъ чемодановъ или ящиковъ размѣры не должны превышать 1 арш. по длинѣ, 10 вершковъ по высотѣ и 8 вершковъ по ширинѣ. Наилучшими ящиками по конструкціи надо считать сартовскіе ягтаны или ящики, сработанные по той же системѣ, какъ ягтаны, т. е. ящики изъ очень тонкаго трехслойнаго дерева, папки и брезента, съ углами, обшитыми кожей. Сплошныхъ деревянныхъ ящиковъ мы избѣгали, такъ какъ, не будучи упругими, они легко набиваютъ бока лошади; желѣзныхъ оковокъ на ящики мы не допускали вовсе.

Для мягкихъ предметовъ мы употребляли или брезентные мѣшки размѣрами 16×4×8 вершковъ или переметныя сумы, по мѣстному курджумы (хурджины).

Такіе предметы, какъ патроны, дробь, серебро въ слиткахъ, подковы, гвозди и т. под., мы укладывали въ спеціальные кожанные мѣшки, тоже парные; ихъ мы грузили поверхъ мягкихъ вьюковъ, притомъ такъ, чтобы они ложились не ниже полокъ сѣдла.

Для жидкостей мы взяли герметически закрывающіяся жестяныя прямоугольныя банки, обшитыя войлокомъ и брезентной матеріей, но онѣ оказались непрактичными, ибо постоянно распаивались отъ поминокъ, которыхъ очень трудно избѣжать во время движенія. Гораздо лучше брать жидкости въ хорошихъ стеклянныхъ сосудахъ, укладывая ихъ въ ягтаны. Если же желательно избѣжать стекла, то надо имѣть сосуды изъ мѣди съ хорошей пайкой или цѣльнотянутые; конечно, такіе сосуды надо помѣщать въ полотняные и войлочные чехлы.

Какъ ягтаны, такъ и чемоданы различныхъ видовъ при вьючкѣ соединяются между собой подвѣсными ремнями, на которыхъ они и висятъ на сѣдлѣ.

Послѣ навѣски вьюковъ на сѣдло, поверхъ всего вьюка накладывался трокъ, который, охватывая все нагруженное на сѣдло и придавливая его къ лошади, уничтожаетъ тѣ силы качанія, которыя развиваются при движеніи лошади, и тѣмъ предохраняетъ ее отъ ударовъ вьюка и ерзанья сѣдла по тѣлу. Вмѣсто трока, обыкновенно дѣлающагося изъ шерстяной тесьмы вершка въ 2 шириной, мы употребляли шерстяныя съ волосомъ веревки или арканы мѣстнаго производства, которыми охватывали вьюкъ и лошадь два раза. При вьючкѣ слѣдуетъ вообще наблюдать, чтобы центръ тяжести вьюка былъ на высотѣ центра тяжести лошади и во всякомъ случаѣ лучше, чтобы онъ былъ выше его, а не ниже.

По распредѣленіи всего груза по вьюкамъ, мы пригоняли вьюки къ лошадямъ, затѣмъ пріучали лошадей къ хожденію подъ вьюками, и, наконецъ, пріучали лошадей ходить гуськомъ одна за другой, причемъ поводъ каждой лошади привязывался къ трочному аркану предыдущей; такой эшелонъ въ 10—12 лошадей велъ казакъ, взявъ поводъ первой лошади. Во время передвиженія впереди всего отряда обыкновенно ѣхалъ братъ съ джигитомъ, сзади же я съ препараторомъ, который держалъ мою лошадь, пока я дѣлалъ засѣчки и заносилъ отсчитанные азимуты въ путевой журналъ. Свободные люди ѣхали по бокамъ и наблюдали за правильнымъ

положеніемъ вьюковъ. Для поправокъ мы не задерживали всего каравана, а лишь тотъ эшелонъ, въ которомъ находился подлежащій поправкѣ вьюкъ.

Средній ходъ нашего каравана мы опредѣлили въ 4½ версты въ часъ; только въ горахъ скорость движенія уменьшалась въ соотвѣтствіи съ крутизной подъема, пресѣченностью мѣстности и состояніемъ пути. Не малое значеніе на скорость движенія каравана имѣла также и степень нагрузки вьючныхъ животныхъ, но, вообще говоря, мы избѣгали тяжелыхъ вьюковъ и наибольшій грузъ допускали въ 5 пудовъ; при слѣдованіи же въ горахъ вьюки еще болѣе облегчались.

Продовольствіе лошадей въ лѣтнее время составлялъ подножный кормъ, въ осеннее же и зимнее—покупалось сѣно и зерновой фуражъ, какой можно было найти въ проходимой мѣстности. Обыкновенно и то и другое можно было найти въ изобиліи, за исключеніемъ перехода черезъ пустыню, отдѣляющую Тянь-шань отъ Нань-шан'я, и въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстахъ; въ этомъ случаѣ мы брали зерновой фуражъ съ собой, для чего покупали добавочныхъ вьючныхъ животныхъ, какъ уже сказано выше. Зерновой фуражъ въ рѣдкихъ случаяхъ составлялъ ячмень или джугара (сорго); обыкновенно же дробленный горохъ, который очень питателенъ и важенъ, потому что переваривается животнымъ нѣсколько дольше. Сѣна мы съ собой почти никогда не брали, такъ какъ всегда можно было найти что-либо на станціяхъ; въ случаѣ же плохого подножнаго корма, мы давали усиленную порцію гороха, а выйдя изъ неблагопріятныхъ условій, дѣлали на кормномъ мѣстѣ дневку.

Безъ нужды караванъ въ пути никогда не останавливался, такъ какъ остановки для вьючныхъ животныхъ вовсе не нужны, если ихъ не развьючивать. Даже при переходахъ, длившихся свыше 12 часовъ, движеніе шло безостановочно.

Въ теченіе всего путешествія мы потеряли сравнительно немного животныхъ. Больше всего ихъ пропало отъ сапа; затѣмъ было три случая поломки ногъ и пораненія копытъ; два случая намина, перешедшаго въ трудно-излѣчимую въ походѣ форму, два—три случая воспаленія мочевого пузыря и два случая полнаго упадка силъ, вслѣдствіе долгаго пребыванія на горько-соленой водѣ. Ничтожная убыль въ караванныхъ животныхъ объясняется тѣми мѣрами предохраненія ихъ отъ простуды, которыя принимались нами въ пути; изъ нихъ особое значеніе имѣла двухчасовая выдержка ло-

шадей по приходѣ на станцію въ сѣдлахъ съ отпущенными подпругами и вынутою изъ-подъ потника подкидкою; къ водѣ же онѣ допускались еще позднѣе, часа черезъ три послѣ остановки. Засимъ, чтобы предохранить ноги лошадей отъ простуды, мы останавливались на ночлегъ, не переходя безъ крайней нужды рѣчекъ; въ теплое время года охлажденіе ногъ передъ остановкой не имѣетъ, конечно, большого значенія, но въ холодную пору очень вредно. На ночь, въ особенности зимой, укрывали лошадей попонами, а за неимѣніемъ ихъ, держали въ сѣдлахъ, подтягивая ихъ троками.

Во время пути мы вообще не чистили лошадей, но по возможности чаще обмывали имъ спины, чтобы укрѣпить и оздоровить кожу, которая становится отъ постояннаго пребыванія подъ сѣдломъ крайне нѣжной и чувствительной ко всякимъ неисправностямъ въ сѣдлѣ и потникахъ. Терпитъ измѣненія не только кожа животнаго, но и его волосяный покровъ, который вытирается, послѣ чего подшерстокъ сбивается и легко подопрѣваетъ.

Для предохраненія копытъ отъ стиранія, мы ковали лошадей на всѣ четыре ноги сартовскими подковами, а затѣмъ, когда весь запасъ ихъ былъ израсходованъ, то китайскими. Кругъ сартовскихъ подковъ вѣситъ отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ фунтовъ, но эта легкость подковъ именно и хороша въ горахъ, да и вообще для всякой мѣстности, ибо даетъ большую свободу росту копытъ; толщина металла подковы тутъ замѣняется массивной многогранной головкой гвоздя, который главнымъ образомъ и снашивается. Легкость подковы не требуетъ сильнаго гвоздя и не допускаетъ заклиненія гальки между вѣтвями подковы, что такъ часто случается при тяжелыхъ европейскихъ подковахъ. Обыкновенно сартовская подкова служитъ 2—3 мѣсяца. Китайскія подковы сдѣланы изъ болѣе толстаго, но зато и болѣе узкаго желѣза и по краю имѣютъ волнообразный видъ, ибо желѣзо у нихъ раздается при пробитіи подковныхъ дыръ; эти подковы служатъ нѣсколько меньше, чѣмъ сартовскія, такъ какъ легче ломаются въ вѣтвяхъ и, разъ сломанныя, становятся уже негодными къ употребленію.

Во время пути намъ пришлось пользоваться также калмыцкими и китайскими сѣдлами; они значительно дороже сартовскихъ, но зато и отдѣлка ихъ несравненно лучше, въ особенности послѣднихъ; они и прочнѣе ихъ, по типу-же съ ними тождественны.

Уходъ за верблюдами значительно сложнѣе ухода за лошадьми, особенно въ горахъ и въ холодное время. Первое и самое важное

то, что въ горахъ съ луговой растительностью верблюдъ, лишенный своего естественнаго корма, значительно слабѣетъ и становится мало выносливымъ, почему и требуетъ особенно тщательнаго ухода и охраны отъ холода и сырости. Для верблюда обязательна войлочная попона, облегающая вплотную всю его спину. Для вьючки зимою на эту попону кладется сѣдло, сдѣланное изъ войлока. Обыкновенно оно состоитъ изъ двухъ подушекъ, рубашка которыхъ выкраивается изъ войлока и набивается соломой или особо упругой болотной травой, которая чрезвычайно прочна и легка. Къ подушкамъ по серединѣ прикрѣпляются бруски, составляющіе основу сѣдла. Пара подушекъ, образующихъ сѣдло, укладывается на спину верблюда такъ, чтобы бруски приходились нѣсколько ниже середины горбовъ, послѣ чего эти бруски стягиваются между собой арканомъ въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы подушки плотно прилегли къ тѣлу животнаго. Передъ вьючкой горбы верблюда увертываются войлокомъ, и нагрузка производится такъ же, какъ и на лошадь. При продолжительныхъ путешествіяхъ грузъ верблюда не долженъ превышать 10 пудовъ, въ горахъ-же этотъ грузъ слѣдуетъ уменьшать до шести и даже пяти пудовъ. Въ жаркое время года на ночь сѣдло снимается; въ холодное же — ослабляютъ только веревки, стягивающія бруски.

Въ мѣстности сырой и песчаной (въ холодное время года) или занесенной снѣгомъ верблюда кладутъ на войлокъ, иначе его легко простудить. За недостаткомъ хорошаго травяного корма верблюду слѣдуетъ давать зерновой фуражъ въ половинномъ противъ лошади размѣрѣ, притомъ пересыпаннымъ солью [1]). Въ случаяхъ, когда переходы очень велики, а время не позволяетъ пускать верблюда на кормъ, его кормятъ сырымъ хлѣбомъ, который выпекается въ видѣ лепешки; лепешка проталкивается въ глотку животнаго, не давая ее жевать. Въ нашей практикѣ у верблюда случалось стираніе подошвы ногъ; въ этихъ случаяхъ ему надѣвался на ногу войлочный башмакъ съ подошвой изъ толстой кожи.

Для ословъ мы дѣлали самыя простыя, мягкія сѣдла, представлявшія сшитую изъ войлока кишку, набитую измятой соломой; эта кишка перегибалась по серединѣ и связывалась такъ, чтобы хребетъ и холка помѣщались въ пространствѣ между вальками.

---

[1]) Соль время отъ времени полезно давать также лошадямъ и осламъ; такъ мы поступали въ особенности часто во время нашей продолжительной стоянки въ Сининскихъ альпахъ, гдѣ подножнымъ кормомъ служили исключительно сочныя луговыя травы.

Подъ эти вальки подкладывался въ одинъ рядъ войлокъ, на которомъ эти вальки и закрѣплялись простой пришивкой. Ословъ гонятъ табуномъ; поэтому въ уздечкахъ они не нуждаются; для привязки-же на стоянкахъ достаточно надѣть на шею какую либо веревку, такъ какъ ослы вообще крайне флегматичны. Для большихъ перегоновъ ословъ куютъ маленькими полуподковами, коими прикрываютъ подошву только около носочка копыта. Въ путешествіи ослы очень удобны, такъ какъ не взыскательны къ корму; но зато они очень чувствительны къ сырости; въ дождь они отказываются даже отъ лучшаго корма и перестаютъ работать.

Нормальнымъ переходомъ для каравана мы считали около 25 верстъ, т. е. около 6—7 часовъ безостановочнаго хода; но иногда, чаще всего въ горахъ, въ особенности при подъемахъ на перевалы, приходилось идти и дольше, ибо такіе переходы требовали безпрестанныхъ остановокъ, разбивки эшелоновъ на болѣе мелкія единицы и проч. Послѣднее вызывалось неравенствомъ силъ вьючныхъ лошадей: въ то время, какъ одна подымалась легко, слѣдующая за ней, едва справляясь съ своей задачей, замедляла шагъ и натягивала поводъ, чѣмъ грозила сорвать вьюкъ съ передней лошади или, въ лучшемъ случаѣ, безъ нужды увеличивала ея работу.

Вообще изъ своихъ странствій съ караваномъ, составленнымъ изъ лошадей, я вынесъ убѣжденіе, что при маломальски внимательномъ отношеніи къ коню, онъ себя всегда оправдаетъ и легко выходитъ самое продолжительное и трудное путешествіе. Въ Семирѣчье мы возвратили почти 80 процентовъ закупленныхъ тамъ лошадей и притомъ въ такомъ состояніи, что онѣ признаны были годными для почтовой службы. А много-ли можно назвать путешествій, которыя протекали въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ наше?

Геодезическія и астрономическія работы во время экспедиціи.

М. Е. Грумъ-Гржимайло.

Опытъ предшедшей экспедиціи на Памиры далъ мнѣ возможность легко собрать все необходимое для новой экспедиціи въ Китай.

Необходимость работать безъ стола заставила меня взять для нанесенія съемки плотную бристольскую бумагу, нарѣзанную правильными квадратами въ 13 дюймовъ по сторонѣ, которая возилась въ кожаномъ гладкомъ портфелѣ, служившемъ прекрасной подкладкой для листа, на которомъ наносилась съемка. Отсутствіе прочерченныхъ на бумагѣ вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій нѣсколько затрудняло работу, но надо было примириться съ этимъ недостаткомъ бристольской бумаги, такъ какъ его возмѣщала съ избыткомъ ея толщина и хорошая полировка.

Для нанесенія съемки служили: прозрачный транспортиръ, масштабная линейка, два небольшихъ триугольника, дорожный цыркуль, резинка и твердый алиберовскій карандашъ (6H); послѣдній необходимо имѣть твердый, рѣжущій бумагу, ибо мягкій карандашъ очень размазывается и пачкаетъ бумагу.

Для работы во время пути я получилъ изъ Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба 3 буссоли Шмалькальднера съ бумажными градусными дисками. Эти буссоли я предпочиталъ буссолямъ съ металлическими дисками или поясками, такъ какъ бумажные диски легче этихъ послѣднихъ—немаловажное ихъ преимущество, обусловливающее болѣе продолжительную службу иглы. Насколько же быстро изнашиваются эти послѣднія, видно изъ того, что даже при трехъ запасныхъ иглахъ къ концу путешествія осталась годной для работы только одна буссоль.

Кромѣ буссоли меня уговорили взять съ собой и мензулу съ кипрегелемъ, такъ какъ съ нею-де много легче и удобнѣе работать въ пути. Эти приборы, очень портативные и въ полной исправности, мнѣ также выдали изъ Топографическаго Отдѣла. Къ сожалѣнію, я не могъ ихъ использовать, такъ какъ для работы мензулой съемщикъ долженъ быть совершенно независимъ отъ каравана и работы въ немъ, наше же путешествіе совершалось при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что нечего было и думать идти особо отъ каравана, а потому, проработавъ мензулой три перехода, я оставилъ ее.

За мѣсяцъ до выѣзда изъ Петербурга я близко сошелся съ А. И. Скасси и всецѣло ему обязанъ своей подготовкой къ опредѣленію астрономическихъ пунктовъ. Это дѣло было для меня совершенно новымъ, и, только благодаря его помощи, я въ короткій срокъ не только выучился работать инструментами, но и вычислять поправки хронометровъ и широты.

Для наблюденія затменій мнѣ была дана Топографическимъ Отдѣломъ астрономическая труба, а для опредѣленія полудня и широты Географическимъ Обществомъ прекрасный кругъ Пистора и искусственный горизонтъ съ мѣшкомъ для ртути и автоматической ея подачей въ чашечку для образованія зеркала. Три столовыхъ хронометра, изъ нихъ одинъ по звѣздному и 2 по солнечному времени Главнаго Штаба и Географическаго Общества дополнили мое снаряженіе.

Всѣ приборы вернулись изъ экспедиціи въ большей или меньшей исправности; тѣмъ не менѣе, считаю полезнымъ перечислить тѣ дефекты, которые случились въ пути и которые тогда-же частью удалось устранить. Порча происходила главнымъ образомъ отъ неисправной укладки инструментовъ въ футлярахъ и, конечно, частью отъ моей неопытности въ этомъ отношеніи.

Прежде всего сталъ портиться замшевый мѣшокъ въ искусственномъ горизонтѣ, въ коемъ помѣщалась при перевозкѣ ртуть. Ртуть просачивалась въ краяхъ отъ сильнаго давленія при тряскѣ. Пришлось ртуть вылить и пользоваться приборомъ, какъ обыкновенной чашкой; при этомъ для наполненія ея ртутью я продавливалъ послѣднюю черезъ двойное полотно. Пропущенная такимъ образомъ ртуть не носила на себѣ слѣдовъ окисла.

Засимъ, при паденіи лошади получилъ поврежденіе кругъ Пистора. Вѣроятно отъ удара линейка съ зеркаломъ и ноніусами погнулась, къ счастью со стороны лѣваго ноніуса. Пришлось ее

постепеннымъ нажатіемъ пригнуть на мѣсто, а затѣмъ исправить положеніе ноніуса подкладкой фольги между лапками линейки и доской ноніуса. Во избѣжаніе возможнаго повторенія такого случая, я впослѣдствіи прибинтовывалъ линейку къ кругу помощью полотняной тесьмы. Вообще же укладка инструмента на деревянныя подставки ящика, оклеенныя только бархатомъ, по моему мнѣнію, недостаточно хороша; слѣдовало-бы класть тутъ толстый слой упругой резины, которая спасетъ инструментъ не только отъ рѣзкаго удара, но и отъ прогибовъ ящика.

Столовые хронометры возились въ спеціально для нихъ изготовленныхъ ящикахъ, имѣвшихъ мягкія и упругія стѣнки, хорошо предохранявшія ихъ отъ вредныхъ сотрясеній. Вскорѣ, однако, я замѣтилъ, что даже и въ эти ящики, не смотря на одѣвавшіе ихъ войлочные и парусиновые чахлы и перевозку въ вьючныхъ сундукахъ, проникала пыль. Во избѣжаніе этого пришлось сдѣлать чахлы изъ бумазеи, въ которые и завертывались хронометры ранѣе укладки въ ящики. Ящикъ безъ вдвижныхъ крышекъ оказался лучше. Хронометры возились на конскомъ вьюкѣ. Первоначально я пробовалъ ихъ возить, одѣвая ящики людямъ черезъ плечо, но оказалось, что при такомъ способѣ возки они были менѣе гарантированы отъ толчковъ, чѣмъ во вьюкѣ, ибо людямъ приходилось часто слѣзать съ лошадей, снимать ящики и ставить ихъ на землю при поправкѣ вьюковъ, а равно перемѣщать ихъ съ плеча на плечо, опирать ихъ на луки сѣдла и т. д., иногда же скакать съ ними или догонять караванъ на полной рыси. Между тѣмъ, помѣщая хронометры во вьюкѣ, я всегда могъ выбрать спокойную лошадь, которая и находилась подъ особымъ наблюденіемъ приставленнаго къ ней казака; для безопасности же ящики съ хронометрами возились на двухъ лошадяхъ. Для хода хронометра несомнѣнно вредно ритмическое раскачиваніе вьюка, поэтому подъ спокойной лошадью слѣдуетъ разумѣть не только лошадь флегматичнаго характера, но и съ ровнымъ, не валкимъ ходомъ; такой ходъ обыкновенно бываетъ у лошадей съ короткимъ, но частымъ шагомъ.

Изъ трехъ хронометровъ одинъ остановился въ Хами. По вынутіи механизма изъ металлическаго футляра, на днѣ оказалась масса мелкихъ мѣдныхъ опилокъ. Откуда онѣ взялись, я не могъ опредѣлить, такъ какъ въ механизмѣ, повидимому, ничего не было испорчено; думаю, что онѣ появились отъ сострагиванія заводного ключа о металлическій футляръ при заводкѣ.

*

Совершенно неожиданно оказалась испорченной зрительная труба во время перехода черезъ Хамійскую пустыню, а именно, разошелся объективъ. Едва-ли это произошло отъ сотрясенія, вѣрнѣе же отъ сильныхъ морозовъ. Исправить его я не могъ, такъ какъ стекла оказались зажатыми въ металлическую обойму съ зафальцовкой наглухо, вмѣсто того, чтобы быть сдавленными винтовымъ кольцомъ. Благодаря этому, наблюденія затменій спутниковъ Юпитера и покрытій для опредѣленія долготъ стало невозможнымъ. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что наблюденіе въ трубу прямое, безъ отраженія, въ высшей степени затруднительно при маломъ штативѣ дорожныхъ трубъ и шаткихъ основаніяхъ, вродѣ, напримѣръ, вьючныхъ сундуковъ, поставленныхъ одинъ на другой, на которые приходится устанавливать трубу. Въ этомъ отношеніи маленькіе универсальные теодолиты значительно удобнѣе.

Не могу не упомянуть о большой непріятности, которую я создалъ себѣ самъ. По привычкѣ заводить часы вечеромъ, я сталъ заводить и сравнивать хронометры въ г. Вѣрномъ въ 9 ч. вечера. По мѣрѣ, однако, движенія нашего на востокъ, время ихъ заводки отодвигалось все къ болѣе и болѣе позднему времени, пока не дошло до полуночи. На первыхъ порахъ я дожидался времени заводки, не ложась спать, но впослѣдствіи пришлось приказывать дежурному будить себя въ опредѣленное время. Лѣтомъ вставаніе по ночамъ не казалось особенно тягостнымъ, но зимой, когда морозъ даже въ закрытыхъ помѣщеніяхъ достигалъ 15^0 R., это было уже настоящимъ подвигомъ, такъ какъ возня съ хронометрами отнимала всегда около получаса времени, которое приходилось проводить на морозѣ полураздѣтымъ. Я какъ сейчасъ помню эти мгновенія и слышу окликъ дежурнаго: «Ваше Благородіе, время заводить хронометры». Не сразу поймешь, въ чемъ дѣло, такъ какъ трудно разогнать сонъ послѣ трудового дня, проведеннаго на морозѣ; но вторичный окликъ возвращаетъ сознаніе печальной дѣйствительности. Машинально лѣзешь подъ подушку и, доставъ спички, зажигаешь приготовленную съ вечера свѣчку. Боясь потерять хоть каплю тепла, очищаешь крохотное пространство постели передъ подушкой и втаскиваешь увернутые въ теплыя одѣяла ящики, стоявшіе тутъ-же, рядомъ съ постелью. Звонко стучатъ хронометры въ мертвой тишинѣ морозной ночи. Торопливой и привычной рукой освобождаешь покрышки и вотъ металлическій блескъ циферблатовъ рѣжетъ еще не вполнѣ прояснившіеся глаза. Книжка открыта... карандашъ въ рукѣ... записываешь

часы и минуты одного хронометра... начинается счетъ: ноль, ноль, ноль... до тѣхъ поръ, пока удары не совпадутъ. Но этотъ моментъ приходится иногда ждать. И утомительно долго тянется тогда время. Глаза медленно закрываются... свѣчка кажется въ радужномъ ореолѣ... почти уже спишь, но ухо чутко слушаетъ и ясно различаетъ удары хронометровъ, прикрытыхъ крышкой ящика. Вотъ уже близко совпаденіе... Вновь карандашъ въ рукѣ и, перебѣжавъ глазами съ одного хронометра на другой, записываешь показаніе второго. Вотъ покончилъ съ послѣднимъ; теперь можно спать спокойно. Укрылся, но сонъ не приходитъ. Прежній назойливый окликъ: «пора заводить хронометры»... «пора заводить хронометры»... мѣшаетъ забыться... Борешься съ этимъ несноснымъ напоминаніемъ, но оно не прекращается. Еще разъ приходишь въ себя. Это—братъ, привыкшій просыпаться ко времени завода хронометровъ, будитъ меня. Дѣло разъясняется, и только послѣ этого мы оба отдаемся спокойному сну.

Ртутный горизонтъ очень хорошъ, потому что даетъ прекрасное зеркало, но постоянное окисленіе олова, вводимаго въ ртуть для большей ея густоты, крайне непріятно, такъ какъ замедляетъ начало работы и дѣлаетъ приготовленіе къ ней очень сложнымъ; наконецъ, очень трудно уберечь все металлическое отъ амальгамаціи. Если-же ввести меньше олова въ ртуть, то зеркало становится очень чувствительнымъ къ сотрясенію почвы. Даже и при густой ртути эти сотрясенія крайне раздражали меня во время наблюденій, такъ какъ случалось, что приходилось изъ 10 — 12 наблюденій пропускать половину. Особенно непріятны были наблюденія на зыбкихъ почвахъ въ окрестностяхъ Гао-тай'я. Во многихъ мѣстахъ эти сотрясенія были причиной невозможности дѣлать наблюденія. То же слѣдуетъ сказать и о вѣтрѣ; для защиты отъ него искусственный горизонтъ укрывался крышкой съ наклонными слюдяными стѣнками; но при вѣтрѣ было крайне трудно найти такое мѣсто, гдѣ-бы порывы его не сдвигали этой легкой покрышки; каждый порывъ вѣтра отражался сотрясеніемъ ртутной поверхности отъ удара коробочки о тяжелый чугунный горизонтъ. Для удержанія крышки на мѣстѣ, я обсыпалъ ее кругомъ землей, а сверху клалъ полоску свинца на манеръ рейтера химическихъ вѣсовъ.

Крышка съ наклонными спинками неудобна также и по той причинѣ, что наблюденію близполуденныхъ высотъ при малыхъ широтахъ мѣшаетъ отраженіе въ зеркалѣ ребра крышки.

При малыхъ широтахъ кругъ Пистора не удобенъ, потому что наблюденію мѣшаетъ козырекъ фуражки; работать-же при палящихъ лучахъ солнца безъ фуражки и безъ укрытія глазъ отъ лучей солнца невозможно. Къ этому надо прибавить, что при большихъ высотахъ надо наблюдать, взявъ кругъ въ лѣвую руку, что требуетъ большаго навыка вообще и, кромѣ того, къ этому долженъ быть приспособленъ инструментъ (необходимъ микрометренный винтъ на лѣвомъ ноніусѣ), а этого, къ сожалѣнію, не имѣлось въ полученномъ мною кругѣ. Вотъ почему универсальный инструментъ, хотя и менѣе точный, въ путешествіяхъ болѣе удобенъ.

Для наблюденій я обыкновенно усаживался на землѣ на войлокѣ, подобравъ лѣвую ногу подъ себя и выставивъ вверхъ правое колѣно, о которое и упиралъ кисть правой руки съ кругомъ Пистора, дѣйствуя въ то же время лѣвой рукой на микрометренный винтъ у праваго ноніуса. Этимъ способомъ я получалъ очень хорошій упоръ, а потому и вѣрные отсчеты моментовъ касаній солнечныхъ дисковъ при крайне медленномъ схожденіи и расхожденіи ихъ близь полудня. Обыкновенно-же работаютъ этимъ приборомъ стоя, опираясь на колонну.

О точности опредѣленія широтъ съ помощью круга Пистора, зависѣвшей отъ исправности самаго круга, можно судить по изслѣдованію этого инструмента проф. Ѳ. Ѳ. Витрамомъ, произведенному въ Пулковѣ и описанному имъ въ письмѣ къ І. И. Стебницкому. Привожу это письмо дословно ниже.

Опредѣленіе астрономическихъ пунктовъ производилось обыкновенно на дневкахъ, такъ какъ требовало нѣсколькихъ часовъ работы до и послѣ полудня. Въ мѣстахъ равнинныхъ и въ періодъ лѣтнихъ мѣсяцевъ работа оказывалась почти всегда успѣшной, благодаря затишью въ воздухѣ и безоблачности неба. Зимою-же и въ переходные періоды весны и осени, особенно же въ горной мѣстности, работы требовали много времени и большой настойчивости и терпѣнія, такъ какъ представлялось необходимымъ получить длинный рядъ наблюденій, дабы и послѣ исключенія ненадежныхъ, вызванныхъ различными случайностями во время наблюденія, какъ то: порывами вѣтра, облаками, обмерзаніемъ рукъ или усталостью глаза отъ сильнаго отраженія снѣга,—осталось все же достаточное ихъ число для полученія вѣрныхъ результатовъ. Къ тому же въ нѣкоторыхъ важныхъ для сего мѣстахъ въ видахъ полученія пункта приходилось производить наблюденія во всякую погоду,

расчитывая лишь на ея перемѣну, а затѣмъ повторять ихъ ежедневно во все время стоянки на мѣстѣ.

Въ городахъ, при движеніи на улицахъ повозокъ и конныхъ, производство наблюденій съ искусственнымъ ртутнымъ горизонтомъ возможно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; вотъ почему въ рядѣ опредѣленныхъ мною пунктовъ, гдѣ наблюденія были полными, города почти отсутствуютъ; да и то для наблюденій въ нихъ приходилось перебираться на пустыри или кладбища. Эта-же причина повела частью къ тому, что я не могу дать надежныхъ долготъ для тѣхъ пунктовъ, въ коихъ опредѣлялись астрономическіе пункты.

Этотъ пробѣлъ объясняетея еще и тѣмъ, что при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыя были отпущены на экспедицію, я не могъ предпринимать короткихъ хронометрическихъ рейсовъ, т. е. возвращаться для повторныхъ наблюденій времени на мѣста, гдѣ пункты уже ранѣе мною были опредѣлены.

Вычисленіе пунктовъ производилось частью мною по способу, указанному мнѣ А. И. Скасси, частью проф. Ѳ. Ѳ. Витрамомъ и мною по способу, указанному послѣднимъ; неполныя же наблюденія вычислены были лейтенантомъ Максимовымъ.

Топографическая съемка велась мною, какъ выше замѣчено, почти исключительно съ помощью буссоли Шмалькальднера, но способъ веденія съемки принятъ мензульный, т. е. опредѣлялись при данной базѣ выдающіеся пункты, на которые затѣмъ и визировалось съ пунктовъ остановки, и такимъ образомъ опредѣлялся засѣчками этотъ послѣдній. Съ опредѣленнаго такимъ образомъ пункта остановки брались направленія на новые выдающіеся пункты и на направленія пути и т. д. Независимо отъ сего, время прохожденія по пути между пунктами, съ которыхъ брались направленія, опредѣлялось по часамъ, и по провѣренному времени, необходимому для прохода караваномъ 1 версты, вычислялось разстояніе между ними. Послѣднее существенно необходимо, такъ какъ иногда съ новаго пункта наблюденія нѣкоторые орьентировочные пункты маскировались, а при прохожденіи дефиле или по зарослямъ или, наконецъ, съ наступленіемъ сумерокъ и вовсе пропадали. Имѣя время прохожденія дефиле въ часахъ, и нанеся по этимъ даннымъ и азимутамъ направленіе пути, т. е. планъ дороги по дефиле, я получалъ точку выхода на планѣ. По выходѣ изъ дефиле, я бралъ направленіе на оріентировочный пунктъ и этимъ легко повѣрялъ правильность проложеннаго пути.

При такомъ способѣ веденія съемки даже при 5 верстномъ

масштабѣ, а тѣмъ болѣе при болѣе мелкихъ масштабахъ, получающіяся ошибки незначительны. Причина заключается въ томъ, что при часто взятыхъ направленіяхъ ошибки съ + и съ — будутъ взаимно исключаться и въ окончательномъ результатѣ дадутъ ошибку почти равную нулю.

При изслѣдованіи Нань-шань'скихъ горъ мы вышли изъ г. Сучжоу и вернулись въ него-же другой дорогой, сдѣлавъ путь почти въ 1,500 верстъ. По нанесеніи этого пути на съемку, окончательный путь не совпалъ съ начальнымъ по координатамъ на югъ на 2½ версты (½ дюйма) и на востокъ на 7 верстъ (около 1½ дюймовъ). Эту ошибку мнѣ было легко исправить, такъ какъ было 2 момента, когда нашъ караванъ шелъ въ снѣжную бурю и когда я не могъ дѣлать засѣчекъ, такъ какъ ничего передъ собой не видѣлъ. Я и отнесъ ее къ этимъ двумъ моментамъ.

Въ двухъ изслѣдованіяхъ, сдѣланыхъ впослѣдствіи, для отчета пройденнаго пространства я употреблялъ циклометръ, прикрѣпленный къ колесу велосипеда. Этотъ способъ отсчета пути слѣдовало бы вообще принять при маршрутныхъ съемкахъ, такъ какъ онъ даетъ поразительные по точности результаты.

Во время ночныхъ переходовъ веденіе съемки было очень затруднительнымъ. Я примѣнялъ при этомъ слѣдующій способъ. Засвѣтло я тщательно заносилъ весь рельефъ впереди лежащей мѣстности и опредѣлялъ азимуты выдающихся точекъ. За симъ при движеніи экспедиціоннаго отряда отставалъ отъ него на 1 — 1½ версты и визировалъ буссоль по хвосту каравана, намѣчавшемуся фонаремъ, освѣщая буссоль ручнымъ фонарикомъ. Затѣмъ догонялъ караванъ и отмѣчалъ время, употребленное караваномъ для прохожденія пути. Въ случаѣ звѣздной ночи я бралъ направленіе пути по звѣздамъ на горизонтѣ и повѣрялъ его не только тогда, когда замѣчалъ уклоненіе отъ направленія, но, вообще, не рѣже какъ минутъ черезъ 10 — 15. На другой день, если представлялась къ сему хотя бы какая либо возможность, я возвращался назадъ по пройденному наканунѣ пути и, отыскавъ орьентировочные пункты произведенной наканунѣ съемки, визировалъ на нихъ и отмѣчалъ азимуты. Обыкновенно это удавалось, такъ какъ воздухъ въ Центральной Азіи чрезвычайно прозраченъ и въ оріентировочныхъ пунктахъ недостатка, вообще говоря, не ощущалось.

Проложеніе съемки по извѣстнымъ астрономическимъ пунктамъ показало, что принятая система работы дала очень хорошіе результаты.

Corrigenda et addenda.

Томъ I [1]).

Стр. 2. «Лопсатаръ» русская передѣлка слова «абсатаръ», что значитъ—мелкій торговецъ, торгующій въ разносъ.

Стр. 49, строка 16. Напечатано — «къ западу» вмѣсто—къ востоку.

Стр. 51. Напечатано—«Lasiogrostis» вмѣсто—Lasiagrostis. Та же ошибка на стр. 74, 155 и 171.

Стр. 54. Напечатано—«мянъ-тау» вмѣсто «мянь-тоу».

Стр. 97, строки 17—20. Слѣдовало бы сказать: «Каменный уголь выступаетъ здѣсь *пластами* мощностью до 5 футовъ среди углисто-известковистыхъ сланцевъ и желѣзисто-кварцевыхъ конгломератовъ, *переслаивающихся* съ кварцитомъ».

Стр. 98, строка 12. Напечатано—«шесть» вмѣсто пять.

Стр. 102. Согласно «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи» наименованіе Боро-хоро, что значитъ—«зеленая стѣна», пріурочивается только къ той части хребта, которая тянется къ западу отъ Талкинскаго перевала (см. St. Julien—«Notices sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographes et des historiens chinois» въ «Journ. Asiat.», série IV, v. VIII, p. 252). О наименованіи Ирянъ-харбутъ см. т. III, стр. 248.

Стр. 112. Напечатано—Лянь-чжоу вмѣсто Лянъ-чжоу. Та же опечатка на стр. 446.

Стр. 120. Напечатано—«чань-тоу» вмѣсто чанъ-тоу. Та же опечатка на стр. 175.

Стр. 128. Напечатано—«Ванъ-янъ-дэ» вмѣсто Ванъ-Янь-дэ. Та же опечатка на стр. 129, 225, 309 и 423.

Стр. 154. Напечатано—«Лунь-ванъ» вмѣсто Лунъ-ванъ.

Стр. 159. А. Д. Рудневъ сообщилъ мнѣ слѣдующую выдержку изъ «Отчета о поѣздкѣ въ Джунгарію и Туркестанъ въ 1901 г.» База-бакши-хамбо Менкеджіева, имѣющую отношеніе къ этому озеру.

«На восточной оконечности этой горы Эрень-Хабирга, вблизи Урумчи, на пространствѣ между тремя горами Богдойнъ-гурбанъ-шобогоръ, есть озеро съ прекрасной водой. Тамъ, говорятъ, травы и деревья очень хороши. Въ этомъ мѣстѣ Бэ-ханъ соединился съ небесной арагини (тенгріинъ рагини или дакини). Происхожденіе князей дэрбэтскихъ (дөрбөтъ) слѣ-

---

[1]) Китайскія географическія названія, переданныя въ этомъ томѣ въ мѣстномъ произношеніи, исправлены мною на прилагаемомъ у сего первомъ листѣ маршрутной съемки моего брата, а также въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ текста настоящаго тома.

дующее: матерью была ветла (удунъ модонъ), отцомъ была сова (ула шубу). Въ этомъ именно мѣстѣ, у озера, нашли происшедшаго отъ нихъ мальчика (по имени) Бадма-тайши [1]). Съ того времени воды и лѣса этихъ горныхъ урочищъ особенно чтутся у дӧрбӧтовъ, и далай-ханъ дӧрбӧтовъ, кочующихъ въ Алтайскихъ горахъ, ежегодно присылаетъ сюда людей для принесенія жертвъ. На сѣверной подошвѣ тѣхъ трехъ Богдо, въ храмѣ, гдѣ хранятся кости Іобуга-мерген'а, сказываютъ, есть караульные китайцы. Отъ того храма до китайскаго (города) Гу-чэн'а очень близко. Кости этого Іобуга-мерген'а, скончавшагося въ Пекинѣ, говорятъ, доставили, при посредствѣ 500 человѣкъ каторжниковъ, пѣшкомъ на носилкахъ на родину. Эти люди положили начало и до настоящаго времени (существующей) кости баитъ (батадъ). Если подумать объ этомъ, то можно считать, что мѣста древнихъ, первоначальныхъ кочевій дӧрбӧтовъ и хойтовъ (должны были быть) близко оттуда».

Дѣйствительно, три волости дӧрбӧтовъ и понынѣ еще кочуютъ въ этой части Тянь-шан'я къ востоку отъ р. Даланъ-гу (см. т. I, стр. 257).

Стр. 173, сноска 1. Напечатано—«Инъ-шань» и «Нянъ-шань» вмѣсто Инь-шань и Нань-шань. Послѣдняя опечатка и на стр. 210, 220, 237 и 292.

Стр. 176. О мѣстонахожденіи Лунь-тай'я см. т. III, стр. 296.

У Шотта («Zur Uigurenfrage» въ «Abhandlungen d. kön. Akad. d. Wiss. zu Berlin», phil.-hist. Klasse, 1875, стр. 56) находимъ указаніе, заимствованное изъ энциклопедіи Ма-дуань-лин'я, что Лунь-тай былъ однимъ изъ городковъ сѣвернаго Чешиского княжества.

Стр. 180. Напечатано—«Ло-чинъ» вмѣсто Лао-чэнъ.

Стр. 182, сноска 1 Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Лю-цзинь-тан'а, перваго губернатора Синь-цзян'ской провинціи, посвященномъ вопросу о знаменныхъ войскахъ въ этой провинціи, между прочимъ, говорится: Командующій полевыми войсками въ Гу-чэн'ѣ, проѣзжая изъ Пекина черезъ Хами, сказалъ мнѣ: посмотрите на маньчжурскій лагерь въ Гу-чэн'ѣ. Все заросло тамъ травой. Знаменныхъ же солдатъ не найдется тамъ и двадцати человѣкъ. Я ѣду туда, чтобы вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, но тамъ нѣтъ ни войскъ, которыми я могъ бы командовать, ни дома, гдѣ я могъ бы помѣститься («Сборникъ геогр., топогр. и статист. матеріаловъ по Азіи», XII, стр. 327).

Стр. 218. Время основанія Гао-чан'а должно быть отнесено къ болѣе раннему періоду. См. томъ II, стр. 21, сноска 2.

Стр. 221—229. Ср. съ тѣмъ, что говорится о мѣстонахожденіи древняго Бэйтин'а на стр. 274—287 настоящаго тома.

Стр. 223, строка 2. Напечатано—«265 верстъ» вмѣсто 275 верстъ.

Стр. 225, строка 31. Напечатано—«Цзинъ-линь» вмѣсто Цзинь-линъ.

Стр. 280, сноска 1. Древнее названіе Лукчуна было Тянь-ди (T'ien-ti). См. Chavannes—«Documents sur les Tou-kiue Occidentaux» въ «Сборникѣ трудовъ Орхонской экспедиціи», VI, 1903, стр. 310.

---

[1]) По словамъ калмыковъ, мальчикъ Бадма-тайши найденъ былъ лежащимъ подъ деревомъ, съ котораго въ его ротъ падали капли сока, питавшія его. *Примѣч. А. Руднева.*

Стр. 303. Насколько убѣдительны доводы Ремюза, отождествляющаго слова «уй» и «уйгуръ», — видно изъ слѣдующаго: «Ou-i ou les barbares de Ou. Ce nom, comme il est écrit ici, ne se trouve nulle part ailleurs; mais il est facile de le reconnaître à l'aide d'une correction très simple. Au lieu de 夷 *i*, barbare, il faut lire 胡 *hou*, qui a la même valeur. La correction que je propose est si simple qu'il y a un autre éditeur qui l'a adoptée sans croire nécessaire d'en avertir en transcrivant un passage de Foe-koue-ki. Ou-hou serait alors le nom des Ouïgours. Il y a parmi les tribus dont se forme la nation Hoeï he, des Ou-hou, dont le nom a la même prononciation quoiqu'il soit écrit un peu différemment» («Foe-koue-ki ou Relation des royaumes bouddhiques, voyage exécuté par Fahian», стр. 15). Ср. Watters — «On Yuan Chwang's travels in India», I, 1905, p. 46, и Chavannes — «Les pays d'Occident d'après le Wei lio» въ «T'oung Pao», 1905, v. IV, série 2, p. 564, r. 2.

Стр. 313, строка 16. Напечатано—«геологическая долина» вмѣсто тектоническая долина.

Стр. 321. О Гяо-хэ-чэн'ѣ см. т. III, стр. 277.

Стр. 343. Отличіе турфанскаго дутара отъ туркестанскаго заключается въ томъ, что обѣ струны его изъ тонкихъ кишекъ, а не металлическія. Турфанскій дапъ, а равно дабъ илійскихъ таранчей не имѣетъ прикрѣпленныхъ по деревянному ободу желѣзныхъ колецъ, характеризующихъ туркестанскіе чильманда. Туркестанскій сетаръ (Лыкошинъ полагаетъ, что надо писать ситаръ, отъ персидскаго *си*, что значитъ—три; см. его замѣтку — «Туземная музыка» въ № 53 «Туркестанскихъ Вѣдомостей» за 1896 г.) отличается отъ туркестанскаго тѣмъ, что имѣетъ всѣ три струны металлическія; описываемый же Пантусовымъ («Таранчинскія пѣсни» въ «Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн.», XVII, I, стр. IV) таранчинскій сетеръ представляетъ иного типа музыкальный инструментъ. Лыкошинъ (l. c.) называетъ гырджакъ—гыджакомъ, Пантусовъ—гиджекомъ; по своему устройству таранчинскій инструментъ нѣсколько отличается отъ турфанскаго. Равабъ Пантусовъ называетъ ревобомъ, Лыкошинъ—рабабомъ. Ср. т. II, стр. 322—323.

Стр. 370 Согласно «Ши-цзи», хлопчато-бумажная ткань «да-бу» (даба) доставлялась въ Китай изъ нынѣшней Турфанской области уже при Старшихъ Ханяхъ. Впослѣдствіи, какъ кажется, та же ткань стала именоваться «бо-дѣ». (См. Д. Позднѣевъ—«Историческій очеркъ Уйгуровъ», стр. 119).

Стр. 421. Китайское названіе станціи Кыркъ-ортунъ—Ту-дунь-цзы (См. «Синь-цзянъ-дао-ли-бяо», перев. Борнемана, въ «Сборникѣ геогр., топогр. и статист. матер. по Азіи», LVIII, стр. 138). Здѣсь проходитъ граница Турфанскаго приставства.

Стр. 423, сноска 1. Напечатано—«Юй-мынъ-гуань» вмѣсто Юй-мынь-гуань.

Стр. 428. Китайское названіе станціи Курамъ-ташъ—Хуй-цзинъ-цзы («Синь-цзянъ-дао-ли-бяо», l. c.).

Стр. 430, строка 26. Напечатано—«юго-восточное» вмѣсто—юго-западное.

Стр. 444, строка 28. Выпала цифра 8; приведенный годъ—1758.

Стр. 473. Со словъ туземцевъ я писалъ: «Какъ на особую достопримѣчательность указывали на усыпальницу, выстроенную Шаа-Махсутомъ надъ могилами Баширъ-хана и его сына». Между тѣмъ у Пясецкаго («Шутешествіе по Китаю», стр. 953—954) мы читаемъ: «Семейный склепъ хамійскихъ беговъ представляетъ довольно большое каменное зданіе съ куполомъ, покрытымъ снаружи зелеными изразцами, какіе одѣваютъ и его стѣны, съ тою только разницею, что здѣсь они бѣлые съ голубымъ рисункомъ, а зеленые изразцы только окаймляютъ края ихъ». Изъ сего слѣдуетъ, что на долю вана Шаа-Махсута выпала не постройка усыпальницы, а лишь основательный ремонтъ ея съ замѣной однихъ изразцовъ другими.

Стр. 475, строка 2. Пропущены слова—«либо боговъ», всю же фразу слѣдуетъ читать такъ: Базары переполняются различными картинами и картинками, изображающими либо боговъ, либо цѣлыя сцены изъ жизни различныхъ героевъ, напримѣръ, какого-нибудь Ё-фэй (а не Іо-фи, какъ у меня сказано) или Шуа-жуань-гуй (а не Шюа-жюнъ-гуи, какъ напечатано). О Ё-фэй см. ниже примѣчаніе къ стр. 206 второго тома.

Стр. 494—499. Friederichsen («Morphologie des Tien-schan» въ «Zeitschrift d. Gesell. für Erdkunde zu Berlin», XXXIV, 1899, стр. 29 и слѣд.) высказывается за принадлежность Карлыкъ-таг'а и Баркульскихъ горъ къ горамъ Алтайской системы. Ту же мысль высказалъ и я въ письмѣ изъ Хами («Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», XXVI, стр. 279).

Томъ II.

Стр. 4, сноска 3. Опечатка: статья Brosset находится не въ III, а во II томѣ «Nouv. Journ. Asiat.».

По вопросу о границахъ юэчжи'скихъ кочевій высказывались также: Lassen—«Indische Alterthumskunde», II, стр. 368, Richthofen—«China», I, стр. 49 и 440, и Kurakichi Shiratori—«Ueber den Wu-sun-Stamm in Centralasien» въ «Keleti Szemle», 1902, III, стр. 111—113.

Стр. 5. Напечатано: «V. de St. Martin'омъ было высказано предположеніе, что юэчжи—то же, что тухоло Сюань-Цзана, т. е. тохары». Это—грубая ошибка. Мнѣніе это было высказано не V. de St. Martin, а другими комментаторами мемуаровъ Сюань-цзана, всего же рѣшительнѣе—Юлемъ и Рихтгофеномъ. См. выше, стр. 28, сноску 3.

Стр. 6. Выдержка изъ энциклопедіи Ма-дуань-лин'я о ступѣ близъ города Фу-лэу-ша приведена и у Ab. Rémusat—«Nouveaux mélanges asiatiques», I, 1829, стр. 224.

Стр. 15. Болѣе подробныя данныя о владѣніи Шань-шань читатель можетъ найти у Chavannes—«Les pays d'Occident d'après le Wei lio» въ «T'oung Pao», série II, v. VI, 1905, стр. 531—533, 537—538.

Стр. 18. О Ли-лин'ѣ см. также Pfizmaier—«Die Heerführer Li-khuang und Li-ling» въ «Sitzungsberichte d. phil.-hist. Cl. d. kais. Akad. d. Wiss.», 1863, стр. 25 и слѣд.

Стр. 24. Вѣроятно, къ этому времени княжество Шань-шань овладѣло и всѣмъ западнымъ Бэй-шан'емъ. Страна эта описывается въ «Фо-го-цзы» (Ab. Rémusat—«Foe-koue-ki», etc., стр. 7) въ

слѣдующихъ выраженіяхъ: «Le royaume de Chen-chen est un pays montueux et très inégal. La terre y est maigre et stérile».

Стр. 25. Сянь-би были монголами, см. выше III главу.

Стр. 27, сноска 3. См. также—«Статистическое описаніе китайской имперіи», II, стр. 77.

Стр. 30, сноска 1 на стр. 28. Къ одному выводу со мной о мѣстоположеніи той территоріи, на которой осѣли юебаньцы, приходятъ Иностранцевъ—«Хунъ-ну и Гунны», стр. 31, и Kurakichi Shiratori—«Ueber d. Wu-sun-Stamm i. Centralasien» въ «Keleti Szemle», 1902, III, стр. 130. Тотъ же авторъ видитъ въ юебаньцахъ племя «апаръ» тюркскихъ надписей (ibid.).

Стр. 39, сноска 9. О владѣніи Шань-шань упоминается и позднѣе, а именно въ серед. VII в. См. Chavannes—«Documents sur les Tou-kiue occidentaux» въ «Сборникѣ трудовъ Орхонской экспедиціи», 1903, VI, стр. 30.

Стр. 46, строка 17. Напечатано—«въ 764 году» вмѣсто—въ 744 году.

Стр. 46, сноска 46. Rivière des Perles не Зеравшанъ, а Сыръ-дарья.

Стр. 47. Hirth («Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk» въ «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», 2-te Folge, 1899, стр. 129) полагаетъ, что подъ нменемъ сѣянто у китайцевъ извѣстны были тардуши.

Стр. 48, сноска 5. О постепенномъ усиленіи карлыковъ см. Chavannes—«Documents etc.», стр. 85—86.

Стр. 62. Нѣкоторыя свѣдѣнія о сары-уйгурахъ читатель найдетъ и въ третьей главѣ настоящаго тома.

Стр. 63, сноска 5 на стр. 60. Напечатано—«нинъ-вана» вмѣсто цинъ-вана.

Стр. 119, сноска 8. Напечатано—«1672 годъ», слѣдуетъ же—1762 г.

Стр. 131, строка 27. Пропущенъ предлогъ «съ» въ фразѣ «Бей-шань скія горы сливаются Тянь-шанемъ».

Стр. 198. Менкеджіевъ («О поѣздкѣ въ Чжунгарію и Туркестанъ въ 1901 году», рукописн. перев. Руднева) называетъ Эцзинъ—Ечжине-геломъ.

Стр. 206—207. Секретарь г. Сплингарда ошибся. Ё-фэй (Іо-фей) былъ сподвижникомъ не Сунъ-вана, а министромъ перваго императора Сунской династіи, перенесшаго столицу изъ Да-лян'а (нынѣ Кай-фынъ-фу, въ провинціи Хэ-нань) въ Линь-ань (нынѣ Ханъ-Чжоу-фу, въ провинціи Чжэ-цзянъ). Его жизнь и дѣятельность описана въ романѣ, пользующемся въ Китаѣ большою извѣстностью. Біографическія о немъ свѣдѣнія можно найти у Джипса (Gibs)—«Chinese Biographical Dictionary», въ статьѣ «Yo-Fei». Эти данныя любезно сообщены мнѣ профессоромъ Pelliot.

Стр. 238, строка 19. Напечатано «чао-лянъ» вмѣсто—гао-лянъ.

Стр. 246. Какъ кажется, впервые Китай подвергся нападенію хунновъ около половины IX вѣка до Р. Хр. (См. Георгіевскій—«Первый періодъ китайской исторіи», стр. 79).

Стр. 247, сноска 1. Или: «Мэнъ-тянь, полководецъ Ши-хуанъ-ди, отразивъ жунновъ и ди на сѣверо-восточной окраинѣ Чжили, направился отсюда на западъ, побѣдоносно прошелъ по всей сѣверной границѣ Китайской имперіи до Хэ-нань (Ордоса) и овладѣлъ этой страной, вытѣснивъ изъ нея кочевавшихъ въ ней сюнъ-ну (хунновъ)». (Георгіевскій, op. cit., стр. 183).

Стр. 250—255. Нѣкоторыя свѣдѣнія о ди, которые сами себя называли хо-чжэ (ho-tche), можно найти у Chavannes—«Les pays d'Occident d'après le Wei lio» въ «T'oung Pao», série II, v. VI, 1905, стр. 521—525.

Стр. 253, сноска 3. О странѣ Бом-ра, какъ объ одномъ изъ округовъ области До-Хамъ, упоминаетъ въ своей географіи Тибета и Миньчжулъ-хутукта (стр. 41).

Стр. 256, сноска 2. У Д. Позднѣева («Историческій очеркъ Уйгуровъ», стр. 11) читаемъ: «...даже самое имя динлинъ звучитъ въ позднѣйшемъ дили».

Стр. 258. О бѣлоглазомъ племени аккаракъ см., кромѣ цитированнаго выше сочиненія Кастрена (стр. 25), его же—«Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849», стр. 342 и 401.

Стр. 262, сноска 1 на стр. 261. Обычай устройства общихъ могилъ существовалъ нѣкогда и у народовъ Европы. См. Нидерле—«Человѣчество въ доисторическія времена», стр. 82, 128 и 129. Тамъ же читатель найдетъ указанія и на другія особенности погребенія, общія народамъ Европы и инородцамъ южнаго Китая; см. въ особенности стр. 37, 48, 81, 84, 85, 100, 129, 147—149, 272, 426 и 436.

Стр. 270. Сѣверные бо-ма были также извѣстны подъ именами би-цэ и о-ло-чжэ (ngo-lo-tche; ср. съ наименованіемъ нголокъ). См. Chavannes—«Documents sur les T'ou-kiue Occidentaux» въ «Сборникѣ трудовъ Орхонской экспедиціи»—VI, 1903, стр. 29.

Стр. 274, сноска 2. О прародинѣ народа Авесты сообщается:

Рядомъ со скалистыми кряжами горъ «s'étendent des plaines et des vallées assez vastes, traversées par de larges cours d'eau qui y forment des mers étendues. Leur fertilité toutefois n'en est pas moins restreinte. Ce sont pour la plupart des solitudes, des déserts». «Dans l'Aryana Vaidja l'hiver dure 10 mois et l'été 2». «En hiver le temps est mauvais; il tombe une neige abondante. L'astre Tistrya à la fin de l'automne quand son éclat domine le ciel—fait couler les torrents et chassent les brouillards qui se forment èn épais nuages. L'Avesta parle des nuits où de noires nuées occupent le ciel, où d'épaisses ténèbres couvrent la terre». «Le vent du nord répand la désolation; il est compté au nombre des démons. Le vent du sud au contraire dissipe les nuages». «Le chien était en quelque sorte sacré pour le zoroastrien et n'était rangé que bien peu en dessous de l'homme».

Изъ животныхъ упоминаются волкъ, медвѣдь, лисица, бобръ, выдра, но нигдѣ не говорится о тигрѣ. (См. Geiger—«Le pays du peuple de l'Avesta dans ses conditions physiques» въ «Le Muséon», II, 1883, стр. 54 и слѣд.).

Стр. 275. О длинноголовыхъ среди тунгусовъ см. L. v. Schrenck—«Reisen und Forschungen im Amur-Lande», III, «Die Völker des Amur-Landes», I, стр. 304—310.

Стр. 281, сноска 5 на стр. 279. Рѣчь идетъ о луговыхъ черемисахъ. Среди же горныхъ черемисовъ, по свидѣтельству Никольскаго («Этногр.-антроп. очеркъ восточныхъ черемисъ» въ «Трудахъ Антроп. Общ. при Военно-медиц. Академіи», II, стр. 50), до 70% темнорусыхъ и чисторусыхъ. По своимъ физическимъ свойствамъ они весьма замѣтно отличаются отъ луговыхъ: они выше ростомъ, крѣпче тѣлосложеніемъ, съ продолговато-овальнымъ лицомъ

и окладистой бородой. У Смирнова («Черемисы», стр. 85) читаемъ однако: у луговыхъ черемисовъ мы встрѣчаемъ такую же смѣсь черноволосыхъ и бѣлокурыхъ особей, бронзовый и бѣлый цвѣтъ кожи, какъ и у горныхъ. Соммье («О черемисахъ», переводъ въ «Запискахъ Уральскаго Общ. Любит. Естествознанія», XIV) нашелъ, что головной указатель у черемисовъ колеблется между 92,02 (гипербрахицефалы) и 70,70 (долихоцефалы).

Бронза Венгріи изъ Сибири (Нидерле—«Человѣчество въ доисторическія времена», стр. 217).

Стр. 282. «Не смотря на то, что среди остяковъ большинство—брюнеты, тѣмъ не менѣе типомъ красоты считается у нихъ: овальное лицо, голубые глаза, бѣлокурые волосы и брови и румянецъ на щекахъ» (Кондратовичъ—«Къ этнографіи остяковъ» въ «Трудахъ Антроп. Общ. при Военно-мед. Акад.», 1897, II, стр. 330).

Стр. 291. Миньчжулъ хутукта («Географія Тибета», стр. 54) называетъ этотъ монастырь—Ма-тай-сы.

Стр. 292, строка 15. Напечатано—«Emberiza laucocephala» вмѣсто—leucocephala.

Стр. 293, строка 22. Напечатано—«на востокъ» вмѣсто—на западъ.

Стр. 318. Болѣе древнее названіе рѣки Да-тунъ-хэ—Хуанъ-шуй (см. прим. Klaproth'a въ Ab. Remusat—«Foe-koue-ki», etc., стр. 5). Монгольское ея названіе—Уланъ-мурень.

Стр. 336, сноска 3. Чувзанъ у Миньчжулъ хутукты (op. cit., стр. 53).

Стр. 353. При старшей династіи Хань (съ 206 до Р. Хр. по 22 послѣ Р. Хр.) г. Си-нинъ-фу носилъ названіе По-цянъ; при слѣдующей династіи оно было измѣнено въ Си-пинъ, подъ каковымъ названіемъ городъ этотъ и просуществовалъ до эпохи «Ши-лю-го» (см. т. II, стр. 31, сноска 1), когда былъ сдѣланъ стольнымъ княжества Южный Лянъ (см. прим. Klaproth'a въ Ab. Rémusat—«Foe-koue-ki», etc., стр. 5). При династіи Суй (581—618) онъ переименованъ былъ въ Шаньчжоу, при династіи Сунъ (906—1280)—сначала въ Хуанъчжоу, а затѣмъ въ Си-нинъ (Biot—«Dictionnaire des noms anciens et modernes des villes et arrondissements de l'empire Chinois»). Современные монголы называютъ этотъ городъ Селинъ-хото, а тибетцы Селинъ-каръ (гуаръ), что, по мнѣнію Рокхиля («Въ страну ламъ», стр. 37), показываетъ, что тибетцы, а отъ нихъ и монголы, узнали впервые о существованіи Синина отъ жителей Сы-чуан'и, которые вмѣсто «нинъ» выговариваютъ «линъ», чего не встрѣчается теперь нигдѣ въ Гань-су.

Стр. 402. Въ «Отвѣтѣ» г. Бартольда («Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.», XXXII, стр. 698—699) по вопросу объ объемѣ географическаго наименованія Суй-ѣ имѣются слѣдующія строки: «Формулировавъ свою мысль, что «подъ именемъ Суй-ѣ нельзя разумѣть одинъ только городъ, расположенный въ Чуйской долинѣ, а всю страну между Ала-тау и Кокъ-шаломъ, между верховьями р. Чу и Ханъ-Тэнгри, въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ такъ должна была называться долина Джанарта—г. Грумъ-Гржимайло *рѣшается* [1]) заявить: «Hirth, луч-

[1]) Курсивъ мой.

шій изъ современныхъ синологовъ, комментируя китайскія извѣстія, приходитъ нынѣ къ подобному же заключенію. Неужели и онъ ошибся?» Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, въ какомъ сочиненіи Хирта онъ нашелъ такое «заключеніе»; вѣроятно, онъ былъ введенъ въ заблужденіе словами моей рецензіи, что взглядъ г. Грумъ-Гржимайло на значеніе термина Суй-ѣ въ обширномъ смыслѣ приблизительно раздѣляется профессоромъ Хиртомъ. Я имѣлъ въ виду слѣдующее примѣчаніе проф. Хирта къ слову Суй'ѣ: «Das Stromsystem des Sui-yé, worunter das Land am Nordabhang der Alexanderkette von der Ostspitze des Issyk-kul bis nach Aulie-ata und Itke-tschu zu verstehen sein dürfte» [1]). *Нигдѣ проф. Хиртъ не говоритъ* [2]), что въ это опредѣленіе можно включить также южный склонъ Терскей-тау; что касается пріуроченія названія Суй-ѣ «въ болѣе тѣсномъ смыслѣ» къ долинѣ Джанарта, *то этотъ взглядъ не только не раздѣляется проф. Хиртомъ, но послѣ его перевода окончательно сдѣлался невозможнымъ* [2])».

Далѣе (на стр. 709) говорится, что такая ссылка на Хирта составляетъ неблаговидный «пріемъ».

Между тѣмъ на оборотѣ той страницы сочиненія Хирта, на которую ссылается г. Бартольдъ, мы читаемъ: «Vom Sui-pu Flusse (womit wohl das im Kaschkar-Thal fliessende Quellgebiet des Sui-yé — Flusses gemeint ist) kommt man nach 50 Li zum Jö-hai (d. i. dem Issyk-kul)».

Иными словами на 72 страницѣ цитируемаго сочиненія Хиртъ буквально повторяетъ о. Іакинфа, въ виду чего должно отпасть и все то, что г. Бартольдъ пишетъ на стр. 698 означеннаго «Отвѣта» по адресу «почтеннаго синолога» о. Іакинфа и моему.

Засимъ, въ дополненіе къ сказанному о Суй-ѣ, привожу нижеслѣдующія данныя объ этой мѣстности:

У Іакинфа («Собраніе свѣдѣній о народахъ, обит. въ Средн. Аз. въ древн. времена», III, стр. 222) подъ 676—678 годами читаемъ: «Въ сіе время тибетцы напали на Харашаръ и завоевали всѣ четыре инспекціи». Въ томъ же сочиненіи, но стр. выше, пояснено: «Въ первый разъ въ его (Али-Бушиби) резиденцію переведенъ намѣстникъ Западнаго края (Ань-си-ду-хо-фу), которому еще подчинены инспекціи Хотанская, Суйѣская и Кашгарская подъ названіемъ четырехъ инспекцій». Въ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» (стр. 454) также говорится: «При Танской династіи въ Янь-ци (Карашарѣ) учреждено воеводство, обращенное затѣмъ въ военный округъ Суй-ѣ». Сопоставляя эти извѣстія съ тѣмъ, что пишетъ г. Бартольдъ, пришлось бы допустить, что тибетцы въ 676 году овладѣли Чуйской долиной, чего въ дѣйствительности не было. Впрочемъ, въ китайскихъ лѣтописяхъ содержится категорическое указаніе на то, что подъ именемъ Суй-ѣ была въ древности извѣстна р. Акъ-су: «Есть рѣка Суй-ѣ, вытекающая за 1000 ли отъ Ань-си (Кучи) на сѣверо-западѣ, достигши горъ Бода (Кокшалъ-тау), простирается далѣе на югъ до Серединнаго государства» (Іакинфъ, тамъ же, стр. 244).

---

[1]) „Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk", стр. 71.

[2]) Курсивъ мой.

Такимъ образомъ изъ всего, что теперь извѣстно о Суй-ѣ, приходится вывести заключеніе, что подъ этимъ именемъ была извѣстна обширная область Тянь-шань'скаго нагорья и что то же названіе пріурочивалось къ двумъ, стекающимъ съ него рѣкамъ—Чу и Акъ-су, подобно тому, какъ нынѣ, въ предѣлахъ того же нагорья, извѣстны двѣ сходящіяся своими вершинами рѣки Кизылъ-су—Вахшъ и Кашгаръ-дарья.

Замѣчу кстати, что Григорьевъ («Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 180) также полагалъ, что въ Танское время должны были существовать два города Суй-ѣ—одинъ въ Чуйской долинѣ (Су-ѣ), другой на мѣстѣ нынѣшняго Карашара (Суй-ѣ).

Что касается, наконецъ, времени, къ которому восходитъ это названіе, то въ этомъ отношеніи мы имѣемъ два указанія:

«Sous les Han c'était le royaume de Khang kiu. Sous les seconds Han ce pays fit partie des royaumes de Khang kiu et de Sou y» (см. Klaproth—«Magasin Asiatique», I, стр. 98; ср. Бартольдъ—сноска 4 къ стр. 698 на стр. 699).

«C'est peut-être dans ce pays qu'existait la ville de Tsouï-ye du temps des Han et des Thang» (St. Julien—«Hydrographie de la nouvelle frontière» въ «Nouvelles annales des voyages», nouv. série, 1846, III, стр. 62).

Стр. 406. «Филологическихъ затрудненій» [1]) для отождествленія Бумынъ-кагана и Истэми-кагана съ Тумынемъ и Исиги [2]) китайскихъ историковъ не встрѣтили также Marquart («Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften», стр. 185; цит. по Шаванну) и Chavannes («Documents sur les Tou-kiue Occidentaux», стр. 219), у котораго читаемъ: «T'ou-men et Che-tie-mi sont donc les premiers chefs des deux sections du peuple turc, et, comme ils sont tous deux les fondateurs de sa gloire, on comprend pourquoi ils sont évoqués de compagnie sous les noms de Boumin et Istämi au début des inscriptions de Koscho-Tsaïdam».

Hirth пошелъ еще дальше и, *опираясь на историческіе факты*, высказалъ предположеніе о тождествѣ Бумынъ-кагана съ Муюй-ханомъ. (Op. cit., стр. 88).

Очевидно, всѣ эти ученые смотрятъ иными глазами, чѣмъ г.г. Бартольдъ и Меліоранскій, на значеніе письменныхъ памятниковъ.

Parker («Progress in Old Turkish Discoveries» въ «The China Review», 1899, XXV, Aug.-Sept., стр. 37) полагаетъ, что Бумынъ есть китайское слово pu ming, означающее почетное право не употреблять личнаго имени.

Стр. 409. Согласно опредѣленію проф. Кащенко («Обзоръ млекопитающихъ Западной Сибири и Туркестана» въ «Извѣстіяхъ Имп. Томск. Унив.», 1905) привезенный нами изъ Джунгаріи ежъ принадлежитъ къ виду E. albulus, Blanf.

---

[1]) См. замѣтки Бартольда въ „Запискахъ Вост. отд. Имп. Русск. Археол. общ.“, XI, стр. 358, и въ „Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. общ.“, XXXV, стр. 707.

[2]) Chavannes переводитъ—Che-*tie*-mi. По этому поводу проф. Pelliot мнѣ пишетъ: Имена первыхъ турецкихъ кагановъ должны читаться — T'ou-men (Ту-мынь) и Che-*tien*-mi, точнѣе—Che-tiem-mi, что составляетъ точную передачу Истэми, такъ какъ начальный звукъ „И“ долженъ былъ въ китайской транскрипціи выпасть.

Томъ III.

Стр. 23, сноска 1. Kurakichi Shiratori («Ueber d. Wu-sun-Stamm in Centralasien» въ «Keleti Szemle», 1902, III, стр. 123 и слѣд.) доказываетъ даже, что кангюйцы никогда не владѣли Согдіаной.

Стр. 24, сноска 1 къ стр. 23. За тюркское происхожденіе усуней высказывается и Kurakichi Shiratori (op. cit., стр. 135—140). Тюркскій языкъ, которымъ, можетъ быть, говорили усуни, не можетъ, однако, служить серьезнымъ доводомъ въ пользу ихъ тюркскаго происхожденія. Гораздо важнѣе съ этнологической точки зрѣнія приводимое тѣмъ же авторомъ изъ сочиненія И-линь указаніе, что «усуньскія дѣвушки отличаются глубоко-поставленными глазами, некрасивы (съ китайской точки зрѣнія, конечно) и имѣютъ темный цвѣтъ кожи» («die Mädchen der Wu-sun haben tief gelegene Augen und sind schwarz und hässlich»). Я не знаю, къ какому времени должно быть отнесено цитируемое Kurakichi Shiratori китайское сочиненіе, но во всякомъ случаѣ глубоко сидящіе глаза должны быть отнесены къ числу особенностей кавказской, а не монгольской расы, равно и опредѣленіе «некрасивый», точнѣе—«отвратительный», едва-ли говоритъ противъ этого; что же касается словъ «sind schwarz», то неизвѣстно, къ чему они относятся—къ цвѣту ли кожи или волосъ.

Стр. 26. О народѣ юебань см. т. II, стр. 29—50, и выше стр. 461.

Стр. 27. Ср. Kurakichi Shiratori, op. cit., стр. 105—113 и 135.

Стр. 27, сноска 7. De Rialle «Mémoires sur l'Asie Centrale», стр. 26—27); Lassen («Indische Alterthumskunde», II, стр. 368) считалъ ихъ племенемъ, родственнымъ хуннамъ.

Стр. 33, сноска 4 на стр. 32. Аваровъ съ жеу-жан'ями отождествляетъ и Chavannes («Documents sur les Tou-kiue Occidentaux», стр. 229—232). Ту же мысль высказали Marquart и Saint-Martin (Chavannes, ibid.). Но такъ какъ авары—жеу-жан'и, какъ это замѣтилъ еще Ѳеофилактъ Симокатъ (Chavannes, ibid.), не имѣли ничего общаго съ тѣми аварами, которые вторглись въ Европу въ 558 году, то отождествленіе это еще не освѣщаетъ намъ темнаго вопроса о происхожденіи этого народа. К. Ширатори считаетъ ихъ монголами («Ueber die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme» въ «Извѣстіяхъ Импер. Академіи Наукъ», XVII, 1902, № 2, стр. 18).

Стр. 35, сноска 4. Проф. Pelliot пишетъ мнѣ, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что вмѣсто «танъ-гу-гюѣ» слѣдуетъ читать «танъ-ту-гюѣ». Далѣе же онъ замѣчаетъ: «La même information, provenant de la même source, est également donnée dans le Marco Polo de Yule, éd. Cordier, I, 206. Mais l'interprétation de Rockhill doit être corrigée comme suit: «Les T'ang-kou-tö sont les descendants des T'ou-kiue (de l'époque) des T'ang». Des textes nombreux veulent en effet que t'ou-kiue ait signifié casque». См. Иностранцевъ—«Хунъ-ну и Гунны», стр. 20 и 42.

Стр. 55. Козловъ («Монголія и Камъ», I, 2, стр. 523) приводитъ слѣдующія названія для пяти удѣловъ страны Хоръ-ба или, какъ онъ называетъ—Хоръ-карн'а-шогъ: Кансаръ, Мансаръ, Бэрэ, Дэву и Дза-хогъ.

Стр. 58—59. Козловъ (op. cit., стр. 420, 492) говоритъ, однако, что населеніе удѣловъ Лхадо и Линъ-гузэ, въ бассейнахъ рѣкъ Меконгъ и Я-лунъ-цзянъ, считаетъ себя потомками монголовъ-шарайголовъ, населявшихъ эту страну уже въ эпоху цар-

ствованія «монгола» Сронъ-цзань-гамбо (Козловъ, op. cit., стр. 420). Монголами же считаютъ себя и туземцы удѣла Дза-чю-кава (l. c., стр. 553), не слыхавшіе, однако, ничего о монголахъ-шарайголахъ. Что въ области бассейна Я-лунъ-цзян'а къ коренному монгольскому (сяньбійскому) присоединился и сары-уйгурскій элементъ, это слѣдуетъ допустить a priori; но предположеніе это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что среди хошуновъ, на которые распадается удѣлъ Дза-чю-кава, имѣется одинъ, носящій названіе Арикъ (l. c., стр. 554; ср. съ тѣмъ, что пишется о родѣ арикъ выше, на стр. 63).

Стр. 60. Къ тому же выводу приходитъ и К. Ширатори, считающій сяньбійцевъ племенемъ монгольскаго происхожденія («Ueber die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme», стр. 8—18).

Стр. 69. О рѣкѣ Бухаинъ-голъ у Козлова (op. cit., стр. 626) читаемъ: «Дожди подняли уровень этой рѣки настолько высоко, что объ обычной переправѣ нечего было и думать; иного же способа попасть съ одного берега рѣки на другой здѣсь не существуетъ. Нерѣдко, впрочемъ, бываетъ, что смѣльчаки туземцы, прождавъ напрасно недѣлю—другую, рѣшаются переправиться черезъ Бухаинъ-голъ вплавь на лошади, но это не всегда проходитъ имъ безнаказанно».

Стр. 110. Kurakichi Shiratori посвящаетъ нѣсколько страницъ своего изслѣдованія—«Ueber d. Wu-sun-Stamm in Centralasien» разъясненію вопроса о томъ, какимъ путемъ названіе Ци-ляньшань, пріурочивавшееся въ древности къ сѣверной цѣпи Наньшан'я, было перенесено на Карлыкъ-тагъ. Онъ приписываетъ эту ошибку знаменитому комментатору «Цянь-Хань-шу» Янь-Шы-гу, жившему въ половинѣ VII вѣка (стр. 107).

Стр. 212, сноска 1. Ср. Chavannes — «Documents sur les Tou-kiue Occidentaux», стр. 18 и 305. Kurakichi Shiratori (op. cit., стр. 109) приводитъ слѣдующіе варіанты этого названія—Си-ло-мань, Ши-ло-мань, Чу-ло-мань и Чжэ-ло-мань. Другое названіе Карлыкъ-таг'а было Бай-шань—Бѣлыя горы.

Стр. 248, сноска 5. Рудневъ (рукописный переводъ соч. Менкеджіева—«О поѣздкѣ въ Чжунгарію и Туркестанъ въ 1901 году») транскрибируетъ—Ерѣнь-хабирга.

Стр. 250. Въ «Вэй-лё» содержится указаніе, что столицей Сѣвернаго Чеши былъ городокъ Юй-лай; съ другой стороны въ «Цянь-Хань-шу» и «Хоу-Хань-шу» говорится, что столица этого княжества находилась въ долинѣ Ву-ту. Мѣстность, гдѣ расположены города Гу-чэнъ, Джимысаръ и Фоу-канъ, отнюдь нельзя подвести подъ понятіе долины, почему отождествленіе Юй-лай'я съ Ци-тай'емъ или Моро-хо заслуживаетъ бо̀льшаго довѣрія. Впрочемъ, приводимое выше указаніе, что вся мѣстность отъ Моро-хо до Фоу-кан'а носила въ древности названіе Цзинь-мань и что въ этой странѣ уже съ незапамятныхъ временъ существовало пять городовъ, разрѣшаетъ вполнѣ удовлетворительно какъ настоящій вопросъ, такъ и вопросъ о мѣстоположеніи Бэй-тин'а. (См. Chavannes—«Les pays d'Occident d'après le Wei lio» въ «T'oung Pao», série II, v. VI, 1905, стр. 558).

Стр. 259. Какъ удостовѣряетъ Богоявленскій («Западный застѣнный Китай», стр. 226 и 285), ли-цзинь былъ вновь возстановленъ въ Синь-цзян'ской пров. послѣ безпорядковъ въ Китаѣ въ 1901 году, хотя и не вездѣ. Мѣра эта вызвана была нало-

*

женной на Китай контрибуціей, имѣвшей слѣдствіемъ повсемѣстное въ имперіи увеличеніе налоговъ.

Стр. 263, сноска 4. Соотвѣтственное китайское названіе этого налога—ло-ди-шуй.

Стр. 269, сноска 3. Въ пользу предположенія, что У-танъ-цы-ли находилось къ западу отъ Урумчи, высказывается и Kurakichi Shiratori (op. cit., стр. 129). Kurakichi Shiratori повторяетъ, однако, при этомъ старую ошибку, отождествляя столицу Задне-Чешискаго владѣнія съ Урумчи.

Стр. 317, сноска 2. Менкеджіевъ (ibid.) называетъ эту рѣку—Джиргаланты.

Стр. 318, сноска 4. Менкеджіевъ (ibid.) называетъ эту рѣку—Эбтэ.

Стр. 331, сноска 3. Менкеджіевъ (ibid.) называетъ это озеро—Эбей-нуръ.

Стр. 337. Упоминая о р. Боростай подъ именемъ Боро-боргосунъ, Менкеджіевъ (ibid.) перевалъ Цитерты называетъ Сетертэ, а р. Чонъ-колъ—р. Минъ-Маралъ.

Астрономическія опредѣленія

М. Е. Грумъ-Гржимайло.

Астрономическія наблюденія, произведенныя мною, были обработаны частью профессоромъ Витрамомъ, частью лейтенантомъ Максимовымъ, частью же мною, причемъ проф. Витрамъ взялъ на себя трудъ вычислить нѣкоторыя наблюденія неполныя и такія, которыя при моихъ вычисленіяхъ могли дать сомнительный результатъ.

Способъ наблюденій. Наблюденія производились почти исключительно надъ высотами солнца кругомъ Пистора въ искусственный горизонтъ. Для опредѣленія поправокъ хронометра наблюдались соотвѣтственныя высоты солнца до и послѣ прохожденія свѣтила черезъ меридіанъ и при углѣ, не меньшемъ 15^0 надъ горизонтомъ, причемъ отсчетъ записывался по одному ноніусу. Широты опредѣлялись по близмеридіанальнымъ высотамъ солнца; при этомъ наблюдались и записывались моменты касанія верхняго и нижняго края свѣтила по очереди. Отсчеты угловъ записывались по обоимъ ноніусамъ.

При наблюденіяхъ для каждаго мѣста опредѣлялась коллимаціонная ошибка, барометрическое давленіе по гипсотермометру и анероиду и температура воздуха.

Инструменты. Кругъ Пистора и искусственный горизонтъ были получены изъ Географическаго общества. Кругъ Пистора во время пути, при паденіи лошади, получилъ поврежденіе, а именно, въ немъ была погнута линейка алидады, которая была мною выправлена; но такъ какъ при этомъ лѣвый ноніусъ не прижимался вплотную къ кругу, то мнѣ пришлось его отвинтить, сдѣлать подъ него тонкую подкладку изъ фольги и только уже тогда поставить на мѣсто. Еще до этого онъ, вѣроятно, кѣмъ-то

исправлялся, такъ какъ на немъ нацарапаны были дѣленія въ промежуткахъ между дѣленіями машинными; эти дѣленія мною игнорировались.

Зеркало и призма инструмента были мною провѣрены и не возбуждали сомнѣнія въ прочной установкѣ, такъ что слѣдуетъ считать, что, послѣ исправленія, инструментъ прибылъ въ Петербургъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ во время наблюденій. Аварія съ нимъ произошла въ самомъ началѣ путешествія, послѣ наблюденія въ уроч. Богусъ-зуслунъ, 16 іюня 1889 г., а исправленъ онъ былъ до наблюденія въ уроч. Цзянь-цзюнь-голъ, 23 іюня.

Проф. Витрамъ, произведя изслѣдованіе инструмента по полученіи его въ Петербургѣ, далъ слѣдующій о немъ отзывъ:

«Параллельность призмы относительно большого зеркала была нарушена вслѣдствіе удара; по осмотрѣ оказалось, что ошибка большого зеркала незначительна, но зато отклоненіе призмы отъ настоящаго ея положенія бросалось сейчасъ же въ глаза.

Г. Грумъ-Гржимайло увѣряетъ, что во время пути съ инструментомъ ничего не случилось. Слѣдовательно, довольно вѣроятно, что наблюдатель пользовался въ Азіи инструментомъ дѣйствительно въ томъ состояніи, въ которомъ онъ теперь находится.

Чтобы получить понятіе о томъ, на сколько можно довѣрять результатамъ, полученнымъ въ Ц. Азіи, я сдѣлалъ нѣсколько рядовъ наблюденій, нарочно ничего не измѣняя въ инструментѣ.

Результатъ этого изслѣдованія состоитъ въ томъ, что инструментъ даетъ вообще высоты слишкомъ большія, такъ что широты, опредѣленныя по солнцу или по южнымъ звѣздамъ, требуютъ положительной поправки, а широты по полярной звѣздѣ должны быть, наоборотъ, уменьшены. Величина этихъ поправокъ колеблется въ моихъ наблюденіяхъ отъ $15''$ до $38''$. Вотъ таблица ошибокъ измѣренныхъ высотъ:

Августъ	26	по	⊙	$\Delta h = -21''$	при $h = 41°$
Сентябрь	4	»	»	» $= -17''$	» » $= 37°$
»	14	»	»	» $= -19''$	» » $= 34°$
»	16	»	»	» $= -15''$	» » $= 33°$
Октябрь	6	»	x Andromedae	» $= -22''$	» » $= 44°$
»	6	»	Polaris	» $= -31''$	» » $= 60°$
»	8	»	Polaris	» $= -36''$	» » $= 60°$
»	10	»	⊙	» $= -38''$	» » $= 34°$

Вѣроятная ошибка каждаго Δh въ среднемъ $E = \pm 2''$, изъ чего видно, что опредѣленія г. Грумъ-Гржимайло для картографическихъ цѣлей имѣютъ совершенно достаточную точность.

Наблюденій малыхъ высотъ у наблюдателя вовсе нѣтъ. Не принимая, слѣдовательно, мое опредѣленіе отъ 10 октября, гдѣ высота солнца была всего 24°, можно исправить высоты около 38° на —19″, а высоты около 60° на —33″. Мнѣ кажется, можно даже ограничиться введеніемъ во всѣ наблюденія общей поправки въ —26″».

«Такъ я и поступалъ, пишетъ лейт. Максимовъ, при вычисленіяхъ наблюденій г. Грумъ-Гржимайло, а именно, начиная съ 23 іюня, когда случилась катастрофа съ инструментомъ, я вводилъ поправку высоты $\Delta h = -26'' +$ коллимаціонная ошибка».

Хронометры. Въ моемъ распоряженіи было три хронометра, изъ коихъ два, *O* и *Z*, были звѣздными. Хронометръ *Z* былъ мнѣ выданъ Географическимъ обществомъ, хронометры *C* и *O* — Главнымъ штабомъ.

Наблюденія производились первоначально по хронометру *O*, но затѣмъ съ 13 августа 1889 г. по среднему хронометру *C*. Ходъ хронометровъ былъ вполнѣ исправнымъ до 26 января 1890 г., когда хронометръ *O* остановился и стоялъ въ теченіе пяти часовъ. Въ металлическомъ футлярѣ оказались весьма тонкія мѣдныя опилки, по удаленіи которыхъ хронометръ хотя и продолжалъ ходить, но съ перерывами.

Хронометрическій журналъ. Лейт. Максимовъ далъ слѣдующую его оцѣнку:

«За все время путешествія велся хронометрическій журналъ. Хронометры сравнивались между собою ежедневно въ одно и то же время (вечеромъ), притомъ довольно акуратно.

Сравненія хронометровъ дѣлались непосредственно другъ съ другомъ безъ посредства тринадцатибойщика и съ точностью до 0,1—0,2 секунды (звѣздные хронометры между собою менѣе точно); поэтому я вычислилъ въ хронометрическомъ журналѣ ходъ лишь съ точностью до $0^s,1$.

Въ хронометрическомъ журналѣ мною вычислены ходы хронометровъ *O* и *Z* лишь относительно хронометра *C*. Абсолютныхъ же ходовъ хронометровъ мнѣ не удалось получить, такъ какъ для этого недостаточно было опредѣленій времени на одномъ и томъ же мѣстѣ, или хотя бы на двухъ разныхъ точкахъ, разность долготъ которыхъ была бы извѣстна достаточно точно. Эта причина помѣшала мнѣ также вычислить и долготы посѣщенныхъ г. Грумъ-Гржимайло мѣстъ».

Способъ обработки неполныхъ наблюденій. Объ этомъ въ запискѣ лейт. Максимова говорится:

«Опредѣленія времени по соотвѣтствующимъ высотамъ солнца или по абсолютнымъ не были произведены на каждомъ пунктѣ [1]), въ виду чего пришлось для нѣкоторыхъ пунктовъ выводить поправку хронометра изъ наблюденій солнца около полудня. Такое опредѣленіе не можетъ быть, конечно, точнымъ, но оно представляется единственно возможнымъ. Такого рода вычисленія производились по слѣдующимъ формуламъ:

$$U_0 = E - 1/2\ (U_n + U_1) - y + \frac{(8{,}5777)}{k} \times \frac{(h_1 - h_n)''}{(U_n - U_1)}s$$

$$y = -(9{,}4059)\ (tg\varphi - tg\delta)\ \vartheta$$

$$k = \frac{2\ Cos\varphi_0\ Cos\delta}{Sn\ 1''\ Sn\ (\varphi_0 - \delta)}$$

гдѣ

ϑ — часовое измѣненіе склоненія солнца,
E — уравненіе времени,
U — время по хронометру,
U_0 — поправка хронометра относительно средняго времени,
y — поправка часового угла или часовой уголъ наибольшей высоты,
h_1 h_n — двѣ высоты солнца, по возможности далѣе отстоящія одна отъ другой,
U_1 U_n — соотвѣтственныя имъ показанія хронометровъ,
φ — грубо приближенная широта,
δ — склоненіе солнца.

Опредѣленіе времени по соотвѣтственнымъ высотамъ солнца и абсолютнымъ высотамъ солнца и опредѣленіе широтъ велись по обычнымъ формуламъ.

Рефракція вычислялась по таблицамъ Альбрехта, причемъ принимались поправки по высотѣ барометра.

Точность результатовъ. Опредѣленныя широты могутъ быть даны только съ точностью до 0′,1, какъ и вообще результаты наблюденій кругомъ Пистора.

Среднія ошибки широтъ колеблются отъ $E = \pm 0'{,}03$ (сел. Моръ-голъ) до $E = \pm 0'{,}7$ (г. Джаркентъ)».

---

[1]) Причиной было измѣненіе въ состояніи атмосферы. Такія неполныя наблюденія были вычислены г. Максимовымъ. *Примѣч. автора.*

Таблица астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ экспедиціей [1]).

Время наблюденія по ст. ст.	Мѣсто наблюденія.	Широта φ		Долгота.	Средняя ошибка.	
		опредѣл. экспед.	опредѣл. ранѣе.		Одного наблюд.	Результата.
1889 г.						
Май 24 и 25	Городъ Джаркентъ (дворъ Валиахуна Юлдашева)	44° 11′,3			±2′,3	0′,71
„ 31	Городъ Суй-динъ-чэнъ (домъ консульства)	44° 3′,5			±0′,7	0′,22
Іюнь 2	Городъ Кульчжа (домъ консульства)	43° 56′,0				
„ 10	Уроч. Толи (сходъ дорогъ: Бэйлу и на пер. Цитерты)	44° 31′56″,0				
„ 12	Городъ Цзинъ-хэ (въ 1 вер. къ ю.-з. отъ импаня)	44° 3′57″				
„ 16	Уроч. Богусъ-зуслунъ (на прав. бер. рѣчки, противъ аула старшины).	44° 24′,9			±0′,7	0′,27
„ 23	Р. Цзянь-цзюнь-голъ.	44° 8′,9				
Іюль 3 и 4	Уроч. Лу-чжанъ	43° 58′,1				
„ 14	Р. Фоу-хо (въ устьѣ ущелья) . .	43° 47′,2			0′,7	0′,19
„ 25, 26 и 27	Городъ Урумчи (на лѣв. бер. р. Архоту, противъ мельницы, въ 1 вер. отъ города)	43° 47′,2				
Августъ 1	Озеро на сѣв. скл. пика Богдо-ола (сѣв. берегъ)	43° 54′16″				
„ 25	Уроч. Гашунъ (ключи при дорогѣ).	44° 29′2″,0	44° 31′,5	$5^h\,59^m56^s,5$	0′,4	0′,2
Сентябрь 9	Городъ Гу-чэнъ (въ одной вер. къ с.-в. отъ китайск. города, внѣ города, на бер. большого арыка). .	44° 1′35″	44° 2′17″	$5^h\,58^m33^s,5$		
„ 15	Сел. Му-лэй (на лѣв. бер. рѣчки, въ 375 саж. къ ю. отъ ближайшихъ домовъ).	43° 48′56″				
„ 23	Подъ перев. Уланъ-усу, на лѣв. бер. рѣчки, у постоялаго двора (большая колесная дорога въ гор. Турфанъ) .	43° 38′54″,0				
Октябрь 9	Сел. Лемджинъ (западн. окраина оазиса)	42° 52′8″			±0′,1	0′,04
„ 13	Сел. Янъ-булакъ (сѣв. окраина оазиса)	42° 41′36″			±0′,4	0′,09
Ноябрь 24	Укр. Чиктымъ (на зап. окр. болота, въ 150 саж. къ зап. отъ импаня) . .	42° 59′56″			±0′,3	0′,1
Декабрь 1	Укр. Ляо-дунь (постоял. дворъ въ селен.)	43° 18′4″			±0′,2	0′,06

[1]) Наблюденія въ Джаркентѣ, Суй-динъ-чэн'ѣ, Кульчжѣ, Богусъ-зуслунѣ, Цзянь-цзюнь-голѣ, Лу-чжан'ѣ, Фоу-хо, Урумчи, Ташарѣ, одно изъ наблюденій въ Моръ-голѣ, Булунгирѣ, Юнъ-ань-чэн'ѣ и въ Мынъ-дань-ша были вычислены г. Максимовымъ, въ мѣстности Синъ-синъ-ся—проф. Витрамомъ, остальныя—мною.

Время наблюденія по ст. ст.	Мѣсто наблюденія.	Широта φ		Долгота.	Средняя ошибка.	
		опредѣл. экспед.	опредѣл. ранѣе.		Одного наблюд.	Результата.
1890 г.						
Январь 19, 20	Городъ Хами (пост. дворъ въ Синъ-чэн'ѣ)	42° 49′1″	42° 49′1″	$6^h\,13^m\,51^s$	±0′,05	
„ 19, 20	Городъ Хами (тузем. городъ)	42° 48′57″				
„ 28	Сел. Та-шаръ	42° 52′7				
Февраль 12	Сел. Моръ-голъ	42° 35′51″				
Сентябрь 25	Сел. Моръ-голъ (сѣв. селенія)	42° 36′,2			±0′,2	0′,03
Февраль 18	Станц. Синъ-синъ-ся (Шинъ-шинъ-ся, казенный пост. дворъ) [1]	41° 46′59″				
Мартъ 5	Сел. Булунгиръ (на ю. бер. рѣки, въ 250 саж. къ с.-зап. отъ сел.)	40° 31′,9			±0′,7	0′,21
„ 23	Городъ Су-чжоу (къ с.-з. отъ города въ 400 саж. отъ сѣв. предмѣстья)	39° 44′11″		$6^h\,34^m\,40^s$	±0′,3	0′,07
Апрѣль 26	Городъ Юнъ-ань-чэнъ (на бер. рѣчки, въ 250 саж. къ западу отъ города)	37° 37′,3			±0′,4	0′,11
„ 30	Городъ Да-тунъ (на краю крутого обрыва къ рѣкѣ, въ 250 саж. къ вост. отъ города)	37° 20′5″			±0′,2	0′,08
Іюнь 6	Долина Мынъ-дань-ша (на правомъ берегу рѣчки, въ двухъ верстахъ къ сѣв. отъ скалистыхъ горъ)	36° 28′,4				
Іюль 25	Рѣчка Хара-мори (въ 1½ в. къ ю. отъ южнаго берега оз. Куку-нора)	36° 46′14″				
Августъ 23	Дорога въ 250 саж. къ сѣв. отъ вершины перевала Чунъ-шуй-шань	38° 58′50″				
Сентябрь 10	Сел. Ши-дунь (с.-в. окраина селенія)	40° 27′50″			±0′,3	0′,08
„ 15	Кл. Лу-цо-гу (Бэй-шань)	41° 19′41″				
„ 20	Станція Мынъ-шуй (уроч. Чжичжэ-гу, въ 2½ верстахъ южнѣе станціи. Бэй-шань)	41° 58′50″				

---

[1]) «Рядъ наблюденій въ Синъ-синъ-ся не полный; опредѣленіе времени не могло быть сдѣлано. Поэтому пришлось примѣнить способъ, для опредѣленія широты, приближенный, а главное, могли быть взяты въ расчетъ только ближайшія къ кульминаціи солнца наблюденія. Но ихъ было совершенно достаточно, чтобы получить результатъ, точность котораго можетъ быть оцѣнена въ ± 10″. Я получаю изъ восьми наблюденій для широты Синъ-синъ-ся:

$$\varphi = 41^\circ\,46'59''$$

По маршруту ст. Синъ-синъ-ся лежитъ на 107 в. южнѣе и на 147 восточнѣе Хами, т. е. на 1° 1′42″ южнѣе и на 2° 21′6″ восточнѣе. Хами имѣетъ координаты:

$$\varphi = 42^\circ\,49'0''$$
$$\lambda = 93^\circ\,27'45''\ (6^h\,13^m\,51^s)\ \text{отъ Гринв.}$$

Переносъ отъ Хами даетъ слѣдовательно для Синъ-синъ-ся:

$$\varphi = 41^\circ\,47',3,$$

что очень хорошо согласуется съ непосредственнымъ наблюденіемъ». *Ѳ. Витрамъ.*

Списокъ растеній, собранныхъ экспедиціей [1]).

Ranunculaceae.

Clematis orientalis obtusifolia, Trautv.
Джунгарія (долина р. Цзинъ-хэ).
Почва глинисто-песчаная.

Clematis orientalis vulgaris, Trautv.
Джунгарія (Бэй-лу между г. Фоу-кан'омъ и сел. Сань-тай).
Почва глинисто-песчаная, богатая солями. Мѣстное названіе „сарыготъ".

Clematis orientalis tangutica, Maxim.
Гань-су (Сининскія альпы), Куку-норъ (долина р. Бухаинъ-голъ) 10.000—11.500 фт.
Лугъ, сай. Іюнь—цвѣты; августъ—плоды [2]).

Clematis alpina macropetala, Maxim.
Гань-су (уроч. Ча-чжи). 9.000 фт.
Лугъ; предпочитаетъ сырыя, тѣнистыя мѣста. Май—цвѣты.

Thalictrum petaloideum, L.
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Сырой лугъ. Нач. іюня—цвѣты.

Anemone rivularis, Hamilt. (v. flore minore, Maxim.).
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Рѣчныя отмели. Іюнь—цвѣты.

Anemone obtusiloba, Don.
Гань-су (г. Шинъ-чэнъ, перев. Чжуса, Сининскія альпы). 8.500—11.200 фт.
Лугъ. Май, нач. іюня—цвѣты.

---

[1]) Обработку собранной экспедиціей ботанической коллекціи, принятую на себя покойнымъ директоромъ Императорскаго Ботаническаго Сада А. Ф. Баталинымъ, закончилъ И. В. Палибинъ.

[2]) Время цвѣтенія какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ послѣдующихъ, приведено по старому стилю.

Adonis coerulea, Maxim. [1]).

Гань-су (уроч. Ча-чжи). 9.000 фт.

Лугъ; преимущественно сырыя, тѣнистыя мѣста. Серед. мая—цвѣты.

Ranunculus tricuspis, Maxim.

Гань-су (долина р. Да-тунъ-хэ). 9.500 фт.

Лугъ. 2 мая цвѣты.

Ranunculus affinis indivisus, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Лугъ. Серед. іюня—цвѣты.

Ranunculus affinis tanguticus, Maxim.

Куку-норъ (долина р. Бухаинъ-голъ). 11.000 фт.

Влажныя площадки вдоль рѣчекъ. Въ концѣ іюля отцвѣталъ.

Ranunculus kamtschaticus, D. C.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.500 фт.

По кочкамъ верхняго горизонта кустарныхъ порослей; сѣверные склоны. 31 мая—цвѣты.

Trollius pumilus, Don.

Гань-су (Сининскія альпы, Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 10.000—13.200 фт.

Лугъ, по краямъ осыпей. Цвѣтетъ съ серед. мая до серед. августа, въ зависимости отъ абсолютной высоты мѣста и другихъ условій.

Isopyrum grandiflorum, Fisch.

Гань-су (Южно-Тэтунгскій хреб.). 12.200 фт.

Скалы, прикрытыя тонкимъ слоемъ перегнойной почвы. 3 мая—цвѣты.

Delphinium grandiflorum, L. [2]).

Амдо (предгорія хр. Джахаръ), Гань-су (Сѣв. Тэтунгскій хреб.). 9.000—13.000 фт.

Лугъ. 6 іюля—цвѣты въ Амдо; 8 августа—въ Нань-шан'ѣ.

Delphinium tanguticum, Huth.

Гань-су (долина р. Хый-хо). 12.000—13.000 фт.

Лугъ. 20 августа—цвѣты.

Delphinium albocoeruleum, Maxim.

Гань-су (Нань-шань: долина р. Бабо-хо). 10.000 фт.

Лугъ; лѣсная опушка. Цвѣты 9 августа.

Aconitum gymnandrum, Maxim.

Куку-норъ (Южно-Кукунорскій хребетъ). 11.000—12.000 фт.

Лугъ. Перегнойная почва. 24 іюля въ цвѣту.

Aconitum rotundifolium tanguticum, Maxim.

Гань-су (долина р. Бабо-хо). 10.000 фт.

Лугъ. 9 августа въ цвѣту.

---

[1]) Lusus: petala acuta, non erosa.

[2]) Наньшаньскую форму Баталинъ отнесъ къ разновидности gmelini, Rchb. (см. выше, стр. 77). Этого экземпляра однако не оказалось въ коллекціи.

Berberidaceae.

Berberis sinensis angustifolia, Rgl. [1]).

Гань-су (долина р. Сининъ-хэ).

Глинисто-песчаная, частью каменистая почва. Цвѣты въ маѣ.

Berberis vulgaris normalis, Hook. f.

Гань-су (долина р. Хуанъ-хэ ниже г. Гуй-дэ). 8.000 фт.

Глинисто-песчаная почва. Нач. іюля—плоды.

Berberis diaphana, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.

Лугъ; густыми насажденіями одѣваетъ глинисто-песчаные горные склоны, обращенные къ востоку; встрѣчается и среди прибрежной гальки. Цвѣтетъ съ конца мая до середины іюня.

Podophyllum emodi, Wall.

Гань-су (уроч. Ча-чжи). 9.000 фт.

На влажныхъ сѣверныхъ склонахъ горъ, среди кустарниковъ: Caragana sp.?, Caragana jubata, Rhododendron thymifolium, Salix sp. 13 мая—цвѣты.

Papaveraceae.

Papaver alpinum croceum, Ledb.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.000—12.300 фт.

Сырой лугъ; кочкарникъ.

Meconopsis integrifolia, Maxim.

Гань-су (Южно-Тэтунгскій хреб., Сининскія альпы). 12.000—12.300 фт.

Среди мховъ, на болотистыхъ лужайкахъ, иногда по краямъ осыпей. Цвѣтетъ съ нач. мая (первые экземпляры 3 мая) до конца іюня.

Meconopsis racemosa, Maxim.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб., Сининскія альпы). 12.200—13.200 фт.

По осыпямъ, на сѣверныхъ влажныхъ склонахъ горъ. Цвѣты 22 іюня и 8 августа.

Meconopsis quintuplinervia, Rgl.

Гань-су (Сининскія альпы). 11.000 фт.

Среди мховъ, на болотистыхъ лужайкахъ сѣверныхъ склоновъ хребта. Цвѣты—1 іюня.

Fumariaceae.

Corydalis melanochlora, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.000—12.300 фт.

По осыпямъ, на усыпанныхъ щебнемъ лужайкахъ. Цвѣты 20 іюня.

---

[1]) Frutex 3-pedalis.

Corydalis curviflora, Maxim.
Гань-су (Южно-Тэтунгскій хреб., долина Бугунъ-гола, Синиискія альпы). 9.000—12.000 фт.
Открытые, южные, степные, поросшіе кипцомъ (Festuca sp.) горные склоны. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.

Corydalis linarioides, Maxim. [1]).
Гань-су (Синиискія альпы). 10.000—11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 22 мая.

Corydalis trachycarpa, Maxim.
Гань-су (Синиискія альпы). 12.300 фт.
По краямъ осыпей. Цвѣты 22 іюня.

Corydalis rosea, Maxim.
Гань-су (уроч. Ча-чжи). 9.000 фт.
Среди кустарниковъ; скалистая почва. Цвѣтетъ въ маѣ.

Corydalis straminea, Maxim.
Гань-су (окрестности мон. Го-мань-сы).
Лугъ. Перв. полов. мая—цвѣты.

Cruciferae.

Cardamine macrophylla, Willd. [2]).
Гань-су (уроч. Ча-чжи, Синиискія альпы). 9.000—12.200 фт.
Луговые горные склоны. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.

Sisymbrium mollipilum, Maxim.
Гань-су (Синиискія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. 3 іюня—цвѣты.

Sisymbrium humile, C. A. Mey.
Куку-норъ (Южно-Кукунорскій хреб.). 11.200 фт.
Лугъ. 26 іюля—цвѣты.

Megacarpaea delavayi sininica, Batal., nova [3]).
Гань-су (Синиискія альпы). 10.500—11.500 фт.
Среди скалъ. 23 іюня—цвѣты.

Thlaspi arvense, L. var. [4]).
Гань-су (Синиискія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. 14 іюня—цвѣты (растеніе отцвѣтало).

Capsella thomsoni, Hook. f.
Гань-су (Синиискія альпы). 12.200 фт.
Лугъ. 22 іюня—цвѣты.

---

[1]) Bracteae pedicellis breviores, caeterum congruit cum descriptione Maxim.

[2]) Specimina humilia, circa 10 ctm. longa, flores corymbosi, violacei.

[3]) Caule superne dense villoso, pilis longis patentibus, pedunculis villosiusculis 2—3 longioribus quam flores, sepalis oblongis vel angustioribus, staminibus sub antheri ovarium duplo superantibus. Petala intense rosea.

[4]) S. v. siliculis pedicello brevioribus (Ledb.).

Draba repens, MB.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.200 фт.
Высокая степь съ примѣсью луговыхъ травъ. Почва песчано-глинистая.
Іюнь—цвѣты.

Draba alpina algida, Rgl.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.200 фт.
Осыпь. 22 іюня—цвѣты.

Draba incana, L.

Гань-су (Долина р. Си-нинъ-хэ).
Среди береговой гальки. 16 мая—цвѣты.

Megacarpaea delavayi sininica, Batal.

Draba eriopoda, Turcz.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. Цвѣты и несозрѣвшіе плоды 14 іюня.

Coelonema draboides, Maxim.

Гань-су (Южно-Тэтунгскій хребетъ). 12.000 фт.
Южный склонъ. Кипцовая степь. Цвѣты 3 мая.

Violariae.

Viola sylvatica rupestris, Rgl.

Гань-су (г. Гань-чжоу-фу). 5.000 фт.
Берегъ рѣчки. Лёссъ. Цвѣты 7 апрѣля.

Viola biflora, L.
Гань-су (мон. Го-мань-сы, г. Шинъ-чэнъ). 9.000—10.000 фт.
Лугъ. Цвѣты въ перв. числ. мая.

Caryophyllaceae.

Gypsophila acutifolia gmelini, Rgl. [1]).
Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.
Скалистый грунтъ, прикрытый тощимъ слоемъ дресвы. Цвѣты еще 20 сентября.
Stellaria umbellata, Turcz.
Гань-су (Нань-шань: долина р. Бабо-хо). 11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 9 августа.
Stellaria graminea viridescens, Maxim.
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Лугъ вдоль рѣчки, мѣстами топкій. Цвѣты въ концѣ мая.
Stellaria dichotoma stephaniana, Rgl. [2]).
Гань-су (долина р. Си-нинъ-хэ близъ г. Дань-гэръ).
Глинисто-песчаная почва. 19 мая—цвѣты.

Geraniaceae.

Geranium collinum grandulosum, Ledb.
Тянь-шань (Богдо-ола). 6.500—8.500 фт.
Лугъ. Перегнойная почва. Цвѣты съ конца іюля.

Tamariscineae.

Reaumuria soongorica, Maxim.
Бэй-шань (хр. Ло-ба-чэнъ-шань). 7.000 фт.
Песчаная почва. Плоды 17 сентября.
Myricaria germanica squamosa, Maxim.
Гань-су (въ горахъ близъ г. Шинъ-чэн'а). 9.000 фт.
Скалы, прикрытыя тонкимъ слоемъ перегнойной почвы. Май—цвѣты.

Zygophyllaceae.

Zygophyllum brachypterum, Kar. Kir.
Джунгарія (уроч. Толи). 1.500 фт.
Песчаная почва. Цвѣты—10 іюня.

---

[1]) S. v. lusus glomerata (Rgl.).
[2]) Planta glandulosa.

Zygophyllum xanthoxylon, Maxim.

Тянь-шань (долина рѣчки Кичи Уланъ-усу).
Почва—дресва, прикрывающая глину.

Zygophyllum potanini, Maxim.

Тянь-шань (перев. Уланъ-усу). 5.200 фт.
Бэй-шань (хреб. Бага Ма-цзунь-шань). 7.500 фт.
Почва песчано-глинистая, усыпанная щебнемъ. 17-го сентября еще въ цвѣту.

Tribulus terrestris, L.

Тянь-шань (Карлыкъ-тагъ, мѣстность Ортамъ). 3.600 фт.
Почва—щебень, дресва. Сентябрь—плоды.

Peganum harmala multisecta, Maxim.

Джунгарія (уроч. Толи). 1.500 фт.
Тянь-шань (подъ перев. Уланъ-усу). 4.500 фт.
Почва—песчано-глинистая. Сентябрь—плоды. Мѣстныя названія: «адрасманъ» (кирг.) [1]), «и сырыкъ» (сарт.), «ёрбунъ» (калм.) [2]).

Peganum nigellastrum, Bge.

Юй-гуань (каменистая пустыня къ вост. отъ сел. Хуй-хуй-пу).
По расточамъ; почва глинисто-песчаная.

Nitraria schoberi, L.

Гань-су (долина р. Хуанъ-хэ ниже г. Гуй-дэ). 8.000 фт. [3]).
Тянь-шань (Нань-лу: станція И-вань-цюань-цзы). 4.900 фт.
Почва глинисто-песчаная. Туземныя названія: «бӧръ-текенъ», «акъ-текенъ» (турф., хам.).

Leguminosae.

Thermopsis lanceolata, R. Br.

Гань-су (уроч. Ча-чжи). 9.000 фт.
Лугъ. 13 мая—цвѣты.

Thermopsis alpina, Ledb.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. 5 іюня—цвѣты.

Melilotus suaveolens, Ledb.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Сырой лугъ. Перегнойная почва. 31 мая—цвѣты.

Caragana pygmaea arenaria, Fisch.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

---

[1]) У Потанина („Очерки сѣв.-зап. Монголіи", II, стр. 133)—„абдраспанъ".
[2]) См. томъ I, стр. 212.
[3]) Specimen sterile.

Бэй-шань (хр. Бо-сянь-цзы) [1]).
Въ Сининскихъ альпахъ на горныхъ склонахъ съ перегнойной почвой, въ Бэй-шан'ѣ съ глинисто-песчаной.

Caragana tragacanthoides pallasiana, F. et M.

Гань-су (Сининскія альпы, долина р. Хуанъ-хэ). 8.000—10.000 фт.
Глинисто-песчаная почва. Недозрѣвшіе плоды 4 іюля.

Halimodendron argenteum, Fisch.

Джунгарія (уроч. Джусъ-агачъ).
Глинисто-песчаная почва. Цвѣты—въ іюнѣ.
Туземное названіе: «чингиль» (кирг., сарт.).

Güldenstädtia diversifolia, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт. [2]).
Лугъ. Растеніе отцвѣтало во второй половинѣ іюня.

Astragalus brachytropis, Stev.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.200 фт.
Кипцовая степь съ примѣсью луговыхъ травъ.
Цвѣты во второй половинѣ іюня.

Astragalus tanguticus, Batal., novus [3]).

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 29 мая.

Astragalus adsurgens, Pall.

Амдо (предгорія хр. Джахаръ). 10.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 5 іюля.

Astragalus tribuloides, D. C. (?)

Бэй-шань (кл. Отунъ-да-цзэ-чанъ). 6.100 фт.
Солончакъ.

Astragalus alpinus, L.

Тянь-шань (долина рѣчки Кичи Уланъ-усу).
Кипцовая степь; почва глинисто-песчаная.

Astragalus tanguticus, Batal. (уменьшено).

Oxytropis campestris, D. C.

Тянь-шань (долина рѣчки Кичи Уланъ-усу).
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 29 мая.

---

[1]) Specimen sterile.
[2]) Flores violaceo-azurei.
[3]) Herbaceus, perennis; caulis teres, hirsutus, dense pilis albis basifixis patentibus tectus, adscendens (vel procumbens), elongatus; stipulae e petiolo liberae, non coalitae, ovato-lanceolatae cuspidatae, parvae; folia circa 17—foliolata, in ramis secundis et inferiora 5—7 foliolata; foliola parva, non semperrite jugalia, sed saepe alternantia, ablonga obtusa (inferiora saepe obovata), truncata, non emarginata, brevissime mucronata, foliolum terminale cuneatum emarginatum; petiolus et petioluli hirsuti; pagina inferior satis hirsuta, pagina

Oxytropis kansuensis, Bnge.

Куку-норъ (сѣверный берегъ озера). 11.000 фт.

Степь съ примѣсью луговыхъ травъ. Глинисто-песчаная почва съ образовавшимся лишь мѣстами тонкимъ слоемъ перегноя. Цвѣты 4 августа.

Oxytropis pilosa, D. C.

Гань-су (Сѣв. Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.

Осыпь на сѣверномъ склонѣ хребта; среди крупнаго щебня. Цвѣты 8 августа.

Oxytropis strobilacea chinensis, Bnge.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Лугъ. Цвѣты въ нач. іюня.

Oxytropis trichophysa, Bnge.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.

Сухое русло; среди гальки. Цвѣты 20 мая.

Oxytropis imbricata, Kom. [1]).

Гань-су (въ горахъ близъ г. Шинъ-чэн'а). 9.000 фт.

Скалы, прикрытыя лишь тонкимъ слоемъ перегноя. Май—цвѣты.

Oxytropis coerulea, D. C.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Лугъ. Цвѣты 1 іюня.

Hedysarum multijugum, Maxim.

Гань-су (Цзя-юй-гуань, сел. Хуй-хуй-пу). 5.900—6.200 фт.

Каменистая пустыня. Цвѣты 6 сентября.

Hedysarum scoparium, Fisch. Mey.

Бэй-шань (Сы-дунь'скій солонецъ). 4.500 фт.

Солончакъ. Цвѣты 9 сентября.

---

superior solum pilis nonnullis tecta; racemi floriferi axillares, folio aequilongi vel paullo longiores, laxi, 4—7—flori pedunculus hirsutus, in parte superiore dense pilis albis et nigris tectus; bractea anguste lanceolata vel linearis, hirsuta, pedicello longior et calyce brevior, bracteolae 2, minutae; pedicelli duplo vel triplo calyce breviores; pilis nigris dense hirsuti; calyx breve-campanulatus, dense hirsutus, nigrescens, pilis nigris brevibus numerosissimis et albis longioribus paucis tectus; calycis dentes subaequilongi, subulato-lineares, tubo aequilongi; corolla intense coeruleo-violacea (in sicco) calycem duplo superans; vexillum latius quam orbiculatum, apice emarginatum, basi vix cordatum, abrupte et breve unguiculatum, paullo sed evidenter longius quam carina; carina alis aequilonga et aequilata; stamina diadelpha; pistillum breve stipitatum, ovarium pilosum, 10—ovulatum, stigma longe barbatum; legumen ignotum.

Folia 4—5 ctm., foliola 3½—4 mm. lat. et 7—10 mm. long., pedunculus 5 ctm., bractea 2—3 mm., flos 9—10 mm., calyx 5 mm., vexillum 11 mm. lat. et 8 mm. long., cum unguine 10 mm., carina 8 mm. long. et 4½ lat.

Species affinis A. pycnorhizus, Wall., differt primo aspectu floribus majoribus (15 mm.), racemis 1—12 floris; A. camptodontus, Franch., item floribus majoribus, alis carina brevioribus, calycis dentibus duplo latioribus; A. sutchuensis, Franch., calyce subglabro, dentibus superioribus duplo brevioribus, alis carina multo brevioribus; A. donianus, D. C., carina alis plus duplo latiore, foliolis acutis.

[1]) Species nova, in herb. H. Petrop.

*

Glycyrrhiza uralensis, Fisch.

Гань-су (долина р. Хуанъ-хэ). 8.000 фт.

Глинисто-песчаная почва. Цвѣты и плоды 4 іюля.

Glycyrrhisa glandulifera, Waldst. et Kit.

Тянь-шань (Турфанъ). 1.000 фт.

Глинисто-песчаная почва. Плоды въ сентябрѣ.

Sophora alopecuroides, L.

Бэй-шань (уроч. Мынъ-шуй). 7.000 фт.

Глинисто-песчаная почва.

Rosaceae.

Prunus stipulacea, Maxim.

Гань-су (Южно-Тэтунгскій хреб., горы близъ г. Шинъ-чэн'а, Сининскія альпы). 9.000—12.000 фт.

Перегнойная почва на скалахъ. Май — цвѣты (экземпляры съ 3 по 25 мая).

Rosa gebleriana, Rgl. (?)

Тянь-шань (долина рѣчки Кичи Уланъ-усу).

Глинисто-песчаная почва съ значительной примѣсью гальки.

Rosa sericea, Lindl. [1]) [2]).

Гань-су (долина р. Си-нинъ-хэ).

Глинисто-песчаная почва съ значительной примѣсью гальки. Цвѣтетъ въ маѣ.

Rosa macrophylla, Lindl. [3]) [4]).

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.

Перегнойная почва, среди валуновъ; мѣстами и на глинисто-песчаной почвѣ. Цвѣтетъ въ іюнѣ.

Rosa elasmacantha, Trautv.

Тянь-шань (Нань-лу между Хами и Ляо-дун'емъ).

Бэй-шань (ущелье Торакъ-булакъ).

Глинисто-песчаная, мѣстами каменистая почва. Кустарникъ, достигающій мѣстами высоты 10 фт.

Rubus idaeus strigosus, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.

Лугъ. Цвѣтетъ въ іюнѣ.

Cotoneaster acutifolia, Turcz. [5]).

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Сѣверные склоны; кочкарникъ.

---

[1]) A cl. F. Crépin determinatae.

[2]) Frutex 3—pedalis, flores albi.

[3]) A cl. F. Crépin determinatae.

[4]) Flores rosei, sepela appendiculata, fruticulus humilis.

[5]) Petala distincte unguiculata.

Cotoneaster multiflora typica, Rgl.

Амдо (предгорія хр. Джахаръ). 10.000 фт.

Плёсъ рѣки. Глинисто-песчаная почва, усыпанная галькой. 5 іюля отцвѣталъ.

Spiraea mongolica, Maxim.

Гань-су (долина р. Си-нинъ-хэ).

Сѣверные склоны; кипцовая степь. Цвѣтетъ въ маѣ.

Sibiraea laevigata, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.

Русло рѣки; среди гальки. Цвѣты въ маѣ и іюнѣ. Достигаетъ 2½ фт. высоты.

Comarum salessowi, Bnge.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.200 фт.

Южный склонъ; глинисто-песчаная почва, прикрытая тонкимъ слоемъ перегноя. Цвѣтетъ въ концѣ іюня и нач. іюля.

Potentilla fruticosa tenuifolia, Lehm. [1]).

Гань-су (уроч. Ча-чжи, Сининскія альпы). 9.000—12.000 фт.

Куку-норъ (Южно-Кукунорскій хреб.). 11.000—12.000 фт.

Лугъ. Чаще сѣверные влажные склоны горъ. Цвѣтетъ въ теченіе всего мая и іюня, захватывая мѣстами и іюль.

Potentilla anserina, L.

Гань-су (горы близъ г. Шинъ-чен'а). 9.000 фт.

На скалахъ, едва прикрытыхъ перегнойной почвой. Пвѣты 10 мая.

Potentilla daurica, Nestl. [2]).

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Русло рѣки; среди гальки. Цвѣты 2 іюня.

Potentilla nivea vulgaris, Lehm.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Лугъ; песчано-глинистыя отмели вдоль рѣчки. Цвѣты 4 іюня.

Potentilla filipendula, W.

Амдо (предгорія хр. Джахаръ). 10.000—10.500 фт.

Лугъ. Цвѣты 7 іюля.

Coluria longifolia, Maxim.

Гань-су (хр. Сѣв.-Тэтунскій). 13.200 фт.

Среди щебня. Цвѣты 8 августа.

Halorrhagaceae.

Hippuris vulgaris, L.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.

Берегъ рѣчки.

---

[1]) Foliis 5—foliolatis, lineari-lanceolatis, parvis, marginibus revalutis, utrinque pilosis, subtus glaucis, floribus 20 mm. diametro; pedicellis unifloris (8 mm. longis), calycibus pilosis; fruticulus nanus.

[2]) Flores albi, folia, pedicelli, calycesque pilosi.

Crassulaceae.

Cotyledon thryrsiflora, D. C.

Тянь-шань (долина рѣчки Кичи Уланъ-усу).

Глинисто-песчаная, усыпанная галькой почва. Въ сентябрѣ—плоды.

Sedum kirilowi, Rgl. [1]).

Тянь-шань (Богдо-ола). 6.500—8.000 фт.

Лугъ. Перегнойная почва. Цвѣлъ въ концѣ іюля и въ нач. августа.

Sedum algidum tanguticum, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.200 фт.

Лугъ; по окраинамъ осыпей. Въ концѣ іюня—цвѣты.

Sedum algidum altaicum, Maxim. [2]).

Гань-су (Нань-шань; долина верховій Хый-хо). 11.000—14.000 фт.

Глинисто-песчаная почва, мѣстами напитанная водой. Цвѣты — 22 августа.

Saxifragaceae.

Saxifraga tangutica, Engl.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.500—12.000 фт.

Лугъ; кустарныя поросли; перегнойная почва. Цвѣты 18—22 іюня.

Saxifraga przewalskii, Engl. [3]).

Гань-су (Сининскія альпы). 12.000—12.400 фт.

По краямъ осыпей. Цвѣты 22 іюня.

Saxifraga atrata, Engl.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб., Сининскія альпы). 12.000—13.200 фт.

По краямъ осыпей; среди крупнаго щебня; въ одномъ случаѣ—на мокромъ лугу. Цвѣты 13 іюля—8 августа.

Saxifraga hirculus vestita, Engl.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.

По краямъ осыпей; среди крупнаго щебня. Цвѣты—8 августа.

Ribes petraeum typica, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Скалы, прикрытыя перегнойной почвой.

Umbelliferae.

Libanotis eriocarpa, Schrenk.

Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.

Глинисто-песчаная почва. Цвѣты и плоды 13 сентября.

---

[1]) Flores lilacini, carpella 4.

[2]) Caules procumbentes, folia sursum spectantia, corymbi adscendentes.

[3]) Antherae flavae, folia caulina latiora quam in speciminibus a Przewalsky collectis; 12:6 mm. (Gr.-Gr.), 12:4 (Przew.).

Pleurospermum stellatum, Benth.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.
По краямъ осыпей; среди крупнаго щебня. Цвѣты—8 августа.

Caprifoliaceae.

Lonicera syringantha, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Перегнойная почва. Цвѣты 19 іюня.

Lonicera syringantha minor, Maxim. [1]).

Гань-су (Сининскія альпы, горы близь г. Шинъ-чэн'а и мон. Го-маньсы). 9.500—11.000 фт.
Скалы, прикрытыя тонкимъ слоемъ перегнойной почвы. Цвѣтетъ въ маѣ.

Lonicera hispida minor, Maxim. [2]).

Гань-су (уроч. Ча-чжи, долина Си-нинъ-хэ, Сининскія альпы). 9.000—10.000 фт.
Горные склоны съ глинистой почвой, рѣчныя отмели. Цвѣтетъ въ маѣ.

Rubiaceae.

Galium verum leiocarpum, Ledb.

Амдо (предгорія хр. Джахаръ). 10.000 фт.
Лугъ. Цвѣтетъ въ нач. іюля.

Valerianeae.

Valeriana officinalis, L.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. Въ іюнѣ плоды.

Compositae [3]).

Aster alpinus, L.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.000—12.300 фт.
Лугъ. Цвѣтетъ въ іюнѣ.

---

[1]) Descriptioni Maximowiczianae adde: ramis hornotinis glanduloso-pilosis, foliis subtus ad venas primarias et ad margines pilosis, apice acutis (passim basi angustatis), pedunculis subnullis vel ad 1 ctm. longis, bracteis, braeteolis et calycis dentibus ciliato-glandulosis. Folia et flores vix minores quam in forma typica. Maximowicz vidit tantum specimina juniora. (Batal.).

[2]) Foliis minoribus, angustioribus, obtusioribus, bracteis circa duplo minoribus non obtusis, sed subito acuminatis, calycis dentibus inaequalibus, corollis aperte infundibuliformibus tubo breviore, limbo magis patulo.

Specimina altaica et turkestanica habent flores maximos.

[3]) Compositae a cl. Winkler determinatae.

Aster alyssoides, Turcz.

Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.
Песчаная почва. Цвѣты 13 сентября.

Inula ammophylla, Bnge.

Гань-су (долина р. Хуанъ-хэ ниже г. Гуй-дэ).
Бэй-шань (повсемѣстно, экз. изъ ущ. Лу-чжа-цзинъ).
Глинисто-песчаная почва. 4 іюля отцвѣтала.

Antennaria steetziana, Turcz.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
По отмелямъ рѣки, среди гальки. Цвѣты 5 іюня.

Pluchea caspia, Benth.

Тянь-шань (Турфанъ). 300 фт.
Песчаная почва. 15 октября отцвѣтала. Туземное названіе «тюге табанъ».

Werneria nana, Benth.

Гань-су (Нань-шань, долина р. Бабо-хо). 10.500 фт.
Лугъ. Отцвѣтала 9 августа.

Anaphalis cuneifolia, Hock. f.

Гань-су (долина р. Да-тунъ-хо). 11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 8 августа.

Anaphalis hancockii, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 26 іюня.

Anaphalis nubigena intermedia, Hock. f.

Куку-норъ (сѣверный берегъ озера, долина р. Дэгэ-чу). 11.000 фт.
Лугъ. Почва глинисто-песчаная, лишь мѣстами прикрытая тонкимъ слоемъ перегноя. Цвѣты—4 августа.

Anaphalis lactea, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.200 фт.
Сырой лугъ. Цвѣты 29 іюня.

Leontopodium alpinum, L.

Гань-су (долина р. Да-тунъ-хо). 11.000 фт.
Лугъ, мѣстами кочкарникъ. Цвѣты—8 августа.

Chrysanthemum fruticulosum, Ledb.

Тянь-шань (долина р. Кичи Уланъ-усу).
Глинисто-песчаная почва, мѣстами богатая галькой.

Artemisia commutata, Bess.

Бэй-шань (Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.
Глинисто-песчаная почва.

Artemisia dracunculus, L.

Джунгарія (уроч. Толи, р. Цзинъ-хэ). 1.000—1.500 фт.
Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.
Глинисто-песчаная почва.

Artemisia fasciculata, M. B.

Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.
Глинисто-песчаная почва.

Artemisia fragrans subglabra, Winkl. [1]).

Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.
Среди скалъ; почва песчаная.

Senecio campestris, D. C.

Куку-норъ (Южно-Кукунорскій хребетъ). 11.500 фт.
Лугъ. Цвѣты 27 іюля.

Senecio virgaurea, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Сырой лугъ. Цвѣты 14 іюня.

Senecio sagitta, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—12.200 фт.
Сырой лугъ. Цвѣты въ іюнѣ.

Tanacetum fruticulosum, Led.

Гань-су (Юй-гуань, степь близъ сел. Хуй-хуй-пу). 6.000 фт.
Каменистая пустыня.

Tanacetum tenuifolium microcephala, Winkl. [2]).

Куку-норъ (сѣверный берегъ озера, долина р. Дэгэ-чу). 11.000 фт.
Гань-су (долина р. Да-тунъ-хо, долина верховій Хый-хо). 11.000 — 12.500 фт.
Почва глинисто-песчаная. Цвѣты въ іюлѣ.

Saussurea grum-grshimailoi, Winkl., nova [3]).

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 19 іюня.

Saussurea hieracioides spathulata, Winkl., nova [4]).

Куку-норъ (долина рѣчки Бага-Уланъ). 11.500 фт.
Кипцовая степь съ примѣсью луговыхъ травъ. Цвѣты 3 августа.

Saussurea japonica intermedia, Maxim.

Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.
Среди скалъ; почва песчаная. Цвѣты 13 сентября.

Saussurea tangutica, Maxim.

Гань-су (Нань-шань: долины рѣкъ Бабо-хо и Хый-хо). 11.000—13.500 фт.
Лугъ, а также сырыя щебнево-глинистыя площадки. Цвѣты въ августѣ.

Saussurea (Aplotaxis) involucrata, Maxim. [5]).

Тянь-шань (Богдо-ола). 12.000 фт. (высшій предѣлъ растительности).
Среди крупныхъ отторженцевъ. Цвѣты 4 августа.

---

[1]) Folia glabra.
[2]) Capitulis non-nihil minoribus.
[3]) In litt.
[4]) Foliis caulinis spathulatis nec linearibus.
[5]) См. т. I, стр. 166. Вѣнчикъ (corolla) у цвѣтка этой Saussurea достигаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 10 дюймовъ въ діаметрѣ.

Scorzonera mongolica, Maxim.

Бэй-шань (хреб. Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.

Среди щебня, въ тѣни скалъ.

Taraxacum officinale, Wigg.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.

Лугъ. Цвѣты въ іюнѣ.

Taraxacum officinale parvula, Hook. f.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.

Среди щебня. Цвѣты 8 августа.

Crepis glomerata, Hook. f.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.200 фт.

Сырой лугъ; иногда на сырыхъ, лишенныхъ другой растительности, щебнево-глинистыхъ площадкахъ. Цвѣтетъ съ конца іюня до середины іюля.

Crepis tenuifolia, W.

Амдо (предгорія хр. Джахаръ). 10.000—10.500 фт.

Лишенные растительности глинисто-песчаные склоны горъ; суходолы. Цвѣты 6 іюля.

Mulgedium tataricum, D. C.

Бэй-шань (Сы-дунь'скій солончакъ). 4.500 фт.

Солончакъ. Цвѣты 8 сентября.

Zollikoferia acanthodes, Boiss.

Тянь-шань (Турфанъ: сел. Дга). 300 фт.

Песчано-глинистая почва. Цвѣты 15 октября. Туземное названіе—«чамэкъ».

Campanulaceae.

Adenophora gmelini, Fisch.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.000 фт.

Среди щебня. Цвѣты 8 августа.

Ericaceae.

Rhododendron capitatum, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 11.000—12.000 фт.

По кочкамъ, на сырыхъ сѣверныхъ склонахъ хребта. Цвѣтетъ съ конца мая до конца іюня.

Rhododendron przewalskii, Maxim.

Гань-су (Южно-Тэтунгскій хреб., ущелье Ча-чжи, Сининскія альпы). 9.000—12.500 фт.

По кочкамъ, на сырыхъ сѣверныхъ склонахъ хребта; среди мховъ, тамъ-же; по ложбинамъ, среди крупныхъ отторженцевъ, тамъ же; подымается въ отдѣльныхъ случаяхъ до высшаго предѣла растительности (цвѣтк. раст.). Достигаетъ 5 фут. высоты. Цвѣтетъ въ маѣ.

Rhododendron thymifolium, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 11.000—12.000 фт.

Въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Rhod. capitatum. Цвѣтетъ въ маѣ.

Primulaceae.

Primula gemmifera, Batal., nova [1]).

Гань-су (южный склонъ Сининскихъ альпъ: р. Карынъ). 11.000 фт.

Лугъ. Цвѣты—14 іюля.

Primula gemmifera, Batal.

Primula maximowiczi tangutica, Maxim.

Гань-су (уроч. Ча-чжи, Сининскія альпы). 9.000—11.000 фт.

Лугъ; иногда среди прибрежной гальки, на отмеляхъ. Цвѣтетъ въ теченіе мая и іюня.

Primula nivalis farinosa, Shrenk.

Гань-су (Южно-Тэтунгскій хреб., Сининскія альпы). 11.000—12.200 фт.

Лугъ. Перегнойная почва. Цвѣтетъ въ теченіе мая и іюня.

Primula sibirica genuina, Trautv.

Гань-су (горы близъ г. Шинъ-чэн'а, долина р. Си-нинъ-хэ, Сининскія альпы). 9.000—11.000 фт.

Среди кустарниковыхъ зарослей; иногда среди прибрежной гальки. Цвѣтетъ въ теченіе всего мая и первой недѣли іюня.

Primula farinosa algida, Trautv.

Гань-су (горы близъ мон. Го-мань-сы). 10.000 фт.

Кипцовая степь. Глинисто-песчаная почва. Цвѣты 4 мая.

Primula stenocalyx, Maxim.

Гань-су (Южно-Тэтунгскій хреб., горы лѣв. бер. Сининской рѣки). 10.000—11.500 фт.

Кипцовая степь. Глинисто-песчаная почва. Цвѣты въ маѣ.

---

[1]) Rhizoma nullum, folia omnia radicalia, in axillis gemmas ferentia, spathulata, in petiolum plus minus longum et anguste alatum attenuata, apice obtusa, repanda vel irregulariter dentata cum dentibus minutis, efarinosa, viridia et minutissime glanduloso-pubescentia; nervus medianus subtus prominens, nervi secundarii in conspicui; scapus elongatus, 3—5-plo folia superans, strictus, parum albo-farinosus; flores 3—4, umbellati longe, pedunculati, patuli; pedunculi aequilongi, albo-farinosi, 2½—3-plo bracteis longiores; bracteae 4—5 lanceolatae, acu-

Androsace sempervivoides tibetica, Maxim.

Гань-су (Южно-Тэтунгскій хреб., горы въ окрестностяхъ мон. Го-мансы и г. Шинъ-чэн'а, Сининскія альпы). 8.500—10.500 фт.

Лугъ. Цвѣты въ маѣ.

Androsace sempervivoides tangutica, Maxim.

Гань-су (горы близъ мон. Го-мань-сы). 11.000 фт.

Кипцовый лугъ. Цвѣты 4 мая.

Glaux maritima, L.

Бэй-шань (Сы-дун'скій солончакъ). 4.500 фт.

Солончакъ.

Oleaceae.

Fraxinus sogdiana, Bge.

Тянь-шань (Турфанъ: Лукчунъ).

Песчано-глинистая почва.

Apocynaceae.

Apocynum venetum, L.

Джунгарія (долина р. Цзинъ-хэ).

Почва глинисто-песчаная. Цвѣтетъ въ іюнѣ.

Asclepiadaceae.

Cynanchum acutum longifolium, Ledb.

Джунгарія (уроч. Гашунъ). 2.100 фт.

Солонцовая глина.

Vincetoxicum mongolicum, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.

Лугъ. Цвѣты 24 іюня.

Gentianaceae [1]).

Gentiana aurea, L.

Тянь-шань (Богдо-ола). 6.500—8.000 фт.

Лугъ. Цвѣты въ августѣ.

---

tae, farinosae, basi gibbosae; calyx campanulatus, violaceo-viridis, parce farinosus; dentes calycis tubo aequilongi, lanceolati acuti, intus dense farinosi; corolla magna, hypocrateriformis; tubus tenuis, calyce sesquilongior, violaceus; limbus tubo fere aequilongus verosimiliter caeruleus fauce annulo luteo decoratus, lobi late ovati, basi excisi et alter alterum non tegentes, apice lobati; lobuli obtusi, excisura fere rectangula, margines minute repandi; capsula...

Scapus 9—10 cm., pedicelli 14 mm., tubus calycis 3½, dentes 3½, corollae tubus 11, limbus 10, folium 20—30 mm. long., limbus folii 13—15 mm. long. et 7—8 mm. lat., petiolus 10—12 mm., bracteae 5 mm.

[1]) Gentianaceae a cl. N. Kusnezow determinatae.

Gentiana tenella imberbia, Herd.

Гань-су (долина р. Да-тунъ-хэ). 11.000 фт.
Кипцовый лугъ. Цвѣты 8 августа.

Gentiana algida przewalskii, Maxim.

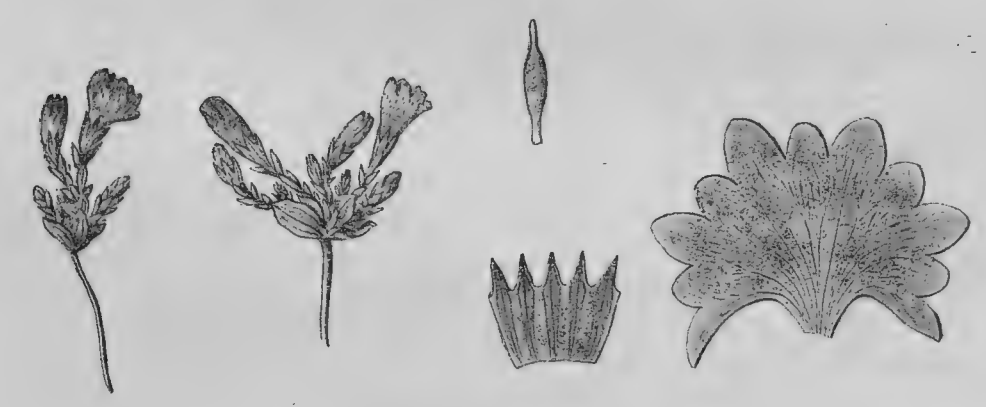
Гань-су (Нань-шань: долина р. Бабо-хо). 11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 9 августа.

Gentiana siphonantha, Maxim.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.
Среди крупныхъ отторженцевъ. Цвѣты 8 августа.

Gentiana straminea, Maxim.

Куку-норъ (Южно-Кукунорскій хреб., сѣв. берегъ озера: долина р. Бага-Уланъ). 11.000—11.500 фт.
Амдо (предгорія хр. Джахаръ). 10.500—11.500 фт.
Лугъ. Цвѣты въ іюлѣ.



Gentiana grumii, Kuzn.

Gentiana spathulaefolia, Kusnez.

Гань-су (уроч. Ча-чжи). 9.000 фт.
Луговыя площадки вдоль рѣчки. Цвѣты 12 мая.

Gentiana grumii, Kusnez., nova [1]).

Гань-су (мон. Го-мань-сы). 9.400 фт.
Среди гальки вдоль русла рѣки. Цвѣты 5 мая.

Gentiana pseudoaquatica, Kusnez.

Гань-су (мон. Го-мань-сы). 9.400 фт.
Въ одинаковыхъ условіяхъ съ предшедшей. Цвѣты 5 мая.

---

[1]) Gentiana nana, 25 mm. longa, e basi ramosa, glabra; folüs basilaribus rosulatis ovatis acutis, dorso subcarinatis, caulinis dense imbricatis lanceolatis v. lanceolato-linearibus basi connato-vaginatis, omnibus margine cartilagineis, glabris, apice mucronatis, mucronulo subuncinato; floribus magnis, 12 mm. longis, sessilibus; calycis 5—dentatis dentibus erectis, lanceolatis, apice mucronatis, tubo corollae brevioribus; corollae late apertae caesiae coeruleo-punctatae cum fascia lata viridia, tubo luteo, lobis ovatis obtusis plicas lato-ovatas obtusas integras v. subcrenulatas vix superantibus; ovario stipitato, stylo distincto.

Gentiana aristata, Fisch.
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 21 іюня.

Gentiana falcata, Turcz.
Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.
Среди крупнаго щебня. Цвѣты 8 августа.

Pleurogyne rotata, Griseb.
Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.
Среди крупнаго щебня. Цвѣты 8 августа.

Pleurogyne carinthiaca, Griseb.
Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.
Среди щебня. Цвѣты 8 августа.

Borragineae.

Arnebia cornuta grandiflora, Trautv.
Бэй-шань (гора Ло-ба-чэнъ). 7.000 фт.
Почва глинисто-песчаная, усыпанная щебнемъ.

Arnebia fimbriata, Maxim.
Бэй-шань (уроч. Отунъ-да-цзы-чанъ). 6.100 фт.
Солончакъ; иногда на песчано-глинистой почвѣ вдоль росточей.

Arnebia tibetana, Kurz.
Бэй-шань (хр. Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.
Среди щебня; въ тѣни скалъ на песчано-глинистой почвѣ.

Omphalodes trichocarpa, Maxim.
Гань-су (Сининскія альпы). 10.500—11.500 фт.
Сырой лугъ; среди кустарниковыхъ зарослей; по кочкамъ. Цвѣтетъ въ іюнѣ.

Solanaceae.

Solanum dulcamara, L.
Амдо (предгорія хребта Джахаръ). 10.500 фт.
Лугъ. Цвѣты 6 іюля.

Lycium ruthenicum, Murr. [1]).
Джунгарія (уроч. Толи). 1.500 фт.
Почва глинисто-песчаная. Цвѣтетъ въ іюнѣ.

Scopolia tangutica, Maxim.
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Перегнойная почва; сырыя, тѣнистыя мѣста, подъ скалами. Цвѣтетъ—14 іюня.

---

[1]) Мѣстныя туземныя названія этого растенія „акъ-текенекъ“ (турф.) и „чита“ (хам.). См. выше, стр. 209, сноска 3.

Scrophulariaceae.

Lancea tibetica, Hook. f. et Thoms.

Гань-су (уроч. Ча-чжи, Сининскія альпы). 9.000—11.000 фт.
Сырые, обращенные къ сѣверу, горные склоны; среди кустарниковъ, по кочкамъ. Цвѣтетъ въ маѣ и нач. іюня.

Veronica ciliata, Fisch.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.500—11.500 фт.
Сырые, обращенные къ сѣверу, горные склоны; среди кустарниковъ. Цвѣты 26 мая.

Pedicularis artselaeri, Maxim.

Гань-су (горы близъ г. Шинъ-чэн'а). 9.000 фт.
Скалы, прикрытыя тонкимъ слоемъ перегноя. Цвѣты 10 мая.

Pedicularis cheilanthifolia isochila, Maxim.

Куку-норъ (сѣв. берегъ озера: долины рѣчекъ Дэгэ-чу и Бага-Уланъ.
Кипцовый лугъ. Цвѣты 3—4 августа.

Pedicularis chinensis, Maxim.

Куку-норъ (хреб. Жи-юе-шань). 12.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 20 іюля.

Pedicularis kansuensis, Maxim.

Гань-су (долина р. Си-нинъ-хо, Сининскія альпы). 9.000—11.000 фт.
Лужайки среди усыпаннаго галькой русла рѣки; сырые луга. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.

Pedicularis verticillata, L.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. Цвѣтетъ въ концѣ мая и нач. іюня.

Pedicularis versicolor, Wahlbg.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.200 ф.
Кипцовый лугъ. Цвѣты 22 іюня.

Pedicularis oederi, Vahl.

Гань-су (Сининскія альпы). 12.000—12.300 фт.
По краямъ осыпей, частью среди щебня. Цвѣты 22 іюня.

Pedicularis longiflora, Rud.

Куку-норъ (хреб. Жи-юе-шань). 12.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 20 іюля.

Bignoniaceae.

Incarvillea compacta, Maxim.

Гань-су (горы къ сѣв. отъ мон. Го-мань-сы, горы лѣв. бер. Си-нинъ-хэ близъ г. Дань-гэръ). 10.000—11.000 фт.
Кипцовый лугъ; глинисто-песчаная почва. Цвѣтетъ въ маѣ.

Selaginaceae.

Lagotis brachystachya, Maxim.
Гань-су (горы лѣв. бер. рѣки Си-нинъ-хэ). 11.000 фт.
Глинисто-песчаная почва съ большимъ содержаніемъ гальки; мергель. Цвѣты 17—19 мая.

Lagotis brevituba, Maxim.
Гань-су (Сининскія альпы). 12.000—12.300 фт.
Среди щебня. Цвѣты 22—24 іюня.

Labiatae.

Acrocome (Dysophilla) janthina, Maxim.
Куку-норъ (Южно-Кукунорскій хр., южн. скл. Южно-Тэтунгскаго хр.). 11.000—12.000 фт.
Перегнойная почва долинъ; живетъ большими колоніями; имѣетъ сильный ароматъ. Цвѣтетъ въ концѣ іюля и въ началѣ августа.

Zizyphora clinopodioides canescens, Benth. [1]).
Тянь-шань (Богдо-ола). 6.500—8.500 фт.
Лугъ. Цвѣтетъ въ августѣ.

Zizyphora clinopodioides media, Benth.
Тянь-шань (долина р. Кичи Уланъ-усу).
Лужайки вдоль русла рѣчки. Цвѣты въ сентябрѣ.

Dracocephalum tanguticum, Maxim.
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 21 іюня.

Dracocephalum heterophyllum, Benth.
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты 21 іюня.

Plumbaginaceae.

Statice aurea, L.
Гань-су (долина р. Хуанъ-хэ, Юй-гуань: сел. Ши-дунь). 4.700—8.000 фт.
Бэй-шань (хр. Бага Ма-цзунъ-шань). 7.250 фт.
Глинисто-песчаная почва съ значит. примѣсью гальки и щебня. Цвѣтущія растенія 1 іюля, 10 и 15 сентября.

Statice chrysocephala, Rgl.
Джунгарія (предгорія хр. Боро-хоро).
Глинисто-песчаная почва съ значительной примѣсью гальки. Цвѣтетъ въ іюнѣ.

---

[1]) Flores lilacini, corolla glandulifera.

Statice speciosa, L.

Джунгарія (предгорія хр. Боро-хоро).

Глинисто-песчаная почва съ значительной примѣсью гальки. Цвѣты 15 іюня.

Statice gmelini genuina, Boiss.

Джунгарія (уроч. Гашунъ). 2.100 фт.

Солончаковая почва. Цвѣты 29 августа.

Statice otolepis, Schrenk.

Гань-су (Юй-гуань: Сы-дунь'скій солончакъ).

Солончаковая глина. Цвѣты 8 сентября.

Salsolaceae.

Eurotia ceratoides, C. A. M.

Джунгарія (песчаная гряда къ сѣв. отъ Гу-чэн'а) [1]).

Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.

Песчаная почва (барханы). Въ августѣ — плоды. Туземное названіе «терескенъ» (кирг., сарт.).

Kalidium foliatum longifolium, Fenzl.

Тянь-шань (Турфанъ: Лукчунъ)—165 фт. (отриц. низменность).

Глинисто-песчаная почва; солончакъ. Въ сентябрѣ плоды.

Blitum virgatum, L.

Джунгарія (предгорія хр. Боро-хоро).

По росточамъ. Рыхлый конгломератъ. Плоды въ іюнѣ.

Horaninovia ulicina, C. A. M.

Джунгарія (песчаная гряда къ сѣв. отъ Гу-чэн'а).

Песчаные барханы. Мѣстныя названія: «камъ-какъ» (сарт.), «лу-какъ» (кирг.).

Kochia mollis, Bge.

Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.

Почва глинисто-песчаная. Цвѣты 13 сентября.

Halostachys caspica, Pall.

Тянь-шань (Турфанъ: Чиктымъ, Лукчунъ)—165—1.800 фт.

Солончакъ. Въ сентябрѣ—плоды. Туземныя названія: «куйрюкъ» (турф.), «кургунъ» (кирг.), «суха» (монг.), «хунъ-тэ-цзы» (кит.).

Suaeda setigera piligera, Fenzl. [2]).

Джунгарія (каменистая пустыня близъ уроч. Джюсъ-агачъ).

По росточамъ. Въ іюнѣ—плоды.

---

[1]) Растеніе весьма распространенное въ Средней Азіи, гдѣ съ нимъ приходилось встрѣчаться и въ пустыняхъ и въ высокихъ горахъ; въ послѣднихъ оно всегда держится на сухихъ, песчанистыхъ склонахъ.

[2]) Specimina fructifera cum foliis longe setigeris, fructus nitidissimi.

Salsola sclerantha, C. A. M. [1]).

Джунгарія (песчаная гряда къ сѣв. отъ Гу-чэн'а).

Песчаные барханы. Въ сентябрѣ — плоды. Туземное названіе «шура» (кирг., сарт.).

Salsola carinata, C. A. M.

Джунгарія (песчаная гряда къ сѣв. отъ Гу-чэн'а).

Вмѣстѣ съ предшедшей.

Salsola kali, L.

Тянь-шань (Турфанъ: Лукчунъ). 165 фт.

Глинисто-песчаная почва съ выцвѣтами солей. Туземныя названія: «чакыртканъ» (турф.), «ичичаръ» (сарт.), «камъ-какъ» (кирг.).

Salsola spissa, M. B. [2]).

Тянь-шань (Турфанъ: Лукчунъ). 165 фт.

Солончакъ. Плоды въ октябрѣ. Туземное названіе: «шапъ» (турф.).

Halogeton arachnoideum, Mog.-Tand.

Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ, хреб. Бо-сянъ-цзы). 5.500—6.700 фт.

Глинисто-песчаная почва. Плоды въ сентябрѣ.

Halogeton glomeratum, C. A. M.

Бэй-шань (ущелье Лу-чжа-цзинъ). 6.700 фт.

Глинисто-песчаная почва. Плоды въ сентябрѣ.

Anabasis brevifolia, C. A. M.

Тянь-шань (перев. Уланъ-усу). 5.200 фт.

Бэй-шань (уроч. Отунъ-да-цзы-чанъ). 6.100 фт.

Песчано-глинистая почва, усыпанная галькой. Въ сентябрѣ плоды.

Anabasis aphylla, L.

Бэй-шань (уроч. Отунъ-да-цзы-чанъ). 6.100 фт.

Солончакъ. Въ сентябрѣ—плоды.

Nanophytum erinaceum, Pall.

Джунгарія (каменистая пустыня близъ уроч. Джюсъ-агачъ).

По росточамъ. Въ іюнѣ—плоды.

Sympegma regeli, Bge.

Бэй-шань (гора-Лѳ-ба-чэнъ). 6.900 фт.

Почва песчаная. 17 сентября—плоды.

Polygonaceae.

Calligonum mongolicum, Turcz.

Джунгарія (долина р. Цзинъ-хэ).

Почва песчано-глинистая. Въ іюнѣ—плоды.

---

[1]) Alaeroseae. Cfr. adnot. cl. Bunge de S. carinata, C. A. M.

[2]) См. т. I, стр. 369.

Atraphaxis lanceolata divaricata, Ledb.

Бэй-шань (гора Ло-ба-чэнъ). 6.900 фт.

Тянь-шань (сел. Моръ-голъ, на вост. окраинѣ Хамійскаго оазиса). 4.000 фт.

Почва песчаная. Плоды въ сентябрѣ.

Polygonum bistorta angustifolia, Meisn. [1]).

Гань-су (Сининскія альпы). 12.200 фт.

Кипцовый лугъ. Цвѣты 20 іюня.

Polygonum viviparum, L.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Среди гальки рѣчного русла; иногда на лугу. Цвѣты въ іюнѣ.

Rheum pumilum, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 11.500 фт.

Среди щебня по дну ущелья.

Eleagnaceae.

Hippophae rhamnoides, L. [2]).

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Среди гальки рѣчнаго русла. Въ іюнѣ плоды.

Thymelaeaceae.

Stellera chamaejasme, L. [3]).

Гань-су (горы близъ г. Шинъ-чэн'а). 9.000 фт.

На разныхъ почвахъ; предпочитаетъ, однако, открытые глинисто-песчаные склоны холмовъ, гдѣ часто образуетъ значительныя колоніи. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.

Daphne tangutica, Maxim. [4]).

Гань-су (уроч. Ча-чжи). 9.500 фт.

Сырой лугъ. Перегнойная почва. Цвѣты 12 мая.

Euphorbiaceae.

Euphorbia altaica, C. A. M.

Гань-су (горы близъ г. Шинъ-чэн'а, Сининскія альпы). 9.000—10.000 фт.

Лугъ; иногда сухіе горные склоны, одѣтые степною растительностью (полынная степь); иногда кустарниковыя насажденія. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.

---

[1]) Plantae nanae—17 ctm., racemus 13 mm., flores albi, pedicelli brevissimi.

[2]) Folia oblonga, basi attenata.

[3]) Flores rosei odore Syringae.

[4]) Flores rosei vel albi, odore Syringae, narcotico.

Iridaceae.

Iris bungei, Maxim.

Гань-су (долина р. Да-тунъ-хэ; хр. Южно-Тэтунгскій). 19.700—11.000 фт.

Горные склоны, обращенные къ югу; почва глинисто-песчаная. Цвѣтетъ въ началѣ мая.

Iris dichotoma, Pall.

Амдо (предгорія хребта Джахаръ). 10.000—11.000 фт.

Лугъ. Цвѣты 5 іюня.

Iris ensata, Thunb.

Гань-су (горы близъ мон. Го-мань-сы, г. Шинъ-чэн'а, долина р. Сининъ-хэ). 8.500—10.500 фт.

Тянь-шань (Карлыкъ-тагъ, вост. часть Хамійскаго оазиса). 3.000—6.000 фт. [1]).

Глинисто-песчаная почва. Горные склоны, обращенные на югъ. Цвѣтетъ въ маѣ.

Iris gracilis, Maxim.

Гань-су (Южно-Тэтунгскій хреб., горы близь г. Шинъ-чэн'а). 9.000—12.000 фт.

Вдоль рѣчекъ, среди гальки; иногда на лугу или на скалахъ, прикрытыхъ тонкимъ слоемъ перегнойной почвы. Цвѣтетъ въ маѣ.

Liliaceae.

Fritillaria przewalskii, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.

Сырой лугъ, по кочкамъ среди кустарниковыхъ порослей; вдоль рѣчекъ, среди прибрежной гальки. Цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ.

Allium chrysanthum, Rgl.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.

Среди крупнаго щебня, на границѣ альпійскаго луга. Цвѣлъ 8 августа.

Allium cyaneum, Rgl.

Гань-су (долина р. Да-тунъ-хэ). 11.500 фт.

Лугъ; берегъ рѣки. Цвѣлъ 8 августа.

Allium tanguticum, Rgl.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.

Среди крупнаго щебня, на границѣ альпійскаго луга. Цвѣлъ 8 августа.

Allium herderianum, Rgl.

Куку-норъ (долина рѣчки Бага-Уланъ). 11.500 фт.

Лугъ. Цвѣлъ 3 августа.

---

[1]) Опредѣленіе это сомнительное.

Allium odorum, L.

Амдо (предгорія хр. Джахаръ). 10.000—11.000 фт.
Лугъ. Цвѣлъ 6 іюля.

Allium polyphyllum, Kar. Kir.

Куку-норъ (сѣверный берегъ: долина р. Бага-Уланъ). 11.500 фт.
Лугъ. Цвѣлъ 3 августа.

Allium polyrhizum typica, Rgl.

Амдо (предгорія хр. Джахаръ). 10,000—11.000 фт.
Лугъ. Цвѣлъ 7 іюля.

Allium kanssuense, Rgl.

Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.200 фт.
Среди крупнаго щебня, на границѣ альпійскаго луга. Цвѣлъ 8 августа.

Lilium tenuifolium, Fisch.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—10.500 фт.
Амдо (предгорія хр. Джахаръ). 11.000 фт.
Лугъ. Цвѣты съ конца іюня до серед. іюля.

Gagea (Plecostigma) pauciflora, Turcz.

Гань-су (уроч. Ча-чжи). 9.000 фт.
Лугъ, берегъ рѣчки, среди гальки. Цвѣты 12 мая.

Polygonatum kansuense, Maxim.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Глинисто-песчаная почва. Лугъ. Цвѣты 1 іюня.

Juncaceae.

Juncus thomsoni, F. Buchen.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Среди гальки, вдоль русла рѣки.

Cyperaceae.

Carex atrata, L.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. Перегнойная почва. Къ 29 мая отцвѣла.

Carex pediformis, C. A. M.

Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Лугъ. Глинисто-песчаная почва, а также вдоль рѣки, среди прибрежной гальки.

Gramineae.

Stipa inebrians, Hanse.

Гань-су (Сининскія альпы: Гумбумъ).
Лугъ. Растеніе это считается вреднымъ для животныхъ.

Stipa spendens, Trin.
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000 фт.
Лугъ. Въ іюнѣ отцвѣла.

Avena subspicata, Clairv.
Гань-су (Сѣв.-Тэтунгскій хреб.). 13.000 фт.
Лугъ. Къ 8 августу отцвѣла.

Avena pratensis, L.
Гань-су (Сининскія альпы). 11.000 фт.
Лугъ. Перегнойная почва.

Poa pratensis, L.
Гань-су (Сининскія альпы). 10.000—11.000 фт.
Лугъ. Глинисто-песчаная почва. Къ 14 іюня—отцвѣла.

Gnetaceae.

Ephedra intermedia, Schrenk. (var?).
Тянь-шань (Турфанъ).
Каменистая пустыня; по росточамъ.

Filicineae.

Pteridium aquilinum, Kühn.
Гань-су (горы лѣв. берега р. Си-нинъ-хэ).
Лугъ; въ тѣни скалъ и по сѣв. склонамъ глубокихъ, но узкихъ ложбинъ. 16 мая безъ спорангіевъ.

Polypodium vulgare, L.
Тамъ же и въ тѣхъ же условіяхъ.

Списокъ пресмыкающихся, собранныхъ экспедиціей *).

Saurii.

Fam. Agamidae.

Phrynocephalus vlangalii, Str.
Куку-норъ (хребты: Жи-юе-шань и Южно-Кукунорскій).

Phrynocephalus vlangalii geckoides, Bedr.
Амдо (предгорія хр. Джахаръ).

Phrynocephalus versicolor, Str.
Джунгарія (уроч. Гашунъ), Юй-гуань (котловина Инь-пань-фу-цзы), Гань-чжоу (пески къ зап. отъ этого города), Бэй-шань (повсемѣстно).

Phrynocephalus versicolor doriai, Bedr.
Джунгарія (г. Цзинъ-хэ).

Phrynocephalus versicolor bogdanovi, Bedr.
Джунгарія (г. Гу-чэнъ).

Phrynocephalus acutirostris, Bedr.
Джунгарія (г. Цзинъ-хэ, песчаная гряда къ сѣв. отъ Гу-чэна).

Phrynocephalus grum-grzhimailoi, Bedr.
Джунгарія (г. Гу-чэнъ).

Phrynocephalus axillaris, Blanf.
Юй-гуань (Сы-дунь'скій солончакъ) Бэй-шань.

Phrynocephalus axillaris klemenzi, Bedr.
Тянь-шань (Турфанъ).

Phrynocephalus axillaris murielis, Bedr.
Тянь-шань (Турфанъ: пески у Лукчуна).

---

*) Коллекція собранныхъ экспедиціей Reptilia была обработана Я. В. Бедряга. Phrynocephalus axillaris murielis описанъ въ «Ежегодникѣ Зоол. Муз. Имп. Акад. Наукъ», X, стр. 170, прочія новыя формы въ печатающемся и имѣющемъ появиться въ ближайшемъ будущемъ новомъ обширномъ трудѣ г. Бедряга «Reptilia Przewalskiana».

Phrynocephalus steindachneri, Bedr.
Гао-тай (долина р. Хэй-хо).

Phrynocephalus platycephalus, Bedr.
Джунгарія (уроч. Гашунъ).

Phrynocephalus arcellazzii, Bedr.
Джунгарія (уроч. Гашунъ).

Fam. Lacertidae.

Eremias velox, Pall.
Тянь-шань (Турфанъ: Лемджинъ), Джунгарія (г. Гу-чэнъ).

Eremias multiocellata, Gnthr.
Джунгарія (г. Гу-чэнъ, песчаная гряда къ сѣверу отъ этого города), Юй-гуань (Сыдунь'скій солонецъ), Бэй-шань, г. Гань-чжоу-фу, Нань-шань (мон. Ма-ти-сы).

Eremias przewalskii, Str.
Юй-гуань (Сы-дунь'скій солончакъ).

Fam. Scincidae.

Lygosoma potanini, Günth.
Сининскія альпы (р. Мынъ-дань-ша, мон. Гумбумъ).

Ophidia.

Fam. Colubridae.

Elaphis dione, Pall.
Долина р. Сининъ-хэ.

Taphrometopon lineolatum, Brandt.
Джунгарія (г. Гу-чэнъ).

Fam. Viperidae.

Trigonocephalus intermedius, Str.
Тянь-шань (хр. Боро-хоро), Джунгарія (р. Му-лэй-хэ, р. Манасъ), Гань-су (Сининскія альпы).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

Abreu см. de Vasconcellos—
Абульгазп, 62.
Адріановъ, 25.
Алфераки, 240, 343, 358, 400, 408.
Анвиль (д') 144, 145, 155, 158, 159, 208, 220, 281.
Аристовъ, 23, 24, 62, 63, 246.
Арлуевъ, см. Леджпнъ—
Austaut, 408.

Байковъ, 299.
Байронъ-Бренанъ, 255.
Балкашинъ, 3.
Бартольдъ, 237, 463—465.
Баталинъ, 475, 487.
Бауэръ (Bower), 53.
Бедряга, 503.
Бель (Bell), 43, 138, 220, 239, 241, 252, 269, 273, 345.
Бергъ, 209.
Березинъ, 52.
Березовскій, 343, 344.
Бетсъ (Bates), 358.
Біанки, 82, 344, 387.
Биль (Beal), 28.
Bienert, 358.
Biot, 28, 266, 463.
Бихнеръ, 240, 251.
Бичуринъ см. о. Іакинѳъ—
Богдановичъ, 122, 168, 197, 230, 390, 391, 393, 394, 396.
Богдановъ, 151, 251.
Богоявленскій, 467.
Бонвало, 53, 347.
Борнеманъ, 224, 241, 263, 266, 281, 459.
Butler, 358.
Bremer, 358.
Бретшнейдеръ, 19, 27, 127, 145, 147, 180, 182, 237, 296, 299, 313.
Бродовскій, 151.
Брока, 47.
Brosset, 110, 460.
Boisduval, 399, 400.

*) **В**алихановъ 62, 303.
Wallengren, 415,
Ванъ Янь-дэ, 22, 180, 181, 214, 223, 278, 279, 282, 283, 286, 313.
Васеневъ, 140, 133.
Васильевъ, 11, 32, 36, 40, 48, 51—53, 196.
de Vasconcellos-Abreu, 28.
Вивіенъ де С. Мартэнъ см. С. Мартэнъ.
Вилькинсъ, 321.
Winkler, 487.
Visdelou, 27, 281.
Витрамъ, 470, 473, 474.
Воейковъ, 131—133, 348, 349, 397.
Врангель, 25.

Габэ, 213, 214, 347.
Гайтонъ, 299.
Галкинъ, 273, 281, 282, 289, 295, 297, 300—302, 304, 306, 310, 311, 318, 329, 335.
Галсанъ-Гамбоевъ, 57.
Гао-цюй-хуй, 29.
Годинъ, Свенъ, 53.
Geiger, 462.
Гемсли см. Хемсли.
Георгіевскій, 20, 21, 29, 30, 49, 461.
Гессе-Вартегъ, 297.
Gaubil, 281.
Graeser, 359.
Гренаръ (Grenard), 39, 41, 44, 52, 54, 56, 61.
Григорьевъ, 23, 41, 313, 314, 415.
Грумъ-Гржимайло, Г., 153, 159, 220, 238, 306, 343, 359, 398, 400, 403, 416, 463.
Грумъ-Гржимайло, М., 156, 441.
Грынцевичъ см. Талько—
Gutzlaff, 54.
Гюкъ, 15, 51, 54, 60, 347.

Давлетшинъ, 205.
Дарвинъ, 398.
Devéria, 37.
Дегинь (Deguignes), 61, 80.
Deckert, 400, 402,
Delamarre, 41.
Desgodins, 48.
Дестунисъ, 52.

*) Фамиліи англійскихъ авторовъ на W см. подъ буквой У.

Джемисонъ, 331.
Дженкинсонъ (Jenkinson), 138.
Джипсъ (Gips), 461.
Джонсъ (Jones, W.), 62.
Джувейни, 314.
Dilke, 331.
Dutreuil de Rhins, 41, 44, 53.

Eversmann, 251, 359.
Евтюгинъ, 140, 153.
Elsner, v., 133.
Elwes, 359, 385, 400, 401.
Ерзовскій, 140, 152, 165, 204, 208, 209.
Ершовъ, 359, 364.

Jigs-med nam mk'a, 26, 54.
Gips см. Джипсъ.
Жилинскій, 339.
Журавлевъ, 270, 290.
Жюльенъ (Julien, St.), 22, 61, 110, 142, 153, 180, 205, 212, 214, 223, 224, 228, 237, 250, 266, 273, 281, 283, 286, 298, 300, 303, 309, 313, 317, 318, 331, 336—338, 457, 465.

Зыряновъ, 249, 434.

Ивановскій, 49, 51.
Игнатьевъ, 167.
Иностранцевъ, 461, 466.
Исидоръ Харакскій, 23.

Іакинфъ (от.), 1, 10, 17, 20—24, 26—37, 39, 45, 48, 49, 52, 53, 56, 61, 79, 80, 109, 139, 145, 158, 159, 169, 181, 183, 212, 220, 222, 224, 229, 237, 250, 266, 268—270, 275, 277, 279—283, 296, 300, 313, 331, 335, 464.

Каземъ-бекъ, 62.
Калнинъ, 61.
Карпинскій, 386.
Кастренъ, 25, 462.
Катановъ, 227, 249.
Каульбарсъ, бар., 303.
Кащенко, 465.
Кеаровъ, см. арх. Палладій.
Kingsmill, 23, 222.
Киселевъ, 434, 438, 439,
Кишэнъ-Сингъ, 54, 55.
Клапротъ (Klaproth), 22, 24, 27, 30, 32, 33, 35, 50, 53, 57, 62, 110, 237, 274—276, 281—283, 286, 313, 463, 465.
Клеменцъ, 277.
Козловъ, 65, 66, 146, 169, 220, 223, 227, 251, 252, 282, 413, 466, 467.
Kollar, 359.
Кондратовичъ, 463.
Коноваловъ, 439.
Кёрби (Kirby), 359.
де-Кёросъ (Чома), 55.
Костенко, 249, 306, 308, 318, 335, 339.
Котвичъ, 52, 214, 331.
Котсъ (Cotes), 359.
Красновъ, 166, 167.
Крейтнеръ, 11, 12, 143, 345.
Crépin, 483.
Кузнецовъ, 492.
Cunningham, 27.
Куропаткинъ, 241, 272.
Кэрн, 220, 223.

Ладыгинъ, 4, 125, 147, 248.
Lacouperie см. Terrien de—
Langlés, 62.
Ларіоновъ, 315, 318, 331, 335, 337, 339.
Lassen, 460, 465.
Legge, 21.
Lederer, 359.
Леджинъ Арлуевъ, 248.
Lydekker, 168.
Лестокъ, 299.
Литвиновъ, 209.
Литльдель, 53, 69.
Личъ (Leech), 359, 416.
Лочи (Loczy), 121, 122.
Лыкошинъ, 459.
Лю-цзинь-тапъ, 274, 458.
Лю-ю, 27.

Ма-дуань-линь, 32, 35, 180, 181, 196, 458, 460.
Mailla (Moyriac de—) 41, 59, 169.
Максимовичъ, 344, 350.
Максимовъ, 471, 473.
Маннингъ, 47.
Markham, 47, 53, 54.
Marquart, 465, 466.
Марко-Поло, 37.
Маршалль (Marshall), 359.
Матвѣевъ, 318, 333, 335, 339.
Матусовскій, 206, 208, 209, 252, 266, 300, 314, 334, 345.
Мейнгардъ, 360.
Меліоранскій, 35, 465.
Менандръ, 11.
Мензбиръ, 398.
Менкеджіевъ, 457, 461, 467, 468.
Миддендорфъ, 150, 151, 351.
Миньчжулъ (хутукта), 11, 36, 48, 50, 51, 53—55, 59, 462, 463.
Möller, 359.
Монкочжеевъ, 54.
Montgomerie, 45, 54.
Montigny (de—), 280.
Moorcroft, 54.
Moore, 360, 398, 410.
Мушкетовъ, 151, 166, 167, 238, 288.
Мэкиннонъ (Mackinnon), 359.
Мэнэтріэ (Ménétriés), 360, 368.

Найнъ-Сингъ, 53, 54.
На-янь-чэнъ, 39, 90.
Neumann, 314.
Нидерле, 462, 463.
Никольскій, 462.
Nicéville (Lion. de—), 359, 360.

Oberthür, 360, 398, 409.
Обручевъ, 9, 12, 65, 66, 80, 102, 106—110, 112, 113, 115, 119—123, 141—146, 149, 151—160, 162, 165, 166, 168, 170—175, 187, 188, 190, 191, 194, 199, 201—204, 208, 209, 220, 225, 227, 229, 230, 271, 273, 300—302, 304, 306, 309, 310, 315, 318, 331, 335, 345, 394—396.
Оленинъ, 214.
Oppert, 10.
Orazio della Penna см. d. Penna.
d'Orléans, Henri—Ph., 69.

Палибинъ, 475.
Палладій (арх.), 35, 41, 219, 265, 277, 296, 330.
Палласъ, 251.
Пантусовъ, 249, 337, 459.

Parker, 38, 465.
Pelliot, 278, 286, 461, 465, 466.
della Penna di Billi (Francesco Orazio), 53.
Petersen, 360.
Петровскій, 61.
Plano Carpini, 57.
Plath, 21.
Плеске, 113.
Плиній, 26.
Поздѣевъ, А., 40, 246—248, 256.
Поздѣевъ, Д., 28, 31, 35, 49, 61, 459, 462.
Покотиловъ, 41.
Помпей см. Трогъ—
Поповъ, 7, 40, 133, 247, 266, 269, 277, 296.
Потанинъ, 12, 18, 22, 24, 25, 40, 41, 49, 51—53, 56, 59—62, 67, 73, 74, 77, 79, 80, 86, 89—92, 94—96, 116, 140, 145, 182, 196, 205, 206, 220, 240, 246—249, 255, 260, 272, 299, 343, 345, 346, 353, 481.
Pauthier, 35, 37, 110.
Пржевальскій, 1, 7, 11, 12, 15, 16, 18, 43, 47, 52, 54, 57, 63, 69, 74, 93, 116, 130—134, 137, 140, 220, 229, 252, 281, 318, 339, 340, 343, 353, 390, 433, 434.
Pfizmaier, 10, 22, 26, 32, 36, 66, 181, 460.
Пѣвцовъ, 122, 196, 230, 252, 273, 280, 289, 295—298, 300, 301, 306, 435.
Püngeler, 344.
Пясецкій, 197 204, 208, 209, 239, 242, 460.

Радловъ, 35, 62.
Рафаиловъ, 196.
Rachias, 26.
Рашидъ эд-Динъ, 35.
Rebel, 357.
Регель, 296, 300.
Redtenbacher, 359.
Reakirt, 401.
Реклю, Э., 347.
Ремюза (Rémusat Ав.), 28, 29, 54, 63, 110, 286, 459, 460, 463.
Ренатъ, 246, 331.
Rhins см. Dutreuil de—.
Rialle, de—, 460.
Риттеръ, 23, 174, 255, 274, 275, 299.
Рихтгофенъ, 26, 28, 110, 111, 331, 460.
Роборовскій, 12, 169, 173, 223, 227, 228, 232, 233, 273, 300, 301, 302, 304.
Рокхиль (Rockhill), 1, 5, 11, 12, 15, 18, 25, 33, 35, 39—41, 45, 46, 48, 52, 53—56, 59, 63, 67, 70, 74, 140, 270, 345, 348, 390, 466.
Romanoff, N. M. (Великій князь Николай Михаиловичъ), 360.
Rosny, de—, 61.
Ростгорнъ, 331.
Рудневъ, 457, 458, 461, 467.
Rühl, 410.

Санапъ-Сэцэнъ, 36, 58.
Саратъ-Чандра-Дасъ, 46.
Свенъ Гединъ см. Гединъ.
Swinhoe, 359.
Семеновъ, П., 167, 183, 255, 299.
Saint-Martin, 466.
Saint-Martin (Vivien de—), 27, 62, 205, 281, 460.
Сечени (графъ), 11, 343.
Симокатъ см. Ѳеофилактъ—
Скасси, 80.
Sclater Ph., 387.
Sclater, W., 387.
Слюннъ, 81.
Смирновъ, 463.
Соколовъ, 251.
Соммье, 463.
Сосновскій, 197, 204, 209, 239, 248, 345.
Страбонъ, 23.
Струве, 248, 260, 272, 299.
Сы-ма-цянь, 23.
Сѣверцовъ, 240, 331, 401.
Сюань-цзанъ, 28, 153, 237.
Сюй-сунъ, 278, 297.

Талько-Грынцевичъ, 25, 33.
Terrien de Lacouperie, 21.
Thevenot, 138.
Тимковскій, 67, 214.
Тихменевъ, 306, 308.
Тёрнеръ (Turner), 39.
Трогъ Помпей, 23.
Trotter, 54.
Тэрольдъ (Thorold), 361.

Унковскій, 298.
Уоттерсъ (Watters), 459.
Успенскій, 7, 8, 10, 11, 26, 28, 34, 39, 40, 52, 58, 66, 160, 222, 248, 258, 266, 272, 273, 289, 297—299, 300, 303, 306, 308—310, 314, 317, 318, 329, 343, 336.
Уэддель (Waddel), 214.
Уэйли (Wylie), 21, 29, 241, 250, 269, 276, 296, 297.

Фань-шао-куй, 133, 169.
Fischer, H., 288.
Форсайтъ (Forsyth), 346.
Frivaldszky, 343.
Friederichsen, 460.
Fritsche, 181.
Fruhstorfer, 400, 410.
Футтереръ, 6, 7, 12, 17, 18, 43, 133, 134, 138, 166, 168—170, 202, 220, 222, 224, 225, 228, 230.

Харакскій см. Исидоръ—
Хемсли (Hemsley), 116, 344.
Henderson, 321, 346.
Хиртъ (Hirth), 24—26, 32, 461, 464, 465.
Ховойтъ (Howorth), 35, 55.
Hodgson, 36, 46, 52, 54—56, 303.
Hume, 346.
Christoph, 360, 361.
Huth, 26, 36, 54.
Хэмпсонъ (Hampson), 357, 360, 367—369, 371, 377.
Хэ-цю-тао, 275.

Цай-юнъ, 30
Цвѣтковъ, 332.
Цзи-юань-хуай, 263, 276.
Циммерманъ, 398.
Циттель (Zittel), 168.
Цянь-лунъ, 41.

Чандра Дасъ см. Саратъ—
Чановъ, 438, 439.
Чань-чунь, 237, 286, 296, 309, 330.
Черскій, 386.
Чжанъ-му, 275.
Чжанъ-цянь, 27.
Чжао-юань-пинъ, 275.
Чома де Кёрёсъ, 55.

Шаванъ (Chavannes), 181, 222, 237, 263, 269, 277—279, 287, 297, 458, 459—462, 465—467.
Шахназаровъ, 298, 299, 306.
Шварцъ, 339.
Ширатори (Shiratori, K.), 460, 461, 466—468.
Шмидтъ (Schmidt, J.), 36, 54, 58, 63.
Шмидтъ (Jchmidt, Fr.), 401.
Шоттъ (Schott), 26, 53, 61, 297, 458.
Schrenck, L. v.—, 462.
Staudinger, 344, 357, 358, 361, 362, 385, 405, 409, 417, 426.
Шы-гу (Янь), 21, 23, 24, 467.

Ѣлюй-чуцай, 237.

Эверсманъ см. Eversmann.

Юль (Yule), 27, 28, 460, 446.
Юнгхузбендъ, 223.

Ядринцевъ, 437.
Янь-дэ см. Ванъ—
Янь-Шы-гу см. Шы-гу.

Ѳеофилактъ Симокатъ, 466.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ [1]).

Авганистанъ, госуд., 355.
Агликъ, р., 212.
Адакъ, сел., 195.
Адда, р., 167.
Аджи-богдо, гора, 383.
А-дуань, княж., 38.
Азія, 41, 386, 387, 397, 401, 402.
Акка-тагъ, хр., 346.
Акмолинскія степи, 269.
Акъ-Каба, р., 439.
Акъ-су, р., 464, 465.
Акъ-ташъ-котёль, пер., 215.
Акъ-шійрякъ, хр., 167.
Алайскія горы, 25.
Алакъ-норъ, оз., 144, 155, 158.
Alac-omo, оз., 159.
Алакъ-текэ, р., 329.
Алакъ-чій, оз., 153—155.
Ала-норъ, оз., 1, 345.
Ала-тау, хр., 314, 383.
Ала-шань, хр., 32, 38, 133, 134, 140.
Алгыдай, р., 439.
Алматинская долина, 167.
Алтай, хр., 27, 62, 116, 196, 246—248, 354—356, 379, 382, 383, 385, 390, 391, 397, 437.
Алтынъ-голъ, р. (Тиб.), 1.
Алтынъ-голъ, р. (Т.-ш.), 289.
Алтынъ-тагъ, хр., 344, 383, 434.
Альпы (Швейц.), хр., 354—356, 401.
Амдо, стр., 4, 20, 31, 37, 38, 43, 50, 63, 76, 345, 346, 349—356, 383, 387—390, 398.
Амдо-Бал-ри, удѣлъ, 50.
Америка, 401, 402, 414.
Амнэ-Мачинъ, хр., 1, 36, 348.
Аму-дарья, р., 28, 140.
Амуни-Коръ, пер., 345.
Амуни-Мачинъ, хр., 348.
Амуни-Тянь-цинъ-чагань, пикъ, 11.
Амунъ, ур., 253.
Амурская область, 356.
Амуръ, дол., р., 354—356.
Ангренъ, р., 25.
Ань-динъ, княж., 38.
Ань-динъ-сянь, грд., 127.
Ань-сай-сянь, грд., 127.
Ань-си, грд., 197, 203.
Ань-фоу-чэнъ, грд., 334.
Ань-фу, грд., 334, 335.
Ань-хой, пров., 20, 332.
Ань-цзы-хай, р. 306, 309.
Ань-цзы-хай, сел., 309, 310.
Ань-чжи-бира, р., 208.
Аравія, 205.
Ара-голъ, р., 6, 7.
Аральское море, 209.
Аргый, хр., 122.
Ардынъ, р., 20.
Арикъ, хошунъ, 467.
Арикъ-гомба, мон., 75, 76, 78.
Артацзи-хо, р., 273.
Архоту, р., 273, 274, 276, 283, 294.
Асса-ханъ, кл., 70.
Астраханская губ., 354.
Астына, сел., 222.
Астынъ-тагъ, хр., 168.
Ачалъ, ур., 337.
Ачикъ-су, р., 242.
Ашиханъ-шуй, р., 8.
Ашхань-фи, р., 5—8.
Аяръ-норъ, оз., 298.

Бабо, дол., 79, 81, 86—88, 108, 111.
Ба-бо-хо, р., 40, 70, 78—81, 86—90, 92, 93, 107—109, 111, 135, 136.
Ба-бо-шань, гора, 174, 177, 185.
Бага-Ма-цзунъ-шань см. Ма-цзунъ-шань (Бага).
Бага-Тонсукъ, р., 79, 80, 86—88.
Бага-Уланъ-голъ, р., 70.
Багдашская котловина, 215, 216.
Багдашскій ручей, 216.
Багдашъ, усадьба, 212, 215—218.
Баграшъ-куль, оз., 168, 436.
Ба-дунъ-бира, р, 92.
Базарка, р., 180.

---

[1]) Принятыя сокращенія: *влад.*—владѣніе; *госуд.*—государство; *грд.*—городъ; *дол.*—долина; *древн.*—древній; *имп.*—имперія; *кл.*—ключъ; *княж.*—княжество; *кол.*—колодецъ; *котл.*—котловина; *кр.*—крѣпость; *кум.*—кумирня; *мон.*—монастырь; *мѣстн.*—мѣстность; *оаз.*—оазисъ; *обл.*—область; *оз.*—озеро; *окр.*—округъ; *пер.*—перевалъ; *пик.*—пикетъ, военный постъ; *пр.*—пріискъ; *пров.*—провинція; *разв.*—развалины; *р.*—рѣка, рѣчка; *сел.*—селеніе; *ст.*—станція; *стр.*—страна; *укр.*—укрѣпленіе; *ур.*—урочище; *ущ.*—ущелье; *хр.*—хребетъ.

Баинъ-голъ, р., 317.
Баинъ-ола см. Баинъ-ула.
Баинъ-танда, мон., 196.
Баинъ-ула, гора, 185, 197.
Баинъ-ула, пикъ (Кук.—п.), 11, 71, 73, 75.
Бай, сел., 195.
Бай-дунь-цзы, ст., 197.
Байкалъ, оз. 354.
Бай-танъ-цзы, ст., 197.
Бай-шань, хр., 467.
Бай-янъ-гоу, пр., 289.
Бай-янъ-хо, р., 242, 246.
Бактрія, госуд., 23.
Балекунъ-гоми, ур., 1.
Балканскій полуостр., 354.
Балхаци-норъ, оз., 331.
Балхашская котловина, 167.
Балхашъ, оз., 251.
Бао-ань-сянь, грд., 127.
Бао-хуй, грд., 263, 278, 279.
Барда, грд., 23.
Бардунъ, р., 65, 80, 87, 92, 94.
Бари, мѣстн., 59.
Баркуль, грд., 212, 239, 281.
Баркульскія горы, 227, 460.
Баркульское приставство, 226.
Баръ-бурху, кол., 196.
Бахты, сел., 261.
Баянъ-ронъ, дол., 41.
Берп, удѣлъ, 55.
Берэ-хада, пер., 74.
Бинъ-динъ-чжоу, грд., 270.
Бинъ-янъ-сянь, грд., 127.
Бирма, госуд., 21, 245.
Битунъ-цоджи, сел., 280.
Би-хэ, оз., 10.
Бишбалыкъ, грд., 62, 274—276, 279—281, 286, 296.
Бишбалыкъ, стр., 275.
Богдойнъ-гурбанъ-шобогоръ, гора, 457, 458.
Богдо-ола, пикъ, 120, 167, 237, 246, 248, 264, 265, 278, 473.
Богудяньскіе пески, 330.
Богусъ-зуслунъ, ур., 473.
Бода, хр., 464.
Боджинтэ-куль, оз., 227.
Болема-голъ, р., 74.
Большой Хинганъ, хр., 354, 355, 383, 401.
Бо-лунъ-дуй, пустыня, 223.
Бо-ма, стр. 22.
Бом-ра, стр., 462.
Börbensin, грд., 246.
Боргуста, р., 337.
Боробогосунъ, р., 338.
Боро-боргасу, р., 338.
Боро-боргосунъ, р., 468.
Боростай, р., 337, 341, 468.
Боротала, р., 337.
Боро-хоро, хр., 237, 248, 324, 327, 331, 337, 340, 457.
Борхаци, р., 317.
Борхаци, сел., 317.
Борю-булак'ская долина, 187.
Борю-булакъ, кл., 187.
Борю-булакъ, хр., 175, 176, 185, 187.
Бостонъ-су, р., 242.
Босъ-адыръ, ур., 240.
Бо-сянь-цзы, хр., 148, 149, 156, 161, 163—166, 170.
Боу-цзянь-дань, сел., 303.
Бо-хай, стр., 62.
Брамапутра, р., 21, 303.
Британская Индія, 245.
Бугуръ, грд., 335.
Булгунъ, р., 246, 248.
Булунгиръ, р., 28, 122, 148, 152, 155—160, 166.
Булунгиръ, сел., 474.
Булунгуй, грд., 41.
Булунъ-тогракъ, ур., 209.
Булунъ-тохой, грд., 434.
Бургацзи, сел., 311, 316, 317.
Бурунъ-тогай, грд., 248, 249.
Бурханъ-бода, хр., 1, 345, 354.
Бурханъ-будда, хр., 1.
Бурчумъ, р., 246, 248, 434, 439.
Бусгала, ущ., 238.
Бутанъ, госуд., 303.
Буха, р., 69.
Бухаинъ-голъ, р., дол., 13, 14, 38, 65—71, 74, 75, 130, 135, 345, 467.
Бухара, госуд., 138.
Бухарская низменность, 354.
Бухтарма, р., 155.
Буянду, р., 247.
Бѣлая, деревня, 434.
Бѣ-ши-ба-ли, грд., 280.
Бэдъ-лэндъ, мѣстн., 347.
Бэй-дао-хэ, р., 139.
Бэй-дао-цяо, сел., 280.
Бэй-лу, 226, 230, 239, 241, 242, 246, 262, 269, 280, 292, 305, 324.
Бэй-Лянъ, госуд., 32.
Бэй-тинъ, грд., 274—279, 281—283, 286, 313, 467.
Бэй-шань, горн. обл., 33, 122, 133, 138—141, 149, 151, 153, 156, 157, 160—162, 223, 225, 230, 231, 233, 240, 354, 386, 387, 389, 390, 397, 398.
Бэримъ, удѣлъ, 55.
Бэрэ, удѣлъ, 466.
Бюгуръ, грд., 335.
Бянь-ду, ущ., 87.

Вайомингъ, мѣстн., 347.
Ва-лу-чжоу, грд., 334.
Ванъ-сянь-линъ, ущ., 180.
Ванъ-хо-ло, кол., 190.
Ванъ-хуланъ, кол., 190.
Вань-сао-хо, р., 120, 121, 123, 124, 128, 136.
Вань-сы-шань, гора, 121.
Волга, р., 269, 313.
Восточная Монголія, 331.
Восточная Сибирь, 396.
Восточно-Джунгарское плоскогоріе, 288, 239.
Восточный Туркестанъ, 34, 57, 306.
Восточный Тянь-шань, 225, 237, 238, 292, 343.
Враг-го, удѣлъ, 55.
Ву-ду, стр., 22, 30, 49.
Ву-дунь-о-цзы, кл., 204.
Вуй, пров., 54.
Ву-ту, дол., 467.
Вѣрный, грд., 441.
Вэй-шуй, р., 30, 36.
Вэнь-ли-коу Нань-шань, хр., 78, 107, 109.
Вэнь-лу-чжоу, воен. окр., 317.

Gaghan Stupa, грд., 279.
Га-да-динъ-цзе см. Го-да-чинъ-цзы.
Ганбъ, р., 215, 217.
Ганбъ, ущ., 216.
Галоту, ур., 196.
Ганзе, удѣлъ, 55.

Ганъ-гу, р., 251.
Ганъ-гу, ручей, 272.
Гань-гу, р., 263.
Гань-су, пров., 19—21, 23, 28—31, 33, 34, 37, 41, 49, 57, 109, 130, 132, 137, 268, 291, 332, 349, 350, 353, 354, 379, 384, 385, 387—389.
Ганьсуйскія горы, 227.
Гань-хэ, оаз., 316.
Гань-хэ, р., 316.
Гань-цюань-пу, разв., 271.
Гань-чжоу, грд., 28, 32, 34, 35, 38, 39, 79, 90, 109, 125, 138.
Гао-дай-сы, мон., 283.
Гао-тай, грд., 19.
Гао-чанъ, влад., грд., 181, 229, 237, 275, 276, 281.
Гарматанъ, дол., 1, 345.
Гасъ, ур., 38.
Гауризанкаръ, пикъ, 346.
Гашунъ, оз., 331.
Гашунъ, ур., 226.
Гашунъ-норъ, оз., 331.
Гашунь, имп., ст., 311, 331.
Гашунь, ур., 280, 473.
Гибинь, госуд., 23.
Гималайскій хр., 26, 346, 353—356, 383, 387.
Ги-му-са, грд., 277.
Гиндукушъ, хр., 328.
Гинъ-ванъ-ча, ур., 170.
Гинь-ва-шань, хр., 199, 201.
Гинь-чжа-хо, р., 307.
Гинь-ша-линъ, хр., 237, 278.
Гиссарскій хр., 355.
Гоби, пустыня, 20, 133, 140, 169, 230, 232, 239, 386, 389.
Го-дабанъ, р., 94, 95, 118.
Го-да-чинъ-цзы, ур., 209.
Голубая рѣка, 344.
Го-ман-гонь, мон., 50.
Го-мань-сы, мон., 50.
Гомуди, грд., 272.
Гонконгъ, грд., 243.
Гонь-лунъ, мон., 50.
Го-чанъ, пер., 282.
Гринто, островъ, 10.
Гуа-чжоу, грд., 41.
Гуа-чжоу, обл., 27, 153.
Гуанъ-дунъ, пров., 332.
Гуанъ-дунъ, сол. окр., 332.
Гуанъ-си, пров., 22, 332.
Гудулэ, р., 145.
Гуй-дай-сянь, грд., 250.
Гуй-дуй см. Гуй-дэ-тинъ.
Гуй-дэ, дол., 1.
Гуй-дэ-тинъ, грд., 1, 4, 5, 43, 69, 132.
Гуматай, грд., 272.
Гумбольдта хр., 346.
Гумбумъ, мон., 4.
Гумиды, грд., 272.
Гумуди, грд., 272, 273.
Гундулэнъ, р., 145.
Гунъ-нинъ, грд., 278.
Гурбанъ-хара-усу, р., 318.
Гурту, р., 318.
Гурту, сел., 311, 317—319, 323, 234, 328, 329, 340, 341.
Гурту хара-усу, р., 318.
Гутаба, р., 299.
Гу-ченъ-давапъ, пер., 282.
Гу-чэнъ, грд., оаз., 237, 250—252, 254, 263, 276, 277, 280—283, 292, 293, 458, 467, 473.
Гу-чэнъ-тау, хр., 278.
Гэ-ло-мѣй-юань, р., 180.
Гэ-лунъ, р., 160.
Гэшаньту, пикъ, 298.
Гюаньду, влад., 24.
Гюй-ми-шань, хр., 212.
Гюрюпъ, р., 297.
Гяо-хэ-чэнъ, др. грд., 277.

Да-Ба-бо-сы, мон., 89.
Да-бо-шань, пикъ, 95.
Дабсунъ-норъ, оз., 159.
Да-бэнь-мяо, хр., 198.
Да-бэй-ху, мѣстн., 318.
Да-вань, влад., 23, 335.
Давату, байнакъ, 74.
Дагестанъ, обл., 303.
Даглынъ-гунба, мон., 54.
Да-дзе-динъ, кол., 156.
Да-ди-во-пу, сел., 294, 295.
Дакота, страна, 347.
Да-ланъ-гу, р., 263, 284.
Да-лянъ, грд., 461.
Да-Ма-цзунъ-шань, хр., 175.
Дамъ, р., 54.
Дангаръ, мон., см. Дань-гэръ.
Данъ-хэ, р., 38.
Дань-гаръ см. Дань-гэръ.
Дань-гэръ, мон., 7, 8.
Дань-гэръ-хэ, р., 6—8.
Дань-гэръ-чэнъ, грд., 6—9, 39, 93, 133.
Дао-танъ-хо, р., 7—9, 13, 135
Дао-хэ, р., 49.
Да-Па-бао-шань, хр., 79.
Дардань, стр., 222.
Да-си-гоу, пр., 289.
Датунская долина, 132, 133.
Да-тунъ, грд., уѣздъ, 39, 474.
Да-тунъ-хэ, р., 40, 65—67, 71, 73—77, 79, 87, 96, 107, 110, 132, 133, 135, 350, 352, 463.
Да-фэй-чуань, р., 67.
Да-хунъ-чуань, сел., 142.
Да-хунъ-шань, кол., 182.
Да-хэ, р., 119.
Дахя, госуд., 23.
Да-цзе-динъ, кол., 199.
Да-цзи, пустыня, 33.
Да-цзы-чанъ, дол., 199.
Да-цзы-чанъ, кол., 199.
Да-цзо-цзы, разв. сел., 326, 329.
Да-чанъ, кол., 177, 183.
Да-чжо-цзы, ур., 203.
Да-ши-тоу, ст., 239.
Да-ши-ту, ст., 239, 241, 292, 293.
Деваджинъ, сел., 223.
Де-ва-цзинъ, сел., 223.
Джагынъ-голъ, р., 1.
Джаиръ, хр., 248.
Джаксынъ, кл., 280.
Джанартъ, р., 463, 464.
Джанъ-булакъ, ур., 281, 282.
Джанъ-чинза, сел., 265.
Джаргалы, р., 338.
Джаринъ-норъ, оз., 345.
Джаркентъ, грд., 128, 336, 473.
Джигда, сел., 222.
Джигда, ур., 195, 196.
Джимысаръ, грд., 263, 264, 277, 283, 284, 292, 293, 467.
Джинъ-хо, грд., 335.
Джиргаланты, р., 468.

Джиргаланъ, р., 289.
Джиргалты, р., 317, 318.
Джиттымъ-тау, хр., 167.
Джунгарія, стр., 28, 224, 230, 236, 250, 255, 257—259, 261, 269, 275, 296—298, 300, 305, 309, 313, 314, 335, 339, 340, 341, 390, 435.
Джунгарская низменность, 354.
Джунгарская пустыня, 133.
Джунгарскій Ала-тау, хр., 66, 314.
Джюпрэ, р., 70.
Джюрмитъ, горн. гряда, 70.
Джюрмитъ, р., 69.
Джюсъ-яръ, р., 318.
Дзага-норъ, оз., см. Царинъ-норъ.
Дзагенъ-кудукъ, кол., 196.
Дзамаръ, р., 71.
Дзаринъ-норъ, оз., 1.
Дза-хогъ, удѣлъ, 466.
Дза-чю-кава, удѣлъ, 467.
Дзульметанъ, болото, 1.
Ди-хуа, уѣздъ, мѣстн., 271, 275, 276.
Ди-хуа-чжоу, грд., 275, 291.
Діяфыръ, сел., 295.
До-жунъ, болото, 1.
Долдо, удѣлъ, 50, 51.
Долонъ-модо см. Долонъ-модопъ.
Долонъ-модонъ, ур., 156, 165, 166, 170, 188.
Долонъ-норъ, грд., 53.
До-мадъ, стр., 50.
Домда-хара-усу, р., 317.
Досъ-Мёгенъ, пикъ, 302, 331.
До-хамъ, обл., 462.
Драйя, княж., 45.
Дра-монъ, удѣлъ, 55.
Дрео, удѣлъ, 55.
Дрэ-чу, р., 70.
Дунсанскія высоты, 271.
Дунчинская гряда, 249.
Дунъ-гоу-коу, пр., 289.
Дунъ-іенчже, ст., 228.
Дунъ-Янь-чи, ст., 228.
Дунь-муда, сел., 34.
Дунь-хуанъ, грд., 27, 335.
Дунь-шань'скія высоты, 271.
Ду-ню-шань, пикъ, 95.
Дурбульджинъ, грд., 249.
Дуршакъ, пост. дворъ, 318.
Ду-ханъ-чжанъ, р., 266.
Ды-чу, р., 43.
Дэву, удѣлъ, 466.
Дэгэ-чу, р., 70, 71.
Дэліунъ, р., 247.
Дэль, р., 70.

Египетъ, 157.
Еки-котёль, пер., 215.
Емодусъ, хр., 26.
Енисей, р., 25, 396.
Ерень-нуру, гора, 383.
Ертеръ, р., 71.
Ечжине-голъ, р., 461.

Желтая рѣка, 1, 2, 5, 23, 28, 31, 33, 34, 36, 37, 40, 50, 56, 69, 75, 344—346, 353, 387, 395.
Желѣзныя ворота, ущ., 238.
Жи-юе-шань, хр., 4—9.
Жо-шуй, р., 80.

Забайкалье, 25, 357.
Загималайскій хребетъ, 347.
Заднее Чеши см. Чеши.
Занлійскій Ала-тау, хр., 66, 166, 183.
Зайсанъ, уѣздъ, 180, 355.
Зайсанъ-норъ, оз., 247.
Закаспійская низменность, 354.
Западная Монголія, 248, 255—257, 259, 332, 355.
Западная Сибирь, 260.
Западно-Сибирская низменность, 386.
Западный Китай, 268, 280, 334.
Зюсса хребетъ, 65, 66.

Иванъ-чанза, ст., 226.
И-вань-цюань-цзы, ст., 223, 226, 230, 231, 233, 282.
И-ву, грд., 281.
Идикотъ-шари, разв., 282, 296.
И-ко-шоръ, сел., 219.
Илекъ, р., 251.
Или, пров., 291, 298.
Или, р., 67, 253, 434.
Илійская долина, 335, 340—342, 385.
Илійская низменность, 354.
Ильинская сопка, 433, 438, 439.
Ильмовыя долины, 38.
Имильская земля, 314.
Индія, 47, 50, 243, 355.
Индокитайскій полуостр., 387.
Индустанъ, 54.
Индъ, р., 402.
Инъ-ва-ся, кол., 156, 171.
Инъ-ва-шань, хр., 170.
Инъ-чжоу, грд., 127.
Инъ-юнь-сы, мон., 283.
Инь, влад., 20.
Инь-пань-фу, грд., 145—148, 158, 231.
Инь-пань-фу-цзы, котловина, 148, 149, 157—159.
Инь-пань-фу-цзы, оаз., 144—149, 154.
Инь-шань, хр., 32, 237, 383, 388, 401.
Инь-шань, хр. (Боро-хоро), 237.
Инь-шань, хр. (Т.-ш.), 237, 296.
Инь-шань, хр. (Чоль-т.), 237.
Иравади, р., 21.
Ирень-Хабирга, ур., 299.
Ирень-Хабырга, хр., 248.
Иркутскъ, грд., 261.
Иртышъ, р., 62, 180, 247, 303, 354.
Ирянъ-харбутъ, хр., 248.
Иссыкъ-куль, оз., 430.
Итхана-анчха, р., 310, 311.
И-хо-шу, сел., 209.
И-ху-лу-голъ см. Ихуръ, р.
И-ху-лу-сянь, хр., 95.
Ихуръ, р., 65, 91, 92, 94—96.
Ихуръ, хр., 95.
Ихэ-Ма-цзунъ-шань, хр., см. Ма-цзунъ-шань (Ихэ).
Ихэ-Тонсукъ, р., 80, 81, 89.
Ихэ-Уланъ, р., 65, 71, 73, 74, 134, 135.
И-чжи, влад., 296.
И-чжоу, грд., 180, 181.

Іенъ-ху, оз., 331.
Іо-чжоу-фу, грд., 48.
Іо-шуй-дабанъ, хр., см. Йо-шуй-дабанъ.

Йо-шуй, сух. русло, 199.
Йо-шуй-дабанъ, хр., 199, 200.

Каба, р., 249, 253, 434.
Кавказскій хребетъ, 313.

Кавказъ, 303, 354—356, 383, 384, 403.
Каганъ-Будда, ур., 278.
Казганъ, ур., 195.
Кай-фынъ-фу, грд., 461.
Кайге, кл., 280.
Кака-боланъ, пр., 113.
Калганъ, грд., 267.
Калмакъ-шари, разв. грд., 298.
Камбоджа, влад., 245.
Камчатка, 356, 385, 402.
Камъ, пров., 39.
Канасъ, р., 437.
Кангзаръ, удѣлъ, 55.
Кангюй, госуд., 23.
Кансаръ, удѣлъ, 466.
Капъ-кизылъ, камен.-уг. конь, 436.
Канъ-суй-чэнъ, грд., 314.
Карабиха, деревня, 438.
Кара-гуджа, сел., 296.
Кара-дабанъ, хр., 331, 334.
Кара-корумъ, грд., 27.
Кара-корумъ, хр., 393, 394.
Кара-кошунъ, мѣстн., 436.
Кара-кумъ, пески, 303.
Кара-кутэръ, древн. укр., 7.
Карамукчи, ур., 209.
Кара-талъ, оз., 331.
Кара-тюбе, оаз., 222.
Кара-уткуль, уроч., 180.
Кара-ходжа, сел., 282, 296.
Карашаръ, грд., окр., 249, 283, 438, 439.
Карла-нангъ-чу, ур., 14, 66.
Карлыкъ-тагъ, хр., 133, 167, 181, 196, 198, 200, 201, 203, 205, 207, 208, 210, 212, 215, 356, 383, 386, 460, 467.
Карчумакъ, р., 213.
Карынъ, р., 2—5.
Катунъ-голъ, р., 1.
Катунъ-хо, р., 295, 296.
Катунь, р., 63.
Кашаду, мѣстн., 159.
Кашгарія, страна, 168, 355.
Кашгаръ, грд., 81, 138.
Кашгаръ-дарья, р., 465.
Кашмиръ, госуд., 346, 354.
Квельпартъ, островъ, 10.
Кебинъ, р., 166.
Кегенъ, р., 167.
Кендерлыкъ, р., 248.
Керичинъ, р., 311.
Кизылъ-су, р., 465.
Ки-ліень-шань, хр., 110.
Ки-ло-мань-шань, хр., 212.
Китай, госуд., 22, 30, 32, 34, 48—50, 138, 168, 219, 242—245, 254, 256, 259, 261, 262, 267—269, 274, 291, 305, 324, 329, 331, 332, 353—356, 387, 433, 434, 461.
Ки-чанъ-гу, р., 273.
Кичкепе-тагъ, хр., 248.
Кійтынъ, р., 311.
Кобдо, грд., 133, 256, 280.
Кобдо, р., 246, 248.
Кобукъ, р., 435.
Кой-су, р., 166, 167.
Коксунъ, р., 248.
Коксунъ, хр., 434.
Кокъ-Иртышъ, р., 249.
Кокъ-тогай, ур., 249.
Кокъ-шаалъ-тау, хр., 167, 463, 464.
Кокъ-яръ, р., 311.
Колыма, р., 25.
Коменъ-уксюмъ-булакъ, кл., ур., 177, 180, 182.
Кондоленъ, ур., 145.
Контайшинъ городокъ, 299.
Конче-дарья, р., 436.
Копа, р., 167.
Корея, госуд., 10, 61, 62, 243—245, 356.
Корля, грд., 436, 439.
Кошёты-дабанъ, пер., 281.
Кошо-Цайдамъ, ур., 35.
Кошъ-агачъ, ур., 255.
Кранъ, р., 246, 248, 249, 437.
Ку-ань-тай, гора, 145.
Ку-Ирцысъ, р., 439.
Куйтунъ, пик., 289.
Куйтунъ, р., 289, 306, 311—313, 316.
Куйтунъ, сел., 311, 314.
Куку-норъ, обл., 4, 6, 13, 19, 20, 23, 29, 30—33, 37—40, 43, 54, 59, 61, 63, 65, 97, 349, 351, 354, 356, 390, 394, 395.
Куку-норъ, оз., 4, 6, 9—14, 33, 38, 40, 57—60, 66, 67, 69, 70, 71, 73—75, 128, 131, 135, 142, 344, 395.
Куку-хото, грд., 133.
Кукэ-норъ, см. Куку-норъ, оз.
Кукэ-сана-ола, хр., 162, 171—173.
Кульчжа, грд., обл., 128, 258, 267, 315, 336, 338—341, 435, 473.
Кульчжинскій районъ, 334.
Кумъ-булакъ, р., 331.
Кунгей, хр., 166.
Кундуленъ-голъ, р., 145.
Купъ-ухусенъ-булакъ, р., ур., 182, 184.
Кунь-лунь, хр., 111, 168, 197, 289, 344, 354, 383, 393, 394.
Курамъ-ташъ, ст., 459.
Курлыкъ-норъ, оз., 70.
Курля, грд., 168, 221 (см. Корля).
Курту, р., 248.
Курукъ-тагъ, хр., 249, 437.
Куръ-кара-усу, грд., приставство, 311—315, 318, 326, 329, 340, 341.
Куръ-хэ, р., 311, 317.
Кутукбай, р., 300.
Куфи, ст., 197.
Ку-юй-чэнъ, грд., 41.
Кыны, р., 240.
Кыркъ-ортунъ, ст., 459.
Кырчумакъ, р., 213.
Кэ-да-тинъ-цзы, ур., 209.
Кэ-лань-чжоу, грд., 127.
Кэ-ло-мѣй, р., 180.
Кэнтэй, хр., 354—356.
Кэ-хань-фоу-ту, ур., 278.
Кюй-ли, грд., 335.
Кюйли, гора, 167.

Ладакъ, влад., 50, 354, 355.
Ламбахъ, р., 311.
Ланъ-синъ-шань, гора, 183.
Лань-чжоу-фу, грд., 4, 20, 127, 345.
Лаосъ, стр., 245.
Лао-ху-ши, пер., 106, 112, 115, 128, 129.
Лао-цао-гоу, сел., 300.
Лао-чэнъ, грд., 309, 314.
Лао-шань-хо, р., 302, 306.
Лао-шань-цзы, сел., 302.
Лапчукъ, оаз., 222.
Ласса см. Лхасса.
Лахунская долина, 157.
Лемджинъ, сел., 473.
Ли-бо-шэ-чэнъ, грд., 180.

Ливійскій кряжъ, 157.
Ли-н-до-гянь, р., 297.
Линъ-гуань, грд., 22.
Линъ-гузэ, удѣлъ, 466.
Линъ-чжоу, древн. грд., 34, 37.
Линъ-шуй, р., 106.
Линь-ань, грд., 461.
Линь-шуй-хэ, р., 106, 109, 121, 125
Литанъ, грд., 36.
Ло-ба-чэнъ, кол., 156, 162, 183, 191, 231.
Ло-ба-чэнъ-шань, гора, 191, 193, 194.
Лобъ, разв. грд., 433.
Лобъ, ур., 249, 436.
Лобъ-норъ, оз., 127, 335, 433, 437.
Ло-дунъ, ст., 224.
Локлонъ, пик., 298.
Локлонъ, р., 295, 297, 298, 331.
Ло-тай, разв., грд., 433.
Ло-тай, р., 265, 296.
Лёто, пикъ, 77.
Лото, пикъ, 77, 78.
Лото, р., 77.
Ло-то-бо, пр., 289.
Ло-то-и, сел., 303.
Лоу-са-гу, р., 273.
Ло-я-гу, хр., 165, 166, 188.
Лу-ганъ-чанъ, гора, 201, 202.
Лу-гуань-линъ, хр., 127.
Лугуланъ, р., 298.
Лукчунская котловина, 223.
Лукчунъ, грд., 458.
Лунъ-вань-мяо, пик., 330.
Лунъ-ту-хэ, р., 107.
Лунъ-цюань, гостинница, 278.
Лунъ-цюй-дао, островъ, 10.
Лунь-тай, древн. грд., 296, 297, 458.
Лунь-тай, древн. грд. (В. Турк.), 335.
Лу-цо-гу, дол., 174, 176, 186.
Лу-цо-гу, кл., 156, 162, 173—175, 177, 182, 184, 185, 187, 231, 234, 474.
Лу-цо-ку см. Лу-цо-гу.
Лу-чжа-дунь, кол., 156, 162, 171, 172, 231, 233.
Лу-чжанъ, ур., 473.
Лу-чжа-цзинъ, хр., 165, 169, 170, 172.
Лу-чжа-чжинъ см. Лу-чжа-цзинъ.
Лхадо, удѣлъ, 466.
Лхасса, грд., 24, 33, 55, 346, 394.
Лхобракъ, р., 303.
Лэ-ба-цюань, ст., 282.
Лэу-лянь, влад., 222.
Лю-бэнъ-дабанъ, пер., 117.
Лю-гоу, укр., 160.
Лю-гу, дол., 278.
Лю-цзинъ-цза, кол., 156, 162, 166, 188, 231.
Лю-цзинъ-шань, хр., 188—190.
Лянжа-сань, пер., 3.
Лянци-карла, ур., 13, 14.
Лянъ-хуай, солян. окр., 332.
Лянъ-ху-хэй-гуань, кум., 274.
Лянъ-чжоу, грд., окр., 31, 34, 39, 79, 90, 125, 127.
Лянъ-чжэ, сол. окр., 332.
Ляо-дунъ, древн. укр., 53.
Ляо-дунь, р., 224.
Ляо-дунь, ст., 223—226, 228, 231, 233, 282, 473.
Ляо-си, древн. укр., 53.
Ляо-цао-гоу, сел., 335.

Ма-гэ-чэнъ, р., 142—144, 154.
Ма-дунь, кл., 195.
Ма-дунь-шань, хр., 196, 200—204.
Мазаръ-тагъ, гряда, 207, 209, 211.
Мази, удѣлъ, 55.
Мазуръ, удѣлъ, 55.
Ма-кай, пустыня, 205.
Малайскій архипелагъ, 245.
Малая Азія, 354, 356.
Малая Бухарія, 57.
Мали-Мори, пер., 73—75.
Ма-линъ, пер., 107.
Ма-линъ-шань, хр., 107, 108.
Малый Тибетъ, 353.
Малый Юлдусъ, 251.
Ма-лѣ, гора, 181.
Манасскій оазисъ, 303, 305, 307, 312.
Манасъ, грд., 253, 269, 288, 289, 303—306, 314, 340, 341, 435.
Манасъ, кол., 303.
Манасъ, р. (Джунг.), 288, 289, 296, 297, 306, 307.
Манасъ, р. (Бут.), 303.
Манасъ, р. (Дагест.), 303.
Мансаръ, удѣлъ, 466.
Манъ, страна, 22.
Маньчжурія, 53, 268, 331, 332, 354, 384, 385.
Мао-ню-коу, дол., 22.
Марка-куль, оз., 434.
Маръ-Хамсъ, стр., 36.
Ма-суй-хэ, р., 106, 112, 114, 116.
Ма-ти-сы, мон., 110.
Ма-цзунъ-шань (Бага—), хр., 169, 173—177, 179, 184—187.
Ма-цзунъ-шань (Ихэ—), хр., 140, 174—179, 181—185, 190.
Ма-цзунъ-шань-голъ, р., 182, 183.
Ма-чё-цзы, разв. грд., 297.
Ма-чу, р., 1.
Ма-чэ-цзы, разв. грд., 297.
Ма-щуй-хэ, р., 106, 112.
Межерюмъ, р., 240.
Меконгъ, р., 466.
Меридово озеро, 157.
Мерку, сел., 208.
Миннагара, грд., 23.
Минъ-маралъ, р., 468.
Минъ-чжоу, грд., 49.
Минь-ху, арыкъ, 312.
Минягъ, царство, 36.
Ми-чжи-сянь, грд., 127.
Могай, сел., 195.
Могулистанъ, влад., 275.
Могутунъ-голъ, р., 153, 155, 156, 166.
Мо-гу-тунъ-цзы Адыкъ, сел., 152, 157.
Мо-гя-янь-цзэ, сух. русло, 205.
Мо-минъ, грд., 147, 182.
Монголія, стр., 16, 30, 51, 133, 205, 237, 268, 269, 331, 332, 348, 349, 351, 386.
Монгуту, пер., 298.
Мори-чу, р., 75.
Моро, сел., 241, 292, 467.
Моръ-гол'ская гряда, 207.
Моръ-голъ, р., 208.
Моръ-голъ, сел., 156, 206, 209, 211, 231, 233, 474.
Мо-хо, р., 252, 278.
Мо-чэнъ, грд., 146, 147, 177, 182, 196.
Мугоджарскія горы, 251.
Муджикъ, р., 1.
Мудради, ур., 281.
Музартскій ледникъ, 167.
Му-лэй, сел., 241—245, 249, 250, 276, 282, 292, 293, 473.
Мунгаты, пер., 254.
Мури, сел., 241.
Муруй, сел., 241, 250, 276.

Муруй-усу, р., 347, 350.
Мустагъ-ата, горн. массивъ, 393, 394.
Муткымъ-бахъ, ур., 317.
Мынъ-дань-ша, р., 474.
Мынъ-шуй, кол., 195.
Мынъ-шуй, укр., 139, 156, 184, 195—198, 474.
Мынъ-шуй, сух. русло, 195, 197—200, 202, 203.
Мынъ-шуйская котловина, 199.
Мэу-чжоу, окр., 20.
Мэчинъ-ола, хр., 383.
Мяо-эръ-гоу, р., 208.

Нагасаки, грд., 244.
Нагъ-чу, р., 36.
На-дао-гоу, р., 118, 119.
Найманъ-эрдени-ула, пикъ, 90.
Намцо, пров., 19.
Намчинъ-сурва, хр., 73.
Намъ-цзо, оз., 344.
Нань-коу, пер., 6.
Нань-лу, 230.
Нань-чэнъ, кол., 182.
Нань-шань, хр., горн. сист., 13, 28, 29, 31, 34, 37, 39, 61, 63, 65, 78, 82, 89—92, 108—111, 115, 116, 118, 122, 128, 131—134, 139, 142, 146, 168, 230, 344—346, 349—351, 353—355, 383, 385—388, 390, 391, 394—397.
Нань-шань-коу, ущ., 226.
Наратъ, р. 264.
Нарынъ, р., 180.
На-чжи, древн. грд., 222.
Нгари, пров., 53, 346.
Нденп, островъ, 245.
Небесная имперія, 267, 273.
Небесныя горы, 181.
Нилки, р., 337.
Нилха, р., 337.
Нилъ, р., 157, 158.
Нинъ-бэнь, грд., 297.
Нипъ-ся-фу, грд., 37, 57.
Ніаронъ см. Ньягронъ.
Ново-Гебридскіе острова, 245.
Ноинъ-богдо, ур., 196.
Ноинь-хара, хр., 196.
Нойонъ-хара, хр., 196.
Номинъ-мингынъ-гоби, пустыня, 383.
Номскія высоты, 383.
Номъ, оаз., 146, 195.
Номъ, оз., 435.
Норанъ-норъ см. Норинъ-норъ.
Норинъ-норъ, оз., 1, 345.
Норинъ-цо, оз., 345.
Нохай, гора, 248.
Ноху, хр., 65, 67.
Но-янь-кара, хр., 196.
Нурусунь-ола, хр., 151, 183.
Нью-тоу-шанъ, хр., 188.
Нью-чуань-цзе, кл., 156.
Ньягронъ, страна, 36, 55, 56.
Нюръ, ур., 177, 183.
Нюръ-гол'ская долина, 177, 183, 185—188, 190.
Нюръ-голъ, р., 178, 179, 182, 183, 193.
Нюръ-шань, горп. гряда, 162, 177—179, 183—185.
Ню-цзюань-цюань, кл., 277.
Нянь-бо см. Нянь-бэй.
Нянь-бэй, окр., 59.

Оботу, р., 318.
Обо-чэнъ, пик., 78
Обь, р., 396.
Одонъ-куръ, р., 196.
Одонъ-тола (тала), дол., 1, 345, 350, 390.
Олонъ-булакъ, кл., 280.
Олунь-булакъ, кл., 280.
Ононъ, р., 32.
Ордосъ, стр., 29, 38, 53, 56, 237, 461.
Оренбургъ, грд., губ., 251, 354.
Оринъ-поръ, оз., 1.
Орой-джалату, ур., 37.
Орой-джалату-шуй, р., 317.
Ортамскій кряжъ, 216.
Ортамъ, сел., усадьба, 212, 215, 218, 231.
Осочиха, деревня, 434.
Отра-гайма, ур., 223.
Отра-кэ ма, ур., 223.
Отраръ-кемъ, ур., 223.
Отунъ-во, котловина, 228, 229.
Отунъ-го-цзы, кл., 156, 197, 203, 204, 206, 231.
Отунъ-го-цзы, котловина, 228, 239.
Отунъ-го-цзы, ст., 223, 281.
Отунъ-да-дзэ (цзы)-чанъ, кол., 156, 162, 166, 195, 200—202, 231, 234.
Отунъ-да-чуань, солончакъ, 201.
Отунъ-коза, кл., 204.
Отунъ-коза, котл., 228.

Па-баоръ-сы, мон., 89.
Па-баоръ-та-сы, мон., 89.
Па-бао-сань см. Па-бао-шань.
Па-бао-сы, мон., 89.
Па-бао-хэ, долина, 79.
Па-бао-шань, пикъ, 90, 109.
Па-бао-шань, хр., 79.
Палакенти, грд., 23.
Па-линъ-хай, оз., 144, 154, 159.
Па-линь-шань, гора, 142.
Памиръ, горн. стр., 344, 347, 354, 355, 379, 383, 388, 390, 398, 399, 402, 430.
Параулъ-озень, р., 303.
Пекинъ, грд., 127, 267.
Персія, госуд., 40, 354—356.
Петрова ледникъ, 167.
Печь, деревня, 434.
Пиликчи, пер., 337.
Пиличи, пер., 337.
Пиличинская долина, 338.
Пиличинская дорога, 337.
Пиличинъ, пер., 337.
Piritsin, пер., 337.
Пичанъ, грд., 223, 225, 227, 232, 282.
Пичкана-Анчха, р., 316.
По-цянъ, грд., 463.
По-шуй, кол., 190.
Принаньшанье, 41, 138, 160, 231.
Притяньшанье, 216, 224, 231, 240, 249, 257, 259, 275, 289, 294, 298.
Пу-лу, влад., 276, 296.
Пу-лэй, уѣздъ, 276, 279, 283.
Пу-лэй-хэу-го, влад., 296.
Пу-лэй-цянь-го, влад., 276.
Пуртаджи, сел., 316, 318.
Пянь-дао-коу, ущ. 81, 87.

Рако-голъ, р., 350.
Рейнъ, р., 167.
Риттера хребетъ, 65, 66.
Рихтгофена хребетъ, 102, 106—109.
Рона, р., 167.
Русскій Туркестанъ, 205.
Рымъ-пески, 251.
Рынъ-пески, 251.

*

Сайрамъ-норъ, оз., 296.
Саиръ-кпра, р., 222, 311.
Сакастанъ, стр., 23.
Саксай, р., 246—248.
Самаркандъ, грд., 41.
Санджи, грд., 296, 435.
Санджи, р., 289.
Санджи (сист. Локлона), р., 297.
Санта-Крусъ, островъ, 245.
Сантасъ, пер., 183.
Санъ-до-хо, р. 297.
Сань-вэй, мѣстн., 20, 48, 49.
Сань-гоу-чуань-цзы, сел., 241, 292, 293.
Сань-дао-линъ, сел., 223, 282.
Сань-дао-хэ, ст., 308.
Сань-дао-хэ, р., 289, 297, 303.
Сань-дао-хэ, сел., 308.
Сань-коу-чжэнь, ур., 195, 196.
Сань-цу-ли, сел., 222, 282.
Сань-сунь-коу, сел., 156.
Сань-сянь-цзы, горн. гряда. 122, 158.
Сань-тай, сел., 264, 265.
Сань-тэй, сел., 264.
Сань-ши-ли-цюань-цзы, ст., 310.
Сары-джасъ, хр., 167.
Сары-камышъ, ур., 228.
Саулакъ, ур., 209.
Сауръ, хр., 248, 299.
Сахалинъ, островъ, 401.
Сахара, пустыня, 390.
Са-хо, р., 273.
Са-чанза, ст., 197.
Са (Ша)-чжоу, грд., 29, 41, 109, 110, 205, 433.
Саянскій хребетъ, 355, 356.
Саянское нагорье, 33.
Селенга, р., 33.
Селинъ-каръ, грд., 463.
Селинъ-хото, грд., 463.
Семенова ледникъ, 167.
Семипалатинскія степи, 269.
Сетертэ, пер., 468.
Сибирская низменность, 386, 389.
Сибирь, 25, 116, 351, 354, 356, 385, 386, 396, 398, 415, 431.
Сиваликъ, мѣстн., 168.
Сиккимъ, влад., 354, 355.
Си-ло-мань, хр., 467.
Си-Лянъ, княж., 32.
Си-лянь-шань, хр., 111.
Сининская долина, 33.
Сининская область, 58, 90.
Сининскія альпы см. Си-нинъ-шань.
Си-нинъ-фу, грд., 4, 5, 9, 28, 39, 79, 463.
Си-нинъ-хэ, р., 28, 30.
Си-нинъ-шань, хр., 4, 5, 128.
Синъ-синъ-ся, ст., 226, 474.
Синъ-су-хай, долина, 1.
Синъ-сянь, грд., 127.
Синъ-ча-хо, р., 289, 303.
Синъ-чэнъ, грд. кварталъ, 218.
Синь-цзянъ, пров., 258—261, 291, 332, 333.
Синь-чэнъ, грд., 206.
Си-пинъ, грд., 463.
Си-хай, оз., 10.
Си-ху, грд. 258, 312, 314.
Си-хэ, долина, 1.
Си-чжи-шуй, р., 1, 28, 33.
Си-чжоу, окр., 229.
Си-янь, грд., 278.
Си-Янь-чи, ст., 228.
Сіамъ, госуд., 243, 244.
Собо-норъ, оз., 80.
Согдіана, стр., 23, 466.
Сокъ-іёлъ, территорія, 54.
Соломо, р., 1.
Солома, р., 94.
Соломоновы острова, 245.
Солоновка, деревня, 434.
Со-тяо-пу, сел., 294.
Со-ца-хо, р., 264.
Со-чжоу, грд., 127.
Сояфыръ, сел., 295.
Срединная имперія, 33, 34, 324, 325.
Средняя Азія, 24, 42, 51, 139, 157, 189, 225, 251, 348, 383, 389, 393.
Суй-динъ-чэнъ, грд., 473.
Суй-дэ-чжоу, грд., 127.
Суй-лай, грд., 303, 304, 306, 307.
Суй-ѣ, грд., 283, 463—465.
Суй-ѣ, мѣстн., 464—465.
Суй-ѣ, р., 464—465.
Су-лай-хэ, р., 65, 73, 142, 153, 159, 160, 194, 231, 233, 234, 345.
Су-лэ см. Су-лай-хэ.
Су-лей-Нань-шань, хр., 66.
Сумкаго, сел, 220.
Сумукаргай, сел., 220.
Сунъ-панъ, грд., 4, 19, 38, 56.
Сунъ-шань, хр., 237.
Су-цзи, кл., 280.
Су-чжи, кл., 280.
Су-чжоу, грд., 14, 32, 39, 64, 67, 76, 79, 87, 90, 92, 93, 105, 125, 127, 128, 138, 139, 145, 151, 183, 231, 234, 289, 474.
Су-чжоу'ская гряда, 121.
Су-ѣ, грд., 465.
Сы-дунь, кол., 148—151, 155, 233, 234.
Сы-дунь'скій солонецъ, 150, 151, 157, 158, 183,
Сы-ко-шу, сел., 317.
Сы-кошуръ, сел., 317.
Сы-пу, сел., 223.
Сы-пу-ли, сел., 223.
Сыръ-дарьинская низменность, 354.
Сыръ-дарья, р., 23, 24, 28.
Сы-чуань, пров., 19, 20, 23, 29, 37, 49, 56, 332, 353—355, 387—388, 463.
Сы-чуань, сол. окр., 332.
Сы-ши-ли-ды-цзинь-цзы, ст., 310.
Сы-ши-ли-дянь, ст., 310.
Сѣверная Америка, 401, 403, 415.
Сѣверное Чеши см. Чеши С.
Сѣверо-Тэтунгскій хр., 77, 79, 107, 108, 110, 128, 133.
Сѣверо-Тянь-шань'скія горы, 110.
Сѣ-чжоу, окр., 20.
Сюе-дабанъ, пер., 115—117.
Сюнь-хуа-тинъ, грд., 41.
Сю-ша-цзуй, пр., 289.
Сюѣ-шань, гора, 345.
Ся-го, царство, 36, 37.
Ся-коу, ур., 144.
Сянь-би-шань, горы, 53.
Сянь-хай, оз., 10.
Сяо-ши-чжоу, древн. грд., 180.
Сяо-шэ-чжоу, древн. грд., 180.
Ся-чжоу, грд., 37.

Та-бяо-пу, сел., 294.
Тавекъ-кэль, оаз., 229.
Тагнё-дабанъ, пер., 213.
Тагуръ-су, р., 337.
Тай-нинъ-сы, мон., 283.

Талды, р., 338.
Талки, пер., 331, 335.
Тангутское царство, 36, 57.
Тангутъ, госуд., 57.
Танегма, хр., 11, 13.
Танну-ола, хр., 256.
Танъ-ла, хр., 43, 47, 347.
Тао-лай-тай, ст., 226.
Тао-лай-хэ, р., 65, 78, 92, 105, 139, 142, 345.
Тао-лай-цзинъ-тай, ст., 228, 282.
Тао-лай-шань, хр., 108, 109, 143.
Тао-хэ, р., 36.
Тарбагатай, хр., 180, 248, 314, 315, 354—356, 383.
Тарбагатайскій край, 311.
Таримская низменность, 354.
Таримъ, р., 140, 249, 433.
Та-си-хэ, р., 303.
Та-си-хэ, сел., 303.
Татарія, стр., 53, 214.
Тау, сел., 295.
Та-хо-ло, кол., 156, 187.
Та-шаръ, сел., 474.
Та-ши-ту, ст., 239.
Ташъ-булакскія горы, 208, 209, 211.
Тебесгэ, р., 180.
Тексымъ-бомъ, мѣстн., 338.
Телецкое озеро, 63.
Терскей Ала-тау, хр., 66.
Терскей-тау, хр., 167, 464.
Тёшикъ-тагъ, пер., 212.
Тибетъ, 1, 4, 15, 19, 20, 22, 25, 33, 34, 37, 39, 40, 44—46, 48—51, 53—55, 57, 61, 214, 343, 345—348, 350, 352—355, 383, 387—391, 393—396, 398, 402, 412, 415, 424, 431, 437.
Тинъ-чжоу, грд., 275, 276, 278, 279, 297.
Тичино, р., 167.
То-бянь, древн. грд., 180.
Тогонское царство, 33, 34, 50, 56, 60, 66.
То-до, ст., 329.
Тодокъ, ст. 311, 329.
Тойли, ур., 336.
Токіо, грд., 244.
Токсунъ, грд., 168, 183.
Токучи, сел., 222, 223, 231.
Тола, ур., 195, 196.
Толай-голъ, р., см. Тао-лай-хэ.
Толай-цюань, ст., 282.
Толай-шань, см. Тао-лай-шань.
Толи, ур., 336, 473.
Толи-булакъ-шуй, р., 336.
Тольё, ур., 336.
Тоскоуръ, р., 337.
Тосту-голъ, р., 316.
Тосунъ-норъ, оз., 40, 345, 390.
То-то-янъ-цзы, ст., 318.
Тоу-дао-хэ, р., 308.
Тоу-пу, сел., 282.
Тоу-пу-ли, сел., 220, 233, 234.
Тоу-тунь, пр., 289.
Тоу-хуанъ-шань, хр., 122.
Тохарестанъ, стр., 28.
То-хо-тай-цзы, гора, 143, 144, 149, 154.
То-ху-лу, грд., 302.
Троицкосавскъ, грд., 267.
Тугуликтай, грд., 301.
Тугурикъ, грд. 301, 302, 341.
Тугурикъ, р., 302.
Ту-ду, ст., 311, 318, 321, 323, 324, 329, 330, 340, 341.
Ту-дунь-цзы, ст., 459.
Туёкъ, сел., 282.
Тузъ-куль, оз., 331.
Туланъ-ортэнъ, пик., 147.
Тунь-ду-хэ, р., 296.
Турачи, сел., 223, 225, 231.
Тургайская область, 354.
Туркестанъ, 354—56.
Турфанская область, 229, 459.
Турфанское княжество, 10.
Турфанское приставство 226.
Турфанъ, влад., грд., 224, 228, 237, 258, 279, 281, 282, 305, 311, 437, 439.
Ту-фи-гуа, ст., 238.
Ту-фэй-гоу, котловина, 238.
Ту-фэй-гоу, ст., 238.
Тхей-хуань-шань, хр., 122.
Тѣ-дабанъ, пер., 143.
Тэнгри-норъ, оз., 19, 344, 353.
Тэнэгэръ, грд., 249, 269.
Тэтунгъ-хэ, р., 66.
Тэу-пу, сел., 282.
Тянь-вэй-цзюнь, древн. грд., 6.
Тянь-ди, древн. грд., 458.
Тянь-цзинь, грд., 267.
Тянь-цинъ-чагань, пикъ, 11.
Тянь-шань, хр., 110, 122, 166—168, 181, 183, 196, 200, 201, 220, 222, 223, 225, 227, 230, 233, 236—238, 245—248, 251, 265, 269, 282, 283, 288, 289, 292, 302, 317, 343, 354—356, 379, 382, 385, 387, 389, 393, 394, 398, 417, 458.
Тянь-шань (Инь-шань), хр., 237.
Тянь-шань'скій край, 274.

У-бо, пер., 81.
У-бо, пик., 76, 78, 80, 92.
Уда-голъ, р., 329.
У-дао-хо, сел., 308, 309.
Удуинъ-голъ, р., 329.
Уй, пров., 54.
Уйгуристанъ, влад., 269.
Уйгурія, влад., 313, 314.
Уйгурское царство, 275.
Oukeke—Iing, пер., 228.
У-ко-шу, сел., 308.
Уланъ-бэ, р., 274.
Уланъ-дзакчуръ, р., 196.
Уланъ-усу, пер., 237, 282, 473.
Уланъ-усу, р., 289, 307, 308, 309, 322.
Уланъ-усу, сел., 308, 341.
Уланъ-энгэрту, кол., 196.
Уласта, р. 310.
Уленгурка, р., 433—435, 439.
Улунъ-булакъ, кл., 280.
Улунъ-чуань, кол., 156, 162, 164, 165, 167, 231.
Улэй, древн. грд., 283.
Улюнгуръ, оз., 434, 437.
Уляссутай, грд., 177.
У-ни-хэ, р., 80, 107, 108.
Уразъ-бай, сел., 338.
Уралъ, р., 251.
Уралъ, хр., 401.
Ургa, грд., 267.
Урумци, грд., 273, 289.
Урумчи, грд., окр., 219, 236, 245—247, 249, 258—260, 264, 269, 271, 272, 274, 275, 278, 280—283, 286, 289, 292, 293, 295, 297, 301, 305, 311, 315, 336, 339—341, 436, 439, 468, 473.
Урумчи, кл., 165.
Урумчійскій уѣздъ, 272.
Урунгу, р., 248, 280, 434, 435, 394.

Уссурійскій край, 354.
Усунь, стр., 26.
У-танъ-цзы-ли, влад., 269.
У-танъ-цы-ли, влад., 269, 468.
Утынъ-аузе, р., 311.
Утунъ-во, ст., 281, 282.
Утунъ-да-чуань, кл., 156, 201.
Утунъ-казы, кл., 204.
Утунъ-оцзы, кл., 156, 204.
Утунь-да-чуань, кл., 201.
Утунь-шань, хр., 200, 201.
Учъ-табанъ, ур., 248, 337.
У-чэнъ, мѣстн., 275, 276.
Ушакъ-талъ, сел., 289.
Ушкъ-тала, сел., 289.

Фанъ-гоби, пустыня, 223, 228, 233.
Фанъ-цзунъ-шань, хр., 180.
Фа-обо, пик., 78.
Фаюмъ, котл., 157.
Фергана, 205, 355, 379, 420.
Фоуканскій уѣздъ, 264, 269, 272.
Фоу-канъ, грд., 249, 266, 269, 270, 271, 273, 278, 292, 296, 297, 467.
Фоу-канъ, грд. къ з. отъ Урумчи, 297.
Фоу-хо, р., 473.
Фо-чэнъ-цзы, хр., 194, 195, 197—199, 201.
Фу-канъ, грд., 266, 269.
Фу-сы-чэнъ, древн. грд., 66.
Фу-цзянь, пров., 332.
Фу-цзянь, сол. окр., 332.
Фу-юань-чэнъ, грд., 252.
Фынъ-сянъ-фу, обл., 49.

Хай-да-чжанъ, р., 266.
Хай-цзи, озерн. ур., 119, 121.
Халха, стр., 33, 34, 39, 146, 256.
Хамаръ-табанъ, пер., 248.
Хами, грд., 128, 138, 183, 197, 203, 209, 216, 218—221, 223, 224, 226—228, 231, 233, 234, 236, 252, 254, 258, 281, 282, 365, 311, 340, 474.
Хамійскій оазисъ, 183, 216.
Хамійскія горы, 110.
Хамійское княжество, 214.
Хамійское приставство, 226.
Ха-мѣй-ли, княж., 38.
Хангай, хр., 33.
Ханъ-саръ, удѣлъ, 55.
Ханъ-тэнгри, пикъ, 167, 463.
Ханъ-хай, стр., 399.
Ханъ-чжоу-фу, грд., 461.
Хань-дунъ вост., влад., 38.
Хань-дунъ западн., влад., 38.
Хань-коу, грд., 267.
Хара-дабасунъ-норъ, оз., 435.
Хара-куто, укр., 7, 8.
Хара-могты, ур., 196.
Хара-мори, р., 11—14, 474.
Хара-норъ, оз., 66, 345.
Хара-тала-эсигэ-норъ, оз., 331.
Хара-тала-эшикъ-норъ, оз., 331.
Хара-хото, грд., 282.
Харашаръ, грд., 464.
Харги, р., 73, 74.
Харгынъ-голъ, р., 73.
Харгэ-чу, р., 73, 74.
Харчечжи-хана-хото, разв. грд., 196.
Харъ-мукъ-чи, сел., 209.
Харюза, пустыня, 225.
Хашиха, р., 8.
Хая, р., 156, 208.
Хива, госуд., 41.
Хинганъ см. Большой Х.
Хласса, грд., 394.
Хоанъ-хэ-до, пров., 10.
Хо-ба-ли, р., 295.
Хо-бу-цзы, грд., 263.
Ходжамъ-булакъ, кл., 209.
Хо-или, р., 208.
Хондулынъ, р., 145.
Хоргосъ, р., 289, 308—310.
Хоримту, кол., 183, 190.
Хоръ, удѣлъ, 50.
Хоръ-ба, влад., 55, 56, 303, 466.
Хоръ-ба, обл., 53, 54.
Хоръ-бира, р., 7.
Хоръ-карпа-шогъ, стр., 466.
Хоръ-хогъ см. Хоръ-ба, влад.
Хоръ-хый-цзе, оаз., 144, 159.
Хоръ-хэ, р., 7.
Хосутай, р., 297.
Хотанская область, 288.
Хотанъ, грд., 107, 230, 289.
Хотуби, р., 300.
Хотукъ-бай, р., 300.
Хотукъ-бій, р., 300
Хотунъ-тамъ, сел., 210—212, 231, 234.
Хоу-лю-вань, ур., 144.
Хоу-Лянъ, влад., 32.
Хоу-тинъ, уѣздъ, 276, 279.
Хоу-чоу, ур., 288.
Хо-хой-цзы, оаз., 144, 159.
Хоу-чжоу, грд., 282, 283.
Хошу, сел., 209.
Хо-янъ-цзы, сел., 318.
Хуай-бэй, соляп. окр., 332.
Хуай-нань, солян. окр., 332.
Хуанъ-хэ, р., 1, 2, 4, 18, 32, 36, 38, 39, 40, 43, 63, 132, 344, 350, 351, 354.
Хуанъ-цао-ху, ур. 280.
Хуанъ-чжоу грд., 463.
Хуанъ-чжунъ, мѣстн., 28.
Хуанъ-шуй (р. Да-тунъ-хэ), 463.
Хуанъ-шуй (р. Синингъ-хэ), 28.
Хуа-хай-цзы, оз., 153—155, 157—159.
Хуа-шу-линь-цзы, ст., 326, 329.
Хубала, р., 273.
Ху-бао-цзэ, грд., 278.
Ху-бу-цзы, грд., 279.
Ху-бэй, пров., 20, 332.
Хуй-сунъ-тологой, островъ, 10.
Хуй-хуй-пу, р., 143, 145.
Хуй-хуй-пу, сел., 141.
Хуй-цзинъ-цзы, ст., 459.
Хуланъ-чанъ, кол., 187.
Хуланъ-шань, хр., 187.
Ху-лоу, р., 153.
Ху-лу-гоу, р., 220.
Ху-лю, пустыня, 29.
Ху-нань, пров., 20, 48, 332.
Хундулэнъ, р., 145.
Хунъ-ё-цзы, пер., 5.
Хунъ-лу-чэнъ, кл., 184, 193
Хунъ-лю-канъ, ур., 209.
Хунъ-лю-цзинъ, кол., 182.
Хунъ-хуа-энь-цзы, сел., 152.
Хунъ-шань, хр., 175.
Хунъ-шань-цзуй-цзы, ущ., 294.
Хунь-шань-цзя, укр., 141.
Хуста, р., 297, 306.
Хуста (р. Нилки), 337.
Хутайяй, р., 299.

Ху-тинъ-цзы, разв., 8.
Хутубей, р., 300.
Хутуби, грд., 271, 273, 297, 330—302, 340, 341.
Хутуби, р., 289, 298—301, 331.
Хутукбай, р., 300.
Хутукъ-бай, р. 300.
Хутукъ-би, р., 300.
Ху-ху, грд., 283.
Хухэ-тологой, хр., 142.
Хый-хо, долина, 94, 98, 108, 111, 130.
Хый-хо, р., 65, 79, 80, 88—92, 94—98, 105—109, 111, 136.
Хэ-дунъ, сол. окр., 332.
Хэй-гоу, р., 271, 272.
Хэй-гоу-танъ, пик., 278.
Хэй-хо, р., (Бабо-хо), 80.
Хэй-хо, р. (Эцзинъ-голъ), 80, 81, 89, 90, 92, 109.
Хэй-шань, хр., 122, 139, 141, 143, 149.
Хэ-нань, обл. (Ордосъ), 461.
Хэ-нань, пров., 332.
Хэ-си, пров., 22, 28, 30, 32—35, 39, 49, 62.
Хэу-тинъ, окр., 296.
Хэ-янь-цза-шанъ-ху, арыкъ, 312.
Хюсюнь, влад., 24.

Цаганъ-Богдо, хр., 196.
Цаганъ-тохой, ур., 196.
Цаганъ-усу, р., 317.
Цаганъ-усу, ур., 335.
Цаганъ-усу, ур. (Зап. Монгол.), 247.
Цаганъ-хада, остр., 10.
Цаганъ-чулу, кл., 184, 193.
Цаганъ-чэнъ, разв., 8.
Цайдамъ, мѣстн., 4, 39, 57, 344, 345, 352, 390, 394, 395.
Цайцза-голъ, р., 12, 66.
Цака, оз., см. Царинъ-норъ.
Царинъ-норъ, оз. 1.
Царинъ-цо, оз., 345.
Центральная Азія, 65, 82, 116, 223, 227, 251, 317, 318, 319, 321, 322, 328, 333.
Центральная Монголія, 133.
Цервареръ, островъ, 11.
Цетеръ, пер., 74.
Цетырты, пер., 337.
Цзай-гэ-цзинъ, оз., 155, 159.
Цзамбо, дол., 48, 50, 53, 61, 344.
Цзанъ, пров., 54.
Цзи-му-са, грд., ур., 263, 276, 277, 279, 284, 285.
Цзинъ-тоу-гай, хр., 142.
Цзинъ-хэ, гр., 311, 323, 329, 330, 334—336, 340.
Цзинъ-хэ, р., 322, 334, 336, 473.
Цзинъ-юань-чэнъ, грд., 250.
Цзинъ-янъ-линъ, хр., 109.
Цзинь-мань, грд., окр., 249, 276—279, 467.
Цзинь-фо-хэ, р., 120.
Цзи-цзи-тай, ур., 226.
Цзи-ши-шань, хр., 36.
Цзюй-гу-чэнъ, воен. посел., 250.
Цзюй-янь, древн. грд., 145.
Цзянъ-си, пров., 332.
Цзянъ-су, пров., 332.
Цзянь-цзюнь-голъ, р., 473.
Цзянь-цзюнь-тэ, разв., 8.
Цзяо-хэ, грд., 277, 278, 283.
Цзя-юй-гуань, кр., 109, 110, 139, 141, 142, 231, 281.
Цзя-юй-гуань-шань, хр., 141, 142, 149.
Ци-гэ-цзинъ-цзы, ст., 229—231, 234, 236.
Ци-гэ-цзинъ-цзы, хр., 185, 193—195.
Ци-лянь-шань, хр., 102, 105, 108—112, 116, 117.
Ци-му-са, грд., ур., 263.
Цинхочжанское городище, 297.
Цинъ-суй-чэнъ, грд., прист., 314, 329.
Цинъ-хай, оз., 10.
Цинъ-хо-цюань, разв., 297.
Цинъ-чжоу, грд., 37.
Цинъ-шуй-цюань, дол., 288.
Цинъ-янъ-фу, грд., 37.
Цинь, удѣлъ, 21.
Цинь, царство, 30, 31.
Цинь-чжоу, грд., 30.
Ци-тай, грд., 249—251, 276, 293, 467.
Ци-тай'скій оазисъ, 249, 251.
Ци-тай'скій уѣздъ, 226, 239, 264.
Цитерты, пер., 337, 468.
Цокъ-Гумбумъ, оз., 11.
Цо-Нгонь-бо, оз., 11, 59.
Цонъ-хомь-бо, оз., 11.
Цо-онь-бо, оз., 11.
Цорнинъ, остр., 10, 11.
Цы-ни-цюань, сел., 265, 266.
Цытерты, пер., 336.
Цэртэнъ, пер., 74.
Цюй-ли, грд., 335.
Цюй-сянь, влад., 38.
Цюнъ-цзы, оаз., 125.
Цянь-тинъ, грд., 279.
Цянь-фо-тунъ, пещера, 284.

Чаганъ-тологой, древн. укр., 7.
Чагань-хада, островъ, 10, 11.
Чагрынъ-гол'ская долина, 133.
Чагрынъ-голъ, р., 80, 133.
Чакалыкъ, ур., 437.
Чакыръ-дабанъ, пер., 215.
Чакыръ-су, р., 337.
Чалкодю-су, р., 167.
Чамдо, княж., 45.
Чан-го удѣлъ, 53.
Чангъ, пров., 53.
Чанъ-ань, грд., 34.
Чанъ-бала, древн. грд., 296, 297, 309.
Чанъ-танъ, плоскогорiе, 346, 348, 390.
Чанъ-хо-пу, сел., 1.
Чанъ-ху-пу, укр., 1, 3, 4, 128.
Чанъ-цзи, грд., 273, 294—298, 300, 301, 435, 437.
Чанъ-шуй, р., 141, 143.
Чао-цзянь-шань, гора, 143.
Чарлыкъ, ур., 215.
Чарынъ, р., 162.
Чархалыкъ, сел., 433.
Чатыръ-куль, оз., 394.
Чедиръ, р., 12, 66.
Чейбсенъ, мон., 50.
Чемень, р., 436.
Черикъ, пер., 77, 78, 129.
Черикъ, р., 79.
Черный Иртышъ, р., 248, 249, 434, 439.
Четри-шань, хр., 111.
Чеши Сѣверное, влад., 249, 250, 275—277, 458, 467.
Чжала, стр., 36.
Чжанъ-бали, древн. грд., 296.
Чжанъ-балыкъ, древн. грд., 296, 309.
Чжанъ-лу, сол. окр., 332.
Чжанъ-гэнъ-цзы, ур., 209.
Чжанъ-чинъ-цза, сел., 265.

Чжанъ-ё, обл., 28.
Чжанъ-ё, р., 109, 111.
Чжань-туй, стр., 36.
Чжень-хай-инъ, древн. укр., 7.
Чжи-ли, пров., 20, 332, 353.
Чжи-нань-линъ, пер., 80, 92, 107.
Чжи-нань-линъ, пик., 79.
Чжинтай, кол., 182.
Чжинь-янъ-линъ, пик., 79.
Чжиргаланъ, пр., 318.
Чжиргаланъ, р., 317.
Чжи-фу, грд., 267.
Чжи-чжэ-гу, ур., 162, 195—198, 231, 233, 234.
Чжи-чу, р., 33.
Чжоу, царство, 20.
Чжунгарская пустыня см. Джунгарская—.
Чжэ-ло-мань-шань, хр., 212, 467.
Чжэ-лу-чжанъ, укр., 183.
Чжэнь-ву-цзюнь, древн. грд., 6.
Чжэньсійское приставство, 226.
Чжэ-цзянъ, пров., 332.
Чи-гинь-мэнъ-гу, княж., 38.
Чигэ-чинза, ст., 229.
Чи-гэ-чинза, хр., 193.
Чи-гэ-чинъ, оз., 144, 155.
Чи-чэ-чинъ-цзы, ст., 229.
Чиктымъ, сел., 223, 226, 382, 473.
Чиликъ, р., 167.
Чилйкты, дол., 248.
Чингиль, р., 248.
Чинъ-шэнъ-хо, оз., 153—155, 157, 158.
Чипъ-шэнь, грд., 206.
Чирыкъ-каннъ, р., 248.
Чи-та-вань, крёп., 273.
Чи-цзинь-ху, болото, 143.
Чи-цзинь-шань, гора, 143, 149.
Чи-ю-хэ, р., 142, 146, 158.
Чоглу-чай, ст., 223, 228, 230.
Чоглу-чай'ская гряда, 227—229.
Чокагу, сел., 223.
Чокуртай, гора, 433, 438.
Чолъ-тагъ, хр., 227.
Чоль-тагъ, хр., 227, 237, 437.
Чонъ-Асса-шаръ, разв., 229.
Чонъ-колъ, р., 337, 338, 468.
Чорга, ур., 180.
Чу, р., 167, 463, 465.
Чувзанъ, мон., 50, 463.
Чу-во, удёлъ, 55.
Чугучакъ, грд., 258, 260, 267, 294, 295, 311.
Чуйская долина, 463.
Чу-ло-мань, хр., 467.
Чунуцзэ, р., 70.
Чунъ-шуй-шань, пер., 117, 136, 474.
Чэ-гу-лу, ст., 228, 282.
Чэ-ло-мань-шань, хр., 212.
Чюйчжэ, кол., 280.

Ша-бо, древн. укр., 278, 279.
Ша-ва-тоу, ст., 330.
Шаголинъ-Намдзилъ, хр., 65, 66.
Ша-гу, сел., 142, 143.
Шала, ур., 71, 72.
Шала-голъ, р., 73.
Ша-ланъ-гу, р., 283.
Шала-хото, пик., 6—9.
Шальчигай, гора, 248.
Шаманэ, сел., 195.
Шанхай, грд., 255, 267.
Шанъ-гу, древн. укр., 53.
Шанъ-хо-чэнъ, сел., 112.
Шанъ-цзао, пер., 117.
Шань-дань-шань, хр., 79, 109.
Шань-дунъ, пров., 20.
Шань-инь-сянъ, грд., 127.
Шань-ма, древн. грд., 145.
Шань-си, пров., 20, 237, 332, 353.
Шань-чжоу, грд., 463.
Шань-шань, влад., 460, 461.
Шара-ю-гу, удёлъ, 60.
Ша-хо, сух. русло, 205.
Ша-цюань, руч., 331, 334.
Ша-цюань-цзы, ст. (Бэй-шань), 197.
Ша-цюань-цзы, ст. (Джунгар.), 311, 318, 330, 331, 333.
Ша-чжоу, грд., см. Са-чжоу.
Ша-чжоу, княж., 38.
Ши-бэнъ-гоу, кол., 162, 172.
Ши-дунь, сел., 150—152, 157, 231, 234, 474.
Ши-ло-мань, хр., 467.
Ши-ма-гу, р., 249.
Ши-ма-гу, ручей, 272.
Шинъ-ча-хо, р., 303.
Шинъ-шинъ-ся, ст., 226.
Шинь-чэнъ, грд., 205.
Ши-пинъ-коу, кол., 156, 172.
Ши-пу-чэнъ, древн. грд., 6.
Ши-фынъ-ша-хо-цзы, хр., 192, 194, 195, 231.
Ши-хань-шань, хр., 237.
Ши-хо, грд., 258, 259, 296, 311, 314, 439.
Ши-хо, оаз., 312.
Ши-хэй-хэ, р., 153.
Ши-хэ-цзи, сел., 307.
Ши-ци, р., 336.
Ши-шань, хр., 107, 108.
Шона-нор'ская котловина, 223, 233.
Шона-норъ, оз., 227.
Шото-голъ, р., 213
Шото-дабанъ, пер., 213, 214.
Шо-тунъ-хэ, р., 263.
Шу, стр., 21, 22.
Шуанъ-та-пу, сел., 158.
Шуанъ-хэ-ду-ду-фу, намёстничество, 313.
Шуанъ-ча-хо-бу, ур., 278.
Шу-ба-чо, пер., 119.
Шу-во-цза-шанъ-ху, арыкъ, 312.
Шу-дунь, древн. грд., 33.
Шуй-си-чоу, пр., 289.
Шулюстенъ-булакъ, р., 182.
Шупчжа, р., 96.
Шэнъ-ма-чэнъ, грд., 155.
Шэнь-ву-цзюнь, древн. грд., 6.
Шэнь-си, пров., 20, 40, 332.
Шэнь-чи-сянь, грд., 127.
Шэ-хуй, пик., 278.
Шэ-чжэ, дол., 43.
Шюе-дабанъ, пер., 115.

Ырдо-хоза, сел., 265.

Ъ-ма-чуань, дол. (Бэй-ш.), 183, 184, 191.
Ъ-ма-чуань, дол. (Нань-ш.), 79, 111.
Ъ-ма-чуань, кл., 184, 193, 194.
Ъ-ма-шань, хр., 185, 190, 193.
Ъ-нью-хо, дол., 80.
Ъ-ню-хо см. Ъ-нью-хо.
Ъ-шуй, кол., 195, 196.
Ъ-шуй, сух. русло, 195, 197, 202, 203, 204.
Ъ-шуй-шань, хр., 200—202.

Эбей-нуръ, оз., 468.
Эби-норъ, оз., 269, 318, 331.
Эбинъ-гашунъ, оз., 331.
Эбту, гора, 318.
Эбту, р., 318.
Эбтэ, р., 468.
Эктагъ, гора, 62.
Эльбрусъ, хр., 383.
Эмиль, р., 299, 314.
Энтэ, р., 318, 321, 329.
Эрге-хара-бурюкъ, разв., 145.
Эрень-хабирга, хр., 248, 457.
Эрлъ-дао-хэ, р., 308.
Эрчжюсъ-голъ, р., 65, 96—98.
Эръ-гоу, р., 208.
Эръ-дань-хо, р., 143.
Эръ-дао-хо-цзы, оаз., 265.
Эръ-ду-хэ, р., 107.
Эръ-чжу-сы, р., см. Эрчжюсъ-голъ, рѣнъ-хабирга, хр., 248, 308, 436.
Эцзинъ-голъ, р., 28, 34, 65, 67, 75, 78—80, 86, 87, 89, 96, 107—111, 145, 147, 158, 182, 194, 196, 350, 352, 461.

Юань-ху, кл., 280.
Ю-бэй-пинъ, древн. укр., 53.
Югрукъ, р., 94.
Юдпа-голъ, р., 329.
Юебань, влад., 24, 26.
Южная Америка, 401.
Южная Джунгарія, 335.
Южно-Кукунорскій хребетъ, 7, 11, 12, 352, 424.
Южно-Тэтунгскій хребетъ, 65, 66, 73.
Южный Лянъ, влад., 463.
Южный Тянь-шань, хр., 109, 110.
Юй-гу, мѣстн., 38.
Юй-гуань, мѣстн., 139.
Юй-лай, грд., 467.
Юй-линь-фу, грд., 127.
Юй-мынь-гуань, укр., 153.
Юй-мынь'скій округъ, 147.
Юй-мынь-сянь, грд., 146, 151, 159, 160, 197.
Юй-чжоу, грд., 127.
Юй-янъ, древн. укр., 53.
Юнъ-ань-чэнъ, грд., 67, 76, 474.
Юнъ-фу-гоу, имп., 299, 300.
Юнъ-цзы-ху, ур., 336.
Юпъ-чжоу-фу, обл., 48.
Юнь-нань, пров., 332, 333.
Юртъ-арегэ, р., 251.
Юрунъ-кашъ, р., 229.
Ю-санъ-танъ, горы, 1.
Ю-фу-го, имп., 299.
Юё-цзянь, стр., 22.

Ябешэ, р., 222.
Якка-багъ-дарья, р., 417.
Яксартъ, р., 23.
Я-лунъ-цзянъ, р., 466, 467.
Яманъ-бюкъ, лянгеръ, 229.
Я-мынь-шоу, кол., 162, 172, 173.
Янъ-балгасунъ, ур., 289.
Янъ-булакъ, сел., 473.
Янъ-джи-хэ, сел., 309.
Янъ-цзы-цзянъ, р., 15, 48, 50, 344, 354, 387, 398.
Янъ-чанъ-цза, разв., 298, 299.
Янь-дунь, ст., 203, 281.
Янь-дунь'скій протокъ, 194, 196, 200, 201, 203—205, 207, 227.
Янь-хай-цза, оз., 331.
Янь-ци, древн. грд., 283, 464.
Янь-ча-тинъ, грд., 127.
Янь-чжи-шань, хр., 79, 109.
Янь-чи, котловина, 228.
Янь-чи, оз., 228.
Янь-чи, ст., 223.
Яньчинская гряда, 229.
Янь-шуй, р., 229
Яо-чэ, мѣстн., 278.
Японія, 243—245, 354, 356.
Яркендская рѣка, 230.
Яркендъ, грд., 346.
Яръ-хото, разв., 277.
Ярылганъ, гора, 248.
Я-цзу (цзы)-чанъ, кл., 156, 162, 196, 201—204, 231.
Я-цзы-цюань, ст., 282.
Я-цзы-чуань см. Я-цзу-чанъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

РОДОВЫХЪ, ПЛЕМЕННЫХЪ И НАРОДНЫХЪ НАЗВАНІЙ [1]).

Абакъ-киреи, пл., 62, 246, 249.
Авары, пл., 33, 466.
А-дунь, пл., 180.
Аккаракъ, пл., 25, 462.
Аланы, пл., 24, 26, 313.
Амдо-ва, нар., 64.
Амдоскіе монголы, нар., 51, 57—60.
Амдосцы, нар., 57.
Апаръ, пл., 461.
Арбунъ-сумунные калмыки см. калмыки—.
Арійцы, нар., 47, 50.
Аринкъ, родъ, 40, 63.
Аринъ, пл., 63.
Арыкъ, кость, 63.
Асіаны, пл., 23.
Асіи, пл., 23.
Асы, пл., 313.

Багышъ, родъ, 327.
Байланскіе динлины, пл., 37, 60.
Байланскіе цяны, пл., 20, 31, 36.
Байланъ, нар., 31, 32.
Баитъ, кость, 458.
Бальбо, нар., 54.
Батадъ, кость, 458.
Бирманцы, нар., 21.
Би-цэ, пл., 462.
Бо-далда, родъ, 51.
Бо-ма сѣверные, нар., 22, 49, 462.

Ванли, родъ, 56.
Ванчи-тоба, покол., 53, 56.
Wangsht'ah'a, покол., 56.
Ванъ-ши, родъ, 56.
Ваньянь, родъ, 60.
Восточно-туркестанцы, нар., 298.

Гао-гюй, пл., 28, 246.
Гаочанцы, нар., 28.
Гао-чэ, нар., 55.
Голоки см. голыки.
Голыки, нар., 53, 56, 462.
Гуань-жунъ, родъ, 23.
Гунь-чжу, родъ, 23.
Гья-хоры, нар., 50.
Гѣ-цяны, родъ, 49.
Гюаньду, нар., 24.

Далда, нар., 51, 52.
Далда рѣчные см. шуй-далда.
Дамсукъ-монголы, нар., 54.
Дамъ-монголы, нар., 54.
Дансяны, пл., 32, 35—37, 56, 60.
Дахуры, нар., 51.
Джадыкъ, родъ, 248.
Джантекей, родъ, 248.
Джасъ-табанъ, родъ, 248.
Джахоры см. чжахоры.
Джунгары, нар., 246, 298.
Ди, нар., 19, 20, 22, 29—31, 36, 49, 50, 60, 61, 461, 462.
Ди красные, пл., 49.
Ди-вань, родъ, 23.
Дили, пл., 462.
Динлины, пл., 19, 20, 30, 31, 36, 38, 48—50, 61, 62, 462.
Добра, нар., 45.
Докпа см. друпа.
Дёрбёты, пл., 458.
Дравидійцы, нар., 47.
Друкпа см. друпа.
Друпа, пл., 19, 39, 45, 46.
Дукба, нар., 39.
Дунгане, нар., 40, 41, 78, 105, 196, 266, 272, 304, 305, 313.
Дунъ-гоу, пл., 59.
Дунъ-ху, пл., 21, 30, 53, 59.
Дурботы, пл., 247.
Дынчжи, пар., 31, 60.

Египтяне, нар., 157.
Ёгуры, пл., 57, 61, 63.

Жеу-жань, пл., 28, 32, 33, 466.
Жунъ-мани, нар., 23.
Жуны, нар., 20—22, 29—31, 49, 461.
Жуны горные, пл., 21.
Жуны икюйскіе, нар., 21.

Западные жуны см. си-жуны.
Западные цяны, нар., 36, 48.

Идань, пл., 28.
Икюскіе жуны, нар., 21.
Индусы, нар., 50.

[1]) Принятыя сокращенія: *нар.*—народъ, народность; *пл.*—племя; *покол.*—поколѣніе.

Иранцы, нар., 26.
Ители, родъ, 248.
Итэнгмянъ, родъ, 249.
И-цунъ-ху, пл., 28.

Казакъ-киргизы, нар., 249.
Калмаки, нар., 298.
Калмыки, нар., 298, 300, 313.
Калмыки Арбунъ-сумуновъ, пл., 338.
Канглы, пл., 23, 339.
Кангюй, нар., 23, 24, 466.
Карагассы, родъ, 33.
Кара-касъ, родъ, 248.
Кара-киргизы, нар., 24.
Кара-киреи, пл., 246.
Карлыки, пл., 461.
Кинча (K'inc'a), нар., 26.
Киргизы, нар., 16, 25, 62, 246, 257, 328.
Киреи, пл., 245—248, 253, 436, 438.
Китайцы, нар., 21, 22, 37, 39, 49, 57, 78, 105, 196, 243, 257, 304, 305, 313, 317, 326, 328, 335.
Койбалы, родъ, 33.
Кокчулутуны, пл., 438.
Коларіи, нар., 48, 50.
Корейцы, нар., 61, 244.
Красные ди, пл., 49.
Кунь-садыкъ, родъ, 249.
Кунь-садакъ, родъ, 249.
Кызаи, родъ, 337.
Кырхысъ, кость, 63.
Кэмкэмчэ (K'emk'emc'e), нар., 26.
Кэргизы, нар., 314.

Лао, нар., 22.
Линь-ху, нар., 53.
Лэуляньцы, нар., 222.

Ма-мано, пл., 22.
Манц, нар., 48.
Маніакъ, пл., 36.
Маньчжуры, нар., 39, 335.
Мао-ню, родъ, пл., 22.
Маръ-сокъ, нар., 54.
Ма-хари-панака, пл., 40.
Мачинцы, пл., 63.
Меланезійцы, нар., 245.
Меркэтъ, родъ, 248.
Минакъ см. минягъ.
Минягъ, пл., 36, 54, 56, 60, 61, 64.
Ми-хоу, пл., 36.
Мнягъ, покол., 61, 63.
Молку, родъ, 248.
Молху, родъ, 248.
Монголы, нар., 18, 38—40, 43, 49, 50, 54, 57, 61, 87, 140, 143, 145, 147, 150, 157, 158, 177, 246, 256.
Монголы амдоскіе, нар., 51.
Монголы аньдинскіе, нар., 38.
Монголы восточные, нар., 38.
Монголы Дамъ, нар., 54.
Монголы кукупорскіе, нар., 39, 57.
Монголы ордосскіе, нар., 38, 43.
Монголы цайдамскіе, нар., 54.
Монголы чигиньскіе, нар., 147, 148.
Моторы, родъ, 33.
Моунъ, пл., 22.
Мужунь, родъ, 53.
Мукъ, нар., 25.
Мулку, родъ, 248.
Муюнъ, родъ, 30—32.
Мыкъ, нар., 25.

На, покол., 40.
Наги, пл., 40.
Наг-цанъ, покол., 54.
Наг-чу, покол., 54.
Нагъ, покол., 40.
Нам-ру, покол., 54.
Намцо-камба, нар., 46.
Нао, пл., 22.
Нголоки см. голыки.
Непальцы, нар., 54.

Ойраты, нар., 39, 40, 54, 61, 63, 269, 298.
Олёты, нар., 247.
О-ло-чжэ, пл., 462.
Олюты, нар., см. ойраты.
Омукъ, нар., 25.
Остяки, пл., 463.

Панака, пл., 13—18, 40, 56, 61, 63, 66, 78.
Панака Ма-хари, пл., 40.
Панака-сумъ, пл., см. панака.
Полинезійцы, нар., 245.

Сагайцы, пл., 33.
Сакараулы, пл., 23.
Саки, пл., 23, 24.
Салары, нар., 41.
Самоѣды, нар., 33.
Санъ-міао, нар., 31, 48, 49.
Σαράγουροι, пл., 62.
Сарбасъ, родъ, 62, 249.
Сарты, нар., 257.
Сары-уйгуры, пл., 29, 57—59, 62, 467.
Сары-уйсунъ, покол., 62.
Серы, нар., 26.
Си-жуны, нар., 20, 49.
Сирайголы, нар., 57.
Си-фани, нар., 40.
Си-цяны, нар., 28, 48—50.
Сойоты, пл., 62.
Сокъ, нар., 54.
Сокъ-ба, нар., 54.
Сѣ-янто, пл., 461.
Сэ см. саки.
Сюнъ-ну, пл., 461.
Сяньбійцы, нар., 10, 21, 30, 51, 53, 54, 56, 60, 64, 467.
Сяньбійцы-муюны, родъ, 32.
Сяньбійцы-тоба, родъ, 32, 33, 35—37.

Тагалы, нар., 22.
Тагчи, нар., 216.
Тангу, нар., 35.
Тангуты, нар., 19, 21, 35—37, 42, 43, 59, 63, 64, 121.
Тангуты кукупорскіе, 53.
Танчаны, нар., 31, 32, 60.
Танъ-мао, пл., 33.
Таранчи, нар., 264, 299, 305, 313, 328, 338.
Тардуши, пл., 461.
Татары, пл., 62, 237, 257.
Татары алтайскіе, 25.
Татары саянскіе, 25.
Терекъ, пл., 38.
Тибетцы, нар., 2, 8, 19, 21, 22, 31, 33—35, 37, 38, 40, 42—49, 54, 56, 60, 61, 63, 64.
Тибетцы камскіе, нар., 43.
Тибетцы панака, нар., 13—18.
Тибетцы тангаскіе, пл., 43, 47, 48.
Тоба, плем. имя урянх., 248.
Тоба, покол. кук. тиб., 53.

Тоба, родъ, 32, 37, 53.
Тогонъ, нар., 31, 34, 50, 51, 53, 54, 56, 59, 60.
Торгоуты, пл., 39, 177, 248, 253, 269, 314, 317, 326, 336, 434, 438.
Тохары, нар., 23, 28.
Туба, пл., 63.
Тубъ-цзя, родъ, 63.
Тува, пл., 248,
Тугухунь, нар., 10, 31, 33, 37, 58, 59, 61.
Ту-жень, нар., 59.
Тукіэ, пл., 33, 34, 246.
Тукіэ западные, пл., 34.
Тулухуньцы, нар., 58.
Тунгусы, нар., 462.
Туркестанцы, нар., 40, 257, 304.
Турфанцы, нар., 41, 241, 245.
Туфани, нар., 3.
Тухоло, нар., 28.
Тѣлэ, пл., 38.
Тэлэ, пл., 38.
Тюрки, нар., 23, 24, 33, 34, 37, 38, 56, 64, 257.

Уйгуры, пл., 29, 34, 58—64, 246, 296, 298, 309, 313.
Уйгуры-тэлэ, пл., 38.
Уйгуры тяньшаньскіе, нар., 61.
Уйгуры хамійскіе, нар., 41.
Уйратъ, кость, 63.
Урянхайцы, пл., 63, 246, 247, 438.
Урянхайцы енисейскіе, пл., 256.
Усуни, пл, 23, 24, 26, 27, 466.
Ухуаньцы, пл., 21, 32, 53.

Фань-цзы, нар., 35.
Фа-цяны, пл., 33.

Хагасы, пл., 24, 25.
Халхасцы, нар., 39, 140, 177, 182, 195, 247.
Хамійцы, нар., 41.
Хананеи, нар., 124.
Хара-тангуты, нар., 18, 43, 63.
Хачп, нар., 55.
Хмеры, нар., 22.
Хойты, пл., 39, 458.
Хой-ху, нар., пл., 63.
Хой-хэ, пл., 61.
Хорба, нар., 25, 56.
Хоры, нар., 50—57, 60, 61, 64.
Хоры Нагъ-чу, нар., 52.
Хо-чжэ, пл., 462.
Хошоуты, пл., 39, 87, 456.
Ху, нар., 53.
Хуанъ-фань, нар., 59.
Хуари, пл., 60.
Хуй-хэ см. хой-хэ.
Хунны, пл., 21, 23, 26—30, 37, 53, 64, 79, 183, 246, 461.
Хунъ-пу см. хунны.
Хунь-юй см. хунны.
Хюсюнь, нар., 24.

Цаганъ-манголы, нар., 52.
Цзахачины, пл., 247.
Цзѣ-цяны, пл., 49.
Цюань-жуны, пл., 49.
Цюань-и, пл., 49.
Цяны, нар., 20—23, 27, 29—31, 33, 35, 36, 42, 48—50, 61.

Чахары, нар., 60, 338.
Черемисы горные, пл., 462, 463.
Черемисы луговые, пл., 462, 463.
Черекъ, пл., 38.
Черневые татары, нар., 63.
Черные дансяны, пл., 36.
Чжа-мэнгу, покол., 52.
Чжа-сянгунь, покол., 52.
Чжахацинь, покол., 247.
Чжахаръ, покол., 53.
Чжа-хоры, нар., 50—52, 54, 57, 59, 60.
Чжахуры см. Чжа-хоры.
Чжа-широй, покол., 52.
Чжунъ-юнь, пл., 29.
Чжурчжени, пл., 37.
Чигиньцы см. монголы чигиньскіе.
Чи-ди, пл., 49.
Чилэ, пл., 38.
Чиреучи, родъ, 248.
Чій-моинъ, родъ, 249.
Чоросы, пл., р., 39.
Чубаръ айгыръ, родъ, 249.

Шань-жуны, нар., 21.
Шарайголы, нар., 57, 466, 467.
Шара-шарайголъ-тулухуньцы, пар., 58, 59.
Шарэгольцы, нар., 57.
Шато, пл., 34, 37, 64, 237, 246.
Шира-ёгуры, пл., 57, 59.
Шира-уйгуры, пл., 58.
Широнголы, пл., 57, 59, 60.
Шуй-далда, пл., 51.

Ѣда, нар., 28.
Ѣ-фани, нар., 40.

Эльюты см. ойраты.

Юебаньцы, нар., 26, 461.
Ю-жань, нар., 32.
Юй-вынь, пл., 32.
Юэчжи, пл., 23, 27—31, 50.

Янба-чжань, покол., 54.
Яншунскіе цяны, нар., 56, 58.
Янъ, покол., 49.
Яо, пл., 48.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	Страница.	Строка.	Слѣдуетъ читать:
съ нимъ	17	25 сверху	съ ней
тахаровъ	28	18 снизу	тохаровъ
Магулюй	33	30 »	Мугулюй
тюрковъ	37	6 сверху	тукіэ
Маньчжулъ	48	23 »	Миньчжулъ
хорами сѣверѣ	54	4 снизу	хорами на сѣверѣ
Лунцзанъ	58	22 сверху	Лунцзань
»	»	31 »	»
Нянь-шань	61	21 снизу	Нань-шань
Klaprotte	62	21 »	Klaproth
находятся	81	2 сверху	находится
южные хребты	108	9 снизу	южные хребта
тѣснины	119	10 сверху	тѣснинѣ
сухого безплоднаго	120	7 »	сухого и безплоднаго
Ихо-Уланъ	134	2 »	Ихэ-Уланъ
Баба-хо	135	6 »	Бабо-хо
XII вѣкѣ	153	15 снизу	VII вѣкѣ
Lucium	161	6 сверху	Lycium
постиліоценовый	166	8 снизу	постпліоценовый
»	167	15 »	»
»	168	7 сверху	»
»	»	13 »	»
постиліоценовой	»	29 снизу	постпліоценовой
»	»	11 »	»
турскаго	181	3 сверху	туркскаго
на е	196	15 »	наше
Янь-ча	228	4 снизу	Янь-чи
такъ называемыя	257	20 »	такъ называемая
простынные	»	19 »	простынное
ли-цзын'я	259	36 сверху	ли-цзин'я
забыта она	270	10 »	забыты они
ananles	280	3 снизу	annales
мѣпялись	329	26 сверху	смѣнялись
Хуа-ши-линь-цзы	329	33 »	Хуа-шу-линь-цзы
«ко»	332	20 »	«ку»
Dem.	343	10 снизу	Dom.
Saltyrus	356	3 »	Satyrus

Напечатано:	Страница.	Строка.	Следуетъ читать:
Mér.	357	21 снизу	Mén.
»	364	18 »	»
Eudidia	373	2 сверху	Euclidia
Parnuassius	389	13 »	Parnassius
maconis	389	26 »	maeonis
Pricomone	413	таблица	Phicomone

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе къ III тому . . . . . V—VI

ГЛАВА I.

Изъ долины Желтой рѣки къ озеру Куку-нору и вдоль его южнаго берега . . . . . 1—18

Переправа черезъ Желтую рѣку. Возвращеніе въ Чанъ-ху. Потеря надежды на выздоровленіе казака Колотовкина. Выступленіе къ озеру Куку-нору. Мѣстность вдоль р. Карына. Перевалъ Хунъ-ё-цзы. Долина Ашхань-фи. Укрѣпленіе Шалахото. Перевалъ Нань-коу. Хребетъ Жи-юе-шань. Долина Дао-танъ-хо. Бывшія въ ней поселенія. Смерть Колотовкина. Поѣздка брата въ Дань-гэръ. Путь вдоль р. Дао-танъ-хо. Озеро Куку-норъ. Его прежнія названія. Общій видъ Кукунорской котловины. Слѣдованіе вдоль его южнаго берега. Южно-Кукунорскій хребетъ. Встрѣча съ тибетцами—панака. Старшины Анярэ и Гулы. Нѣкоторыя особенности быта и характера панака.

ГЛАВА II.

Къ этнологіи Амдо и области Куку-нора . . . . . 19—41

Вступленіе. Территорія, занятая въ настоящее время тангутами. Народы, населявшіе ту же территорію на зарѣ китайской исторіи: динлины, жуны и цяны. Жуны—народность смѣшаннаго происхожденія. Ближайшіе сосѣди цяновъ: усуни, юэчжи и хунны. Несостоятельность гипотезы Hirth'a о происхожденіи бѣлокураго элемента въ Средней Азіи. Отсутствіе точныхъ свѣдѣній о родинѣ усуней. Тибетское происхожденіе юэчжей наиболѣе вѣроятно. Появленіе на сѣверной окраинѣ Тибета тюрковъ (хунновъ) и сяньбійцевъ. Образованіе Тугухуньскаго царства. Значеніе этого факта для этнологіи края. Событія въ Хэ-си. Появленіе жеужаней. Отсутствіе указаній на ихъ происхожденіе. Тюрки-тукіэ. Тибетцы. Ихъ побѣдоносныя войны съ тугухуньцами. Бѣгство послѣднихъ изъ предѣловъ Амдо и области Куку-нора. Быстрый ростъ могущества Тибетской державы и распаденіе ея отъ внутреннихъ неурядицъ въ 822 году. Появленіе на периферіи Тибетскаго нагорья тюрковъ шато и уйгуровъ. Образованіе послѣдними царства со столицей въ Гань-чжоу. Паденіе этого царства въ 1028 году, и занятіе принадлежавшихъ уйгурамъ земель тангутами царства Ся. Эти тангуты—потомки выселившихся изъ Амдо дансяновъ, народа смѣшаннаго происхожденія, сложившагося главнымъ образомъ изъ тибетскаго и дискаго элементовъ. Дальнѣйшее смѣшеніе ихъ съ обломками различныхъ тюркскихъ племенъ: хунновъ, шато, тукіэ. Чингисъ-ханъ и проникновеніе въ предѣлы Тибета монгольскаго элемента. Первое появленіе восточныхъ монголовъ въ области Куку-нора. Появленіе тамъ же ойратовъ. Завоеваніе ими Тибета. Политика маньчжуровъ и деморализація монголовъ, мало по малу утрачивающихъ свою власть надъ Куку-норомъ, гдѣ утверждаются тибетцы—панака. Переселеніе въ Гань-су выходцевъ изъ иранской Азіи. Дунгане.

ГЛАВА III.

Къ этнологіи Амдо и области Куку-нора (продолженіе). . . . . 42—64

Исторія народныхъ передвиженій до извѣстной степени объясняетъ намъ особенности современнаго типа тангутской народности. Ея ядро—цяны принадлежатъ къ переходному типу между монгольскимъ и малайскимъ. Особенности монгольской расы. Особенности типа ганьсуйскихъ тангутовъ, хара-тангутовъ оз. Куку-нора, тибетцевъ пров. Камъ, тангутовъ верховій Хуанъ-хэ и тибетцевъ Танъ-ла. Характеристика средняго типа тибетца. Характеристика физическихъ особенностей тибетскихъ кочевниковъ (друпа) и уроженцевъ страны Хоръ-ба. Дополнительныя замѣчанія къ этимъ характеристикамъ. Современные тибетцы имѣютъ значительную примѣсь крови бѣлой расы. Гипотезы о ранней метисаціи цяновъ съ дравидій-

СТРАН.

скими и коларійскими племенами. Кавказскія черты лица населенія восточнаго Тибета есть результатъ смѣшенія цяновъ съ бѣлокурыми динлинами. Общій ходъ этнологическаго развитія тибетскаго племени. Время переселенія цяновъ въ Тибетъ. Типъ туземцевъ восточнаго Тибета слагался подъ вліяніемъ примѣси крови бѣлокурыхъ дисцевъ, а не арійской. Разноплеменный составъ населенія покореннаго тибетцами тогонскаго царства. Тогоны были монголами. Доказательства. Долдо—названіе географическое, а не этническое. Населяющіе удѣлъ Долдо монголы, называемые чжахорами,—потомки сяньбійцевъ. Объясненіе слова чжахоръ. Сяньбійцы были носителями имени хоръ. Хоры были монголами, а не тюрками. Невѣрно также отождествленіе хоровъ съ шарайголами: шарайголы не монголы, а уйгуры. Заключеніе. Примѣсь крови дисцевъ измѣнила внѣшность первобытныхъ тибетцевъ, хоры и ойраты повліяли обратно. Физическія особенности уйгуровъ. Роль этого этническаго элемента въ сложеніи типа современнаго тибетца (панака). Кого слѣдуетъ называть тангутами.

ГЛАВА IV.

Изъ бассейна озера Куку-нора въ бассейнъ Эцзинъ-гола . . 65—88

Согласіе хонбу быть нашими проводниками. Путь до Бухаинъ-гола. Измѣненіе первоначальнаго маршрута. Причины тому. Рыба въ Бухаинъ-голѣ. Гроза. Трудная переправа черезъ названную рѣку. Ея размѣры послѣ дождя. Дальнѣйшій путь вдоль сѣв.-зап. берега оз. Куку-нора. Рѣка Дегэ-чу. Рѣка Ихэ-Уланъ. Смѣна проводниковъ. Мой визитъ тибетскому старшинѣ. Дальнѣйшій путь. Рѣка Харгэ-чу. Перевалъ Мали-мори. Спускъ къ р. Датунъ-хэ. Переправа. Монастырь Арикъ-гомба. Мы получаемъ проводника изъ этого монастыря. Черезъ перевалъ Черикъ выходимъ въ долину рѣки Ба-ба-хо. Золотоискатели. Номенклатура долины верховій рѣки Эцзинъ-голъ. Рѣка Ба-бо-хо. Мы слѣдуемъ безъ проводника внизъ по этой рѣкѣ. Наши свѣдѣнія о времени проведенія здѣсь колесной дороги. Долина нижняго теченія р. Ба-бо-хо. Охота на ушастыхъ фазановъ. Гибель одного изъ нашихъ осликовъ. Выходъ на путь Потанина. Долина р. Ба-бо-хо ниже устья ручья Бага-Тонсукъ. Встрѣча съ кукунорскимъ ваномъ. Необыкновенной красоты мѣстность при устьѣ р. Ба-бо-хо.

ГЛАВА V.

Вверхъ по долинѣ рѣки Хый-хо . . . . . 89—111

Выступленіе въ дальнѣйшій путь. Подъемъ на гору при устьѣ р. Хый-хо. Открывшійся съ нея обширный видъ на окрестности. «Гора восьми драгоцѣнностей». Слѣдуемъ вверхъ по рѣкѣ Хый-хо. Удачная охота на ушастыхъ фазановъ. Первый ночлегъ на берегу Хый-хо. Встрѣча съ китайскими солдатами. Переходъ по участку долины, принадлежащему къ числу живописнѣйшихъ уголковъ Нань-шан'я. Встрѣча съ маралами. Дневка. Неблагопріятная для охоты погода. Выходимъ изъ лѣсной зоны. Рѣка Ихуръ. Первый морозъ. Рѣка Эрчжюсъ-голъ. Переправа черезъ р. Хый-хо. Характеръ долины ея верховій. Морозъ усиливается. Обиліе антилопъ. Буранъ. Встрѣча съ дикими яками. Охота на нихъ. Непріятное положеніе, въ которомъ, благодаря туману, очутились охотники. Дальнѣйшій путь. Опять дикіе яки. Снова туманъ. Стрѣльба по неизвѣстному звѣрю. Казаки возвращаются со шкурой медвѣдя. Безрезультатные поиски отставшаго отъ каравана Гассана. Его приходъ на бивуакъ послѣ ночлега въ открытой степи съ отказавшимися идти впередъ ишаками. Непогода продолжается. Трудный переходъ. Встрѣча съ артелью золотоискателей. Среди нихъ находимъ проводника до города Су-чжоу. Послѣдній ночлегъ въ долинѣ р. Хый-хо. Подъемъ на перевалъ Лао-ху-ши. Водораздѣлъ четырехъ рѣкъ. Орографическія и геогностическія особенности мѣстности въ верховьяхъ р. Ба-бо-хо по Обручеву Аналогичная оро- и гидрографическая роль рыхлыхъ отложеній въ верховьяхъ рѣки Хый-хо. Долина верховій р. Эцзинъ-голъ обязана своимъ происхожденіемъ процессу денудаціи. Предложенное Обручевымъ для сѣверной цѣпи Нань-шан'я названіе «хребетъ Рихтгофена» должно быть замѣнено древнимъ — «Ци-лянь-шань».

ГЛАВА VI.

Поперекъ Ци-лянь-шан'я . . . . . 112—137

Спускъ съ перевала Лао-ху-ши. Выходъ въ ущелье р. Ма-суй-хэ. Его описаніе. Дикіе яки. Холодная ночь. Охота на куку-ямановъ. Дальнѣйшій путь. Горныя породы, слагающія ущелье Ма-суй-хэ. Подъемъ на перевалъ Сюе-дабанъ. Перевалъ Шанъ-цзао. Голецъ того же имени. Перевалы Лю-бэнъ-дабанъ и Чунъ-шуй-шань. Дневка на сѣверномъ склонѣ послѣдняго. Результаты предпринятой тутъ охоты. Спускъ въ ущелье На-дао-гоу. Это послѣднее. Трудный подъемъ на перевалъ Шу-ба-чо. Котловина высохшаго мореннаго озера. Древнія моренны.

СТРАН.

Ущелье Вань-сао-хо. Гранитная гряда. Признаки выхода изъ горъ. Снова въ пустынѣ. Ея зной. Ночлегъ въ оазисѣ Цюнъ-цзы. Прибытіе въ Су-чжоу. Свиданіе съ семьей Сплингарда. Французскій путешественникъ Ioseph Martin. Мои воспоминанія о немъ. Извѣстія съ родины. Наше рѣшеніе переформировать караванъ. Характеристика климата пройденной горной страны за вторую половину лѣта съ 16 іюля по 26 августа.

ГЛАВА VII.

По оазисамъ Принаньшанья . . . . . 138—160

Приготовленія къ переходу пустыни. Выступленіе. Кажущаяся близость предметовъ въ пустынѣ. Объясненіе этого явленія. Китайскія церемоніи. Ночлегъ близъ Цзя-юй-гуан'я. Прощаніе со Сплингардомъ. Разсказы о Гобійской пустынѣ. Мѣстность къ западу отъ Великой стѣны. Горы Хэй-шань. Загадочное русло. Рѣчка Ма-гэ-чэнъ. Селеніе Ша-гу. Переходъ котловины Инь-пань-фу-цзы. Пески. Оазисъ. Городокъ Инь-пань-фу. Наши новые спутники. Дорога изъ Юй-мын'я въ Мо-чэнъ. Западная часть оазиса. Бугристые пески. Пустыня. Руслообразный логъ. Колодецъ. Сы-дунь. Окрестная страна съ вершины ближайшаго холма. Сы-дунь'скій солонецъ. Заброшенный колесный путь къ каменноугольнымъ копямъ. Слѣды прежней культуры. Селеніе Ши-дунь. Дневка. Обиліе фазановъ. Камышевое займище. Путь до сѣвернаго рукава Булунгира. Еще нѣсколько словъ объ озерахъ Алакъ-чій, Хуа-хай-цзы и Чинъ-шэнъ-хэ.

ГЛАВА VIII.

Въ Бэй-шань'скихъ горахъ . . . . . 161—186

Оригинальный характеръ поверхности щебневой пустыни. Южное подгорье хребта Бо-сянь-цзы. Его пустынный характеръ и геогностическій составъ. Общій видъ на главный хребетъ. Слѣды разрушенія основной его массы. Сквозное ущелье. Родникъ Улунъ-чуань Состояніе, въ которомъ мы его застали. Выходъ изъ сѣверныхъ предгорій хр. Бо-сянь-цзы. Долина Долонъ-модонъ. Буро-красныя песчано-глинистыя отложенія ея озернаго, а не морского происхожденія и относятся къ новѣйшему времени (постпліоцену). Флора этой долины. Осадки въ Бэй-шан'ѣ. Растительный покровъ этой горной страны. Хребетъ Лу-чжа-цзинъ. Слагающія его горныя породы. Впадины выдуванія. Богатая флора. Колодецъ Лу-чжа-дунь. Первый морозъ. Хр. Кукэ-сана-ола. Слагающія его горныя породы. Встрѣченная здѣсь растительность. Животный міръ Бэй-шан'я. Холмы, примыкающіе къ горному массиву Бабо-шань. Долина Лу-цо-гу. Обо. Рѣшеніе дневать. Хребетъ Бага-Ма-цзунъ-шань. Экскурсія къ хребту Ихэ-Ма-цзунъ-шань. Путь по долинѣ Лу-цо-гу. Долина Нюръ. Ошибка монгола Хомбо. Каменноугольная копь. Вершина Нюръ-гола. Хребетъ Ихэ-Ма-цзунъ-шань. Собранныя о немъ свѣдѣнія. Въ горахъ Бага-Ма-цзунъ-шань. Возвращеніе на бивуакъ въ уроч. Лу-цо-гу.

ГЛАВА IX.

Въ Бэй-шань'скихъ горахъ (продолженіе) . . . . . 187—210

Вверхъ по долинѣ Лу-цо-гу. Гряда Борю-булакъ. Переходъ долины Нюръ. Горныя породы, слагающія окрестныя высоты. Затяжной дождь. Рыхлыя отложенія, относимыя мною къ озернымъ. Болото. Ключъ Лю-цзинъ-цза. Обнаженіе тешенита. Скверная погода. Горныя породы, слагающія хреб. Лю-цзинъ-шань. Открытая мѣстность. Котловина Ванъ-ху-ланъ. Идемъ среди мелкосопочника. Гнейсовая гряда Ло-ба-чэнъ. Болѣзнь верблюда. Дальнѣйшій путь поперекъ хр. Ло-ба-чэнъ. Ключъ Ѣ-ма-чуань. Долина того же имени. Окрестныя горы. Высшая точка всей дороги черезъ Бэй-шань. Водораздѣлъ. Картина, открывшаяся на сѣверѣ. Котловина Чжи-чжэ-гу. Разспросныя свѣдѣнія о путяхъ черезъ Бэй-шань. Наше прощаніе съ нашими спутниками — монголами. Мыншуйскіе золотые пріиски Сухой способъ добычи золота. Мынъ-шуй'ское укрѣпленіе. Хреб. Фо-чэнъ-цзы. Путь до солонца Отунъ-да-цзы-чанъ. Видъ на хр. Карлыкъ-тагъ и окрестную страну съ одной изъ вершинъ Ѣ-шуй-шан'я. Выходъ изъ горъ. Уроч. Я-цзы-чанъ. Янь-дунь'скій протокъ. Уроч. Отунъ-го-цзы. Ливень, породившій силевой потокъ. Пустыня къ западу отъ вышеназваннаго урочища. Гипотеза о вліяніи вѣтра на окраску скалъ и гальки въ пустынѣ. Рѣчка Хо-или. Ташъ-булак'ская гряда. Прибытіе въ Моръ-голъ. Рѣшеніе идти подгорной дорогой въ Хами.

ГЛАВА X.

Южной дорогой . . . . . 211—235

Путь къ Хотунъ-таму. Породы, слагающія западный рукавъ Ташбулакскихъ высотъ. Прибытіе въ сел. Хотунъ-тамъ. Моя экскурсія въ глубь Карлыкъ-таг'скихъ

СТРАН.

горъ. Ущелье р. Агликъ. Перевалы Тёшикъ-тагъ и Тагнё-дабанъ. Ущелье р. Кырчумакъ. Ущелье Шото-голъ. Памятникъ буддизма. Шото-дабанъ. Ванъ-Янь-дэ о баранахъ, разводившихся въ X вѣкѣ въ Хами. Современная порода. Чакыръ-дабанъ, Еки-котёль и Акъ-ташъ-котёль. Видъ съ послѣдняго перевала на Карлыкъ-тагъ и Багдашскую котловину. Остановка въ ханской усадьбѣ. Ханскіе табуны. Выступаемъ въ Ортамъ безъ проводника. Ущелье рѣчки Гаибъ. Наше блужданіе въ немъ. Трудный участокъ пути. Прибытіе въ сел. Ортамъ, а затѣмъ и въ Хами. Суевѣріе китайскихъ извощиковъ. Прощаніе съ Гассаномъ. Нашъ отказъ подарить хану штуцеръ Haedge'a. Выступленіе въ дальнѣйшій путь. Сел. Тоу-пу-ли. Слѣды погрома. Встрѣча съ хамійскими эмигрантами, возвращавшимися на родину. Долина Ябешэ. Сел. Токучи. Участокъ дороги, не пройденный въ передній путь. Фанъ-гоби. Сел. Турачи. Характеръ мѣстности между Турачи и Ляо-дун'емъ и между этимъ послѣднимъ и И-вань-цюань-цзы. Чоглу-чай'скія гряды. Странное атмосферическое явленіе. Топографическая связь между Тянь-шан'емъ и Бэй-шан'емъ. Горныя породы, слагающія Чоглу-чай'скій кряжъ. Котловина Отунъ-во. Станція Ци-гэ-цзинъ-цзы. Тянь-шань—климатическая граница между Нань-лу и Бэй-лу. Характеристика осенняго климата Гобійской пустыни.

ГЛАВА XI.

Снова въ Джунгаріи. . . . . . 236—262

До сего времени неизвѣстный колесный путь черезъ Тянь-шань. Отсутствіе у туземцевъ особаго названія для пониженной части восточнаго Тянь-шан'я. Историческая справка. Общій характеръ ущелья, пересѣкающаго Тянь-щань. Однобокое развитіе этого хребта. Слагающія его горныя породы. Котловина Ту-фэй-гоу. Водораздѣлъ. Восточно-Джунгарское плоскогоріе. Станція Да-ши-ту. Неожиданная встрѣча съ аркарами. Феноменальная крѣпость этихъ животныхъ на рану. Селеніе Сань-гоу-чуань-цзы. Мѣстность между этимъ послѣднимъ и селеніемъ Му-лэй. Бумажный змѣй и обычай пускать его въ Китаѣ, Японіи, Кореѣ и другихъ странахъ востока. Переселеніе киргизовъ-киреевъ изъ Алтая въ Тянь-шань и причины, его вызвавшія. Разселеніе абакъ-киреевскихъ родовъ въ Средней Азіи. Путь до Ци-тай-сян'я. Его прошлое. Пропажа сѣдла, записной книжки и анероида. Безплодные поиски этихъ вещей. Исчезновеніе Койсера. Горе Сарымсака. Рѣдкіе для Центральной Азіи лемминги. Еще о Сарымсакѣ. Русская торговля въ Китаѣ вообще и въ Джунгаріи въ частности.

ГЛАВА XII.

Вдоль сѣверныхъ подгорій Тянь-шан'я отъ Гу-чэн'а до Урумчи . . . . . 263—293

Мѣстность между Гу-чэн'омъ и Джимысаромъ. Столкновеніе съ китайскимъ чиновникомъ. Охота на фазановъ. Прибытіе въ сел. Сань-тай. Писчебумажная фабрика. Участокъ пути между Сань-тай'емъ и Эръ-дао-хо. Сел. Цы-ни-цюань. Встрѣча съ дунганскимъ ахуномъ, направлявшимся въ Турцію. Фоуканскій лѣсъ. Китайская почта. Городъ Фоу-канъ. Его прошлое и настоящее. Пай-лу. Мѣстность къ западу отъ Фоукана. Городокъ Гумуди. Долина Архоту. Общій видъ Урумчи съ вершины ближайшаго холма. Еще о мѣстоположеніи Бишбалыка (Бэй-тин'а). Прибытіе въ Урумчи. Тяньшаньскій нефритъ. Мѣсторожденія золота и другихъ полезныхъ ископаемыхъ. Обычай жечь бумагу на могилахъ усопшихъ родственниковъ. Легенда объ его происхожденіи. Визитъ полиціймейстера. Характеристика осенняго климата южной Джунгаріи.

ГЛАВА XIII.

Вдоль сѣверныхъ предгорій Тянь-шан'я отъ Урумчи до Куръ-кара-усу . . . . . 294—315

Выступленіе изъ Урумчи. Пустыня къ сѣверу отъ него. Приготовленіе къ встрѣчѣ хэбэй-амбаня Эркинэ. Городъ Чанъ-цзи и его прошлое. Гдѣ искать развалины города Лунъ-тай'я? Рѣка Локлонъ. Развалины Янъ-чанъ-цзы. Долина р. Хутуби. Неустановившаяся транскрипція названія этой рѣки. Городокъ Хутуби. Мѣстность между этимъ послѣднимъ и городкомъ Тугурикъ. Манасскій оазисъ. Легенда о происхожденіи этого названія. Городъ Манасъ. Производительность Манасскаго оазиса. Историческія данныя о Манасѣ. Первый рукавъ р. Манасъ. Ея сай. Изъ долины Манасской рѣки въ долину Уланъ-усу. Обиліе воды въ мѣстности, лежащей къ западу отъ сел. Уланъ-усу. Водораздѣлъ между Уланъ-усу и Хоргосомъ. Успенскій о происхожденіи названія Хоргосъ. Селеніе Ань-цзы-хай. Страна къ западу отъ Хоргоса. Р. Куйтунъ. Городъ Куръ-кара-усу. Его прошлое и настоящее.

ГЛАВА XIV.

Послѣдніе дни въ предѣлахъ Китая . . . . . 316—342

Мѣстность къ западу отъ Куръ-кара-усу. Илистый характеръ почвы за рѣкой Джиргалты. Прежніе размѣры оз. Эби-норъ. Прибытіе въ сел. Гурту. Нѣсколько картинокъ изъ жизни на большой дорогѣ въ Западномъ Китаѣ. Селеніе ночью. Постоялый дворъ. Сборы въ путь. Переполохъ, вызванный слухомъ о появленіи киргизскихъ барантачей. Уходъ арбяного каравана. Тограковый лѣсъ. Его характеристика. Особенности тограковаго лѣса къ западу отъ Эптэ. Трусость ямщиковъ. Выходъ изъ лѣса. Китайскій почтарь. Встрѣча съ барантачами. Консерватизмъ китайцевъ. Импань. Времяпрепровожденіе китайскихъ солдатъ въ укрѣпленіяхъ на Бэй-лу. Рѣшеніе преслѣдовать барантачей. Обращеніе китайскаго солдата съ лошадью. Солдаты въ пути. Столкновеніе съ киргизами. Бѣгство китайцевъ и возвращеніе ихъ въ Гурту. Прибытіе туда нашего каравана. Забота китайцевъ о нашей безопасности въ пути. Раннее выступленіе. Путь отъ р. Эптэ до станціи Ту-ду. Скопленіе на этой послѣдней китайскихъ телѣгъ. Рѣшеніе пройти пески въ одинъ день. Первыя версты этого труднаго пятидесятиверстнаго перехода. Организація добычи соли въ Китаѣ и торговля ею. Торговля этимъ продуктомъ въ Синь-цзян'ской провинціи. Эбинорская соль. Мѣстность за ручьемъ Ша-цюань-цзы. Дорога черезъ сѣверный отрогъ Кара-дабана. Городъ Цзинъ-хэ. Его прошлое. Рѣшеніе перейти черезъ хр. Боро-хоро по двумъ переваламъ. Судьба нашихъ барановъ. Путь къ рѣчкѣ Боростай. Ночлегъ въ ущельѣ этой рѣчки. Подъемъ на перевалъ Цитерты. Глубокій снѣгъ. Спускъ въ долину р. Чонъ-колъ. Выходъ въ Илійскую долину. Послѣдній ночлегъ. Прибытіе въ г. Кульчжу. Конецъ путешествія. Обзоръ климатическихъ данныхъ, относящихся къ переходному времени между осенью и зимой.

ГЛАВА XV.

Зоогеографическій характеръ фауны чешуекрылыхъ сѣверо-восточной окраины Тибета . . . . . 343—392

Первыя свѣдѣнія о лепидоптерологической фаунѣ сѣверо-восточной окраины Тибета. Значеніе моихъ сборовъ. Основанія къ выдѣленію этой фауны подъ именемъ ганьсуйской. Границы населяемаго ею района. Характеристика его физико-географическихъ особенностей. Климатъ тибетскаго нагорья. Климатъ области Куку-нора. Климатъ Амдо. Позднее развитіе растительности. Характеристика растительнаго покрова. Фауны чешуекрылыхъ, взятыя для сравненія съ ганьсуйской фауной. Литература. Географическое распредѣленіе видовъ чешуекрылыхъ ганьсуйской фауны. Главнѣйшіе выводы, вытекающіе изъ изученія этого распространенія. Общее заключеніе.

ГЛАВА XVI.

Объ автохтонахъ ганьсуйской фауны чешуекрылыхъ . . . . 393—432

Историческій очеркъ материковаго развитія Средней Азіи. Поворотъ отъ влажнаго субтропическаго къ сухому умѣренному климату въ третичную эпоху. Сліяніе, при посредствѣ Бэй-шан'я, Алтайскаго нагорья съ Тибетскимъ. Переселеніе въ Тибетъ сибирской фауны. Утрата въ послѣдующую эпоху этой связи. Возстановленіе территоріальной связи между западными и восточными частями Тибетскаго нагорья. Тибетъ—центръ распространенія родовъ Parnassius и Colias. Географическое распространеніе рода Parnassius. Его анализъ. Классификація рода Parnassius. Географическое распространеніе рода Colias. Его анализъ. Классификація рода Colias. Прочіе автохтоны Тибета.

Приложеніе I. **Въ поискахъ „бѣловодья“** . . . . . 433—439

Приложеніе II. **Организація каравана** *М. Е. Грумъ-Гржимайло* . . . . 440—448

Приложеніе III. **Геодезическія и астрономическія работы во время экспедиціи.** *М. Е. Грумъ-Гржимайло* . . . . 449—456

Приложеніе IV. **Corrigenda et addenda** . . . . . 457—468

Приложеніе V. **Астрономическія опредѣленія** *М. Е. Грумъ-Гржимайло* . . . . . 469—474

Приложеніе VI. **Списокъ растеній, собранныхъ экспедиціей** . . 475—502

Приложеніе VII. **Списокъ пресмыкающихся, собранныхъ экспедиціей** . . . . . 503—504

Алфавитный указатель именъ авторовъ . . . . 505—508

Алфавитный указатель географическихъ названій . . . . . 509—521

Алфавитный указатель родовыхъ, племенныхъ и народныхъ названій . . . . . 522—524

Замѣченныя опечатки . . . . . 525—526

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

КАРТА

ЭКСПЕДИЦІИ БР. ГРУМЪ-ГРЖИМАЙЛО

въ Западный Китай

(1889-1890 г.)

Составленная по маршрутной съемкѣ

М. ГРУМЪ-ГРЖИМАЙЛО

Листъ первый

ТЯНЬ-ШАНЬ

Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ

Грав. и печат. въ картогр. арт. зав. А.Ѳ.Маркса, С.П.Б.

Листъ второй

БЭЙ-ШАНЬ

Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ

Грав. и печат. въ картогр. арт. зав. А.Ф.Маркса. СПБ.

Лаборатория
аэрофотометода
НИИГАиК
СССР

Грав. и печат. въ картогр. арт. зав. А.Ф.Маркса, С.П.Б.